

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
ПО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИМ
И ИНФОРМАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ ПРОГРАММАМ «РАЗВИТИЕ»
ОБЩЕСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
«ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ И БЕЗОПАСНОСТИ»
ОБЩЕСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ ПО ЕВРОПЕЙСКИМ ИССЛЕДОВАНИЯМ

БЕЛАРУСЬ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

БЕЛАРУСЬ У СУЧАСНЫМ СВЕЦЕ

Материалы
XVIII Международной научной конференции,
посвященной 98-летию образования
Белорусского государственного университета

Минск, 30 октября 2019 г.

МИНСК
БГУ
2019

УДК 327(476)(06)+339.9(476)(06)+34(476)(06)
ББК 66.4(4Бел)я43+65.59(4Бел)я431+67.99(4Бел)я431
Б43

Редакционная коллегия:
доктор исторических наук *В. Г. Шадурский* (пред.);
доктор философских наук *А. М. Байчоров*;
доктор исторических наук *Л. М. Гайдукевич*;
доктор исторических наук *В. Е. Снапковский*;
доктор географических наук *С. А. Хомич*;
доктор исторических наук *М. Э. Чесновский*;
доктор исторических наук *А. В. Русакович*;
кандидат филологических наук *Е. В. Пильгун*;
кандидат политических наук *Е. А. Достанко*;
кандидат юридических наук *А. И. Зыбайло*;
кандидат исторических наук *О. И. Лазоркина*;
кандидат юридических наук *Е. Б. Леанович*;
кандидат экономических наук *О. Ф. Малашенкова*;
доктор исторических наук *В. А. Острога*;
кандидат юридических наук *Л. В. Павлова*;
кандидат юридических наук *Е. В. Бабкина*;
кандидат исторических наук *А. В. Селиванов*;
кандидат экономических наук *Е. А. Семак*;
кандидат исторических наук *А. В. Тихомиров*;
И. А. Ситник

При поддержке проекта COMPASS

Беларусь в современном мире = Беларусь у сучасным свеце : материалы
Б43 XVIII Междунар. науч. конф., посвящ. 98-летию образования Белорус. гос. ун-та,
Минск, 30 окт. 2019 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В. Г. Шадурский (пред.)
[и др.]. – Минск : БГУ, 2019. – 567 с.
ISBN 978-985-566-826-9.

Рассматриваются актуальные проблемы международных отношений, вопросы внешней политики и дипломатии Республики Беларусь, исследуются современные тенденции в развитии международной правосубъектности Республики Беларусь, а также приоритеты и перспективы международного экономического сотрудничества страны.

Адресуется научным работникам, преподавателям, аспирантам и студентам.

УДК 327(476)(06)+339.9(476)(06)+34(476)(06)
ББК 66.4(4Бел)я43+65.59(4Бел)я431+67.99(4Бел)я431

СОДЕРЖАНИЕ

Приветственное слово декана факультета международных отношений БГУ, профессора В. Г. Шадурского	10
--	----

СЕКЦИЯ 1

СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

<i>Абилов И.</i> Интеграционные проекты Турции и Китая на Южном Кавказе (2002-2018 гг.)	12
<i>Бабий А. Д., Фрольцов В. В.</i> Проблемы экономического и политического со- пряжения инициативы КНР «Один пояс – один Путь» и ЕАЭС	15
<i>Ван Фа</i> Китайско-российские отношения в гуманитарной сфере в 2014– 2019 гг.	18
<i>Го Цзиньлун</i> «Один пояс один Путь» предоставляет новые возможности для уничтожения почвы терроризма	21
<i>Демьянович Ю. Э.</i> Роль внешних факторов в преодолении этнорелигиозного противостояния в Боснии и Герцеговине (1992–1995 гг.)	23
<i>Ду Цзюань</i> Сотрудничество между Китаем и Казахстаном в сфере образования в 1992–2018 гг.	30
<i>Журавская О. С.</i> Взаимодействие Беларуси с США в контексте НАТО в 1994 г.	34
<i>Иодчик Б. Г., Шадурский В. Г.</i> Дипломатические отношения Республики Беларусь с государствами Африки	36
<i>Косов А. П.</i> Российское политико-академическое сообщество о проблеме «поглощения» Беларуси Россией	41
<i>Кузьмич С. В.</i> Значимость безъядерного статуса Беларуси для международ- ного сообщества в начале 1990-х годов	46
<i>Курилов К. С., Фрольцов В. В.</i> Восточное партнерство как инструмент внеш- ней политики Европейского Союза	50
<i>Лань Пэнхэ</i> Состояние и перспективы сельскохозяйственного сотрудниче- ства между Китаем и Грузией	55
<i>Лашкевич С. А.</i> Перамір’е 1591 г. паміж Рэччу Паспалітай і Расійскай Дзяржавай і пазіцыя Вялікага Княства	58
<i>Ли Мэн</i> Причины и предпосылки установления дипломатических отноше- ний между КНР и США	61
<i>Ма Джин Юй</i> Позиция Китая в ООН относительно помощи Афганистану в XXI в.	64
<i>Ма Лэй</i> Причины санкций США против компании «Huawei»	68
<i>Малевич Ю. И., Гукасян М. Ж.</i> Деятельность Китая в ШОС по обеспечению безопасности и ее перспективы	71
<i>Пашковская Е. О.</i> Влияние результатов референдума о членстве Великобри- тании в ЕС на Северную Ирландию	75
<i>Романовский Ф. Р., Свилас С. Ф.</i> Деятельность Республики Беларусь по обеспечению информационной безопасности	78
<i>Рубо О. П.</i> Концептуальные основы и механизм реализации политики раз- вития Европейского Союза.....	83
<i>Свилас С. Ф.</i> Об участии Белорусской ССР в создании ЮНКТАД	86

<i>Син Цзе, Володькин А. А.</i> Развитие отношений между Китайской Народной Республикой и Эстонией в 1991–2002 гг.	89
<i>Тихомиров А. В.</i> Балтийско-черноморский союз и «Трехморье» как альтернативные проекты внешней политики белорусского государства	92
<i>Тунлага</i> Культурно-гуманитарное сотрудничество Китайской Народной Республики и Монголии в 2008–2017 гг.	96
<i>Хань Юй</i> Эволюция дипломатии Китайской Народной Республики в отношении Республики Корея	99
<i>Хуан Куньпэн</i> Роль Китая в глобальном здравоохранении	103
<i>Хуан Сюйшэн</i> Сообщества государств в международных отношениях	105
<i>Худайбердиева И.</i> Изучение Центральной Азии в исследовательских центрах Турции	108
<i>Цзян Юймэн, Бычковская О. М.</i> Особенности политики КНР в отношении СССР в 1949-1979 гг.	112
<i>Шарапо А.В.</i> Парламентские выборы в Австрии как отражение общеевропейских электроральных тенденций	117
<i>Ши Даньдань</i> Деятельность офиса ЮНЕСКО в Пекине (2012-2013 гг.)	119
<i>Чжан Юйлин, Малевич Ю. И.</i> Осуществление политики «мягкой силы» Китая в странах Африки	123
<i>Ши Вэй</i> Китайские инвестиции в Пакистан и Афганистан в рамках инициативы «Пояса и пути»	127
<i>Ярмошук К. И., Малевич Ю. И.</i> Характерные черты международного терроризма на современном этапе	130

СЕКЦИЯ 2

РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ И ПРОГРЕССИВНОЕ РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

<i>Будник Я. В.</i> Внесение поправок в международные договоры в рамках Евразийского экономического союза	135
<i>Зыбайло А. И.</i> К вопросу о временном применении международных договоров	140
<i>Лепешков А. Ю.</i> Об особом мнении судей международных судов	144
<i>Мартыненко И. Э.</i> Критерий «выдающаяся универсальная ценность» объектов всемирного наследия и его реализация в законодательстве	149
<i>Фёдорова В. Л.</i> К вопросу о квалификации пыток в практике международных судебных учреждений	154

СЕКЦИЯ 3

ТЕНДЕНЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО И НАДНАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЧАСТНОПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЕАЭС В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ МЧП

<i>Бабкина Е.В.</i> Препятствия на рынке международных автомобильных перевозок ЕАЭС	161
<i>Кудрявец Ю.Н.</i> Правовые аспекты технического регулирования ЕАЭС в контексте определения предпринимательской деятельности	165

<i>Ширинский О.Ю.</i> Требования нью-йоркской конвенции 1958 г. к иностранному арбитражному решению в австрийской практике	170
--	-----

СЕКЦИЯ 4

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА

<i>Газдюк Н. Ю.</i> Редомицилирование (редомициляция) юридических лиц в контексте евразийской экономической интеграции (частноправовой аспект)	173
<i>Журова М. А., Данилевич А. С.</i> Спортивный третейский суд как орган разрешения спортивных споров	177
<i>Леанович Е. Б.</i> К вопросу о ненарушении в праве интеллектуальной собственности	180
<i>Маскаева Н. Г.</i> Возмещение неимущественного вреда юридическим лицам: подходы республики беларусь и зарубежных государств	183
<i>Павловский В. Ю., Леанович Е. Б.</i> Презумптивные подходы в проекте пересмотра коллизионных правил «Restatement Third of Conflict of Laws»	187
<i>Скобей А. Н.</i> Оговорка о публичном порядке в трансграничном банкротстве	189
<i>Сакович И. А.</i> К вопросу о режиме имущества и жилищном статусе сожителей де-факто в праве зарубежных государств	194
<i>Усеня Е. В., Ананич С. М.</i> О некоторых вопросах коллизионного регулирования краудинвестинга	198
<i>Шевченко А. П.</i> О повышении инвестиционной привлекательности Беларуси через совершенствование мер ПОД/ФТ при обращении токенов	202

СЕКЦИЯ 5

РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

<i>Андрощук С. В., Самаль С. А.</i> Общая характеристика внешнеэкономических связей Украины, предпосылки их формирования и факторы их обуславливающие	207
<i>Богатырева Е. А.</i> Анализ основных показателей сферы услуг в Республике Беларусь	211
<i>Ботеновская Е. С.</i> Сопоставление эко-инновационного развития стран	216
<i>Валион О. П.</i> Межрегиональное сотрудничество Украины и Беларуси в современной системе международных экономических отношений	221
<i>Ван Нана</i> Внешнеэкономическая структура и ее характеристики в провинции Хэнань КНР	225
<i>Гаврилко Г. Н., Ши Чжичао</i> Внешняя торговля Китая: современное состояние и пути решения проблем	231
<i>Гаврилко Г. Н., Гэн Шуай</i> Реформа глобальной финансовой системы в контексте устойчивого экономического роста (опыт Китая)	233
<i>Давыденко Е. Л., Чжан ПэнФэй</i> Внешние прямые иностранные инвестиции в условиях «новой нормальности» экономического развития Китая ...	238
<i>Данильчук Д.И.</i> Методология оценки эффективности консалтинговых услуг и ее применение для международных компаний	241

<i>Киселевич А. И., Малашенкова О. Ф.</i> Коммерциализация инноваций: опыт и особенности Франции	248
<i>Кугейко И. В.</i> Механизм исполнения решений в рамках региональных интеграционных организаций	252
<i>Малашенкова О. Ф.</i> Экономические интересы Беларуси в укреплении институциональной базы ЕАЭС	257
<i>Микулко Д. И.</i> Развитие молодежного предпринимательства в университетах	261
<i>Нестерова А. А.</i> Формирование зоны свободного перемещения рабочей силы в КАРИКОМ	265
<i>Палагина А. Ж., Данильчук Д. И.</i> Новый инструментарий регулирования развития человеческого потенциала в мировой экономике	269
<i>Петрашевская А. В.</i> Циркулярная экономика в контексте устойчивого развития	274
<i>Стефанович И. В.</i> Потенциал торгово-экономического сотрудничества между КНР и Республикой Беларусь: оценка и развитие	277
<i>Федотов Л. А.</i> О некоторых общемировых тенденциях в государственном программировании развития сектора ИКТ на национальном уровне	282
<i>Климович Л. А., Скороходова Д. И.</i> Сравнительный анализ опыта Японии и Сингапура по привлечению инвестиций и его значение для Республики Беларусь	287
<i>Хмурович Л. В.</i> Внешнеэкономическая активность предприятий Беларуси: состояние и проблемы	291
<i>Юрова Н. В., Лукашенко В. В.</i> Цифровизация как фактор развития международной торговли	294
<i>Яо Цзяхуэй, Юрова Н. В.</i> Зона свободной торговли как перспективная форма развития торгово-инвестиционного сотрудничества Китая и ЕАЭС.....	297

СЕКЦИЯ 6
ФОРМИРОВАНИЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОГО ТУРИСТСКОГО
КОМПЛЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

<i>Богино Н. И., Стецко В. С.</i> Стратегия продвижения массового событийного мероприятия (на примере II Европейских игр 2019)	301
<i>Борисенко-Клепач Н. М.</i> Классификация стран ЕС по уровню развития инклюзивного туризма	305
<i>Гайдукевич Л.М.</i> II Европейские игры 2019 в г. Минске и социально-экономические результаты их организации	310
<i>Данильченко А. О., Шенец А. А.</i> Прелиминаринг как возможная форма взаимодействия учреждений высшего образования и потенциальных работодателей	312
<i>Дедок В. М.</i> Овертуризм и его последствия: международный опыт	317
<i>Зима М. А., Боровко М. В.</i> Тенденции развития информационных технологий на рынке событийных мероприятий г. Минска	323
<i>Ковалева М. В., Зайцев В. М.</i> Влияние уровня социально-экономического развития стран на международные туристские миграции	327
<i>Костин Д. С., Гайдукевич Л. М.</i> Краудфандинг как элемент развития молодежного предпринимательства в сфере туризма	331

<i>Кулеш С. А., Боровская Е. А.</i> Аспекты формирования команды для работы на выставочном стенде	336
<i>Максименко А. А., Решетников Д. Г.</i> Разработка национального стандарта качества переводческих услуг: зарубежный опыт и возможности для Беларуси	341
<i>Мозговая О. С., Яценко А. В.</i> Анализ зарубежного опыта развития инноваций в сфере туризма	344
<i>Пумбуриди М. Г., Давыденко Л. Н.</i> Перспективы развития туристического бизнеса в еврорегионе «Озёрный край»	351
<i>Путилин А. Г., Фокеева Л. В.</i> Подходы к организации лингвистического обеспечения международных массовых событийных мероприятий	356
<i>Решетников Д. Г., Карнаух Е. А., Решетникова А. Н.</i> Подходы к организации лингвистического обеспечения международных массовых событийных мероприятий	359
<i>Решетникова А. Н., Лопатина Е. А.</i> Туристско-экскурсионный потенциал дворцово-парковых комплексов и замков Беларуси	364
<i>Хомич С. А., Мозговая О. С., Смолей В. С., Мартинович А. С.</i> Применение международных стандартов к оценке конкурентоспособности туристского продукта республики Беларусь	368

СЕКЦИЯ 7

ТАМОЖЕННОЕ ДЕЛО И МЕЖДУНАРОДНАЯ ЛОГИСТИКА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

<i>Болточко П.И.</i> Обеспечение обязанности по уплате таможенных пошлин, налогов: проблематика	375
<i>Кравченко О. А., Острога В. А.</i> Мотивация выбора профессии у слушателей «Школы будущего таможенника» ФМО БГУ	378
<i>Пильгун Т. В., Курадовец О. А.</i> Автоматизированные системы экстренного реагирования при перевозке опасных грузов	382
<i>Сапрыка В. А., Шмигирилова Л. Н., Пастюк А. В.</i> Актуальные вопросы развития таможенной дипломатии в странах ЕАЭС	386
<i>Семенюк Д. П.</i> Совершенствование административной ответственности юридических лиц за административные таможенные правонарушения	389
<i>Цыкунов И. В.</i> Современные реформы таможни – что за ними стоит?	391
<i>Чепик А. А.</i> Правовые основы содействия контролирующих органов таможенным органам, осуществляющим дознание по таможенным преступлениям	396
<i>Шиманская А. В.</i> Перспективы формирования цифрового пространства ЕАЭС: таможенный аспект	399
<i>Ястреб Т. А.</i> Значение транспортных услуг для углубления евразийской интеграции	403

СЕКЦИЯ 8

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ И ОРГАНИЗАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ СВЯЗЕЙ

<i>Аўласенка І. М.</i> Беларускія літаратары аб прафесіі дыпламата	407
<i>Ботян М. М.</i> Польские средства массовой информации о белорусско- российской интеграции	411
<i>Габрильянц В. Р.</i> Научная дипломатия как стабилизация международных взаимодействий	413
<i>Гуринович А. В., Шадурский В. Г.</i> Царство Польское в политике России в период и после Венского конгресса	418
<i>Красимова Е. В.</i> Евразийский экономический союз: вызовы и перспективы..	422
<i>Краснопрошин Д. В.</i> Роль племен в политической системе современной Ливии	425
<i>Кузнецов И. Н.</i> Народная дипломатия в решении сложных политических проблем	428
<i>Лазоркина О. И.</i> Монголия в азиатской одиссее Республики Беларусь	432
<i>Малишевская Г. В.</i> Роль социальных сетей в дипломатической практике ...	436
<i>Русакович А. В.</i> Многосторонняя дипломатия государств-участников Со- дружества Независимых Государств (на примере заседания Совета глав государств в октябре 2019 г.)	441
<i>Слуцкая Л. В.</i> Белорусско-литовское культурное сотрудничество в 2016- 2018 гг.	444
<i>Трошко В. В., Шадурский В. Г.</i> Противоречия шведского нейтралитета в годы Второй мировой войны	448
<i>Франтищук Р. И.</i> Потенциал белорусских мирных инициатив в контексте разрушения Договора о РСМД	452
<i>Циватый В. Г.</i> Дипломатическая практика и система подготовки диплома- тов в США в условиях глобализационных изменений: институциональный опыт для белорусской и украинской дипломатии	456

СЕКЦИЯ 9

ВОПРОСЫ МИГРАЦИИ, БЕЖЕНЦЕВ И ТОЛЕРАНТНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

<i>Вашко И.М.</i> Проблемное поле миграционной политики	462
<i>Горуна Т. А.</i> Правовое положение трудовых мигрантов: евразийский и национальный аспекты	466
<i>Криштаносова Е.А.</i> Модели национальных культурных политик в услови- ях глобализации	470
<i>Павлова Т.Я.</i> Совершенствование правовой политики Европейского союза в отношении различных видов миграции	475
<i>Селиванов А.В.</i> Трансформация международной системы защиты беженцев..	480
<i>Фокеева Л.В., Масленкова Е.В.</i> Образовательная миграция в Республике Беларусь и направления ее регулирования с учетом национальных приори- тетов	485
<i>Joakim Ekman.</i> Political culture in the baltic states	489

<i>Ядченко Е.И.</i> Дискурсивный конструкт «гибридная идентичность турецких мигрантов в Германии»: реконструкция и описание	494
---	-----

СЕКЦИЯ 10
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

<i>Боровская Е. А.</i> Результаты научно-технической деятельности как объекты коммерциализации	500
<i>Власова Г. М.</i> Система прослеживаемости товаров как элемент цифровой трансформации экономики	505
<i>Дынич В.И., Калита Н.А.</i> Формирование ответственного потребителя в контексте обеспечения экономической безопасности	509
<i>Леанович Е. Б.</i> Стратегия безопасности при создании национальных брендов	514
<i>Тарарышкин Ю. В., Тарасов В. И.</i> Интеграция как фактор внешнеэкономической деятельности и элемент экономической безопасности в ЕАЭС	517
<i>Тарарышкина Л. И.</i> Прослеживаемость товаров как инструмент легальной торговли на таможенной территории Евразийского экономического союза .	521
<i>Тарарышкина Л. И., Зайцева В. Д.</i> Вопросы мер административной ответственности за нарушение законодательства об интеллектуальной собственности в ЕАЭС	526

СЕКЦИЯ 11
АРАБСКИЙ МИР

<i>Саллум Ферас Садык.</i> К вопросу о термине «Большой Ближний Восток» ...	531
<i>Сороко П.О.</i> Конкурентные позиции арабских стран на мировом рынке туризма	534

Круглый стол
Люблинская уния

<i>Вабшцевич А.Н.</i> Речь Посполитая в белорусской историографии 1920 – 1930-х гг.	539
<i>Падалінскі У.А.</i> Люблінскі сойм 1569 г. з перспектывы Вялікага Княства Літоўскага	544
<i>Петручук Я.</i> Важнейшие этапы развития польско-белорусских отношений в период распада СССР	548
<i>Павлова Т.Я.</i> Интерпретация люблинского союза в белорусско-польском взаимодействии 1919–1920 гг.	551
<i>Часноўскі М.Э.</i> Традыцыі Люблінскай уніі ў беларуска-польскіх адносінах (1990-я – 2010-я гг.)	557
<i>Мезга Н.Н.</i> Политическое наследие эпохи Ягеллонов в оценках польской и советской межвоенной историографии	563

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

ДЕКАНА ФАКУЛЬТЕТА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ БГУ

ПРОФЕССОРА

Шадурского В.Г.

Позвольте мне от имени руководства и коллектива ФМО БГУ приветствовать вас, уважаемые участники совместного пленарного заседания двух наиболее важных ежегодных научных встреч ФМО БГУ!

Международная научная конференция «Беларусь в современном мире» проводится уже в восемнадцатый раз, а Международная научная конференция «Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам» – в 13-й. Традиционно мы проводим наши мероприятия 30 октября или в близкий к этой дате день, чтобы поздравить друг друга с Днем рождения Белорусского государственного университета. Не за горами столетие родной альма-матер (2021 г.).

Позвольте напомнить, что в проведении конференций деканат полагается на помощь своих постоянных партнеров. Среди них Международное общественное объединение по научно-исследовательским и информационно-образовательным программам «Развитие», Общественное объединение «Центр изучения внешней политики и безопасности», Общественное объединение по европейским исследованиям. И, конечно же, наш спонсор – международный проект COMPASS, координируемый профессором Кентского университета (Соединенное королевство) Еленой Коростелевой.

Как уже не раз повторялось, основная задача конференций проведение смотра научного потенциала ФМО БГУ, инвентаризации достижений и трудностей, дать обзор накопленного за прошедший год опыта (только на БСМ работает 12 секций, выступает с докладами более 200 участников). Для обеспечения работы секций деканат вынужден в этот день снимать аудиторные занятия. Вместе с тем организаторы конференций не планировали и не планируют закрыть их для внешних участников. Они составляют солидную часть докладчиков. Позвольте от нашего пленарного заседания поблагодарить иностранных гостей, представителей других белорусских вузов и учреждений, которые приняли приглашение оргкомитета и подготовили содержательные выступления. Приветствуем наших постоянных докладчиков профессора Т. Пылаеву (Эстония), доктора Д. Весселса (Германия), профессора Е. Воеводу (Россия), доктора Я. Турлуковского (Польша), других наших коллег.

В этом году в качестве главного спикера на ФМО выступает Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Польша в Республике Беларусь Артур Михальский. Тема выступления, предложенная нашим гостем, сформулирована как «Польша – Беларусь: от соседства к сотрудничеству». На наш взгляд, такая постановка проблемы является очень удачным сочетанием аналитического и практического подхода. Надеюсь, что доклад господина Посла послужит для исследователей факультета хорошим сигналом более пристальное внимание уделять странам-соседям, шире и глубже исследовать взаимодействие с ними нашего государства. Логика событий подсказывает, что именно сбалансированные, прагматичные, взвешенные подходы Беларуси к взаимоотношению с Россией, Украиной, Польшей, Литвой и Латвией создают условия для укрепления независимости нашей страны, способствуют успешному решению других насущных проблем.

Автором второго доклада, представленного на пленарном заседании, является профессор Алла Алексеевна Романовская (МГЛУ). Тема выступления «Поликультурный знак возрождения античности» возможно покажется для неспециалистов

немного абстрактной. Однако, на самом деле глубокие мысли, заложенные в выступлении, являются ключом к ответу на многие актуальные глобальные и региональные вопросы.

Разрешите несколько слов сказать об основных научных итогах прошедшего года. Он традиционно был насыщен серьезными результатами. Вышло в свет большое количество научных изданий. На факультете и кафедрах регулярно проводились научные встречи, дискуссии, конкурсы.

Представители ФМО БГУ выступали в качестве организаторов и / или активных участников многих проходивших в Минске крупных экспертных встреч, направленных на анализ внешней политики, в том числе Форум «Минского диалога» (октябрь 2018).

Заметный сдвиг в рамках факультета и университета наблюдается в направлении междисциплинарного сотрудничества. Именно такой формат позволяет объединить в поиске ответов на актуальные вопросы усилия представителей различных научных отраслей и направлений. История науки убедительно демонстрирует, что именно в междисциплинарных исследованиях могут быть достигнуты наиболее значимые достижения. Современная научная сфера постепенно преодолевает наследие прошлого, которое разделило исследовательскую работу на множество отраслей. Некоторые научные структуры по-прежнему зорко следят за тем, чтобы не пересекались границы между отраслями, внутри отраслей. В сложившемся столетиями подходе многое остается логичным и оправданным. Однако, с началом современного этапа научного развития, особенно с прогрессом в IT-сфере, мы слышали о необходимости совместной деятельности медиков и программистов, юристов и т.д. Много наших выпускников сегодня идет именно на работу в IT – компании, вызывая непонимание некоторых людей из-за якобы работы не по специальности.

Можно и дальше обстоятельно говорить о наших достижениях. Однако ситуация требует от нас думать, как двигаться вперед. Я лишь коротко повторю озвученные ранее задачи, стоящие перед коллективом ФМО в сфере НИР.

1. Повышение публикационной активности белорусских исследователей в стране и за ее пределами, в том числе на иностранных языках. Нашим сотрудникам есть что и кому рассказать о Беларуси, ее прошлом и настоящем, о ее проблемах и перспективах.

2. Расширение сотрудничества с государственными органами Республики Беларусь, направленное на поиск и обоснование эффективных ответов на стоящие перед страной внутренние и внешние вызовы. В этом направлении хотелось бы видеть больше заказов на выполнение научных исследований на коммерческой основе.

3. Расширение междисциплинарного сотрудничества белорусских ученых в разработке актуальных научных тем.

Стоят перед факультетской наукой и другие задачи. Хочу еще раз повторить, что много сделано и делается нашими исследователями, но жизнь так устроена, что если не будешь бежать, то серьезно отстанешь. Нам отставать никак нельзя.

Уважаемые участники совместного пленарного заседания! Позвольте еще раз поблагодарить всех вас за интерес к мероприятиям ФМО БГУ, а также пожелать интересной и содержательной дискуссии на секционных встречах.

С уважением и наилучшими пожеланиями!

СЕКЦИЯ 1 СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ ТУРЦИИ И КИТАЯ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ (2002-2018 гг.)

И. Абилов

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 2200030, г. Минск,
Беларусь, igbal.abilov@gmail.com*

В статье рассматривается сотрудничество Турции и Китая со странами Южного Кавказа в рамках различных интеграционных проектов в период с 2002 по 2018 гг., а также влияние на них турецко-китайских отношений. С приходом к власти в Турции Партии справедливости и развития в 2002 г. Анкара приняла участие или реализовала множество проектов в регионе Южного Кавказа, в первую очередь инфраструктурных. В 2013 г. Китай инициировал проект "Один пояс, один путь", важной частью которого себя видят как Турция, так и южнокавказские и центральноазиатские государства, для чего они модернизируют свою логистическую инфраструктуру. Статья исследует перспективы сопряжения китайских и турецких интеграционных проектов на Южном Кавказе.

Ключевые слова: Турция; Китай; Армения; Азербайджан; Грузия; интеграция; газопровод; нефтепровод; инициатива «Один пояс, один путь».

INTEGRATION PROJECTS OF TURKEY AND CHINA IN THE SOUTH CAUCASUS IN 2002-2018

I. Abilov

Belarusian State University, 220030, Nezavisimosti avenue, 4, Minsk, Belarus

The article deals with the cooperation of Turkey and China with the countries of the South Caucasus in the framework of various integration projects from 2002 to 2018, as well as the impact of Turkish-Chinese relations on them. When the Justice and Development Party came to power in Turkey in 2002, Ankara took part or implemented many projects (primarily infrastructure ones) in the South Caucasus. In 2013, China initiated *the One Belt and One Road* project, an important part of which both Turkey and the South Caucasian and Central Asian states see itself and for which they are modernizing their logistics infrastructure. The article explores the prospects for combining Chinese and Turkish integration projects in the South Caucasus.

Keywords: Turkey; China; Armenia; Azerbaijan; Georgia; integration; gas pipeline; oil pipeline; One Belt and One Road Initiative.

Кавказ, и в частности Южный, исторически является регионом противостояния различных региональных, а в последние столетия и глобальных политических акторов. Исключением можно назвать лишь, пожалуй, период существования здесь Советского Союза. Развал СССР воссоздал политическое, экономическое и культурное пространство для инфильтрации новых и старых акторов - Турции, Ирана, Европейского Союза, Соединенных Штатов, а в последнее время и Китая.

Интерес к этому региону в первую очередь обусловлен стратегической ролью Южного Кавказа и его энергетическими ресурсами.

Турция, надо сказать, очень рано, уже в 1990-ые годы начала наращивать объемы сотрудничества со странами региона, но особенных успехов она стала добиваться в период нахождения у власти Партии справедливости и развития, т.е. с 2002 года по сегодняшний день. При ПСР во главе с Р.Т. Эрдоганом внешняя политика Турции претерпела значительные изменения. В первую очередь она характе-

ризуется переходом к концепции неоосманизма, в основе которой лежит идея об "особой роли" Турции в регионах ее исторического влияния (так называемого "османского наследия"). И Южный Кавказ как раз является одним из таких регионов.

Турция стала одним из ключевых торговых и политических партнеров двух государств региона - Азербайджана и Грузии. Усиливает она с ними и военное сотрудничество, систематически проводит совместные военные учения. "Камнем преткновения" в проведении единой южнокавказской региональной политики для Турции является Армения, с которой у нее до сих пор не установлены дипломатические отношения. В 1993 г. после захвата армянскими войсками Кельбаджарского района в ходе Нагорно-Карабахского конфликта Турция в одностороннем порядке закрыла воздушную и наземную границы с Арменией. Кроме Карабахского конфликта, в котором Анкара однозначно выступила на стороне Баку, ее отношения с Ереваном осложнены вопросом квалификации трагических событий 1915 г. (Армения требует признания их геноцидом, а турецкая сторона настаивает на том, что их нельзя характеризовать подобным образом), а также отказом Армении ратифицировать Карсский мирный договор 1921 г., который и оформил нынешние границы между этими государствами.

Анкара пыталась разблокировать свои отношения с Арменией и тем самым раскрыть для себя потенциал Южного Кавказа в полной мере в ходе двух своих региональных инициатив: Платформы стабильности и партнерства на Кавказе и попытки нормализации армяно-турецких отношений в рамках подписанных в 2009 г. Цюрихских протоколов. Однако обе они не увенчались успехом. И Турция вынуждена продолжать действовать в регионе лишь в рамках треугольника Анкара-Тбилиси-Баку.

Несмотря на эту неудачу, Турция успешно развивает свое торгово-экономическое и инфраструктурное присутствие в регионе. В мае 2006 г. в строй вступил нефтепровод Баку-Тбилиси-Джейхан, по которому на международный рынок начала поставляться нефть из азербайджанского месторождения "Азери-Чираг-Гюнешли". А в 2007 году по трубопроводу Баку-Тбилиси-Эрзурум (Южнокавказский газопровод) в Турцию началась поставка природного газа из Азербайджана. 17 марта 2015 г. в г. Карс прошла официальная церемония закладки фундамента Трансанатолийского газопровода (TANAP). Строительство было завершено в 2019 г.

7 февраля 2007 г. Турция, Грузия и Азербайджан подписали межправительственный договор о создании железнодорожного коридора на участке Баку-Тбилиси-Карс. Работы проходили со значительными задержками, но все же железная дорога была торжественно открыта в 2017 году [1].

В 2013 г. Китай анонсировал свой глобальный проект "Один пояс, один путь". Приоритетным направлением китайской политики в регионе является ее место в одном из сухопутных путей из Китая в Европу: новый транспортный коридор через Казахстан, Азербайджан, Грузию и Турцию должен сократить время доставки товаров из Китая в Европу в три раза.

Этот проект оказался интересен всем указанным странам и удачно сопрягался с предпринимаемыми ими ранее усилиями по развитию инфраструктуры: китайские товары позволят полноценно загрузить, как упомянутую железную дорогу, так и другие созданные и создаваемые транспортные хабы. В 2018 году в Азербайджане был открыт порт Алят близ Баку. Также планируется увеличить мощность самого Бакинского морского порта. В Грузии уже имеется 4 действующих порта, а в 2017 г. началось строительство еще одного - первого глубоководного порта Анаклия. 1 января 2018 г. в силу вступил договор о зоне свободной торговли между официальными Тбилиси и Пекином [2], в результате чего Грузия стала первой страной региона, имеющей подобное соглашение и с Китаем, и с ЕС, и с Турцией.

В течение последних лет увеличивался и товарооборот между Китаем и странами Южного Кавказа. Несмотря на такую кажущуюся безоблачность есть и некоторые преграды для совместного китайско-турецкого развития инфраструктурных инициатив.

Во-первых, китайские товары станут серьезным конкурентом турецкой продукции на рынке Южного Кавказа. Во-вторых, в товарообороте между самими странами, который за счет формирования новых, более скоростных путей сообщения, будет только расти, наблюдается серьезный дисбаланс. Например, в 2018 объем взаимной торговли двух стран достиг впечатляющих 23,6 млрд. долларов США (по данным турецкой статистики), но при этом существуют дисбаланс в пользу Китая размером в 18 млрд. долларов (20,7 млрд. долл. США против 2,9 млрд. США) [4; 5]. Дальнейший рост разрыва в этих цифрах не может радовать Турцию. В-третьих, между странами существуют серьезные политические разногласия: еще в 2009 г. Р.Т. Эрдоган назвал политику Китая в отношении уйгуров "фактически геноцидом" [3]. С тех пор, позиция Анкары остается неизменной: она систематически осуждает национальную политику Пекина, т.е. "бьет" по одному из самых болезненных пунктов внутренней политики Китая.

Однако обе страны проявляют заинтересованность в том, чтобы отделять политику от экономики (по меньшей мере, до тех пор, пока это положительно сказывается на их собственной экономике и не ограничивает их политические амбиции), поэтому в экономических взаимоотношениях они закрывают глаза на политические противоречия. Что касается экономической экспансии Китая в регионе Южного Кавказа: она также может быть преодолена, т.к. рынок Азербайджана, Армении и Грузии очень мал для Пекина, и он заинтересован в том, чтобы использовать их (в большей степени неизолированные Азербайджан и Грузию) в качестве "окна в Европу". Китай никак не преграждает южнокавказский путь Турции к странам Центральной Азии - еще одному региону ее стратегических интересов. Поэтому если мы и не станем свидетелями китайско-турецкого тандема на Южном Кавказе, то до тех пор, пока не появятся новые непреодолимые политические или экономические препятствия, обе страны будут не только сохранять нейтралитет в отношении присутствия в регионе друг друга, но и вынужденно будут способствовать этому: Турция, стремясь в регион Центральной Азии, будет развивать свои и поддерживать китайские инфраструктурные инициативы, а Китай, стремясь в Европу, будет развивать свои инфраструктурные и поддерживать турецкие инициативы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Александров Д. Открывается железная дорога Баку – Тбилиси – Карс [Электронный ресурс] // Взгляд. - 30.10.2017. - Режим доступа: <https://vz.ru/news/2017/10/30/893034.html> Дата доступа: 25.10.2019.
2. Грузия рассчитывает на дивиденды от торговли с Китаем [Электронный ресурс] // Sputnik-Georgia. - 29.01.2019. - Режим доступа: <https://sputnik-georgia.ru/economy/20190129/244102307/Gruziya-raschityvaet-na-dividendy-ot-torgovlya-s-Kitaem.html> Дата доступа: 25.10.2019.
3. Erdoğan: Adeta soykırım! [Electronic resource] // NTV. - 10.07.2009. - Mode of access: <http://www.tuik.gov.tr/PreIstatistikTablo.do?istab_id=624>. — Date of access: 25.10.2019.
4. Ülkelere Göre İhracat, 1996—2019 [Electronic resource] // Türkiye İstatistik Kurumu. — Mode of access: <http://www.tuik.gov.tr/PreIstatistikTablo.do?istab_id=624>. — Date of access: 25.10.2019.
5. Ülkelere Göre İthalat, 1996—2019 [Electronic resource] // Türkiye İstatistik Kurumu. — Mode of access: <http://www.tuik.gov.tr/PreIstatistikTablo.do?istab_id=625>. — Date of access: 25.10.2019.

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО СОПРЯЖЕНИЯ ИНИЦИАТИВЫ КНР «ОДИН ПОЯС – ОДИН ПУТЬ» И ЕАЭС

А. Д. Бабий¹, В. В. Фрольцов²

¹⁾ *Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, babiybsu@gmail.com*

²⁾ *Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, vlad.froltsov@gmail.com*

В статье рассматриваются проблемы сопряжения инициативы КНР «Один пояс – один Путь» и ЕАЭС, проведен анализ причин низкой интенсивности этого процесса, связанного с определенными опасениями со стороны России и КНР. Основное внимание уделяется возможным рискам, с которыми могут столкнуться государства–участники евразийского экономического союза. Активизация данного процесса требует последовательных и рационально обозначенных действий со стороны руководства обоих государств, в том числе в сфере безопасности, поддержания и развития национальных производителей товаров и услуг, защите рынков от внешних факторов нестабильности. Сделан вывод о необходимости системного анализа и ревизии имеющихся проблем, а также координации действий государств, которые заинтересованы в таком объединении с учетом открывающихся экономических возможностей.

Ключевые слова: ЕАЭС; Китайская Народная Республика; Российская Федерация; инициатива «Один пояс – один путь»; зона свободной торговли; противоречия; постсоветское пространство.

PROBLEMS OF ECONOMIC AND POLITICAL INTERFACE OF THE INITIATIVE OF THE PRC "ONE BELT – ONE WAY" AND THE EAEU

A. D. Babiy^a, V. V. Froltsov^b

^a*Belarusian State University, Niezaležnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus*

^b*Belarusian State University, Niezaležnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus;
Corresponding author: A. D. Babiy (babiybsu@gmail.com)*

The article deals with the problems of linking the initiative of the PRC "Belt — Road Initiative" (BRI) with the EAEU. The reasons for the low intensity of this process associated with certain fears of Russia and China, were analysed. The main attention is paid to the possible risks that the member states of the EAEU may face. To push this process forward the consistent and rational actions of the leadership of both states are required, including actions in the field of security, promoting and development of national producers of goods and services, protection of markets from external factors of instability. It is concluded that there is a need for a systematic analysis and evaluation of existing problems, as well as coordination between the member states involved, while tackling the arising economic opportunities.

Keywords: the EAEU; the People's Republic of China; the Russian Federation; the "Belt – Road Initiative"; free trade zone; contradictions; Post-Soviet area.

В течение последних лет Китайская Народная Республика заметно усилила свою роль в развитии экономик государств, ранее входивших в СССР. Китай шаг за шагом превращается в ключевого торгового партнера, главного инвестора, а также основного кредитора стран-членов СНГ. Данная тенденция подтверждается проявлением интереса со стороны руководства КНР к возможности сопряжения инициативы «Один пояс – один путь» и евразийского интеграционного объединения.

Одной из целей инициативы Поднебесной «Один пояс – один путь» является институциональное проникновение и освоение рынков этих и многих других го-

сударств в различных регионах мира, а также развитие слаборазвитых районов самого китайского государства [3; 6].

Довольно перспективным представляется партнерство государств-членов ЕАЭС с КНР в реализации той части инициативы «Один пояс – один путь», которая определяется как «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП), по причине схожести интересов. Однако стоит отметить, что данное сотрудничество содержит в себе некоторые потенциальные риски для стран-участниц ЕАЭС. КНР является одной из ведущих экономик мира, и кооперация с проектом такого мощного государства требует предусмотрительности и осторожности при выработке ее стратегии и реализации отдельных этапов сотрудничества [2].

При попытке сопряжения инициативы КНР и ЕАЭС возникли также проблемы, связанные с особенностями интеграции на постсоветском пространстве. Речь идет об отсутствии единой переговорной позиции, в том числе из-за невозможности безоговорочного исполнения регламента ЕАЭС представителями руководства стран-участниц. Такая разобщенность непосредственно влияет на переговоры с КНР [1].

По этой причине стоит отметить несбалансированный социально-экономический процесс развития государств-членов ЕАЭС. Каждая из стран евразийского интеграционного объединения рассматривает возникающие внутрисоюзные проблемы исходя из национальных интересов, прибегая к разным методам их решения.

Возможное объединение двух проектов также имеет некоторые риски для Китайской Народной Республики. Основное направление китайской инициативы – транспортный путь в страны Запада, вследствие чего магистрали, предназначенные для транзита товаров туда, будут ориентированы именно на эту часть света и, следовательно, расположены в западных районах КНР. Северо-восточные провинции Китая будут в этом контексте обделены, как и сопредельные территории России [3].

Еще одной проблемой может стать отсутствие в некоторых странах ЕАЭС эффективного механизма государственного управления и затягивание необходимых решений, направленных на модернизацию экономической сферы государств-членов и улучшение администрирования различных процессов с целью успешной реализации совместного с КНР проекта. Поэтому все участники сопряжения обязаны рассматривать не одни лишь дивиденды, но и учитывать потенциальные проблемы и риски, возможные при налаживании дальнейшего сотрудничества.

В последнее время заметно увеличение доли минеральных ресурсов в экспорте государств-членов ЕАЭС в Китай, однако в структуре импорта из КНР готовая продукция занимает практически весь его объем, что также служит негативным фактором сопряжения для стран постсоветского пространства, которые могут оказаться «сырьевыми придатками» растущей китайской экономики [6].

По этой причине достаточно высокие темпы развития экономических отношений между странами ЕАЭС и КНР способны вызвать конкуренцию между основными субъектами международных отношений в Евразии, так как роль стран постсоветского пространства как сырьевого дополнения и транзитной территории для доступа в Европу китайских товаров не устроит ни Россию, ни другие бывшие республики СССР, хотя именно такое разделение труда наиболее выгодно сегодня для удовлетворения интересов КНР.

Исходя из этого, китайские СМИ считают возможным препятствование развитию инициативы «Пояса и пути» на постсоветском пространстве. Существует убеждение, что если сопряжение инициативы «Пояса и пути» и ЕАЭС поставит под угрозу интеграционные интересы России и постсоветских стран центральноазиатского региона, то российское правительство может оказать сопротивление планам Пекина. Если же сопряжение поможет России сблизиться с государствами

постсоветского пространства, Китай может быть в полной мере уверен в поддержке Москвы [4; 7].

Кроме того, нельзя не отметить, что в настоящее время ЕАЭС уже является полноценным интеграционным объединением, а ЭПШП – лишь инициативой, что может затруднить согласование совместных проектов между партнерами в силу различной степени обязательство двустороннего и многостороннего характера.

Осторожного подхода требует также образование зоны свободной торговли, в которой заинтересована КНР, по причине высокого риска доступа дешевых товаров на рынки стран–участниц ЕАЭС. Необходимо помнить, что инициатива «Один пояс – один путь», в первую очередь, направлена на удовлетворение национальных интересов Китая, увеличение емкости рынков сбыта для товаров китайского производства, вследствие чего одной из очевидных тенденций реализации этой инициативы является повсеместное образование комфортных для КНР торговых зон и расширение путей снабжения китайскими товарами рынков зарубежных партнеров. Данный шаг способен значительно уменьшить конкурентоспособность местных производителей, а также навредить программам импортозамещения, которые в настоящее время активно реализуются, прежде всего, в России [6].

Целесообразно также отметить, что инициатива «Один пояс – один путь» направлена на создание всеобъемлющих зон свободной торговли, в то время как Евразийский экономический союз, напротив, предполагает обеспечение защиты внутреннего рынка интеграционного объединения от непричастных к нему внешних акторов. В идеале должна быть создана свободная от тарифов зона только для государств–участников.

Тем не менее, и для России, и для ее евразийских партнеров по-прежнему привлекательной остается высокая вероятность привлечения прямых инвестиций со стороны представителей государственных и частных компаний КНР, что в перспективе может благоприятствовать развитию географически включенных регионов Российской Федерации, таких, как Дальний Восток, Сибирь, Поволжье.

Недостаточное значение в ходе реализации инициативы уделяется пока вопросам, связанным с угрозами в области безопасности, которые способны нанести значительный ущерб как Шелковому пути, так и евразийскому экономическому объединению. Для обеспечения мира, стабильности и безопасности в регионе, включающей как региональный, так и глобальный уровни, требуется гораздо более тесная и последовательная координация усилий с учетом опыта Российской Федерации и Китайского Народной Республики, включая их сотрудничество в рамках такой международной структуры, как ШОС [5].

Немалое значение имеет вопрос финансирования проекта. Стоит заметить, что на данном этапе осуществление инициативы КНР сталкивается с определенными трудностями. Оно требует весьма значительных затрат. В связи с этим китайское руководство активно привлекает капитал для претворения проекта в жизнь. Выступая на форуме в Пекине в мае 2017 г., Си Цзиньпин призвал западные компании, работающие на территории КНР, принять активное участие в реализации инициативы «Один пояс – один путь».

Однако речь не шла о том, что эти компании столкнутся с серьезной конкуренцией со стороны китайских коллег. Правительство КНР заинтересовано в защите интересов бизнеса своего государства. Поэтому потенциальное участие в реализации китайского проекта вызывает у западных партнеров не только интерес, но и опасения.

В заключение необходимо подчеркнуть, что реализация сопряжения двух интеграционных проектов происходит пока крайне медленно в силу всех вышперечисленных обстоятельств. Активизация этого процесса потребует серьезных усилий как со стороны постсоветских государств – участников ЕАЭС, так и со стороны

правительства КНР. На данный же момент Россия и Китай проводят в отношении сопряжения инициативы «Один пояс – один путь» и ЕАЭС взвешенную, осторожную и поэтому вполне рациональную политику, учитывая как возможности такого рода сотрудничества, так и наличие потенциальных рисков и угроз.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Байчоров, А.М. «Один пояс – один путь» и ЕАЭС: особенности сопряжения / А.М. Байчоров // Региональные интеграционные процессы и Беларусь: философско-мировоззренческие основания, тенденции развития, опыт социально-политического моделирования. Материалы VIII-й международной научно-практической конференции (Гродно, 17-18 мая 2018). – В 2 ч., Ч. I. – Гродно: ГрГУ им. Я.Купалы, 2018 - 282 с. – С. 24–27.

2. Евразийская интеграция на перепутье [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/189103>. – Дата доступа: 19.10.2019.

3. Baichorov, A.M. Belt and road initiative in world politics / A.M. Baichorov // Journal of the Belarusian State University. International Relations = Журнал Белорусского государственного университета. Международные отношения / found.: Belarusian State University. – Minsk : BSU, 2018. – No. 2. - Pp. 13–19.

4. Турарбекова, Р.М. Опыт регионального конструирования Евразии / Р.М. Турарбекова // Беларусь между Востоком и Западом: современные тенденции : материалы междунар. круглых столов, Минск, 26 окт. 2017 г. / БГУ, ФМО; редкол. : В. Г. Шадурский [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2017. – 134 с. – С. 17–21.

5. Рубченко, М. Ни пути, ни пояса: как США остановят экономическую экспансию Китая [Электронный ресурс] / М. Рубченко // РИА-Новости. – Режим доступа: <https://ria.ru/20190716/1556548526.html>. – Дата доступа: 19.10.2019.

6. Проблемы реализации проекта Экономического пояса Шелкового пути [Электронный ресурс] // Управленческое консультирование. – 2017. – № 2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/problemy-realizatsii-proekta-ekonomicheskogo-poyasa-shelkovogo-puti>. – Дата доступа: 19.10.2019.

7. Нежданов, В. Совместимы ли Евразийский союз и «Один пояс, один путь»? Взгляд из Китая [Электронный ресурс] / В. Нежданов // Евразия Эксперт. – 2018. – 16 августа. – Режим доступа: <https://eurasia.expert/sovместimy-evraziyskiy-soyuz-i-odin-poyas-odin-put/>. – Дата доступа: 19.10.2019.

КИТАЙСКО-РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ГУМАНИТАРНОЙ СФЕРЕ В 2014–2019 гг.

Ван Фа

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030,; г. Минск, Беларусь, 1394903742@qq.com*

В статье анализируются китайско-российские межгосударственные отношения в гуманитарной сфере в 2014–2019 гг. Автор осуществляет анализ состояния китайско-российских отношений в гуманитарной сфере, выявляет их особенности и определяет основные направления развития. Отмечается важность стратегического партнерства и развития российско-китайских отношений, которые реализуется по широкому спектру направлений взаимодействия, включая гуманитарное измерение двусторонней кооперации. Обращено внимание на то, что ключевую роль в развитии двустороннего сотрудничества играют образовательно-культурный и научный аспекты. Автор обращает внимание на рост динамики сотрудничества в гуманитарной и культурной сферах в 2014–2019 гг.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика; Российская Федерация; международные отношения; гуманитарное сотрудничество; культура; спорт; образование; туризм.

CHINA-RUSSIA RELATIONS IN THE HUMANITARIAN SPHERE IN 2014-2019

Wang Fa

Belarusian State University, Niezaležnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article deals with the Chinese-Russian interstate relations in the humanitarian area in 2014-2019. The Author analyzes the state of the Chinese-Russian relations in the humanitarian area, identifies their features and determines the main directions of development. The importance of strategic partnership and the development of Russian-Chinese relations, which are implemented in a wide range of areas of cooperation, including the humanitarian dimension of bilateral cooperation, is noted. Attention is drawn to the fact that educational, cultural and scientific aspects play a key role in the development of bilateral cooperation. The author draws attention to the growth of the dynamics of cooperation in the humanitarian and cultural areas in 2014-2019.

Key words: People's Republic of China; Russian Federation; international relations; Sino-Russian relations; sports; humanitarian relations; education; tourism.

Китайская Народная Республика всегда занимала особое место во внешней политике Российской Федерации. Будучи одной из сильнейших и развитых стран Востока, она поддерживала достаточно дружеские отношения с российским государством. Китай осуществлял политику многостороннего сотрудничества с Россией как самостоятельным и независимым государством.

Значительный потенциал сохраняло сотрудничество России и Китая в области образования и культуры. После 2014 г., когда Россия стала испытывать большое международное давление из-за избранного ею курса во внешней политике, гуманитарное сотрудничество между КНР и РФ вышло на новый уровень развития. Так, вице-премьер Госсовета КНР Лю Яньдун на 15-ом заседании Российско-Китайской Комиссии по гуманитарному сотрудничеству, которое состоялось в Ульяновске в сентябре 2014 г., отметила, что работа комиссии позволила продолжить реализацию важных договоренностей, которые были достигнуты главами Китая и России в мае 2014 г. на встрече в Шанхае и определить направления и основные сферы двустороннего гуманитарного сотрудничества на 2015 г. [1 4]. Российский вице-премьер, сопредседатель комиссии с российской стороны, О. Голодец указывала, что «всесторонние отношения стратегического взаимодействия и партнерства между Россией и Китаем уже приобрели законченную форму и достигли стабильности. Российская сторона удовлетворена уровнем двустороннего гуманитарного сотрудничества, намерена за счет совместных усилий добиваться продвижения этого сотрудничества на более глубокий уровень и его более масштабного развития, в дальнейшем укреплять социальную основу отношений между Россией и КНР» [1].

Схожей позиции придерживались представители обоих государств и в дальнейшем. Так, вице-премьер Госсовета КНР Лю Яньдун на открытии 16-го заседания Российско-Китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству 15 октября 2015 г. заявила: «В будущем нам необходимо усилить стратегическое планирование и расширить сферы сотрудничества на существующей основе, обогатить его содержание, чтобы привлечь больше людей к участию в этом сотрудничестве и лучше служить делу развития китайско-российских отношений» [2].

В ходе заседания Комиссии была разработана программа по усилению сотрудничества в области преподавания китайского и русского языков, зимнего спорта, туризма и технических инноваций. В частности, в межправительственное соглашение о групповом безвизовом туризме были внесены существенные изменения, направленные на сокращение членов туристической группы до трех человек и увеличения срока поездки до трех недель. Также было заявлено о продвижении

программы «China Friendly», нацеленной на создание дружественной атмосферы для китайских туристов в России. В Китае с такой же целью продвигалась программа «Visit Russia».

4 июля 2016 г. в Москве состоялось 17-е заседание Российско-Китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству, участие в котором принял заместитель министра спорта РФ Ю. Нагорных. На заседании Комиссии был подписан договор об участии команды по хоккею из Китая в Континентальной хоккейной лиге. Там же были достигнуты договоренности о проведении Российско-Китайских зимних молодежных игр и Международного ралли «Шелковый путь», подписан Меморандум о взаимопонимании между Министерством спорта Российской Федерации и Главным управлением по физической культуре и спорту Китайской Народной Республики о сотрудничестве в рамках подготовки к Олимпийским зимним играм, которые должны пройти в Пекине с 4 по 20 февраля 2020 г. [3].

Успешное осуществление совместных проектов сделало их основой двусторонних отношений России и Китая в гуманитарной сфере. Правительства двух стран решили не останавливаться на достигнутом и приступили к реализации других долгосрочных проектов. В частности, важным событием стало открытие в сентябре 2017 г. в Шеньчжэне первого российско-китайского вуза на базе МГУ им. М. В. Ломоносова и Пекинского политехнического университета. Активно развивались российско-китайские студенческие бизнес-инкубаторы, первый из которых возник в июле 2016 г. на базе Тихоокеанского государственного университета в Хабаровске [4]. В рамках Годов российских и китайских СМИ (2016–2017 гг.) обе стороны реализовали более 250 совместных проектов [3].

12 сентября 2017 г. в Гуанчжоу состоялось 18-е заседание Российско-Китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству. Итогом работы комиссии стало подписание ряда соглашений о сотрудничестве в области образования, культуры, кинематографии, здравоохранения, туризма, образования и молодежной политики. Кроме того, НИУ «Высшая школа экономики» и Национальный институт исследования образования КНР подписали соглашение о сотрудничестве, которое предполагало проведение сравнительного анализа возможных стратегий модернизации систем образования в России и Китая до 2030 г [5].

19-е заседание Российско-Китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству состоялось в Пекине 30 октября 2018 г. В ходе пребывания в столице Китая заместитель председателя Правительства РФ Т. Голикова приняла участие в церемонии создания Российско-Китайской Ассоциации сотрудничества в сфере телевидения, а также запуске онлайн-рубрики о гуманитарных связях и сотрудничестве между Россией и Китаем в мобильном приложении.

В 2018 г. представители ряда российских и китайских ведомств и государственных структур подписали 9 документов о сотрудничестве в сфере гуманитарных контактов, образования, культуры, туризма, кино, здравоохранения и спорта [6]. Наиболее важными из них стали соглашение о намерении провести российско-китайский студенческий фестиваль зимних видов спорта и меморандум о сотрудничестве в сфере дополнительного образования детей и организации детского отдыха и здравоохранения.

Подводя итоги заседания, вице-премьер Китайской Народной Республики Сунь Чуньлань подчеркнула, что сотрудничество между КНР и РФ вышло на принципиально новый этап. Она отметила, что обе страны постоянно работают над новыми проектами и выразила надежду на их успешную реализацию в будущем [6].

20-е заседание Российско-Китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству прошло в Санкт-Петербурге 17 сентября 2019 г. Обе стороны отметили успехи в реализации академических обменов. В 2019 г. суммарное количество уча-

стников двусторонних академических обменов превысило 90 тыс. чел. В 2020 г. они должны превысить 100 тыс. человек [7].

В целом развитие культурных обменов и сотрудничества между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, укрепление сотрудничества двух стран в области телерадиовещания и кинематографии, учреждение культурных центров в России и Китае, популяризация китайского и русского языка, развитие сотрудничества в области изобразительного искусства, организация вещания китайских телевизионных спутниковых каналов развиваются успешно. Безусловно, нельзя отвергать наличие такого фактора, как человеческая заинтересованность, менталитет, расширение знаний и новых сведений. Опыт России и Китая, особенно в гуманитарной деятельности, заслуживает дальнейшего изучения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Лю Яньдун и О. Голодец приняли участие в 15-м заседании Китайско-русской комиссии по гуманитарному сотрудничеству [Электронный ресурс] // Женьминь жибао. – Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/n/2014/0916/c31519-8783077.html>. – Дата доступа: 15.10.2019.
2. Beijing Favors Enhancing Humanitarian Cooperation With Russia [Electronic resource]. Mode of access: <http://www.brics-info.org/beijing-favors-enhancing-humanitarian-cooperation-with-russia/>. Date of access: 14.10.2019.
3. В Москве состоялось 17-е заседание Российско-китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству [Электронный ресурс] // Федеральный центр подготовки спортивного резерва. – Режим доступа: <http://fcpsr.ru/press-tsentr/novosti/fcpsr/94-17th-meeting-russian-chinese-games-sotrudnichestvo.html>. – Дата доступа: 15.10.2019.
4. Бай, Сяогун. Анализ текущей ситуации и перспектив китайско-русского сотрудничества в сфере культурных индустрий в рамках проекта «Один пояс, один путь» // Власть и управление на Востоке России. – 2018. – №2. – 10 с.
5. Россия и КНР поставили серьезные задачи по гуманитарному сотрудничеству [Электронный ресурс] // РИА-Новости. – Режим доступа: <https://ria.ru/20170912/1504303222.html>. – Дата доступа: 15.10.2019.
6. Russia, China sign nine documents on cooperation in cultural and humanitarian sphere [Electronic resource] // Trend news Agency. – Mode of access: <https://en.trend.az/world/russia/2973190.html>. – Date of access: 14.10.2019.
7. 20-ое заседание Российско-Китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству [Электронный ресурс] // Новости сибирской науки. – Режим доступа: <http://www.sib-science.info/ru/news/marina-16092019>. Дата обращения: 15.10.2019.

«ОДИН ПОЯС ОДИН ПУТЬ» ПРЕДОСТАВЛЯЕТ НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ УНИЧТОЖЕНИЯ ПОЧВЫ ТЕРРОРИЗМА

Го Цзиньлун

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, chinaocean@mail.ru*

В статье установлены виды вызовов безопасности Евразии: международный терроризм, внутренняя политическая нестабильность, увеличение миграции; выявлены новые возможности для уничтожения почвы терроризма. Инициатива «Один пояс один путь» способствует углублению евразийской интеграции, направленной на преодоление бедности, обеспечение устойчивого развития. Сопряжение ЕАЭС и инициативы «Один пояс один путь» будет служить устойчивому росту и развитию, улучшению качества жизни. ШОС выступает гарантом мира и стабильности в зоне «Один пояс один путь».

Ключевые слова: безопасность, терроризм, Евразия, Китай, «Один пояс и один путь».

«ONE BELT ONE WAY» PROVIDES NEW OPPORTUNITIES TO DESTROY THE SOIL OF TERRORISM

Guo Jinlong

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article identifies the types of security challenges of Eurasia: international terrorism, domestic political instability, increased migration; revealed new opportunities for the destruction of the environment of terrorism. The One Belt One Way Initiative contributes to deepening Eurasian integration aimed at overcoming poverty and ensuring sustainable development. The combination of the EAEU and the “One Belt One Way” initiative will serve sustainable growth and development, and improve the quality of life. The SCO acts as a guarantor of peace and stability in the «One belt, one way» zone.

Keywords: security; terrorism; Eurasia; China; «One belt, one way».

После промышленной революции рост мировой экономики всегда был неравномерным, и степень неравномерности намного выше, чем была до промышленной революции. Страны, достигшие сбалансированного и стабильного роста, составляют меньшинство. Поиск способов перехода менее развитых стран к экономическому росту является основополагающей целью экономики развития.

Широко распространенный разрыв в развитии является решающим источником конфликтов в современном мире. Некоторые люди считают, что религия, культура и идеология играют более важную роль в этнических и национальных конфликтах, но именно коммуникационный барьер, вызванный разрывом в развитии, блокирует обмен и интеграцию между цивилизацией и культурой и усугубляет разрыв между ними. Непонимание и нетолерантность являются основными причинами столкновения цивилизаций.

Для ликвидации терроризма и экстремизма необходимо ликвидировать их питательную среду. Разрыв в развитии и возникающая в результате оппозиция между культурой и цивилизацией являются благодатной почвой для экстремизма. Поэтому содействие всеобщему развитию мира, экономическому росту и социальному развитию слаборазвитых регионов мира является окончательным средством устранения разрыва в мировом развитии.

Евразийские вызовы безопасности, включают в себе три уровня: международный терроризм, внутренняя политическая нестабильность, увеличение миграции. В регионах, включенных в инициативу «Один пояс и один путь» часто происходят террористические акты. Значительные территории в Афганистане, Пакистане, Ираке, Сирии и других странах находятся под контролем различных экстремистских исламских группировок. После проведения антитеррористических операций террористическая деятельность в зоне «Одного пояса и одного пути» несколько сократилась, но полностью не была устранена. Это можно объяснить сохранением почвы для терроризма, которая включает бедность, безработицу и поляризацию между богатыми и бедными [1].

Основной причиной разрыва в развитии является разрыв в себестоимости основных услуг. Быстрое и устойчивое развитие экономики Китая создает важный стимул для развития основных услуг. Китай готов содействовать развитию инфраструктуры – энергетики, транспорта и телекоммуникаций. За 30 лет осуществления политики реформ и открытости Китай смог создать в своей стране мощную инфраструктуру, прежде всего развитую железнодорожную сеть и энергосистему [2].

Огромные размеры внутреннего рынка и производственные мощности позволяют Китаю оказать содействие экономическому росту в других странах Азии и

Европы, и содействовать интеграции экономики Китая с экономиками соседних стран. В этом контексте Китай предложил инициативу «Один пояс и один путь», которая охватывает значительную часть евразийского континента и включает в себя планы строительства транспортных коммуникаций. Эта инициатива поможет укреплению связей между Китаем и странами, расположенными вдоль маршрута «Одного пояса и одного пути», а также поспособствует региональной интеграции посредством развития инфраструктуры и транспорта, коммерческого финансирования и инвестиционного сотрудничества. Устранение разрыва в развитии между различными странами позволит устранить условия для возникновения экстремизма и терроризма.

Инициатива «Один пояс и один путь» призвана поспособствовать углублению евразийской интеграции, направленной на преодоление бедности, обеспечению устойчивого развития, выравниванию экономического потенциала стран-участниц, взаимодополняемости регионов, созданию рабочих мест, технологический рывок, повышению уровня образования и развитию человеческого капитала.

Также следует отметить, что ЕАЭС и инициатива «Один пояс и один путь» имеют общие корни, основываются на понятных принципах и ценностях: естественном стремлении народов жить в мире и согласии, иметь свободный доступ к достижениям современной науки и инновационного развития при одновременном сохранении культурной и духовной самобытности. Китай позиционирует проект «Один пояс и один путь» как исключительно экономический создающий новое пространство для регионального экономического развития. Сопряжение ЕАЭС и инициативы «Один пояс и один путь» послужит устойчивому росту и развитию, улучшению качества жизни и будет выгодным для всех.

«Один пояс и один путь» и ЕАЭС еще будут углублять сопряжение в рамках существующих механизмов, например ШОС. Это является стратегически важным для успешного строительства «Одного пояса и одного пути». ШОС выступает гарантом мира и стабильности в зоне своей ответственности, без чего невозможно обеспечить устойчивое развитие стран региона.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. 发展与安全“双轮并进”推动“一带一路”建设行稳致远。= Развитие и безопасность по отношению к устойчивому и долгосрочному строительству «Один пояс один путь» [Электронный ресурс] // Агентство "Синьхуа" (официальное информационное агентство КНР). – Режим доступа : http://www.xinhuanet.com/world/2017-07/07/c_129649785.htm . – Дата доступа : 09.10.2019. (на кит. яз.)
2. 新中国60年:基础产业和基础设施建设取得辉煌成就。= 60 лет КНР: блестящие достижения в базовой промышленности и в строительстве инфраструктуры [Электронный ресурс] // Сеть правительства КНР. – Режим доступа : http://www.gov.cn/gzdt/2009-09/15/content_1417876.htm . – Дата доступа : 09.10.2019. (на кит. яз.)

РОЛЬ ВНЕШНИХ ФАКТОРОВ В ПРЕОДОЛЕНИИ ЭТНО-РЕЛИГИОЗНОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ В БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЕ (1992–1995 гг.)

Ю. Э. Демьянович

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, yuliya-dzemy@rambler.ru*

Этно-религиозный конфликт в Боснии и Герцеговине, переросший в гражданскую войну 1992–1995 гг., был разрешен благодаря участию в его урегулировании внешних сил. На первых порах главными медиаторами в урегулировании конфликта выступали страны Европей-

ского союза, однако их усилия оказались безрезультатными. Благоприятно на прекращение конфликта повлияло подключение Соединенных Штатов Америки, которые применили принципиально новый подход к ведению переговоров на Балканах. В этой связи, целью работы является оценка первых действий США в конфликте в Боснии и Герцеговине, способствующих заключению мира между сторонами. Объектом исследования является миротворческий процесс на постюгославском пространстве. Предмет исследования – изменения в миротворческом процессе в Боснии и Герцеговине, произошедшие после включения в него США. Рассмотрены промежуточные цели США в урегулировании конфликта в Боснии и Герцеговине, без достижения которых прекратить боевые действия в этой бывшей республике Югославии не представляется возможным.

Ключевые слова: Босния и Герцеговина; этно-религиозный конфликт, Контактная группа; федерация Босния и Герцеговина; кантонизация; Европейский союз, Соединенные Штаты Америки.

ROLE OF EXTERNAL FACTORS IN OVERCOMING THE ETHNO-RELIGIOUS CONFRONTATION IN BOSNIA AND HERZEGOVINA (1992–1995)

Y. Dzemyanovich

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The ethno-religious conflict in Bosnia and Herzegovina, which grew into a civil war of 1992-1995, was resolved due to the participation of external actors in its settlement. At the beginning the countries of the European Union were the main mediators in the conflict resolution, but their efforts were unsuccessful. The situation was favorably changed by the connection of the United States of America to this process. USA used a fundamentally new approach to negotiating in the Balkans. In this regard, the aim of the work is to estimate the first US actions in the conflict in Bosnia and Herzegovina that contribute to peace agreement between the parties involved. The object of research is the peace process in the former Yugoslavia space. The subject of the study is the changes in the peace process in Bosnia and Herzegovina that occurred after the United States joined it. The article considers the intermediate goals of the United States in resolving the conflict in Bosnia and Herzegovina, which contributed to the end of hostilities in this former republic of Yugoslavia.

Key words: Bosnia and Herzegovina; ethno-religious conflict, contact group; Federation of Bosnia and Herzegovina; cantonization; European Union, United States of America.

В процессе распада Социалистической Федеративной Республики Югославия (СФРЮ) и провозглашения независимости ее бывшими союзными республиками основным источником социальной и национально-политической конфронтации явились ожившие этно-религиозные противоречия. Избежать их не удалось и Республике Босния и Герцеговина (БиГ), где с момента провозглашения государственной независимости (5 апреля 1992 г.) обострилось противостояние между населявшими ее тремя основными этническими сообществами: боснийцами, хорватами и сербами. Пришедшие к власти в стране политические силы оказались не в состоянии решить вопросы прекращения вооруженных столкновений, разделения враждующих сторон и этно-религиозного обособления территорий, и тем самым положить конец гражданской войне, длившейся с 1992 по 1995 гг. Основным медиатором мирных переговоров выступили Соединенные Штаты Америки, предложившие в качестве государственно-правового способа разведения противоборствующих сторон создание боснийско-хорватской федерации.

США активно приступили к процессу югославского урегулирования с 1994 г. До того момента югославские проблемы считались внутренними проблемами Европы и их решение ложилось на плечи Европейского союза при участии ООН

[1, с. 3-4]. Европейские страны прикладывали немалые усилия для мирного урегулирования путем «кантонизации Боснии и Герцеговины» – предлагая различные планы раздела территории страны на кантоны. Самыми известными такими планами являются план Каррингтона-Кутильеро от 1992 г., план Вэнса-Оуэна от 1993 г. и план Оуэна-Столтенберга также от 1993 г. Все эти предложения не получили развития и тем более – успешной реализации, поскольку европейским дипломатам не удалось добиться согласия на их осуществление ни у самих сторон конфликта, ни у акторов, их поддерживающих [1, с. 15]. Кроме этого, до 1994 г. среди лидеров европейских стран и экспертов превалировало мнение, что конфликт в Боснии и Герцеговине является гражданской войной, в которой нет ни правых, ни виноватых. На этом основании для урегулирования использовались экономические санкции и различного рода эмбарго, препятствующие наращиванию военного потенциала всеми сторонами конфликта, в то время как применение силовых методов стабилизации ситуации отвергалось [1, 4-5].

Такая ситуация стала меняться с подключением к миротворческому процессу США, просчитавших вероятную возможность укрепить собственное влияние на Балканах. Развернувшиеся здесь процессы Вашингтон воспринял как своевременные для реализации своих целей. Во-первых, все отчетливее формируется образ сербов как агрессоров, чему благоприятствовал ряд событий начала 1994 г. В частности, в начале февраля произошел теракт на рынке в Сараево, в организации которого были обвинены боснийские сербы [2, с. 286; 3, с. 16].

Во-вторых, нарастают угрозы применения силы. После теракта в Сараево, 9 февраля 1994 г. боснийским сербам был поставлен ультиматум со стороны НАТО о применении авиаударов, если они не освободят свои позиции в Сараево с передачей тяжелого вооружения, применяемого на этом участке боевых действий, миротворческому контингенту ООН [2, с. 287; 3, с. 17].

В этих условиях становилось целесообразным изменение подходов к урегулированию конфликта в Боснии и Герцеговине. В то же время, для мирного урегулирования использования только силового давления было недостаточно. Для достижения мира американская дипломатия считала необходимым решить две ключевые проблемы: прекратить боевые действия и договориться о разделении Боснии и Герцеговины [1, с. 5-6] Эти решения предопределялись количеством сторон конфликта и акторов, которые в него были вовлечены. Абсолютно все участники конфликта стремились лишь к достижению собственных целей и были глухи к призывам пойти на компромисс. В данной ситуации, на первом этапе американского варианта мирного урегулирования, считалось необходимым минимизировать количество договаривающихся сторон для облегчения ведения переговоров и выравнивания позиций участников конфликта [1, с. 6-10].

Для уменьшения числа акторов, заинтересованных в разрешении конфликта, но не участвующих в нем непосредственно, создавалась Контактная группа из представителей 5 стран (Германия, Франция, Россия, Великобритания и США). Выбор представителей не случаен. Во-первых, он был максимально близок к составу Совета Безопасности ООН, что означало практически абсолютную поддержку действий и решений Контактной группы со стороны ООН. Во-вторых, в Контактной группе участвовали влиятельнейшие страны ЕС. Это означало, что ЕС оставался важнейшим медиатором в конфликте, но в то же время количество участников снижалось, а эффективность действий повышалась, поскольку исчезла необходимость договариваться между всеми участниками Европейского союза для принятия какого-либо решения. В-третьих, Россия сохраняла особое влияние на Сербию и, в случае необходимости, могла довести необходимую позицию до сербских властей. В-четвертых, США имели схожее влияние на боснийских му-

сульман, как Россия на сербов. В-пятых, Германию с Хорватией связывали особые отношения, благодаря чему эта страна с большим успехом могла повлиять на хорватские позиции в БиГ [2, с. 300; 3, с. 17].

Для уменьшения количества договаривающихся сторон, непосредственно вовлеченных в конфликт, реализовались различные варианты сближения позиций боснийских хорватов и мусульман. Американские дипломаты начали вести работу в этом направлении: с февраля 1994 г. активно велись переговоры с делегациями Хорватии и БиГ, которым было предложено заключение Договора о прекращении хорватско-боснийского конфликта и создание боснийско-хорватской федерации. Хорватия, как новое независимое постюгославское государство, также пережила период гражданской войны, но проявляла кровную заинтересованность в укреплении позиций хорватов, проживающих на территории БиГ. На президента Хорватии американцы оказали значительное давление: взамен за поддержку создания предложенной федерации и сохранение, вопреки требованиям ООН, присутствия хорватских войск в Боснии и Герцеговине ему обещалось признание международных границ Хорватии со стороны США [4; 5. 56-57].

К 1 марта стороны пришли к рамочному соглашению об учреждении федерации боснийских хорватов и мусульман, а также предварительной договоренности о вероятном создании конфедерации с Хорватией в будущем [4].

Окончательно Федерация Босния и Герцеговина, как одно из федеративных образований БиГ, была оформлена 18 марта 1994 г. в результате подписания договора в Вашингтоне и Вене премьер-министром Боснии и Герцеговины, хорватским министром иностранных дел и представителем от боснийских хорватов [6, с. 299-300; 4; 7]. Боснийские сербы отказались присоединиться к этому соглашению. Стороны договорились создать федерацию в составе восьми кантонов. Данные кантоны не покрывали всю территорию Боснии и Герцеговины. В них входили только территории бывшей югославской республики с хорватским или мусульманским большинством. Кроме этого, стороны соглашались на возможное создание конфедерации с Хорватией в будущем.

Важно отметить: центральному правительству Федерации Босния и Герцеговина предоставлялись полномочия, достаточные для функционирования федерации как единого в перспективе государственного образования. При этом местные власти полностью контролировали внутреннюю политику кантонов. А договор о создании федерации не был закрытым: он оставлял пространство для присоединения боснийских сербов мирным путем [4]. Однако последние не проявляли готовности к подобной централизации БиГ как суверенного государства. Боснийские сербы организовали свое государственное образование: Республика Сербская, которое вошло в состав Боснии и Герцеговине как самостоятельное образование в 1995 г. при заключении мирного договора между всеми сторонами конфликта.

Тем не менее, заключение Вашингтонского договора и создание Федерации Боснии и Герцеговина в качестве самостоятельного образования БиГ стало во многом переломным, поскольку повлекло за собой события, изменившие положение дел на боснийской арене боевых действий и несколько снизившие этно-религиозное противостояние.

Во-первых, соглашение привело к прекращению вооруженных столкновений между мусульманами и хорватами. В БиГ остался только один фронт: силы Федерации против боснийских сербов, хотя ранее с переменным успехом друг против друга сражались сербы, хорваты и мусульмане. Периодически две стороны могли объединяться против третьей, поэтому случались ситуации, когда сербы объединялись с хорватами против мусульман или сербы с мусульманами против хорва-

тов, но чаще всего – хорваты с мусульманами против сербов. Заключение соглашения в определенной степени упорядочило взаимоотношения сторон военного конфликта [6, с. 299-300; 8, с. 1; 9, с.108].

Во-вторых, стал фактом отказ боснийских мусульман от идеи создания унитарной, централизованной исламской республики на территории БиГ [6, с. 299-300]. Такая позиция помогла хорватам прийти к сотрудничеству с боснийцами, поскольку создание исламской республики были одним из главных опасений хорватов.

В-третьих, заключение Вашингтонского договора решило вопрос поступления вооружения для мусульман. До этого данная сторона конфликта в отношении вооружения находилась в самом худшем положении из-за эмбарго на поставки вооружения в бывшие республики Югославии, поскольку боснийским сербам достался большой арсенал оружия от Югославской Народной Армии (ЮНА), кроме того, эта сторона конфликта граничила с Сербией и Черногорией, что давало ей шанс на нелегальные поставки вооружения от этих республик. Боснийские хорваты, имея общую границу с Хорватией, получали разностороннюю поддержку от хорватского правительства, в том числе, постоянный поток вооружения из этой страны. Более того, на территории, подконтрольной боснийским хорватам, присутствовали правительственные войска Хорватии. Заключение соглашения с хорватами переформатировало отношения боснийских мусульман с Хорватией: теперь военную помощь стали получать и они – как часть мусульманско-хорватской федерации [1, с. 3; 6, с. 299-300; 7; 10, с.646; 11, с. 110].

В-четвертых, соглашение предусматривало возможность создания конфедерации с Хорватией. По мнению некоторых исследователей, такой вариант был обнадеживающим для боснийских хорватов, поскольку они могли надеяться на сотрудничество и защиту в процессе внутробоснийского противостояния со стороны Хорватии и хорватских войск, а также на возможное инкорпорирование Боснии и Герцеговины в состав Хорватии. Среди хорватов появились надежды на укрепление безопасности, соответственно повышался уровень их доверия к сотрудничеству с мусульманами [6, с. 299-300; 12].

В-пятых, достигалась договоренность между сторонами о будущем устройстве БиГ: хорваты и мусульмане соглашались на то, что их федерация займет часть территории постюгославской Боснии и Герцеговины и будет состоять из 8 кантонов [6, с. 301].

Вашингтонское соглашение соответствовало плану «кантонизации» БиГ, проект которой разрабатывался с весны 1992 г. вторым активным актором постюгославского урегулирования – Европейским союзом. Окончательный проект «кантонизации» учитывал интересы боснийских сербов и был представлен 5 июля 1994 г. Контактной группой по Боснии. Он разделял Боснию и Герцеговину в пропорции 51 % на 49 %, где большая территория предоставлялась федерации, а меньшая – для сербов [13, с. 110; 10, с. 646; 14; 9, с. 107-108]. Кроме ЕС, данный план поддержали США и Федерация Боснии и Герцеговины [15, с. 188]. Постепенно к принятию этого плана пришла и Сербия, правительству которой за поддержку плана «кантонизации» Боснии и Герцеговины мировое сообщество обещало смягчение политики предпринимаемых в отношении ее санкций [9, с. 107-108; 10, с. 646].

Фактически, единственной стороной конфликта, которая не согласилась на план, остались боснийские сербы, несмотря на то, что план Контактной группы по Боснии соответствовал их более ранним требованиям. В то же время, к моменту Вашингтонского соглашения ситуация изменилась: сербы контролировали около 70 % территории БиГ и стали выдвигать новые требования, такие как выход к Адриатическому

морю, международное признание Республики Сербской, раздел Сараева. Подобные требования шли вразрез с согласованной моделью «кантонизации».

В заинтересованных кругах мировой общественности усиливалось негативное мнение о сербах. Их обвиняли в стремлении силовыми путями сохранить закрепленное еще в социалистической Югославии привилегированное положение среди этно-национальных сообществ бывшей федерации. Запад поддерживал позиции боснийских хорватов и мусульман, достигших согласия по мирному урегулированию и соглашавшихся на территориальные уступки сербам. А значит, настроенных на мирное урегулирование и достойных поддержки со стороны ЕС, ООН, НАТО и США, в отличие от боснийских сербов, которые вопреки договоренности предъявили новые требования и продолжали активные боевые действия. На этом фоне на неподконтрольном сербам постюгославском пространстве и на Западе окончательно формируется образ сербов как агрессоров, а присутствие формирований Хорватии на территории БиГ оправдывается [6, с. 299-300, 302; 10, с. 646-647; 14].

Как итог, начинается массированное внешнее давление на боснийских сербов и активная подготовка к авиаударам по сербским территориям с целью принуждения к миру сил сербских вооруженных формирований [6, с. 305]. В дальнейшем, непосредственно перед подписанием Дейтонского соглашения, в августе-сентябре 1995 г. авиация НАТО провела воздушную операцию «Обдуманная сила» против боснийских сербов, которая сыграла роль в остановке сербского наступления и некотором изменении военной ситуации в пользу боснийско-хорватских сил.

Итак, преследуя цели постюгославского этно-религиозного урегулирования и попутного вовлечения новых независимых государств в орбиту собственного влияния, дипломатия США приложила немалые усилия для создания Федерации Босния и Герцеговина. По мнению правительства США, создание подобной федерации являлось оптимальным шагом для разрешения конфликта в БиГ, поскольку данное государственное образование создавало фундамент для мирного сожительства хорватов и мусульман, а также обеспечивало баланс сил против продолжавших стратегию противостояния боснийских сербов. А заключение мирного соглашения между сербами, мусульманами и хорватами без создания федерации не представлялось возможным зарубежным акторам Запада, вовлеченным в процесс урегулирования конфликта.

В то же время, трудно утверждать, что соглашение о создании федерации на деле было способно исчерпывающе разрешить проблемы даже между боснийскими мусульманами и хорватами, не говоря о сербах. Федерация оказалась весьма хрупким и неустойчивым образованием, а потому США стремились поддержать ее функционирование различными средствами как в ходе войны в БиГ, так и после ее прекращения [7; 16]. Вашингтон неоднократно выступал посредником урегулирования многих вопросов между противоборствующими сторонами. Более того, США и ЕС выступили медиаторами создания в марте 1996 г. Форума федерации и его последующей деятельности. Федерации оказывалась значительная зарубежная материальная помощь. Только в 1995 г. американская администрация выделила 34,5 млн долл. США для БиГ. А за период с 1996 по 1998 гг. США предоставили этой стране финансовую «подпитку» в размере 1,56 млрд долл. Помощь направлялась всей БиГ, однако большую часть средств израсходовала Федерация Боснии и Герцеговины. Помимо этого, США занимались подготовкой войск федерации, затратив только на их вооружение 100 млн долл. [17]

В целом Вашингтонское соглашение и создание мусульманско-хорватской федерации стали значимым шагом для прекращения войны в БиГ. Одновременно

Федерация Боснии и Герцеговины не продемонстрировала достаточных способностей для урегулирования конфликта с сербской общиной на территории молодого государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Camisar A., Diechtiareff B., Letica B., Switzer C. An Analysis of the Dayton Negotiations and Peace Accords [Electronic Resource] // Semantic Scholar. – Mode of Access: <https://pdfs.semanticscholar.org/ce5e/a7cdc353bb81706a3d2b7cd669bdcf1c06a4.pdf>. – Date of Access: 19.10.2019.
2. Burg S., Shoup P., The War in Bosnia-Herzegovina: Ethnic Conflict and International Intervention. Нью-Йорк: Routledge, 2000.
3. Anderson D. The collapse of Yugoslavia: Background and Summary [Electronic Resource] // Parliamentary Research Service. – Mode of Access: <https://www.aph.gov.au/binaries/library/pubs/rp/1995-96/96rp14.pdf>. – Date of Access: 19.10.2019.
4. Washington Agreement [Electronic Resource] // United States Institute of Peace. – Mode of Access: https://www.usip.org/sites/default/files/file/resources/collections/peace_agreements/washagree_03011994.pdf. – Date of Access: 19.10.2019.
5. Greenberg M., Barton J., McGuinness M. Words Over War: Mediation and Arbitration to Prevent Deadly Conflict. Нью-Йорк: Rowman and LittleField Publishers, 2000.
6. Гуськова Е. Ю. История Югославского кризиса (1990-2000). Москва: Издатель Соловьев А.В., 2001.
7. Woehrel S. Bosnian Muslim-Croat Federation: Key to Peace in Bosnia? [Electronic Resource] // CRS Report for Congress. – Mode of Access: https://www.everycrsreport.com/files/19980626_96-526F_cabf1b7f1fcee521d63f0eeb271f4a1e94026c30.pdf. – Date of Access: 19.10.2019.
8. State Setting of the Present-day Bosnia-Herzegovina [Electronic Resource] // Center for Constitutional Studies and Democratic Development. – Mode of Access: <https://www.ccsdd.org/documents/SarajevoStudyTripBulletin.pdf>. – Date of Access: 19.10.2019.
9. Aggarwal V. K. Institutional Designs for a Complex World: Bargaining, Linkages, and Nesting. Cornell University Press, 1998.
10. Galbraith P.W. Washington, Erdut and Dayton: Negotiating and Implementing Peace in Croatia and BosniaHerzegovina [Electronic Resource] // Cornell International Law Journal. – Mode of Access: <http://scholarship.law.cornell.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1408&context=cil>. – Date of Access: 19.10.2019.
11. Kaufman J. P. NATO and the Former Yugoslavia: Crisis, Conflict, and the Atlantic Alliance. Нью-Йорк: Rowman and LittleField Publishers, 2002.
12. Mearsheimer J.J., Van Evera S. When peace means war [Electronic Resource] // The new republic. – Mode of Access: <https://mearsheimer.uchicago.edu/pdfs/A0023.pdf>. – Date of Access: 19.10.2019.
13. Энгельгардт Г. Н. Республика Сербская в Боснии и Герцеговине. Возникновение и эволюция (1990–2006 гг.) [Электронный ресурс] // Институт славяноведения РАН. – Режим доступа: https://inslav.ru/images/stories/other/2015_engelgardt_disserta-cija.pdf. – Дата доступа: 19.10.2019.
14. Barber T. Croats and Muslims seal their alliance [Electronic Resource] // The Independent. – Mode of Access: <https://www.independent.co.uk/news/world/europe/croats-and-muslims-seal-their-alliance-1419633.html>. – Date of Access: 19.10.2019).
15. Глушко В.С. Политика ЕС и США в урегулировании балканского кризиса в рамках подготовки Дейтонского соглашения 1995 г. [Электронный ресурс] // Библиотека Уральского федерального университета. – Режим доступа: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/43622/1/im-14-9-2016.pdf>. - Дата доступа: 19.10.2019.
16. Ottaway D. B. Muslim-croat federation faces many hurdles [Electronic Resource] // The Washingtonpost. – Mode of Access: <https://www.washingtonpost.com/archive/politics/1994/04/08/muslim-croat-federation-faces-many-hurdles/54cc18f5-1ad3-41d2-9fbe-10677225746c/>. – Date of Access: 19.10.2019.
17. Bosnia and Herzegovina: Background and U.S. Policy [Electronic Resource] // Congressional Research Service. – Mode of Access: <https://fas.org/sgp/crs/row/R45691.pdf>. – Date of Access: 19.10.2019.

СОТРУДНИЧЕСТВО МЕЖДУ КИТАЕМ И КАЗАХСТАНОМ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ В 1992–2018 ГГ.

Ду Цзюань

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 2200030, г. Минск, Республика Беларусь, 48488353@qq.com*

В статье рассматриваются основные результаты сотрудничества между Китаем и Казахстаном в сфере образования в 1992–2018 гг. Объект исследования – отношения между Китаем и Казахстаном. Целью исследования является раскрытие общих черт и особенностей китайско-казахстанских связей в сфере образования и оценка значимости этих связей для дальнейшего развития межгосударственных отношений между КНР и Республикой Казахстан. Научная новизна исследования заключается в оценке воздействия на характер китайско-казахстанских образовательных связей китайской инициативы «Один пояс и один путь». Практическая значимость исследования заключается в определении значения китайско-казахстанских образовательных связей для формирования общего гуманитарного пространства в Евразии.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика; Республика Казахстан; образование; Институт Конфуция; инициатива «Один пояс и один путь».

COOPERATION BETWEEN CHINA AND KAZAKHSTAN IN THE SPHERE OF EDUCATION IN 1992-2018

Dou Juan

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article deals with the main results of cooperation between China and Kazakhstan in the field of education in 1992–2018. The Object of the study is the relationship between China and Kazakhstan. The aim of the study is to reveal the common features and peculiarities of the Chinese-Kazakh relations in the field of education and assess the importance of these relations for the further development of interstate relations between China and the Republic of Kazakhstan. The scientific novelty of the study is to assess the impact on the nature of the Chinese-Kazakh educational links of the Chinese initiative "One belt and one road". The practical significance of the study is to determine the importance of Chinese-Kazakh educational links for the formation of a common humanitarian space in Eurasia.

Keywords: the People's Republic of China; Republic of Kazakhstan; education; Confucius Institute; one belt and one road initiative.

Сотрудничество Китая и Казахстана в сфере образования начало развиваться в 1992 г. Именно тогда были установлены контакты между Синьцзянским институтом филологии в Урумчи и Восточно-Казахстанским государственным университетом (ВКГУ) в Усть-Каменогорске (оба вуза располагались на приграничных территориях). Восточно-Казахстанский государственный университет впервые принял китайских стажеров [1].

Однако до конца 1990-х гг. китайско-казахстанские связи в сфере образования оставались сдержанными. Их активизация произошла в начале XXI века.

3 июня 2003 г. между министерством образования и науки Республики Казахстан и министерством образования КНР было заключено Соглашение о сотрудничестве в области образования, которое составило политико-правовую основу двустороннего взаимодействия в образовательной сфере. В 2009 г. Китай и Казахстан договорились расширить обмен студентами, доведя их общее количество до 100 человек. Расширению двустороннего сотрудничества в сфере образования поспособствовала договоренность о взаимном признании документов об образовании и ученых степенях, достигнутая в декабре 2006 г.

Одним из самых известных «брендов» Китая в сфере образования является сеть Институтов Конфуция – международных культурно-образовательных цен-

тров, созданных под эгидой Государственной канцелярии по распространению китайского языка за рубежом. Патронаж за Институтами Конфуция осуществляет Министерство образования КНР.

Первый Институт Конфуция в Казахстане открылся в Астане в 2007 г. на базе Евразийского национального университета имени Льва Гумилёва (партнерским вузом стал Сианьский университет иностранных языков). В феврале 2009 г. состоялось открытие Института Конфуция при Казахском национальном университете (КазНУ) имени Аль-Фараби в Алматы (партнерский вуз – Ланьчжоуский университет), в июне 2011 г. – при Актюбинском государственном пединституте (партнерский вуз – Синьцзянский финансовый университет), в ноябре 2012 г. – при Карагандинском государственном техническом университете (КарГТУ) (партнерский вуз – Университет Шихэцзы) [2, с. 66; 3]. Институты Конфуция в Казахстане вошли в глобальную сеть Институтов Конфуция.

В число базовых направлений деятельности Институтов Конфуция в Казахстане, как и в других странах мира, входили организация различных курсов китайского языка, а также смежных дисциплин (литература, каллиграфия, декоративно-прикладное искусство и т. п.), проведение научных конференций и семинаров на китайскую тематику, организация сдачи теста на знание китайского языка (HSK), организация всевозможных конкурсов и торжественных мероприятий, повышающих интерес к китайскому языку и культуре, направление на стажировки в Китай студентов и преподавателей с целью повышения уровня владения языком и роста профессиональных навыков, обеспечение учебной литературой, а также подготовка новых изданий.

Преподавание китайского языка в Казахстане осуществлялось во многих вузах, а также на коммерческих курсах.

Граждане Казахстана имели возможность обучаться в вузах и иных образовательных учреждениях Китая. В частности, в 2013 г. в КНР обучались свыше 8 000 студентов и несколько сотен школьников из Казахстана [4, с. 120].

15 июня 2011 г. Министерство образования и науки Республики Казахстан подписало соглашение о сотрудничестве в области образования с Китайской национальной нефтегазовой корпорацией (КННК). Китайская корпорация обязалась предоставить 15 грантов для казахстанских студентов, обучающихся по программе магистратуры [2, с. 65].

Новые возможности для развития образовательных связей между Китаем и Казахстаном создала инициатива «Одного пояса и одного пути». Осенью 2013 г. руководство КНР выразило готовность выделить 30 000 государственных грантов на обучение и повышение квалификации для 10 000 студентов и преподавателей институтов Конфуция в Казахстане в течение ближайших 10 лет [2, с. 65].

Осенью 2017 г. китайская сторона выразила готовность сотрудничать с Казахстаном в разработке новых источников энергии и материалов, а также в области биомедицины, электронной торговли, искусственного интеллекта [5].

В июне 2018 г. во время официального визита в КНР Президента Казахстана Н. Назарбаева была достигнута договоренность о дальнейшем расширении контактов между вузами Китая и Казахстана [6].

Изучение китайского языка и китайской культуры сохраняло популярность у казахстанцев. В 2016 г. первый проректор Назарбаев Университета в Астане Э. Лондсдейл заявил: «Учить китайский язык становится модно. Нам даже пришлось в два раза увеличить количество групп, в которых обучают китайскому языку» [7].

В 2014 г. в вузах КНР обучалось около 9 000 казахстанских студентов. В 2018 г. их численность превысила 12 000 человек [8; 9]. Согласно официальным данным Министерства образования КНР, в 2014 г. количество казахстанских студентов в китайских вузах превышало уровень 2004 г. в 14 раз [2, с. 68]. При этом

по степени привлекательности для казахстанских студентов среди зарубежных стран Китай находился на втором месте после России [2, с. 67].

В начале 2014–2015 учебного года около 4 000 уроженцев Казахстана обучались в Пекине, 1250 – в Урумчи, 800 – в Шанхае, 700 – в Сиане, 500 – в Гуанчжоу, 400 – в Ухане, по 150 – в Нанкине, Ланьчжоу, Харбине, Кульдже, до 100 – в Циндао и Ши-хэцзы, 25 – в Сямэне [2, с. 68].

Опрос, проведенный среди казахстанских студентов в Китае в 2015 г., показал, что выбор этой страны в качестве места обучения был обусловлен рядом факторов. 49,6% респондентов обосновали сделанный выбор заботой правительства КНР о студентах-иностранцах (визовая поддержка, хорошее общежитие, внеучебная поддержка студента в экстренных ситуациях, при обращении за медицинской помощью и т.п.). 45% студентов обратили внимание на низкую плату за обучение и проживание, 41,8% – на высокое качество образования, 39,1% – на престиж полученного образования. 26,5% студентов объяснили свое решение учиться в китайском вузе интересом к китайской культуре, наличием в Китае большого количества доступных развлечений и интересных мест, которые можно посетить. 25,6% респондентам Китай в качестве места обучения порекомендовали друзья или знакомые. 29,5% казахстанцев прибыли на учебу в Китай, выиграв гранты на обучение. Значимое место в иерархии вариантов ответа занимала безопасность проживания в Китае: 24,3% опрошенных отметили низкий уровень расизма и национализма в этой стране. 23,8% респондентов привлекла географическая близость Китая и Казахстана [2, с. 70].

На основании результатов социологического опроса казахстанские эксперты делали вывод, что учебная миграция из Республики Казахстан в КНР способствует укреплению казахстанско-китайского межгосударственного взаимодействия, но при этом может стать элементом «утечки мозгов» из Казахстана, поскольку трудоустройство в Китае предоставляет им перспективы карьерного роста [2, с. 82].

Что касается китайских студентов в Казахстане, то они отдавали предпочтение Казахстану в числе других стран Центральной Азии, хотя их численность была намного ниже численности казахстанских студентов в Китае. В 2016 г. в казахстанских вузах обучалось свыше 1 300 китайцев. Главным образом китайские студенты прибывали в Казахстан на стажировки и в частном порядке [10].

Вплоть до второго десятилетия XXI в. китайских студентов в Казахстане привлекала возможность изучения русского языка. Интерес к казахстанской культуре и казахскому языку был низким. Во втором десятилетии XXI в. казахский язык стали изучать в некоторых китайских вузах (в Пекине, Урумчи, Или) и школах на территории СУАР [8]. Однако изучали казахский язык в КНР главным образом этнические казахи (оралманы) на уровне начальной школы. В вузах КНР казахский язык изучали преимущественно с целью преподавания в казахских школах СУАР [11, с. 118].

Интерес к изучению казахской культуры и казахского языка в КНР возрос в условиях реализации инициативы «Пояса и пути». В 2015–2017 гг. в университетах иностранных языков Пекина, Шанхая, Даляня и Сианя были открыты «Центры Казахстана» и кафедры казахского языка [8]. Содействие в открытии центров и кафедр оказало Посольство Республики Казахстан в КНР. В октябре 2018 г. Казахстанский центр экономических и социальных исследований открылся на базе Чжэцзянского университета финансов и экономики. Главной задачей центра являлось ознакомление китайских студентов и экспертное сообщество с социально-экономическим развитием, историей, культурой и традициями Казахстана, а отличие от предыдущих «Центров Казахстана» заключалось в углубленном изучении особенностей казахстанской экономики [12].

Таким образом, мы можем утверждать, что начало сотрудничеству Китая и Казахстана в сфере образования было положено в 1992 г., когда обе страны установили дипломатические отношения. Однако в 1990-х гг. контакты в сфере образования сохраняли эпизодический характер, уровень двусторонней образовательной миграции оставался невысоким. Более активным сотрудничество в рассматриваемой сфере стало в первом десятилетии XXI в. Именно тогда была сформирована политико-правовая основа сотрудничества, Казахстан был включен в глобальную сеть Институтов Конфуция, стал расширяться обмен студентами. Особенность осуществления образовательных контактов на данном этапе заключалась в явном преобладании выезда казахстанских студентов в Китай над въездом китайских студентов в Казахстан. Инициатива «Один пояс и один путь» поспособствовала росту интереса к казахстанской культуре и языку в китайском обществе и создала благоприятные предпосылки для дальнейшего расширения китайско-казахстанского сотрудничества в сфере образования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Чаймарданова, А. Перспективы сотрудничества приграничных регионов РК и КНР в сфере образования и науки (на примере ВКО и СУАР) [Электронный ресурс] / А. Чаймарданова, А. К. Хасенова // Сборник материалов конференции «Вклад молодых исследователей в индустриально-инновационное развитие Казахстана». – Усть-Каменогорск, 2010. – Режим доступа: <https://articlekz.com/article/6660>. – Дата доступа: 28.08.2019.
2. Рокшанова, С. Некоторые аспекты учебной миграции из Республики Казахстан в Китайскую Народную Республику / С. Рокшанова, Б. Ракишева, А. Мажитова, Г. Ашкенова // Казахстан Спектр. – 2016. – №1. – С. 63–82.
3. Двусторонние отношения [Электронный ресурс] // Посольство Республики Казахстан в Китайской Народной Республике. – Режим доступа: <http://www.mfa.gov.kz/ru/beijing/content-view/ha-zhong-he-zuo>. – Дата доступа: 27.09.2019.
4. Валеев, Р. М. Казахстанско-китайские культурные связи / Р. М. Валеев, Л. И. Кадырова // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2014. – №3. – С. 117–122.
5. Визит премьер-министра РК в Китай предоставит новые возможности в сотрудничестве двух стран [Электронный ресурс] // Посольство Китайской Народной Республики в Республике Казахстан. – 22.11.2018. – Режим доступа: <http://kz.china-embassy.org/rus/dszc/emba/t1615548.htm>. – Дата доступа: 20.03.2019.
6. Как будет развиваться сотрудничество Казахстана и Китая после визита Назарбаева в Пекин [Электронный ресурс] // Стратегия Казахстан 2050. – 12.06.2018. – Режим доступа: <https://strategy2050.kz/ru/news/51486/>. – Дата доступа: 20.03.2019.
7. Китай и Казахстан укрепляют сотрудничество в сфере образования [Электронный ресурс] // Международное радио Китая. – 16.03.2016. – Режим доступа: <http://russian.cri.cn/1281/2016/03/16/1s576541.htm>. – Дата доступа: 30.01.2019.
8. Кадырова, Л.И. Китайско-казахстанские гуманитарные связи. Тезисы доклада [Электронный ресурс] // Синология. ру – Режим доступа: http://www.synologia.ru/a/Китайско-казахстанские_гуманитарные_связи. – Дата доступа: 15.09.2019.
9. Поднимем паруса для дальнего плавания по восточному ветру «Одного пояса, одного пути» [Электронный ресурс] // Посольство Китайской Народной Республики в Республике Казахстан. – 25.04.2019. – Режим доступа: <http://kz.china-embassy.org/rus/dszc/emba/t1657856.htm>. – Дата доступа: 27.04.2019.
10. Китай и Казахстан: грандиозные результаты, прекрасные перспективы [Электронный ресурс] // Посольство Китайской Народной Республики в Республике Казахстан. – 24.01.2017. – Режим доступа: <http://kz.china-embassy.org/rus/dszc/emba/t1433443.htm>. – Дата доступа: 15.03.2019.
11. Валеев, Р. М. Гуманитарное сотрудничество Китайской Народной Республики и Республики Казахстан в сфере образования (1990-2000-е гг.) / Р. М. Валеев, Л. И. Кадырова // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2015. – №1. – С. 115–120.

12. В Китае открылся центр экономических исследований Казахстана [Электронный ресурс] // Международное радио Китая. – 18.10.2018. – Режим доступа: http://russian.cri.cn/news/homePic/379/20181018/197330_1.html. – Дата доступа: 19.10.2018.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ БЕЛАРУСИ С США В КОНТЕКСТЕ НАТО в 1994 г.

О. С. Журавская

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, zhuravskayavolha@mail.ru*

В статье раскрываются особенности взаимодействия Беларуси с США в контексте отношений Беларуси с НАТО в 1994 г. Впервые в белорусской историографии с использованием архивных материалов дана оценка результативности взаимодействия Беларуси с США и воздействия этого процесса на присоединение Беларуси к программе НАТО «Партнерство для мира». Также в статье отражена реакция белорусской общественности на сотрудничество Беларуси с США и НАТО в 1994 г.

Ключевые слова: Республика Беларусь; НАТО; США; агентство по международному развитию; Партнерство ради мира.

BELARUS-USA INTERACTION IN THE CONTEXT OF NATO IN 1994

O. S. Zhuravskaya

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article reveals the peculiarities of Belarus–USA interaction in the context of Belarus–NATO relations in 1994. For the first time in Belarusian historiography, the effectiveness of Belarus – USA interaction and the impact of this process on Belarus accession to the NATO Partnership for peace program is assessed using archival materials. The article also reflects the reaction of the Belarusian public to the cooperation of Belarus with the United States and NATO in 1994.

Keywords: Republic of Belarus; NATO; USA; agency on international development, Partnership for Peace.

10–11 января 1994 г. в Брюсселе состоялся очередной саммит Организации Североатлантического договора (НАТО), на котором обсуждалась перспектива участия стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) в программах НАТО и дальнейшие шаги руководства альянса. Белорусская сторона проявила интерес к этому мероприятию. Посол Беларуси в Польше В. Сенько в письме в Министерство иностранных дел Беларуси (МИД) отметил, что Республика Польша разочарована результатами проведенного саммита 16 в Брюсселе, поскольку, по мнению польского руководства, сделан «недостаточный шаг» для будущего вступления страны в НАТО. Тем не менее, польские СМИ указывали на то, что программа «Партнерство для мира» не исключает вступления в НАТО постсоциалистических государств в эволюционном плане. Каждая страна должна индивидуально договариваться с НАТО о программе конкретного политического и военного сотрудничества. На саммите было предложено проводить консультации в случае угрозы безопасности, целостности и независимости стран ЦВЕ и было подчеркнуто, что партнером НАТО может быть любое государство – участник СБСЕ. [1] Однако стоит отметить, что Российская Федерация на тот момент уже начала создавать свое объединение, которое руководство НАТО не принимало во внимание. Таким образом, Беларусь стояла перед дилеммой в политике безопасности и вела тонкую политическую игру с точным расчетом выгоды.

Для Республики Беларусь в этот период конструктивное сотрудничество с США означало получение реальной экономической помощи. В письме председателя Совета Министров В. Кебича Президенту США Б. Клинтону от 2 марта 1994 г. содержалось предложение ускорить переход от помощи в гуманитарной, конверсионной и других областях к разворачиванию полнокровных и взаимовыгодных отношений в области торговли и инвестиций. Глава белорусского правительства подчеркивал, что политические события, произошедшие в Беларуси, не изменяют решительной позиции правительства в вопросах осуществления реформы [2]

В апреле 1994 г. интерес к белорусскому пилотному проекту по конверсии оборонной промышленности проявил председатель экономического комитета НАТО Д. Джордж. Это была первая реакция на визит министра иностранных дел П. Кравченко в экономический директорат НАТО в декабре 1993 г. [3]

В июне 1994 г. посольство США в Минске передало письмо Госсекретаря У Кристофера, в котором детализировались условия оказания помощи в вопросе преобразования мест базирования ракет СС-25 (в рамках программы Нанна-Лугара по оружию массового уничтожения). Американский дипломат высоко оценил усилия, приложенные белорусской стороной после выделения ранее 25 млн. долл., но обратил внимание, что большая часть вооружений попадает под действие Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ), а не под действие программы Нанна – Лугара, поэтому возникающая проблема требует обсуждения на полях Совместной консультативной группы в Вене. Тем не менее, министерство обороны США выделило Беларуси 5 млн. долл. для реализации программ сокращения обычных вооружений и сотрудничества в области энергетики и экологии [4].

В июле 1994 г. в МИД поступила аналитическая записка о программе агентства по международному развитию (АМР) США для Республики Беларусь. Согласно данным этой записки, странам ЦВЕ на развитие энергетики было выделено 215 млн. долл., на природосберегающие технологии – 73 млн долл., на развитие здравоохранения – 129 млн. долл. Также в программу были включены реформы в области частного сектора (450 млн долл.), пищевой промышленности (43 млн долл.), структурная перестройка экономики (60 млн долл.). Дальнейшую проработку проектов предполагалось провести с участием директора регионального отделения АМР Т. Мак Махора, прибытия которого ожидали в Минске [5].

В то же время взаимодействие с НАТО не воспринималось положительно белорусским обществом. В мае 1994 г. от военно-научного общества при Центральном доме офицеров Вооруженных сил Беларуси в адрес МИД было направлено заявление с негативной реакцией на действия НАТО, в частности на факт нанесения ударов по сербским позициям в Боснии. Авторы заявления характеризовали действия НАТО на Балканах как геноцид мирного населения и обращали внимание на возможность развязывания новой войны. Также они указывали, что блок НАТО потерял моральное право на существование с ликвидацией Организации Варшавского договора (ОВД) и стал опасным инструментом в руках США. Руководству Республики Беларусь предлагалось осудить данную агрессию, инициировать рассмотрение проблемы в Совете безопасности ООН, поставить вопрос о роспуске НАТО, пересмотреть позиции Республики Беларусь в вопросе участия в программе «Партнерство ради мира». [6]

В ответе МИДа на данное заявление обращалось внимание на то, что взаимодействие с США и НАТО соответствует интересам Беларуси [7].

Тем временем прорабатывался вопрос включения представителя Министерства обороны, отвечающего за контакты с НАТО и представляющего страну в

штабе ОВС НАТО в Монсе, в штат посольства Беларуси в Бельгии. Уточнялось, что в дальнейшем офицер может быть координатором программы ПРМ. [8]

Таким образом, в рассматриваемый период Беларусь поддерживала диалог с НАТО, рассчитывая на получение экономической выгоды от взаимодействия с США, которые являлись ключевой страной в Североатлантическом альянсе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. О результатах совещания в Брюсселе // Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 7. – Оп. 12 – Д. 1250 – Л. 159–160.
2. О письме В. Кебича Президенту США // Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 7. – Оп. 12 – Д. 1251 – Л. 79–80.
3. О предложении Экономического комитета НАТО // Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 7. – Оп. 12 – Д. 1251 – Л. 43.
4. О препровождении письма У. Кристофера из посольства США // Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 7. – Оп. 12 – Д. 1250 – Л. 210–212.
5. О программе агентства по международному развитию США для Республики Беларусь // Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 7. – Оп. 12 – Д. 1250 – Л. 201–203.
6. О заявлении от военно-научного общества при ЦДО ВС Республики Беларусь // Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 7. – Оп. 12 – Д. 1251 – Л. 118–119.
7. Об ответе на заявление военно-научного общества при ЦДО ВС // Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 7. – Оп. 12 – Д. 1251 – Л. 122.
8. О направлении военного представителя в посольство в Бельгии // Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 7. – Оп. 12 – Д. 1251 – Л. 139.

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ С ГОСУДАРСТВАМИ АФРИКИ

Б. Г. Иодчик¹, В. Г. Шадурский²

¹ *Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, bogdan.iodchik@gmail.com*

² *Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, shadursky@bsu.by*

В данной работе осуществлено теоретическое обобщение характера дипломатического присутствия Республики Беларусь в одном из наиболее перспективных регионов мира – на африканском континенте. Принимается во внимание тот факт, что наличие устойчивых официальных связей, выраженных в установлении дипломатических отношений и обмене дипломатическими представительствами, является неперенным условием развития эффективного сотрудничества в экономической, гуманитарной, культурной и других сферах. Автор стремится дать оценку географии белорусского присутствия в этом регионе с учетом объективных интересов нашей страны и ограниченности ресурсов (прежде всего финансовых).

Ключевые слова: Республика Беларусь; Африка; «Дальняя дуга»; «экономическая дипломатия».

DIPLOMATIC RELATIONS OF THE REPUBLIC OF BELARUS WITH AFRICAN STATES

B. G. Iodchik^a, V.G. Shadursky^b

^a*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus*

^b*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus
Corresponding author: B. G. Iodchik (bogdan.iodchik@gmail.com)*

This article provides a theoretical generalization of the nature of the diplomatic presence of the Republic of Belarus on the African continent, one of the most promising regions of the world. It is

highlighted that the presence of sustainable formal relations in the way of diplomatic relations establishment and the exchange of diplomatic missions is an indispensable element for the development of effective cooperation in the economic, humanitarian, cultural and other fields. The author seeks to assess the geographical footprint of the Republic of Belarus in the region, taking into account the objective interests of our country and limited resources (primarily financial ones).

После распада СССР перед Республикой Беларусь встали важные вопросы осуществления государственного строительства: определение основных принципов организации всех сфер жизни общества, формирование формы и институциональной структуры государственной власти. Стабильное и устойчивое развитие нашего государства было тесно связано с необходимостью проявлять активность на международной арене, сформировать концептуальные основы внешней политики, а также определить свою роль и место как в региональной подсистеме международных отношений, так и в глобальной.

На современном этапе концептуальная основа формирования внешней политики Республики Беларусь представлена Конституцией, которая подтверждает приверженность нашей страны фундаментальным принципам международного права, а также законом «Об утверждении основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь». В данном законе закреплены стратегические цели внешней политики Беларуси: защита государственного суверенитета и территориальной целостности Республики Беларусь; защита прав, свобод и законных интересов граждан, общественных и государственных интересов [1].

Внешиполитическая деятельность в Республике Беларусь реализуется на различных уровнях, однако главным координирующим и исполнительным органом проведения внешней политики является Министерство иностранных дел Республики Беларусь. На сайте министерства имеется следующая характеристика нашей страны как субъекта международных отношений: «Беларусь сегодня – это суверенное европейское государство, которое проводит самостоятельную, миролюбивую внешнюю политику, активно развивает сотрудничество с зарубежными партнерами в разных частях земного шара, вносит существенный вклад в укрепление международной безопасности и стабильности» [2].

Беларусь является открытым для диалога государством и стремится развивать отношения со своими партнерами на основе общепринятых принципов внешней политики, прежде всего - равенства государств и невмешательства во внутренние дела. Это подтверждается и расширением количества политических контактов. По состоянию на начало 2000 г. дипломатические отношения были установлены со 125 странами мира [3, с. 46]. В настоящее время Беларусь поддерживает дипломатические отношения со 177 странами мира и представлена загранучреждениями в 58 государствах. Иностранные государства представлены в Беларуси 48 посольствами, 4 отделениями посольств, 3 торгпредствами, 40 консульскими учреждениями; международные организации – 17 представитель-ствами. По совместительству из Москвы, Вильнюса, Варшавы и Киева аккредитовано 91 зарубежное диппредставительство [2].

С 1992 г. начался процесс установления дипломатических отношений между Республикой Беларусь и странами Африканского континента. По мнению автора статьи, данный процесс не носил достаточно интенсивного характера по причине второстепенного значения для руководства страны в условиях, когда необходимо было прежде всего развивать и укреплять связи с соседями (Российской Федерацией, Украиной, Литвой, Польшей и т. д.), странами ближнего зарубежья и странами Запада и США, а также экономическими центрами Восточной Азии – Японией и Китайской Народной Республикой.

Арабская Республика Египет стала первым государством Африки, с которым Беларусь установила дипломатические отношения 1 февраля 1992 г. С главным

партнером и «опорным пунктом» в Западной Африке – Федеративной Республикой Нигерией – дипломатические отношения были установлены 3 августа 1992 г. Начало белорусского присутствия в Южной Африке было положено с установлением дипломатических отношений с Южно-Африканской Республикой 4 марта 1993 г. В Восточной Африке Республика Беларусь установила дипломатические отношения с Республикой Кения с Федеративной Демократической Республикой Эфиопия в 17 ноября 1993 г. и в мае 1994 г. соответственно.

В целом, по состоянию на 2019 г. Республика Беларусь установила дипломатические отношения с 48 из 54 стран африканского континента [4]. Из этих 48 государств последними дипломатические отношения с Республикой Беларусь установили Республика Нигер и Центральноафриканская Республика в 2012 г., а также Республика Джибути и Республика Южный Судан в 2013 г.

Сам факт установления дипломатических отношений не говорит о расширении сотрудничества Беларуси с тем или иным государством. Однако, эта ступень развития двусторонних отношений означает готовность государств к расширению контактов и делает возможным обмен дипломатическими представительствами с целью дальнейшего наращивания сотрудничества.

Несмотря на то, что ряд африканских государств занимает последние места в рейтингах ООН и других международных правительственных и неправительственных организаций по уровню развития экономики, правам человека и т.д. и зачастую находится в состоянии затяжных политических и гуманитарных кризисов, до недавнего времени руководство Беларуси недооценивало значение африканского вектора внешней политики, отдавая приоритет другим направлениям. Например, можно отметить объединение информации по Африке и Азии в один раздел на сайте министерства иностранных дел, что свидетельствует об объединении этих регионов в «дальнюю дугу» белорусской внешней политики. В данном разделе информация по Африке содержится в подразделе «Африка и Ближний Восток». Также наличие общей статистики по этим двум регионам (их посольствам в Беларуси, региональном внешнеторговом обороте и др.) говорит о том, что белорусское внешнеполитическое ведомство не в полной мере рассматривает Африку как самостоятельное и достаточно развитое направление внешней политики страны. В тексте документа министерства не приведена информация по совокупному товарообороту с каждым из этих регионов. С другой стороны, важно отметить, что статистика по экономическому сотрудничеству Беларуси с отдельными странами-партнерами в Африке, на Ближнем Востоке и в целом, в Азии все же представлена на сайтах белорусских посольств в этих странах.

Африканский вектор внешней политики Беларуси не является в достаточной мере развитым еще и по причине незначительного политического присутствия Беларуси на африканском континенте. Выступая на первом белорусско-африканском форуме «Беларусь и Африка – Новые горизонты» в Минске, замминистра иностранных дел Беларуси Валентин Рыбаков отметил, что «сегодня Беларусь имеет четыре посольства в Африке – в Нигерии, Эфиопии, Южно-Африканской Республике и Египте». «Конечно, этого недостаточно для полноценного охвата всего континента. Мы над этим вопросом работаем. В том числе оцениваем взаимодействие с посольствами африканских государств в России и с Африканским союзом через наши посольства», – уточнил он [5].

«Дальняя дуга» белорусской внешней политики в Африке представлена всего лишь 4 посольствами, информация по которым приводится в Таблице 1.

Таблица 1

Белорусские посольства в Африке

Государство	Дата открытия	Аккредитация посольства по совместительству
Арабская Республика Египет	август 1997 г.	Судан, Оман, Алжир
Южно-Африканская Республика	январь 2000 г.	Ангола, Зимбабве, Мозамбик, Намибия
Федеративная Республика Нигерия	5 декабря 2011 г.	Гана, Камерун
Республика Кения	2018 г.	Эфиопия, Танзания, Уганда

Следует отметить, что в 2013–2018 гг. единственное белорусское посольство в Восточной Африке располагалось в Федеративной Демократической Республике Эфиопия. Размещение посольства в Аддис-Абебе в 2013 г. было обусловлено присутствием в столице Эфиопии штаб-квартиры Африканского союза. Перенос посольства в 2018 г. в Республику Кения был связан с рядом факторов, например, более подходящим географическим положением для осуществления контактов с другими государствами региона и большей экономической привлекательностью Кении.

Можно сделать следующие выводы о характере политического присутствия Республики Беларусь в Африке:

Во-первых, широкое использование института аккредитации посольства по совместительству в ряде других государств. Данная стратегия, вероятно, частично является целесообразной, т.к. обеспечение работы посольства требует существенных капиталовложений. Однако учитывая большое количество населения, ресурсов и размер рынков африканских государств, а также значительное число задач, которые ставятся перед посольствами по части продвижения белорусской продукции, данное политическое присутствие, по мнению автора статьи, является недостаточным. Например, общее количество населения трех африканских стран – Федеративной Республики Нигерии, Республики Ганы и Республики Камеруна – составляет около 245 миллионов человек. В штате белорусского посольства в Федеративной Республике Нигерии, отвечающего за все эти страны, находится четыре сотрудника: посол, советник по торгово-экономическому сотрудничеству, второй секретарь и атташе [6]. В данном случае совершенно очевиден факт сложности налаживания всеобъемлющего, эффективного сотрудничества со страной при столь незначительных ресурсах.

Во-вторых, положительную тенденцию к равномерному, пусть и относительно незначительному, политическому представительству Республики Беларусь в Африке. Посольства функционируют в «опорных точках» на континенте, наиболее перспективных для сотрудничества государствах (а также одних из самых развитых и влиятельных в Африке), откуда распространяют свою деятельность вглубь материка на другие страны аккредитации. Данный вывод также основывается на заявлениях белорусского руководства. Президент Беларуси А. Лукашенко на встрече с Управляющим делами Президента В. Шейманом в августе 2017 г. заметил, что «Беларуси не хватит возможностей развивать сотрудничество сразу со всем континентом, поэтому необходимо определить страны, которые смогут стать для нее надежными точками опоры в африканском регионе» [7].

В-третьих, приведенная информация подтверждает тезис об объединении белорусским внешнеполитическим ведомством Ближнего Востока и как минимум Северной Африки в один регион, что подтверждается аккредитацией посольства Республики Беларусь в Арабской Республике Египет по совместительству в Султанате Оман, который относится к странам Ближнего Востока и Персидского залива. Однако с учетом общности языка и культуры между арабскими странами Ближнего Востока и Северной Африки такое размещение посольств представляется достаточно логичным и эффективным.

В Минске располагаются три заграничные учреждения африканских государств: посольства Республики Судан и Государства Ливии, а также отделение посольства Южно-Африканской Республики, которое было открыто в 2008 г. [8]. Ряд заграничных учреждений африканских государств в Москве (Алжир, Ангола, Бенин, Бурунди, Габон, Гана, Египет, Экваториальная Гвинея, Кения, Кот д'Ивуар, Мавритания, Мадагаскар, Мали, Марокко, Намибия, Эритрея, Эфиопия) аккредитованы в Республике Беларусь по совместительству. Исключением можно считать посольство Буркина-Фасо, которое расположено в Берлине и аккредитовано по совместительству в Республике Беларусь [9]. Активно используется институт почетных консулов. Интересы Республики Беларусь отстаивают почетные консулы нашей страны в Гане, Камеруне, Намибии, Марокко, Нигерии и Судане [2]. В Республике Беларусь осуществляет деятельность почетный консул Южно-Африканской Республики [8].

Можно ли считать достаточной и эффективной такую систему дипломатических отношений с Африкой? Амбициозные задачи белорусской дипломатии, направленные, в первую очередь, на поиск новых экономических партнеров и рынков сбыта для отечественного экспорта, не соотносятся с реальным количественным и качественным составом как белорусских дипмиссий в Африке, так и дипмиссий африканских государств в Беларуси.

В чем заключаются причины отсутствия расширенной сети белорусских представительств на африканском континенте? Автор работы выделяет ряд объективных факторов, влияющих на данный вопрос.

Во-первых, Беларусь как средняя европейская страна не может финансово обеспечивать такую систему посольств, как например, Российская Федерация. Руководство Беларуси также не ставит перед посольствами «дальней дуги» – азиатского, африканского и латиноамериканского регионов существенных политических задач. Продвижение интересов Республики Беларусь сводится к «экономической дипломатии» и обеспечению увеличения белорусского экспорта в странах аккредитации, а также поддержке граждан Беларуси в случае экстренных ситуаций.

Во-вторых, нестабильная политическая, гуманитарная и экономическая обстановка в ряде государств Африки, делает нецелесообразным обмен дипломатическими представительствами. Например, политический кризис в Ливии в 2011 г. привел к закрытию белорусского посольства в этой стране в декабре 2014 г.

Несмотря на эти препятствия, с 2010 г. Беларусь открыла две новых дипмиссии на африканском континенте: в Нигерии и Эфиопии. Это свидетельствует о стремлении Республики Беларусь расширить свое присутствие в Африке.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Закон Республики Беларусь об утверждении основных направлениях внутренней и внешней политики [Электронный ресурс] // Национальный правовой портал Республики Бе-

ларусь – Режим доступа: <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10500060>. – Дата доступа: 24.10.2018.

2. Внешняя политика Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. – Режим доступа: http://mfa.gov.by/foreign_policy/. – Дата доступа: 30.09.2019.

3. Снапковский, В.Е. Внешняя политика Республики Беларусь: Первые итоги первого десятилетия [Электронный ресурс] / В.Е. Снапковский // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2000. – №4. – С. 45–51.

4. Азия и Африка [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. – Режим доступа: http://mfa.gov.by/bilateral/asia_africa/. – Дата доступа: 10.10.2019.

5. В Минске прошел первый Белорусско-Африканский форум [Электронный ресурс] // Export.by. – Режим доступа: <https://export.by/news/the-first-belarusian-african-forum-was-held-in-minsk>. – Дата доступа: 30.09.2019.

6. Посольство Республики Беларусь в Федеративной Республике Нигерия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nigeria.mfa.gov.by/ru/embassy/official/>. – Дата доступа: 10.10.2019.

7. Встреча с Управляющим делами Президента Виктором Шейманом [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/vstrecha-s-upravljajuschim-delami-prezidenta-viktorom-shejmanom-16958/. – Дата доступа: 30.10.2018.

8. Дипломатический справочник [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. – Режим доступа: http://mfa.gov.by/upload/18.11.02_handbook.pdf. – Дата доступа: 15.10.2019.

9. Посольства, аккредитованные в Республике Беларусь по совместительству [Электронный ресурс] // CNP-Belarus. – Режим доступа: http://cnp.by/ref-foreign_embassies.html. – Дата доступа: 11.11.2018.

РОССИЙСКОЕ ПОЛИТИКО-АКАДЕМИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО О ПРОБЛЕМЕ «ПОГЛОЩЕНИЯ» БЕЛАРУСИ РОССИЕЙ

А. П. Косов

*Витебский государственный университет имени П. М. Машерова,
Московский пр-т, 33, 210038, г. Витебск, Беларусь, alekos1979@mail.ru*

Белорусско-российские отношения находятся в центре внимания экспертных кругов и общественности. В последние годы они оказались зависимы от развития международной ситуации в регионе в связи с украинским кризисом. С 2014 г. внешняя политика Москвы стала восприниматься противниками Кремля как имперская, нацеленная на захват соседних стран. В результате в политическом дискурсе РФ началось обсуждение проблемы возможной «аннексии» Беларуси Россией. Российское политико-академическое сообщество разделилось на тех, кто верит в подобный сценарий, и тех, кто считает подобные разговоры не заслуживающими доверия. Внимание к обсуждению российскими экспертами этого вопроса объясняется тем, что речь идет о нашей стране, а дискутируют представители наиболее близкого нам государства.

Ключевые слова: Беларусь; Россия; интеграция; политико-академическое сообщество; эксперты.

RUSSIAN POLITICAL AND ACADEMIC COMMUNITY ABOUT THE PROBLEM OF “CAPTURE” OF BELARUS TO RUSSIA

A. P. Kosov

*Vitebsk State University named after P. M. Masherov,
Moskovskiy Avenue, 33, 210038, Vitebsk, Belarus*

Belarusian-Russian relations are in the center of attention of knowledge-holders and the public. In recent years, they have become dependent on the development of the international situation in the

region in connection with the Ukrainian crisis. Since 2014, Moscow's foreign policy has been perceived by the opponents of the Kremlin as imperial, aimed at capturing neighboring countries. As a result, in the political discourse of the Russian Federation, a discussion began on the problem of a possible "annexation" of Belarus to Russia. The Russian political and academic community has divided into those who believe in such a scenario and those who consider such conversations to be unreliable. The attention to the discussion of this issue by Russian experts is explained by the fact that our native country is discussed, and members of the state closest to us are involved.

Keywords: Belarus; Russia; integration; political and academic community; experts.

В последние годы в политическом дискурсе РФ активно обсуждаются проблемы развития белорусско-российских отношений. Свидетельством этому является обилие публикаций, конференций, круглых столов, интервью и комментариев в СМИ. Несмотря на декоративный характер Союзного государства, экспертами все чаще стали обсуждаться перспективы реального объединения двух стран – вплоть до силового варианта, поскольку Кремль якобы перестало устраивать «подвешенное состояние» белорусско-российской интеграции и поведение официального Минска в отношении ряда чувствительных для РФ проблем на международной арене. Поэтому отдельные комментаторы заявили о планируемом «поглощении» Беларуси Российской Федерацией. Как правило, о возможности подобного сценария говорят противники Кремля. Они критически воспринимают внутреннюю и внешнюю политику В. Путина, считая, что российский президент и его окружение взяли курс на укрепление авторитарного режима внутри страны и осуществление имперской стратегии на международной арене, особенно в отношении стран-соседей. Разговоры о якобы грядущей «аннексии» Беларуси существенно увеличились в связи с начавшимся украинским кризисом, в результате которого Украина лишилась части своей территории. После 2014 г. отдельные представители российского политико-академического сообщества стали проецировать крымский сценарий на Беларусь. Так директор Института стран СНГ К. Затулин объяснил независимую позицию белорусского руководства по ситуации в Украине боязнью за свой суверенитет. По словам эксперта, не одобряя «цветных революций», А. Лукашенко одновременно с явной опаской относится к попыткам России перекраивать постсоветские границы: вчера Грузия, сегодня Украина, а завтра кто? [1] Политолог Д. Болкунец реакцией белорусского руководства на опасения относительно российской угрозы суверенитету страны интерпретирует политику Беларуси на западном направлении, которая в последние годы имеет тенденцию к улучшению. При этом, однако, политолог предупреждает, что сближение Минска с Западом может иметь плачевные для наших властей последствия [2].

Политолог А. Пионтковский уверен, что операцию по захвату Беларуси уже давно планируют в Кремле, но А. Лукашенко успешно этому сопротивляется. Изначально ее захват планировался как верхушечный переворот с использованием верных В. Путину людей в белорусских спецслужбах и армии. Если бы Кремлю удалось осуществить подобное, то это было бы обставлено не совсем, как крымский сценарий, а как объединение двух государств, как новый этап в жизни единого Союзного государства. С точки зрения А. Пионтковского, поглощение Беларуси – это важнейшая цель всей российской политики, начиная с правления Б. Ельцина. И это прекрасно понимает А. Лукашенко, который успешно этому противится, защищая, разумеется свою власть, но при этом защищая и независимость своей страны. Поэтому в 2017 г. российские власти, по сути, начали гибридную войну против Минска [3].

Начиная с 2018 г. в политическом дискурсе РФ появилась так называемая «проблема 2024 года», которую ряд политиков и экспертов стали увязывать с ре-

лизацией программы белорусско-российской интеграции как одного из возможных вариантов ее решения. У достаточного количества комментаторов есть версия, что определенные действия в отношении Беларуси помогут В. Путину, президентские полномочия которого завершатся в 2024 г., стать главой нового государства и тем самым продлить свое правление. Так, главный редактор радиостанции «Эхо Москвы» А. Венедиктов убежден, что «Путин останется первым лицом в государстве», а «как это будет, не существенно». По его мнению, объединению двух стран ничто и никто не мешает, если это будет нужно В. Путину, даже А. Лукашенко [4]. Политолог К. Рогов также считает, что подобный сценарий существует и рассматривается в Кремле. Согласно ему: «Это будет довольно сложно, процесс будет длительным, но это возможно. Это важно для Кремля с его геополитическими представлениями. Его задача – как можно крепче привязать Белоруссию к России, чтобы не возникла ситуация, когда Белоруссия начнет "дрейфовать на Запад". Вторая возможная задача – запустить процесс объединения, который приведет к конституционному переустройству и решит "проблему 2024 года"» [5]. При этом политолог не рассматривает сценарий *возможной военной агрессии России в отношении нашей страны*. Для него он кажется весьма маловероятным. К. Рогов подчеркивает, что для Кремля важно, чтобы у общественности возникло устойчивое впечатление консенсусного решения. Это объединение должно выглядеть как позитивный процесс, только в этом случае такой сценарий позволит России решить свои проблемы [5].

Один из известнейших представителей российской несистемной оппозиции, популярный блогер А. Навальный также не отбрасывает вариант с Беларусью для продления президентских полномочий В. Путиным. Хотя более вероятным ему все же кажется отмена любых сроков президентства, а не «поглощение» Беларуси [6].

Версию относительно возможной «аннексии» подогревают и отдельные высказывания российских официальных лиц, которые интерпретируются как подготовка Москвы к «захвату» Беларуси. Так, будучи послом в Минске М. Бабич утверждал, что окончательному поглощению республики Россией якобы «никто не сопротивляется» и обвинял А. Лукашенко в том, что он создает из РФ «образ врага» [7].

Наряду с теми, кто в политико-академическом сообществе РФ разделяет точку зрения о возможной «аннексии» Беларуси Россией, достаточно много и тех, кто с этим категорически не согласен. Они отрицают целесообразность подобного шага для российского руководства. Так, заведующий кафедрой связей с общественностью МГИМО В. Соловей уверен, что гипотетическое «объединение» России и Беларуси «не решит для Кремля ни одной проблемы, зато создаст массу новых» [8]. Н. Петров из ВШЭ уверен, что Кремль ничего принципиально не выиграет от потенциального объединения двух стран [8]. Его коллега, критически настроенный в отношении белорусского руководства, А. Суздальцев также считает, что Москва не собирается посягать на независимость нашей страны. Дело в том, что сохранение суверенитета Беларуси важно для России в качестве своеобразного геополитического барьера между РФ и НАТО [9, с. 371]. По мнению политолога Н. Сергеева, вопрос о включении республики в состав России у нынешнего российского руководства на повестке дня не стоит. Сравнивать Беларусь с Крымом, как это делают отдельные эксперты, нельзя, т. к. от решения крымского вопроса напрямую зависела судьба российского государства, а Минску Москва всего лишь предложила «наполнить Договор о создании Союзного государства реальным содержанием» [10]. Е. Кузьмина из ИМЭМО РАН тоже уверена, что Кремль не ставит цели присоединить Беларусь к РФ: «большой интерес для России представляют стабильные отношения с соседями, чем что-либо другое. Ей нужны спокой-

ные соседи – и с точки зрения экономики, и с точки зрения политики» [11]. Тем более что, как справедливо подчеркивает Р. Костюк из СПбГУ, «белорусское руководство и общественность не готовы идти на поглощение суверенитета своей страны Российской Федерацией, ее ассимиляцию» [12].

Весной 2019 г. о том, что Россия не будет поглощать Беларусь, заявил и известный политолог С. Белковский. По его мнению, нынешний этап российско-белорусских отношений – это «*троллинг Беларуси*», «*попытка забрать ее активы, а не независимость*». Он был убежден, что «*никакого аншлюса не будет. Это – борьба за собственность, а не за объединение двух государств*» [13]. Однако в августе 2019 г. С. Белковский вдруг со ссылкой на некие источники близкие к Кремлю заявил обратное: якобы В. Путин заставляет А. Лукашенко согласиться на присоединение Беларуси к РФ [14].

Свое отношение к процессу «поглощения» Беларуси выразили и представители ЛДПР. Как известно, в стратегическом плане В. Жириновский и его соратники выступают за воссоздание России в ее исторически сложившемся геополитическом пространстве в границах бывшего СССР, за восстановление ее статуса великой державы. Вместе с тем ЛДПР не ставит своей целью насильственное присоединение к Российской Федерации территорий, входивших в состав Советского Союза. Что касается Беларуси, то представители ЛДПР ее ждут в составе РФ в качестве 8-го Минского федерального округа [15, с. 86]. Однако, по мнению политика, Россия никогда не собиралась насильно делить Беларусь и «впихивать» в Россию, все должно произойти только добровольно [16]. При этом В. Жириновский почему-то уверен, что белорусы хотят оказаться в составе РФ, против – только элиты.

На появившиеся слухи о том, что якобы объединение двух стран позволит В. Путину остаться президентом после 2024 г. был вынужден отреагировать пресс-секретарь президента России Д. Песков, который отметил, что это «вольные упреждения, не имеющие никакого отношения к тому, что обсуждается в Кремле» [17]. Он заявил, что Москва и Минск «движутся навстречу друг другу, а не в одну сторону» [8]. А 3 апреля 2019 г. спекуляции вокруг будущего российско-белорусских отношений прокомментировал глава МИД России С. Лавров. С его точки зрения, «подобные опасения не оправданны». По словам министра: «Мы не можем занимать такую позицию по отношению к братскому белорусскому народу. Мы ничего особенного не добиваемся. Хотим, чтобы чаяния россиян и белорусов, которые в свое время были воплощены в Союзном договоре, реализовывались на практике» [17].

Таким образом, видим в российском политическом дискурсе наличие широкого спектра точек зрения относительно проблемы развития белорусско-российских отношений в условиях трансформации региональной системы международной безопасности. С одной стороны, есть те, кто убежден в наличии у руководства России планов по «аннексии» Беларуси в том или ином варианте. С другой стороны, многие представители российского политико-академического сообщества категорически не согласны с подобными утверждениями, называя их домыслами и спекуляциями вокруг отношений Минска и Москва, поскольку, с их точки зрения, данные действия Кремля в отношении дружественного государства были бы не только аморальны, но и стратегически невыгодны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Затулин, К. Ф. Союз России и Беларуси: незаметная годовщина [Электронный ресурс] / К. Ф. Затулин // Официальный сайт Константина Затулина. – 2014. – 8 декабря. – Режим до-

- стуга: <http://zatulin.ru/soyuz-rossii-i-belarusi-nezametnaya-godovshhina/> – Дата доступа: 04.09.2016.
2. Семенов, М. Верный союзник. Лукашенко устал от России. Теперь он ищет новых друзей в США [Электронный ресурс] / М. Семенов // Лента.Ру. – 2019. – 5 февраля. – Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2019/02/05/lukabestally/>. – Дата доступа: 31.08.2019.
 3. Клименко, Ф. Андрей Пионтковский: по-тихому «замочить Батьку в сортире» уже не получится [Электронный ресурс] / Ф. Клименко // Русский Монитор. – 2017. – 4 февраля. – Режим доступа: <https://rusmonitor.com/andrejj-piontkovskijj-po-tikhomu-zamochit-batku-v-sortire-uzhe-ne-poluchitsya.html>. – Дата доступа: 02.08.2019.
 4. Венедиктов: у белорусов могут спросить, хотят ли они жить счастливо с Россией [Электронный ресурс] // Euroradio.Fm. – 12.08.2019. – Режим доступа: <https://euroradio.fm/ru/venediktov-u-belorusov-mogut-sprosit-hotyat-li-oni-zhit-schastlivo-s-rossiey>. – Дата доступа: 26.08.2019.
 5. Чижова, Л. Поругались, помирились. Российско-белорусское единение без слияния [Электронный ресурс] / Л. Чижова, Я. Шимов // Радио Свобода. – 2019. – 2 апреля. – Режим доступа: <https://www.svoboda.org/a/29856670.html>. – Дата доступа: 02.08.2019.
 6. Навальный о продлении власти Путина: Вариант с Беларусью реальный [Электронный ресурс] // Белорусский партизан. – 2019. – 27 января. – Режим доступа: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fbelaruspartisan.by%2Fpolitic%2F452970%2F>. – Дата доступа: 02.08.2019.
 7. В Москве уверяют, что их посол Бабич «вырвет клыки» Лукашенко [Электронный ресурс] // ESPRESO.TV. – 2019. – 7 апреля. – Режим доступа: https://ru.espreso.tv/news/2019/04/07/v_moskve_uveryayut_chno_ykh_posol_babych_quotvyrvet_k_lykuquot_lukashenko. – Дата доступа: 31.08.2019.
 8. Владимиров, В. Возможен ли российский аншлюс Беларуси? [Электронный ресурс] / В. Владимиров, Н. Явмен // Голос Америки. – 2019. – 1 января. – Режим доступа: <https://www.golos-ameriki.ru/amp/belarus-ancshluss-russia/4724347.html>. – Дата доступа: 02.08.2019.
 9. Суздальцев, А. И. Россия, Украина и Белоруссия / А. И. Суздальцев // Новые международные отношения: основные тенденции и вызовы для России / А. Г. Аксененок [и др.] ; под ред. А. В. Лукина. – М. : Международные отношения, 2018.
 10. Николай Сергеев: Если Москва будет принципиальна, то в 2020-м состоятся выборы в парламент Союзного государства (интервью) [Электронный ресурс] // Политринг. – 14.03.2019. – Режим доступа: <https://politrting.com/articles/25178-nikolay-sergeev-esli-moskva-budet-principialna-to-v-2020-m-sostoyatsya-vybory-v-parlament-soyuznogo-gosudarstva.html>. – Дата доступа: 25.08.2019.
 11. Заявление российского эксперта вызвало смех в ЕГУ [Электронный ресурс] // Салідарнасць. – 29.09.2019. – Режим доступа: <https://gazetaby.com/post/zayavlenie-rossijskogo-eksperta-vyzvalo-smex-v-egu/157038/>. – Дата доступа: 30.09.2019.
 12. Бочарова, Е. Союз или разрыв: что ждет российско-белорусские отношения? [Электронный ресурс] / Е. Бочарова // РСМД. – 2019. – 7 марта. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/blogs/generation-shift/soyuz-ili-razryv-chno-zhdet-rossiyskobeloruskie-otnosheniya/>. – Дата доступа: 02.08.2019.
 13. Власов, Д. Политолог: Россия пытается забрать у Беларуси активы, а не независимость [Электронный ресурс] / Д. Власов // Naviny.By. Белорусские новости. – 08.04.2019. – Режим доступа: <https://naviny.by/article/20190408/1554703619-politolog-rossiya-pytaetsya-zabrat-u-belarusi-aktivy-ne-nezavisimost>. – Дата доступа: 02.08.2019.
 14. Старикиевич, А. Сигнал тревоги: к чему Путин склоняет Лукашенко [Электронный ресурс] / А. Старикиевич // Салідарнасць. – 15.08.2019. – Режим доступа: <https://gazetaby.com/post/signal-trevogi-k-chemu-putin-sklonyaet-lukashenko/155795/>. – Дата доступа: 22.08.2019.
 15. Идеология ЛДПР / под общ. ред. В. В. Жириновского ; Либерально-демократическая партия России. – М., 2010.
 16. Жириновский: Абсолютное большинство белорусов поддержит вхождение в состав России [Электронный ресурс] // Tut.By. – 2018. – 17 декабря. – Режим доступа: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fnews.tut.by%2F619553.html>. – Дата доступа: 02.08.2019.
 17. Лавров озвучил новые задачи Союзного государства Беларуси и России [Электронный ресурс] // Евразия Эксперт. – 2019. – 4 апреля. – Режим доступа:

ЗНАЧИМОСТЬ БЕЗЪЯДЕРНОГО СТАТУСА БЕЛАРУСИ ДЛЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СООБЩЕСТВА В НАЧАЛЕ 1990- ГОДОВ

С. В. Кузьмич

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, kuzmich_s_v@mail.ru*

В статье анализируются международно-правовые подходы мирового сообщества по созданию безъядерных зон, а также проводится анализ построения взаимоотношений со странами, у которых имеется ядерное оружие. В исследовании также рассматривается проблема политико-правовой деятельности государственной власти Беларуси по обретению безъядерного статуса, как гарантия международной и национальной безопасности. Ценность исследования заключается в том, что вопрос ядерного вооружения является одним из основных для международного сообщества, который постоянно обсуждается и является гарантом безопасности в мире. Закрепленная в Конституции Республики Беларусь норма о безъядерной зоне касается ядерного оружия, однако она не запрещает использование ядерной (атомной) энергии в мирных целях, в том числе строительство и эксплуатацию атомных электростанций. Автор приходит к выводу, что белорусский вариант ядерного разоружения был трудоемкий, требовал больших финансовых растрат и усилий со стороны власти, однако несмотря на все трудности, Беларусь одна из первых решила вопросов ядерного разоружения на постсоветском пространстве в интересах международного мира и безопасности, тем самым укрепив свой международный статус и авторитет.

Ключевые слова: безъядерный статус; международные отношения; разоружение; стратегическое наступательное вооружение; ядерное оружие.

SIGNIFICANCE OF THE NUCLEAR-FREE STATUS OF BELARUS FOR THE INTERNATIONAL COMMUNITY IN THE EARLY 1990S

S. V. Kuzmich

Belarusian state University; Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article analyzes the international legal approaches of the world community to the establishing of nuclear-weapon-free zones, as well as analyzes the construction of mutual relations with countries that have nuclear weapons. The study also examines the problem of political and legal activities of the state power of Belarus to acquire a nuclear-free status as a guarantee of international and national security. The value of the study lies in the fact that the issue of nuclear weapons is one of the main for the international community, which is an ongoing agenda and a guarantor of security in the world. The nuclear-weapon-free zone norm enshrined in the Constitution of the Republic of Belarus concerns nuclear weapons, but it does not prohibit the use of nuclear (nuclear) energy for peaceful purposes, including the construction and operation of nuclear power plants. The author comes to the conclusion that the Belarusian version of nuclear disarmament was laborious, required great financial waste and efforts on the part of the authorities, but despite all the difficulties Belarus was one of the first to solve the issues of nuclear disarmament in the post-Soviet space in the interests of international peace and security, thereby strengthening its international status and authority.

Key words: nuclear-weapon-free status; international relations; disarmament; strategic offensive weapons; nuclear weapons.

После распада СССР особую обеспокоенность в международном сообществе вызвал вопрос о размещении на территории новых суверенных государств – Беларуси, Казахстана, России и Украины, огромного ядерного арсенала, в связи с чем в установлении Западными государствами отношений с данными государствами, вопрос по созданию безъядерных зон был одним из ключевых.

Больше всего возникшим ядерным режимом, связанным с распадом СССР и отсутствием стопроцентных гарантий контроля над советским ядерным оружием, дислоцированным в четырех республиках, были озабочены США. В указанный период основные геополитические и геостратегические интересы США в постсоветском пространстве состояли в следующем:

- 1) предотвращение возникновения источников угрозы как для национальной безопасности США (особенно в том, что касается проблемы ядерного оружия, оставшегося в наследство новым независимым государствам после распада СССР), так и для их интересов в этом регионе;
- 2) противодействие возникновению в Европе союзов или коалиций государств, враждебных США или их союзникам;
- 3) недопущение доминирования в Европе какой бы то ни было одной державы (будь то Германия или Россия).

Интересам США отвечало скорейшее претворение в жизнь провозглашённого Беларусь безъядерного статуса. Они также были заинтересованы в том, чтобы Беларусь не участвовала в союзах или коалициях, противоречащих достижению американских интересов в Европе. Правительство США готово было для этого оказать различную помощь, как финансовую, так и техническую [1, с. 82].

Представители европейских государств, также были крайне обеспокоены отсутствием прогресса со стороны стран СНГ в разоружении и ратификации важнейших международно-правовых договоров. 16 апреля 1992 года посол ФРГ передал МИД Республики Беларусь заявление НАТО о присоединении стран СНГ в качестве неядерных государств к Договору о нераспространении ядерного оружия. При этом посол ФРГ Р. Краус отметил, что государства НАТО придают большое значение указанному договору, рассматривая его как один из важнейших инструментов укрепления мира и обеспечения международной безопасности, а также дальнейшего развития взаимоотношений [2]. 30 июня 1992 года в Минске в ходе встречи Министра иностранных дел Республики Беларусь П. Кравченко с заместителем помощника Государственного секретаря США Р. Козларичем, непосредственно отвечающего за развитие отношений с Беларусью, и послами НАТО, было обозначено, что ключевым моментом в белорусско-американских отношениях является скорейшая ратификация Беларусью Договора о нераспространении ядерного оружия, а также Договора об обычных вооружённых силах в Европе (далее ОВСЕ). Р. Козларичем было указано, что если Договор ОВСЕ не будет ратифицирован, то это существенно отразится на отношениях между Республикой Беларусь и США [3].

Обеспокоенность о нахождении стратегического наступательного вооружения на территории Беларуси была не только среди правительств Западных государств, но и среди общественных движений. В своем письме правительству Беларуси, Норвежская общенародная организация в защиту мира «Нет ядерному оружию», выражала глубокую обеспокоенность в том, что распад Советского Союза может повлечь недостаточные меры по хранению и контролю за ядерным оружием размещенном на территории новых суверенных государств. Некоторые взгляды российских представителей, работающих в Западных странах и предлагающих уничтожить экологические опасные отходы посредством ядерных взрывов, еще больше усиливали беспокойство среди мирового сообщества. Норвежская организация просила от глав новых суверенных государств, на территории которых

было размещено ядерное оружие, выработки скоординированного плана по передачи ответственности за его хранение новым образовавшимся правительствам. Также предлагалось анонсировать общую программу контроля ядерного оружия в период социального преобразования и продолжить процесс ядерного разоружения, приверженность которому была заявлена Советским Союзом. Отмечалось, что все нации и правительства, имеющие ядерное оружие, обязаны хранить деструктивные ядерные силы при надежном и ответственном управлении, при этом ответственность должна также включать обязательство убедить окружающий мир, что обеспечивается надежное и безопасное хранение [4].

С призывом ко всем руководителям правительств республик СНГ, также выступил Японский совет против атомных и водородных бомб, в котором он предлагал предпринять международные шаги для срочного уничтожения всех ядерных арсеналов. Отмечалось, что соперничество военных блоков, в центре которых были США и СССР, и в гонке ядерного оружия все люди и их цивилизации на протяжении всего времени после атомной бомбардировки Хиросима и Нагасаки сталкивались с угрозой выживания, однако в последние годы, наряду с изменениями в отношениях между «Востоком» и «Западом», были достигнуты многие соглашения по ядерному разоружению, в связи с чем, наступило время, когда государства, имеющие ядерное оружие, должны предпринять смелые шаги по ликвидации всего ядерного оружия. Также в данном обращении было отмечено, что опыт Советского Союза показал, что его обращение к конфронтации с ядерным наращиванием одним военным блоком при создании эквивалентного ядерного арсенала не только стало прямой причиной для экономического кризиса в стране, но также создало большое количество жертв радиации среди собственного народа, что привело к потере моральной поддержки людей всего мира [5].

Указанная обеспокоенность среди государств и общества была вызвана рядом причин, одной из которых являлась Чернобыльская катастрофа, после которой люди начали с опасением относиться к атому. Также настороженность вызывала позиция Украины, которая предлагала, что сторонами Договора о стратегическом наступательном вооружении, а значит и обладателями ядерного оружия, должны стать все государства СНГ, на территории которых оно находится. Данная позиция ставила под угрозу Договор о нераспространении ядерного оружия, где говорилось только о пяти ядерных государствах, а в случае принятия предложений Украины их количество автоматически увеличивалось бы до восьми, что создало бы опасный прецедент для дальнейшего расширения «ядерного клуба».

В связи с постоянным давлением (по поводу решения ядерного вопроса) как со стороны правительств Западных государств, так и мирового сообщества в целом, правительству Беларуси приходилось неоднократно подчеркивать свою приверженность к скорейшему обретению статуса безъядерного и нейтрального государства, при этом приходилось в кратчайшие сроки принимать важные правовые решения, создавать группы и комиссии по разработке нормативно-правовой базы, что влекло за собой определенные финансовые растраты.

Беларусь впервые заявила о своем намерении сделать свою территорию безъядерной зоной в 1990 году в Декларации «О государственном суверенитете Республики Беларусь». Необходимо отметить в данном направлении деятельность Министра иностранных дел Беларуси П. Кравченко, который 23 октября 1990 года на сессии Генеральной Ассамблеи ООН обнародовал инициативу о создании безъядерной зоны в Восточной и Центральной Европе. С целью реализовать данную инициативу и тем самым усилить международную позицию Беларуси, П. Кравченко был введен тезис «о безъядерной части ядерного целого» (по примеру региональных пацифистских инициатив и решений местных органов власти

Англии и Японии). Таким образом, Беларусь впервые в полный голос заявила о своих приоритетах и национальных интересах, что способствовало росту ее международного авторитета [6, с. 12]. Также данную инициативу поддерживал председатель Верховного Совета С. Шушкевич, а в дальнейшем и президент Республики Беларусь А. Лукашенко.

С целью исполнения взятых Беларусью на себя международных обязательств по ядерному разоружению и исполнения международно-правовых договоров было создано Национальное агентство по контролю и инспекциям при Министерстве обороны Республики Беларусь, в функции которого входила реализация международных договоренностей по созданию безъядерной зоны. Также был образован Комитет по ядерной политике, который создавался государствами-участниками СНГ и был предназначен для выработки согласованных взглядов на вопросы ядерной политики [7]. Необходимо отметить, что норма о безъядерном статусе Беларуси нашла своё отражение в основном Законе Республики Беларусь. Согласно ст. 18 Конституции, Республика Беларусь ставит целью сделать свою территорию безъядерной зоной [8, с. 6]. Еще на момент принятия нынешней редакции Конституции ядерное оружие находилось на территории республики, но уже в день вступления ее в силу – 27 ноября 1996 г. – последний эшелон с межконтинентальными баллистическими ракетами был выведен в Россию. Тем самым Беларусь сделала шаг глобального значения по утверждению идеалов мира, общечеловеческих ценностей и политической нравственности.

Положение о безъядерном статусе Беларуси продолжает действовать, определяя политику государства по вопросам, связанным с ядерным оружием. Необходимо отметить, что другие республики бывшего СССР, располагавшие ядерным оружием, не включили о нем каких-либо формулировок в свои конституции [9, с. 375].

Таким образом, выбранный властью Беларуси внешнеполитический курс, направленный на обретение статуса безъядерного и нейтрального государства, отвечал требованиям международного сообщества, а выполнение данного курса демонстрировало миру умение держать слово, не поддаваться конъюнктурным искушениям, придерживаться договоренностей, что было характерно в то время не для всех государств. Благодаря усилиям государственной власти, Республике Беларусь удалось за короткий период времени получить международное признание во всем мире, а также установить международные отношения с различными государствами, тем самым укрепив свой международный авторитет [10, с. 252].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Кузьмич, С. В. Установление международных связей Республики Беларусь с Соединенными Штатами Америки (1991-1996 гг.) / С. В. Кузьмич // Актуальные проблемы социально-гуманитарного знания: материалы II Междунар. студ. науч.- теорет. конф., Минск, 18 апр. 2017 г. / Бел. гос. пед. ун-т им. М. Танка ; редкол.: А. В. Касович [и др.]. – Минск : РИВШ, 2017. – С. 82-83.

2. О заявлении НАТО о присоединении к Договору о нераспространении ядерного оружия // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 968. – Оп. 12. – Д. 152. – Л. 140–142.

3. Информация о Беседах П. Кравченко с заместителем помощника Государственного секретаря США Р. Козларичем и послами стран НАТО, аккредитованными в Минске // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 7. – Оп. 12. – Д. 391. – Л. 251–253.

4. Письмо Норвежской организации «Нет ядерному оружию» Президентам России, Республики Беларуси, Украины, Казахстана // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 968. – Оп. 12. – Д. 149. – Л. 40–42.

5. Письмо Японского совета против атомных и водородных бомб Верховному Совету Республики Беларусь // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 968. – Оп. 12. – Д. 149. – Л. 137–139.

6. Кравченко, П. Беларусь на переломе. Восстановление государственности и дипломатический прорыв в мир / П. Кравченко // Беларуская думка. Праект «Дыпламатычная місія». – 2016. – № 12. – С. 9 – 21.

7. Положение о Комитете по ядерной политике // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 968. – Оп. 12. – Д. 149. – Л. 225–227.

8. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск : Амалфея, 2015. – 48 с.

9. Комментарий к Конституции Республики Беларусь: в 2 т. / И.И. Пляхимович. – Минск: Амалфея, 2015. – 2 т. – 981 с.

10. Кузьмич, С.В. Деятельность государственной власти Республики Беларусь в становлении международных отношений со странами Запада в период парламентской формы правления (1991-1994 гг.) / С.В. Кузьмич // Сб. науч. ст. / РИВШ. – Минск, 2017. – Вып. 17: Исторические и психолого-педагогические науки. – С. 218-224.

ВОСТОЧНОЕ ПАРТНЕРСТВО КАК ИНСТРУМЕНТ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

К. С. Курилов¹, В. В. Фрольцов²

¹ *Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, kiryl.kurylau@icloud.com*

² *Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, vlad.froltsov@gmail.com*

В статье рассматривается инициатива ЕС "Восточное партнерство". Основное внимание уделялось ответным мерам отдельных стран-участниц этой программы и позиции Российской Федерации. Автор выбрал данную тему, поскольку определенное осложнение во взаимодействии ЕС и России достаточно четко отражено на примере политики, проводимой в отношении стран Восточной Европы с российской стороны. Учитывая сложившиеся отношения между Российской Федерацией и Западной частью мира в целом, можно сказать, что проблема успешного функционирования Восточного партнерства становится особенно острой.

Ключевые слова: Восточное партнерство; Беларусь; Россия; ЕС; внешняя политика; противоречия; Восточная Европа.

EASTERN PARTNERSHIP AS AN EXTERNAL POLICY TOOL OF THE EUROPEAN UNION

K.S. Kurilov^a, V.V. Froltsov^b

^a *Belarusian State University; Niezależnasci Ave., 4; 220030; Minsk; Belarus*

^b *Belarusian State University, Niezależnasci Ave., 4, 220030, Minsk; Belarus*

Corresponding author: K.S. Kurilov (kiryl.kurylau@icloud.com)

The article is devoted to the consideration of EU's initiative "Eastern Partnership" (EAP). The main attention attended to retaliation of separate country-members to this program and the position of the Russian Federation. The author has chosen this particular topic because of certain complications in the EU and Russia interactions which quite clearly illustrate the policies pursued to the counties of Eastern Europe on the Russian side. Given the current relations between the Russian Federation and the Western part of the world as a whole, we can say that the problem of the success of the Eastern Partnership is becoming particularly acute.

Keywords: Eastern Partnership; Belarus; Russia; EU; external policy; contradictions; Eastern Europe.

Европейская политика соседства была формализована в 2004 г. в результате расширения Европейского Союза в Восточную Европу. Главным мотивом послужила беспрецедентная географическая и политическая экспансия бывших советских республик. Европейская Политика Соседства была создана с двумя основными стратегическими целями: «избегать новых разделительных линий в Европе и способствовать стабильности и процветанию как внутри ЕС, так и за его пределами». Несмотря на такие достойные цели, Европейская Политика Соседства с самого начала основывалась на противоречивой логике проекта, которая проявлялась в его риторике и действиях, которые в дальнейшем препятствовали его успешной реализации по отношению к соседним странам. Возникли трудности при объединении идеалистической идеи создания «круга друзей» вокруг Европы с реалистичной, продиктованной соображениями безопасности, а также необходимостью защиты собственных границ и окружающей среды «хорошо управляемыми странами». Задача поиска стимулов для реформ со стороны соседей в обмен на обещания «сомнительной» экономической интеграции в будущем. Отношения, лишенные перспектив членства восточноевропейских стран в ЕС, непривлекательны. Без конечной цели у нас было очевидное будущее, которое стало серьезной проблемой не только для политиков ЕС, но и для стран-партнеров. Европейская Политика Соседства была принята восточными соседями неоднозначно. В ответ на неясную ситуацию с Европейской Политикой Соседства 7 мая 2009 г. было начато создание Восточного Партнерства. Декларация была подписана ЕС с шестью странами бывшего Советского Союза – Азербайджаном, Арменией, Беларусью, Грузией, Молдовой и Украиной с целью более тесного сотрудничества с регионом. Подписание Договора стало важным шагом на пути к созданию «особых условий для ускоренного формирования политических объединений и дальнейшей экономической интеграции между ЕС и странами-партнерами». Еще одно преимущество Восточного Партнерства явно вытекает из концепции «больше, чем партнерство» с соседними странами, которая основана на взаимных интересах, разделении собственности и коллективной ответственности [1].

Учреждение Восточного партнерства было ратифицировано Европейским Союзом в 2009 году на Пражском саммите. Инициатива создания была продемонстрирована с двух сторон – со стороны стран-партнеров ЕС и Восточной Европы (Азербайджан, Армения, Беларусь, Грузия, Молдова, Украина). Целью этого сотрудничества было содействие политическим, экономическим и социальным реформам, направленным на сближение этих стран с ЕС. Эти реформы основываются на соблюдении принципов международного права и основополагающих ценностей, таких как демократия, защита основных свобод, прав человека, а также принципов рыночной экономики, устойчивого развития, законного и благого управления. Основными целями Восточного Партнерства являлись создание условий для стратегического сближения и углубления экономической интеграции между ЕС и этими восточноевропейскими странами [2].

Продолжающаяся работа в области двустороннего и многостороннего сотрудничества носит взаимодополняющий характер. В результате развития работы в этом направлении, совместных усилий и обмена опытом, многие ключевые для ЕС трудности были преодолены совместно на многоуровневой основе. Основным инструментом, использованным в многосторонней работе Восточного партнерства, были четыре тематические платформы, дополненные профессиональными экспертными советами, важными проектами и предложениями.

Известно, что Польша и Швеция инициировали создание Восточного партнерства, которое пропагандировало необходимость углубления процессов интеграции с восточными соседями. Однако особый подход к соседям из Восточной Европы

необходимо было найти в связи с их историческим и культурным сообществом с европейской цивилизацией [3].

В результате многовекторного сотрудничества должно быть пространство надежного соседства, в котором ЕС получит определенные выгоды от существования вокруг него активных, экономически сильных и политически стабильных государств. Выгоды для самих восточноевропейских государств более очевидны [4].

Однако в работе Восточного партнерства присутствует ряд ключевых проблем.

Во-первых, сегодня во внешней политике ЕС стоит дилемма, которую можно назвать «изменением статус-кво». Это говорит об определенной несогласованности между намерениями ЕС и его реальными действиями. С одной стороны, Европейский Союз готов продвигать европейские нормы и реформы в странах-партнерах, но, с другой стороны, пытается предотвратить слишком быструю интеграцию этих стран в европейское сообщество. Эта позиция отчетливо прослеживается по отношению к Беларуси. Результатом таких действий может стать закрытие европейской политики на линии «структура-государство ЕС в Беларуси», а в худшем случае – откат к ситуации 2006–2008 годов, когда европейско-белорусское сотрудничество было заморожено [5].

Во-вторых, следует помнить, что Восточное партнерство является ограниченной структурой, которая является вспомогательным инструментом для налаживания и поддержания партнерского сотрудничества, а не программой радикального решения проблем регионов Восточной Европы и Северного Кавказа. Следует также помнить, что эффективность этой программы зависит только от желания стран-партнеров и их готовности к интеграции [5].

В-третьих, глобальный экономический кризис стал серьезным вызовом для существования Восточного Партнерства. Трудности в странах-партнерах могут привести к замедлению процесса модернизации экономики, что потребует от ЕС координации шагов по реализации Восточного Партнерства с действиями МВФ, выделившего кредиты Армении, Беларуси, Грузии и Украине, а также отдельным структурам ЕС с целью обеспечения наиболее эффективного использования выделенных средств [5].

В-четвертых, позиция России по отношению к Восточному Партнерству оказывает существенное влияние, как отмечалось выше. В связи с этой критической ситуацией ЕС должен постоянно принимать меры по преодолению нарастающего конфликта между российским и европейским руководством по данному вопросу [5].

В-пятых, серьезной угрозой существованию Восточного партнерства является наличие в Европейском Союзе других подобных проектов, что повышает степень конкуренции между ними по приоритетности, политической поддержке и уровню финансирования [5].

Создание зоны свободной торговли и налаживание сотрудничества в области энергетической составляющей, а также поддержка процессов совершенствования государственного управления и активного развития гражданского общества в странах-партнерах являются специфическими инструментами для достижения перспектив инициативы. Для достижения этих целей Европейская комиссия выделила 600 млн. евро в период с 2010 по 2013 год. Планировалось (в долгосрочной перспективе), что если какая-либо из стран-партнеров успешно подойдет к стандартам европейских стран, то сможет рассчитывать на получение предложения о вступлении в ЕС. Хотя было подчеркнуто, что эта возможность не является фундаментальной и возможна только в долгосрочной перспективе [6].

Видно, что отношения между Европейским союзом и отдельными государствами-членами начали активно развиваться в начале второго тысячелетия. В политических и экономических процессах между ЕС и этими странами произошел ряд изменений. Следует отметить, что существует ряд проблем в функционировании

данной инициативы и одной из главных из них является наличие таких проектов в ЕС, что угрожает существованию Восточного Партнерства, поэтому страны-участницы должны проявить больше готовности работать в этом направлении, а также осуществить все необходимые реформы, требуемые Восточным партнерством.

Опыт Беларуси в этом проекте позволяет выделить несколько основных моментов, которые становятся индикаторами успешной работы Восточного Партнерства на национальном уровне.

Это, прежде всего, скрытая инициированная и поддержанная стратегия «десоветизации», под которой понимается деконструкция устаревших элементов советского времени, сохранившихся в обществе на всех уровнях – от экономики до духовно-идеологической сферы. Далее следуют процессы формирования белорусской идентичности на национальном уровне. Последним этапом должна стать европеизация, которая направлена на реконструкцию и продвижение европейских стандартов для Беларуси. Поддержка решений, актуальных как для Европы, так и для Беларуси. Под евроинтеграцией понимаются следующие инструменты и стандарты:

- экспертное изучение идей и программ по образованию в социально-культурной сфере.
- публичность, достоверность и чистота информации
- нормы переговоров и договора всех участников трансформационных процессов как европейский стандарт принятия важных решений [7].

Еще одним успешным компонентом участия Беларуси в Восточном Партнерстве является синхронизация работ на трех уровнях проектной инфраструктуры: национальном, региональном и европейском. В то же время особое внимание следует уделять сотрудничеству на региональном уровне, а на европейском уровне производительность может быть обеспечена только при наличии соответствующих европейских лоббистских организаций.

Прежде всего, следует отметить недостаточный уровень взаимодействия и координации государственных структур и Института гражданского общества Беларуси. Существуют внутренние различия во взаимоотношениях государственных органов с инициативой: с одной стороны, они делают определенные шаги в направлении сотрудничества с ЕС, с другой - направлены в первую очередь на пассивные получение ресурсов без последующей видимой и качественной трансформации их деятельности, моделей функционирования и общественной инфраструктуры.

Сложность продвижения и медленность реализации конкретных программ Восточного Партнерства также можно рассматривать как угрозу для инициативы.

Крайне серьезной проблемой на национальном уровне является отсутствие независимых квалифицированных экспертов, которые должны создать платформу для параллельных государственных социальных практик. Однако следует избегать противоположной опасности - подмены формирования гражданского общества формированием экспертного пространства [8].

Одной из проблем является низкий уровень инициативности. Известно, что существуют четыре тематических платформы для сотрудничества: демократия, надлежащее управление, экономическое сотрудничество и консолидация с отраслевой политикой ЕС, энергетическая безопасность, установление контактов между людьми. Необходимо также добавить сложность процессов самоорганизации и разработки проектных предложений от граждан страны [8].

В отношениях между ЕС и Беларусью можно отметить некоторые недоразумения и проблемы (в основном с белорусской стороны). Однако, несмотря на это, Восточное Партнерство следует рассматривать как историческую возможность для Беларуси активно включиться в современные интеграционные процессы и максимально использовать свой потенциал в различных сферах. Восточное Парт-

нерство предоставляет возможности для самореализации и реализации европейских идеалов и ценностей в Беларуси [8].

Восточное партнерство прошло долгий путь от Европейской Политики Соседства до того формата, коим оно является сейчас, работая со странами Восточной Европы и помогая им развиваться. Следует отметить, что существование этого проекта является желанием стран Европейского Союза сформировать единую европейскую систему с едиными правилами и схожими приоритетами развития. Реформы, проводимые странами-участницами, могут принести им только пользу. Главное – найти правильный подход путем осуществления этих преобразований [9].

Важной особенностью является разница между Россией и ЕС, которая ставит страны Восточной Европы в довольно сложное положение и заставляет их делать выбор в пользу экономического развития совместно с Россией или ЕС.

Нынешний системный кризис Европейского союза, разумеется, ослабил его позиции в качестве социально-экономического «магнита». В настоящее время ЕС больше занят внутренними проблемами: миграционными процессами, трудоустройством беженцев, безопасностью, проблемой «развода» Великобритании и ЕС и многими другими. Поэтому отношение к Восточному партнерству значительно снизилось и не является приоритетным [10].

В заключение следует отметить, что политика ЕС по отношению к своим соседям создает вертикально ориентированные и асимметричные отношения, систему «центр – периферия», в которой ЕС, как главный актер с несколькими десятилетиями экономического процветания, дополняется менее развитой как в политическом, так и в экономическом плане периферией. Отсутствие основного стимула для стран-партнеров - вступления в ЕС – влияет на эту позицию, что снижает привлекательность сотрудничества в рамках ЕАП и способность Европейской политики соседства конкурировать за другие интеграционные процессы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Геополитическое прочтение Восточного партнерства: сб. науч. ст. / Белорусс. гос. ун-т; редкол.: И. Е. Моисеев (гл. ред.) [и др.] – Минск: БГУ, 2016. – С. 117-125.

2. Добржанська, О. О. Ініціатива "Східне партнерство" в реалізації зовнішньої політики Європейського Союзу: автореф. дис. ... канд. політ. наук: 23.00.04 / О. О. Добржанська; Чернівецький нац. ун-т. ім. Ю. Федьковича. – Чернівці, 2012. – 20 с.

3. Кизима, С. А. Белорусские интересы в Восточном партнерстве / С. А. Кизима – Минск: БГУ, 2016. – 240 с.

4. Коростелева, Е. Восточное партнерство: проблемы и перспективы / Е. Коростелева. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2011. – 278 с.

5. From Eastern Partnership to the Association: a legal and political analysis / ed.: N. Šišková, F. Štefan. – Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2014. – XIII, 305 p.

6. Partnerstwo Wschodnie / ed.: M. Dzierżanowski. – Warsaw: Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Poland, Department of Public and Cultural Diplomacy, 2012. – 48 p.

7. Восточное партнерство – Quo Vadis»? Ретроспективный взгляд в будущее [Electronic resource]. – Available at: <https://eap-csf.eu/quo-vadis-eastern-partnership-a-retrospective-look-into-the-future-2/?lang=ru>. Date of access: 19.10.2019.

8. Международная конференция "Будущее "Восточного партнерства" [Electronic resource]. – Available at: https://www.tvr.by/news/politika/desyataya_mezhdunarodnaya_konferentsiya_budushchee_vostochnogo_partnerstva_proshla_v_minske/. Date of access: 19.10.2019.

9. Eastern Partnership – European External Action Service [Electronic resource]. – Available at: https://eeas.europa.eu/topics/eastern-partnership_en. Date of access: 19.10.2019.

10. Partnerstwo Wschodnie: geneza, mo liwo ci i wyzwania //Portal EurActiv.pl [Electronic resource]. – Available at: <http://www.euractiv.pl/eurovybory/analizy/partnerstwo-wschodnie-geneza-moliwosci-wyzwania-001050>>. Date of access: 19.10.2019.

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ КИТАЕМ И ГРУЗИЕЙ

Лань Пэнхэ

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 2200030, г. Минск, Республика Беларусь, bblph2006@126.com

В статье отмечается, что связи между Китаем и Грузией в области сельского хозяйства стали стимулом для обменов и прагматического сотрудничества во всех других сферах экономики. Оба государства обладают взаимодополняемостью в области производства сельскохозяйственной продукции, торговли сельскохозяйственными товарами, инвестиционных проектов агропромышленного комплекса. Объект исследования – сотрудничество КНР и Грузии. Цель исследования – охарактеризовать основные направления и содержание сотрудничества в области сельского хозяйства. Научная новизна исследования – в оценке возможностей и перспектив взаимодействия Пекина и Тбилиси в указанном направлении. Практическая значимость исследования – в определении значения сотрудничества с Грузией для развития экономики Китая и повышения благосостояния его населения.

Ключевые слова: китайско-грузинские отношения; сельскохозяйственное сотрудничество; Соглашение о свободной торговле; инициатива «Один пояс, один путь», правительственные гранты; проекты технологической помощи.

THE STATE AND PROSPECTS OF AGRICULTURAL COOPERATION BETWEEN CHINA AND GEORGIA

Lan Penghe

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, Corresponding author: Lan Penghe (bblph2006@126.com)

The article notes that relations between China and Georgia in the field of agriculture have become an incentive for exchanges and pragmatic cooperation in all areas. Both countries have complementarity in the areas of agricultural production, trade in agricultural products, investment projects in the agricultural sector. The object of study is the cooperation of China and Georgia. The purpose of the study is to characterize the main directions and content of cooperation in the field of agriculture. The scientific novelty of the study is in assessing the possibilities and prospects of interaction between Beijing and Tbilisi in this direction. The practical significance of the study is in determining the importance of cooperation with Georgia for the development of the Chinese economy and improving the welfare of its population.

Keywords: China-Georgia relations; agricultural cooperation; Free trade agreement; Belt and Road; government grants; technological assistance projects.

Дипломатические отношения Китая с Грузией были установлены в 1992 году. На сегодняшний день Китай является одним из главных торговых партнеров этого южнокавказского государства, с которым с января 2018 года действует соглашение о свободной торговле. В Пекине высоко оценивают геостратегическую роль Грузии, рассматривая эту страну как значимое звено между Азией и Европой, с уважением относятся к ее суверенитету и территориальной целостности, стремлению стать участником евроатлантической интеграции. По мнению китайских экспертов, одно из ее конкурентных преимуществ – наличие Соглашения о свободной торговле и с Европейским союзом.

В 2018 году внешнеторговый оборот между странами превысил 1 млрд долларов, что на 31,8% больше, чем в предшествовавшем. За первые четыре месяца 2019 года эта цифра достигла почти 317,8 млн долларов [1]. Грузинские эксперты считают, что китайский рынок более перспективен по сравнению с рынком ЕС (из-за сложных правил поведения) или России (в связи с политическими разногласиями).

В связи с развертыванием Китаем инициативы «Один пояс и один путь» (Экономический пояс Шелкового пути и Морской Шелковый путь XXI века) ожидается всплеск китайских инвестиций в сельское хозяйство стран, расположенных вдоль Шелкового пути. Шестьдесят с лишним государств, обладающих богатыми сельскохозяйственными ресурсами, предоставляют Китаю огромное пространство для развертывания соответствующего сотрудничества. На проходившем в мае форуме «Развитие сельскохозяйственной отрасли Китая–2015» прозвучали такие цифры: в рамках вышеупомянутой инициативы потенциал развития сотрудничества в области выращивания и разведения птиц, животных и рыбы оценивается как минимум в 200 млрд юаней, в области растениеводства – 500 млрд юаней, а в области разведения трех крупнейших сельскохозяйственных культур (пшеница, рис и кукуруза) – 1,5 трлн юаней [2].

В мае 2015 года правительство Китая в виде гранта передало Грузии 245 единиц современной спецтехники и электромеханические установки общей стоимостью 10,764 млн долларов, в том числе экскаваторы, грузовые автомобили, бульдозеры, бетономешалки и тракторы. Перед подписанием Акта о передаче состоялась встреча, на которой стороны обсуждались вопросы, связанные с реализацией совместных проектов, в том числе в области чаеводства и реабилитации чайных плантаций. Кроме того, ведется подготовка к реализации проекта грузино-китайского сотрудничества «Технология выращивания овощей в Грузии», в рамках которого в стране будет построено более 30 теплиц. Китай вложит в развитие сельского хозяйства Грузии в регионе Самегрело–Земо Сванети 20-25 млн долларов. Согласно подписанному сторонами меморандуму, эта сумма будет выделена в качестве инвестиций в разведение сельскохозяйственных культур, рыбоводство, животноводство, чаеводство, развитие холодильных хозяйств, сельской инфраструктуры и агротуризма в Грузии [2].

Если анализировать динамику двустороннего товарооборота, то в 1992 году, когда были установлены дипломатические отношения между странами, он составлял лишь 3.68 млн. долларов. В 2014 году товарооборот уже достиг примерно 600 миллионов долларов и вырос в 163 раза. Таким образом, Китай стал пятым по величине торговым партнером Грузии. Прямые китайские инвестиции в экономику Грузии составляют более 300 млн. долларов США. Они ежегодно способствуют созданию более 1000 рабочих мест. Китайская сторона ежегодно предоставляет необходимую помощь для экономического и социального развития Грузии. Например, Пекин в 2014 году предоставил Тбилиси безвозмездную помощь на сумму в 5 млн. долларов. Проводятся регулярные консультации по поводу использования этих денег на строительство овощных теплиц, а также предоставления Грузии новой партии сельскохозяйственной техники и других товаров. Китайские компании также активно участвуют в модернизации инфраструктуры сельского хозяйства Грузии. Проекты, как правило, завершаются вовремя, и грузинское правительство высоко ценит такие компании. Стороны также плодотворно сотрудничают в сфере финансирования и переподготовки персонала для сельского хозяйства [3].

В городе Марнеули на востоке Грузии открылся демонстрационный тепличный комплекс, который призван помочь грузинским аграриям внедрить передовые технологии. При помощи экспертов из юго-восточной китайской провинции Хунань на площади в пять гектаров в Марнеули были построены шесть больших и 27 малых солнечных теплиц. Группа специалистов из провинции Хунань провела 10 учебных курсов в Грузии и два в Китае, были переподготовлены около 500 грузинских фермеров. В рамках проекта технической помощи правительством Китайской Народной Республики в 2015 году было выделено 20 млн. юаней (3 млн. долларов). Подытожив результаты двухлетней работы, грузинские и китайские эксперты заключили, что эта экспериментальная база должна продолжить пере-

подготовку специалистов. Китайское посольство находится в процессе обсуждения дальнейших планов по поддержке сельскохозяйственного сектора, его сотрудники пришли к выводу, что такие тепличные хозяйства можно распространить повсеместно: Грузия - «чистая страна», здесь целесообразно развивать производство экологического характера, к тому же она имеет большой потенциал в секторе сельского хозяйства, так как в нем формально заняты 42% населения, но почти две трети из них не имеют работы. [4].

Китай имеет самую быструю динамику торговли с Грузией, занимает третье место в мире по потреблению грузинского вина после России и Украины. Вместе с тем грузинский экспорт в Китай существенно отстает от импорта. По мере того, как положение КНР в мировой экономике продолжает укрепляться, готовность Тбилиси к сотрудничеству с Пекином становится все более очевидной [5, с. 56].

В Гуанчжоу (столица провинции Гуандун) с целью оказания помощи грузинскому бизнесу в изучении рынка направлен специальный представитель Тбилиси, на территориях двух стран регулярно проводятся грузино-китайские бизнес конференции. С сентября 2019 г. МИДом Грузии началась подготовка экономических атташе для поощрения иностранных инвестиций и грузинского экспорта, причем упор делается на «китайской» специализации [6].

В результате подписания Меморандума о взаимопонимании в сфере реализации инициативы «Пояс и путь» между Китаем и Грузией создана зона свободной торговли, что является демонстрацией постоянной готовности сторон к активному сотрудничеству, в том числе в сфере сельского хозяйства [7, с. 60].

По оценке автора, грузино-китайские отношения переходят на новый уровень — Соглашение о свободной торговле и масштабная инициатива «Один пояс, один путь» создают условия для стимулирования экономики и торговли Грузии. Китайско-грузинские отношения поднялись на уровень партнерства, Пекин и Тбилиси намерены создавать и использовать новые возможности и совместно вписать новую яркую страницу в историю дружбы и сотрудничества, но на прагматической основе и исходя из национальных интересов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Мы готовы развивать грузино-китайские отношения по всем направлениям [Электронный ресурс] // Новый Кавказ. – 13.06.2017. – Режим доступа: <http://newcaucasus.com/economy/16346-tsz-yanchi-myi-gotovy-razvivat-gruzino-kitayskie-otnosheniya-po-vsem-napravleniyam.html>. – Дата доступа: 12.09 2019.

2. Сельскохозяйственные проекты Китая в России и странах бывшего СССР [Электронный ресурс] // Организация бизнеса в Китае. – 10.06.2015. – Режим доступа: <https://www.uglc.ru/blog/selskoxozyajstvennye-proekty-kitaya-v-rossii-i-stranax-byvshego-sssr.htm>. – Дата доступа: 20.09 2019.

3. Концепция экономического пояса Шелкового пути Китая совпадает с национальной стратегией развития Грузии [Электронный ресурс] // Новый Кавказ. – 05.03.2014. – Режим доступа: <http://newcaucasus.com/politics/12170-yue-bin-kontseptsiya-ekonomicheskogo-poyas.html> – Дата доступа: 16.09 2019.

4. Мы готовы развивать грузино-китайские отношения по всем направлениям [Электронный ресурс] // Новый Кавказ. – 13.06.2017. – Режим доступа: <http://newcaucasus.com/economy/16346-tsz-yanchi-myi-gotovy-razvivat-gruzino-kitayskie-otnosheniya-po-vsem-napravleniyam.html>. – Дата доступа: 12.09 2019.

5. Бао Ян. Исследование строительства Китайско-грузинской зоны свободной торговли в рамках «Экономического пояса Шелкового пути» / Бао Ян, Цуй жиминь // Журнал Ляонинского университета (издание «Философия и социальные науки»). – 2017. – № 1. – С. 51–57.

6. Грузия окучивает Китай, который не спешит инвестировать [Электронный ресурс] // Россия Сегодня. – 07.10.2019. – Режим доступа: <https://inosmi.ru/economic/20191007/245971148.html>. – Дата доступа: 16.10 2019.

7. Ю Сяньян. Сельскохозяйственные инвестиционные возможности и потенциальные исследования / Ю Сяньян, Сюй Хунся, Ван Сен // Южное сельское хозяйство. – 2010. – № 11. – С. 59–62.

ПЕРАМІР'Е 1591 г. ПАМІЖ РЭЧЧУ ПАСПАЛІТАЙ І РАСІЙСКОЙ ДЗЯРЖАВАЙ І ПАЗІЦЫЯ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА

С. А. Лашкевіч

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт;
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь, laschckevich.s@yandex.ru*

У артыкуле разглядаюцца ўмовы перамір'я 1591 г. паміж Рэччу Паспалітай і Расійскай дзяржавай. Асобная роля пры даследванні адводзіцца вывучэнню знешнепалітычнай пазіцыі Вялікага Княства падчас падпісання і зацвярджэння перамір'я. Адзначаецца выключная роля Княства падчас падпісання перамір'я. Упершыню ў беларускай гістарыяграфіі даследуюцца пытанні прадстаўніцтва знешнепалітычных інтарэсаў Швецыі прадстаўнікамі Вялікага Княства Літоўскага.

Ключавыя словы: Вялікае Княства Літоўскае; Карона Польская; Рэч Паспалітая; Расійская дзяржава; Шведскае каралеўства; знешняя палітыка; дыпламатыя.

THE TRUCE OF 1591 BETWEEN THE COMMONWEALTH AND THE RUSSIAN STATE AND THE POSITION OF THE GRAND DUCHY

S. A. Lashkevich

Belarussian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article covers the conditions of the truce of 1591 between the Polish-Lithuanian Commonwealth and the Russian State. A special attention in the research is paid to the learning of the foreign policy position of the Grand Duchy of Lithuania during the signing and approval of the truce. The exclusive role of the Principality during the signing of the truce is noted. For the first time in Belarusian historiography, the issues of representing the foreign policy interests of Sweden by representatives of the Grand Duchy of Lithuania are investigated.

Keywords: The Grand Duchy of Lithuania; the Kingdom of Poland; the Polish-Lithuanian Commonwealth; the Russian State; the Kingdom of Sweden; foreign policy; diplomacy.

Перамір'е паміж Рэччу Паспалітай і Расійскай дзяржавай было падпісана 9 студзеня 1591 г. тэрмінам на 12 гадоў [1, с. 116]. Яго ўмовы базіраваліся на перамір'і ад 25 жніўня 1587 г., якое было падпісана з Расійскай дзяржавай Вялікім Княствам Літоўскім ад імя ўсёй дзяржавы абодвух народаў [2, арк. 516–542 адв.]. Згодна з пагадненнем, дзве дзяржавы бралі на сябе абавязкі не пачынаць вайну ў гэты тэрмін, і адначасова весці далейшыя перагаворы аб заключэнні вечнага міру ці аб аб'яднанні: «... рати и воины не бытии и слати намъ, великим господаремъ, меже себе на обе стороне наших великих послов о большомъ деле, о докончани и о вечном соединении, о всяких делех» [1, с. 116]. У перамірным лісце пералічваліся тэрыторыі і гарады, якія пераходзілі пад уладу Рэчы Паспалітай і якім Фёдар Іванавіч гарантаваў недатыкальнасць: «А нам, великому князю Федору Ивановичу всяя Руси самодержцу, в тые твои ... города и в земли не вступати ся и не воевати до того перемирного сроку» [1, с. 116–117]. Падобны артыкул перамір'я тычыўся зямель і гарадоў, якія заставаліся пад уладай Масквы. Жыгімонт III павінен быў гарантаваць бяспеку адзначаных тэрыторый [1, с. 118].

Для вырашэння спрэчных тэрытарыяльных пытанняў паміж дзяржавамі пра-дугледжвалася стварэнне сумеснай камісіі: «А о рубежахъ и о спорныхъ земляхъ во

всех местехъ в тые перемирные лета слати намъ, великим господаремъ, межъ себе на обе стороны по петидесять человек» [1, с. 119]. Рэч Паспалітая і Расійская дзяржава бралі на сябе абавязкі не дапамагаць непрыяцелям і фактычна прытрымлівацца нейтральнага статусу ў выніку вайны: «... всякому нашому недругу в тые перемирные дванадцать летъ людьми и казною не вспомагати по сеи нашей перемирной грамоте» [1, с. 119]. У першую чаргу дадзены пункт перамір'я быў накіраваны супраць Асманскай імперыі і Крымскага ханства.

Перамір'е прадугледжвала свабоду перамяшчэння паслоў і іх недатыкальнасць: «... и нашим великим послом по твоим землям к тебе добровольне приехати и отехати безо всякого задержаня и зачепки» [1, с. 120]. Адным з важных пунктаў менавіта для Княства было свабоднае перамяшчэнне купцоў абедзвюх краін: «А купцомъ твоим изо всихъ твоихъ земель во все наши земли прыехати и зо всякимъ товаром и торговати на всякий товар» [1, с. 120]. Асобны пункт дагавора агаворваў свабоднае перамяшчэнне паслоў і купцоў трэціх дзяржаў. Адзначым, што Княства і Карона часта затрымлівалі еўрапейскіх паслоў, якія накіроўваліся ў Расійскую дзяржаву [1, с. 120]. Таксама перамірны ліст прадугледжваў вяртанне на радзіму паслоў і купцоў, якія парушылі закон на тэрыторыі другой дзяржавы: «... намъ тыхъ твоихъ пословъ и купцовъ не порубат и животовъ ихъ у них не отнимат, а пустити намъ ихъ всихъ доброволне со всеми их животы» [1, с. 120].

Перамір'е гарантавала недатыкальнасць прыватнай уласнасці, паколькі былі выпадкі адабрання тавару ў купцоў: «... и намъ у тыхъ вашихъ пословъ и у гостей товару не отнимати а пропускати намъ к тебе пословъ и гостей со всякимъ товаром через свои земли безо всякихъ зачепок» [1, с. 120]. Дакумент прадугледжваў выдачу ўцекачоў і даўжнікоў разам з награвленым: «А беглеца, холопа, робу, должника по украинамъ по исправе выдавати, а данное, положоное, заемное, поручное отдати» [1, с. 120].

Цікава, што ў дадзеным міжнародным дакуменце ўпершыню Расійская дзяржава афіцыйна прызнавала за Жыгімонтам III тытул шведскага караля, чаго раней не было: «... королю полскому и великому князю литовскому, русскому, прусскому, жамоитскому, мазовецкому и присламу королю швецкому и иных» [1, с. 120]. У прэамбуле дагавора, дадзенага на зацвярджэнне цару Фёдару Іванавічу, таксама быў прапісаны тытул шведскі: «... и Королевства Швецкого наблизшии дедичъ и пришлыи королъ» [1, с. 121].

Трэба адзначыць, што перагаворы з Расійскай дзяржавай давялося давесці да лагічнага завяршэння толькі пасля таго, як кіраўнік пасольства, прадстаўнік Кароны С. Радзімінскі нечакана памёр у Маскве. Адбылося гэта дзесьці 6–10 снежня 1590 г. [3, с. 275]. Пасля смерці С. Радзімінскага дэлегацыю ўзначаліў падканцлер Княства Г. Война, які разам з пісарам канцэлярыі М. Война падпісалі перамірную граматы [1, с. 126].

Малавывучанай старонкай дыпламатычнай гісторыі Вялікага Княства з'яўляецца прадстаўніцтва Княствам знешнепалітычных інтарэсаў каралеўства Шведскага. Падчас гэтага пасольства дыпламаты Вялікага Княства падпісалі ад імя Шведскага каралеўства перамір'е з Масквой тэрмінам на адзін год. Фактычна каралеўства ў 1590 г. дэлегавала свае паўнамоцтвы на падпісанне гэтага міжнароднага пагаднення падканцлеру Г. Войне і пісару Вялікага Княства Літоўскага М. Войне [1, с. 128].

Перамір'е было падпісана 9 студзеня 1591 г. і прадугледжвала спыненне вайсковых дзеянняў паміж Расійскай дзяржавай і Шведскім каралеўствам у тэрмін з 4 студзеня 1591 г. і да 4 студзеня 1592 г.: «... по тому жъ рати не посылати и не воевати, и ничимъ не зачепляти, и задоровъ не всчинати ...» [1, с. 128]. Для інфармавання Швецыі аб падпісаным перамір'і ў пагранічныя вобласці каралеўства

Шведскага і Расійскай дзяржавы быў накіраваны ганец Вялікага Княства Літоўскага, які ў канцы студзеня 1590 г. выканаў дадзеную місію [3, с. 279–280].

Трэцім міжнародным дакументам, падпісаным прадстаўнікамі Княства, было пагадненне з Расійскай дзяржавай аб распаўсюджванні на інфлянцкія гарады 12-гадовага перамір'я. Размова ішла пра 15 інфлянцкіх гарадоў, якія пасля каранацыі Жыгімонта III на трон Рэчы Паспалітай, згодна з умовамі польска-літвінскіх палітыкаў, былі добраахвотна перададзены шведамі Княству і Кароне: «... тыхъ городов по тому жъ не воевати в те перемирные дванадцать лет» [1, с. 129]. Пад дадзеным дакументам паставілі свае подпісы з боку Княства вышэйзгаданыя падканцлер і пісар, а з боку Расійскай дзяржавы – Іван Васільевіч Гадуноў, Багдан Юр'евіч Сабураў, Андрэй і Васілій Шчалкалавы, Елізарый Данілавіч Вылузгін [1, с. 130].

Для зацвярджэння перамір'я паміж дзвюма дзяржавамі Масква павінна была накіраваць пасольства з адпаведнымі паўнамоцтвамі ў Рэч Паспалітую, што і было зроблена ў канцы красавіка 1591 г. Адпаведна на імя вялікіх паслоў Расійскай дзяржавы М. Салтыкова, І. Тацішчава, З. Свіязева і П. Дзмітрыева была выдадзена даверчая грамата [4, с. 109]. Паслы накіроўваліся для зацвярджэння перамір'я ў мястэчка Яноўцы [1, с. 142–143].

У выніку складаных дыпламатычных перагавораў 5 снежня 1591 г. паміж дзяржавамі было падпісана перамір'е і зацверджана каралём і вялікім князем Рэчы Паспалітай Жыгімонтам III [4, с. 109]. Яго тэкст дапрацоўвалі у Яноўцах прадстаўнікі Вялікага Княства канцлер Л. Сапега і падканцлер Г. Война, а з боку Расійскай дзяржавы – З. Свіязеў і П. Дзмітрыеў. Л. Сапегу і Г. Войну ўдалося дабіцца перадачы ў склад Рэчы Паспалітай шведскага горада Нарвы. Тэкст перамір'я амаль поўнасю паўтараў адпаведны тэкст, падпісаны ў Маскве, за выключэннем некаторых тэрытарыяльных саступак на карысць Рэчы Паспалітай [1, с. 166–171].

Расійскі даследчык Б. Флора прыйшоў да высновы, што сапраўдны варыянт перамір'я ад 5 снежня 1591 г. не ўвайшоў у кнігу Літоўскай Метрыкі, паколькі ён не адпавядаў знешнепалітычным інтарэсам Княства, і, такім чынам, прадстаўнікі Княства зыходзілі з магчымага перагляду ў будучым спрэчных двухбаковых пытанняў [5, с. 80]. У доказ слоў Б. Флары можна адзначыць, што запісаны тэкст перамір'я ў 593 кнізе Метрыкі Вялікага Княства Літоўскага, зацверджаны ў Яноўцах, датаваны пазнейшай датай – 28 снежня 1591 г. [1, с. 166]. Такім чынам, Л. Сапега імкнуўся ў апошні момант дыпламатычнай гульні шляхам падмены тэкстаў перамір'я адстаяць інтарэсы Княства ў тэрытарыяльным пытанні.

Вялікія паслы Расійскай дзяржавы адразу ж пасля зацвярджэння перамір'я накіраваліся назад у Маскву. Разам з сабой яны павезлі ліст на імя Фёдара Іванавіча ад караля і вялікага князя Жыгімонта III, у якім падкрэслівалася, што вечны мір не будзе заключаны, пакуль паміж дзяржавамі не будуць вырашаны ўсе спрэчныя тэрытарыяльныя пытанні [1, с. 162]. У лісце давалася тлумачэнне на папярэдні расійскі ліст наконт набегаў з тэрыторыі Рэчы Паспалітай на гарады і вёскі Расійскай дзяржавы, у тым ліку на Варонеж. Па словах караля, гэта было зроблена без ведама ўлад Рэчы Паспалітай, а ўдзельнікі дадзенай акцыі будуць пакараны па ўсёй строгасці закона [1, с. 163]. Кароль таксама ўзняў пытанне аб прыналежнасці Веліжскай вобласці, даказваючы, што яна павінна адысці да тэрыторыі Вялікага Княства Літоўскага [1, с. 164].

Такім чынам, намаганні дыпламатычнай службы Вялікага Княства Літоўскага ў пазначаны перыяд былі накіраваны на замацаванне раней падпісанага перамір'я паміж Рэччу Паспалітай і Масквой ад 25 жніўня 1587 г. Нягледзячы на тое, што асобныя магнаты Кароны Польскай імкнуліся распачаць новую вайну з Расійскай дзяржавай, Вялікае Княства ў першую чаргу зыходзіла з міралюбівай палітыкі

адносна ўсходняй суседкі. Кіраўнік вялікай канцылярыі Княства Л. Сапега асабіста ўдзельнічаў у распрацоўцы і рэалізацыі ўсходняй знешнепалітычнай тактыкі Рэчы Паспалітай, якая была накіравана на захаванне статус-кво паміж дзвюма дзяржавамі. Дзякуючы палітычнай волі сенатараў і шляхты Княства, а таксама спрыяльнай міжнароднай сітуацыі Княству ўдалося ўгаварыць прадстаўнікоў Кароны Польскай (у першую чаргу Я. Замойскага) на падпісанне, а потым і пацвярджэнне перамір'я паміж дзяржавамі да 25 жніўня 1602 г., што гарантавала спакой на ўсходняй граніцы Княства.

Літвіны гралі выключную ролю як пры падрыхтоўцы, так і падчас вядзення перагавораў у Маскве, заключыўшы пасля смерці паляка С. Радзімінскага выгаднае для сябе пагадненне. Больш таго, у Маскве падканцлер Г. Война і пісар Княства М. Война падпісалі ад імя каралеўства Шведскага з Масквой перамір'е на адзін год, што, па-першае, павышала аўтарытэт Княства на міжнароднай арэне, а па-другое, стварала зону бяспекі непадалёку ад Інфлянтаў, якія зараз былі сумесным уладаннем Кароны і Вялікага Княства Літоўскага. Па-трэцяе, пагадненне аб перамір'і на 12 год паміж Рэччу Паспалітай і Расійскай дзяржавай распаўсюджвалася на 15 інфлянцкіх гарадоў, што стварала трывалы падмурак для ўключэння гэтай тэрыторыі ў гаспадарчы комплекс Княства. Ужо ў Яноўцах падчас пацвярджэння перамір'я канцлер і падканцлер Княства пайшлі далей у справе абароны інтарэсаў і далучылі да Рэчы Паспалітай шведскі горад Нарву, які мог застацца пад уладай цара.

БІБЛІАГРАФІЧНЫЯ СПАСЫЛКІ

1. Lietuvos metrika / Lietuvos istorijos inst. – Vilnius : Lietuvos istorijos inst. leidykla, 2009. – Кн. 593 : 1585–1604 : Diplomatinių reikalų knyga / parengė A. Baliulis.
2. РГАДА. – Ф. 79. Сношения России с Польшей. – Оп. 1. – Д. 20. 1589–1591 г.
3. Щербатов М. М. История российская от древнейших времен : в 7 т. / М.М. Щербатов. – СПб. : Императ. Акад. наук, 1790–1791. – Т. 6 : От начала царствования царя Федора Иоанновича до его кончины. Ч. 1 : От возшествия на престол царя Федора Иоанновича до убиения царевича Димитрия. – 1790.
4. Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год) : в 4 ч. / Н.Н. Бантыш-Каменский. – М. : Комис. печатания гос. грамот и договоров при Моск. гл. арх. М-ва иностр. дел, 1894–1902. – Ч. 3 : Курляндия, Лифляндия, Эстляндия, Финляндия, Польша и Португалия. – 1897.
5. Флоря Б. Н. О текстах русско-польского перемирия 1591 г. / Б.Н. Флоря // Славяне и Россия : к 70-летию со дня рождения С.А. Никитина : сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т славяноведения и балканистики ; редкол.: Ю.В. Бромлей (отв. ред.) [и др.]. – М., 1972.

ПРИЧИНЫ И ПРЕДПОСЫЛКИ УСТАНОВЛЕНИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ КНР И США

Ли Мэн

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4; 2200030; г. Минск; Республика Беларусь; 454793292@qq.com*

В статье рассматриваются вопросы установления дипломатических отношений между КНР и США, анализируются предпосылки и условия указанного процесса, открывшего новую главу в развитии китайско-американских отношений. Обращается внимание на то, что установление дипломатических отношений стало следствием совпадения интересов двух стран.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика; Соединенные Штаты Америки; дипломатические отношения; интересы; таваньский вопрос, холодная война.

REASONS AND PREREQUISITES FOR THE ESTABLISHMENT OF DIPLOMATIC RELATIONS BETWEEN CHINA AND THE UNITED STATES

Li Meng

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus
Corresponding author: Li Meng (454793292@qq.com)*

The article deals with the establishment of diplomatic relations between China and the United States, analyzes the prerequisites and conditions of this process, which opened a new Chapter in the development of Chinese-American relations. Attention is drawn to the fact that the establishment of diplomatic relations was a consequence of the coincidence of the interests of the two countries.

Keywords: people's Republic of China; United States of America; diplomatic relations; interests; Taiwan issue; cold war.

После Второй мировой войны США обрели статус крупнейшей державы, способной оказывать воздействие на различные регионы мира, включая Восточную Азию. Инструментом влияния Соединенных Штатов в Китае являлось предоставление финансовой, материальной и военной помощи Гоминьдану. На завершающем этапе Второй мировой войны Вашингтон выступал в поддержку в Китае коалиционного правительства во главе с Чан Кайши, рассчитывая на то, что Китай изберет проамериканский курс. Однако правительство Гоминьдана потерпело поражение в гражданской войне в Китае и в сентябре 1949 г. бежало на Тайвань. Поражение Гоминьдана в США было воспринято крайне болезненно. Соединенные Штаты отказались признать КНР, провозглашенную 1 октября 1949 г. В то же время в 1954 г. они подписали с Тайванем договор о взаимной обороне и оказывали Тайваню политическую и экономическую поддержку.

Изменение характера китайско-американских отношений было связано с президентством Р. Никсона. В меморандуме Р. Никсона и его помощника по национальной безопасности Г. Киссинджера, а также в документах ЦРУ были определены основные сценарии политики в отношении Китая: поддержание нынешнего состояния, усиление давления и изоляции, сокращение конфликтов и международной изоляции. В конце 1960-х и начале 1970-х гг. администрация Р. Никсона поддержала курс на снижение конфликтности в отношениях с Китаем, что способствовало нормализации китайско-американских отношений.

Со стороны США, причины установления дипломатических отношений с Китаем можно условно разделить на три аспекта.

Во-первых, война во Вьетнаме стала тяжелым бременем для США. С нескольких десятков военных «советников» участие США в войне во Вьетнаме дошло сначала до нескольких десятков тысяч солдат, затем перевалило за 100 тысяч, и в марте 1968 г. оно достигло пика в 550 тысяч человек [1, с.32]. В США нарастало общественное сопротивление участию в военных действиях. Огромные военные расходы ослабляли экономику США. С ноября 1969 г. до ноября 1970 г. валовой национальный продукт США сократился на 1,1%, уровень безработицы вырос на 6%, число безработных достигло 5,03 млн., а потребительские цены не только упали, но и выросли на 6% [2, с 382].

Во-вторых, угрозы безопасности США создавал гегемонизм Советского Союза. Руководитель СССР Л. Брежнев стремился сохранить единство социалистической системы. Советский Союз постепенно сокращал разрыв с американской военной мощью, используя трудности США во вьетнамской войне. В 1969 г. Советский Союз потратил 25 миллиардов долларов на ядерное оружие. США были вынуждены смягчить свою позицию в отношении Советского Союза. В 1972 и 1974 гг. лидеры США и СССР обменялись визитами и договорились об ограниче-

нии ядерных вооружений, что свидетельствовало об ослаблении напряженности в американо-советских отношениях.

В-третьих, наблюдалась тенденция к формированию многополярности в мире. Западноевропейские страны объединились в Европейское сообщество, повысив политическое и экономическое влияние в международных делах. Бурными темпами развивалась экономика Японии. В это же время Китай добился успеха в области национальной обороны, а также приступил к независимому социалистическому строительству в рамках «пятилетнего плана».

В конце 1960-х гг. руководство КНР пересмотрело основы внешней политики с учетом национальных интересов. В качестве одного из важных элементов новой политики выступала нормализация отношений с США. В этой связи можно выделить три аспекта.

Во-первых, КНР сталкивалась с серьезной дипломатической дилеммой. В 1949–1965 гг. дипломатические отношения с КНР установили в общей сложности 47 стран, но большинство из них относилось к развивающимся странам Азии и Африки.

Во-вторых, в 1960-х гг. существенно обострились китайско-советские разногласия и противоречия. 2 марта 1969 г. произошел пограничный вооруженный конфликт Китая и Советского Союза в районе реки Амур. 13 августа 1969 г. военное столкновение произошло в китайском уезде Юйминь [3, с.326]. Вооруженный конфликт на острове Чжэньбао в 1969 г. привел к тому, что отношения между двумя странами сократились до самого низкого уровня с момента установления дипломатических отношений между Китайской Народной Республикой и Советским Союзом.

В-третьих, без налаживания отношений с США было невозможно решить тайваньскую проблему. Поддержка США осложняла задачу воссоединения Китая [4, с.304].

Таким образом, хотя Китай и Соединенные Штаты сталкивались с различными национальными дилеммами, но у них были общие интересы в борьбе с советским экспансионизмом. США впервые подали сигнал для улучшения отношений между двумя сторонами. В сентябре 1969 г. Р. Никсон уполномочил заместителя государственного секретаря Э. Ричардсона уведомить, что Соединенные Штаты уделяют пристальное внимание советско-китайской войне и тем самым фактически предупредить Советский Союз о нежелательности нападения на Китай. В 1969 г. Соединенные Штаты объявили о частичной отмене торгового эмбарго против Китая и сократили патрулирование 7-го флота в Тайваньском проливе.

Сигнал к примирению был позитивно воспринят в Пекине. В начале 1970 г. по инициативе КНР возобновились китайско-американские переговоры на уровне послов в Варшаве, ранее приостановленные на два года. В 1971 г. Мао Цзэдун пригласил американских представителей, которые участвовали в Кубке мира по настольному теннису в Токио, посетить КНР. Использовалось и посредничество Пакистана [4, с. 386]. 9 июля 1971 г. Киссинджер тайно прибыл в Пекин. После 17 часов интенсивных переговоров обе стороны достигли договоренности об организации визита Никсона в Китай. Визит состоялся в феврале 1972 г. Результатом визита стало опубликованное 28 февраля 1972 г. «Шанхайское коммюнике», формально исходившее из принципа «единого Китая». Однако китайская и американская стороны расходились в вопросах урегулирования тайваньской проблемы и оказания военной поддержки Тайваню со стороны США.

Окончательная нормализация отношений США и КНР произошла в условиях возрастания напряженности в отношениях США и СССР. 16 декабря 1978 г. Соединенные Штаты и Китайская Народная Республика подписали совместное коммюнике, в котором объявили об установлении дипломатических отношений. Ус-

тановление дипломатических отношений стало результатом стремления обеих сторон к преодолению прежнего состояния конфронтации. Вместе с тем оно отражало желание руководителей КНР и США объединить усилия по противодействию СССР.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Свинкинов, Р.С. Зигзаги внешней политики США. От Никсона до Рейгана / Р.С. Свинкинов. // -М.: Политиздат, 1986. – 32с.
2. Ян Хуэйцзюнь, Мэй го (Диэр бань). – Пекин: Изд-во «Литература по обществознанию», 2015. – 382с.
3. Чжунсу вайцзао цземи данань. – Пекин: Китайское молодежное изд-во, 2013. – 326с.
4. Ян чжичжэнь, Чжунмэй кайфан чжаньлюе юй чжунмэй гуансию – Пекин: Изд-во интеллектуальной собственности, 2014. – 304 с.

ПОМОЩЬ АФГАНИСТАНУ В XXI в. КАК ОТРАЖЕНИЕ ПОЗИЦИИ КНР В ООН

Ma Джин Юй

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, jing_yu@mail.ru*

На форумах и в повседневной деятельности всех структур системы Организации Объединенных Наций (ООН) Китайская Народная Республика (КНР, Китай) последовательно поддерживает курс на оказание экономической, финансовой, технологической и инфраструктурной помощи Афганистану ради урегулирования внутреннего конфликта и вступления этой страны в этап стабилизации и развития. С этой целью Китай использует не только привлечение постоянного внимания к Афганистану с трибуны ООН, отстаивание его права на международное содействие в преодолении внутреннего конфликта, сохранение статуса равноправного члена мирового сообщества, но и реализует разнообразные механизмы двустороннего взаимодействия, иницирует региональное содействие.

Ключевые слова: Китай; Афганистан; Генеральная Ассамблея ООН; содействие стабилизации и развитию; межмидовский диалог.

ASSISTANCE TO AFGHANISTAN IN THE 21ST CENTURY AS A REFLECTION OF THE POSITION OF CHINA IN THE UN

Ma Jing Yu

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus
Corresponding author: Ma Jing Yu (jing_yu@mail.ru)*

In forums and in the daily activities of all entities of the United Nations (UN) system, the People's Republic of China (PRC, China) has consistently supported the provision of economic, financial, technological and infrastructural assistance to Afghanistan in order to resolve the internal conflict and enter the country into the stage of stabilization and development. To this end, China uses not only attracting constant attention to Afghanistan from the UN rostrum, defending its right to international assistance in overcoming internal conflict, maintaining the status of an equal member of the world community, but also implements various mechanisms of bilateral interaction and initiates regional assistance.

Key words: China, Afghanistan, UN General Assembly, assistance to stabilization and development, inter-MFA dialogue.

Китайская Народная Республика поддерживает усилия ООН, направленные на установление мирового порядка, при котором все страны – большие и малые,

сильные и слабые, богатые и бедные – являются равноправными членами международного сообщества и участвуют в разработке правил международной жизни на равной основе. Развернутые заявления в данном контексте китайская делегация сделала на 73-й сессии (2018 г.) [1] и 74-й сессии (2019 г.) Генеральной Ассамблеи ООН [2].

При этом в Китае осознают, что некоторые государства смогут полноценно исполнять такую миссию при условии преодоления внутренних конфликтов и достижения политической стабильности. В названных выше документах КНР изложила позицию по урегулированию конфликтов в перечисленных точках нестабильности. Положение в Афганистане, как сопредельном государстве, особенно беспокоит китайские власти и народ.

В обобщенном виде позиция официального Пекина в отношении своего западного соседа изложена следующим образом: Китай активно поддерживает мирное восстановление и развитие Афганистана, его региональную и экономическую интеграцию при содействии и под контролем ООН.

Подобной стратегической линии КНР, как член ООН и постоянный член Совета Безопасности ООН, придерживается в XXI в. постоянно и последовательно. Принципиально воздерживаясь от политического вмешательства во внутренние дела любого государства под любым предлогом, китайское руководство считает, что наиболее действенной формой поддержки законно избранных властей Афганистана будет материальная помощь. Такое предпочтение другим формам экономического взаимодействия Пекин объясняет острой потребностью афганцев в материально-финансовых ресурсах из-за невозможности вывести своими силами из состояния бедности их значительную часть.

Материальная поддержка Китая Афганистану значительно возросла с начала 2000-х гг. Так, в период с 2001 по 2013 гг. Афганистан всего получил 1,5 млрд юаней безвозмездной помощи. В 2010–2013 гг. Китай предоставлял афганцам ежегодно на 160-150 млн юаней разнообразной помощи, а в 2014 г. – уже на 500 млн юаней такой помощи – и пообещал предоставить в течение следующих трех лет еще по 100 млн юаней. Кроме того, начиная с 2015 г., в ближайших пять лет Китай предоставляет 500 стипендий афганским студентам, обучающимся в КНР, и подготовит 3 000 специалистов для различных областей, таких как борьба с терроризмом, контрабанда наркотиков, сельское хозяйство и дипломатия. Строительство различных объектов, подготовка кадров и другие аспекты китайской помощи на безвозмездной основе внесли важный вклад в восстановление экономики Афганистана [3].

В Кабуле, столице Афганистана, 10 октября 2017 г. состоялась церемония начала строительства при содействии Китая учебного корпуса и многоцелевой аудитории Кабульского университета. Проект разработала компания China 19th Metallurgical Group Co., Ltd. Он представляет собой комплекс площадью около 2,1 га и здание общей площадью застройки 14,1 тыс. м². Завершение строительства комплекса ожидалось к концу 2019 г.; он становился крупнейшим архитектурным сооружением и важной достопримечательностью Кабула [3].

Вторым важнейшим для Афганистана направлением взаимодействия стало кооперационное сотрудничество. В период с 2002 по 2013 гг. общая стоимость контрактов в экономической сфере двустороннего сотрудничества составила 858 млн долл. США, а общий оборот – почти 983 млн. В основном он связан с инфраструктурными областями Афганистана, такими как наземные, проводные коммуникации и строительство шоссе. Также Китай и мусульманские страны активизировали сотрудничество с афганскими партнерами в области добычи и переработки природных ресурсов на основе взаимной выгоды и обоюдного выигрыша [3].

К примеру, в мае 2008 г. Китайская металлургическая научно-техническая корпорация и объединенная группа Jiangtong (Jiangsu Copper Group Co., Ltd.) подписали контракт на сумму 4,4 млрд долл. США на основе конкурса, организованного Министерством промышленности и шахт Афганистана. Основное содержание контракта составил трехсторонний Договор аренды с участием китайских и азербайджанских компаний на разработку медных рудников. Для Афганистана проект стал уникальной возможностью пополнить бюджет страны и развить национальную добывающую промышленность. Проект оказался и для Азербайджана существенным механизмом избавления от внешней экономической зависимости. Китай, в свою очередь, становился крупнейшим инвестором в Афганистане [3].

Во-третьих, после 2010 г. Китай и мусульманские страны стали постоянными и более влиятельными партнерами Афганистана в торгово-экономической сфере. Сотрудничество развивалось на таких площадках, как экономика, торговля, инвестиции и заключение договоров на проектирование производственных, инфраструктурных и гражданских объектов. В 2010–2011 гг. объем только двусторонней торговли между Китаем и Афганистаном достиг 337 млн долл. США. К маю 2010 г. Китай инвестировал в общей сложности 123 млн долл. США в Афганистан, главным образом в области добычи полезных ископаемых, связи и строительства автомобильных дорог [3].

Соглашение, подписанное КНР в 2010 г. с мусульманскими странами, в том числе Афганистаном, предусматривало с 1 июля применение Китаем режима нулевых тарифов для 60 % своего импорта [3]. Партнерам КНР стало выгодно продавать разнообразную продукцию. Тогда же Китай согласился открыть для Афганистана образовательный канал по шести направлениям, включая сельское хозяйство, здравоохранение, образование, экономику, торговлю, связь и контроль над наркотиками. В свою очередь, в сентябре 2011 г. Petro China получила заказ на проекты по разработке трех нефтяных месторождений вдоль реки Амударья в северном Афганистане. В декабре того же года обе стороны подписали соглашение о добыче полезных ископаемых на сумму около 700 млн долл. США [3]. Этот проект оказался первым крупномасштабным освоением нефтяного месторождения после начала восстановления народного хозяйства Афганистана. Проекты увеличили возможности занятости афганского населения и поступления налогов в бюджет страны.

Активизация торгово-экономического сотрудничества привела к оформлению в 2012 г. китайско-мусульманского стратегического партнерства [3]. На этой более стабильной и выгодной основе Китай и Афганистан продолжили укреплять прагматическое сотрудничество, включая контракты на инжиниринг, разработку ресурсов и энергетических проектов для афганской экономики, заключение торговых соглашений в сфере сельского хозяйства, обустройство инфраструктурных объектов. Торгово-экономические отношения между двумя сторонами приобрели более тесный и постоянный характер.

Четвертым направлением китайско-афганского сотрудничества является помощь афганскому правительству в укреплении административно-управленческого аппарата и повышении потенциала управления, что напрямую связывается с действием скорейшему установлению мира и стабильности в Афганистане, укреплению его безопасности. Данное направление находит особую заботу со стороны ЭКОСОС ООН. Поэтому с начала 2000-х гг. Китай всемерно поддерживал усилия афганского правительства по применению эффективных мер ускорения развития экономики и улучшения условий жизни людей, а также продвижения проектов строительства афганской полиции и сил безопасности, повышения ее способностей поддерживать национальную безопасность и проекты правительства по реализации «плана мира и реинтеграции» всех социальных слоев населения [3].

Пекин постоянно поддерживал усилия афганского правительства по изучению и реализации запросов и мнений своего народа и различных политических группировок, расширению политической основы национального примирения. Для создания прослойки современного управленческого потенциала в центральных и местных структурах Афганистана китайское правительство подготовило более 100 афганских правительственных чиновников и технических экспертов. В соответствии с соглашением о содействии безопасности Афганистана от 2012 г. Китай начал оказывать помощь в подготовке афганской полиции. В мае того года 15 молодых афганских дипломатов, которые стажировались в рамках китайско-американской совместной программы, приняли участие в двухнедельном тренинге по китайской части проекта [3]. Китайские специалисты организовали учебные курсы по технологии разминирования для Афганистана и на протяжении 2009, 2010 и 2014 гг. неоднократно передавали Афганистану необходимое оборудование для разминирования территорий, где проходили вооруженные столкновения [3].

Как видно, позиция, изложенная на Генеральной Ассамблее ООН в 2018 и 2019 гг., подтверждается реальными гарантиями Китая по оказанию Афганистану постоянной экономической, технологической и инфраструктурной помощи, как важнейших аспектов достижения стабильности в данной стране. Конкретизацию шагов для организации содействия Афганистану по урегулированию незатухающего там внутреннего конфликта представили китайские дипломаты в ходе второго диалога министров иностранных дел Китая, Афганистана и Пакистана, состоявшегося в Пекине 15 декабря 2018 г. [4]

Таким образом, КНР воплощает миролюбивую и конструктивную позицию, изложенную в ООН по проблемам урегулирования региональных конфликтов, в конкретные дела. Призывая все страны-члены ООН поддерживать принятые в ее рамках решения по урегулированию конфликтов, Китай тем самым способствует укреплению авторитета главной международной организации по сохранению мира, безопасности, по содействию процессам развития и прогресса. Предметом особого беспокойства КНР выступает соседний Афганистан, остро нуждающийся в иностранной помощи для стабилизации и развития. Китай направляет крайне необходимые Афганистану материальные и финансовые средства в виде безвозмездной помощи, проектирования и возведения производственных, инфраструктурных и гражданских объектов, содействия правительству в повышении управленческого потенциала, активизирует торгово-экономическое, кооперационное сотрудничество. В последние годы наладились межведомственные каналы развития китайско-афганского взаимодействия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. МИД КНР [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.fmprc.gov.cn/web/ziliao_674904/tytj_674911/zcwj_674915/t1588923.shtml – Дата доступа: 28.10.2019.
2. МИД КНР [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.fmprc.gov.cn/web/ziliao_674904/tytj_674911/zcwj_674915/t1698811.shtml – Дата доступа: 28.10.2019.
3. Институт Ближнего Востока. Шанхайский университет международных исследований [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://mideast.shisu.edu.cn/_upload/article/d1/a3/53df137e4e2faef5b5600c7c47ad/4200abc7-ecd5-4791-8afb-9a348365f97f.pdf – Дата доступа: 28.10.2019.
4. Посольство Китайской Народной Республики в Исламской Республике Афганистан – Второе совместное заявление по диалогу министров иностранных дел Китая, Афганистана и Пакистана [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://af.china-embassy.org/chn/zagx/wxzl/t1623874.htm> – Дата доступа: 28.10.2019.

ПРИЧИНЫ САНКЦИЙ США ПРОТИВ КОМПАНИИ «HUAWEI»

Ma Lei

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, 396036307@qq.com*

В статье рассматриваются причины и последствия введения администрацией Д. Трампа санкций против компании «Huawei». Уделяется внимание также определению роли экономических санкций во внешней политике США и основным целям, которые они могут преследовать.

Ключевые слова: США; Китай; компания «Huawei»; экономические санкции.

REASONS FOR THE US SANCTIONS AGAINST THE COMPANY «HUAWEI»

Ma Lei

Belarusian State University, Niezalezności Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article discusses the reasons and consequences of the sanctions of the administration of Donald Trump against «Huawei» company. Attention is also paid to a definition of the role of economic sanctions in the US foreign policy and the main goals, which they could achieve.

Keywords: the United States; China; the company Huawei; economic sanctions.

Позиция КНР и США по поводу причин санкций, которые были наложены США на компанию «Huawei», значительно отличаются.

Аргумент Соединенных Штатов Америки состоит в том, что дочерние компании «Huawei» экспортировали ноутбуки в Иран [3]. Этот довод также послужил причиной санкций США против компании «ZTE». Соединенные Штаты сначала задержали финансового директора «Huawei» Мэн Синчжоу, а затем ввели санкции против самой компании.

Однако «Huawei» отвергла все обвинения. Юристы компании решили подать в суд на правительство США в самих Соединенных Штатах. В настоящее время обвинение еще не дошло до суда. Генеральный прокурор США неожиданно призвал сменить главного адвоката «Huawei» Джеймса Коула, который является опытным и высококвалифицированным юристом [5].

Представители компании называют другую причину введения санкций. Генеральный директор «Huawei» Рен Чжэнфэй сказал, что «Huawei является конкурентом в области 5G в течение двух или трех лет. США так и не опровергли информацию о том, что оборудование «Nokia» и «Ericsson» в области 5G не будет поставлено в течение нескольких месяцев, а его производительность не так хороша, как у существующего оборудования «Huawei». Компания уже поставила оборудование 5G с прошлого года. Причина, по которой у «Nokia» и «Ericsson» так много заказов 5G, также связана с санкциями, введенными США в прошлом году [7].

На Всемирной конференции мобильной связи в 2019 г. представители США провели множество встреч с европейскими политиками и сетевыми операторами, чтобы помешать «Huawei» участвовать в создании европейских сетей 5G. В ответ директор компании Го Пин опубликовал в «Financial Times» ответ: «Huawei» не позволит Соединенным Штатам делать то, что они хотят». Именно поэтому Соединенные Штаты стали бороться с «Huawei» [1].

Утечка документов Э. Сноудена дает представление о том, как руководство АНБ стремится «собрать все», то есть любое электронное сообщение или любой звонок, совершаемый любым человеком в мире каждый день, может стать целью для агентства. Документы также показывают, что АНБ поддерживает «корпоративное партнерство» с рядом американских технологических и телекоммуникаци-

онных компаний, что позволяет АНБ «получать доступ к высокопроизводительным международным волоконно-оптическим кабелям, коммутаторам и / или маршрутизаторам, распределенным по всему миру» [2].

«Huawei», в свою очередь, работает более чем в 170 странах, причем половина ее доходов поступает из-за рубежа, при этом головной офис находится в Китае. Это значительно снижает вероятность установления «корпоративного сотрудничества». Если АНБ хочет осуществлять мониторинг путем изменения маршрутизатора или коммутатора, китайская компания вряд ли будет сотрудничать с ним. Это одна из причин, по которой АНБ атаковало серверы «Huawei». АНБ указало в документе 2010 г.: «Многие из наших целей мониторинга связываются через продукты, произведенные «Huawei». Мы хотим убедиться, что мы знаем, как использовать эти продукты» [4].

Очевидно, что чем больше оборудования «Huawei» используется в глобальной телекоммуникационной сети, тем сложнее АНБ «собрать всю информацию». Другими словами, «Huawei» будет мешать Соединенным Штатам делать все возможное для мониторинга [6].

Соединенные Штаты не опровергли утверждения «Huawei» о том, что они прослушивали разговоры других граждан и вторгались на серверы «Huawei». Более того, Соединенные Штаты прослушивали телефонные звонки канцлера Германии А. Меркель и других национальных лидеров. США предпочитают не обращать внимание на эти обвинения. Но именно в этом им препятствует позиция «Huawei», что и является одной из причин недовольства в Вашингтоне [1].

Одной из причин санкций эксперты также называют то обстоятельство, что Соединенные Штаты хотят сорвать реализацию плана «Сделано в Китае – 2025 год» [3].

«Сделано в Китае – 2025 год» – это первый 10-летний план действий правительства Китая по реализации стратегии производства высокотехнологичной продукции. «Сделано в Китае до 2025 года» предлагает придерживаться политики «инновационного, ориентированного на качество, экологического развития, структурной оптимизации и ориентации на таланты», придерживаться «рыночного, управляемого государством, основанного на текущей долгосрочной перспективе, общем прогрессе, и ключевых прорывах, курса». Основной принцип независимого развития и открытого сотрудничества состоит в совершении «трех шагов» для достижения стратегической цели по созданию сильной страны и рассчитан на перспективу в 100 лет с промежуточными этапами в 2025 и 2035 гг. [5].

Будучи ключевым элементом проекта «Сделано в Китае – 2025 год», информационные технологии также являются конкурентным преимуществом Китая, который способствует разработке технологий, связанных с 5G. Расходы на исследования и разработки 5G от «Huawei» составляют более 10 миллиардов долларов США в год. Благодаря активным исследованиям и разработкам, китайские патенты 5G, наконец-то, вышли на первый план в мире, обогнав Соединенные Штаты, что является символом роста китайской экономики [7].

До этого времени Соединенные Штаты в основном удерживали самые передовые позиции во всех областях, позволяя миру работать на них. Но теперь китайская коммуникационная компания в лице «Huawei» составила конкуренцию технологическому могуществу США. Соединенные Штаты в настоящее время являются единственной сверхдержавой, они привыкли быть первыми во всех областях [2].

Если Китай хочет реализовать мечту о создании Китая 2025 г., он должен сохранить «Huawei». Китай и Соединенные Штаты начали борьбу за доминирование в технологиях 5G, а «Huawei» представляла Китай в этой борьбе, поэтому против нее были введены санкции [4].

Насколько велико влияние экономических санкций США на экономику Китая?

Давайте сначала разберемся, что такое экономические санкции? Под экономическими санкциями понимаются обязательные дискриминационные экономические меры, принимаемые страной или странами, или международными институтами для различных политических целей. К ним относятся торговые санкции, инвестиционные санкции, санкции за помощь другим странам, замораживание активов за рубежом и навигационные санкции.

После окончания холодной войны экономические санкции постепенно стали для Соединенных Штатов основным инструментом решения международных проблем. В системе внешней политики США они играют важную роль.

Соединенные Штаты в настоящее время являются не только единственной сверхдержавой в мире, но и страной с наибольшим экономическим, финансовым и политическим влиянием в мире. Поскольку США оказывают значительное влияние на мировую экономику, они могут наложить экономические санкции на большинство стран, которые чем-то не устраивают Вашингтон. Каждый раз, когда Соединенные Штаты вводят экономические санкции в отношении какой-либо страны, это неизбежно затрагивает другие страны, а экономические санкции, введенные США, всегда будут вызывать колебания на мировом рынке. Поэтому всякий раз, когда Соединенные Штаты вводят экономические санкции против определенных стран, международное сообщество находится в напряжении [6].

Влияние США на все международные проблемы крайне велико. Например, Уолл-стрит контролирует влияние на мировые цены на товары, а также мировые финансовые институты. Восемь крупнейших компаний США контролируют мировую информационную индустрию. Например, «Microsoft» контролирует производство компьютеров, «Intel» – производство процессоров, «Qualcomm» – создание сетей связи, «Google Apple» – систему мобильной связи и т.д. [1].

В прошлом Соединенные Штаты вводили санкции против Ирана. Экономическая блокада была введена на том основании, что Иран поддерживает терроризм. Военные и экономические санкции, за которыми последовало военное вторжение, вводились против Ирака. Аргумент США состоял в том, что Ирак совершил вторжение в Кувейт и намеренно подрывает мир во всем мире. Против КНДР были введены экономические санкции на том основании, что Северная Корея тайно разрабатывает ядерное оружие. Против Кубы введены экономические санкции и экономическая блокада. Причина в том, что политическая система Кубы является диктаторской, и в ней нет демократии и свободы. Другие страны, против которых США вводили санкции, это Сомали, Колумбия, Ливия и так далее.

С тех пор, как Д. Трамп вступил в должность президента США, он ввел экономические санкции против России, Ирана, Турции, Венесуэлы и других стран, наложил ограничения на экспорт стали и алюминия из ЕС, Японии, Канады и других союзников. Тарифы на импортные товары составляют 250 миллиардов долларов США.

Экономические санкции преследуют следующие основные экономические цели:

1. Заставить государство осуществить определенные политические изменения, которые поменяют ее политику на международном, региональном и даже национальном уровнях.

2. Подорвать стабильность правительства. Скрытая цель может заключаться в подрыве государственной власти и поддержке оппозиционных сил в стране. Например, Соединенные Штаты путем санкций против Кубы пытались свергнуть Ф. Кастро.

3. Обуздать военные конфликты, не допустить расширения участия стран в военных операциях, помешать другим странам участвовать в войне. Например,

санкции США против Турции в 1974–1978 гг. Основанием для санкций стала военная интервенция Турции на Кипр.

4. Ослабить национальную мощь страны и ограничить ее военное развитие. Например, в 1948 г. Соединенные Штаты и их союзники ввели санкции против усиления военной мощи Советского Союза, а в 1990-е гг. – экономические санкции против Ирака.

5. Вызвать переворот в стране. Например, экономические санкции США против Ливии.

Хотя экономические санкции не приводят к прямым жертвам среди гражданского населения, их последствия по-прежнему приводят к тому, что люди в других странах попадают в гуманитарную катастрофу, связанную с угрозой голода и отсутствием медицинской помощи. Поэтому разрушительные последствия санкций очень значительны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Huawei победил зависимость от США [Электронный ресурс] // Lenta.ru. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2019/09/27/huawei/> – Дата доступа: 28.10.2019.

2. Справка: конфликт США и Huawei – хронология и причины. – [Электронный ресурс] // Habr – Режим доступа: <https://habr.com/ru/post/453084/> – Дата доступа: 28.10.2019.

3. Сумеет ли Huawei выиграть у Samsung [Электронный ресурс] // Ведомости – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2019/01/13/791284-zhen> – Дата доступа: 28.10.2019.

4. Эксперт: в Huawei подготовились к санкциям США [Электронный ресурс] // ТАСС – Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/6757303> – Дата доступа: 28.10.2019.

5. Huawei admits that US sanctions are hurting [Electronic resource] // Financial Times. – Mode of access: <https://www.ft.com/content/1567d7c2-f1ed-11e9-bfa4-b25f11f42901> – Date of access: 28.10.2019.

6. Huawei digs in for a long battle with the U.S. [Electronic resource] // The Washington Post. – Mode of access: <https://www.washingtonpost.com/business/2019/06/23/huawei-digs-long-battle-with-us/> – Date of access: 28.10.2019.

7. Here’s what you need to know about US restrictions on Huawei and the ‘Entity List’ [Electronic resource] // South China Monitor Post. – Mode of access: <https://www.scmp.com/tech/big-tech/article/3010986/heres-what-you-need-know-about-us-restrictions-huawei-and-entity-list> – Date of access: 28.10.2019.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КИТАЯ В ШОС ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ И ЕЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Ю. И. Малевич¹⁾, М. Ж. Гукасян²⁾

*¹⁾ Белорусский Государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, tujill352@gmail.com*

*²⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, mariaatgukasian@gmail.com*

В статье рассматривается деятельность Китайской Народной Республики в рамках Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС), в частности же делается упор на теорию безопасности ШОС. Описаны некоторые конфликты, решение которых может быть найдено КНР в рамках данной организации, а также мероприятия, применяемые республикой для предупреждения исходящих угроз.

Ключевые слова: Шанхайская Организация Сотрудничества (ШОС); региональная безопасность; Китай; международный терроризм; экстремизм; сепаратизм.

CHINA'S SCO SECURITY ACTIVITIES AND ITS PROSPECTS

Y. I. Malevich^a, M. Zh. Hukasian^b

^a*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus*

^b*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus*

Corresponding author: Y. I. Malevich (myjill352@gmail.com)

The article discusses the activities of the People's Republic of China within the framework of the Shanghai Cooperation Organization (SCO). The emphasis is placed on the SCO security concept. The article describes some conflicts, the solution to which can be found by the PRC within the framework of this organization, as well as the measures which can be used by the republic to prevent outgoing threats.

Key words: Shanghai Cooperation Organization (SCO); regional security; China; international terrorism; extremism; separatism.

Вопросы безопасности сегодня как никогда актуальны. Если в прошлом мировое сообщество справлялось с военными угрозами, обеспеченными вооруженными конфликтами, то сегодня чувствительными становятся и другие сферы международных отношений. Обеспечение экономической, информационной безопасности ставится в качестве повестки дня не только в стратегиях безопасности государств мира, но и на площадках международных, региональных и иных организаций.

Шанхайская Организация Сотрудничества является региональной организацией, главная цель которой – установление и поддержание безопасности в своем регионе. ШОС была создана в 2001 г., ее ранней интерпретацией можно считать «шанхайскую пятерку», впервые оформившуюся в 1995 г. Уже тогда региональная безопасность была одним из ключевых факторов деятельности организации. В частности, ШОС борется с «тремя вежами зла», которые подразумевают под собой терроризм, сепаратизм и экстремизм.

Китайская Народная Республика по праву считается одним из центров силы в ШОС, являясь весомым партнером не только в геополитическом смысле, но и в экономическом. Имея большое количество ресурсов, а также принимая во внимание концепты развития внешней политики КНР, государство активно продвигает свои инициативы на международной арене не только в рамках ШОС, но и в других организациях.

Теория безопасности ШОС требует отдельного внимания, т.к. концепт, заложенный в основу уставных документов организации, в свое время был признан принципиально новым и перспективным. Председатель КНР Си Цзиньпин во время одного из своих выступлений лаконично описал все стратегии ШОС в одном словосочетании, используя такое определение, как «шанхайский дух» [1]. «Шанхайский дух» в первую очередь ссылается на то, что военные методы не могут быть приемлемы в рамках международного сотрудничества в XXI в. Сегодня на смену силовым структурам должны прийти процессы, представляющие собой «мягкую силу». Государства-участники отмечают, что объединение усилий в вопросах безопасности не означает создание военно-политического блока или альянса. Концепт «мягкой силы» воспринимается положительно, т.к. в ходе процесса глобализации снижение военного компонента даст возможность таким методам мирного регулирования, как международное сотрудничество, экономическая целесообразность, проведение переговоров и др. выйти на передний план.

Проблемы «трех зол» – сепаратизма, экстремизма и терроризма – являются самыми актуальными для всех стран-участниц ШОС. Начиная с середины 1990-х и заканчивая сегодняшним днем, данные вопросы до сих пор не могут считаться решенными и требуют постоянного сотрудничества для сохранения контроля над ситуацией. Для регулирования самого опасного вида деятельности (терроризма) в

рамках ШОС была создана Региональная антитеррористическая структура (РАТС ШОС). Данная структура по праву носит звание «действенной», т.к. охватывает деятельность в совершенно разных сферах обеспечения безопасности, при этом постоянно показывая положительные результаты работы.

Ключевые сферы сотрудничества в рамках РАТС ШОС: кибербезопасность, повышение антитеррористического потенциала государств-членов, ликвидация потенциально опасного военного оборудования, обучение и подготовка различных родов войск, а также проведение совместных учений.

КНР активно принимает участие во всех видах деятельности. Так, например, Китай провел первое в рамках ШОС учение по противодействию использованию сети Интернет в террористических, сепаратистских и экстремистских целях «Сямынь-2015». Также были проведены совместные антитеррористические учения «Тянь-Шань-2-2011» спецслужб и правоохранительных органов стран-участниц ШОС в мае 2011 в городе Кашгаре в КНР [2].

Основными проблемами, которые с точки зрения Пекина могут найти свое разрешение в рамках деятельности ШОС, являются:

- Проблема терроризма и сепаратизма в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР.
- Расширение экономического влияния КНР в регионе.

Первый пункт полностью отвечает главной линии деятельности ШОС, которая была установлена еще в 1990-ых годах. Конфликт между уйгурами и китайцами с каждым годом наращивает обороты в связи с политикой, которую проводит центральное правительство в Синьцзян-Уйгурском Автономном Районе (СУАР).

В отличие от остальных китайских районов, этнический состав населения СУАР наиболее разнообразен: 45% населения составляют уйгуры, 40% – китайцы (ханьцы), около 7% – казахи, на остальные 8% приходятся оставшиеся народности (киргизы, монголы, узбеки, татары, салары и т.д.) – всего в СУАР проживает 47 национальностей. [3]

Различия между уйгурами и китайцами велики. Две самые большие народности коренным образом различаются не только по происхождению, но и, как следствие, по вероисповеданию. Уйгуры исповедуют ислам суннитского толка, в то время как китайцы не относят себя к определенной религии. СУАР, являясь внешней границей западной КНР, граничит с Монголией, Россией, Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном, Афганистаном, Индией и Пакистаном. В пяти из восьми граничащих с СУАР государствах основной религией признан ислам. Нестабильность в некоторых из этих стран, в частности в Афганистане, обуславливает нестабильность в регионе Центральной Азии, вызывает активность экстремистских организаций, что прямым образом влияет и на СУАР – сложный регион, где рука об руку действуют экстремизм, сепаратизм и терроризм.

Для достижения поставленной правительством Китая цели, уйгуры проходят так называемый процесс «китаизации» – политика, проводимая Пекином. В погоне за идеалами концепта своей внешней и внутренней политики («единый народ, единый Китай»), китайцы проводят различные мероприятия, направленные на ассимиляцию уйгурского народа, что не принимается положительно последними, т.к. признается ими дискриминацией [4]. В докладе Госсовета КНР, опубликованном в 2012 г., указывалось, что около 70% населения СУАР не владеют китайским языком. Китайское правительство вводит в школьные программы изучения «двух языков» для представителей нацменьшинств. Также поводом для недовольств можно назвать миграцию китайцев-ханьцев в СУАР, что создает конкуренцию в регионе. Более того, из-за проблем во владении китайским языком, при выборе человека на рабочее место, особенно в государственном аппарате, уйгурам предпочитают китайцев.

Второй же пункт следует отнести к приоритетам ШОС, принятым после 2001 г., когда экономическая интеграция стала одним из ключевых направлений развития организации. В экономическом плане КНР является двигателем ШОС, в то время как передний фронт ШОС в вопросах безопасности скорее принадлежит Российской Федерации. Имея достаточное количество ресурсов и амбиций, КНР выносит предложения и проекты для обсуждения, впоследствии занимаясь их реализацией. Кроме того, что Китай расширяет рынок сбыта своей продукции, он также открывает для себя новые ресурсные залежи: одна из причин, по которой регион Центральной Азии примечателен для КНР – топливные ресурсы.

Кроме добычи ресурсов, стоит также отметить желание Китая распространить инициативу «Один пояс и один путь» на как можно большее количество стран на евразийском направлении. Связанная инфраструктура в ближайшем будущем может способствовать экономической интеграции на самом глубоком уровне – создании зоны свободной торговли (ЗСТ) [5]. Основные планы экономической интеграции включают в себя инвестиции в железнодорожные проекты: построение железных дорог, связывающих Россию с Китаем, а также Китай со странами ЦА. Подписание различных многосторонних соглашений о дорожных перевозках объясняется тем, что у самых истоков ШОС это могло бы обеспечить короткий путь на европейские рынки. В инфраструктурной сфере интеграции вопросы безопасности и экономики тесно переплетаются: успех данных проектов зависит не только от успешного диалога между странами, участвующими в нем, но и от обеспечения безопасности маршрутов, по которым они проходят, от нестабильной ситуации в регионе (например, проникновения боевиков ИГИЛ в Афганистан и потенциальные зоны прохождения пути).

Создание ЗСТ в реалиях 2017–2019 гг., вероятно, является для КНР одной из самых важных целей. В наше время происходит большое противостояние двух самых больших экономик мира: американской и китайской. Китай, устанавливая акценты в своей внешней политике, дал миру четко понять, что статус «великого» у китайского народа отнять сегодня нельзя, а само слово «великий» подразумевает под собой влияние страны не только в своем регионе, но и во всем мире. Торговая война и санкции, обоюдно введенные США и Китаем, очевидно, ограничили КНР в рынках сбыта китайской продукции. Санкции коснулись не только сферы торговли товарами, но и ресурсами. Более того, в 2019 г. санкции начали выходить на новый уровень – уровень высоких технологий (например, санкции США в отношении китайской компании Huawei по причине дистрибуции 5G сети в мире, принципиально новой технологии). Данные санкции, конечно, не подрывают экономическое состояние Китая, однако явно заставляют задумываться о том, где искать новые рынки сбыта своей продукции. Таким образом, становятся очевидными причины проведения КНР активной экономической политики в региональных организациях.

Можно сделать вывод, что на сегодняшний день в рамках ШОС для Китая наиболее приоритетное направление – экономическое, и, вероятно, данная направленность будет сохраняться и в ближайшие годы в связи с развитием китайского рынка. ШОС является действенной площадкой для КНР в вопросах утверждения своего регионального влияния, а также расширения сотрудничества в различных областях со своими ближайшими соседями – странами Центральной Азии и Россией.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Председатель КНР Си Цзиньпин: "Шанхайский дух" во имя сообщества с единой судьбой [Электронный ресурс] // Труд. – Режим доступа: http://www.trud.ru/article/29-06-2018/1364071_predsedatel_knr_si_tszinpin_shanxajskij_dux_vo_imja_soobschestva_s_edinoj_sudboj.html. – Дата доступа: 10.09.2019.

2. Розанов, А. А. Проблематика безопасности в рамках ШОС. Минск: БГУ, 2012. 53-69 с.
3. Чжэн И. Политика противодействия терроризму в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР [Электронный ресурс] // Издательство «Электронные Журналы». – Режим доступа: https://e-notabene.ru/wi/article_21545.html. – Дата доступа: 31.08.2019.
4. Ананьина Д.А. Межэтнический конфликт на территории Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР [Электронный ресурс] // Гуманитарный вектор. – 2018. – С. 6–11. – КиберЛеника. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/mezhetnicheskiy-konflikt-na-territorii-sintszyan-uygurskogo-avtonomnogo-rayona-knr>. – Дата доступа: 10.09.2019.
5. Экономический пояс Шелкового пути и евразийская интеграция: конкуренция или новые возможности? [Электронный ресурс] // International Centre for Trade and Sustainable Development. – Режим доступа: <https://www.ictsd.org/bridges-news/мосты/news/экономический-пояс-шелкового-пути-и-евразийская-интеграция-конкуренция-или>. – Дата доступа: 10.09.2019.

ВЛИЯНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ РЕФЕРЕНДУМА О ЧЛЕНСТВЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ЕС НА СЕВЕРНУЮ ИРЛАНДИЮ

Е. О. Пашковская

*Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская 20, 220006, г. Минск, Беларусь, yelena.pashkovs@gmail.com*

В статье рассматривается проблематика Северной Ирландии – региона Великобритании, в котором большинство населения проголосовало против выхода страны из ЕС. Анализируется уровень влияния и сотрудничества между регионом и Европейским союзом, а также рассматриваются возможные, вытекающие из этого, последствия выхода Соединенного Королевства из состава союза. По вопросу Северной Ирландии Брексит вызовет ряд проблем не только в переговорном процессе с ЕС, но и внутри государства. Автор приходит к выводу, что результат референдума 2016 г. усложнил отношения между регионом и центральной властью в Великобритании и создал новые трудности в диалоге между Великобританией и Европейским союзом. Практическая значимость исследования состоит в выявлении взаимосвязей региона и Европейского союза и предположения относительно будущего отношений Северной Ирландии с Великобританией и Великобритании с Европейским союзом. По сравнению с другими работами схожей тематики и назначения, в данной публикации проводится комплексное рассмотрение ситуации в Северной Ирландии, и используются оригинальные документы и источники.

Ключевые слова: Северная Ирландия; Брексит; Великобритания; Республика Ирландия; Белфастское соглашение; референдум в Великобритании.

INFLUENCE OF RESULTS OF THE REFERENDUM ON THE MEMBERSHIP OF THE UK IN THE EU ON NORTHERN IRELAND

E. O. Pashkovskaya

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article considers Northern Ireland, a region of Great Britain in which the majority of the population voted against the country's exit from the EU. The level of influence and cooperation between the region and the European Union is analyzed, and the possible consequences of the withdrawal of the United Kingdom from the union, resulting from this, are examined. On the issue of Northern Ireland, Brexit will cause a number of problems not only in the negotiation process with the EU, but also within the state. The author concludes that the result of the 2016 referendum complicated relations between the region and the central authority in the UK and created new difficulties in the dialogue between the UK and the European Union. The practical significance of the study is to identify the relationship between the region and the European Union and assumptions regarding the future relations of Northern Ireland with the United Kingdom and Great Britain with the Eu-

ropean Union. Compared to other works of similar subjects and purpose, this publication provides a comprehensive review of the situation in Northern Ireland and uses original documents and sources.

Keywords: Northern Ireland, Brexit, Great Britain, Republic of Ireland, Belfast Agreement, referendum in Great Britain.

Северная Ирландия является особым регионом Великобритании ввиду наличия сухопутной границы с другим государством – Республикой Ирландия. Выход Соединённого Королевства из ЕС актуализирует проблему установления границы между двумя государствами, поскольку в этом шаге усматривается нарушение Белфастского соглашения и угрозу миру в Северной Ирландии [1]. Существует несколько прогнозов относительно будущего границы с Ирландией, но ни один из сценариев не удовлетворит Великобританию.

После создания Ирландской Республики в 1949 г. британские власти поместили ирландских граждан в особую категорию как «ни иностранцы, ни подданные» и ирландцы получили право свободно въезжать, проживать и работать в Великобритании [2]. На сегодняшний день отношения между Республикой Ирландия и Северной Ирландией регламентируются соглашением Страстной Пятницы (Белфастским), которое положило в 1998 г. конец продолжавшемуся более 30 лет конфликту в Северной Ирландии. Страны-подписанты соглашения стремились укрепить сотрудничество в пограничных районах как символ работы по достижению социальной сплоченности между двумя Ирландиями. Несмотря на некоторые трудности, трансграничное сотрудничество было в значительной степени успешным, и, несмотря на некоторые проверки паспортов со стороны Республики Ирландия, перемещение через границу в последние два десятилетия не создавало проблем [3].

Брексит актуализировал вопрос о границе в Северной Ирландии. Ещё до референдума было очевидно, что в случае выхода страны из ЕС вопрос границы будет одним из самых сложных на повестке дня в процессе переговоров.

По итогам референдума, большинство населения региона проголосовало против выхода Великобритании из ЕС – 55,8% [4]. Однако при ближайшем рассмотрении следует отметить, что за выход голосовали в основном области, в которых большинство населения составляли протестанты, а также люди, идентифицировавшие себя как британцы [5].

ЕС, посредством как региональной политики, так и взносов в Международный фонд для Ирландии (МФИ) оказывает поддержку мирному процессу в Северной Ирландии уже на протяжении 30 лет.

Программа PEACE, запущенная в регионе в 1995 г. и нацеленная на сплочение сторон конфликта и обеспечение экономической и социальной стабильности, неоднократно продлевалась и действовала до 2017 г. С 2016 г. была запущена программа PEACE IV. Ее приоритетами стали инвестиции для развития детей и молодежи. Данная программа является программой трансграничного сотрудничества между Республикой Ирландия и Соединенным Королевством в рамках Европейского территориального сотрудничества. Она позволила вести диалог между сторонами конфликта. Благодаря ей был профинансирован ряд проектов, направленных на поддержку жертв конфликта, поддержку молодежи, развитие малого и среднего бизнеса. Пособием программы PEACE ЕС внес свой вклад в развитие инфраструктуры и восстановление городов, поддержку иммигрантов и продвижение идеи этнического разнообразия в обществе.

Следует отметить, что в настоящее время данная программа представляется как пример миростроительства, и будет применяться повсеместно в Европе и в других регионах [6].

Согласно социологическому опросу населения по обе стороны границы между Великобританией и Республикой Ирландия, местные жители озабочены перспективой выхода Великобритании из ЕС с установлением жесткой границы между государствами. Опрос был проведен с целью определения влияния членства в ЕС на жизни местных жителей и их домохозяйства в ряде сфер политики и законодательства. В соответствии с ответами, можно сделать вывод, что наиболее важными областями, которые затрагивало членство в ЕС и которые влияли на респондентов, были финансирование ЕС и гражданские права ЕС.

Другими важными областями, в которых респонденты считали, что членство в ЕС затронет их «в значительной степени», стали отдых и поездки (78%), работа и бизнес (75%), покупки и розничная торговля (75%), защита окружающей среды (73%) [7].

После оглашения результатов референдума о членстве Великобритании в ЕС возобновились дискуссии по вопросу объединения Северной Ирландии к Республике Ирландия. Для осуществления такого проекта следует инициировать референдум в Северной Ирландии. Он также должен быть одобрен Правительством Великобритании. В Белфастском соглашении указано, что Великобритания обязуется уважать право Северной Ирландии на самоопределение и не препятствовать объединению Северной Ирландии с Республикой Ирландия, если так решит большинство населения региона [3].

Одним из вариантов является сохранение беспрепятственного передвижения между Республикой Ирландия и Северной Ирландией, в то время как жесткая граница Соединённого Королевства условно будет проходить по Ирландскому морю. Это не устраивает юнионистов Северной Ирландии, поскольку особый статус обособит регион от остального Соединённого Королевства, и евроскептиков, поскольку граница с ЕС останется открытой для части государства.

Другим вариантом является установление жесткой границы, что противоречит положениям Белфастского соглашения, согласно которому между Республикой Ирландия и Северной Ирландией не устанавливается жесткая граница и люди могут спокойно перемещаться между государствами. Этот вариант не устраивает республиканцев Северной Ирландии и ставит под угрозу мир в регионе. Британские еврооптимисты также не одобряют такое положение дел.

Третьим вариантом является установление статуса-кво – т.е. Великобритания в переговорах с ЕС не будет настаивать на установлении пограничного контроля. Этот вариант не приемлем для евроскептиков, желающих оградить страну от иммигрантов. Установление границы является одним из их важнейших положений, поэтому нет оснований полагать, что этот вариант будет принят (по крайней мере, при текущем правительстве) [8].

Таким образом, результат референдума о членстве Великобритании в ЕС, противоречащий результату голосования в Северной Ирландии, актуализирует проблему установления границы с Республикой Ирландия при выходе из ЕС и обостряет ситуацию в регионе. Северная Ирландия и Республика Ирландия объединены экономическими и культурными связями, поэтому установление жесткой границы между ними нанесет ущерб обеим сторонам. Более того, существует возможность возобновления старого конфликта либо принятия решения об инициации референдума по присоединению Северной Ирландии к Республике Ирландия.

Согласно Белфастскому соглашению, подписанием которого завершился длившийся 30 лет конфликт в Северной Ирландии, между сторонами конфликта организовывалось сотрудничество, должны были осуществляться общие проекты между странами, подписавшими соглашение в целях укрепления мира в регионе. ЕС долгое время финансировало и продолжает финансировать программу по поддержанию мира в Северной Ирландии.

После оглашения итогов референдума 2016 г. в Великобритании, согласно которым страна выходит из ЕС, были рассмотрены проекты для определения статуса Северной Ирландии и ее дальнейших отношений с Республикой Ирландия после Брексита. Разработанные проекты установления границы с Республикой Ирландия не нашли широкой поддержки, а установление же жесткой границы противоречит Белфастскому соглашению, которое ко всему прочему предусматривает инициацию референдума о будущем Северной Ирландии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. The Northern Ireland Peace Process [Electronic resource] // Council on Foreign Relations, 2019. – Mode of access: <https://www.cfr.org/backgrounder/northern-ireland-peace-process>. Date of access: 01.09.2019.

2. Smith, E. Brexit and the history of policing the Irish border [Electronic resource] // History&Policy, – 2016. – Mode of access: <http://www.historyandpolicy.org/policy-papers/papers/brexit-and-the-history-of-policing-the-irish-border>. – Date of access: 10.07.2019.

3. The Belfast Agreement / Good Friday Agreement 1998 [Electronic resource] // Government of the United Kingdom, – 1998. – Mode of access: <https://www.gov.uk/government/publications/the-belfast-agreement>. – Date of access: 10.07.2019.

4. EU referendum results [Electronic resource] // The Electoral Commission, 2016. – Mode of access: <https://www.electoralcommission.org.uk/find-information-by-subject/elections-and-referendums/past-elections-and-referendums/eu-referendum/electorate-and-count-information>. – Date of access: 11.04.2019.

5. The EU referendum Vote in Northern Ireland: Implications for our understanding of citizens' political views and behavior [Electronic resource] // Northern Ireland Assembly, 2017. – Mode of access: <https://www.qub.ac.uk/brexit/Brexitfilestore/Fileupload,728121,en.pdf>. – Date of access: 01.09.2019.

6. Northern Ireland PEACE programme [Electronic resource] // Fact Sheets on the European Union, European Parliament, 2019. – Mode of access: <http://www.europarl.europa.eu/factsheets/en/sheet/102/northern-ireland-peace-programme>. Date of access: 01.09.2019.

7. Hayward, K. Bordering on Brexit: Views from Local Communities in the Central Border Region of Ireland / Northern Ireland [Electronic resource] // Irish Central Border Area Network, 2017. – Mode of access: <https://www.qub.ac.uk/brexit/Brexitfilestore/Fileupload,780606,en.pdf>. Date of access: 01.09.2019.

8. The land border between Northern Ireland and Ireland [Electronic resource] // House of Commons Northern Ireland Affairs Committee, 2018. – Mode of access: <https://publications.parliament.uk/pa/cm201719/cmselect/cmniaf/329/329.pdf>. Date of access: 01.09.2019.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

А. Р. Романовский¹⁾, С. Ф. Свилас²⁾

*¹⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, aromanovsky35@gmail.com*

*²⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, svilas@tut.b*

В статье обоснована актуальность аналитических работ в области информационной безопасности, охарактеризованы подходы зарубежных государств, политиков и экспертов к этой проблеме, определен уровень развития цифровой экономики и сектора информационно-коммуникационных услуг в Беларуси. Объект исследования – национальная безопасность. Цель исследования – оценка акций Республики Беларусь по обеспечению своей информационной безопасности. Научная новизна исследования – анализ Концепции информационной безопасности Беларуси (2019 г.), а также инициативы республики по формированию «пояса цифрового добрососедства». Практическая значимость исследования – определение значения Концепции для укрепления информационного суверенитета и информационного нейтралитета

тета Республики Беларусь, положительного имиджа белорусского государства на международной арене.

Ключевые слова: Республика Беларусь; кибербезопасность; Концепция информационной безопасности Беларуси; информационный суверенитет; информационный нейтралитет; «пояс цифрового добрососедства»; Международная антитеррористическая конференция ООН.

ACTIVITIES OF THE REPUBLIC OF BELARUS TO PROMOTE INFORMATION SECURITY

A.R. Romanovsky^a, S.F. Svilas^b

^a*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus*

^b*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus*

Corresponding author: A.R. Romanovsky (aromanovsky35@gmail.com)

The article justifies the relevance of analytical studies in the field of information security, characterizes the approaches of foreign states, politicians and experts to this problem, defines the level of development of the digital economy and the sector of information and communication services in Belarus. The object of the research is national security. The purpose of the study is to assess the actions of the Republic of Belarus to ensure its information security. The scientific novelty of the study consists in providing analysis of the Concept of Information Security of Belarus (2019), as well as of the initiative to form a "belt of digital neighborliness". The practical relevance of the study is in determining the significance of the Concept for strengthening the information sovereignty and information neutrality of the Republic of Belarus and the positive image of the Belarusian state in the international arena.

Keywords: Republic of Belarus, cyber security; Concept of information security of Belarus; information sovereignty; information neutrality; "belt of digital neighborliness"; UN International Anti-Terrorist Conference.

Человечество давно перешагнуло индустриальную эпоху и вступило в новую эру своего развития, когда информация и знания становятся ключевым фактором прогресса. Объемы производимой в мире информации стремительно увеличиваются: с двух зеттабайт в 2010 г. до 33 зеттабайт в 2018 г. По прогнозам, к 2025 г. эта цифра возрастет до колоссального значения в 175 зеттабайт [12]. Доступ к Интернету все чаще трактуется как неотъемлемое право человека. В нашу повседневность решительно входят такие ранее казавшиеся фантастическими понятия, как искусственный интеллект, блокчейн, «интернет вещей» и многие другие. Большие объемы информации широко используются в бизнесе и становятся оружием в политической борьбе.

Российский эксперт профессор МГИМО А. И. Смирнов указывает на то, что мир переходит к шестому технологическому укладу, в основе которого лежит «не двигательная сила, направленная на базовые элементы глобальной конкуренции, а интеллектуальные силы человека» [9, с. 48]. При этом сложно не согласиться с еще одним российским исследователем Е. С. Зиновьевой, которая отмечает, что развитие новых технологий, помимо очевидных выгод человечеству, создает новые и усугубляет существующие угрозы безопасности и устойчивому развитию, трансформирует природу и формы протекания международных конфликтов, порождает новые виды преступности и терроризма [4, с. 157].

Вышеуказанные факторы обуславливают исключительную важность принятия исчерпывающих мер по обеспечению информационной безопасности государства, общества и индивида, и высокую актуальность избранной темы исследования.

Вопросам информационной или, как ее называют на Западе, кибербезопасности придается большое значение во многих странах мира. США рассматривают ки-

берсферу как ключевое поле для своего доминирования. Так, в обновленной Стратегии кибербезопасности США, принятой в сентябре 2018 г. при президенте Д. Трампе, в качестве цели прямо провозглашается сохранение лидирующих позиций Соединенных Штатов в киберсфере [13].

М. Кастельс отмечает, что сегодня борьба за власть в глобальной информационной сфере обострилась. В России, Китае, развивающихся странах правительства стремятся защитить свое информационное пространство. Примерами такого обострения могут выступать цензура электронной почты в Китае; активное законодательное регулирование информационной сферы в Европейском союзе и т.д. Появление «цифровых границ» связано с легкостью доступа к информации в современном мире, что создает возможности воздействия на общественное мнение поверх государственных границ [6, с. 320].

Согласно Доктрине информационной безопасности России, под этим термином понимается «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз». Информационная безопасность обеспечивает реализацию конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства [3].

В Беларуси цифровая сфера получила интенсивное развитие с начала 2000-х годов. Согласно Индексу развития ИКТ, который составляет Международный союз электросвязи, Беларусь в 2017 г. занимала 32-ю позицию в мире, вплотную приблизившись к тридцатке наиболее развитых в плане информационных технологий стран и обогнав ряд государств-членов Евросоюза (Словения – 33 место, Латвия – 35, Хорватия – 36, Греция – 38), а также большинство стран СНГ (Россия – 45-е, Казахстан – 52-е и т.д.) [11].

В республике заметными темпами развивается цифровая экономика и сектор информационно-коммуникационных услуг. Локомотивом этого процесса выступает Парк высоких технологий, резидентами которого по состоянию на 3 октября 2019 г. являлись 684 компании из 67 стран мира. [10]. Экспорт ПВТ в 2018 г. составил 1,4 млрд долл. США, львиная доля которого идет в США и страны Европейского союза [5]. Доля ИКТ в ВВП страны составляет 5,5%, что сопоставимо с сельским и лесным хозяйством (6,4%), строительством (5,4%), транспортом (5,8%). Ожидается, что к 2022 г. доля ИТ в ВВП Беларуси вырастет до 10% [11]. Столь высокие темпы цифровизации обусловили принятие соответствующих мер регулирования на законодательном уровне, в том числе по обеспечению информационной безопасности Беларуси.

В марте 2019 г. Совет Безопасности Республики Беларусь одобрил Концепцию информационной безопасности (КИБ) Беларуси. В этом документе информационная безопасность определяется как «состояние защищенности сбалансированных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз в информационной сфере».

Основной целью обеспечения информационной безопасности обозначено достижение и поддержание такого уровня защищенности информационной сферы, который обеспечивает реализацию национальных интересов Республики Беларусь и ее прогрессивное развитие. В числе целей государственной политики в сфере информационной безопасности выделяются такие, как предупреждение и нейтрализация информационных рисков, вызовов и угроз, в том числе киберпреступности и кибертерроризма, разработка средств обеспечения информационной безопасности и др.

КИБ оперирует такими новыми для политического и дипломатического дискурса категориями, как «информационный суверенитет» и «информационный

нейтралитет». Предусматривается также введение государственно-частного партнерства с целью привлечения компетенций, кадров, технологий, капитала частных предприятий, повышения отдачи использования бюджетных средств и активов предприятий, совместной разработки и реализации инвестиционных и иных проектов в области информационной безопасности.

При этом документом гарантируется конституционное право граждан свободно искать, получать, передавать, производить, хранить и распространять информацию любым законным способом, право на тайну личной жизни и иную охраняемую законом тайну, защиту персональных данных и авторских прав, а также соблюдение баланса прав с ограничениями, связанными с обеспечением национальной безопасности.

Несмотря на то, что «высокотехнологичные» угрозы международной безопасности не всегда исходят от государств, именно последние играют ключевую роль в обеспечении международной стабильности, при этом большинство современных угроз носят глобальный характер и бороться с ними невозможно без принятия согласованных мер, эффективного международного сотрудничества.

Характерно, что в число целей КИБ входит осуществление усилий по повышению действенности международного права и соблюдению моральных норм ответственного поведения в информационном пространстве, содействие разработке и внедрению мер по укреплению доверия в информационном пространстве. КИБ предусматривает налаживание каналов международного обмена опытом в области обеспечения информационной безопасности, а также информацией об угрозах национальным интересам, в том числе уязвимостях информационных систем, инцидентах в информационной инфраструктуре [7].

Выступая в общей дискуссии на 74-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке в сентябре 2019 г., Министр иностранных дел Беларуси В. Макей отметил, что мир находится на начальном этапе долгосрочного глобального процесса, именуемого технологической гонкой вооружений. Опасность в том, что эту гонку могут использовать как силы добра, так и силы зла, и задача мирового сообщества – сделать все, чтобы зло не получило шансов на доминирование. Руководитель внешнеполитического ведомства республики подчеркнул в этой связи необходимость расширения межгосударственного цифрового сотрудничества, повышения взаимного доверия в информационной сфере» [2].

Поэтому не случайно вслед за принятием Концепции информационной безопасности Республикой Беларусь была выдвинута инициатива о формировании «пояса цифрового добрососедства» путем заключения двусторонних и многосторонних соглашений об обеспечении международной информационной безопасности, которая была озвучена Главой белорусского государства А. Г. Лукашенко на Международной антитеррористической конференции под эгидой ООН, состоявшейся 3 сентября 2019 г. в Минске [8].

Белорусская дипломатия в качестве ключевых элементов таких договоренностей рассматривает идеи цифрового суверенитета и нейтралитета, а также невмешательства стран в информационные ресурсы друг друга. Цифровой суверенитет должен гарантировать способность государства контролировать свое информационное поле, предупреждать и блокировать кибератаки, обеспечивать надежную защиту критической инфраструктуры. Он предполагает, что страны не будут предпринимать в киберпространстве действия, наносящие ущерб безопасности иных государств. В конечном итоге такие соглашения станут основой для выработки международных правил ответственного поведения в виртуальном пространстве, укрепят связи между странами, повысят эффективность совместного противодействия террористическим угрозам в киберпространстве [1].

Таким образом, Республика Беларусь как государство с развитой сферой информационно-коммуникационных технологий придает важное значение обеспечению информационной безопасности на национальном, региональном и глобальном уровнях. Формирующаяся в этой области законодательная база направлена на обеспечение безопасных условий для дальнейшего эффективного развития информационного сектора при одновременном обеспечении конституционных прав граждан на получение и распространение информации.

Логическим следствием ИТ-сектора и в целом миролюбивой внешней политики Беларуси можно считать выдвижение Республикой Беларусь такой крупной международной инициативы, как создание «пояса цифрового добрососедства», направленной на снижение напряженности и сближение позиций крупных мировых игроков в киберсфере.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Беларусь призывает страны ООН принять меры для обеспечения международной информационной безопасности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belta.by/special/politics/view/belarus-prizyvaet-strany-oon-prinjat-mery-dlja-obespechenija-mezhdunarodnoj-informatsionnoj-363621-2019/>. – Дата доступа: 07.10.2019.

2. Выступление Министра иностранных дел Беларуси В.Макея в общей дискуссии на 74-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 26 сентября 2019 г. [Электронный ресурс]. – 2019 – Режим доступа: http://mfa.gov.by/press/news_mfa/b698116bea64ee66.html. – Дата доступа: 07.10.2019.

3. Доктрина информационной безопасности РФ от 05.12.2016. Утверждена указом Президента № 646 [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/tGeA1AqAfJ4uy9jAOF4CYCpuLQw1kxdR.pdf>. – Дата доступа: 07.10.2019.

4. Зиновьева, Е. С. Международное сотрудничество по обеспечению информационной безопасности: проблемы, субъекты, перспективы : дис. ... докт. ист. наук: 23.00.04 / Е. С. Зиновьева. – М., 2017. – 332 л.

5. Как сработал ПВТ в 2018 году: экспорт, зарплаты, рабочие места [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа: <https://news.tut.by/economics/628437.html>. – Дата доступа: 07.10.2019.

6. Кастельс М. Могущество самобытности // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999.

7. Концепция информационной безопасности Республики Беларусь. Утверждена Постановлением Совета безопасности Республики Беларусь от 18.03.2019 № 1 [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа: <http://president.gov.by/uploads/documents/2019/1post.pdf>. – Дата доступа: 07.10.2019.

8. Лукашенко выступил с инициативой формирования "пояса цифрового добрососедства" [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа: <https://www.belta.by/president/view/lukashenko-vystupil-s-initsiativoy-formirovaniya-pojasa-tsifrovogo-dobrososedstva-360560-2019/>. – Дата доступа: 07.10.2019.

9. Смирнов, А. И. Современные информационные технологии в международных отношениях: монография / А.И. Смирнов; Моск. гос. ин-т между- нар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Центр международной информационной безопасности и научно-технологической политики. — Москва: МГИМО-Университет, 2017. – 334 с.

10. Факты и цифры [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа: <http://www.park.by/topic-facts/>. – Дата доступа: 07.10.2019.

11. ICT Development Index 2017 [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: <https://www.itu.int/net4/ITU-D/idi/2017/index.html>. – Дата доступа 07.10.2019.

12. Information created globally 2010-2025 [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа: <https://www.statista.com/statistics/871513/worldwide-data-created>. – Дата доступа: 07.10.2019.

13. National Cyber Strategy of the United States of America of September 2018 [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2018/09/National-Cyber-Strategy.pdf>. – Дата доступа: 07.10.2019.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ И МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ РАЗВИТИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

О. П. Рубо

*Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская, 20, 220030, г. Минск, Беларусь, rubo@bsu.by*

Данная статья посвящена исследованию концептуальных основ и механизма реализации политики развития Европейского союза. В статье рассматриваются основные документы политики развития, представлены компетенции институтов ЕС и стран-членов. На основе изучения этапов политики развития делается вывод о том, что эта сфера внешних действий ЕС претерпела значительные изменения, начиная с 2000 г. с принятием Соглашения Котону. На современном этапе уделяется большое внимание координации действий институтов ЕС и стран-членов в проведение этой политики. Кроме того, на политику развития значительное влияние оказывают глобальные тренды в этой области. В частности, Европейский консенсус по развитию 2017 г. увязывает политику развития ЕС с Повесткой дня ООН в области устойчивого развития на период до 2030 г.

Ключевые слова: Европейский союз, ЕС, политика развития, Повестка – 2030.

CONCEPTUAL BASIS AND IMPLEMENTATION MECHANISM OF THE EUROPEAN UNION'S DEVELOPMENT POLICY

O. P. Rubo

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

This article examines the conceptual basis and the implementation mechanism of the European Union's development policy. The article studies the main documents of development policy, presents the competencies of EU institutions and member countries. Based on the study of the stages of development policy, it is concluded that this area of the EU's external actions has undergone significant changes since 2000 with the adoption of the Cotonou Agreement. At the present stage, much attention is paid to the coordination of the activities of EU institutions and member countries in the implementation of this policy. In addition, global trends in this area have a significant impact on development policies. In particular, the European Development Consensus, adopted in 2017, links the EU's development policy with the UN's Agenda for Sustainable Development until 2030.

Key words: European Union, EU, Development Policy, 2030 Agenda.

Европейский союз (ЕС) – влиятельный донор в сфере содействия международному развитию. На ЕС и государства-члены приходится более 50 % всей глобальной помощи в целях развития. Главная цель политики развития интеграционного объединения – сокращение бедности и реализация социальных программ в развивающихся странах. Особенностью реализации политики развития является то, что ЕС выделяет сам финансирование развивающимся странам, а также координирует действия государств-членов, осуществляющих соответствующую помощь.

В эволюции политики развития Европейского союза следует выделить три основных этапа [1]. Первый этап (середина 1950-х – середина 1980-х гг.) обусловлен действием Ломейских конвенций, которые регулировали отношения Европейского экономического сообщества (ЕЭС) со странами Африки, Карибского и Тихоокеанского бассейнов (группа АКТ). На основании этих соглашений ЕЭС оказывало экономическую поддержку странам АКТ. Этот период был обозначен как «естественное партнерство», в котором участвующие стороны рассматривались как равные партнеры. Согласно Ломейским конвенциям политика развития отли-

чалась политической нейтральностью и невмешательством во внутренние дела государств-реципиентов.

В основе второго этапа (конец 1980-х – конец 1990-х) лежит вступивший в силу в ноябре 1993 г. Маастрихтский договор, который побудил ЕС предпринять первые шаги к координации внешних действий с целью усиления глобальной роли интеграционного объединения. Политика развития ЕС стала охватывать все развивающиеся регионы.

Третий этап политики развития ЕС начался в 2000 г. в связи с заключением Соглашения Котону о партнерстве на двадцатилетний период. Этот документ ознаменовал внесение важных изменений в процедуру оказания помощи и развитие торговых отношений, установленных ранее Ломейскими конвенциями, поскольку включал в себя не только экономическую сферу. В Соглашении 2000 г. обозначен ряд политических, технических и демократических условий, выполнение которых ожидалось от стран АКТ в обмен на выделение финансовых средств интеграционным объединением. В частности, в ст. 96 говорится о возможности введения «соответствующих мер», в случае нарушения прав человека и демократических процедур [2]. Соответственно, политический диалог ЕС со странами партнерами, основанный на распространении европейских демократических ценностей, на данном этапе активно набирал вес. Кроме того, предоставление помощи ЕС стало обусловлено не только потребностями развивающихся стран, но демонстрировало результаты работы в соответствии со стратегическими документами ЕС в отношении стран-реципиентов.

В 2005 г. Европейская комиссия, Европейский парламент и Совет ЕС приняли документ «Европейский консенсус в вопросах развития», в котором были определены инструменты (политический диалог, партнерство), а также обозначены цели и планы действий для политики развития ЕС. В 2007 г. был принят Кодекс поведения, который призывал государства-члены сосредоточить свою деятельность по оказанию помощи на ограниченном числе стран, а также на определенных секторах партнера-получателя финансовых средств. Оба документа были направлены на усиление координации действий в области политики развития как на национальном, так и общеевропейском уровнях [3].

В декабре 2009 г. вступил в силу Лиссабонский договор, предусматривающий создание новых институтов и правовых инструментов с целью усиления роли ЕС в мировой политике. Договор определил соответствующие полномочия институтов ЕС и государств-членов, установил сложные правовые и институциональные рамки для сотрудничества в целях развития и оказания гуманитарной помощи. Политика развития в настоящее время является частью сферы внешних действий ЕС. В статье 208 Лиссабонского договора говорится о том, что борьба с бедностью – главная цель политики развития ЕС, а также обозначена необходимость обеспечения согласованности политики в области развития в рамках ЕС [4].

Важную роль в осуществлении политики развития играет Европейская комиссия. В рамках этого наднационального института в январе 2011 г. был сформирован Генеральный директорат по развитию и сотрудничеству (DG DEVCO – EuropeAid), который совместно с Европейской службой внешних действий (ЕСВД), наделен компетенцией в сфере разработки финансовых программ. С 1 января 2015 г. действует реформированный Генеральный директорат по международному сотрудничеству и развитию (DG DEVCO) [5, с. 57].

В целом, ЕСВД формирует внешнеполитический курс в сфере политики развития, а Европейская комиссия реализует этот курс на практике [4, с. 57]. Для реализации политики сотрудничества в целях развития Европейская комиссия примерно два раза в год встречается с представителями стран-членов для обмена информацией о приоритетах в обозначенной области и передовой практикой на

уровне ЕС. DG DEVCO координирует работу с другими генеральными директоратами, ЕСВД, делегациями ЕС, а также с Советом ЕС и Европейским парламентом. Голосование по вопросам финансирования политики развития из бюджета ЕС проводится в Европейском парламенте.

В области сотрудничества по оказанию помощи международному развитию в распоряжении у ЕС имеются три географических инструмента (Инструмент соседства, Европейский фонд развития, Инструмент сотрудничества в вопросах развития) и два отраслевых инструмента (Европейский инструмент поддержки демократии и прав человека и Инструмент стабильности) [5, с. 53].

8 июня 2017 г. был утвержден новый Европейский консенсус по развитию «Наш мир, наше достоинство, наше будущее». Это план увязывает политику развития ЕС с Повесткой дня ООН в области устойчивого развития на период до 2030 г. Новый Консенсус способствует достижению целей и принципов внешней деятельности ЕС, заложенным в Лиссабонском договоре 2007 г., а также коррелирует с Глобальной стратегией Европейского союза по внешней и политике безопасности 2016 г. В Консенсусе подчеркивается, что искоренение нищеты остается главной целью политики развития. В то же время документ объединяет экономические, социальные и экологические аспекты устойчивого развития. В документе обозначена необходимость координации действий ЕС и государств-членов в реализации политики развития. В нем делается упор на развитии партнерских отношениях с широким кругом стран [6].

В 2018 г. совместная финансовая помощь Европейского союза и его государств-членов в сфере помощи международному развитию составила более 74,4 млрд евро. По словам комиссара по международному сотрудничеству и развитию Н. Мимицы, «сотрудничество в области развития Европейского союза помогает улучшить жизненные условия миллионов людей во всем мире». Он также подчеркнул, что в будущем ЕС и его государства-члены должны не только сохранять лидирующие позиции в предоставлении финансовой помощи, но и продолжать усилия по дальнейшему увеличению объемов финансирования [7].

Таким образом, ЕС совместно с его государствами-членами лидируют в предоставлении финансирования в целях международного развития. Политика развития ЕС является одной из сфер внешних действий интеграционного объединения. В реализации этой политики задействован широкий круг акторов (институты ЕС и страны-члены), что требует значительных усилий для согласования общеевропейского курса в обозначенной области.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Mah L. Keshaping eu development policy: collective choices & the new global order [Electronic resource] // Working Papers CEAs 130 / 2014/ – Mode of Access: <https://cesa.rc.iseg.ulisboa.pt/RePEc/cav/cavwpp/wp130.pdf>. – Date of Access: 15.10.2019).
2. The Cotonou Agreement [Electronic resource] // European Parliament. – Mode of Access: http://www.europarl.europa.eu/intcoop/acp/03_01/pdf/mn3012634_en.pdf. – Date of Access: 15.10.2019.
3. The European Consensus on Development [Electronic resource] // EUR-Lex. – Mode of Access: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=LEGISSUM%3Ar12544>. – Date of Access: 15.10.2019).
4. Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community, signed at Lisbon on 13 December 2007 (OR. fr) [Electronic resource] // Council of the European Union. – Mode of Access: <http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cmsupload/cg00014.en07.pdf>. – Date of Access: 15.10.2019).
5. Стрежнева, М. В. Европейский союз: архитектура внешней политики. – М. : ИМЭМО РАН, 2016. – 135 с.

6. European Consensus on Development [Electronic resource] // European Commission. – Mode of Access: https://ec.europa.eu/europeaid/policies/european-development-policy/european-consensus-development_en. – Date of Access: 15.10.2019.

7. Europe remains the world's biggest development donor – €74.4 billion in 2018 [Electronic resource] // European Commission. – Mode of Access: https://ec.europa.eu/europeaid/news-and-events/europe-remains-worlds-biggest-development-donor-eu744-billion-2018_en. – Date of Access: 17.10.2019.

ОБ УЧАСТИИ БЕЛОРУССКОЙ ССР В СОЗДАНИИ ЮНКТАД

С. Ф. Свилас

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 2200030, Минск, Республика Беларусь, svilas@tut.by*

В статье рассматривается подготовка внешнеполитического ведомства, других министерств и учреждений Белорусской ССР к первой Конференции ООН по торговле и развитию, состав, содержание и результаты работы делегации, ее взаимосвязь с другими участниками, а также значение форума и практические рекомендации делегатов от республики. Объект исследования – внешнеполитическая деятельность Белорусской ССР. Цель исследования – определить значение деятельности делегации республики на Конференции. Научная новизна исследования – впервые в историографии и на основе организационно-распорядительных документов МИД БССР рассматриваются истоки экономической дипломатии Беларуси. Практическая значимость исследования – в возможности использования в научной и педагогической деятельности.

Ключевые слова: международное экономическое сотрудничество, экономическая дипломатия, советская федерация, субъект советской федерации, субъект международных отношений, развивающиеся страны.

THE PARTICIPATION OF THE BYELORUSSIAN SSR IN THE ESTABLISHING OF UNCTAD

S. F. Svilas

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

In the article the preparation of the foreign ministry, other ministries and institutions of the Belarusian SSR for the first United Nations Conference on Trade and Development is considered, the composition, content, and results of the delegation, its relationship with other participants, as well as the significance of the forum and practical recommendations of delegates from the republic are examined. The object of the research is the foreign policy activity of the Byelorussian SSR. The purpose of the study is to determine the significance of the activities of the delegation of the republic at the Conference. The scientific novelty of the research is due to the fact that for the first time in historiography and on the basis of organizational and administrative documents of the Ministry of Foreign Affairs of the BSSR, the sources of economic diplomacy of Belarus are determined. The practical significance of the study lies in the possibility of its usage in scientific and pedagogical activities.

Keywords: international economic cooperation, economic diplomacy, soviet federation, subject of the soviet federation, subject of international relations, developing countries.

Первая Конференция ООН по торговле и развитию проходила в Женеве в марте-июне 1964 г. В ней приняли участие представители 120 государств, в том числе делегации СССР, БССР, УССР. Это был крупнейший международный форум с момента создания ООН (более 2500 участников). Белорусскую ССР представляла делегация в составе 13 человек, главой которой решением ЦК КПБ и СМ БССР с одобрения ЦК КПСС и МИД СССР был назначен министр торговли А. С. Шавров, а заместителем – заместитель министра иностранных дел А. Е. Гуринович. Представители БССР внесли поправки к различным проектам рекомендаций, принятым Конференцией, а также к проектам докладов Комитетов [1, л. 131].

Именно на этом форуме официальное признание получило существование различных групп государств, представляющих социалистические, развитые капиталистические и развивающиеся страны, которые в организационном отношении были разбиты на следующие четыре подгруппы: А – соцстраны Восточной Европы, в том числе БССР и УССР; Б – развитые капиталистические страны; В – страны Африки, Азии и Югославия; Г – страны Латинской Америки. В ходе работы Конференции страны Африки, Азии и Латинской Америки (группы В и Г) представляли фактически одну группу развивающихся стран («Группа 75») [1, л. 132–133].

В соответствии с директивами делегации Советского Союза Белорусская ССР и Украинская ССР направляли усилия на принятие таких рекомендаций, которые вели бы к дальнейшему расширению экономического сотрудничества на основе равноправия и взаимной выгоды, независимо от различных общественно-экономических систем, устранению дискриминации в международной торговле. Конференция определила принципы международных торговых отношений и торговой политики, а также приняла решение о формировании постоянного Совета по торговле и развитию, которое рассматривалось как шаг к созданию универсальной международной торговой организации [1, л. 134–136].

Белорусская делегация в качестве одного из наиболее знаменательных результатов Конференции выделила организационное оформление «Группы 75», «впервые вступившей не как теоретическое, а как практически действующее объединение». Чрезвычайно разнородную по своему составу группу объединило общее стремление «покончить с системой экономического ограбления развивающихся стран империалистическими государствами». Преобладающим влиянием в ней пользовались развивающиеся страны, занимавшие дружественную позицию по отношению к советской модели социализма. В «Совместной декларации солидарности», озвученной на последнем заседании Конференции, говорилось, что участники Группы «твердо убеждены в крайней необходимости поддерживать и еще больше укреплять это единство в будущем». Они договорились определить конкретные меры для укрепления своего единства в ходе работы XIX-й сессии ГА ООН. Делегация США оказалась единственной среди делегаций Запада, которая открыто выступила против основных решений Женевской конференции. Известную гибкость старались проявлять представители Франции, Италии, Японии и в какой-то мере Англии [1, л. 136–137, 155–156].

Учитывая организационное оформление «Группы 75», советская дипломатия признала необходимым усилить работу с делегациями молодых государств во время сессий органов ООН и ее спецучреждений. По оценке белорусских участников, делегация республики могла бы занять еще более активную позицию, особенно в технических Комитетах (по сырью, готовым изделиям и финансам), в связи с чем МИД БССР обратил внимание на целесообразность подготовительной работы не только аппарата Министерства, но и аппарата Уполномоченного Министерства торговли СССР при СМ БССР, а также Института экономики АН БССР [1, л. 155–156].

Как отмечалось в рекомендациях от республики, на второй Конференции ООН по торговле и развитию в 1966 г. следовало организовать работу советских делегаций, в первую очередь делегаций БССР и УССР, таким образом, чтобы обеспечить нормальное представительство во всех комитетах, подкомитетах и пленарных заседаниях. Одним из организационных недостатков был признан неоправданный проезд к открытию Конференции всего состава, а затем его резкое сокращение (особенно БССР и УССР) в ходе работы основных комитетов в связи с перерасходом выделенных валютных средств. В результате делегация от республики была сокращена наполовину, а оставшимся пришлось работать в очень напряженной обстановке, тогда как в первые недели, до развертывания деятельности основных комитетов, было бы достаточно присутствие пяти-шести человек, а не двенадцати [1, л. 155–156].

Результаты Конференция были проанализированы на заседании Коллегии МИД БССР в июле 1964 г. Отмечалось, что социалистическим странам удалось отвергнуть попытки «отдельных слаборазвитых стран» возложить на них часть бремени по устранению экономических последствий колониальной эксплуатации, уклоняясь при этом от обсуждения политических проблем. В ходе Конференции члены делегации выступили 25 раз, вносили проекты резолюций и поправки, работали «дружно и эффективно», что было отмечено главой делегации СССР. А. Е. Гуринович подчеркнул, что МИДу БССР следует учесть факт существования и деятельности «Группы 75», ряд выступлений которой шел вразрез с интересами социалистических стран, но гибкость советской позиции помогла ослабить или нейтрализовать этот нажим [2, л. 84].

По оценке А. Н. Шельдова, результаты оказались более внушительными, чем предполагалось вначале: создана Международная организация по торговле, избраны ее рабочие органы, и Белорусская ССР может претендовать на посты в Секретариате. Дипломат подчеркнул необходимость взаимодействия с другими республиканскими структурами для изучения всего комплекса проблем, связанных с международной торговлей, а также укрепления связей с общесоюзными организациями [2, л. 85].

Член Коллегии В. С. Колбасин информировал о беседе с представителем Госплана ЧССР, имевшем опыт работы в ЕЭК и поднявшем в частном порядке вопрос о развитии торговли между ЧССР и БССР посредством безвалютного товарообмена, не покушаясь при этом на монополию внешней торговли СССР. Предложение В.С. Колбасина поддержали А. С. Шавров и член делегации П. И. Нескоромный [2, л. 86].

Министр иностранных дел БССР К. В. Киселев, подводя итоги обсуждения, особо отметил, что делегация была «активной помощницей союзной делегации и полностью справилась со своей задачей, обеспечив выполнение директив». Он предложил создать межведомственную группу при МИД БССР по вопросам торговли и развития, для чего внести соответствующие предложения в «Инстанцию» (ЦК КПБ), а также направить в ЦК КПБ и СМ БССР докладную записку о возможностях непосредственных торговых связей БССР с ПНР и ЧССР на 1964–1965 гг. [2, л. 86].

В решении Коллегии МИДа БССР были особо выделены важные решения и рекомендации форума – о принципах торговых отношений, создании международного аппарата по торговле, устранении препятствий и дискриминации в торговле сырьем, продовольствием, готовыми изделиями и полуфабрикатами, о принципах и целях международных соглашений и др. Формальное учреждение и фактическая деятельность «Группы 75» содействовало принятию Конференцией положительных решений, направленных на нормализацию международной торговли, устранение последствий колониализма [2, л. 90–91].

БССР приняла активное участие как в подготовке Конференции (своевременно были представлены в МИД СССР и МВТ СССР предложения, подготовлены справочные и иные материалы), так и ее работе. Члены делегации были заняты в пяти основных Комитетах и в Подкомитете по странам, не имеющим доступа к морю, совместно с делегациями социалистических стран внесли резолюции по вопросам ликвидации последствий колониализма в торговой и экономической областях; создания аппарата для международной торговли; нормализации торговых отношений между странами с различными социально-экономическими системами. Кроме того, делегацией был внесен ряд поправок к резолюциям и докладам комитетов. Делегация БССР совместно с делегациями СССР и УССР по единому плану проводила работу с представителями прежде всего развивающихся стран; организовывала протокольные мероприятия [2, л. 92–93].

Отделу международных экономических организаций Министерства поручалось подготовить записку в СМ БССР с предложением о создании при МИД БССР межведомственной Комиссии для проведения работы по обеспечению участия республики в Конференциях ООН по торговле и развитию, а также совместно с Минторгом БССР и

Уполномоченным МВТ при СМ БССР – записку о целесообразности непосредственного осуществления некоторых торговых операций между БССР, ПНР и ЧССР [2, л. 93].

Конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) продолжает являться ключевым органом ГА ООН в этих областях, а в ее создание определенный вклад внесла и Белорусская ССР – субъект международных экономических отношений, член ЕЭК с 1947 года. Несмотря на то, что республика являлась субъектом советской федерации, к середине 1960-х гг. она накопила значительный опыт внешнеполитического поведения, в том числе в области экономической дипломатии, которой была присуща не только идеологическая направленность, но и прагматизм, ориентация на поиск, изучение и внедрение передового зарубежного опыта.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Отчет о работе МИД БССР за 1964 г. // Архив МИД Респ. Беларусь. – Ф. 907. Оп. 3. Д. 529. – 322 л.
2. Протоколы заседания Коллегии МИД БССР за 1964 год // Архив МИД Респ. Беларусь. – Ф. 907. Оп. 3. Д. 513. – 133 л.

РАЗВИТИЕ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКОЙ И ЭСТОНИЕЙ В 1991–2002 ГГ.

Син Цзе¹⁾, А. А. Володькин²⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, 2495153459@qq.com

²⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, andrei_va@tut.by

В связи с дискуссией о месте различных регионов Европы в реализации китайской инициативы «Пояс и путь» важное значение приобретает изучение развития отношений Китая с государствами Балтийского региона, через которые проходят важные транзитные маршруты между евразийским пространством и Европой. В работе рассматриваются отношения между Китайской Народной Республикой (КНР) и Эстонией в период, предшествовавший приходу к власти в КНР Ху Цзиньтао. Проанализированы процессы установления дипломатических отношений и динамика официальных контактов между двумя странами, а также формирование договорно-правовой базы китайско-эстонских отношений и вопросы, которые составляли основную повестку взаимодействия двух государств в рассматриваемый период.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика; Эстония; двусторонние отношения; внешняя политика.

DEVELOPMENT OF RELATIONS BETWEEN THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA AND ESTONIA IN 1991–2002

Xin Ze^{a)}, A.A. Valodzkin^{b)}

^{a)}Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

^{b)}Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

Corresponding author: Xin Ze (2495153459@qq.com)

In the context of ongoing discussion about the place of different regions of Europe in the Chinese “Belt and Road” initiative, discovering the development of China’s relations with the countries of the Baltic region becomes more significant, as important transit routes between the Eurasian space and Europe go through these countries. The paper reveals relations between the People’s Republic of China (PRC) and Estonia in the period before Hu Jintao came into power in the PRC. The

processes of establishing diplomatic relations and the dynamics of official contacts between the two states are analyzed, as well as formation of the legal base for Chinese-Estonian relations and the issues that constituted the main agenda of bilateral cooperation within the appropriate period.

Keywords: the People's Republic of China; Estonia; bilateral relations; foreign policy.

Тот факт, что через Балтийское море проходят важные транзитные маршруты между евразийским пространством и странами Европейского Союза, заставляет обратить особое внимание на развитие отношений между Китаем и государствами, расположенными на восточном берегу Балтийского моря. Особую актуальность этой теме придает начало реализации китайской инициативы «Пояс и путь» и дискуссии о том месте, которое отведено в ней различным регионам Европы. В рамках данного доклада будет рассмотрено развитие отношений КНР с Эстонией – самой небольшой, но, в то же время, одной из самых высокоразвитых стран этого региона, в период от официального установления дипломатических отношений между двумя странами до прихода к власти в КНР Ху Цзиньтао, который знаменует начало нового этапа в развитии китайской внешней политики.

Как отмечает в своей статье профессор колледжа Джерси, В. Швейцс, руководство КНР стало проявлять интерес к республикам советской Прибалтики с начала ухудшения советско-китайских отношений и неоднократно критиковало политику Москвы в отношении этих республик. Более того, уже в начале 1970-х гг. китайские дипломаты установили контакты с организациями эстонских, латвийских и литовских эмигрантов на Западе [1, с. 152].

Официальные отношения КНР и Эстонии начинаются в сентябре 1991 г. На следующий день после того, как 6 сентября 1991 г. Верховный Совет СССР признал независимость Эстонии, министр иностранных дел КНР позвонил своему эстонскому коллеге и сообщил о признании независимости его страны правительством Китая. А уже 11 сентября Таллинн посетила китайская делегация во главе с заместителем министра иностранных дел Цян Цзепэем. В ходе этого визита было подписано «Совместное коммюнике об установлении дипломатических отношений между Китайской Народной Республикой и Эстонской Республикой» [2].

В начале 1992 г. Китай открыл свое посольство в Эстонии. А в феврале 1993 г. в Таллинн был направлен первый посол КНР Цяо Цунхуаи. Помимо посольства китайское правительство открыло в этой стране также свое торгово-экономическое представительство и офис военного атташе. Эстония открыла посольство в Китае в 1997 г., но вплоть до весны 2002 г. эстонские интересы в Пекине представлял не посол, а временный поверенный в делах. В апреле 2002 года Эстония направляла в Китай первого посла М. Мартинсона [3].

Официальные контакты между КНР и Эстонией развивались достаточно динамично. За период с сентября 1991 г. до июня 2002 г. состоялось 15 визитов официальных представителей двух государств – 8 с китайской и 7 с эстонской стороны.

Начало контактов с китайской стороны положил уже упомянутый визит делегации КНР во главе с заместителем министра иностранных дел Цян Цзепэем 11 сентября 1991 г., во время которого было подписано коммюнике об установлении дипломатических отношений. 2 июля 1994 г. Таллинн посетил с визитом вице-премьер и министр иностранных дел Китая Цянь Цичэнь. В 1996 г. состоялось сразу два визита с китайской стороны – в эстонской столице побывали вице-премьер КНР Ли Ланцин (4 июня) и государственный советник Ли Тайин. 28 сентября – 3 октября 1997 г. проходил визит в Эстонию заместителя председателя Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей Тимуром Давамом. 1–3 марта 1999 г. – визит члена Госсовета КНР Ву Йи, 7–9 сентября 2000 г. – председателя Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей Ли Пэна.

Кульминацией развития китайско-эстонских отношений в рассматриваемый период стал визит в Таллинн делегации во главе с председателем КНР Цзян Цзэминем, который состоялся 12–13 июня 2002 г. [3]. В ходе этого визита министр иностранных дел Китая Тан Цзясюань и министр иностранных дел Эстонии К. Оюланд подписали Договор между Китайской Народной Республикой и Эстонской Республикой об оказании помощи в уголовном судопроизводстве.

Визиты с эстонской стороны отличались не менее высоким уровнем. Так, 10 мая 1992 г. Китай посетил премьер-министр Эстонской Республики Т. Вяхи. В ходе визита 12 мая 1992 г. заместитель министра экономики и торговли Китая и министр торговли Эстонии подписали в Пекине Соглашение об экономическом и торговом сотрудничестве между Правительством Китайской Народной Республики и Правительством Эстонской Республики.

2–3 сентября 1993 г. состоялся визит в Китай министра иностранных дел Эстонии Т. Веллисте. В ходе этого визита 2 сентября 1993 года было подписано Соглашение между о привлечении и взаимной защите инвестиций между Правительством Китайской Народной Республики и Правительством Эстонской Республики. На следующий день (3 сентября) состоялось подписание Соглашения о сотрудничестве в области культуры, образования и науки между Правительством Китайской Народной Республики и Правительством Эстонской Республики.

12–13 июня 1994 г. был осуществлен первый визит в Китай президента Эстонии Л.-Г. Мери. В 1998 г. состоялось сразу три визита в Китай с эстонской стороны: 12 января 1998 г. Пекин посетила эстонская делегация во главе со спикером парламента Т. Сави, 12 мая 1998 г. состоялся визит министра иностранных дел (и будущего президента) Эстонии Т. Х. Ильвеса, 30 июня 1998 г. – министра обороны Эстонии Э. Юэлла. Министр иностранных дел Эстонии Т. Х. Ильвес в ходе своего визита подписал 12 мая 1998 г. в Пекине с директором Государственной налоговой службы Китая Цзинь Жэньцином Соглашение об избежании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от уплаты налогов между правительством Китайской Народной Республики и правительством Эстонской Республики. 1–10 марта 2001 г. КНР вновь посетил президента Эстонии Л.-Г. Мери [4].

Анализ заключенных в ходе всех этих встреч договоров и соглашений показывает, что главным приоритетом китайско-эстонских отношений в рассматриваемый период являлось экономическое сотрудничество – вопросы инвестиций, торговли и налогообложения. Взаимодействие в сфере науки, образования и культуры также присутствовало в повестке двухсторонних отношений.

Что касается политических вопросов, одним из важнейших приоритетов китайского руководства на международной арене является обеспечение принципа «одного Китая», т.е. признания всеми странами-партнерами правительства КНР в качестве единственного легитимного представителя интересов всего Китая и их отказ от официальных контактов с правительством Китайской Республики на Тайване. Как отмечает российский исследователь В.В. Воротников, в начале 1990-х гг. «страны Балтии стали своеобразной ареной борьбы между КНР и Китайской Республикой на Тайване» [5, с. 157]. Объяснялось это тем, что после восстановления независимости Эстония, Латвия и Литва остро нуждались во внешних источниках пополнения своих государственных бюджетов за счет зарубежных кредитов и инвестиций, а правительство Тайваня активно предлагало им льготные кредиты и инвестиции в обмен на установление дипломатических отношений.

Поэтому в ходе перечисленных 15 встреч с эстонскими коллегами китайские представители трижды акцентировали свою позицию по поводу Тайваня. Как отмечает Воротников, хотя все три страны приветствовали решение КНР о признании их независимости, лишь Литва сразу отказалась от контактов с Тайванем. Эстония вскоре последовала ее примеру, оценив, что перспективы сотрудничества с Пеки-

ном многократно перекрывают те, что предлагал Тайбэй. Поэтому эстонские официальные лица поддержали идею «одного Китая» и свернули контакты с Тайванем.

Таким образом, после установления дипломатических отношений китайско-эстонское сотрудничество развивалось достаточно динамично. За рассматриваемый период в рамках двухсторонних отношений состоялось 15 визитов – 8 с китайской и 7 с эстонской стороны, в том числе 3 визита (2 – с эстонской и 1 – с китайской стороны) на высшем уровне. В ходе этих встреч был заключен ряд договоров и соглашений в сфере экономики, торговли и инвестиций, юстиции, образования и науки, которые заложили основы двухсторонних отношений. В политической сфере возникали некоторые вопросы в связи с имевшими место в начале 1990-х контактами Эстонии с правительством Тайваня, однако к середине 1990-х они, в основном, были сняты.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Sveics, V.V. China's view of the Baltic States // Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity. 1978, V. 6, No 2, 151-159.

2. Совместное коммюнике об установлении дипломатических отношений между Китайской Народной Республикой и Эстонской Республикой от 11 сентября 1991 г. // База данных договоров Китайской Народной Республики – URL: <http://treaty.mfa.gov.cn/tykfiles/20180718/1531876660037.pdf> – Дата доступа: 14.10.2019.

3. China: relations between // Republic of Estonia, Ministry of Foreign Affairs – URL: <https://vm.ee/en/countries/china?display=relations> – Дата доступа: 14.10.2019.

4. Отношения Китая с Эстонией // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики – URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/oz_678770/1206_678820/sbgx_678824/t6742.shtml – Дата доступа: 14.10.2019.

5. Воротников, В., Киреева, А. Страны Балтии и Восточной Азии: история взаимоотношений и перспективы сотрудничества // Мир перемен. 2011. № 3. 153-164.

БАЛТИЙСКО-ЧЕРНОМОРСКИЙ СОЮЗ И «ТРЕХМОРЬЕ» КАК АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ПРОЕКТЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

А. В. Тихомиров

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь, tihomirow@list.ru*

В статье рассматриваются инициативы по созданию Балтийско-Черноморского союза и «Трехморья» в качестве альтернативных проектов осуществления внешней политики Беларуси. В качестве объекта исследования выступают концепты субрегиональных объединений в конце XX – начале XXI вв. и практические действия по их осуществлению. Цель данной статьи – оценка сущности и особенностей идейно-политических конструкций и результативности их практического воплощения в контексте идейно-ценностных предпочтений белорусского общества. Новизна статьи заключается в выявлении взаимосвязи между идейными конструкциями, разрабатываемыми и предлагаемыми определенными политическими силами в Беларуси и за ее пределами, и влиянием соответствующих идейных конструкций на развитие социума и формирование внешнеполитических интересов и приоритетов белорусского государства. Практическая значимость исследования заключается в том, что оно позволяет выявить особенности формирования белорусских внешнеполитических приоритетов и оценить их востребованность в Беларуси. Основной вывод статьи заключается в том, что концепт Балтийско-Черноморского союза, разработанный в 1990 г. Белорусским Народным Фронтом и предложенный белорусскому обществу в качестве альтернативы по сближению с Россией, не получил массовой общественной поддержки и не был реализован на практике.

Ключевые слова: Балтийско-Черноморский союз; «Трехморье»; внешняя политика; Беларусь; Литва; Украина; Польша; Хорватия; Белорусский Народный Фронт.

THE BALTIC-BLACK SEA UNION AND "THE THREE SEAS INITIATIVE" AS ALTERNATIVE FOREIGN POLICY PROJECTS OF THE BELARUSIAN STATE

A. V. Tsikhamirau

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus)

The article discusses the initiatives to create the Baltic-black sea Union and "The Three Seas Initiative" as alternative projects for the implementation of Belarus' foreign policy. The objects of the study are the concepts of subregional associations in the late 20 – early 21 centuries and practical actions for their implementation. The purpose of this article is to assess the essence and features of ideological and political structures and the effectiveness of their practical implementation in the context of ideological and value preferences of the Belarusian society. The novelty of the article is to identify the relationship between the ideological structures developed and proposed by certain political forces in Belarus and abroad, and the influence of the corresponding ideological structures on the development of society and the formation of foreign policy interests and priorities of the Belarusian state. The practical significance of the study lies in the fact that it allows to identify the peculiarities of the formation of Belarusian foreign policy priorities and assess their relevance in Belarus. The main conclusion of the article is that the concept of the Baltic-black sea Union, developed in 1990 by the Belarusian Popular Front and proposed to the Belarusian society as an alternative to rapprochement with Russia, has not received mass public support and has not been implemented in practice.

Keywords: the Baltic-Black sea Union; The Three Seas Initiative; foreign policy; Belarus; Lithuania; Ukraine; Poland; Croatia; the Belarusian Popular Front.

Концепт Балтийско-Черноморского союза (БЧС) был разработан и предложен белорусскому обществу сторонниками Белорусского Народного Фронта весной 1990 г. в условиях разрастания политического, экономического и идейного кризиса в СССР. Цели и задачи создания БЧС были охарактеризованы лидером БНФ З. Пазыняком в выступлении на II съезде литовского общественно-политического движения «Саюдис» 22 апреля 1990 г. В частности, З. Пазыняк говорил: «Советский Союз и Соединенные Штаты давно уже благополучно поделили мир, поэтому не стоит удивляться, видя, как дороги им их собственные интересы. Хорошо бы быть независимыми от обоих. Интеграция в западную экономическую систему из-за разницы в развитии практически невозможна. Для этого нужно время, условия и целенаправленная работа высокого уровня. Полноценный рынок между странами Балтии тоже нереален. Остается следовать тому, что подсказывает сама жизнь, сложившаяся историческая ситуация и здравый смысл. Политическое содружество всех западных республик СССР от Эстонии до Молдовы должно начаться уже сейчас на почве солидарности с независимой Литвой, на почве противодействия ее экономической блокаде со стороны СССР, на основе выработки и координации общей политики демократизации общества и обретения суверенитета... Легко представить, что полная независимость Балтии может оказаться иллюзией, если не будет независимой Белоруссии и демократической Украины. Можно также предположить, что политическое содружество западных республик, находящихся на одинаковом экономическом и технологическом уровне, обладая разными и достаточными ресурсами, способно создать свой рынок и тем более противостоять всякого рода экономическим и информационным блокадам» [1. с. 102].

Сторонники БНФ считали, что БЧС должен быть создан на основе объединения Эстонии, Латвии, Литвы, Беларуси, Украины и Молдовы. В 2004 г. лидер БНФ З. Пазыняк утверждал, что в более отдаленной перспективе допускалась возможность присоединения к БЧС Польши и Словакии [2].

В ноябре 1990 г. депутаты оппозиции БНФ в Верховном Совете БССР инициировали проведение совещания по вопросу создания БЧС. Совещание прошло в здании Верховного Совета БССР в Минске с участием депутатов Верховных Советов Беларуси, Украины, Литвы, Латвии и Эстонии [3, с. 301]. Однако идеи, высказанные и обсужденные на совещании, практического воплощения не получили.

Любопытно, что на этапе подготовки совещания готовность оказать поддержку в его проведении выразило белорусское правительство. Однако затем Совет министров пересмотрел соответствующую установку и совещание проводилось исключительно с участием парламентариев [2; 3, с. 301].

Закрепление государственного суверенитета и независимости Беларуси в 1991 г. гипотетически создавало предпосылки для воплощения в жизнь различных идей, которые относились к сфере внешней политики. Активность в части пропаганды идеи БЧС усилилась в 1993 г. В Программе, принятой на III съезде БНФ в марте 1993 г., говорилось: «Мы считаем, что государства Восточной Европы, размещенные между Балтийским и Черным морями, имеют одинаковые интересы на Западе и одинаковые проблемы с Востоком. Это страны близкой, а такие как Беларусь, Литва, Украина – и совместной истории. Они находятся в одном поясе европейской культуры, имеют близкие экономические интересы. Мы видим воплощение этой солидарности в Балтийско-Черноморском содружестве государств (БЧС), что позволило бы укрепить и гарантировать суверенитет каждого из них посредством координации экономических, торговых, таможенных связей между собой и отношений с Востоком и Западом. Это содействовало бы стабильности в Европе. Разумеется, что БЧС – это только политическая идея, реализация которой будет зависеть от общеполитической ситуации в мире. Вместе с тем, стремление к координации на широкой основе совпадения интересов является проявлением в нашем регионе Европы общего течения европейской политики – интеграции ради прогресса, мира и свободы при сохранении национально-государственных интересов» [4, с. 377–378].

15 июля 1993 г. по инициативе БНФ в Минске состоялась международная конференция «Пути преодоления топливно-энергетического кризиса» с участием политиков Беларуси, Латвии, Литвы, Польши и Украины. Участие в технической части конференции приняли эксперты из Беларуси, Латвии, Литвы и Украины [3, с. 301]. Участники конференции обратились к парламентам и правительствам Беларуси, Латвии, Литвы и Украины с предложением безотлагательно приступить к строительству Балто-Черноморского нефтяного коллектора, провести технико-экономическое обоснование соответствующего проекта, создать региональный банк развития для финансирования проекта [3, с. 308–309].

25 июля 1993 г. Сойм БНФ высказался в поддержку БЧС, представив соответствующий проект в качестве альтернативы объединению Беларуси с Россией [5].

Однако идея БЧС не получила массовой поддержки в белорусском обществе. Большинство депутатов Верховного Совета и членов правительства (включая его главу В. Кебича) Республики Беларусь отдавали предпочтение сближению с Россией. Без энтузиазма воспринимали ее руководители белорусского парламента С. Шушкевич и М. Гриб. Последний в ходе встречи с Премьер-министром Республики Молдова в августе 1994 г. заявил, что в рамках БЧС Беларусь не сможет получать необходимые ей ресурсы, в первую очередь, энергоносители [6, л. 12].

Неоднозначно оценивали идею БЧС даже отдельные представители белорусской оппозиции. Так, в июне 1993 г. на конференции Городского филиала партии

Белорусская социал-демократическая громада (БСДГ), политически и ценностно близкой БНФ, делегат Н. Статкевич обратил внимание на то, что возникновение союза может вызвать негативную реакцию в России. Впрочем, председатель БСДГ О. Трусов не разделил эту установку, заметив, что для демократической России БЧС никакой угрозы не представляет [7].

Не встретила понимания инициатива БНФ и на международной арене. Для Литвы, Латвии и Эстонии главным внешнеполитическим приоритетом было достижение членства в Европейском союзе. Приглашенный на III съезд БНФ в качестве гостя лидер литовского «Саюдиса» В. Ландсбергис заметил, что идея БЧС представляется интересной, но нуждается в дополнительной проработке [8].

Еще раз идея БЧС была реанимирована в ходе проведения III Конгресса Лиги демократических партий Балто-Черноморского региона, который состоялся в Минске 22–23 марта 1996 г. (в работе Конгресса участвовали представители БНФ, ОГП, Крестьянской партии Беларуси, БСДГ, Конфедерация независимой Польши, Движения «За третью республику» (Польша), Движения «За республику» (Польша), Украинской республиканской партии, Демократической партии Украины, Партии зеленых Украины). В резолюции, принятой участниками Конгресса, говорилось: «...Лига партий стран Межморья считает своей обязанностью воздействовать на правительства с целью создания Содружества (коалиции) государств Межморья как гаранта независимости и стабильности в Европе» [9]. Также делегаты Конгресса высказались за создание общего рынка Межморья и приняли решение о создании координационного комитета для обмена информацией [9]. Но и на этот раз принятые решения на практике не осуществились.

В последующие годы активность белорусских политиков по популяризации проекта БЧС/Межморья снизилась. Интерес к соответствующей идее подогрева выдвинутая в 2015 г. польско-хорватская инициатива о сближении государств, расположенных на пространстве между Балтийским, Черным и Адриатическим морями («Инициатива трех морей» / «Трехморье»). Инициативу поддержали 12 государств. В сентябре 2018 г. на очередном саммите «Трехморья», который проходил в Бухаресте, были определены приоритетные направления сотрудничества государств-участников: транспорт, энергетика и цифровые технологии [10]. Там же была достигнута договоренность о создании Торговой палаты и инвестиционного фонда с целью расширения торговых и инвестиционных контактов между государствами «Трехморья».

Возникновение нового объединения государств Центральной и Восточной Европы было с интересом воспринято в Украине и с настороженностью в России. Однако в Беларуси реакция на создание «Трехморья» была предельно сдержанной. Положительно на польско-хорватскую инициативу прореагировала лишь Партия БНФ. В специальном заявлении, принятом на XVIII съезде этой партии 30 сентября 2017 г., обращалось внимание на созвучие идей «Трехморья» и БЧС. Также съезд Партии БНФ отметил, что присоединение Беларуси к государствам «Трехморья» должно рассматриваться в качестве элемента «возвращения в Европу» и способа избавления Беларуси от зависимости в энергоресурсах и укрепления ее статуса как транзитного государства [11].

Со стороны прочих политических партий, экспертного сообщества и официальных структур Беларуси реакции на польско-хорватскую инициативу не последовало. Можно предположить, что сдержанность в оценках предопределялась скепсисом относительно жизнеспособности нового межгосударственного объединения.

В целом же идея создания БЧС выдвигалась в качестве альтернативы внешнеполитическому курсу, основанному на сохранении тесных связей между Беларусью и Россией. Она не имела жесткой антироссийской направленности, хотя предполагала выведение Беларуси из-под российского влияния. Слабыми сторо-

нами идеи БЧС были ярко выраженной геополитической составляющей, недостаточная ресурсная обеспеченность, игнорирование политических расхождений между гипотетическими участниками БЧС и отсутствия интереса у внешних акторов в практической реализации соответствующей идеи. Как следствие, идея БЧС не получила массовой поддержки у белорусской общественности. Не вызвала значительного резонанса в белорусском обществе и выдвинутая в 2015 г. польско-хорватская инициатива «Трехморья».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Пазыняк, З. Сапраўднае аблічча / З. Пазыняк. – Мінск : ТВЦ “Паліфакт”, 1992. – 240 с.
2. Пазыняк, З. Беларусь – фарпост на ўсходзе / З. Пазыняк [Электронный ресурс] // Wayback Machine – Режим доступа: <http://web.archive.org/web/20100619202516/http://www.pbpf.org/art.php?cat=3&art=63&lang=be>. – Дата доступа: 12.09.2019.
3. Навумчык, С. Дзевяноста трэці. (Бібліятэка Свабоды. XXI стагодзьдзе.) / С. Навумчык. – Б.м.: Радыё Свабодная Эўропа / Радыё Свабода, 2018. – 536 с.
4. Беларусістыка. Тэматычны зборнік. Палітычныя партыі і грамадска-палітычныя рухі Беларусі. 3-е выд. – Мінск: Б.в., 1994. – 504 с.
5. У сядзібе БНФ // Літаратура і мастацтва. – 1993. – 6 жн. – С. 3.
6. Стенограмма встречи Председателя Верховного Совета Республики Беларусь. М. Гриба с Премьер-министром Республики Молдова, состоявшейся в Минске 10.08.1994 // НАРБ. – Ф. 968. – Оп. 11. – Д. 22. – Л. 1–17.
7. Васілеўскі, П. Час для ўмацавання дзяржавы // Літаратура і мастацтва. – 1993. – 12–18 чэрв. – С. 2.
8. Васілеўскі, П. Партыя фронту // Літаратура і мастацтва. – 1993. – 29 мая – 4 чэрв. – С. 2.
9. Палітыцы дзяржаўнай здрады – балта-чарнаморскую альтэрнатыву // Пагоня. – 1996. – 29 сак. – 4 крас. – С. 4.
10. The Three Seas Initiative list of priority interconnection projects [Electronic Resource] // 3 Seas Initiative Summit. – Mode of Access: <http://three-seas.eu/three-seas-initiative-short-list-of-priority-interconnection-projects/>. Date of Access: 18.09.2018.
11. Заява XVIII З'езду Партыі БНФ “Будучыня краіны – Міжмор'е!” [Электронны ресурс] // Партыя БНФ. – Рэжым доступу: <http://narodny.org/?p=15747>. – Дата доступу: 13.11.2018.

КУЛЬТУРНО-ГУМАНИТАРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ И МОНГОЛИИ В 2008–2017 гг.

Тунлага

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, 937246487@qq.com

В статье рассматривается становление и развитие связей между КНР и Монголией в области культурно-гуманитарное сотрудничества в 2008-2017 гг. Изучены основные направления сотрудничества образования, туризма, науки и техники и культуры обеих стран.

Ключевые слова: КНР; Монголия; культурно-гуманитарные обмены; туризм; образование; наука и техника.

CULTURAL AND HUMANITARIAN COOPERATION OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA AND MONGOLIA (2008-2017)

Tonglaga

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article discusses the formation and development of relations between China and Mongolia in the field of cultural and humanitarian cooperation in 2008-2017. The main areas of cooperation have been studied in education tourism, science and technology and culture of both countries.

Key words: China; Mongolia; cultural and humanitarian exchanges; tourism; education; science and technology.

Культурно-гуманитарный обмен является важной частью отношений Монголии и Китая. В июне 2008 г., вице-президент Си Цзиньпин был приглашен с официальным визитом в Монголию. Политическое взаимное доверие между Монголией и Китаем достигло высокого уровня, добрососедское партнерство постоянно укреплялось.

Сотрудничество в сфере образования: В настоящее время такие мероприятия, как «Неделя культуры» и «Месяц культуры» стали грандиозным собранием культурных обменов между Монголией и Китаем. В 2004 г и 2005 г., Китай и Монголия совместно провели «Неделю культуры» в Улан-Баторе и Пекине. После этого в двух странах время от времени начинались мероприятия «Недели культуры». В 2012 г., две страны начали «Культурный месяц» [1, с. 32]. «Неделя культуры» и «Месяц культуры» углубили отношения между двумя странами. Взаимопонимание между правительством и особенно людьми и верами. Кроме того, две страны также предложили создать культурный центр. В 2011 г. был официально открыт «Китайский культурный центр Улан-Батора», который стал важным окном для монгольского народа для понимания Китая [1, с. 32].

В последние годы число изучающих китайский язык в Монголии и количество монгольских студентов, обучающихся в Китае, увеличивается. Согласно монгольской статистике, в Монголии существует более 60 школ, предлагающих курсы китайского языка, Более 7500 студентов изучают китайский язык в Монголии. Ежегодно для прохождения теста на знание китайского языка регистрируется около 2800 человек; количество монгольских студентов, обучающихся в Китае, также увеличивается, в настоящее время в Китае ежегодно обучаются 8000 монгольских студентов, самофинансируемых и государственных; число китайских добровольцев в Монголии также увеличилось с 142 до более чем 170 и постепенно распространилось в различные провинции Монголии [1, с. 32].

Согласно статистике 2010 г. китайского офиса в Ханбане (канцелярия международного совета китайского языка), в 2005 г. Китай начал отправлять китайских учителей-волонтеров в монгольские школы. По состоянию на 2010 г. было отправлено 281 учителя, из них в 2005 г. было отправлено 12 человек, в 2006 г. – 31, 2007 г. – 54, в 2008 г. – 78 (включая одного преподавателя по управлению), в 2009 г. – 109 (включая трех преподавателей по менеджменту), в 2010 г. – 125 (включая трех преподавателей по менеджменту). Кандидаты, сдавшие экзамен HSK (тест по китайскому языку как иностранному) составили в 2002 г. – 35 человек, в 2003 г. – 123, в 2004 г. – 128, в 2005 г. – 172, в 2006 г. – 243, в 2007 г. – 462, в 2008 г. – 624, в 2009 г. – 899. В 2010 г. был создан «Китайский дом волонтеров для учителей китайского языка в Монголии». В 2017–2018 учебном году число монгольских студентов, обучающихся в китайских университетах, достигло 9000 человек. Стипендии правительства Китая получили около 220 человек, стипендия правительства Внутренней Монголии Китая – около 100 человек (без участия в программе

MECS). В 2015–2016 учебном году в китайские военные академии были зачислены 116 студентов, в том числе 69 представителей вооруженных сил и 47 пограничников. Два китайских офицера посещали курсы монгольского языка [1, с. 32]. Количество обменов между двумя странами увеличивается.

После 2014 г., культурные и гуманитарные обмены между Монголией и Китаем участились. Культурные мероприятия, спортивные соревнования и мероприятия в рамках «Недели китайской культуры» в Монголии привлекали больше людей из обеих стран. В конце 2017 г. число иностранных студентов в результате образовательного обмена между Монголией и Китаем превысило 10 000, что заложило основу для более глубокого развития культурных обменов в перспективе [2]

Сотрудничество в области науки и техники. Монголия и Китай также сотрудничают в области науки и техники, здравоохранения, туризма, археологии и охраны нематериального культурного наследия. В 1987 г. Китай и Монголия возобновили научно-технические обмены, подписав «План научно-технического сотрудничества на 1987–1988 гг.». С тех пор обе стороны регулярно проводят научно-технические встречи и подписывают планы сотрудничества в области науки и техники. В 2011 г. стороны подписали очередное «Соглашение о научно-техническом сотрудничестве на 2011–2015 гг.» Научно-техническое сотрудничество продолжает развиваться.

Сотрудничество в сфере туризма. Ежегодно около одного миллиона жителей Монголии приезжают в Китай для осмотра достопримечательностей, что составляет около одной трети всего их населения [1, с. 32].

Сотрудничество в области культуры. Кроме того, две страны сотрудничали в области археологического, нематериального наследия, охраны культурного наследия, и добились определенных результатов.

В настоящее время расширяются культурно-гуманитарные обмены между Монголией и Китаем. Существенное воздействие на развитие двусторонних культурных контактов оказывают «Надамская конференция», Международный фестиваль культуры динозавров в Эренхоте, специализированные выставки товаров (к примеру, изделий из кашемира). Культурные обмены между Монголией и Китаем включают спорт, живопись, музыку, скульптуру, танцы и другие аспекты.

Выводы. На основе устойчивого развития отношений между Монголией и Китаем культурные обмены между двумя странами постоянно углубляются. Масштабы культурных обменов между двумя странами продолжают расширяться, развивается сотрудничество в области образования и тесный обмен в области науки и технологий. Укрепление гуманитарных обменов и содействие всестороннему развитию отношений между Монголией и Китаем.

В культурно-гуманитарной сфере обе стороны активно осуществляли план развития культурных обменов между правительствами двух стран и призывали местные провинции и организации гражданского общества проводить различные формы культурного и художественного обмена, а также поддерживали как коммерческие проекты, так и расширение обмена проектами. Поддержку получают культурные и художественные группы в обеих странах, необходимую для их участия в международных культурных и художественных мероприятиях.

Монголия поддерживает деятельность Китайского культурного центра и Института Конфуция в Монголии, а Китай поддерживает создание Монгольского культурного центра в Пекине. Обе стороны осуществляют переводы и публикации, проводят выставки книг и аудиовизуальных изданий, поддерживают издателей обеих сторон в участии в международных книжных ярмарках, способствуют обмену и сотрудничеству между библиотеками и музеями в организации сбора книг, взаимных выставок и профессиональной подготовки.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ван Циин. Цзя цян жэн вэнэ цзяо лю, су цзинь Чужн Мэн гуан си цюань мянь фа чжань = Укрепление гуманитарных обменов и содействие всестороннему развитию китайско-монгольских отношений // Гай гэ кай фан = Реформа и открытие. – 2005. – №3. – С.32– 34. (на кит. яз.)

2. Догсом, Д. Монгол Хятадын хүмүүнлэгийн солилцоо нь найрсаг харилцаа, итгэлцлийг бэхжүүлнэ = Китайцы в Монголии будут содействовать укреплению дружественных отношений и доверия [Электронный ресурс] // Монцамэ мэдээллийн агентлаг. – 30.01.2018 – Режим доступа: <http://www.montsame.mn/mn/read/79570> - Дата доступа: 13.06.2019 (на монг. яз).

ЭВОЛЮЦИЯ ДИПЛОМАТИИ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ В ОТНОШЕНИИ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

Хань Юй

*Белорусский Государственный Университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, 510234480@qq.com*

В статье рассмотрены приоритеты формирования политического диалога Китайской Народной Республики и Республики Корея (КНР–РК), которые основываются на трех постулатах: национальной безопасности, экономического развития, социально-культурного взаимодействия. Автором отражены политические взгляды ключевых держав, интересы которых связаны со странами Корейского полуострова. Прослеживается их динамика и механизмы налаживания международного сотрудничества КНР, США, КНДР и РК. Представленные на основе концептуального анализа политических событий выводы, позволили сформулировать прогнозные направления развития дипломатического диалога КНР-РК и роли других государств в этом процессе. Общие закономерности формирования добрососедских отношений Китая во внешней политике обуславливаются динамикой национальных интересов, целями экономического и политического развития, общей направленностью усиления геополитического влияния на мировой арене.

Ключевые слова: геополитика, международные отношения, внешняя политика, дипломатический диалог, КНР, Республика Корея.

EVOLUTION OF THE DIPLOMACY OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA TOWARDS THE REPUBLIC OF KOREA

Khang Yu

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article presents the priorities of the formation of the political dialogue between the people's Republic of China and the Republic of Korea (PRC-RK), which are based on three postulates: national security, economic development, social and cultural interaction. The author reflects the political views of the key powers whose interests are connected with the countries of the Korean Peninsula. Their dynamics and mechanisms of establishing international cooperation between China, the USA, North Korea and Kazakhstan are traced. Presented on the basis of a conceptual analysis of political events, the conclusions allowed us to make forecast directions of development of the diplomatic dialogue between China and Kazakhstan and the role of other States in this process. The General regularities of the formation of good-neighborly relations in China's foreign policy are determined by the dynamics of national interests, the goals of economic and political development, the General direction of strengthening geopolitical influence on the world stage.

Keywords: geopolitics; international relations; foreign policy; diplomatic dialogue; China; Republic of Korea.

Выступая с отчетным докладом на XIX съезде Коммунистической партии Китая (КПК) 18 октября 2017 г., Си Цзиньпин сформулировал главную задачу «великого возрождения китайской нации» и позже добавил, что это и есть «китайская мечта».

Указанная фраза, очевидно, взята за фундамент новой китайской идеологии, стала быстро тиражироваться подконтрольными партии и государству СМИ. Так же быстро «китайская мечта» была спроектирована и на внешнюю политику страны.

В трактовке китайских идеологов новая теория вобрала в себя традиционные китайские представления об общечеловеческих ценностях с упором на то, что именно в китайской традиции указанные ценности нашли полное выражение. На уровне государства – это стремление к богатству и могуществу, демократичности, цивилизованности и гармонии. Относительно внешней политики — это равноправие всех стран, невмешательства во внутренние дела, уважение и ценность всех культур и моделей развития, принятие тезиса о многообразии и культурном богатстве различных цивилизаций. В Пекине подчеркивают, что не стремятся разжечь новую идеологическую борьбу, а хотят лишь вывести внешнюю политику Китая на новый уровень. Дипломатия «нового интернационализма» как воплощение стремления к проведению политики истинной добродетели, что сделает Китай развитой державой, которую будет уважать все человечество. В данном ключе исследование эволюционных процессов в налаживании политического диалога КНР – РК видится значимым, поскольку позволяет оценить перспективность усилий обеих стран.

Научный дискурс об отношениях Китая с крупными державами и соседними странами можно проследить, изучая внутреннюю риторику китайских политиков о международном статусе Китая с начала 1990-х годов. Во время периода Цзян Цзэминя эти дебаты были сосредоточены главным образом на оценке китайского могущества по отношению к другим державам, включая Соединенные Штаты, как доминирующей державы в мире [1]. В то время как Цзян проводил внешнюю политику, ориентированную на США, он представил политику «добрососедства» Китая на 15-м Национальном партийном съезде в 1997 г. и придал первостепенное значение региональным отношениям Китая на 16-м Национальном партийном съезде в 2002 г. [2]. Концепция «мирного подъема» администрации Ху Цзиньтао была направлена на смягчение внешней озабоченности по поводу намерений Китая как растущей державы путем увязки стабильного развития Китая со стабильной международной обстановкой. На саммите АСЕАН в 2003 году премьер Вэнь Цзябао определил периферийную дипломатию Китая по созданию «хорошего, безопасного и богатого района» как неотъемлемую часть национальной стратегии развития Китая [3].

Дипломатическая стратегия Си Цзиньпина согласуется с принципом КПК, введенным на 16-м Национальном собрании в 2002 г.: «главные державы являются ключевыми... соседние страны являются первым приоритетом, развивающиеся страны являются основой и многосторонность является важным этапом развития дипломатических отношений». Утверждение Ван И, что изменения в международных отношениях Китая начинаются с отношений Китая с соседними странами, соответствует утверждениям его предшественников со времен эпохи Цзян Цзэминя [4].

Дипломатия Китая по укреплению связей с соседними странами также выявляет скрытую неопределенность в отношении США. Даже во время благоприятного периода американо-китайского сотрудничества в середине 2000-х годов Чжан Юнлин и Тан Шипинг называли региональную стратегию Китая «защитой от спадов в китайско-американских отношениях» [5]. С этой точки зрения, опора Китая на Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) и другие региональные многосторонние организации может противостоять двусторонним союзам США в области безопасности и блокировать проникновение Соединенных Штатов в периферийные районы Китая [6]. Подобные представления о сбалансированном поведении США и Китая все больше распространяются на представления о

конкуренции между США и Китаем в экономической сфере, где двусторонние переговоры о ЗСТ с Южной Кореей поддерживают ее более широкую стратегию консолидации региональных отношений.

Эти закономерности во внешней ориентации Китая характеризуют эволюцию дипломатии со странами Корейского полуострова. С одной стороны, Китай демонстрирует свою роль на полуострове как страна, приверженная мирному развитию. С 1990-х годов корейские специалисты, такие как Цуй Чжиин, утверждали, что отношения сотрудничества с Южной Кореей являются ключом к содействию более широкой стабильности и развитию в Северо-Восточной Азии [7]. С середины 2000-х годов это партнерство рассматривалось как ключевое для экономической интеграции Северо-Восточной Азии, также как успешная модель пяти принципов мирного сосуществования. По мнению Цянь Ен и Би Инда, отношения Китая с Южной Кореей с 1992 года наиболее важно отражают оппозицию КПК к гегемонии со времен Мао Цзэдуна [8]. Чжао Ганчэн считает, что сама опасность конкуренции великих держав на полуострове со времен Холодной войны сводит к минимуму вероятность любой серьезной эскалации напряженности на полуострове [9]. Такие оценки подчеркивают, что конфликта на полуострове можно избежать и в нем нет необходимости, как это предусмотрено моделью внешней политики Си Цзиньпина.

Существуют также более пессимистические взгляды, которые основаны на предположениях враждебных сил под руководством США против растущего влияния Китая [10]. Несмотря на стремительное развитие китайско-южнокорейских отношений после нормализации, такие эксперты, как Лю Цзиньчжи, утверждали в 2002 году, что двусторонние отношения по-прежнему ограничены ролью Соединенных Штатов и Северной Кореи, а также различиями в политических системах и идеологиях [11]. Переход Южной Кореи к консервативному правлению в 2008 г. вызвал дискуссию о потенциальном влиянии южнокорейского национализма на двусторонние отношения. В 2010 г. Сеулом была проведена переоценка политики Китая после падения Чхонана. Опрос корейских экспертов CASS в 2011 г. позволил заключить, что Южная Корея, вероятно, продолжит свою активную политику сотрудничества с США в плане безопасности, учитывая основные различия в области безопасности, политические и исторические различия и отсутствие стратегического взаимного доверия в отношениях с Китаем [12].

Чжун Фейтенг и Чжан Цзе утверждали, что Китай должен восстановить свои связи в области безопасности с азиатскими соседями в ответ на предпринимаемые США усилия по сдерживанию и уравниванию Китая [13]. С этих позиций, периферийные стратегии Китая продиктованы подозрительностью по отношению к Соединенным Штатам и хеджируют возможность того, что совместные подходы не смогут предотвратить будущий конфликт.

Другие исследователи придерживаются более прагматичного взгляда на отношения Южной Кореи с Китаем и Соединенными Штатами. Еще в 2008 году Ван Шен подчеркнул, что стратегическое сближение Сеула с Вашингтона не направлено на отдаление Китая в долгосрочной перспективе, поскольку дружественные связи служат национальным интересам и потребностям как Южной Кореи, так и Китая [14]. После ядерного испытания Северной Кореи в 2009 г., двусторонние отношения вступили в новую фазу, в которой региональное сотрудничество в области безопасности приобретает все большее значение. Партнерство Китая и РК и альянс США и РК выступают как два компонента прагматичной дипломатической стратегии Сеула, а не конкурирующие альтернативы.

Альянс РК и США вносит свой вклад в обеспечение мира на Корейском полуострове. Кроме того, позиция Южной Кореи в регионе усиливается в результате ее надежд на максимальное сотрудничество Соединенных Штатов и Китая в реше-

нии вопросов, которые обостряются в связи с военными амбициями Северной Кореи. Поскольку американо-китайское соперничество было доминирующим в регионе, а также рост северо-корейской напряженности переместили южнокорейскую внешнюю политику в направлении максимизации сотрудничества между США и Китаем, стремясь держать Северную Корею в страхе. Однако усилия по сдерживанию Северной Кореи несколько уменьшают усилия Южной Кореи по проведению многосторонней дипломатии средней силы. Вопрос о ядерном оружии Северной Кореи был самым важным и самым сложным вопросом внешней политики, с которым приходилось иметь дело Южной Корее. Северо-корейские вопросы доминируют в повестке дня Министерства иностранных дел, во-первых, потому что две страны все еще находятся в состоянии войны друг с другом, а во-вторых, потому что Северная Корея, естественно, привлекает больше внимания общественности. Что касается отношений с Северной Кореей, РК смогла полагаться на стратегию средней силы и мягкую силу для мобилизации международного давления на север через своих союзников; вместо того, чтобы говорить о подходе и полагаться на применение силы. В некоторых аспектах Северная Корея подрывает потенциал и дипломатию средней силы Южной Кореи, потому что многие южнокорейские политики посвящают много времени и ресурсов решению северо-корейских проблем, а не фокусируют и посвящают свои ресурсы глобальным проблемам. С другой стороны, южнокорейские военные сталкиваются с той же борьбой, что и дипломатия РК – основная роль Вооруженных сил РК заключается в сдерживании северо-корейской угрозы, что приводит к ограничению числа миротворческих операций, которые военные могут проводить за пределами Корейского полуострова [15].

Пекин уже давно стремится препятствовать стремлению Пхеньяна к ядерному оружию, содействуя стабильности режима, безопасности границ и экономическим реформам. Усилия Пхеньяна по укреплению дипломатических связей и снижению напряженности в сфере безопасности с США и Южной Кореей продвигают эти цели, укрепляя стабильность режима и поощряя экономические реформы и открытость, одновременно подрывая его оправдания ядерного оружия.

Си Цзиньпин вряд ли опасается потери влияния: Китай был и останется самым важным экономическим, стратегическим и дипломатическим партнером КНДР. Несмотря на постоянное беспокойство Северной Кореи по поводу крайней экономической зависимости страны от Китая. Южная Корея и США остаются экзистенциальными угрозами режиму КНДР. И это ставит Китай в приоритетное положение для реализации своей собственной повестки дня на проблемном полуострове.

Таким образом, внешнеполитическая повестка Си Цзиньпина на ближайшие десять лет предусматривает «новый тип отношений крупных держав» и активную «периферийную дипломатию» с соседними странами. Китайские официальные и научные оценки текущих политических директив руководства Си Цзиньпина проясняют возможные возникающие закономерности во внешней ориентации Китая. Они показывают, как основные дипломатические силы Пекина и периферийная дипломатия связаны в отношениях Китай-Республика Корея. Южная Корея является союзником США, наиболее уязвимым для китайского давления из-за китайско-северо-корейских отношений, высокой экономической зависимости от Китая. В рамках развития дипломатического диалога КНР-РК, можем обнаружить следующие закономерности: давление с целью сближения взглядов на историю; попытки достичь согласия по многостороннему подходу к Северной Корее, отличному от американского; усилия по дистанцированию Сеула от совместных военных действий, которые укрепляют систему альянса США; политическая направ-

ленность против сотрудничества с Японией, которое может быть истолковано как помощь в противодействии изоляции, к чему стремится Пекин.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Yan Xuetong, The Rise of China and Its Power Status, Chinese Journal of International Politics 1, no. 1 (2006): 5-33.
2. Jiang Zemin's Report at the 15th National Party Congress, September 12, 1997; Jiang Zemin's Report at the 16th Party Congress, November 17, 2002.
3. Wen Jiabao, Zhongguo de fazhan he yazhou de zhenxing, Speech at the ASEAN Business and Investment Summit, Bali, October 7, 2003.
4. Chen Xiangyang, Yatai diyuan zhanlue xintaishi yu Zhongguo anquan, Taipingyang xuebao 1 (2005): 83-88.
5. Zhang Yunling and Tang Shiping, China's Regional Strategy, 50.
6. Zhang Yunling and Zhou Fangyin, China's Relations with Its Neighbors, 50.
7. Cui Zhiying, Zhonghan jianjiao hou liang guo guanxi fazhan de huigu yu zhanwang, Guoji guan cha 1 (1999): 4-8.
8. Qian Yong and Bi Yingda, Zhongguo fan baquan zhuyi waijiao sixiang yu zhonghan guanxi fazhan, Dangdai Hanguo 4 (2013): 18-26.
9. Wang Weimin, Li Mingbo de waijiao xin siwei yu zhonghan guanxi, Dandai Hanguo 4 (2008): 7-13.
10. Liu Jinzhi, Quanmian fazhan de zhonghan hezuo huoban guanxi-wei zhonghan shi zhounian er zuo, Guoji zhengzhi yanjiu 3 (2002): 43-52.
11. Xie Xiaoguang and Li Jianming, Lun Hanguo minzu zhuyi jiqi yingxiang xia de zhonghan guanxi, Hanguo yanjiu luncong 2 (2008): 44-47.
12. Dong Xianrong, Li Yongchun, Wang Xiaoling, Hanguo zhuanjia kan Zhongguo – yi zhonghan guanxi wei zhongxin, Xiandai guoji guanxi 5 (2011): 55-62.
13. Zhong Feiteng and Zhang Jie, Yanxing anquan moshi yu Zhongguo zhoubian waijiao de zhanlue xuanze, Shijie jingji yu zhengzhi 8 (2011): 47-64, 156-157.
14. Wang Sheng, Hanguo waijiao de meiguo qingji yu xianshi jueze-jiejin meiguo bing bu hui shuyuan Zhongguo, Dongbeiyu luntan 4 (2008): 27-32.
15. Lee, S. (2012, September). South Korea as New Middle Power Seeking Complex Diplomacy. Retrieved July 5, 2017 East Asia Institute. - http://eai.or.kr/data/bbs/kor_report/2012091210545762.pdf

РОЛЬ КИТАЯ В ГЛОБАЛЬНОМ ЗДРАВООХРАНЕНИИ

Хуан Куньпэн

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, hkp19851121@gmail.com*

Оценивается вклад Китая в развитие глобальной системы здравоохранения. Обращено внимание на то, что совершенствование системы здравоохранения в Китае и повышение его возможностей и активности на мировой арене благотворно отражаются на развитии глобальной системы здравоохранения.

Ключевые слова: Китай; здравоохранение; Всемирная организация здравоохранения; эпидемии; помощь.

CHINA'S ROLE IN GLOBAL HEALTH

Hoang Kun Peng

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

China's contribution to the global health system is assessed. Attention is drawn to the fact that the improvement of the health care system in China and the increase of its capabilities and activity on the world stage have a beneficial effect on the development of the global health system.

Key words: China; health; World Health Organization; epidemics; aid.

Население Китая составляет 20% всех жителей Земного шара, поэтому китайский опыт сохранения здоровья своих граждан полезен для всего мира. Китай принимал активное участие в форуме по международному здравоохранению и развитию в 2010-2012 гг. и пожертвовал 285 млн. долл. США многосторонним агентствам. Он является членом Исполнительного комитета Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), Глобального фонда для борьбы со СПИДом, туберкулезом и малярией и совета UNAIDS, активно участвует в формулировании Целей устойчивого развития. В 2015 г. в Китае состоялся 5-й «круглый стол» по проблемам Центральной Африки, в рамках которого обсуждались вопросы здравоохранения и новые направления сотрудничества между Китаем и Африкой.

Китай строго соблюдает свои международные обязательства в области здравоохранения, включая Международные медико-санитарные правила (2005 г.), Конвенцию ООН о правах инвалидов, Рамочную конвенцию ВОЗ по борьбе против табака.

Опыт Китая может использоваться другими развивающимися странами при определении внутренней политики и решении проблем здравоохранения, с которыми они сталкиваются в рамках программы «Сотрудничество по линии Юг-Юг». Китайское правительство постоянно увеличивает техническую и финансовую помощь другим странам мира, в особенности наименее развитым странам. Оно помогает этим странам решать проблемы в области здравоохранения, направляя туда медицинские бригады, безвозмездно передавая медицинское оборудование и медикаменты, строя медицинские учреждения и обучая медицинский персонал. В последние годы сотрудничество стало охватывать программы по борьбе с малярией. Китай продемонстрировал свою солидарность во время эпидемии лихорадки Эбола в Западной Африке, предоставив свыше 120 млн. долл. США в качестве помощи трём западноафриканским странам, которые в наибольшей степени пострадали от вспышки заболевания, и направив в район эпидемии около 1200 медиков. Китайские медицинские специалисты обучили в общей сложности 13000 местных медицинских работников в девяти африканских странах.

Китайское правительство активно продвигало внедрение Международных медико-санитарных правил (2005 г.). В качестве примера можно привести своевременное предоставление информации о случаях птичьего гриппа H7N9 в 2013 г., подготовку национального плана профилактики Эболы в 2014 г. и координацию деятельности 22 министерств с целью исполнения стандартных требований «Международных медико-санитарных правил» в пунктах пропуска через государственную границу (из 285 пунктов пропуска через государственную границу правила действовали в 259). Китай постоянно проводит проверки и усиливает подготовку в связи с угрозой новых и рецидивирующих инфекционных заболеваний. В

стране насчитывается 65 центров сотрудничества ВОЗ, из них 59 находятся на материке. Основные лекарственные средства и вакцины, производимые в Китае, всё активнее поступают на мировой рынок по доступным ценам.

Будучи крупнейшей развивающейся страной и самым большим по населению государством, Китай имеет огромную медицинскую базу, которая переживает этап реформирования. В качестве одного из государств-членов Всемирной организации здравоохранения Китай активно сотрудничает с ВОЗ и придерживается концепции «сообщества единой судьбы человечества», увеличив помощь Африке и другим странам и тем самым внося значительный вклад в борьбу с пандемией инфекционных заболеваний в мире.

СООБЩЕСТВА ГОСУДАРСТВ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Хуан Сюйшэн

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, aybionline@gmail.com*

Современные интеграционные процессы являются важнейшей характеристикой международных экономических отношений, в рамках которых и осуществляется экономическая интеграция, которая помогает странам более эффективно использовать сырьевые, трудовые, финансовые ресурсы. Международная интеграция позволяет улучшить эффективность разделения труда, обеспечив переход от обыкновенного экономического сотрудничества, базирующегося главным образом на торговле, к наиболее совершенным формам экономической интеграции. Экономическая интеграция в данном случае отличается углублением всесторонних связей государств, сращиванием производственных и финансовых процессов стран. Тенденции развития сообществ государств обусловлены тем, что во второй половине XX века экономическое развитие приобретает значительные масштабы и это обуславливает необходимость объединения в целях наращивания экономического потенциала. Все это обуславливает необходимость изучения сообществ государств, как участников международных экономических отношений.

Ключевые слова: интеграция, международные отношения, сообщество, союз, ассоциированные члены, компетенция, межгосударственный договор.

COMMUNITIES OF STATES IN INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

Huang Xu Sheng

Belarusian state University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus,

Modern integration processes are the most important characteristic of international economic relations, within which economic integration is carried out, that helps countries to use raw materials, labor and financial resources more effectively. International integration improves the territorial division of labour by moving from ordinary economic cooperation, which is based mainly on trade, to better forms of integration. Economic integration is characterized by deepening of all-round relations of States, merging of production and financial processes of countries. Trends in the development of communities of States due to the fact that in the second half of the twentieth century, economic development becomes significant and this necessitates the Association in order to increase economic potential. All this makes it necessary to study the communities of States as participants in international economic relations.

Keywords: integration, international relations, community, Union, associated members, competence, interstate agreement.

В современной науке объединения государств подразделяются по различным критериям. Можно назвать следующие виды объединений:

- содружества наций (типа Британского содружества);
- сообщества конфедеративного типа (двух- и четырехсторонние объединения России с другими государствами);
- содружества независимых государств (СНГ и Европейский Союз с конфедеративными элементами);
- конфедерации (в прошлом США, Швейцария);
- универсальные объединения государств (ООН);
- функционально-целевые объединения государств (Совет Европы);
- федерации территориальные, национально-территориальные и этнические [2].

В современной системе межгосударственных образований можно выделить и такую форму, которая получила название сообщество государств. Функционирование сообщества осуществляется на основе межгосударственного договора. Как правило, сообщество является некой переходной формой к формированию новой государственной организации. Его роль заключается в том, что сообщество повышает уровень интеграционных связей между государствами в отдельных сферах [5, с. 87].

Природа сообщества характеризуется межгосударственными отношениями, в силу которых государства-члены передают некоторые вопросы своей компетенции на решение таким организациям, а те, в свою очередь, могут выдвигать законы обязательные для государств-членов. Характеризуя сообщества как объединения государств, необходимо отметить, что причиной их создания стали интеграционные процессы, происходящие в политической и экономической сферах [1, с. 260].

В системе международных отношений насчитывается множество международных объединений различного интеграционного типа. Обозначим основные:

- самое известное в Западной Европе – Европейский союз (ЕС);
- в Восточной Европе действует Содружество независимых государств (СНГ);
- в Северной Америке создана Североамериканская ассоциация свободной торговли (НАФТА);
- в Азиатско-тихоокеанском регионе функционирует Ассоциация Азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС);
- в Азии – Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН);
- в Латинской Америке – межгосударственное экономическое объединение стран Южной Америки (МЕРКОСУР);
- в Африке – Экономическое сообщество государств Западной Африки (ЭКОВАС) и Таможенный и экономический союз Центральной Африки (ЮДЕАК) [3, с. 65].

Несмотря на различия в подходах, идеологии, определениях и названиях интеграционных процессов, а также группировок, выделяются некоторые общие закономерности и характерные черты.

Следует обозначить что, межгосударственные формы объединений могут быть подразделены на два вида: добровольные и обязательные (насильственные). При этом на первоначальном этапе развития общества такие сообщества были преимущественно созданы тоталитарными методами. Однако по мере развития государств их сменили добровольные формы организации международных объединений.

Одной из наиболее противоречивых форм по мнению автора являются сообщества и особенности их правосубъектности. Исходя из общего назначения сообщества оно может иметь цель выровнять экономический и научно-технический потенциал входящих в него государств, объединить усилия государств в целях достижения определенных целей: упростить таможенные, визовые либо иные барьеры-

ры и решения других задач. Однако, по настоящий день правовой статус данных межгосударственных образований так четко и не обозначен.

Кроме того, рассматривая сущность сообщества, следует отличать сообщество от содружества. Содружество – это своеобразное объединение суверенных и независимых государств, однако это не целостное или единое государство. Его правовой основой является декларация, межгосударственный договор, устав, а также иные юридические акты.

Также и цели создания содружества, как правило, более обширные. Такие цели отражают существенные интересы государств в рамках содружества. Для достижения заданных целей члены содружества могут принимать некоторые ограничения их суверенитета. Как правило, участниками содружества являются независимые и суверенные государства, самостоятельные участники и субъекты международных отношений. Наиболее яркий пример – это Содружество Независимых государств (СНГ).

Развитие рассматриваемой формы интеграции в последнее десятилетие претерпело значительные изменения. По мнению автора, существенным является тот факт, что некоторые сообщества стали, по сути, переходной формой в процессе углубления интеграции и создания более сплоченного объединения. Европейский Союз есть структура, по своей природе объединяющая Сообщества в общие юридические рамки. Этот тезис подтверждается и преобразованием Сообщества Белоруссии и России сначала в союз государств, а потом в Союзное государство.

В сообществе могут присутствовать ассоциированные члены, которыми и являются государства, которые принимают только установленные сообществом правила. Порядок вступления, а также выхода из сообщества регламентируется его уставом и иными руководящими документами.

Сообщества в рамках осуществления своей деятельности могут создавать собственный бюджет (который формируется за счет отчислений членов) а также создавать надгосударственные органы. Основными целями создания сообщества является [17]:

- выравнивание экономического, социального, научно-технического потенциала членов сообщества;
- объединение возможностей и усилий государств для достижения поставленных сообществом глобальных целей;
- либерализация и упрощение таможенных, визовых и иных экономических барьеров (упрощение, либо полная отмена) и т.д.

Ряд авторов определяют, что в условиях мировой глобализации интеграционные связи будут в мире лишь усиливаться, однако, в настоящее время наблюдаются скорее тенденции дезинтеграции.

Таким образом, подытоживая анализ сообществ государств, следует обозначить, в основе сообщества заложен межгосударственный договор. Сообщество на международной арене является еще одной своеобразной формой международной интеграции. Оно, как правило, усиливает интеграционные связи и эволюционирует в форму конфедеративного объединения (например, Европейские сообщества). Однако, как показало исследование статус и правосубъектность сообществ государств на уровне международных отношений так и не обозначен, в связи с чем, необходимо все же систематизировать данную проблему на международном правовом уровне, выделить данную форму интеграции, и определить ее содержание.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Авладеев А. А. Уточнение понятий «экономическая интеграция» и «принудительная экономическая интеграция» / А.А. Авладеев // Молодой ученый. — 2014. — № 21.

2. Все союзы мира [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.economicdata.ru/union.php?menu=world-unions>. – Дата доступа: 30.09.2019.

3. Караев Э. А. Общая характеристика и классификация международно – правовых объединений государств / Э.А. Караев // Ученые труды Российской Академии адвокатуры и нотариата. – 2013. - № 4.

4. Шонин Н. Е. Проблемы сложных государств в современном мире / Н.Е. Шонин // Инновационная наука. – 2015. - № 4.

5. Чунихина Л. Н. Международная экономическая интеграция: предпосылки и последствия / Л.Н. Чунихина // Евразийская адвокатура. – 2015. - № 4.

ИЗУЧЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ЦЕНТРАХ ТУРЦИИ

Н. Худайбердиева

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 20, Минск, Беларусь, solnce.wwwwww@mail.ru*

Рассматриваются основные результаты изучения Центральной Азии в турецких исследовательских центрах. Автор отмечает рост исследовательского интереса к региону Центральной Азии в 2000-е гг. в контексте реализации новой внешнеполитической доктрины, а также в рамках реализации доктрины Турции «Видение-2023».

Ключевые слова: Турция, исследовательские центры, Центральная Азия, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан.

STUDY OF CENTRAL ASIA IN THE RESEARCH CENTERS OF TURKEY

N. Khudaiberdieva

Belarusian state University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The main results of the study of Central Asia in Turkish research centers are considered. The author notes the growth of research interest in the Central Asian region in the 2000s, in the context of the new foreign policy doctrine, and also in the framework of the doctrine of Turkey's "Vision 2023".

Keywords: Turkey; research centers; Central Asia; Kazakhstan; Kyrgyzstan; Tajikistan; Turkmenistan; Uzbekistan.

Распад Советского Союза привел к активизации исследовательского интереса среди турецких ученых к вопросам внешней политики стран Центральной Азии, их геополитическому положению, экономическому и энергетическому потенциалу. Внимание к данному региону возникло у турецких политиков, экономистов, деловых кругов, специалистов по международным отношениям, историков. Это было связано с несколькими обстоятельствами. Во-первых, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан и Турцию сближали общие исторические, языковые, культурные и религиозные корни. Во-вторых, после распада СССР, Турция намеревалась заполнить геополитический вакуум в регионе, получив статус «старшего брата» центральноазиатских стран, что впоследствии давало бы Анкаре возможность получить доступ на энергетический рынок стран, имея различные рычаги давления на политическую ситуацию в регионе.

Вопросы внешней политики стран Центральной Азии, стремление турецкого руководства в 1990-е гг. расширить свое присутствие в регионе, использование Анкарой элементов «мягкой силы» в отношении стран региона, налаживание транзитного и энергетического диалога между странами, оказание финансовой и

технической помощи Казахстану, Кыргызстану, Таджикистану, Туркменистану и Узбекистану – именно эти темы стали наиболее привлекательными в турецкой историографии.

Современное турецкое руководство уделяет пристальное внимание вопросам внешней политики страны, развитию глобальных процессов. По этой причине исследовательские центры стали не только источником анализа ситуации, но и стали местом выработки предложений, касающихся вопросов формирования как внешней, так и внутренней политики Турции.

Кроме этого, в соответствии с реализуемой доктриной «Видение 2023», Турция стремится увеличить расходы на науку, активизировать свое влияние в мире. В этой связи отмечается рост интереса к изучению сотрудничества со странами Центральной Азии. В большинстве случаев, турецкие аналитические центры связаны с Министерством иностранных дел, а также с университетским сообществом. Это позволяет делать комплексный анализ внешней политики страны, выявить недостатки, определить приоритетные направления.

При Министерстве иностранных дел Турецкой Республики работает Центр стратегических исследований (SAM). Начиная с 1995 г. SAM занимается исследованиями, организует научные мероприятия, направленные на расширение сотрудничества турецких и иностранных ученых, правительственных учреждений и университетов. Кроме того, он занимается предоставлением консультаций министерству иностранных дел и другим специализированным учреждениям по вопросам внешней политики Турции [5].

Международными партнерами SAM являются общества, институты, научно-исследовательские центры, дипломатические академии Италии, Южная Корея, КНР, Монголия, Саудовская Аравия, Куба, Болгария, Кыргызстан, Австрия, Грузия, Азербайджан, Казахстан, Сербия [10].

SAM издается журнал «Perceptions», в котором был опубликован ряд работ турецких, казахстанских и других ученых, посвященных внешней политике стран Центральной Азии в постсоветский период. Так, в статье А. Айтматова «Тень экстремизма над Центральной Азией» представлен анализ проявления экстремизма в регионе. Автор анализирует внутривнутриполитическую ситуацию в Кыргызстане и в Афганистане, отмечает негативное влияние Талибана [5].

В статье заместителя генерального директора по многосторонним экономическим вопросам МИД Турецкой Республики Э. Озера «Внешнеэкономическая политика и отношения Турции: региональный аспект» рассматриваются отношения со странами Центральной Азии в контексте внешнеэкономической политики Анкары [11].

Вопросам внешней политики Кыргызстана в период президентства А. Акаева и К. Бакиева посвящена статья турецкого автора Я. Сари. В ней автор отметил влияние конфликтов в Афганистане и Ираке на внешнюю политику страны в постсоветский период [13].

В коллективной статье турецкого ученого Н. Чимчека, казахстанских ученых Ч. Каналтая, Х.А. Шимжека «Торговые отношения между Турцией и Казахстаном к 25-летию независимости Казахстана» анализируются перспективные направления экономических контактов Нур-Султана и Анкары [15].

Однако необходимо отметить, что данный центр в меньшей степени занимается анализом ситуации в Туркменистане.

Начиная с 2002 г. в Турции функционирует еще один ключевой научно-исследовательский центр – Турецко-азиатский центр стратегических исследований (TASAM). В структуру центра входят несколько групп, разделенных в соответствии с географическим положением (Азия, Европа, Балканы, Ближний Восток и др.). Центр реализует различные внешнеполитические инициативы (социального и

экономического характера), предоставляет аналитические материалы по реализации стратегии Турции «Видение-2023».

Так, в статьях авторов TASAM анализируется место и роль Турции в Азии, на Ближнем Востоке, на Балканах. Особое внимание авторы уделяют возможностям реализации транзитного и экономического потенциала Турции [7, 14].

В турецком городе Измире свою исследовательскую работу осуществляет Социологическое исследовательское общество (The Social Sciences research Society/SoSRes) [16]. Миссия общества заключается в проведении исследований по социальным, экономическим, политическим и экологическим проблемам. В соответствии со своим мандатом миссия проводит семинары, конференции, создает исследовательские консорциумы, занимается публикацией научных работ. Так, была подготовлена статья турецкого исследователя Ф. Тюрка «Связи Турции и Туркменистана в 1990-2010 гг.». В ней автор отмечает стремительное развитие турецко-туркменского диалога в первой половине 1990-х гг., сразу после распада СССР. В своей статье Ф. Тюрк делает упор на рассмотрение таких аспектов двустороннего диалога стран, как образование, туризм, экономика и инвестиции [18].

Кроме исследований TASAM, SAM, SoSRes изучением ситуации в регионе Центральной Азии занимаются и учебные заведения страны.

Особое внимание следует уделить исследованиям Стамбульского университета. В издаваемом университетом «Международном журнале социальных наук» публикуются материалы, в том числе связанные с историей, культурой и экономикой стран региона. Так, в 2009 г. в журнале была опубликована работа турецкого исследователя А. Шагира «Социологическая глубина в контексте конструирования идентичности: туркменская идентичность и Рухнама» [12].

Имеются отдельные публикации, посвященные внешней политике стран центральноазиатского региона в «Journal of international affairs». Так, например, статья исследователя из Стамбульского университета Галатасарай в Э. Бьюикакэнджи «Узоры интеграции в Центральной Азии» посвящена анализу устремлений стран Центральной Азии после распада СССР найти собственный путь экономического развития [8]. В ней автор рассматривает экономический опыт взаимодействия Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана в рамках Содружества независимых государств (СНГ), Экономическая Организация сотрудничества (ОЭС), Организации Прикаспийских государств (КАСКО).

Отдельно необходимо отметить исследовательскую работу, которой занимается международная организация тюркской культуры (ТЮРКСОЙ), штаб-квартира которой находится в Анкаре. Целью ТЮРКСОЙ является сотрудничество тюркских народов для сохранения, развития, распространения тюркской культуры, сохранение и расширение культурных контактов между братскими народами.

Данная международная организация издает периодическое издание «Turksoy», основные публикации которого имеют научную и просветительскую направленность. Они отражают уровень вовлечения стран Центральной Азии в мероприятия, организуемые организацией тюркской культуры: концерты, праздники, чтения, конференции, съезды и др. [1-4].

В 2013 г. в Стамбуле и Бурсе прошел форум «Культурное наследие тюркского мира и музеев», по итогам работы которого был опубликован сборник статей на русском и турецком языках, посвященный вопросам развития музеев в регионе Центральной Азии. В статьях анализировалась работа музеев Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, частично Туркмении и собственно Турции [17].

Нельзя также не отметить турецкое интернет-издание «The Journal of Alternative politics», в котором публикуются работы по международным отношениям, международным экономическим отношениям, политологии и др. Например, в статье турецкого автора Д. Экинчи «Внутренние факторы внешней политики Турк-

менистана: анализ в контексте неоклассического реализма» рассматривается влияние внутренней политики Туркменистана на выстраивание ее внешнеполитического курса [9, р. 32].

Таким образом, рассмотрение вопросов развития и современного состояния стран Центральной Азии получило достаточно широкое распространение среди турецких исследователей. Сегодня турецкие авторы рассматривают широкий аспект проблем, касающихся данного региона, уделяя особое внимание геополитическим, энергетическим и экономическим устремлениям Анкары. Исследовательские центры Турции стали частью внешнеполитической системы страны, инструментом реализации механизмов «мягкой силы».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. XXXIII Заседание Постоянного совета ТЮРКСОЙ объединило в Мерве весь тюркский мир / TURKSOY. – 2016. - Вып. 48. – С. 14-21.
2. Кынаджи, Дж. 2015: Год Халдуна Танера, итоги / Дж. Кынаджи // TURKSOY. – 2016. - Вып. 48. - С. 44-48.
3. Туркменские танцоры победили на конкурсе народных танцев в Бурсе / TURKSOY. – 2016. - Вып. 49. - С. 8.
4. ТЮРКСОЙ празднует Навруз-2016 / TURKSOY. – 2016. - № 49. - С. 14-25.
5. About SAM [Electronic resource] // Central for strategic research Republic of Turkey Ministry of foreign affairs. – Mode of Access: <http://sam.gov.tr/about-sam/>. – Date of Access. – 21.01.2019.
6. Aytmatov, A. The shade of extremism over Central Asia [Electronic resource] / A. Aytmatov // Central for strategic research Republic of Turkey Ministry of foreign affairs. – Mode of Access: <http://sam.gov.tr/the-shade-of-extremism-over-central-asia/>. – Date of Access: 15.01.2019.
7. Biçer, S. Balkans-Caucasus-Middle East, interaction in the Crises Triangle [Electronic resource] / S. Biçer // Türk Asya Stratejik Araştırmalar Merkezi. – Mode of Access: https://tasam.org/en/Icerik/33943/balkans-caucasus-middle_east_interaction_in_the_crises_triangle. – Date of Access: 15.01.2019.
8. Büyükakinci, E. Patterns of integration in Central Asia [Electronic resource] / E. Büyükakinci // Journal of international affairs. – Mode of Access: <https://sam.gov.tr/wp-content/uploads/2012/02/ErhanBuyukakinci1.pdf>. – Date of Access: 16.01.2019.
9. Ekinci, F. D. Türkmenistan Dış Politikasında İç Faktörler: Neoklasik Realizm / F.D. Ekinci // Alternatif Politika. – 2019. - № 11. – P. 32-58.
10. International partners [Electronic resource] // Central for strategic research Republic of Turkey Ministry of foreign affairs. – Mode of Access: <http://sam.gov.tr/international-partners/>. – Date of Access: 20.01.2019.
11. Özer, E. Foreign economic policy and relations of Turkey: The regional perspective [Electronic resource] / E. Özer // Central for strategic research Republic of Turkey Ministry of foreign affairs. – Mode of Access: <http://sam.gov.tr/wp-content/uploads/2012/02/ErcanOzer.pdf>. – Date of Access: 20.01.2019.
12. Sağır, A. Kimlik İnşası Bağlamında Sosyolojik Bir Derinlik: Türkmen Kimliği ve Ruhnama / A. Sağır // Uluslararası Hakemli Sosyal Bilimler E-Dergisi. – 2009. – N 2. – P. 1–12.
13. Sari, Y. Foreign policy of Kyrgyzstan under Askar Akayev and Kurmanbek Bakiev [Electronic resource] / Y. Sari // Central for strategic research Republic of Turkey Ministry of foreign affairs. – Mode of Access: http://sam.gov.tr/wp-content/uploads/2012/09/yasar_sari.pdf. – Date of Access: 13.01.2019.
14. Şensoy, S. New Mediterranean Region; economy, energy and security [Electronic resource] / S. Şensoy // Türk Asya Stratejik Araştırmalar Merkezi. – Mode of Access: https://tasam.org/en/Icerik/48135/new_mediterranean_region_economy_energy_and_security. – Date of Access: 15.01.2019.
15. Şimşek, N. Trade Relations Between Turkey and Kazakhstan on the 25th Anniversary of Kazakhstan's Independence [Electronic resource] / N. Şimşek, C. Canaltay, H. Şimşek // Center for Strategic Research – Mode of Access: http://sam.gov.tr/wp-content/uploads/2017/11/2_perceptions_Spring-2017-1-7-28-1.pdf. – Date of Access: 10.01.2019.

16. The vision and mission statement [Electronic resource] / Social Sciences Research Society. – Mode of Access: <http://www.sobiad.org/aboutus.html/>. – Date of Access: 10.01.2017.

17. Türk Dünyası'nın Kültürel Mirası ve Müzeler / L. Sattarova. – Bursa: Kültür, 2015. – 244 s.

18. Türk, F. Türkiye- Türkmenistan ı İlişkileri 1990-2010 [Electronic resource] / F. Türk // The social sciences research society. – Mode of access: http://www.sobiad.org/ejournals/dergi_sbd/arsiv/2010_2/07fahri_turk.pdf. – Date of access: 10.01.2017.

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИКИ КНР В ОТНОШЕНИИ СССР В 1949-1979 ГГ.

Цзян Юймэн¹, О. М. Бычковская²

¹⁾ *Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, г. Минск, Беларусь, jiangyumeng@yandex.by*

²⁾ *Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, г. Минск, Беларусь, olgab4@gmail.com*

В статье исследуется 30-летний период в истории развития советско-китайских отношений. Внешняя политика Китайской Народной Республики в отношении СССР является важным и крайне актуальным объектом изучения в истории международных отношений. Автор отмечает основные события, главные черты и политические концепции в 1949-1979 гг. и выделяет три этапа во внешней политике КНР в отношении СССР в указанный период. Сделан вывод об углублении и обогащении внешнеполитических линий КНР в ходе развития отношений между СССР и КНР в 1949-1979 гг.

Ключевые слова: внешняя политика КНР; советско-китайские отношения; внешнеполитическая линия, Дэн Сяопин, Советско-китайский договор о дружбе.

SPECIAL ASPECTS OF THE FOREIGN POLICY OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA WITH RESPECT TO THE USSR IN 1949-1979

Jiang Yumeng^a, O. M. Bychkovsaya^b

^{a)} *Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, Minsk, Belarus*

^{b)} *Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, Minsk, Belarus*

Corresponding author: Jiang Yumeng (jiangyumeng@yandex.by)

The article examines the 30-year period in the history of the development of Soviet-Chinese relations. The foreign policy of the People's Republic of China in relation to the USSR is an important and extremely relevant object of the international relations study. The author notes the main events, main features and political concepts in 1949-1979 and identifies three stages in the Chinese foreign policy towards the USSR. The conclusion is made about deepening and enriching the foreign policy strategy of the PRC during the development of relations between the USSR and the PRC in 1949-1979.

Key words: foreign policy of the PRC; Soviet-Chinese relations; foreign policy strategy, Deng Xiaoping, Sino-Soviet friendship treaty.

Взаимоотношения между Российской Федерацией (РФ) и Китайской Народной Республикой (КНР) во многом сегодня определяют глобальную повестку дня. Отношения между двумя странами непрерывно развиваются и на сегодняшний день охватывают практически все сферы и направления. Однако нельзя идти в будущее, не обращая внимания на прошлое. Для того, чтобы отношения с честью выдержали испытание временем, необходимо тщательно изучать их историю. Для дальнейшего развития и укрепления отношений между Китаем и Россией необходимо знать историю их становления и развития и учитывать уроки и опыты внешней политики КНР.

Беларусь при этом является союзником обоих государств. Известно, что одним из основных принципов внешней политики Республики Беларусь является многовекторность. Она строит свою внешнеполитическую линию, основываясь на сотрудничестве и способности налаживать взаимовыгодный диалог. При этом Беларусь находится в уникальной ситуации. С одной стороны, она состоит в военно-политическом союзе с Россией, с другой стороны, активно развивает свои отношения с Китаем, который все более уверенно стал играть роль сравнимого с Россией экономического партнера Беларуси. Так, за шесть лет с момента провозглашения инициативы «Один пояс и один путь» Беларусь стала одной из ключевых опорных точек этого замысла и, как неоднократно отмечалось руководством страны, сотрудничество по реализации этой инициативы увенчалось успехами. Являясь уникальной переговорной площадкой и поясом стабильности и конструктивного взаимодействия, для Беларуси в качестве надежного партнера России и Китая изучение истории взаимоотношений двух стран становится насущной потребностью и вопросом принципиальной важности.

Если обратиться к внешней политике Китайской Народной Республики в отношении СССР, следует отметить, что она всегда обладала рядом особенностей. Со времени основания страны в 1949 г. ее внешнеполитическую линию в течение 30 лет, до 1979 г., можно условно разделить на три периода.

1. Политика «склонения в одну сторону» (1949–1959 гг.)

Советский Союз объявил о признании КНР 2 октября 1949 г., на второй день основания Китайской Народной Республики, и направил поздравительную телеграмму от имени заместителя министра иностранных дел СССР А. Громыко. При этом именно СССР стал первой в мире страной, признавшей новый Китай. Первый премьер Госсовета и одновременно министр иностранных дел КНР Чжоу Эньлай отправил ответную телеграмму, выражая горячее приветствие правительству Советского Союза за официальное признание Китайской Народной Республики, решение установить дипломатические отношения с КНР и назначить посла СССР в КНР.

14 февраля 1950 г. был заключен советско-китайский договор о дружбе, союзе и взаимной помощи. Таким образом, КНР вступила в политический и стратегический союз с СССР. Последующие десять лет (1949–1959 гг.) китайские исследователи характеризуют как «десять лет медового месяца», когда советское правительство оказывало помощь Китаю в военной, дипломатической, экономической и других областях. Российские историки указывают, что это был расцвет советско-китайских отношений. Китаю оказывалась помощь в строительстве государства, армии, обучении специалистов. Советские специалисты принимали участие в строительстве многих объектов и предприятий, некоторые из которых используются до сих пор.

В годы корейской войны (1950–1953 гг.), когда китайские и корейские войска противостояли войскам США, СССР предоставил китайским союзникам вооружение и авиационную поддержку. Сегодняшняя китайская историография говорит о том, что период «склонения в одну сторону» не продлился бы так долго, если бы не война в Корее.

В ноябре 1957 г. Мао Цзэдун вновь посетил Советский Союз. В Москве состоялись конференции лидеров 12 социалистических стран и лидеров 64 коммунистических партий, результатом которой стала программная декларация о создании социалистического лагеря под руководством Советского Союза. По общему мнению, международное коммунистическое движение достигло своего пика.

2. «Удар двумя кулаками» как внешнеполитическая линия КНР в 1960–1966 гг.

В 1960–1966 гг. между КНР и СССР развернулись идеологические дискуссии. КПСС (Коммунистическая партия Советского Союза) и КПК (Коммунистическая

партия Китая) углубили разногласия в понимании марксистской теории, взглядах на современный мир. Внутри- и внешнеполитический курс социалистических государств все больше расходился. Отношения между двумя странами стремительно ухудшились после прихода к власти Н. Хрущева. В частности, Мао Цзэдун обвинил советское правительство в ревизионизме и уступкам Западу. Поводом для идеологической полемики между КПСС и КПК стали опубликованные в апреле 1960 г. две статьи в китайском журнале «Хунци» и газете «Жэньминь жибао», посвященных 90-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина, а также доклада, представленного заведующим отделом пропаганды ЦК КПК Лу Диньши в рамках торжественного собрания в Пекине, состоявшегося по случаю указанной годовщины. Впоследствии представленные материалы составили сборник «Да здравствует ленинизм!», на основе которого выстраивалась критика идеологических установок КПСС лидерами КПК, заявлявшими о противостоянии «ревизионистской раскольнической линии» руководства КПСС «в целях защиты марксизма-ленинизма, отстаивания Декларации 1957 г. и устранения идейного разброда в международном коммунистическом движении» [2, с. 294].

С июля 1960 г. СССР прекратил всю экономическую и технологическую помощь КНР и отозвал всех советников. Ранее заключенные торговые договоры были аннулированы, а все специалисты отозваны из КНР. 5 июля 1963 г., выполняя поручение Мао Цзэдуна, в Москву приехала делегация во главе с Дэн Сяопином, чтобы встретиться с М. Суловым, Б. Пономаревым и Ю. Андроповым. На деле переговоры стали идеологическими дебатами и завершились безрезультатно. Советско-китайские отношения начали ухудшаться, постепенно переходя от идеологических различий к разрыву отношений [4].

24 февраля 1966 г. КПСС пригласила КПК принять участие в XXIII съезде КПСС, но руководство КПК отказалось. После этого СССР начал наращивать вооруженные силы на границе с КНР.

Определяя содержание данного периода, китайские историки указывают на отказ от дипломатической политики «склонения в одну сторону» и чаще всего используют термин из боевых искусств «лянгэ цюаньтоу дажэнь», который, по сложившейся традиции, переводится как «борьба на два фронта» или «удар двумя кулаками», что было призвано символизировать одновременную борьбу против американского империализма и советского ревизионизма [1].

3. Внешняя политика КНР в 1966-1982 гг.: «одна линия»

В 1966 г. в КНР началась «культурная революция», которая сопровождалась усилением антисоветской кампании. Советско-китайские дебаты становились все более интенсивными. СССР представлялся как основной противник китайской революции. Когда в августе 1968 г. СССР оккупировал Чехословакию, китайский лидер Мао Цзэдун безапелляционно заявил, что СССР стал «империалистической державой».

В 1969 г. дошел до своего пика советско-китайский пограничный конфликт на острове Даманский (в китайских источниках в настоящий момент называется Чжэньбаодао). Если пограничные конфликты между СССР и Китаем возле острова Даманский были и раньше, то в 1969 г. наступила стадия военных действий. Советский Союз расположил войска на советско-китайской границе и китайско-монгольской границе, что, по мнению китайских военных экспертов, создавало серьезную военную угрозу для Китая. А китайская сторона осуществляла дипломатическую стратегию с США – так называемую «одну линию» – против Советского Союза. В связи с этим до конца 1970-х гг. китайско-советские отношения пребывали в «замороженном» состоянии [4].

После вооруженного конфликта на острове Даманский в марте 1969 г. Китай вступил в состояние полной готовности к войне. В октябре того же года Китай и

Советский Союз начали переговоры о границе на уровне заместителей министров иностранных дел. Переговоры продолжались необычайно долго и шли девять лет, до июня 1978 г., однако существенного прогресса достигнуто не было [5]. Тем не менее, в ситуации полной конфронтации между двумя странами, пограничные переговоры стали важным каналом для поддержания связей, что свидетельствует о том, что обе стороны не хотели, чтобы отношения между КНР и СССР продолжали ухудшаться.

После окончания «культурной революции» Дэн Сяопин взял на себя обязательство создать мирную международную обстановку и «прекратить классовую борьбу, сместив фокус работы всей партии и внимание людей на стремление к социалистической модернизации» [6]. С 3-ого пленума ЦК КПК 11-го созыва в декабре 1978 г. начался исторический переход политического курса Китая к экономическому строительству и внешней открытости. Это был период важного переходного процесса в принятии решений. Можно отметить, что Дэн Сяопин стал основным ядром второго поколения лидеров КПК. Именно с тех пор, т.е. с конца 1980-х гг., китайская дипломатия вступила в эпоху доминирования Дэн Сяопина, суть которой заключалась в постепенном отказе от идеологии в процессе принятия решения и в дипломатической практике и в переосмыслении международных вопросов в целом и советско-китайских отношений в частности.

Дэн Сяопин считал, что внутренняя политика Китая была должна ориентирована на социалистическое современное экономическое строительство [3, с. 204]. Исходя из этой аксиомы, Китай надеялся улучшить отношения с Советским Союзом в целях поддержания мирной общей границы с СССР. Отметим, что советско-китайская граница составляет более 7 300 километров, что, наряду с существованием китайско-монгольской границы общей протяженностью более 12 000 километров, является самой длинной сухопутной границей в мире. Если бы ситуация на советско-китайской границе не улучшилась, Китаю было бы сложно регулировать свое военное строительство и высвободить ресурсы для развития экономики страны.

С другой стороны, после серьезного анализа и прогноза развития мировой ситуации и политического расклада сил, Дэн Сяопин пришел к выводу, что с 1980-х гг. до конца XX в., несмотря на существовавшую опасность мировой войны, рост мирных сил превзошел рост факторов войны. Соответственно, вероятность мировой войны, по мнению руководства Китая, была относительно невелика [6]. На основе таких прогнозов Дэн Сяопин предложил «независимую самостоятельную мирную внешнюю политику». Эта политика строилась на следующих основополагающих принципах: 1. Китай неуклонно придерживается принципа независимости и самостоятельности. 2. Китай выступает против гегемонизма, защищает мир во всем мире. 3. Китай не присоединится к какой-либо крупной державе или группам государств. Данные три принципа базировались на понимании руководством КНР, что экономическое строительство страны требует не только стабильности внутриполитической ситуации, но и мирной внешней среды.

По мнению Дэн Сяопина, принимая экономическое строительство в качестве основной задачи, а экономическое развитие в качестве основной цели, ресурсы национального оборонного строительства следовало перевести на экономическое строительство. Говоря другими словами, принципиально важно было сокращение военных расходов. Учитывая малую (или даже ничтожную) вероятность мировой войны, устранение угроз безопасности со стороны СССР рассматривалось Китаем как цель улучшения советско-китайских отношений.

В начале 1979 г. назрела необходимость решить крупную проблему. Срок действия советско-китайского договора о дружбе, союзе и взаимной помощи, подписанного 14 февраля 1950 г., истекал через год. Китайская сторона приняла реше-

ние о необходимости прекращения действия данного договора и проведения переговоров с Советским Союзом о подписании нового договора.

17 октября – 30 ноября 1979 г. в Москве состоялся первый раунд переговоров о советско-китайских межгосударственных отношениях. Основная проблема на переговорах заключалась в том, что, по мнению китайской стороны, Советский Союз должен был вывести свои войска с советско-китайской границы и Монголии и прекратить поддержку вторжения Вьетнама в Камбоджу. Советская сторона считала, что основной целью переговоров является разработка документов по принципу взаимоотношений между двумя странами и возобновление двусторонних обменов и сотрудничества. Из-за разных подходов и резкого противостояния первый раунд переговоров, завершившийся к началу декабря 1979 г., не принес никаких результатов.

Тем не менее, с учетом исходных точек зрения и зачастую противоречащих требований обеих сторон, московские переговоры 1979 г. можно рассматривать как «обкатку» долгосрочной игры по нормализации китайско-советских отношений в 1980-х гг. Так, Китай больше не выдвигал идеологических требований, в целом не спорил в части идеологии и впервые возобновил переговорный процесс о конкретных условиях улучшения отношений двух стран, в терминологии китайских экспертов – устранении основных препятствий. В этом смысле переговоры 1979 г. стали переходным периодом между двумя странами к нормализации отношений.

По результатам проведенного исследования можно заключить, что в рассмотренный исторический период с 1949 по 1979 г. политический и стратегический союз между СССР и КНР просуществовал всего 10 лет, и на протяжении почти двух десятилетий две страны находились в противостоянии друг другу. Внешняя политика Китайской Народной Республики в отношении СССР на протяжении первых тридцати лет после установления дипломатических отношений была довольно изменчивой. Можно выделить следующие периоды: в 1949–1959 гг. китайская внешняя политика во многом зависела от помощи СССР; 1960–1966 гг. прошли в условиях противостояния и борьбы Пекина против советского ревизионизма; в 1966–1979 гг. китайско-советские отношения сопровождались идеологическим противостоянием и военными столкновениями на границе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Виноградов, А.О. Внешняя политика Китайской Народной Республики в 1949–1976 гг. [Электронный ресурс] // Перспективы : сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы. – 2016. – 15 авг. Режим доступа: http://www.perspektivy.info/history/vneshnaja_politika_kitajskoj_narodnoj_respubliki_v_1949_1976_gg_2016-08-15.htm. – Дата доступа: 10.10.2019.

2. Кулик, Б.Т. Советско-китайский раскол: причины и последствия / Б.Т. Кулик. – М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2000. – 639 с.

3. Дэн Сяопин : Избранные произведения Дэн Сяопина в 1975-1982 гг. = Дэн сяопин вэнь сюань(1975-1982) / Дэн Сяопин // Народный Издательский Дом. – Пекин, 1983. – 393с.

4. Инь ханг. Кай ци чжун су гуань си чжэн чанг хуа тан пан де цюй чжэ ли ченг = Открытие курса на переговоры по нормализации отношений между Китаем и Советским Союзом / Инь ханг // Бай нянь чао. – 2013. – №11. – С. 61-64. (на кит. яз.)

5. Ли Цзинцзе. Китайско-российские отношения на протяжении 70 лет = чжун э гуань си ци ши нянь/Ли Цзинцзе // Российские Восточно-Европейские Центрально-Азиатские Исследования. – 2019. – №4.– С. 1-15.

6. Сяо Ванлу. Анализ причин нормализации китайско-советских отношений в 1979-1991 гг. = чжун су гуань си чжэн чанг хуа де юань инь фен си / Сяо Ванлу // Управленческое наблюдение. – 2012. – №11.– С.65.

ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ В АВСТРИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ОБЩЕЕВРОПЕЙСКИХ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ

А. В. Шарано

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, sharapa@bsu.by*

В статье рассматриваются итоги состоявшихся 29 сентября 2019 г. выборов в парламент Австрии, которые привели к убедительной победе консервативной Австрийской народной партии (АНП) во главе с канцлером Себастьяном Курцем. Автор выявил базовые предпосылки победы АНП и обозначил наиболее важные тенденции в эволюции партийной системы Австрии.

Ключевые слова: Австрия; Австрийская народная партия (АНП); парламентские выборы; правящая коалиция.

PARLIAMENTARY ELECTIONS IN AUSTRIA AS A REFLECTION OF PAN- EUROPEAN ELECTORAL TRENDS

A. V. Sharapa

Belarusian State University, Niezaležnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article discusses the results of the Austrian parliamentary elections held on September 29, 2019, which led to a convincing victory for the conservative Austrian People's Party (ANP), headed by Chancellor Sebastian Kurtz. The author identified the basic preconditions for the victory of the ANP and outlined the most important trends in the recent evolution of the party system of Austria.

Keywords: Austria; Austrian People's Party (ANP); parliamentary elections; ruling coalition.

29 сентября 2019 г. в Австрии прошли досрочные парламентские выборы, на которых уверенную победу одержала консервативная Австрийская народная партия (АНП), набрав 37,5 процентов голосов. Далее места распределили: Социал-демократическая партия Австрии (СДПА) – 21,2 процента, правая Австрийская партия свободы (АПС) – 16,2 процента, «зеленые» – 13,9 процента и «Новая Австрия» – 8,1 процента голосов [1].

Оценивая их результаты для своей партии, лидер АНП С. Курц заявил: «Мы безумно благодарны. Это невероятный успех. Мы чрезмерно счастливы и сделаем все, чтобы с уважением отнестись к этому доверию избирателей. Мы сделаем все то, что обещали. Мы пытаемся добиться взаимоуважительного сотрудничества всех партий, чтобы работать во благо Австрии» [2]. Если отбросить всю понятную для такой обстановки эмоциональную сторону этой фразы, то можно обратить внимание лишь на последние слова о готовности сотрудничества со всеми партиями. Ряд австрийских аналитиков, комментируя это поствыборное заявление С. Курца, от себя добавляли: «С. Курц готов сотрудничать со всеми партиями, ... в т. ч. и с Австрийской партией свободы.

Кстати, эту же мысль председатель АНП повторил и после вручения ему президентом Австрии А. Ван дер Белленом мандата на формирование нового правительства, дав понять, что не исключает повторения коалиции крайне правыми.

Хотя сама по себе тема такого сотрудничества для Австрии является далеко не новой, в ходе каждой избирательной кампании она выходит на «передний край»

электоральной борьбы. Более того, эта проблема во многом определяет политический климат в стране, настроение избирателей и, в конечном счете, – итоги выборов. При все кажущемся официальном отторжении идеологии крайне правых именно Народная партия не раз избирала АПС в качестве своего партнера по коалиции. Конечно, во многом это объяснялось несговорчивость более близкого идеологического партнера – Социал-демократической партии Австрии. Занимая, как правило, вторую строчку в итоговой таблице, СДПА при обсуждении возможности коалиции с АНП предъявляла порой такие требования при распределении министерских портфелей, на которые народники согласиться не могли и предпочитали зачастую соглашение с АПС.

Даже сейчас, после фактического поражения АПС на сентябрьских выборах (2017 г. – 27,4 процента, второе место; 2019 г. – 16,2 процента, третье место) никто не исключает «торга» с этой партией при формировании коалиции. И это не случайно. Как бы там ни было, но правые идеи в Австрии еще живы; они подпитываются чувствами «исторической гордости». Как известно, в свою бытность ее бывший лидер Й. Хайдер оправдывал нацистское прошлое Австрии и ее участие во Второй мировой войне на стороне Германии. Сейчас, по понятным причинам, эти лозунги уже не используются, они трансформировались в ксенофобию по отношению к иммигрантам, призывам ставить австрийские интересы «превыше всего» и т. п. Вот почему «списывать» АПС с австрийского политического поля представляется преждевременным.

Следует также обратить внимание на результаты партий «второго эшелона»: «Зеленые» – 13,9 процента, «Новая Австрия» – 8,1 процента голосов; в сумме – 22 процента. Этот успех «малых партий» подтверждает еще одну общеевропейскую тенденцию: на электоральном поле Европы все больший вес начинают приобретать партии, программы которых лишены традиционных и привычных лозунгов центристов, и отвечают на злободневные, актуальные проблемы простых избирателей (экология, климат, социальное законодательство и т. п.). Во многом эти лозунги позволили, например, «зеленым» в ФРГ набрать 20 процентов голосов при выборах в Европарламент, обойдя СДПГ и заняв второе место после ХДС/ХСС. В целом, «Европейский свободный альянс» («зеленые» и либералы) получили в этом органе 155 мест (для сравнения, лидер Европейская народная партия получили 180 мест) [3].

Характерно, что рост популярности «малых» партий в Австрии происходит при одновременном падении доверия к право- и левоцентристским идеям. Это, в свою очередь, провоцирует отток избирателей от СДПА и частично от АНП. Если два года назад партия «зеленых», не преодолев четырехпроцентный барьер, даже не вошла в парламент, то сейчас к ней относятся как, в перспективе, к одной из сильных оппозиционных партий, способной претендовать на место в правительственной коалиции. По словам лидеров этой партии, пятью требованиями «зеленых» остаются: защита климата посредством развития альтернативной энергетики; равенство мужчин и женщин; образование; борьба с бедностью; интеграция иммигрантов в австрийское общество [4]. Что касается внешней политики, то «зеленые» Австрии во многом примыкают к требованиям ряда европейских партий популистского толка, в частности, по России – об ужесточении экономических санкций, пересмотре контрактов по газопроводу «Северный поток-2» и т. д.

На таких же внешнеполитических позициях стоит и партия «Новая Австрия», возглавляемая Б. Майнль-Райзингер, однако, что касается возможности вхожде-

ния в коалицию с АНП, то на встрече с С. Курцем она такую вероятность категорически отвергла, обвинив его в несоблюдении фундаментальных прав человека.

Наиболее вероятной, таким образом, выглядит будущая коалиция АНП с партией «зеленых», что будет означать формирование первого в истории Австрии правительства с участием консерваторов и «зеленых», которое в значительной степени переформирует традиционную партийную систему Австрийской Республики.

В целом, характеризуя итоги сентябрьских (2019 года) парламентских выборов в Австрии и первые заявления партийных лидеров, можно сделать вывод о сохранении этим государством своего внешнеполитического курса и внутренней политики, проводимой лидером Австрийской народной партии С. Курцем. Возможные небольшие поправки могут быть связаны с требованиями возможного партнера АНП по коалиции, колебаниями в электоральных настроениях, а также влиянием общей политики Евросоюза.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. В Австрии оглашены окончательные итоги парламентских выборов [Электронный ресурс] // Deutsche Welle. – Режим доступа: www.dw.com/ru/v-австрии-оглашены-окончательные-итоги-парламентских-выборов/a-50693123. – Дата доступа: 20.10.2019.

2. Курц признал победу своей партии на выборах в Австрии [Электронный ресурс] // Беларусь сегодня. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/kurts-priznal-pobedu-svoey-partii-na-vyborakh-v-avstirii.html>. – Дата доступа: 20.10.2019.

3. Итоги выборов в Европарламент: усиление фрагментарности и неопределенности [Электронный ресурс] // Eadaily.com. – Режим доступа: eadaily.com/ru/news/2019/06/04/itogi-vyborov-v-evroparlament-usilenie-fragmentarnosti-i-neopredelennosti. – Дата доступа: 20.10.2019.

4. Зеленые – главная оппозиционная партия Австрии [Электронный ресурс] // Новости политических партий России и стран СНГ. – Режим доступа: http://www.qwas.ru/ukraine/greenparty/id_48108/. – Дата доступа: 20.10.2019.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОФИСА ЮНЕСКО В ПЕКИНЕ (2012-2013 гг.)

Ши Дандань

*Белорусский государственный университет, пр.
Независимости, 4, 2200030, г. Минск, Беларусь, 1549006127@qq.com*

В статье рассматриваются создание, структура, расширение сферы компетенции Офиса ЮНЕСКО в Пекине, а также содержание его работы в 2012-2013 гг., когда начинается заметная активизация Офиса: в КНР были проведены первые масштабные форумы «Сила культуры», принят Закон о туризме. Объект исследования – взаимодействие КНР и ЮНЕСКО. Цель исследования – раскрыть основные направления и результаты деятельности Офиса, а также особенности его функционирования в Монголии, Корейской Народной Республике, Республике Корея и Японии. Научная новизна исследования состоит во всесторонней характеристике деятельности Организации с территории Китая. Практическая значимость исследования – определение значения деятельности Офиса ЮНЕСКО в Пекине на развитие духовной сферы китайского общества, обоснование роли культуры как фактора устойчивого развития.

Ключевые слова: культурная дипломатия; офис ЮНЕСКО в Пекине; международное сотрудничество в образовании, культуре, науке, коммуникации и информации; устойчивое развитие.

ACTIVITIES OF THE UNESCO OFFICE IN BEIJING (2012-2013)

Shi Dandan

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Republic of Belarus

The article discusses the creation, structure, expansion of the competence of the UNESCO Office in Beijing, as well as the content of its work in 2012-2013, when the noticeable revitalization of the Office begins: the first large-scale forums “The Power of Culture” were held in the PRC, and the Tourism Law was adopted. The object of study is the interaction of China and UNESCO. The purpose of the study is to disclose the main directions and results of the Office, as well as the features of its functioning in Mongolia, the People’s Republic of Korea, the Republic of Korea and Japan. The scientific novelty of the study is a comprehensive description of the Organization's activities from the territory of China. The practical significance of the study is to determine the significance of the activities of the UNESCO Office in Beijing on the development of the spiritual sphere of Chinese society, the justification of the role of culture as a factor in sustainable development.

Keywords: cultural diplomacy; Office UNESCO in Beijing; international cooperation in education, culture, science, communication and information; sustainable development.

В 1984 г. ЮНЕСКО открыла в Китае Бюро по науке и технологии, а в 1991г. сфера компетенции этого органа была расширена за счет включения в нее образования. В 1997 г. был добавлен сектор культуры, в 2000 г. - сектор гуманитарных и социальных наук. В январе 2002 г. Бюро в Пекине стало одним из 27 кластерных бюро ЮНЕСКО. В 2004 г. в сферу компетенции Бюро были включены коммуникация и информация, чтобы охватить все направления деятельности Организации [1].

Данный Офис осуществляет свои мероприятия не только в Китае, но и в Монголии, Корейской Народной Республике, Республике Корея и Японии, то есть в странах, население которых составляет около четверти населения земного шара. Офис состоит из пяти отделов: образования, естественных наук, общественных и гуманитарных наук, культуры, информации и коммуникации. Согласно докладу об управлении 181-й сессии Исполнительного совета среднегодовой бюджет отделения составляет примерно 1 млн. долл. США. На сектор образования приходится 37.7%, второе и третье место занимают отдел культуры (32%) и отдел науки (20%), а на отдел коммуникации и информации приходится 10.2% [2].

Отдел образования Офиса ЮНЕСКО в Пекине содействует повышению качества и возможности обучения на протяжении всей жизни для всех в странах его кластера, в частности, путем оказания прямой поддержки Китаю, КНДР и Монголии. Эта поддержка оказывается посредством политических консультаций и предоставления техники на основе фактических данных, полученных в результате аналитической работы и специальных исследований. Одним из ключевых аспектов деятельности ЮНЕСКО является распространение проверенных на международном уровне передовых методов и инновационных идей в области качества образования среди политиков и специалистов-практиков.

Техническое и профессиональное образование и обучение (ТПОО) играют важную роль в достижении целей ОДВ и способствует устойчивому и справедливому развитию. На третьем Международном конгрессе по техническому и профессиональному образованию и обучению (Шанхай, 14–16 мая 2012 г.), инициированном ЮНЕСКО и правительством Китая, были приняты решения для совместно ЮНЕСКО и правительством Китая, были приняты решения для преобразования ТПОО в целях более эффективного реагирования на потребности общественного развития в XXI веке. Китайская версия отдельных и итоговых документов Конгресса была опубликована при поддержке Организации для содействия в стране политическим дискуссиям среди политиков и практиков ТПОО.

В частности, в Китае просвещение в целях устойчивого развития (ПУР) полу-

чило должное признание в национальной политике в результате постоянной поддержки ЮНЕСКО в сотрудничестве с Национальной комиссией по делам ЮНЕСКО и Национальным рабочим комитетом Китая по ПУР. На основе опыта Китая в школьных мероприятиях по ПУР было разработано Пособие по подготовке учителей по ПУР для детских садов и начальных школ. Шестой Пекинский международный форум по ПУР, проведенный при поддержке ЮНЕСКО, способствовал международному обмену и обсуждению аспектов проблемы.

ЮНЕСКО по приглашению Министерства образования КНР и в координации с Национальной комиссией по делам ЮНЕСКО оказывает помощь в разработке национальной системы показателей для мониторинга и оценки модернизации образования. Технический опыт ЮНЕСКО, в том числе Статистического института Организации, мобилизуется для улучшения показателей путем проведения серии консультаций. Показатели будут служить ориентиром для продвижения более сбалансированной системы образования к 2020 г. в соответствии с Национальным планом реформирования и развития средне- и долгосрочного образования.

Отдел культуры офиса ЮНЕСКО в Пекине содействует защите, популяризации и передаче наследия во всех его формах, одновременно содействуя творчеству и разнообразию форм культурного самовыражения.

Чтобы продемонстрировать роль культуры как движущей силы и фактора устойчивого развития, в мае 2013 г. в Ханчжоу был организован Международный конгресс «Культура: ключ к устойчивому развитию». Основным результатом работы Конгресса является «Ханчжоуская декларация», в которой культура поставлена в центр политики устойчивого развития [3].

В связи с тем, что Китай активно выступает за культурные индустрии и все больше организаций частного сектора, а также гражданского общества начинают проявлять значительный интерес к участию в культурном секторе, Офис ЮНЕСКО в Пекине организовал серию Форумов «Сила культуры» для формирования связи между культурой и экономическим развитием. Первый и второй Форумы были проведены в Ханчжоу и Харбине в 2012 г.

В целях содействия развитию туризма как вектора устойчивого экономического и человеческого развития офис в Пекине разрабатывает основы и руководящие принципы туризма в соответствии с Планом действий ЮНЕСКО в области Всемирного наследия и Законом Китая о туризме (2013 год). Этот инструмент должен служить практическим стандартом для объектов Наследия, туристической индустрии и местных сообществ в согласовании часто противоречивых целей и практики туризма, наследия и развития человеческого потенциала.

Отдел естественных наук офиса ЮНЕСКО в Пекине призван использовать научные знания в интересах окружающей среды и рационального использования природных ресурсов, а также поддерживать политику и наращивание потенциала в области науки, технологий и инноваций.

Пекинская консультация, организованная при поддержке офиса ЮНЕСКО в Пекине в декабре 2012 г., собрала более 70 экспертов высокого уровня и ключевых представителей заинтересованных сторон из 27 стран в Китайском институте гидрогеологии и геологии окружающей среды. Была организована дискуссия, как эффективно управлять подземными водами, а также как повысить осведомленность о важности вопроса. Консультация проводилась для того, чтобы получить информацию из первых рук о региональных проблемах (от правительств, местных экспертов по подземным водам, управляющих ресурсами и других заинтересованных сторон). Результаты форума способствовали подготовке Глобальной диагностики управления подземными водами, служащей технической основой для анализа, посредством которого лучшие доступные научные и технические знания о ресурсах подземных вод и их управлении становятся доступными для большого числа по-

литиков и лиц, принимающих решения по всему сектору развития. Результаты этого мероприятия будут включены в основной проект – Глобальную рамочную программу действий, состоящую из набора политических и институциональных руководств, рекомендаций и эффективных практик, предназначенных для улучшения управления подземными водами на государственном и местном уровне, а также управления подземными водами на местном, национальном и трансграничном уровнях.

Отдел социальных и гуманитарных наук, который также представляет собой структурный элемент офиса, работает над практическим применением знаний в области социальных и гуманитарных наук и содействием созданию справедливых и инклюзивных обществ, которые воплощают принципы достоинства, свободы и справедливости.

В 2012 г. отдел участвовал в разработке Закона КНР о насилии в семье, направленного на то, чтобы положить конец насилию в семье, которое совершается в отношении женщин, детей, престарелых и инвалидов. ЮНЕСКО внесла вклад в выявление существующих международных рамок, национального законодательства, опыта и стандартов в отношении насилия в семье, направленного на инвалидов. Был подготовлен справочный документ, в котором определены препятствия, представлены правовые документы и опыт других стран, а также практические рекомендации, касающиеся таких областей, как доступ к социальным услугам, включая образование, здравоохранение и правосудие, отчетность, обеспечение соблюдения, финансирование и мониторинг реализации.

Отдел коммуникации и информации работает над созданием инклюзивных обществ знаний; содействует всеобщему доступу к информации, а также свободным, профессиональным и плюралистическим СМИ и благоприятной среде для свободного потока слов, идей и изображений.

ЮНЕСКО оказала поддержку представителям кластера в глобальных мероприятиях коммуникации и информации – таких, как 20-я юбилейная конференция «Память мира в цифровую эпоху» (Канада, сентябрь 2012 г.), тренинг для руководителей по информационному лидерству в правительстве (Мьянма, октябрь 2013 г.) и Глобальный форум по средствам массовой информации и гендерным вопросам (Таиланд, декабрь 2013 г.). В них участвовали и китайские представители.

Таким образом, проанализировав деятельность офиса в Пекине, можно отметить, что его работа в основном сосредоточена на вопросах образования и науки. КНР, Монголия и в меньшей степени КНДР являются основными бенефициарами сотрудничества с ЮНЕСКО. Южная Корея и Япония как развитые страны предоставляют свой опыт и финансовые средства для ЮНЕСКО в целях развития программ Организации в рассматриваемом регионе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. About UNESCO Office in Beijing [Electronic recourse] // UNESCO. – Mode of access: <https://www.en.unesco.org/fieldoffice/beijing/about>. – Data of access: 19.10.2019.

2. Доклад ревизора со стороны об управлении Бюро ЮНЕСКО в Пекине [Электронный ресурс] // UNESDOC. – 27.03.2009. – Режим доступа: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000181337_rus?posInSet=1&queryId=ed4dafab-db8d-40d9-b79a-196d23339d38. – Дата доступа: 19.10.2019.

3. Декларация Ханчжоу обеспечит центральное место культуры в политике устойчивого развития [Электронный ресурс] // DOCPLOYER. – 17.05.2013. – Режим доступа: <https://docplayer.ru/28371115-Deklaraciya-hanchzhou-obespechit-centralnoe-mesto-kultury-v-politike-ustoychivogo-razvitiya.html>. – Дата доступа: 19.10.2019.

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПОЛИТИКИ «МЯГКОЙ СИЛЫ» КИТАЯ В СТРАНАХ АФРИКИ

Чжан Юйлин¹, Ю. И. Малевич²

¹*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 2200030, г. Минск, Беларусь, xz936958658@sina.com*

²*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 2200030, г. Минск, Беларусь, MalevichYI@bsu.by*

В статье рассматривается политика «мягкой силы» Китая в странах Африки, которая осуществляется в XXI веке. Автор отразил политические взгляды КНР и африканских стран, политические, экономические и культурные интересы в рамках политики «мягкой силы», связанные со странами Африки и КНР.

Ключевые слова: международные отношения; внешнеполитическая концепция; политика «мягкой силы»; КНР; страны Африки.

IMPLEMENTATION OF CHINA'S SOFT POWER POLICY IN AFRICAN COUNTRIES

Chzhang Yu Lin^a, Y. I. Malevich^b

^a*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, Minsk, 4, 220030, Belarus.*

^b*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, Minsk, 4, 220030, Belarus
Corresponding author: Chzhang Yu Lin (xz936958658@sina.com)*

The article discusses the policy of “Soft Power” by China in Africa which is being implemented in the 21st century. The author reflected the views of both the PRC and African countries on the basis of politics, economic & cultural interests in the framework of the “Soft Power” policy associated with The PRC and Africa.

Keywords: international relations, foreign policy concept, politics «soft power», China, African countries.

Выбор Китаем политики «мягкой силы» в отношении стран Африки обусловлен стремлением перейти в группу стран «сверхдержавы» (по классификации Лю Липина), для чего требуется существенно усилить свое влияние в других регионах мира. Политика «мягкой силы» дает возможность сформировать значимое политическое и экономическое влияние Китая в странах Африки, создав одновременно имидж «заботливого отца», способствующего созданию и развитию инфраструктуры на континенте. С позиции «заботливого отца» Китай последовательно проходит шаги, необходимые для превращения в глобальную державу – актора многополярного мира [1, с.41].

Следует учитывать, что в китайской и зарубежной научной литературе до настоящего времени нет единого подхода к пониманию специфики процесса превращения Китая в глобальную державу с помощью политики «мягкой силы». В соответствии с первым подходом, сложившаяся в мире система политических отношений является достаточно жестко структурированной и сложно поддается значимым изменениям. Следовательно, существующий мировой порядок является устойчивым и обеспечивает поддержание стабильности в политике, нивелируя воздействие внешних шоков. Быстрое наращивание политического влияния Китая в Африке рассматривается как внешний шок и попытка пересмотра существующего порядка развития политических связей, с чем нельзя согласиться в полной мере. Несомненно, Китай стремится преодолеть ограничения, созданные существ-

вующим порядком мировой политики, однако не призывает к его пересмотру либо реформированию. Политика «мягкой силы» представляет собой альтернативный подход к наращиванию политического влияния в мире, позволяющий обойти препятствия и минимально затрагивать интересы других акторов [2, с.13].

Согласно второму подходу международная система политических отношений рассматривается как «международное общество». Соответственно, Китай и другие участники мировой политики соблюдают стандарты поведения, принятые в современной практике. Однако в рамках данного подхода следует помнить, что нормы принятия политических решений и отстаивания внешнеполитических интересов, принятые в странах Запада, чужды китайским традициям и не могут быть в полной мере использованы китайским руководством. В свою очередь, политика «мягкой силы», разработанная китайскими учеными и руководителями, основывается на традициях конфуцианства и учитывает особенности китайского общества, что не позволяет использовать ее в практике других стран. С точки зрения автора, именно несоответствие принятых стандартов поведения потребностям и интересам Китая в значительной степени обусловило появление концепции «мягкой силы», не характерной для других неевропейских стран. Данный подход наиболее полно объясняет действия Китая в странах Африки [2, с.15].

Согласно третьему подходу Китай, несмотря на особенности своей социально-экономической модели, является социальным государством и подвержен международному влиянию. Соответственно, сотрудничество Китая с международными организациями будет способствовать постепенному его вовлечению в мировой политический порядок и может привести к отказу от политики «мягкой силы» в пользу традиционных инструментов наращивания политического влияния. Однако, на взгляд автора, применительно к Китаю данный подход несостоятелен, так как вероятность перехода Китая к традиционному набору инструментов политического влияния в Африке крайне мала. Следует ожидать постепенной модификации политики «мягкой силы» с учетом накопленного в африканских странах опыта, усиления ее дифференциации в разрезе отдельных государств и их групп [2, с.16].

Активизация политики «мягкой силы» в Африке в XXI в. также обусловлена состоянием самого Китая, которое, по мнению вице-президента Академии современных международных отношений Ван Цзайбаня, может быть описано как «период стратегических возможностей» («the strategic opportunity period»), измеряющийся в характеристиках времени, пространства и ценностей. Использование Китаем периода стратегических возможностей в Африке ориентировано на формирование образа миролюбивой нации, стремящейся к достижению глобальной стабильности и решению местных и региональных конфликтов. Китай не допускает инициации новых конфликтов в Африке, связанных с наращиванием своего политического и экономического влияния, решая их без привлечения военной силы, чтобы минимизировать внимание прессы и других акторов мировой политики. Также Китай не практикует силовой захват месторождений природных ресурсов, приобретая их открыто в соответствии с местным законодательством. Однако инфраструктурные проекты, реализуемые Китаем на территории стран Африки, в значительной степени подчинены собственным интересам КНР и связаны с обеспечением снабжения КНР природными ресурсами и продуктами их переработки. Добывающий сектор экономики африканских стран постепенно выходит из-под контроля национальных правительств. Остается открытым вопрос, связанный с направлениями реформирования политики «мягкой силы» в случае подъема националистических настроений и протестов против китайского контроля за добывающими мощностями африканских стран [3, с.14].

Существует обоснованное мнение, что «мягкая сила» не является единственной моделью действий Китая на континенте и при изменении ситуации возможно

проявление «жесткой силы». Достаточную известность в китайской научной литературе получила концепция «комплексной мощи государства», в значительной степени дополняющая и развивающая идеи Ф. Ная о «мягкой силе государства», а также адаптирующая их с учетом китайской специфики. «Мягкая сила» действенна и эффективна в ситуации, когда африканские государства заинтересованы в усилении сотрудничества с Китаем, активность других акторов слаба, а внутренние интеграционные институты, способные самостоятельно проводить региональную политику, отсутствуют или слабы, что имеет место в настоящее время. В качестве эпизодически применяемого инструмента воздействия Китаем рассматривается т.н. «жесткая сила», включающая в т.ч. военные операции, однако без веских причин Китай, на взгляд автора, не намерен отходить от политики «жесткой силы». Как замечает один из авторов концепции «комплексной мощи китайского государства» Х. Шофэн, успех политики «мягкой силы» в сочетании с «жесткой силой» невозможен без третьего элемента – координирующей роли государства. Это политические структуры Китая, непосредственно принимающие решения в области сотрудничества со странами Африки. Координирующая роль китайского государства непосредственно проявляется на африканском континенте в виде обеспечения взаимосвязи экономических и социальных проектов в различных отраслях для достижения поставленных целей: защиты китайских экономических и политических интересов, формирования имиджа «добротного Китая» [4, с.115].

Во многих регионах мира политическая экспансия Китая осуществлялась через интеграционные объединения, что позволило сократить временные затраты и упростить процесс наращивания политического и экономического влияния. Однако в Африке Китай в рамках политики «мягкой силы» избрал иной подход. Степень влияния Африканского союза на процессы, происходящие в отдельных странах Африки, невелика, в связи с чем КНР выбрала вариант развития политических и экономических отношений с отдельными странами. Изначально в качестве перспективных партнеров рассматривались страны, обладающие региональным влиянием (например, ЮАР), а также страны, имеющие значимые запасы природных ресурсов, необходимых для китайской экономики. Соответственно, реализация политики «мягкой силы» Китаем усложнилась из-за увеличения количества партнеров, имеющих конфликты между собой (для стран Африки характерна политическая нестабильность и большое количество переворотов). Для успешного достижения положения глобальной державы Китай стремится преодолеть существующую политическую нестабильность в Африке, что создает угрозы для транспортировки в КНР ресурсов и продуктов их переработки. Однако, на взгляд автора, без помощи в создании наднациональных политических и финансовых институтов стабильность на африканском континенте недостижима. Политика «мягкой силы», на наш взгляд, не предполагает активного участия Китая в формировании политических органов власти на континенте (например, Африканского парламента), однако допустимой видится возможность участия Китая в формировании наднациональных финансовых институтов (в частности, Африканского инвестиционного банка). Получение Китаем большинства в руководящих органах инвестиционного банка позволит определять перспективные направления развития экономики континента в среднесрочной и долгосрочной перспективах. Создание региональных финансовых институтов, не зависящих от действий МВФ и Всемирного банка, в значительной степени снизит зависимость африканского континента от западных стран. Созданный на основе финансовых ресурсов КНР инвестиционный банк ускорил бы интеграционные процессы в Африке, наполнив концепцию Африканского союза содержанием и позволив достигнуть поставленных в 2002 г. целей. В отличие от действий западных стран, политика «мягкой силы» Китая в Африке способна значимо улучшить условия для формирования на кон-

тиненте единого интеграционного объединения, обладающего возможностями оперативно решать возникающие политические, экономические и военные конфликты. Китай при этом сохраняет за собой роль «добротца», непосредственно не вмешивающегося в повседневную жизнь стран Африки, однако поддерживающего их в сложных условиях. В итоге имидж КНР в Африке будет укрепляться и улучшаться [5, с.20].

Характерной особенностью реализации политики «мягкой силы» в странах Африки является отсутствие опоры на китайскую диаспору (хуацяо). Формирование значимого континента китайских граждан в Африке произошло уже в процессе реализации политики «мягкой силы», основными представителями являются специалисты в различных областях деятельности, приехавшие для реализации крупных инвестиционных проектов. В то же время культурная интеграция рассматривается Китаем как важная составляющая политики «мягкой силы», в качестве основы для формирования аналога китайской диаспоры могут рассматриваться граждане Африки, прошедшие обучение в китайских учебных заведениях и воспринявшие китайскую философию жизни, лежащую в основе модели социально-экономического развития КНР. Успешное проведение в странах Африки реформ на основе китайской модели невозможно без наличия достаточного объема образованных граждан, являющихся сторонниками китайского опыта хозяйствования и носителями китайской культуры. Соответственно, постепенное увеличение численности африканцев, выступающих адептами культурных ценностей Китая, может послужить заменой традиционной диаспоре и создать условия для постепенного распространения китайской модели социально-экономического развития в Африке. Видится необходимым создание комплексной программы развития образовательного и культурного сотрудничества КНР и Африканского союза, предполагающей отбор одаренной молодежи среди жителей африканских стран, направление их для получения среднего специального и высшего образования в КНР за счет средств принимающей стороны, а затем возврат в страны Африки с условием отработки в течение определенного периода времени в учреждениях образования и культуры. Китай нуждается в агитаторах из числа африканцев, которые вызовут у населения большее доверие по сравнению с иностранцами, не владеющими местными языками.

Спорным моментом в политике «мягкой силы» Китая в Африке видится распространение конфуцианства. Во многих странах Африки сохраняются традиционные религии, христианство имеет ограниченное распространение. На наш взгляд, религиозную деятельность китайских священнослужителей следует сосредоточить в тех странах, где позиции христианства крайне слабы, чтобы избежать конфликтов с католической церковью. В то же время постепенное вытеснение местных религий за счет распространения конфуцианства не вызовет протестов со стороны мирового сообщества, однако существенно упростит понимание китайских ценностей и идей африканцами.

Таким образом, полноценное внедрение основ «китайской модели» в африканских странах потребует достаточно длительного времени. Однако уже сегодня с помощью политики «мягкой силы» Китай успешно решает задачу формирования имиджа «заботливого и добротца», сохраняя за собой право и возможность при необходимости применить «жесткую силу». В ближайшей перспективе, как представляется, усиление политического и экономического влияния Китая в Африке будет осуществляться неравномерно, при этом приоритетными останутся страны, обладающие значимыми запасами природных ресурсов, необходимых китайской экономике.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Портяков, В.Я. Становление Китая как ответственной глобальной державы / В.Я. Портяков. – М.: РАН, 2013. – 238 с.
2. «Мягкая сила» в отношениях Китая с внешним миром. – М.: ИДВ РАН, 2015. – 223 с.
3. Ван, Ивэй. Один пояс и один путь / Ивэй, Ван. – Пекин: New World Press, 2017. – 261 с.
4. Харитонов, А.И. «Мягкая сила» с китайской спецификой / А.И. Харитонов // Вестник РГГУ. Серия Политология. – 2017. – с. 112-120
5. Бектурганова, П.Е. Эволюция внешнеполитических принципов Китая в середине XIX – начале XXI в.: автореф. дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / П.Е. Бектурганова. – Алматы, 2008. – 25 с.

КИТАЙСКАЯ ИНВЕСТИЦИЯ В ПАКИСТАН И АФГАНИСТАН В РАМКАХ ИНИЦИАТИВЫ «ПОЯСА И ПУТИ»

Ши Вэй

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, 806317090@qq.com*

Пакистан и Афганистан представляют собой государства-участники строительства «Пояса и Пути», способные оказывать большое влияние на региональную безопасность. Китай обращает большое внимание на эти две страны и инвестировал в их развитие в аналогичных областях, особенно в энергетику и развитие инфраструктуры. Представленный материал посвящен исследованию китайских инвестиционных проектов в Пакистан и Афганистан и возникших проблем в ходе их осуществления. Исследование китайских инвестиций в Пакистан и Афганистан имеет значение для анализа влияния инициативы «Пояса и Пути» на соседние страны и вклада Китая в защиту региональной безопасности. При этом, исследование этой темы способствует выявлению новой внешнеполитической стратегии Китая.

Ключевые слова: Китай; Пакистан; Афганистан; инвестиции; «Пояс и путь».

INVESTMENT OF CHINA IN PAKISTAN AND AFGHANISTAN UNDER BELT AND ROAD INITIATIVE

Shi Wei

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

Pakistan and Afghanistan are participating States in the construction of the Belt and Road, at one time they can have a great impact on regional security. China pays great attention to these two countries and has invested in them in priority areas, especially in energy and infrastructure. This thesis explores Chinese investment projects in Pakistan and Afghanistan and the problems in the course of their construction. The study of Chinese investment in Pakistan and Afghanistan is important for analyzing the impact of the Belt and Road initiative on neighboring countries and China's contribution to protecting regional security. At the same time, the study of this topic helps to clarify the new foreign policy strategy of China.

Key words: China; Pakistan; Afghanistan; investment; belt and road.

Пакистан является одним из наиболее важных партнеров в рамках «периферийной дипломатии» Китая. При этом он выступает в качестве узлового государства Экономического пояса Шёлкового пути, в котором реализуется самая крупная программа сотрудничества в рамках «Одного пояса и одного пути». Афганистан представляет собой соседнюю страну, ситуация в которой может оказать большое влияние на строительство китайско-пакистанский экономического коридора.

Китайское правительство придает большое значение инвестициям в Пакистан и Афганистан, поскольку они рассматриваются как значимые элементы реализации инициативы «Пояса и пути». Экономический коридор между Китаем и Пакистаном

считается пилотным проектом в рамках инициативы «Пояса и пути». В апреле 2015 г. председатель КНР Си Цзиньпин осуществил официальный визит в Пакистан, в рамках которого было подписано свыше 50 соглашений и меморандумов о взаимопонимании. Эти договоренности были нацелены на детальное регламентирование строительства китайско-пакистанского экономического коридора, определяли конкретные сферы деятельности по созданию новых и модернизации уже действующих энергетических сооружений, развитию дорожной и железнодорожной транспортной сети, современным видам связи (преимущественной оптико-волоконной), повышению эффективности работы некоторых других областей производственной инфраструктуры. Общая сумма расходов на эти цели была в предварительном порядке определена в 46 млрд. долл., однако позднее в китайско-пакистанский экономический коридор вошли новые объекты, в результате чего общий объем китайских инвестиций увеличился к концу 2017 г. до 62 млрд. долл. [1].

Проект Гвадар считается самым важным проектом китайско-пакистанского экономического коридора, поскольку связывает сухопутный и морской «новый Шёлковый путь» Китая. Благодаря порту Гвадар, Китай может не только избегать тупика в Малаккском проливе, где невозможно обеспечить энергетическую безопасность вследствие военно-политических рисков, но и сэкономить себестоимость доставки нефти в объёме 20 млрд долл. в год. Программа Гвадар включает реконструкцию автострад, укрепление и строительство береговых линий, углубление фарватера, создание зоны свободной торговли, строительство международного аэропорта, и системное строительство нового города [2]. Чтобы улучшить уровень жизни народа данного региона, китайские предприятия помогают созданию школ, профессиональных училищ и больниц. В сентябре 2016 г. была создана китайско-пакистанская начальная школа в Гвадаре, денежные средства на которую передал Китайский фонд развития для мира. В мае 2017 г. в Гвадаре возник первый китайско-пакистанский медицинский центр, что поспособствовало решению проблемы отсталой медицины в данном месте. В 2018 г. китайское предприятие создало установку для опреснения морской воды в Гвадаре и бесплатно предоставило пресную воду местному населению [3].

Строительство угольной электростанции Касим было начато в мае 2015 г. и является одним из приоритетных проектов в рамках китайско-пакистанского экономического коридора. Электростанция Касим улучшает ситуацию нехватки электроэнергии в Пакистане. При этом она предоставляет возможность трудоустройства и способствует экономическому развитию данного региона.

В сентябре 2018 г. в пакистанской провинции Пенджаб завершилось перекрытие русла реки Джелам, что символизирует начало полномасштабного строительства гидроэлектростанции «Карот». После завершения строительства гидроэлектростанции в течение 30 лет она будет находиться под управлением подрядчика, после чего будет передана во владение пакистанскому правительству бесплатно. Гидроэлектростанция «Карот» не только предоставит Пакистану дешёвую и экологически чистую энергию, но и создаст новые рабочие места для местных жителей.

Самая главная проблема в реализации проектов китайско-пакистанского экономического коридора является террористическая угроза. Местные рыбаки в порту Гвадар являются потенциальными боевиками, поскольку не имеют навыков и средств для изменения образа жизни после создания китайско-пакистанского экономического коридора. Живя в провинции Белуджистане, где активны сепаратизм и терроризм, эти рыбаки могут превратиться в разрушителей совместных проектов. Во-вторых, маршрут китайско-пакистанского экономического коридора проходит через Белуджистан, который считается самым опасным регионом в Пакистане. Исследователь из Пекинского университета Чжан Юань указывает, что сепаратисты недовольны созданием китайско-пакистанского экономического коридора.

дора, поскольку пакистанское правительство не учло интересы Белуджистана. Они рассматривают этот коридор как сговор, на основании которого Китай отнимает природные ресурсы и завоевывает местное жизненное пространство [4].

В июле 2009 г. китайские предприятия начали разработку Айнакского месторождения в Афганистане, которое считается одним из самых больших неразработанных медных месторождений в мире. Общий объем инвестиций в это месторождение превысил 10 млрд. долл. США. Однако после 2012 г. китайское предприятие прекратило финансирование этого проекта [5]. Главной причиной стала нестабильность в Афганистане.

В сентябре 2011 г. китайская государственная компания China National Petroleum Corporation (CNPC) получила право на добычу нефти в бассейне реки Амударья и планировала инвестировать 5 млрд долларов США для добычи нефти, создать нефтеперерабатывающий завод. Это является первым проектом разработки нефтяных месторождений после афганской войны и крупнейшим инвестиционным проектом с иностранным капиталом. Благодаря этому проекту, Афганистану предоставлены огромные бюджетные доходы и множество возможностей трудоустройства, что усиливает его экономику. Тем не менее, этот проект много раз подвергался угрозе нападения вооруженных групп, что замедляло темпы его реализации.

Несмотря на плохие условия для строительства в Афганистане, в 2001–2014 гг. с помощью Китая было осуществлено несколько проектов, включая развитие гидротехники в провинции Парван, перестройку автодороги в провинции Кундуз, перестройку государственной больницы в Кабуле, расширение телефонной системы города Кабула с другими восемью провинциями.

В мае 2016 г. во время официального визита премьер-министр Афганистана А. Абдуллы по приглашению премьера Госсовета КНР Ли Кэцзяна в Китае было опубликовано совместное заявление. Китай предоставил Афганистану безвозмездную помощь в объеме 500 млн. юаней и гуманитарную материальную помощь в объеме 50 млн. юаней.

В январе 2017 г. состоялась церемония подписания проекта о перестройке автомобильной дороги из провинции Бамиана в провинцию Саманган. Китайская корпорация по строительству дорог и мостов (China Road and Bridge Corporation, CRBC) взяла подряд на строительство этого проекта. Эта автомобильная дорога проходит через 37 сел, ее длина составляет 178 км. Этот проект имеет важное значение для улучшения транспортного условия в Афганистане [6].

Китай постоянно предоставляет финансовую помощь для восстановления Афганистана. Однако, этот метод не может коренным образом изменить экономическую ситуацию в Афганистане, который является главным фактором влияния при создании китайско-пакистанского экономического коридора. Самой главной угрозой, которая препятствует реализации инициативы «Пояса и пути», является нестабильность. Создание безопасной региональной среды представляет собой основу китайской инвестиционной политики в Пакистане и Афганистане.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Каменев, С.Н. Китайско-пакистанский экономический коридор и вопросы региональной безопасности / С.Н.Каменев // Восточная аналитика. – 2018. – №3. – С. 67–81.
2. В Пакистане началось полномасштабное строительство первой ГЭС в рамках Китайско-пакистанского экономического коридора [Электронный ресурс] // Женьминь жибао – 24.09.2018. – Режим доступа: http://russian.news.cn/2018-09/24/c_137489552.htm. – Дата доступа: 24.10.2019.
3. Китайско-пакистанский экономический коридор – канал поступления иностранных инвестиций в Пакистан [Электронный ресурс] // Женьминь жибао – 25.02.2017. – Режим дос-

тупа: <http://russian.people.com.cn/n3/2017/0225/c31518-9182623.html>. – Дата доступа: 24.10.2019.

4. Лю Цянь Террористические угрозы на китайско-экономическом экономическом коридоре / Цянь Лю // Исследование международных отношений. – 2018. – №5. – С.96–156.

5. Доклад «Мозгового центра» : после войны восстановление требует капиталовложений, Китай стал главным спонсором для Афганистана [Электронный ресурс] // Pit.ifeng.com – 20.06.2017. – Режим доступа: <http://mini.eastday.com/mobile/170620115630968.html#>. – Дата доступа: 24.10.2019.

6. Церемония подписания проекта об автомобильной дороге между министерством общественных работ Афганистана и ООО Китайской корпорацией по строительству дорог и мостов [Электронный ресурс] // Belt and Road Portal – 09.01.2017. – Режим доступа: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/yw/hwyw/4649.htm>. – Дата доступа: 24.10.2019.

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

К. И. Ярмошук¹⁾, Ю. И. Малевич²⁾

¹⁾ *Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, karinayarmoshuk@gmail.com*

²⁾ *Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, malejill@rambler.ru*

Выбор темы обусловлен расширением угрозы международного терроризма как глобальной проблемы современности и тем, что с течением времени эта угроза эволюционировала, при этом сохранив прежние проблемы, но и приобретя новые характерные черты. Объект данного исследования – международные политические отношения в сфере безопасности. Предмет – современные особенности международного терроризма. Цель исследования – выявить и охарактеризовать основные черты международного терроризма на современном этапе. Новизна данной работы заключается в том, что исследование включает в себя систематизацию признаков, выделяемых как русскоязычными, так и западными исследователями. Основным выводом является то, что наибольшей особенностью современного международного терроризма является то, что 1) наибольшую угрозу представляет терроризм религиозно-экстремистского толка, 2) терроризм сращивается с теневым сектором, 3) возросло число невзрывных терактов, 4) бурное развитие кибертерроризма. Результаты исследования могут быть использованы для дальнейшей разработки данной темы и в более комплексных исследованиях в сфере международной безопасности.

Ключевые слова: международный терроризм; терроризм религиозно-экстремистского толка; теневая экономика; невзрывные теракты; кибертерроризм.

COMMON FEATURES OF INTERNATIONAL TERRORISM TODAY

K. I. Yarmoshuk^a, Y. I. Malevich^b

^a*Belorussian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus*

^b*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus*

Corresponding author: K. I. Yarmoshuk (karinayarmoshuk@gmail.com)

The choice of topic is due to the expansion of the threat of international terrorism as a global problem and the fact that over time this threat has evolved by preserving the old problems and also acquiring new features. The object of this study is international political relations in the field of security. The subject is modern features of international terrorism. The purpose of the study is to identify and characterize the main peculiarities of international terrorism at the present stage. The novelty of this work lies in the fact that the study includes a systematization of facts highlighted by both Russian-speaking and Western researchers. The main conclusion is that the greatest feature of modern international terrorism is that 1) terrorism of a religious extremist nature poses the biggest threat, 2) terrorism is merging with the shadow sector, 3) the number of non-explosive attacks has

increased, 4) cyber terrorism is developing fast. The results of the study can be used for further development of this topic and for more comprehensive studies in the field of international security.

Key words: international terrorism; religious terrorism of an extremist nature; shadow economy; non-explosive acts of terrorism; cyber terrorism.

Международный терроризм по своим масштабам и интенсивности относится к числу самых опасных и трудно прогнозируемых глобальных проблем современности. Террористические акты приводят к массовым человеческим жертвам, оказывают сильное психологическое давление на большие массы людей, приводят к утрате материальных и духовных ценностей, сеют вражду между государствами, народами, социальными группами, провоцируют международные конфликты и войны.

Характерными чертами международного терроризма на современном этапе являются:

1) **Трудности выработки согласованного на международном уровне понятия «международный терроризм».** Это обусловлено рядом объективных факторов, связанных с различным пониманием национальной безопасности многими государствами, расхождением представлений о различных формах терроризма, а также появлением новых видов терактов и оружия [5].

2) **Рост террористической активности в мире.** Террористическая угроза эволюционировала и трансформировалась. В 2001 г. угроза исходила в основном от Аль-Каиды и нескольких других салафитских джихадистских организаций, в 2019 г. транснациональных, региональных, национальных групп и отдельных людей, которые поддерживают идеологию Аль-Каиды и ИГИЛ, стало гораздо больше [1].

3) **Террористическая активность крайне неравномерно распределена по регионам мира.** С большим отрывом от остальных лидируют Ближний Восток и Южная Азия.

4) **Значительный рост смертоносности терроризма.** За последние 10 лет было совершено 6500 актов международного терроризма, жертвами которого стало более 11 тыс. человек, из них 5 тыс. погибли.

6) В мотивационно-идеологическом плане **на первый план по степени активности, смертоносности и уровню транснационализации выходит терроризм религиозно-экстремистского толка.** Среди наиболее активных и смертоносных террористических группировок в начале XXI в. доминировали организации радикально-исламистского толка, действующие на региональном и транснациональном уровнях. Стоит напомнить, что контртеррористическая кампания обошлась США примерно в 2,8 триллиона долларов США, и, тем не менее, число салафитских джихадистов только увеличилось с 11 сентября [1].

7) **ИГИЛ и Аль-Каида как наиболее опасные террористические организации современности.** В 2019 г. глобальная архитектура салафитов-джихадистов существенно отличается по сравнению с сентябрем 2001 г., когда международный терроризм стал восприниматься как серьезная проблема, или с июлем 2014 г., когда под контролем ИГИЛ находилась территория в объеме более 34 000 кв. миль в Сирии и Ираке и тысячи молодых людей желали стать частью «халифата» [4]. И все же, несмотря на отсутствие территории и потерю лидеров, Аль-Каида и ИГИЛ продолжают представлять угрозу для поддержания международного мира и безопасности. Более того, сегодня они представляют более существенную угрозу, поскольку структура этих групп стала раздробленной, что затрудняет контроль над ними [4].

В 2018 г. в мире насчитывалось не менее 66 групп салафитов-джихадистов, столько же, сколько в 2016 г., но при этом в три раза больше, чем в 2001 г. В 2018 г. существовало около 218 000 салафитских джихадистов и их союзников по всему

миру, причем прирост в их количества составил 270%. Эти цифры показывают, что международное сообщество не может положить конец угрозе джихада, поскольку соответствующая идеология продолжает оказывать влияние на людей [4].

Вероятно, Аль-Каида и ИГИЛ будут использовать технологии, нацеленные на то, чтобы нанести ущерб при минимальных затратах. К примеру, ИГИЛ использовало беспилотники в Мосуле, а также в битве за Марави на Филиппинах. Директор ФБР К. Рэй заявил на слушаниях в Комитете по внутренней безопасности Сената, что беспилотники «будут использоваться для организации нападения в США на места большого скопления людей» [4].

8) Современные джихадисты значительно отличаются от первых джихадистов. Первое современное поколение джихадистов воевало в Афганистане, Алжире или Чечне в 1990-х и начале 2000-х гг. Современные джихадисты довольно сильно отличаются от первого поколения. Они имеют боевой опыт, т.к. являются ветеранами Второй иракской войны или гражданской войны в Сирии, они подчеркивают свою неизменную приверженность глобальному джихаду, поскольку ищут новые театры действий. Многие из лидеров хорошо образованы, обладают хорошими знаниями в области инженерии, математики и медицины. Это противоречит мифу, который распространялся после 11 сентября 2010 г., будто бы многие из сторонников салафитских джихадистов являются необразованными и иррациональными субъектами (к 2019 г. стало общепризнанным, что террористы являются рациональными субъектами) [1].

9) Укрепляется связь терроризма с теневой экономикой, происходит переход многих террористических группировок и сетей на самофинансирование. Срачиваясь с организованными преступными группировками, в том числе мирового масштаба и с такими видами противоправных и аморальных деяний как наркоторговля, проституция, коррупция, торговля людьми, рабство, организация экстремистских вооруженных бандформирований, торговля оружием, отмывание доходов, полученных преступным путем, преступления террористической направленности становятся все более изощренными и жестокими, а человечество – все более уязвимым. Появились термины «наркотерроризм» и «наркодиверсия» («наркогеноцид»). Террористические группы взаимодействуют с наркоторговцами не только для извлечения финансовых средств, но и для использования наркотических и одурманивающих веществ при совершении терактов и коррекции поведения жертв и членов группы.

10) Широкое распространение суицидного терроризма – действия террористов-смертников, которые уничтожают себя и людей, находящихся рядом [3]. Однако при этом также **возросло число невзрывных терактов**, например, терактов с использованием энергоинформационного оружия (СВЧ и КВЧ-лучи), наркотических и одурманивающих веществ, а также «легкого» оружия типа ножей.

11) Террористы стремятся завладеть химическим, биологическим и ядерным оружием, заполучить оружие массового поражения, секретные разработки любой ценой.

13) Кибертерроризм. Очевидно, что негосударственные субъекты, действующие в виртуальном мире сегодня, представляют такую же опасную угрозу, как и негосударственные субъекты, действующие в реальном мире. Негосударственных акторов, которые входят в состав таких радикальных организаций, как ИГ и Аль-Каида, также называют кибертеррористами. Эти организации используют киберпространство в таких целях, как привлечение средств, а также для пропаганды, рекрутинга и организации терактов с помощью социальных сетей, финансирование, дистанционная подготовка террористов и коммуникации между террористами для планирования терактов [2]. Уже в октябре 2015 г. насчитывались десятки официальных Telegram-каналов исламистов с совокупной аудиторией более

15 тыс. пользователей. Вопрос об активности террористов-одиночек стал более сложным в связи с тем, что они общаются в самой темной части сети (Даркнет) и используют очень безопасные зашифрованные платформы, такие как 8chan, 4chan, Reddit и Telegram [1]. Также они используют Интернет для атак на объекты критической инфраструктуры государств, чтобы запугать общество по идеологическим, политическим или религиозным причинам для достижения своих целей. Например, 2 января 2016 г. вооруженная группа террористов напала на военно-воздушную станцию Патханкот в Индии. Также террористические организации участвуют в кибертеррористических атаках на веб-сайты и распространяют слухи в Интернете (один из них – объявление Аль-Каиды о своей ответственности за хакерскую атаку на веб-сайты правительственных учреждений США в 2015 г.) [4].

Таким образом, **можно выделить следующие характерные черты международного терроризма на современном этапе:** 1) До сих пор существуют трудности выработки согласованного на международном уровне понятия «международный терроризм», 2) Террористическая активность в мире находится на значительном подъеме, 3) Террористическая активность крайне неравномерно распределена по регионам мира (ее львиная доля сконцентрирована на Ближнем Востоке и в Южной Азии), 4) Значительно растет смертоносность терроризма, 5) В мотивационно-идеологическом плане на первый план по степени активности, смертоносности и уровню транснационализации вышел терроризм религиозно-экстремистского толка, 6) ИГИЛ и Аль-Каида являются наиболее опасными террористическими организациями современности, 7) Современные джихадисты значительно отличаются от первых джихадистов, 8) Укрепляется связь терроризма с теневой экономикой, происходит переход многих террористических группировок и сетей на самофинансирование, 9) Широкое распространение суицидного терроризма при возросшем количестве невзрывных терактов, 10) Террористы стремятся завладеть химическим, биологическим и ядерным оружием, заполучить оружие массового поражения, секретные разработки любой ценой, 11) Рост угрозы кибертерроризма.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Минаев, П., Иванова, С. Некоторые аспекты проблемы международного терроризма/ П. Минаев, С. Иванова// актуальные проблемы мировой и европейской политики: сб. ст. по материалам междунар. науч-практ. конф. / Воронежский филиал Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». – Воронеж, 2017. – С. 223–228.

2. Бородин, Э. Международный терроризм и его место в комплексе глобальных проблем [Электронный ресурс] / Э. Бородин // Учебные материалы – 2011. – Режим доступа: <https://works.doklad.ru/view/5mvSKTkGc34.html>. – Дата доступа: 17.08.2019.

3. Kfir, I. 18 years and counting Australian counterterrorism, threats and responses [Electronic resource] / I. Kfir // The Australian Strategic Policy Institute – 2019. – Mode of access: https://s3-ap-southeast-2.amazonaws.com/ad-aspi/2019-04/18%20Years%20and%20counting.pdf?5J2Se2RxM9CZA6QD5300yij_wP4f.ANm. – Date of access: 21.08.2019.

4. Kfir, I. The post-caliphate Salafi-jihadi environment [Electronic resource] / I. Kfir // The Australian Strategic Policy Institute. – 2019. – Mode of access: https://s3-ap-southeast-2.amazonaws.com/ad-aspi/2019-07/SI%20143%20The%20post-caliphate%20Salafi-Jihadi%20environment_0.pdf?aQbPs2MQgrx69c7oXR6tGAhVU44cXVrT – Date of access: 22.08.2019.

5. Косов, Ю. Международный терроризм как глобальная проблема [Электронный ресурс] / Ю. Косов // Anthropology: web-кафедра философской антропологии. – 2017. – Режим доступа: <http://anthropology.ru/ru/text/kosov-yuv/mezhdunarodnyy-terrorizm-kak-globalnaya-problema/>. – Дата доступа: 15.08.2019.

6. Лебедева И.Н. Терроризм как глобальная проблема современности / И.Н. Лебедева // Вопросы современной юриспруденции: сб. ст. по матер. XIII междунар. науч.-практ. конф. – Новосибирск: СибАК, 2012. – С. 137–142.

7. Аракелян М. международный терроризм как глобальная проблема в современном мире / М. Аракелян // Материалы X Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум»[Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <https://scienceforum.ru/2018/article/2018008748>. – Дата доступа: 17.08.2019.

8. Андреев, Ю. Н. Основы противодействия терроризму и экстремизму : конспект лекций / Ю.Н. Андреев, О.Н. Викторов. – Чебоксары: Изд. Чуваш. ун-та, 2013. – 99 с.

СЕКЦИЯ 2 РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ И ПРОГРЕССИВНОЕ РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

ВНЕСЕНИЕ ПОПРАВОК В МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДОГОВОРЫ В РАМКАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Я.В. Будник

*Суд Евразийского экономического союза,
ул. Кирова, 5, 220000, г. Минск, Беларусь, yabudnik@tut.by*

В настоящей статье исследуются различные аспекты правового регулирования и практики внесения поправок в международные договоры, заключаемые в рамках Евразийского экономического союза. Выявлены проблемные вопросы, которые требуют научно-практического разрешения, высказываются предложения по совершенствованию соответствующего правового регулирования, а также договорной практики. Анализ научной литературы свидетельствует о том, что в русскоязычной доктрине лишь отдельные базовые аспекты рассматриваемого института были исследованы. Вместе с тем полные и всесторонние исследования института поправок к международным договорам в настоящее время отсутствуют, что свидетельствует об актуальности и необходимости изучения проблематики внесения поправок в международные договоры с позиций науки и практики.

Ключевые слова: право Евразийского экономического союза; международный договор; поправки к международным договорам; изменение международного договора; практика внесения поправок; соотношение договора и поправок.

AMENDMENTS TO INTERNATIONAL TREATIES WITHIN THE FRAMEWORK OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

Ya.V. Budnik

*Court of the Eurasian Economic Union,
ul. Kirova, 5, 220000, Minsk, Belarus*

Various aspects of the legal regulation and the practice of amending international treaties concluded in the framework of the Eurasian Economic Union are examined in the present article. Problematic issues that require scientific and practical resolution are identified, suggestions are made to improve the relevant legal regulation, as well as treaty practice. An analysis of the scientific literature indicates that only certain basic aspects of the institute under consideration were studied in the Russian-language doctrine. At the same time, full and comprehensive studies of the institution of amendments to international treaties are currently lacking, which indicates the relevance and need to study the problems of amending international treaties from the standpoint of science and practice.

Key words: law of the Eurasian Economic Union; international treaty; amendments to international treaties; modification of international treaty; practice of amendments; correlation of treaty and amendments.

В современных условиях динамичных изменений международных отношений важно обеспечить своевременное прогрессивное развитие международного правопорядка. Принимая во внимание тот факт, что договор является основным источником международного права, следует признать, что эффективность правового регулирования международных отношений сегодня во многом зависит от надлежащего установления и применения правовых механизмов своевременной корректировки договоров. Наличие и практическое использование правовых инструментов адаптации международного договора к происходящим изменениям необходимо для того, чтобы договор на каждом из этапов своего действия в полной мере ре-

шал задачи, которые ставились при его заключении. Эффективный правовой механизм внесения поправок призван способствовать развитию правового режима соответствующего договора.

При этом следует признать, что процесс внесения поправок, в том числе в рамках Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС, Союз), зачастую порождает проблемы юридического и процедурного характера, которые требуют своего научно-практического разрешения.

Термин «поправки к международным договорам» не получил широкого распространения в международных договорах, заключаемых в рамках международной организации региональной экономической интеграции.

Единичным примером использования данного понятия в праве ЕАЭС является статья 26 Соглашения между Республикой Беларусь и Евразийским экономическим союзом об условиях пребывания Суда Евразийского экономического союза на территории Республики Беларусь от 29 апреля 2016 года («По взаимному согласию Сторон в настоящее Соглашение могут быть внесены поправки (изменения и (или) дополнения), являющиеся неотъемлемой частью настоящего Соглашения, которые оформляются отдельными протоколами, вступающими в силу в порядке, установленном статьей 28 настоящего Соглашения») [1]. Из содержания приведенной статьи видно, что участники Соглашения посчитали недостаточным указание термина «поправки» и раскрыли его через более распространенную формулировку «изменения и (или) дополнения».

С учетом изложенного можно констатировать отсутствие устоявшейся практики использования термина «поправки» в международных договорах, заключаемых в рамках ЕАЭС. По нашему мнению, главная причина состоит в сильной традиции использования в договорах альтернативного понятия: «изменения и дополнения».

Вместе с тем, полагаем, что юридическая техника, а также общепринятое понятие поправок в правовых актах ООН и национальном законодательстве государств – членов Союза о международных договорах, требуют более широкого использования в договорной практике термина «поправки к международным договорам».

Статья 115 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор от 29 мая 2014 года) относительно внесения поправок устанавливает три правила:

- в Договор могут быть внесены изменения и дополнения;
- они оформляются отдельными протоколами;
- поправки являются неотъемлемой частью Договора [2].

Такие же правила с некоторыми уточнениями применяются и в иных международных договорах, заключаемых в рамках ЕАЭС (Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 года [3], Соглашение о единых принципах и правилах обращения лекарственных средств в рамках Евразийского экономического союза от 23 декабря 2014 года [4], Соглашение о единых принципах и правилах обращения медицинских изделий (изделий медицинского назначения и медицинской техники) в рамках Евразийского экономического союза от 23 декабря 2014 года [5]).

Выявлены также примеры использования в международных договорах в рамках ЕАЭС формулировок договоров о внесении в них поправок еще более кратких по содержанию. Например, Протокол о некоторых вопросах ввоза и обращения товаров на таможенной территории Евразийского экономического союза от 16 октября 2015 года [6], Договор о координации действий по защите прав на объекты интеллектуальной собственности от 8 сентября 2015 года [7].

В целом, по нашему мнению, это указывает на формальное отношение к изложению в международных договорах положений о внесении в них поправок и свиде-

тельствует об отказе устанавливать процедуру внесения поправок, которая учитывала бы специфику объекта и целей конкретного договора. Полагаем, что такой подход не соответствует интересам государств-членов, поскольку не позволяет в полной мере использовать институт поправок во благо участников Союза.

За период времени, прошедший с момента подписания Договора от 29 мая 2014 года, в данный международный договор неоднократно вносились поправки. Впервые поправки вносились в связи с присоединением к ЕАЭС Республики Армения. Соответствующие поправки были внесены посредством заключения Договора о присоединении Республики Армения к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, подписанного 10 октября 2014 года (далее – Договор от 10 октября 2014 года) [8].

Этот договор имеет комплексную структуру. Он предусматривает членство Республики Армения в ЕАЭС и определяет перечень международных договоров, к которым присоединяется данное государство. В такие договоры вносятся необходимые поправки. Более того, договором о присоединении изменяется порядок применения отдельных договорных положений, которое не является внесением поправок *stricto sensu*.

В целом, относительно Договора от 10 октября 2014 года полагаем возможным высказать мнение, что излишне высокая комплексность правового регулирования ведет к некоторому смещению в нем различных институтов международного права, что затрудняет, например, разграничение вопросов внесения поправок и модификации действия договоров, а также внесения поправок в различные по статусу международные договоры.

Протокол о внесении изменений в Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и международные договоры, заключенные в рамках формирования договорно-правовой базы Таможенного союза и Единого экономического пространства, в связи с присоединением Республики Армения (приложение № 2 к Договору о присоединении Республики Армения к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года) составляют два раздела:

I. Изменения, вносимые в Договор от 29 мая 2014 года;

II. Изменения, вносимые в международные договоры, заключенные в рамках формирования договорно-правовой базы Таможенного союза и Единого экономического пространства.

Такая структура Протокола подчеркивает особый статус Договора от 29 мая 2014 года, который в соответствии с пунктом 3 статьи 6 имеет приоритет в случае возникновения противоречий между ним и международными договорами в рамках Союза. Вместе с тем, она порождает вопрос о статусе положений самого Протокола и Договора от 10 октября 2014 года в системе права ЕАЭС: каким образом соотносятся положения Протокола и Договора от 10 октября 2014 года с положениями Договора от 29 мая 2014 года, какие положения имеют приоритет?

Можно предположить, что поскольку, как было показано выше, статья 115 Договора от 29 мая 2014 года предусматривает, что поправки в Договор являются его частью (аналогичные положения содержатся в международных договорах в рамках Союза), то статусом Договора от 29 мая 2014 года наделяются те поправки, содержащиеся в Протоколе о внесении изменений в Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и международные договоры, заключенные в рамках формирования договорно-правовой базы Таможенного союза и Единого экономического пространства, в связи с присоединением Республики Армения, которые относятся к Договору, а поправки, которые относятся к договорам в рамках Союза, обладают статусом соответствующих договоров.

Как было показано выше, чрезмерно сложное сочетание различных правовых режимов в рамках одного международного договора (договора о присоединении) не

соответствует целям эффективного правового регулирования в рамках ЕАЭС. В этой связи в соответствии со статьей 115 Договора от 29 мая 2014 года и с учетом наличия, как правила, в каждом международном договоре собственного механизма внесения поправок, представляется целесообразным оформление внесения поправок отдельным протоколом в соответствии с установленной для этого процедурой.

Принимая во внимание опыт внесения поправок при присоединении Республики Армения, статья 1 Договора о присоединении Кыргызской Республики к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года от 23 декабря 2014 года [9] устанавливает, что в Договор от 29 мая 2014 года и в отдельные международные договоры, указанные в приложении к Договору от 23 декабря 2014 года, поправки вносятся в соответствии с отдельным протоколом.

Поправки были внесены согласно приложению к Протоколу о внесении изменений в Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и отдельные международные договоры, входящие в право ЕАЭС, в связи с присоединением Кыргызской Республики к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, подписанному 8 мая 2015 года [10]. В то же время пункт 1 статьи 8 самого Договора о присоединении Кыргызской Республики к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года также предусматривает внесение поправок в Протокол о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин (иных пошлин, налогов и сборов, имеющих эквивалентное действие), их перечисления в доход бюджетов государств-членов (приложение № 5 к Договору от 29 мая 2014 года), что показывает наличие внутренней не согласованности договорных положений.

В соответствии с абзацем вторым статьи 1 Договора о присоединении Кыргызской Республики к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, статьей 2 Протокола о внесении изменений в Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и отдельные международные договоры, входящие в право Евразийского экономического союза, в связи с присоединением Кыргызской Республики к Договору от 29 мая 2014 года данный Протокол является неотъемлемой частью Договора о присоединении Кыргызской Республики к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, подписанного 23 декабря 2014 года.

В этой связи необходимо отметить, что признание протокола о поправках неотъемлемой частью договора о присоединении не согласуется со статьей 115 Договора от 29 мая 2014 года и современными международными правовыми подходами, поскольку протокол о внесении поправок – это отдельный договор, а один международный договор не может являться частью другого.

15 марта 2018 года был подписан Протокол о внесении изменения в Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года [11], которым пункт 2 статьи 10 Договора дополняется словами «либо главы правительств государств-членов, если в соответствии с законодательством своего государства они наделены полномочиями принимать решения по вопросам, входящим в компетенцию Высшего совета». Данная поправка отражает переход Республики Армения к парламентской форме правления, сокращение полномочий Президента Армении и расширение функций Премьер-министра по итогам конституционной реформы 2015 года.

29 мая 2019 года были подписаны еще три протокола о внесении поправок в Договор от 29 мая 2014 года, касающиеся сотрудничества в сфере энергетики.

По результатам рассмотрения вопросов внесения поправок в международные договоры, заключаемые в рамках ЕАЭС, представляется возможным сделать следующие выводы и предложения:

1. На стадии разработки международных договоров формулированию

положений о внесении поправок уделяется недостаточное внимание. Важно учитывать, что положения о внесении поправок подчиняются индивидуальной природе конкретного международного договора.

При составлении международных договоров рекомендуется отказываться от использования выражения «изменения и дополнения» в пользу термина «поправки». Реализация данного предложения позволит обеспечить соответствие терминологии договоров, заключаемых в рамках ЕАЭС, высоким международным требованиям договорного права.

Предлагается также придерживаться практики оформления протоколов о поправках в виде отдельных международных договоров. В качестве неотъемлемой части договора, в который вносятся поправки, следует рассматривать сами поправки, а не соответствующие протоколы.

2. Полагаем необходимым проведение мониторинга региональной практики заключения международных договоров для выявления проблемных вопросов и подготовки соответствующих предложений по аналогии с резюме практики Генерального секретаря ООН как депозитария многосторонних договоров. В целом, в рамках ЕАЭС целесообразно принятие методических документов по вопросам заключения международных договоров.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Соглашение между Республикой Беларусь и Евразийским экономическим союзом об условиях пребывания Суда Евразийского экономического союза на территории Республики Беларусь [Электронный ресурс]: [заключено 29 апреля 2016 г.] // Нац. правовой интернет – портал Респ. Беларусь. URL: <http://pravo.by/document/?guid=12551&p0=F01600092&p1=1> (дата обращения: 01.10.2019).

2. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс]: [заключен 29 мая 2016 г.] // Нац. правовой интернет – портал Респ. Беларусь. URL: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=F01400176> (дата обращения: 01.10.2019).

3. Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза [Электронный ресурс]: [заключен 11 апреля 2017 г.] // Нац. правовой интернет – портал Респ. Беларусь. URL: <http://pravo.by/document/?guid=12551&p0=F01700314&p1=1> (дата обращения: 01.10.2019).

4. Соглашение о единых принципах и правилах обращения лекарственных средств в рамках Евразийского экономического союза [Электронный ресурс]: [заключено 23 декабря 2014 г.] // Нац. правовой интернет – портал Респ. Беларусь. URL: <http://pravo.by/document/?guid=12551&p0=F01400350&p1=1> (дата обращения: 01.10.2019).

5. Соглашение о единых принципах и правилах обращения медицинских изделий (изделий медицинского назначения и медицинской техники) в рамках Евразийского экономического союза [Электронный ресурс]: [заключено 23 декабря 2014 г.] // Нац. правовой интернет – портал Респ. Беларусь. URL: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=F01400349> (дата обращения: 01.10.2019).

6. Протокол о некоторых вопросах ввоза и обращения товаров на таможенной территории Евразийского экономического союза [Электронный ресурс]: [заключен 16 октября 2015 г.] // Нац. правовой интернет – портал Респ. Беларусь. URL: <http://www.pravo.by/document/?guid=12551&p0=F71500373&p1=1> (дата обращения: 01.10.2019).

7. Договор о координации действий по защите прав на объекты интеллектуальной собственности [Электронный ресурс]: [заключен 8 сентября 2015 г.] // Нац. правовой интернет – портал Респ. Беларусь. URL: <http://pravo.by/document/?guid=12551&p0=F01500386&p1=1> (дата обращения: 01.10.2019).

8. Договор о присоединении Республики Армения к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года [Электронный ресурс]: [заключен 10 октября 2014 г.] // Нац. правовой интернет – портал Респ. Беларусь. URL: <http://pravo.by/document/?guid=12551&p0=F01400296&p1=1> (дата обращения: 01.10.2019).

9. Договор о присоединении Кыргызской Республики к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года [Электронный ресурс]: [заключен 23 декабря 2014 г.] // Нац. правовой интернет – портал Респ. Беларусь. URL: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=F01400351> (дата обращения: 01.10.2019).

10. Протокол о внесении изменений в Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и отдельные международные договоры, входящие в право ЕАЭС, в связи с присоединением Кыргызской Республики к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года [Электронный ресурс]: [заключен 8 мая 2015 г.] // Нац. правовой интернет – портал Респ. Беларусь. URL: http://pravo.by/upload/docs/op/F71500174_1438635600.pdf (дата обращения: 01.10.2019).

11. Протокол о внесении изменения в Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года [Электронный ресурс]: [заключен 15 марта 2018 г.] // Нац. правовой интернет – портал Респ. Беларусь. URL: <http://pravo.by/document/?guid=12551&p0=F71800349&p1=1> (дата обращения: 01.10.2019).

К ВОПРОСУ О ВРЕМЕННОМ ПРИМЕНЕНИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ

А. И. Зыбайло

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, alla_zybailo@rambler.ru*

Использование института временного применения международных договоров порождает вопросы, связанные с их действием во внутригосударственных правовых системах. Цель статьи: на основе исследования Венской конвенции о праве международных договоров, материалов Комиссии международного права ООН и законодательной практики государств выявить, как разрешаются данные проблемы, а также определить возможные пути их решения в Республике Беларусь. Сделаны выводы о том, что реализация временно применяемого договора, который согласно требованиям конституции нуждается в ратификации (одобрении) парламентом, либо невозможна, либо требует санкции парламента; при разработке дополнений в Закон «О международных договорах Республики Беларусь» не было уделено внимание выбору надлежащего нормативного правового акта, и не был соблюден принцип системности законодательства. Для обеспечения сбалансированности властных полномочий и во избежание нарушения принципа разделения властей в случаях, когда временно применяемый договор устанавливает иные правила, чем те, которые содержатся в законах, и (или) не урегулированные законами Республики Беларусь, необходимо согласие законодательного органа на принятие таких договорных обязательств.

Ключевые слова: временное применение договоров; внутригосударственная правовая система; распределение компетенции органов; принцип разделения властей; принцип системности законодательства, прекращение временного применения.

TOWARDS THE ISSUE OF THE PROVISIONAL APPLICATION OF INTERNATIONAL TREATIES

A.I. Zybailo

Belarusian State University, Niezaliežnasci Av., 4, 220030, Minsk, Belarus,

In connection with the use of the institution of the provisional application of international treaties, some questions arise related to their effect in domestic legal systems. The purpose of the study: based on research of the Vienna Convention on the Law of Treaties, materials of the UN International Law Commission and the legislative practice of states, to identify how these problems are resolved, and also to identify possible solutions to them in the Republic of Belarus. It was concluded that the implementation of a provisionally applied treaty, which, according to the requirements of the state's constitution, needs to be ratified or approved by parliament, is impossible, or requires parliamentary sanction; when amendments to the Law «On international treaties of the Republic of Belarus» were developing, no attention was paid to the selection of an appropriate normative legal act and the principle of systematic legislation was not observed. To ensure a balance of power and to avoid violation of the principle of separation of powers in cases when a provisionally applied treaty or part thereof establishes other rules than those contained in the laws and (or) not regulated

by laws of the Republic of Belarus, consent of legislative bodies is required to accept such treaty obligations.

Key words: provisional application of treaties; domestic legal system; distribution of authorities; principle of separation of powers; principle of systematic legislation; termination of the provisional application.

Институт временного применения международных договоров получил распространение в договорной практике субъектов международного права, включая Республику Беларусь. В новой редакции 2018 г. Закона «О международных договорах Республики Беларусь» этому институту было уделено большее внимание, что выразилось не только в увеличении количества статей, но и их содержательной наполненности.

Временное применение может быть предусмотрено самим договором, напр., согласно ч. 1 ст. 6 Договора о прекращении деятельности Евразийского экономического сообщества 2014 г. он начинает временно применяться по истечении десяти календарных дней с даты его подписания, либо участвующие в переговорах государства могут договориться об этом каким-либо иным образом (ст. 25 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.) [1]. В последнем случае такое соглашение может быть достигнуто посредством отдельного договора (протокола) или других средств и договоренностей, включая резолюцию, принятую международной организацией или на межправительственной конференции либо одностороннего заявления, которое признается остальными государствами или международными организациями [2]. Причем такая договоренность может быть достигнута и не одновременно с подписанием договора, а позднее.

Согласно Закону «О международных договорах Республики Беларусь» решение о временном применении международного договора или его части ... принимается, как правило, одновременно с решением о его подписании или заключении путем обмена нотами, письмами или иными документами, образующими международный договор, в установленном настоящим Законом порядке либо в виде отдельного решения (ст. 35) [3].

Временное применение международного договора прекращается, если сторона уведомит другие государства, между которыми временно применяется договор, о своем намерении не стать его участником, если в договоре не содержится иного положения или государства не договорились об ином. Этому положению ч. 2 ст. 25 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. соответствует норма ч. 4 ст. 35 Закона о международных договорах, согласно которой временное применение Республикой Беларусь международного договора или части международного договора прекращается после получения другими государствами или международными организациями, временно применяющими международный договор, уведомления Республики Беларусь о намерении не становиться участником временно применяемого Республикой Беларусь международного договора, если в договоре не установлено иное.

Комиссия международного права ООН с 2012 года занимается разработкой проекта статей по этому вопросу. В 2018 году ею принят (в первом чтении) текст проекта Руководства по временному применению международных договоров (далее – проект Руководства), который направлен государствам и международным организациями для получения комментариев и замечаний. Проект Руководства объясняет действующие нормы международного права в свете современной практики [2].

Комиссия международного права подтвердила, что временное применение договора или его части порождает такие же юридические последствия, как если бы договор находился в силе между соответствующими государствами или междуна-

родными организациями, если только договор не предусматривает иное или не достигнуто соглашение об ином, а нарушение обязательства, возникающего из временного применения договора, влечет за собой международно-правовую ответственность.

Вместе с тем в комментариях к проекту Руководства Комиссия международно-го права указала, что временное применение представляет собой механизм, с помощью которого государства и международные организации могут немедленно вводить в действие все или некоторые положения договора до завершения всех внутренних и международных процедур для его вступления в силу. Этот механизм добровольный, государства и международные организации могут использовать или не использовать его по своему усмотрению, *он может быть сопряжен с ограничениями, вытекающими из внутреннего права государств* и правил международных организаций [2].

В связи с временным применением международных договоров во внутреннем праве актуализировались вопросы, непосредственно связанные с их действием во внутригосударственных правовых системах, в частности, влечет ли такое применение приостановление действия нормы закона или иного нормативного правового акта, противоречащего временно применяемому договору либо его части; какие государственные органы полномочны выражать согласие на такое применение при принятии отдельного решения и пр.

В договорной практике государств получило распространение правило, согласно которому согласие применять договор временно означает применять в той мере, в какой это приемлемо конституционными системами государств. Так, в случаях, когда для реализации временно применяемого международного договора требуется *изменение* национальных нормативных правовых актов, временное применение такого договора либо невозможно (Нидерланды, Казахстан), либо решение о его временном применении может быть принято органами исполнительной власти только после одобрения их парламентом (разрешения парламента) (Франция), либо такому решению должны предшествовать меры законодательного характера.

Некоторые государства (Гватемала, Колумбия, Коста-Рика, Перу) в этой связи сделали оговорки к ст. 25 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., указав, что они не признают временного применения международных договоров, поскольку оно противоречит их конституциям, запрещающим органам исполнительной власти принимать международные договорные обязательства без согласия законодательных органов [4, с. 114-115].

В США временно применяемый договор имеет такой же правовой статус, как и другие соглашения, заключенные Президентом в пределах своих полномочий. Президент не может посредством временно применяемого соглашения изменить содержание законов [4, с. 116-117]. В Казахстане международные договоры или их отдельные положения применяются временно только «в части, не противоречащей действующему праву Республики Казахстан, до их вступления в силу» (ч. 1 ст. 18 Закона «О международных договорах Республики Казахстан» 2005 г.) [5]. В отношении согласия на временное применение тех международных договоров, решение о согласии на обязательность которых для Российской Федерации определяется в виде ратификации в форме федерального закона, Федеральным законом «О международных договорах Российской Федерации» 1995 г. (ч. 2 ст. 23) установлен особый порядок, предполагающий четкое распределение компетенции между органами законодательной и исполнительной власти в соответствии с конституционным принципом разделения властей. Они должны быть представлены в Государственную Думу (в срок не более 6 месяцев с даты начала временного при-

менения) на ратификацию или для продления (путем принятия закона) срока временного применения [6].

То есть реализация временно применяемого договора, который согласно требованиям конституции государства нуждается в ратификации либо одобрении парламентом, либо практически невозможна, либо требует санкции парламента.

В новой редакции Закона «О международных договорах Республики Беларусь» принятие решений о временном применении межгосударственных или межправительственных договоров, устанавливающих *иные правила*, чем те, которые содержатся в законах Республики Беларусь, декретах и указах Президента, и (или) предметом которых являются вопросы, относящиеся только к сфере законодательного регулирования, но не урегулированные законами Республики Беларусь, декретами и указами Президента, или межправительственных договоров, направленных на привлечение в Республику Беларусь ресурсов международных организаций, отнесено к компетенции Президента Республики Беларусь. Такие решения принимаются в форме указа Президента. Решения о временном применении иных межправительственных договоров принимаются Советом Министров Республики Беларусь в форме постановления (ст. 35).

Президент Республики Беларусь не входит в какую-либо из ветвей власти, в отличие, скажем, от Президента США, который возглавляет исполнительную власть. Однако согласно ч. 2 ст. 15 Закона «О нормативных правовых актах» 2018 г. декреты Президента издаются на основе делегированных ему Парламентом *законодательных* полномочий, а указы Президента – нормативные правовые акты Главы государства - издаются им для реализации *своих* полномочий (ч. 3 ст. 15) [7], к числу которых не относится изменение (отмена) законов, принимаемых законодательным органом. Возможные правовые последствия в виде изменений законов либо их полной или частичной отмены в случае противоречия с правилами временно применяемого договора вытекают из общепризнанного принципа международного права *pacta sunt servanda*, приоритет которого закреплен в Конституции Республики Беларусь (ст. 8) [8], поскольку Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г. распространяется *mutatis mutandis* на временно применяемые договоры [2].

Для обеспечения сбалансированности властных полномочий и во избежание нарушения конституционного принципа разделения властей (ст. 6 Конституции Республики Беларусь) в демократическом правовом государстве, которым позиционирует себя Республика Беларусь (ст. 1 Конституции Республики Беларусь), необходима четко выстроенная система взаимодействия органов государственной власти в сфере принятия на себя международных обязательств, та самая система сдержек и противовесов, которая предусмотрена принципами правового государства, и отражена в ст. 6 Конституции Республики Беларусь.

Поэтому в случаях, когда временно применяемый договор либо его часть устанавливает *иные правила*, чем те, которые содержатся в законах Республики Беларусь, и (или) предметом которых являются вопросы, относящиеся только к сфере законодательного регулирования, но не урегулированные законами Республики Беларусь, необходимо согласие законодательного органа (в той или иной форме) на принятие таких договорных обязательств. Закон «О нормативных правовых актах» предусматривает, что указы Президента Республики Беларусь в случаях, предусмотренных Конституцией Республики Беларусь, могут вноситься на рассмотрение Совета Республики Национального собрания (ч. 3 ст. 15). Но эти «случаи», согласно п. 8) ст. 98 Конституции Республики Беларусь, ограничены рассмотрением указов Президента о введении чрезвычайного положения, военного положения, полной или частичной мобилизации.

На наш взгляд, при разработке соответствующих дополнений в Закон «О международных договорах Республики Беларусь» не было уделено внимание выбору надлежащего нормативного правового акта (указ вместо декрета), не был соблюден принцип системности законодательства, а также принцип верховенства Конституции Республики Беларусь (ч. 2 ст. 7).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Венская конвенция о праве международных договоров [Электронный ресурс]: [принята 23 мая 1969 г.] // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 12.10.2019).

2. Текст проекта руководства по временному применению международных договоров, принятый Комиссией международного права в первом чтении [Электронный ресурс]: доклад Комиссии международного права о работе ее 70-й сессии, 2018 г. // Организация Объединенных Наций. URL: <http://legal.un.org/ilc/reports/2018/russian/chp7.pdf>. (дата обращения: 12.10.2019)

3. О международных договорах Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 23 июня 2008 г. № 421-З в ред. Закона от 11.05.2018 г. № 106-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10800421> (дата обращения: 14.10.2019).

4. Осминин Б.И. Временное применение международных договоров: практика государств // Журнал российского права. 2013. № 12. С. 110-121.

5. О международных договорах Республики Казахстан [Электронный ресурс]: Закон Респ. Казахстан от 30 мая 2005 г. № 54-III (с изм. доп. по сост. на 14.10.2019 г.) // Kodeksy-kz.com. URL: https://kodeksy-kz.com/ka/o_mezhdunarodnyh_dogovorah/18.htm (дата обращения 14.10.2019).

6. О международных договорах Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 15 июля 1996 г. № 101-ФЗ в ред. Федерального закона от 12.03.2014 г. № 29-ФЗ // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7258/2e39dbb902cdb9d681a651ca58678ad85df9658d/ (дата обращения 14.10.2019).

7. О нормативных правовых актах [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <http://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H11800130&p1=1> (дата обращения: 14.10.2019).

8. Конституция Республики Беларусь 1994 года [Электронный ресурс]: с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <http://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> (дата обращения: 14.10.2019).

ОБ ОСОБОМ МНЕНИИ СУДЕЙ МЕЖДУНАРОДНЫХ СУДОВ

Ю. А. Лепешков

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, lepeshkov@mail.ru*

В статье исследована все еще недостаточно изученная в международно-правовой доктрине проблематика особых мнений судей международных судов, акцентировано внимание на преобладании в научной литературе работ, посвященных рассмотрению данного правового института преимущественно в рамках национального судопроизводства. Дано определение и обозначены особенности такой правовой конструкции как особое мнение судьи. Систематизированы основные достоинства и недостатки обеих моделей (механизмов) принятия судебных актов (с использованием и без использования особых мнений). Проанализирована практика применения рассматриваемого института в Суде Евразийского экономического со-

юза и сформулированы предложения, направленные на повышение эффективности его использования в сфере международного правосудия.

Ключевые слова: международное правосудие; международные суды; решение международного суда; судья международного суда; особое мнение.

ON A SEPARATE OPINION OF JUDGES OF INTERNATIONAL COURTS

Y. A. Lepeshkou

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article examines the problems of separate opinions of judges of international courts, which are still insufficiently studied in the international legal doctrine, focuses on the predominance in the scientific literature of works devoted to the consideration of this legal institution mainly in the framework of national proceedings. The definition and features of such a legal structure as the dissenting opinion of a judge are given. The main advantages and disadvantages of both models (mechanisms) for the adoption of judicial acts (with and without the use of dissenting opinions) are systematized. The appropriate practice of the Court of the Eurasian Economic Union is analyzed and proposals are formulated regarding to increasing the efficiency of its use in the field of international justice.

Keywords: international justice; international courts; decision of an international court; judge of an international court; separate opinion.

Принцип разрешения международных споров мирными средствами, закрепленный в пункте 3 статьи 2 Устава ООН, в качестве одного из возможных (допустимых) способов урегулирования разногласий предусмотрел судебное разбирательство (пункт 1 статьи 33 Устава ООН). При этом одним из ключевых элементов (субъектов) в процессе осуществления международного правосудия, история которого насчитывает несколько столетий, является независимый и беспристрастный судебный орган, формируемый на коллективной основе и принимающий коллегиальные решения.

На сегодняшний день существует несколько десятков международных судебных органов, созданных в различных регионах мира и занимающихся разрешением споров как на универсальном, так и региональном уровнях. Яркими представителями первой группы (универсальные) являются Международный Суд ООН, Международный уголовный суд, Международный трибунал по морскому праву. К судам второй группы (региональные) относятся не менее известные органы международной юстиции, такие как Суд Европейского союза, Суд Евразийского экономического союза, Экономический Суд СНГ, Центральноамериканский суд, Европейский суд по правам человека и многие другие.

Следует, однако, отметить, что отличия между разными международными судами заключаются не только в географии их функционирования. В числе иных признаков (критериев), позволяющих разграничить существующие международные судебные органы, выявить присущую им специфику, можно назвать правовую основу создания и деятельности (договорная/внедоговорная), предметную (общая/специальная) и субъектную (только государства/не только государства) компетенцию (юрисдикцию), характер работы (постоянный/временный). Вместе с тем еще один значимый элемент, в отношении которого по-прежнему налицо принципиальное различие в подходах, – особые мнения судей, а, вернее, возможность либо невозможность их представления при принятии судебного акта.

В научной литературе проблематике особых мнений судей международных судов уделено значительно меньше внимания в сравнении с аналогичным институтом в рамках национального судопроизводства. Тем не менее, количество соответствующих работ, в том числе русскоязычных, постепенно увеличивается, что

свидетельствует о растущем интересе ученых-юристов к этому весьма интересному и неоднозначному правовому феномену. В качестве примера можно привести труды таких авторов, как А. С. Исполинов [1], О. А. Крапивкина [2], А. С. Смбатян [3], П. Ю. Ултургашев [4], Ф. Брюнсма [5-6], Дж. Лаффранк [7-8], Х. Мистри [9] и др.

В самом общем виде особое мнение судьи (*votum separatum* (лат.), *separate opinion, dissenting opinion* (англ.)), как в сфере внутригосударственного, так и международного правосудия, означает позицию входящего в состав коллегиального судебного органа судьи, который не согласен с решением, принятым большинством голосов членов данного органа. При этом в числе отличительных особенностей рассматриваемой правовой конструкции чаще всего называют следующие:

особое мнение может являться результатом как несогласия с решением целиком, так и частично;

представляет собой публичную (открытую) позицию несогласного судьи; оформляется в письменном виде;

как таковое не влечет правовых последствий, однако должно быть приобщено к материалам дела и может быть использовано впоследствии при пересмотре решения вышестоящими судебными инстанциями (при их наличии).

Предоставление особого мнения, как известно, может иметь место и в том случае, когда судья согласен с резолютивной частью (выводами) судебного акта, принятого коллегиальным судебным органом, однако имеет возражения, касающиеся его мотивировки, либо обусловленные допущенными при принятии итогового решения процедурными нарушениями.

Вышеуказанные особенности института особых мнений судей, тем не менее, следует воспринимать лишь в качестве сложившихся на сегодняшний день общих правил, которым в ряде случаев сопутствуют отдельные исключения. Так, судья Экономического Суда СНГ вправе изложить свое особое мнение, не подлежащее к тому же разглашению, только при его несогласии с решением, принятым по результатам рассмотрения дела по существу (пункт 147 Регламента Экономического Суда СНГ). Еще один пример подобного рода исключений – требование анонимности мнений членов третейской группы, а также лиц, участвующих в работе Апелляционного органа, при разрешении споров в Органе по разрешению споров ВТО (пункт 3 статьи 14 и пункт 11 статьи 17 Договоренности о правилах и процедурах, регулирующих разрешение споров).

Вполне очевидна и понятна ситуация с противоположностью в подходах к решению вопроса о возможности либо невозможности особых мнений в национальном судопроизводстве, что можно объяснить, по мнению некоторых ученых, «определенной правовой традицией, влиянием той или иной правовой семьи» [10, с. 30]. Однако когда речь заходит о международном правосудии, этот аргумент, естественно, не работает. И, тем не менее, различия налицо: во многих международных судебных органах рассматриваемая правовая конструкция получила нормативное закрепление и активно применяется, однако немало и таких международных судов, где данный правовой феномен «прописки» до сих пор так и не получил.

Среди наиболее известных органов международной юстиции, учредительными либо процессуальными актами которых прямо предусмотрен институт особого мнения, можно назвать Международный Суд ООН (статья 57 Статута), Международный трибунал по морскому праву (пункт 3 статьи 30 Статута), Международный уголовный суд (пункт 5 статьи 74 Статута), Европейский суд по правам человека (пункт 2 статьи 45 и пункт 2 статьи 49 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод), Межамериканский суд по правам человека (пункт 2 статьи 66 Американской конвенции о правах человека), Африканский суд по пра-

вам человека и народов (пункт 7 статьи 28 Протокола к Африканской хартии прав человека и народов, учреждающего Африканский суд по правам человека и народов), Суд Евразийского экономического союза (статья 79 Регламента), Экономический Суд СНГ (пункт 147 Регламента) и др.

Вместе с тем вряд ли можно считать оправданным утверждение отдельных авторов о существовании «лишь единичных примеров судов, которые идут по пути модели принятия решений без закрепления в своей процедуре возможности особого мнения» [10, с. 30]. На самом деле таких международных судебных органов не так уж и мало. В их числе, например, стоит отметить Суд Европейского союза, Суд Европейской ассоциации свободной торговли, Суд Карибского сообщества, Трибунал Андского сообщества, Суд Экономического сообщества стран Западной Африки [1, с. 221] и др.

Так с чем же связано подобное разделение международного правосудия на два противоположных «лагеря», и каковы основные достоинства и недостатки каждой из названных моделей (механизмов) принятия судебных актов?

Как уже было отмечено выше, влияние основных правовых систем (правовых семей) мира – романо-германской и англосаксонской – на международное судопроизводство и его эволюцию по определению не может быть ключевым фактором. Более того, как справедливо отмечает Е. В. Дриго, в некоторых странах континентальной системы (Германия, Испания, Португалия) институт особого мнения все же присутствует в виде так называемых *sondervotum*, *voto reservado*, *votos pariculares*, что явно диссонирует с традиционным неприятием рассматриваемого явления другими «романо-германскими» государствами (Австрия, Бельгия, Италия, Франция) [11, с. 81], которые всячески препятствуют «полифонии судейских голосов, заставляя судей “петь в унисон”» [12]. По всей видимости, определяющим в этом вопросе стал не какой-то один-единственный фактор, а все-таки их совокупность, охватывающая сразу несколько основных причин: исторических (цель и задачи, стоящие перед международным судом), организационных (в том числе касающихся срока и процедуры избрания судей), политико-правовых и, возможно, даже идеологических.

В числе наиболее часто приводимых «плюсов» закрепления в документах органа международной юстиции и последующего использования на практике института особого мнения судьи можно отметить следующие:

повышение качества аргументации и стилистики выносимого коллегиально решения;

более ответственное отношение судей к принимаемым судебным актам;

исправление судейских ошибок и избежание их в будущем;

рост доверия участников процесса (сторон спора) к суду;

активизация судейского диалога, а также расширение контактов судей с научно-экспертным сообществом;

содействие демократизации международной судебной системы и повышение правосознания общества;

благотворное влияние на развитие международного права.

Основными аргументами против рассматриваемой юридической конструкции чаще всего выступают умаление авторитета (веса, престижа, легитимности) международного судебного органа и, как следствие, принимаемых им решений; снижение доверия к суду; ослабление единства и сплоченности судейского корпуса; утрата судебным решением должной убедительности и статуса «единственно верного»; потенциальная угроза независимости судей, исходящая от сторон спора либо стран, выдвинувших судей на этот пост; перегрузка судов документацией, не имеющей правовых последствий и, соответственно, не являющейся необходимой; угроза коллегиальности и конфиденциальности обсуждения выносимого решения

(тайны совещательной комнаты) как основополагающих принципов судопроизводства и др.

Принимая во внимание приведенные выше аргументы за и против анализируемого правового феномена, трудно не согласиться с точкой зрения А. С. Исполинова, что особые мнения в международном правосудии по-прежнему «являются противоречивым явлением, вызывают неоднозначные оценки и имеют как сторонников, так и не менее убежденных критиков» [1, с. 226]. Очевидно, что дискуссии о достоинствах и недостатках данного института еще долго будут на слуху, а решение вопроса в пользу выбора лишь одной процессуальной модели на безальтернативной основе вряд ли возможно. В связи с этим на современном этапе развития международной судебной процедуры видится оптимальным поступательное движение в двух ключевых направлениях. С одной стороны, органам международного правосудия (а, скорее, государствам их создавшим) продолжающим игнорировать особые мнения, вероятно, стоило бы пересмотреть свою позицию и попытаться повернуться к ним лицом, принимая во внимание тот положительный эффект, который может иметь внедрение рассматриваемого института в их практику. С другой, в тех судебных инстанциях, где он закреплен и, тем более, активно применяется, нередко становится очевидной необходимость более взвешенного и осторожного (мудрого) его использования, без ущерба для авторитета и репутации соответствующего судебного органа.

В этой связи одним из наиболее ярких примеров, активно обсуждаемых юристами-международниками в последние годы, является практика представления особых мнений судьями Суда Евразийского экономического союза [1, с. 227-231; 13-15], который в этом деле явно «преуспел». В частности, за четыре с половиной года своего существования на 29 рассмотренных данным судебным органом дел пришлось 31 особое мнение судей. При этом в первые три года деятельности Суда число особых мнений росло в геометрической прогрессии: 2015 г. – 1, 2016 г. – 3, 2017 г. – 13! И, что интересно, рекорд двухлетней давности вполне может быть побит в этом году: количество особых мнений по состоянию на середину 2019 г. уже составило 7 шт. [16]! Ну, а безусловным лидером в рассматриваемом контексте стало получившее широкий общественный резонанс Решение Большой коллегии Суда по спору между Российской Федерацией и Республикой Беларусь, вынесенное 21 февраля 2017 г. и сопровождавшееся пятью особыми мнениями, представленными, соответственно, каждым вторым судьей, включая обоих белорусских и обоих российских судей [17]!

На наш взгляд, вряд ли подобная статистика может свидетельствовать о позитиве в деятельности Суда Евразийского экономического союза и, тем более, быть аргументом в пользу института особого мнения. Она, скорее, говорит об обратном: без вдумчивого и разумного применения данная правовая конструкция может дать совершенно обратный эффект и в перспективе стать миной замедленного действия. А это, как представляется, явно не в интересах стран-участниц названного межгосударственного объединения!

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Исполинов А. С. Особые мнения в международных судах: доктрина и практика // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 1. С. 218-233.
2. Крапивкина О. А. Особое мнение судьи vs. коллегиальное решение суда или индивидуализм vs. институционализм // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2012. № 2. С. 231-236.
3. Смбалян А. С. Особые мнения судей и ВТО: упущенные возможности // Российский внешнеэкономический вестник. 2012. № 5. С. 78-84.
4. Ултургашев П. Ю. Особые мнения судей в сравнительно-правовом контексте // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 6. С. 75-87.

5. Bruinsma F. The room at the top: separate opinions in the Grand Chambers of the ECHR (1998-2006) // *Ancilla Iuris. Lagen des Rechts. Constellations of Law*, 2008. URL: https://web.archive.org/web/20161127153723/http://anci.ch/_media/beitrag/ancilla2008_32_bruinsma.pdf (дата обращения: 19.10.2019).

6. Bruinsma F., De Blois M. Rules of law from Westport to Wladiwostok. Separate opinions in the European Court of Human Rights // *Netherlands Quarterly of Human Rights*. 1997. Vol. 15/2. P. 175-186.

7. Laffranque J. Dissenting opinion and judicial independence // *Juridica International. Law Review*. University of Tartu. 2003. Vol. VIII. P. 162-172.

8. Laffranque J. Dissenting opinion in the European Court of Justice – Estonia's possible contribution to the democratization of the European Union judicial system // *Juridica International. Law Review*. University of Tartu. 2004. Vol. IX. P. 14-23.

9. Mistry H. The Paradox of Dissent: Judicial Dissent and the Projects of International Criminal Justice // *Journal of International Criminal Justice*. 2015. Vol. 13. P. 449-474.

10. *Международное правосудие в XXI веке* / Е. В. Бабкина [и др.]; под. ред. Т. Н. Михалевой. Минск: Бизнесофсет, 2016. 472 с.

11. *Дриго Е. В.* Институт особого мнения судьи Конституционного Суда Российской Федерации: регулирование и практика применения // *Сравнительное конституционное обозрение*. 2016. № 3. С. 79-93.

12. Качков В. Г. Институт особого мнения судьи в США и Бельгии: аргументы «за» и «против» // *Электронный научно-практический журнал «Гуманитарные научные исследования»*. URL: <http://human.snauka.ru/2016/02/14131> (дата обращения: 20.10.2019).

13. Толстых В. Л. «Небесная» и «земная» жизнь Суда Евразийского экономического союза: обзор Решения Суда от 21.02.2017 по делу о соблюдении Белоруссией Договора о ЕАЭС // *Международное правосудие*. 2017. № 4. С. 23-24.

14. Кожеуров Я. Вопросы права международной ответственности в решении Суда ЕАЭС от 21.02.2017 по делу «Российская Федерация против Республики Беларусь» // *Lex Russica*. 2017. № 12. С. 94-112.

15. Исполинов А. С. Решение Суда ЕАЭС по спору Российская Федерация против Республики Беларусь: правосудие посреди политического конфликта // Портал «Закон.ру». URL: https://zakon.ru/blog/2017/3/17/reshenie_suda_eaes_po_sporu_rossijskaya_federaciya_protiv_respubliki_bielarus_pravosudie_posredi_poli (дата обращения: 20.10.2019).

16. Статистические данные о деятельности Суда Евразийского экономического союза за 2015, 2016, 2017, 2018 годы и по состоянию на «22» июля 2019 г. // Суд Евразийского экономического союза. URL: <http://courteurasian.org/page-25521> (дата обращения: 18.10.2019).

17. Решение Большой коллегии Суда Евразийского экономического союза от 21 февраля 2017 г. по делу по заявлению Российской Федерации по спору о соблюдении Республикой Беларусь Договора о Евразийском экономическом союзе, статьи 125 Таможенного кодекса таможенного союза, статей 11 и 17 Соглашения о взаимной административной помощи таможенных органов государств-членов таможенного союза // Суд Евразийского экономического союза. URL: <http://courteurasian.org/page-24731> (дата обращения: 19.10.2019).

КРИТЕРИЙ «ВЫДАЮЩАЯСЯ УНИВЕРСАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ» ОБЪЕКТОВ ВСЕМИРНОГО НАСЛЕДИЯ И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

И. Э. Мартыненко

*Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
ул. Ожешко, 22, 230000, г. Гродно, Беларусь, martinenko@tut.by*

В статье рассматриваются особенности номинации объектов историко-культурного наследия Республики Беларусь в Список всемирного культурного и природного наследия, формируемый ЮНЕСКО. Анализируются положения Конвенции ЮНЕСКО «Об охране всемирного культурного и природного наследия», нормы Кодекса Республики Беларусь о культуре. Приводятся оригинальные статистические данные и практические примеры. Автор предлагает во внутреннем законодательстве (непосредственно в Кодексе Республики Бела-

русь) закрепить ключевой критерий для признания национальных объектов памятниками всемирного наследия – выдающаяся универсальная ценность, которым оперирует Конвенция ЮНЕСКО «Об охране всемирного культурного и природного наследия». Содержащиеся в статье вводы и рекомендации могут быть учтены в ходе законопроектной и практической деятельности при подготовке досье на новые объекты национального культурного наследия для включений их в Список всемирного культурного и природного наследия.

Ключевые слова: Всемирное культурное наследие; выдающаяся универсальная ценность; Конвенции ЮНЕСКО; историко-культурная ценность; сохранение культурного наследия

CRITERION «OUTSTANDING UNIVERSAL VALUE» OF WORLD HERITAGE SITES AND ITS IMPLEMENTATION IN THE LEGISLATION

I. E. Martynenka

Grodno state University named after Yanka Kupala, Ozheshko str., 22, 230000, Grodno, Belarus,

The article discusses the features of nomination of objects of historical and cultural heritage of the Republic of Belarus in the List of world cultural and natural heritage, formed by UNESCO. The article analyzes the provisions of the UNESCO Convention "on the protection of the world cultural and natural heritage", the norms of the Code of the Republic of Belarus on culture. Original statistics and practical examples are given. The author proposes to fix in the domestic legislation (directly in the Code of the Republic of Belarus) the key criterion for the recognition of national objects as world heritage monuments-outstanding universal value, which operates the UNESCO Convention «On the protection of the world cultural and natural heritage». The inputs and recommendations contained in the article can be taken into account in the course of legislative and practical activities when preparing a dossier on new objects of national cultural heritage for inclusion in the List of world cultural and natural heritage.

Keywords: world cultural heritage; outstanding universal value; UNESCO conventions; UNESCO conventions; historical and cultural value; preservation of cultural heritage.

Культурное и природное наследие является бесценным и невозполнимым достоянием не только каждого народа мира, но и всего человечества в целом. Утрата любой его части вследствие разрушения или исчезновения обедняет наследие всех народов мира. В силу присущих им исключительных достоинств некоторые объекты этого наследия могут быть признаны обладающими «выдающейся универсальной ценностью» и в качестве таковых заслуживают особой защиты от всевозрастающей угрозы их существованию. И вот высшей организационной формой сохранения материального культурного наследия признается получение памятником статуса объекта Всемирного наследия ЮНЕСКО. Объекты всемирного наследия де-факто рассматриваются, как обладающие *глобальным значением*.

Чтобы должным образом обеспечить, насколько это возможно, выявление, охрану, сохранение и популяризацию объектов, составляющих невозполнимое наследие человечества, государства-члены ЮНЕСКО приняли в 1972 г. Конвенцию «Об охране всемирного культурного и природного наследия» (The World Heritage Convention) (далее – Конвенция).

Согласно требованиям, ст. 11 Конвенции каждое государство — сторона настоящей Конвенции представляет по мере возможности Комитету всемирного наследия перечень ценностей культурного и природного наследия, расположенных на его территории, которые могут быть включены в «Список всемирного наследия». По состоянию на 1 октября 2019 г. в Списке всемирного наследия – 1121 объект, из которых 869 являются культурными, 213 – природными и 39 – смешанными в 167 странах – участниках Конвенции ЮНЕСКО об охране всемирного культурного и природного наследия [1].

Данная Конвенция внесла большой вклад в формирование **парадигмы всемирного культурного и природного наследия**. Как следует из анализа содержания, а также учитывая предпосылки ее принятия, *целью конвенции* не является обеспечение охраны всех объектов, представляющих большой интерес или имеющих существенную важность и значение. Конвенция «направлена на охрану тех памятников культуры, истории и природы, которые входят в число наиболее выдающихся в масштабе всего человечества в целом, имеющих выдающуюся универсальную ценность».

Итак, Конвенция вводит в оборот понятие «выдающаяся универсальная ценность», которое является основанием для внесения объекта в Список всемирного наследия; угроза искажения ценности или утраты какой-либо из ее составляющих (характерных признаков, атрибутов) приводит к перемещению объекта в *Список всемирного наследия, находящегося в опасности* или исключению из Списка всемирного наследия.

В научной юридической литературе содержание понятий «объект всемирного наследия» раскрыты в диссертациях В. В. Максимова [2], Е. И. Мельничук [3], исследованиях Л. В. Павловой [5]. Однако границы критерия «выдающаяся универсальная ценность» данные авторы не определяли, так данная проблемы в практическом аспекте (когда увеличилось количество номинаций) возникла уже после названных публикаций. В монографии, подготовленной в соавторстве К. Кэмерон и М. Росслер [4], обозначена тенденция развития концепции всемирного наследия, которую мы учли. Ранее автор данной работы изучал эту проблему в странах СНГ [6], имеющийся законодательный опыт которых помог нам выявить недостатки и преимущества в правовой защите объектов всемирного наследия на национальном уровне.

Особенность заключается в том, что непосредственно в самой Конвенции критерии определения выдающейся универсальной ценности объекта не называются, как и не регламентирован порядок номинации национальных памятников в Список всемирного наследия. Эти вопросы решены на уровне руководящих документов Центра всемирного наследия: обновленная версия «Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention» принята 10 июля 2019 г. В результате для определения «выдающейся универсальной ценности» номинируемого объекта определен единый перечень (п. 77 Operational Guidelines...), который состоит из 10 критериев, обозначенных сквозной нумерацией – от I до X. При этом критерии I–VI применяются для оценки объектов культурного наследия, критерии VII–X – для оценки объектов природного наследия, для оценки объектов смешанного (культурно-природного) наследия могут применяться различные критерии.

Кроме того, согласно требованиям раздела II E, п. 79-95 Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention (2019), объекты, номинированные в соответствии с критериями с (i) по (vi), должны удовлетворять **условиям подлинности**. Методологической основой проведения данного испытания (теста на подлинность и целостность) является принятый экспертным сообществом *Нарский документ о подлинности* [7], который носит рекомендательный характер. В данном документе отмечается, что в зависимости от типа культурного наследия и его культурного контекста объекты могут быть признаны удовлетворяющими условиям подлинности, если их культурная ценность правдиво и достоверно выражена через разнообразие признаков, включая: форму и замысел («form», «design»); материалы и вещества («materials», «substance»); использование и функции («function», «use»); традиции, методы и системы управления («techniques», «traditions»); местоположение и окружение («location», «setting»); духовное и физическое восприятие и др. внутренние и внешние факторы [7]. При этом важен не просто сам памятник и номинальный образ сам по себе, но цель-

ность его репрезентации в единстве предметного содержания, понимания духовного смысла, что является важнейшим условием полноценности его актуализации как части духовной культуры [8, с. 134].

Все объекты, номинированные на включение в Список всемирного наследия, должны удовлетворять **условиям целостности**. Целостность – мера единства и неповрежденности природного и/или культурного наследия и его атрибутов. В этой связи, изучение условий целостности требует оценки степени, в которой объект: включает все элементы, необходимые для выражения выдающейся универсальной ценности; имеет достаточные размеры, необходимые для всестороннего представления особенностей и процессов, отражающих значение объекта; страдает от неблагоприятного воздействия, оказываемого развитием и/или заброшенностью. Эта информация должна быть представлена в *заявлении о целостности*.

Соблюдение этих требований имеет конкретное практическое значение, в том числе, в связи с деятельностью по восстановлению утраченных памятников и реставрации замков, которые могут в будущем претендовать на высокий статус объекта всемирного наследия.

Ниже мы назовем те объекты, которые предполагаются для включения в ближайшие годы в Список всемирного наследия. Но вначале рассмотрим вопрос, касающийся классификации историко-культурных ценностей, и существующую в связи с этим нестыковку законодательства и международных соглашений.

Итак, в соответствии со ст. 96 Кодекса о культуре Республики Беларусь о культуре (далее – Кодекс о культуре) историко-культурные ценности классифицируются на *категории* в соответствии с их отличительными духовными, художественными и (или) документальными достоинствами и в зависимости от их значимости (всемирная, международная, национальная, региональная) подразделяются на четыре соответствующие категории.

К категории «0» относятся историко-культурные ценности, имеющие **мировую значимость** и включенные или предложенные для включения в установленном порядке в Список всемирного культурного и природного наследия или Список всемирного наследия, находящегося под угрозой. По состоянию на 1 сентября 2019 г. в Республике Беларусь **17** объектов имеют категорию «0» – это Геодезическая дуга Струве (территория Брестской и Гродненской областей), Комплекс фортификационных сооружений Брестской крепости, Троицкий костел со звонницей д. Черновцы Брестского района, Каменецкая башня в г. Каменец Брестской области, Костел д. Камаи Поставского района, Софийский собор и Спасо-Преображенская церковь г. Полоцк, дворцово-парковый ансамбль в г. Гомеле, Борисоглебская (Коложская) церковь в г. Гродно, Августовский канал, церкви оборонительного типа д. Сынковичи Зельвенского района и д. Мурованка Щучинского района, замок и замковый комплекс «Мир» в г. п. Мир [9]. Планируется, что эти все объекты последовательно будут включены в Предварительный список, как предусматривается ст. 11 Конвенции, которые могут быть включены в Список всемирного наследия.

В октябре 2019 г. совместно польской и белорусской сторонами начата работа по включению *Августовского канала* в Список всемирного наследия, проработке этого вопроса на межгосударственном уровне [10], на первом этапе реализации которого участвовал и автор данной статьи.

К категории «1» относятся историко-культурные ценности, имеющие **международную значимость**. Например, такую категорию имеют мемориальный комплекс «Хатынь», Спасо-Преображенская церковь в Заславле. Однако в настоящее время нет ни одного международного соглашения, заключённого Республикой Беларусь, в котором бы стороны (участники) признали какой-либо белорусский объект (историко-культурную ценность) как памятник, имеющий *международное*

значение. Видимо, данная категория культурной значимости нуждается в уточнении: почему тот или иной объект (историко-культурная ценность) представляет именно международный (для каких государств, для народов каких стран?) интерес. Что касается категорий культурной значимости «2» и «3», то они присвоены большому количеству памятников, имеющих национальное и местное (региональное) значение.

Новеллой законодательства являются положения ст. 99 Кодекса о культуре (далее – Кодекс о культуре), согласно которым определение историко-культурных ценностей, которые могут быть предложены для включения в *Список всемирного культурного и природного наследия* и *Список всемирного культурного и природного наследия, находящегося в опасности*, осуществляется Советом Министров Республики Беларусь. Длительное время этот вопрос не был регламентирован.

Одним из инструментов сохранения выдающейся универсальной ценности является **план управления**, устанавливаемый для объекта всемирного наследия.

Основными целями плана управления являются: сохранение выдающейся универсальной ценности объекта Всемирного наследия; сохранение преемственности и создание условий для устойчивого развития территории; достижение общественного согласия относительно сохранения, использования и устойчивого развития объекта Всемирного наследия.

На практике разделы плана управления представляют: общую характеристику объекта всемирного наследия и обоснование его выдающейся универсальной ценности; характеристику существующей системы охраны объекта всемирного наследия на основе законодательных, административных и других методов государственной защиты; анализ заинтересованных сторон в отношении использования и устойчивого развития объекта всемирного наследия; систему управления объектом всемирного наследия с введением в нее общественной составляющей и инструментов для достижения общественного согласия; организационную схему управления, мониторинг и ресурсное обеспечение реализации плана управления; общий план мероприятий в рамках реализации плана управления.

План управления ориентирован, в первую очередь, на защиту и поддержание выдающейся универсальной ценности объекта, защиту, консервацию и музеефикацию археологических и архитектурных памятников, дальнейшее научное изучение объекта, а также использование туристско-паломнического и образовательного потенциала этого места. Специально должны быть выделены разделы по предотвращению негативного воздействия рисков и стихийных бедствий [11]. В настоящее время, например, Беларусь и Польша разработают план совместного управления Беловежской пушчей [12], которая является объектом всемирного (природного) наследия.

В заключение, учитывая положения Конвенции, предлагаем дополнить Кодекс Республики Беларусь о культуре:

в ст.1, содержащей основные термины, которые применяются в этом кодексе, определением «выдающаяся универсальная ценность» – ценность объекта всемирного наследия, которая является настолько уникальной, что выходит за пределы национальных границ и представляет всеобщую ценность для нынешних и будущих поколений, сохранение и охрана которой является первоочередной задачей для всего человечества;

новой нормой (ст.99-1) с рабочим названием в инициативном варианте «Основания для включения историко-культурной ценности в Список всемирного культурного и природного наследия и порядок представления соответствующей документации»;

конкретизировать п.2.1 ст. 96, уточнив каким образом историко-культурная ценность может быть признана имеющей международное значение. Со своей сто-

роны, полагаем, что в подобных случаях должна быть выражена и зафиксирована воля соответствующих государств.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Official website of the World Heritage Centre. URL: <https://whc.unesco.org/en/list/> (дата обращения: 03.10.2019).
2. Максимов В. В. Права охорона культурних цінностей у Конвенціях ЮНЕСКО: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. К., 1997. 16 с.
3. Мельничук О. І. Статус Всесвітньої культурної природної спадщини людства в міжнародному праві: автореф. дис. канд. юрид. наук: 12.00.10. К., 2006. 19 с.
4. Кэмерон К., Росслер М. Много голосов, одно видение: развитие Конвенции о всемирном наследии / [перевод с англ.: Д. Р. Сабирова и др.]. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2017. 385 с.
5. Павлова Л. В. Статус всемирного культурного наследия в международном праве // Журн. междунар. права и междунар. отношений. 2007. № 4. С. 3-10.
6. Мартыненко И. Э. Международная и национальные правовые системы охраны историко-культурного наследия государств-участников СНГ: учеб. пособие. М.: Зерцало-М, 2012. 943 с.
7. Нарский документ о подлинности / Официальный сайт ИКОМОС. URL: <http://https://www.icomos.org/charters/nara-e.pdf> (дата обращения: 01.10. 2019).
8. Закунов Ю.А. Ценностно-цивилизационные аспекты включения объектов в список всемирного культурного наследия: российский опыт и перспективы // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 2 (82). С. 126–135.
9. Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь // Официальный сайт Министерства культуры республики Беларусь. URL: <http://www.kultura.by/by/ikn-by/> (дата обращения: 10.10.2019).
10. Архив Гродненского областного исполнительного комитета за 2019 г. Дело № 01-01-50 /4247 от 25.10.2019.
11. Шульгин П. М., Штеле О. Е. Принципы разработки и основные положения плана управления для российского объекта Всемирного наследия «Болгарский историко-археологический комплекс» // Наследие и современность. 2018. Т. 1. № 1 . С. 52–65.
12. Беларусь и Польша разработают план совместного управления Беловежской пушей // «СБ–Беларусь сегодня», 31 октября 2019 г.

К ВОПРОСУ О КВАЛИФИКАЦИИ ПЫТОК В ПРАКТИКЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ СУДЕБНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

В. Л. Фёдорова

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, gomellawyer@gmail.com*

Цель исследования заключается в определении места преступления пытки среди международных преступлений, объектом исследования являются учредительные документы международных и смешанных судов и трибуналов и их судебная практика. В статье анализируется подход данных органов к элементам преступления пытки как военного преступления и преступления против человечности, рассматривается проблема и пути избежания двойного вменения и кумулятивных приговоров при квалификации одного и того же деяния как военного преступления и преступления против человечности.

Ключевые слова: пытки; военные преступления; преступления против человечности; кумулятивный приговор; двойное вменение.

TOWARDS QUALIFICATION OF TORTURE IN THE PRACTICE OF INTERNATIONAL JUDICIAL

V.L. Fedorova

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk Belarus

The purpose of the study is to determine the crime of torture among international crimes, the object of the study is the constituent documents of international and hybrid courts and tribunals and their judicial practice. The article analyzes the approach of these bodies to the elements of the crime of torture as a war crime and crimes against humanity, discusses the problem and ways of avoiding double imputation and cumulative sentences in qualifying the same act as a war crime and crime against humanity.

Key words: torture; war crimes; crimes against humanity; cumulative sentence; double incrimination.

Запрет пыток закреплен в международных договорах по правам человека и является обычной нормой МП. Обязательства государств по реализации свободы от пыток осуществляются в рамках трех уровней: обязательство уважать свободу от пыток, то есть запрещать совершение должностными лицами государства действий, квалифицируемых в качестве пыток; обязательство защищать, то есть принимать меры по предупреждению вмешательства третьих сторон в осуществление свободы от пыток; обязательство выполнять, а именно: создавать эффективную законодательную основу и процессуальные процедуры для защиты всех лиц, находящихся под юрисдикцией государства, от применения пыток.

Уставы международных уголовных трибуналов и Международного уголовного суда признают пытки преступлением, за которое физические лица несут индивидуальную уголовную ответственность.

Пытки впервые были криминализованы на международном уровне как военные преступления или как преступления против человечности. Комиссия по вопросу об ответственности виновников войны и их наказании Парижской мирной конференции в 1919 году заключила, что «пытки гражданского населения» являются одним из нарушений «законов и обычаев войны» [1, с. 60].

Термин «пытка» отсутствует в Уставе Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси (Нюрнбергский трибунал). В ст. 6 к военным преступлениям Трибунал относил истязания гражданского населения оккупированной территории и истязания военнопленных или лиц, находящихся в море, к преступлениям против человечества – убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны [2].

Пытки как военное преступление и серьезное нарушение Женевской конвенции об улучшении участи раненых и больных в армиях 1949 года, Женевской конвенции об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море 1949 года, Женевской конвенции об обращении с военнопленными 1949 года, Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны 1949 года (далее – Женевские конвенции 1949 года) были включены в ст. 8 (2) Статута Международного уголовного суда (далее – МУС) ст. 2 Устава Международного трибунала по бывшей Югославии (далее – МТБЮ), ст. 5 Устава Международного трибунала по Руанде (далее – МУТР), ст. 3 Устава Специального суда по Сьерра-Леоне, ст. 6 Закона об учреждении чрезвычайных палат в судах Камбоджи для преследования за преступления, совершенные в период Демократической Кампучии 2001 г.

Пытки как преступления против человечности включены в ст. 7 Статута МУС, ст. 5 Устава МТБЮ, ст. 3 Устава МУТР, ст. 2 Устава Специального суда по Сьерра-Леоне, ст. 5 Закона об учреждении чрезвычайных палат в судах Камбоджи для преследования за преступления, совершенные в период Демократической Кампучии 2001 г.

Пытки при определенных обстоятельствах могут быть квалифицированы как геноцид. Уставы МТБЮ и МУТР, а также Статут МУС содержат положение о причинении серьезного телесного или психического вреда членам группы как действию, совершенном с целью уничтожить, полностью или частично, национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую. Несмотря на то, что в соответствующих статьях уставов не используется термин «пытка», МУТР в своем решении по делу «Прокурор против Акаесу» 1998 года (п. 504) указывал, что для целей толкования статьи 2 (2) (b) Устава понятие «серьезный телесный или психический вред» используется, не ограничиваясь этим, для обозначения актов пыток, будь то телесных или психических, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения, преследования» [3].

В решении по делу Прокурор против Гакумбтси» 2004 года (п. 291) МУТР указывал, что «под серьезным телесным повреждением понимается любая форма физического вреда или действия, которые причиняют жертве серьезные телесные повреждения, такие как пытки и сексуальное насилие» [4].

В свою очередь МТБЮ в решении по делу «Прокурор против Крстича» 2001 года, ссылаясь на прецедентную практику МУТР, в п. 513 указывал, что серьезный телесный или психический вред является умышленным действием или бездействием, вызывающим серьезные телесные или психические страдания. Придерживаясь прецедентной практики МТБЮ посчитал, что бесчеловечное обращение, пытки, изнасилования, сексуальные надругательства и депортация относятся к числу действий, которые могут привести к серьезным телесным или психическим травмам» [5].

В практике международных судебных органов отсутствует единый подход к элементам, составляющим преступление пытки. Общепризнанными элементами являются лишь причинение сильной боли или страданий и умысел (намерение).

В то время как МУС устанавливает различные элементы для пытки как военного преступления и пытки как преступления против человечности (так, в первом случае для квалификации необходима цель, а во втором – нет), МТБЮ и Чрезвычайные палаты в судах Камбоджи используют одно и то же определение пытки.

Ряд судебных органов (МУТР, Чрезвычайные палаты в судах Камбоджи) для квалификации преступления используют определение ст. 1 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 года, соответственно включают элемент запрещенной цели и специальный субъект преступления - должностное лицо.

Специальный субъект преступления – должностное лицо – является самым спорным элементом и не применяется МУС и МТБЮ. Это свидетельствует об отличии норм международного уголовного права от права прав человека. Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 года, определение пытки из которой применяется МУТР и Чрезвычайными палатами в судах Камбоджи, является частью международного права прав человека и регулирует отношения между государством и отдельными лицами. В свою очередь целью международного уголовного права является наказание отдельных лиц за совершение международных преступлений (в том числе пыток), соответственно, требования о наличии специального субъекта преступления не могут быть определяющими и не могут выступать как кон-

структивные признаки состава преступления пытки, без которых данный состав отсутствует.

Учредительные документы органов судебного преследования Восточного Тимора и Камбоджи вывели «пытки» в качестве отдельного преступления, подпадающего под их юрисдикцию. Так, ст. 1.3 Правил об учреждении особых коллегий по тяжким преступлениям № 2000/15 гласит, что коллегии осуществляют юрисдикцию в отношении следующих тяжких уголовных преступлений: геноцид; военные преступления; преступления против человечности; убийство; сексуальные преступления; пытки [11]. Закон об учреждении чрезвычайных палат в судах Камбоджи для преследования за преступления, совершенные в период Демократической Кампучии 2001 г. уполномочил чрезвычайные палаты привлекать к суду всех подозреваемых, которые совершили пытки как преступление, предусмотренное в ст. 500 Уголовного кодекса 1956 года [6].

Таким образом, пытки включены в юрисдикцию судебных органов как военные преступления, серьезные нарушения Женевских конвенций 1949 года, преступления против человечности, элемент преступления геноцида и даже как отдельное преступление.

Названные международные преступления при определенных фактических обстоятельствах могут частично совпадать, например, военные преступления против гражданского населения, являясь широкомасштабными и систематическими, также могут квалифицироваться и как преступления против человечности. Более того, если такие деяния совершаются с определенной целью уничтожения определенной этнической, национальной или религиозной группы, то такие деяния могут быть квалифицированы как геноцид. В связи с этим вызывает интерес подход международных органов к квалификации актов пыток по различным статьям уставов.

В деле МТБЮ «Прокурор против Налетилича» 2003 года обвиняемый Младлен Налетилич был признан виновным (среди прочих обвинений) в применении пыток по статье 5 (f) Устава (преступления против человечности) и пытках по статье 2 (b) Устава (серьезные нарушения Женевских конвенций 1949 года) по эпизоду содержания под стражей на табачной станции в Широки-Бриеге (п. 406-411). МТБЮ указал, что допускается множественное обвинение за одно и то же поведение, если каждое совершенное преступление содержит существенно отличающиеся элементы, которые требуют доказательства, не требуемого другим преступлением. При выявлении того, содержит ли уставное положение существенный отдельный элемент, должны быть приняты во внимание все элементы преступления, включая требования вводной части статей уставов (*chapeau*). Поскольку ст. 2 и ст. 5 Устава МТБЮ содержат материально отличные элементы в рамках требований вводной части, приговор был вынесен за одно и то же деяние (пытки) по двум статьям Устава – пытки как серьезное нарушение Женевских конвенций 1949 г. и пытки как преступление против человечности [7].

Аналогичный подход стали применять и Чрезвычайные палаты Камбоджи, указав в решении по делу «KAING Guek Eav alias Duch», что в соответствии с прецедентным правом специальных трибуналов кумулятивные обвинительные приговоры были вынесены за аналогичные преступления как за преступления против человечности, так и за серьезные нарушения Женевских конвенций, учитывая различительный характер обеих категорий преступлений [8].

В связи с этим вызывает интерес потенциальная возможность квалификации одного и того же деяния не только как серьезного нарушения Женевских конвенций 1949 года и преступления против человечности, но и пытки как отдельного преступления в практике судебных органов Камбоджи и Восточного Тимора. В настоящее время практике судебных органов отсутствуют такие примеры, равно как и анализ соотношения пытки *per se* и пытки как преступления против чело-

вечности или военного преступления. Вместе с тем в квалификации убийства как преступления против человечности и убийства как отдельного преступления у Суда Восточного Тимора существует однозначная практика. Так, в том случае, когда убийство совершается в рамках широкомасштабного и систематического нападения на гражданское население, оно квалифицируется только как преступление против человечности (например, в деле «Обвинитель против Лино де Карвало» 2004 года [9]). В деле же «Прокурор против Оливьера» 2004 года Суд указывал, что в отсутствии критерия «широкомасштабного или систематического нападения» обвинение в убийстве как преступлении против человечности должно быть переквалифицировано в «обычное» убийство [10].

Практика двойной квалификации установленных по делу фактических обстоятельств дела и последующее вынесение кумулятивных приговоров поднимает вопрос соблюдения принципа *non bis in idem* (никто не должен дважды нести наказание за одно преступление).

Если в национальном уголовном праве существуют правила квалификации преступлений, применяемые при конкуренции норм (например, применение только тех норм, которые предусматривают более полный охват объекта преступления или причинение более тяжкого последствия), то в международном уголовном праве отсутствует градация тяжести преступлений. Положения о вынесении наказания в уставах международных судебных органов только обрисовывают в общих чертах факторы, которые следует учитывать при назначении наказания.

В доктрине предпринимались попытки ранжирования международных преступлений по степени тяжести. Так, профессор Шериф Бассиуни определял геноцид как наиболее серьезное международное преступление, за которым следуют преступления против человечности, а затем военные преступления [11]. Американский ученый Атилла Богдан заключает, что, применив ранжирование преступлений Бассиуни к Уставу МТБЮ и Уставу МУТР, можно сделать вывод, что в случаях, когда один и тот же набор фактов потенциально может привести к нарушению всех трех уставных положений, эти три преступления имеют вертикальную связь. Осуждение за более тяжкое преступление должно исключать отдельное осуждение за менее тяжкое [12].

Тем не менее, попытка выстроить международные преступления по степени тяжести и одновременно избежать двойного вменения нашла отражение только в доктрине и не была воспринята международными судебными органами.

Вместе с тем заслуживает внимание и особое мнение судей МТБЮ, изложенное в так называемом «Деле Челябинчи» 2001 года [13]. Судьи Дэвид Хант и Мохаммед Беннуна отмечали проблемы, характерные для кумулятивных приговоров – наказание и социальная стигматизация, неотъемлемая от осуждения за преступление, влияние на наказание, которое должно быть отбыто в том случае, когда национальные законы предусматривают досрочное освобождение, риск увеличения наказания или применение норм о рецидиве в случае последующего осуждения в другой юрисдикции.

Соглашаясь с позицией большинства судей о допустимости осуждения за более чем одно преступление в отношении одного и того же деяния, судьи критиковали применимый им подход к оценке как элементов преступления, которые касаются объективной и субъективной сторон, так и вводной части статьи (*chapeaux*), поскольку такая позиция приводит к тому, что такие преступления, как пытки, изнасилования, убийство, будут обязательно и в каждом случае рассматриваться как преступление с «отдельным элементом» (который относится к *chapeaux*), хотя в действительности являться одним и тем же преступлением. Поэтому судьи Хант и Беннуна предлагают анализировать только те элементы, которые относятся к поведению и психическому состоянию обвиняемого, а при ква-

лификации выбор должен включать рассмотрение совокупности обстоятельств конкретного дела и доказательств, представленных в связи с вменяемыми преступлениями для того, чтобы наиболее точно описать преступление, совершенное обвиняемым, и прийти к самому близкому соответствию между поведением обвиняемого и положением, которое нарушено.

Стоит отметить, что Статут МУС не затрагивает проблему конкуренции норм, равно как и не ранжирует международные преступления. И Статут МУС, и Элементы преступлений указывают на потенциальное совпадение между элементами геноцида, преступлений против человечности и военных преступлений. Вместе с тем видится, что в отношении пытки как военного преступления и пытки как преступления против человечности установленные различные элементы (обязательное наличие цели причинения боли или страдания: получение информации или признания, наказание, запугивание, принуждение или по любой причине, основанной на дискриминации любого рода – для пыток как военных преступлений и отсутствие необходимости доказывать конкретную цель – для пыток как преступлений против человечности; жертва-защищаемое лицо – для пыток как военных преступлений и нахождение жертвы под стражей или под контролем преступника - для пыток как преступлений против человечности; действие в контексте вооруженного конфликта – для пыток как военного преступления и действие в рамках широкомасштабного или систематического нападения на гражданское население для пыток как преступления против человечности) позволят избежать двойного вменения, поскольку позволяют судьям установить, какое из преступлений более конкретно описывает деяние обвиняемого.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Naqvi, Y. Impediments to exercising jurisdiction over international crimes / Y. Naqvi. – T.M.C. Asser Press, 2010. – 400 p.
2. Устав Международного Военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси // Библиотека по правам человека. Университет Миннесоты, 1995 – 2003. URL: <http://hrlibrary.umn.edu/instreet/Rimt1945.html> (дата обращения: 10.10.2019).
3. The Prosecutor v. Jean-Paul Akayesu (Trial Judgement), ICTR-96-4-T, International Criminal Tribunal for Rwanda (ICTR), 2 September 1998 // UNHCR, 2019. URL: <https://www.refworld.org/cases,ICTR,40278fbb4.htm> (дата обращения: 10.10.2019).
4. The Prosecutor v. Sylvestre Gacumbtsi (Trial Judgement), ICTR-2001-64-T International Criminal Tribunal for Rwanda (ICTR), 17 June 2004 // WorldCourts, 1999-2017. URL:http://www.worldcourts.com/ict/eng/decisions/2004.06.17_Prosecutor_v_Gacumbtsi_2.pdf (дата обращения: 10.10.2019).
5. Prosecutor v. Radislav Krstic (Trial Judgement), International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia (ICTY), 2 August 2001 // UNHCR, 2019. URL: <https://www.refworld.org/cases,ICTY,414810d94.html> (дата обращения: 10.10.2019).
6. Regulation No. 2000/15 On The Establishment Of Panels With Exclusive Jurisdiction Over Serious Criminal Offences // ICC Legal Tools Database UNHCR, 2019. URL: <https://www.legal-tools.org/doc/c082f8/pdf/> (дата обращения: 10.10.2019).
7. Prosecutor v. Mladen Naletilic aka "Tuta", Vinko Martinovic aka "Stela" (Trial Judgement), IT-98-34-T, International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia (ICTY), 31 March 2003 // UNHCR, 2019. URL: <https://www.refworld.org/cases,ICTY,41482f0a4.html> (дата обращения: 10.10.2019).
8. Kaing Guek Eav alias Duch (Trial Judgement) Extraordinary Chambers in the Courts of Cambodia, 26 July 2010 // ICC Legal Tools Database UNHCR, 2019. URL: <https://www.legal-tools.org/doc/dbdb62/pdf/> (дата обращения: 10.10.2019).
9. The Public Prosecutor against Lino De Carvalho (Judgement) Republica Democratica De Timor-Leste Dili District Court The Special Panels For Serious Crimes, 18 April 2004 // World-

Courts, 1999-2017. URL: http://www.worldcourts.com/un_etta/eng/decisions/2004.03.18_Prosecutor_v_de_Carvalho.pdf (дата обращения: 10.10.2019).

10. The Prosecutor v. Inacio Olivera, Gilberto Fernandes, Jose Da Costa (Judgement) Republica Democratica De Timor-Leste Dili District Court The Special Panels For Serious Crimes, 23 February 2004 // WorldCourts, 1999-2017. URL: http://www.worldcourts.com/un_etta/eng/decisions/2004.02.23_Prosecutor_v_Olivera.pdf (дата обращения: 10.10.2019).

11. Bassiouni M. International Criminal Law / M. Bassiouni. – 2nd Ardsley, N.Y. Vol. 1-3, 1999. –1004 pages.

12. Bogdan A. Cumulative Charges, Convictions And Sentencing At The Ad Hoc International Tribunals For The Former Yugoslavia And Rwanda / A. Bogdan. Melbourne Journal of International Law, Vol. 3, no. 1, 2002.

13. The Prosecutor v. Zejnil Delalic and Zdravko Mucic, Hazim Delic and Esad Landzo (Appeal Judgement), International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia (ICTY), 20 February 2001 // United Nations International Residual Mechanism for Criminal Tribunals, 2019. URL: <http://cld.irmct.org/assets/filings/Judgement-Celebici.pdf> (дата обращения: 10.10.2019).

СЕКЦИЯ 3

ТЕНДЕНЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО И НАДНАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЧАСТНОПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЕАЭС В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ МЧП

ПРЕПЯТСТВИЯ НА РЫНКЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ АВТОМОБИЛЬНЫХ ПЕРЕВОЗОК ЕАЭС

Е.В. Бабкина

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, babkina@bsu.by*

Целью правовой системы Евразийского экономического союза является создание государствами-членами условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения, а также стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза. Как обстоят дела в практической плоскости? Автор анализирует сферу оказания международных автомобильных услуг, выявляя барьеры, изъятия и ограничения на данном рынке ЕАЭС.

Ключевые слова: барьеры, Евразийский экономический союз, международные автомобильные перевозки, режим наибольшего благоприятствования, свобода услуг.

The objective of the legal system of the Eurasian Economic Union is to create the conditions for stable development of member economies by member states in order to improve the living standards of their population, as well as the desire to create a single market for goods, services, capital and labor within the Union. How are things on the practical plane? The author analyzes the freedom to provide international automobile services in the EAEU, identifying barriers, exemptions and restrictions on this EAEU market.

Keywords: barriers; Eurasian Economic Union; international road transportati; most favored nation regime; freedom of services.

Часть вторая ст. 3 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014 (далее – Договор о ЕАЭС от 29.05.2014) устанавливает международно-правовое обязательство: государства-члены создают **благоприятные условия для выполнения Союзом его функций и воздерживаются от мер, способных поставить под угрозу достижение целей Союза**. Таким образом, нарушение принципов функционирования Союза, в частности, принципа **обеспечения взаимовыгодного сотрудничества, равноправия и учета национальных интересов Сторон** в сферах, являющихся единой, согласованной или скоординированной политикой, должно рассматриваться как нарушение Договора о ЕАЭС, поскольку согласно ст. 26 Венской конвенции о праве международных договоров от 23.05.1969 каждый действующий договор обязателен для его участников и должен ими добросовестно выполняться.

Согласно п.1 ст. 86 Договора о ЕАЭС от 29.05.2014 в Союзе осуществляется скоординированная (согласованная) транспортная политика, направленная на **обеспечение экономической интеграции, последовательное и поэтапное формирование единого транспортного пространства на принципах конкуренции, открытости, безопасности, надежности, доступности и экологичности**.

В соответствии с п. 8 Протокола о скоординированной (согласованной) транспортной политике государства-члены принимают согласованные меры по **устра-**

нению препятствий (барьеров¹), влияющих на развитие международного автомобильного сообщения и формирование услуг автомобильного транспорта в рамках Союза.

Таким образом, право ЕАЭС в сфере автомобильных перевозок требует:

- 1) чтобы осуществляемые государствами меры были согласованными и
- 2) чтобы принимаемые меры были направлены на устранение препятствий (барьеров).

Согласно п. 87 Доклада ЕЭК «Барьеры, изъятия и ограничения Евразийского экономического союза» 2016 г. «Устранение препятствий, особенно барьеров, ограничивающих свободное движение транспорта, а также развитие общего рынка транспортных услуг скажется положительным образом на деятельности Союза».

Республика Беларусь обозначила свои национальные интересы, когда ратифицировала Договор о ЕАЭС в 2014 г. со следующим заявлением: «Республика Беларусь заявляет, что будет добросовестно выполнять свои обязательства и предпримет иные меры по его реализации при условии, что к этому моменту ... будут достигнуты конкретные договоренности о снятии барьеров, ограничений и изъятий..., в первую очередь, в отношении энергоносителей, продукции сборочных производств, **либерализации автомобильных перевозок** и других чувствительных позиций.

Таким образом, либерализация автомобильных перевозок – это именно тот национальный интерес Беларуси, учет которого должен обеспечиваться другими государствами – членами ЕАЭС. Ухудшение государствами – партнерами Беларуси условий хозяйствования в обозначенных сферах после определенной точки отсчета – даты вступления в силу Договора о ЕАЭС (1 января 2015 г.) – не допускается.

Данная интерпретирующая декларация Республики Беларусь не является оговоркой в смысле Венской конвенции о праве международных договоров от 23.05.1969, поскольку не имеет целью исключить или изменить юридическое действие определенных положений Договора в их применении к данному государству, совместима с объектом и целями Договора, не была оспорена ни государствами – членами ЕАЭС, ни Евразийской экономической комиссией как депозитарием Договора и, как следствие, имеет юридическую силу.

Ни Российская Федерация, ни Республика Казахстан не сделали заявления об особой значимости для этих государств отрасли международных автомобильных перевозок в момент выражения обязательности для себя Договора о ЕАЭС от 29.05.2014. В этой связи Казахстанская сторона не вправе аргументировать свою позицию взаимовыгодностью на основе справедливого распределения выгод и обязательств **с учетом чувствительности секторов услуг** и видов деятельности для каждого государства-члена (протокол заседания Совместной белорусско-казахстанской рабочей группы по выработке подходов определения квот обмена разрешениями и совершенствованию организации перевозок 29-30 мая 2019 г.), равно как и на противоречие принципу функционирования ЕАЭС – взаимовыгодное сотрудничество и учет национальных интересов Сторон (протокол заседания

¹ Комиссия выделяет три вида препятствий: барьеры, изъятия и ограничения. Барьеры – это препятствия для свободного движения товаров, услуг, трудовых ресурсов, капитала, не соответствующие праву ЕАЭС. Поскольку барьеры являются нарушением права ЕАЭС, в отношении них сразу применяются меры по их устранению. Ограничения – препятствие для свободы движения, не запрещенное прямо правом ЕАЭС, однако мешающее достижению целей Союза, они возникают, как правило, ввиду отсутствия правового регулирования (пробела), устраняются в соответствии с планом мероприятий. Изъятия - предусмотренные правом ЕАЭС положения о неприменении государством общих правил ЕАЭС в отношении какого-либо узкого сегмента (конкретного товара).

казахстанско-белорусской Совместной комиссии по автомобильному сообщению 25.11.2015 г.).

Согласно праву интеграционных объединений с момента создания экономического союза условия хозяйствования частных лиц государств-членов на общем рынке не могут ухудшаться и не могут быть менее благоприятными, чем условия хозяйствования для субъектов третьих стран.

Согласно статье 67 Договора о ЕАЭС от 29.05.2014 «Принципы либерализации торговли услугами, учреждения, деятельности и осуществления инвестиций» Договора о ЕАЭС определено, что в процессе либерализации торговли услугами, учреждения, деятельности и осуществления инвестиций государства-члены, наряду с другими принципами, руководствуются следующим принципом:

ни в одном из секторов услуг и видов деятельности недопустимо ухудшение условий взаимного доступа по сравнению с условиями, действующими на дату подписания настоящего Договора, и с условиями, закрепленными в настоящем Договоре.

Данное правило закреплено и в вышеназванном заявлении Республики Беларусь при ратификации Договора о ЕАЭС от 29.05.2014: «При этом дальнейшие договоренности должны содержать положения о недопустимости их ухудшения в последующий период...».

Данные обстоятельства вводят международное правовое обязательство государств-членов ЕАЭС – не снижать стандарт условий хозяйствования в области международных автомобильных перевозок, согласованный государствами-членами в 2014 г. на 2015 г., а именно по количеству и качеству (отсутствию ограничений по странам) разрешений в/из третьих стран:

Республика Казахстан - 4000 разрешений в/из третьих стран без ограничений по странам;

Российская Федерация - 78000 разрешений в/из третьих стран (решение министров транспорта от 12.05.2014) и 1400 разрешений в/из третьих стран для малотоннажных транспортных средств.

Таким образом, присутствуют признаки нарушения ст. 67 Договора о ЕАЭС от 29.05.2014 и принципов либерализации торговли услугами.

Пункт 27 Протокола о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций (Приложение № 16 к Договору о ЕАЭС от 29.05.2014) формулирует общий принцип правового регулирования услуг в ЕАЭС: каждое государство-член предоставляет при таких же (подобных) обстоятельствах услугам, поставщикам и получателям услуг любого другого государства-члена режим не менее благоприятный, чем режим, предоставляемый таким же (подобным) услугам и поставщикам и получателям услуг третьих государств. Национальные перечни государств-членов не содержат изъятий в области международных автомобильных перевозок (приложение № 2 к названному протоколу).

Однако, белорусским транспортным организациям предоставлены худшие условия хозяйствования, чем субъектам хозяйствования третьих стран, причем как в количественном, так и в качественном выражении.

Так, согласно официальной информации, на 2019 год в отношении польских перевозчиков Российской Федерацией согласована квота в 210 000 разрешений, в том числе 146 000 разрешений на двусторонние / транзитные перевозки и 64 000 разрешений на перевозку в / из третьих стран, с ограничениями на перевозку из / в Италию.

Для белорусских перевозчиков на 2019 год установлена квота в количестве 75 000 разрешений, однако количество разрешений первой категории – на перевозку в / из третьих стран, кроме Италии – только 13 600, то есть практически в 5 раз меньше, чем в отношении Польши.

Российские разрешения на перевозки в/из третьих стран, выдаваемые Польше, Венгрии, Румынии, Словакии и др., содержат запрет только на перевозки в/из Италии, тогда как для Республики Беларусь установлены три категории разрешений.

Таким образом, присутствуют признаки нарушения п. 27 Протокола о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций к Договору о ЕАЭС от 29.05.2014.

Допустимые в силу ст. 65 Договора о ЕАЭС от 29.05.2014 меры по ограничению свободы оказания услуг не должны приводить к произвольной или неоправданной дискриминации между государствами-членами или к скрытым ограничениям в торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций. Однако метод разбивки по категориям выделяемых квот разрешений применяется Российской Федерацией только в отношении белорусских перевозчиков, что представляет собой запрещенную в ЕАЭС неоправданную дискриминацию.

Таким образом, Российская Федерация и Республика Казахстан существенно ухудшили условия хозяйствования для белорусских автомобильных перевозчиков, введя в национальное законодательство необходимость получения разрешений и разделив их по категориям.

В соответствии с п. 2 ст. 87 Договора о ЕАЭС задачами скоординированной (согласованной) транспортной политики являются:

- 1) создание **общего рынка** транспортных услуг;
- 2) принятие **согласованных мер по обеспечению общих преимуществ в сфере транспорта** и реализации лучших практик;
- 3) **интеграция** транспортных систем государств-членов в мировую транспортную систему;
- 4) **эффективное использование транзитного потенциала** государств-членов.

Реализация задач интеграционного объединения должна осуществляться посредством упомянутого выше принципа *bone fide* – добросовестного сотрудничества. Принятие государством на себя обязательства в рамках интеграционного объединения не может влечь ухудшение его правового статуса. Добровольное принятие на себя обязательства должно отвечать требованию принципа соблюдения баланса интересов и поэтому должно сопровождаться наделением этого субъекта дополнительными правами. В противном случае подрывается основополагающий принцип интеграционного объединения – обеспечение взаимовыгодного сотрудничества (ст. 3 Договора о ЕАЭС от 29.05.2014).

Республика Беларусь приняла на себя обязательство разрешать беспрепятственный транзит по своей территории, тем самым отказываясь от преимуществ транзитного потенциала и ослабив свои позиции в переговорах с Российской Федерацией и Республикой Казахстан по согласованию квот разрешений на международные автомобильные перевозки в/из третьих стран, которые выдаются на паритетной основе и до 2015 года учитывали квоту транзитных перевозок.

Протоколы переговоров российской и белорусской стороны явно свидетельствуют о том, что до 2016 года Российская Федерация обозначала Республике Беларусь намерение ввести взаимную безразрешительную основу международных автомобильных перевозок в/из третьих стран. Кардинальное изменение переговорной позиции после вступления Договора о ЕАЭС в силу, результатом которого стала потеря транзитных преимуществ, свидетельствует о **недобросовестных переговорах, следовательно, нарушении российской стороной принципа *bona fide*** в области регулирования международных автомобильных перевозок.

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ТЕХНИЧЕСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЕАЭС В КОНТЕКСТЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Ю. Н. Кудрявец

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, juliashalon@mail.ru*

Определен круг субъектов, обязанных соблюдать процедуры подтверждения соответствия и производить оценку соответствия согласно актам технического регулирования Евразийского экономического союза, уточнены их характеристики. Определены признаки товаров, подлежащих и не подлежащих оценке соответствия. Опровергнут расширительный подход к прочтению норм Договора о Евразийском экономическом союзе. Даны предложения по изменению норм Гражданского кодекса Республики Беларусь, а также дана правовая оценка последствиям наложения на физических лиц дополнительных обязанностей по осуществлению процедур подтверждения соответствия. Выводы и предложения, сделанные в статье, могут быть учтены при принятии решений Евразийской экономической комиссией и Судом Евразийского экономического союза.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз; ЕАЭС; объект технического регулирования; оценка соответствия; предпринимательская деятельность.

LEGAL ASPECTS OF TECHNICAL REGULATION OF THE EAEU IN THE CONTEXT OF DEFINITION OF COMMERCIAL ACTIVITY

Y. N. Kudravets

*Belarusian State University,
Nezavisimosti Ave., 4, 220030, Minsk, Belarus, juliashalon@mail.ru*

The group of subjects obliged to comply with conformity confirmation procedures and carry out conformity assessment under the acts of technical regulation of the Eurasian Economic Union is defined, their characteristics are specified. The characteristics of goods subject to and not subject to conformity assessment are defined. An expansive approach to the norms of the Treaty on the Eurasian Economic Union has been refuted. Proposals to amend the Civil Code of the Republic of Belarus were given. Also, a legal assessment of the consequences of imposing additional obligations on individuals to implement conformity confirmation procedures was given. Conclusions and suggestions of the article can be used in decisions of the Eurasian Economic Commission and the Court of the Eurasian Economic Union.

Keywords: Eurasian Economic Union; EAEU; object of technical regulation; conformity assessment; commercial activity.

1. Оценка соответствия объектов технического регулирования напрямую связана с предпринимательской деятельностью. Субъекты, которые обязаны соблюдать процедуры подтверждения соответствия, производить оценку соответствия, в законодательстве обозначены как юридические лица и индивидуальные предприниматели, зарегистрированные в Республике Беларусь или ином государстве – члене Евразийского экономического союза, т.е. субъекты предпринимательской деятельности (абзацы 5, 10, 19, 28 п. 2, п. 5 Протокола о техническом регулировании в рамках Евразийского экономического союза, являющегося Приложением № 9 к Договору о Евразийском экономическом союзе; далее – Протокол № 9).

Действующее законодательство Республики Беларусь при определении круга лиц, являющихся заявителями на проведение испытаний и сертификации, указывает физических лиц, но при этом делает оговорку, что физические лица могут быть заявителями на проведение сертификации только в случаях, определенных Президентом Республики Беларусь, либо при добровольной сертификации (подп.

1.13 п. 1 ст. 1 Закона Республики Беларусь от 24 октября 2016 г. № 437-З «Об оценке соответствия техническим требованиям»; далее – Закон Беларуси об оценке соответствия).

Таким образом, оценку соответствия проводят хозяйствующие субъекты в рамках осуществляемой предпринимательской деятельности. Физические лица могут проводить только испытания и сертификацию в личных целях.

Считаем, что продукция, везенная на территорию Евразийского экономического союза не с целью распространения на данной территории, не должна проходить процедуры оценки соответствия на основании п. 2 Договора о Евразийском экономическом союзе.

2. Административное законодательство Республики Беларусь включает физических лиц в число субъектов, в отношении которых осуществляется государственный контроль в соответствии с абзацем 5 п. 2 Протокола № 9. Это подтверждается санкцией ч. 4 ст. 23.11 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, где, помимо индивидуального предпринимателя и юридического лица, предполагается наказание и физического лица. Однако на основании гипотезы указанной статьи, в которой говорится о реализации продукции, подлежащей обязательному подтверждению соответствия, считаем, что ответственности подлежат те физические лица, которые незаконно занимались предпринимательской деятельностью, а не те, которые надлежащим образом ввезли товары для личного пользования. На последних процедуры обязательного подтверждения соответствия не распространяются, о чем было сказано выше.

К физическим лицам, осуществляющим незаконную предпринимательскую деятельность (т.е. без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя) применяются правила, установленные законодательством для предпринимательской деятельности (п. 3 ст. 22 Гражданского кодекса Республики Беларусь; далее – ГК Беларуси).

3. Считаем, что норма абзаца 7 п. 5 Протокола № 9 не расширяет круг субъектов по сравнению с абзацем 6 этого же пункта, и не включает в него физических лиц, не имеющих права осуществлять предпринимательскую деятельность.

На первый взгляд, формулировка нормы абзаца 7 расширяет круг субъектов, могущих быть заявителями, до неопределенного, но уже принятые технические регламенты предусматривают в числе лиц, в обязанность которым вменяется проведение оценки соответствия, все тех зарегистрированных на территории государства-члена Евразийского экономического союза юридических лиц или физических лиц в качестве индивидуальных предпринимателей, являющихся изготовителем или продавцом либо уполномоченным изготовителем лицом. Примером может быть п. 1 ст. 12 Технического регламента «О безопасности продукции, предназначенной для детей и подростков»; п. 104 и 105 гл. XIII, п. 111 и 112 гл. XIV Технического регламента «О безопасности аттракционов» и др.

Можно высказать предположение, что при указанной формулировке абзаца 7 п. 5 Протокола № 9 в дальнейшем могут появиться технические регламенты, в которых будут указаны физические лица или субъекты вообще не будут указаны. Но даже в таком случае, если вся система подтверждения соответствия останется прежней, физические лица не смогут осуществить данную процедуру, т.к. и декларирование, и сертификация могут осуществляться субъектами предпринимательской деятельности и в рамках осуществляемой ими предпринимательской деятельности, что закреплено нормами п. 2 Протокола № 9.

4. Термины «предпринимательская деятельность» и «коммерческая деятельность» неравнозначны, коммерческая деятельность является составной частью предпринимательской деятельности.

Из указанных терминов только предпринимательская деятельность определена в белорусском законодательстве как самостоятельная деятельность юридических и физических лиц, осуществляемая ими в гражданском обороте от своего имени, на свой риск и под свою имущественную ответственность и направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи вещей, произведенных, переработанных или приобретенных указанными лицами для продажи, а также от выполнения работ или оказания услуг, если эти работы или услуги предназначаются для реализации другим лицам и не используются для собственного потребления (ст. 1 ГК Беларуси). Определяющими признаками предпринимательской деятельности являются систематичность ее осуществления (два и более раз) и извлечение прибыли как результат. Соответственно, субъектами предпринимательской деятельности могут быть не все юридические и физические лица, а только те, которые приобретают право осуществлять предпринимательскую деятельность в силу прохождения определенных процедур (государственной регистрации).

Среди юридических лиц коммерческими являются организации, преследующие извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности и (или) распределяющие полученную прибыль между участниками (п. 1 ст. 46 ГК Беларуси). Некоммерческие юридические лица вправе осуществлять предпринимательскую деятельность, если она необходима для их уставных целей, соответствует этим целям и отвечает предмету их деятельности, либо она необходима для выполнения государственно значимых задач, предусмотренных в их учредительных документах, соответствует этим задачам и отвечает предмету деятельности таких организаций, либо если они создают коммерческие организации и (или) участвуют в них (часть четвертая п. 3 ст. 46 ГК Беларуси).

Среди физических лиц правом осуществлять предпринимательскую деятельность пользуются только те, которые зарегистрированы в качестве индивидуальных предпринимателей (п. 1 ст. 22 ГК Беларуси). После такой регистрации к деятельности физических лиц применяются правила, которые регулируют деятельность юридических лиц, являющихся коммерческими организациями (п. 2 ст. 22 ГК Беларуси).

Термин «коммерческая деятельность» не имеет легального определения. Он происходит от латинского *commercium* и в переводе означает «торговля». Толковые словари Ожегова и Даля определяют коммерцию как торговлю, торговые операции. Большой юридический словарь (издательство Москва, ИНФРА-М, 2006) содержит определение коммерции как деятельности по продаже или содействию продаже товаров и услуг.

Определение торговли содержится в ст. 1 Закона Республики Беларусь от 8 января 2014 г. № 128-З «О государственном регулировании торговли и общественного питания в Республике Беларусь»: торговля – предпринимательская деятельность, направленная на приобретение и продажу товаров с оказанием или без оказания услуг, связанных с продажей товаров.

Таким образом, коммерческая или торговая деятельность составляет только часть предпринимательской деятельности, и не может считаться полным синонимом предпринимательской деятельности. Субъектами коммерческой деятельности соответственно являются коммерческие и некоммерческие (с определенными ограничениями) юридические лица, индивидуальные предприниматели.

В связи с этим считаем, что определение предпринимательской деятельности, закрепленное в части второй п. 1 ст. 1 ГК Беларуси, следует дополнить признаком, определяющим субъектов, имеющих право заниматься предпринимательской деятельностью. Предлагаем часть вторую п. 1 ст. 1 ГК Беларуси после слов «юриди-

ческих и физических лиц» дополнить словами «зарегистрированных в качестве индивидуальных предпринимателей», и далее по тексту.

5. Товары, ввозимые физическими лицами для личного использования, объектами технического регулирования не являются.

Для обозначения объектов технического регулирования используется термин «продукция». Изготовителем, продавцом, лицом, совершающим иные операции с продукцией от имени изготовителя, являются юридические лица и индивидуальные предприниматели, зарегистрированные в Республике Беларусь или ином государстве – члене Евразийского экономического союза, т.е. субъекты предпринимательской деятельности (п. 2 Протокола № 9). В связи с этим обязательные процедуры, связанные с техническим регулированием, должны осуществлять только хозяйствующие субъекты, но не физические лица, ввозящие товары для личного пользования.

Следовательно, не подлежат оценке соответствия товары, которые ввозятся на территорию Евразийского экономического союза в единичных экземплярах для личного пользования, так как процедуры подтверждения соответствия установлены для хозяйствующих субъектов, осуществляющих предпринимательскую деятельность, а не для физических лиц, такую деятельность не осуществляющих.

В отношении некоторых товаров, ввозимых физическими лицами для личного пользования, проводятся определенные процедуры проверки, например, технический осмотр автомобиля. Считаем, что технический осмотр автомобиля, принадлежащего физическому лицу, не является формой оценки соответствия.

Технический осмотр автомобиля не является обязательным условием ввоза товаров для личного пользования (гл. 37 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза).

На наш взгляд, норма абзаца 2 п. 5 уточняет абзац 1 п. 5 Протокола № 9, вводя понятие обязательного подтверждения соответствия, которое осуществляется только в формах декларирования соответствия и сертификации. Обязательному противостоит необязательное, т.е. добровольное подтверждение соответствия, которое может быть предусмотрено для физических лиц в иных формах. Но поскольку такие формы не являются обязательными, то и требовать их исполнения уполномоченные органы не вправе.

6. Оценка соответствия объектов технического регулирования напрямую связана с предпринимательской деятельностью. Субъекты, которые обязаны соблюдать процедуры подтверждения соответствия, производить оценку соответствия, в законодательстве обозначены как юридические лица и индивидуальные предприниматели, зарегистрированные в Республике Беларусь или ином государстве – члене Евразийского экономического союза, т.е. субъекты предпринимательской деятельности (абзацы 5, 10, 19, 28 п. 2, п. 5 Протокола № 9).

Действующее законодательство Республики Беларусь при определении круга лиц, являющихся заявителями на проведение испытаний и сертификации, указывает физических лиц, но при этом делает оговорку, что физические лица могут быть заявителями на проведение сертификации только в случаях, определенных Президентом Республики Беларусь, либо при добровольной сертификации (подп. 1.13 п. 1 ст. 1 Закона Беларуси об оценке соответствия).

Таким образом, оценку соответствия проводят хозяйствующие субъекты в рамках осуществляемой предпринимательской деятельности. Физические лица могут проводить только испытания и сертификацию в личных целях.

То же самое касается и выпуска продукции в обращение. Согласно абзацу 4 п. 2 ст. 1 указанного выше Протокола № 9 выпуск продукции в обращение – поставка или ввоз продукции (в том числе отправка со склада изготовителя или отгрузка без складирования) с целью распространения на территории Евразийского эконо-

мического союза в ходе **коммерческой деятельности** на безвозмездной или возмездной основе. Коммерческая деятельность, как было сказано в п. 7 настоящего письма, является предпринимательской деятельностью. Следовательно, выпуск продукции в обращение осуществляется только в рамках предпринимательской деятельности, т.к. приведенная формулировка не предполагает иных толкований.

Технические регламенты Евразийского экономического союза распространяются на юридических лиц и физических лиц, зарегистрированных в качестве индивидуальных предпринимателей.

Обязательное подтверждение соответствия продукции требованиям технических регламентов Евразийского экономического союза осуществляется в формах декларирования соответствия и сертификации (абзацы 7 и 16 п. 2 Протокола № 9). Указанные формы подтверждения соответствия могут осуществлять зарегистрированные на территории государства-члена в соответствии с его законодательством юридическое лицо или физическое лицо в качестве индивидуального предпринимателя, являющиеся изготовителем или продавцом либо уполномоченным изготовителем лицом (п. 5 Протокола № 9).

Кроме того, уточняется, что круг заявителей устанавливается в соответствии с техническим регламентом Союза. В самих технических регламентах указаны те же субъекты, что и приведенных выше нормах Протокола.

7. Резюмируя вышесказанное, считаем, что нет никаких оснований включать физических лиц, не имеющих права осуществлять предпринимательскую деятельность, в круг лиц, указанных в абзаце 6 п. 5 Протокола № 9. По тем же причинам считаем, что нет оснований расширять круг субъектов при толковании термина «выпуск продукции в обращение».

Если Евразийская экономическая комиссия примет решение, обязывающее физических лиц, не осуществляющих предпринимательскую деятельность и ввозящих товары для личного пользования, осуществлять обязательные процедуры, связанные с техническим регулированием, то нарушит их права и охраняемые законом интересы, в частности, затруднит реализацию свободы перемещения и наложит дополнительное финансовое бремя. Физические лица, не осуществляющие предпринимательскую деятельность, не вправе ввозить какие-либо вещи товарными партиями, только единичные экземпляры. Такой импорт не может оказать существенного влияния на состояние безопасности на территории Евразийского экономического союза. Кроме того, для физических лиц уже действуют санитарные, гигиенические, ветеринарные и иные требования, ограничивающие ввоз небезопасных единичных товаров. Поэтому положительный эффект от введения такой меры видится минимальным. А вот отрицательный эффект вполне очевиден: дополнительная фискальная процедура, усложняющая перемещение физического лица через границу Союза; дополнительные платежи за товар, которые могут вылиться в весьма существенные суммы, если физическое лицо будет ввозить несколько единичных экземпляров разных вещей.

ТРЕБОВАНИЯ НЬЮ-ЙОРКСКОЙ КОНВЕНЦИИ 1958 г. К ИНОСТРАННОМУ АРБИТРАЖНОМУ РЕШЕНИЮ В АВСТРИЙСКОЙ ПРАКТИКЕ

О. Ю. Ширинский

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, schirinsky@snr.by*

Рассмотрен порядок признания иностранных арбитражных решений в Австрии. Основной акцент сделан на проблемных вопросах, возникающих при признании иностранного арбитражного решения в суде первой инстанции и способы их разрешения. Целью статьи является выработка определенного алгоритма действий представителя истца в процессе о признании и исполнении иностранного арбитражного решения в Австрии. В белорусской юридической практике еще не было случая успешного арбитражного процесса против австрийских фирм. Решения Международного арбитражного суда при Белорусской торговой-промышленной палате в Австрии до сих пор не признавались и соответственно не исполнялись. В основу исследования положен личный опыт автора в первом процессе о признании решения белорусского арбитражного суда. Результаты исследования могут быть использованы на практике адвокатами, представляющие интересы белорусских субъектов хозяйствования в споре с австрийским ответчиком.

Ключевые слова: Нью-Йоркская конвенция 1958 г.; международный арбитражный процесс; признание иностранных арбитражных решений; австрийская арбитражная практика; подтверждение подлинности арбитражного решения.

1958 NEW YORK CONVENTION REQUIREMENTS FOR FOREIGN ARBITRATION DECISION IN AUSTRIAN PRACTICE

O. J. Schirinsky

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The procedure for recognition of foreign arbitral awards in Austria is considered. The main emphasis is placed on problematic issues arising in the recognition of a foreign arbitral award in a court of first instance and methods for resolving them. The aim of the article is to develop a specific algorithm for the actions of the representative of the plaintiff in the process of recognition and enforcement of a foreign arbitral award in Austria. In Belarusian legal practice there has not yet been a case of a successful arbitration process against Austrian firms. The decisions of the International Arbitration Court at the Belarusian Chamber of Commerce and Industry in Austria have not yet been recognized and, accordingly, have not been enforced. The study is based on the personal experience of the author in the first process on the recognition of the decision of the Belarusian arbitration court. The results of the study can be used in practice by lawyers representing the interests of Belarusian business entities in a dispute with the Austrian defendant.

Key words: 1958 New York Convention; international arbitration process; recognition of foreign arbitral awards; Austrian arbitration practice; confirmation of the arbitral award.

Нью-Йоркская конвенция 1958 г. предъявляет целый ряд формальных требований к исполняемому решению. Несмотря на более чем полувековую практику применения, до сих пор не удалось выработать единого подхода к определению требований надлежащего оформления арбитражного решения. Различные подходы и способы толкования в зависимости от сложившейся судебной практики требуют здесь более детального рассмотрения.

Заверенное арбитражное решение. Пункт а) ст. 4 Конвенции требует от стороны, испрашивающей признание и приведение в исполнение арбитражного решения, предоставление «должным образом заверенного арбитражного решения или должным образом заверенную копию такового». В соответствии с ч. 2 § 614

ГПК Австрии (§ 614 Abs. 2 ZPO) представление арбитражного решения и арбитражного соглашения необходимы только по требованию суда, что на практике практически всегда имеет место.

Австрийская правоприменительная практика понимает под этим подтверждение подлинности подписей арбитров, которая может быть осуществлена следующими способами.

Подтверждение подлинности подписей арбитров австрийским дипломатическим или консульским представительством. Это самый надежный, но и самый затратный способ, крайне редко встречающийся на практике.

Подтверждения подлинности подписей арбитров компетентным органом страны, в которой или по праву которой было вынесено решение. По этому вопросу австрийская правоприменительная практика выработала три варианта:

1. В случае заключения межгосударственного соглашения о взаимном признании и исполнении должным образом заверенных исполнительных документов, то достаточно одного такого заверения. Например, подобные соглашения Австрия заключила с Германией и Швейцарией. В обеих странах правом заверять документы для исполнения в Австрии обладают судебные и административные органы, а в Германии также и нотариусы.

2. В странах участницах Гаагской конвенции 1961 г. на исполнительном документе проставляется апостиль.

3. В случае, когда отсутствует какое-либо соглашение о взаимном признании, австрийский суд решает в каждом отдельном случае о способах заверения. Если взыскание обращается на объекты недвижимости, либо у суда возникают сомнения в подлинности документа, то заверение документа, как правило, осуществляется австрийским дипломатическим или консульским учреждением [1, с. 78].

Подтверждение о соответствии арбитражного решения требованиям национального закона, выданное компетентным органом той страны, где оно было вынесено, имеет место тогда, когда один из арбитров отказывается подписывать решение, не в состоянии сделать этого по состоянию здоровья или умер. На практике подобные случаи крайне редки и здесь не будут дальше рассматриваться.

Подтверждение подлинности подписей арбитров самим арбитражным судом это самый распространенный способ, имеющий наибольшее практическое значение. Как правило, подлинность подписей арбитров заверяет председатель соответствующего арбитражного суда, но его полномочия на это должны быть четко оговорены в учредительных документах – статуте или регламенте. В ч. 1 ст. 39 Регламента МАС такое полномочие Председателя МАС прямо предусмотрено.

Требования к порядку заверения текста решения арбитражного суда устанавливает не только австрийское законодательство, поскольку судебная практика допускает также применение норм права той страны, где было вынесено решение. Таким образом, достаточно соблюдения внутригосударственного порядка апостилирования. Здесь необходимо учитывать, что если данный порядок менялся, то следует принимать в расчет длительную процедуру внесения изменений в применимую в таком случае Гаагскую конвенцию, отменяющую требование легализации иностранных официальных документов, от 5 октября 1961 года. В соответствии с установленной процедурой страны-участницы согласно ст. 6 в дополнительном протоколе называют компетентные органы, обладающие правом проставления апостиля. Об изменении внутригосударственного порядка проставления апостиля по дипломатическим каналам извещается депозитарий Гаагской конвенции – Министерство иностранных дел Нидерландов, публикующее соответствующие изменения на официальном сайте Гаагской конвенции. Таким образом, от изменения внутригосударственного порядка проставления апостиля до опубликования изменений на официальном сайте Гаагской конвенции может пройти значи-

тельный промежуток времени. В то же время, требование нотариального заверения (апостилирования) подписи *самого подтверждающего подписи арбитров должностного лица* австрийским законодательством не установлено [2, с. 574].

Перевод решения или его заверенной копии должен быть осуществлен на немецкий язык приведенным к присяге переводчиком, закрепленным за определенным судом. Актуальный список переводчиков с русского на немецкий язык содержится на сайте Австрийского союза приведенных к присяге и сертифицированных переводчиков. Перевод решения дипломированным переводчиком (*durch einen «akademischen Übersetzer»*) в данном случае недостаточен [3]. Для перевода большого количества остальных документов не обязательно каждый раз привлекать приведенных к присяге сертифицированных переводчиков и нотариально заверять перевод, поскольку это существенно увеличивает процессуальные издержки. На усмотрение суда могут привлекаться и другие лица, владеющие в достаточной мере немецким языком и юридической терминологией.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Öhlberger, V. Vollstreckung ausländischer Schiedssprüche in Österreich / V. Öhlberger // SchiedsVZ. – 2007. – Heft 2. – S. 77-82.
2. Garber/Koller, in: Angst/Oberhammer. Kommentar zur Exekutionsordnung, 2016. § 79 EO Rz. 574.
3. OGH 23.10.1991, 3 Ob 88/91. [Электронный ресурс] // Официальный сайт австрийского Минюста. — Режим доступа: https://www.ris.bka.gv.at/Dokument.wxe?Abfrage=Justiz&Dokumentnummer=JIT_19911023_OGH0002_0030OB00088_9100000_000. – Дата доступа: 01.10.2019.

СЕКЦИЯ 4 СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА

РЕДОМИЦИЛИРОВАНИЕ (РЕДОМИЦИЛЯЦИЯ) ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ (ЧАСТНОПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

Н. Ю. Газдюк

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, gaz.82@mail.ru*

Статья посвящена рассмотрению вопроса о понятии и правовом регулировании редомициляции (изменение личного закона юридического лица вследствие перехода его из одной национальной юрисдикции в другую без потери его правосубъектности) в национальном праве зарубежных государств, а также на уровне права ЕС. С целью содействия либерализации торговли услугами, учреждения, деятельности и осуществления инвестиций обосновывает целесообразность и предлагаются правовые механизмы введения данного института в право ЕАЭС, а также в национальное право государств-членов.

Ключевые слова: редомицилирование, редомициляция, личный закон, право ЕАЭС.

RE-DOMICILIATION OF LEGAL ENTITIES IN THE CONTEXT OF THE EURASIAN ECONOMIC INTEGRATION (PRIVATE LEGAL ASPECT)

N.Yu. Gazdyuk

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article is devoted to the consideration of the concept and legal regulation of re-domiciliation (changing the personal law of the legal entity as a result of its transfer from one national jurisdiction to another without losing its legal personality) in the national law of foreign states, as well as at the level of the EU law. In order to facilitate the liberalization of trade in services, the establishment, activities and investments it's justified to and proposed legal mechanisms for introducing this institution into the EAEU law, as well as into the national law of member states.

Key words: re-domiciliation; personal law of the legal entity, the EAEU law/

Развитие трансграничного гражданского оборота влечет необходимость создания эффективных частно- и публично-правовых механизмов, обеспечивающих мобильность не только физических, но и юридических лиц. Особую актуальность данный вопрос приобретает для интеграционных экономических объединений, ставящих своей целью создание общего (единого) рынка, построение и функционирование которого невозможно без закрепления и реализации свободы учреждения. Вместе с тем, если возможность трансграничного перемещения физических лиц (при условии соблюдения ими определенных публично-правовых требований) не вызывает сомнения, то наличие такой возможности у юридических лиц многими национальными правовыми порядками не признается в принципе, что обусловлено спецификой юридического лица как субъекта гражданского и международного частного права.

Изучение опыта правового регулирования трансграничной мобильности юридических лиц в ЕС позволяет выделить следующие ее основные формы: трансграничное перемещение места осуществления основной деятельности, трансграничное перемещение места нахождения центра управления, трансграничная реорганизация в форме слияния (*cross-border mergers*) или разделения (*cross-border*

divisions), деятельность наднациональных организационно-правовых форм юридических лиц, а также изменение личного закона юридического лица вследствие перехода его из одной национальной юрисдикции в другую без потери его правосубъектности. Последней форме считаем необходимым уделить более пристальное внимание.

Процедура изменения личного закона юридического лица вследствие перехода его из одной национальной юрисдикции в другую без потери его правосубъектности в национальном праве государств, допускающих такую возможность, а также в юридической литературе именуется по-разному (англ. *re-domiciliation, continuation, migration, adaptation, cross-border conversion* и др.), вместе с тем, полагаем, что наиболее удачным является термин «редомицилирование» или «редомициляция» как наиболее точно отражающий суть рассматриваемого механизма.

Институт редомициляции предусмотрен национальным законодательством целого ряда государств с разной степенью детализации. Так, если одними правовыми порядками такая возможность в принципе допускается (в частности, Болгария, Италия, Лихтенштейн, Люксембург, Франции, Швейцария), то в иных юрисдикциях данная процедура довольно подробно урегулирована законами о компаниях и активно применяется на практике (в частности, Кипр, Британские Виргинские острова, Гибралтар, Джерси, штат Делавер (Соединенные Штаты Америки), Сингапур, Мальта). Что касается ЕС, то право компаний изменять свое формальное место нахождения (*registered office*) с преобразованием в одну из организационно-правовых форм принимающего государства было признано Судом ЕС (Решение по Делу C-378/10 VALE Építési kft.; «VALE» [2012] и Решение по Делу C-106/16 Polbud - Wykonawstwo sp. z o.o. [2017]). Признавая важность данного института для обеспечения свободы учреждения Европейским Парламентом разработаны предложения о внесении изменений в Директиву Европейского Парламента и Совета ЕС (ЕС) № 2017/1132 «О некоторых аспектах корпоративного права» от 14.06.2017, предусматривающие введение института трансграничного преобразования компаний с ограниченной ответственностью (*cross-border conversion*), под которым понимает операция, посредством которой компания, не будучи распущенной, ликвидированной или прекратившей существование, преобразует организационно-правовую форму, в которой она зарегистрирована в выпускающем государстве, в организационно-правовую форму, предусмотренную законодательством принимающего государства, и переносит по крайней мере свое формальное место нахождения в принимающее государство, сохраняя при этом свою правосубъектность. Предполагается, что указанная процедура будет регулироваться национальным правом как выпускающего (в части требований и формальностей для «выезда» компании), так и принимающего государства (в части требований и формальностей для «выезда» компании).

Среди государств-членов ЕАЭС институт редомициляции предусмотрен национальным правом Армении и Российской Федерации.

Согласно п. 1 ст. 59.1. ГК Армении редомициляция юридического лица определяется как перемещение юридического лица из одной юрисдикции под другую юрисдикцию, вследствие чего меняется личный закон юридического лица. Предусматривается возможность редомициляции как иностранных юридических лиц в Армении (ст. 59.2. ГК Армении), так и редомициляции юридических лиц Армении в иностранных государствах (ст. 59.3. ГК Армении).

Институт редомицилирования закреплен и правом Российской Федерации, однако, по сравнению с положениями армянского права, имеет характер *ad hoc* (имеет ограниченную сферу применения). Так, возможность редомицилирования в Российскую Федерацию была предусмотрена для юридических лиц (за некоторым исключением), имевшим в соответствии с учредительными документами место

нахождения постоянно действующего исполнительного органа либо в случае отсутствия постоянно действующего исполнительного органа - иного органа или лица, имеющих право действовать от имени юридического лица без доверенности, на территории Республики Крым или территории города федерального значения Севастополя на день их принятия в Российскую Федерацию (ст. 1 Федерального закона Российской Федерации № 124-ФЗ от 05.05.2014 «О внесении изменений в Федеральный закон «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» и статью 1202 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»). Вторым примером редомицилирования служит государственная регистрация в Едином государственном реестре юридических лиц т.н. «международных компаний» - хозяйственных обществ со специальным статусом с местом нахождения в пределах специальных административных районов на территориях Калининградской области (о. Октябрьский) и Приморского края (о. Русский), регистрация которых была произведена в связи с изменением иностранными юридическими лицами, соответствующими определенным критериям, личного закона в порядке, предусмотренном Федеральным законом № 290-ФЗ от 03.08.2018 «О международных компаниях» и Федеральным законом № 291-ФЗ от 03.08.2018 «О специальных административных районах на территориях Калининградской области и Приморского края».

Актуальность внедрения института редомициляции для государств-членов ЕАЭС обусловлена следующим.

Договор о ЕАЭС и Протокол № 16 к нему относятся к т.н. «публично-правовым международным соглашениям», адресатами которых являются государства-члены ЕАЭС и их органы, в то время как личный статус, как справедливо отмечает А.В. Асосков, используется для решения вопросов частногоправового характера, касающихся установления правового положения иностранного юридического лица как самостоятельного субъекта права, участвующего в имущественном обороте [1, с. 23]. Вместе с тем, как показывает практика Европейского союза, мера предоставления таких экономических свобод, составляющих основу общего (единого) рынка, как свобода учреждения и свобода предоставления (оказания) услуг, в рамках интеграционных экономических объединений оказывает значительное влияние на правовое положение юридических лиц как субъектов международного частного права. Наблюдается и обратное влияние частногоправового статуса юридического лица на фактическую возможность реализации им указанных свобод. Некоторыми авторами даже отмечается, что именно в свете регулирования личного статуса (национальности) компании и ее признания на национальном и общеевропейском уровне следует рассматривать вопросы осуществления компанией свободы учреждения (первичной и вторичной) в рамках ст. 49 ДФЕС [2, с. 175].

Все государства-члены ЕАЭС для определения права, применимого к основным вопросам, входящих в сферу действия личного закона юридического лица как в национальном праве (ст. 1111 и 1112 ГК Беларуси, п. 1 и п. 2 ст. 1202 ГК Российской Федерации (часть третья), ст. 1100 и 1101 ГК Казахстана (особенная часть), ст. 1272 ГК Армении, ст. 1184 и 1185 ГК Кыргызстана (часть II), так и на уровне региональных международных договоров, участниками которых являются все или большинство государств-членов ЕАЭС (ст. 11 Киевского соглашения 1992 г., ст. 23 Минской конвенции 1993 г., ст. 25 Кишиневской конвенции 2002 г.), придерживаются критерия инкорпорации. Таким образом, для них не так актуальна проблема признания правосубъектности юридического лица при переносе фактического места осуществления деятельности или административного центра, как для государств-членов ЕС, где наблюдается конфликт коллизионных подходов к определению личного закона юридического лица. Более того, национальное право

ряда государств-членов ЕАЭС для всех иностранных юридических лиц устанавливает национальный режим для их деятельности, осуществляемой на территории соответствующего государства-члена (ст. 1113 ГК Беларуси, ст. 1273 ГК Армении, ст. 1186 ГК Кыргызстана (часть II). ГК Казахстана устанавливает, что еще более широкий подход, предусматривая, что иностранные юридические лица по общему правилу вправе приобретать такие же права и обязаны выполнять такие же обязанности, какие предусмотрены гражданским законодательством для юридических лиц Республики Казахстан (п. 7 ст. 3 ГК). На основе системного толкования российского права многие авторы делают вывод, что иностранным юридическим лицам материальное право России также предоставляет национальный режим [3, с. 134]. На уровне прав ЕАЭС для юридических лиц государств-членов даже в секторах, в отношении которых пока не действуют правила единого рынка услуг, государства обязались предоставить (за некоторыми исключениями, допускаемыми правом ЕАЭС) при торговле услугами, учреждении и деятельности национальный режим и режим наибольшего благоприятствования (п. 44, 21, 24, 27, 29 Протокола № 16).

Таким образом, может сложиться впечатление, что с учетом указанных подходов нет необходимости вводить институт редомициляции в право ЕАЭС и национальное право государств-членов.

Однако, предоставление национального режима не гарантирует юридическим лицам государств-членов равенства с юридическими лицами принимающего государства-члена в вопросах, регулируемых личным статутом. Во-первых, как справедливо отмечает Н. Н. Вознесенская, вряд ли можно предположить, что принимающее государство предоставит иностранному юридическому лицу те права, которые хотя и отражены в его личном законе, но не предоставляются этим государством своим национальным юридическим лицам [3, с. 132]. Таким образом, применение коллизионной привязки *lex societatis* может быть существенно ограничено применением оговорки о публичном порядке или национальных материальных правовых норм прямого действия. Во-вторых, национальное право принимающего государства-члена, даже устанавливая национальный режим, не может предоставить иностранному юридическому лицу больше прав, чем это предусмотрено его личным законом. Таким образом, можно согласиться с бароном Б.Э. Нольде, что «статус иностранного юридического лица определяется его личным законом лишь постольку, поскольку это допускается местным законодательством относительно юридических лиц вообще и иностранных лиц в частности» [4, с. 501].

В связи с вышеизложенным, полагаем, что введение института редомициляции в право ЕАЭС и национальное право государств-членов будет способствовать достижению целей ЕАЭС и либерализации торговли услугами, учреждения, деятельности и осуществления инвестиций, для чего, исходя из современного уровня развития права ЕАЭС, предусматривающего в части либерализация торговли услугами, учреждения, деятельности и осуществления инвестиций гармонизацию законодательства государств-членов (п. 1 ст. 67 Договора о ЕАЭС), необходимо: 1) заключение государствами-членами международного договора в рамках ЕАЭС, предоставляющего для юридических лиц государств-членов возможность редомициляции в рамках ЕАЭС и устанавливающего ее правовые основы, подлежащие введению в национальное законодательство государств-членов, а также регулирующего организацию взаимного административного сотрудничества компетентных органов государств-членов по данному вопросу; 2) введение в национальное законодательство государств-членов института редомициляции, включающего материальные и коллизионные нормы, а также внесение изменений и дополнений в законодательство, регулирующее вопросы государственной регистрации юридических лиц.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Асосков А. В. Правовые формы участия юридических лиц в международном коммерческом обороте. М. : Статут, 2003.
2. Европейское право: учеб. пособие : в 2 ч. Ч. 2 / А.И. Анищенко [и др.] ; под ред. В.А. Астапенко, А.И. Анищенко. Минск, Изд. Центр БГУ, 2018.
3. Вознесенская Н. Н. Юридические лица в международном частном праве России и ЕС // Труды Института государства и права РАН. 2017. Том 12. № 2.
4. Нольде Б.Э. Очерк международного частного права // Международное право в систематическом изложении. Перевод с шестого немецкого издания / Ф. Лист; пер. под ред. В.Э. Грабаря; коммент. Нольде Б.Э. – Юрьев: тип. К. Маттисена, 1912. - 3-е русское изд.

СПОРТИВНЫЙ ТРЕТЕЙСКИЙ СУД КАК ОРГАН РАЗРЕШЕНИЯ СПОРТИВНЫХ СПОРОВ

М. А. Журова¹⁾, А. С. Данилевич²⁾

¹⁾*Общество с ограниченной ответственностью «Арцингер и партнеры», пр. Независимости, 169, 220114, г. Минск, Беларусь, maryia.zhurova@gmail.com*

²⁾*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, a.danilevich@gmail.com*

Спортивные арбитражные суды являются одним из основных способов разрешения спортивных споров. На международном уровне исключительной компетенцией в отношении указанных споров обладает Спортивный арбитражный суд в г. Лозанне (Швейцария). В свою очередь, белорусским спортивным сообществом был основан Спортивный третейский суд при общественном объединении «Белорусский республиканский союз юристов». В процессуальном регулировании деятельности суда закреплена положительная тенденция принятия к руководству краеугольных принципов рассмотрения спортивных споров, например, принятие принципа *de novo* в отношении процедуры разрешения споров из обжалования решений спортивных организаций. Тем не менее, ряд положений, регулирующих рассмотрение спортивных споров Спортивным третейским судом, требует своего приведения в соответствие с нормами актов *lex sportiva*.

Ключевые слова: компетенция, арбитражный суд, спортивный спор, способ разрешения споров, национальный уровень субъектов спортивных отношений.

COURT OF ARBITRATION FOR SPORT AS A FORM OF SPORTS DISPUTE RESOLUTION

M. A. Zhurova^a, A. S. Danilevich^b

^a*Arzinger & Partners LLC, 169 Nezavisimosti ave, Minsk 2200114, Belarus*

^b*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus*

Courts of arbitration for sport are the main form of sport dispute resolution. On the international level the Court of arbitration for sport in Lausanne (Switzerland) possesses the exclusive jurisdiction for resolution of such disputes. In Belarus the Court of arbitration for sport has been established as well. The cornerstone principals have been implemented by the Belarusian court: for example, the principle of *de novo* in respect to the appeal of decisions made by sports organizations. Nonetheless there are still remaining dispute resolution procedure provisions to be put in line with the provision of *lex sportiva*.

Key words: competence, arbitration, sports dispute, form of dispute resolution, sports subjects of national level.

Рассмотрение спортивного спора арбитражным институтом является одним из основных способов его разрешения. При поддержке Международного олимпийского комитета в 1984 году был создан Спортивный арбитражный суд в г. Лозанне (Швейцария). Указанный суд рассматривает споры, возникающие из спортивных отношений или в связи с ними, при наличии между сторонами спора соответствующего арбитражного соглашения [1]. При этом такая исключительная компетенция Спортивного арбитражного суда признана международным спортивным сообществом следующими способами. Субъект спортивного права, например, спортсмен международного уровня, становится стороной арбитражного соглашения чаще всего или посредством молчаливого согласия или путем принятия формы участия в спортивном мероприятии [2, 3].

Молчаливое согласие заключается в том, что, становясь членом международной спортивной организации, спортсмен соглашается с локальными нормативными актами, в которых и содержится арбитражная оговорка [4]. В свою очередь, форма участия представляет собой обязательный для подписания спортсменом документ, который содержит общие положения относительно условий участия спортсмена, в том числе и способ разрешения споров [5, с. 45].

В то же время субъекты спортивного права национального уровня более свободны в выборе способа защиты. Так, помимо установленных внутренних средств правовой защиты (комиссии, комитеты спортивной организации) такие субъекты вправе обратиться в независимый третейский орган по своему прямому усмотрению при достижении соглашения с противной стороной. В Республике Беларусь таким органом рассмотрения спора может стать Спортивный третейский суд при общественном объединении «Белорусский республиканский союз юристов» (далее – СТС). Рассмотрение спора СТС осуществляется согласно Положению и Регламенту суда, отдельные положения которых представляют особый интерес [6, 7].

В первую очередь, стоит отметить особенности положения Регламента СТС относительно определения его компетенции. Так, во-первых, согласно Положению о СТС и его Регламенту в суд по соглашению сторон могут передаваться споры в соответствии с закрепленным СТС перечнем, носящим открытый характер. Несмотря на то, что споры, перечисленные в таком перечне, *de jure* не ограничивают компетенцию СТС относительно уровня таких споров, *de facto*, учитывая исключительную компетенцию Спортивного третейского суда в г. Лозанне, такие споры все же ограничены по субъектному составу национальным уровнем участников.

Во-вторых, сам перечень споров, закреплённых Регламентом и арбитрабельных суду, подлежит приведению в соответствие с нормами Всемирного антидопингового кодекса (далее – ВАДК). Так, определение споров, связанных с нарушением антидопинговых правил, как споров, связанных с применением спортсменами запрещенных веществ и препаратов (допинг), не соответствует общепринятому понятию допинга. Согласно статье 1 ВАДК допинг представляет собой свершение одного или нескольких нарушений антидопинговых правил, перечисленных статьей 2 ВАДК и не ограниченных только лишь принятием запрещенных препаратов [2].

В-третьих, интересным представляется способ принятия судом решения относительно наличия у него компетенции на рассмотрение спора. В соответствии с пунктом 5.4 Регламента вопрос о компетенции суда по конкретному спору решается составом суда. В то же время, пунктами 36 и 37 Регламента СТС закрепляет право Председателя суда самостоятельно убеждаться в наличии и действительности третейского соглашения, а также рассматривать вопрос о наличии или об отсутствии у него компетенции на разрешение конкретного спора до момента фор-

мирования состава суда. При этом СТС (в лице его Председателя) вправе отложить на срок до семи дней рассмотрение вопроса относительно наличия у него соответствующей компетенции. Указанное положение предоставляет СТС, а именно его Председателю, более широкие права в сравнении с общепринятым подходом. Так, как правило, право предварительной проверки компетенции арбитражного суда до формирования состава арбитров ограничено принципом проверки *prima facie*: суд не проводит полную оценку арбитражного соглашения, которая остается на усмотрение арбитров, а оценивает действительность арбитражного соглашения по очевидным критериям.

В свою очередь, в отношении вопроса проведения самого процесса рассмотрения спора, отдельно стоит отметить положительную тенденцию СТС в закреплении, во-первых, основополагающего принципа *de novo* в отношении апелляционной процедуры, который позволяет соблюсти и восстановить в случае нарушения право стороны быть выслушанной. Согласно указанному принципу состав арбитров обладает абсолютным правом на пересмотр обжалуемого решения как в части фактических обстоятельств, так и в части правового аспекта решения спора.

Во-вторых, полагаем обоснованным применения СТС ограничения на представления сторонами всех материалов по делу моментом подачи своих письменных позиций. Тем не менее, пересмотру подлежит установленный срок предоставления ответчиком отзыва и, как следствие, всех доказательств по делу. Согласно пункту 44 Регламента отзыв должен быть направлен истцу и составу суда в течение 7 дней с момента получения ответчиком искового заявления. Учитывая необходимость представления вместе с отзывом всех доказательств по делу, указанный срок представляется недостаточным для подготовки и представления позиции стороны.

В-третьих, стоит принять во внимание специфику спорта: чаще в процессе обжалования решений, принятых спортивными организациями, обжалуются именно решения о дисквалификации (отстранении от участия). Значимость данного права апелланта обусловлена правом и возможностью спортсмена участвовать в соревнованиях, в том числе в период рассмотрения апелляционной жалобы.

Считаем, что при закреплении данного механизма в деятельность СТС субъектам спортивного права будет предоставлена возможность защиты и реализации своих прав на участие в спортивных мероприятиях. В целях исключения злоупотребления указанным правом обосновано закрепить обязанность апелланта при подаче рассматриваемого ходатайства в СТС предоставить СТС, во-первых, достаточные доказательства вероятности выигрыша апелланта по делу. Во-вторых, доказательства того, что ущерб, который будет нанесен его интересам при отказе в удовлетворении такого ходатайства, превышает ущерб, который будет нанесен интересам противной стороны при удовлетворении ходатайства.

Таким образом, можно сделать вывод о положительной тенденции развития национального уровня разрешения спортивных споров в Беларуси. Тем не менее, считаем необходимым приведение положений арбитражного института в соответствие с общепринятыми нормами *lex sportiva* в части закрепленных в Регламенте определений. Кроме того, полагаем обоснованным введение в деятельность СТС по рассмотрению споров правовых институтов, защищающих права честных спортсменов на их участие в спортивных соревнованиях (например, институт приостановления действия обжалуемого решения).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Официальный сайт Спортивного арбитражного суда (Лозанна, Швейцария). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.tas-cas.org. – Дата доступа: 19.10.2019.

2. Всемирный антидопинговый кодекс: принят 2015 г. Всемирным антидопинговым агентством с измен. 2018 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nada.by/upload/medialibrary/761/7616f4b3be340bfe609248125d57f31d.pdf>. – Дата доступа: 19.10.2019.

3. Устав Международной федерации футбола 2016 [Электронный ресурс]: http://resources.fifa.com/mm/document/affederation/generic/02/78/29/07/fifastatutsweben_neutral.pdf – Дата доступа: 19.10.2019.

4. CAS 2009/A/1910, Telecom Egypt Club v. EFA [Electronic resource]. – Mode of access: <http://jurisprudence.tas-cas.org/Shared%20Documents/1910.pdf> – Date of access: 19.10.2019.

5. Mavromati, D. Jurisprudence of the STF in Appeals against CAS Awards on Jurisdiction' / D. Mavromati // International Sports Law Review, 2 ed, 2011.

6. Регламент Спортивного третейского суда: постановлением Центрального Совета общественного объединения «Белорусский республиканский союз юристов», протокол № 2 от 16.05.2017. [Электронный ресурс]: <http://union.by/sportcourt/documents/reglament/>. – Дата доступа: 19.10.2019.

7. Положение о Спортивном третейском суде при общественном объединении «Белорусский республиканский союз юристов»: утверждено постановлением Центрального Совета общественного объединения «Белорусский республиканский союз юристов», протокол № 1 от 17.01.2017. [Электронный ресурс]: <https://union.by/files/00214/obj/110/3233/doc/%D0%9F%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D0%BE%20%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B5%202019.pdf>. – Дата доступа: 19.10.2019.

К ВОПРОСУ О НЕНАРУШЕНИИ В ПРАВЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Е. Б. Леанович

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, leanovich@bsu.by*

Статья посвящена особенностям отношений по созданию и использованию объектов интеллектуальной собственности в ситуации, когда определение нарушения может иметь правовое значение. Практические аспекты показаны на примере отношений интеллектуальной собственности международного характера, которые могут подпасть под регулирование иностранным правом либо послужить основой для возникновения международных торговых конфликтов.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, нарушение прав интеллектуальной собственности, non-infringement, non-violation, защита прав интеллектуальной собственности, патентное право, авторское право, ТРИПС, ВТО.

TO THE ISSUE OF NON-INFRINGEMENT IN INTELLECTUAL PROPERTY LAW

E. B. Leanovich

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article is devoted to the features of the relations on creation and use of intellectual property when the definition of non-infringement (non-violation) may have legal significance. Practical aspects are shown on the example of relations of intellectual property of an international nature, that may fall under the regulation of foreign law or serve as the basis for the emergence of international trade conflicts.

Key words: intellectual property; infringement of intellectual property rights; non-infringement; non-violation; protection of intellectual property rights; patent law; copyright; TRIPS; WTO.

Ссылка на ненарушение (*non-infringement*) имеет наибольшее значение в соответствии с патентным правом США. В частности, особые процессуальные механизмы позволяют освободиться от обвинений в умышленном нарушении патентных прав. В таком случае можно избежать штрафных убытков (*punitive damages*). Квалификация нарушения прав интеллектуальной собственности в последнее время приобретает особое значение по ряду причин. Выделение в особую группу нарушений, которые совершаются умышленно, призваны повысить ответственность создателей и пользователей объектов интеллектуальной собственности за обеспечение т. н. «должной осмотрительности/должного поведения» (*«due care/due diligence»*).

Штрафные убытки позволяют наказать ответчика и заставить лиц, вовлеченных в коммерческий оборот объектов интеллектуальной собственности, в полной мере принимать во внимание риски нарушения прав и интересов других лиц. Стандарты должного поведения и должной осмотрительности при оценке умышленного нарушения патентных прав по положениям параграфа 248 части 35 Кодекса законов США постоянно совершенствуются в судебной практике. Они довольно сложны в применении. Для облегчения защиты ответчику предоставлена возможность передать суду письменное заключение о ненарушении патентных прав, написанное компетентным лицом [1, р.29]. Данный документ значительным образом может повлиять на решение суда. Процессуальное право США предъявляет специальные требования к представлению такого доказательства, поэтому его допустимость и значение в ходе урегулирования споров о нарушении прав интеллектуальной собственности определяется базовым принципом международного гражданского процесса *«lex fori»* и преодоление территориальности здесь вряд ли возможно.

Вместе с тем, обращает на себя внимание широкое распространение ссылки на ненарушение прав интеллектуальной собственности в практических аспектах реализации отношений с иностранным элементом (особенно отношений договорно-правовой природы). Наиболее известны различные варианты регламентации обязательств сторон лицензионных соглашений относительно ненарушения прав третьих лиц объектом интеллектуальной собственности (обычно товарным знаком, компьютерной программой), на который передаются права. В данном случае содержание договорных обязательств и вопросы столкновения прав в охране объекта интеллектуальной собственности решаются на основе применения коллизионного и материального методов правового регулирования с выводом в область оговорки о публичном порядке норм, позволяющих самостоятельно снимать ответственность и как следствие расширять основания свободного использования исключительных прав.

Менее прозрачна ситуация, связанная с формированием обычаев и обыкновений вокруг ситуации нарушения. Приведем два знаковых примера. Первый связан со спецификой интернет-отношений. Обычным приемом стала практика предупреждения об отсутствии гарантий в отношении нарушения. Например, на веб-сайте нередко можно встретить предостережение в следующей формулировке: «Информация, предоставленная на данном сайте, предоставлена «как есть», без каких-либо гарантий, выраженных или подразумеваемых, в том числе, но не только, гарантий торговой пригодности, соответствия конкретной цели и соблюдения прав интеллектуальной собственности». С одной стороны, правомерность таких ограничительных приемов спорна и даже для лиц, которые не являются сторонами отношения нарушения, но оказывают на них определяющее воздействие, они не допустимы. Уже есть много примеров специальной нормативно-правовой регламентации ответственности лиц, определяющих техническую среду отношений в режиме онлайн. В частности, директива ЕС по авторскому праву на едином циф-

ровом рынке кардинальным образом разрешила дебаты об ответственности интернет-провайдеров и других интернет-посредников [2]. С другой стороны, предупреждения об отсутствии гарантий в отношении ненарушения прав интеллектуальной собственности формируют определенный стандарт невозможности оправдания нарушения доступностью информации в виртуальной среде для обычных пользователей. Подобные предупреждения очерчивают стандарт должного поведения пользователя, который должен самостоятельно оценивать риски нарушения и действовать с должной степенью осмотрительности.

Вторым примером возьмем профессиональные кодексы ненарушения. Так, по кодексам ненарушения актерских гильдий члены берут на себя обязательство избегать использования уникальных атрибутов исполнения друг друга, например сценические имена, элементы костюма, приемы исполнения, элементы образа и т. п. Данное явление весьма интересно вспомогательными источниками толкования норм применимого права по авторским и смежным правам.

Таким образом, закономерностью современного этапа развития права и практики интеллектуальной собственности становится концентрация не на ситуации нарушения, а ненарушения. Должное поведение по созданию и использованию объектов интеллектуальной собственности предполагает, что лица, задействованные в этом процессе, должны приложить все необходимые усилия, для того чтобы избежать нарушения. Данная закономерность проявляется и на уровне межгосударственных отношений в рамках ВТО.

По общему правилу основанием для рассмотрения спора с помощью механизмов ВТО является нарушение одного из соглашений. Вместе с тем, есть возможность обратиться в Орган по урегулированию споров и в том случае, если нарушения не было (*non-violation*), но страна-член ВТО – заявитель, в значительной части лишается ожидаемых преимуществ и выгод из-за действий или поведения другой страны-члена ВТО. На протяжении долгого времени споры по нарушениям ТРИПС находятся под мораторием по ст. 64.2 данного соглашения, и в настоящее время большинство стран-членов ВТО относится к спорам о нарушении ТРИПС отрицательно [3]. Развитые страны-члены ВТО (например США, Швейцария) настаивают на необходимости использования такого механизма для обсуждения слишком гибкого законодательства, имплементирующего положения ТРИПС, и попустительской политики некоторых стран-членов ВТО (особенно Китая), которые нарушают интересы иностранных правообладателей.

Дискуссии по спорам о нарушении ТРИПС в ВТО обострились в ходе международного торгового конфликта последних двух лет между США и Китаем. Китай находится в приоритетном листе наблюдения со стороны Офиса торгового представителя США по части 301 [4]. В отчете Конгрессу за 2019 г. зафиксирован целый ряд существенных нареканий: от абстрактных обвинений в поддержании «печально известных рынков» («*notorious markets*») до вполне конкретных указаний на отсутствие мер по пресечению недобросовестной регистрации товарных знаков и присвоение торговых секретов [5, р. 37, 38]. Несмотря на наличие моратория на споры по нарушениям ТРИПС, который постоянно продлевается (в настоящее время решение вопроса отложено до Министерской конференции 2020 г.), назрела необходимость прояснить что же находится за рамками нарушения обязательств по ТРИПС. На наш взгляд, урегулирование споров между странами-членами ВТО по нарушениям позволило бы обсудить не только интересы правообладателей из развитых стран, но и обязательства развитых стран-членов по ст. 7, 8 ТРИПС, в которых зафиксированы выгоды и преимущества, на которые рассчитывали развивающиеся страны, вступая в ВТО. Соответственно и на межгосударственном уровне нарушение прав интеллектуальной собственности становится основным ориентиром права и практики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Chen, P.-H. To Obtain a Patent Non-Infringement Opinion, or Not to Obtain it. That is the Question! (July 7, 2017) // *Iuris Dictio*. – Vol. 19. – P. 27-42.
2. Directive (EU) 2019/790 of the European Parliament and of the Council of 17 April 2019 on copyright and related rights in the Digital Single Market and amending Directives 96/9/EC and 2001/29/EC // *Official Journal*. – 2019. – L 130. – P. 92-125.
3. TRIPS: «non-violation» complaints (Article 64.2). Background and the current situation [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.wto.org/english/tratop_e/trips_e/nonviolation_background_e.htm. – Date of access: 18.10.2019.
4. Section 301 – China [Electronic resource]. Office of The Trade Representative. – Mode of access: <https://ustr.gov/issue-areas/enforcement/section-301-investigations/section-301-china>. – Date of access: 19.10.2019.
5. 2018 Report to Congress on China’s WTO Compliance. – Washington: United States Trade Representative, 2019. – 175 p.

ВОЗМЕЩЕНИЕ НЕИМУЩЕСТВЕННОГО ВРЕДА ЮРИДИЧЕСКИМ ЛИЦАМ: ПОДХОДЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ

Н. Г. Маскаева

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, maskayeva@bsu.by*

Проанализированы положения нормативных правовых актов Республики Беларусь, актов законодательства и материалов правоприменительной практики ряда зарубежных государств, касающиеся возмещения неимущественного вреда юридическим лицам. Сделан вывод о необходимости закрепления возможности его компенсации в отечественном праве за счет введения нового правового института с сохранением или исключением института морального вреда, либо модификации последнего (в частности, путем изменения его определения, включения юридических лиц в круг субъектов, имеющих право на его компенсацию). Поскольку определение истцом точного размера неимущественного вреда может быть зачастую невозможным, в белорусском законодательстве должны быть нормы, гарантирующие, что в удовлетворении соответствующего требования судами в таких случаях отказано не будет.

Ключевые слова: неимущественный вред; моральный вред; деловая репутация; юридическое лицо; нематериальное благо.

COMPENSATION OF NON-PROPRIETARY DAMAGE TO LEGAL ENTITIES: APPROACHES OF THE REPUBLIC OF BELARUS AND FOREIGN STATES

N. G. Maskayeva

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The provisions of the normative legal acts of the Republic of Belarus, acts of legislation and law enforcement practice of a number of foreign states, concerning compensation of non-pecuniary damage to legal entities are analyzed. It is necessary to set forth the possibility of its compensation in the national law by introducing a new legal institution with the preservation or exclusion of the institution of moral damage, or by modifying the latter (in particular, by changing its definition, including legal entities in the range of the subjects entitled to its compensation). Since the determina-

tion of the exact amount of non-pecuniary damage may often be impossible for the plaintiff, the Belarusian legislation should have the norms serving as a guarantee that courts will not refuse to satisfy the relevant demand in such cases.

Key words: non-pecuniary damage; moral damage; business reputation; legal entity; intangible good.

Анализ Конституции Республики Беларусь 1994 г. (ч. 2 ст. 60) и Гражданского кодекса Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. (далее – ГК) позволяет утверждать, что, несмотря на отсутствие в них термина «неимущественный вред», под таким понимается моральный вред. С учетом из его определения как физических или нравственных страданий, правом требовать денежной компенсации такого вреда белорусский законодатель наделил только физических лиц (ст. 152, п. 7 ст. 153 ГК).

Вместе с тем возможность причинения юридическим лицам иного неимущественного вреда следует из норм иных актов законодательства, в частности, абз. 10 ст. 1 Закона Республики Беларусь «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» от 12 декабря 2013 г. в редакции Закона Республики Беларусь от 8 января 2018 г., в соответствии с которым для того, чтобы указанные в нем действия могли быть признаны недобросовестной конкуренцией, необходимо, наряду прочего, чтобы они могли причинить или причинили убытки другим конкурентам либо могли нанести или нанесли **вред их деловой репутации**.

В отечественных нормативных правовых актах не содержится определения данного вреда. В п. 15 Методических рекомендаций по установлению факта наличия (отсутствия) нарушения антимонопольного законодательства в части недобросовестной конкуренции, утвержденных приказом Министра антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь от 18 сентября 2017 г. № 154, указано, что под вредом, причиненным деловой репутации конкурентов, следует понимать всякое ее умаление, которое может носить как имущественный, так и **неимущественный характер** (утрата конкурентами положительного мнения об их деловых качествах в глазах общественности и, в частности, делового сообщества). При этом из данного пункта следует, что такая утрата не обязательно повлечет потери имущественного характера.

Несмотря на изложенное, правовых оснований для вынесения белорусскими судами решений о компенсации юридическим лицам неимущественного вреда на сегодняшний день не имеется, поскольку такого способа защиты гражданских прав ни ГК, ни иные акты законодательства Республики Беларусь не предусматривают.

Законодательство ряда зарубежных государств прямо указывают на возможность компенсации такого вреда.

Например, из п. 1 и 2 ст. 23 Гражданского кодекса Украины от 16 января 2003 г. следует, что юридическое лицо имеет право на возмещение морального вреда, который заключается в унижении его деловой репутации. В соответствии с п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Украины от 31.03.1995 г. № 4 «О судебной практике по делам о возмещении морального (неимущественного) вреда» под моральным вредом следует понимать потери неимущественного характера вследствие моральных или физических страданий или других негативных явлений, причиненных физическому или юридическому лицу незаконными действиями или бездействием других лиц.

Под неимущественным вредом, причиненным юридическому лицу, следует понимать потери неимущественного характера, наступившие в связи с унижением его деловой репутации, посягательством на фирменное наименование, товарный знак, производственную марку, разглашением коммерческой тайны, а также со-

вершением действий, направленных на снижение престижа или подрыв доверия к его деятельности.

Согласно ч. 3 ст. 16 Гражданского кодекса Кыргызской Республики от 8 мая 1996 г. в случаях, предусмотренных данным Кодексом и другими законами, моральный вред может быть компенсирован юридическому лицу. В п. 5 ст. 18 ГК Кыргызской Республики закреплено, что гражданин, в отношении которого распространены сведения, порочащие его честь, достоинство или деловую репутацию, а также юридическое лицо, в отношении которого распространены сведения, порочащие его деловую репутацию, вправе наряду с опровержением таких сведений требовать возмещения убытков и морального вреда, причиненных их распространением.

Высшие судебные инстанции некоторых стран дальнего зарубежья также высказались в пользу возможности компенсации и (или) принимали решения о компенсации неимущественного вреда юридическим лицам.

Например, как следует из Определения Судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 18 ноября 2016 г. N 307-ЭС16-8923, вступление в силу с 01.10.2013 новой редакции статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации от 21 октября 1994 г. (Ч. 1), исключившей возможность компенсации морального вреда в случае умаления деловой репутации юридических лиц не препятствует защите нарушенного права посредством заявления юридическим лицом требования о возмещении вреда, причиненного репутации юридического лица, под которым понимается всякое ее умаление, которое проявляется, в частности в наличии у юридического лица убытков, обусловленных распространением порочащих сведений и иных неблагоприятных последствиях в виде утраты юридическим лицом в глазах общественности и делового сообщества положительного мнения о его деловых качествах, утраты конкурентоспособности, невозможности планирования деятельности и т.д. Данный вывод, как указано, следует из определения Конституционного Суда Российской Федерации от 04.12.2003 N 508-О, в соответствии с которым отсутствие прямого указания в законе на способ защиты деловой репутации юридических лиц не лишает их права предъявлять требования о компенсации убытков, в том числе нематериальных, причиненных умалением деловой репутации, или нематериального вреда, имеющего свое собственное содержание (отличное от содержания морального вреда, причиненного гражданину), которое вытекает из существа нарушенного нематериального права и характера последствий этого нарушения (п. 2 ст. 150 Гражданского кодекса).

В 2010–2012 гг. швейцарскими судами рассматривалось дело между компанией, занимавшейся морской торговлей, в частности перевозкой грузов и фрахтованием лодок и грузов, и ее бывшим исполнительным директором, который создал Интернет-страницу под доменным именем, аналогичным используемому бывшим работодателем, содержащую порочащие последние сведения. Суд справедливо решением от 4 ноября 2011 г. обязал ответчика, в том числе, выплатить истцу в качестве компенсации морального вреда 25 000 швейцарских франков плюс 5% процентов годовых по состоянию на 8 января 2010 года. Ответчик не согласился с данным решением, считая, в частности, что размер данной компенсации является несправедливым, и подал апелляцию в Федеральный суд Швейцарской Конфедерации. Федеральный суд в решении от 11 апреля 2012 г. № 4А_741/2011 указал следующее: «...норма п. 1 ст. 49 Кодекса об обязательствах предусматривает компенсацию морального вреда для потерпевшего от незаконного посягательства на личность, в том случае, если это оправдано серьезностью посягательства и причинитель вреда не предоставил потерпевшему никакого иного удовлетворения. В соответствии с прецедентным правом, на защиту личности может ссылаться как физическое, так и юридическое лицо, в той мере, в какой она не затрагивает ха-

раактеристики, присущие по своей природе только физическим лицам. К личным правам, принадлежащим юридическим лицам, относят чувство чести, защиту частной или конфиденциальной сферы, право на социальное признание и право на свободное экономическое развитие...юридическое лицо как создание правопорядка действует исключительно через физических лиц, которые являются его органами; это части самого юридического лица...орган и юридическое лицо рассматриваются как идентичное лицо...в случае, когда жертвой нападения на личность юридического лица является его орган, он испытывает за него страдания, которые дают право юридическому лицу требовать морального ущерба от своего имени. Таким образом, необходимо подтвердить прецедентное право, согласно которому юридическое лицо может подать в суд иск о возмещении морального вреда в соответствии со ст. 49 Кодекса об обязательствах». Данным решением размер морального вреда был уменьшен

В решении Верховного Суда Перу по делу № 2673-2010-Лима от 31.05.2010 отмечается следующее: «в доктрине выделяют вред имущественного характера...и...неимущественный вред, который причиняется самому лицу и имеет душевное, психологическое, неимущественное измерение...и включает...вред личности (понимаемый как вред экзистенциальным или неэкономическим правам лица) и моральный вред (выражаемый в беспокойстве, горе, физических и психических страданиях, испытываемых потерпевшим, которые носят преходящий, а не постоянный характер). ...Эспиноза Эспиноза отмечает, что юридические лица как обладатели существующих прав (таких, как право на идентичность, репутацию, приватность, наряду с иными) могут претерпевать моральный вред, поскольку их права могут быть нарушены в случае распространения в их отношении неточных сведений или негативных суждений или нарушения их корреспонденции, и могут ходатайствовать о возмещении имущественного и неимущественного вреда».

Как видно, в отношении вреда, имеющего неимущественный характер, в указанных документах используется различная терминология: «моральный вред», «нематериальные убытки», «нематериальный вред», «неимущественный вред». При этом в большинстве из них он упоминается в связи с посягательством только на деловую репутацию или иные нематериальные блага или нарушением личных прав.

На наш взгляд, юридические лица должны иметь возможность компенсации неимущественного вреда. Ее наличие будет способствовать максимальной реализации охранительной функции гражданского права, заключающейся не только в полном восстановлении имущественной и неимущественной сферы субъектов гражданских правоотношений, но и в предупреждении будущих правонарушений, т.е. служить удовлетворению как частных, так и публичных интересов.

С учетом опыта зарубежных государств, представляется, это возможно за счет введения в белорусское законодательство нового правового института с сохранением или исключением института морального вреда, либо за счет модификации последнего (в частности, путем изменения его определения, включения юридических лиц в круг субъектов, имеющих право на его компенсацию).

Поскольку определение истцом точного размера неимущественного вреда, в отличие от размера убытков, может быть зачастую невозможным, в законодательстве Республики Беларусь должны существовать нормы, служащие гарантией того, что в удовлетворении соответствующего требования судами в таких случаях отказано не будет.

ПРЕЗУМПТИВНЫЕ ПОДХОДЫ В ПРОЕКТЕ ПЕРЕСМОТРА КОЛЛИЗИОННЫХ ПРАВИЛ

В. О. Павловский¹⁾, Е. Б. Леанович²⁾

¹⁾ *Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, vilen4eg@tut.by*

²⁾ *Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, leanovich@bsu.by*

В статье рассматривается проблема презумпций принципа наиболее тесной связи в международном частном праве. На основе нормативного материала обозначена тенденция отказа от субъективной модели определения применимого права при отсутствии соглашения сторон с использованием коллизионного метода. Анализ доктринального материала доказал исторически обусловленную критику некоторых презумптивных положений отраженных в системе общего права касающихся категорий существенности и разумности. Автор указывает на возможные недостатки субъективной модели определения применимого права, исходя из традиционного подхода в системе common law. В работе приведены аргументы в пользу отказа от чрезмерной широкой трактовки презумпций «substantial» и «reasonable» существенно влияющие на коллизионное решение спора.

Ключевые слова: принцип наиболее тесной связи; коллизионное право; гибкое регулирование; международное частное право; категория разумности в коллизионном праве; категория существенности в коллизионном праве; третий свод конфликтного (коллизионного) права.

RESTATEMENT THIRD OF CONFLICT OF LAWS

V. O. Pavlovsky^a, E. B. Leanovich^b

^a*Belarusian State University, Nezavisimosti Ave., 4, 220030, Minsk, Belarus*

^b*Belarusian State University, Niezaliežnasci Ave., 4, 220030, Minsk, Belarus*

The article considers the problem of presumptions of the principle of the closest connection in private international law. Based on the regulatory norms, the tendency of abandoning the subjective model of determining the applicable law in the absence of agreement of the parties using the conflict method is indicated. The analysis of the doctrinal material proved historically conditioned criticism of some presumptive provisions reflected in the common law system regarding categories of substantial and reasonableness. The author points out possible shortcomings of the subjective model for determining the applicable law, based on the traditional approach in the common law system. The paper presents arguments in favor of rejecting an overly broad interpretation of the presumptions of “substantial” and “reasonable” that significantly affect the conflict resolution of the dispute.

Key words: principles of the closest connection, collision law, flexible regulation, international private law, reasonable, substantial, restatement second of conflict of laws.

В американской правовой системе традиционно выбор применимого права обуславливается наличием категории разумности – «reasonable», или категорией существенности – «substantial» и их устойчивой связи с элементами правоотношения. Например, в § 187 (2) Restatement Second of Conflict of Laws 1971 г. отмечено, что право государства, избранное сторонами для регулирования их договорных прав и обязанностей, не применяется, если оно не имеет существенной связи со сторонами или договором, и нет никакой другой разумной основания для выбора сторон. Данный подход синтезирует субъективно-объективные критерии, и предполагает расширительную трактовку принципа учета связей различной правовой этиологии. Иными словами присутствует полноценный функциональный анализ с превалированием судейского усмотрения. Однако субъективный подход, основанный на гипотетической воле сторон, с учетом современного законодательства

и доктрины представляется на сегодняшний день достаточно спорной концепцией. Еще ученый Л. А. Лунц отмечал, что отыскание предполагаемой (гипотетической) воли «разумного человека», является юридико-техническим приемом, который в английской практике именуется отысканием «закона, свойственного данному договору» (the proper law of the contract). Такой юридико-технический прием, является методом отыскания наиболее тесной связи. Автор подчеркивает, что исследование намерений сторон на деле является исследованием не действительных намерений X и A, ибо таких намерений, возможно, на деле вовсе не существовало, а исследованием воли, которую выразили бы разумные люди, если бы они находились в положении X и A и если бы внимание таких разумных людей было обращено на обстоятельства, на которые X и A не обратили внимания [1, с. 214 – 216]. Подтверждая тот факт, что «reasonable man» является своеобразной правовой фикцией, которая помогает суду при оценке обстоятельств спора о толковании, обосновывать правовую позицию деперсонализированным (объективным) стандартом поведения и понимания [2]. Традиционно в договорном праве США, намерение определяется не по личному, субъективному отношению лица, а по внешним – объективным признакам, исходя из поведения свойственного некоему стандартному разумному человеку (теория «объективного договора» – «objective theory of contracts»). Определение «гипотетической воли» в общем праве в действительности на практике» всегда было связано с учетом судом объективных деперсонализированных стандартов разумного поведения, основанных на общих интересах. Иначе разгадывание предполагаемых субъективных намерений сторон сводит к нулю все возможности суда по установлению применимого права [3, с.153]. Поэтому, сегодня принцип разумной связи в доктринальной плоскости критикуется как – ограничительный, не учитывающий реалии современного мира. Это подтверждает и практика судов, которые перестали использовать презумпцию разумной связи при оценке возможного выбора права сторонами. Более того, в западной науке активно обсуждается отказ от принципа существенной связи, при подготовке проекта «Restatement Third of Conflict of Laws», который разрабатывает Американский институт права (ALI). В настоящий момент вышеназванные коллизионные правила находится в состоянии трансформации [4]. Так в некоторых нормативных актах штатов, например ст. 3540 ГК Луизианы [5], п. § 15.350 Орегон [6], § 35.51 Техасского Гражданского и коммерческого кодекса [7], п. § 1646.5 Гражданского кодекса штата Калифорния [8], п. 105 / 5-5 Обобщенного закона штата Иллинойс [9], отказались от принципа существенной связи при решении междуштатных и международных коллизий.

Ученый N. Cohen выступает за исключения из «Restatement Third of Conflict of Laws» принципа существенной связи в части применения его к международным коммерческим договорам, то есть считает необходимым исключить из сферы договорного права. Определенную целесообразность автор видит в возможности исключения механизмов саботажа сторонами, при аргументации выбора ненадлежащего права на постулатах «существенной связи», или «подразумеваемой связи одной из сторон» спора [4]. В свою очередь ученый L. Silberman предлагает закрепить в «Restatement Third of Conflict of Laws» подход, основанный на европейской модели коллизионного регулирования, по аналогии с Регламентом ЕС № 593/2008 «О праве, применимом к договорным обязательствам» 2008 г. Особенной чертой которого является анализ с позиции «materially greater interest», однако не в субъективном, а в объективном смысле. Иными словами учитываются более очерченные (материальные) публичные императивы конкурирующей юрисдикции. Следует отметить, что схожее правило имеет место, в Американском праве исходя из комментария статьи к § 187 (2) «Restatement Second of Conflict of Laws», однако функциональный (американский) анализ подразумевает более

субъективные критерии. Таким образом, при исключении категорий «reasonable», и «substantial» из коллизионных методик, американское коллизионное право станет более определенным и в то же время сохранит свою гибкость. Более того, если данные подходы получают прецедентное толкование, это непременно скажется на теории гибкого регулирования в международном частном праве. Критерий наиболее тесной связи получит более узкое толкование со стороны субъективной оценки элементов правоотношения, это даст своеобразный толчок концепции смешанного правового подхода, позволяющая реализовать принцип наиболее тесной связи посредством учета объективных публичных, социальных, экономических, юридических, территориальных компонентов, служащих ориентиром судьбе при формировании коллизионной презумпции ad hoc.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Лунц Л.А. Курс международного частного права. Учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство БЕК, 2002. – 656 с.
2. Байрамкулов А.К. Толкование договора в российском и иностранном гражданском праве: Дис. ...канд. юрид. наук. М., 2014. С. 82.
3. Шумилов, В. М. Правовая система США : учеб. пособие / В. М. Шумилов; Всерос. акад. внеш. торговли. – М.: Междунар. отношения, 2013. – 406 с.
4. L. Brilmayer, Continuity and Change in the Draft Restatement (Third) of Conflict of Laws: One Step Forward and Two Steps Back? / L. Brilmayer Daniel, B. Listwa. – 22 Oct. – Yale; L. J. F. – 2018.
5. Louisiana Civil Code [Electronic resource]. – Mode of access: <https://law.ustia.com/codes/louisiana/2009/c/c3540.html>.
6. Oregon Revised Statutes [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.oregonlaws.org/ors/455.060>.
7. Texas Business & Commerce Code [Electronic resource]. – Mode of access: <https://law.justia.com/codes/texas/2005/bc/004.00.000035.00.html>.
8. New York General Obligations Law [Electronic resource]. – Mode of access: <http://codes.findlaw.com/ny/general-obligations-law/gob-sect-5-1401.html>.
9. New York General Obligations Law [Electronic resource]. – Mode of access: <http://codes.findlaw.com/ny/general-obligations-law/gob-sect-5-1401.html>.
10. Illinois Compiled Statutes [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.ilga.gov/legislation/ilcs/fulltext.asp?DocName=073501050K5-5.105>
11. Silberman L. J. The Transnational Case in Conflict of Laws: Two Suggestions for the New Restatement Third of Conflict of Laws – Judicial Jurisdiction over Foreign Defendants and Party Autonomy in International Contracts [Electronic resource] / Linda J. Silberman, Nathan D. Yaffe // Duke Journal of Comparative and International Law. – 2017. – Vol 27:405. – P. 405 – 460. – Mode of access: http://lsr.nellco.org/cgi/viewcontent.cgi?article=1593&context=nyu_plltwp.

ОГОВОРКА О ПУБЛИЧНОМ ПОРЯДКЕ В ТРАНСГРАНИЧНОМ БАНКРОТСТВЕ

А. Н. Скобей

*Общество с ограниченной ответственностью «Бориус Консалтинг»,
220036, г. Минск, ул. К. Либкнехта, д. 66, офис 205, a.skobej@gmail.com*

Настоящая публикация посвящена применению оговорки о публичном порядке в таком институте международного частного права как трансграничное банкротство. Особый акцент делается на применении оговорки о публичном порядке в делах о признании иностранных процедур банкротства. Так, автором проведён анализ последней судебной практики по данной теме, в частности дела о непризнании Верховным судом Королевства Нидерландов российского банкротства ОАО «НК «ЮКОС» в отношении дочерней нидерландской компании.

Делается вывод о тенденциях применения оговорки о публичном порядке в международном банкротном праве.

Ключевые слова: международный гражданский процесс; трансграничное банкротство; оговорка о публичном порядке.

PUBLIC POLICY CLAUSE IN CROSS-BORDER BANKRUPTCY

A. N. Skabei

*Limited liability company Borius Consulting,
st. K. Liebknecht, 66, office 205, 220036, Minsk, Belarus,*

This publication is devoted to the application of the public policy clause in an institution of private international law such as cross-border bankruptcy. Particular emphasis is placed on the application of the public policy clause in cases of recognition of foreign bankruptcy proceedings. Thus, the author analyzed the latest judicial practice on this topic, in particular, the case of the Supreme Court of the Kingdom of the Netherlands not recognizing the Russian bankruptcy of NK Yukos OJSC in relation to a subsidiary of the Netherlands. The conclusion is drawn about the trends in the application of the public policy clause in international bankruptcy law.

Key words: international civil process, cross-border bankruptcy, public policy clause.

Правовая категория «публичный порядок» призвана объединить фундаментальные правовые принципы, основополагающие представления о справедливости и морали, а также основные законоположения, имеющие общеобязательный характер в силу их исключительной значимости для общества и государства в целом. В сфере Международного частного права оговорка о публичном порядке представляет собой основание для отказа в применении иностранной нормы права или в признании и приведении в исполнение решения иностранного суда [1, С. 314].

В сфере трансграничного банкротства оговорка о публичном порядке находит многосторонне применение, так как трансграничное банкротство включает как вопросы применения иностранного банкротного права, так и вопросы признания решений иностранных судов по делам о банкротстве.

Важность оговорки о публичном порядке подтверждается тем фактом, что данной категории отводится значительное внимание в документах ЮНСИТРАЛ, посвященных трансграничному банкротству. Так, ст. 7 Типового закона ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности (далее – Типовой закон) допускает делать исключение из применения данного закона, если «соответствующая мера будет явно противоречить публичному порядку настоящего государства» [2].

Многие государства, принимая Типовой закон ЮНСИТРАЛ, регламентируют применение оговорки о публичном порядке. Тут следует упомянуть отчет Комитета по банкротному праву Индии, представленный в октябре 2018 г. после публичного обсуждения проекта Министерства по делам компаний. В отчете этого Комитета было рекомендовано принять положения Типового закона, сохранить принцип взаимности при признании иностранных решений, а также предусмотреть возможность применения оговорки о публичном порядке в том виде, в каком она предусмотрена Типовым законом. Центральный аппарат Трибунала по вопросам компаний при этом получает главенствующую роль в сфере разрешения вопросов трансграничного банкротства и будет уполномочен давать оценку возможности применения оговорки о публичном порядке [3].

Содержание оговорки о публичном порядке определяется международными документами и национальными законодательствами по-разному. Так, по мнению В.В. Яркова, «ведь сама юридическая конструкция «противоречие публичному

порядку Российской Федерации» носит оценочный характер, позволяя ее толковать по-разному в различных ситуациях» [4].

При этом, разрешая вопрос о необходимости воспользоваться защитой механизма публичного порядка правоприменительный орган должен исходить не из противоречия содержания иностранной нормы основополагающим принципам права страны суда (*lex fori*), а из неприемлемости для страны суда последствий применения иностранной нормы.

Так, может оказаться, что ликвидация должника по итогам российской процедуры банкротства вовсе не означает, что решение иностранного суда не может быть признано. В связи с тем, что ОАО «АБ «Инкомбанк» ликвидировано в процессе банкротства, решение иностранного суда, которое невозможно исполнить, не может противоречить публичному порядку Российской Федерации. Исходя из изложенного, ФАС Московского округа самостоятельно признал иностранное арбитражное решение о взыскании денежных средств с ОАО «АБ «Инкомбанк» в пользу «Индосуэз Интернэшнл Файнэнс Б.В.». То есть иностранный кредитор вступил в правоотношение банкротства, которое является прекращённым [5].

Особое практическое значение применительно к трансграничному банкротству оговорка о публичном порядке имеет в делах о признании иностранных судебных решений о банкротстве. Порой от признания или непризнания данных решений зависит судьба находящегося в иностранных государствах имущества должника, дочерних и зависимых юридических лиц. Применение оговорки о публичном порядке в данных делах может повлечь значительные изменения объёма конкурсной массы либо нивелировать последствия уже завершённого банкротства.

Так, Верховный суд Нидерландов 18 января 2019 года отказался признавать решение Арбитражного суда города Москвы о банкротстве ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» (далее - ЮКОС). Компетенция нидерландского суда была основана на том факте, что ЮКОС являлся собственником нидерландской компании, которой в свою очередь принадлежали многие активы на территории Европейского союза. Разбирательство по делу банкротства ЮКОС имело в нидерландских судах давнюю историю, однако только Верховный суд поставил точку в данном деле: решение российского суда не признается на основании противоречия публичному порядку Королевства Нидерландов [6].

Данное дело известно как минимум по двум причинам. Первая причина связана с развитием законодательства Нидерландов в области признания иностранных банкротств, возбужденных за пределами Европейского союза (далее - ЕС). Очевидно, что ранее существовавшая доктрина территориальности (ограничение территориального эффекта иностранных банкротств) уступила место универсальности (признанию экстерриториального эффекта иностранных банкротств) в практике нидерландских судов.

Второе относится непосредственно к применению оговорки о публичном порядке. Термин «публичный порядок» представляется несколько открытой, абстрактной нормой. Эта правовая норма должна быть выведена из национального права признающего государства, и, следовательно, данное понятие не обязательно имеет единообразное значение. Однако надлежащее отправление правосудия с достаточными гарантиями, на которое ссылается Верховный суд Нидерландов, соответствует формулировкам, содержащимся в Типовом законе.

Так, в деле Eurofood IFSC Ltd. 25 Европейский суд подчеркнул, что государство может отказать в признании производства по делу о банкротстве, если решение об открытии производства было принято с грубым нарушением основополагающего «права быть выслушанным». В контексте производства по делу о банкротстве право кредиторов или их представителей на участие в соответствии с принципом «равенства сторон» также имеет особое значение.

Основания для непризнания иностранных процедур банкротства должны быть сведены к необходимому минимуму согласно п. 65 Регламента ЕС №2015/848 от 20 мая 2015 года (далее – Регламент ЕС) [7]. Однако такие основания могут быть обусловлены грубыми нарушениями процессуальных или материальных принципов публичного порядка признающего государства.

Различия в процедурах банкротства или кажущаяся неправильность решения о банкротстве иностранного государства сами по себе не оправдывают вывод о том, что признание такого решения или процедуры, а также обеспечение их исполнения нарушило бы публичный порядок Нидерландов.

Одним из наиболее важных процессуальных прав является «право быть выслушанным» и иметь реальную возможность представлять доказательства и оспаривать аргументы противной стороны («равенство сторон»). Так, генеральный прокурор Нидерландов в Верховном суде указал в своем заключении, предшествующем рассматриваемому решению, что принцип «равенства сторон» также применим в вопросах законодательства о банкротстве.

Тот факт, что процедуры банкротства часто бывают быстрыми и могут быть мало регламентированными, не меняет данного факта. Тем не менее, поскольку применение оговорки о публичном порядке всегда является конкретным прецедентом, можно представить ситуации, которые требуют срочной реакции и мер со стороны суда или управляющих в деле о банкротстве.

Например, безотлагательность мер по сохранению имущества может оправдать отход от строгого применения «права быть выслушанным» при условии наличия достаточных гарантий (например, затронутая сторона будет иметь возможность оспорить принятую меру в короткие сроки). Исключение из публичного порядка также может быть вызвано отсутствием независимости и беспристрастности со стороны суда, а также коррупцией или мошенничеством, возникающими в ходе производства по делу о банкротстве.

Среди основных прав большую роль играет право на частную собственность. В деле ЮКОС Европейский суд по правам человека (далее - ЕСПЧ) установил нарушение права на собственность в связи с тем, как в России проводилось исполнительное производство. Несмотря на то, что ЕСПЧ не является частью системы институтов ЕС, все государства-члены ЕС являются договаривающимися сторонами Европейской конвенции о правах человека и связаны ее толкованием, данным ЕСПЧ.

Фундаментальный характер прав, гарантированных ЕСПЧ, делает его особенно актуальным для определения сущности и объема публичного порядка. Это было подтверждено нидерландскими судами по делу ЮКОСа. Отсутствие предсказуемости и предсказуемости норм банкротного законодательства в сочетании с их несправедливым применением также привело к нарушению права на собственность в случае Бояджиевой (*Boyadzhieva and Gloria International Limited EOOD versus Bulgaria*).

В последнем случае ЕСПЧ постановил, что широкие возможности признания недействительными обычных ежедневных финансовых операций в отсутствие недобросовестности или ущерба для прав кредиторов представляют собой серьезное препятствие для осуществления права на частную собственность и не предлагают справедливого подхода.

Каковы последствия или практические последствия нарушения публичного порядка? Как Регламент ЕС, так и Типовой закон предусматривают, что в таком случае запрашиваемое государство может отказать в признании иностранного производства по делу о несостоятельности. Однако приобретатель акций дочерней нидерландской компании, принадлежащей ЮКОС, выдвинул аргумент о том, что применение оговорки о публичном порядке не может затронуть сделку по купле-

продаже акций, так как эти юридические факты не связаны. Верховный суд Нидерландов отверг этот аргумент, указав, что при непризнании решения иностранного суда незаконными становятся и все юридически значимые действия, совершенные на территории Нидерландов в его исполнение.

В заключении нужно указать на то, что проблема применения оговорки о публичном порядке в трансграничных банкротствах не теряет своей актуальности. Во-первых, потому, что судебная практика по таким делам не носит массовый характер, а значит сложно говорить о какой-то окончательно сложившейся правоприменительной концепции. Во-вторых, потому, что не существует доктринально оформленного критерия применения оговорки о публичном порядке, что сохраняет фактор субъективности и широкое поле для судебного усмотрения. В то же время, сам факт закрепления возможности применения оговорки о публичном порядке в таких авторитетных источниках регулирования трансграничного банкротства как Типовой закон и Регламент ЕС, говорит о необходимости продолжать развивать правовое регулирование и научное исследование данного вопроса.

Последняя судебная практика в рамках ЕС утверждает зависимость применения оговорки о публичном порядке от фактора соблюдения при вынесении решения, признание которого испрашивается, фундаментальных прав человека, закрепленных международными договорами. При этом решения ЕСПЧ могут служить доказательством отсутствия гарантий прав человека в соответствующем деле для государств, признающих юрисдикцию ЕСПЧ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Международное частное право: учебник: в 2 т. / А.И. Абдуллин, Н.М. Артемьева, Д.В. Афанасьев и др.; под ред. С.Н. Лебедева, Е.В. Кабатовой. М.: Статут, 2011. Т. 1: Общая часть.

2. Типовой закон ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности: материалы судебной практики [Электронный ресурс] // ЮНСИТРАЛ. – Нью-Йорк, 2014. – Режим доступа: <https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/judicial-perspective-2013-r.pdf>. – Дата доступа: 19.10.2019.

3. Report of Insolvency Law Committee on Cross Border Insolvency [Electronic resource] // Ministry of Corporate Affairs Government of India. – 2018. – October. – Mode of access: http://www.mca.gov.in/Ministry/pdf/CrossBorderInsolvencyReport_22102018.pdf. – Date of access: 08.05.2019.

4. Ярков В.В. Производство по делам о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов и иностранных арбитражных решений (краткий комментарий к главе 31 АПК) // Арбитражный и гражданский процесс. 2003. №5.

5. Постановление ФАС Московского от 22.09.2005г., 15.09.2005г. N КГ-А40/8723-05-П)» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2019.

6. Wessels B., Kokorin I. Insolvency of Yukos and Public Policy in International Insolvency Cases [Electronic resource] / B. Wessels, I. Kokorin // International Corporate Rescue. – 2019. – P. 229-234.

7. Regulation (EU) 2015/848 of the European Parliament and of the Council of 20 May 2015 on insolvency proceedings (recast) [Electronic resource] // eur-lex.europa.eu. – Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32015R0848&from=en>. – Date of access: 19.09.2019.

К ВОПРОСУ О РЕЖИМЕ ИМУЩЕСТВА И ЖИЛИЩНОМ СТАТУСЕ СОЖИТЕЛЕЙ ДЕ-ФАКТО В ПРАВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ

И. А. Сакович

ООО «Розум Роботикс», ул. Бирюзова 4/5, 220030, г. Минск, Беларусь, igor-sakovich@mail.ru

В статье рассматривается вопрос особенностей правового регулирования имущественного режима сожителей де-факто, а также жилищно-правовые последствия данного вида фактических брачных отношений в праве зарубежных государств. Проанализированы основные подходы к регулированию правовых последствий сожительства де-факто в вышеназванных сферах. Сделан вывод о наличии/отсутствии влияния статуса супруга на осуществление и реализацию семейно-правовых правомочий (имущественных и жилищных).

Ключевые слова: фактические брачные отношения; сожительство де-факто; правовые последствия; имущественный режим; жилищные правоотношения.

PROPERTY REGIME AND HOUSING STATUS OF DE-FACTO COHABITANTS IN THE LAW OF FOREIGN STATES

I. A. Sakovich

«Rozum Robotics» LLC, 4/5 Biruzova street, Minsk, 220030, Belarus, igor-sakovich@mail.ru

The article discusses the features of the legal regulation of the property regime of de-facto cohabitants, as well as the housing consequences of this type of actual marriage in the law of foreign states. The main approaches to the regulation of the legal consequences of de facto cohabitation in the above areas are analyzed. The conclusion is made about the presence / absence of the influence of spouse status on the implementation of family legal powers (property and housing).

Key words: actual marriage relations; de-facto cohabitation; legal consequences; property regime; housing relation.

На сегодняшний день заключение брака продолжает оставаться естественной предпосылкой для наделения супругов семейно – правовой правосубъектностью в полном объёме, в том числе в части жилищных и имущественных правоотношений. Наряду с этим, зарубежный законодатель исходит из возможности наделения лиц, состоящих в фактических брачных отношениях в виде сожительства де-факто, ограниченной семейно-правовой правосубъектностью в ряде случаев. Цель настоящей статьи состоит в выявлении основных подходов к регулированию имущественных и жилищных правовых последствий сожительства де-факто в праве зарубежных государств и формулировании вывода о влиянии наличия / отсутствия статуса супруга на осуществление данных правомочий в семейной сфере.

Необходимо отметить, что на данный момент не существует единообразного подхода к урегулированию вопроса правового статуса партнёров (сожителей) де-факто в праве зарубежных государств, где данная форма фактических брачных отношений порождает правовые последствия. Вышесказанное относится среди прочего к имущественным и жилищным правовым последствиям сожительства де-факто.

Существует немногочисленная группа стран, где за супругами и лицами, проживающими в сожительстве де-факто, признаются равные имущественные и жилищные правовые последствия. В частности, в соответствии с п. 2 ст. 11 Акта Хорватии о семье [1] внебрачный союз лиц создает личные и имущественные последствия, наравне с брачным союзом, к нему применяются положения вышеназванного Акта о личных и имущественных правоотношениях супругов, а также

положения иных законов, регулирующих отношения в браке. При этом отдельно указывается, что создание неблагоприятных условий для фактических супругов в отношении доступа к льготам и привилегиям, гарантированным для супругов, которые не могут быть оправданы объективными причинами, представляют собой дискриминацию по признаку семейного положения (п. 3 ст. 11 Акта). Схожие нормы содержатся в ст. 12 Акта Словении о браке [2]. Следовательно, в данных странах устанавливается режим общей совместной собственности на всё приобретенное в период сожительства имущество, которым сожители владеют в равных долях (пар. 1 и 3 Акта Хорватии о семье, ст. 51 Акта Словении о браке). При этом равные права признаются не за всеми сожителями де-факто, а только в отношении тех, кто удовлетворяет установленным критериям. Например, в Хорватии последствия распространяются на не состоящих в браке мужчину и женщину, которые находятся во внебрачном союзе не менее трех лет, либо менее – но при условии наличия у сожителей ребенка, родившегося в период сожительства (п. 1 ст. 11 Акта Хорватии о семье). В Словении законодательно закреплено, что правовые последствия порождают схожие с брачными долгосрочные отношения между двумя лицами противоположного пола, которыми соблюдены все материальные условия заключения брака (ст. 12 Акта Словении о браке и семейных отношениях).

Из симметричности имущественного режима супругов и сожителей де-факто исходит правовое регулирование Австралии (ч. 8 Акта семейного права Австралии [3]). Режим общей совместной собственности в отношении всего имущества сожителей, применяется также в Венгрии в соответствии со ст. 578/G(1) Гражданского кодекса Венгрии 1959 г. [4] в отношении имущества, приобретенного до марта 2014. Аналогичное регулирование режима собственности сожителей предусмотрено ст. 74 Семейного кодекса Украины [5]. Вместе с тем, вышеназванные лица могут в договорном порядке установить иной правовой режим совместно нажитого имущества по аналогии с супругами.

В некоторых странах режим имущества сожителей де-факто, аналогичный супружескому, применяется фрагментарно (т.е. только в отношении имущества определённого рода). Так, в Швеции режим совместной собственности сожителей де-факто распространяется лишь на совместное жилище и на предметы его обстановки, при условии, что они были приобретены с целью совместного использования сожителями (§3 Акта Швеции о сожительстве [6]), а также что фактические супруги не определили в договорном порядке иной режим собственности в отношении данного имущества (§9 Акта Швеции о сожительстве). Вышеназванное имущество является собственностью сожителей в равных долях (§ 14 Акта Швеции о сожительстве). Отметим, что положения вышеназванного Акта не охватывают иное имущество, например, банковские счета, ценные бумаги, автомобили и иное движимое имущество супругов, которое при разделе остаётся за его титульными владельцами.

В Финляндии в том случае, если сожительство де-факто длится более 5 лет (менее – при условии, что сожители имеют или имели общих детей), закрепляется презумпция распространения режима общей совместной собственности сожителей на движимое имущество, приобретенное ими в период сожительства (ст. 6 Акта о прекращении сожительства [7]). Также в ст. 8 данного Акта указывается, что после прекращения сожительства, сожитель имеет право на получение компенсации, в том случае, если он внёс определенный вклад, позволивший другому сожителю приумножить (увеличить стоимость) или обеспечить сохранность его недвижимого имущества. Таким образом, в данном случае режим общей совместной собственности на недвижимое имущество, применяемый в отношении супругов, заменён правом на обусловленную компенсацию.

В Шотландии в соответствии со ст. S. 26 Акта о семейном праве [8], устанавливается презумпция распространения равных долей в общей совместной собственности на «домашнюю утварь», под которой понимаются любые товары, используемые для совместных домашних целей или находящиеся в совместном жилище сожителей, за исключением денег, автомобилей, домашних животных.

Признание определённых правовых последствий сожительства де-факто в части жилищных правоотношений является более распространённой практикой. Например, право сожителя, не являющегося титульным арендатором, признаваться (рассматриваться) в качестве арендатора по всем арендным правоотношениям, связанным с общим жилищем (а также другими видами коммерческой аренды) в независимости от того, кто из сожителей непосредственно заключает договор аренды предусматривается ст. 3 Акта Мальты о сожительстве [9], Приложением 7 к Акту Англии о семье (положение применяется по дискреции суда) [10], ст. S. 11, S. 53 Акта Финляндии об аренде жилья [11], § 854 Гражданского кодекса (далее – ГК) Германии [12], § 23 Акта Швеции о сожительстве, § 33 главы 12 Земельного кодекса Швеции [13]).

Право сожителя на замещение другого сожителя в договоре аренды жилого помещения в случае его смерти предусматривается, например, ст. 14 Акта Австрии об аренде [14] (при условии, что сожительство продолжалось не менее 3 лет), ст. S. 76 Акта Дании об аренде [15], Ст. 14 Закона Франции № 89-462 [16] (при условии, что фактические супруги проживали совместно не менее 1 года), пар. 2 секц. 4 § 563 ГК Германии. Право сожителя на замещение другого в договоре аренды жилого помещения в случае, когда другой сожитель был определен в дом престарелых, либо отсутствует по другим причинам признается в соответствии со ст. 75(2) Акта Дании об аренде (при условии совместного проживания сожителей не менее 2 лет), ст. 14 Закона Франции № 89-462 (при условии, совместного проживания не менее 1 года), S. 13(9) Акта Шотландии о защите семьи [17].

Другим широко признанным правовым последствием сожительства в жилищной сфере является право сожителя на пользование жилищем, находящимся в собственности другого после прекращения отношений. Применение данного права предусматривается ч. 5 ст. 3.234 ГК Литвы [18] (при наличии совместных детей, родившиеся в период сожительства, либо объективных причин (состояние здоровья, возраст и др.), препятствующих приобретению собственного жилища)); ст. 4 Закона Португалии №. 7/2001 и ст. 1105 ГК Португалии [19] (применяется по дискреции суда); ст. S. 18 Акта Шотландии о защите семьи (применяется по решению суда на период не превышающий 6 месяцев); § 28 Акта Швеции о сожительстве (применяется по решению суда, в случае если конкретное жилище приобреталось в целях совместного проживания сожителей и до даты раздела имущества); § 22 Акта Швеции о сожительстве (применяется по решению суда, в случае если жилище не является объектом раздела и при наличии у второго сожителя весомих причин, чтобы осуществлять пользование).

В отдельных юрисдикциях правовыми актами предусматриваются и иные права сожителей де-факто, относящиеся к жилищной сфере. Например, равное с супругами право на приобретение кондоминиума закрепляется пар.1 ст. 5 Акта Австрии о кондоминиуме [20]; преимущественное право сожителя на выкуп общего жилища и его обстановки по рыночной цене при прекращении сожительства – ст. S. 3 Акта Норвегии о совместном хозяйстве [21]; право сожителя на замещение другого в договоре аренды жилого помещения при отказе другого от продления аренды или в случае желаниа приостановить аренду – ст. 12 Закона об аренде Испании [22] и S. 3 Акта Норвегии о совместном хозяйстве.

Таким образом, можно сделать вывод, что наличие официального статуса супруга у лица по-прежнему важнейшим образом влияет на определение его имущественного статуса в случае прекращения семейных отношений. Вопрос применения по умолчанию режима общей совместной собственности на имущество, приобретённое в период сожительства, аналогичного режиму имущества в официальном браке, по настоящее время остается неразрешенным в большинстве государств, признающих сожительства де-факто в качестве формы организации семейной жизни, способной влечь за собой некоторые правовые последствия. На данный момент не существует единообразного подхода к регулированию правового статуса сожителей де-факто в жилищной сфере. Вместе с тем, многие правомочия супругов в жилищной сфере на сегодняшний день признаются и в отношении сожителей де-факто. Таким образом, в жилищной сфере, наличие статуса супруга в меньшей степени оказывает влияние на возможность эффективного осуществления правомочий. Полагаем, прослеживается чёткая тенденция к разрешению вопросов, связанных с правомочиями в жилищной сфере, согласно которой при их определении учитывается реальное фактическое совместное проживание двух лиц, а не просто формальная регистрация отношений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. О семье [Электронный ресурс]: Акт Хорватии, 22.09.2015 г., № 103/15 // Официальный сайт МОТ. – Режим доступа: <https://www.ilo.org/dyn/natlex/docs/ELECTRONIC/101656/122585/F1052999276/HRV101656%20Hrv.pdf>. – Дата доступа: 10.10.2019.
2. О браке [Электронный ресурс]: Акт Словении, 1977 г., № 84/2012 // Сайт международной комиссии юристов. – Режим доступа: <https://www.icj.org/wp-content/uploads/2013/05/Slovenia-Marriage-and-Family-Relations-Act-1977-eng.pdf>. – Дата доступа: 11.10.2019.
3. О семейном праве [Электронный ресурс]: акт Австралии, 08.09.1975 г., № 53 с поправками, внесенными Актом № 129 о поправках к Закону о браке 2017 г. // Федеральный регистр законодательства Австралии. – Режим доступа: <https://www.legislation.gov.au/Details/C2018C00003>. – Дата доступа: 15.09.2019 г.
4. Гражданский кодекс Венгрии [Электронный ресурс]: Акт №4, 1959 // Сайт актов венгерского законодательства. – Режим доступа: <https://www.refworld.org/docid/4c3456fc2.html>. – Дата доступа: 16.09.2019 г.
5. Семейный кодекс Украины [Электронный ресурс]: принят Верховной Радой Украины 10.01.2002 г. // Правовед. – Режим доступа: <http://pravoved.in.ua/section-kodeks/77-sku.html>. – Дата доступа: 15.08.2019 г.
6. О сожительстве [Электронный ресурс]: Закон Швеции, 01.05.2003 г., № 2003:376 // Законодательство Швеции. – Режим доступа: <http://www.notisum.se/rnp/sls/sfs/20030376.pdf>. – Дата доступа: 15.09.2019 г.
7. О прекращении сожительства [Электронный ресурс]: Акт Финляндии, 14.01.2011, №26/2011 // Официальный сайт законодательства Финляндии. – Режим доступа: <https://www.finlex.fi/en/laki/kaannokset/2011/en20110026.pdf>. – Дата доступа: 10.10.2019.
8. О семейном праве [Электронный ресурс]: Акт Шотландии, 2006 г. // Официальный сайт законодательства Соединенного королевства Великобритании. – Режим доступа: <http://www.legislation.gov.uk/asp/2006/2/contents>. – Дата доступа: 10.10.2019.
9. О сожительстве [Электронный ресурс]: Акт Мальты, 01.03.2016 г. // Законодательство Мальты: официальный сайт. – Режим доступа: <http://www.justiceservices.gov.mt>. – Дата доступа: 10.10.2019 г.
10. Приложение 7 к акту Англии о семье [Электронный ресурс]: Приложение 7 в ред. Закона от 22.04.2014 // Официальный сайт законодательства Соединенного королевства Великобритании. – Режим доступа: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1996/27/schedule/7>. – Дата доступа: 04.10.2019.
11. Об аренде жилья [Электронный ресурс]: Акт Финляндии, 31.03.1995 г., № 481 // Официальный сайт законодательства Финляндии. – Режим доступа: <https://www.finlex.fi/en/laki/kaannokset/1995/en19950481.pdf>. – Дата доступа: 10.10.2019.

12. Германское гражданское уложение [Электронный ресурс]: 18.09.1896 г. (с последующими изменениями) // Официальный сайт тихоокеанского государственного университета. – Режим доступа: http://pnu.edu.ru/ru/faculties/full_time/uf/iogip/study/studentsbooks/histsources2/igpzio63/. – Дата доступа: 10.09.2019.

13. Земельный кодекс Швеции [Электронный ресурс]: 17.12.1970 г. // Официальный сайт законодательства Швеции. – Режим доступа: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/jordabalk-1970994_sfs-1970-994. – Дата доступа: 10.10.2019.

14. Об аренде [Электронный ресурс]: Акт Австрии, 12.11.1981, № 520/1981, в ред. Акта № 58/2018 // Официальный сайт законодательства Австрии. – Режим доступа: <https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=10002531>. – Дата доступа: 10.10.2019.

15. Об аренде [Электронный ресурс]: Акт Дании, 09.03.2016, № 227 // Сайт законодательства Дании. – Режим доступа: <https://www.lejloven.dk/en>. – Дата доступа: 10.10.2019.

16. Об улучшении некоторых правоотношений [Электронный ресурс]: Закон Франции, № 89-462, 06.06.1989 г. // Официальный сайт законодательства Франции. – Режим доступа: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000000509310>. – Дата доступа: 10.10.2019.

17. О защите семьи [Электронный ресурс]: Акт Шотландии, 30.10.1981 г.: в ред. Акта от 31.01.2018 г. // Официальный сайт законодательства Соединенного королевства Великобритании. – Режим доступа: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1981/59#targetText=An%20Act%20to%20make%20new,interdicts%3B%20and%20for%20connected%20purposes>. – Режим доступа: 10.10.2019.

18. Гражданский кодекс Литвы [Электронный ресурс]: принят сеймом Литвы 18.01.2000, № VIII-1864. – Режим доступа: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.245495>. – Дата доступа: 10.10.2019.

19. Гражданский кодекс Португалии [Электронный ресурс]: одобр. Законом № 47344/66 от 25.11.1966 г.: в ред. Закона № 329-A/95 12.12.1995 // WIPO Lex: сайт законодательства членом ВОИС. – Режим доступа: <http://www.wipo.int/wipolex/en/details.jsp?id=3544>. – Дата доступа: 13.09.2019.

20. О кондоминиуме [Электронный ресурс]: Акт Австрии, № 70/2002: в ред. Акта № 58/2018. – Режим доступа: <https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=20001921>. – Дата доступа: 10.10.2019.

21. О совместном хозяйстве [Электронный ресурс]: Акт Норвегии, 10.01.1994. // Сайт европейской ассоциации семейного права. – Режим доступа: <http://ceflonline.net/wp-content/uploads/Norway-IR.pdf>. – Дата доступа: 10.10.2019.

22. Об аренде [Электронный ресурс]: Закон Испании, № 2 / 1985 // Сайт законодательства Испании. – Режим доступа: <https://tm.livingstoneway.com/2018/04/23/spanish-urban-renting-law-spains-tenancy-act-in-english/>. – Дата доступа: 10.10.2019.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ КОЛЛИЗИОННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КРАУДИНВЕСТИНГА

Е. В. Усеня¹⁾, С. М. Ананич²⁾

*¹⁾Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, elena@beljurist.by*

*²⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, s.ananich@tut.by*

В статье рассмотрены отдельные вопросы правового регулирования краудинвестинга в Республике Беларусь. Обоснована популярность и востребованность краудинвестинга как инструмента взаимодействия инвесторов и соискателей инвестиций. Обозначена проблема отсутствия специального правового регулирования краудинвестинга в Республике Беларусь. Проанализирована правовая природа отношений между реципиентом и краудфандинговой платформой, а также инвестором и краудфандинговой платформой. Сделан вывод о возможности применения к рассматриваемым правоотношениям норм о лицензионном договоре и договоре возмездного оказания услуг. Особое внимание уделено проблеме выбора примени-

мого права в правоотношениях реципиент-краудфандинговая платформа, инвестор-краудфандинговая платформа, осложненных иностранным элементом. Проанализированы коллизионные нормы законодательства Республики Беларусь, применимые к регулированию отношений между реципиентом (инвестором) и краудфандинговой платформой.

Ключевые слова: краудфандинг, краудинвестинг, пользовательское соглашение, лицензионный договор, применимое право, коллизионные нормы.

CONFLICT OF LAW RULES FOR CROWDINVESTING

E. V. Usenia^a, S. M. Ananich^b

^a*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus*

^b*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus,*

The issues of legal regulation of crowdinvesting are considered in the article. The popularity of crowdinvesting as a tool for the interaction between investors and investment recipients is justified. The problem of the lack of special legal regulation of crowdinvesting in the Republic of Belarus is identified. The legal nature of the relationship between the investor and crowdfunding platform and the recipient and crowdfunding platform is examined. The author comes to the conclusion that the provisions on license agreement and services agreement are applicable to the relationship in question. The special attention is paid to the problem of choosing the applicable law in legal relations between the investor and crowdfunding platform and the recipient and crowdfunding platform. The conflict norms of the legislation of the Republic of Belarus that are applicable to the regulation of relations between the recipient (investor) and the crowdfunding platform are analyzed.

Key words: crowdfunding, crowdinvesting, terms of use, license agreement, applicable law, conflict of law rules.

В эпоху стремительного развития Интернет-технологий приобретает актуальность такой способ привлечения инвестиций, как краудфандинг. Краудфандинг предполагает привлечение финансирования для проекта реципиента от неограниченного круга инвесторов посредством использования специализированных Интернет-сайтов (краудфандинговых платформ).

Одной из моделей краудфандинга является краудинвестинг, при котором инвесторы посредством использования возможностей краудфандинговых платформ взамен на осуществленные инвестиции приобретают долю в уставном фонде (акции) реципиента либо участвуют в его прибыли. Статистические данные свидетельствуют о возрастающей популярности краудинвестинга. По данным портала Statista сумма сделок на мировом рынке краудинвестинга за 2019 год уже составила 4794,9 миллионов долларов США и прогнозируется ежегодный рост на 13,7% с достижением показателя в 8,014,6 миллионов долларов США к 2023 году [1]. Значимость развития краудфандинга в качестве инструмента взаимодействия инвесторов и соискателей инвестиций отмечена также в главе 5 Государственной программы инновационного развития Республики Беларусь на 2016-2020 годы, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 31.01.2017 № 31 [2].

Несмотря на востребованность краудинвестинга обществом и принятия во многих странах мира специальных нормативных правовых актов для регулирования краудинвестинга, в Республике Беларусь не разработано специальное регулирование рассматриваемого феномена. Отсутствует определенность и относительно того, какие нормы действующего законодательства могут быть применены для регулирования отношений между участниками краудинвестинга на практике. В случае взаимодействия при краудинвестинге резидентов различных государств проблема выбора правового регулирования осложняется необходимостью определения применимого права.

Ключевым участником краудинвестинга, который обеспечивает реализацию рассматриваемого способа финансирования, выступает краудфандинговая платформа. В связи с этим, актуальным является вопрос юридического оформления правоотношений между реципиентом и инвесторами с краудфандинговой платформой. Ввиду того, что в Республике Беларусь не распространены краудинвестинговые платформы и у потенциальных инвесторов и реципиентов возникает необходимость обращения к ресурсам краудинвестинговых платформ за рубежом, особую значимость приобретает проблема определения применимого права к отношениям с краудфандинговой платформой.

Проанализируем нормы белорусского законодательства, которые могут быть использованы при оформлении трансграничных отношений, между реципиентом (инвестором) с краудфандинговой платформой.

Первым шагом на пути установления права, применимого к отношениям между реципиентом (инвесторами) и краудфандинговой площадкой, является определение их правовой природы и анализ договорной конструкции, используемой для юридического оформления рассматриваемых правоотношений.

Зачастую на практике, между инвестором и краудфандинговой платформой, а также между реципиентом и краудфандинговой платформой применяется пользовательское соглашение («Terms of use», «Terms and conditions»). Пользовательское соглашение предлагается к заключению на условиях публичной оферты, поскольку содержит все существенные условия предлагаемого к заключению договора и заключается с каждым, кто отзовется (пункт 2 статьи 407 Гражданского кодекса Республики Беларусь от 07 декабря 1998 года № 218-З (далее – Гражданский кодекс) [3]).

Акцепт публичной оферты осуществляется путем проставления отметки в соответствующей графе, свидетельствующей о согласии с условиями предложенного пользовательского соглашения, либо путем совершения определенных действий (например, регистрации на краудфандинговой площадке).

Для определения правовой природы пользовательского соглашения, следует внимательно изучать его условия применительно к конкретной краудфандинговой платформе. Как правило, в соответствии с пользовательским соглашением краудфандинговая платформа оказывает услуги по предоставлению организационных, технических, информационных и иных возможностей для реализации инвесторами и реципиентом своих интересов. В таком случае можно говорить о том, что пользовательское соглашение представляет собой договор возмездного оказания услуг (статья 733 Гражданского кодекса [3]).

С другой стороны, владелец краудфандинговой платформы может предоставлять разрешение использовать краудфандинговую платформу как объект интеллектуальной собственности, что позволяет квалифицировать пользовательское соглашение в качестве лицензионного договора (статья 985 Гражданского кодекса [3]). Например, в пользовательском соглашении краудфандинговой платформы crowdfundmainstreet.com прямо заявляется о предоставлении пользователям неисключительной лицензии на использование соответствующего Интернет-ресурса [4].

Также, пользовательское соглашение с реципиентами может представлять собой смешанный договор (пункт 2 статьи 391 Гражданского кодекса), содержащий элементы лицензионного договора и договора возмездного оказания услуг.

В случае, если одной из сторон во взаимоотношении краудфандинговая платформа-реципиент или краудфандинговая платформа-инвестор выступает резидент иностранного государства, то возникает вопрос о необходимости определения применимого права.

В большинстве случаев, в тексте пользовательского соглашения содержится оговорка о применимом праве (как правило, речь идет о праве страны регистрации владельца краудфандинговой платформы). Например, в пользовательском согла-

шении краудфандинговой платформы companisto.com прямо указано на применение немецкого права [5], а краудфандинговой платформы seedrs.com – право Англии и Уэльса [6].

При отсутствии оговорки о применимом праве возникает необходимость обращаться к коллизионно-правовым нормам.

В отношении лицензионного договора в соответствии с пунктом 1 статьи 1125 Гражданского кодекса [3] при отсутствии соглашения сторон договора о подлежащем применению праве, подлежит применению право страны, где имеет основное место деятельности лицензиар, т.е. владелец краудфандинговой платформы.

Договор возмездного оказания услуг прямо не поименован в пункте 1 статьи 1125 Гражданского кодекса [3], поэтому следует руководствоваться положениями пункта 4 статьи 1125 Гражданского кодекса [3], в соответствии с которым подлежит применению право страны, где имеет основное место деятельности сторона, которая осуществляет исполнение, имеющее решающее значение для содержания такого договора. Полагаем очевидным, что такой стороной будет выступать владелец краудфандинговой платформы.

Таким образом, независимо от того, будет квалифицировано пользовательское соглашение в качестве договора возмездного оказания услуг или лицензионного договора, в соответствии с коллизионными нормами Республики Беларусь, во взаимоотношениях между реципиентом (инвесторами) и краудфандинговой платформой подлежит применению право, в которой имеет основное место деятельности владелец краудфандинговой платформы.

Полагаем, что выводы настоящей статьи могут быть использованы при юридическом оформлении правоотношений между участниками краудфандинговой платформы на практике, а также при толковании заключенного пользовательского соглашения, определении прав и обязанностей сторон, а также при решении иных вопросов договорных отношений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Crowdfunding worldwide [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.statista.com/outlook/377/102/crowdfunding/europe> . – Дата доступа : 19.10.2019.
2. Государственная программа инновационного развития Республики Беларусь на 2016 – 2020 годы [Электронный ресурс]: утв. Указом Президента Респ. Беларусь 31 янв. 2017 г. № 31 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
3. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой Представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 ноя. 1998 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
4. Terms of Use and License Agreement [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://crowdfundmainstreet.com/terms-of-use>. – Дата доступа : 19.10.2019.
5. Terms and Conditions [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.companisto.com/en/page/business-terms>. – Дата доступа : 19.10.2019.
6. Terms of Service [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.seedrs.com/terms_of_service. – Дата доступа : 19.10.2019.

О ПОВЫШЕНИИ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ БЕЛАРУСИ ЧЕРЕЗ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕР ПОД/ФТ ПРИ ОБРАЩЕНИИ ТОКЕНОВ

А. П. Шевченко

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, alexander.shevchenko@rambler.ru*

Белорусское законодательство в сфере предотвращения отмывания денег и финансирования терроризма является консервативным и не учитывает прогрессивные зарубежные практики в данной области, направленные на повышение привлекательности принимающих инвестиции юрисдикций и доступности финансовых услуг. Автором данные практики выявлены, рассмотрены и предложены для реализации в работе резидентов Парка высоких технологий (Беларусь), осуществляющих виды деятельности с использованием цифровых знаков (токенов). По итогам исследования сформулированы предложения по совершению законодательства Республики Беларусь в части закрепления возможности применения отложенной идентификации, иностранных систем идентификации и расширенного перечня документов, содержащий идентификационные данные.

Ключевые слова: предотвращение отмывания денег; цифровые знаки (токены); Парк высоких технологий; инвестиции; идентификация.

ON INCREASING INVESTMENT ATTRACTIVENESS OF BELARUS THROUGH IMPROVEMENT OF AML/CFT MEASURES RELATED TO TOKENS TRADE

A. P. Shevchenko

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The Belarusian legislation in the field of preventing money laundering and terrorist financing is conservative and does not take into account progressive foreign practices in this area aimed at increasing the attractiveness of jurisdictions accepting investments and the availability of financial services. The author has identified and considered these practices as well as proposed them for implementation in the operation of residents of the High Technologies Park (Belarus) that carry out activities with the use of digital tokens (tokens). As a result of the research the author has put forward relevant proposals on improvement of the legislation of the Republic of Belarus connected with introduction of the possibility of use of postponed identification, foreign identification systems and enhanced list of documents containing identification data.

Key words: money laundering prevention; digital tokens (tokens); High Technologies Park; investments; identification.

Одной из основных составляющих блока правовых норм, регулирующих деятельность организаций, которые ведут бизнес на финансовых рынках, является комплекс требований в области предотвращения отмывания денег и финансирования терроризма (далее – ПОД/ФТ). К числу лиц, обязанных данные требования соблюдать, в 2018 г. Рекомендациями Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (далее – ФАТФ) отнесены в том числе так называемые «провайдеры услуг в сфере виртуальных активов» – субъекты хозяйствования, осуществляющие деятельность с использованием цифровых знаков (токенов) (далее – токены).

Согласно пункту 2 Декрета Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» (далее – Декрет № 8) в белорусском государстве правом осуществлять вышеуказанную деятельность «на профес-

сиональной основе» наделены только соответствующие резиденты Парка высоких технологий (далее – ПВТ), в том числе операторы криптоплатформ.

В то же время Декрет № 8 и иное законодательство Республики Беларусь в настоящее время не предусматривают правовых норм, регламентирующих порядок применения мер ПОД/ФТ резидентов ПВТ, осуществляющих виды деятельности с использованием токенов (далее – «крипторезиденты» ПВТ»). На основании пункта 2 Указа Президента Республики Беларусь от 18 июня 2018 г. № 239 такого рода требования закреплены по отношению к данным субъектам актами Наблюдательного совета ПВТ (в частности, решениями, которые содержатся в протоколах от 23.10.2018 №08/НС-5пр и от 03.10.19 № 13/НС-4пр). Несмотря на то, что эти акты являются обязательными для выполнения резидентами ПВТ (в силу означенного Указа или принятых резидентами ПВТ на себя договорных обязанностей), нормативного характера они не имеют.

Между тем для надлежащего выполнения белорусским государством Рекомендаций ФАТФ требования в сфере ПОД/ФТ, которые предъявляются к «крипторезидентам» ПВТ, необходимо предусмотреть в Законе Республики Беларусь от 30 июня 2014 г. № 165-З «О мерах по предотвращению легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения» (далее – Закон о ПОД/ФТ) и ином законодательстве.

Следует отметить, что Закон о ПОД/ФТ является достаточно консервативным по содержанию. В нем не реализованы отдельные прогрессивные практики в сфере ПОД/ФТ, имеющие место в зарубежных странах и (или) предусмотренные в документах ФАТФ, которые направлены на оптимизацию реализации мер ПОД/ФТ при установлении договорных отношений с клиентами (главным образом, иностранными) на удаленной основе.

К числу означенных практик относится наделение финансовых организаций следующими правами:

1. завершать идентификацию клиентов после установления с ними договорных отношений (то есть проводить «отложенную» идентификацию);
2. применять при проведении идентификации клиентов иностранные системы идентификации для получения данных клиентов без истребования от них документа, удостоверяющего личность, и иных документов (их копий, графических образов);
3. применять расширенный перечень документов, которые могут выступить источником идентификационных данных (в дополнение к документу, удостоверяющему личность, также и водительское удостоверение, удостоверение избирателя, карта налогоплательщика, карта трудоустройства и другие подобные документы, содержащие идентификационные данные).

Осуществление вышеприведенных прав позволяет иностранным финансовым организациям (например, форекс-брокерам) более оперативно устанавливать договорные отношения с клиентами и обеспечивать больший комфорт для клиентов при проведении их идентификации. В условиях жесткой конкуренции на финансовых рынках и необходимости «бороться» за каждого клиента такие организации имеют серьезное конкурентное преимущество по отношению к тем компаниям, которые названных прав лишены. Как следствие, страны, проявившие большую гибкость и наделившие свои финансовые организации данными правами, тем самым создают условия для привлечения (получения) большего объема инвестиций и налоговых доходов, нежели чем консервативные юрисдикции, которые этих прав в своем законодательстве не предусматривают. Беларусь сейчас относится к числу последних.

В этой связи для повышения конкурентоспособности белорусской экономики в финансовой сфере (прежде всего, в части рынка токенов) видится необходимым закрепление вышеуказанных прав Законе о ПОД/ФТ. Для этого нами сформулированы следующие предложения.

Предложение № 1: предоставить «крипторезидентам» ПВТ право завершать идентификацию клиентов после установления с ними договорных отношений (то есть проводить «отложенную» идентификацию). При этом предлагается разрешить им завершать идентификацию клиентов в течение 15 дней после установления с ними отношений либо до передачи клиентам («вывода» клиентами) средств, если клиенты обращаются за ней (за ним) до истечения данного срока.

В качестве обоснования предложения № 1 необходимо отметить следующее.

Рекомендации ФАТФ прямо предусматривают возможность проведения «отложенной» идентификации. Так, согласно Рекомендации ФАТФ № 10 (версия на русском языке с сайта Комитета государственного контроля Республики Беларусь) страны могут разрешить финансовым учреждениям завершить проверку клиентов в разумно сжатые сроки после установления деловых отношений в том случае, если риски отмывания доходов и финансирования терроризма (далее – ОД/ФТ) практически сведены к минимуму и если это крайне важно для бесперебойного осуществления нормальной деятельности.

Таким образом, при наличии двух вышеуказанных обстоятельств в совокупности Республика Беларусь вправе закрепить предлагаемую норму в своем законодательстве. При этом оба данных обстоятельства имеются в наличии, что подтверждается следующим (см. ниже – пункты А и Б).

А) Почему риски ОД/ФТ практически сведены к минимуму: клиент передает средства «крипторезиденту» ПВТ, но до завершения его проверки (идентификации) клиент лишен возможности получить средства на руки («вывести» их) и распорядиться ими по своему усмотрению, ввиду чего он никак не сможет отмыть деньги или профинансировать террористов.

Б) Почему крайне важно для бесперебойного осуществления нормальной деятельности. В пункте 11 Пояснительной записки к Рекомендации ФАТФ № 10 (стр. 92) в качестве примера обстоятельств, при которых допустимо завершать проверку после установления деловых отношений из-за того, что исключение пауз в обычном ведении бизнеса имеет особое значение, указан бизнес без присутствия сторон (Non face-to-face business). При этом «крипторезиденты» ПВТ, всегда работают с клиентами удаленно (т.е. без их личного присутствия).

Если же обратиться к размещенной на сайте ФАТФ версии Рекомендаций ФАТФ на английском языке, то на ее стр. 13 релевантное положение Рекомендации ФАТФ № 10 изложено таким образом, что вообще не связывает реализацию означенного права государств с низким уровнем рисков ОД/ФТ и в качестве соответствующего условия его реализации указывает эффективность управления данными рисками.

Следует подчеркнуть, что за границей «отложенная» идентификация практикуется. В частности, она имеет место в Республике Кипр (с. 3 Циркуляра Кипрской Комиссии по ценным бумагам и биржам от 24.06.2016 № С157).

Предложение № 2: Предоставить «крипторезидентам» ПВТ право идентифицировать клиентов посредством иностранных систем идентификации, не запрашивая у них графические образы документов, содержащих идентификационные данные.

Под иностранной системой идентификации понимается совокупность банков данных, информационных технологий и программно-технических средств, предназначенных для сбора, обработки, хранения и представления данных о клиентах (их представителях) в целях идентификации, оперируемая (управляемая) ино-

странным лицом (нерезидентом Республики Беларусь) и (или) ему принадлежащая, и позволяющая получить идентификационные данные без получения от клиентов (их представителей) содержащих эти данные документов (их копий, графических образов).

Применение иностранных систем идентификации не противоречит Рекомендациям ФАТФ. Введение данной новации позволит «крипторезидентам» ПВТ более оперативно устанавливать договорные отношения с клиентами, сводя к минимуму набор представляемых ими для целей ПОД/ФТ документов (их копий, изображений) либо избавляя их от необходимости представления таких документов (их копий, изображений) вообще. В результате, такие резиденты ПВТ будут более успешно выдерживать конкуренцию со стороны иностранных лиц, осуществляющих аналогичные или сходные виды деятельности.

Применение иностранных систем идентификации при осуществлении мер ПОД/ФТ практикуется, в частности, в западноевропейских странах (например, в Великобритании и Республике Кипр).

Предложение № 3: предусмотреть расширенный перечень документов, которые могут выступать источником идентификационных данных при проведении идентификации «крипторезидентами» ПВТ (дописать в Закон о ПОД/ФТ указание на водительское удостоверение, удостоверение избирателя, карту налогоплательщика, карту трудоустройства и другие подобные документы, выдаваемые государственными органами в стране, гражданином которой является идентифицируемое физическое лицо, и (или) в стране, где оно постоянно проживает).

В качестве обоснования предложения № 3 необходимо отметить следующее.

В соответствии с частью третьей статьи 8 Закона о ПОД/ФТ лица, осуществляющие финансовые операции, при проведении идентификации клиентов – физических лиц, их представителей (при отсутствии клиента) устанавливают и фиксируют данные таких физических лиц на основании документа, удостоверяющего личность, и иных документов (их копий).

Согласно Рекомендации ФАТФ № 11 (стр. 13) к документам, на основании которых должна проводиться идентификация клиентов, помимо паспорта, также относятся и такие официальные идентификационные (удостоверяющие) документы как идентификационные карты, «водительские права» или иные аналогичные документы.

В свою очередь, в Руководстве ФАТФ в области мер борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма и мер по расширению доступа к финансовым услугам (далее – Руководство ФАТФ), уточняется, что Рекомендации ФАТФ не устанавливают специальных требований в отношении собираемых идентификационных данных или в отношении процедуры их проверки (стр. 10 и 11). Также отмечается, что некоторые страны не устанавливают конкретных источников идентификационных данных (таких как, например, удостоверение личности или паспорт, выданные правительством) либо создают широкий перечень документов действительных документов и данных для целей удостоверения (идентификации) личности и/или альтернативных или новых средств проверки личности. Данный подход используется для облегчения доступа к регулируемым финансовым услугам, в том числе для иностранных лиц (стр. 11).

В Приложении 7 к Руководству ФАТФ (стр. 101 – 110) содержится широкий перечень стран, использующих альтернативные (расширенные) способы и документы для идентификации (США, Мексика, Малайзия, Филиппины, Швейцария, Новая Зеландия, Индия, Бразилия, ЮАР, Великобритания и др.). В данном приложении, в частности, приводятся примеры использования в качестве «идентификационных» документов в том числе и студенческих карт, разрешений на работу,

писем из учебных заведений, водительских удостоверений, карт беженцев, рекомендательных писем и т.д.

В заключение необходимо отметить, что реализация вышеприведенных предложений без ущерба для государственного контроля в сфере ПОД/ФТ повлечет улучшение условий ведения бизнеса в Республике Беларусь и создаст предпосылки для привлечения дополнительных инвестиций в экономику страны (прежде всего, иностранных), а равно послужит укреплению положительного имиджа отечественной юрисдикции (как имеющей прогрессивное регулирование финансовой сферы) на международной арене.

СЕКЦИЯ 5

РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ УКРАИНЫ, ПРЕДПОСЫЛКИ ИХ ФОРМИРОВАНИЯ И ФАКТОРЫ ИХ ОБУСЛАВЛИВАЮЩИЕ

С.В. Андрощук¹⁾, С.А. Самаль²⁾

¹⁾*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, susanna.androshchuk@fmail.com*

²⁾*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, samal_s@tut.by*

В данной работе автором проводилось исследование и дана характеристика формирования внешнеэкономических связей Украины. Украина является одной из крупнейших стран Европы. Именно ее географическое положение, то есть нахождение в центре Европы, с одной стороны обуславливает развитие широкого спектра внешнеэкономических связей, а со второй стороны, она не входит в число самых развитых стран Европы и является достаточно молодым самостоятельным государством и украинские внешнеэкономические связи находятся в процессе формирования и развития. В связи с этим анализ предпосылок и факторов формирования и развития внешнеэкономических связей Украины имеет важное значение, поскольку Украина является одним из основных торговых партнеров и Республики Беларусь, в том числе.

Ключевые слова: внешнеэкономические связи, Украина, международная торговля, мировая экономика, интеграция.

GENERAL CHARACTERISTICS OF EXTERNAL ECONOMIC RELATIONS OF UKRAINE, BACKGROUND OF THEIR FORMATION AND THE FACTORS OF THEIR SUBJECT

S.V. Androshchuk^a, S.A. Samal^b

*Belarusian State University, Independence Ave., 4, 220030, Minsk, Belarus
Belarusian State University, Independence Ave., 4, 220030, Minsk, Belarus*

In this work, the author has conducted a study and characterizes the formation of foreign economic relations of Ukraine. Ukraine is one of the largest countries in Europe. It is its geographical location, that is, its location in the center of Europe, on the one hand, which determines the development of a wide range of foreign economic relations, and on the other hand, it is not one of the most developed countries in Europe and is a fairly young independent state, and Ukrainian foreign economic relations are in the process of formation and development. In this regard, the analysis of the prerequisites and factors of the formation and development of foreign economic relations of Ukraine is important, since Ukraine is also one of the main trading partners of the Republic of Belarus.

Key words: foreign economic relations, Ukraine, international trade, world economy, integration.

Нынешняя структура хозяйства Украины, в основном, сложилась еще в годы нахождения в составе народнохозяйственного комплекса СССР. На сегодняшний день такая структура хозяйства безнадежно устарела, а изменения, которые вносились в свое время были частичными и не комплексными. В результате в экономике Украины по сегодняшний день преобладают капиталоемкие, прежде всего добывающие и ресурсоемкие отрасли, а доля отраслей, от которых зависит уско-

рение научно-технического прогресса и успешное решение социальных задач, остается незначительной.

Сложившаяся ситуация и структура производства потребовала больших объемов работы, однако прибыль, которую получала украинская экономика, оставалась на низком уровне. Вследствие этого, в Украине появилось большое количество очень мощных и энергетических комплексов, которые негативно влияли на экологическую ситуацию в республике.

Внешнеэкономическая деятельность Украины в составе СССР была представлена расширением экономических и культурных связей с социалистическими странами и экспортом промышленного оборудования, угля, стали, железной руды. В Украину ввозились изделия химической и электротехнической промышленности, товары народного потребления, сельскохозяйственная продукция. Вместе с другими республиками бывшего СССР Украина помогала в экономическом и научно-техническом плане тем странам, которые освободились от колониальной зависимости, продукция поставлялась в 70 стран Азии, Африки и Латинской Америки [1].

Таким образом, можно сделать вывод, что самым влиятельным фактором в формировании внешнеэкономических связей Украины является процесс перехода от административно-командной системы управления к капитализму с сохранением и углублением существующих и развитием новых отношений. Однако существует и ряд факторов, которые этому отнюдь не способствуют. В частности, Украина никогда не имела высокоразвитых товарно-денежных отношений. После 1917 года в течение почти 70 лет страна шла путем развития экономики, который игнорировал рынок, считая его рудиментом [2]. В результате было создано общество с низкой эффективностью производства и отсталым уровнем жизни людей, общим огосударствлением и монополизированной, негибкой экономикой, подчинением личных и коллективных интересов ведомственным, отсутствием демократических институтов. Это способствовало проведению политики автаркии, то есть экономического обособления от мирового рынка. Именно поэтому Украина не занимает соответствующее место в МРТ и во внешнеэкономических связях, и по сей день.

На сегодняшний день формы внешних экономических связей Украины являются разнообразными и представлены на Рисунке 1.

Рис. 1. Формы внешнеэкономических связей Украины
Источник: составлено автором

Профиль международной специализации Украины обусловлен размерами ее территории и численностью населения, обеспеченностью полезными ископаемыми и энергетическими ресурсами, характером почвенно-климатических условий, экономико-географическим положением, уровнем развития производительных сил и национального разделения труда, разветвленностью отраслевой структуры экономики, географией транспортной сети.

На Рисунке 2 приставлена та продукция, на которой специализируются экономика Украины в системе МРТ на сегодняшний день.

Рис. 2. Продукция, на которой специализируются экономика Украины в системе МРТ
 Источник: составлено автором

Существенным фундаментом внешнеэкономических связей является не столько хозяйственная деятельность и взаимодействие разнонациональных производственно-посреднических организаций, но и факт пересечения границ национально-воспроизводственных комплексов товарами, капиталами или услугами.

Сейчас Украина постепенно включается в мировую экономику, участвует в мировых хозяйственных связях и научно-техническом обмене. Более того, Украина имеет огромный научно-технологический потенциал, который заключается в наличии признанных в мире собственных научных школ и уникальных технологий по разработке собственных материалов, характеризуется выгодным геополитическим расположением, возможностью развития как транзитного государства. В дополнение, Украина обеспечена природными ресурсами, специалистами и научными работниками. С такими возможностями Украина имеет все шансы встать в один ряд с развитыми странами, а на сегодняшний день, когда государство находится в достаточно тяжелом экономическом положении, существует проблема «утечки мозгов» за границу, что не может не отразиться на прямой на внешнеэкономическом положении государства [1]. Но есть и еще одна проблема в формировании внешнеэкономических связей – в экспорте Украины вместе с продукцией промышленности, сельского хозяйства, важное место не занимает научная продукция в виде лицензий на новую технику, технологию «ноу-хау» новых материалов, научно-технических услуг.

Взаимовыгодная международная торговля товарами и услугами занимает ведущее место в системе международных экономических связей, поскольку она, по сути, воспроизводит все виды международного разделения труда и объединяет все страны в единую хозяйственную целостность на современном мировом рынке товаров. Для нее характерны две черты: преобладание предложения товаров над существующим спросом и жесткая конкурентная борьба между его участниками. Основными показателями внешней торговли является объем товарооборота, структура экспорта и импорта, сальдо внешнеторгового баланса, география торговли. Структура товарооборота определяется экономическим потенциалом страны [2].

Анализ нынешнего состояния внешней торговли Украины свидетельствует о том, что экономические связи в этой сфере являются нерациональными, характе-

ризуются узкой географией, ее структура и эффективность не отвечают потребностям формирования национальной рыночной экономики открытого типа. Так, доля экспорта в национальном доходе Украины почти в 4 раза меньше среднемирового показателя [2].

Стратегическое значение внешней торговли для Украины обусловлено тем, что модернизация экономики, привлечения масштабных иностранных инвестиций, новейших технологий возможны лишь при условии формирования в стране устойчивой, открытой к внешнему миру хозяйственной системы, органического включения Украины в систему международного разделения труда.

Либерализация внешней торговли в Украине создала предпосылки для наращивания экспорта отечественных товаров и услуг. Но структурные диспропорции экономики Украины, сложившейся в рамках бывшего СССР, влияют на товарную структуру экспорта страны. Сейчас доминирующими экспортными позициями являются металлопродукция (44,4% общего экспорта), минеральные продукты (9,6%) и продукция химической промышленности (10,6%), продукция машиностроения - 9,3%.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Котов, Е. В. Оценка процессов модернизации Украины и ее экономических районов / Е. В. Котов, В. И. Ляшенко // Вестник экономической науки Украины, 2013. - №1. - С. 55-69.
2. Ляшенко, В. И. Методические подходы к оценке процессов модернизации промышленно развитых территорий Украины / В. И. Ляшенко, Е. В. Котов // Экономика Украины, 2015. - № 10. - С. 32-44.

АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ СФЕРЫ УСЛУГ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Е.А.Богатырева

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, bahatyrova@bsu.by*

В материалах приведен анализ современного состояния сферы услуг в Республике Беларусь за 2018 г., выявлена доля услуг в структуре ВВП Беларуси, проанализирована отраслевая структура сферы услуг, обозначено место страны в мировых рейтингах по индексу развития информационно-коммуникационных технологий (за 2017 год) и по индексу эффективности логистики в 2018г. Проведен анализ внешней торговли услугами за период 2015- 2018 гг., выявлено место и роль сферы услуг во внешнеторговом обороте товарами и услугами Республики Беларусь, обозначены основные направления развития сферы услуг согласно Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года.

Ключевые слова: сфера услуг, индекс развития информационно-коммуникационных технологий, индекс эффективности логистики, внешняя торговля услугами, экспорт, импорт услуг.

ANALYSIS OF THE MAIN INDICATORS OF THE SECTOR OF SERVICES IN THE REPUBLIC OF BELARUS

E.A. Bahatyrova

Belarusian State University, 220030, Leningradskaya str, 20, Minsk, Belarus

The materials provide an analysis of the current state of the services sector in the Republic of Belarus for 2018, identify the share of services in the structure of Belarus's GDP, analyze the sectoral structure of the services sector, indicate the country's place in world rankings by the index of the development of information and communication technologies (for 2017) and by 2018 Logistics Performance Index. The analysis of foreign trade in services for the period 2015-2018 is carried out, the place and role of the services sector in the foreign trade in goods and services of the Republic of Belarus is identified, the main directions of development of the services sector in accordance with the National Strategy for Sustainable Social and Economic Development of the Republic of Belarus for the period until 2030 are identified.

Key words: services sector, information and communication technology development index, logistics efficiency index, foreign trade in services, export, import of services.

Развитие сферы услуг в экономике любой страны имеет важное значение, так как именно в этом секторе сосредоточены основополагающие для развития всей страны отрасли, такие как образование, формирование интеллектуального продукта, финансовые услуги, что способствует успешному развитию экономики всей страны.

В настоящее время сектор услуг является преобладающим в структуре ВВП всех развитых стран мира. Так, доля услуг в ВВП в 2017 году составила: в США (80%), Канаде (более 70,2%), Китае (51,6%) России (62,3%), ФРГ (около 68,6%), Украине (60%), Казахстане (61,2%).[1]

В Республике Беларусь сфера услуг, также занимает наибольшую долю в ВВП и составляет 47,7% в 2018 году, однако этот показатель меньше, чем в развитых странах, что свидетельствует о необходимости развития данного сектора в стране (рисунок 1).

Рис. 1 - Удельный вес сферы производства и сферы услуг в ВВП, % [2, с.32]

Наибольший удельный вес среди всех услуг занимают оптовая и розничная торговля, ремонт автомобилей и мотоциклов (около 21%). Следует отметить, что по сравнению с 2015 годом удельный вес данного вида услуг сократился с 25,6%. Далее 12,2% занимает транспортная деятельность, доля которой в общем объеме

услуг с 2015 г. практически не изменяется. Третье место в общем объеме услуг занимают информация и связь (11,5%). В данной сфере наблюдается рост показателя с 8,6% в 2015 году [2, с.60] Это связано с бурным развитием данной отрасли и с государственной поддержкой развития ИТ-сектора в экономике.

В 2017 г. Беларусь заняла в Индексе развития информационно-коммуникационных технологий Международного союза электросвязи 32 место при индексе в 7,55 балла. Это позволяет говорить о том, что Республика Беларусь следует к цели, обозначенной Национальной стратегией устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 г. - войти в топ-30 стран по уровню развития ИКТ. Среди группы стран ЕАЭС Республика Беларусь имеет наилучший показатель и 32 место в рейтинге, далее следует Российская Федерация на 44 месте со значением показателя 7,07, Казахстан (52 место; 6,79), Армения (75 место; 5,76) и Кыргызстан (109 место; 4,37). Значение Индекса развития ИКТ в Беларуси за год увеличилось на 3,57%, наибольшие улучшения в процентном соотношении в группе стран ЕАЭС наблюдаются в Кыргызстане (7,64%) и Армении (3,60%) [3].

В 2018 году согласно докладу Всемирного банка «Налаживание связей для повышения конкурентоспособности» по Индексу эффективности логистики Республика Беларусь заняла 103 место среди 160 стран. Наилучший показатель среди стран СНГ у Украины - 69 место Украина опережает Казахстан (71), Россию (75), Узбекистан (99), Кыргызстан (108), Грузию (119), Туркменистан (126) и Таджикистан (134).[4, с.47]

Во внешнеторговом обороте Республики Беларусь в 2017 и 2018 годах сложилось положительное сальдо в торговле товарами и услугами. Однако, если рассматривать эти категории отдельно, то в торговле товарами сохраняется отрицательное сальдо в размере 2979 млн долл.США и 2652 млн.долл. США в 2017 и 2018 годах соответственно. Что касается внешней торговли услугами, то здесь с 2015 года экспорт превышает импорт, благодаря чему и сформировалось положительное сальдо торгового баланса Беларуси [2, с.60]

С 2015 года наблюдается ежегодный прирост внешней торговли услугами и в 2018 году по сравнению с 2017 этот показатель составил 111,7%, что в долларовом эквиваленте означает увеличение с 12617 млн.долл.США до 14097 млн.долл.США За период с 2015 по 2018 годы наблюдается ежегодный прирост экспорта услуг с 6634 млн.долл. США в 2015 до 8721 млн.долл.США в 2018. Необходимо отметить, что с 2015 года возрос и импорт услуг в страну, так в 2015 году услуги импортировались на сумму 4390 млн.долл., а в 2018 импорт составил 5376 млн.долл. США (рис.2)

В первом полугодии 2019 года также наблюдается положительная динамика во внешней торговле услугами. Внешнеторговый оборот за данный период составил 6887 млн.долл.США, причем положительное сальдо в торговле услугами сохраняется. Экспорт услуг в первом полугодии 2019 году составил 4351 млн.долл.США, а импорт 2536 млн.долл.США. В результате сформировалось положительное сальдо в размере 1814 млн.долл.США [5]

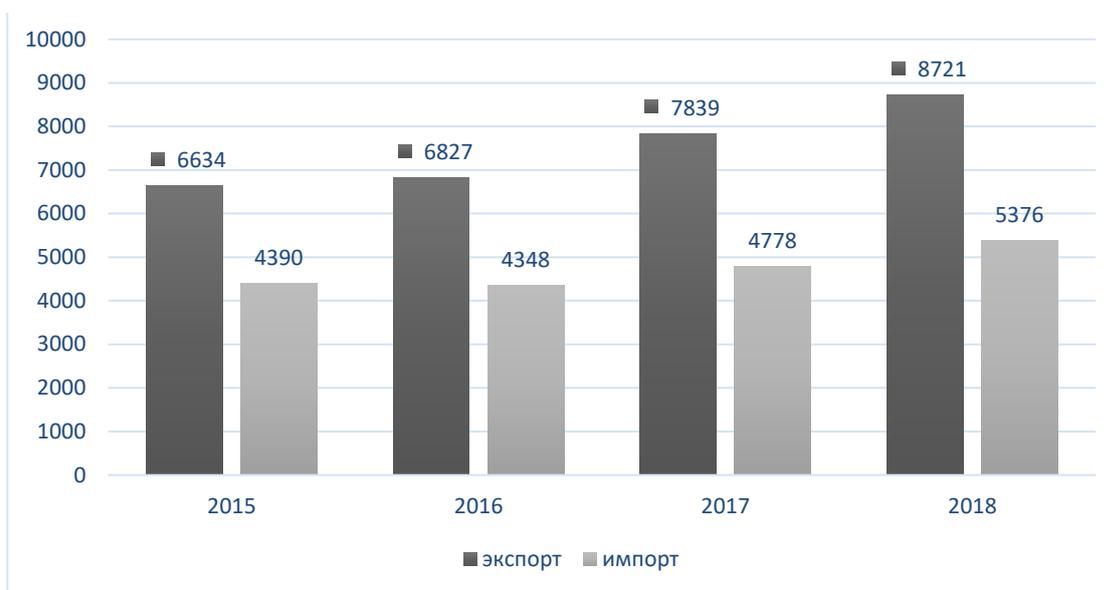

Рис. 2. – Внешняя торговля услугами в Республике Беларусь, млн.долл.США
Примечание: собственная разработка на основе [2]

Основную долю в товарной структуре экспорта услуг занимают транспортные услуги 3845,7 млн.долл.США, что составляет 44,9% от общего экспорта услуг. [2, с.65] Это объясняется географически выгодным расположением Республики Беларусь, которая находится на пути основных транспортных маршрутов между Россией и Европейским Союзом.

Второе место по стоимости экспорта услуг занимают компьютерные услуги 1585,6 млн.долл.США или 18,2%. Развитие парка Высоких технологий, предоставление государственных льгот предприятиям, осуществляющим свою деятельность в области оказания данного вида услуг способствовало увеличению их доли в структуре экспорта. Так, в 2015 году компьютерные услуги экспортировались на сумму 814,2 млн.долл.США, т.е. 12,3% от общего экспорта услуг [2, с.65].

Третье место по экспорту услуг занимают поездки 870,5 млн.долл.США или 10% от общего объема экспорта. Данный показатель также увеличился в стоимостном выражении по сравнению с 2015 годом 728,7 млн.долл.США, но по процентному соотношению остался на прежнем уровне. Строительные услуги в экспорте составляют 820,5 млн.долл.США или 9,4% [2, с.65].

Основную долю в импорте услуг в Республике Беларусь занимают транспортные услуги 1774,7 млн.долл.США или 33,01% от общего объема импорта услуг, что объясняется географическим положением страны. Второе место в импорте занимают поездки 1077,8 млн.долл.США или 20% импорта, что также можно объяснить географическим расположением Беларуси. Отсутствие выхода к морю и горных массивов на территории государства ведет к тому, что жители предпочитают путешествовать в другие страны. Строительные услуги импортируются на сумму 1022,2 млн.долл.США или 19%. [2, с.65]

Следует отметить, что по торговле поездками, как и по торговле строительными услугами наблюдается отрицательное сальдо. В размере 207,3 и 201,7 млн.долл.США соответственно. Наибольшее положительное сальдо в торговле услугами достигнуто в 2018 году по транспортным услугам 2071,3 млн.долл.США и по компьютерным услугам 1450 млн.долл.США.

Основными партнерами Беларуси в торговле услугами являются Россия (около 35% экспорта, 37% импорта) и ЕС (34% экспорта, 40% импорта) [5].

Несмотря на то, что в торговле услугами наблюдается положительное сальдо, которое перекрыло отрицательное сальдо в торговле товарами, следует отметить,

что в общем товарообороте доля услуг составляет 16,9%, что свидетельствует о необходимости дальнейшего развития данной сферы и наращивания объемов экспорта (см. рисунок 3).

Рис. 3. – Доля торговли товарами и услугами во внешнеторговом обороте Республики Беларусь в 2018г., в %

Примечание: собственная разработка на основе [2]

Для стимулирования развития сферы услуг в стратегии устойчивого развития предложены меры по увеличению доли услуг в структуре ВВП в 2030 до 52-55% [6, с.54].

Основными направлениями развития сферы услуг выделены следующие:

формирование и развитие экономики знаний и высоких технологий;

формирование условий для перераспределения производственных ресурсов в сферу услуг;

использование современных информационно-коммуникационных ресурсов;

стимулирование развития сферы услуг в сельской местности, малых и средних городских поселениях;

интеграция материального производства и сферы услуг;

формирование рынков услуг соответствующих стандартам ВТО;

участие в международных объединениях в области информационных, компьютерных, телекоммуникационных, космических, авиационных услуг, услуг по научным исследованиям и разработкам;

повышение конкурентоспособности рынка услуг за счет привлечения частного капитала;

повышение вклада сферы услуг в ВВП на основе ускоренного развития высокотехнологичных услуг.[7]

Развитие сферы услуг оказывает непосредственное влияние на качество жизни населения. Можем отметить, что в высокоразвитых странах наблюдается значительное превышение производства услуг в структуре ВВП над другими видами деятельности, что свидетельствует о постиндустриальном развитии экономики. Республике Беларусь необходимо увеличивать производство современных услуг, что будет способствовать как развитию страны в целом, так и улучшению качества жизни населения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. The World Factbook [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/publications/resources/the-world-factbook/fields/214.html>. - Дата доступа: 17.10.2019.

2. Беларусь в цифрах. Статистический справочник. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by/upload/iblock/cf4/cf4915a5e6ade269f20c0bf5a332a7a3.pdf>. - Дата доступа: 17.10.2019.

3. Рейтинг стран мира по уровню развития информационно-коммуникационных технологий. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://gtmarket.ru/ratings/ict-development-index/ict-development-index-info>. - Дата доступа: 17.10.2019.

4. Trade Logistics in the Global Economy [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/29971/LPI2018.pdf>. - Дата доступа: 17.10.2019.

5. Внешняя торговля Беларуси в первом полугодии 2019 года. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://mfa.gov.by/export>. - Дата доступа: 17.10.2019.

6. Национальная стратегия устойчивого развития (НСУР) на период до 2030 года. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://scienceportal.org.by/upload/2015/August/National_Strategy_of_Social_and_Economic_Development_2030.pdf. - Дата доступа: 17.10.2019.

7. Концепция развития сферы услуг в Республике Беларусь на 2015-2020 годы [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://studfiles.net/preview/5622288/> - Дата доступа: 18.10.2019.

СОПОСТАВЛЕНИЕ ЭКО-ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ СТРАН

Е. С. Ботеновская

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, tenaer@mail.ru*

Рассмотрены подходы к сопоставлению экологически ориентированного инновационное развитие, проанализированы Эко-инновационный индекс Европейского союза и Эко-инновационный индекс Форума «Азия – Европа» (АСЕМ), их отдельные индикаторы, которые позволяют проанализировать ряд качественных и количественных характеристик эко-инновационного развития стран: потенциал страны в области охраны окружающей среды и энергетики, эффективность эко-инновационной деятельности предприятий, патентную и публикационную активность в области эко-инноваций, последствия для окружающей среды; занятость, товарооборот и уровень конкурентоспособности продукции экологически ориентированных отраслей.

Ключевые слова: эко-инновации; страны с малой экономикой; эко-инновационная деятельность.

COMPARISON OF ECO-INNOVATION PERFORMANCE OF COUNTRIES

E. S. Botenovskaya

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The approaches for comparing eco-innovation performance; the Eco-innovation index of the European Union and The ASEM Eco-innovation index have been analyzed, its specific indicators that allow you to define a number of qualitative and quantitative characteristics of eco-innovation development of the countries: the country's potential in the field of environmental protection and energy efficiency eco-innovation activities of enterprises, patent and publication activity in the field of eco-innovation, the consequences for the environment; employment, turnover and the level of competitiveness of eco-industries.

Key words: eco-innovation; countries with a small economy; eco-innovation performance.

На современном этапе развития эко-инновации являются частью инновационных стратегий многих стран. В Европейском союзе разработан План действий эко-инновационного развития, что подтверждает актуальность исследования экологически ориентированного инновационного развития как процесса экономических изменений, основанного на экологических инновациях, который характеризуется рядом качественных и количественных характеристик.

Для сопоставления уровня экологоориентированного инновационного развития стран в мировой практике разработано два индекса: Эко-инновационный индекс Европейского союза и Эко-инновационный индекс Форума «Азия – Европа (АСЕМ)» (The ASEM Eco-Innovation Index – ASEI), разработанный Эко-

инновационным центром малых и средних предприятий ACEM (ASEM SMEs Eco-Innovation Center)[1].

Эко-инновационное табло (Eco-IS) Европейского союза публикуется с 2010 г. с целью выявления тенденций и оценки достижения стран в области эко-инноваций и перехода к зеленой экономике и включает 16 показателей, сгруппированных в пять групп, на основе которых рассчитывается Суммарный эко-инновационный индекс ЕС.

Eco-IS состоит из пяти групп индикаторов, охватывая следующие направления:

- эко-инновационные вложения (eco-innovation inputs);
- эко-инновационная деятельность (eco-innovation activities);
- эко-инновационные результаты (eco-innovation outputs);
- результаты ресурсоэффективности/ последствия для окружающей среды (resource efficiency outcomes);

- социально-экономические последствия (socio-economic outcomes).

В первую группу входят показатели, отражающие инвестиции (финансовые и человеческие ресурсы), направленные на стимулирование эко-инновационной деятельности. Так, государственные ассигнования и расходы на НИОКР в области окружающей среды и энергетики составили 0,07 % к ВВП в Финляндии, 0,04 в Чехии и Словении в 2017 г., 0,05 и 0,03 в Швеции и Бельгии в 2016 г. соответственно. Суммарная величина «зелёных» инвестиций в период 2014-2017 составила 113 долл. на душу населения в Финляндии, 89 в Швеции, 27 в Бельгии и 2 в Чехии.

Вторая группа включает в себя показателя, отражающие масштабы эко-инновационной деятельности компаний. В издании эко-инновационного обзора 2018 г. представлены новые индикаторы деятельности в области эко-инноваций. Показатели «число компаний, внедривших эко-инновации, способствующих уменьшению материальных затрат и затрат энергии на единицу продукции» в процентах от общего числа компаний заменены на показатели, отражающие «долю инновационных предприятий, которые внедрились инновации с экологическими выгодами, полученными на предприятии и во время потребления конечным пользователем (см. таблицу 1).

Таблица 1

Классификация эко-инновационной деятельности предприятий

<i>Показатели</i>	<i>Характеристика</i>
Доля инновационных предприятий, которые внедрились инновации с экологическими выгодами, полученными <i>на предприятии</i>	инновации с любыми экологическими преимуществами, уменьшающие потребление энергии или выбросов CO ₂ , уменьшающие материалоемкость или водопотребление на единицу продукции; уменьшающие загрязнение шума воздуха, воды, почвы и шумовое загрязнение; переработанные сточные воды или материалы для собственного использования или продажи; заменяющие долю ископаемой энергии на возобновляемые источники энергии.
Доля инновационных предприятий, которые внедрились инновации с экологическими выгодами, полученными <i>во время потребления конечным пользователем</i>	инновации с экологическими преимуществами всех видов, уменьшающие потребление энергии или выбросов углекислого газа во время потребления или использования товара или услуги; уменьшающие загрязнение шума воздуха, воды, почвы и шумовое загрязнение во время потребления или использования товара или услуги; продление срока службы продукта за счет использования товаров длительного пользования; утилизация продукта после использования конечным пользователем

Примечание: составлено автором на основе [2].

Доля инновационных предприятий, которые внедрили инновации с экологической выгодой, полученной на предприятии, составила 32 % от общего числа компаний в Австрии, 28 % в Финляндии, 16 % в Чехии в 2016 г., 25 % в Швеции и Словении в 2017 г.

Доля предприятий, внедривших инновации с экологической выгодой, полученной во время потребления конечным пользователем, составила 26 % в Финляндии, 25 % в Австрии, 18,5 % в Чехии по данным 2016 г., 21 % и 20 % в Швеции и Словении соответственно по данным 2017 г.

По числу зарегистрированных компаний с системой экологического управления (по международному стандарту ISO 14001) так же лидируют Швеция и Финляндия – 350 и 258 компаний на душу населения в 2016 г., 223 в Словении, 103 – в Бельгии, 70 в Чехии.

Третья группа представляет собой показатели, отражающие результаты эко-инновационной деятельности, выраженные в количестве экологических патентов в области снижения уровня загрязнения окружающей среды, управления отходами и эффективного использования энергии, академических публикаций в области эко-инноваций на 1 млн населения и величины вклада СМИ. По эко-патентам на млн населения лидирует Финляндия с показателем 34,38 на млн населения в 2017 г., показатели Словении и Бельгии 9,82 и 6, 8 скромнее. Интерес представляет то, что по сравнению с Североевропейскими странами Западноевропейские страны в среднем получают намного больше патентов, связанных с транспортировкой. Это можно объяснить тем, что в Скандинавских странах высокую долю занимает водный транспорт и морские перевозки, в то время как в Австрии и Бельгии процент морских перевозок значительно меньше или же отсутствует. Так же значительная доля эко-инновационных патентов задействована в эко-инновационном менеджменте. Доля эко-инновационных патентов от всего количества патентов в Бельгии и Австрии составляет по 7 % в 2016 г., а в Люксембурге – 13 %.

По числу публикаций, связанных с эко-инновациями, лидируют Финляндия и Швеция с 56,13 и 54,51 публикациями на млн человек соответственно в 2017 г. По данному индикатору Словения (45,54) опережает Бельгию (25,6).

Четвертая группа индикаторов «последствия для окружающей среды» связана с воздействием эко-инноваций на повышение продуктивности ресурсов. Эко-инновации могут иметь положительное влияние на эффективность использования ресурсов: они могут увеличить генерируемую экономическую ценность и в то же время уменьшить давление на окружающую среду. Таким образом, рассчитывается эффективность использования сырья (к примеру, 2,68 € на кг в Бельгии, 1, 60 € на кг в Швеции), эффективность использования водных ресурсов, энергоэффективность, интенсивность выбросов парниковых газов (отношение объема выбросов углекислого газа к ВВП).

Результаты эко-инновационной деятельности для общества и экономики отражают социальный и экономический эффекты экологических инноваций. Оценить изменения в сфере занятости можно с помощью индикатора занятость в эко-индустрии и в циркулярной экономике, которая составила 6,12 % от общей занятости в Чехии, 3,63 % в Словении, 2,65 % в Финляндии (2016), 2,09 в Австрии в 2017 г. На экспорт товаров эко-отраслей приходится 0,69 % от общего экспорта в Словении, 0,67 % в Чехии, 0,59 % в Швеции, 0,36 % в Бельгии.

Для каждого из 16 индикаторов рассчитывается индекс, а также в итоге рассчитывается суммарный эко-инновационный индекс, который отражает, сколько составляет данный показатель от среднего уровня по ЕС.

Таким образом, согласно данным Эко-инновационного табло Европейского союза страны ЕС условно разделяются на эко-инновационных лидеров (Швеция, Финляндия, Германия, Люксембург, Дания, Словения), страны со средними до-

стижениями в области эко-инноваций (Австрия, Италия, Испания, Португалия, Великобритания, Франция, Ирландия, Нидерланды, Мальта) и догоняющие страны в области эко-инноваций (Бельгия, Чехия, Литва, Греция, Хорватия, Словакия, Латвия, Румыния, Венгрия, Эстония, Польша, Кипр, Болгария).

Эко-инновационный индекс АСЕМ – ASEI позволяет сравнить эко-инновационное развитие стран-членов АСЕМ, то есть не только стран Европейского региона, но и азиатских стран и служит основой для будущей стратегии европейского и азиатского эко-инновационного развития, что безусловно является его преимуществом. Он так же, как и большинство исследований эффективности вложений в исследования разработки основан на взаимосвязи между затратами на инновации («входом») и результатами («выходом»).

ASEI формируется из четырех групп индикаторов (см. таблицу 2):

«Эко-инновационный потенциал» рассчитывается на основе показателей, отражающих национальную конкурентоспособность, представленную Глобальным индексом конкурентоспособности ВЭФ. Инновационный потенциал страны, который находит отражение в Глобальном инновационном индексе (ГИИ); институциональный потенциал исследований и разработок в области зеленых технологий, что отражено в количестве соответствующих институтов, центров и университетов.

«Эко-инновационная среда поддержки» оценивает государственную поддержку эко-отраслей, стоимость инвестиций «зеленых» технологических предприятий (показатель 2.3), использование венчурного капитала (показатель 2.4).

«Эко-инновационная деятельность» позволяет оценить уровень коммерциализации зеленых технологий, участие предприятий в экологических системах менеджмента, вклад возобновляемой энергии, динамику эко-патентов.

Таблица 2

Показатели Эко-инновационного индекса Форума «Азия – Европа» (АСЕМ)

Наименование группы	Наименования индикатора
<i>Эко-инновационный потенциал</i>	1.1 Конкурентоспособность страны
	1.2 Инновационный потенциал страны
	1.3 Институциональный потенциал ИР в области зеленых технологий
	1.4 Предприятия с зелеными технологиями
	1.5 Осведомленность о менеджменте в области устойчивого развития
<i>Эко-инновационная среда</i>	2.1 Государственные расходы на ИР в зеленые отрасли
	2.2 Выполнение экологических норм
	2.3 Сроки погашения инвестиционных обязательств в зеленых технологических отраслях
	2.4 Масштабы инвестирования МСП с зелеными технологиями
<i>Эко-инновационная деятельность</i>	3.1 Уровень коммерциализации зеленых технологий
	3.2 Участие предприятий в системе менеджмента в области окружающей среды
	3.3 Экономическое влияние ведущих предприятий в области окружающей среды
	3.4 Зеленые патенты
	3.5 Активность использования возобновляемой энергии

Наименование группы	Наименования индикатора
Эко-инновационные результаты	4.1 Уровень воздействия окружающей среды на общество
	4.2 Интенсивность парниковых вызовов
	4.3 Уровень энергетической устойчивости страны
	4.4 Интенсивность водопотребления
	4.5 Занятость в «зеленых» отраслях, в отраслях, связанных с зелеными технологиями
	4.6 Размер рынка зеленых отраслей

Примечание: [3].

Эко-инновационные результаты отражены в показателях занятости и размера рынка зеленых отраслей, а также представлены Индексами энергетической устойчивости и энергетической эффективности.

Эксперты АСЕМ следуют типологии стран, представленной Всемирным экономическим форумом на основе Глобального индекса конкурентоспособности. ВЭФ выделяет 12 основных факторов, в совокупности содействующих развитию более конкурентоспособной экономики: качество институтов; инфраструктура; макроэкономическая стабильность; здравоохранение и начальное образование; высшее образование и профессиональная подготовка; эффективные товарные рынки; эффективный рынок труда; развитый финансовый рынок; бизнес; технологическая готовность; размер рынка; инновационная деятельность.

Глобальный индекс конкурентоспособности состоит из трех субиндексов: 1) основные требования, 2) усилители эффективности и 3) инновационные факторы. Все страны, участвующие в рейтинге, распределяются на пять групп по стадиям развития экономики в зависимости от уровня ВВП на душу населения и экспорта сырья: стадия, движимая факторами, стадия, движимая инвестициями, стадия, движимая инновациями и две переходные стадии.

Таблица 3

Стадии развития стран-членов АСЕМ

Стадия	Европа	Азия
1 экономика, движимая факторами	-	Вьетнам, Лаос, Индия, Пакистан, Камбоджа, Бангладеш, Мьянма
1-2	-	Монголия, Филиппины, Бруней
2 экономика, движимая эффективностью	Румыния, Болгария	Китай, Таиланд, Индонезия
2-3	Эстония, Словакия, Россия, Литва, Латвия, Польша, Венгрия, Хорватия	Малайзия, Казахстан
3 экономика, движимая инновациями	Люксембург, Норвегия, Швейцария, Дания, Швеция, Австрия, Нидерланды, Ирландия, Финляндия, Бельгия, Германия, Франция, Великобритания, Италия, Испания, Кипр, Словения, Греция, Португалия, Мальта, Чехия	Австралия, Сингапур, Новая Зеландия, Япония, Республика Корея

Примечание: [3].

Таким образом, для сопоставления уровня различных стран и выявления наиболее эффективно работающих национальных инновационных систем по стимулированию экологоориентированного инновационного развития в Европейском союзе используется специальный эко-инновационный индекс, а для сопоставления стран азиатского региона используется Эко-инновационный индекс АСЕМ – ASEI. Представленные подходы позволили проанализировать ряд качественных и количественных характеристик эко-инновационного развития стран с малой экономикой, в том числе потенциал страны в области охраны окружающей среды и энергетики, эффективность эко-инновационной деятельности предприятий, социо-экономические последствия эко-инноваций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Страны с малой экономикой в условиях интеллектуализации, дигитализации и экологизации / [Е. Л. Давыденко и др.]. Минск : ИВЦ Минфина, 2019. – 346 с.
2. ЕЮ (2018). Eco-Innovation of products: Case studies and policy lessons from EU Member States for a product policy framework that contributes to a circular economy. Biannual Report. Eco-Innovation Observatory. Funded by the European Commission, DG Environment. – Brussels, 2018. – 86 pp.
3. ASEM Eco-Innovation Index (ASEI) 2015 Measuring Sustainable Future for Asia and Europe [Electronic resource] // ASEIC. — Mode of access: < http://www.aseic.org/resources/download/asei/result_2015/2015_ASEM_Eco-Innovation_Index_Final_Report.pdf >. — Date of access: 20.09.2018.

МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО УКРАИНЫ И БЕЛАРУСИ В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

О. П. Валион

*Тернопольский национальный педагогический университет им. В. Гнатюка,
ул. М. Кривоноса, 2, 46027, г. Тернополь, Украина, o_valion@ukr.net*

Исследованы межгосударственное сотрудничество Украины и Республики Беларусь в современной системе международных экономических отношений. Раскрыты приоритеты, направления и формы украинско-белорусского межрегионального диалога, которые позволили установить прямые контакты между представителями регионов, бизнесом, руководителями органов государственного управления для реализации принципиальных задач: модернизации экономики, наращивания экспортного потенциала, повышения конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности государств-партнеров. Уделено внимание динамике украинско-белорусского торгово-экономического взаимодействия, ведь именно области выступают основными драйверами роста товарооборота между странами. Показано, как Украина и Беларусь в новых условиях развивают конструктивный диалог в региональном формате, руководствуясь традициями экономического партнерства, прагматичным и взаимовыгодным интересом, наполняя новым содержанием межгосударственное сотрудничество.

Ключевые слова: Украина, Беларусь, межрегиональное сотрудничество, международные экономические отношения, торгово-экономические связи, товарооборот.

INTER-REGIONAL COOPERATION OF UKRAINE AND BELARUS IN THE MODERN SYSTEM OF INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

O. P. Valion

*Ternopil National Pedagogical University V. Gnatyuk,
st. Krivonosy M., 2, 46027, Ternopol, Ukraine*

The interstate cooperation of Ukraine and the Republic of Belarus in the modern system of international economic relations is investigated. The priorities, directions and forms of the Ukrainian-Belarusian interregional dialogue are revealed, which made it possible to establish direct contacts between representatives of regions, business, and heads of government for the implementation of the fundamental tasks: modernizing the economy, increasing export potential, increasing the competitiveness and investment attractiveness of partner countries. Attention is paid to the dynamics of Ukrainian-Belarusian trade and economic cooperation, because it is precisely the regions that are the main drivers of the growth of trade between countries. It is shown how Ukraine and Belarus in the new conditions are developing a constructive dialogue in a regional format, guided by the traditions of economic partnership, pragmatic and mutually beneficial interest, filling new content with interstate cooperation.

Key words: Ukraine, Belarus, interregional cooperation, international economic relations, trade and economic relations, commodity circulation.

Глобализация, международная интеграция, формирование мировой экономической системы способствуют углублению международного сотрудничества путем налаживания эффективного многостороннего диалога. Значительный интерес в контексте внешних вызовов современности представляет межрегиональное сотрудничество Украины и Республики Беларусь. Конструктивные отношения на уровне регионов способствуют активизации межгосударственных связей, осуществляют заметное влияние на геоэкономическую стабильность региона. Кроме того, межрегиональное сотрудничество является важной составляющей стратегического партнерства Украины и Беларуси, практическим механизмом внедрения новых проектов, инициатив, тесных и предметных связей между областями двух стран.

Отметим, что межгосударственное сотрудничество Украины и Республики Беларусь имеет свою историю, опыт и достижения. Страны – близкие соседи, которые сумели наладить взаимный диалог в различных сферах, в частности, политической, торгово-экономической, культурно-гуманитарной, научно-технической и др. Развивая их, Украина и Беларусь опираются на общую историю, культурное и ментальное сходство, а также деловые, личные контакты и родственные связи.

Межгосударственные отношения Украины и Беларуси способствуют поиску новых механизмов взаимодействия между регионами, областями, районами, городами. Так, в 1995–1997 гг. было заключено и вступило в силу около четырех десятков договоров между отдельными регионами двух государств, в частности, Соглашения о сотрудничестве действовали между Гродненской областью Республики Беларусь и Винницкой, Днепропетровской и Киевской областями Украины; между Гомельской и Черниговской; Брестской и Волынской; Могилевской и Кировоградской; Минской и Киевской, Луганской, Львовской, Винницкой, Волынской, Днепропетровской, Запорожской, Николаевской, Полтавской, Сумской, Харьковской, Хмельницкой, Черниговской, Одесской; городом Минск и городами Киев, Одесса, Севастополь [1, с. 236]. В целом, были заключены межрегиональные соглашения всех областей Республики Беларусь с областями Украины, углубляя различные сферы двустороннего сотрудничества.

В настоящее время между областями, районами и городами двух стран действуют 120 соглашений о сотрудничестве, которые позволяют на постоянной основе обеспечивать развитие экономических, торговых, культурных и гуманитарных связей [2].

Успешные примеры межрегионального сотрудничества демонстрируют многие области. Например, в контексте взаимодействия Волынской и Брестской в конце 2000 г. в Луцке была проведена украинско-белорусская встреча деловых кругов, где более 40 предприятий получили возможность провести переговоры по взаимным поставкам продукции, наладить деловые контакты и т. д. [1, с. 238]. В основе сотрудничества Ровенской и Брестской областей – торгово-экономические аспекты. Ровенская область экспортирует в Беларусь преимущественно продукцию химической промышленности, а также двигатели, деревянные плиты, подсолнечное масло и другие товары. В то же время наши потребители покупают качественную белорусскую мясомолочную продукцию и нефтепродукты [3, с. 37].

Позитивно на развитии регионального экономического сотрудничества сказалось подписание Соглашения от 6 октября 2009 г. о выездной ярмарочной торговле в приграничных регионах Беларуси и Украины товарами национального производства, предоставлявшее льготные условия для производителей двух стран [4, с. 116].

Таким образом, на динамику межрегионального сотрудничества Украины и Беларуси в значительной степени влияют торгово-экономические вопросы. Государства являются ключевыми торговыми партнерами, накопили опыт, традиции экономического взаимодействия. Существенной особенностью современного этапа межрегионального диалога является то, что регионы выходят на прямое сотрудничество, увеличивая товарооборот, расширяя обоюдное присутствие на рынках друг друга. Это важно, учитывая то, что именно внешняя торговля служит ключевой формой международных экономических отношений. Объем внешней торговли определяется не только уровнем развития и эффективности национальной экономики, но и интегрированностью страны в мировой рынок [5].

Заметим, что в настоящее время (за первое полугодие 2019 г.) Беларусь для Украины является пятым торговым партнером в мире [6], тогда как Украина для Беларуси – вторым (за январь 2019 г.) [7]. На октябрь 2019 г. внешнеторговый оборот между государствами составил 5,5 млрд долларов США. Известно, что в 2012 г. товарооборот между странами составлял 12 млрд долларов. Украина покупает в Беларуси нефтепродукты, удобрения, машины, оборудование, механизмы, транспортные средства, текстиль и текстильные изделия, химическую продукцию. Однако, как верно сказал Президент Беларуси Александр Лукашенко, “... торговля – это дорога с двусторонним движением. Беларусь, в свою очередь, импортирует украинский металл, сельскохозяйственную и пищевую продукцию, кормовые добавки, лекарства и многое другое” [8].

Углублению двустороннего торгово-экономического диалога и установлению эффективных межрегиональных связей служит производственная кооперация и создание совместных предприятий. Сейчас в Украине действует около 100 предприятий с белорусским участием. В Беларуси насчитывается около 300 совместных предприятий с украинским капиталом [9]. Подчеркивая значимость межрегиональных связей и производственной кооперации, в частности, их роли для торгово-экономического сотрудничества Украины и Беларуси Александр Лукашенко отметил: “Многомиллиардный товарооборот между двумя странами формируется

именно на местах. Этим объясняется наше пристальное внимание к развитию межрегиональных контактов. Уже сегодня в Николаеве, Нежине организована сборка тракторов МТЗ и комбайнов “Гомсельмаш”, в Луцке и Днепре – троллейбусов “Белкоммунмаш” и МАЗ, в Вышгороде – лифтов “Могиливлифтмаш”, в Черкассах – автотехники МАЗ. В Киевской области функционирует значительный торговый логистический комплекс группы компаний “Санта”. Можно привести еще много примеров реального экономического сотрудничества, в которые вовлечены регионы” [8]. Региональные экономические отношения Украины и Беларуси способствуют обмену производственным опытом. Видим, что украинско-белорусская производственная кооперация положительно влияет на торгово-экономическое взаимодействие двух государств, наращивает мощности для выхода на новые рынки, в частности, Европейского союза.

С целью представления экономического потенциала регионов Украины и Беларуси, а также развития новых инициатив и форм экономического, инвестиционного, научно-технического и культурного сотрудничества на межрегиональном уровне начат новый формат сотрудничества – проведение форумов регионов. В частности, Первый форум регионов Украины и Беларуси состоялся 25–26 октября 2018 г. в Гомеле, а второй – 3–4 октября г. 2019 в Житомире. То, что форумы проходили с участием президентов двух стран, руководителей регионов, представителей бизнеса придало им статуса и конкретного содержательного наполнения. В ходе Первого форума (представлены 17 украинских и все белорусские области) было подписано 12 соглашений разных уровней – межгосударственные, межправительственные, межрегиональные, а также коммерческих договоров на сумму более 100 млн долларов США, тогда как по результатам Второго форума (приняли участие представители 23 областей Украины и всех белорусских) – 2 межправительственных и 15 соглашений о межрегиональном сотрудничестве, а коммерческих договоров между предпринимателями на 543 млн долларов США [10].

Безусловно, в украинско-белорусской совместной производственной деятельности существует значительный нереализованный потенциал. Так, прямые белорусские инвестиции в экономику Украины на 1 июля 2019 г. составили 48,3 млн долларов США, а инвестиции из Украины в Республику Беларусь только 2,7 млн долларов [11]. Известно, что активизация привлечения инвестиций способствует участию государств в международном движении капитала.

Среди других перспективных направлений сотрудничества, где имеются неиспользованные обоюдные резервы, укажем: нефтехимическую, энергетическую, транспортно-логистическую сферы, речное судоходство на Днепре, Припяти, их интеграцию в международные водные пути, взаимную модернизацию предприятий и др. Но вместе с тем, есть конструктивная работа и успехи, которые открывают новые возможности для развития межрегиональных украинско-белорусских связей на перспективу.

Таким образом, в условиях формирования глобальной мировой экономической системы межгосударственные связи способствуют использованию обоюдных возможностей, ресурсов и преимуществ для роста конкурентоспособности и эффективности национальных экономик в контексте их интеграции в международное экономическое пространство. Сотрудничество Украины и Республики Беларусь на региональном уровне позволило установить прямые контакты между представителями регионов, бизнесом, руководителями органов государственного управления для реализации важных задач: модернизации экономики, наращивания экспорта

ртного потенциала, повышения конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности государств-партнеров. Традиции, потенциал, перспективы – определяют межрегиональный украинско-белорусский диалог. Надеемся, что в современных условиях государства смогут их полностью использовать для того, чтобы выйти на новый, более эффективный уровень сотрудничества, а их межрегиональное взаимодействие станет существенным вкладом в систему международных экономических отношений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Василюшин С. Украинско-белорусские отношения (1991–2014 гг.). Дис. канд. ист. наук: спец.: 07.00.02 "Всемирная история". Тернополь, 2019. 298 с. // http://dspace.tnpu.edu.ua/bitstream/123456789/12758/1/Dis_Vasylyshyn.pdf.
2. Между Украиной и Беларусью действуют 120 соглашений о сотрудничестве – Лукашенко // <https://www.ukrinform.ru/rubric-politics/2793367-mezdu-ukrainoj-i-belarusu-dejstvuut-120-soglasenij-o-sotrudnicestve-lukasenko.html>.
3. Валион О. Дубровиччина-Ровенщина-Брестчина в контексте приграничного сотрудничества между Украиной и Республикой Беларусь (2000-е гг.) // Украина-Европа-Мир. Вып. 16. В 2 ч. Ч. 1.: Международный сборник научных трудов. Серия: История, международные отношения / Гл. ред. Л. Н. Алексиевец. Тернополь: Изд-во ТНПУ им. В. Гнатюка, 2015. С. 34–43.
4. Юрчак Д. В. Беларусь – Украина: 20 лет межгосударственных отношений. Витебск: УО "ВГУ им. П. М. Машерова", 2012. 280 с.
5. Норова А., Советникова О. Республика Беларусь в современной системе международных экономических отношений // http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/163215/1/norova_sovetnikova_BMW_2016.pdf
6. Торгово-экономическое сотрудничество между Украиной и Беларусью // <https://belarus.mfa.gov.ua/ua/ukraine-by/trade>.
7. Итоги внешней торговли Республики Беларусь за январь 2019 года // http://www.customs.gov.by/ru/2019_stat-ru/view/itogi-vneshnej-torgovli-respubliki-belarus-za-janvar-2019-goda-10198/
8. Лукашенко назвал приоритеты экономического сотрудничества с Украиной // https://www.belarus.by/ru/press-center/speeches-and-interviews/lukashenko-nazval-prioritety-ekonomicheskogo-sotrudnichestva-s-ukrainoj_i_0000104880.html
9. Как Украина и Беларусь намерены сотрудничать в машиностроении // <https://delo.ua/business/kak-ukraina-i-belarus-namereny-sotrudnichat-v-m-347508/>.
10. Владимир Зеленский: Замечательно, что Беларусь остается для Украины надежным партнером // <http://www.golos.com.ua/article/322528>.
11. Зеленский и Лукашенко на Форуме регионов Украины и Беларуси // <https://www.youtube.com/watch?v=zYrFsVm30ig>.

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА И ЕЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ В ПРОВИНЦИИ ХЭНАНЬ КНР

Ван Нана

*Хэнанский университет экономики и права, Китайская Народная Республика,
nanaprivet@126.com*

Провинция Хэнань находится в центре восточного, экономически развитого района Китая, является важным транспортным узлом, соединяющим восток с западом, север с югом, и является важным районом для размещения части производства восточных прибрежных районов. Провинция Хэнань является самой густонаселенной провинцией в Китае и крупной экономической провинцией страны, основной новой промышленной провинцией. Ее стратегическое положение важно в экономическом строительстве. В статье отражены важные экономические характеристики развития данной провинции и ее внешнеэкономическая структура.

Ключевые слова: провинция Хэнань, внешняя торговля Хэнань, реформы.

FOREIGN ECONOMIC STRUCTURE AND ITS CHARACTERISTICS IN HENAN PROVINCE PRC

Van Nana

Henan University of Economics and Law, People's Republic of China,

Henan Province is located in the center of the eastern, economically developed region of China, is an important transportation hub connecting east to west, north to south, and is an important area for hosting part of the production of the eastern coastal areas. Henan is the most populous province in China and the country's largest economic province, the main new industrial province. Its strategic position is important in economic construction. The article reflects the important economic characteristics of the development of this province and its foreign economic structure.

Key words: Henan province, Henan foreign trade, reforms.

Больше 30 лет после начала периода реформ и открытости, внешняя торговля провинции Хэнань демонстрировала устойчивое постепенное развитие. В 2014 г. в провинции общий объем импорта и экспорта составил 65,033 млрд. долл., увеличившись по сравнению с предыдущим на 8,5%. Объем внешней торговли провинции оказался на 5,1% выше в среднем по стране. Объем провинциального экспорта составил 39,384 млрд долл, увеличившись на 9,4%, объем импорта составил 25,649 млрд долл, увеличившись на 7,0%. По объемам импорта и экспорта провинция Хэнань занимала в 2014 г. 12 место по Китаю.

Быстрые темпы развития внешней торговли уже стали важным фактором стимулирования экономического роста в провинции Хэнань. Тем не менее, по отношению к экономике в целом в провинции Хэнань, объем внешней торговли по-прежнему значительно ниже. В 2014 г. объем экспорта составил 39,394 млрд дол., что составляет 6,9% от ВВП провинция Хэнань, что намного ниже средненационального экспорта продукции - 22,53% от ВВП Китая, на душу населения составляет менее 10% в среднем по стране.

Хэнань имеет огромный потенциал по рыночному сотрудничеству – эффективную и удобную транспортную сети, широкое пространство энергетического сотрудничества и другие преимущества. Китайское правительство принимает эффективные меры для развития экономики центральных регионов, сокращения разрыва экономического развития между Востоком и Западом, и достижения путей сбалансированного экономического развития по всей стране.

При поддержке Государственного комитета по развитию и реформе и других соответствующих ведомств намерено реализовать в провинции Хэнань 3 важных проекта: - сделать провинцию основной областью зернового производства; - организовать свободную экономическую зону центральной равнины; - придать Чжэнчжоускому аэропорту статус комплексной производственно-экспериментальной зоны и логистического центра согласно современной национальной стратегии страны. Столица Хэнани – город Чжэнчжоу – будет центром агломерации городов Чжунъюань, включающая в себя 30 городов пяти провинций - Хэнань, Шаньдун, Шаньси, Аньхой, Хэбэй в национальном планировании новой урбанизации, что послужит дальнейшему повышению роли и места Хэнани в развитии экономической ситуации Китая.

Осуществление трех стратегических проектов принесет провинции Хэнань возможность построения системы международной экономической открытости на высоком уровне во внутреннем районе страны. Хэнань будет активно развивать внешнеэкономическую деятельность, в полной мере используя свои преимущества в сферах промышленности, сельского хозяйства, услуг, с помощью его удобной транспортной логистики (прямой Чжэно-Европейский поезд, воздушный путь из аэропорта Чжэнчжоу, а также железнодорожная и автотранспортная сеть во

всех направлениях). При благоприятных условиях перспективного строительства нового Шелкового пути, будет проложен сухопутный мост экономического сотрудничества между провинцией Хэнань, Средней Азией, Россией, Польшей, Германией и другими европейскими странами, что повлечет за собой расширение активности во всех сферах и областях внешнеэкономической деятельности. Все это предоставит провинции Хэнань удобные условия для импорта ресурсных продуктов и экспорта товаров.

Провинция Хэнань располагается на Центральной равнине, соединяет север и юг, запад и восток, она является важным транспортным узлом в материковом Китае. По территории всей провинции проходит разветвленная сеть путей сообщения, протяженность автомобильных дорог 60330 км, протяженность железных дорог 3428 км. Помимо этого имеется современный международный аэропорт Синьчжэн, который находится в центре самой загруженной воздушной трассы Пекин–Гуанчжоу и представляет собой один из важнейших магистральных аэропортов и воздушно-транспортных узлов в Китае. Такое преимущественное географическое положение и удобная транспортная система позволили в последние несколько лет экономике пр. Хэнань развиваться быстрыми темпами.

В то же время пр. Хэнань является самой большой провинцией по количеству населения, которое превышает 100 млн. человек. В 2013 г. постоянно проживающее население составило 94,13 млн. человек, в том числе работающее население – 63,87 млн. человек. Пр. Хэнань находится в равнинной местности, трудовые ресурсы очень богаты, а объем сельского хозяйства стабильно занимает первое место в стране.

Производство цветных металлов, запчастей для автомобилей, обработка пищевых продуктов также занимают важное место в производственной базе всего Китая. Богатые минеральные и трудовые ресурсы способствуют быстрому темпу развития отрасли по производству цветных металлов. В 2012 году производство и обработка десяти видов цветных металлов в провинции достигла 5,69 млн тонн, что составило 15,42 % от общего объема национального производства. По этому показателю провинции принадлежит первое место, а по разведанным запасам бокситов, 4,35 млрд тонн, - второе место по стране

В последние годы производственная мощь по выработке оксида алюминия и алюминия составляет 11,42 и 3,69 млн тонн в год соответственно, занимая первое место по стране. Обработывается алюминия 1,1 млн тонн, что является вторым показателем по стране. С глобальной точки зрения, Китай является самым крупным производителем и потребителем алюминия в мире, а провинция Хэнань на данный момент заняла позицию одной из самых крупных площадок по покупке и продаже алюминия как в Китае, так и в мире.

В последние годы и автомобильная промышленность развивается быстрыми темпами. В провинции Хэнань появились производства таких известных марок как Ниссан, Юйтун, Шаолинь и других. При этом неуклонно растет производство запчастей для автомобилей. Шины Aeolus, SIA Group, Xixia насосы и другие запчасти выпускаются на двух с лишним десятках предприятий провинции с годовым доходом от продаж более 0,16 млрд. Долл. Производство таких запчастей как сборная рулевая колонка, амортизаторы, гильзы цилиндра и более 10 других видов, занимают первое место в Китае, а производство запчастей для грузовых машин, кондиционеров и шин для автомобилей уже выходит за рамки страны и продвигаются на мировом рынке.

Предприятия пищевой промышленности провинции Хэнань за 2012 г. получили доход в \$ 189,5 млрд, что составляет 42% от суммы дохода всех провинций центральной части Китая, с реальной прибылью в \$ 2,52 млрд, или на \$ 63,19 млн выше, чем в пяти других провинциях. Доход от реализации продукции и прибыль резко повысившись, достигли первого места по стране. В Хэнань создана круп-

нейшая база по производству замороженных продуктов. В провинции функционируют более ста предприятий, которые реализуют свою продукцию по всей стране.

В краткосрочной перспективе провинция Хэнань может поддерживать производство в области трудоемких и ресурсоемких отраслей промышленности, но при чрезмерной эксплуатации природных ресурсов конкурентоспособность промышленности будет постепенно снижаться. Именно поэтому в долгосрочной перспективе назрела необходимость изменений режима экономического развития провинции Хэнань.

В последние годы для сокращения разницы в экономическом развитии центрального и восточного регионов государство ускоряет темпы экономического развития и уровень доходов населения центрального региона. Как было отмечено ранее, в 2011 и 2013 гг. правительство объявило об осуществлении трех государственных проектов, центром которых стала пр. Хэнань: строительство экономической зоны на Центральной равнине, строительство экспериментального универсального аэропорта в г. Чжэнчжоу и создание района производства зерновых. Осуществление данных проектов способствовало стремительному развитию промышленности и производственной отрасли в Хэнань, особенно это коснулось производства автомобилей, электронно-информационной сферы, текстильной и пищевой отраслей, строительства, транспорта, логистики и т.д. Это, в свою очередь, вывело провинцию в первые ряды по общим экономическим показателям по всей стране. В 2013 г. ВВП в пр. Хэнань составил 526,171 млрд. долларов США, пятое место по стране. Объем экспорта и импорта в пр. Хэнань на 2013 г. составил 59,95 млрд. долларов США, в том числе объем экспорта – 35,99 млрд. долларов США, а объем импорта – 23, 958 млрд. долларов США. Судя по показателям 2013 г., можно сказать, что доля импорта и экспорта в общем экономическом развитии недостаточно высока, составляет лишь 11 % от общих экономических объемов, что далеко от среднего уровня по стране, составляющего 45 %. Таким образом, можно сделать вывод о необходимости использования современного выгодного положения пр. Хэнань с учетом государственной поддержки, а также преимущественные производственные отрасли, чтобы развивать взаимодополняющую торговлю с другими районами. Это, в свою очередь, подразумевает необходимость восполнения недостатков в пр. Хэнань научно-технических инноваций, источников энергии, сырья и электроэнергии, которые необходимы для быстрого экономического развития, что может стать основой для переструктурирования и продолжительного развития экономики двух регионов.

С того времени, как в Китае была введена политика реформ и открытости, провинция Хэнань придерживается единой с Китаем внешнеторговой политики, активно претворяет в жизнь развитие науки и техники и стратегию брендов, стимулирует оптимизацию экспортной структуры. Объем экспорта электромеханической и высокотехнологичной продукции непрерывно увеличивается, в 2014 году объем экспорта электромеханической продукции достиг 26480 миллионов долл. и составил 67,2% от общего объема экспортной торговли в провинции Хэнань, по сравнению с тем же периодом в 2013 г. возрос на 7,1%. Объем экспорта высокотехнологичной продукции достиг 22159 миллионов долларов, это 56,2% от общего объема экспортной торговли, возрос на 5,9% в сравнении с тем же периодом в 2013 г. Рост экспорта высокотехнологичной продукции и электромеханических изделий стимулирует движение экспортной структуры провинции Хэнань от ресурсной продукции к продуктам легкой промышленности, постепенный переход к электромеханическим изделиям и высокотехнологичной продукции, непрерывный рост и оптимизацию. По мере развития экономики внутри страны отчетливо увеличиваются запросы на источники энергии, сырьё и механическое оборудование. В некоторой степени возрос процент общего объема импорта высокотехнологичной продукции и электромеханических изделий в провинцию Хэнань, в 2014 г.

объём импорта электромеханических изделий в провинцию Хэнань достиг 19459 миллионов долларов, что составляет 75,83% от общего объёма импорта, объём импорта высокотехнологичной продукции, что составляет 66,49% от общего объёма импорта. Развитие импортной торговли компенсировало нехватку источников средств и техники на строительство внутренней экономики, а также создало благоприятные условия для регулирования и усовершенствования структуры производства. Оптимизация основных статей импорта и экспорта, а также непрерывное увеличение масштаба импорта и экспорта промышленных товаров стимулировало переход экономики провинции Хэнань к новым отраслям промышленности, и привело к тому, что относительные преимуществ экспортной торговли товарами промышленного назначения всё более отчётливыми.

Чтобы лучше реализовать стратегию открытости внешнему миру, привлечь иностранные инвестиции и стимулировать социально-экономическое развитие, провинция Хэнань опубликовала новый план «Руководство иностранными инвестициями» и «Каталог приоритетных отраслей промышленности, инвестируемых зарубежными предпринимателями среднего запада», усилила инвестирование в иностранный капитал и расширила масштаб и условия использования провинцией зарубежных инвестиций. За 2010-2014 гг. (см. таблицу 1) быстро возросла сумма средств иностранных предпринимателей, использованных провинцией, будучи в 2010 г. равной 6247 миллионам долларов, к 2014 г. она достигла 14927 миллионов долларов, увеличившись в 2,4 раза. На увеличение прямых инвестиций иностранных предпринимателей повлияло активное применение правительством провинции манёвров по привлечению инвестиций, таких как организация и участие в различного рода выставках и симпозиумах внутри и за пределами страны, организация комплексных или специализированных торгово-экономических зарубежных визитов, приглашение важных зарубежных торгово-экономических организаций посетить Хэнань. Также оказало влияние большое количество квалифицированной рабочей силы, создание комплексной экономической экспериментальной зоны и другие всесторонние факторы, это предоставило благоприятные условия для привлечения иностранных инвестиций. Крупнейший в мире специализированный производитель электроники «Фоксонн», крупнейший в мире производитель миниатюрных компонентов для электронной промышленности «Линшен», крупнейшая в России авиакомпания, занимающаяся грузоперевозками, «Телетрап» и другие предприятия один за одним осели в провинции Хэнань, внося средства и вливая жизненные силы в экономическое развитие провинции. Проникновение иностранного капитала не только восполнило срочный дефицит финансирования в сферах экономики и общества провинции Хэнань, особенно в области промышленных проектов, строительства городов и инфраструктуры, где содействовало развитию партии крупных предприятий и стимулировало усовершенствование регулирования структурой экономики, но также, наряду со стимулированием развития внешней торговли, создало еще больше рабочих мест для данной области (см. таблицу 1).

Таблица 1

Сумма и темп прироста прямых инвестиций зарубежных предпринимателей, используемых в провинции Хэнань

	2010	2011	2012	2013	2014
Сумма используемых инвестиций (миллион долларов)	6247	10082	12118	1345	14927
Темп прироста (%)	30.2	31.2	20.2	11.1	10.9

Источник данных: [1].

Провинция Хэнань является первой по численности населения провинцией в Китае, изобилующей трудовыми ресурсами. С того времени, как провинция приоткрыла в жизнь стратегию «выхода за границу», придаётся большое значение механизмам подготовки и обучения квалифицированной рабочей силы. Множество профессионально-технических учреждений высшего разряда взяли на прицел международный рынок рабочей силы, подготовив большую группу квалифицированных рабочих, отвечающих запросам международного рынка труда, что привело к ежегодному увеличению числа подрядных объектов за рубежом, количества договоров о сотрудничестве в области трудовых ресурсов, а также увеличению денежной суммы, прописанной в договорах. В 2014 г. сумма новых внешних договоров составляла 4229 миллионов долларов, сопоставимый прирост – 4,2%, по завершении оборота 4708 миллионов долларов, сопоставимый прирост – 11,9%. Количество трудовых мигрантов за рубеж, в 1990 году составлявшее 814 человек, к 2014 г. достигло 69703 человек, увеличившись в 85,6 раз. По всей провинции насчитывается более 20 предприятий, различными способами вступивших на международный рынок, осуществив скачкообразное развитие, они заложили хороший фундамент для использования международного капитала.

В 2014 г. сотовый телефон стал главным экспортным товаром в провинции Хэнань, общее количество экспортированных телефонов составило 7343 экземпляра, по сравнению с аналогичным периодом увеличился на 7,1% и составляет 53,1% объёма экспорта внешней торговли провинции Хэнань. Увеличение экспорта мобильных телефонов привело к увеличению оборота внешней торговли всей провинции. Кроме телефонов, важными экспортируемыми товарами в провинции Хэнань являются изделия из волос, текстильные и алюминиевые изделия и другие. Исходя из структурного анализа продукции легко обнаружить, что в провинции относительно большой масштаб экспорта электромеханической и высокотехнологичной продукции, однако самой важной все же является продукция, требующая технической обработки, и капиталоемкая продукция, например, 70% от мирового производства телефонов iPhone выпущено в провинции Хэнань [2]. Однако предприятия в провинции ещё нуждаются в повышении интенсивности разработки высокотехнологичной и инновационной продукции. Нужно разрабатывать и производить инновационную высокотехнологичную продукцию, осуществить переход от «Хэнань производящей» к «Хэнань создающей». Изготавливать продукцию, основанную на своих исследованиях и разработках, создать собственный бренд, создать в провинции Хэнань сильную внешне-ориентированную экономику, следуя путём устойчивого развития.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Официальный сайт управления коммерции провинции Хэнань <http://www.hncom.gov.cn/newsopen>
2. «Новая волна Хэнаня» : <http://henan.sina.com.cn/news/z/2015-01-16/detail-iavxeafs0076105.shtml>

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ КИТАЯ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПУТИ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ

Г.Н. Гаврилко¹⁾, Ши Чжичао²⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, galina_gavrilko@list.ru

²⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, shizhichao130@gmail.com

Аннотация. С быстрым развитием экономики Китая, внешняя торговля Китая также значительно выросла, но существует много проблем. Низкотехнологичное содержание и продукты с низкой добавленной стоимостью в экспорте Китая составляют значительную долю, это стало важным фактором, ограничивающим эффективность развития внешней торговли Китая. Поэтому повышение технического уровня и улучшение качества продукции являются наиболее важными вопросами внешней торговли Китая. Кроме того, оптимизировать структуру внешней торговли Китая, особенно структуру экспортной продукции, решить дисбалансы, возникающие во внешней торговле, эти проблемы предстоит решать правительству Китая в перспективе.

Ключевые слова: КНР; внешняя торговля; «Сделано в Китае до 2025 года».

CHINA'S FOREIGN TRADE: CURRENT SITUATION AND PROBLEMS

G.N. Gavrilko¹⁾, Shi Zhichao²⁾

^{a)} Belarusian State University, 4, pr. Nezavisimosti, Minsk 220030, Belarus Corresponding author:
G. N. Gavrilko galina_gavrilko@list.ru

^{b)} Belarusian State University, 4, pr. Nezavisimosti, Minsk 220030, Belarus,
shizhichao130@gmail.com

With the rapid development of China's economy, China's foreign trade has also grown greatly, but at the same time there are still many problems. Among the products exported by China, low-tech content and low value-added products account for a large proportion, which has become An important factor restricting the high quality development of China's foreign trade. Therefore, improving the technical content and improving product quality are the most important problems facing China's foreign trade. In addition, optimizing China's foreign trade structure, especially the structure of export products, and solving the imbalance of foreign trade, these issues need to be resolved by the Chinese government.

Key words: China; foreign trade; "Made in China 2025".

После периода быстрого роста китайская экономика постепенно замедлилась в последние годы, китайское экономическое развитие вступает в свое «новое нормальное» состояние перехода от скоростного развития к качественному развитию. Темпы роста внешней торговли Китая также значительно снижаются, и страна вступает в период низких и средних темпов роста.

В 2009 году общий объем товарооборота Китая снизился на 13,9% по сравнению с 2008 годом. Это был первый отрицательный рост за 30 лет. [1, с. 86–90]. Анализируя развитие внешней торговли товарами Китая за последние годы, следует отметить неблагоприятные тенденции: в 2015 году рост замедлился на 7,0% по сравнению с 2014 годом, в 2016 году снижение объема товарооборота составило 6,8% по сравнению с 2015 годом. В 2017 году мировая экономика постепенно стала восстанавливаться, что положительно сказалось на темпах роста китайской экономики. В 2017 году общий объем импорта и экспорта Китая имел устойчивые темпы роста: темп роста составил 14,2% по сравнению с 2016 г. [2, с. 13–14]. Однако прогноз развития международной торговли остается неопределенным из-

за китайско-американских торговых трений, которые произошли в 2018 году. Китай сталкивается с большими вызовами и неопределенностями в области внешней торговли в будущем. В то же время стоимость рабочей силы в Китае быстро растет, по сравнению с соседними странами, такими как Индия, КНР уже не имеет конкурентного преимущества в этой области, многие трудоемкие отрасли перемещаются в Индию и страны Юго-Восточной Азии [3, с. 27–30]. Китай теряет преимущество не только в низкой стоимости рабочей силы, но и в области привлечения иностранных инвестиций. Кроме того, из-за проводимой государством в прошлом энергетической и экологической политики, возникло большое количество экологических проблем, проблемы нехватки энергии и загрязнения окружающей среды на современном этапе становится важным сдерживающим фактором для экономического развития. Также привело к изменениям в структуре внешней торговли Китая тот факт, что некоторые предприятия с высоким уровнем загрязнения и энергоемкие предприятия были постепенно ликвидированы.

Во внешней торговле Китая существуют некоторые структурные недостатки, в течение долгого времени в структуре экспортных товаров Китая в основном преобладали трудоемкие товары с низким технологическим содержанием, доля экспорта высокотехнологичной продукции и продукции с высокой добавленной стоимостью относительно невысока, инновационные продукты и возможности для исследований и разработок ограничены. Из-за недостаточного потенциала для независимых исследований и разработок, конкурентоспособность находится на низком уровне. Таким образом, высокотехнологичная индустрия Китая по-прежнему находится на низком уровне. Отсутствует самостоятельная собственная разработка основных технологий и интеллектуальной собственности, технология многих высокотехнологичных продуктов не может быть освоена самостоятельно, ключевые компоненты зависят от зарубежного импорта.

В начале апреля 2018 года США решили запретить американским компаниям продавать компоненты в ZTE в течение следующих семи лет, ограничены закупки основных компонентов ZTE, что может привести компанию в упадок, поэтому необходимо идти на компромисс. Это еще раз доказывает важность наличия высокотехнологичной автономии. Из-за недостаточного развития рыночной экономической системы Китая, государственные предприятия и частные предприятия очень разные, большое количество капитала вложено в государственные предприятия. Недостаточные финансовые вложения и техническая поддержка для негосударственных предприятий, приводит к отсутствию движущих сил развития на негосударственных предприятиях, многие внешнеторговые предприятия не в полной мере финансируют исследования и разработки, поэтому многие экспортные продукты являются низкотехнологичными, отсутствуют независимые инновации.

Возможности китайских предприятий, осуществляющих внешнюю торговлю, технические исследования и разработки ограничены. Кроме того, в структуре внешней торговли Китая, торговля услугами составляет небольшую долю рынка, доля торговли услугами в общем товарообороте Китая намного ниже, чем в среднем в мировой экономике. Торговля услугами имеет огромный потенциал развития, а импорт и экспорт торговли услугами Китая в основном базируется на традиционных секторах услуг, таких как транспорт, туризм и строительство в прибрежных развитых районах. Торговые партнеры в основном сосредоточены в Гонконге, Европейском союзе, США и Японии.

Анализ структуры торговли показывает, что Китай в основном экспортирует социальные товары широкого потребления. Активный баланс внешней торговли Китая остается высоким, что приводит к возникновению трений со многими торговыми партнерами. Из-за активного баланса внешней торговли наиболее серьезными являются трения между Китаем и США в 2018 году. Поэтому оптимизация

структуры внешней торговли и сбалансированность международной торговли, также будет проблемой, которой Китай должен уделять серьезное внимание в краткосрочной и долгосрочной перспективе.

В 2015 году правительство Китая предложило план будущей стратегии развития обрабатывающей промышленности «Сделано в Китае до 2025 года». Целью программы «Сделано в Китае до 2025 года» является на основе рыночного регулирования, решений правительства и международного сотрудничества повышение уровня информатизации, интеллектуализации в обрабатывающей промышленности Китая, овладение передовыми технологиями в ключевых областях, сокращение потребления энергии и загрязнения окружающей среды, повышение технологичности и инновационного потенциала экспортной продукции, рост производительности труда в обрабатывающей промышленности[4]. Поставлена задача формировать группу транснациональных корпораций и промышленных кластеров с высокой конкурентоспособностью, чтобы положение обрабатывающей промышленности Китая в глобальной цепочке создания стоимости значительно улучшить[4]. Для дальнейшего повышения международной конкурентоспособности китайских товаров в будущем, будет обновляться обрабатывающая промышленность Китая, количественные преимущества китайской экспортной продукции станут преимуществами в области качества, осуществлен переход от низкоуровневого производства к высокопроизводительному производству.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ци Чуньлин. Проявление новой нормы внешней торговли Китая и выбор пути развития трансформации. / Экономический аспект. 2015. № 8. - С. 86-90.
2. Министерство торговли Китая. Глава департамента внешней торговли Министерства торговли Китая рассказаны о внешнеторговой ситуации в Китае с 1 по 12 в 2017 году. / Иностранные инвестиции в Китае. 2018. № 2. - С. 13-14.
3. Ян Мин. Анализ внешней торговли за 2014 год и перспективы на 2015 год. / Исследование развития. 2014. № 12. - С. 27-30.
4. Китайское правительство[Электронный ресурс] / окно информации. Китай – Режим доступа: http://www.gov.cn/zhengce/content/2015-05/19/content_9784.htm – Дата доступа: 19.01.2019.

РЕФОРМА ГЛОБАЛЬНОЙ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ В КОНТЕКСТЕ УСТОЙЧИВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА (ОПЫТ КИТАЯ)

Г.Н. Гаврилко¹⁾, Гэн Шуай²⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, galina_gavrilko@list.ru

²⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, gengshuai@me.com

В статье рассматриваются предпосылки и основные направления глобальной реформы финансового регулирования. Отмечено, что основные группы акторов активизировали действия по созданию устойчивой финансовой системы. Важнейшее направление трансформации - "экологизация" международной финансовой системы, которая позволяет использовать преимущества технологий "двойного дивиденда". Рассматривается институциональная трансформация, инициированная руководством КНР в связи с реализацией концепций Экономического пояса Шелкового пути и "Экологической цивилизации". Сделан обзор документов, направленных на повышение экологической ответственности китайских компаний при реализации зарубежных проектов.

Ключевые слова: глобальная финансовая реформа, устойчивое развитие, "зеленое" финансирование, ЮНЕП, международные организации, инклюзивные финансы, финансовые институты.

REFORM OF THE GLOBAL FINANCIAL SYSTEM IN THE CONTEXT OF SUSTAINABLE ECONOMIC GROWTH (THE EXPERIENCE OF CHINA)

G.N. Gavrilko^{a)}, Geng Shuai^{b)}

^{a)} Belarusian State University, 4, pr. Nezavisimosti, Minsk 220030, Belarus

^{b)} Belarusian State University, 4, pr. Nezavisimosti, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: G. N. Gavrilko (galina_gavrilko@list.ru)

The article discusses the prerequisites and the main directions of the global reform of financial regulation. It is noted that the main groups of actors have stepped up efforts to create a sustainable financial system. The most important direction of transformation is the "greening" of the international financial system, which allows to take advantage of the technology of "double dividend". It's considered the institutional transformation initiated by the leadership of the People's Republic of China in connection with the implementation of the concepts of the Silk Road Economic Belt and the Ecological Civilization. It's made an overview of documents aimed at improving the environmental responsibility of Chinese companies in the implementation of foreign projects.

Key words: global financial reform; sustainable development; green finance; UNEP; international organizations; inclusive finance; financial institutions.

К середине второго десятилетия XXI в. свершившимся фактом стало осознание того, что мировая финансовая система нуждается не только в ужесточении регулирования с целью обеспечения стабильности, но и в более глубокой трансформации с тем, чтобы иметь возможность финансировать инклюзивный и экологически устойчивый экономический рост. Этому способствовали такие факторы, как продолжающееся сокращение природного капитала, возрастание рисков, связанных с изменением климата и ущерба от стихийных бедствий, рост социального неравенства, появление на мировой арене новых игроков в лице быстрорастущих развивающихся стран, прежде всего Китая и Индии, и, наконец, в немалой степени неудовлетворенность большинства заинтересованных сторон результатами посткризисной реформы регулирования глобальных финансов.

Глобальный финансовый кризис 2008-2009 гг., который имел пагубные последствия как для самой международной финансовой системы (МФС), так и для всей мировой экономики, обусловил всеобщее признание необходимости реформирования МФС. На саммитах G20 в 2009-2010 гг. были намечены и согласованы основные направления глобальной реформы финансового регулирования (ГРФР) [1]. Следует отметить, что она носила внутрисистемный характер, касаясь главным образом финансового регулирования и надзора, а ее инициаторами были развитые страны, в наибольшей степени пострадавшие от кризиса. Реформа направлена прежде всего на уменьшение системных рисков и обеспечение финансовой стабильности. Поэтому она включает преимущественно изменение таких параметров финансового регулирования, как нормативы достаточности капитала, ликвидности, кредитного плеча (левереджа), системы риск-менеджмента, процедуры банкротства.

Распространению идеи реформирования глобальной финансовой системы во многом способствовало активное продвижение в мире в последние годы идеологии устойчивого развития [2]. Причем все более активную роль в этом процессе стали играть быстро растущие государства (Китай, Индия, ЮАР, Индонезия и другие), для которых он важен по целому ряду причин. В их числе стремление

утвердить принципы большего равноправия и справедливости в МФС, создать свою нишу в рамках реализации глобальной финансовой реформы, решить национальные социально-экономические и экологические проблемы. До недавнего времени развивающиеся страны продвигали этот принцип главным образом через участие в реформировании МВФ и Всемирного банка.

Важнейшим фактором формирования экологически устойчивой финансовой системы является наличие политической воли регуляторов как на национальном, так и на международном уровне, в том числе для создания необходимых стимулов и гарантий для частного сектора. Примеры активной национальной политики дают такие страны, как Германия, Великобритания, Швейцария, Франция и даже США, где, несмотря на изменение позиций федеральной власти и выход страны из Парижского соглашения по климату 2015 г., на уровне штатов и компаний принципы экологически ответственного инвестирования и развития "зеленых" финансов продолжают действовать.

Отдельного внимания заслуживает позиция таких быстрорастущих государств, как Китай, Индия, Бразилия, Сингапур и ряд других. Для них экологически и социально ответственная финансовая политика важна не только для решения внутренних проблем, но и для усиления их роли в реформировании МФС.

Особое место занимает Китай, который не только сделал "зеленые" финансы частью своей национальной стратегии, разработал соответствующую нормативную базу, но и использовал свое председательство в G20 в 2016 г. для создания Рабочей группы по "зеленому" финансированию (*Green Finance Study Group, GFSG*). Работа международных организаций по продвижению устойчивого финансирования осуществлялась и раньше (Финансовая инициатива ЮНЕП, СФС, ОЭСР, МВФ, Всемирный банк и др.). Однако включение этого вопроса в финансовый трек G20 обеспечит координацию экспертной деятельности всех организаций, включая стандартоустанавливающие, из единого центра. На саммите G20 в Гамбурге в 2017 г. подчеркивалось, что это позволит избежать дублирования и получить синергетический эффект.

Работа всех рассмотренных выше международных организаций и неформальных форумов направлена на то, чтобы устранить рыночные и социально-экономические слабости МФС, в том числе с учетом растущих общественных ожиданий, сделать ее более стабильной, усилить связь с финансированием потребностей реальной экономики, включая переход к низкоуглеродной модели развития. Экологически устойчивое финансирование все чаще рассматривается в качестве фактора повышения конкурентоспособности как отдельных финансовых институтов, так и национальных финансовых систем, а в конечном счете — и национальных экономик, то есть речь идет об использовании технологий "двойного дивиденда".

Вместе с тем очевидно, что при всех положительных сдвигах процесс находится на начальном этапе. Именно поэтому необходимы специальные регуляторные меры, способные двигать его вперед. В этой связи эксперты международных организаций предлагают различные шаги и комплексы мероприятий по созданию устойчивой финансовой системы.

Идея о том, что финансовая сфера может способствовать экологически устойчивому развитию, возникла гораздо раньше стратегии Экономического пояса Шелкового пути. В начале XXI в. были сформулированы "Принципы Экватора", содержащие базовые положения об экологической ответственности финансовых организаций [3]. "Зеленые" финансы стали рассматриваться как важная составляющая глобальной финансовой системы. Отмечается растущее влияние "экологических и климатических факторов на структурную динамику мировой финансовой системы" [4, с. 5].

В контексте исследования проблем ЭПП важно понимание "зеленого" финансирования, заложенное в китайской концепции "Экологической цивилизации". Оно изложено в докладе *Green Finance Syntesis Report*, подготовленном экспертной группой *Green Finance Study Group (GFSG)* в период председательства КНР в "большой двадцатке" [5]. Свою миссию *GFSG* видит в содействии обеспечению устойчивого и сбалансированного роста. *GFSG* получила мандат на выявление институциональных и рыночных барьеров на пути развития "зеленого" финансирования и разработку предложений по расширению возможностей для привлечения частного капитала в сферу "зеленых" инвестиций.

GFSG определяет "зеленые финансы" как совокупность процедур обеспечения финансирования инвестиций, генерирующих экологические выгоды в широком контексте концепции устойчивого развития. Под экологическими выгодами понимаются сокращение негативного воздействия на природные системы и среду обитания (включая сокращение выбросов парниковых газов), повышение энергоэффективности, а также адаптация к изменениям климата. "Зеленые финансы" должны способствовать интернализации экологических внешних эффектов, повышению доли экологически благоприятных инвестиций и сокращению доли экологически вредных. В эту сферу входят как государственные, так и частные финансы. "Зеленое" финансирование предполагает эффективное управление экологическими рисками в масштабах всей финансовой системы.

Доклад *GFSG* состоит из пяти разделов, включая три секторальных (банковское дело, рынок облигаций, институциональные инвестиции). Особое внимание уделяется анализу рисков "зеленого" инвестирования и оценке прогресса в этой области. Отмечается существенное значение страновой специфики - варианты решений, считающиеся хорошей практикой в одной стране, могут быть совершенно неприемлемы для другой. Доклад нацелен, с одной стороны, на расширение спектра специфических "зеленых" финансовых инструментов (акции, облигации, кредиты), с другой — на повышение экологической ответственности мировой финансовой системы в целом, то есть фактически нацелен на распространение и закрепление "принципов Экватора".

Правительство КНР в последнее десятилетие прилагает немало усилий для улучшения экологической репутации китайских компаний, в том числе на зарубежных рынках. В последнее десятилетие правительство страны приняло ряд документов, направленных на усиление экологической ответственности при инвестировании за рубежом, в их числе: "Положение о дальнейшем регулировании развития зарубежных проектов на контрактной основе", "Руководство по иностранным инвестициям и сотрудничеству", "Административный регламент зарубежных проектов на контрактной основе", "Руководство по охране окружающей среды при осуществлении иностранных инвестиционных проектов и сотрудничеству". В них закреплены как природоохранные требования, так и требования социальной ответственности при осуществлении инвестиционных проектов [6].

Эксимбанк КНР, реализующий курс руководства страны, еще в 2008 г. принял решение о том, что при предоставлении займов оставляет за собой право требовать проведения экологической экспертизы и оценки воздействия проектов на окружающую среду, инспектировать их в течение всего срока реализации, прерывать контракты в случаях несоответствия экологическим требованиям. Своей миссией банк объявил распространение практики "зеленых" займов и экологических инноваций, повышение энергоэффективности, а также снижение доли экологически неблагоприятных проектов.

Принимаемые меры приносят результаты. Китай вышел на передовые позиции в мире по финансированию "зеленой" энергетики. По данным *Bloomberg New Energy Finance (BNEF)*, китайские инвестиции в возобновляемую энергетику в

2016 г. составили 87.5 млрд долл., в 2015-м - 118.2 млрд (соответственно 30 и 33% всех мировых инвестиций в этот сектор). Китай внес основной вклад в рост инвестиций в солнечную и ветровую энергетику в АТР. Стоит задача не только введения новых мощностей, но и адаптации сетевого хозяйства для эффективной интеграции солнечной и ветровой генерации в общие энергосистемы. Пока острой остается проблема потерь электроэнергии, производимой солнечными и ветровыми станциями (вследствие неоптимальной организации работы сетей), которые оцениваются в 10-20% от совокупной "зеленой" генерации.

Китай не просто проводит масштабную экологическую трансформацию своих институтов, а прилагает серьезные усилия для вовлечения в этот процесс партнеров, в том числе те страны, которые могут оказаться "под зонтиком" ЭПШП. Об активной позиции в формировании глобальных природоохранных институтов свидетельствует и весьма заметная роль КНР в работе Парижского экологического Саммита -2015.

Создание Экономического пояса Шелкового пути требует новых финансовых институтов. В январе 2016 г. в Пекине состоялось открытие Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, АБИИ (*Asian Infrastructure Investment Bank, AIIB*). Он создан по инициативе руководства КНР, еще в 2014 г. высказывавшего за создание общего банка для целей развития и защиты интересов развивающихся стран. Сегодня китайское руководство рассматривает АБИИ как основной финансовый инструмент продвижения проектов ЭПШП.

Таким образом, сопряжение природного, человеческого и финансового капитала становится новой парадигмой XXI в. Реализация принятых Целей устойчивого развития до 2030 г., а также Парижского соглашения по климату 2015 г. требует гигантских финансовых ресурсов.

Архитекторы устойчивой финансовой системы стремятся в своих программах использовать все новое, что есть в современных финансах: достижения цифровых технологий, новые направления финансирования малых и средних предприятий, создание на базе международных финансовых центров кластеров «зеленого» финансирования, включающих различные "зеленые" инструменты. Особенность последних лет — активная роль в этом процессе быстрорастущих стран, прежде всего Китая и Индии, которые стремятся найти свою нишу в глобальной финансовой реформе и повысить в ней свою роль. Другая важная характеристика - рост числа международных платформ и альянсов по "зеленому" финансированию с участием частных и государственных институтов, деятельность которых должна обеспечить продвижение принципов устойчивого развития в международном сообществе, изменение психологии рыночных агентов, создание более благоприятного инвестиционного климата в мировой экономике.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Худякова Л.С. Глобальное финансовое регулирование в посткризисный период. Новые подходы к глобальному финансовому регулированию. Под ред. Л.С. Худяковой. Москва, ИМЭМО РАН, 2015, сс. 6-28. [Khudyakova L.S. Global'noe finansovoe regulirovanie v postkrizisnyi period [Global financial regulation in post-crisis period]. Novyepodkhody k global'nomu finansovomu regulirovaniyu [New approaches to global financial regulation]. Khudyakova L.S., ed. Moscow, IMEMO, 2015, pp. 6-28.]

2. Бобылев С Н. Устойчивое развитие: парадигма для будущего. Мировая экономика и международные отношения, 2017, том 61, № 3, сс. 107-113. [Bobylev S.N. Ustoichivoe razvitiie: paradigma dlya budushchego [Sustainable development: a paradigm for future]. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya, 2017, vol. 61, no. 3, pp. 107-113.]

3. *Equator principles*. Available at: <http://www.equator-principles.com> (accessed 01.05.2017).

4. Порфирьев Б. "Зеленые" тенденции в мировой финансовой системе. *Мировая экономика и международные отношения*, 2016, т. 60, № 6, сс. 5-16. [Porfir'ev B. "Zelenye" tendentsii v

mirovoi finansovoi sisteme ["Green" Trends in the Global Financial System]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2016, vol. 60, no. 6, pp. 5-16].

5. *G20 Green Finance Syntesis Report*. Available at: <http://unepinquiry.org/g20green> flnancerepositoryeng (accessed 08.05.2017).

6. Глазырина И.П., Симонов Е.А. "Экологическая цивилизация" Китая: новые вызовы или новые перспективы для России? *ЭКО*, 2015, № 7, сс. 52-72. [Glazyrina I.P., Simonov E.A. "Ekologicheskaya tsivilizatsiya" Kitaya: novye vyzovy ili novye perspektivy dlya Rossii? ["Ecological Civilization" in China: New Challenges or New Prospects for Russia?]. *EKO*, 2015, M 7, pp. 52-72.

ВНЕШНИЕ ПРЯМЫЕ ИНОСТРАННЫЕ ИНВЕСТИЦИИ В УСЛОВИЯХ «НОВОЙ НОРМАЛЬНОСТИ» ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КИТАЯ

Е.Л. Давыденко¹⁾, Чжан Пэнфэй²⁾

¹⁾*Белорусский государственный университет, пр.
Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, helen@tut.by*

¹⁾*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь zhangpengfly@foxmail.com*

Данная работа посвящена анализу особенностей и предпосылок осуществления внешних прямых иностранных инвестиций (ВПИИ) в условиях новых экономических реалий Китая. В статье приводится обоснование причин большого потока ВПИИ Китая в период, когда страна находилась на относительно низком уровне экономического развития, и направления вложения средств из ВПИИ, главным образом, в развитые страны и сферу услуг.

Ключевые слова: внешние прямые иностранные инвестиции; экономическая «новая нормальность»; транснациональные корпорации.

EXTERNAL FOREIGN DIRECT INVESTMENT IN THE CONTEXT OF THE “NEW NORMALITY” OF CHINA'S ECONOMIC DEVELOPMENT

E.L. Davydenko^a, Zhang Pengfei^b

^a*Belarusian State University, Independence Ave., 4, 220030, Minsk, Belarus, helen@tut.by*

^b*Belarusian State University, Independence Ave., 4, 220030, Minsk, Belarus zhang-pengfly@foxmail.com*

This work is devoted to the analysis of the features and prerequisites for the implementation of external foreign direct investment (EFDI) in the new economic realities of China. The article substantiates the reasons for the large flow of China's EFDI in a period when the country was at a relatively low level of economic development, and the direction of investment from EFDI mainly in developed countries and the service sector.

Key words: external foreign direct investment; economic “new normality”; transnational corporations.

Руководствуясь стратегией "выхода за границу", китайские внешние прямые иностранные инвестиции (далее ВПИИ) характеризуются всесторонним стабильным развитием. Поток ВПИИ превысил 100 млрд долл США впервые в 2013 г., и по состоянию на 2017 г. резерв ВПИИ составил 1 809 млрд долл США. По данным на 2018 г., объем ВПИИ в нефинансовые сферы достиг 120.5 млрд долл США, а в первом полугодии 2019 г. – 52.8 млрд долл. США. В 2017 г. поток китайских ВПИИ и их резерв заняли второе и третье места в мировом рейтинге (см. таблицу 1).

Потоки и накопления ВПИИ Китая

Дата	Поток, млрд. долл. США			Накопление, млрд. долл. США	
	Сумма	Глобальный рейтинг	Годовой темп роста (%)	Сумма	Глобальный рейтинг
2002	2.70	26		29.90	25
2003	2.85	21	5.6	33.20	25
2004	5.50	20	93.0	44.80	27
2005	12.26	17	122.9	57.20	24
2006	21.16	13	43.8	90.63	23
2007	26.51	17	25.3	117.91	22
2008	55.91	12	110.9	183.97	18
2009	56.53	5	1.1	245.75	16
2010	68.81	5	21.7	317.21	17
2011	74.65	6	8.5	424.78	13
2012	87.80	3	17.6	531.94	13
2013	10.78	3	22.8	660.48	11
2014	12.31	3	14.2	882.64	8
2015	14.57	2	18.3	1097.86	8
2016	19.62	2	34.7	1357.39	6
2017	15.83	3	-19.3	1809.04	2

Источник: Национальное бюро статистики Китайской Народной Республики.

Примечание: За 2002-2005 гг. данные ВПИИ по нефинансовым отраслям, а за 2006-2017 гг. данные о масштабах ВПИИ по всем отраслям.

В 2014 г. объем ВПИИ Китая (123.1 млрд. долл. США) впервые превысил ПИИ (119.7 млрд. долл. США), и данная тенденция сохраняется по сегодняшний день. Поскольку в национальной экономике обнаруживается все большее перенакопление капитала, постольку Китай превращается в сверхдержаву внешних прямых иностранных инвестиций [1, с. 83]. В настоящее время КНР по-прежнему является развивающейся страной, и его ВПИИ обладают всеми признаками развивающейся экономики, при этом теория экономики развития и теория внешнего инвестирования не имеют разумных интерпретаций подобного феномена.

Особенности ВПИИ Китая на современном этапе

1. Масштабные ВПИИ возникли в Китае в то время, когда страна находилась на низком уровне экономического развития, при этом характерно, что если ознакомиться с историей ВПИИ развитых стран, то массовое возникновение внешнего инвестирования в них обнаружилось при сравнительно высоком ВВП на душу населения.

2. Китай, являясь развивающейся страной, имеет разные направления инвестирования, среди которых и развитые, и развивающиеся страны, однако приоритет отдается развитым странам (см. таблицу 2). Объем инвестиций Китая, вложенных

в Африку в 2017 г., составил 4.1 млрд. долл. США (2,65% от всего объема); а потоки инвестиций, направляемых на Виргинские острова, в Швейцарию и в США, соответственно, 19.3 млрд. долл. США, 7.5 млрд. долл. США, 6.4 млрд. долл. США).

Таблица 2

Потоки ВПИИ Китая на континенты в 2017 г.

Потоки ВПИИ Китая, млрд долларов

Континент	Сумма	Годовой темп роста (%)	Удельный вес (%)
Европа	18.5	72.7	11.7
Африка	4.1	70.8	2.6
Океания	5.1	-1.9	3.2
Азия	110	-15.5	69.5
Латинская Америка	14.1	-48.3	8.9
Северная Америка	6.5	-68.1	4.1
Итого	158.3	-19.3	100.0

Источник: Отчет о развитии внешних инвестиций Китая за 2018 год

3. Являясь производственной сверхдержавой, Китай в настоящее время направляет ВПИИ преимущественно в сферу услуг. В 2017 г. потоки китайских ВПИИ, поступающих в обрабатывающую промышленность, достигли 29.5 млрд. долл. США (18,6% от общего объема), а поступающих в сферу услуг, достигли 126.8 млрд долл США (79,8% от общего объема), среди них средства, затраченные на лизинг и бизнес-услуги, оптовую и розничную торговлю, финансовую индустрию, составили 34.3%, 16.6% и 11.9% соответственно (см. рисунок 1).

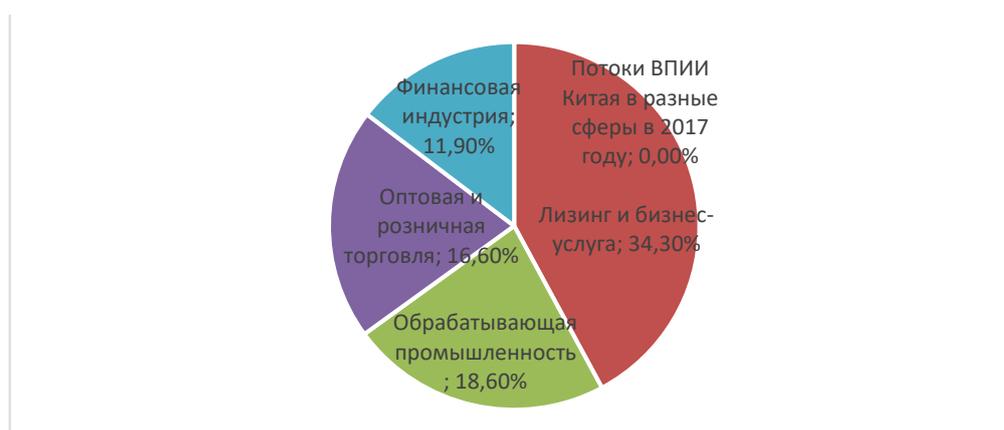

Рис. 1– Потоки ВПИИ Китая в разные сферы услуг в 2017 г.
Источник: Отчет о развитии внешних инвестиций Китая за 2018 г.

Можно выделить следующие причины в изменении потоков ВПИИ КНР на современном этапе:

1. Изменение обеспеченности факторами производства. На данном этапе непрерывный рост ВВП на душу населения, долгосрочное положительное сальдо торгового баланса приводит к накоплению большого количества валютных резервов и высоким внутренним сбережениям, в результате чего происходит уменьшение предельной прибыли на капитал в национальной экономике и приводит к зна-

чительным объемам ВПИИ [1, с. 87].

2. Значительное количество и низкое качество ВПИИ. Существует не только количественная разница в потоке капитала, но также и качественная разница между техническим уровнем, прибыльностью, уровнем управления, реальной инвестиционной ставкой и способностью экспорта [2, с. 84-85]. Преимущества китайского производства зависят, главным образом, от внутренней дешевой рабочей силы и дешевых ресурсов.

3. Частные компании в большей степени придают значение росту прибыли, в то время как государственные предприятия, представляющие волю правительства, должны обдумывать, каким образом планировать и использовать международные и внутренние рынки и ресурсы, рационально использовать средства и как освоить передовые технологии для повышения национальной производительности. Это одна из причин, по которой Китай имеет большие объемы ВПИИ, когда его ВВП на душу населения невысок, также по этой причине ВПИИ Китая являются многослойными, и средства направляются в основном в развитые страны.

4. Эволюция мировой промышленной структуры. Китай движется от OEM-производств (*компания-производитель, изготавливающая детали и оборудование, которые могут быть проданы другим производителям под другой торговой маркой*) к независимым исследованиям и разработкам, замечен переход от высокоуглеродистого к малоуглеродистому способу экономического роста, от низкой к высокой добавленной стоимости товаров, от подражания к инновациям, от серьезного внимания обрабатывающей промышленности к активному развитию сферы услуг, от спроса на материальные жизненные потребности к спросу на продукты духовной культуры. Все эти факторы связаны с трансформацией мировой промышленной структуры и необходимостью адаптации к ней.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Е Чушенг. ВПИИ Китая в условиях «новой нормальности»: характерные факты, большая логика и теоретическое откровение // Хубэй общественные науки. 2015. №5. -С.82-89.

2. Давыденко Е. Л., Чжан Пэнфэй. Качество прямых иностранных инвестиций в экономике КНР: теоретический и практический аспекты // Современный Китай: построение социализации с китайской спецификой новой эпохи: материалы международной научной конференции, Минск, 29 марта 2019г. / под ред. проф. А.А.Тозика. — Минск: Изд. центр БГУ, 2019. - С. 82-89.

МЕТОДОЛОГИЯ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ КОНСАЛТИНГОВЫХ УСЛУГ И ЕЕ ПРИМЕНЕНИЕ ДЛЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОМПАНИЙ

Д. И. Данильчук

*Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская, 20, 220030, г. Минск, Беларусь, danilchuk4@gmail.com*

Методики оценки эффективности консалтинговых проектов, где достаточно определить и измерить один или несколько ключевых показателей эффективности, достаточно широко освещены в мировой научной литературе. В случае же со сложными комплексными консалтинговыми проектами не существует доступной бизнесу и академическому сообществу методологии, при помощи которой можно определить эффективность консалтингового проекта. Поэтому цель данной статьи – обосновать методологию оценки эффективности сложных комплексных консалтинговых проектов.

Ключевые слова: консалтинговый проект, методология оценки консалтинговых услуг.

EVALUATING METHODOLOGY FOR THE CONSULTING SERVICES EFFICIENCY AND ITS APPLICATION FOR INTERNATIONAL COMPANIES

D.I. Danilchuk

Belarusian State University, str. Leningradskaya, 20, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Evaluating methodologies for the consulting projects effectiveness, where it is enough to determine and measure one or several key performance indicators, are widely covered in the world scientific literature. In the case of complex integrated consulting projects, there is no methodology available to business and academic community that can be used to determine the consulting project effectiveness. Therefore, the purpose of this paper is to justify the evaluating methodology for the complex integrated consulting projects effectiveness.

Key words: consulting project, evaluating methodology for consulting services.

В рамках статьи предложена методология оценки эффективности сложных комплексных консалтинговых проектов. Предложенная методология разработана на следующих основополагающих принципах: доступности и транспарентности; научности; ясности; простоты; комплексности; не коммерческая основа; целесобразности.

Установкой для применения модели будет являться следующее: оценка эффективности должна проводиться в рамках одного проекта или подпроекта.

В основу методологии положена модель Северина Остерле, Арне Бухвальда и Нильса Урбаха. С методологической точки зрения, модель оценки ценности консалтинговой услуги Остерле, Бухвальда и Урбаха является качественной, но имеет ряд недостатков, а именно:

1. неполный охват показателями всех аспектов влияющих на итоговую эффективность консалтинговых проектов;
2. недостоверное отражение влияния отдельных факторов, то есть отсутствие весовых коэффициентов при показателях;
3. модель включает только количественные показатели.

Для устранения недостатков модели были применены следующие инструменты.

1. Внедрены дополнительные показатели, в частности в модели теперь будут учитываться:

- количество консультантов, работающих над проектом;
- количество выделенных на проект проектных менеджеров;
- количество времени, выделенное консультантам на проект и время затраченное ими по факту;
- попадание в рейтинг лучших консалтинговых компаний Forbes.

При этом стоит отметить, что показатели количества сотрудников и часов будут считаться не в абсолютном выражении, а будет применяться их скалированное выражение от 0 до 10, которое будет выражать достаточность этих «ресурсов» для каждого конкретного проекта. В свою очередь попадание в топ Forbes будет являться бинарным показателем, который отразит престижность и международное признание фирмы поставщика консалтинговых услуг, и за который можно будет получить либо оценку 0 баллов, либо 10 баллов.

2. Авторы осознают, что множество показателей модели имеют различное значение, но не разрабатывают весовые коэффициенты для показателей. Так, например, очевидно, что если показатель готовности к изменениям стремится к нулю, то и эффект от консалтингового проекта будет стремиться к нулю. Скептики высказывают предположение, что если компания наняла консультантов, то она уже готова меняться. Это не является истиной. Примером могут выступать авторитарные политические режимы. Когда органы власти в таких странах покупают

дорогостоящий консалтинг по вопросам государственного управления, в некоторых случаях, отсутствие политической воли к изменениям приводит к тому, что уже после завершения проекта, его решения просто не имплементируются.

Проведя ряд консультаций с представителями индустрии консалтинга, по итогам проведенных с ними экспертных интервью, был выработан набор весовых коэффициентов для показателей модели, которые отражены ниже.

3. Внедрен механизм качественных корректировок модели. Этот инструмент применяется для учета тех факторов, которые не охватывает сама количественная модель. К примеру, для учета политических рисков. В рамках качественной корректировки, итоговый показатель эффективности, полученный количественной моделью может быть изменен только в негативную сторону.

Алгоритм применения методологии.

1. Модель оценки эффективности консалтинговых услуг будет включать 15 различных количественных показателей, по каждому из которых в рамках проекта будет выставлена оценка от 0 до 10 баллов.

2. Оценки будут выставляться самой компанией потребителем, компанией поставщиком, а также независимым экспертом (опционально).

3. По каждому из показателей будет взята средняя оценка по показателю от потребителя поставщика и эксперта.

4. Затем средняя оценка по каждому показателю будет умножена на весовой коэффициент (сумма которых составляет 100%).

5. Затем рассчитывается сумма всех показателей, умноженных на коэффициенты.

6. Получается результат от 0 до 10.

7. Затем применяются негативные корректировки модели. Потребитель, поставщик и эксперт могут дополнительно отнять от итогового результата от 0,5 балла до 2х баллов, отнимается средний показатель, выставленный потребителем, поставщиком и экспертом. Негативная качественная корректировка должна нести за собой объяснения-мотивацию ее выставления. Негативная корректировка не может опустить результат ниже нуля.

Бланк-опросник в рамках проведения оценки эффективности консалтинговых услуг будет заполняться следующими контрагентами:

1. консалтинговая компания – поставщик услуги;

2. компания клиент – покупатель услуги;

3. независимый эксперт (опциональная позиция, которая может усилить качество разработанной методологии, за счет объективного взгляда со стороны на возможности компаний поставщика и покупателя, как правило, экспертом должен выступать представитель индустрии компании покупателя, либо представитель консалтинговой индустрии. Ответы эксперта усредняются с ответами клиента и поставщика).

Авторская модель будет включать следующие индикаторы под следующими весовыми коэффициентами, выработанными в рамках экспертных интервью с представителями консалтинговых компаний (см. таблицу 1):

Таблица 1

Перечень показателей и весовых коэффициентов модели.

№	Показатель	Весовой коэффициент, %
СО СТОРОНЫ ПОСТАВЩИКА УСЛУГИ		
1	Экспертиза в индустрии	10

№	Показатель	Весовой коэффициент, %
2	Методологическая экспертиза	5
3	Технологическая экспертиза	5
4	Функциональная экспертиза	5
5	Инновационность	10
6	Социальная экспертиза	5
7	Достаточность консультантов задействованных на проекте	5
8	Достаточность проектных менеджеров задействованных на проекте	5
9	Достаточность затраченного на проект времени	5
10	Нахождение компании поставщика консалтинговой услуги в топе консалтинговых компаний Forbes (бинарный показатель)	5
ИТОГО КОЭФФИЦИЕНТ СО СТОРОНЫ ПОСТАВЩИКА УСЛУГИ		60
СО СТОРОНЫ ПОТРЕБИТЕЛЯ УСЛУГИ		
11	Социальная экспертиза	5
12	Технологическая экспертиза	5
13	Функциональная экспертиза	7,5
14	Готовность к изменениям	20
15	Опыт работы с консультантами	2,5
ИТОГО КОЭФФИЦИЕНТ СО СТОРОНЫ ПОТРЕБИТЕЛЯ УСЛУГИ		40
ИТОГО ОБЩИЙ КОЭФФИЦИЕНТ		100

Примечание: источник собственная разработка

Разработанные весовые коэффициенты делают более сильный упор на экспертизу в индустрии и инновационность со стороны поставщика услуг (консультанта), так, этим показателям присвоен вдвое более значительный коэффициент, чем остальным 8.

Со стороны потребителя услуги максимальный упор сделан на показатель готовности к изменениям, так, этому показателю присвоена максимальная оценка не только в показателях потребителя услуги, но и во всей модели, далее, отмечается значимость функциональной экспертизы, а опыту работы с консультантами придан чуть менее значимый вес.

Результаты модели продемонстрируют оценку эффективности консалтинговой услуги, выставленную по шкале от 0 до 10. Трактовать оценки предлагается следующим образом (см. таблицу 2):

Оценки эффективности консалтинговой услуги

Оценка	Трактовка
0	Проект нанес компании финансовый, репутационный либо любой другой урон в значительном объеме
1	Проект не выполнен или не принес никаких результатов кроме затрат
2	Вложенные в проект большие средства не сопоставимы с отдачей от проекта, которая стремится к нулю
3	Проект не был эффективен, отдача близка к нулю
4	Затраты на проект значительно превзошли его положительные эффекты
5	Затраты на проект незначительно превзошли его положительные эффекты
6	Положительные эффекты от проекта находятся в одной области с затраченными на него ресурсами
7	Проект в целом был эффективен, но наблюдаются незначительные негативные результаты по отдельным показателям
8	Проект продемонстрировал хорошие результаты
9	Проект достиг своих целей, результаты близки к идеальным
10	Проект достиг всех своих целей, результаты превзошли все ожидания

Примечание: источник собственная разработка

Как правило, работа консультантов с их клиентами защищена серьезными договорами о неразглашении, заключенными не только между компанией-покупателем и консультантом, но и между консультантами и их нанимателем. Такие условия ставят исследователей в затруднительное положение для получения данных для исследований. Так, например, подбор данных для апробирования данной методологии занял более полугодя. В рамках настоящего исследования были использованы данные, предоставленные компанией, которая в целях анонимности, далее будет именоваться «компания X», либо просто «X».

Проект был приобретён крупной европейской компанией-представителем легкой промышленности, преимущественно работающей в сегменте производства и реализации одежды под собственным известным международным брендом. Компания входит в топ-1000 компаний Европы по капитализации, а ее индекс транснациональности находится в диапазоне от 55 до 65%.

Компания приобрела проект в области стратегического консалтинга. Поставщиком услуг была выбрана она из наиболее известных международных консалтинговых компаний, входящая в топ Forbes. Проект был связан с обновлением корпоративной стратегии, так руководство компании хотело обозначить планы долгосрочного развития своей компании.

Руководству данного проекта в компании, а также команде консультантов были предоставлены опросные форы по вышеописанной методологии. Показатели были оценены как компанией покупателем, так и компанией поставщиком, а экспертная оценка была выставлена автором данной работы (см. таблицу 3).

Оценки показателей

Показатель	Оценка компанией покупателем	Оценка компанией поставщиком	Экспертная оценка	Средний балл
СО СТОРОНЫ ПОСТАВЩИКА УСЛУГИ				
Экспертиза в индустрии	8	9	8	8,333
Методологическая экспертиза	7	9	8	8
Технологическая экспертиза	8	10	9	9
Функциональная экспертиза	8	9	9	8,666
Инновационность	7	9	8	8
Социальная экспертиза	7	9	8	8
Достаточность консультантов задействованных на проекте	6	9	7	7,333
Достаточность проектных менеджеров задействованных на проекте	6	9	7	7,333
Достаточность затраченного на проект времени	6	9	7	7,333
Нахождение компании поставщика консалтинговой услуги в топе консалтинговых компаний Forbes (бинарный показатель)	10	10	10	10
СО СТОРОНЫ ПОТРЕБИТЕЛЯ УСЛУГИ				
Социальная экспертиза	9	8	8	8,333
Технологическая экспертиза	8	7	7	7,333
Функциональная экспертиза	8	7	7	7,333
Готовность к изменениям	9	7	7	7,666
Опыт работы с консультантами	8	8	8	8

Примечание: источник собственная разработка

Негативные качественные корректировки были выставлены со стороны консалтинговой компании и со стороны эксперта. Обе стороны выставили корректировку -0,5 баллов.

Мотивацией обеих сторон выступил идентичный фактор, а именно, не гибкие подходы покупателя относительно доступа на их объекты консультантов. Что понесло определенные время-затраты и не дало консультантам в полной мере ознакомиться с рядом бизнес-процессов.

В среднем по всем трем сторонам (учитывая нулевую корректировку со стороны компании клиента) итоговая корректировка равняется -0,333 балла.

Расчет итогового балла представлен ниже (см. таблицу 4):

Оценки показателей, скорректированные на весовые коэффициенты

Показатель	Средний балл	Весовой коэффициент, %	Итого по показателю
Экспертиза в индустрии	8,333	10	0,8333
Методологическая экспертиза	8	5	0,4
Технологическая экспертиза	9	5	0,45
Функциональная экспертиза	8,666	5	0,4333
Инновационность	8	10	0,8
Социальная экспертиза	8	5	0,4
Достаточность консультантов задействованных на проекте	7,333	5	0,36665
Достаточность проектных менеджеров задействованных на проекте	7,333	5	0,36665
Достаточность затраченного на проект времени	7,333	5	0,36665
Нахождение компании поставщика консалтинговой услуги в топе консалтинговых компаний Forbes (бинарный показатель)	10	5	0,5
Итого со стороны поставщика			4,91655 / 6
Социальная экспертиза	8,333	5	0,41665
Технологическая экспертиза	7,333	5	0,36665
Функциональная экспертиза	7,333	7,5	0,549975
Готовность к изменениям	7,666	20	1,5332
Опыт работы с консультантами	8	2,5	0,2
Итого со стороны потребителя			3,066475
Итого			7,983

Примечание: источник собственная разработка

При корректировке на -0,333 балла итоговая оценка составит 7,65 балла. Данный показатель эффективности консалтинговой услуги находится на весьма высоком уровне, что дает нам возможность сделать вывод о том, что проект продемонстрировал крепкие хорошие результаты.

Относительно результатов также стоит отметить, что в целом оценки эксперта слабо повлияли на итоговый результат, так как примерно находились на уровне между оценками поставщика и покупателя. Закономерно, что покупатель лучше оценивает свои качества и хуже качества поставщика, а поставщик наоборот, высоко оценивает свои показатели и ниже оценивает показатели клиента. Таким образом, включение в методологию оценки с разных сторон сглаживает эффект ангажированности и предоставляет в итоге максимально объективный результат.

Апробирование методологии на данных международной компании, демонстрирует ее понятность, а результаты оценки, схожи с оценками данного проекта, которые давали сами консультанты и компания клиент, что в определенной степени свидетельствует об объективности модели.

КОММЕРЦИАЛИЗАЦИЯ ИННОВАЦИЙ: ОПЫТ И ОСОБЕННОСТИ ФРАНЦИИ

А.И. Киселевич¹⁾, О.Ф. Малашенкова²⁾

¹⁾*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, ai.kiselevich@fmail.com*

²⁾*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, malashenkova@bsu.by*

Несмотря на относительную централизацию научно-технической деятельности, отчетливо виден и региональный подход к инновациям, который можно проиллюстрировать на примере Франции. В то же время, в зависимости от характеристик регионов (провинций, департаментов), реализуются различные региональные инновационные стратегии: например, в экономически развитом регионе Лиона, где функционируют промышленные зоны и научные парки, используется стратегия консолидации в промышленно развитый регион (провинция) Сан-Дизье - Стратегия диверсификации. Стратегия формирования технопарков, развитие инновационной инфраструктуры (например, высокотехнологичного парка «София Антиполис») используется в промышленно слабо развитых районах Лазурного берега в департаменте Приморские Альпы. Таким образом, на примере Франции можно проиллюстрировать разносторонний подход к инновационному развитию и коммерциализации инноваций.

Ключевые слова: инновации, коммерциализация инноваций, инновационное развитие, Франция, технопарки, модель коммерциализации инноваций и технологий

COMMERCIALIZATION OF INNOVATIONS: EXPERIENCE AND FEATURES OF FRANCE

A.I. Kiselevich^{a)}, O.F. Malashenkova^{b)}

^{a)}*Belarusian State University, 4 Independence Ave., 220030 Minsk, Belarus,*

^{b)}*Belarusian State University, 4 Independence Ave., 220030 Minsk, Belarus,
Corresponding autor: O.F. Malashenkova (malashenkova@bsu.by)*

Despite the relative centralization of scientific and technological activity, a regional approach to innovation is clearly visible, which can be illustrated by the example of France. At the same time, depending on the characteristics of the regions (provinces, departments), various regional innovation strategies are implemented: for example, in the economically developed region of Lyon, where industrial zones and science parks operate, the strategy of consolidation into the industrialized region (province) of San Dizier - Diversification Strategy. The strategy for the formation of technology parks, the development of innovative infrastructure (for example, the high-tech park Sofia Antipolis) is used in the industrially underdeveloped areas of the Cote d'Azur in the Alpes-Maritimes department. Thus, using the example of France, one can illustrate the many-sided approach to innovative development and the commercialization of innovations.

Key words: innovations, commercialization of innovations, innovative development, France, technology parks, model of commercialization of innovations and technologies

Во Франции существуют 3 системы, в которых занимаются фундаментальными и ориентированными фундаментальными (прикладными) исследованиями.

В первую очередь, это 85 университетов. Роль французских университетов в инновационных процессах составляет лишь 25% и заключается в инвестировании фундаментальных исследований, которые, в свою очередь, опираются на прикладные исследования и обучение. Отличительной особенностью инновационной составляющей французских университетов заключается в поддержке лабораторий. В университетах и инженерных школах существуют лаборатории разных типов: совместные исследовательские лаборатории (UMR – Unités Mixtes de Recherche), собственно университетские исследовательские лаборатории (EA – Équipes

d'Accueil) и международные ассоциированные лаборатории (LIA – Laboratoires Internationaux Associés). Лаборатории UMR работают при участии основных государственных исследовательских структур. В последнее время также частым явлением является размещение научно-исследовательских лабораторий вузов на территории технопарков и технополисов, что, несомненно, способствует коммерциализации их результатов.

Во-вторых, государственные промышленно-коммерческие учреждения, представленные национальными научными центрами. Например, ADEME — экология, CNES — космос, CEA — атомная энергия, ANVAR — Национальное инновационное агентство.

Агентство OSEO-ANVAR, образованное путем слияния государственного агентства ANVAR и венчурного банка, специально предназначено оказывать эффективную помощь проектам малых фирм по средствам предоставления беспроцентного кредита по контракту и без условий залога или гарантий. Это государственно-частная ассоциация. Сильная сторона этого агентства — работа на местах, а также высокие показатели удачно профинансированных компаний (около 50-60%). OSEO-ANVAR во всех регионах имеет представительства, которые наделены правом самостоятельно принимать решение. Сферы деятельности агентства включают в себя создание новых компаний, поддержка их продуктов и технологий, а также создание надлежащей инфраструктуры. На Рисунке 1 отражены 4 основные составляющие деятельности OSEO-ANVAR.

Рис. 1. Сфера деятельности OSEO-ANVAR
Источник: собственная разработка автора

В-третьих, это государственные научно-технические учреждения, из которых главное — CNRS (Centre National de la Recherche Scientifique) и ряд более мелких (INRA — агрономия, INSERM — клинические исследования, INRIA — компьютерные науки и др.). Государственные научно-технологические институты во Франции имеют значительный культурный и бюджетный вес.

Французская инновационная политика также уделяет достаточно внимания инкубаторам инновационных предприятий, связанных с научными исследованиями, которые создаются, главным образом, по инициативе учреждений высшей школы и научных исследований, объединенных на региональном уровне. Цель создания инкубаторов состоит в оказании помощи в создании инновационных пред-

приятый на основе результатов госбюджетных научных исследований или в связи с проведенными госбюджетными научными исследованиями. Рассмотрение проектов приводит к созданию предприятий. Около 56-60% рассмотренных в инкубаторах проектов приводит к созданию предприятий. По результатам, работоспособными из них остаются около 90%.

Из общего объема бюджетных расходов на научно-техническую сферу около 22 % направляется в университеты, 20 % — на фундаментальные научные исследования, 30 % — в приоритетные отрасли (космос, здравоохранение, охрана окружающей среды), 13 % — на программы экономического развития и 23 % на оборону.

Должное внимание во Франции в области инновационной деятельности и коммерциализации уделяется налоговой политике в пользу развития предприятий, поддерживающих проведение научных исследований в промышленности. Ряду предприятий, в большей мере МСП, предоставляется налоговый кредит для научных исследований. Также широкую практику получило и индивидуальное инвестиционное предприятие повышенного риска (ИИППР), которое позволяет предпринимателям вносить их средства и распространять их опыт на вновь созданные предприятия. ИИППР освобождается от налога на предприятие в течение 10 лет и от налога на прибыль на тот же срок при условии, что предприниматель является единственным действующим лицом.

Важный вклад в случае вновь создаваемых предприятий, специализирующихся в сфере инноваций и ведущих работы R&D, вносит поддержка вновь созданных инновационных предприятий (ВСИП), которая позволяет предприятиям преодолевать трудности становления в первые годы работы.

Среди мер, способствующих созданию инновационных предприятий, применяемых во Франции, можно отметить Национальный конкурс по вопросам помощи при создании предприятий по технологическим инновациям. В рамках данной меры выявляются и получают развитие проекты по созданию предприятий, основанных на применении новых технологий. Лауреаты получают финансовую поддержку и соответствующую помощь. Финансирование могут получить, во-первых, проекты в стадии «развития», которые требуют реализации дополнительной фазы «созревания»; при этом лауреаты получают субвенцию (в пределах 45000 евро), предназначенную на проведение работ по оценке возможности реализации проекта, как с экономической точки зрения, так и технической. Во-вторых, это могут быть проекты «создание-развитие», которые являются более продвинутыми, и им дается субвенция, которая передается организованному предприятию для финансирования части инновационной программы. За счет своей известности, способности к отбору и за счет качества экспертизы конкурс способен аттестовать авторов проектов, делая их кредитно-привлекательными, что облегчает им дополнительное финансирование.

На основании проведенного анализа инновационной системы Франции была составлена французская модель коммерциализации, которая представлена на Рисунке 2.

Рис. 2. Французская модель коммерциализации
Источник: собственная разработка автора

Несмотря на относительную централизацию научно-технической деятельности, отчетливо виден и региональный подход к инновациям. В то же время, в зависимости от характеристик регионов (провинций, департаментов), реализуются различные региональные инновационные стратегии: например, в экономически развитом регионе Лиона, где функционируют промышленные зоны и научные парки, используется стратегия консолидации в Промышленно развитый регион (провинция) Сан-Дизье - Стратегия диверсификации. Стратегия формирования технопарков, развитие инновационной инфраструктуры (например, высокотехнологического парка «София Антиполис») используется в промышленно слабо развитых районах Лазурного берега в департаменте Приморские Альпы. На региональном уровне созданы специализированные структуры инновационной деятельности (технопарки, бизнес-инкубаторы, агентства и центры трансфера технологий).

На основании проведенного анализа, можно выделить критерии успеха инновационной политики и модели коммерциализации технологий Франции:

- тесная связь между проводимыми фундаментальными и прикладными исследованиями;
- междисциплинарный состав исполнителей и исследований;
- изначально тесные связи научного кластера с промышленностью;
- кадровый молодежный ресурс, который достигается благодаря связи университетов с государственными научно-техническими учреждениями, организациями, а также производственными компаниями;
- сильная региональная составляющая, что подразумевает под собой наличие инновационных центров, инкубаторов по всей стране;
- быстрое реагирование компаний с возможностью аккумулирования и выделения необходимых ресурсов;
- международный имидж французских инновационных компаний, 15 % расходов которых идет на НИОКР.

МЕХАНИЗМ ИСПОЛНЕНИЯ РЕШЕНИЙ В РАМКАХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

И. В. Кугейко

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, irina.kugeiko469i@gmail.com*

Исследованы механизмы контроля за исполнением решений в рамках региональных интеграционных организаций: Европейского союза, Евразийского экономического союза, Общего рынка стран Южной Америки (МЕРКОСУР). Выявлены достоинства и недостатки исследованных механизмов контроля за исполнением решений судебных механизмов региональных интеграционных организаций, а также предложено представить классификацию моделей контроля за исполнением решений судебных механизмов региональных интеграционных организаций следующим образом: 1) приостановление льгот и преимуществ в отношении государства, не выполняющего решение судебного механизма региональной интеграционной организации (Орган по разрешению споров в рамках Всемирной торговой организации, система разрешения споров в рамках Общего рынка стран Южной Америки (МЕРКОСУР)); 2) наложение штрафа и пени в случае неисполнения решения судебного механизма региональной интеграционной организации (Суд Европейского союза); 3) политическое воздействие на исполнение решений судебного механизма региональной интеграционной организации (Суд Евразийского экономического союза).

Ключевые слова: региональные интеграционные организации; механизм исполнения решений в рамках региональных интеграционных организаций; суд Европейского союза; суд Евразийского экономического союза; система разрешения споров в рамках Общего рынка стран Южной Америки; Орган по разрешению споров Всемирной торговой организации.

LAW ENFORCEMENT MECHANISM WITHIN THE FRAMEWORK OF REGIONAL INTEGRATION ORGANIZATIONS

I. W. Kuheika

Belarusian State University, 4, Nezavisimosti avenue, 220030, Minsk, Belarus

The mechanisms of monitoring the law enforcement mechanisms within the framework of regional integration organizations: the European Union, the Eurasian Economic Union, the Southern Common Market (MERCOSUR) have been analyzed. The advantages and disadvantages of the analyzed mechanisms of monitoring the law enforcement mechanisms of regional integration organizations are identified, and the following classification of models of monitoring the law enforcement mechanisms within the framework of regional integration organizations is proposed: 1) the suspension of benefits and advantages in relation to the state that does not comply with the decision of the judicial mechanism of the regional integration organization (the Dispute Settlement Body of the World Trade Organization, the dispute settlement mechanism within the framework of the Southern Common Market (MERCOSUR)); 2) the imposition of fines and penalties in case of failure to comply with the decision of the judicial mechanism of the regional integration organization (the European Court of Justice); 3) the political impact on the enforcement of the decisions of the judicial mechanism of a regional integration organization (the Court of the Eurasian Economic Union).

Keywords: regional integration organizations; mechanisms of monitoring the law enforcement mechanisms within the framework of regional integration organizations; the European Court of Justice; the Court of the Eurasian Economic Union; the dispute settlement mechanism within the framework of the Southern Common Market; the Dispute Settlement Body of the World Trade Organization.

На сегодняшний день сложно переоценить роль судов региональных интеграционных объединений в разрешении межгосударственных споров, затрагивающих правовой порядок интеграционного объединения [1, с. 17]. Тем не менее, наблюдается недоста-

точность исследований, посвященных одному из ключевых показателей успешного функционирования любого механизма разрешения споров – механизму контроля за исполнением решений судов региональной интеграционной организации.

Специфика вопроса, заключается в следующем. Суды региональных интеграционных организаций разрешают споры между государствами – субъектами международного права, обладающими полноправным суверенитетом. В связи с этим большинство механизмов разрешения межгосударственных споров предусматривает исполнение судебных решений на основании *доброй воли* государств. Крайне редко предусматривается создание специального надзорного органа или наделения органа интеграционной организации надзорными полномочиями (Европейская комиссия). Следует отметить, что сами суды региональных интеграционных организаций также не выступают надзорным органом и не обладают компетенцией принуждать к исполнению судебных актов и соответственно не вовлекаются непосредственно в процесс исполнения судебных актов [2, С. 138].

В рамках Европейского союза возможность наложения санкций за неисполнение государством решения Суда Европейского союза была впервые закреплена в Маастрихтском договоре в 1992 году. Позже, 5 июня 1996 года, Европейская комиссия принимает меморандум, в котором определяет ряд критериев для применения санкции в виде штрафа в отношении государства, не исполняющего решение. Так, размер штрафа должен варьироваться в зависимости от серьезности и продолжительности нарушения, а также размер штрафа должен выполнять функцию сдерживающего фактора. 8 января 1997 года Комиссия дополнила систему расчета размера штрафа новым показателем – фиксированная ставка платежа (по сути, пеня) в размере 500 ЭКЮ за каждый день просрочки исполнения решения, умноженная на два коэффициента: серьезность нарушения (1-20) и продолжительность нарушения (1-3). Также во внимание принимается финансовое положение государства-нарушителя, рассчитываемое на основании его ВВП, и количество голосов, которыми государство обладает в Совете Европейского союза.

Наличие системы расчета штрафа и пени, которая учитывает серьезность и продолжительность нарушения в совокупности с финансовым положением государства-нарушителя приводит к прозрачности механизма контроля за исполнением решений. Безусловно, государство-член, выплатив единовременный штраф, может какое-то время воздерживаться от исполнения решения Суда ЕС. Комиссии вновь придется подавать в Суд ЕС новый иск на основании неисполнения решения Суда ЕС. Учитывая то обстоятельство, что сроки судопроизводства в ЕС весьма значительны, государство-член может безнаказанно нарушать право ЕС в течение всего времени, необходимого для вынесения решения по иску, что недопустимо, поскольку противоречит принципу законности [3, с 99-100].

Механизм контроля за исполнением решений Суда Европейского союза закреплен в п. 2 ст. 260 Договора о функционировании Европейского союза. Так, если, по мнению Европейской комиссии, заинтересованное государство-член не приняло мер, которые требуются для исполнения решения Суда Европейского союза, то, предварительно дав возможность этому государству представить свои замечания, она может обратиться в Суд Европейского союза. Европейская комиссия указывает размер фиксированной суммы или пени, подлежащих уплате заинтересованным государством-членом, который, по ее мнению, соответствуют обстоятельствам.

Если Суд Европейского Союза признает, что заинтересованное государство-член не привело себя в соответствие с его решением, то он может возложить на это государство-член обязанность по уплате фиксированной суммы или пени.

Таким образом, Суд Европейского Союза, по заявлению надзорного органа – Европейской комиссии, вправе наложить санкцию в форме единовременной штрафной выплаты в отношении государства, не исполняющего принятый судеб-

ный акт. Платежное обязательство вступает в силу с даты, установленной судом при принятии решения [2, с. 140]. Многие исследователи отмечают, что решения Суда Европейского Союза пользуются, как правило, высоким авторитетом и никем из государств-членов не оспариваются [4, с. 67], государства стремятся обеспечить полное выполнение на своей территории решений Суда, даже вынесенных «против них» [5, с. 61].

Наличие постоянно действующего суда позволяет также совершенно по-другому подходить к контролю за исполнением вынесенных судом решений.

Суд Евразийского экономического союза рассматривает споры по заявлению государства-члена или хозяйствующего субъекта (п. 39 Статута Суда Евразийского экономического союза). По результатам рассмотрения споров Суд ЕАЭС выносит решение, которое является обязательным для исполнения сторонами спора (П. 99 Статута Суда). По общему правилу, стороны спора самостоятельно определяют форму и способ исполнения решения Суда (П. 103 Статута Суда).

Механизм исполнения решений Суда ЕАЭС отличается в зависимости от заявителя. Так, в случае неисполнения решения Суда государство-член вправе обратиться в Высший Евразийский экономический совет, состоящий из глав государств-членов ЕАЭС, с целью принятия необходимых мер, связанных с его исполнением (п. 114 Статута Суда). Хозяйствующий субъект же вправе обратиться в Суд с ходатайством о принятии мер по его исполнению. После чего Суд ЕАЭС в течение 15 календарных дней с момента его поступления обращается в Высший Евразийский экономический совет для принятия им решения по данному вопросу (п. 115 Статута Суда).

Исполинов А.С. утверждает, что «это приходится понимать как резервирование государствами возможности избежать нежелательных для них решений Суда через их неисполнение. Высший Совет, состоящий из президентов стран-членов ЕАЭС и принимающий решения консенсусом, и будет в конечном итоге решать вопрос о судьбе решения Суда ЕАЭС» [6, с. 162].

Так или иначе, исполнение решения Суда ЕАЭС, в конечном счете, зависит от политической воли глав государств-членов ЕАЭС. В отсутствие четко определенного механизма принуждения, закрепленного в праве ЕАЭС, исполнение судебного решения ставится под вопрос. Представляется, что судебный механизм региональной интеграционной организации не должен опираться на чью-то волю. Однако следует отметить, что подобная ситуация не нова для международного права, поскольку «международные суды действуют в совершенно других условиях, нежели национальные суды, что делает их роль фундаментально иной» [7, с. 206].

Прежде чем рассмотреть механизм исполнения решений в рамках системы разрешения споров МЕРКОСУР, следует обратиться к механизму разрешения споров в рамках Органа по разрешению споров Всемирной торговой организации. Так, механизм контроля за исполнением решений Органа по разрешению споров Всемирной торговой организации закреплен в ст. 22 ДРС, согласно которой государства-члены ВТО вправе прибегнуть к компенсации и приостановлению уступок или других обязательств. Тем не менее, такие меры являются временными и не более предпочтительными, чем выполнение в полном объеме рекомендаций о приведении меры в соответствии с охваченными соглашениями.

Государство, выигравшее спор, вправе попросить государство-нарушителя начать переговоры с целью определения взаимоприемлемой *компенсации*, если государство-нарушитель не исполняет рекомендации в течение срока, отведенного ему для такого исполнения. Следует подчеркнуть добровольный характер компенсации, невозможно обязать государство выплатить компенсацию, равно как и навязать размер такой компенсации.

Приостановление уступок и других обязательств носит временный характер и применяется до выполнения проигравшей стороной решения ОРС (или достижения взаимовыгодного урегулирования). Приостановление уступок и других обязательств может выразиться в увеличении ставки импортного тарифа на товар, разрешении запрета на ввоз товаров из страны, нарушившей обязательства. Меры должны изыскиваться сначала из того же сектора того же соглашения, затем из других его секторов и лишь при невозможности и неэффективности таких мер – из другого охваченного соглашения [8, с. 505]. Если решение выполнено, а ответные меры продолжают применяться, то член ВТО вправе потребовать создания третьей группы для прекращения такой ситуации [9, с. 149].

К достоинствам такой модели можно отнести наличие возможности на время «откупиться» и продолжить нарушать охваченные соглашения, а также наличие четного механизма принуждения в виде приостановления уступок и других обязательств и возможности обратиться к ОРС ВТО с «запросом» подтверждения продолжающегося нарушения после вынесения рекомендаций.

Среди недостатков применения такого механизма ученые выделяют следующие. Во-первых, компенсационные меры сдерживают двустороннюю торговлю, в то время как идея любого преференциального соглашения состоит в постепенном снятии торговых барьеров. Таким образом, сама идея противоречит охваченным соглашениям. Во-вторых, выиграть от введения компенсационных мер можно, только если государство активно участвует в международной торговле. Так, развивающиеся страны, как правило, сталкиваются с трудностями получения выгоды от приостановления уступок и других обязательств. Применение контрмер может негативно сказаться на экономике развивающегося государства и на его развитии в будущем [10, с. 118]. В-третьих, применение контрмер может негативно отражаться на экономике других государств, не вовлеченных в спор [10, с. 119].

В МЕРКОСУР вопрос приведения судебных решений в действие регулируется Решением Совета общего рынка № 20/02 о правилах для инкорпорации, согласно которому для государств-членов устанавливается временный предел на то, чтобы принять правовой акт, отвечающий за исполнение решения суда (Decisions of the Commission of common market CCM Decision No 20/02 № 22/04). Далее, если государство не исполняет решение арбитража ad hoc или Постоянного ревизионного суда, существует возможность прибегнуть к применению компенсационных мер.

В судебном механизме МЕРКОСУР предусмотрена возможность применения компенсационных мер. Если проигравшая сторона полностью или частично не исполняет решение арбитража в срок, вторая сторона вправе в течение года обратиться в арбитраж с заявлением о рассмотрении этого вопроса (ст. 30 Протокола Оливос). После чего вторая сторона вправе приостанавливать уступки или выполнение других идентичных обязательств до тех пор, пока решение не будет исполнено (п. 1 ст. 31 Протокола Оливос). При этом обязательно уведомить проигравшую сторону о введении компенсационных дней за 15 дней до их начала (п. 3 ст. 31 Протокола Оливос). Важно, что принятие компенсационных мер не освобождает страну-участницу от обязанности исполнить решение (ст. 27 Протокола Оливос).

Следует отметить, что такие меры должны применяться с целью исполнения решения. Во-вторых, приостановление уступок или других идентичных обязательств по возможности должно производиться в отношении сектора или секторов, затронутых спором. В-третьих, государство, применяющее компенсационные меры должно соблюдать принцип пропорциональности. В практике Постоянного ревизионного суда МЕРКОСУР по делу о запрете Аргентины на импорт шин из Уругвая было признано, что данные ответные меры, принятые Аргентиной, соответствуют принципу пропорциональности, закрепленному в ст. 32 Протокола Оливос.

Если проигравшая сторона считает предпринятые компенсационные меры чрезмерными, она вправе оспорить применение таких мер в течение 15 дней в арбитраж ad hoc и Постоянный ревизионный суд, который в срок не более 30 дней после его формирования должен вынести заключение (п. 2 ст. 32 Протокола Оливос). В последующие 10 дней страна, применившая чрезмерные компенсационные меры, должна привести их в соответствии с решением судебного механизма (п. 3 ст. 32 Протокола Оливос).

Механизм контроля за исполнением решений в рамках МЕРКОСУР, в целом, идентичен механизму ОРС ВТО.

По мнению Хузихановой А.С., судебные механизмы можно условно разделить на те, которые в большей степени соответствуют модели ОРС ВТО либо Суда ЕС [2, с. 140]. Представляется целесообразным дополнить и представить эту классификацию следующим образом.

Модели контроля за исполнением решений судебных механизмов региональных интеграционных организаций:

1. Приостановление льгот и преимуществ в отношении государства, не выполняющего решение судебного механизма региональной интеграционной организации (ОРС ВТО, система разрешения споров в рамках Общего рынка стран Южной Америки (МЕРКОСУР)).

2. Наложение штрафа и пени в случае неисполнения решения судебного механизма региональной интеграционной организации (Суд ЕС).

3. Политическое воздействие на исполнение решений судебного механизма региональной интеграционной организации (Суд ЕАЭС).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Орлова, И.А. Разрешение споров в международном публичном и частном праве: сравнительно-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / И.А. Орлова. – Санкт-Петербург, 2007. – 40 л.

2. Хузиханова, А.Р. Судебный механизм международных организаций региональной экономической интеграции : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / А.С. Хузиханова. – Казань, 2018. – 240 л.

3. Кривова, М.В. Организация и юрисдикция суда ЕС : теория и практика : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / М.В. Кривова. – М., 2004. – 195 л.

4. Андриенко, Я.П. Роль суда ЕС в формировании Европейского правового пространства : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / Я.П. Андриенко. – Москва, 2004. – 182 л.

5. Ильин Н. Ю. Основы права Европейского Союза / Н. Ю. Ильин. — М. : Норма. — 224 с.

6. Исполинов А.С. Статут Суда ЕАЭС как отражение опасений и сомнений государств-членов Евразийского экономического Союза // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2016. – №4. – С. 152-165.

7. Исполинов, А.С. Суды региональных интеграционных объединений в международном правосудии (на примере Суда ЕС и Суда ЕАЭС) : дис. ... докт. юрид. наук : 12.00.10 / А.С. Исполинов. – Москва, 2018. – 349 л.

8. Право ВТО: теория и практика применения : монография под ред. Л. П. Ануфриевой. — М. : Норма : ИНФРА-М, 2016. — 528 с.

9. Зенкин, И.В. Право Всемирной торговой организации / И.В. Зенкин. – Москва : Международные отношения, 2014. – 789 с.

10. Трунк-Федорова, М. П. Разрешение споров в рамках Всемирной торговой организации / М. П. Трунк-Федорова. – СПб. : Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2005. – 311

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ БЕЛАРУСИ В УКРЕПЛЕНИИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ БАЗЫ ЕАЭС

О.Ф. Малашенко

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, malashenkova@bsu.by*

Современный этап интеграции в рамках ЕАЭС вызывает много споров, как внутри союза, так и на внешних рубежах. Имеющиеся разногласия внутри Союза обусловлены сложностями в имплементации норм Договора и выполнении подписанных обязательств. Также большую роль здесь играют недостаточные полномочия ЕЭК и Суда ЕАЭС, имидж Союза в государствах-членах. В статье анализируются интересы Беларуси в части реализации норм, заложенных в Договоре, по созданию общего рынка товаров, услуг, капитала и рабочей силы. В целом, можно следующим образом сформулировать концептуальную позицию Беларуси по поводу расширения полномочий наднациональных органов, включая ЕЭК: увеличение полномочий в обмен на увеличение ответственности.

Ключевые слова: ЕАЭС, экономические интересы Беларуси, ЕЭК, Суд ЕАЭС, полномочия наднациональных органов, институциональная база ЕАЭС.

ECONOMIC INTERESTS OF BELARUS IN THE EAEU INSTITUTIONAL BASE STRENGTHENING

O.F. Malashenkova

Belarusian State University, Independence Ave., 4, 220030, Minsk, Belarus

The current stage of integration within the EAEU is causing a lot of controversy, both within the union and at external borders. The existing disagreements within the Union are due to difficulties in the implementation of the provisions of the Treaty and the implementation of the signed obligations. Also, the insufficient powers of the EEC and the Court of the EAEU, the image of the Union play a big role in the member states. The paper analyzes the interests of Belarus in terms of implementing the norms laid down in the Treaty on creating a common market for goods, services, capital and labor. On the whole, Belarus's conceptual position on the expansion of powers of supranational bodies, including the EEC, can be formulated as follows: an increase in authority in exchange for an increase in responsibility.

Key words: EAEU, economic interests of Belarus, EEC, EAEU Court, powers of supranational bodies, EAEU institutional base.

Институциональная структура ЕАЭС определена Договором о ЕАЭС от 29.05.2014 г. Органы ЕАЭС перечислены в ст. 8(1) данного Договора: Высший Евразийский экономический совет; Евразийский межправительственный совет; Евразийская экономическая комиссия; Суд Евразийского экономического союза. Основной целью Договора является создание четырех свобод в рамках интеграционного объединения Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана и России.

Одним из факторов, замедляющих развитие интеграционных процессов в ЕАЭС, является недостаточность полномочий ЕЭК в некоторых сферах, а также отсутствие механизма контроля со стороны ЕЭК за ненадлежащим выполнением государствами-членами ЕАЭС как положений Договора о ЕАЭС, так и решений ЕЭК. Например, ЕЭК устанавливает случаи и порядок предоставления тарифных льгот, но в то же время механизм контроля за их использованием правом ЕАЭС не предусмотрен. Не проводится на наднациональном уровне контроль за исполнением техрегламентов ЕАЭС, борьба с обращением фальсифицированных и контрафактных продуктов, что широко используется недобросовестными участниками рынка в своих целях. По иным вопросам происходит затягивание сроков выполнения дого-

воренностей (госзакупки, каботажные перевозки и т.д.), отказ от исполнения решений ЕЭК (решения в части реализации конкурентной политики), отмечается практика использования ветеринарно-санитарных мер для решения вопросов защиты отечественных производителей отдельных стран ЕАЭС («торговые войны» по молочной продукции). В такой ситуации решение многих вопросов сводится на двусторонний уровень, а интеграционный потенциал не используется в полной мере.

В данной связи предоставление полномочий Евразийской экономической комиссии в части контроля за выполнением государствами-членами ЕАЭС правовых актов Союза, а также по принятию обязательных для исполнения рекомендаций по устранению выявленных недостатков отвечает логике евразийской интеграции и может оказать положительное влияние на интеграционные процессы в ЕАЭС.

Но при этом такая передача полномочий должна привести к полноценному формированию общих рынков, устранению изъятий, барьеров и ограничений. Кроме этого, расширение полномочий ЕЭК должно сопровождаться созданием антикоррупционного механизма ее работы, введением мер ответственности ЕЭК за принимаемые решения с учетом того, что они существенно влияют на условия ведения бизнеса.

Также ЕЭК необходимо четко придерживаться норм Договора о ЕАЭС в части проведения оценки регулирующего воздействия (не подменяя решения, подлежащие такой оценке, распоряжениями). В этом случае такое расширение полномочий может рассматриваться как создающее преимущества Республики Беларусь.

Нельзя сбрасывать со счетов, что по отдельным экспертным оценкам вес ЕАЭС в целом сейчас преувеличен. Лишь год назад (в мае 2018 г.) Высший Евразийский экономический совет одобрил ключевой документ, регламентирующий международное сотрудничество ЕАЭС — Соглашение «О международных договорах Евразийского экономического союза с третьими государствами, международными организациями или международными интеграционными объединениями». Соглашение определяет порядок заключения, прекращения и приостановления действия международных договоров Союза с третьими государствами, международными организациями или международными интеграционными объединениями, в отношении предмета регулирования которых Союз наделен необходимой компетенцией. Внешние блоки носят однозначно конкурентный характер по отношению к ЕАЭС [1, 2]. Внутренние разочарования в отношении ЕАЭС по мнению некоторых экспертов будут нарастать.

Учитывая цели создания ЕАЭС, отмеченные в Договоре, полномочия Евразийской экономической комиссии с точки зрения белорусских экспертов однозначно необходимо расширять. В этих вопросах также важна разъяснительная работа со стороны ЕЭК для бизнеса и общества о позитивных эффектах для стран-членов ЕАЭС и их граждан в целом.

Согласно Договору о ЕАЭС, ЕЭК лишена права обращаться в Суд ЕАЭС в качестве заявителя. В данной связи ЕЭК не имеет рычагов принуждения государств-членов ЕАЭС к исполнению норм Договора о ЕАЭС и контроля за его исполнением государствами-членами. На практике работает «контрольный квази-механизм», в рамках которого ЕЭК уведомляет государство-член Союза о необходимости выполнения определенных решений либо договоренностей. При этом обязательства государств-членов о безусловном выполнении таких рекомендаций ЕЭК в праве Союза не зафиксированы. Это создает ситуацию правовой неопределенности. По нашим оценкам, в 2018 г. только Республика Беларусь реализовала рекомендации ЕЭК по устранению барьеров. В данной связи Беларусь заинтересована в применении аналогичного подхода иными государствами-членами.

В такой ситуации предоставление ЕЭК возможности обращаться в Суд ЕАЭС станет преимуществом для всех стран-членов ЕАЭС, в т.ч. и Республики Бела-

реть. Результатом такого решения может стать ускорение снятия барьеров, ограничений и, соответственно, активизация интеграционных процессов, а также улучшение качества интеграционного взаимодействия в рамках ЕАЭС.

В ходе правоприменительной практики ЕАЭС возникают ситуации различной трактовки правовых актов, входящих в право Союза, государствами-членами, ЕЭК и Судом ЕАЭС (например, ст. 29 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года). В данной связи для обеспечения единообразия правоприменительной практики возможность трактовки актов целесообразно сохранить за Судом ЕАЭС.

Расширение спектра вопросов с голосованием квалифицированным и простым большинством (возможность голосования суперквалифицированным большинством) увеличило бы скорость и оптимизировало бы процедуры принятия решений ЕЭК. Вместе с тем, страны, в первую очередь не обладающие значительными ресурсами, утратили бы возможность в случае необходимости эффективно отстаивать свои национальные интересы, что является недостатком для Республики Беларусь. Это не соответствует логике того, что интеграция в рамках ЕАЭС – эффективный инструмент укрепления суверенитетов государств-членов. С учетом того, что в рамках ЕЭК Совет представляет ее международно-правовую составляющую, консенсуальность принятия решений целесообразно сохранить.

Преодолеть консенсуальность возможно только в случае введения дополнительных институциональных балансов, которые будут уравнивать наднациональность ЕЭК за счет гармонизации интересов государств с интеграционным интересом и интересов государств между собой. Однако на данном этапе целесообразность такого шага с точки зрения белорусских интересов не просматривается. Расширение спектра вопросов с голосованием квалифицированным и простым большинством (возможность голосования суперквалифицированным большинством) может вызвать отсутствие поддержки со стороны национального правительства.

В настоящее время полномочия Суда ЕАЭС гораздо уже, чем предусмотренные ранее Статутом Суда ЕвразЭС. Так, у Суда ЕАЭС отсутствуют классические для судебного органа наднациональной организации полномочия, необходимые для адекватного реагирования на нарушения норм Договора о ЕАЭС, – разрешение преюдициальных споров. То есть не предусмотрена возможность (обязанность) национального суда подавать преюдициальный запрос в Суд ЕАЭС для толкования положений наднационального законодательства.

В условиях отсутствия такой возможности национальные суды различных уровней государств-членов ЕАЭС вынуждены самостоятельно толковать право более высокого порядка (наднациональное право) либо практикуется обращение в Суд ЕАЭС о разъяснении отдельных норм. При этом, консультативное заключение суда имеет рекомендательный характер.

Такая ситуация не способствует развитию интеграционных процессов, а имеет противоположный эффект. В данной связи, предоставление Суду ЕАЭС возможности рассматривать преюдициальные запросы отвечает интересам евразийской интеграции. Негативных эффектов для Беларуси от такого решения не ожидается. Вместе с тем, возможно непринятие данной инициативы со стороны судебных органов государств-членов ЕАЭС.

Преимуществом для Союза может стать расширение числа органов государственного управления, имеющих полномочия на взаимодействие с Судом ЕАЭС. В настоящее время государства-члены самостоятельно определяют перечень органов, которые могут обращаться в Суд ЕАЭС за разъяснениями (преимущественно – министерства юстиции). Данный толковательный механизм играет значительную роль для евразийского интеграционного объединения. Расширение коли-

чества органов, обращающихся в Суд ЕАЭС, позволит добиться единообразия правоприменительной практики в Союзе.

Итак, вопрос об укреплении институтов ЕАЭС стоит в рамках расширения полномочий Суда ЕАЭС, в частности, рассмотрение преюдициальных запросов является актуальным с точки зрения повышения эффективности интеграционных процессов. В данной связи с точки зрения белорусских интересов представляется целесообразным его решение на данном этапе.

Полномочий Суда ЕАЭС действительно не хватает для адекватного реагирования на соблюдение норм Договора. Так, на данный момент Суд ЕАЭС лишен права рассматривать преюдициальные запросы национальных судов. Вместе с тем, рассмотрение дел по преюдициальным запросам является одной из основных компетенций судебного органа интеграционного объединения. В связи с этим национальные суды толкуют в каждом государстве нормы наднационального порядка – более высокого порядка, чем национальный уровень – как им это видится. Это недопустимая ситуация, когда речь идет об интеграции.

Востребованность Суда ЕАЭС для бизнеса и частных лиц весьма актуальна, хотя самих обращений также мало. Тому есть много препятствий: невозможность Суда принимать какие-либо решения по мерам финансового характера, взыскивать компенсацию от пострадавших хозяйствующих субъектов, невозможность для Суда приостановить действие оспариваемого акта в ЕЭК, сопутствующие издержки по обращению в Суд со стороны хозяйствующих субъектов и др.

До формирования единой промышленной и агропромышленной политики государств-членов ЕАЭС, а также в условиях отсутствия общей экспортной стратегии ЕАЭС и механизмов поддержки экспорта полная передача ЕЭК функций по проведению торговых переговоров не представляется возможной с точки зрения белорусских интересов в краткосрочном периоде. Тем не менее, решение указанных вопросов в позитивном русле, сможет обеспечить в долгосрочной перспективе расширение мандата ЕЭК на внешние переговоры.

Республика Беларусь придает важность вопросам евразийской интеграции. Помимо министерства экономики, которое является основным коммуникатором евразийской интеграции, в МИД Беларуси также создано и функционирует управление евразийской интеграции (в структуре 1-го Главного политического управления). Полагаем, что введение в структуры министерств иностранных дел государств-членов ЕАЭС подобных департаментов (управлений) облегчит взаимодействие между партнерами по евразийской интеграции, что отвечает как союзным, так и белорусским интересам.

Также Беларусь получит выгоды от расширения полномочий ЕЭК, в результате которого будет возможен контроль права Союза. Данное расширение полномочий предлагается осуществить по схеме «расширение полномочий в обмен на большую ответственность и создание антикоррупционных механизмов внутри Союза» [3].

Уровни взаимодействия государств-членов ЕАЭС в двусторонних форматах следовало бы согласовывать и действовать единообразно. Необходимо помнить негативный опыт вступления стран Союза в ВТО, в процессе которого Беларусь находится до сих пор и несет существенные издержки и соглашается на довольно невыгодные условия.

Экономика Беларуси открытая, однако степень встраивания в мировую экономику характеризуется как средняя (Справочно: Индекс глобализации Нидерланды – 92,84 (1 место), РФ – 68,25 (48 место), РБ – 60,76 (75 место), Армения – 58,89 (83 место), Казахстан – 54,08 (91 место), Кыргызстан – 53,64 (100 место), Соломоновы острова – 23,98 (193 место).) [4], что дает возможность стране минимизировать внешние шоки. В этой ситуации сохранение промышленного сектора позволяет начать процесс реиндустриализации и модернизации.

Промышленно развитые страны (в первую очередь США) переходят к самобилизации и экономическому эгоизму, поэтому Беларусь вынуждена сокращать экспорт, растет отрицательного сальдо платежного баланса, возрастает экономическая зависимость от рынка России.

Все перечисленные институциональные факторы приводят к нарастанию внутренних противоречий внутри ЕАЭС, не способствуют реализации четырех свобод и что самое важное, не создают устойчивый внешний образ ЕАЭС для партнеров их третьих стран [5].

Таким образом, исходя из национальных документов Беларуси, можно предположить направления развития Союза при Председательстве в органах ЕАЭС Беларуси в 2020 г.:

- дальнейшее формирование «четырех свобод» (технические регламенты, фито-санитарные соглашения и др.);
- расширение полномочий ЕЭК и Суда ЕАЭС;
- преодоление препятствий и недопущение формирования новых барьеров, изъятий и ограничений на пространстве Союза;
- формирование единых, скоординированных и согласованных политик (промышленной, сельскохозяйственной и др.);
- регулирование экономических бизнес-процессов;
- выход цифровых проектов и инициатив в реальный сектор экономики на основе технологического кооперирования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Турарбекова Р. Евразийский экономический союз: интеграция между идеальным и реальным. / Экспертный доклад // Р. Турарбекова, Е. Семак, Е. Довгань. – Минск, 2017. – 40 с.
2. Турарбекова, Р.М. Опыт регионального конструирования Евразии / Р.М. Турарбекова // Беларусь между Востоком и Западом: современные тенденции : материалы междунар. круглых столов, Минск, 26 окт. 2017 г. / БГУ, ФМО; редкол. : В. Г. Шадурский [и др.]. — Минск : Изд. центр БГУ, 2017. — 134 с. – С. 17–21.
3. Беларусь предлагает рассмотреть введение ответственности стран за нарушения обязательств в ЕАЭС. – Режим доступа: <http://eurasian-studies.org/archives/9727>. – Дата доступа: 1.03.2019
4. Индекс глобализации стран мира по версии KOF <https://gtmarket.ru/ratings/kof-globalization-index/info>
5. Малашенкова О.Ф. Анализ позиций стран-членов ЕАЭС в рейтинге глобальной конкурентоспособности 2014-2015 годах / Конкурентоспособность национальной экономики Республики Беларусь в условиях современных процессов региональной интеграции и интернационализации/под ред. А. В. Данильченко – Минск: БГУ, 2016

РАЗВИТИЕ МОЛОДЕЖНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В УНИВЕРСИТЕТАХ

Д.И. Микулко

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, Mikulko@bsu.by*

В статье рассматриваются основные модели предпринимательских университетов, связь предпринимательства и высшего образования, а также особенности развития предпринимательства в университетах. Кроме того, статья дает обзор современного положения молодежного предпринимательства в учреждениях высшего образования Беларуси.

Ключевые слова: предпринимательский университет; молодежная политика; университет 3.0, GUESS.

DEVELOPMENT OF YOUTH ENTREPRENEURSHIP AT UNIVERSITIES

D.I. Mikulko

Belarusian State University, Independence Ave., 4, 220030, Minsk, Belarus

The paper discusses the main models of entrepreneurial universities, the relationship of entrepreneurship and higher education, as well as the features of entrepreneurship development in universities. In addition, the paper gives an overview of the youth entrepreneurship current situation in higher education institutions in Belarus.

Key words: entrepreneurial university, youth policy, university 3.0, GUESS.

Во всем мире университеты являются сосредоточением интеллектуальных и научных знаний, а также местом концентрации наиболее активной и прогрессивной молодежи. Кроме учебной и научной деятельности, университеты занимаются молодежной политикой и развитием студенческого самоуправления, тем самым формируя лидерский потенциал. А это тот самый актив, необходимый для развития предпринимательства.

Однако просто наличия предпринимательского потенциала недостаточно. Для его реализации необходимо создание соответствующих возможностей и инфраструктуры, которые позволили бы скомпоновать передовые научные исследования с лидерским и предпринимательским потенциалом молодежи и привлечь финансовые ресурсы для создания инновационных компаний.

Именно это понимание и легло в концепцию «предпринимательских университетов». К концу XX столетия функции университетов как организаций, транслирующих знания, (образовательная) и организаций, создающих знания, (научная) уже не в полной мере выполняли запросы времени. Университеты должны были участвовать и в обеспечении социально-экономического развития посредством коммерциализации знаний.

Термин «предпринимательский университет» был введен Б.Р. Кларком ещё в 1998 г. «Предпринимательским» Кларк обозначил университет, основным отличием которого от традиционного учреждения высшего образования является ориентация на «развитие всеобъемлющей предпринимательской культуры» [3]. На сегодняшний день исследователи выделяют две модели предпринимательского университета [2]:

- предпринимательский по результату – преподаватели и выпускники создают инновационные компании;
- предпринимательский по типу действия команды управленцев (университет-предприниматель).

Первая модель предполагает наличие благоприятных условий студентам, преподавателям и выпускникам для формирования высокотехнологических стартапов и спин-офф-компаний. Вторая модель предусматривает создание мощного научного центра, который производит и выводит на рынок новые научно-технические продукты, тем самым привлекая финансовые ресурсы и повышая свою независимость от государственных ресурсов.

Университет третьего поколения призван реализовать не только образовательные, но и научно-исследовательские функции по поддержке и развитию предпринимательства, в то числе путем стимулирования предпринимательской активности профессорско-преподавательского состава и студентов через их вовлечения в коммерческую научно-исследовательскую деятельность, а также формирования бизнес-компетенций. Вместе с тем университет такого типа получает значитель-

ные внутренние источники для саморазвития и укрепления своей конкурентоспособности.

Развитие предпринимательских университетов в разных странах имеет свою специфику. Так, например, показателями предпринимательской активности в университетах США являются трансфер и коммерциализация технологий, т. е. патентование, лицензирование и создание наукоемких стартапов. Британские университеты фокусируются на более широком понимании их предпринимательской деятельности: больше внимания уделяется формированию предпринимательских навыков и поведения выпускников. В России трансформация вузов в университеты 3.0 осуществляется в рамках приоритетного проекта «Вузы как центры пространства создания инноваций». В Сингапуре концепция перехода к модели «Университет 3.0» предусматривает усиление предпринимательской направленности в рамках исследовательской и обучающей функций университета, в особенности в части активизации коммерциализации университетских знаний и разработок, выпуска предпринимательски мыслящих студентов [2].

В Республике Беларусь приказом Министра образования от 01.12.2017 г. № 757 «О совершенствовании деятельности учреждений высшего образования на основе модели «Университет 3.0»» предусмотрена реализация экспериментального проекта на базе 7 вузов в течение 5 лет [5].

Реализация экспериментального проекта предусматривает два направления действий:

- внесение изменений и дополнений в учебно-программную документацию образовательных программ высшего образования I степени, направленных на системное взаимосвязанное изучение вопросов инновационной, изобретательской и предпринимательской деятельности (создание бизнес среды) и в учебно-программную документацию образовательных программ высшего образования II степени, направленных на реализацию стартапов в бизнес-инкубаторах, командное выполнение высокотехнологичных проектов в рамках практико-ориентированного и научно-ориентированного обучения;

- реализацию Комплекса мер по созданию субъектов инновационной инфраструктуры (научно-технологические парки, центры трансфера технологий), отраслевых лабораторий, бизнес-инкубаторов [6], а также и по повышению эффективности научно-исследовательской, инновационной деятельности, которые будут обеспечивать на завершающем этапе коммерческую реализацию инновационной продукции и (или) результатов интеллектуальной деятельности.

Таким образом, развитие предпринимательства (в том числе и молодежного) в университетах – это не просто желание иметь свой бизнес. Это системное стратегическое развитие системы высшего образования. Но при этом, наличие такого желания – также необходимый объект исследования. Без наличия предпринимательских намерений у активной части университетской молодежи сложно формировать предпринимательскую среду.

В 2016 г. по инициативе Ассоциации бизнес-образования студенты Беларуси впервые поучаствовали в международном исследовании развития молодежного предпринимательства GUESS. Основными целями исследования GUESS являются:

- систематический и длительный мониторинг предпринимательских намерений и деятельности студентов;
- выявление предпосылок и необходимых факторов, влияющих на создание новых предприятий студентами и их предпринимательской карьеры в целом;
- оценка деятельности вузов, направленной на предпринимательское образование своих студентов [4].

Белорусские студенты продемонстрировали достаточно высокий предпринимательский потенциал в сравнении с другими рассматриваемыми странами:

– 8,9% студентов намерены начать свой бизнес сразу после учебы, через 5 лет после окончания вуза – 56,8%. Среднемировой уровень в 2016 г. составил соответственно 8,8% и 38,2%;

– 22,9% белорусских студентов сообщили, что они пробовали начать свой собственный бизнес. Это 22-е место среди 50 изучаемых стран;

– 7% студентов уже работает в собственном бизнесе или являются самозанятыми. Средний мировой показатель в 2016 г. (8,8%), с ним Беларусь занимает 29-е место;

– показатель предпринимательской среды в белорусских вузах чуть выше среднемирового (4,3 против 4,0 из максимальных 7).

Таким образом, развитие молодежного предпринимательства в университетах напрямую связано с трансформацией университетов в «предпринимательские» – от «идеологии» процесса до создания соответствующей инфраструктуры. В тех странах, где эта трансформация прошла успешно, молодежь (в частности студенчество) является активным участником предпринимательского процесса – от образовательных дисциплин до создания стартап-проектов и спин-офф компаний. В Республике Беларусь можно отметить положительную тенденцию: с одной стороны – есть политическая воля (о чем свидетельствует приказ министра «О совершенствовании деятельности учреждений высшего образования на основе модели «Университет 3.0»), с другой стороны – студенты белорусских вузов демонстрируют высокий предпринимательский потенциал. Это значит, что, при соответствующем ресурсном и кадровом обеспечении экспериментального проекта, белорусские вузы могут успешно перейти к модели предпринимательского университета, тем самым укрепляя свою конкурентоспособность в мировом образовательном пространстве.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Иващенко, Н.П. От идеи к инновационному продукту: путь в рамках инновационной инфраструктуры предпринимательского вуза / Н.П. Иващенко, А.А. Энгватова, И.И. Коростылева // Экономические стратегии. – 2015. – № 5-6. – С. 158-163.

2. Касперович, С.А. О совершенствовании деятельности учреждений высшего образования на основе модели «Университет 3.0» / С. А. Касперович // Вышэйшая школа. – 2018. – № 2. – С. 5-7.

3. Кларк Б. Р. Создание предпринимательских университетов: организационные направления трансформации / пер. с англ. А. Смирнова; Гос. ун-т - Высшая школа экономики. - М.: изд. дом Гос. ун-та - Высшей школы экономики, 2011. – 240 с.

4. Морозов, Р.И. Студенческое предпринимательство в высших учебных заведениях Беларуси: результаты исследования / Р.И. Морозов, Т.В. Зайковская, В.В. Апанасович // Инновационные процессы и корпоративное управление : материалы IX Международной заочной научно-практической конференции, 15–31 марта 2017 г., Минск / Министерство образования Республики Беларусь, Белорусский государственный университет, Институт бизнеса и менеджмента технологий, Ассоциация бизнес-образования ; редкол.: В. В. Апанасович (гл. ред.), А. И. Ковалинский, Е. М. Минченко. – Минск : Национальная библиотека Беларуси, 2017. – С. 162-171.

5. О совершенствовании деятельности учреждений высшего образования на основе модели «Университет 3.0»: приказ Министра образования № 757 от 01.12.2017 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

6. Малащенко О.Ф. О концепции белорусского университетского бизнес-инкубатора / М.С. Студнева, О.Ф. Малащенко // Беларусь в современном мире : материалы XVI междунар. науч. конф., Минск, 25 окт. 2017 г. / редкол. В.Г. Шадурский [и др.]. – Минск: Изд. центр БГУ, 2017

ФОРМИРОВАНИЕ ЗОНЫ СВОБОДНОГО ПЕРЕМЕЩЕНИЯ РАБОЧЕЙ СИЛЫ В КАРИКОМ

Нестерова А.А.

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, nesterova@bsu.by*

В статье рассматриваются основные этапы формирования зоны свободного перемещения трудовых ресурсов в интеграционном объединении КАРИКОМ. Автором выделены основные тенденции трудовой мобильности в странах-участницах.

Ключевые слова: трудовая мобильность, региональные интеграционные объединения, свободное перемещение.

FORMATION OF A ZONE FOR FREE MOVEMENT OF THE WORKFORCE IN CARICOM

Nesterova A.A.

Belarusian State University, Independence Ave., 4, 220030, Minsk, Belarus, y

The article discusses the main stages of the formation of the zone of free movement of labor resources in the integration association CARICOM. The author highlights the main trends of labor mobility in the participating countries.

Key words: labor mobility, regional integration associations, free movement.

Экономическая интеграция в регионе имеет долгую историю. В 1968 году была создана Карибская ассоциация свободной торговли (КАРИФТА). С 1973 года ее заменил КАРИКОМ (Карибское сообщество и общий рынок), представляющий региональную интеграционную группировку, созданную Барбадосом, Гайаной, Ямайкой, Тринидадом и Тобаго (см. таблицу м1).

Таблица 1

Обзор форм интеграции от КАРИФТЫ до КАРИКОМ

	КАРИФТА	КАРИКОМ 1973	КАРИКОМ / Карибский общий рынок (КОР)
Период	1968-1973	1973-1989	После 1989
Члены	12 англоязычных карибских стран*	13 англоязычных карибских стран**	КАРИКОМ: 15 стран Общий рынок: 12 стран***
Форма	ЗСТ	ТС	ЭС
Сфера деятельности	<ul style="list-style-type: none">• торговля товарами	<ul style="list-style-type: none">• торговля товарами;• минимальное регулирование услуг и потоков капитала;• политика гармонизации;• совместная разработка природных ресурсов;• сельское хозяйство	<ul style="list-style-type: none">• торговля товарами;• услуги;• капитал;• квалифицированный труд;• макроэкономическая политика;• валютный союз;• отраслевая промышленная политика.

* Антигуа и Барбуда, Барбадос, Белиз, Доминика, Гренада, Гайана, Ямайка, Монтсеррат, Сент-Китс, Невис и Ангилья, Сент-Люсия, Сент-Винсент и Гренадины, Тринидад и Тобаго. Четыре страны подписали соглашение в 1965 году, еще семь присоединился в 1968 году и двенадцатое (Белиз) в 1971 году

** Договору Чагуарамас в 1973 г. о создании КАРИКОМ. Все 12 страны КАРИФТА стали членами Сообщества и общего рынка. В 1983 году Багамы стали членом только Сообщества

*** Пересмотренный Договор о создании КАРИКОМ был подписан в 2002 г. и в 2006 вступил в силу, Суринам вступил в Сообщество в 1995 году и Гаити в 2002, в результате общее численность стран возросла до 15. Багамские острова и Монтсеррат не участвуют в общем рынке, Гаити имеет институциональные проблемы с участием

Страны Карибского бассейна являются бывшими британскими колониями (Монтсеррат и ныне сохраняет колониальный статус), имеют общие политические и культурные ценности, общий язык (английский), аналогичные правительственные структуры. Исключение составляют Суринам и Гаити, не являющиеся англоговорящими странами и имеющие лингвистические, этнические и культурные различия с большинством стран интеграционного объединения.

Страны Карибского бассейна имеют ряд особенностей и ограничений, определяющих специфику их интеграционных процессов. К ним относят географию, гетерогенность в доходах, малый масштаб производства и экспорта, уязвимость от внешних рынков.

Большинство (12 из 15) государств-членов КАРИКОМ являются островами с общей площадью 60 000 км², на континенте находятся 3 страны: Гайана и Суринам – в Южной Америке, а Белиз – в Центральной Америке. Такая островная география увеличивает стоимость интеграции. Например, быстрее, проще и дешевле перевозить грузы по суше из Мексики в Белиз, чем доставить его в любой другой пункт назначения в Карибском бассейне.

Доходы и население стран-членов Карибского сообщества очень разнятся. Так, ВВП на душу населения в 2016 г. на Багамских островах составил 23 124,4 долл., а в Гаити – около 740 долл. Все страны-участницы классифицируются международными организациями как развивающиеся страны.

Еще одной характеристикой стран Карибского бассейна является малый масштаб производства и экспорта. Хотя они являются открытыми с ориентацией на экспорт экономиками, их доля в глобальной и региональной торговле очень незначительна (менее 0,2 % и 1,2 % соответственно в 2014 г.).

Согласно статистическим данным на сектор услуг приходится более 50 % ВВП в странах региона и 71,8 % от общего регионального ВВП. В отдельных странах показатель был выше, так на Багамских островах – 76,5 %, Барбадосе – 81,7 % и Ямайке – 66,3 %. На добычу полезных ископаемых приходилось 34,3 %, обрабатывающую промышленность – 17,9 %. Сельское хозяйство – ведущая отрасль на Ямайке (32,2 % ВВП), в Суринаме (19,0 %) и Гайане (17,4 %). Добыча полезных ископаемых доминирует в Тринидад и Тобаго – 89,3 % от общего объема добычи в регионе, Суринаме и Гайане – 3,9 % и 3,6 % соответственно [1].

Несмотря на десятилетия развития промышленной политики, страны Карибского бассейна продолжают показывать пример «экономического дуализма», что проявляется в сосуществовании двух различных и в значительной степени самостоятельных сфер деятельности. Существование «оффшорной экономики», которая финансируется главным образом за счет прямых иностранных инвестиций и доступу к международным рынкам капитала. Она характеризуется дорогими, сложными и капиталоемкими технологиями, бизнес-моделями на основе зарубежного опыта и требований. С другой стороны существует «береговая экономика», которая является трудоемкой отличается низкой производительностью и высоким уровнем занятости.

В 1989 г. была подписана Декларация Гранд Ансе, впервые поставившая целью формирование единого экономического пространства. В соответствии с кон-

цепцией стран-членов единое экономическое пространство предполагает свободное перемещение товаров, услуг, капиталов и лиц; координацию и гармонизацию макроэкономической политики. На данном этапе свобода перемещения действует для определенных категорий, но в дальнейшем предполагается для всех.

С января 1996 года предоставлена возможность свободного перемещения для граждан КАРИКОМ, имеющих высшее образование (не ниже степени бакалавра) с целью трудоустройства без разрешения на работу и пребывание. На данный момент 12 государств приняли необходимые законодательные меры для реализации данного права граждан (за исключением Антигуа и Барбуда, Монтсеррат).

Государствами-членами КАРИКОМ (за исключением Антигуа и Барбуда, Барбадос, Монтсеррат, Сент-Китс и Невис) предоставлена подобная возможность лицам следующих профессий: артистам, музыкантам, спортсменам и работникам СМИ (см. таблицу 2).

Таблица 2

Страны-участники КАРИКОМ: согласованность законодательства в связи с созданием общего рынка*

Категории	Количество требуемых согласований	Количество согласованных	% согласованных
Законодательная и институциональная инфраструктура	113	77	68
Свобода перемещения товаров	83	49	59
Свобода перемещения граждан	88	43	49
Осуществление экономической деятельности в другом государстве	113	67	59
Движение капитала	16	11	69
Свобода перемещения услуг	700	307	44
Интеллектуальная собственность	45	27	60
Прочие	8	4	50
Всего	1166	585	50

*Антигуа и Барбуда, Барбадос, Белиз, Доминика, Гренада, Гайана, Ямайка, Сент-Китс, Невис и Ангилья, Сент-Люсия, Сент-Винсент и Гренадины, Тринидад и Тобаго

Примечание: Источник – [2, p. 34]

Важной целью является создание общего рынка труда и свобода перемещения рабочей силы в регионе. Согласно данным Секретариата КАРИКОМ, создание общего рынка завершено на 64 % [3, p. 87].

Большое значение имеет процесс признания квалификаций и навыков в государствах-членах Карибского сообщества. Признание квалификации и навыков может быть получено как в стране пребывания, так в стране происхождения уполномоченным министерством (департаментом).

По оценкам, лишь 10 % населения региона в настоящее время могут извлечь выгоду от принятых мер в области свободы перемещения [3, p. 97].

Хотя не существует непосредственных доводов, почему должна ограничиваться мобильность определенных категорий, имеет место озабоченность возрастанием миграции при снятии ограничений на свободное перемещение [4, с. 86]. Наибольшее число мигрантов в регионе приходится на Доминиканскую Респуб-

лику – около 434 тыс. чел. Существенная миграция наблюдается между Доминиканской Республикой и Гаити, поскольку они единственные сопредельные страны в регионе. Далее следуют Тринидад и Тобаго, Суринам и Багамские острова.

Белиз является перевалочным пунктом для мигрантов из Центральной Америки для миграции в Мексику и далее в США. Антигуа и Барбуда, Гренада, Барбадос, Багамы и Сент-Китс и Невис являются странами, которые образуют транзитный коридор для иммигрантов из стран не Карибского бассейна (от Латинской Америки до Западной Африки), стремящихся попасть в США.

Необходимо отметить важность и внутрирегиональной миграции. На Багамах – 75 % мигрантов выходцы из стран Карибского бассейна, в Барбадосе – 67,2 %, в Тринидад и Тобаго – около 50 % [2, р. 25].

В Карибском регионе отмечаются самые высокие в мире показатели эмиграции высококвалифицированных специалистов и лиц с высшим образованием. По данному показателю Гайана (89,0 %), Гренада (85,1 %), Ямайка (85,1 %), Сент-Винсент и Гренадины (84,5 %), Гаити (83,6 %), Сент-Китс и Невис (78,5 %), Сент-Люсия (71,1 %), Кабо-Верде (67,5 %) входят в первую десятку стран в мире [5].

В основном миграционные потоки высококвалифицированных специалистов из Карибского бассейна имеют направление Юг-Север. Около 4 % приходится на потоки внутри региона, чему способствует наличие университета Вест-Индии (Барбадос, Ямайка и Тринидад и Тобаго), а также университета Жоржа в Гренаде и технологического университета на Ямайке.

С точки зрения секторов, которые наиболее пострадали от миграции высококвалифицированной рабочей силы, то это сектор здравоохранения в Ямайке и Тринидаде и Тобаго. Поток мигрантов в США, Великобританию и Канаду создал нехватку квалифицированного персонала в регионе, особенно медсестер и учителей [6]. Некоторые страны прибегают к импорту трудовых услуг медсестер из Индии, Африки и Восточной Азии. Например, медсестры из Индии и Филиппин трудились в Тринидаде и Тобаго и Барбадосе.

Поскольку создание общего рынка еще не реализовано в Карибском регионе и нет полной мобильности, тем не менее, рассмотрение миграционных потоков позволяет определить общие тенденции.

Как уже отмечалось, страны КАРИКОМ сильно дифференцированы по экономическим показателям. Так, наибольший объем ВВП создается в Тринидаде и Тобаго и Ямайке. Лидерами по ВВП на душу населения являются Багамские острова, а аутсайдером – Гаити, с разрывом более, чем 30 раз. Различия наблюдаются и в средней оплате труда: самая высокая заработная плата в Ямайке – около 1000 долл. США, самая низкая – в Гаити, менее 90 долл. США.

На структуру экономики и рабочей силы оказывают влияние размер, состав, темп роста и размещение населения. Так, в Карибском регионе наблюдается существенное замедление роста населения, что вызвано снижением рождаемости. Происходит увеличение доли лиц пожилого возраста и снижение доли молодежи.

Эмиграция из региона оказывает влияние не только на численность населения и рабочей силы, но и на качество трудовых ресурсов. Значительная часть эмигрантов состоит из квалифицированных специалистов, которые необходимы для Карибского сообщества.

В странах КАРИКОМ наблюдается два миграционных потока: первый – внутрирегиональная миграция, где экономические мигранты перемещаются из стран с низкими доходами в страны с более высокими, предоставляя рабочую силу для туризма, строительства и др.; второй – экономические мигранты выезжают за пределы сообщества (как правило, в Северную Америку и Великобританию), что предоставляет потенциальную угрозу для регионального развития, так как в большей степени это рабочая сила высокой квалификации. Мигранты в страны

ОЭСР из данного региона хорошо образованны (высшее образование есть у 36 % из Багамских островов и Сент-Люсии до 90 % из Суринама).

Миграционные потоки являются экономически мотивированными, низкоквалифицированные работники перемещаются внутри регионального союза, а высококвалифицированные предпочитают развитые страны, прежде всего США и Великобританию.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Updated Economic Overview of Latin America and the Caribbean 2013 / Economic Development Division of ECLAC, 2014 [Electronic resource]. Mode of access : <http://www.eclac.org/publicaciones/xml/6/52696/UpdatedEconomicOverview2013.pdf>. – Date of access : 01.09.2019.
2. Labour Market Trends and Implications of Regional Integration. ECLAC, 2005.42 p.
3. Human mobility in the Caribbean: Circulation of skills and immigration from the South. Research report ACROBS/2013/PUB16. Brussel: International Organization for Migration (IOM), 2013. 114 p.
4. Нестерова, А.А. Миграционные отношения как фактор глобализации рынка труда // Мир и Россия: регионализм в условиях глобализации: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч., Москва, 11–12 ноября 2010 г. / РУДН. Москва, 2010. Ч.1. С. 84–90.
5. Migration and Remittances. Factbook 2011 / The International Bank for Reconstruction and Development. Washington : The World Bank, 2011. 290 p.
6. Lewis, P. Training nurses for export: A viable development strategy? Social and Economic Studies. 2011. № 60(2). P. 67-104.

НОВЫЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ РЕГУЛИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

А. Ж. Палагина¹⁾, Д. И. Данильчук²⁾

*¹⁾ Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская, 20, 220030, г. Минск, Беларусь, angisaniy@gmail.com*

*²⁾ Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская, 20, 220030, г. Минск, Беларусь, danilchuk4@gmail.com*

Система мотивации и стимулирования работников крупных компаний, как составная часть системы управления результативностью труда персонала и роста человеческого потенциала, является инструментом воздействия на трудовое поведение персонала. Такие современные концепции, как системы коллективного стимулирования заслуживают внимания и апробации как доказавшие высокую эффективность в международных компаниях. Также в статье рассмотрена система государственных мер по развитию навыков для цифровой экономики.

Ключевые слова: человеческий потенциал, мотивация персонала, навыки для цифровой экономики.

A NEW TOOL FOR REGULATING HUMAN POTENTIAL DEVELOPMENT IN THE WORLD ECONOMY

A. Zh. Palagina^{a)}, D.I. Danilchuk^{b)}

^{a)} Belarusian State University, st. Leningradskaya, 20, 220030, Minsk, Belarus

*^{b)} Belarusian State University, st. Leningradskaya, 20, 220030, Minsk, Belarus
Corresponding author: D.I. Danilchuk (danilchuk4@gmail.com)*

The system of motivation and incentive for employees of large companies, as an integral part of the system for managing the performance of personnel and the growth of human potential, is a tool for influencing the labor personnel behavior. Such modern concepts as collective incentive systems

deserve attention and testing as having proved high efficiency in international companies. The paper also reviews a system of government skills development measures for the digital economy.

Key words: human potential, staff motivation, skills for the digital economy.

Создание системы морального стимулирования персонала с широким спектром мероприятий, индивидуальным подходом к сотрудникам, использованием программ социальных льгот в современном мире является обязательным условием стимулирования развития человеческого потенциала. В контексте стимулирования достижения высоких результатов деятельности организаций представляется целесообразным рассмотреть наиболее успешное направление, предполагающее внедрение систем стимулирования работы группы, связанных с ростом производительности труда. Широкое распространение в практике зарубежных организаций получили системы коллективного премирования Скэнлона, Раккера и др.

Норматив представляет собой процентную долю фонда оплаты труда в объеме реализации продукции за ряд предшествующих лет, умноженный на фактический объем продаж в отчетном периоде. Система действия норм стимулирования развития человеческого потенциала представлена на рисунке 1.

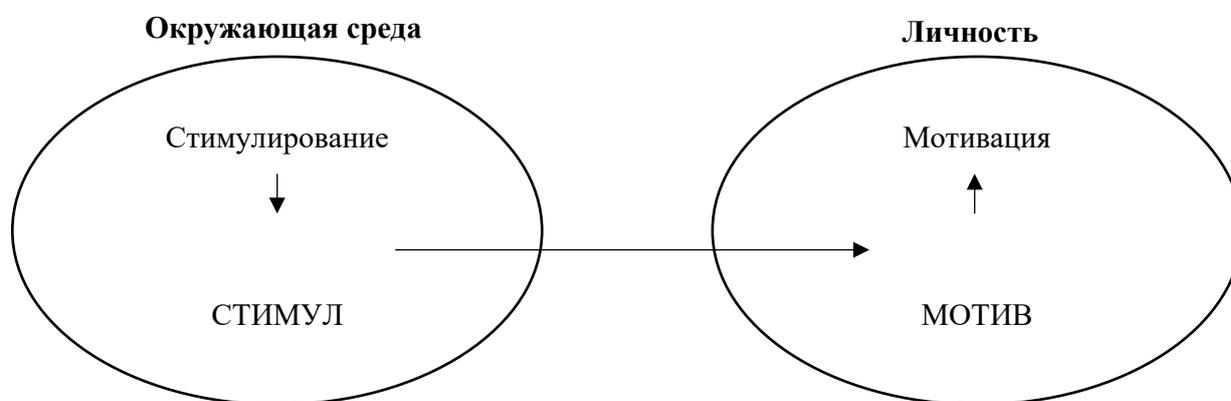

Рис. 1. Система действия норм стимулирования развития человеческого потенциала

Примечание: собственная разработка.

Если фактические расходы организации на заработную плату оказываются ниже нормативной величины, сэкономленная сумма формирует премиальный фонд. Одна часть этого фонда составляет долю компании и идет на увеличение массы прибыли, вторая — доля работников, которая используется для их премирования. Из доли работников 20% направляются в резервный фонд, используемый для покрытия дополнительных издержек фирмы в те периоды, когда доля затрат на рабочую силу в стоимости готовой продукции и услуг превышает нормативную.

Что касается системы Раккера, то она близка по содержанию к системе Скэнлона и ее суть заключается в определении нормативного коэффициента условно-чистой продукции (добавленной стоимости) организации на каждый доллар затрат, как материальных, так и трудовых. Распределение экономии зарплаты, полученной от роста производительности труда, осуществляется между работниками организации и ее владельцами (в форме дополнительной прибыли), как правило, в равных долях. По мнению автора, для достижения максимальной заинтересованности работников в повышении результатов своей деятельности размер премиального фонда должен соотноситься с объемом реализации продукции (работ, услуг) организации. Данный показатель характеризует финансовый результат хозяйственной деятельности и является ее главным источником финансирования; кроме того, от него зависит размер прибыли и рентабельность организации. Механизм

стимулирования развития человеческого потенциала в контексте организации работы компании представлен на рисунке 2.

Рис. 2. Механизм стимулирования развития человеческого потенциала
Примечание: собственная разработка.

Таким образом, система мотивации и стимулирования работников крупных компаний, как составная часть системы управления результативностью труда персонала и роста человеческого потенциала, является инструментом воздействия на трудовое поведение персонала. Применение в практике организаций предложенных рекомендаций, в том числе комбинированного варианта расчета премии, позволит стимулировать результативность труда персонала и в конечном итоге повысить результаты деятельности организации и отрасли в целом.

Еще одна задача в рамках развития человеческого потенциала связана с таким трендом, как цифровизация экономики и рынка труда в частности. Цифровая экономика все больше опирается на генерацию, хранение, обработку и передачу данных, как внутри, так и за пределами национальных границ. Доступ к данным и их анализ становятся стратегически важными для повышения конкурентоспособности компании. И здесь решение данного вопроса переходит к политикам, которые должны сбалансировать потребность компаний в сборе и анализе данных для инноваций и повышения эффективности, с одной стороны, и разрешить проблемы различных заинтересованных сторон в отношении безопасности, конфиденциальности и передвижения информации, обеспечить право собственности на данные, с другой. В этом контексте они должны работать на национальном уровне, вместе с промышленностью и группами потребителей, а также на международном уровне текущую систему защиты данных с различными глобальными, региональными и национальными подходами. Кроме того, во многих развивающихся странах все еще отсутствует законодательство в этой области. Вместо реализации нескольких

инициатив было бы предпочтительнее сосредоточиться на одной объединяющей инициативе или меньшее количество инициатив, которые могут быть реализованы на международном уровне.

Общие инструменты государственной политики для развития соответствующих навыков для цифровой экономики описаны в таблице 1.

Таблица 1

Инструменты государственной политики для развития соответствующих навыков для цифровой экономики

Конкретные цели	Инструменты политики	Примеры
Содействовать развитию дополнительных навыков	Реформировать методы обучения для продвижения некогнитивных навыков. Поощрять другие учебные мероприятия (внеурочное обучение, внеклассные мероприятия) продвигать некогнитивные навыки.	Япония реформировала национальные учебные программы в конце 1990-х годов для укрепления способности мыслить критически и творчески. Учебная программа Intel Educар включает в себя поддержку учителей в использовании методологий, способствующих развитию критического мышления и исследований.
Обеспечение наличия базовых навыков для работы с ИКТ	Интеграция программ ИКТ в начальном и среднем образовании. Программа цифровой грамотности, ориентированная на конкретные группы граждан (пожилые, женщины, школьники, сельские районы, соискатели).	Португалия реализует национальную стратегию «Цифровое включение и грамотность». Мексика обеспечивает цифровую грамотность через программу развития центров цифрового включения. В США реализуются программы обучения матерей техническим навыкам, поощряя их в образовании, предпринимательство и занятость.
Обеспечить стимулы для работников и организаций улучшать свои навыки	Облегчить доступ к обучению на протяжении всей жизни и переквалификации. Способствовать лучшей организации работы и методам управления внутри фирм. Содействие мобильности рабочей силы во всех секторах экономики.	Страховой фонд в Республике Корея обеспечивает прямое финансирование обучения персонала для малого и среднего бизнеса. Европейская инициатива электронного лидерства способствует развитию ИКТ среди лидеров бизнеса и продвигает электронное лидерство и цифровое предпринимательство. Программа мобильности талантов в Таиланде позволяет общественным исследователям тратить 20% своего времени на обучение.
Улучшить качество обучения	Облегчить доступ к соответствующей подготовке учителей. Финансирование обучения для повышения квалификации и пожизненного обучения для учителей. Найм внешних специалистов для сотрудничества Обеспечить необходимую инфраструктуру ИКТ и пропускную способность интернета в школах и учреждениях высшего образования	Индия предлагает национальные награды за использование учителями ИКТ в образовании. Образовательная программа Intel в Коста-Рике предлагает курсы для учителей, чтобы облегчить использование современных технологий
Расширение предложения и регистрации в сфере	Разработка (обновление) учебных программ по ИКТ	В Коста-Рике эксперты Intel участвуют в разработке учебных программ для обучения инженеров в области

Конкретные цели	Инструменты политики	Примеры
ИКТ программ по профессиональному и высшему образованию образование и обучение на протяжении всей жизни	<ul style="list-style-type: none"> • Способствовать расширению промышленного сотрудничества в области ИКТ • Финансовая поддержка студентов / программ в области, связанные с ИКТ • Облегчение доступа к обучению и переподготовке • Содействовать развитию соответствующего сегмента частного образования 	информационных технологий, робототехнике и автоматизации.

Примечание: собственная разработка

Для улучшения сложившейся ситуации следует внедрить ряд мер государственного уровня, с которых можно выделить следующие базовые блоки:

1. Проведение адаптации учебных программ к современным требованиям, конъюнктуре рынка, практической и профессиональной деятельности.

2. Просмотр качества предоставления образовательных услуг всех уровней.

3. Стимулирование приоритетных программ и направлений исследований с целью возрождения и развития научной деятельности с помощью достаточного финансирования научно-образовательных учреждений за счет государственных средств.

4. Проведение реформирования системы медицинского обслуживания, переход на страховую медицину, применение опыта передовых государств в внедрении норм, положений и инновационных технологий и знаний в сфере оказания медицинских услуг населению.

5. Введение соответствующих экологических программ по устранению вредных выбросов в природную среду и проверки действующих промышленных предприятий на соответствие осуществления определенных видов деятельности согласно установленным мировыми экологическими стандартами.

6. Преодоление рубежей бедности за счет реформирования системы социальной защиты пересмотра норм прожиточного минимума с учетом реального индекса инфляции, колебания курсов валют, рыночного ценообразования, малоэффективного влияния государственного антимонопольного комитета на экономику страны и общей государственной замедленности и инертности эффективности реализации мер по преодолению или минимизации последствий социально-экономических кризисов.

7. Введение более широкого спектра и приоритетности направлений программ переквалификации персонала за счет государственных средств с целью устранения существующего уровня безработицы.

8. Надлежащее функционирование и контроль государственной системы антикризисного управления по преодолению и устранению существующих кризисов в политике, экономике, финансово-кредитной системе, международной торговле, экологии, образовании и науке, социальной защите, культуре и морали.

ЦИРКУЛЯРНАЯ ЭКОНОМИКА В КОНТЕКСТЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

А.В. Петрашевская

*Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская 20, 220030, г. Минск, Беларусь, petrashevala@gmail.com*

В статье рассмотрены сущность, принципы и концепция циркулярной экономики. Концепция циркулярной экономики расширяет возможности для развития малого и среднего бизнеса; увеличивает количество рабочих мест, сокращает издержки предприятий, развивает инновационные технологии, дает стимул для поиска и реализации новых полезных качеств в материалах, которые уже существуют и используются, повышает конкурентоспособность и дальнейший «зеленый» рост для осуществления повторной индустриализации. В статье также раскрывается роль циркулярной экономики в ресурсосбережении, сокращении отходов в замкнутом производственном цикле. Исследуемые в статье бизнес-модели циркулярной экономики способствуют пониманию той трансформации доминирующей линейной экономики в экологически и экономически инновационную модель экономики замкнутого цикла.

Ключевые слова : циркулярная экономика; замкнутые цепи; управление отходами; рециклирование; циркулярные бизнес-модели; концепт ответственного потребления.

CIRCULAR ECONOMY IN THE CONTEXT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT

A.V. Petrasheuskaya

Belarusian State University, Leningradskaya Street, 20, 220030, Minsk, Belarus

The article considers the essence, principles and concept of the circular economy. The concept of a circular economy expands the opportunities for the development of small and medium-sized businesses; increases the number of jobs, reduces the costs of enterprises, develops innovative technologies, provides an incentive for the search and implementation of new useful qualities in materials that already exist and are used, increases competitiveness and further “green” growth for re-industrialization. The article also reveals the role of the circular economy in resource conservation, waste reduction in a closed production cycle. The business models of the circular economy studied in the article contribute to understanding the transformation of the dominant linear economy into an environmentally and economically innovative closed-loop economy model.

Key words : circular economy; closed chains; waste management; recycling; circular business models; the concept of responsible consumption.

С начала промышленной революции и в настоящий период все мировое хозяйство развивалось в линейной экономике. Ее можно охарактеризовать как однопольную модель производства: природные ресурсы обеспечивают ресурсы производства, которые затем используются для создания товаров массового производства и, как правило, утилизируются после однократного использования. Данная линейная экономическая модель массового производства и массового потребления сегодня проверяет физические границы земного шара и угрожает стабильности будущего всего человечества и мировой экономики в целом. В настоящее время мы потребляем природных ресурсов на 50% больше, чем можем заменить, а к 2030 году потребительский спрос потребует двойную сумму природных ресурсов. В то же время, следует отметить, средний класс в мире увеличится вдвое к 2030, что будет стимулировать спрос на ресурсоемкие товары, такие как транспортные средства и товары бытовой техники, электроники.

Именно на этом фоне такие организации, как Эллен МакАртур Фонд и международная консалтинговая компания McKinsey обратились к циркулярной экономике, как к жизнеспособной модели промышленной организации, в которой экономический рост отделен от нерационального потребления ресурсов.

Концепция циркулярной экономики зародилась в 1980-х годах, но получила широкое распространение в конце 1990-х и в начале 2000-х. Она объединила в себе основные научные школы: эффективную экономику Вальтера Штахеля, биомимикрию Жанин Беньюс, естественный капитализм Поля Хокена, Эймори Ловинса и Хантеры Ловинс, промышленную экологию Рейда Лифсета, философию дизайна Уильяма Макдоно и Майкла Браунгарт, названной «колыбель в колыбели» и синюю экономику Гюнтера Паули.

В современный период многие парадигмы устойчивого развития вращаются вокруг того, чтобы производить больше с меньшими ресурсными затратами, однако именно циркулярная экономика повышает отдачу от ресурсов за счет оптимизации их использования. С точки зрения устойчивости, было бы неточно отметить, что циркулярная экономика – это только экологически чистая экономика. Хотя это может быть одной из его характеристик. Циркулярная экономика – это развитие и функционирование эффективной бизнес-модели, стремящейся повторить закрытую природную цепь, где все, что произведено и использовано обществом, может быть полностью переработано внутри такой цепи без возникновения экологических проблем. При широкомасштабном использовании циркулярная экономика потенциально может сократить потребление новых материалов на 32% в течение 15 лет и на 53% к 2050. Вместо этого первичные материалы, используемые в строительстве, автомобилестроении, синтетических удобрениях и пестицидах, производство топлива и невозобновляемая энергия, среди прочего, могут быть заменены восстановленными и переработанными материалами. По экспертным оценкам Фонда Эллен МакАртур, к 2025 году циркулярная экономика может приносить более миллиарда долларов в глобальном экономическом доходе ежегодно [1]. Следует также отметить, что переход к данной модели создаст огромные возможности для модернизации производства и росту инноваций, что приведет к росту производительности и соответственно, росту мирового ВВП.

Сегодня существует несколько научных подходов, которые используют принципы циркулярной экономики: ресурсно-целевой концепт, подразумевающий замкнутое движение материалов, альтернативных источников энергии, отходов производства и потребления, который может быть достигнут посредством неоднократного использования на уровне восстановления и ремонта продукта и повторного его использования в производственной цепи; эколого-экономический концепт, при которой замкнутый производственный цикл образует свой хозяйственный механизм, формирующийся на повторном использовании и бережном использовании природных ресурсов; концепт ответственного потребления, как пространство новых возможностей для бизнеса, в основе которого, прежде всего, лежит системное мышление и каскадная модель, которая предполагает возможность существования итераций между действиями в рамках замкнутого производственного цикла, связующая в данной модели повторное использование материалов и ресурсов, ремонт, утилизацию, экологический дизайн, устойчивое снабжение и сохранение природных ресурсов. Комбинация этих трех наиболее важных на современном этапе научных подходов создает наиболее цитируемое определение циркулярной экономики, согласно которого под циркулярной экономикой следует понимать экономику, которая сохраняя и восстанавливая природный капитал, создает непрерывный цикл развития, повышая экономическую отдачу от природных ресурсов и материалов при неоднократном их использовании, расширяет возможности для развития разных видов бизнеса.

Важной предпосылкой для эффективной реализации концепции циркулярной экономики на всех ее этапах и устранения существующих препятствий является наличие в странах, прежде всего, институциональных мер государственной поддержки, которые охватывают все области производства и потребления, сбор, утилизацию и переработку отходов на всех уровнях агрегации.

В настоящий период ряд промышленно развитых стран (Великобритания, Германия, Австрия, Швеция) уже смогли оценить экономический эффект от внедрения концепции циркулярной экономики, он выражается, прежде всего, в сокращении использования природного сырья, потребление которого, по сравнению с 2017 годом, сократилось в среднем на 20% по отношению к началу 2019 года и увеличении доли «зеленого электричества» в энергобалансе до 65%. Однако множество подходов в циркулярной экономике, в частности связанных с промышленным сектором, формируются на основе инновационных технологических и технических процессов замкнутого цикла, связанных с обслуживанием и повторным использованием продукта, восстановлением его компонентов, рециклированием. Каждый из этих подходов используется в промышленно развитых странах. Так, западные компании используют круговую модель цепочки поставок двумя способами: производить для других и для собственных операций. «CRAiLAR Technologies» производит возобновляемые и экологически чистые ресурсы биомассы с использованием льна, конопли, других лубяных волокон для брендов одежды («Nike» и «Adidas») и также для промышленности, энергетики и медицины. В то время как для производства одного килограмма готового хлопка обычно требуется от 2000 до 29 000 литров воды, «CRAiLAR» использует всего 17 литров воды для производства одного килограмма своего материала – экономия до 99%. «AkzoNobel», компания, специализирующаяся на производстве красок, покрытий и специальных химикатов, использует био-материалы, чтобы предоставить клиентам больше вторичной переработки и многоцветных материалов. «Novozyme» превращает кукурузу, сою, сахарный тростник, пшеницу и отходы в продукты, такие как растительное масло, корм для рыб, электричество, различные виды пластика и моющие средства. В такой модели каждый побочный продукт и поток отходов оптимизируется для максимизации своего потенциального дохода. Отходы возвращаются для других целей; это приводит к тому, что отходы больше не рассматриваются как проблема, которую нужно решать, а как ресурс, полностью интегрированный в бизнес-модель.

Две компании, которые приняли модель утилизации и рециркуляции делают все возможное, чтобы избавиться от отходов, – это «Procter & Gamble» (P & G) и «General Motors» (GM)[2]. По крайней мере, 45 предприятий P & G в настоящее время работают без отходов, при этом все производственные отходы перерабатываются или преобразуются в энергию. «GM», которая запустила программу безотходного производства в 2011 году, теперь перерабатывает 90% своих производственных отходов по всему миру и располагает 102 объектами, не имеющими свалок, в надежде достичь 125 объектов по всему миру к 2020 году. «GM» сообщает, что она генерирует 1 миллиард долларов ежегодного дохода от переработки и повторного использования побочных продуктов.

Возвращаясь к вопросу экономической эффективности, следует отметить тот факт, что внедрение циркулярной модели формирует устойчивый спрос на вторичные ресурсы, тем самым в долгосрочной перспективе снижая спрос на природные ресурсы; снижаются издержки на аренду и содержания складских помещений и земель, которые в основном несут в себе отрицательную стоимость для хранения и утилизации отходов; сокращаются суммы экологических налогов, выплачиваемые предприятиями; расширяются возможности для развития малого и среднего бизнеса; увеличивается количество рабочих мест.

Однако несмотря на наличие положительных эффектов, существует и ряд отрицательных: в краткосрочном периоде на микроуровне в основном сумма издержек увеличивается за счет первичного использования ресурсов и материалов, и за счет дополнительного потребления энергии при рециклировании и утилизации отходов, на мезоуровне – отсутствие необходимых продуктов, материалов, технологий в отдельных отраслях, недостаточно развитая инфраструктура, отсутствие внутриотраслевой конкуренции и стимулов на рынке и, как следствие, отсутствие согласованных процедур в различных сферах, на макроуровне – снижение спроса на определенные виды полезных ископаемых и, как следствие, снижение доходов ресурсодобывающих стран с развивающейся экономикой.

Следует отметить тот факт, что в настоящий период циркулярной экономике необходима трансформация. Циркулярная экономика должна строиться, прежде всего, и развиваться на внедрении практических аспектов на всех уровнях агрегации, при этом на каждом уровне должны быть свои краткосрочные и долгосрочные цели и задачи.

Что касается Республики Беларусь, то сегодня она придерживается принципов зеленой экономики, являющейся одной из характеристик циркулярной экономики. Принципы зеленой экономики закреплены в общегосударственных программных документах (Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития на период до 2030 года, Национальный план действий по развитию зеленой экономики в Республике Беларусь до 2020 года) и в большей мере связаны с экологически чистым производством. Для дальнейшего устойчивого роста Республике Беларусь требуется поэтапно переходить к принципам циркулярной экономики, постепенно трансформируя доминирующую линейную экономику, в экологически и экономически инновационную модель экономики замкнутого цикла.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Intelligent Assets: Unlocking the circular economy potential // Foundation Ellen MacArthur Foundation. – [Electronic resource]. – Mode of access : https://www.ellenmacarthurfoundation.org/assets/downloads/publications/EllenMacArthurFoundation_Intelligent_Assets_080216-AUDIO-E.pdf. – Date of access : 17.10.2019.

2. Introducing a Circular Economy: New Thinking with New Managerial and Policy Implications / M. Esposito, T. Tse, K. Soufani // California Management Review. – 2018. – 1-15.

ПОТЕНЦИАЛ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ КНР И РЕСПУБЛИКОЙ БЕЛАРУСЬ: ОЦЕНКА И РАЗВИТИЕ

И.В. Стефанович

*Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская, 20, 220030, г. Минск, Республики Беларусь, Stefanovitch.in@yandex.by*

Во введении подчеркивается высокая заинтересованность Беларуси и Китая в наращивании и углублении торгово-экономического сотрудничества, которая обусловлена наличием недоиспользованного потенциала в данной сфере. В нем также обозначены общетеоретические аспекты исследования потенциала торгово-экономического сотрудничества стран. Объектом исследования выступает непосредственно потенциал торгово-экономического сотрудничества. Цель исследования – выявление возможностей более полной реализации потенциала торгово-экономического сотрудничества между КНР и РБ. В основной части данной статьи представлены результаты проведенного анализа и оценки развития торгово-экономического потенциала между Беларусью и Китаем. Анализ структуры внешней торговли между двумя странами позволил выявить особенности и тенденции ее развития, что поз-

волило охарактеризовать модель экономики Беларуси как импортозависимую. Также отмечается слабая диверсифицированность торгово-экономических отношений между Республикой Беларусь и КНР. В заключительной части статьи обозначены перспективы и приоритеты развития торгово-экономического сотрудничества обеих стран в целях повышения степени реализации связанного с ним потенциала.

Ключевые слова: торгово-экономическое сотрудничество; потенциал; товарооборот; экспорт; импорт; инвестиции; перспективы развития.

POTENTIAL OF TRADE AND ECONOMIC COOPERATION BETWEEN CHINA AND BELARUS: ASSESSMENT AND DEVELOPMENT

I.V.Stefanovitch

Belarusian state University, 20 Leningradskaya str., 220030, Minsk, Belarus

The introduction emphasizes the high interest of Belarus and China in building and deepening trade and economic cooperation, which is due to the presence of underutilized potential in this area. It also identifies General theoretical aspects of the study of the potential of trade and economic cooperation of the countries. The object of the study is the potential of trade and economic cooperation. The purpose of the study is to identify opportunities for fuller realization of the potential of trade and economic cooperation between China and Belarus. The main part of this article presents the results of the analysis and assessment of the development of trade and economic potential between Belarus and China. The analysis of the structure of foreign trade between the two countries revealed the features and trends of its development, which allowed to characterize the model of the Belarusian economy as import-dependent. There is also a weak diversification of trade and economic relations between the Republic of Belarus and China. The final part of the article outlines the prospects and priorities for the development of trade and economic cooperation between the two countries in order to increase the degree of realization of the potential associated with it.

Key words: trade and economic cooperation; potential; trade turnover; exports; imports; investments; development prospects.

Задача организации эффективного внешнеэкономического взаимодействия тесным образом связана с проблемой реализации потенциала торгово-экономического сотрудничества взаимодействующих стран.

Торгово-экономическое сотрудничество между КНР и Республикой Беларусь является одним из важнейших внешнеэкономических стратегических приоритетов развития белорусской экономики. Значительная заинтересованность Беларуси и Китая в наращивании и углублении торгово-экономического сотрудничества обусловлена наличием недоиспользованного потенциала в данной сфере.

С учетом изученных и обобщенных научных подходов к определению понятия потенциала торгово-экономического сотрудничества между странами нами видится, что он представляет собой совокупность ресурсов и экономических возможностей, которые могут быть использованы в совместной внешнеэкономической деятельности для достижения поставленных целей. Потенциал торгово-экономического сотрудничества отражает собой обобщенную количественно-качественную оценку имеющихся ресурсов и возможностей, которыми располагает страна и которые могут быть использованы для обеспечения ее устойчивого экономического и социального развития.

Структура потенциала торгово-экономического сотрудничества включает в себя следующие блоки:

– условия формирования потенциала торгово-экономического сотрудничества, к которым относятся глобализация, интеграция, интернационализация;

– условия функционирования потенциала торгово-экономического сотрудничества, к которым относятся ресурсное, информационное, организационное и правовое обеспечение;

– направления использования потенциала, а именно: внешняя торговля, миграция капитала, научно-технический обмен, миграция рабочей силы, валютно-финансовые отношения и др.

– источники развития потенциала, а именно: инвестиционные, технологические, научные, экономические, социальные.

Все эти составляющие потенциала торгово-экономического сотрудничества обуславливают характер достижения поставленных целей с определенной выгодой для взаимодействующих стран.

В основе анализа потенциала торгово-экономического сотрудничества лежит, прежде всего, баланс импортно-экспортных операций. В ходе проведенного анализа потенциала торгово-экономического сотрудничества между Республикой Беларусь и КНР было выявлено, что на данный момент он далеко не полностью себя реализовал.

На протяжении более, чем 15 лет, в целом отмечается положительная динамика развития белорусско-китайской торговли товарами, о чем можно судить по тому факту, что взаимный товарооборот в период с 2005-2016 гг. вырос более чем в 3,6 раза. Однако за 2016 г. товарооборот Беларуси и Китая снизился до 81,8 %, объем белорусского экспорта – до 60,5 %, импорта – до 88,7 % по отношению к уровню 2015 г.

Кроме того, необходимо отметить, что, начиная с 2006 по 2018 гг. наблюдается устойчиво отрицательное и все возрастающее сальдо внешней торговли товарами между РБ и КНР. Это вызвано существенным превышением темпов роста импорта по сравнению с темпами роста экспорта (см. таблицу) :

Таблица

Рост товарооборота, экспорта и импорта между РБ и КНР за период 2006-2018 гг., количество раз

Темп рост взаимного товарооборота	Темп роста экспорта	Темп роста импорта
3,8	1,2	5,7

Источник: собственная разработка на основе [1]

Что касается структуры белорусского экспорта в КНР, то он преимущественно сырьевой: на протяжении длительного периода важнейшей статьёй экспорта остаются калийные удобрения (более 60% всего товарного экспорта), что говорит о крайне высокой зависимости белорусского экспорта в Китай от складывающейся конъюнктуры на мировом рынке одного продукта – калийных удобрений. Также в сырьевом экспорте Беларуси высокий удельный вес занимают сырьевые товары химической промышленности и растениеводства. Вместе с тем в последние годы в торговом сотрудничестве с Китаем отмечается положительная динамика, связанная с изменением структуры белорусского товарного экспорта: расширяется товарная номенклатура за счет продукции отраслей обрабатывающей промышленности, возрастает торговля сельскохозяйственной продукцией и продуктами питания (в частности, молочной и мясной продукцией), снижается зависимость от экспорта сырьевых товаров и нефтехимии. Тем не менее, можно констатировать, что относительно невысокий не сырьевой экспорт в Китай связан с низкой инновационностью белорусских товаров (согласно отчета Всемирной организации интеллектуальной собственности, в рейтинге стран мира в 2019 году Республика Беларусь по глобальному индексу инноваций занимала 72 место среди 129 стран ми-

ра, в то время, как КНР находился на 14 позиции по данному индексу [2]). Главные барьеры для не сырьевого экспорта Беларуси в Китай – высокая конкуренция в ценовом сегменте, нарастающее технологическое отставание и ухудшающееся финансовое состояние белорусских экспортеров. Это, в свою очередь, демонстрирует определенные трудности в реализации задач диверсификации экспорта в китайском направлении.

В свою очередь, в структуре нашего импорта из Китая преобладают аппаратура связи и запчасти к ней (около 70%), вычислительные машины для автоматической обработки информации, части и принадлежности для автомобилей и тракторов и др. Поставки комплексного оборудования осуществляются преимущественно в рамках инвестиционных проектов, финансируемых за счет китайских кредитов.

Кроме торговли товарами, между КНР и Республикой Беларусь развивается торговля услугами. В последние годы взаимный товарооборот услугами между странами имеет неустойчивую динамику. Так, за период 2014-2017 гг. товарооборот услуг снизился на 32,2 %. Вместе с тем следует отметить, что в 2018 г. он вырос до 930,2 млн. долл. США или на 17,0% по сравнению с 2017 годом. Наибольший удельный вес в структуре взаимного товарооборота услугами занимают деловые услуги (85-88 % всего товарооборота услугами).

Относительно поступлений китайских инвестиций в белорусскую экономику можно отметить недостаточный уровень как общего объема (их доля колеблется в пределах 3% от общего объема иностранных инвестиций), так и объема ПИИ (около 1,6% от их общего объема поступлений в белорусскую экономику), и преимущественным привлечением кредитных ресурсов.

Итак, по результатам проделанного анализа степени реализации потенциала торгово-экономического сотрудничества между РБ и КНР следуют отметить, что он реализован в незначительной степени: доля Китая в товарообороте Республики Беларусь составляет порядка 5%, в то время, как доля РБ в товарообороте Китая менее 0,1%. В торговле Республики Беларусь с Китаем значительно превалирует импорт (так, в 2018 г. доля импорта во взаимном товарообороте составила 86,7 %, экспорта – 13,3 %). Данный факт характеризует импортозависимую модель экономики Беларуси во взаимоотношениях с КНР. Кроме того, отмечается достаточно слабая диверсифицированность белорусского экспорта и импорта товаров и услуг.

Важнейшими элементами институционального механизма и связанными с ними условиями реализации потенциала торгово-экономического сотрудничества Республики Беларусь и КНР выступают:

- подписание двухсторонних соглашений в области торгово-экономического сотрудничества;
- подписание соглашений о создании совместных предприятий и производственной кооперации;
- реализация комплекса мер по совместному продвижению концепции «Один пояс, один путь» между правительствами Беларуси и КНР;
- заключение меморандумов о сотрудничестве между министерствами двух стран;
- дальнейшее развитие инвестиционно-кредитного сотрудничества, в том числе благодаря созданию Китайско-белорусского инвестиционного фонда;
- создание дорожных карт сотрудничества на долгосрочную перспективу;
- координация действий двух стран в области тарифного и нетарифного регулирования;
- упрощение условий взаимной торговли путем заключения торговых соглашений в рамках ЕАЭС;

- обеспечение необходимых институциональных, инфраструктурных и организационных условий выполнения совместных белорусско-китайских инвестиционных проектов;

С учетом взаимных интересов стран-участниц и более полной реализации потенциала их торгово-экономического сотрудничества, можно выделить следующие перспективные его направления:

- увеличение объемов двусторонней торговли и расширение ассортимента взаимного экспорта и импорта;

- углубление производственной кооперации, создание новых производств на основе передовых технологий и разработок,

- реализация крупных инфраструктурных проектов;

- наращивание сотрудничества стран в образовательной и научно-технической сфере, проведения совместных научных исследований и разработок;

- развитие межстранового сотрудничества в сфере туризма;

- развитие собственной дистрибьюторской сети и товарных сервисов, развитие электронной коммерции;

- интенсификация сотрудничества между регионами Беларуси и Китая (необходимо создавать и расширять представительства регионов Республики Беларусь в провинциях Китая; содействовать открытию китайских представительств в регионах Республики Беларусь; организовывать выставки, ярмарки и презентации в регионах) [3].

Вместе с тем можно выделить некоторые наиболее значимые направления реализации потенциала торгово-экономического сотрудничества Республики Беларусь и КНР в рамках инициативы «Один пояс – один путь» [4, 5], а именно:

- привлечение прямых китайских инвестиций в модернизацию белорусских предприятий, создание новых рабочих мест, разработку и реализацию совместных инновационных проектов в различных сферах. Так, в частности для Беларуси огромный практический интерес вызывают совместные проекты в области разработки и внедрения инновационных технологий для развития аквакультуры; стимулирование привлечения прямых инвестиций и реализация совместных инвестиционных проектов, связанных с выращиванием, хранением и глубокой переработкой зерна, масличных и овощных культур; специализированное мясное и молочное скотоводство; производство оборудования для молочной и мясной промышленности; разработка теплиц для производства овощей и др.

- совершенствование развития международных грузоперевозок, логистики и обеспечения свободы транзита. Геостратегическое положение Республики Беларусь довольно выгодно в осуществлении международных грузоперевозок по маршруту Китай – ЕС. На данный момент отмечается существование значительных резервов для увеличения поставок товаров из Беларуси в Китай, включая использование недогруженных поездов, покидающих ЕС;

Продвижение совместного внешнеэкономического сотрудничества обеих стран в обозначенных выше направлениях будет способствовать расширению не только торгового, но и производственно-инвестиционного, научно-технического сотрудничества. Это позволит в значительной степени скорректировать структуру экспортно-импортных потоков в сторону наукоемких видов товаров и услуг, обеспечивая их диверсификацию, способствуя тем самым повышению качества такого сотрудничества и более полной реализации торгово-экономического потенциала взаимодействия Беларуси с КНР.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ:

1. Внешняя торговля Республики Беларусь : Стат. сборник, 2019 / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by/upload/iblock/55b/55bc63bcb7c590ea3f01ff3ab0fc9714.pdf> – Дата доступа: 16.10.2019.
2. Рейтинг стран по индексу инноваций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nonews.co/directory/lists/countries/global-innovation-index>. – Дата доступа: 17.10.2019г.
3. Данилюк, Е. С. Основные направления сотрудничества Республики Беларусь с Китайской Народной Республикой / Е. С. Данилюк, С. Г. Заливако // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D: Экономические и юридические науки. – 2018. – № 5.
4. Го, Шухун. Экономические факторы, определяющие потенциал участия Беларуси в проекте Китая «Один пояс – Один путь» / Шухун Го, Г. В. Турбан, Ф. И. Юсубов // Вестник Гродненского гос. ун-та им. Я. Купалы. – Сер. 5. – 2018. – № 1.
5. Яо, Цзяхуэй. Беларусь и КНР: торгово-экономическое сотрудничество в контексте реализации стратегии «Экономический пояс Шелкового пути» / Яо Цзяхуэй // Журнал международного права и международных отношений. - 2017. - № 1-2 (80-81).

О НЕКОТОРЫХ ОБЩЕМИРОВЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В ГОСУДАРСТВЕННОМ ПРОГРАММИРОВАНИИ РАЗВИТИЯ СЕКТОРА ИКТ НА НАЦИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Л.А. Федотов

*Научно-исследовательский экономический институт Министерства экономики
Республики Беларусь, г. Минск, ул. Славинского, 1, fiadot@tut.by*

Цифровая трансформация (цифровизация) является одним из ключевых процессов, влияющих на развитие национальных экономик и мировой экономики в целом. При этом весьма значимым представляется вопрос о степени влияния государств на ход данного процесса. В данной статье предпринимается попытка определить основные тенденции, связанные с применением в отношении сектора информационно-коммуникационных технологий такой формы государственного регулирования и управления социально-экономическими процессами, как экономическое программирование.

Ключевые слова: цифровая трансформация, экономическое программирование, ИКТ.

ABOUT SOME WORLDWIDE TRENDS IN STATE DEVELOPMENT PROGRAMMING ICT SECTORS AT NATIONAL LEVEL

L.A. Fedotov

*Research Institute of Economics, Ministry of Economy of the Republic of Belarus,
Minsk, str. Slavinsky, 1*

Digital transformation (digitalization) is one of the key processes affecting the development of national economies and the global economy as a whole. At the same time, the question of the degree of influence of states on the course of this process seems very significant. This paper attempts to identify the main trends associated with the application of the form of state regulation and management of socio-economic processes, such as economic programming, to the information and communication technology sector.

Key words: digital transformation, economic programming, ICT.

Вопросы разработки и реализации документов, посредством которых осуществляется экономическое программирование развития Сектора ИКТ в зарубежных странах (далее – программные документы) до настоящего времени не становились предметом отдельных научных публикаций. За рубежом соответствующая

деятельность государств анализируется преимущественно в рамках подготовки секретариатами международных организаций (ООН, Международный союз электросвязи (МСЭ), ЕС) статистических изданий и отчетов. При этом национальные практики государственного программирования освещаются в них преимущественно в описательном ключе при рассмотрении государственной политики в области ИКТ отдельных государств. Практика государственного программирования развития Сектора ИКТ получила некоторое освещение в некоторых научных публикациях, в которых затрагивалось содержание действующих в Республике Беларусь и некоторых зарубежных странах программных документов, но без их общего сравнительного анализа [1].

Таким образом, данная статья содержит научную новизну, прежде всего в отношении представленной автором классификации основных мероприятий, содержащихся в программных документах зарубежных стран, а также важнейших инструментов по их реализации. Актуальность темы статьи связана с проводимой в Республике Беларусь работой по подготовке проектов программных документов, определяющих национальные приоритеты развития ИКТ на период до 2025 г. и на перспективу до 2035 г. Настоящую публикацию следует рассматривать в качестве первого обращения к исследованию практик государственного программирования, поскольку ряд его аспектов требует детального освещения.

По состоянию на 2018 г. экономическая деятельность, относящаяся к сектору ИКТ, являлась объектом государственного программирования в преобладающем большинстве стран мира. Согласно данным МСЭ и ЮНЕСКО, из 195 стран, охваченных обзором национальной политики в области развития широкополосной инфраструктуры передачи данных, официальные документы, определяющие политику в отношении сектора ИКТ, не были разработаны лишь в 34 государствах (17% от общего числа) [5]. К их числу относятся некоторые наименее развитые страны, страны с нестабильной внутривнутриполитической обстановкой, большинство карликовых государств, а также отдельные государства Центральноазиатского региона (в частности, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан). При этом в большинстве данных стран государственное программирование развития Сектора ИКТ все же осуществляется в рамках общеэкономических стратегических документов и (или) ведомственных программ деятельности уполномоченных органов государственного управления в области ИКТ.

Поскольку документы программного характера действуют в странах, занимающих как высшие (Исландия, Республика Корея, Швейцария), так и низшие позиции (Бурунди, Центральноафриканская Республика, Чад) в рейтингах уровней развития ИКТ, подготавливаемых международными организациями, очевидно, что сам факт их разработки в определенном государстве не имеет существенного влияния на динамику развития Сектора ИКТ в национальных экономиках.

Рассмотренные автором программные документы весьма разнообразны по форме. Так, 18 из 55 рассмотренных автором документов именуется стратегиями, 14 – планами, 6 – программами, 3 – докладами, по 2 документа – соответственно повестками и концепциями. Также отдельные программные документы носят наименование дорожной карты, проекта, документа для обсуждения, белой книги, направлений стратегических действий. Независимо от формы, в которой получили выражение положения программных документов, большинство из них соответствует особенностям системы индикативного планирования с ее следующими характерными признаками: преимущественно рекомендательным характером; близительностью плановых цифр, служащих самыми общими ориентирами; воздействием на поведение агентов общественного производства посредством экономического (не административного) побуждения и в форме контрактов [2, С. 345 – 346]. Это обусловлено приданию рыночным силам значения основного фактора

развития ИКТ. Механизмам же государственного управления и регулирования отводится вспомогательная роль.

Для практики государственного планирования развития Сектора ИКТ в целом не характерна разработка всеобъемлющих программных документов, в которых определялись бы как его задачи и цели, так и подробно прорабатывались бы меры по их выполнению, а также показатели, характеризующие ход их реализации. Наиболее распространенной на национальном уровне практикой является подготовка стратегического документа в отношении Сектора ИКТ в целом, при этом в ряде случаев (яркий пример – цифровая повестка Нидерландов на 2016 – 2020 гг.). Подобный документ встраивает уже действующие либо намечаемые программы и проекты в систему общих задач и целей развития Сектора ИКТ и национальной экономики [4]. По конкретным направлениям развития ИКТ, рассматриваемых государством в качестве приоритетных, имеет место практика разработки отдельных программных документов. Их объектами, как правило, выступают: развитие инфраструктуры широкополосных сетей передачи данных, внедрение ИКТ в отраслях экономики, а также совершенствование систем информационной безопасности. Конкретные мероприятия, направленные на развитие Сектора ИКТ, а также показатели, характеризующие ход их выполнения, чаще всего содержатся преимущественно в программных документах более узкой тематической направленности либо в проектах, обеспечивающих выполнение программных документов. В документах же, определяющих общие направления развития ИКТ на национальном уровне, как правило, устанавливается перечень задач, подлежащих достижению к истечению периода планирования. Иногда данным задачам придается количественное выражение.

Общее число взаимосвязанных программных документов, объединенных общестратегическим документом, может быть достаточно велико. Например, в Австрии с Цифровой дорожной картой связана разработка порядка 15 программных документов по отдельным аспектам развития Сектора ИКТ национальной экономики [3]. При этом за 2016 – 2017 гг. Австрия поднялась на три места (с 24-го на 21-е) в международном рейтинге стран, определяемом по значениям рассчитываемого МСЭ индекса развития ИКТ. Можно утверждать, что централизация экономического программирования в форме разработки единого всеобъемлющего документа, определяющего все аспекты развития ИКТ, меры, обеспечивающие данное развитие, а также показатели, характеризующие ход его реализации, не является универсальным фактором успешного развития услуг ИКТ.

Особенностью экономического программирования в Беларуси, Казахстане и России как государствах, составляющих ядро ЕАЭС, является высокая степень централизованности и иерархичности, что само по себе нельзя рассматривать ни как преимущество, ни как препятствие для развития услуг ИКТ в этих странах. Вместе с тем, для обеспечения конкурентоспособности стран этой группы на мировом рынке услуг ИКТ важно обеспечить возможность систематической корректировки программных документов не только в части обновления перечня мероприятий по их выполнению, но и в плане актуализации содержания направлений развития деятельности по оказанию услуг ИКТ.

По итогам сравнительного анализа программных документов, действующих в 35 странах мира, автором выделены 55 основных видов мероприятий, направленных на развитие Сектора ИКТ. По своему назначению, по мнению автора, они могут быть классифицированы по следующим шести группам. К первой группе отнесены мероприятия, направленные на расширенное внедрение ИКТ в отраслях национальной экономики и социальной сферы (кратко их можно именовать мерами по развитию цифровой экономики), ко второй – мероприятия, направленные на расширенное внедрение ИКТ в сфере государственного управления (в ряде стран

к этой сфере относят не только деятельность, осуществляемую непосредственно органами государственного управления, но и такие виды деятельности, в осуществлении которых решающее значение принадлежит государству, в частности образование, здравоохранение и социальное обеспечение), к третьей – меры, направленные на поддержку развития экономической деятельности в секторе ИКТ, к четвертой – мероприятия, направленные на развитие инфраструктуры передачи и обработки информации, к пятой – меры по совершенствованию национальных систем информационной безопасности и повышению цифрового доверия, к шестой – сквозные мероприятия, такие как совершенствование законодательства, развитие цифровых компетенций и рост цифровой грамотности, стимулирование фундаментальных и прикладных исследований, создание благоприятных условий для увеличения притока инвестиций, повышение осведомленности потенциальных пользователей технологий и услуг, обеспечение условий для добросовестной конкуренции на национальном рынке.

Обращаясь к практике государственного планирования Сектора ИКТ в Беларуси, Казахстане и России, можно констатировать, что шесть групп мероприятий, выделенных автором, содержатся в паспорте государственной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» и плане мероприятий по реализации Государственной программы «Цифровой Казахстан». Что же касается мероприятий подпрограмм Государственной программы развития цифровой экономики и информационного общества на 2016 – 2020 годы Республики Беларусь, необходимо отметить, что меры, выполняемые в рамках подпрограммы 3 «Цифровая трансформация», в основном ограничены проектами отдельных органов государственного управления и подчиненных им организаций. Среди предусмотренных мероприятий – крайне мало мер, направленных на повышение цифровых компетенций и цифровой грамотности (они ограничиваются уровнем общего среднего образования и в большей степени ориентированы на повышение цифровой грамотности, а не развитие профессиональных цифровых компетенций и профориентацию). В них не содержится мер, направленных на поддержку развития экономической деятельности в Секторе ИКТ, кроме выделения бюджетных средств для целей реализации отдельных мероприятий, а также на совершенствование системы информационной безопасности, за исключением ведомственных мероприятий технического характера. Работа по данным направлениям в Республике Беларусь оказалась как бы вынесенной за рамки экономического программирования и осуществляется в форме выполнения актов законодательства в области защиты информации, а также регулирующих деятельность Парка высоких технологий.

Автор полагает возможным выделить восемь основных инструментов, посредством которых предусматривается реализация программных документов:

- разработка нормативных правовых актов;
- осуществление мер государственного регулирования экономической деятельности в области ИКТ, включающие, в частности, разрешительные процедуры, распределение радиочастотного и номерного ресурсов, подтверждение соответствия;
- разработка планов мероприятий, «дорожных карт», проектов;
- мобилизация инициативы субъектов частного сектора экономики, а также обеспечение налаживания и укрепления взаимодействия государственных органов, бизнеса и, в ряде стран, также научных и образовательных учреждений;
- финансирование;
- инструменты фискального характера в форме снижения налогов либо компенсации части налоговых обязательств для отдельных категорий субъектов экономической деятельности;

- защита и продвижение интересов производителей товаров и услуг, относящихся к Сектору ИКТ, на мировом рынке;
- меры прямого действия уполномоченных государственных органов.

Сравнительный анализ действующих программных документов Беларуси, Казахстана и России свидетельствует, по мнению автора, о том, что в наиболее полной мере вышеперечисленные инструменты представлены в Государственной программе «Цифровой Казахстан». В проектах программных документов развития ИКТ в Республике Беларусь представляется необходимым предусмотреть повышение значения взаимодействия государства и бизнес-сообщества и расширение числа форм для такого взаимодействия. В частности, заслуживает широкого использования опыт создания инновационных платформ (площадок) по направлениям расширенного внедрения ИКТ в отраслях национальной экономики и социальной сферы.

При подготовке программных документов в наиболее развитых в отношении развития ИКТ странах, например, в Республике Корея, широко используется SWOT-анализ [6]. Он позволяет сосредоточить ресурсы, предусматриваемые для целей их выполнения, на сокращении слабых сторон и минимизации угроз. В качестве универсальной тенденции можно также отметить стремление к повышению мультипликативного эффекта мероприятий программных документов для экономики за счет преодоления узковедомственных подходов. Так, мероприятия, направленные на расширенное внедрение ИКТ в сфере государственного управления, разрабатываются таким образом, чтобы их выполнение создавало дополнительные стимулы для роста Сектора ИКТ. Можно с уверенностью утверждать, что наибольший общеэкономический эффект приносят такие программные документы, при подготовке была подготовлена глубокая системная оценка возможных последствий содержащихся в них мероприятий, которая дала возможность минимизировать негативные за счет иных мер. Образцом такого подхода является намеченная к 2023 г. в стратегическом плане Сингапура «Цифровое государство» переподготовка 20 тысяч сотрудников государственных организаций, должности которых высвобождаются в связи с автоматизацией их функций, по специальностям, связанным с анализом и обработкой данных [7]. Три отмеченные тенденции заслуживают внимания и учета при разработке в Республике Беларусь программного документа, определяющего цели, задачи и приоритетные направления развития сектора ИКТ на очередной среднесрочный период.

Срок выполнения 28 из 55 действующих программных документов, рассмотренных автором, завершается в 2019 – 2020 гг. Какими видятся дальнейшие приоритеты в государственном планировании развития сектора ИКТ? В разделе, посвященном обеспечению готовности ЕС к функционированию в условиях цифровой эпохи, предвыборной программе вновь избранной председателя Европейской комиссии У. фон дер Ляйен, в качестве приоритетных направлений названы: привлечение инвестиций во внедрение блокчейна, суперкомпьютеров, квантовых компьютеров, новых решений для обмена и пользования данными. Особо выделены задачи по разработке стандартов для сетей сотовой связи пятого поколения (5G), а также достижения технологической независимости в наиболее важных областях ИКТ. Наряду с мерами по цифровизации экономики государств ЕС, не менее значительное место в планах председателя Европейской комиссии в отношении Сектора ИКТ занимает укрепление информационной безопасности и цифрового доверия. Представляется вероятным, что основные направления государственного планирования развития Сектора ИКТ в технологически передовых странах в среднесрочной перспективе будут в значительной степени идентичны намеченным в ЕС. Следует ожидать, что на долгосрочную перспективу важнейшим объектом государственного планирования станет внедрение в различных от-

раслях экономики, социальную сферу и сферу государственного управления систем искусственного интеллекта, которые постепенно инкорпорируют ИКТ.

На основе вышеизложенного можно утверждать, что мероприятия, содержащиеся в 55 программных документах, посредством которых осуществляется планирование развития сектора ИКТ в 35 странах мира, в значительной степени идентичны. То же относится и к инструментам государственной политики, обеспечивающим выполнение данных мероприятий. Вместе с тем, перечень мероприятий, предусматриваемых для реализации в определенной стране, целесообразно намечать, исходя из устранения имеющихся слабых сторон и рисков для развития Сектора ИКТ на национальном уровне, преодолевая ведомственный подход при их разработке и применяя системную оценку их возможных последствий. При этом должна обеспечиваться возможность оперативной корректировки приоритетов развития Сектора ИКТ и мероприятий, предусмотренных в программных документах, если этого требуют задачи развития национальной экономики и укрепления ее конкурентоспособности на мировом рынке.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Цифровая экономика — шанс для Беларуси: монография / М. М. Ковалев, Г. Г. Головенчик. – Минск : Издательский центр БГУ, 2018. – 327 с.
2. Экономическая энциклопедия : Политическая экономия : [4 т.] / Гл. ред. А. М. Румянцев. – Москва : Советская энциклопедия, 1972 – (Энциклопедии. Словари. Справочники. Науч.-ред. совет: А. М. Прохоров (пред.) и др./ Отд-ние экономики АН СССР). – т. 3: Н - Социологическая школа. – 1979. – 623 с.
3. Federal Chancellery and Federal Ministry of Science, Research and Economy. Digital Roadmap Austria. URL: https://www.digitalroadmap.gv.at/fileadmin/downloads/digital_road_map_broschuere_eng.pdf
4. Ministry of Economic Affairs and Climate Policy. Dutch Digitalisation Strategy. URL: <https://www.government.nl/documents/reports/2018/06/01/dutch-digitalisation-strategy>
5. ITU, UNESCO. Broadband Commission for Sustainable Development. Annex 1: Target 1 – List of National Broadband Policies, 2018. URL: <https://www.broadbandcommission.org/Documents/Policy%20Section%20Documents/BRoadbandPolicies2018.pdf>
6. Minister of Science, ICT and Future Planning. Mid- to Long-Term Master Plan in Preparation for the Intelligent Information Society. Managing the Fourth Industrial Revolution URL: [www.msip.go.kr > msse56 > Master Plan for the intelligent information society](http://www.msip.go.kr/msse56/MasterPlanfortheintelligentinformationsociety)
7. Smart Nation and Digital Government Office. Smart Nation: The Way Forward. Executive Summary. URL: https://www.smartnation.sg/docs/default-source/default-document-library/smartnation-strategy_nov2018.pdf

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОПЫТА ЯПОНИИ И СИНГАПУРА ПО ПРИВЛЕЧЕНИЮ ИНВЕСТИЦИЙ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Л. А. Климович¹⁾, Д. И. Скороходова²⁾

*¹⁾ Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская, 20, 220030, г. Минск, Беларусь, l.klimovich@mail.ru*

*²⁾ Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская, 20, 220030, г. Минск, Беларусь, di.skorokhodova@gmail.com*

Проблемы, связанные с движением инвестиционных потоков в мировой экономике и политикой государств, обеспечивающей эффективность притока капитала в национальную экономику и условия привлекательности страны для размещения иностранных инвестиций, остаются по-прежнему в центре внимания научных исследований. В данном исследовании

рассмотрены базовые характеристики и особенности опыта привлечения иностранных инвестиций в экономику Японии и Сингапура и возможности его применения для улучшения инвестиционной привлекательности Республики Беларусь.

Ключевые слова: инвестиционная политика; прямые иностранные инвестиции; привлечение ПИИ.

COMPARATIVE ANALYSIS OF JAPAN AND SINGAPORE INVESTMENT EXPERIENCE AND ITS VALUE FOR THE REPUBLIC OF BELARUS

L. A. Klimovich^{a)}, D. I. Skorokhodova^{b)}

^{a)} Belarusian State University, str. Leningradskaya, 20, 220030, Minsk, Belarus

^{b)} Belarusian State University, str. Leningradskaya, 20, 220030, Minsk, Belarus

Corresponding author: L. A. Klimovich (l.klimovich@mail.ru)

Problems connected with the movement of investment flows in the global economy and state policies that ensure the effectiveness of capital inflows into the national economy and the attractiveness of the country for foreign investments remain the focus of scientific research. This research examined the main characteristics and features of the experience of attracting foreign investment in the economy of Japan and Singapore and the possibility of its application to improve the investment attractiveness of the Republic of Belarus.

Key words: investment policy; foreign direct investments; attracting of FDI.

Привлечение прямых иностранных инвестиций является важнейшей задачей для развития экономики Республики Беларусь. Приток инвестиций способствует модернизации промышленности, диверсификации внешнеэкономической политики, положительно влияя на платежный баланс и объемы экспорта. Таким образом, актуальность проблемы обусловлена необходимостью роста притока прямых иностранных инвестиций с использованием опыта зарубежных стран.

Японская инвестиционная модель является примером того, как страна, являясь крупнейшим мировым лидером и крупнейшей страной-кредитором, испытывает трудности в привлечении прямых иностранных инвестиций, т.к. является закрытой от внешних партнеров.

Объем притока ПИИ в Японию составил 149 млн. долл. США в 2017 году. Масштабы привлечения ПИИ в страну абсолютно не соответствуют ее экономическому потенциалу и размерам рынка, о чем свидетельствует значение индекса привлеченных ПИИ в % к ВВП (0,4% в 2017 году). Таким образом, на современном этапе можно говорить о неполной вовлеченности Японии в международные экономические процессы. Изменение данного положения происходит за счет внедрения нового курса – абэномики, одной из задач которой является достижение удвоенного уровня ПИИ в японскую экономику к 2020 г. (332 млрд. долл. США) [1].

Абэномика ставит перед собой задачу превращения страны в инвестиционный «бизнес-хаб». Чтобы не допустить однобокого развития в стране были созданы шесть Национальных специальных стратегических зон, каждая из которых направлена на привлечение инвестиций в конкретную отрасль (международной бизнес и инноваций, туристическая сфера, сельское хозяйство, стимулирование занятости) [1].

Сингапур, в противоположность Японии, является лидером по привлечению ПИИ, его опыт социально-экономического развития является одним из самых уникальных в мировой истории: за короткое время Сингапур изменил негативные тенденции и обеспечил устойчивый экономический рост.

Экономическая модель Сингапура представляет собой развитую рыночную систему, которая базируется на экспорте продукции (в частности, в таких отрас-

лях как информационные технологии, финансовые услуги, фармацевтика, бытовая электроника), обеспечении максимальной открытости страны и активном привлечении иностранных инвесторов.

Сингапур имеет высокое значение по показателю отношения накопленных прямых инвестиций к ВВП (19,6% в 2017 году), при этом объем притока ПИИ составил 82 млрд. долл. США в 2018 году [2].

Современная инвестиционная политика Японии и Сингапура ориентирована на либерализацию и стимулирование инвестиций. Однако, следует отметить, что ввиду различий между странами по экономическим, политическим и социальным составляющим, страны характеризуются наличием множества различий в приоритетах и инструментах проводимой инвестиционной политики. Основные характеристики инвестиционной политики этих стран представлены в таблице 1.

Таблица 1

Основные характеристики инвестиционной политики Японии и Сингапура

Критерий	Направление стимулирования	Описание	Страны
Информационное обеспечение инвестиционной деятельности	Платформы «Contant Singa-pore», Invest Japan	Сопровождение иностранных инвесторов по принципу «одного окна», установление контактов с государственными органами, оформление необходимых документов	Сингапур, Япония
	Наличие инвестиционного омбудсмена	защита прав и интересов инвесторов, рассмотрение проблемных вопросов инвестиционной деятельности	Сингапур, Япония
Финансовое стимулирование	Программа начинающего пред-принимателя	Государство выделяет до 7 сингапурских долл. на каждые 3 вложенные инвестором	Сингапур
Налоговая политика	Программа налоговых вычетов для бизнес-ангелов	Возвращение до 50% налоговых вычетов на инвестиции, вложенные в развитие новых бизнес-проектов	Сингапур
	Налог на прибыль	17% (доход свыше 300 тыс. сингапурских долл.) 9% (при доходе ниже)	Сингапур
	Корпоративный налог	Снижение до 20%	Япония
Банковский сектор	Льготное кредитование	Кредиты по пониженным ставкам на приобретение производственного оборудования	Сингапур, Япония
Ограничительные меры инвестирования	Регулирование сфер инвестирования	Ограничение доступа инвесторов в авиатранспорт, коммунальные услуги, судоходство	Сингапур
		Ограничение доступа инвесторов в сферы транспорта и телекоммуникаций	Япония

Критерий	Направление стимулирования	Описание	Страны
Создание особых экономических зон	Национальных специальных стратегических зон	Привлечение инвестиций в международную бизнес и инновации, туристическую сферу, сельское хозяйство, стимулирование занятости	Япония
	СЭЗ	«Точечные» зоны промышленного производства, ориентированные на экспорт	Сингапур
Правовое регулирование инвестиционной деятельности	Облегчение условий инвестирования, сокращение длительности процедур	Сокращение времени регистрации бизнеса до одного часа и документов, необходимых для таможенных процедур на 60%	Сингапур, Япония
Сглаживание национальных особенностей	Закон о компаниях	Ликвидация устоявшейся системы пожизненного найма	Япония

Примечание: собственная разработка на основе [1, 2]

Таким образом, инвестиционную политику данных стран можно охарактеризовать как политику максимального благоприятствования притоку иностранных инвестиций в различные сектора экономики. Страны способствуют либерализации инвестиционного режима, сокращению трудоемкости административных процедур, упрощению налогового законодательства, созданию налоговых льгот и преференций для иностранных инвесторов, обеспечению защиты прав инвесторов, повышению прозрачности и доступности информации в данной сфере.

Для оценки эффективности инвестиционной политики Республики Беларусь, прежде всего, необходимо оценить динамику притока инвестиций. В промежутке с 2010 г. по 2017 г. произошло повышение инвестиций в реальный сектор экономики более, чем в 3,5 раза, при этом доля иностранных инвестиций в 2017 году составила всего 7,5 %. На протяжении последних трех лет наблюдается тенденция сокращения ПИИ с 15084,4 млн. долл. США до 9728,5 млн. долл. США или на 35,5 % [3,4].

Важным является определение круга отраслей, куда в основном производится инвестирование. В отчетном 2017 году наибольший приток инвестиций в такие отрасли как: торговля (43,0 %), транспортная деятельность и складирование (21,3 %), обрабатывающая промышленность (20,4 %), а также информация и связь (5,0 %). При этом важно подчеркнуть трансформацию структуры поступающих инвестиций по видам экономической деятельности (здесь происходит рост инвестиций в торговлю и связь, сокращение инвестиций в производство и транспортную деятельность). Отмеченное изменение структуры показывает еще одну негативную сторону – вложение в отрасль (торговля), не способствующую привлечению в страну новых технологий и развитию человеческого капитала. Сложившаяся ситуация требует поиска дополнительных комплексных мер по улучшению инвестиционного имиджа страны, включая финансовые, правовые, общеэкономические, политические, налоговые и другие направления. Опыт Японии и Сингапура содержит интересные для белорусской инвестиционной политики подходы и конкретные инструменты, позволяющие увеличить приток инвестиций.

Опыт Японии представляет интерес для Республики Беларусь в вопросе создания специальных региональных зон, каждая из которых направлена на привлечение инвестиций в конкретную отрасль, не допуская при этом концентрации инвестиций в одной точке страны. В Республике Беларусь СЭЗ не имеют четкой отраслевой ориентации. Следовательно, на основе опыта Японии как вариант реформирования СЭЗ возможен переход от пространственной к отраслевой специализации (определение таких стратегических отраслей, как автомобилестроение, обработка древесины, инновации).

Опыт Сингапура по привлечению иностранных инвестиций является уникальным, но его имплементация в Республике Беларусь представляется затруднительной в силу ряда исторических, географических и конъюнктурных моментов. Однако интерес представляет прозрачная система взаимодействия государства и бизнеса, меры эффективной поддержки бизнес-инвестиций в приоритетные сферы национальной экономики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Asia-Pacific Trade and Investment Report. Recent Trends and Developments. Основные положения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.unescap.org/sites/default/files/APTIR-Executive-Summary-Russian.pdf>. – Дата доступа: 02.10.2019.

2. United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD). World Investment Report 2016 [Electronic resource] / The United Nations. – New York and Geneva, 2016. – Mode of access: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2016_en.pdf. – Date of access: 01.10.2019.

3. Результаты инвестиционной политики // Министерство экономики // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

4. Финансы Республики Беларусь (2018): статистический сборник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2018. – 257 с.

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ ПРЕДПРИЯТИЙ БЕЛАРУСИ: СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ

Л. В. Хмурович

*Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская, 20, 220030, г. Минск, Беларусь, khmurovich@bsu.by*

Охарактеризовано состояние внешней торговли товарами Республики Беларусь и дана оценка внешнеэкономической активности промышленных предприятий республики. Также проанализированы основные формы, в которых реализуется внешнеэкономическая деятельность промышленных предприятий, и выявлены важнейшие факторы, препятствующие ее развитию.

Ключевые слова: экспорт; импорт; внешнеэкономическая деятельность.

EXTERNAL ECONOMIC ACTIVITY OF BELARUSIAN ENTERPRISES: STATE AND PROBLEMS

L. V. Khmurovich

Belarusian State University, Leningradskaya street, 20, 220030, Minsk, Belarus

The state of foreign trade in goods of the Republic of Belarus is characterized and the assessment of foreign economic activity of industrial enterprises of the republic is given. Also analyzed are the main forms in which the foreign economic activity of industrial enterprises is implemented, and the most important factors hindering its development are identified.

Key words: export; import; foreign economic activity.

Развитие внешнеторговых отношений и освоение новых рынков сбыта – залог успешного экономического развития Беларуси в условиях процессов глобализации в мировой экономике. О высоком уровне открытости белорусской экономики свидетельствует и география внешнеторговых отношений. Так, по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, в январе-июле 2019 г. были зарегистрированы экспортно-импортные операции со 191 страной мира. Товары поставлялись на рынки 166 государств, импортировалась продукция из 174 стран [1].

Основными торговыми партнерами республики в январе-июле 2019 г. являлись: Российская Федерация – 48,5% от всего объема товарооборота, Украина – 7,9%, Китай – 6%, Германия – 4,1%, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии – 4%, Польша – 3,8%, Литва – 2,1%, Нидерланды – 1,8%, Бразилия и Казахстан – по 1,4%, Соединенные Штаты Америки и Италия – по 1,3%, Турция – 1,2% [1].

Очевидно, что изучение внешнеэкономической активности является важным и актуальным направлением экономического анализа. Ежегодно дополнительный блок вопросов анкеты июльского конъюнктурного теста, проводимого Научно-исследовательским экономическим институтом Министерства экономики Республики Беларусь, посвящен различным аспектам внешнеэкономической активности промышленных предприятий. В 2019 г., как и в предыдущие годы, более 80% опрошенных руководителей ответили на вопросы внешнеэкономического блока, что также свидетельствует о высоком уровне открытости белорусской экономики [2].

Согласно статистическим данным, оборот внешней торговли товарами и услугами по методологии платежного баланса в январе-июле 2019 г. составил 46 825,4 млн. долларов США (98,3% к уровню января-июля 2018 г. из расчета в текущих ценах), в том числе экспорт – 23 623 млн. долларов (98,1%), импорт – 23 202,4 млн. долларов. (98,5%).

Сальдо внешней торговли товарами и услугами в январе-июле 2019 г. сложилось положительное в размере 420,6 млн. долларов (в январе-июле 2018 г. положительное сальдо составляло 528,4 млн. долларов) за счет торговли услугами.

Экспорт услуг в январе-июле 2019 г. составил 5 203,5 млн. долларов США (по методологии платежного баланса) и по сравнению с январем-июлем 2018 г. увеличился на 4,9%, импорт – 3 084,9 млн. долларов (увеличение на 2,8%). Сальдо сложилось положительное в сумме 2 118,6 млн. долларов (в январе-июле 2018 г. положительное сальдо составляло 1 959 млн. долларов).

Однако определяющее влияние на формирование общего стоимостного объема экспорта товаров и услуг оказывают внешнеторговые операции с товарами, доля которых в январе-июле 2019 г. составила 78% (услуги занимали 22%). Динамика товарного экспорта в январе-июле 2019 г. имела негативный характер, его объемы сократились по сравнению с аналогичным периодом прошлого года.

Согласно статистическим данным, оборот внешней торговли товарами (по методологии платежного баланса) в январе-июле 2019 г. составил 38 537 млн. долларов США, в том числе экспорт – 18 419,5 млн. долларов, импорт – 20 117,5 млн. долларов. Стоимостной объем экспорта по сравнению с январем-июлем 2018 г. в текущих ценах уменьшился на 3,7%, или на 709,4 млн. долларов, импорта – на 2,1%, или на 442 млн. долларов.

Сальдо внешней торговли товарами в январе-июле 2019 г. сложилось отрицательное в размере 1 698 млн. долларов (в январе-июле 2018 г. сальдо было также отрицательное и составляло 1 430,6 млн. долларов). Уменьшение стоимостного

объема экспорта в январе-июле 2019 г. было обусловлено падением как физических объемов, так и средних цен экспортируемых товаров. Стоимостные объемы импорта уменьшились за счет сокращения средних цен на импортируемые товары.

Сокращение экспорта в стоимостном выражении было обусловлено снижением поставок на внешний рынок энергоносителей, товаров инвестиционного назначения и продовольствия. В большей степени за январь-июль 2019 г. по сравнению с аналогичным периодом 2018 г. произошло падение экспорта нефтепродуктов (на 799,3 млн. долларов США), грузовых автомобилей (на 129,2 млн. долларов), сырой нефти (на 126,9 млн. долларов) и сжиженного газа (на 88,7 млн. долларов США).

Указанное выше снижение экспорта определенных товаров не смогло быть компенсировано увеличением экспортных поставок по отдельным товарным позициям, например, калийным удобрениям (на 301,7 млн. долларов США), вагонам (128,5 млн. долларов), каменному углю (105,1 млн. долларов) и др. [1]

Сравнительный анализ результатов опросов позволил констатировать, что в среднем по промышленности доля экспорта в общем объеме производства в 2019 г. составила 33%, что на 7 пунктов ниже зафиксированного в 2018 г. максимума (равного 40%) и согласуется с приведенными выше статистическими данными.

Сокращение экспорта, согласно опросным данным, было характерно как для крупных экспортеров, так и для предприятий, осуществляющих небольшие экспортные поставки. При этом доля предприятий с низким удельным весом экспортной продукции в общем объеме производства (менее 10%) увеличилась в 2019 г. до 25%, а количество производителей продукции, ориентированной преимущественно на экспорт (с долей экспорта более 80%), снизилось до 13% [2].

Следует отметить, что несмотря на осознание важности и необходимости диверсификации экспорта, фактически в первом полугодии текущего года сложилась обратная ситуация. Так, в январе-июле 2019 г. показатель географической концентрации экспорта составил 1917 против 1795 в январе-июле 2018 г. Рост показателя был обусловлен увеличением удельного веса Российской Федерации и Украины в общем объеме белорусского экспорта [1].

Опрос руководителей промышленных предприятий показал, что основные формы, посредством которых субъекты реализуют свою внешнеэкономическую активность, остаются стабильными уже в течение продолжительного периода времени [3, с. 111]. Предприятия чаще всего используют только самые простые формы международного сотрудничества – прямой экспорт (в 2019 г. указали 77% опрошенных) и прямой импорт (40%). На третьем месте среди наиболее распространенных форм внешнеэкономической активности – производство по контрактам. Об использовании такой формы в 2019 году заявили 27% предприятий, что свидетельствует о сохранении определенного интереса зарубежных фирм к возможностям белорусских предприятий промышленности. При экспорте продукции часть предприятий обращаются к услугам посреднических организаций, причем чаще к иностранным посредническим фирмам (23%), чем к отечественным (13%). Единичные предприятия выходят на более высокий уровень реализации внешнеэкономической активности, связанной с осуществлением лизинговых операций, лицензиями, технологической кооперацией и совместными НИОКР с зарубежными фирмами [2].

Основные препятствия, с которыми сталкивались промышленные предприятия при осуществлении внешнеэкономической деятельности в предыдущие годы [3, с. 113], сохранили свою актуальность и в 2019 году. По-прежнему самой острой проблемой для предприятий была «высокая конкуренция на внешних рынках», ее отметили 72% руководителей предприятий-экспортеров. Значимость конкуренции остается на таком уровне уже последние 5 лет, что позволяет говорить об отсут-

ствии позитивных сдвигов в направлении повышения конкурентоспособности отечественной промышленной продукции на внешних рынках.

Второе место в рейтинге причин, оказывающих негативное влияние на развитие внешнеэкономической активности, занял такой фактор как «высокие цены на выпускаемую продукцию» (28%).

В тройке лидеров по значимости, но со значительным отрывом, по-прежнему отмечено «отсутствие заинтересованности со стороны иностранных фирм» (13%), хотя актуальность данного фактора снизилась еще на 5 пунктов по сравнению с результатами 2018 года.

Примечательно, что в 2019 г. по сравнению с прошлым годом в два раза (с 14% до 7%) уменьшилось количество респондентов, которые указали в качестве препятствия «недостаток знаний о конъюнктуре рынка», что косвенно может свидетельствовать о более качественной работе маркетинговых служб на предприятиях.

Таким образом, проведенный анализ показал, что в сфере внешней торговли в первом полугодии текущего года преобладали факторы негативного характера. Сгусток проблем концентрируется в сфере производства, поскольку в условиях растущей конкуренции на внешних рынках отечественные предприятия теряют позиции и снижают объемы экспорта. Выпуск инновационной, качественно новой для мирового рынка продукции с высокой добавленной стоимостью – наиболее верный, но дорогостоящий путь для белорусских предприятий, испытывающих недостаток финансовых ресурсов. Снижение степени географической концентрации экспорта путем более активного внедрения на пока еще слабо освоенные рынки, вероятно, сможет на какой-то период упрочить позиции белорусских экспортеров. Включение в практику внешнеэкономической деятельности предприятий новых форм (производство по лицензии, кооперация с зарубежными партнерами, совместные НИОКР и т.п.) может стать для этого дополнительным импульсом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Социально-экономическое положение Республики Беларусь в январе – августе 2019 г. // Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_bulletin/index_14624/. – Дата доступа: 19.10.2019.

2. Информационно-аналитический бюллетень сектора конъюнктурных исследований Научно-исследовательского экономического института Министерства экономики Республики Беларусь, 2019.

3. Хмурович Л.В. Внешнеэкономическая активность промышленных предприятий Республики Беларусь // Беларусь и мировые экономические процессы : сб. науч. ст. Вып. 9 . Минск, 2012.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ

Н. В. Юрова¹⁾, В.В. Лукашенко²⁾

*¹⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь; yurova@bsu.by*

*²⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь; fmo.lukashenVV@bsu.by*

Цель статьи показать современную международную торговлю как сочетание традиционных и новых цифровых моделей взаимодействия покупателя и продавца. В статье подробно охарактеризованы перспективы развития цифровой международной торговли с применением современных цифровых платформ и появлением новых цифровых товаров и услуг. Выявлены перспективы для участников международной торговли в условиях цифровых трансфор-

маций. Обоснованы направления развития цифровой торговли в Республике Беларусь и возможности для роста экспортного потенциала.

Ключевые слова: цифровизация; цифровая торговля; международная торговля; цифровые платформы; цифровые товары и услуги, цифровые бизнес-модели; цифровая внешняя торговля Республики Беларусь.

DIGITALIZATION AS A FACTOR OF INTERNATIONAL TRADE DEVELOPMENT

N. V. Yurova^a, V.V. Lukashenko^b

^aBelarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

^bBelarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

Corresponding author : N. V. Yurova (yurova@bsu.by)

The purpose of the article is to show modern international trade as a combination of traditional and new digital models of interaction between buyer and seller. The article describes in detail the prospects for the development of digital international trade using modern digital platforms and the advent of new digital goods and services. The prospects for participants in international trade in the context of digital transformations are identified. The directions of the development of digital trade in the Republic of Belarus and the opportunities for the growth of export potential are justified.

Ключевые слова: digitalization; digital trade; international trade; digital platforms; digital goods and services, digital business models; digital foreign trade of the Republic of Belarus.

Современные условия распространения интернета, развития техники и технологий требуют новых подходов в реализации торговых отношений между странами. Цифровые технологии получили широкое распространение в мировой экономике, используются большим количеством потребителей, компаний и правительств, хотя пока еще существуют различия по темпам развития в разных секторах и странах. Как показывает практика, внедрение и использование цифровых технологий в экономике значительно повышает производительность труда и капитала и позволяет участвовать в глобальных цепочках создания стоимости, т.е. встраиваться в мировую хозяйственную систему, а это, в свою очередь, приводит к изменению структуры экономики и внешней торговли, а также формированию новых конкурентных преимуществ стран. Цифровизация также способствует снижению операционных издержек, устранению информационной асимметрии и использованию эффекта масштаба. Эффект масштаба в условиях цифровой экономики возрастает до максимума, так как предельные издержки на обслуживание дополнительных клиентов падают практически до нуля, а преимущества в качестве приводят к практически полному господству на рынке. [1]

Цифровая торговля, по версии ВТО, – это производство, распределение, маркетинг, продажа или доставка товаров и услуг через электронные каналы. [2] В рамках ЮНКТАД цифровая торговля определяется как часть цифровой экономики, которая включает куплю-продажу товаров и услуг через интернет, в том числе посредством использования цифровых платформ. [3] В цифровой торговле участвуют не столько физические товары, сколько их цифровые аналоги и образы. С развитием интернет-технологий в цифровой международной торговле появились также новые цифровые товары, которые могут быть объектами купли-продажи при использовании цифровых каналов, например, цифровые услуги и цифровой контент.

По данным Доклада о цифровой экономике-2019 1,3 млрд человек в мире делает покупки в сети. Большинство интернет-потребителей покупает товары и услуги в пределах своих стран. Однако число тех, кто покупает продукцию из-за рубежа, выросло до 21 %. В результате объем международной цифровой торговли

в формате (B2C) увеличился на 4 % и достиг 412 млрд долл. США. Список мировых лидеров цифровой торговли включает США, Японию, Китай, Германию, Южную Корею, Великобританию, Францию, Канаду, Индию и Италию. [3].

Преимущества глобальной цифровой экосистемы и их использование важны как для развитых, так и для развивающихся стран. Развитые страны уже оценили выгоды цифровизации экономики для экономического развития, повышения уровня и качества жизни населения. Цифровизация может способствовать инклюзивному экономическому росту независимо от стадии развития страны. Так, например, в менее развитых странах внедрение и использование цифровых технологий позволит облегчить доступ к основным финансовым услугам или помочь малому и среднему бизнесу представлять свою продукцию на цифровых платформах по рыночным ценам. При создании цифровой инфраструктуры страны на любом этапе развития могут использовать цифровые технологии для ускорения предоставления высококачественных медицинских, образовательных, государственных услуг и прочих услуг, а также вовлечения в глобальную цифровую экосистему.

Цифровая международная торговля происходит в условиях роста многосторонних рынков и глобальных цифровых торговых платформ. В отличие от традиционных рынков, где участвуют самостоятельные компании – продавец, покупатель и, зачастую, посредник, глобальные цифровые торговые платформы позволяют миновать затратные стадии подготовки внешнеторговых сделок, разместить информацию о своем товаре или услуге для потенциальных покупателей без привязки к конкретной стране, а ориентируясь на емкий международный рынок. Впервые в рамках организованных товарных рынков, а именно товарных бирж, аукционов стали использоваться цифровые технологии. Так, Чикагская товарная биржа (Chicago Mercantile Exchange, CME) одна из первых запустила собственную электронную сеть CME Globex, что позволило ей и сегодня находится на первых строчках в мировых рейтингах оптовых рынков чистой конкуренции. Торги на платформе Globex ведутся по рабочим дням почти круглосуточно. Суммарная торговля на Чикагской товарной бирже сегодня достигает объема 524,2 млн контрактов. [4]

Если говорить о розничных продажах, то в 2012 году на глобальную цифровую торговлю приходилось 5,4% общего объема розничной торговли, а в 2017 году данный показатель достиг 9,1%. Несмотря на бурный рост популярности цифровой (интернет) розничной торговли, традиционные каналы у потребителей все еще доминируют. Однако поскольку по данным статистики в среднем отток потребителей из офлайн-торговых центров составляет до 10% в год, все большее количество крупных торговых сетей применяют цифровые бизнес-модели. [3]

В Республике Беларусь электронная (цифровая) торговля выступает одним из приоритетных направлений Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития. В первую очередь, речь идет о развитии электронного документооборота и маркетинга, электронных закупок, а также обеспечивающих логистических систем. В Государственной программе развития цифровой экономики и информационного общества на 2016-2020 гг. развитие цифровой (электронной) торговли и упрощение торговых и транспортных процедур является одной из задач подпрограммы по цифровой трансформации. Также к задачам подпрограммы относится развитие единого расчетного и информационного пространства для оплаты услуг через банки, небанковские кредитно-финансовые организации, организации почтовой и электрической связи. Также в рамках подпрограммы прорабатывается проект создания Национальной системы безбумажной торговли (НСБТ), готовится дорожная карта на основании отчета, составленного Всемирным банком. Предлагается создать «портал единого окна» для внешней торговли, который следует использовать в качестве национальной платформы, объединяю-

шей все информационные системы и обеспечивающей их функциональную совместимость, обмен данными и обработку стандартизированных электронных документов. Обозначена потребность во внедрении единой государственной архитектуры данных, стандартов, реестра документов для электронной торговли, что отсутствует в настоящее время. [2]

Целевым показателем является увеличение доли электронной (цифровой) торговли в розничном товарообороте организаций торговли от 2% в 2015 году до 10% в 2030 году. В 2018 году в стране введена упрощенная система налогообложения для электронной коммерции. [2] В прошлом году в рамках процесса либерализации торговли был принят пакет нормативных документов, главным из которых стал Декрет Президента Республики Беларусь "О развитии предпринимательства". Декрет стал основанием для внесения изменений в целый ряд нормативных правовых актов и инициировал создание более благоприятных условий для ведения бизнеса в стране.

Таким образом, определяющую роль в повышении эффективности современной внешней торговли Республики Беларусь играет цифровая торговля. Применение белорусскими компаниями новых цифровых бизнес-моделей позволит существенно диверсифицировать экспорт как в отношении с нашими традиционными странами-торговыми партнерами, так и представлять свои товары на новых рынках. В фокусе интересов Республики Беларусь как страны с открытой экономикой и активной внешнеэкономической политикой в целях развития цифровой внешней торговли должны стать создание новых цифровых товаров и услуг, активное применение цифровых платформ в бизнесе, расширение мобильных платежей, расширение использования системы цифрового администрирования и электронного декларирования и многое другое.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Цифровые торговые войны: разграничение районов регуляторных «боевых действий», DIGITAL ECONOMY, МОСТЫ, VOLUME 11 - NUMBER 2 — Режим доступа: <https://www.ictsd.org/bridges-news/>. Дата доступа: 08.10.2019.
2. Доклад о развитии цифровой (интернет) торговли ЕАЭС, Москва: Евразийская экономическая комиссия, 2019 г. — Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/workgroup/Documents/цифровая%20торговля.pdf>. Дата доступа: 12.10.2019.
3. Digital economy report 2019. Value creation and capture: implications for developing countries United nations United nations conference on trade and development, 2019 - Режим доступа: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/der2019_en.pdf Дата доступа: 15.10.2019.
4. Чикагская товарная биржа (Chicago Mercantile Exchange, CME).— Режим доступа: <https://equity.today/chikagskaya-tovarnaya-birzha.html>. Дата доступа: 15.10.2019.

ЗОНА СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛИ КАК ПЕРСПЕКТИВНАЯ ФОРМА РАЗВИТИЯ ТОРГОВО-ИНВЕСТИЦИОННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА КИТАЯ И ЕАЭС

Яо Цзяхуэй¹⁾, Юрова Н. В.²⁾

*¹⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, xiaotaot-123@qq.com*

*²⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, yurova@bsu.by*

Современные сложные условия для развития отдельных стран и мировой экономики в целом могут быть заметно смягчены путем вовлечения стран и регионов в зоны свободной торговли (ЗСТ). Участие в ЗСТ предусматривает для ее участников стимулирование экспорта и импорта товаров и услуг, увеличение объемов внутренней и трансграничной торговли, а также создание благоприятных условий для развития торгово-инвестиционного сотрудниче-

ства данных стран. В статье выявлена взаимосвязь между ЗСТ и развитием торгово-инвестиционного сотрудничества стран-участниц, рассмотрено современное состояние развития взаимных экономических связей Китая и ЕАЭС, а также проанализированы возможности функционирования ЗСТ Китая и ЕАЭС на основе моделирования GTAP.

Ключевые слова: Зона свободной торговли (ЗСТ); торгово-инвестиционное сотрудничество; Китай; ЕАЭС; инициатива «Один пояс, Один путь»; модель GTAP.

FREE TRADE AREA AS A PROMISING FORM OF DEVELOPMENT OF CHINA-EAEU TRADE-INVESTMENT COOPERATION

Yao Jiahui^a, Yurova N. V^b

^aBelarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

^bBelarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

Corresponding author: Yao Jiahui (xiaomao-123@qq.com)

The current difficult conditions for the development of every country and the global economy as a whole can be noticeably mitigated by participation in free trade areas (FTAs). Participation in FTAs promotes the export and import of goods and services, develops domestic trade and transit trade, and creates favorable conditions for the development of trade-investment cooperation between participating countries. The article reveals the relationship between the FTAs and the development of trade-investment cooperation between participating countries, reviews the current development situation of mutual economic relations of China and the EAEU. Furthermore, it analyzes the possibilities of the functioning of the China-EAEU FTA based on GTAP modeling.

Ключевые слова: Free Trade Area (FTA); trade-investment cooperation; China; EAEU; «One Belt, One Road» Initiative; GTAP model.

Современная мировая экономика развивается в условиях серьезных изменений в подходах к регулированию международных экономических отношений. Либерализация торговли и создание льготных инвестиционных режимов выступают основными направлениями регулирования внешнеэкономической деятельности большинства государств мира. Зона свободной торговли (ЗСТ) предстает как основной механизм выстраивания взаимовыгодных экономических отношений со странами-партнерами за счет активизации взаимного товарооборота и мобильности инвестиций.

В последнее десятилетие значительно выросли темпы развития торгово-инвестиционных отношений Китая со странами-партнерами в формате заключения соглашений о зонах свободной торговли. Китай более активно использует данную форму торгово-инвестиционного сотрудничества по сравнению с другими странами мира. По состоянию на конец августа 2019 года, Китай успешно подписал 18 соглашений о зоне свободной торговле с 24 странами или регионами мира, среди которых Пакистан, Грузия, Перу, Чили и другие страны, участвующие в совместной реализации инициативы «Одни пояс, один путь» (ОПОП), которая характеризуется как современная китайская глобальная экономическая стратегия [1].

Евразийский экономический союз выступает стратегическим партнером Китая. В долгосрочной перспективе ЕАЭС может принять форму континентального экономического партнерства от Юго-Восточной Азии до Европы, которое также трактуется строительством «Большой Евразии». Формирование сети ЗСТ служит наиболее реалистичным путем реализации внешнеэкономических интересов в данном проекте. Так, уже в 2015 г. было заключено, а в 2016 г. вступило в силу Соглашение о ЗСТ между ЕАЭС и Вьетнамом. В 2018 г. было подписано временное соглашение с Ираном, ведущее к образованию ЗСТ. В рамках заседания Высшего Евразийского экономического совета 1 октября 2019 г. подписано Соглаше-

ние о ЗСТ с Сингапуром [2], а также в настоящее время в числе актуальных треков – переговоры о создании зоны свободной торговли с Израилем, Индией, Сербией и Египтом [3]. Динамичное развитие сотрудничества ЕАЭС с отдельными странами-партнерами в формате ЗСТ происходит на фоне продолжения действия санкций в отношении крупнейшего члена ЕАЭС – России. Антироссийские санкции оказывают негативное воздействие на экономическое развитие России, а через нее и на другие страны-члены, что сдерживает экономический рост в целом ЕАЭС.

Китай – второй по важности внешнеэкономический партнер ЕАЭС после Европейского союза. По данным Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) в 2018 г., суммарный объем взаимной торговли товарами Китая и ЕАЭС составил 126,3 млрд долл. США, что по сравнению 2015 г. больше на 60,14% или на 47,45 млрд долл. США. Доля Китая в совокупном товарообороте ЕАЭС также постоянно растет, так, в 2018 г. она составила 16,76 %. В частности, взаимная торговля Китая и России внесла весомый вклад в увеличение суммарного оборота Китая и ЕАЭС (85,72% от суммарного оборота) [4]. В поставках на рынок стран ЕАЭС доминировали китайские машины, оборудование, механизмы и электротехническое оборудование, а также товары легкой промышленности (например, обувь и одежда). В то же время структура евразийского экспорта в Китай мало диверсифицирована и в основном сосредоточена на минеральных продуктах, древесине и изделиях из нее.

Кроме того, Китай является лидером среди азиатских стран по объемам накопленных прямых инвестиций в ЕАЭС. По данным ежегодного статистического бюллетеня о прямых зарубежных инвестициях Китая, объем накопленных ПИИ Китая в ЕАЭС в 2017 г. составил 23,31 млрд долл. США, и вырос на 12,78% по сравнению с 2015 г. Основными реципиентами прямых инвестиций Китая являются Россия и Казахстан. Так, по итогам 2017 г. объемы накопленных ПИИ Китая в России и Казахстане составили соответственно 13,87 млрд долл. США и 7,56 млрд долл. США [5]. Для китайских предпринимателей, инвестирующих в экономику России и Казахстана, как показывает практика, наиболее привлекательными являются топливные комплексы этих стран.

Анализ состояния развития торгово-инвестиционного сотрудничества Китая и ЕАЭС в сочетании с желаемым достижением целей внешнеэкономических стратегий двух сторон, упомянутых выше, а именно, китайской инициативы ОПОП и «Большой Евразии» ЕАЭС, перспективным в будущем видится разработка между Китаем и ЕАЭС соглашения о ЗСТ, которое сегодня пока еще вызывает много вопросов и все еще остается лишь темой для дискуссий.

В целях оценки фактических экономических последствий заключения соглашения о ЗСТ между странами и региональными объединениями, которое предусматривает снижение или отмену экспортно-импортных пошлин, используется модель GTAP (Global Trade Analysis Project — «проект анализа глобальной торговли»). GTAP координируется центром анализа мировой торговли Университета Пердью (США) и относится к классу моделей общего равновесия — Computable General Equilibrium (CGE) Model. Анализ результатов вычислений по возможному созданию ЗСТ между Китаем и ЕАЭС с помощью модели GTAP показывает, что в целом для Китая наиболее выгодно создание ЗСТ с ЕАЭС в ближайшей перспективе. Ликвидация тарифных барьеров с ЕАЭС приведет к увеличению реального ВВП, повышению уровня благосостояния, а также увеличению объемов и диверсификации китайского экспорта. В то же самое время для стран-членов ЕАЭС, несмотря на то, что снижение ввозных таможенных пошлин может привести к увеличению объемов внешней торговли, создание ЗСТ с Китаем в ближайшей перспективе окажет негативное влияние на рост ВВП и уровень благосостояния, что связано с недостаточно развитой отраслевой структурой стран-членов ЕАЭС и

наличием огромного разрыва в уровнях их экономического развития с Китаем. Все это подтверждает вывод о том, что страны ЕАЭС пока не готовы к созданию ЗСТ с Китаем [6].

Таким образом, в условиях дальнейшей либерализации торговли и свободы движения капитала ЗСТ, несомненно, является перспективной формой в целях достижения устойчивого торгово-инвестиционного сотрудничества стран. Прежде, чем начинать переговоры о ЗСТ между Китаем и ЕАЭС, со стороны ЕАЭС необходимо провести преобразования отраслевой структуры национальных экономик государств-членов и соответственно товарной структуры экспорта, а со стороны Китая следует осуществлять дальнейшее сотрудничество со странами ЕАЭС в рамках инициативы ОПОП с учетом своих конкурентных преимуществ и опыта в области структурных экономических преобразований. Для Китая и ЕАЭС соглашение о создании зоны свободной торговли может стать взаимовыгодным проектом в будущем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. 已签协议的自贸区. [电子资料] // 中国自由贸易区服务网. — 访问网址: <http://fta.mofcom.gov.cn/index.shtml>. 访问日期: 29.08.2019.
2. ЕАЭС и Сингапур подписали Соглашение о свободной торговле. [Электронный ресурс] // Сайт ЕЭК. — Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/01.10.2019-2.aspx>. Дата доступа: 14.10.2019.
3. Приоритеты внешнеторговой политики России и ЕАЭС. [Электронный ресурс] // Евразийские исследования. — Режим доступа: <http://eurasian-studies.org/archives/11167>. Дата доступа: 05.08.2019.
4. Внешняя торговля ЕАЭС по странам. (январь – декабрь 2018) [Электронный ресурс] // Сайт ЕЭК. — Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/extra/Documents/2018/12/E201812_2_1.pdf. Дата доступа: 13.03.2019.
5. 2017年度中国对外直接投资统计公报. [电子资料] // 中国商务部. — 2018. — 访问网址: <http://images.mofcom.gov.cn/fec/201810/20181029160824080.pdf>. 访问日期: 01.12.2018.
6. Интервью министра по торговле ЕЭК Вероники Никишиной: «Главная задача — избавить бизнес от «фобий» о либерализации торговли». [Электронный ресурс] // Сайт ЕЭК. — 2019. — Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/10-06-2019-4.aspx>. Дата доступа: 30.09.2019.

СЕКЦИЯ 6

ФОРМИРОВАНИЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОГО ТУРИСТСКОГО КОМПЛЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

СТРАТЕГИЯ ПРОДВИЖЕНИЯ МАССОВОГО СОБЫТИЙНОГО МЕРОПРИЯТИЯ (НА ПРИМЕРЕ II ЕВРОПЕЙСКИХ ИГР 2019)

Н.И. Богоино, В.С. Стецко

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, nbogino@yandex.ru

²⁾Белорусский союз конькобежцев,
пр. Победителей, 17, 220004, г. Минск, Беларусь, valeriya_stetsko@mail.com

Исследованы коммуникационные процессы при продвижении массового событийного мероприятия в спортивном сегменте. Определена роль средств массовой информации в поддержании интереса всех целевых аудиторий, включая потенциальных участников события. Сформулированы критерии эффективности информационного сопровождения крупного спортивного мероприятия как на этапе подготовки, так во время его проведения. Обоснована актуальность интегрированного использования при продвижении массового спортивного мероприятия как традиционных, так и современных высокотехнологичных информационных каналов. Рассмотрены содержание отдельных инструментов стратегии продвижения массового событийного мероприятия и их особенности использования в спортивной сфере. Анализ специфики информационного обеспечения массового спортивного мероприятия проведен на примере прошедших в Минске II Европейских игр 2019 года.

Ключевые слова: массовое событийное мероприятие; стратегия продвижения; II Европейские игры; информационное обеспечение; мультиспортивный форум.

STRATEGY FOR PROMOTING A MASS EVENT (ON THE EXAMPLE OF II EUROPEAN GAMES 2019)

N. I. Bogino, V. S. Stetsko

¹⁾ Belarusian state University, Independence Ave., 4, 220030, Minsk, Belarus

²⁾ Belarusian Skating Union, Winners Avenue., 4, 220004, Minsk, Belarus
Corresponding author: N.I.Bogino (nbogino@yandex.ru)

Communication processes in the promotion of mass event events in the sports segment are investigated. The role of mass media in maintaining the interest of all target audiences, including potential participants of the event, is defined. Criteria of efficiency of information support of a large sports event both at the stage of preparation and during its carrying out are formulated. The relevance of the integrated use of both traditional and modern high-tech information channels in the promotion of mass sports events is substantiated. The content of separate tools of strategy of promotion of mass event action and their features of use in the sports sphere are considered. The analysis of specifics of information support of mass sports event is carried out on the example of the II Europeangames of 2019 held in Minsk.

Keywords: mass event; promotion strategy; II European games; information support; multisport forum.

Объемность и сложность коммуникационных процессов при проведении спортивных мероприятий обусловлены большим количеством субъектов спортивной индустрии, участвующих в этих процессах. Сетевые взаимодействия в рамках современного медиа-пространства носят оперативный, интерактивный и индивидуализированный характер, принимают форму формальных и неформальных коммуникаций. В свою очередь, медиаиндустрия является неотъемлемой частью сферы услуг, кото-

рая оказывает существенное воздействие на состояние смежных видов экономической деятельности, включая индустрию культуры, спорта, развлечений и др.

Физкультура и спорт являются неотъемлемой частью жизни общества. В то же время спорт представляют собой инструмент формирования имиджа государства на международной арене, поэтому крупные спортивные события вполне оправданно можно отнести к категории социально значимых событий, которые неизменно освещаются всеми средствами массовой информации.

Спорт – это не просто физическая активность, но и деятельность, организованная соответствующим образом и направленная на достижение определенной цели. Зрелищность спорта и спортивных соревнований стала одной из важнейших причин столь широкой популярности данного социокультурного явления. Разумеется, на потребности аудитории в откликнулись и средства массовой информации.

Поддерживать интерес к крупному спортивному событию следует еще до его начала. При этом организаторы события должны исходить из того, что нужно в полной мере донести информацию о планируемых мероприятиях и заинтересовать в событии максимально возможное число потенциальных участников события, являющихся частью его целевой аудитории. Следовательно, значение информационно-коммуникационного обеспечения события является во многих случаях преобладающим над остальными компонентами сопровождения события. Стратегия продвижения крупного спортивного события, как и любого массового событийного мероприятия, может включать в себя минимум два компонента – освещение подготовки, знакомства с участниками события и создания специальных событий, связанных с главным событием.

Информационная подготовка специальных событий в рамках event-менеджмента предполагает необходимость взаимодействия со СМИ. Организуемое событие должно быть максимально освещено в информационном поле, так как в задачу информационного обеспечения входит привлечение внимания к событию, как со стороны общественных групп, так и со стороны СМИ. Чем шире и полнее событие освещается в СМИ, тем выше будет к нему уровень доверия целевой аудитории. В этой связи можно отметить, что в современных условиях необходимость взаимодействия с медиаструктурами продиктована повсеместным распространением традиционных информационных каналов коммуникации.

Стратегия продвижения специальных событий включает в себя такие инструменты, как: семинары, презентации и пресс-конференции для СМИ; аналитические продукты, в том числе заметки, статьи, интервью и т.п.; механизм субъектного создания новостей, связанных со специальным событием; последовательность размещения новостей; информационные способы вовлечения целевой аудитории; создание системного информационного освещения события, включая официальный сайт мероприятия, информационное партнерство, специальные информационные проекты.

Семинары, презентации и пресс-конференции для СМИ должны проводиться с самого начала информационной подготовки специального события. В результате необходимо сформировать благоприятный образ предстоящего события в СМИ и у целевой аудитории, а также заинтересованных организаций. Поданная в такой форме информация о событии должна разъяснить цели, задачи и функции планируемого события, что объективно является наиболее важным элементом информационного обеспечения, так как в случае неудачной подачи информации, она может остаться бесполезным набором сведений.

Процесс распространения информации о специальном событии начинается с определения целевой установки, которая будет определять, что именно планируется донести до целевой аудитории. Информационные установки должны быть четкими, однозначными и не допускать множественных толкований со стороны

заинтересованных групп и целевой аудитории. Особое внимание должно быть уделено и построению креативного замысла подачи информации, который должно способствовать более сильному привлечению целевой аудитории.

Так, привлечение внимания к II Европейским играм 2019 года в Минске началось за два года. В 2017 году были представлены слоган и концепция события – Brightyear, brightyou, что было освещено во всех средствах массовой информации. С этого момента организаторы стали проводить специальные мероприятия, направленные на привлечение внимания к спортивному форуму. Регулярно проводились встречи с журналистами, пресс-конференции, семинары. Активно освещались в средствах массовой информации координационные визиты руководства Европейской Ассоциации Олимпийских комитетов.

Начиная с 2017 года II Европейские игры в Минске стали главным информационным поводом во всех медиа Беларуси. Тем не менее, первая информационная поддержка мультиспортивного форума состояла из освещения новостей работы организаторов.

Ровно за год до начала II Европейских игр (с июня 2018 года), средства массовой информации стали больше проявлять инициативы, создавать собственные проекты. Самые удачные примеры такой деятельности – специальный проект «Игры.ВУ» Агентства телевизионных новостей и проект «Наша Олимпиада» телеканала Беларусь-5 Белтелерадиокомпания. Данные проекты подробно познакомили аудиторию с видами спорта, участниками II Европейских игр. Средства массовой информации на этапе подготовки II Европейских игр стали одним из главных инструментов привлечения аудитории.

Вторая важная составляющая стратегии продвижения крупного спортивного мероприятия – вовлечение аудитории. В этом случае организаторам необходимо создавать специальные события, связанные с главным мероприятием.

Специальные мероприятия – важный инструмент специалиста по связям с общественностью, поскольку, являясь эффективным средством коммуникации с целевыми группами, они обеспечивают паблисити (деятельность по популяризации конкретного события) и внимание широкой аудитории.

Специальное мероприятие – это тщательно спланированная акция, которая проводится в рамках общей коммуникационной программы и, как правило, является одним из ее «ключевых» этапов [1, с. 43].

Рассматривая пример II Европейских игр, к специальным мероприятиям можно отнести проведение тестовых соревнований по каждому представленному в программе соревнований виду спорта, PR-проекты «Звездные послы» и «Brightteam» («Яркая команда»).

Сегодня стало нормой участие в событиях звезд и заключение контрактов с брендовыми лицами. Специальное мероприятие может вообще не привлечь внимания, если в нем не участвуют интересные для целевой аудитории персонажи. С другой стороны, имеет место и обратная тенденция. Участие в престижном мероприятии для известной или стремящейся к известности личности является одним из важных инструментов маркетинговых коммуникаций. При этом можно выделить несколько степеней участия персоны в событии, отражающих ее социальный статус: присутствие на значимом, освещаемом СМИ мероприятии; участие в событии на правах гостя или эксперта; участие на правах основного действующего лица.

В случае только присутствия известной личности на массовом спортивном мероприятии информационным поводом является не относящееся к персоне событие. Специфика бренда может быть в той или иной степени соотнесена с содержанием мероприятия. Как правило, на этом этапе персональный бренд соотносится с другими брендами и привлекает к себе внимание целевой аудитории.

Участие в событии на правах гостя или эксперта представляет собой вариант профильного участия, когда мероприятие выбирается с точки зрения соответствия событийного контекста бренду.

Участие на правах основного действующего лица происходит тогда, когда мероприятие организуется специально с целью продвижения персонального бренда и выстраивается «под него». Примером данной концепции можно считать программу звездных послов II Европейских игр. В рамках этой программы, 15 знаменитых людей: спортсмены, общественные деятели получили статус звездного посла. Их цель в этом проекте – рассказать о Беларуси, о II Европейских играх, то есть выступить в качестве инфлюенсеров – людей, способных повлиять на определенную целевую аудиторию.

PR-проекты под общим названием «Brightteam» («Яркая команда») осуществлялись в рамках стратегии коммуникационных волн. Например, можно отметить такие проекты, как велопробег «Гродно-Друскининкай», «Звездная регата» (соревнования на байдарках, каноэ и драгонботах на реке Свислочь в центре столицы), Минский полумарафон-2018[2].

Использовалась также концепция партнерских СМИ. Например, в январе 2018 г. международное информационное агентство и радио «Sputnik», входящие в состав медиагруппы МИА «Россия сегодня» и фонд «Дирекция II Европейских игр 2019 года» подписали соглашение об информационном взаимодействии, которое способствовало продвижению данного событийного мероприятия за рубежом.

Кроме того, специально для гостей мероприятия был организован творческий конкурс спортивного селфи «MINSK2019: мой привет II Европейским играм», который осуществлялся совместно с Дирекцией игр и международным радио «Беларусь».

Для продвижения события в интернете ООО «Синезис спорт» создали для II Европейских игр весь программно-технический блок, в том числе сайт minsk2019.by и мобильное приложение [3].

Для информационной поддержки участников мероприятия и гостей функционировали информационные точки, где можно было в устной форме и в виде распространения печатной продукции узнать информацию о графике и местах проведения спортивных соревнований, наиболее удобных способах передвижения, а также информацию о туристических объектах Минска и Беларуси в целом.

Таким образом, инструменты стратегии продвижения массовых событийных мероприятий довольно разнообразны. Неизменным остается одно – главная роль средств массовой информации в продвижении события и привлечения к нему внимания аудитории. Стратегия продвижения II Европейских игр 2019 года в Минске состояла из плотного взаимодействия с медиа, созданием специальных событий и привлечения медийных лиц.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Туганова Э.А., Мишакин Т.С., Мирвалеева А.И. Информационное обеспечение крупных спортивных мероприятий/ Э.А. Туганова, Т.С. Мишакин, А.И. Мирвалеева // Наука и спорт: современные тенденции. 2017. Т.14, № 1.
2. Официальный сайт II Европейских игр 2019 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://minsk2019.by/ru/news/news-of-day> Дата доступа : 20. 10. 2019.
3. Европейские игры 2019 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Европейские_игры_2019 Дата доступа : 20.10. 2019.

КЛАССИФИКАЦИЯ СТРАН ЕС ПО УРОВНЮ РАЗВИТИЯ ИНКЛЮЗИВНОГО ТУРИЗМА

Н. М. Борисенко-Клепач

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, barysenka@bsu.by*

В статье рассматривается развитие рынка инклюзивного туризма в Европейском союзе. Анализируется потенциальный спрос на инклюзивные туристические услуги, который обусловлен ростом числа пожилых людей. Приводится авторская классификация стран ЕС по уровню развития инклюзивного туризма на основе комплексной оценки по таким показателям как доля страны на рынке инклюзивного туризма ЕС, удельный вес страны в структуре спроса на инклюзивные туристические услуги, количество поставщиков инклюзивных туристических услуг и др. Предлагаемая классификация позволяет проследить влияние системы поддержки инклюзивного туризма в стране на уровень его развития.

Ключевые слова: инклюзивный туризм, Европейский союз, люди с особыми потребностями, люди с инвалидностью, пожилые люди, туристический рынок.

CLASSIFICATION OF THE EU COUNTRIES BY THE LEVEL OF INCLUSIVE TOURISM DEVELOPMENT

N. Barysenka-Klepach

Belarussian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article dwells upon the development of inclusive tourism market in the European Union. The author analyses the demand for inclusive tourism services, which is predetermined by the increase of the number of older people. The author's classification of EU member countries by the level of inclusive tourism development is presented in the article. The classification is based on such indicators as country's share in the EU inclusive tourism market, share in the demand for inclusive tourism services, the number of inclusive tourism providers, etc. The proposed classification allows to reveal the influence of the inclusive tourism support system on the level of its development.

Keywords: inclusive tourism, European Union, people with special needs, people with disabilities, older people, tourism market.

Туризм является одной из значимых отраслей экономики Европейского союза, генерирующих доход и создающих новые рабочие места. Согласно данным Европейской Комиссии за 2015 г., туризм является третьим по важности социально-экономическим видом деятельности в ЕС после торговли и строительства [1]. Туристический сектор охватывает более 2 млн предприятий, большинство из которых – малые и средние предприятия, на которых занято более 12 млн человек [2].

Существенная доля туристического рынка ЕС приходится на инклюзивный туризм, а именно туризм для людей с особыми потребностями (людей с инвалидностью, пожилых людей, родителей с маленькими детьми, людей с временными проблемами здоровья, с аллергиями и т.д.). По оценкам Европейской комиссии по транспорту и туризму 25% расходов на отдых и путешествия к 2020 г. придется на людей с инвалидностью либо иными особыми потребностями в доступности [3].

Вопросами развития инклюзивного туризма в ЕС занимались как отдельные исследователи (Дж. Боутелл [4], Д. Бугалис, В. Эйхорн, Е. Мичопулу, Г. Миллер [5] и др.), так и Европейская комиссия. В рамках данных исследований анализировались спрос и предложение инклюзивных туристических услуг, а также некоторые факторы, влияющие на развитие данного направления (например, наличие образовательных программ в этой области). Автором были проанализированы результа-

ты данных исследований, что позволило сделать ряд выводов о развитии инклюзивного туризма в ЕС.

Важно подчеркнуть, что развитие инклюзивного туризма было обозначено Европейской комиссией как одно из направлений повышения конкурентоспособности ЕС как туристической дестинации еще в 2010 г. [6], а также как фактор, способный снизить сезонность, способствовать повышению качества услуг и устойчивому развитию туристического сектора. Кроме того, развитие данного направления выступает ответом на тенденцию старения населения, которая приводит к росту спроса на инклюзивный туризм со стороны людей с особыми потребностями, в первую очередь пожилых людей и людей с инвалидностью. В период с 2008 по 2017 г. доля населения старше 65 лет в структуре населения Европейского союза увеличилась на 2,3%, при этом положительная динамика этого показателя характеризуется постоянством в течение последних 10 лет (см. рисунок 1). Согласно прогнозам, количество пожилых людей в возрасте старше 65 лет продолжит расти и к 2060 г. доля этого сегмента в структуре населения составит 30,4%, что на 11% больше текущего значения [7]. Кроме того, ожидается, что к 2020 г. около 120 млн европейцев будет иметь инвалидность [8]. Это позволяет прогнозировать, что данная категория потребителей будет играть все более значимую роль на рынке, изменяя структуру спроса и предложения товаров и услуг (см. рисунок 1).

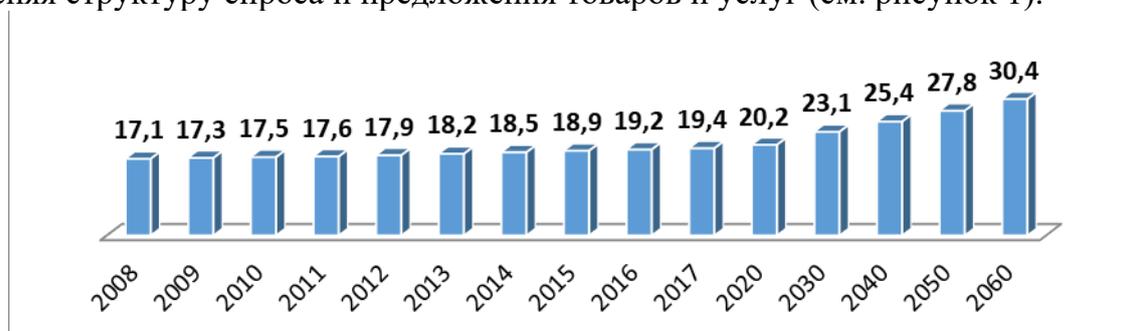

Рис. 1. – Доля населения старше 65 лет в структуре населения ЕС (2008-2060 гг., %) Составлено автором на основе [9]

Необходимо отметить, что рост количества людей пожилого возраста вызывает соответствующий рост их туристической активности. Так, рисунок 2 отражает увеличение доли населения старше 55 лет в структуре населения Европейского союза и параллельное увеличение доли поездок людей старше 55 лет в структуре всех поездок резидентов ЕС (старше 15 лет), при этом данные показатели в период с 2012 по 2015 гг. увеличились на 1,2% и 1,3% соответственно (см. рисунок 2).

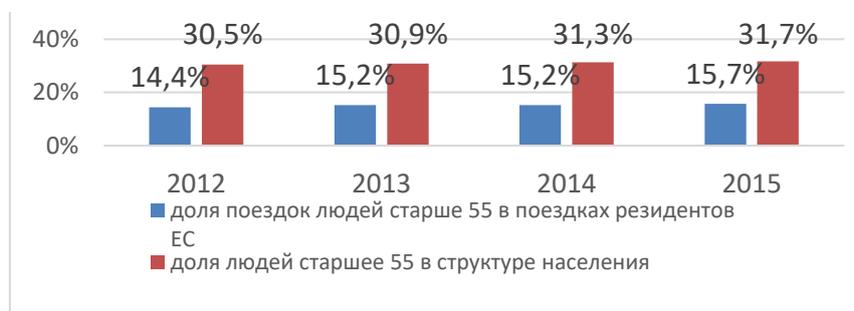

Рис. 2. – Доля населения 55+ в структуре населения ЕС и в поездках в 2012-2015 гг. Составлено автором по данным [9,10]

Анализ зарубежных исследований показал, что в них отсутствует единообразие в отношении используемых методов оценки и показателей, применяемых исследователями. Так, исследуются различные категории туристов с особыми по-

требностями (Дж.Боутелл рассматривает пожилых людей старше 65 лет, в том числе людей с инвалидностью[4], в отчете Европейского комитета по транспорту и туризму анализируются категории «люди с инвалидностью» и «люди с ограниченной мобильностью» и т.д.). В итоге результирующие данные сложно сопоставимы между собой, что затрудняет общую оценку развития инклюзивного туризма в странах ЕС, а также возможность проследить ситуацию в динамике. В связи с этим автором предложена комплексная методика балльной оценки развития инклюзивного туризма в странах ЕС, направленная на проведение классификации стране ЕС по уровню развития инклюзивного туризма. Для проведения оценки были выделены следующие показатели:

- доля страны в объеме рынка инклюзивного туризма (на основе [4]);
- удельный вес страны в структуре спроса на инклюзивные туристические услуги (по данным Европейской Комиссии[10]);
- уровень развития инклюзивного туризма в странах ЕС на основе экспертных оценок (по данным Европейской Комиссии [10]);
- уровень развития инклюзивного туризма по данным Европейского комитета по транспорту и туризму за 2018 г. [3];
- количество поставщиков услуг (по данным Европейской Комиссии [11]).

По каждому из данных критериев были выделены группы стран. Например, по критерию «доля страны в объеме рынка инклюзивного туризма» было выделено три группы – «лидеры рынка», «развивающиеся страны» и «страны с низкой долей рынка». Каждой группе был присвоен соответствующий балл (3, 2 и 1 балл соответственно). Далее для каждой страны был рассчитан совокупный балл по 5 рассматриваемым критериям, что позволило определить лидеров в области развития инклюзивного туризма, которыми выступают Великобритания, Франция и Испания (см. рисунок 3).

Рис. 3. – Страны ЕС по уровню развития инклюзивного туризма на основе комплексной балльной оценки
Составлено автором

Проведенный анализ позволил комплексно оценить уровень развития инклюзивного туризма в странах ЕС и произвести их классификацию

Для стран с высоким уровнем развития инклюзивного туризма в основном характерны позиции лидера рынка либо развивающейся страны с точки зрения доли в объеме рынка инклюзивного туризма, высокий удельный вес в структуре спроса на инклюзивные туристические услуги в ЕС (см. таблицу 1).

Таблица 1

Группы стран ЕС по уровню развития инклюзивного туризма на основе комплексной оценки

Группа	Страны
Страны с высоким уровнем развития инклюзивного туризма (14-18 баллов)	Великобритания, Франция, Испания, Германия, Польша
Страны со средним уровнем развития инклюзивного туризма (9-13 баллов)	Дания, Италия, Нидерланды, Австрия, Финляндия, Швеция, Ирландия, Кипр, Мальта, Бельгия, Литва, Португалия, Греция, Люксембург, Чехия
Страны с низким уровнем развития инклюзивного туризма (менее 9 баллов)	Латвия, Словения, Венгрия, Румыния, Болгария, Эстония, Словакия, Хорватия

Составлено автором

По мнению национальных экспертов, данные страны попадают в категорию «наиболее развитые» либо «развивающиеся» по общему уровню развития инклюзивного туризма. Европейский комитет по транспорту и туризму поместил эти страны в категорию с хорошим либо удовлетворительным уровнем развития инклюзивного туризма. При этом в рассматриваемых странах отмечается высокое либо очень высокое количество поставщиков инклюзивных туристических услуг.

Для стран со средним уровнем развития инклюзивного туризма характерна позиция развивающейся страны по доле в объеме рынка инклюзивного туризма ЕС, средний удельный вес в структуре спроса на инклюзивные туристические услуги, удовлетворительный либо низкий уровень развития инклюзивного туризма по данным Европейского комитета по транспорту и туризму, а также позиция «развивающихся» либо «наименее развитых» стран по оценкам национальных экспертов. Также для них характерно среднее либо низкое количество поставщиков инклюзивных туристических услуг.

Для стран с низким уровнем развития инклюзивного туризма свойственна позиция страны с низкой долей рынка и удельным весом в структуре спроса на инклюзивные туристические услуги в ЕС. Как национальные эксперты, так и Европейский комитет по транспорту и туризму причисляет данные страны в категории с низким уровнем развития инклюзивного туризма. Количество поставщиков инклюзивных туристических услуг в данных странах характеризуется как низкое либо очень низкое.

Прослеживается взаимосвязь между уровнем развития инклюзивного туризма и наличием системы поддержки данного направления в стране. Данную взаимосвязь можно проследить на примере Великобритании, которая, согласно классификации, выступает лидером рынка. В Великобритании присутствует системная государственная поддержка доступности в туризме, что в первую очередь предусмотрено законодательно в рамках Закона о равенстве от 2010 г. Для упрощения реализации данного закона в сфере туризма национальная туристическая администрация VisitBritain сформировала комплекс поддержки инклюзивного туризма [13], который выражается в информационной поддержке поставщиков туристических услуг, наличии образовательных программ, национальной системы стандартов доступности, в рамках которой проводится оценка и присвоение определенно-

го уровня доступности объектам размещения, награды в области инклюзивного туризма, проведении периодических исследований рынка инклюзивного туризма

Предлагаемая классификация стран ЕС по уровню развития инклюзивного туризма в совокупности с анализом национальных систем поддержки данного направления позволяет выявить наиболее действенные механизмы стимулирования инклюзивного туризма, которые могут быть использованы в Республике Беларусь.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1) Tourism and the European Union: Recent trends and policy developments [Электронный ресурс] // European Parliament. – Режим доступа : [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2015/568343/EPRS_IDA\(2015\)568343_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2015/568343/EPRS_IDA(2015)568343_EN.pdf). – Дата доступа : 08.03.2017.

2) European Union Tourism Trends [Электронный ресурс] // European Commission. – Режим доступа : <https://www.e-nwto.org/doi/pdf/10.18111/9789284419470EuropeanUnionLCU2017>. – Дата доступа : 08.03.2018.

3) Research for TRAN Committee – Transport and tourism for persons with disabilities and persons with reduced mobility [Электронный ресурс] // European Parliament. – Режим доступа : [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2018/617465/IPOL_STU\(2018\)617465_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2018/617465/IPOL_STU(2018)617465_EN.pdf). – Дата доступа : 26.11.2018.

4) Bowtell, J. Assessing the value and market attractiveness of the accessible tourism industry in Europe: a focus on major travel and leisure companies / J. Bowtell // Journal of Tourism Futures. – 2015. - Vol. 1 Iss 3. - P. 203 – 222.

5) Buhalis, D., Eichhorn, V., Michopoulou, E. & Miller, G. OSSATE Accessibility Market and Stakeholder Analysis [Электронный ресурс] / European Network for Accessible Tourism. – Режим доступа : http://www.accessibletourism.org/resources/ossate_market_analysis_public_final.pdf. – Дата доступа : 25.06.2016.

6) Tourism [Electronic resource] / European Commission. – Mode of access: http://ec.europa.eu/growth/sectors/tourism/index_en.htm. – Date of access : 14.04.2016.

7) Key figures on Europe 2017 edition [Electronic resource] // European Commission. – Режим доступа : <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/3217494/8309812/KS-EI-17-001-EN-N.pdf/b7df53f5-4faf-48a6-aca1-c650d40c9239>. – Дата доступа : 10.08.2018.

8) Progress Report on the implementation of the European Disability Strategy (2010 - 2020) [Электронный ресурс] // European Commission. – Режим доступа : <https://ec.europa.eu/social/main.jsp?langId=en&catId=89&newsId=2725#navItem-relatedDocuments>. – Дата доступа : 18.01.2018.

9) Population on 1 January by age group and sex [Электронный ресурс] // Eurostat. – Режим доступа : http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=demo_pjangroup&lang=en – Дата доступа : 10.08.2018.

10) Number of trips by age group [Электронный ресурс] // Eurostat. – Режим доступа : http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=tour_dem_ttage&lang=en – Дата доступа : 10.08.2018.

11) Economic impact and travel patterns of accessible tourism in Europe [Электронный ресурс] // European Commission. – Режим доступа : <http://ec.europa.eu/DocsRoom/documents/5566/attachments/1/translations> – Дата доступа : 03.04.2017.

12) Mapping and Performance Check of the Supply of Accessible Tourism Services (220/PP/ENT/PPA/12/6491) Final Report [Электронный ресурс] // European Network for Accessible Tourism, 2015. – Режим доступа : http://www.accessibletourism.org/resources/2015-04-02-eu-supply-study-final_report.pdf. – Дата доступа : 06.02.2017.

13) Make your business accessible [Электронный ресурс] // Visit Britain. – Режим доступа : <https://www.visitbritain.org/business-advice/make-your-business-accessible>. – Дата доступа : 07.08.2016.

II ЕВРОПЕЙСКИЕ ИГРЫ 2019 Г. В ГОРОДЕ МИНСКЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИХ ОРГАНИЗАЦИИ

Л.М. Гайдукевич

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030. Республика Беларусь, lgaidukevich@mail.ru*

В данной статье рассматриваются вопросы ожидаемого и реального влияния 2-х Европейских игр, проходивших в городе Минске (Беларусь) в период с 21-го по 30-е июня 2019 г. на экономическое и социальное самочувствие республики. Актуальность избранной темы исследования обоснована её относительной новизной и, как следствие, малоизученностью.

Ключевые слова: Вторые Европейские игры; массовые событийные мероприятия; влияние на экономику; инфраструктура; спорт; туристические потоки; финансирование.

II EUROPEAN GAMES 2019 IN MINSK: SOCIO-ECONOMIC EFFECT OF THEIR ORGANIZATION

L.M. Gajdukevich

Belarusian State University, Niezalezhnasci Avenue 4, 220030, Minsk, Belarus,

The article dwells upon the expected and real impact of the second European Games, that took place in Minsk (Belarus) from the 21st till 30th of June 2019 on economic and social situation in the country. The relevance of the chosen research topic is justified by its relative novelty and, as a consequence, insufficient study about it.

Key words: the Second European games; events; economic impact; infrastructure; sport; tourism flows; financing.

Вторые Европейские игры в 2019 году для Республики Беларусь были знаковым событием, так как они явились вторым, после Чемпионата мира по хоккею 2014 года, по своей масштабности и представительству зарубежных делегаций мероприятием.

Международный уровень этих двух мероприятий позволяет сегодня сравнить как степень их эффективности, так и ряд недостатков, которые схожи по природе их возникновения и степени влияния на общественное восприятие. Более того, недавно проведённый Чемпионат мира по футболу 2018 года у наших соседей — Российской Федерации, позволяет сделать более объективный вывод о степени влияния мероприятий такого уровня на социально-экономическое развитие государства.

Рассматривая ожидаемое влияние Игр на сферу экономики, необходимо вернуться к анализу предыдущего масштабного спортивного мероприятия в Беларуси, которым был Чемпионат мира по хоккею 2014 г. Каковы же там были результаты? Во-первых, главным результатом данного мероприятия явилась большая работа по модернизации инфраструктуры гостеприимства: в городе Минске было введено более 7 новых 4-5-звёздочных гостиниц, качественно изменивших облик гостиничного сектора страны. Это позволило увеличить количество средств размещения в республике с 359 в 2010 году до 539 в 2015 году. Наряду с зарубежными инвестициями в сектор пришли гостиничные сети (IHG, Marriott, Hilton)[3, с. 76].

В городе были введены крупнейшие спортивные арены — Минск-Арена на проспекте Победителей и Ледовый дворец в микрорайоне Чижовка. Обновлена дорожная и логистическая инфраструктура города. Впервые в отечественной практике появилась возможность безвизового посещения страны по билету Чемпионата, что, конечно же, стимулировало поток иностранных гостей на спортивное мероприятие (с 25 апреля по 25 мая 2014 года в республику прибыло более

100 тыс. туристов и экскурсантов, в том числе 31 400 человек по билету болельщика Чемпионата), повысило качество оказания услуг в секторе общественного питания и средств размещения [1, с. 10-11]. Значительно улучшился туристический имидж Беларуси и города Минска. Особый импульс наблюдался в туристическом секторе страны. Накануне Чемпионата был создан туристический портал, где были представлены основные объекты отдыха и развлечений, введена гостевая карта Минска, разработаны новые туристические маршруты. Бесспорно, данное мероприятие дало стимул развитию в республике въездного и внутреннего туризма. Эти положительные последствия хоккейного чемпионата 2014 года имеют, конечно же, долговременный эффект.

Однако нельзя не обозначить и некоторые издержки. Так, например, нагрузка возведённых в столице республики высокостарых гостиниц всё ещё остаётся невысокой. Большое число гостиниц в г. Минске страдает из-за невысокой загрузки (29 %). Более того, большинство гостиничных комплексов принадлежат зарубежным сетям, поэтому полученная прибыль от деятельности гостиниц, не в полном объеме оказывает влияние на экономику города и создает условия образования монополий с их стороны на рынке гостиничных услуг [3, с. 75-76].

Организаторами Игр был допущен стратегический просчет в вопросе привлечения зарубежных гостей, так как все места в гостиницах города были заранее забронированы дирекцией Игр, что создало значительные трудности для туристических фирм по привлечению туристов [7].

Говоря о возведённых в городе Минске спортивных сооружениях, необходимо отметить, что, хотя они и используются в жизни города, всё же их окупаемость вызывает большие сомнения по ряду причин (высокая ценовая шкала предлагаемых услуг и невысокая покупательская способность населения, отсутствие чёткой концепции их коммерческого использования на среднесрочную перспективу и т.д.). Эта проблема, на взгляд автора, требует отдельного исследования не только по городу Минску, но и по регионам республики.

II-е Европейские игры 2019 г. явились как бы продолжением проходившего в городе Минске Чемпионата по хоккею 2014 г. по многим вопросам — начиная от инфраструктурного совершенствования и заканчивая развитием безвизовой политики.

К началу Игр в городе Минске был полностью реконструирован стадион «Динамо», на котором происходило их открытие и закрытие. Дальнейшее благоустройство получил город Минск — были введены высококомфортные залы для пребывания гостей по ул. Зыбицкой, Революционной, на набережной реки Свислочь; была реконструирована значительная часть городских зданий (заменена кровля и цветовая гамма многих фасадов многоквартирных домов по улицам Кирова, Ленинградской, Ленина, Пулихова, Октябрьской и др.); модернизирована городская трамвайная линия, обустроены остановочные места общественного транспорта города, обновлён (в т. ч. на электрической основе) автобусно-троллейбусный автопарк города. Экспорт туристических услуг в период проведения Игр по сравнению с обычным периодом вырос на 10%, а розничный товарооборот и спрос покупателей увеличились на 20%. Данное инфраструктурное обустройство и организация Игр обошлись бюджету государства в 540 млн. рублей. (Бюджет Чемпионата мира по хоккею составил 12 млн. евро) [5, 6].

Нет сомнения, что большая кропотливая работа по подготовке Игр имеет долгосрочную форму окупаемости (и зачастую не только прямую). Трудно оценить сегодня финансовыми измерениями большой опыт, который приобрели более 4-х тыс. волонтеров из числа молодежи, задействованной на Играх; инфраструктурная модернизация, которая будет работать на потребность города в бли-

жайшие годы; мотивационная составляющая занятий спортом для молодёжи; обшая комфортность городской среды и т.п.

Однако нельзя игнорировать и тот факт, как свидетельствуют чемпионаты мира по футболу в ЮАР (2010 г.), Бразилии (2014 г.) и России (2018 г.), что мероприятия такого масштаба полностью не окупаемы [2, с. 86]. Вместе с тем и Чемпионат мира по хоккею 2014 г., и 2-ые Европейские игры в Беларуси были впечатляющими мировыми спортивными мероприятиями последних пяти лет, которые значительно повысили узнаваемость Республики Беларусь на международной арене.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гайдукевич Л.М. / Некоторые итоги подготовки и проведения Чемпионата мира по хоккею 2014 г. в контексте развития событийного туризма в Республике Беларусь / Л.М. Гайдукевич // Туризм и гостеприимство / Полесский государственный университет. – 2014. – Вып. 1 – с. 10 – 11.
2. Гозалова Н.В. Ожидаемое и реальное влияние спортивного событийного туризма на экономику Ростовской области: Чемпионат мира по футболу 2018 / Сервис plus, 2018 т. 12 № 4. – с. 78-85.
3. Дедок В.М. Гостиничный сектор Республики Беларусь в условиях глобализации мировой экономики / В.М. Дедок // Журнал международного права и международных отношений – 2017. - № 3 (82) – 4 (83). – С. 74-81.
4. Текущий архив Министерства спорта и туризма Республики Беларусь // Справка о развитии туризма в Республике Беларусь за 2011-2015 годы и задачах на 2016 год. 12 с.
5. Власти скорректировали подсчет иностранцев, посетивших Ев... <https://belsat.eu/ru/news/vlasti-skorrektirovali-podschet-inostrantsev...> Дата доступа 19.09.2019.
6. Бюджет чемпионата мира по хоккею 2014 года в Минске состав... <https://sportpanorama.by/2012/05/28/byudzhet-chempionata-mira-ro...> Дата доступа 24.09.2019.
7. Организаторы Европейских игр допустили стратегический про... <https://rest.ej.by/competent/2019/05/24/organizatory-evropeyskih-igr...> Дата доступа 19.09.2019.

ПРЕЛИМИНАРИНГ КАК ВОЗМОЖНАЯ ФОРМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УЧРЕЖДЕНИЙ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ РАБОТОДАТЕЛЕЙ

А. О. Данильченко¹⁾, А. А. Шенец²⁾

*¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, anna-daniltchenko@yandex.ru*

*²⁾ООО «Эрнст энд Янг»,
ул. Клары Цеткин, 51а, 220004, Минск, Беларусь, alinashenets01@gmail.com*

В статье рассмотрены возможности прелиминаринга как технологии подбора персонала. Проведен анализ практики подбора персонала компанией ООО «Эрнст энд Янг», ориентированной на привлечение молодых специалистов. Предложены возможные формы взаимодействия учреждений высшего образования и потенциальных работодателей.

Ключевые слова: трудоустройство выпускников; прелиминаринг; учебная и производственная практика; ООО «Эрнст энд Янг».

PRELIMINARING AS A POSSIBLE FORM OF INTERACTION BETWEEN HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS AND POTENTIAL EMPLOYERS

A. O. Daniltchenko^{a)}, A. A. Shenets^{b)}

^{a)}Belarusian State University, Niezaliežnasci av., 4, 220030, Minsk, Belarus

^{b)}Ernst & Young LLC, KlariZetkin str., 51a, 220004 Minsk, Belarus

Corresponding author: A. O. Daniltchenko (anna-daniltchenko@yandex.ru)

The article discusses the possibilities of preliminaring as a technology of personnel selection. Recruitment practices by Ernst & Young LLC, aimed at attracting young specialists, was analysed. Possible forms of interaction between higher education institutions and potential employers are proposed.

Key words: employment of graduates; preliminaring; educational and industrial practice; Ernst & Young LLC.

Согласно результатам ежегодного анкетирования выпускников направления специальности «Менеджмент (в сфере международного туризма)» [1] до 60 % из числа опрошенных студентов в качестве места своего дальнейшего трудоустройства указывали предприятие, на базекоторого проходили преддипломную практику и/или материалы которого использовали при подготовке своей дипломной работы. Технология привлечения к работе посредством производственной практики и/или стажировки перспективных молодых специалистов – выпускников вузов в научной литературе обозначена термином «прелиминаринг» (англ., *preliminaring*) [2]. Подбор персонала с помощью прелиминаринга позволяет компаниям постоянно привлекать мотивированных перспективных выпускников лучших учреждений высшего образования, легко адаптировать их под свои стандарты работы, социально-психологический климат, тем самым гарантируя себе успех в будущем. Проведение стажировок возможно в рамках учебных и производственных практик, которые являются обязательной частью учебного процесса и, наряду с другими активными формами подготовки [3-6], позволяют формировать у выпускников специальности необходимые компетенции.

Сотрудничество учреждений образования и потенциальных работодателей при прелиминаринге реализуется в следующем:

- презентация компании (ознакомление выпускников с компанией, ее политикой, родом деятельности, местом на рынке, перспективами развития ит.п.);
- рекрутинг молодых специалистов (поиск и отбор наиболее подходящих выпускников для работы или прохождения производственной практики на предприятии);
- конкурсы среди студентов, в т.ч. с целью поиска новых перспективных идей для развития бизнеса;
- составление списка лучших студентов / выпускников факультета международных отношений БГУ;
- организация и проведение совместных мероприятий, в частности День карьеры, Ярмарка вакансий, Бал выпускников и т.п.

Одной из компаний, активно привлекающей студентов и выпускников факультета международных отношений, является ООО «Эрнст энд Янг», входящая в состав глобальной организации EY (до 2013 г. Ernst and Young). EY – одна из крупнейших аудиторских и консалтинговых компаний в мире, которая насчитывает более 700 офисов в 150 странах мира и входит в состав так называемой «Большой четверки» (Bigfour: EY, DeloitteToucheTohmatsuLimited, Price water house Coopers, KPMG) [7]. В Республике Беларусь EY работает с 1994 года, в 2000 году открыт

офис компании, число сотрудников в котором в настоящее время составляет более 500 человек, у всех сотрудников высшее образование. Следует отметить, что в результате проводимой политики найма персонала средний возраст сотрудников компании не превышает 26 лет. Компания ежегодно приглашает большое количество студентов старших курсов и выпускников для прохождения стажировки с возможностью дальнейшего трудоустройства.

По итогам прохождения испытательного срока ежегодно остается 13 – 21 % от числа прошедший тестирование кандидатов, что составляет 15 – 26 % от общего числа сотрудников ООО «Эрнст энд Янг» (см. таблицу 1).

Таблица 1

Результаты процесса найма сотрудников

Период ¹	Количество протестированных кандидатов, чел.	Количество приглашенных на собеседование, чел.	Количество нанятых, чел.	Количество прошедших испытательный срок, чел.	Процент нанятых (выпускников), прошедших испытательный срок, от общего количества протестированных кандидатов, %	Общее количество сотрудников ООО «Эрнст энд Янг»	Процент нанятых (выпускников), прошедших испытательный срок, от общего числа сотрудников ООО «Эрнст энд Янг», %
2011-2012	233	114	38	30	13	132	23
2012-2013	235	116	62	41	17	174	24
2013-2014	272	147	59	40	15	217	18
2014-2015	233	131	62	50	21	263	19
2015-2016	267	142	58	44	16	288	15
2016-2017	428	247	118	89	21	347	26

¹ Здесь и далее используются показатели на 1 июля исследуемого года в связи с тем, что во внутренних системах компании год считается по американской и европейской системе с началом 1 июля текущего года и окончанием 30 июня следующего года.

Источник: собственная разработка на основе данных статистической и аналитической отчетности ООО «Эрнст энд Янг»

Следует отметить, что ежегодно более 90 % новых сотрудников компании составляют молодые специалисты, которые выбрали ООО «Эрнст энд Янг» в качестве своего первого места работы, что отвечает принципу компании «вращения кадров внутри своей системы» (см. таблицу 2).

Таблица 2

Сравнительная таблица количества нанятых сотрудников по группе должностей «профессионалы» в разрезе наличия опыта работы

Период	Нанятые сотрудники без опыта		Нанятые сотрудники с опытом работы	
	чел.	%	чел.	%
2013-2014	40	70	17	30
2014-2015	50	86	8	14
2015-2016	44	88	6	12
2016-2017	89	95	5	5

Источник: собственная разработка на основе данных статистической и аналитической отчетности ООО «Эрнст энд Янг»

Практика привлечения и отбора персонала, осуществляемая компанией ООО «Эрнст энд Янг», иллюстрирует возможности взаимодействия учреждения высшего образования и потенциального работодателя, заинтересованного в подготовленных выпускниках. Развитие двусторонних отношений, при активном использовании возможности в том числе производственной практики-стажировки, позволит высшим учебным заведениям развиваться в направлении модели «Университет 3.0», выпускникам специальности быть конкурентоспособными на рынке труда, заинтересованным работодателям еще на этапе обучения студентов выявлять своих потенциальных будущих сотрудников.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Отчеты кафедры международного туризма об учебной и научно-методической работе за 2015-2016 уч. г., 2016-2017 уч.г., 2017-2018 уч. г., 2018-2019 уч. г. Утвержд. на заседании каф.межд. туризма // Архив кафедры международного туризма факультета международных отношений Белорусского государственного университета.

2. Чуланова О. Л., Самедов В. Т. Применение технологии прелиминаринг в отборе персонала организации // Интернет-журнал «Мир науки». – 2015. – № 1. – Режим доступа: <http://mir-nauki.com/PDF/02EMN115.pdf>. – Дата доступа: 01.10.2019.

3. Богино Н. И. Практико-ориентированные подходы к подготовке кадров для индустрии туризма // Современные тенденции развития международного туризма в мире и Республике Беларусь в условиях глобализации : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию основания каф. междунар. туризма фак. междунар. отношений Белорус. гос. ун-та, Минск, 12 окт. 2018 г. / Белорус. гос. ун-т ;редкол.: Л. М. Гайдукевич (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2018. – С. 251-262.

4. Гайдукевич Л. М. 20 лет подготовки кадров на кафедре международного туризма: состояние и перспективы развития // Современные тенденции развития международного туризма в мире и Республике Беларусь в условиях глобализации : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию основания каф. междунар. туризма фак. междунар. отношений Белорус. гос. ун-та, Минск, 12 окт. 2018 г. / Белорус. гос. ун-т ;редкол.: Л. М. Гайдукевич (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2018. – С. 244-250.

5. Гайдукевич Л. М. Модернизация структуры подготовки туристических кадров по специализации «Менеджмент в сфере международного туризма» с учетом опыта реализации Болонского процесса / Л. М. Гайдукевич, Л. М. Хухлындина, С. А. Хомич, О. С. Мозговая, А. О. Данильченко // Модернизация и внедрение бизнес-образовательных программ подготовки кадров для туриндустрии : сборник научных статей / [редкол.: Клаус

Розенталь (отв. ред.), В. Н. Никитин, Н. И. Кабушкин]. - Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2011. – С. 111-117.

6. Сороко П. О. Особенности организации учебных автобусных экскурсий для студентов, изучающих менеджмент в туризме // Беларусь в современном мире : материалы XV Междунар. науч. конф., посвящ. 95-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 27 окт. 2016 г. – Минск, 2016. – С. 260-262.

7. EY. Building a better working world. Официальный сайт. URL: <https://www.ey.com/by/ru/home>

ОВЕРТУРИЗМ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

В.М. Дедок

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
г. Минск, Республика Беларусь, 220030, viktoria_dedok@yahoo.com*

В статье рассматривается понятие «овертуризм», причины возникновения и последствия развития; представлен анализ распределения турпотока по регионам мира и результаты рейтинга европейских городов, страдающих больше всего от туризма. Автор проводит обзор последствий овертуризма в Барселоне, Амстердаме и Венеции. Приводятся рекомендации ЮНВТО и HOTREC, направленные на предотвращение возникновения овертуризма. Предложена классификация туристических дестинаций с учетом уровня развития туризма и отношения местного населения к туристам.

Ключевые слова: овертуризм, международный туризм, городской туризм, сельский туризм, глэмпинг, гастрономические туры, альтернативные виды туризма, экономика совместного потребления, распределение потока туристов, ЮНВТО, Европейская Ассоциация отельеров и рестораторов (HOTREC).

OVERTURISM AND ITS CONSEQUENCES: INTERNATIONAL EXPERIENCE

V.M. Dedok

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030,
Minsk, Republic of Belarus, viktoria_dedok@yahoo.com*

The article discusses the concept of "overtourism", the causes and consequences of development; presents an analysis of the distribution of tourist flows in the regions of the world and the results of the rating of European cities that suffer most from tourism. The author reviews the effects of overtourism in Barcelona, Amsterdam and Venice. The recommendations of UNWTO and HOTREC aimed at preventing the occurrence of overtourism are provided. A classification of tourist destinations is proposed taking into account the level of tourism development and the attitude of the local population towards tourists.

Key words: overtourism, international tourism, urban tourism, rural tourism, glamping, gastronomic tours, alternative types of tourism, sharing economy, distribution of tourist flows, UNWTO, European Association of Hoteliers and Restaurateurs (HOTREC).

Согласно данным ЮНВТО, в 2017 г. в мире наблюдаются наиболее высокие показатели развития индустрии туризма и гостеприимства за последние семь лет. Число туристов достигло 1,3 млрд человек, доходы от туризма увеличились до 1340 млрд. долл. США (рост по отношению к 2016 г. составил 7% и 5% соответственно) [1]. Значимый вклад данной индустрии в мировую экономику (10% мирового ВВП, 7% мирового экспорта, 30% мирового экспорта услуг, каждое

десятое место работы) свидетельствует о ее высоком потенциале с экономической точки зрения. Развитие туризма в стране с поддержкой на уровне государства обусловлено, как правило, желанием получения дополнительного дохода в экономику страны, созданием новых рабочих мест, ростом налоговых отчислений, получением валютных поступлений, привлечением иностранных инвестиций, развитием инфраструктуры. Во многих странах мира индустрия туризма и гостеприимства имеет высокий уровень развития, в некоторых же - лишь начинает развиваться. Желая привлечь как можно большее количество туристов в свою страну, важно помнить о вероятности возникновения возможных негативных последствий, о чем свидетельствует международный опыт. К числу таких последствий необходимо отнести *овертуризм*.

Понятие «овертуризм» (от англ. «overtourism») возникло совсем недавно и означает перенасыщение некоторых городов и курортов мира избыточным потоком туристов, что оказывает негативное влияние на жизнь местного населения и самобытность местности.

По данным Euromonitor, в 2017 г. половина мирового турпотока пришлось всего на 100 городов мира [2]. Это стало причиной скопления в них большого количества туристов, значительно превышающего количество местного населения. Несмотря на экономическую значимость туристской индустрии, важно понимать, что толпы туристов являются следствием деградации качества уровня жизни местных жителей; причиной роста цен на недвижимость, ориентированных на увеличение доходов от туризма; угрозой разрушения инфраструктуры и причинения вреда местной экосистеме. Все вместе это влечет за собой протесты и явный конфликт, уже известный как туризмофобия (от англ. «*tourismphobia*»).

Анализ распределения турпотока по регионам мира свидетельствует, что Европа является наиболее популярным направлением, привлекая ежегодно более половины всех туристов мира. По данным ЮНВТО, в 2017 г. данный регион посетили 672 млн. человек (51% мирового турпотока). Ожидается, что данная тенденция сохранится, и к 2030 г. данный показатель превысит 700 млн. человек. Это объясняет тот факт, что в настоящее время данный макрорегион больше всего подвержен влиянию овертуризма.

К числу основных причин, способствующих возникновению овертуризма, следует отнести: доступность авиаперелетов и развитие бюджетных авиалиний; улучшение транспортной инфраструктуры; появление интернет-платформ по аренде жилья, построенных на принципах экономики совместного потребления (Airbnb, Homeaway, Couchsurfing); влияние модных тенденций (посещение мест, где проходили съемки известных фильмов, сериалов); рост числа туристов из КНР; рост числа круизных путешественников.

Международная компания Statista составила рейтинг европейских городов, страдающих больше всего от туризма. При расчете рейтинга были учтены такие показатели, как число туристов, прибывающих в город самолетом; число доступных мест для ночевки на квадратный километр; соотношение количества туристов в пиковый сезон и количества местных жителей; мнение жителей каждого города, как они относятся к туристам и не чувствуют ли дискомфорта из-за них. Городам присваивался рейтинг от 10 (туристы местным жителям не мешают совсем) до 1 (туристы – большая проблема для местных жителей). По этой шкале г.Барселона (Испания) возглавил рейтинг и набрал 2,05 балла. Второе и третье место заняли гг. Амстердам (Нидерланды) и Венеция (Италия), набрав 2,18 и 2,19 баллов соответственно. Замыкают пятерку гг. Милан (Италия) и Будапешт (Венгрия) с количеством баллов 2,66 и 2,89 соответственно [3].

Данные рисунка 1 свидетельствуют, что, начиная с 2010 г., в г.Барселона отмечается постоянный рост числа туристов. В 2016 г. это показатель достиг 9

млн. человек, без учета круизных путешественников и экскурсантов. Если принимать во внимание и эти категории путешественников, то показатель составит 30 млн. человек, в то время, как количество местных жителей составляет лишь 1,6 млн. человек (см. рисунок 1).

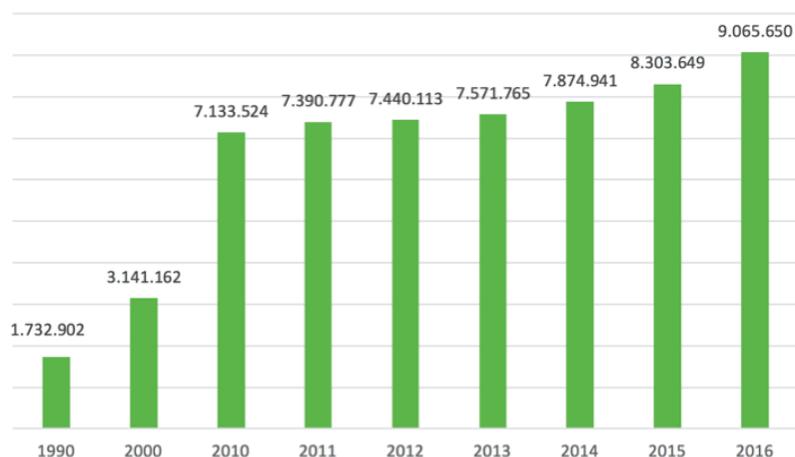

Рис. 1. Динамика туристских прибытий в г. Барселона, чел. (1990-2016 гг.)
Источник: составлено автором по [4].

Жители г.Барселоны выступают против массового развития туризма: публикуется большое количество информации в СМИ, вводятся ограничения на деятельность платформы Airbnb, проводятся акции протеста. Так, в августе 2017 г. участники левого молодежного движения Arran Jovent атаковали туристический автобус рядом со стадионом, а также расписали стены города лозунгами «Туристы, убирайтесь домой!». В июне 2018 г. они же опубликовали в сети ролик, на котором замазывают замки хостелов, туристических офисов, прокатов велосипедов и камер хранения с помощью силиконового клея и скрепок в знак протеста роста числа туристов в городе.

Рост предложения частного арендного жилья на платформе Airbnb в г. Барселона (17 369 вариантов, средняя стоимость 84 евро) оказал положительное влияние на развитие туризма в городе, составив высокую конкуренцию гостиничному сектору (408 гостиниц в 2016 г.). С другой стороны, высокий спрос на арендное жилье привел к росту стоимости квадратного метра жилой недвижимости с 2977 евро в 2014 г. до 4024 евро в 2017 г., что повлияло на сокращение числа горожан.

По данным исследования банка ABN Amro, уже сейчас на каждого жителя г.Амстердам приходится 10 туристов, а согласно последнему исследованию Нидерландского совета по туризму и конгрессам (NBTC), количество туристов в Нидерландах в ближайшие годы увеличится на 50 %, с примерно 40 млн в 2017 г. до 60 млн к 2030 г. [5]. В качестве меры по сокращению туристов в г.Амстердаме власти ввели ограничения на строительство магазинов и отелей в центре города, а также увеличили туристический налог до 6% за каждую ночь пребывания в гостинице. В настоящее время активисты обратились в городской совет Амстердама с просьбой демонтировать знаменитые бело-красные буквы «I amsterdam» на Музейной площади, иные популярные инсталляции в городе и аэропорту Схипхол, прекратить любое продвижение города под слоганом «I amsterdam», так как поток туристов увеличивается из года в год и нидерландская столица не нуждается в рекламе.

В 2015 г. г.Венецию посетили 10,2 млн туристов, не включая круизных пассажиров и экскурсантов. Население города составляет 261,8 тыс. человек, из которых 55,5 тыс. живет в исторической части города. Согласно данным Город-

ского совета Венеции число однодневных посетителей (экскурсантов, круизных пассажиров) исторического центра города в 2015 г. составило 34 млн. человек.

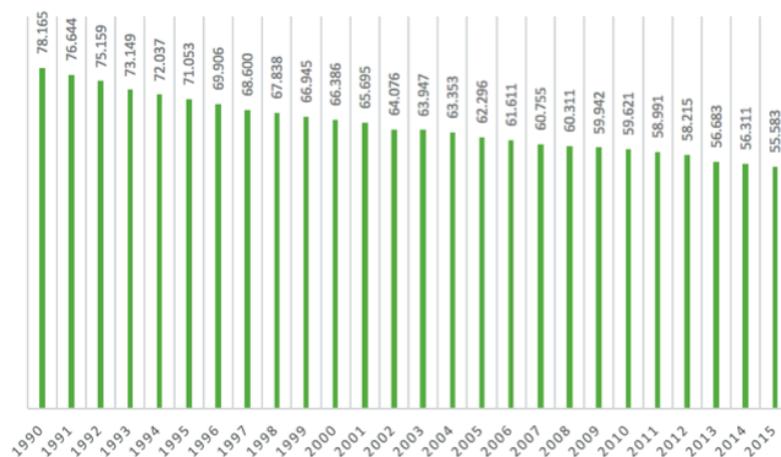

Рис. 2. Динамика численности жителей исторической части г. Венеция, чел.
Источник: составлено автором по [4].

Если сравнить количество местных жителей, зарегистрированных в историческом центре города, и количество однодневных посетителей, то очевидно, что ситуация беспрецедентная. Динамика численности жителей исторического центра города в период с 2001 по 2015 гг. (рисунок 2) свидетельствует о сокращении данного показателя на 10 тыс. человек.

В результате муниципалитет ввел штрафы до 500 евро за выброс мусора, купание в каналах и езду на велосипеде, а также установили турникеты на дорогах для регулировки движения. В скором времени собираются еще и ограничить количество туристических лайнеров, заходящих в лагуну.

Следует отметить, что существуют разные подходы к решению проблем, возникающих в результате овертуризма. К числу основных следует отнести введение дополнительных налогов и штрафов, увеличение размера имеющихся налогов; ограничение количества посетителей; введение специального разрешения на посещение объектов; закрытие мест для посещения туристов; введение ограничений на деятельность платформы Airbnb и другие.

Имеются примеры использования геймификации для решения существующих проблем с овертуризмом. Так, Городской совет по туризму г. Лондон принял решение разгрузить центр от туристов при помощи специально созданной игры Play London With Mr. Bean. Игрок должен посещать достопримечательности за пределами Лондона, проходить разные уровни заданий — зарабатывать очки, которые можно обменять на скидки. Игра предназначена для тех, кто находится в городе в течение нескольких дней и успевает посетить много достопримечательностей. Чтобы люди не заканчивали играть, компания-разработчик планирует продолжать добавлять новые уровни, аттракционы и предложения. На начало 2018 г. игру скачали более шестисот тысяч раз [6].

Принимая во внимание модель отношения местного населения к туристам, предложенную зарубежным исследователем Г. Докси (G. Doxey, 1975)², можно

² Зарубежный исследователь Г. Докси (G. Doxey, 1975) предложил модель отношения местного населения к туристам, которая включает четыре основных этапа: эйфория – начальная стадия развития туризма, присутствие туристов воспринимается местными жителями с энтузиазмом; апатия – взаимодействие между местными жителями и туристами приобретает коммерческий характер, отношения становятся формальными; раздражение – характерно чрезмерное присутствие туристов, скопление и толпы, наблюдается высокий уровень развития инфраструктуры; антогонизм – открытая демонстрация раздражения по отношению к туристам [7].

все туристские дестинации условно разделить на четыре группы, что позволяет лучше понимать вероятность возникновения овертуризма и возможности предотвращения его последствий.

I группа (этап «Эйфория»): города и иные территории, в которых туризм только начинает развиваться. Для местных жителей туристы не представляют «угрозы», что является результатом лояльного отношения к ним. Развитие туризма всячески поддерживается и поощряется.

II группа (этап «Апатия»): города и иные территории, в которых туризм стремительно развивается, представляя собой хороший источник доходов. Местное население относится к туристам с уважением, так как понимает их значимость с экономической точки зрения. Предпринимаются все меры по содействию развития туризма в данной местности.

III группа (этап «Раздражение»): города и иные территории, которым характерен высокий уровень развития туризма; наблюдается чрезмерное присутствие туристов, что в значительной мере раздражает местных жителей; меры по ограничению туристов в стадии разработки.

IV группа (этап «Антогонизм»): города и иные территории, которым характерен очень высокий уровень развития туризма (число туристов многократно превышает количество местных жителей) и крайне негативное отношение местного населения к туристам, проявленное в открытой форме демонстрации (акции протеста, заявления в СМИ, надписи на стенах).

Можно сделать вывод, что овертуризм присутствует в тех дестинациях, где отношения местного населения к туристам находится на стадии «Антогонизм» или стадии «Раздражение». Этим стадиям предшествуют периоды, когда, напротив, отношение к туристам является достаточно хорошим, всячески поддерживается развитие туризма (стадии «Эйфория» и «Апатия»). Принимая это во внимание, следует сделать вывод, что стремление постоянно повышать уровень развития туризма приводит к негативным последствиям (воздействие на местную среду и жителей через рост цен на недвижимость, в ресторанах, на услуги такси; многочисленные толпы туристов, оказывающие воздействие на инфраструктуру туристских достопримечательностей; загрязнение окружающей среды и др.).

С целью предупреждения возможности возникновения подобных последствий международные организации разрабатывают программы и стратегии. Так, ЮНВТО было проведено исследование с участием жителей центральных районов восьми европейских городов (Амстердам, Барселона, Берлин, Копенгаген, Лиссабон, Мюнхен, Зальцбург и Таллинн), на основании которого предложены 11 направлений по предотвращению возникновения овертуризма и его последствий: распределение туристов по разным частям города и за его пределами; распределение турпотока по времени; продвижение менее популярных достопримечательностей; совершенствование системы организации туризма; углубленное сегментирование туристов; содействие получению выгод от туризма местным жителям; развитие городской инфраструктуры; установление и поддержание контакта с местными региональными организациями и иными структурами, вовлечение их в процесс организации туризма; взаимодействие с туристами и вовлечение их в жизнь местных сообществ; разработка и внедрение системы мониторинга и своевременного реагирования.

Европейская Ассоциация отельеров и рестораторов (HOTREC) также подготовила исследование, в рамках которого был проведен анализ проблемы овертуризма во всем мире и предложены пути её решения. HOTREC предлагает пять

рекомендаций для политиков и лиц, принимающих решения по линии борьбы с данным явлением в европейских странах:

- туристическая деятельность должна иметь *четкое управление*: для принятия взвешенных решений и стратегического планирования развития туристической деятельности необходимо организовать сбор информации о туристической активности в каждом пункте назначения и ее последующую аналитику;
- *установление лимитов*: разумные ограничения должны быть согласованы путем диалога между всеми сторонами в каждом пункте назначения. Физические ограничения на количество туристов, посещающих популярные города, являются нецелесообразными. Предлагается устанавливать лимит на предоставление жилья в краткосрочную аренду на определенное количество ночей в год или усовершенствовать координацию потока круизных пассажиров, которые могут высадиться в городе лишь в определенный день;
- *распределение турпотоков* более равномерно в течение года и на всей территории региона: создания более эффективного продвижения менее посещаемых пунктов назначения, стирания сезонности;
- деятельность, направленная на *повышение уровня ответственности у туристов*;
- *диалог* между местными жителями, профессиональными туристическими организациями и органами власти о воздействии туризма на регион и проблемах, с этим связанных, посредством создания специальных структур.

Во время проведения в г.Берлине туристической выставки ITB в марте 2018 г. было подчеркнуто, что туристические представительства городов начнут больше сотрудничать с региональными организациями, чтобы перенаправить поток туристов в менее популярные направления. Например, Ирландия вложила десятки миллионов долларов в развитие Wild Atlantic Way – дороги длиной в 2500 километров вдоль западного побережья. За 3 года стало ясно, что эта дорога позволила одновременно и привлечь туристов в страну, и увести их из г.Дублин. Те же результаты показала кампания «Рестораны Австралии», благодаря которой значительно возрос поток туристов в г.Перт и о.Тасманию.

Развитие сельского туризма может использоваться при перераспределении потоков туристов. Альтернативными вариантами путешествий также могут стать гастрономические туры в регионы или посещение необычных отелей в провинции. Развитие глэмпинг-центров может являться одним из способов привлечения туристов за пределы города. Слово «глэмпинг» образовалось от объединения английских слов «glamorous camping», что в переводе на русский язык означает «гламурный кемпинг». Иными словами, данный формат размещения предполагает проживание на лоне дикой природы в максимально комфортных условиях: уютное жилище с мягкой кроватью вместо палатки и спального мешка, ванная комната со всеми удобствами и ресторанные блюда вместо купания в реке и еды, приготовленной на костре. К числу преимуществ проведения отдыха таким образом следует отнести, в первую очередь, возможность получения уникального опыта и абсолютно незабываемых ощущений от единения с природой.

Делая вывод, хочется отметить, что неравномерное развитие туризма и неравномерное распределение турпотока в мире, с одной стороны, позволяет выявлять многочисленные преимущества данного вида экономической деятельности как на национальном, так и международном уровне, но, с другой стороны, предоставляет подробное описание возможных негативных последствий от чрезмерного потока туристов при отсутствии четко спланированной программы

мероприятий по развитию и управлению туристической деятельности как на национальном, так и на локальном уровне. Принимая во внимание международный опыт в части возникновения овертуризма, странам, в которых туризм лишь начинает свое стремительное развитие, предоставляется возможность предотвращения подобных проблем посредством принятия заблаговременных мер по совершенствованию программ и стратегий развития международного туризма на национальном, региональном и локальном уровнях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. UNWTO Tourism Highlights. 2018 Edition. URL: <https://www.e-unwto.org/doi/pdf/10.18111/9789284419876> (дата обращения: 09.11.2018)
2. «Овертуризм» или города, где туристам не рады. URL: <https://www.tourprom.ru/news/39564/> (дата обращения: 07.11.2018)
3. Ranking of the worst cities for over-tourism in Europe in 2017. URL: <https://www.statista.com/statistics/778687/overtourism-worst-european-cities/> (дата обращения: 07.11.2018)
4. Overtourism and Tourismphobia: Global trends and local contexts. – URL: https://www.researchgate.net/profile/Claudio_Milano3/publication/323174488_Overtourism_and_Tourismphobia_Global_trends_and_local_contexts/links/5a842fd7a6fdcc6f3eb52e40/Overtourism-and-Tourismphobia-Global-trends-and-local-contexts.pdf?origin=publication_detail (дата обращения: 07.11.2018)
5. Амстердам хотят лишить его визитной карточки. URL: <https://34travel.me/post/i-amsterdam> (дата обращения: 09.11.2018)
6. London Uses Mobile Gaming App to Help Tackle Overtourism. URL: <https://skift.com/2018/06/27/london-uses-mobile-gaming-app-to-help-tackle-overtourism/> (дата обращения: 09.11.2018)
7. Doxey, G. V. (1975, September). A causation theory of visitor-resident irritants: Methodology and research inferences. In *the impact of tourism sixth annual conference proc of the travel research Association* (pp. 195-98).

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА РЫНКЕ СОБЫТИЙНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ Г. МИНСКА

М. А. Зима¹⁾, М. В. Боровко²⁾

*¹⁾ Белорусский Государственный Университет
ул. Ленинградская 20, 220000, Минск, Беларусь, mariaaa.zimaa@gmail.com*

*²⁾ Белорусский Государственный Университет
ул. Ленинградская 20, 220000, Минск, Беларусь, marisan81@mail.ru*

В статье ставится задача проанализировать настоящее состояние рынка событийных мероприятий в городе Минск, а также выявить актуальные тенденции развития информационных технологий, необходимых для ивент индустрии. Для выполнения поставленных задач авторами были использованы методы теоретического анализа, изучения материалов научных и периодических изданий по проблеме. С помощью этих методов были проанализированы проблемные места индустрии мероприятий в городе Минске и выявлены наиболее актуальные тенденции использования информационных технологий, среди которых выделяют: введение в эксплуатацию платформ онлайн-визуализации, “Интернет вещей”, радиочастотную идентификацию, прямые трансляции в сети, а также создание и внедрение чат-ботов, цифровых проекций.

Ключевые слова: ивент индустрия, информационные технологии, онлайн-визуализация, радиочастотная идентификация, прямая трансляция, чат-бот.

INFORMATION TECHNOLOGIES APPLICATION TRENDS ON THE EVENT MARKET IN MINSK

M. A. Zima^a, M. V. Borovko^b

^a*Belarusian State University, Leningradskaya str. 20, 220000, Minsk, Belarus*

^b*Belarusian State University, Leningradskaya str. 20, 220000, Minsk, Belarus*

Corresponding author: M. A. Zima (mariaaa.zimaa@gmail.com)

The article seeks to analyze the current state of the event market in Minsk, as well as identify current trends in information technology that are necessary for the development of the event industry. To accomplish the tasks, the author used the methods of theoretical analysis, studying the materials of scientific and periodicals on the problem. Using these methods, the problem areas of the event industry in Minsk were analyzed and the most relevant trends in information technology were identified, which include: commissioning of online visualization platforms, “Digital Swag Bags”, radio frequency identification, live broadcasts on the Internet, as well as the creation and implementation of chatbots and digital projections.

Key words: event industry, informational technologies, online visualization, radio frequency identification, live broadcast, chatbot.

По мере расширения событийной индустрии растет и необходимость в использовании на мероприятиях современных технологий, которые не только упрощают жизнь организаторам, но и позволяют участникам в полной мере насладиться ивентом. По результатам анализа зарубежного опыта применения информационных и цифровых технологий в процессе проведения фестивалей было выявлено, что технологии являются неотъемлемой частью успеха мероприятия [2]. Информационно-технологическая ценность и концепция мероприятия наиболее наглядным образом формируют положительное восприятие бренда в понимании аудитории.

В городе Минске ивент-рынок находится только в самой начальной стадии своего развития, поэтому информационные и цифровые технологии используются не в полной мере [4]. Данный факт обусловлен тем, что на белорусском рынке ивентов не хватает квалифицированных кадров в области организации мероприятий. Для того, чтобы внедрять новые решения в области видео и аудио обеспечения, применять новейшие компьютерные и телекоммуникационные ресурсы, ивент-агентствам требуется соответствующий штат сотрудников со специальным техническим образованием. В связи с нехваткой таких кадров агентствам сложно составить достойную конкуренцию для зарубежного рынка событийных мероприятий, поскольку более высокие позиции на рынке, как правило, занимают компании, характеризующиеся мобильностью и гибкостью. Следовательно, для того, чтобы рынок событийных мероприятий в городе Минске вышел на новый уровень, необходимо разработать соответствующие учебные программы в высших учебных заведениях, направленные на подготовку кадров в ивент индустрии. Также для совершенствования качества белорусских мероприятий и соответствия ожиданиям современных потребителей, необходимо постоянно проводить мониторинг актуальных трендов в сфере информационных технологий и цифрового медиа.

К актуальным тенденциям в сфере информационных технологий и цифрового медиа, которые необходимо применить на рынке событийных мероприятий в городе Минске, относятся:

Платформы онлайн-визуализации, которые представляют собой создание модели помещения, сценических конструкций, светового оформления, декораций с помощью специализированного программного обеспечения [3]. Это позволит организаторам в процессе подготовки мероприятия учесть множество деталей, опи-

раясь на модель площадки. Например, место установки сцены, пультовой, развес светового оборудования, рассадка гостей. Таким образом, применение данной технологии планирования поможет грамотно выстроить инфраструктуру мероприятия во избежание такой проблемы, как образование больших очередей.

Радиочастотная идентификация, или RFID (англ. Radio Frequency Identification – радиочастотная идентификация). Технология RFID позволит осуществлять безналичные платежи, ускорить пропускную способность мероприятия, минимизировать затраты и собрать необходимые данные о посетителях для выявления точной целевой аудитории ивента. Выводы на основе полученных данных будут способствовать созданию уникального опыта общения потребителя с брендом [2]. Следовательно, это приведет к оптимизации взаимодействия со спонсорами, так как позволит выделить необходимый сегмент потребителей, подходящий определенному бренду, а также позволит поддерживать коммуникацию с участниками после мероприятия.

Прямая трансляция в сети Интернет. Такая технология позволит охватить многотысячную аудиторию малыми средствами. Главным её преимуществом является возможность для очных и виртуальных участников равноправно участвовать в мероприятии. Будут востребованы технологии, позволяющие максимально сократить дистанцию между выступающими, гостями и онлайн-зрителями. Чем большего эффекта присутствия удастся достичь, тем больший успех будет обеспечен мероприятию. Другое направление – краудстриминг: когда прямая трансляция совершается непосредственно участниками мероприятия. Все больше мероприятий будут использовать приложения для того, чтобы усилить вовлечение аудитории в контент события [5].

Искусственный интеллект. Создание и внедрение чат-ботов и специальных приложений в рамках определенного мероприятия позволит посетителям ориентироваться на территории ивента, получить ответы на интересующие вопросы, следить за расписанием выступлений и т.п. [1]. Event-менеджеры будут тратить больше времени на то, чтобы любой информацией можно было легко поделиться онлайн, тем самым увеличивая охват мероприятия. Чат-бот и мобильное приложение будут способствовать улучшению работы персонала на мероприятии. Например, посредством введения функции “Оценки мероприятия” в мобильном приложении, посетители смогут своевременно дать обратную связь о мероприятии, что позволит организаторам провести анализ для выявления сильных и слабых сторон ивента, на основе которого в дальнейшем разработают наиболее эффективную стратегию по его совершенствованию. Таким образом, гибкость и развитость программного обеспечения в интеграции с сервисами мобильных устройств будет способствовать персонализации мероприятия для участника.

Цифровые проекции (виртуальная и дополнительная реальность, 3D дисплеи, project mapping, голографические инсталляции). Первоочередной задачей при организации мероприятия является создание эмоционального впечатления и уникального опыта у посетителей посредством привлечения продуктов информационного прогресса. Внедрение технологий цифровых проекций поможет организаторам мероприятий задействовать виртуальные анимационные элементы дизайна в любом пространстве, подходящим под тематику определенного ивента, т.е. это возможность наиболее эффективного взаимодействия с участниками путём формирования у них уникальных эмоциональных впечатлений [2]. Цифровые виртуальные технологии помогут с возвратом вложений. Вместо того, чтобы размещать на прессволах логотипы каждого из спонсоров мероприятия, достаточным будет организовать интерактивные зоны с демонстрацией самых впечатляющих возможностей партнеров.

Онлайн-платформа “Интернет вещей” (DigitalSwagBags). “Интернет вещей” поможет решить множество проблем организаторов мероприятий, связанных с логистикой сувенирной продукции и взаимодействием с партнёрами. В эту платформу организаторам необходимо загрузить специальные предложения от партнеров, информацию о мероприятии, ваучеры на подарки, то есть, все, что обычно входит в пакет участника. Такой девайс позволит измерить эффективность подарков – что делает его не только дополнительным бонусом в общении с партнерами, но и источником bigdata об аудитории в целом [5]. Таким образом, данная технология значительно повысит эффективность ручных процессов, сэкономит время и позволит собрать полезные данные, которые невозможно получить иным путем.

На основании всего вышесказанного можно констатировать, что рынок событийных мероприятий в городе Минске находится только в самой начальной стадии своего развития, но демонстрирует положительную динамику. В связи с этим возникает необходимость применения актуальных информационных технологий в индустрии событийных мероприятий, т.к. новые технологии способствуют разработке простых и креативных решений для проблем, с которыми могут столкнуться участники и организаторы ивента. Среди тенденций информационных технологий на рынке событийных мероприятий в городе Минске были выявлены следующие: применение платформ онлайн-визуализации, “Интернет вещей”, радиочастотной идентификации, прямых трансляций в сети, а также создание и внедрение чат-ботов, цифровых проекций. Таким образом, использование инновационных информационных технологий окажет благоприятное воздействие на рынок событийных мероприятий в городе, так как они позволят выявить экономически эффективных партнеров, правильную целевую аудиторию, факторы соответствия ожиданиям посетителей, выстроить грамотную инфраструктуру, осуществить быстрый возврат инвестиций, а также создать уникальные впечатления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Shamir, S. Technology & Innovation / S. Shamir // How Technology Is Changing the Events Industry [Electronic resource]. – 2018. – Mode of access: <https://www.business2community.com/tech-gadgets/how-technology-is-changing-the-events-industry-02095651>. – Date of access: 10.10.2019.

2. Sheth, H. Top 10 Event-Tech Trends for 2019 / H. Sheth // Hubilo Official Blog [Electronic resource]. – 2018. – Mode of access: <https://medium.com/hubilo-official-blog/top-10-event-tech-trends-for-2019-d6bf51f32238>. Dateofaccess: 10.11.2019.

3. Waida, M. 4 Event Technology Trends Shaping the Future of Events / M. Waida // Socialtables [Electronic resource]. – 2018. – Mode of access: <https://www.socialtables.com/blog/event-technology/event-technology-trends>. –Dateofaccess: 10.10.2019.

4. Белорусский event-рынок // Marketing.by [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа: <http://marketing.by/analitika/beloruskiy-event-rynok-ili-gol-na-vydumki-khitra>. – Дата доступа: 10.10.2019.

5. Давыдова, М. Как event-индустрия будет использовать технологии в ближайшем будущем / М. Давыдов // Rusbase: Авторские колонки [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: <https://rb.ru/opinion/event-2>. – Дата доступа: 10.10.2019.

ВЛИЯНИЕ УРОВНЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СТРАН НА МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТУРИСТСКИЕ МИГРАЦИИ

М. В. Ковалева, В. М. Зайцев

*Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская 16, г. Минск, Беларусь, margarikovalyova@yandex.by*

Туризм - это динамичный процесс, который с каждым годом набирает темпы своего развития. В 2018 году доля туризма в мировом ВВП составила 13%, что на 3% больше, чем в предыдущем. На международные туристские миграции влияют разнообразные факторы, но, несомненно, одними из определяющих являются социально-экономические. В данной статье на примере отдельных стран с разным уровнем социально-экономического развития показано соотношение в них международных туристских потоков.

Ключевые слова: социально-экономическое развитие; туристские прибытия; туристские миграции, туристский бизнес, макроэкономические показатели.

INFLUENCE OF THE LEVEL OF SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF COUNTRIES ON INTERNATIONAL TOURISM MIGRATIONS

M. V. Kovalyova, U. M. Zaitsau

*Belarusian State University,
ul. Leningradskaya 16, Minsk, Belarus
Corresponding author: M. V. Kovalyova (margarikovalyova@yandex.by)*

Tourism is a dynamic process that is gaining pace of its development every year. In 2018, the share of tourism in world GDP was 13%, which is 3% more than in the previous one. International tourist migration is influenced by a variety of factors, but, undoubtedly, one of the determining factors are socio-economic. In this article, the example of individual countries with different levels of socio-economic development shows the ratio of international tourist flows in them.

Key words: socio-economic development; tourist arrivals; tourist migration, tourism business, macroeconomic indicators.

Конкурентоспособность туристского продукта во многом определяется уровнем социально-экономического развития страны. С учетом этого, для оценки перспектив развития международного туризма в Республике Беларусь представляет интерес анализ уровня социально-экономического регионов и отдельных стран с точки зрения развития данного сектора экономики.

Социально-экономическое развитие территории – один из основополагающих факторов развития международного туризма. Рост этой сферы является отражением динамики производительных сил, в частности, появлением новых видов транспортных средств, коммуникационно – информационных услуг, а также расширением международных экономических и культурных связей. [1, с. 6].

Социально-экономические факторы определяются совокупностью показателей. Среди них наиболее существенны следующие:

- экономико-географическое положение;
- общеэкономический уровень развития;
- развитость внутреннего туризма;
- урбанизация;
- степень развития транспортной и социальной инфраструктуры;
- структура индустрии туризма и опыт его организации.

Рассматривая все составляющие можно, выделить главные и второстепенные факторы формирования туризма в мире. В качестве главных факторов выступают:

Географическое положение. Особенности географического расположения страны на континенте (окраинное, транзитное или иное) и Мировом океане, наличие выходов к морям или океанам, положение относительно основных рынков туристского спроса существенно определяют ее возможности в развитии туризма.

Социально-экономическое развитие территории – это процесс увеличения количества и качества общественных и частных благ (товаров, работ, услуг), предоставляемых населению, в том числе и полученных при взаимовыгодном обмене с другими территориями.

Анализируя эти показатели, Международный Банк (TheWorldBank) разделяет все страны мира на 3 основные группы: с развитой экономикой; с переходной экономикой; развивающиеся, выделяя в их числе наименее развитые (в ряде случаев как 4 группу).

Страны с развитой экономикой (СРЭ) имеют высокий уровень развития материального и нематериального производства. ВВП на душу населения составляет не менее 12 тыс. долл. по ППС. В отраслевой структуре ВВП этих стран доминирует сфера услуг (более 70 %). Это значит, что они находятся на постиндустриальной стадии развития.

Страны с переходной экономикой (СПЭ) – это государства, которые осуществляют переход от административно-командной экономики к рыночной. Они появились в конце 80-х начале 90-х гг. прошлого века в результате распада мировой системы социализма. К ним относятся бывшие социалистические страны Центральной и Восточной Европы, а также государства, образованные из союзных республик распавшегося СССР.

Развивающиеся, в том числе наименее развитые страны характеризуются низким уровнем социально-экономического развития. Несмотря на их большое количество, огромную территорию и численность населения (около 50% населения Земли), на них приходится менее 1/3 мирового валового продукта. К этой группе в основном относятся страны Азии, Африки, Латинской Америки и Океании.

По версии Всемирного банка большинство стран мира имеет развивающийся тип экономики, выделяют только 17 стран с переходным типом, 37 стран относятся к развитым и 47 – с низким уровнем ее развития [4].

Результаты проведенных исследований подтвердили, что чем выше уровень развития страны, тем большее количество туристов она потенциально будет принимать. В таблице 1 приведены туристские прибытия десятки стран – лидеров по ЮНВТО в сочетании с их макроэкономическими показателями.

Таблица 1

Макроэкономические показатели стран-лидеров по туристским прибытиям, 2018 г.

Ранг	Страны	Прибытия млн. чел.	ВВП по ППС, млрд. долл.	ВВП на ду- шу нас.	ИЧР
1	Франция	89	2.826	43,800	0.897
2	Испания	83	1.769	38,200	0.884
3	США	80	19.360	59,500	0.920
4	Китай	63	23.120	16,600	0.738
5	Италия	62	2.307	38,000	0.887

Ранг	Страны	Прибытия млн. чел.	ВВП по ППС, млрд. долл.	ВВП на ду- шу нас.	ИЧР
6	Турция	46	2.133	26,500	0.767
7	Мексика	41	2.406	19,500	0.762
8	Германия	39	4.15	50,200	0.926
9	Таиланд	38	1.229	17,800	0.740
10	Великобритания	36	2.880	43,600	0.909

Составлено автором по [2, 3, 5]

Анализ данных, приведенных в таблице 1, позволяет сделать вывод о том, что туристские потоки направлены преимущественно в развитые страны, которые имеют высокий индекс человеческого развития (ИЧР) и ВВП на душу населения выше 20 тыс. долл. США (за исключением Китая, Таиланда и Мексики).

Для них также характерно благоприятное экономико-географическое положение, высокоразвитая инфраструктура, в том числе и туристская, близость к основным центрам туристского спроса, высокий или средний уровень урбанизации. Несомненно, что при этом высоким показателям туристских миграций здесь способствует богатство и разнообразие туристско-экскурсионного потенциала.

Представленные в таблице 2 страны, относятся к группам как стран с переходной экономикой, так и развивающихся (за исключением Канады и Нидерландов). Очевидно, что отдельной строкой здесь проходит Макао.

Таблица 2.

Макроэкономические показатели стран со средними показателями туристских прибытий, 2018 г.

Ранг	Страны	Прибытия млн. чел.	ВВП по ППС, млрд. долл.	ВВП на душу нас.	ИЧР
1	Канада	21,0	1.774	48,400	0.926
2	Польша	19,6	1.126	29,600	0.869
3	Нидерланды	19,0	924	53,900	0.921
4	Макао (Китай)	18,4	71	110,000	0.738
5	Индия	17,4	9.474	7,200	0.640
6	Венгрия	17,1	289	29,600	0.838
7	ОАЭ	15,9	696	68,600	0.863
8	Саудовская Аравия	15,2	1.775	54,500	0.853
9	Марокко	12,2	298	8,600	0.667
10	ЮАР	10,4	767	13,600	0.699

Составлено автором по [2, 3, 5]

По макроэкономическим показателям эта группа неоднородна, однако ряд из них имеет хорошо развитую туристскую инфраструктуру, в других она интенсивно развивается. Идут процессы упрощения визового режима, ощущается государственная поддержка в развитии туристского сектора экономики, имеется хороший туристско-экскурсионный потенциал.

**Макроэкономические показатели стран с наименьшими туристскими прибытиями,
2018 г.**

Ранг	Страны	Прибытия тыс. чел.	ВВП по ППС, млн долл.	ВВП на душу нас.	ИЧР
1	Восточный Тимор	75	7.000	6,000	0.625
2	Тонга	62	591	5,900	0.726
3	Ангилья	55	175	12,200	0.461
4	Монсеррат	45	167	34,000	0.708
5	Коморские острова	36	1.000	1,600	0.503
6	Соломоновы Острова	28	1.000	2,200	0.713
7	Американское Самоа	20	658	11,200	0.715
8	Ниуэ	10	010	5,800	0.543
9	Маршалловы Острова	6	196	3,600	0.708
10	Тувалу	2	42	3,800	0.709

Составлено автором по [2, 3, 5]

В таблице 3 представлены островные страны, в ряде случаев находящиеся под контролем высокоразвитых государств. Несмотря на экзотичность их туристско-рекреационного потенциала, существенными сдерживающими факторами расширения здесь туристского бизнеса являются низкий уровень социально-экономического развития и туристской инфраструктуры, а также удаленность от основных центров туристского спроса.

На основании проведенного исследования, можно констатировать, что уровень социально-экономического развития страны во многом определяет возможности туристского бизнеса. Однако, в ряде случаев это не является определяющим. Поэтому, при оценке перспектив развития туристского сектора экономики необходим учет и других факторов, отдельные из которых были обозначены выше.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Александрова А.Ю. Международный туризм – М: Аспект Пресс, 2001. – 470с.
2. Изменения в относительных уровнях социально-экономического развития стран мира [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://tourlib.net/statti_others/grycak.htm. – Дата доступа: 12.05.2019
3. Central Intelligence Agency. The world factbook. [Electronic resource]. – 2019. – Mode of access: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook>. – Date of access: 16.03.2019.
4. The World Bank. [Electronic resource]. – <http://www.worldbank.org>. – Date of access: 23.03.2019.
5. UNWTO. Tourism Highlights. 2019 Edition [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.e-unwto.org/doi/pdf/10.18111/9789284419876>. – Date of access: 15.04.2019.

КРАУДФАНДИНГ КАК ЭЛЕМЕНТ РАЗВИТИЯ МОЛОДЕЖНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ТУРИЗМА

Д.С.Костин¹⁾, Л.М.Гайдукевич²⁾

¹⁾ *Открытое акционерное общество «Газпром трансгаз Беларусь», ул.Некрасова, 9, 220040, г.Минск, Беларусь, dskostin@tut.by*

²⁾ *Белорусский государственный университет, пр.Независимости, 4, 220030, г.Минск, Беларусь, lgaidukevich@mail.ru*

Рассмотрена возможность использования национальных краудфандинговых платформ в рамках государственно- частного партнерства в сфере туризма, повышения деловой инициативы и востребованности выпускников белорусских ВУЗов. Одна из самых динамично развивающихся сфер - краудэкономика - позволяет повысить эффективность использования потенциала молодого поколения, снизить затраты на экспертизу проектов, упростить поиск инвесторов в реализации социально значимых проектов в рамках трансформации национальной экономики. В публикации проведена оценка состояния краудфандинга в Беларуси в преломлении процессов, идущих в мире и соседних странах, выявлена недостаточность использования потенциала краудфандинга в связи с низким уровнем мотивации молодых специалистов.

Ключевые слова: краудфандинг в Беларуси, краудфандинг, краудсорсинг, Улей, Талакошт.

CRAUDFANDING AS AN ELEMENT FOR THE DEVELOPMENT OF YOUTH ENTREPRENEURSHIP IN THE SPHERE OF TOURISM

D.Kostin^a, L.Gaidukevich^b

^a *JSC Gazprom transgaz Belarus, Nekrasova st., 9, 220040, Minsk, Belarus*

^b *Belarusian State University, Niezaliežnasci av., 4, 220030, Minsk, Belarus*
Corresponding author: L.Gaidukevich (lgaidukevich@mail.ru)

The National crowdfunding platforms are one of the possible ways for increasing business initiative and the demand for graduates of Belarusian universities develop as an element of the public-private partnership in the tourism. Thecrowdeconomy is one of the most dynamically developing areas. It allows increasing the efficiency of the young generation's potential, reduce the costs of project appraisal, and simplify the search for investors in the implementation of socially significant projects as part of the transformation of the national economy. The publication assesses the state of crowdfunding in Belarus in refracting the processes going on in the world and neighboring countries, reveals the inadequacy of using the potential of crowdfunding due to the low level of motivation of the young specialists.

Keywords: crowdfundinginBelarus, crowdfunding, crowdsourcing, Beehive, Talakosht.

Развитие предпринимательской среды является одним из возможных направлений снижения оттока молодых специалистов за рубеж. В соответствии с мировыми тенденциями миграция молодых специалистов начинается в ситуации, когда молодые энергичные люди не находят применения своих знаний в стране проживания в силу разного рода условий. В условиях глобализации экономики, с одной стороны этот процесс выравнивает региональный рынок труда, с другой – «обезвоживает» страну происхождения специалиста. Эту тенденцию мы отчетливо наблюдаем в соседних с Беларусью странах и, особенно, в Балтии, где из-за оттока молодежи стремительно сокращается население. Профессор Латвийского университета, академик, демограф Петерис Звидриньш сообщает, что «страну

каждый день покидают порядка 55 человек, сокращая за две недели население Латвии на численность маленького городка»[1].

Сокращение работоспособного населения в соседних странах влечет трансграничный переток молодых специалистов из Беларуси. По данным белорусской стороны, в Литве в 2018 году трудоустроилось 1289 наших соотечественников. Национальные статистические агентства Латвии и Эстонии подтверждают трудовую миграцию белорусов в эти страны[2]. Только в 2018 году две небольшие балтийские страны пополнились 2936 белорусскими гражданами[3]. А всего в ушедшем году первый вид на жительство в странах Евросоюза получили 137 тысяч белорусов. Из них 19,5 тысяч по причине трудоустройства, и 4,3 тысячи – для образования. Данные опубликованы Евростатом в октябре 2019 года[4].

Почему же молодые специалисты рассматривают работу за рубежом как перспективную и приоритетную?! Неужели из-за неполной самореализации по причине отсутствия вакансий ли должного уровня оплаты труда? Предположительно, недостаточно четкая перспектива трудоустройства по специальности вкупе с завышенными требованиями по оплате труда и социальной защите и рождает в молодежи желание «искать легкой жизни» за рубежом.

И тут на помощь может прийти предпринимательская среда. Молодежь креативна и мобильна по своей сути. У них есть багаж теоретических знаний, завышенные ожидания от рынка, но не хватает практики, а порой и реализма. Ситуация в творческой сфере еще более сложная. В сфере искусства и культуры Беларуси наблюдается острый дефицит молодых кадров и идей. Отсутствует национальная концепция развития этой нематериальной сферы жизни. Вместе с тем, кризис в этой сфере влечет за собой неминуемую интеллектуальную стагнацию всего общества. В настоящее время негосударственные компании в рамках корпоративной социальной ответственности реализуют проекты по поддержке молодой интеллектуальной элиты белорусского общества. В том числе и с точки зрения получения практических навыков. Лидер мирового IT-рынка с белорусской пропиской компания ЕРАМ подготовил свыше 6000 высококлассных специалистов. Из них только 2200 трудоустроены в компании. Остальные нашли свое место в различных секторах национальной экономики, повысив уровень конкуренции в белорусской IT-индустрии.

Проекты “АРТ – Беларусь” и “ТЕАРТ”, более 5 лет реализуемые Группой Газпром в Республике Беларусь, позволили значительно изменить ситуацию в сфере культуры и искусства. Молодые режиссеры, актеры, живописцы, скульпторы получили возможность реализовать свои идеи в проектах, поддерживаемых спонсорами. О востребованности проектов частной инициативы свидетельствуют некоторые цифры. В 2015 году на “Осеннем салоне с Белгазпромбанком” выставилось 288 работ от 90 авторов в возрасте от 20 до 40 лет. В 2018 уже 124 автора представили свои работы. В текущем 2019 году на пятой экспозиции в столичном Дворце искусства представлено 462 произведения от 152 молодых белорусских художников. И эта выставка по признанию критиков значительно превосходит минувшие по качественному уровню.[5].

В соседней России в рамках концепции развития национальной культуры организуются выставки – продажи работ молодых художников. В ходе ежегодного фестиваля Cosmospow, аналога “Осеннего салона с Белгазпромбанком” ведется закупка работ молодых российских художников в фонды Московского музея современного искусства. Количество работ и общая стоимость составляет коммерческую тайну. Однако, по оценкам экспертов, объем сделок превышает 150 - 200 000 евро. Аналогичную работу ведет и Фонд

российского кино, предоставляя молодым кинорежиссерам возможность качественного дебюта.

В нашей стране поддержка молодых предпринимателей не носит системный характер. В этом направлении схема государственно-частного партнерства была бы наиболее целесообразна. Государственно – частное партнерство направлено на реализацию социально значимых проектов там, где привлечение бизнеса приносит наибольшую эффективность: строительство автомагистрали М-10, поддержка молодых художников специальными стипендиями на создание новых произведений, проекты по сохранению исторического наследия или создание новых объектов МІСЕ - туризма.

Молодые специалисты как наиболее чувствительная и подвижная часть общества могла бы сгенерировать наиболее эффективные идеи. Но, часто они так и остаются сырыми идеями, поскольку они либо не являются сформированными в конкретные бизнес-предложения и проекты, либо не учитывают актуальность и испытывают недостаток средств для их реализации или, хотя бы, экспертной оценки. В ходе опроса, проведенного осенью 2018 г. в Беларуси, России и Украине выяснилось, что почти 60% молодых людей хотели бы эмигрировать. Это гораздо больше, чем в Украине и России [6]. Основными мотивами для отъезда они назвали высокое качество жизни за рубежом и желание обеспечить своим детям достойное будущее. Это подтверждает высказанное выше мнение об идеализированном представлении жизни и низком уровне социальной интеграции молодежи. Каким образом помочь молодым специалистам социализироваться в существующих условиях, найти свои ниши приложения труда и знаний в белорусском обществе.

Одним из элементов адаптации инициативной молодежи с багажом теоретических знаний к работе в реальных секторах национальной экономики, реализации их творческих идей могут служить бизнес-инкубаторы и фонды развития предпринимательства. Развитие технологий позволяет создавать новые формы аккумуляции средств для реализации проектов. И самым трендовым в этом направлении является краудэкономика, более известная нам по старобелорусскому понятию «талака».

Действующее законодательство не содержит определения понятия краудфандинга. В Указе Президента Республики Беларусь от 31 января 2017 г. № 31 краудфандинг рассматривается как интернет-платформа для взаимодействия потребителей и производителей товаров и услуг, инвесторов и соискателей инвестиций [7].

Известный портал энциклопедических данных приводит следующую формулировку понятия. Краудфáндинг (от англ. crowdfunding, crowd - «толпа», funding - «финансирование») - коллективное сотрудничество людей (доноров), которые добровольно объединяют свои деньги или другие ресурсы вместе, как правило, через Интернет, чтобы поддержать усилия других людей или организаций (реципиентов) [8].

В широком обиходе краудфандинг определяется лаконично – народное финансирование, от англ. crowd – «толпа», funding – «финансирование».

Отцом современного краудфандинга называют Махаммада Юнуса, основателя GrameenBank. Его банк объединил под своей крышей более 30 000 человек и открыл возможность для людей с низкими доходами получать стартовый капитал на развитие бизнеса. На текущий момент услугами GrameenBank воспользовались 6 000 000 человек. Сам Мохаммед Юнус удостоен Нобелевской премии мира за вклад в борьбу с бедностью и экономическое развитие человечества.

Что же необходимо для реализации новомодного краудфандингового проекта? Должны быть выполнены следующие условия:

- а) чёткая значимая идея;
- б) финальная сумма денег период сбора ограничиваются четкими рамками;
- в) сфера деятельности не ограничена: искусство, история, туризм, инклюзив, политика;
- г) авторы проектов не гарантируют возврата инвестиций. Бекер может рассчитывать на бонус или благодарность;
- д) конкретный результат или возврат полученных на реализацию проекта деньги.

Следует отметить, что мировой рынок краудфандинга по данным Crowdfunding Industry Report в 2013 году оценивался в 5.1 млрд, то уже в 2015 – превысил 35 млрд долларов. В соседней России рынок краудфандинга за 2017-18 год вырос на 83%. А к 2025 году мировой рынок краудэкономики превысит \$300 млрд [9].

На сегодняшний день известно о существовании в Беларуси трех краудфандинговых площадок. Но работоспособными являются только две: ulej.by, tala-ka.org, что недостаточно для бизнес-сферы страны. Еще два года назад в рамках цифровой трансформации национальной экономики Государственной программой инновационного развития на 2016 – 2020 гг. предусматривалось развитие краудфандинга в качестве интернет- платформ, обеспечивающих развитие бизнес-среды [10]. Государство создало условия для расширения современных методов ведения бизнеса. Но, количество площадок не выросло. Из этого можно сделать вывод о низком уровне знаний соискателей и инвесторов о действующих краудфандинговых платформах в Беларуси и их различиях. К примеру, В зависимости от модели вознаграждения для инвестора можно выделить несколько видов краудфандинга:

- а) без вознаграждения. Предусматривает возможность выражения благодарности инвестируемого в адрес своего инвестора или упоминания инвестора;
- б) с нефинансовым вознаграждением. Так реализована модель англоязычной краудфандинговой площадки Kickstarter;
- с) с финансовым вознаграждением после реализации проекта. Это, так называемый, краудинвестинг.

Чаще всего встречается вторая форма краудфандинга. В этом случае неограниченное количество инвесторов финансирует исполнителя для получения конкретного товара или услуги. [11]. Какие варианты краудфандинга стали возможными в Беларуси, благодаря условиям созданным государством и частной инициативой.

"Улей" - коммерческий проект, близкий к ведущему негосударственному банку страны – ОАО «Белгазпромбанк». Проект реализуется с 2015 года и напоминает национальную локализацию Kickstarter. Принцип прост: авторы идей размещают заявку. Далее ведется сбор средств по принципу Allornothing (Всё или ничего). Таким образом проекты, не набравшие нужную сумму, признаются несостоятельными и средства возвращаются на карты доноров. В интервью автору статьи директор по развитию «Улья» Эдуард Бабарико сказал, что *«краудфандинг - это не только инструмент привлечения средств. Это еще и возможность верификации и тестирования идей»*.

За первый год своего существования через «Улей» собрано почти 100 000 рублей (в денонмированных рублях). К сегодняшнему дню 14 проектов в сферах, связанных с развитием въездного туризма, получили финансовую поддержку. Из наиболее интересных и результативных туристических проектов следует отметить фестиваль истории и культуры "UlmuS" к 1000-летию г.Бреста и идею восстановления улиц Кляшторной и Замковой в Гродно. Историк Мечислав Супрон и проектировщик Сергей Щукин смогли всего за 20 дней собрать через

краудфандинг необходимую сумму для создания проекта реконструкции довоенного микрорайона.

Второй проект "Талакошт" появился незадолго до презентации «Улья», как некоммерческая инициатива. «Талакошт» предлагает выбрать один из двух вариантов финансирования идеи: «Все или ничего» или «Все, что собрано». Первый вариант аналогичен «Улью». Второй вариант заключается в том, что претендент получит деньги, если набирается хотя бы ¼ требуемой суммы. Авторы «Талакошта» акцентируют внимание на некоммерческой составляющей проекта. Главное условие размещения заявок - *«проект должен быть социально значимым, претендент должен обязательно указать, какую проблему он решает.»* - говорит Иван Веденин, креативный директор проекта.

По состоянию на октябрь 2019 года на «Талакоште» размещено 2190 открытых проектов. И только 12 из них - в разделе «Спорт и туризм». Два связаны с реставрацией исторических памятников в Мозыре, которые могут быть привлекательны для религиозного туризма. Еще один связан с ежемесячной поддержкой информационно – туристического портала braslaw.by. Остальные - спортивной направленности.

«Талакошт» не является краудфандинговой площадкой в классическом виде. Главный позитивный момент платформы - сбор команд для реализации проекта. По этой причине «Талакошт» можно отнести к краудсорсинговой площадке.

Краудсорсинг позволяет привлекать к решению инновационных задач широкого круга специалистов, их творческих способностей, знаний и опыта по типу субподрядной работы на добровольных началах с применением инфокоммуникационных технологий.

Примерные группы самых популярных краудфандинговых проектов белорусских платформ туристической направленности – это организация мероприятий и проектов в сфере событийного туризма. Представлены проекты по организации фестивалей, выставок, экскурсий. Далее идут проекты по сохранению исторического наследия. Именно такой расстановкой приоритетов белорусский краудфандинг кардинально отличается от российского. На on-line платформах России доминируют travelprojects (проекты путешествий) и инфраструктурные. Последние связаны с попытками сбора средств (как правило, частично) на строительство турбаз, кемпингов, скейт-парков, сноуборд-парков, детских площадок. Есть проекты по созданию фильмов и видеороликов о каких-либо дестинациях, путеводителей, аудио- и видео-гидов, сайтов и приложений по бронированию и других технологических новинок, которые можно применить в туризме. И здесь наибольшую заинтересованность в реализации проектов высказывают российские регионы.

В нашей стране такие проекты могли бы оказать существенную помощь в развитии событийного и въездного туризма. Однако, это требует от молодежи инициативы и определенной настойчивости в продвижении проекта. Краудфандинговая платформа всего лишь аккумулирует средства, а вот грамотное продвижение идеи, завоевание симпатии инвестора – все это усилия будущего получателя финансирования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Демограф подсчитал, через сколько лет в Латвии не останется латышей// - Рубалтик.ру [Электронный ресурс]. – 2017. Режим доступа: <https://www.rubaltic.ru/news/15052017-demograf-latyshy/>. Дата доступа 06.10.2019.

2. Украинцы ринулись на заработки в Эстонию: число гастарбайтеров выросло в разы// - Информационный портал TVNET (Эстония) [Электронный ресурс]. – 2019. Режим

доступа: <https://rus.tvnet.lv/6495381/ukraincy-rinulis-na-zarabotki-v-estoniyu-chislo-gastarbayerov-vyroslo-v-razy>. Дата доступа 07.10.2019.

3. Белорусы рванули на заработки в страны Балтии. Кем трудоустраиваются наши соотечественники // - Информационный портал tut.by [Электронный ресурс]. – 2019. Режим доступа: <https://finance.tut.by/news625406.html>. Дата доступа 07.10.2019.

4. First residence permits issued in the EU Member States remain above 3 million in 2018 // - сайт Европейского статистического бюро Eurostat [Электронный ресурс]. – 2019. Режим доступа: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/10189082/3-25102019-AP-EN.pdf/95e08bc8-476d-1f7d-a519-300bdec438cb>. Дата доступа 28.10.2019

5. Пятая выставка-продажа работ молодых белорусских художников «Осенний салон с Белгазпромбанком» подвела итоги // - сайт проекта «АРТ – Беларусь» [Электронный ресурс]. – 2019. Режим доступа: <https://artbelarus.by/ru/news/463.html>. Дата доступа 29.10.2019.

6. Мурина И. Белорусская молодежь не интересуется политикой и хочет эмигрировать из страны /И.Мурина // - Информационный портал tut.by [Электронный ресурс]. – 2019. Режим доступа: <https://news.tut.by/society/618149.html>. Дата доступа 07.10.2019.

7. О Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2016-2020 годы: Указ Президента Респ. Беларусь, 31 янв 2017 г. № 31 // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

8. Что такое краудфандинг // - энциклопедический портал wikipedia [Электронный ресурс]. – 2019. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/краудфандинг>. Дата доступа 10.10.2019.

9. Алексеевских А. Рынок краудфандинга вырос на 83%/А.Алексеевских // - газета «Известия» [Электронный ресурс]. – 2018. Режим доступа: <https://iz.ru/724772/anastasiia-alekseevskikh/rynok-kraudfandinga-vyros-na-83>. Дата доступа 07.10.2019.

10. Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016 – 2020 годы. // - портал Совета министров Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2015. Режим доступа: http://www.government.by/upload/docs/program_ek2016-2020.pdf. Дата доступа 10.10.2019.

11. Бандык О. Профессионально об актуальном. Краудфандинг: понятие и перспективы применения / О.Бандык // - pravo.by [Электронный ресурс]. – 2019. Режим доступа: <http://www.pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2019/february/32656/>. Дата доступа 07.10.2019.

АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОМАНДЫ ДЛЯ РАБОТЫ НА ВЫСТАВОЧНОМ СТЕНДЕ

С.А. Кулеш¹⁾, Е.А. Боровская²⁾

*¹⁾ Белорусский государственный университет,
пр-т Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: kuleshsa@bsu.by*

*²⁾ Белорусский государственный университет,
пр-т Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: e.borovskaya@tut.by*

С учетом комплексности и неоднородности такого массового событийного мероприятия как выставка, проведен анализ структурной модели формирования выставочной команды компании-экспонента с учетом ряда аспектов. Рассмотрены этапы работы с персоналом на различных этапах (pre-event, event и post-event). Новизна работы заключается в выделении аспектов, влияющих на результативность команды в условиях работы на выставочном павильоне (функциональный, технический и психологический). Выдвинуты рекомендации по адаптации и снижению рисков в работе персонала.

Ключевые слова: выставка; работа на стенде, стендисты, выставочный павильон, планирование.

ELEMENTS OF TEAMBUILDING FOR WORKING AT THE EXHIBITION STAND

S. Kulesh^a; E. Barouskaya^b

^bBelarusian State University, 4, Nezavisimosty ave., 220030, Minsk, Belarus

^aBelarusian State University, 4, Nezavisimosty ave., 220030, Minsk, Belarus

Corresponding author: S. Kulesh (kuleshsa@bsu.by)

Taking into account the complexity and heterogeneity of mass event of exhibition, we performed structural model analysis of team building approach of exhibiting company. The stages of work with personnel at various stages (pre-event, event and post-event) are considered. The novelty of the work is highlighting the aspects affecting team performance in the conditions of working at the exhibition pavilion (functional, technical and psychological). Recommendations on adaptation and risk reduction in the work of staff are put forward.

Key words: exhibition; work at the stand, stand attendants, exhibition hall, planning.

Наряду с высокотехнологичными средствами коммуникации выставка остается одним из наиболее эффективных инструментов продвижения товаров и услуг. Будучи синтетическим элементом продвижения, включающим элементы менеджмента, маркетинга и PR (англ. Public relations – связи с общественностью), выставочная площадка дает возможность выстраивать отношения с клиентами и конкурентами, партнерами и представителями средств массовой информации (СМИ), быстро оценивать и анализировать ситуацию на рынке [1]. В условиях современного доступа информации, выставка все чаще становится мероприятием, которое активно используют для формирования и поддержания имиджа, что требует от компании-участника открытого креативного и технологически наполненного диалога с клиентом, средствами массовой информации, органами власти [2].

В связи с этим, формирование рабочей выставочной команды представляет собой комплексную и ответственную задачу, выстроенную не только на функциональном делении зон ответственности работников стенда, но и объединение команды общей целью, а также плановой подготовкой сотрудников к работе на выставочном мероприятии.

Выставочное мероприятие позволяет решить целый комплекс разного рода целей и задач, при этом каждая организация-участник определяет индивидуальный рейтинг поставленных к решению на выставке вопросов на этапе выбора мероприятия, целеполагания участия, в соответствии с корреляцией с концепцией развития самого экспонента [1].

Качественный и количественный состав временного рабочего коллектива выставочного стенда напрямую зависит от поставленных целей и будет формироваться с учетом внутренних и внешних ресурсов компании, одним из главных составляющих которых является объем финансирования.

В связи с этим можно выделить несколько этапов работы с выставочной командой: pre-event (подготовка к мероприятию), event (собственно участие в мероприятии) и post-event (поствыставочная деятельность).

Среди базовых функций pre-event периода можно выделить утверждения целей, постановки задач, создания концепции и формирования бюджета, в результате чего формируется понимание, в специалистах какого рода нуждается организация.

Коллектив выставочного стенда может формироваться только из числа сотрудников компании-экспонента, если позволяют кадровые ресурсы. Такой подход может качественно реализовать поставленные задачи собственно выставки, при этом снизив затраты на проведение дополнительных мероприятий по вовле-

чению сторонних лиц в коллектив, приобщению к корпоративному духу. Однако в этом случае сотрудники компании-экспонента полностью берут на себя ответственность за организацию выставки: планировка и подготовка выставочной площади, транспортировка выставочного груза, коммуникация с организатором выставки и клиентами, дизайн, PR, реклама, маркетинговые исследования, промо-акции и ряд других вопросов. При этом отсутствие профессиональных знаний и навыков, а также опыта работы на подобных мероприятиях может снизить ожидаемые результаты.

Привлечение сторонних организаций, частных лиц, волонтеров и т.п. для реализации узких, непрофильных для экспонента задач позволит сконцентрироваться на вопросах менеджмента собственно мероприятия, текущих служебных задачах, снизит финансовые и временные затраты. Как правило, привлеченные лица реализуют дизайнерские функции, проводят PR мероприятия, шоу-программы, промо-акции, осуществляют техническое сопровождение, перевод переговоров с/на иностранный язык и т.д.

Каждый из членов рабочей группы является своего рода лицом компании, потому, важно уделить внимание внешнему виду сотрудников. При этом каждая функциональная группа может иметь свою униформу. Например, промо-группа - это яркий, креативный, запоминающийся образ, обязательно с символикой компании, и, наоборот, стендистам и менеджерам следует выбрать деловой стиль, дополнив его корпоративными элементами (значок, шейный платок, галстук и т.д.). При создании униформы (одежды, обуви, иных элементов) следует учесть комфортность материалов, соответствие сезону и условиям работы. Комфортная одежда/обувь будет может стать базовым фактором влияющим на результативность работы, а также на лояльность сотрудников в отношении работодателя.

Важно, чтобы к старту мероприятия сотрудники были ознакомлены с распределением функций, механизмом коммуникаций, иерархией в группах, контактным лицом на случай проблемной ситуации. Также, следует ознакомить рабочий коллектив с планом стенда, расположением функциональных зон (зон труда и отдыха), проинструктировать относительно техники безопасности в выставочном павильоне, либо открытой площадке.

Привлеченные сотрудники должны четко понимать, каким образом концепция развития самой организации находит воплощение в целях и задачах, реализуемых посредством участия в выставке. Поэтому очень важно сформировать команду из компетентных, ответственных, заинтересованных, коммуникабельных сотрудников, работа которых будет основываться на доброжелательности, уважении, клиентоориентированности и взаимопомощи.

При идеальном подходе к формированию рабочей группы, в неё должны входить: представители руководства компании, руководители направлений, менеджер выставочного проекта, менеджеры по направлениям, технические специалисты, офис-менеджер, переводчики, менеджеры, администраторы, привлеченный персонал, промоутеры и т.д.

Например:

- ведущие менеджеры и/или руководитель ведут переговоры;
- отдел продаж устанавливает новые контакты, поддерживает старые связи;
- технические специалисты контролируют состояние экспонатов, ведут переговоры;
- отдел маркетинга проводит маркетинговые исследования, общается с представителями СМИ, госструктур и т.п.;
- менеджер выставочного стенда руководит работой стенда в оперативном режиме, координирует все организационные моменты.

Временный (возможный) персонал в работе стенда компании:

- переводчики;
- промоутеры для проведения промо-акций, распространения рекламных материалов;
- технический персонал для управления техническими средствами во время презентаций;
- официанты;
- ресепшн-менеджеры и т.д.

Качественная работа персонала во многом будет зависеть от своевременной информации или продуманного маркетинговой политики. Так, например, следует заранее предоставить переводчику подробную информацию о вашей компании, что позволит подготовиться и изучить терминологию конкретной сферы деятельности. [3]

Присутствие такого расширенного перечня специалистов сложно обеспечить в течение всего времени работы выставки. Многие компании обходятся одним представителем из числа руководящего состава, 2-3 стендистами и менеджером выставки, промоутерами, которые могут выполнять ряд обозначенных задач.

Следует помнить, что при проектировании состава команды надо учитывать площадь и техническое наполнение стенда, его деление на функциональные зоны. Большое количество человек на небольшой площади вызовет эффект хауса, неорганизованности и, может отпугнуть посетителя. Пустой стенд, лишенный конструктивной наполненности по зонам, скорее вызовет впечатление пустоты, непривлекательности. Также, на территории стенда, следует запланировать зону отдыха для персонала (это, как правило, изолированный офис, где можно оставить личные вещи, принять пищу, отдохнуть).

Немаловажным аспектом является состав рабочей команды по полу и возрасту. В данном случае следует проанализировать те же параметры целевой аудитории компании и, учитывая особенности психологического восприятия, «запасть» сотрудниками того пола и возраста на которые нужна целевая аудитория ориентирована.

Собственно выставочный период (event период) может длиться от нескольких дней до полугода и даже более. Классическая выставка реализуется как правило в течение 4-5 рабочих дней, и, помимо, выставочной экспозиции включает в себя деловую программу (семинары, мастер-классы, конференции, презентации). Выставочный павильон (или территория, оборудуемая под экспозицию) будет определяться масштабностью выставки. Например, современный комплекс Экспофорум (г. Санкт-Петербург) располагает выставочной площадью около 40 тысяч квадратных метров и вместимостью около 30 тысяч человек без учета конференц-, конгресс- и банкетных-залов [4]. На данный момент Беларусь не располагает специализированными выставочными комплексами, однако, не менее успешно организует выставочные мероприятия. Для примера можно привести Форум ТИБО (Международная специализированная выставка и конгресс по телекоммуникациям, информационным и банковским технологиям), который проводится в Минске ежегодно в течение 26 лет. Посещаемость выставки за 2019 год составила 28000 участников [5].

Таким образом за весь период работы выставки стенд организации-экспонента может потенциально посетить около 28000 человек, в течение дня около 7000 человек, в течении часа порядка 1000 человек. Даже, если предположить, что конкретный стенд посетит 30% участников, то это около 300 человек в час, тем не менее, это огромная психоэмоциональная нагрузка на сотрудников. Также следует учитывать факт, что звуковое и световое оформление выставки подразумевает постоянное сопровождение павильона в целом, где многие из участников проводят собственные презентационные мероприятия и шоу-

программы. Работа в условиях постоянного шума и яркого света требует дополнительного усилия при общении с посетителями и может стать причиной потери голоса и раздраженности глаз персонала. Предотвратить возникновение проблем со слухом, голосом, органами зрения можно путем выполнения комплекса расслабляющих процедур, а также посменного пребывания в павильоне. Стоит учитывать индивидуальную непереносимость повышенного уровня звукового загрязнения у сотрудника и иметь запасную кандидатуру для осуществления рабочих функций на стенде.

Общение с посетителями – одна из основных задач персонала. Однако, каждая категория сотрудников имеет свою целевую аудиторию. Например, промоутеры и стендисты сталкиваются с основным потоком посетителей и дают первичную информацию о компании; отдел маркетинга может проводить выборочное тестирование по определенным критериям, что сужает число потенциальных собеседников; менеджеры топ уровня, как правило, проводят переговоры, деловые встречи, соответственно, круг потенциальных контактов сужается.

Ведение диалога с большим количеством людей в режиме потока, а также в условиях шумового загрязнения может привести к эмоциональному выгоранию сотрудников. Кроме того, существует вероятность встретить человека с психическими отклонениями, агрессивного или просто, в плохом настроении, что может спровоцировать конфликтную ситуацию и как следствие, негативные отзывы в отношении компании-экспонента и выставочного организатора. Работники стенда должны быть оповещены о механизме решения конфликтной ситуации (самостоятельно либо передаче вопроса более компетентному лицу), а также знать, где находится ближайший пост охраны выставочного павильона, в случае если ситуация вышла из под контроля и решить силами персонала стенда не представляется возможным. Также, чтобы предотвратить угнетение состояния сотрудников следует ежедневно самостоятельно проводить релакс процедуры для восстановления физического и психоэмоционального состояния.

Пост-выставочный период предполагает выход из роли участника массового мероприятия, насыщенного эмоционально и функционально, подведение предварительных итогов, разбор ошибок, вынесение благодарности команде, анонсирование возможных планов на будущее. Как один из способов выхода из активной роли участника мероприятия, можно рассмотреть корпоративное мероприятие в неформальной обстановке.

Таким образом, формирование рабочей группы выставочного стенда представляет собой сложный и комплексный процесс, который реализуется совместно с общей концепцией мероприятия, маркетинговой политикой компании, а также с учетом ряда внешних и внутренних факторов.

Порядок подготовки персонала стенда можно разделить на три основные части, такие как pre-event, event и post-event периоды. С точки зрения менеджмента, наиболее ответственным и загруженным является pre-event период, требующий детального планирования и прогнозирования в разных сферах работы будущей команды: подбор участников, их обучение, планирование функциональной рабочей зоны, принятие мер по обеспечению безопасности, сохранению жизни и здоровья персонала. Работа выставочной команды в event-период будет во многом зависеть от грамотной реализации этапа подготовки к мероприятию в техническом, функциональном, поведенческом аспектах. Однако, развитие событий по намеченному плану может быть нарушено влиянием человеческого фактора, фактора внезапности и иными составляющими. Во избежание негативных последствий от непредвиденной ситуации, не следует пренебрегать правилами безопасности. Пост-выставочный период или post-event

связан с подведением итогов совместной работы, благодарностью в отношении команды.

Кроме того, можно выделить три группы аспектов, влияющих на результат работы выставочного персонала:

1. функциональный аспект – разделение персонала по функциональным группам для максимального охвата в решении поставленных задач согласно концепции мероприятия;
2. технический аспект – группа факторов техногенного характера, влияющих на естественное функционирование человека и как следствие реализацию поставленных задач. К ним можно отнести чрезмерные свет, звук, излучение; функциональные зоны стенда и выставочного павильона;
3. психологический аспект – общение с большим количеством людей в режиме постоянного потока, вероятность возникновения конфликтных ситуаций.

Таким образом, компетентный, уважительный, слаженный подход в работе с выставочной командой может стать основой в реализации поставленных целей и задач компании-экспонента, а также инструментом к поиску решений сложных, нестандартных вопросов, возникающих в ходе проведения выставочного мероприятия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Вольдман, Л. Ю. Выставочная деятельность как инструмент формирования имиджа организации [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. психол. наук / Л. Ю. Вольдман. – М., 2004. – Режим доступа: <http://nauka-pedagogika.com/viewer/117892/a#?page=1>. – Дата доступа: 17.10.2019.

2. Сергеюк, С. Л. Организационно-методические основы выставочной деятельности учреждения высшего образования [Электронный ресурс] / С. Л. Сергеюк // Электронная библиотека БГУ. – “Вышэйшая школа” : навукова-метадычны і публіцыстычны часопіс. – 2017. – № 4. – Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/190678>. – Дата доступа: 17.10.2019.

3. Оптимальный состав команды стендистов – это... [Электронный ресурс] // Стенд-Маркет. – Режим доступа: <http://stand-market.ru/optimalniy-sostav.html>. – Дата доступа: 17.10.2019.

4. Выставочные площади [Электронный ресурс] // EXPOFORUM. – Режим доступа: <http://expoforum-center.ru/organizatoram/vystavochnye-ploschadi/>. – Дата доступа: 17.10.2019.

5. О ТИБО [Электронный ресурс] // Tibo. – Режим доступа: <https://tibo.by/ru/about/>. – Дата доступа: 17.10.2019.

РАЗРАБОТКА НАЦИОНАЛЬНОГО СТАНДАРТА КАЧЕСТВА ПЕРЕВОДЧЕСКИХ УСЛУГ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ И ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ БЕЛАРУСИ

А.А. Максименко¹⁾, Д.Г. Решетников²⁾

*¹⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, maksimenko.aa12@gmail.com*

*²⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, reshtour@mail.ru*

Проблема управления качеством переводческих услуг в Республике Беларусь в настоящее время во многом связана с отсутствием соответствующего национального стандарта. Представляется актуальной разработка национального стандарта качества переводческих услуг с учетом существующих Европейских и международных стандартов. Разработка та-

кого стандарта позволит повысить качество лингвистического обеспечения туристического продукта, оптимизировать коммуникации в сфере международного туризма.

Ключевые слова: лингвистическое обеспечение; стандарты качества; туристская индустрия; туристский продукт; переводческие услуги.

DEVELOPMENT OF THE NATIONAL TRANSLATION SERVICES QUALITY STANDARD: FOREIGN EXPERIENCE AND OPPORTUNITIES FOR BELARUS

A.Maksimenko^a, D.Reshetnikov^b

^a *Belarusian state University, Independence Ave., 4, 220030, Minsk, Belarus*

^b *Belarusian Skating Union, Winners Avenue., 4, 220004, Minsk, Belarus,*

Corresponding author: A.A. Maksimenko

The problem of quality management of translation services in the Republic of Belarus is currently exists due to the lack of an appropriate national standard. The development of the national translation services quality standard, based on the existing European and international standards, seems to be relevant. The development of such a standard will improve the quality of the tourism product linguistic support and optimize communications in the international tourism industry.

Key words: linguistic support; quality standards; tourism industry; tourism product translation services.

Туристическая индустрия – это совокупность объектов для размещения туристов, транспортных средств, объектов общественного питания, объектов и средств развлечения, объектов оздоровительного, делового, познавательного и иного назначения, используемых для удовлетворения потребностей туристов, экскурсантов, возникающих во время совершения туристического путешествия и (или) в связи с этим туристическим путешествием [1]. Помимо перечисленных компонентов, развитие туристической индустрии невозможно без субъектов туристической деятельности: туроператоров и турагентов. Важную роль в развитии международного туризма играют также экскурсионные бюро и гиды-переводчики. Предоставление переводческих услуг высокого качества является важным фактором привлечения иностранных туристов в Беларусь, формирования туристского имиджа страны.

Качество услуг, в т.ч. переводческих, должно определяться конкретными параметрами, регламентированными соответствующими национальными и международными стандартами.

Важность наличия стандартов заключается в его четких формулировках, стабильности и высокой информативности, что позволяет продукту, попадающему под той или иной стандарт, стать более качественным и доступным для потребителя.

Нормативный документ такого уровня предназначен специально для того, чтобы установить комплекс требований и характеристик, в соответствии с которыми могут использоваться продукты, процессы и услуги, подлежащие данным целям. Важнейшей целью стандартизации является достижение оптимального уровня по качеству продукции и повышение ее конкурентоспособности.

В настоящее время в Республике Беларусь применяются общие стандарты туристических услуг, а также стандарты туристско-экскурсионного обслуживания. Сфера лингвистического обеспечения не имеет утвержденных стандартов в Республике Беларусь. Отсутствие стандартов является важным аспектом проблемы управления качеством процесса предоставления переводческих услуг.

Важно отметить, что, несмотря на отсутствие такого стандарта в Республике Беларусь, сегодня существует ряд международных и европейских стандартов,

таких как European Quality Standard for Translation Service Providers EN 15038 (European Committee for Standardization), Translation Services –Requirements for Translation Services ISO 17100 (International Organization for Standardization), который пришел на смену предыдущему, а также Standard Guide for Quality Assurance in Translation ASTM F 2575-06 (American Society for Testing and Materials). В ряде стран действуют национальные стандарты (Италия – UNI 10574, Германия – DIN 2345, Австрия – Önorm D 1200 и Önorm D 1201). Многие страны в условиях отсутствия национальных стандартов применяют международные стандарты.

Европейский стандарт EN 15038 был введен в действие 1 августа 2006 года. Его разработкой занимался Европейский союз ассоциаций переводческих компаний (EUATC). Стандарт направлен на обеспечение единства терминологии в области перевода, содержит общие требования к поставщикам переводческих услуг (человеческие и технические ресурсы, контроль качества и управления переводческими проектами), а также содержит общие правила взаимодействия заказчика и поставщика переводческих услуг, их взаимные права и обязанности. Данный стандарт также раскрывает требования к ряду сопутствующих услуг, которые могут оказываться переводческими фирмами. Особое внимание в рамках стандарта уделяется управленческим процессам, документации, процессам контроля качества, а также требованиям к специалистам, которые контролируют каждый этап работы над переводом. Приложения к стандарту EN 15038 содержат рекомендации по приведению деятельности поставщика переводческих услуг в соответствие с требованиями стандарта [2].

В США действует стандарт качества переводческих услуг ASTM F2575-06 (Standard Guide for Quality Assurance in Translation), содержащий критерии оценки качества перевода, которые могут использоваться при согласовании условий работы над конкретным переводческим проектом и служат достижению взаимопонимания между поставщиком и заказчиком переводческих услуг. Указанный документ не содержит конкретных критериев обеспечения качества перевода отдельного заказа или целого проекта, а направлен на параметры, которые должны быть согласованы до начала работы над проектом. Стандарт ASTM F2575-06 содержит скорее требования к качеству, чем рекомендации по их достижению переводчиком [3].

Международный стандарт качества переводов ISO 17100 устанавливает требования к услугам перевода и связанным с ними дополнительным услугам, в т.ч. к управлению проектами, корректуре, редактированию общих и специализированных текстов. Он включает в себя, помимо прочего, требования к квалификации и компетентности при оказании переводческих услуг, их поддержанию и измерению, к рабочим процедурам и процессам обеспечения качества, к технической компетентности поставщика услуг, а также к измерению коммуникации с клиентами и их удовлетворенности.

Каждый из представленных стандартов имеет свою направленность, приводит свои критерии оценки качества переводческих услуг, квалификации переводчиков, требования к поставщикам услуг и технической компетентности.

Рассматривая опыт соседних стран, а именно российский, следует отметить, что в настоящее время в России также нет единого стандарта переводческих услуг. Существуют единые рекомендации по письменному переводу для переводчика, заказчика и редактора, разработанные Союзом переводчиков России. Данные рекомендации не являются как таковым стандартом, но «многие их положения имеют нормативный вид» [4, с. 23-28]. Документ описывает требования к различным компонентам процесса предоставления переводческих услуг, а также требования, предъявляемые к переводчику (образование, опыт работы, переводческая компетентность) и заказчику. В отличие от международных и Евро-

пейских стандартов, которые в первую очередь ориентированы на взаимоотношения и организацию работы заказчика, поставщика и переводчика, российский документ рассматривает в большей степени улучшение качества самого перевода (рассматривает оценку актуальности используемой лексики, полноты содержания, оформления) и может применяться в качестве условного стандарта для письменного перевода.

Создание национального стандарта Республики Беларусь в области переводческих услуг с учетом международных стандартов значительно облегчило бы процесс организации и предоставления переводческих услуг в нашей стране и поспособствовало бы развитию сферы лингвистического обеспечения и индустрии международного туризма.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Информационно-поисковая система «Эталон-online» // Закон Республики Беларусь 25 ноября 1999 г. № 326-З [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.etalonline.by/document/?Regnum=h19900326>. – Дата доступа: 18.10.2019.
2. EN 15038:2006 Translation services – Service Requirements, June 2006
3. F2575 – 06 Standard Guide for Quality Assurance in Translation, ASTM International, June 2006.
4. Рыбкин С.Ф. Нормирование переводческого процесса // Мир перевода. – 2009. – №1 (21). – С. 23-28.
5. Союз переводчиков России. Письменный перевод. Рекомендации переводчику, заказчику и редактору / сост. Н. Дупленский, ред. Е. Масловский – М., 2012.

АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИЙ В СФЕРЕ ТУРИЗМА

О. С. Мозговая¹⁾, А. В. Яценко²⁾

*¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, mozgovaya_olga@mail.ru*

*²⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, angelina.jinji@gmail.com*

Важнейшей чертой современного этапа развития экономики является повышение роли инноваций как основы экономического роста государств. Инновации в сфере туризма главным образом направлены на формирование новых подходов в маркетинговой деятельности, применении новых методов управления с использованием IT-технологий. Статья посвящена анализу теоретических и прикладных вопросов развития инноваций в сфере туризма. Внедрение инновационных продуктов и технологий ведет к созданию и реализации конкурентоспособных туристических продуктов и услуг и является ключевым фактором развития туристической индустрии в целом. В статье рассмотрен зарубежный опыт развития продуктовых и технологических инноваций в сфере туризма на примере транспортной и гостиничной инфраструктуры.

Ключевые слова: инновации, инновационная деятельность, Глобальный инновационный индекс, продуктовые инновации, технологические инновации, транспортная инфраструктура, гостиничная инфраструктура.

ANALYSIS OF FOREIGN EXPERIENCE IN THE DEVELOPMENT OF INNOVATIONS IN THE FIELD OF TOURISM

O. S. Mozgovaya^a, A. V. Yatsenko^b

^aBelarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

^bBelarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Corresponding author: O. S. Mozgovaya (mozgovaya_olga@mail.ru)

The most important feature of the current stage of economic development is the increasing role of innovation as the basis of economic growth of countries. Innovations in the field of tourism are mainly aimed at the formation of new marketing approaches, using new management methods with the help of IT technologies. The article is devoted to the analysis of theoretical and practical issues of the development of innovations in the field of tourism. The introduction of innovative products and technologies leads to the creation and implementation of competitive tourist products and services. The article discusses the foreign experience in the development of product and technological innovations in the field of tourism on the example of transport and hotel infrastructure.

Key words: innovations, innovative activity, Global innovation index, product innovations, technological innovations, transport infrastructure, hotel infrastructure

Иновационная деятельность в сфере туризма направлена на создание нового или изменение существующего продукта, на совершенствование транспортных, гостиничных и других услуг, внедрение передовых информационных и телекоммуникационных технологий, современных форм организационно-управленческой деятельности.

Предпосылки внедрения инноваций в зарубежных странах отражены в структуре Глобального инновационного индекса (ГИИ), который представляет собой наиболее полный комплекс показателей, характеризующих инновационное развитие. Он рассчитывается путем взвешенной экспертной оценки двух групп показателей: имеющиеся ресурсы и условия для внедрения инноваций и достигнутые практические результаты распространения инноваций [1]. Позиции стран в ГИИ зависят не только от оценок эффективности и условий инновационного развития, но и от изменений в практике формирования рейтинга. Ежегодно вырабатываются рекомендации по совершенствованию методологии расчета, вносятся изменения в процедуру расчетов (состав стран, источники данных, учет погрешностей и пропущенных значений и т.д.). ГИИ позволяет проводить межстрановые сравнения, оценивать влияние различных факторов, однако сравнение с результатами прошлых лет не всегда корректно и требует дополнительного анализа. По данным Всемирной организации интеллектуальной собственности в 2018 году наиболее высокие показатели инновационного развития были в Европейских странах, самой «инновационной» страной в мире стала Швейцария, которая занимает лидирующую позицию 8-й год подряд (см. рисунок 1).

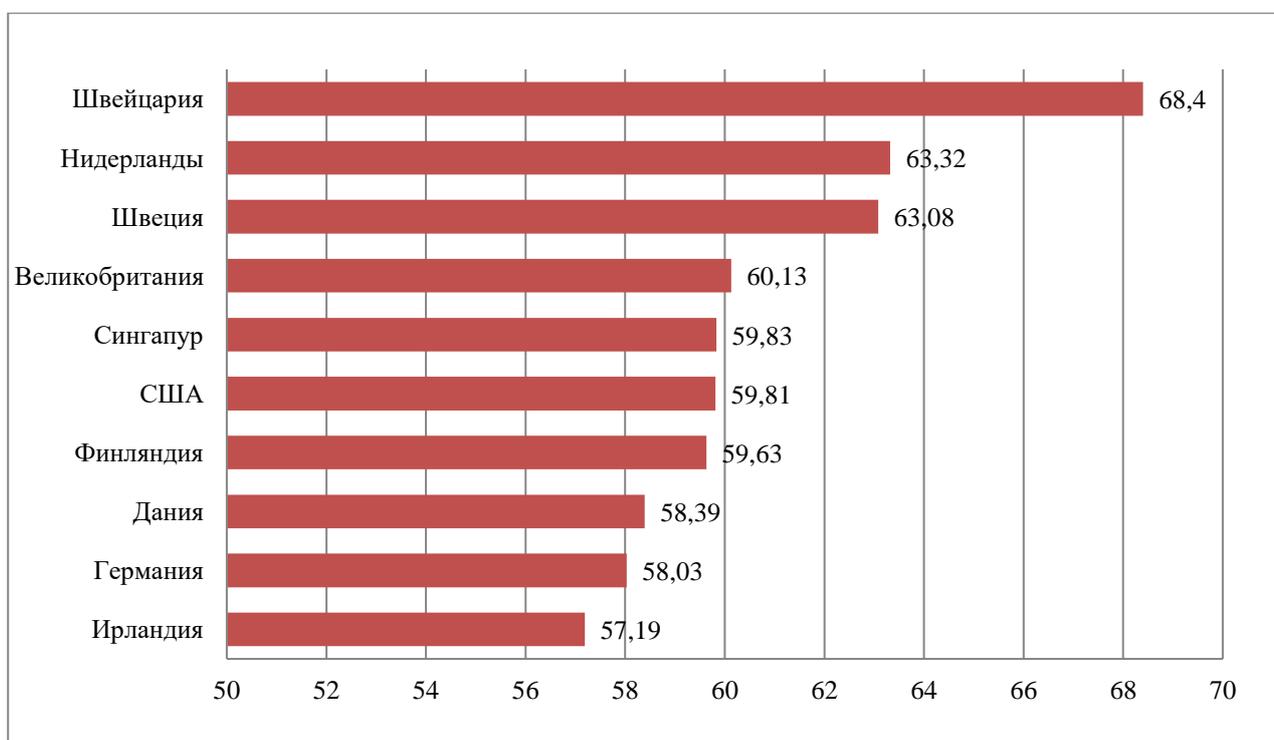

Рис. 1. – Топ 10 стран Глобального инновационного индекса 2018 г., баллы
 Источник: собственная разработка на основе [9].

ГИИ отражает инвестиционную привлекательность стран и их комплексное инновационное развитие [9].

Республика Беларусь заняла 86-е место и по сравнению с аналогичным рейтингом 2017 года поднялась на две строчки. В 2015 году Беларусь занимала 53-е место, а в 2016 – 79-е. Приграничные с Беларусью государства входят в Топ-50. Так, Латвия заняла 34-е место в рейтинге, Польша – 39-е, Литва – 40-е, Украина – 43-е, а Россия – 46-е [2].

Одним из главных компонентов успешного функционирования сферы туризма являются транспортные услуги. Современная инновационная деятельность в транспортной сфере направлена на решение двух основных групп задач: обеспечение высокого качества транспортных услуг (своевременность доставки пассажиров, безопасность и комфортабельность перевозки) и снижение издержек на оказание транспортных услуг.

В таблице 1 приведены примеры продуктовых инноваций в развитии транспортной инфраструктуры в развитых странах.

**Современные продуктовые инновации в развитии транспортной инфраструктуры
Германии, Швейцарии, США**

Инновация	Преимущества	Особенности
Германия		
Беспилотные пассажирские автобусы	<ul style="list-style-type: none"> • Сокращение затрат на оплату труда водителям. • Ликвидация ошибок вследствие «человеческого фактора». • Бесплатный проезд. 	<ul style="list-style-type: none"> • Ограниченная география эксплуатации: обслуживание пригородов и деревень. • Низкая скорость движения, до 15 км/ч. • Максимальная вместимость – 11 человек. • В настоящий момент эксплуатируется только для медицинских работников, служащих и пациентов.
Водородное топливо	Экологически чистый вид топлива.	<ul style="list-style-type: none"> • В настоящий момент используется только для движения поездов. • Отрезок пути составляет до 1000 км. • Максимальная скорость – 140 км/ч. • Высокая стоимость водородных топливных элементов.
США		
Дороги с покрытием из солнечных батарей	<ul style="list-style-type: none"> • Выработка экологически чистой энергии. • Решение проблемы подзарядки электромобилей. 	<ul style="list-style-type: none"> • Состоят из противоударных шестиугольных плит, созданных из переработанных материалов. • Себестоимость дорог выше на 50% в сравнении с асфальтированным покрытием. • В 2017г. по прототипу проекта в Китае была построена первая дорога из солнечных батарей.
Google-мобиль	<ul style="list-style-type: none"> • Безопасное передвижение. • Ликвидация количества аварий вследствие «человеческого фактора». 	<ul style="list-style-type: none"> • Рассчитан на двух пассажиров. • Не имеет атрибутов управления: руля, педалей. • Скорость движения до 40 км/ч. • Тестирование прототипов, планируемый год выпуска на рынок – 2020.
Корабль для космических туристов	Новые туристические возможности, создание нового сегмента рынка туризма.	<ul style="list-style-type: none"> • Направленность на массовые суборбитальные полеты. • Относительная дороговизна – стоимость путешествия оценивается около \$250 000. • В настоящий момент корабль испытывается: было проведено 3 летных испытания.
Швейцария		
Ускоренные движущиеся пешеходные дорожки	<ul style="list-style-type: none"> • Способность для пешехода развить скорость до 17 км/ч, что превышает среднюю скорость автомобиля в час-пик. • Высокая пропускная способность. • Дорожки полностью электрифицированы, имеют низкий уровень электропотребления. 	<ul style="list-style-type: none"> • Схема маршрутов разработана для наиболее оживленных участков дороги г. Цюрих. • По сравнению с наземными видами транспорта движущиеся пешеходные дорожки имеют более высокие капитальные затраты и аналогичные эксплуатационные расходы. • Требуют определенного ограниченного пространства для установки.
Инновация	Преимущества	Особенности

	<ul style="list-style-type: none"> • Низкий уровень шума в сравнении с прочими видами транспорта. 	<ul style="list-style-type: none"> •
Пассажирские вагоны для системы «Hyperloop»	Высокоскоростное средство передвижения: поезд способен развивать скорость до 900 км/ч (преодоление расстояний в 300 км за 29 минут).	<ul style="list-style-type: none"> • Технология «Hyperloop» была разработана в США для перевозки грузов и адаптирована в Швейцарии для перевозки пассажиров. • Строительство первого тестового отрезка вакуумной дороги запланировано в регионе Кантон на 2019г.

Источник: собственная разработка на основе [7; 6; 4; 5].

Анализируя примеры, приведенные в таблице 1, можно отметить, что прослеживается тенденция к повсеместной экологизации транспортных средств, разработке альтернативных средств передвижения и аналогичной инфраструктуры. Инновационные решения направлены на минимизацию отходов, загрязняющих окружающую среду, и создание транспортной эко-инфраструктуры, а именно: ускоренные движущиеся пешеходные дорожки, google-мобиль, дороги с покрытием из солнечных батарей. Некоторые инновации вносят кардинальные изменения, создавая новые возможности для путешествий, например пассажирские вагоны системы «Hyperloop», предоставляющие комфортные условия для перемещения пассажиров на длительные расстояния.

Развитие современного мира происходит в условиях широкого распространения цифровых технологий. Технологические инновации играют важнейшую роль в развитии транспортной инфраструктуры и сферы туризма в целом. В таблице 2 представлена характеристика современных технологических инноваций в транспортной инфраструктуре.

Таблица 2

**Современные технологические инновации в транспортной инфраструктуре
Германия, Швейцария, Италия, Нидерланды**

Инновация	Преимущества	Особенности
Германия		
Оптические термодатчики для поездов	<ul style="list-style-type: none"> • Повышение уровня безопасности передвижения поезда. • Предотвращение возможных катастроф. 	Датчик прогнозирует препятствие на железнодорожных путях на расстоянии до двух километров.
Швейцария		
Программное обеспечение «Bestmile»	Данное инновационное программное обеспечение дает возможность управлять машинами по принципу контрольно-диспетчерской вышки в аэропорту.	<ul style="list-style-type: none"> • Способность в режиме реального времени наблюдать за местоположением автомобиля и оптимизировать его деятельность. • Технология в настоящий момент реализована в кантоне Вале и некоторых городах Франции.
Инновация	Преимущества	Особенности
Приложение	<ul style="list-style-type: none"> • Интеллектуальный комфорт для 	<ul style="list-style-type: none"> • Необходимость подключения к

«FairticAQ»	<p>пассажиров.</p> <ul style="list-style-type: none"> • Минимизирование проблемных ситуаций при покупке билетов. • Бесплатная установка на смартфон. • Высокая точность работы. 	<p>сети Интернет.</p> <ul style="list-style-type: none"> • Приложение автоматически считывает все виды транспорта, использующиеся при передвижении посредством технологии GPS. • Приложение самостоятельно выключается по окончании поездки. • Используется в Швейцарии, Германии, Австрии и Нидерландах.
Италия		
Чат-бот «Hut-tebot»	<ul style="list-style-type: none"> • Техническая поддержка туриста во время пребывания в горной местности. • Бесплатное использование для туриста. • Не требует больших капиталовложений. 	<ul style="list-style-type: none"> • Принцип работы заключается в соединении API транспортных систем и средств размещения с API онлайн-карт.
Нидерланды		
Симулятор пространственного контекста «CycleSpex»	<ul style="list-style-type: none"> • Повышение уровня безопасности на пешеходных и вело-дорожках. • Создание безбарьерных условий для передвижения на велосипеде. • Высокая точность результатов исследования. 	<ul style="list-style-type: none"> • В настоящее время технология используется для создания велосипедных магистралей в государстве.

Источник: собственная разработка на основе [6; 5].

Например, автоматическая покупка билета при входе в транспорт позволяет туристам экономить время при передвижении на общественном транспорте, при этом использование данных приложений – это гарантированный способ оплаты проезда.

Внедрение технологий виртуальной реальности, таких как «CycleSpex», способствует улучшению городской велоинфраструктуры, стимулирует спрос на аренду велосипедов и в целом способствует продвижению спортивного и экологического образа жизни. Чат-боты помогают строить оптимальные маршруты, пешие или с использованием общественного транспорта, в труднодоступные районы, что особенно удобно для иностранных туристов, не знающих местность.

Неотъемлемой составляющей функционирования сферы туризма является гостиничная инфраструктура. Развитие продуктовых инноваций в сфере гостеприимства позволяет создавать условия для максимального уровня комфорта в средствах размещения, например, в глэмпинге, туристам предоставляется возможность отдыха на природе со всеми удобствами, предоставляемыми в гостиницах [8]. Инновация «тихий танцпол» позволяет туристам вести ночную жизнь, не нарушая комфорт постояльцев отеля и жителей города [10]. Также уделяется внимание качественному обеспечению сна, как главному источнику энергии и сил. Такие инновации, как: «антихраповый» номер и система «Deep Sleep» направлены на повышение комфортности сна гостя, что в свою очередь ведет к улучшению качества отдыха [3]. Развитию инклюзивного туризма способствует внедрение «обонятельных» и «осязательных» инноваций.

Если продуктовые инновации в сфере гостеприимства способствуют расширению сегмента потребителей, привлечению денежных средств, то внедрение технологических инноваций способствует повышению качества предоставляемых услуг и лояльности гостей.

Средства размещения премиум-сегмента используют технологические инновации, внедряя новейшие технические достижения для того, чтобы сделать пребывание гостей более комфортным. Прежде всего, это мультимедийные технологии: бесплатный интернет, мобильные приложения для смартфонов, различные устройства с сенсорным экраном, предназначенные для климатконтроля и управления освещением в номере. Номера гостиниц оснащаются «умной» мебелью – диванами, снабженными USB-портами, и рабочими столами со встроенными зарядными устройствами для мобильных телефонов и базовыми станциями беспроводных телефонов. Появились и специальные электронные устройства, напоминающие все предпочтения гостя: от температуры воздуха в комнате до музыкальных пристрастий [4].

Таким образом, внедрение технологических и продуктовых инноваций способствует решению ряда задач в создании и функционировании туристической инфраструктуры: создание и развитие новых видов услуг, привлечение новых сегментов потребителей туристического продукта, интеллектуализация систем пользования гостиничными и транспортными услугами, автоматизация процессов бронирования и/или покупки билетов на общественный транспорт, бронирования номеров в отелях и пр., экологизация туристической инфраструктуры, направленная на сохранение окружающей среды, создание более комфортной инфраструктурной среды для лиц с ограниченными возможностями, совершенствование систем для безопасности туристов. Инновационная деятельность, направленная на развитие и совершенствование туристической инфраструктуры, является основополагающим фактором ее конкурентоспособности и успешного функционирования. Инновации в туристической инфраструктуре способствуют изменению структуры спроса и объема туристического потока, привлечению денежных средств в страну, создают возможности для повышения привлекательности туристической дестинации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Глобальный Инновационный Индекс // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://immigrant.today/article/13532-shvejcarija-vosmoj-god-podrad-nazvana-samoj-innovacionnoj-stranoj-mira.htm> – Дата доступа: 17.02.2019.
2. Официальные данные по РБ // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://opendata.by/dataset/1457> – Дата доступа: 28.02.2019.
3. Инновации в развитии гостиничной инфраструктуры США // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://studwood.ru/1129937/turizm/primery_prakticheskoy_realizatsii_tehnologicheskix_innovatsiy_gostinichnom_biznese – Дата доступа: 21.02.2019.
4. Инновации в средствах размещения и транспорте Германии // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://germania.one/v-germanii-zapuskajut-avtobusy-bez-voditelej/> – Дата доступа: 20.02.2019.
5. Инновации в транспорте // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://ec.europa.eu/transport/themes/research/challenge_en – Дата доступа: 27.02.2019.
6. Инновации в транспорте Германии // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.innotrans.de/Presse/Pressemitteilungen/News_54859.html – Дата доступа: 18.02.2019.
7. Инновации в транспорте США // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.the-village.ru/village/business/newprof/159361-hopes-tech-10-effektnyh-transportnyh-sredstv-budushego> – Дата доступа: 18.02.2019.
8. Инновационные средства размещения // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://prohotelia.com/2015/05/high-tech-hotel-rooms/> – Дата доступа: 25.02.2019.
9. Global Innovation Index 2018 Energizing the World with Innovation 11th Edition // [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2018.pdf – Date of access: 28.02.2019.
10. New offers. InterContinental // [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.intercontinental.com> – Date of access: 07.03.2019.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТУРИСТИЧЕСКОГО БИЗНЕСА В ЕВРОРЕГИОНЕ «ОЗЁРНЫЙ КРАЙ»

М. Г. Пумбуриди¹⁾, Л. Н. Давыденко²⁾

¹⁾ *Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, maria_13pumburidi09@mail.ru*

²⁾ *Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, Davidenko@tut.by*

Основной и наиболее комплексной формой трансграничного сотрудничества Беларусь считает формирование и функционирование еврорегионов, которые представляют собой территориальные единицы, состоящие из приграничных административных территорий государств-соседей, создаваемые для развития экономических, торговых, культурных, образовательных, научно-технических и природоохранных связей. Цель исследования заключается в определении дальнейших перспектив развития туристического бизнеса в еврорегионе «Озёрный край». Отсутствие вопроса об расширении тормозит выход данного интеграционного объединения на новый уровень. Присоединение Псковской области к еврорегиону существенно изменит ситуацию. В ходе исследования выделяются ключевые преимущества приграничной территории России. На их основе можно сделать выводы о необходимости включения Псковской области в состав еврорегиона, так как она соответствует всем его особенностям и приоритетам дальнейшего развития.

Ключевые слова: еврорегион «Озёрный край»; туристический бизнес; стратегия; перспективы; расширение еврорегиона; Псковская область; преимущества.

PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF TOURIST BUSINESS IN THE EUROREGION «LAKE DISTRICT»

M. G. Pumburidi^a, L. N. Davydenko^b

^a *Belarusian State University, Nezavisimosti Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus*

^b *Belarusian State University, Nezavisimosti Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus*
Corresponding author: L. N. Davydenko (Davidenko@tut.by)

Belarus considers the formation and functioning of euroregions to be the main and most complex form of cross-border cooperation, which are territorial units consisting of border administrative territories of neighboring States, created for the development of economic, trade, cultural, educational, scientific, technical and environmental relations. The purpose of the research is to determine the future prospects for the development of tourism business in the euroregion "Lake district". The absence of the issue of expansion hinders the output of this integration Association to a new level. Joining the Pskov region to the euroregion will significantly change the situation. The study highlights the key advantages of the border area of Russia. On their basis, we can draw conclusions about the need to include the Pskov region in the euroregion, as it corresponds to all its features and priorities for further development.

Key words: euroregion «Lake district»; tourism business; strategy; perspectives; expansion of the euroregion; Pskov oblast; benefits.

Возникновению еврорегионов с участием территорий Республики Беларусь послужил тот факт, что соседние Польша, Литва и Латвия присоединились к Европейскому союзу. Для осуществления прежнего межгосударственного взаимодействия и наращивания объёмов сотрудничества, нивелирования отрицательных последствий нужно было использовать все возможные инструменты и механизмы традиционных ценностей общества. Самым эффективным и перспективным способом сотрудничества стало создание еврорегионов.

Это взаимодействие трансграничных территорий позволяет совершенствовать внутреннюю и внешнюю политику Беларуси в современных условиях. Кроме того, еврорегионы привлекают иностранный капитал различных фондов для решения региональных проблем и, следовательно, местные власти получают до-

полнительные ресурсы для развития трансграничного туризма, туристического бизнеса.

В настоящее время в Беларуси функционирует пять еврорегионов: «Буг», «Неман», «Озёрный край», «Днепр», «Беловежская пуца»[1].

Еврорегион «Озёрный край» является одним из развивающихся еврорегионов, включающий территории Беларуси, Литвы и Латвии. 4 сентября 1998 г. в Браславе было подписано положение о Совете по трансграничному сотрудничеству приграничных районов трех государств. 29 января 1999 г. в г. Игналина (Литва) Совету придан статус еврорегиона, определены структура, направления сотрудничества, подписана заявка на членство в Ассоциации европейских приграничных регионов.

В состав еврорегиона входят: Браславский, Верхнедвинский, Миорский, Поставский и Глубокский районы (Беларусь); Даугавпилсский, Краславский, Прейльский и Резекненский районы, включая города Даугавпилс и Резекне (Латвия); Зарасайский, Игналинский, Утенский и Швенченский районы, включая город Висагинас (Литва).

Площадь территории еврорегиона – 21 900 км², численность населения – 595 тыс. чел. Территория, на которой расположен еврорегион, является эталонной для ландшафтов Балтийского Поозерья. Отличительными особенностями еврорегиона являются благоприятные природно-климатические условия, привлекательные ландшафты и наличие природно-рекреационных ресурсов, обеспечивающих разнообразие форм отдыха.

Еврорегион «Озёрный Край» обладает значительными культурно-историческими ресурсами, представленными монументальными объектами историко-культурного наследия, народными промыслами, музейными экспозициями и регулярными мероприятиями (фестивали, ярмарки, конкурсы и т.п.).

Предприятия различных форм собственности на территории еврорегиона представлены, преимущественно, предприятиями пищевой, перерабатывающей и легкой промышленности. Развитие сельского туризма в еврорегионе будет способствовать формированию устойчивого спроса на услуги местного производства, что может стать одним из факторов поддержки местного сельскохозяйственного производства и сферы услуг.

Направления деятельности еврорегиона - территориальное планирование, образование, общественные организации, спорт, социальная сфера, культура, туризм и защита окружающей среды, развитие экономики, содействие предпринимательству, развитие инфраструктуры, решение проблем пересечения границ.

Первый проект трансграничного сотрудничества реализован в рамках программы ЕС Phare CREDO – «Создание Латвийско-белорусского информационного центра»; в июне 2001 г. - проект «Разработка стратегии еврорегиона»; в 2002 г. еврорегион «Озерный край» получил финансирование на выполнение проекта «Укрепление административной структуры еврорегиона».

В сотрудничестве с муниципалитетом Ландкрейс Баутзен (Германия) директорат еврорегиона «Озёрный край» разработал и представил для малых проектов TACIS CBC проект «“Озёрный край”»: менеджмент и маркетинг сельского туризма». Латвийское бюро директората в сотрудничестве с Зарасайским бизнес-информационным центром с октября 2002 г. до сентября 2003 г. реализовало проект «Содействие развитию малого и среднего бизнеса на территории еврорегиона “Озёрный край” с помощью мероприятий по трансграничному сотрудничеству».

В 2003–2004 гг. на всей территории еврорегиона «Озерный край» под руководством латвийского бюро в рамках программы Phare реализован проект «Улучшение сети кулинарных услуг в Латгалии на основе концепции кулинар-

ного наследия». Проект «Кулинарное наследие, как метод развития сети регионального туризма в контексте еврорегиона “Озерный край”» был утвержден программой Interreg IIIA и реализован с мая 2005 до июня 2006 г.

Первый миллионный проект еврорегиона «Озерный край» – «Развитие сети веломаршрутов в Балтийском Озерном крае» был утвержден программами Interreg IIIA и TACIS. Срок реализации проекта – с ноября 2005 г. по октябрь 2007 г. на территории Латвии и Литвы и до мая 2008 г. – на территории Беларуси.

Источники финансирования: за 15 лет существования еврорегиона реализовано совместных проектов на сумму, превышающую 15 млн евро, и до 2020 г. планируется реализовать ещё несколько проектов общей стоимостью свыше 20 млн, большая часть денежных средств получена из фондов ЕС и Норвегии.

Еврорегион «Озерный край» является наилучшей площадкой для воплощения в жизнь проектов по развитию предпринимательства, экономики, туризма, культуры и образования. В этом году данному еврорегиону исполнилось 10 лет с момента создания. За этот период было разработано три основных стратегии, шага его развития.

Первая стратегия еврорегиона "Озёрный край" на 2001-2007 годы была разработана при поддержке Министерства иностранных дел Норвегии и Норвежской ассоциации местных и региональных самоуправлений. В это время еврорегион начал первые проекты, получал опыт и учился, расширял круг контактов, присоединял новых участников и партнёров. В тот период были введены такие проекты как проект кулинарного наследия, проект веломаршрутов Exciting Cycling и др.

Вторая стратегия на 2008 - 2013 годы была разработана при поддержке Министерства иностранных дел Латвийской Республики и стала основой для введения ответственных и крупно-объёмных проектов. Этот период осветил особую нишу Еврорегиона "Озёрный край" – аттрактивные, увлекательные, инновационные проекты, вовлекающие общество, партнёров из государственных и самоуправленческих секторов, предпринимателей, общества, школ. Еврорегион получил широкую известность и это помогло укрепить престиж еврорегиона. Наибольшее признание и популярность получили проекты, в которых участвовало много партнёров из всех трёх стран, когда интересы еврорегиона были представлены в большом масштабе, содействовали предпринимательской деятельности, приводили в порядок инфраструктуру, развивали туризм, кулинарное наследие, спортивные чемпионаты и культурные связи.

Разработка этой третьей стратегией действия Еврорегиона "Озёрный край" на 2014 -2020 происходит при финансовой поддержке программы приграничного сотрудничества Латвии-Литвы-Белоруссии. Она действительно "3-й шаг" и намечает определённый "этап зрелости" на новом уровне – потенциал Еврорегиона стать примером демонстрации трансграничного сотрудничества Европейского Союза[3].

Однако, к сожалению, в содержаниях всех трёх стратегий еврорегиона «Озёрный край» отсутствует вопрос об расширении его состава. В частности, речь идёт о присоединении России к данному еврорегиональному интеграционному объединению. Российская Федерация сотрудничает отдельно с каждым из членов еврорегиона, успешно реализуя приграничные программы, проекты с Латвией и Литвой, несмотря на все неразрешённые проблемы на политическом уровне. С нашей страной Россия имеет наиболее тесные контакты в различных сферах деятельности, в том числе и в туризме.

Следует отметить, общие границы, природа, история и люди являются объединяющими аспектами решения социально-экономических проблем отдалённых регионов подходом трансграничного сотрудничества. В связи с этим Псков-

ская область должна представлять наибольший интерес для членов еврорегиона. Данная территория сочетает в себе привлекательные природные ландшафты, а также наличие богатого культурно-исторического наследия. Для нее характерен достаточно расчлененный рельеф с чередованием холмисто-грядовых пространств, значительная лесистость с преобладанием смешанных лесов, обилие озер и большое количество малых и средних рек, благоприятствующих спортивному рыболовству и водному туризму.

Псковская область имеет выгодное экономико-географическое положение, высокий уровень транспортной доступности. Область расположена в зоне влияния двух крупнейших экономических центров России – Москвы и Санкт-Петербурга (расстояние между ними и Псковом составляет 742 и 280 км соответственно), имеет высокие показатели транспортной доступности по отношению к российским и прибалтийским портам. По его территории проходят федеральные и международные автомагистрали, развито железнодорожное сообщение[4].

В Пскове открыт международный аэропорт для среднемагистральных пассажирских и грузовых самолетов. Имеется развитая инфраструктура для осуществления внешнеэкономической деятельности: на территории области расположен 21 таможенный пост, пропуск грузов через границу обслуживают две таможни – Псковская и Себежская.

Для размещения промышленных производств, а также предприятий логистики созданы три индустриальных парка, на территории которых инвестору может быть выделен участок любого размера. Также на территории области организованы небольшие производственные площадки.

Потенциал для развития туристической индустрии в Псковской области огромен. На её территории 537 памятников федерального (общероссийского) значения, 3570 памятников регионального значения и 1251 вновь выявленный объект наследия, из которых наиболее известны:

- в Пскове - ансамбль Псковского кремля (Крома) VI-XIX в – историко-архитектурный и градостроительный центр Пскова; ансамбль Мирожского монастыря XII-XIX веков с фресковой живописью XII века в Спасо-Преображенском соборе (включен ЮНЕСКО в предварительный список памятников мирового значения) и др.;

- в Печорском районе: Свято-Успенский Псково-Печорский монастырь, Государственный историко-архитектурный и природно-ландшафтный Изборский музей-заповедник с крепостью XIV века и памятником природы Изборско-Мальской долиной;

- в Пушкиногорском районе: памятник национального значения – Государственный мемориальный историко-литературный и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С. Пушкина. Музей-заповедник располагает территориями, пригодными для рекреации, туризма, а также объектами показа (музеи, парки, ландшафтные комплексы, экспозиционные пространства). Наиболее сохранившийся памятник Пушкинского музея-заповедника - мемориальные исторические ландшафты, удивительная природа - источник пушкинского вдохновения. Пушкинские Горы - это не просто музей под открытым небом. Этот уголок занимает одно из самых главных мест в духовной жизни России. Ежегодно 6 июня в день рождения поэта на территории музея-заповедника проходит всероссийский праздник поэзии, на который съезжаются гости не только со всей России, но и мира.

Экологически чистая природа Псковской области послужила положительным стимулом для развития санаторно-курортной базы. Сегодня в Псковской области насчитывается 20 предприятий активного отдыха и санаторно-курортной направленности (профилактории, санатории). Рекреационные ресур-

сы, включающие возможность отдыха на берегах Псково-Чудского и других озер, которых на территории области около 3,5 тыс., а также рек. Леса и водоемы Псковской области традиционно привлекают любителей охоты и рыбалки.

Ведущими направлениями развития туристской инфраструктуры являются основные зоны культурно-познавательного туризма – Псково-Печорская и Пушкиногорская, которые в то же время обладают большим потенциалом для развития других видов туризма. Каждый год проводятся праздники и фестивали: ежегодный «Международный чемпионат по воздухоплаванию» в городе Великие Луки, «Ледовое побоище» - военно-исторический фестиваль.

Псковская область служит звеном, соединяющим огромный потенциал туристских возможностей Северо-запада и Центральной части РФ. В ней имеется уникальная возможность сочетать различные виды туризма. Данный регион посещают иностранные граждане из 65 стран мира. Основную часть иностранных туристов представляют граждане Латвии, Эстонии, Литвы, Беларуси, Украины, Финляндии, Германии, Швеции[4].

Рассмотрев ключевые конкурентные преимущества данного региона, следует сказать, что он является очень привлекательной территорией для туристов с точки зрения расположения, экологической обстановки и культурно-исторического наследия. Данные обстоятельства позволяют говорить о необходимости присоединения Псковской области к еврорегиону «Озёрный край». Это поможет достичь поставленных целей. Среди них можно выделить стремление развивать инновационные и творческие проекты, быть платформой сотрудничества, популяризировать лучший еврорегион. Более того, приграничная территория России увеличит поток туристов, будет развивать туристический бизнес в еврорегионе. В туристско-рекреационном комплексе возможно будет осуществить функциональное обновление малых и средних туристических комплексов, создание новых объектов агроэкотуризма, формирование и использование общей системы межгосударственных электронных услуг [5].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Давыденко, Л.Н. Институционализация трансграничного сотрудничества еврорегионов в развитии рынка мировой индустрии туризма/Л.Н. Давыденко//Экономика. Моделирование, прогнозирование; сб. Науч. тр./ редкол: М.К. Кравцов [и др.]. – Минск: НИЭИ Мин-во экономики Респ. Беларусь, 2017. - Вып. 11 – С. 5-9.

2. Инвестиционный меморандум Псковской области [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://invest.pskov.ru/sites/default/files/invest_memorandum.pdf. – Дата доступа: 18.10.2019.

3. Стратегия еврорегиона «Озёрный край» 2020 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ezeruzeme.lv/ru/>. - Дата доступа: 16.10.2019.

4. Официальный портал государственных органов Псковской области [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pskov.ru/>. - Дата доступа: 16.10.2019.

5. Литвинюк, А.И. Трансграничное сотрудничество и еврорегиональная кооперация: монография / А.И. Литвинюк; под. науч. ред. Л.Н. Давыденко. – Мн.: БГПУ, 2009. – С.173.

ПОДХОДЫ К ОРГАНИЗАЦИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ МАССОВЫХ СОБЫТИЙНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

А. Г. Путилин¹⁾, Л. В. Фокеева²⁾

*¹⁾ Фонд «Дирекция II Европейских игр 2019 года»,
пр. Победителей, 103, 220020, г. Минск, Беларусь, andgenput@gmail.com*

*²⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, fokeeva@bsu.by*

В статье раскрыта необходимость организации лингвистического обеспечения международных массовых событийных мероприятий, рассмотрены основные подходы к её реализации, а также проведён анализ сильных и слабых сторон различных подходов, которые наиболее часто используются в данных целях.

Ключевые слова: лингвистическое обеспечение; событийный менеджмент; международные массовые событийные мероприятия; SWOT-анализ.

Организация международных массовых событийных мероприятий предполагает участие в ходе их подготовки и проведения значительного количества субъектов, которые представляют различные страны мира. Соответственно, важным элементом успешной коммуникации между представителями многочисленных заинтересованных сторон, участвующих в мероприятии, становится тщательно продуманное и качественно предоставляемое лингвистическое обеспечение всевозможных рабочих процессов, которое реализуется посредством устного и письменного перевода в тех случаях, когда задействованные субъекты не могут общаться на одном языке: при сотрудничестве с международными организациями и подрядчиками, в целях продвижения мероприятия, для организации непосредственного общения и взаимодействия его участников в ходе проведения, а также для составления необходимых отчётных документов и информационного наследия по его итогам. В целях надлежащего осуществления коммуникаций между всеми задействованными сторонами в вышеперечисленных ситуациях организационные комитеты международных массовых событийных мероприятий могут использовать различные подходы к реализации лингвистического обеспечения – некоторые из них будут рассмотрены и частично проанализированы в рамках данной работы.

В первую очередь, необходимо отметить, что в ряде случаев текущая деятельность организационных комитетов международных массовых событийных мероприятий осуществляется без создания структурных подразделений, отвечающих за лингвистическое обеспечение. На этапе формирования организационных комитетов и набора сотрудников делается акцент на владение иностранным языком в качестве необходимого условия приема на работу для всего персонала или его части. Примером реализации подобного подхода может служить функционирование Дирекции по проведению Чемпионата мира по хоккею с шайбой 2014 года, а также Организационного комитета I Европейских игр 2015 года на этапах подготовки данных мероприятий. В первом случае письменный и устный перевод при необходимости осуществлялся по распоряжению руководства любыми штатными сотрудниками Дирекции, профессионально владеющими иностранными языками. Во втором случае основным рабочим языком для всех сотрудников организационного комитета официально являлся английский: значительную часть штата составляли граждане Европейского союза, свободно владеющие им в качестве родного или первого иностранного; для всех остальных сотрудников профессиональное владение английским языком и выполнение соответствующих должностных обязанностей с его использованием было обязательным условием приёма на работу в организационный комитет.

В отличие от вышеуказанных примеров наиболее часто используемая практика организации лингвистического обеспечения в рамках подготовки и проведения международных массовых событийных мероприятий предполагает использование одного из следующих подходов:

- 1) наличие в штате организации сотрудников, непосредственно отвечающих за данную работу согласно своим должностным инструкциям;
- 2) привлечение внешних подрядчиков (на возмездной и/или безвозмездной основе) для оказания соответствующих услуг[1];
- 3) формирование в рамках организации отдельного структурного подразделения, отвечающего за лингвистическое обеспечение;
- 4) совмещение отдельных аспектов подходов 1-3.

Примером использования первого подхода может служить участие в организации международных массовых событийных мероприятий штатных переводчиков и специалистов по межкультурной коммуникации, внешнеэкономическим или международным связям. Второй подход может быть использован при отсутствии у организаторов собственных сотрудников, способных обеспечить оказание необходимых услуг: в данном случае выбор внешних подрядчиков, а также финансовые условия их привлечения зависят от наличия средств, которыми организаторы располагают в данных целях. Третий подход (с частичным задействованием четвертого) был использован в рамках работы фонда «Дирекция II Европейских игр 2019 года»[2]: помимо непосредственного выполнения письменных и устных переводов в ходе этапов подготовки и проведения Игр сотрудники отдела лингвистического обеспечения фонда также отвечали за организацию работы волонтеров лингвистического обеспечения на всех объектах Игр и привлечение подрядчиков для оказания услуг синхронного перевода.

У каждого из подходов к организации лингвистического обеспечения, представленных выше, есть ряд преимуществ и недостатков, которые в рамках данной работы представляется целесообразным рассмотреть посредством SWOT-анализа [3] (см. таблицу) .

Таблица

Параметр /	Подход 1	Подход 2	Подход 3	Подход 4
Сильные стороны	- четкая структура управления; - работа в рамках действующего штата; - личная заинтересованность и профессионализм ответственного;	- узкая специализация и личная заинтересованность исполнителя; - высокий объем загрузки исполнителя; - готовность к выполнению дополнительной работы;	- высокий уровень специализации сотрудников; - четкое разделение обязанностей между различными направлениями деятельности	- универсальность и адаптивность; - сочетание сильных сторон других подходов
Слабые стороны	- наличие у ответственного и других рабочих обязанностей; - нехватка опыта	- отсутствие прямого контроля; - зависимость от сторонней организации / предложений на рынке	- введение дополнительных штатных единиц; - ограниченные объемы нагрузки	- отсутствие единого подхода к управлению

Параметр /	Подход 1	Подход 2	Подход 3	Подход 4
Возможности	- профессиональный рост и развитие ответственного; - расширение спектра оказываемых услуг;	- расширение круга партнёров организатора для дальнейшего сотрудничества;	- апробирование международного опыта	- использование международного опыта
Угрозы	- перегрузка сотрудников непрямыми обязанностями; - ограниченный уровень качества услуг	- превышение выделенного бюджета; - ограниченное предложение на рынке; - отказ от оказания / ненадлежащее оказание услуг; - распространение корпоративной информации	- перегрузка сотрудников прямыми обязанностями	*любые из указанных для подходов 1-3

На основе анализа, представленного выше, можно сделать вывод, что выбор подхода к организации лингвистического обеспечения массовых событийных мероприятий напрямую зависит от масштаба самого мероприятия, финансовых и временных возможностей организатора, имеющегося организационного опыта, а также актуального предложения на рынке соответствующих услуг.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Организация массовых мероприятий [Электронный ресурс] – 2018. – Режим доступа: <https://mainevent.pro/service/organization-mass-events/>. – Дата доступа: 27.10.2019
2. Официальный сайт II Европейских игр 2019 года [Электронный ресурс] – 2018. – Режим доступа: <https://minsk2019.by/ru/information/about-the-games>. – Дата доступа: 27.10.2019.
3. Методика проведения SWOT-анализа. Образцы матриц SWOT [Электронный ресурс] – 2014. – Режим доступа: <https://marketing.by/novosti-rynka/metodika-provedeniya-swot-analiza-obraztsy-matrits-swot/>. – Дата доступа: 27.10.2019.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СЕТИ ТУРИСТСКО-ИНФОРМАЦИОННЫХ ЦЕНТРОВ БЕЛАРУСИ

Д.Г.Решетников¹⁾, Е.А.Карнаух²⁾, А.Н.Решетникова³⁾

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь;*

¹⁾ *rashetnikau@bsu.by*

²⁾ *katsiaryna1208@gmail.com*

³⁾ *anbsu@mail.ru*

В статье раскрываются современные особенности функционирования туристско-информационных центров Беларуси, определены направления совершенствования их деятельности с учетом передового зарубежного опыта. В современных условиях туристско-информационный центр выступает важным элементом туристской информационной среды и эффективным маркетинговым инструментом продвижения туристских дестинаций, игра-

ет важную роль в информационном сопровождении и ориентировании туристов, территориальной организации туристских потоков, проведении событийных мероприятий.

Ключевые слова: информационное обеспечение в туризме, туристско-информационный центр, туристская дестинация, продвижение дестинаций.

IMPROVEMENT OF THE FUNCTIONING OF TOURIST INFORMATION CENTERS SYSTEM OF BELARUS

D. Rashetnikau¹⁾, K. Karnaukh²⁾, A. Rashetnikava³⁾

Belarusian state University, Independence Ave., 4, 220030, Minsk, Belarus;

¹⁾ rashetnikau@bsu.by (*corresponding author*)

²⁾ anbsu@mail.ru

³⁾ katsiaryna1208@gmail.com

The article reveals the modern features and problems of functioning of the tourist information centers of Belarus are revealed, directions of improvement of their activity taking into account foreign experience are defined. At this moment the tourist information center is one of the mechanisms for promoting the tourism resources of the region, is becoming a mandatory component in the information support and orientation of tourists, the uniform distribution of tourist flows, plays an important role in facilitating and organizing mass events.

Keywords: information support in tourism, tourist information center, tourism destination, destination promotion.

Одним из приоритетов государственной политики Республики Беларусь в сфере туризма является формирование и эффективное продвижение конкурентоспособных региональных туристских дестинаций, включая создание комфортной информационной среды (информационного туристского пространства) для организованных и самостоятельных туристов [1]. Важная роль в этом процессе принадлежит туристско-информационным центрам (ТИЦ).

ТИЦ может быть определен как специализированная организация, которая занимается сбором, анализом и распространением информации о региональном туристском продукте, способствуя продвижению дестинации. При этом следует подчеркнуть, что ТИЦ призван заниматься продвижением дестинации, а не ограниченного набора турпродуктов основных «бизнес-партнеров».

ТИЦ реализуют ряд функций (информационная, маркетинговая, организационная, коммерческая и др.), которые варьируются в зависимости от реализуемой стратегии развития туризма в дестинации, объёма и структуры туристских потоков. К основным задачам ТИЦ относятся продвижение дестинации, ключевых туристских объектов и турпродуктов, ориентирование, информационная поддержка, анализ и распределение потоков туристов и экскурсантов и др.

Деятельность ТИЦ стимулирует рост и оптимальное территориальное распределение туристских потоков, увеличение продолжительности пребывания туристов в регионе и объема доходов от их обслуживания, тем самым оказывает позитивное влияние на социально-экономическое развитие дестинаций, поэтому развитие сети ТИЦ является важным элементом туристской политики.

Значительное внимание данному вопросу уделяется в Российской Федерации, где действуют свыше 180 ТИЦ [2; 3]. В 2014 г. утвержден Национальный стандарт Российской Федерации «Туристские информационные центры. Туристская информация и услуги приема. Требования» (модификация международного стандарта ИСО 14785:2014 *Tourist Information Offices. Tourist Information and Reception Services. Requirements*). В 2013 г. создано Некоммерческое Партнерство ТИЦ – Национальная ассоциация информационно-туристских организаций (НАИТО). На

веб-сайте НАИТО представлены практические рекомендации экспертов по различным аспектам деятельности ТИЦ (выбор оптимальной организационно-правовой формы, схемы финансирования и организационной структуры, функционально-планировочное зонирование помещения и организация прилегающей территории, ассортимент предлагаемых услуг, стандарты информационно-консультационного обслуживания, элементы фирменного стиля ТИЦ и др.) [4].

Создан и регулярно обновляется общедоступный Реестр туристских информационных центров в Российской Федерации с краткой информацией о местонахождении, графике работы, указанием контактов (телефон, электронная почта), ссылками на веб-сайт и аккаунты в социальных сетях [5]. Вопросы повышения эффективности деятельности ТИЦ ежегодно обсуждаются на тематических мероприятиях в рамках деловой программы крупнейших турвыставок («Интурмаркет» и др.). В сентябре 2019 г. в г. Воронеже прошел II Всероссийский съезд туристских информационных центров, участие в котором приняли 214 специалистов ТИЦ из 70 регионов России. Проводится профессиональный Общероссийский конкурс ТИЦ.

Сайты ведущих ТИЦ России (например, ТИЦ «Красная Изба» в Великом Новгороде – <https://www.visitnovgorod.ru>) содержат четко структурированные материалы о предлагаемых турпродуктах и отражают результаты эффективной работы по информационному обеспечению самостоятельных туристов.

Анализ доступных материалов интернет-источников и опыт личного посещения и проведения интервью с сотрудниками ТИЦ Литвы, Польши, Австрии, Франции, Германии, России и других стран позволяет выделить ряд особенностей их функционирования:

- традиционные консультации «оффлайн» в офисах ТИЦ во все большей степени замещаются элементами цифровизации информационного обслуживания;
- предлагается дифференцированное информационное обеспечение сегментов путешественников с особыми интересами и потребностями. Например, на веб-сайтах многих ТИЦ семьям с детьми предлагается тематическая подборка информации о познавательных и развлекательных объектах для детей, афиша мероприятий для детской аудитории, списки рекомендуемых child-friendly ресторанов и кафе. С учетом познавательных и ностальгических мотивов определенного сегмента туристов на сайтах ТИЦ представлены тематические материалы (например, «Вильнюс для пилигримов», «Discover Jewish Heritage in Vilnius» с картами и описанием достопримечательностей);
- продвигая туристские возможности дестинации, веб-сайты ТИЦ стремятся распространять информацию не только о «классических» объектах историко-культурного наследия, но также материалы об интересных современных элементах культурной жизни: «Vilnius Street Art», «Вильнюс: место, где родился мини-сериал «Чернобыль», «Самые инстаграмные кафе Риги», «Блошиные рынки Праги» и т.п.;
- контент веб-сайтов зарубежных ТИЦ и их страниц в соцсетях динамично обновляется, в т.ч. отражая сезонные возможности отдыха в дестинации, включая тематические подборки: «Как полюбить зимнюю Ригу», «Отдых зимой в Таллинне», «Рождество в Праге» и т.п.
- расширяется сфера экономической деятельности ТИЦ, включая продажи сопутствующих товаров (сувениры, локальные продукты) и услуг (экскурсии, билеты, аудиогиды, прокат снаряжения).

В современных условиях цифровизации сферы туризма все более важной является активная деятельность ТИЦ в интернет-пространстве, в т.ч. в социальных сетях. Вместе с тем, информационное обеспечение туристов осуществляется также «оффлайн» в помещениях ТИЦ, которые должны обладать удобным для

посетителей расположением (аэропорты, вокзалы, морские порты, исторические центры городов, инфраструктурные центры курортов, национальных парков), быть четко обозначены информационным знаком «i» (буква белого цвета на зеленом фоне), адаптированы под нужды разных групп посетителей с учетом требований безбарьерной среды, соответствовать количеству клиентов, предоставлять доступ в Интернет и иметь в наличии раздаточный материал.

Для эффективной деятельности сотрудникам ТИЦ необходимо обладать следующими качествами: творческий подход к решению задач, свободное владение иностранными языками, обширные знания о туристском потенциале местности, поведение в соответствии с нормами профессиональной этики. Кроме штатных сотрудников, к работе в ТИЦ могут привлекаться волонтеры, практиканты и стажеры.

В Беларуси порядок деятельности ТИЦ регламентирует «Инструкция о порядке и условиях создания и функционирования туристических информационных центров», утвержденная Постановлением Министерства спорта и туризма Республики Беларусь от 4 января 2017 г. № 1 [6]. В Законе Республики Беларусь «О туризме» деятельности ТИЦ посвящена специальная статья 8-1.

Согласно данным Министерства спорта и туризма Республики Беларусь, в 2019 г. на территории страны функционирует 61 ТИЦ: в Витебской области – 27, Брестской – 17, Гродненской – 9, Минской – 6 (в т.ч. 2 в г. Минске), Могилевской области – 2, в Гомельской области ТИЦ не имеется (ранее действовавшие в регионе 2 ТИЦ были закрыты).

В последние годы формируется сеть ТИЦ Республики Беларусь в зарубежных странах, деятельность которых направлена на продвижение Беларуси как туристской дестинации: в России – 7 офисов, Латвии – 4, Армении – 2, Германии, Израиле, Азербайджане, Туркменистане, Канаде – по 1 ТИЦ [7]

Анализ современного состояния функционирования ТИЦ Беларуси указывает на наличие ряда проблем:

- количество и региональная структура сети ТИЦ требуют дальнейшей оптимизации. Ряд ТИЦ создан на базе государственных учреждений спортивного профиля без учета существующей и перспективной структуры туристских потоков и реальных потребностей в их информационном обслуживании (ТИЦ ГУ «Верхнедвинский районный физкультурно-спортивный клуб», ТИЦ при Докшицком физкультурно-спортивном клубе «Урожай», ТИЦ ГУ «Лиозненский районный физкультурно-спортивный клуб», ТИЦ ГУ «Физкультурно-спортивный клуб «Шарковщина», ТИЦ при Толочинском физкультурно-спортивном клубе «Нива» и др.). Как правило, подобные ТИЦ играют незначительную роль в формировании региональных туристских кластеров, обеспечении взаимодействия участников местного туристского рынка;

- отсутствие интернет-ресурса с полным регулярно обновляющимся перечнем действующих ТИЦ с указанием их адресов, режима работы, сайтов, аккаунтов в социальных сетях;

- недостаточная активность ТИЦ в интернет-пространстве (сайты, социальные сети), ограниченный объем и структура предоставляемых онлайн информационных ресурсов с учетом потребностей современных самостоятельных путешественников (мобильные приложения и аудиогиды, электронные карты и др.);

- автономность деятельности региональных ТИЦ Беларуси, отсутствие сетевого взаимодействия с ТИЦ других регионов, обмена опытом, взаимной рекламно-информационной поддержки (например, продвижение соседних регионов страны);

- многие действующие ТИЦ не являются активными участниками формирующихся региональных туристских кластеров, не имеют эффективных механиз-

мов взаимодействия (в т.ч. софинансирования) с местными участниками туристского рынка

– кадровые проблемы, связанные с невысоким уровнем оплаты труда, ограниченностью возможностей карьерного роста, отсутствием системы повышения квалификации работников ТИЦ, стажировок в ведущих ТИЦ страны и зарубежья. При этом до настоящего времени не сложилась практика регулярного или сезонного привлечения к работе в ТИЦ волонтеров (студентов и др.), кроме единичных кейсов волонтерской деятельности в период работы информационных точек на массовых событийных мероприятиях (II Европейские игры 2019 г.);

В целях изучения информационного наполнения и функциональности веб-сайтов ТИЦ Беларуси был проведен их контент-анализ (Е.А.Карнаух, апрель 2019 г.) на основе 104 индикаторов, соответствующих контенту или функции, которыми должен обладать сайт ТИЦ (методический подход [8]). Методика исследования предполагает анализ наличия или отсутствия информации на сайте по теме, указанной в индикаторе, но при этом не анализируется качество предоставленной информации. Индикаторы объединены в 6 групп:

- дестинация: наличие географической, исторической, а также практической информации: погода, визовый режим, обмен валюты и др.;
- транспорт и жилье;
- времяпрепровождение: достопримечательности, объекты развлечения, питания и шопинга;
- события: афиша культурных, спортивных и иных мероприятий;
- информация о ТИЦ: адрес, режим работы, контакты, веб-сайт;
- сервис и функциональность сайта.

В результате анализа высший балл получил сайт ТИЦ г. Гродно (49 из 104 возможных при среднем показателе 29 из 104), также в группе лидеров представлены ТИЦ г. Минска (ТИЦ ГУ «Национальное агентство по туризму», «Информационно-туристский центр «Минск»).

Контент-анализ 16 действующих сайтов ТИЦ Беларуси (по состоянию на апрель 2019 г.) показал, что информационное обеспечение онлайн осуществляется на недостаточном уровне: из общего числа сайтов ТИЦ лишь около 50 % содержат географическую и историческую информацию о дестинации, на большинстве веб-страниц отсутствует информация о транспортных услугах, местной кухне, возможностях шопинга, предложении культурно-досуговых, оздоровительных и иных услуг. Следует отметить низкий уровень персонализации и функциональности интернет-ресурсов ТИЦ. Тем не менее, на большинстве сайтов представлена информация о средствах размещения и объектах питания, анонсы основных мероприятий.

Совершенствование деятельности ТИЦ в Интернет-пространстве должно быть направлено, в том числе, на формирование эффективной структуры сайта и подачу информации в соответствии с востребованной туристами тематикой. На веб-сайтах ТИЦ рекомендуется представить следующие разделы:

1. Географическая информация (общая информация о месторасположении дестинации, карта местности, краткие сведения о природе дестинации, отражающие ее уникальность).

2. Историческая информация (историческая справка, данные о знаменитых выходцах из региона, краткие сведения об историко-культурном наследии дестинации, отражающие ее уникальность).

3. Информация об основных объектах культурного и природного наследия, музеях, выставочных залах и иных достопримечательностях.

4. Информация о транспортной доступности: варианты прибытия в дестинацию общественным или личным транспортом, прокат автомобилей. Информация

о местном транспорте (тарифы на проезд, расписание автобусов и поездов, номера телефонов такси, парковочные места).

5. Информация об услугах размещения (списки отелей, хостелов, апартаментов, мест для кемпинга, агроусадеб с активными ссылками на интернет-ресурсы).

6. Информация об услугах общественного питания (списки ресторанов, кафе, столовых, баров и иных объектов с активными ссылками на интернет-ресурсы). Интересные факты о региональной кухне.

7. Информация о развлечениях (концертные залы, кинотеатры, ночные клубы, казино и иные объекты индустрии развлечений, спортивные объекты).

8. Информация, полезная для посещения дестинации (полезные интернет-ресурсы, рекомендуемые маршруты экскурсий, советы по организации отдыха, приобретению сувениров, список туристских организаций с активными ссылками на интернет-ресурсы, список и контакты местных аттестованных гидов).

9. Календарь событий.

10. Краткая информация о ТИЦ (веб-страница «О нас», структура, партнеры, контактные данные, список вакансий, ссылки на страницы в социальных сетях).

С учетом проведенного анализа зарубежного и отечественного опыта предлагаются следующие рекомендации, направленные на совершенствование функционирования ТИЦ Беларуси. Представляется целесообразным создание национальной ассоциации ТИЦ в целях координации их деятельности, оперативного обмена информацией, изучения и внедрения передового опыта, формирования единой взаимосвязанной сети ТИЦ. Необходима также разработка стандартов деятельности ТИЦ, устанавливающих базовые требования по размещению и оснащению офисов ТИЦ, взаимодействию персонала с посетителями, формированию и развитию фирменного стиля и др. Особую важность имеет развитие компетенций сотрудников ТИЦ в области информационно-коммуникационных технологий, а также экономико-управленческого характера (организация практических семинаров, курсов повышения квалификации, обучающих онлайн-программ, стажировок, образовательных визитов, мастер-классов и др.).

Дальнейшее развитие сети ТИЦ может стать одним из драйверов в развитии туристских дестинаций в Беларуси, так как они являются эффективными маркетинговыми инструментами продвижения регионального туристского продукта и способны играть важную кластерообразующую роль.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Конкурентоспособность туристского комплекса Республики Беларусь: современные тенденции и вызовы: монография / Е. Г. Киреенко, Д. Г. Решетников, А. И. Тарасенок и др.; под общ. ред. Киреенко Е. Г., Решетникова Д. Г. – Минск: Ковчег, 2018. – 400 с.

2. Жданчиков, П.А. Развитие системы туристских информационных центров в российских регионах / П.А. Жданчиков // Региональная экономика: теория и практика. – 2015. – № 25. – С. 13-26.

3. Кормишова, А.В. Тенденции и проблемы туристских информационных центров в России / А.А. Кормишова // European Science. – 2017. – № 2. – С. 52-54.

4. Национальная ассоциация информационно-туристских организаций. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://naito-russia.ru> – Дата доступа: 01.10.2019.

5. Реестр туристских информационных центров Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nbcrs.org/tic/list/> – Дата доступа: 04.10.2019.

6. Инструкция о порядке и условиях создания и функционирования туристических информационных центров, принята Постановлением Министерства спорта и туризма Республики Беларусь 4 января 2017 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/upload/docs/op.pdf> – Дата доступа: 30.09.2019.

7. Туристские информационные центры Беларуси за рубежом [Электронный ресурс] / Режим доступа: [http:// belarustourism.by/firm/center/798/](http://belarustourism.by/firm/center/798/). – Дата доступа: 06.03.2019.

8. Inversini, A., De Pietro, M., Cantoni, L. Tourism Destinations' Online Communication [Electronic resource] – Mode of access: http://www.webatelier.net/wpcontent/uploads/web_atelier_english_destinations_ver_beta.pdf – Date of access: 06.03.2019.

ТУРИСТСКО-ЭКСКУРСИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ДВОРЦОВО-ПАРКОВЫХ КОМПЛЕКСОВ И ЗАМКОВ БЕЛАРУСИ

А.Н.Решетникова¹⁾, Е.А.Лопатина²⁾

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, г. Минск, Республика Беларусь, 220030,*

¹⁾anbsu@mail.ru

²⁾lolizik@gmail.com

В статье представлены результаты исследования экскурсионного потенциала объектов дворцовой и замковой архитектуры Беларуси. Около 45% исследуемых памятников отнесены к объектам с высокой степенью сохранности, при этом только 17 % характеризуются полностью восстановленными фасадами, интерьерами с элементами аутентичности, атрактивной прилегающей территорией. В региональной структуре сети объектов выделяется Гродненская область, на которую приходится около 40 % туристско-экскурсионного потенциала дворцово-замковых комплексов, выраженного в часах экскурсионного показа. На основе анализа структуры предложения экскурсий с посещением дворцов и замков Беларуси выявлены основные модели их организации, отражающие современные особенности использования объектов наследия в экскурсионном туризме.

Ключевые слова: туристско-экскурсионный потенциал; дворцово-парковые комплексы; замки; культурно-познавательный туризм; степень сохранности объектов.

TOURIST AND EXCURSION POTENTIAL OF PALACE COMPLEXES AND CASTLES OF BELARUS

A. Rashetnikava¹⁾, E. Lopatina²⁾

Belarusian state University, Independence Ave., 4, 220030, Minsk, Belarus,

¹⁾anbsu@mail.ru (corresponding author)

²⁾lolizik@gmail.com

The article presents the results of the study of the sightseeing potential of Belarus. About 45 % of the palaces and castles examined are classified as objects with a high degree of preservation, only 17% are characterized by fully restored facades, interiors with elements of authenticity and attractive adjacent territory. In the regional structure of the network of objects, the Grodno region is distinguished, as it accounts for about 40% of the tourist potential of palace and castle complexes. The analysis of the structure of the sightseeing tours in Belarus reveals the main models of their organization, that reflect the modern peculiarities of the usage of heritage objects in tourism.

Key words: tourist and excursion potential; palace and park complexes; castles; cultural tourism; heritage; degree of safety of objects.

В структуре экскурсионных объектов Беларуси особую роль играют памятники дворцово-замковой архитектуры, обладающие высокой познавательной ценностью и доминирующие в экскурсионном показе на маршрутах исторической, архитектурной, краеведческой тематики. Дворцово-парковые и замковые

комплексы являются значительным и узнаваемым элементом культурного ландшафта, главным объектом туристской привлекательности. В Беларуси сохранилось более 40 дворцов, около 20 замков, ряд крепостей и иных сооружений оборонительного и фортификационного характера различной степени сохранности.

В условиях массового самостоятельного туризма наиболее востребованные туристские объекты Республики Беларусь ежегодно принимают около 300-500 тыс. экскурсантов [1]. Дворцово-замковые комплексы в г. Несвиже, г.п. Мире и г. Гомеле играют ведущую роль в структуре экскурсионного потенциала страны и входят в пятерку наиболее посещаемых музеев Республики Беларусь.

В последние годы на туристском рынке Беларуси, помимо однодневных экскурсий, активно продвигаются комплексные туры выходного дня, посвященные замкам и дворцам. Растет спрос на анимационные экскурсии с посещением замков (Несвижский, Мирский, Лидский, Новогрудский, Гродненские замки) и дворцов (Румянцевых-Паскевичей в Гомеле, Пусловских в Коссово, Сапег в Ружанах).

Проведенный анализ структуры предложения экскурсий и туров с посещением дворцов и замков на рынке Республики Беларусь позволил выделить четыре основные модели их организации:

1) Дворцово-парковый ансамбль или замок является основным объектом показа, доминантой экскурсионной программы, включающей интерьерный и экстерьерный осмотр памятника и прилегающей территории, его музейной экспозиции, организацию услуг питания, продажу сувениров, предложение дополнительных культурно-досуговых услуг (фото в исторических костюмах, конные и водные прогулки и др.). На объект дворцово-замковой архитектуры приходится основной объем (более 50 %) экскурсионного времени (маршруты «Мир-Несвиж», «Новогрудок-Лида»).

2) Дворцово-парковый ансамбль или замок выступает в качестве одного из основных элементов показа в комплексной экскурсионной программе наряду с другими «полноправными» объектами на маршруте исторической, архитектурно-градостроительной, краеведческой тематики. Примером могут служить экскурсии и туры «Залесье-Сморгонь-Островец-Гервяты», «Коссово-Ружаны», «Лида-Гродно», «Королевский Гродно», «Гомель-Ветка» и др. Такая форма экскурсионного продукта с использованием дворцово-парковых и замковых ансамблей наиболее представлена на рынке и отражает специфику культурно-исторического потенциала регионов.

3) Использование замков и дворцов в роли основных объектов комплексных программ обслуживания, представляющих собой экскурсии-анимации или квест-программы, включающие «княжеский обед», рыцарские турниры, музыкальные вечера и др. Такая инновационная форма экскурсионных туров становится все более востребованной в Беларуси и наиболее активно реализуется на базе дворцово-замкового комплекса в Несвиже, Лидского замка, усадебного комплекса Огинских в Залесье.

4) Дворцово-парковый ансамбль или замок является дополнительным или сопутствующим объектом показа на экскурсии, на него приходится менее 20 % объема экскурсионного времени. Такая форма включения в экскурсионный показ характерна для объектов со средней и низкой степенью сохранности (маршруты Крево-Гольшаны-Ивье-Новогрудок, Могилев-Салтановка-Баркола-Бово-Быхов-Лудчицы-Грудиновка и др.).

От степени сохранности объекта зависит формирование структуры экскурсионного продукта и перечня дополнительных услуг, поэтому данный критерий является основополагающим при оценке туристско-экскурсионного потенциала памятников замковой и дворцовой архитектуры. В связи с этим авторами был разработан и применен методический прием оценки степени сохранности двор-

цово-парковых и замковых комплексов Беларуси с учетом ряда критериев, характеризующих ресурсы памятника как экскурсионного объекта (таблица 1).

Результаты оценки показывают, что около 35 % дворцово-парковых и замковых комплексов Беларуси обладают высокой степенью сохранности, при этом только 17 % характеризуются полностью восстановленными фасадами, интерьерами с элементами аутентичности, аттрактивной прилегающей территорией. Высокая степень сохранности объектов данной группы благоприятно влияет на формирование конкурентоспособного экскурсионного продукта дестинаций, их активное включение в экскурсионные маршруты. К данной группе отнесены дворцово-замковые комплексы Радзивиллов в Мире и Несвиже, Гомельский дворцово-парковый ансамбль Румянцевых-Паскевичей, Новый замок в Гродно, усадебно-парковый ансамбль Огинских (д. Залесье, Сморгонский р-н); дворец Потемкиных (г.Кричев), и некоторые другие.

Таблица 1

Структура потенциала дворцово-замковых комплексов Беларуси с учетом степени сохранности

Критерии степени сохранности (группировочный признак)	Доля группы в структуре потенциала дворцово-замковых комплексов Беларуси, %
Высокая степень сохранности	
1.1 Полностью восстановленный фасад, элементы аутентичного интерьера, прилегающая территория составляет с объектом единый ансамбль	17
1.2 Полностью восстановленный фасад, элементы аутентичного интерьера представлены незначительно или отсутствуют / используется не по прямому функциональному назначению, прилегающая территория восстановлена или восстанавливается	12
Критерии степени сохранности (группировочный признак)	Доля группы в структуре потенциала дворцово-замковых комплексов Беларуси, %
1.3 Объект сохранился с изменениями, аутентичные интерьеры не восстановлены; используется не по прямому функциональному назначению, для использования в туристской сфере необходима дополнительная реставрация/ реконструкция	16
Средняя степень сохранности	
2.1 Объект частично сохранился ($\geq 50\%$ фасада), восстанавливается	9
2.2 Объект частично сохранился ($\geq 50\%$ фасада), заброшен, возможно восстановление и использование в туристской сфере	17
Низкая степень сохранности	
3.1 Руины, консервация	17
3.2 Руины, без консервации	12

Источник: составлено авторами по [2;3;4;5]

К объектам с высокой степенью сохранности, требующим дальнейшей реставрации или реконструкции интерьеров (категория 1.2) авторами отнесены: дворец Пусловских (г. Коссово), дворец Друцких-Любецких (г. Щучин), дворец Булгаков (д. Жиличи, Кировский р-н), дворцово-парковый ансамбль Гуттен-Чапских (д. Прилуки, Минский р-н), Лидский замок. Указанные архитектурные памятники в настоящее время используются в культурно-познавательном туризме, но их туристско-экскурсионный потенциал освоен не в полной мере.

Средняя степень сохранности характерна для 25 % изучаемых объектов, из них на стадии восстановления находится менее 10 памятников. Любчанский замок, дворец Монюшко-Ваньковичей (г.п. Смиловичи, Червенский р-н), дворец Четвертинских (г.п. Желудок, Щучинский р-н) восстанавливаются на основе частных инвестиций и общественных инициатив. Отдельные объекты (дворцово-парковый ансамбль Воловичей в д. Святск, Гродненский р-н) реставрируются за счет средств ведущих предприятий региона в целях последующего использования в сфере туризма. Многие объекты данной группы имеют высокую познавательную ценность и после реставрации или реконструкции могут претендовать на включение в экскурсионные маршруты национального и международного значения.

Сохраняет актуальность вопрос охраны и реставрации ряда объектов дворцово-парковой архитектуры Беларуси, имеющих высокую познавательную ценность, благоприятное рекреационно-географическое положение, среднюю степень сохранности, которые ввиду неэффективного менеджмента наследия, недостаточного внимания со стороны региональных органов власти, а также затянувшейся или отложенной реставрации (в т.ч. частными инвесторами) разрушаются: дворец Уместовских в д. Жемыславлъ Ивьевского р-на, дворец Радзивиллов в д. Полонечка Барановичского р-на, дворец Четвертинских в г.п. Желудок Щучинского р-на и др.

Около трети объектов дворцовой и замковой архитектуры страны имеют низкую степень сохранности. При этом все замковые объекты находятся под охраной государства, 14 объектов получили финансирование и прошли реставрацию или консервацию в рамках Государственной программы «Замки Беларуси», в отличие от ряда дворцов с аналогичной степенью сохранности, которые продолжают разрушаться. Частично сохранившиеся дворцы, принадлежащие известным уроженцам Беларуси, деятелям науки, искусства (например, дворец Наркевича-Иодко в г.п. Наднеман, Узденский р-н), нуждаются в консервации, привлечении частных инвестиций или финансировании из государственного бюджета.

Важной составляющей туристско-экскурсионного потенциала дестинации является временной экскурсионный потенциал, выраженный в часах или минутах осмотра. Экскурсионный потенциал объекта – время, необходимое для его показа, психоэмоционального восприятия объекта и контакта с ним в ходе экскурсии. Для его определения проводится анализ технологических карт экскурсий и экспертная оценка [6].

Авторами проведено изучение объема и структуры экскурсионного потенциала дворцово-замковых комплексов Беларуси, выраженного в часах (минутах) и рассчитанного на основе материалов технологических карт, предоставленных ОДО «Винополь», а также авторской оценки. Общий временной экскурсионный потенциал дворцово-замковых комплексов Беларуси, согласно расчетам авторов, составляет около 30 ч., из них около 70 % приходится на экскурсионный потенциал дворцовых комплексов и около 30 % – замковых.

В региональной структуре экскурсионного потенциала дворцово-замковых комплексов Беларуси лидирующее положение занимает Гродненская область, где находится 10 из 21 замка Беларуси, внесенных в Государственный список

историко-культурных ценностей Республики Беларусь (Старый и Новый замки в г. Гродно, Лидский, Мирский, Гольшанский, Новогрудский, Любчанский, Кревский, Геранёнский замки), значительная часть дворцово-парковых ансамблей [7].

Гродненская (временной экскурсионный потенциал дворцово-замкового наследия – 690 мин.) и Минская (410 мин.) области обладают наибольшим экскурсионным потенциалом дворцово-замковой архитектуры, здесь могут быть сформированы разнообразные тематические маршруты.

В Брестской (190 мин.), Гомельской (210 мин.) и Могилевской (160 мин.) областях возможно создание тематических маршрутов, основанных на потенциале дворцово-замковых комплексов, с включением 1-3 дополнительных экскурсионных объектов. Временной экскурсионный потенциал дворцов и замков Витебской области уступает другим регионам страны, но также представляет интерес для разработки региональных маршрутов.

Сохраняет актуальность дальнейшее развитие данного тематического направления культурно-познавательного туризма, изучение и оценка малоосвоенного потенциала дворцово-замковых комплексов на уровне регионов, включение в экскурсионный показ новых объектов, формирование аттрактивных экскурсионных маршрутов на основе ревитализации наследия дворцово-парковых и замковых комплексов. Включение в программы экскурсионных туров по Беларуси некоторых ранее не использовавшихся объектов в сочетании с интересными анимационными программами позволит привлечь интерес внутренних и иностранных туристов к наследию страны, а также повысить имидж Беларуси на международном туристском рынке.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Туризм и туристические ресурсы в Республике Беларусь: стат. сборник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2018.
2. Архітэтура Беларусі. Энцыклапедычны даведнік / Редкол. А.А. Воінаў [і др.]. - Мінск, 1993. - 624 с.
3. Ткачев М.А. Замки Беларуси. - Минск, 2007. - 200с.
4. Федорук А.Т. Старинные усадьбы Гродненщины. – Минск, 2014
5. Туристские регионы Беларуси / под. общ. ред. И.И. Пирожника. – Минск: Беларус. Энцыкл. імя П.Броўкі, 2008.
6. Потаева Г.Р. Основы экскурсоведения / Г. Р. Потаева, Т. А. Федорцова. – Минск: БГУ, 2011. – 159 с.
7. Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь / Министерство культуры Республики Беларусь. - Минск, 2009.

APPLICATION OF INTERNATIONAL STANDARDS TO ASSESSMENT OF TOURISM PRODUCT COMPETITIVENESS OF REPUBLIC OF BELARUS

S. A. Khomitch^{a)}, O. S. Mozgovaya^{b)}, V. S. Smoley^{c)}, A.S. Martinovich^{d)}

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

^{a)} khomitch09@mail.ru

^{b)} mozgovaya_olga@mail.ru

^{c)} vladimir.s.smoley@gmail.com

^{d)} alina.martsinovich@gmail.com

In the article the basic European and international standards of an assessment of a national tourism product are considered. The key components of the competitiveness index are analysed with a view to identifying specific factors which determine the competitive advantages of the country in the tourism market. In accordance with the World Economic Forum methodology, the assessment of the quantitative and qualitative indicators forming the competitiveness of the na-

tional tourism product of the Republic of Belarus is carried out. On the basis of the calculated sub-indices the tourism product competitiveness index of the Republic of Belarus is estimated. The principal competitive advantages of the national tourism product are revealed.

Key words: competitiveness; competitiveness index; competitiveness assessment standards; tourism product competitiveness.

ПРИМЕНЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ К ОЦЕНКЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ТУРИСТСКОГО ПРОДУКТА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

С.А. Хомич¹⁾, О. С. Мозговая²⁾, В.С. Смолей³⁾, А. С. Мартинович⁴⁾

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

¹⁾khomitch09@mail.ru

²⁾mozgovaya_olga@mail.ru

³⁾vladimir.s.smoley@gmail.com

⁴⁾alina.martsinovich@gmail.com

В статье рассмотрены основные европейские и международные стандарты оценки конкурентоспособности национального туристского продукта. Проанализированы ключевые составляющие индекса конкурентоспособности с целью выявления отдельных факторов, определяющих конкурентные преимущества страны на рынке туристских услуг. В соответствии с методикой Всемирного экономического форума проведена оценка количественных и качественных показателей, формирующих конкурентоспособность национального туристского продукта для Республики Беларусь. На основании рассчитанных субиндексов определен индекс конкурентоспособности туристского продукта Республики Беларусь. Выявлены основные конкурентные преимущества национального туристского продукта.

Ключевые слова: конкурентоспособность; индекс конкурентоспособности; стандарты оценки конкурентоспособности; конкурентоспособность туристского продукта; конкурентное преимущество.

The assessment of the tourism product competitiveness becomes a key objective for the business entities of all the economic levels from microeconomy to macroeconomy. The main issue lies in the fact that various researchers have defined destination competitiveness differently [1, 2].

But all the researchers agree that such concept as competitiveness couldn't be assessed only on the basis of either quantitative or qualitative parameters. It's a complex economic category and hence the process of the tourism product or destination competitiveness assessment is supposed to include several stages with evaluation of various subindices, which subsequently form an overall index.

At the microlevel the data for the analysis could be gathered from the financial statements, customer satisfaction index, employee satisfaction index and other metrics. After that the collected information could be interpreted with the help of the strategic management tools. As a result, the competitiveness of the company's tourism product could be assessed.

The assessment of the national tourism product competitiveness product is a much more challenging task, because it includes evaluation of the quantitative and qualitative parameters from two types of economic spheres (the sphere of tourism and other spheres which enable the tourism industry development).

There is still no single global-accepted method of tourism product competitiveness assessment [3]. Some of them pay particular attention to the quantitative parameters. This strategy makes the judgement process less subjective, however it is almost impossible to make a fair assessment of any servicesphere without using some qualitative

parameters, as services are characterized by intangibility and invisibility. On the other hand, assessment based only on the qualitative characteristics could not be reliable, as it would be quite subjective.

Some approaches to the assessment of the destination competitiveness are based on benchmarking [4]. In this case researchers are not trying to calculate quantification or index. Instead, they base their analysis on comparison with tourism destinations within a particular region.

As an example of one of the most advanced solutions to the problem of the assessment of the national tourism product competitiveness, we can mention the methodology of the World Economic Forum [5]. In the researches conducted by this organisation both quantitative and qualitative parameters are considered.

Published biennially by the World Economic Forum, the Travel and Tourism Competitiveness Report benchmarks the Travel & Tourism competitiveness of 140 economies and measures the set of factors and policies that enable the sustainable development of the Travel & Tourism sector, which in turn, contributes to the development and competitiveness of a country.

The Travel & Tourism Competitiveness Index assessed in the Report is comprised of 4 subindices (Enabling Environment, Travel & Tourism Policy and Enabling Conditions, Infrastructure, Natural and Cultural Resources), 14 pillars and 90 individual quantitative and qualitative indicators, distributed among the different pillars.

The Enabling Environment subindex describes the general conditions necessary for operating in a country and includes five pillars. These are Business Environment, Safety and Security, Health and Hygiene, Human Resources and Labour Market, ICT Readiness.

The Travel & Tourism Policy and Enabling Conditions subindex captures specific policies or strategic aspects that affect the Travel & Tourism industry more directly and includes four pillars (Prioritization of Travel & Tourism, International Openness, Price Competitiveness, and Environmental Sustainability).

The Infrastructure subindex captures the availability and quality of physical infrastructure of each economy and includes three pillars, which represent the key components of the enabling infrastructure for the tourism industry. Among them Air Transport Infrastructure, Ground and Port Infrastructure, Tourist Service Infrastructure.

The Natural and Cultural Resources subindex captures the principal recreational resources and includes two pillars, which enable the development of tourism in a particular country (Natural Resources and Cultural Resources and Business Travel).

The assessment of these four subindices is carried out by the experts of the World Economic Forum through evaluation of 90 qualitative and quantitative parameters. The qualitative survey data is received from responses to the World Economic Forum's Executive Opinion Survey and ranges in value from 1 (worst) to 7 (best). The quantitative indicators used in the Travel & Tourism Competitiveness Index are normalized to a 1-to-7 scale in order to align them with the Executive Opinion Survey's results.

The Travel & Tourism Competitiveness Index is calculated as an average (arithmetic mean) of the four component subindices, which are themselves calculated as averages (arithmetic means) of their pillars. Each of the pillars is calculated as an unweighted average of the individual component variables. The number of pillars per subindex decreases as the subindex becomes more directly linked to tourism sphere. As a result, pillar weights increase.

For example, Natural Resources (pillar 13) has a higher weight than ICT Readiness (pillar 5) because these recreational resources play an important role in the development of a destination and are more relevant to the tourism industry; while the data captured in the ICT Readiness pillar represents a broader set of various factors which don't

influence the national tourism product directly, however have an indirect impact on Enabling Environment for doing any business in the country.

With a view to assessing the national tourism product competitiveness of the Republic of Belarus all the parameters, which are recommended in the methodology of the World Economic Forum, were evaluated. The data used in the research includes the assessments derived from the opinion survey as well as statistical data from the credible international and national organisations.

The aforementioned opinion survey was conducted among the students and university professors of the Faculty of International Relations of the Belarusian State University (Minsk, Belarus). The survey form consisted of 33 questions in which participants had a chance to evaluate each of the qualitative indicators on a scale from 1 to 7. In order to introduce an element of benchmarking into the search it was decided to provide the respondents with the information about level of the same indicators in Poland and Russian Federation.

One of the notes to mention is that the calculation standards are not fully compliant with those performed by the World Economic Forum. This is due to the fact that the range of values of some parameters is large enough for different countries. With a view to handling this problem some adjustments were made in the calculations of the World Economic Forum to account for extreme outliers in the data. However, these adaptations aren't specified in the methodology and therefore couldn't be replicated in this research.

However calculated values can be perceived as sufficiently reliable for the benchmarking and identifying of competitive advantages. To perform a basic comparative analysis the figures of the global median (from 1 to 7 points) are represented in the Table. The decision to choose the global median instead of the global average is explained by the aforementioned fact of presence of extreme outliers in the data. The calculated subindices and the overall Travel & Tourism Competitiveness Index are represented in the Table.

Table

Assessed national tourism product competitiveness index and its subindices for the Republic of Belarus, 2019

Component	Assessment for the Republic of Belarus, points from 1 to 7 (best)	Global median, points from 1 to 7 (best)
Enabling Environment	5.35	5.30
1. Business Environment	4.81	5.41
2. Safety and Security	5.70	5.78
3. Health and Hygiene	6.52	5.63
4. Human Resources and Labour Market	4.85	4.74
5. ICT readiness	4.87	4.93
Travel & Tourism Policy and Enabling Conditions	4.49	4.64
6. Prioritization of Travel & Tourism	4.15	6.08
7. International Openness	2.91	3.58
8. Price Competitiveness	5.96	4.63
9. Environmental Sustainability	4.93	4.26

Component	Assessment for the Republic of Belarus, points from 1 to 7 (best)	Global median, points from 1 to 7 (best)
Infrastructure	2.81	4.27
10. Air Transport Infrastructure	1.62	3.20
11. Ground and Port Infrastructure	3.28	4.64
12. Tourist Service Infrastructure	3.55	4.97
Natural and Cultural Resources	2.53	1.83
13. Natural Resources	2.92	2.35
14. Cultural Resources	2.13	1.32
Travel & Tourism Competitiveness Index	3.80	4.01

Notes: source – compiled by the authors.

The Travel & Tourism Competitiveness Index value of 3.80 places the Republic of Belarus in the middle of the list of 140 countries. It's worth mentioning that some components are at a higher level than the global median. Among them Health and Hygiene, Human Resources and Labour Market, Price Competitiveness, Environmental Sustainability, Natural and Cultural Resources. The points above the global median in these subindices mean that these factors contribute to the competitive position of the national tourism product of the Republic of Belarus on the international scale. Despite the fact that some of them are at a relatively low level in numerical terms (for example, the assessment of Cultural Resources is only 2.13 points from 7), they all represent competitive advantages of the Belarusian tourism product, because they are higher than the global median (Figure). Generally low value of a subindex could be explained by some imperfections in the selected indicators.

At the same time, a lot of attention should be paid to the subindices which are significantly lower than the world level. Such factors as Prioritization of Travel & Tourism (by public authorities), International Openness, and all types of Infrastructure nowadays represent serious weaknesses and reduce the overall Travel & Tourism Competitiveness Index which aggravates the competitive position of the Belarusian product on the tourism market (Figure).

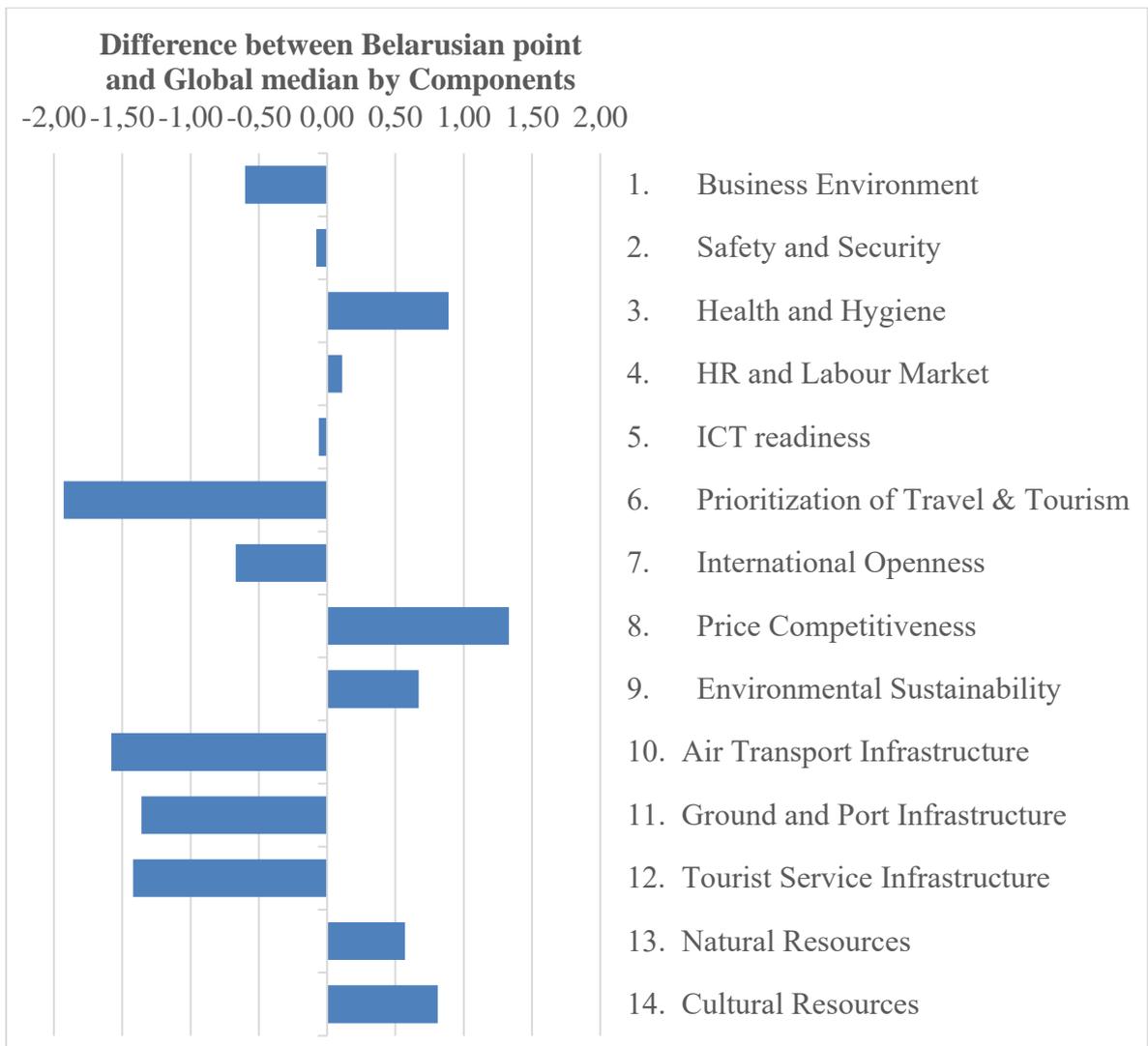

Figure . Competitive Advantage Profile for the national tourism product of the Republic of Belarus

Notes: source – compiled by the authors.

Thus, it can be noted that the calculation of the Travel & Tourism Competitiveness Index on the basis of the international standards opens a wide scope for further researches based on the benchmarking, comparative analysis, and other tools. Further, it serves as a platform for multistakeholder dialogue to understand and anticipate emerging trends and risks in global travel and tourism, adapt their policies, practices and investment decisions, and accelerate new models that ensure the longevity of this important sector.

As a result of the assessment, it was found out that the level of the tourism product competitiveness in the Republic of Belarus generally corresponds to the global median and global average. But in a number of the analysed indicators the country already has competitive advantage (for example, Human Resources, Price Competitiveness, Natural and Cultural Resources). In order to further improve the country's competitiveness position, develop the tourism sphere, and enhance the country's image in the international arena, it is necessary to focus on the factors that are nowadays below the average. Among them Prioritization of Travel & Tourism, International Openness, and all the types of the Infrastructure required by the tourism sector. The achievement of the progress in these indicators is possible with the realisation of a stable public-private partnership, as well as other measures that improve the competitiveness of the national tourism product.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Henry Tsai, Haiyan Song, Kevin K. F. Wong Tourism and Hotel Competitiveness Research [Исследование конкурентоспособности индустрии туризма и гостеприимства]// Journal of Travel & Tourism Marketing, Vol. 26, 2009, iss. 5-6, pp. 522-546, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://doi.org/10.1080/10548400903163079>. – Дата доступа: 14.09.2019.
2. José Solana Ibañez, Lorena Para González, Carmen De Nieves Nieto Destination Competitiveness and Sustainable Tourism: A Critical Review [Критический анализ конкурентоспособности дестинации и устойчивого развития туризма] // Applied Economics and Finance, Vol. 3, 2016, no. 2, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.11114/aef.v3i2.1249>. – Дата доступа: 15.09.2019.
3. Dupeyras A., MacCallum N. Indicators for Measuring Competitiveness in Tourism: A Guidance Document // OECD Tourism Papers [Индикаторы оценки конкурентоспособности в туризме: методическое руководство], [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://doi.org/10.1787/5k47t9q2t923-en>. – Дата доступа: 22.09.2019.
4. Решетников Д.Г. Международный туризм в системе внешней торговли Беларуси. Минск: БГУ, 2004.
5. The Travel & Tourism Competitiveness Report 2019 [Отчет о конкурентоспособности развития туризма 2019], [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.weforum.org/reports/the-travel-tourism-competitiveness-report-2019>. – Дата доступа: 22.09.2019

СЕКЦИЯ 7

ТАМОЖЕННОЕ ДЕЛО И МЕЖДУНАРОДНАЯ ЛОГИСТИКА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОБЯЗАННОСТИ ПО УПЛАТЕ ТАМОЖЕННЫХ ПОШЛИН, НАЛОГОВ: ПРОБЛЕМАТИКА

П.И. Болточко

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 2200030, г. Минск, Республика Беларусь,*

В статье говорится о том, какие инструменты используются при обеспечении обязанности по уплате таможенных пошлин и налогов. Дается их описание и анализ эффективности. Предлагается более эффективный вариант для таможенного пространства Республики Беларусь.

Ключевые слова: таможенное обеспечение; пошлины; налоги; банковская гарантия; наличные денежные средства.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОБЯЗАННОСТИ ПО УПЛАТЕ ТАМОЖЕННЫХ ПОШЛИН, НАЛОГОВ: ПРОБЛЕМАТИКА

П.И. Болточко

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 2200030, г. Минск, Республика Беларусь,*

В статье говорится о том, какие инструменты используются при обеспечении обязанности по уплате таможенных пошлин и налогов. Дается их описание и анализ эффективности. Предлагается более эффективный вариант для таможенного пространства Республики Беларусь.

Ключевые слова: таможенное обеспечение; пошлины; налоги; банковская гарантия; наличные денежные средства.

При совершении отдельных таможенных операций и осуществлении деятельности в сфере таможенного дела в ряде случаев требуется представление таможенному органу обеспечения.

Законодателем предусмотрен ряд способов обеспечения обязанности по уплате таможенных пошлин, налогов. Применение данных способов связано с видом деятельности, осуществляемым пользователем, а также с таможенной процедурой, под которую помещается тот, либо иной товар.

В соответствии с положениями статьи 63 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (далее - ТК ЕАЭС) банковская гарантия является одним из способов обеспечения обязанности по уплате таможенных пошлин, налогов.

Следует отметить, что банковская гарантия выдается определенному кругу лиц и используется в различных таможенных процедурах.

В частности, банковская гарантия выдается, в том числе, для обеспечения исполнения обязанностей юридического лица, осуществляющего деятельность в сфере таможенного дела. Деятельностью в сфере таможенного дела является деятельность лиц государств-членов ЕАЭС, связанная с оказанием услуг, в том числе, в качестве таможенных представителей, контролируемая таможенными органами и регулируемая таможенным законодательством ЕАЭС и государством-членом ЕАЭС. К данным лицам относятся юридические лица, созданные в соот-

ветствии с законодательством государств-членов ЕАЭС и включенные таможенным органом в соответствующие реестры (в рассматриваемом случае в реестр таможенных представителей).

Таможенный представитель совершает от имени и по поручению декларанта или иных заинтересованных лиц таможенные операции на территории государства-члена, таможенным органом которого он включен в реестр таможенных представителей, в соответствии с международными договорами и актами в сфере таможенного регулирования. При этом, отношения таможенного представителя с декларантами или иными заинтересованными лицами строятся на договорной основе. Как правило, используется договор поручения на совершение таможенных операций в качестве таможенного представителя.

В случае совершения таможенных операций таможенным представителем от имени декларанта таможенный представитель несет с таким декларантом солидарную обязанность по уплате таможенных пошлин, налогов, специальных, антидемпинговых, компенсационных пошлин в полном размере подлежащей исполнению обязанности по уплате таможенных пошлин, налогов, специальных, антидемпинговых компенсационных пошлин. Данное обязательство покрывается банковской гарантией.

В то же время, законодательство Республики Беларусь не ограничивает сферу деятельности юридического лица, имеющего статус таможенного представителя. То есть данное юридическое лицо вправе осуществлять, в том числе, внешнеэкономическую деятельность (например, проведение внешнеторговых операций с товарами).

При этом, на наш взгляд, следует разграничивать виды деятельности юридического лица, обладающего статусом таможенного представителя:

- оказание услуг по совершению таможенных операций (в рамках статуса таможенного представителя);
- осуществление внешнеторговых операций (как участника внешнеэкономической деятельности).

В свою очередь банковская гарантия, как документ, выдается для обеспечения исполнения обязанностей юридического лица, осуществляющего деятельность в сфере таможенного дела, то есть в рамках статуса таможенного представителя.

Принимая во внимание изложенное, полагаем, что действие банковской гарантии не распространяется на внешнеэкономическую деятельность юридического лица, имеющего статус таможенного представителя.

В отношении использования банковской гарантии и иных форм обеспечения в таможенных процедурах полагаем обратить внимание на таможенную процедуру таможенного транзита. В соответствии с положениями статьи 146 ТК ЕАЭС обеспечение исполнения обязанности по уплате таможенных пошлин, налогов, специальных, антидемпинговых, компенсационных пошлин при таможенной процедуре таможенного транзита предоставляется в соответствии с гл. 9 ТК ЕАЭС с учетом положений настоящей ст.75, 146 ТК ЕАЭС (п. 1 ст. 146 ТК ЕАЭС).

Исполнение обязанности по уплате таможенных пошлин, налогов, специальных, антидемпинговых, компенсационных пошлин обеспечивается следующими способами (п. 1 ст. 63, ч. 2 п. 1 ст. 75 ТК ЕАЭС):

- 1) денежные средства (деньги);
- 2) банковская гарантия;
- 3) поручительство;
- 4) залог имущества.

При использовании в качестве обеспечения денежных средств, последние должны быть внесены юридическим лицом в белорусских рублях на единый счет (статья 113 Закона Республики Беларусь от 10.01.2014 № 129-3 «О таможенном регулировании в Республике Беларусь», далее – Закон № 129-3). В соответствии с положениями Постановления Министерства финансов Республики Беларусь и Правления Национального банка Республики Беларусь от 08.12.2005 № 143/171 уплата в бюджет осуществляется в безналичном порядке и наличными денежными средствами. Перечень способов уплаты в безналичном порядке закреплен вышеуказанным Постановлением (например, посредством АИС «Расчет», в таком случае факт уплаты подтверждается наличием информации о платеже в АИС «Расчет»). Факт внесения наличных денежных средств подтверждается наличием у плательщика квитанции, которая выдается работником банка в соответствии с положениями Инструкции по организации кассовой работы в банках и небанковских кредитно-финансовых организациях, утвержденной Постановлением Правления Национального банка Республики Беларусь от 21.12.2006 № 211. При выборе банковской гарантии, в соответствии с положениями статьи 165 Банковского кодекса Республики Беларусь последняя выдается в письменной форме (при этом, к письменной форме банковской гарантии также приравнивается электронный документ). Способ «поручительство» обусловлен первоначальным признанием таможенным органом юридического лица либо индивидуального предпринимателя (далее – лица) в качестве поручителя перед таможенным органом. Условия и порядок данного признания закреплены соответствующим Положением, утвержденным Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 14.10.2011 № 1374 (далее – Положение). В случае признания лица поручителем, последним, в соответствии с нормами Положения, заключается договор поручительства с таможенным органом. При использовании способа «залог имущества» оформляется договор о залоге имущества (статья 109 Закона № 129-3).

Исполнение обязанности по уплате таможенных пошлин, налогов, специальных, антидемпинговых, компенсационных пошлин обеспечивается любым из способов по выбору плательщика (п. 3 ст. 63 ТК ЕАЭС).

Отдельно следует обратить внимание, что если помещение товаров под таможенную процедуру таможенного транзита будет осуществляться таможенным органом одного государства-члена, а обеспечение исполнения обязанности по уплате таможенных пошлин, налогов предоставлено таможенному органу другого государства-члена, в котором находится таможенный орган назначения, в целях подтверждения предоставления такого обеспечения применяется сертификат обеспечения исполнения обязанности по уплате таможенных пошлин, налогов (далее - сертификат обеспечения) (ч. 1 п. 1 ст. 147 ТК ЕАЭС).

Если помещение товаров под таможенную процедуру таможенного транзита будет осуществляться таможенным органом государства-члена, таможенному органу которого предоставлено обеспечение исполнения обязанности по уплате таможенных пошлин, налогов, также допускается применение сертификата обеспечения в качестве документа, подтверждающего принятие обеспечения исполнения обязанности по уплате таможенных пошлин, налогов (ч. 2 п. 1 ст. 147 ТК ЕАЭС).

В соответствии с положениями Соглашения о некоторых вопросах предоставления обеспечения уплаты таможенных пошлин, налогов в отношении товаров, перевозимых в соответствии с таможенной процедурой таможенного транзита, особенностях взыскания таможенных пошлин, налогов и порядке перечисления взысканных сумм в отношении таких товаров от 21.05.2010 сертификат обеспечения является документом, подтверждающим принятие обеспечения

уплаты таможенных пошлин, налогов при перевозке товаров в соответствии с таможенной процедурой таможенного транзита. При этом, данный сертификат должен быть зарегистрирован и выдан таможенным органом государства, принявшим обеспечение уплаты таможенных пошлин, налогов, лицу, предоставившему такое обеспечение (ч. 1 ст. 3 Соглашение о некоторых вопросах предоставления обеспечения уплаты таможенных пошлин, налогов).

В этой связи следует разграничивать понятия:

1) документа, обеспечивающего уплату таможенных пошлин, налогов – например, банковская гарантия;

2) документа, подтверждающего наличие обеспечения уплаты таможенных пошлин, налогов – сертификат обеспечения.

В данном случае, сертификат обеспечения не является документом, обеспечивающим уплату таможенных пошлин, налогов.

Нами рассмотрена лишь малая толика проблемных аспектов в применении способов обеспечения обязанности по уплате таможенных пошлин, налогов. Вместе с тем, можно сделать вывод, что в зависимости от того либо иного случая, необходимо выбирать способ обеспечения.

МОТИВАЦИЯ ВЫБОРА ПРОФЕССИИ У СЛУШАТЕЛЕЙ «ШКОЛЫ БУДУЩЕГО ТАМОЖЕННИКА» ФМО БГУ

О. А. Кравченко ¹⁾, В. А. Острога ²⁾

*¹⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, kravchenoa@mail.ru*

*²⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь ostroga.v@mail.ru*

Статья посвящена анализу мотивов в выборе профессии таможенника у слушателей «Школы будущего таможенника» факультета международных отношений Белорусского государственного университета. Выделяются и характеризуются основные личные и деловые качества, необходимые в профессии таможенника.

Ключевые слова: профориентация; таможенное дело; Школа будущего таможенника; мотивация; средство труда.

MOTIVATION TO CHOOSE A PROFESSION AMONG THE STUDENTS OF THE «SCHOOL OF THE FUTURE CUSTOMS OFFICER» FIR BSU

O. A. Kravchenko ^{a)}, V. A. Ostroga ^{b)}

^{a)} Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

*^{b)} Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus
Corresponding author: O. A. Kravchenko (kravchenoa@mail.ru)*

The article is devoted to the analysis of motivation in the choice of a profession of the customs officer among students of «School of the future customs officer» at the Faculty of International Relations of the Belarusian State University. The main personal and business qualities necessary in the profession of a customs officer are distinguished and characterized.

Key words: career guidance; customs affairs, School of the future customs officer, motivation, means of labor.

Существует значительное число определений профессиональной ориентации. Но суть всех из них сводится к следующему – это комплекс мероприятий. В

первую очередь – это профессиональная информация, т.е. информирование о требованиях к профессии, местах обучения по той или иной профессии; профессиональная консультация – сопоставление желаний и возможностей человека с требованиями профессии; профессиональный отбор – определение пригодности человека к выполнению профессиональной деятельности. Объектом профориентации обычно выступают молодые люди, часто юноши и девушки старшего школьного возраста.

В данной связи отметим, что с учетом психологического портрета старшеклассников юношеский возраст определяется в границах между 14-18 годами и рассматривается как самостоятельный период в жизни человека, его личности и индивидуальности [2].

Особенности психического развития в раннем юношеском возрасте во многом связаны со спецификой социальной ситуации развития, суть которой сегодня состоит в том, что общество ставит перед молодым человеком жизненно важную задачу: осуществить именно в этот период профессиональное самоопределение, при чем не только на внутреннем плане в виде мечты, а следует сделать реальный выбор. Задача выбора будущей профессии, профессионального самоопределения, не может быть решена успешно без и вне решения более широкой задачи личностного самоопределения, включающей построение целостного смысла жизни, самопроектирования себя в будущее.

Успешность выбора профессии в значительной степени зависит от мотивации и определяется психологической готовностью учащегося к выбору профессии [3]. Выделяют восемь важнейших факторов выбора профессии:

- 1) Позиция старших членов семьи.
- 2) Позиция товарищей и подруг.
- 3) Позиция учителей, школьных педагогов, классного руководителя.
- 4) Личные профессиональные планы.
- 5) Способности.
- 6) Уровень притязаний на общественное признание.
- 7) Информативность.
- 8) Склонности.

При выборе профессии молодой человек может руководствоваться следующими мотивами: общественной значимостью профессии, престижем, заработком, возможностью продвижения по службе и т.д. Все мотивы можно разделить на внешние и внутренние [3].

Внешняя мотивация – это заработок, стремление к престижу, боязнь осуждения, неудачи и т.д. Внешние мотивы можно разделить на положительные и отрицательные. К положительным мотивам относятся материальное стимулирование, возможность продвижения по службе, одобрение коллектива, престиж, то есть стимулы, ради которых человек считает нужным приложить свои усилия. К отрицательным мотивам относятся воздействия на личность путем давления, наказаний, критики, осуждения и других санкций негативного характера [1].

Что касается собственно внутренних, психологических средств деятельности, то они есть у представителя любой профессии и существенно определяют мастерство в деле. А в некоторых случаях они являются преобладающими, основными. Чем меньшим количеством внешних вещественных средств снабжен, окружен работник, тем более высокие требования могут предъявляться к функциональным, внутренним средствам его труда. Часто причина неуспеха в профессиональном образовании (включая и самообразование), в работе коренится как раз в недооценке именно этих средств деятельности [2].

Внутренние мотивы выбора профессии – ее общественная и личная значимость; удовлетворение, которое приносит работа благодаря ее творческому ха-

рактору; возможность общения, руководства другими людьми и т.д. Внутренняя мотивация возникает из потребностей самого человека, поэтому на ее основе человек трудится с удовольствием, без внешнего давления.

С целью формирования и развития мотивации старшеклассников в 2013 г. на ФМО БГУ была создана «Школа будущего таможенника» (далее – ШБТ). Она широко открывает свои двери перед ребятами, мечтающими о будущей карьере в сфере таможенного дела. Главная цель школы – компетентная помощь в профессиональной ориентации абитуриента, помощь в первых шагах к будущей профессии: таможенного инспектора, таможенного декларанта и таможенного логистика, подготовка к выбору профессии, профессиональная ориентация школьников при осуществлении выбора будущей профессии, которую можно приобрести, обучаясь на специальности «Таможенное дело» факультета международных отношений Белорусского государственного университета.

ШБТ предоставляет уникальный шанс, учась в школе, в рамках краткосрочных курсов окунуться в таинственный таможенный мир, познать основы таможенного дела, встретиться с профессионалами этой сферы. Слушателями школы могут стать учащиеся 10-11 классов общеобразовательных школ, лицеев и гимназий.

Говоря о выборе профессии в рамках «Школы будущего таможенника», следует отметить, что все слушатели приходят уже имея некоторое представление о данной сфере профессиональной деятельности. Учащиеся знают о плюсах и минусах профессии. Осознают, что в этой профессии приветствуются такие качества как стрессоустойчивость, коммуникабельность, владение иностранными языками, внимательность.

Исследования показывают, что выбор профессии в данном случае происходит в соответствии с внутренними факторами. К примеру, человек серьезно относится к проблеме борьбы с незаконным оборотом наркотических средств, обеспечению экономической безопасности. Слушатели, в основной своей массе, представляют таможенника в образе героя, который «рискуя своей жизнью, охраняет экономические рубежи государства». Для подросткового восприятия реальности этот образ выглядит именно так [4].

Преобладание внутренних мотивов наиболее эффективно с точки зрения удовлетворенности трудом и его производительности. Более того, это заставляет забыть о недостатках, когда человек при выборе профессии решает руководствоваться своими целями и принципами.

Профессии, как и профпригодность, можно разделить на несколько групп. Профессии первой группы, к примеру, требуют абсолютной профпригодности. Они характеризуются хотя бы одним из следующих признаков: 1) трудовая деятельность в них не поддается программированию, а если программирование пытаются осуществить, то при самой деятельности возникают непреодолимые для некоторых лиц трудности; 2) далеко не каждый человек может соответствовать требованиям, которые эти профессии предъявляют [2]. Это профессии, связанные с риском как физической опасности, так и социально-психологической. Они предъявляют повышенные требования к физическому и психическому здоровью. Здесь успешность работы не может быть компенсирована какими-либо другими качествами, требуется абсолютная пригодность как жесткий набор определенных качеств человека, обеспечивающих надежное выполнение данной деятельности.

Профессии второй группы предполагают относительную профпригодность. То есть требуют набора свойств человека, близких к требованиям профессии, когда недостаточность развития одних качеств можно компенсировать развитием

других качеств. «Природные особенности человека обладают громадной, хотя и не безграничной пластичностью. Человек может активно приспособиться ко многим видам профессионального труда, причем труд будет удовлетворять самого субъекта». Но и подготовка к профессии, и последующая деятельность протекают по-разному, в зависимости от этих особенностей. Формирование профессиональной пригодности во-многом совпадает с выработкой индивидуального стиля трудовой деятельности. «Индивидуальный стиль – это признак личности, не ограниченный определенными ситуациями; один и тот же стиль может быть у человека в разных видах деятельности, а профессиональная пригодность – свойство личности, отчетливо проявляющееся в трудовой деятельности в конкретной профессии» [3].

Также множество профессий третьей группы подразделяется по признаку средств труда. В данном контексте средством труда считается любая целостность, которую человек преднамеренно использует для реализации образов желаемого будущего (целей деятельности). Средствами труда могут быть в этом смысле не только вещественные предметы, инструменты, системы (токарный станок, молоток, вычислительная машина), но и мысленные схемы решения задач, выразительные средства поведения, речи. Например, для актера на театральной сцене основным средством труда является его талант, способность вчувствоваться в мир переживаний его героя, передать с помощью мимики, движения, голоса то, что хотел сказать автор пьесы.

Говоря о профессии таможенника, следует выделить ряд качеств и навыков, которые необходимы в данной области, а именно: трудолюбие, грамотность, обладание аналитическим умом и знание иностранных языков. От него требуются высокая концентрация, внимательность, быстрая реакция, он должен обладать хорошей памятью, интуицией и умением разбираться в людях [5].

Школьники искренне проявляют свой интерес к профессии и в эссе пишут:

«До того момента, пока я не начала посещать эти курсы, я не имела представления, что это за профессия, но мне было очень интересно узнать побольше об этом направлении. Спустя два, три занятия я поняла, что эта профессия мне очень интересна ...» (Юшко Ю.В., г. Минск)

«Я долго не мог определиться с выбором будущей профессии Однажды я наткнулся на подготовительные курсы «Школа будущего таможенника» и решил посещать их, т.к. это удивительная возможность пообщаться с преподавателями, старшекурсниками .. это уникальная возможность для ребят определиться с выбором и найти себя ...» (Фатющенко И.О., г. Лепель).

«В газете «Звезда» я нашла объявление о «Школе будущего таможенника» и решила прийти сюда ... Я смогу внести свой вклад в защиту Родины ... я очень хочу и буду стараться поступить на этот факультет...» (Альшевская В.С. г. Минск).

Таким образом, преобладание внутренних мотивов и положительной внешней мотивации наиболее эффективно с точки зрения удовлетворенности трудом и его производительности. Поэтому для того, чтобы помочь старшеклассниками в выборе профессии, необходим подход в формировании внутренней и положительной внешней психологической основы этого выбора, а именно: присутствие интересов, склонностей, способностей. На эту работу настроена деятельность ШБТ. За прошедшее время Школу окончили 140 школьников выпускных классов, почти 30 из которых стали в разные годы студентами-таможенниками БГУ. Только в сентябре 2016 г. студентами-таможенниками БГУ стали 10 выпускников школы из 25 получивших сертификат. Будучи студентами, бывшие выпуск-

ники ШБТ сохраняют активную жизненную позицию, являясь примером для однокурсников.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Гудкова Е.В. Основы профориентации и профессионального консультирования: учебное пособие / Под ред. Е.Л. Солдатовой. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2004. – 125 с.
2. Гуревич К.М. Проблемы дифференциальной психологии. – М.: Институт практической психологии; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1998. – 384 с.
3. Инфоурок [Электронный ресурс]. - 2019. – Режим доступа: <https://infourok.ru> - Дата доступа: 10.10.2019
4. Адукар [Электронный ресурс]. - 2019. – Режим доступа: <https://adukar.by> – Дата доступа: 15.10.2019
5. Минская региональная таможня [Электронный ресурс]. - 2019. – Режим доступа: <http://www.mrt.customs.gov.by> – Дата доступа: 24.10.2019

АВТОМАТИЗИРОВАННЫЕ СИСТЕМЫ ЭКСТРЕННОГО РЕАГИРОВАНИЯ ПРИ ПЕРЕВОЗКЕ ОПАСНЫХ ГРУЗОВ

Т. В. Пильгун¹⁾, О.А. Курадовец²⁾

¹⁾ *Белорусский национальный технический университет
пр-т. Независимости, 65, 220013, г. Минск, Беларусь, tatiana.pilgun@gmail.com*

²⁾ *Белорусский национальный технический университет,
пр-т. Независимости, 65, 220013, г. Минск, Беларусь, olkakuradovec@gmail.com*

Приведен обзор автоматизированных систем экстренного реагирования при перевозке опасных грузов, которые внедряются в странах Европейского союза, странах ЕАЭС, а также США. Рассмотренные системы – это цифровые системы экстренного реагирования для автотранспорта, целью которых является мониторинг местонахождения транспорта и сокращение времени передачи информации об инцидентах оперативным службам. Системы экстренного реагирования стран Европейского союза, стран ЕАЭС имеют идентичный принцип работы. В США используется телематическая транспортная система, позволяющая решать большой круг задач одновременно. Внедрение автоматизированных систем экстренного реагирования позволяет оптимизировать работу оперативных служб, сократить время поиска координат автомобиля и места, сократить время ликвидации последствий аварий, особенно с участием опасных грузов.

Ключевые слова: системы экстренного реагирования; eCall; ЭРА-ГЛОНАСС; перевозка опасных грузов; мониторинг перевозки; телематика.

AUTOMATED EMERGENCY RESPONSE SYSTEMS IN THE TRANSPORTATION OF DANGEROUS CARGO

T. V. Pilgun^{a)}, O.A. Kuradovets^{b)}

^{a)} *Belarusian National Technical University, Nezalieznasci Avenue, 65, 220013, Minsk, Belarus*

^{b)} *Belarusian National Technical University, Nezalieznasci Avenue, 65, 220013, Minsk, Belarus
Corresponding author: T. V. Pilgun (tatiana.pilgun@gmail.com)*

The article provides an overview of automated response systems in the transportation of dangerous cargo, which are being implemented in the EU, the EEU and the USA. The considered systems are digital emergency response systems for automobiles, that are used to monitor the location of transport in order to reduce the time of transfer of information about incidents to operational services. Emergency response systems of the EU and the EEU countries have an identical working principle. In the USA a telematic transport system is used to solve a large range of tasks at the same time. The introduction of automated emergency response systems allows to optimise the work of operational services, to reduce the time of searching for the coordinates of the car and

the place, to reduce the time of liquidation of the consequences of accidents, especially involving dangerous cargo.

Key words: automated emergency response systems; eCall; Era-Glonass; transportation of dangerous cargo; transportation monitoring; telematics.

Перевозка опасных грузов является специфическим видом перевозок на автомобильном транспорте, поскольку к подготовке, самой перевозке и всем сопутствующим операциям с опасными грузами предъявляются особые требования.

Опасные производства и соответственно перевозки продукции возникают в химической промышленности, топливно-энергетическом комплексе, агросекторе (удобрения и ядохимикаты), медицине (штаммы вирусов), оборонной промышленности, даже в бытовом применении: начиная от уборки и заканчивая горюче-смазочными материалами, множеством отравляющих веществ, ядов, высокотоксичных материалов. По статистике в странах Европы 50-60% всех перевозимых грузов составляют опасные [1, стр.4].

Несмотря на применение инновационных технологий в перевозках, актуальным по-прежнему остается вопрос безопасности движения и предотвращения аварий с опасными грузами.

Ежегодно в мире случается 450-500 инцидентов с участием автомобилей, перевозящих опасные грузы, при этом порядка 72 % происходит в населенных пунктах [2]. Основную часть опасных грузов, находящихся на транспортных средствах при авариях, составили легковоспламеняющиеся вещества. Отметим, что 86 % аварий связаны с несоблюдением водителями требований безопасности движения, 10 % – с технической неисправностью транспортных средств [3].

В случае аварий или инцидентов с опасными грузами важно обеспечить своевременное информирование об аварии, быструю ликвидацию последствий. Своевременное информирование позволит эффективно осуществлять мероприятия по тушению пожаров, дезактивации, дегазации, дезинфекции, первой медицинской помощи, эвакуации населения и восстановлению разрушенных и поврежденных дорог, техники и промышленных объектов.

В настоящее время ведется разработка автоматизированных систем экстренного реагирования на аварии автотранспортных средств. Такие автоматизированные системы оправдывают свое назначение в США, Бразилии, Китае, России, странах ЕС и некоторых других государствах.

В Европейском союзе разработана система «eCall», базирующаяся на европейской спутниковой навигационной системе Galileo и ориентированная на автомобильный транспорт. Система «eCall» позволяет автоматически передавать минимальный набор данных на заранее запрограммированный номер экстренной службы. После передачи минимального набора данных система устанавливает голосовое соединение, с помощью которого водитель может напрямую переговорить с диспетчерским центром экстренной службы [4].

Система также обеспечивает мониторинг координат автомобиля с опасным грузом, а также параметров состояния транспортного средства и груза. В системе «eCall» предусмотрены три основных варианта работы:

1. Аварийный вызов (Emergency call) реализуется автоматически при срабатывании датчиков движения или при нажатии аварийной кнопки пассажирами или водителем транспортного средства.

2. В режиме тестового звонка (Test call) проверяются время передачи минимального набора данных, полный звуковой тракт, характеристики шума, поиск сигналов базовых станций и выделенного центра обработки звонков, системы безопасности, а также выявляются ошибки передачи минимального набора данных, ошибки, связанные с тональной идентификацией и другое.

3. В режиме настройки (Configuration call) проводится настройка параметров работы всех элементов «eCall».

Планировалось, что с апреля 2018 г. все новые автомобили в странах ЕС будут оснащены системой экстренного реагирования «eCall». Кроме того, предполагается, что все государства, являющиеся членами Евросоюза, обеспечат создание и поддержание в рабочем состоянии инфраструктуры, необходимой для получения и обработки ее сигналов. Это будет касаться также Исландии, Норвегии и Швейцарии.

Российским аналогом европейской системе eCall является система экстренного реагирования при авариях «ЭРА-ГЛОНАСС», основные функциональные свойства, параметры и характеристики которой согласуются с европейской системой eCall и регламентируются российским стандартом [3].

Система «ЭРА-ГЛОНАСС», также как и «eCall», предназначена для автоматического вызова служб экстренного реагирования. При срабатывании устройства системы:

- производится определение координат местонахождения автомобиля на основе сигналов ГЛОНАСС и GPS;

- устанавливается голосовое соединение между водителем или пассажирами автомобиля и оператором диспетчерского центра ЭРА-ГЛОНАСС посредством сотовой связи GSM;

- в базу данных государственной системы ЭРА-ГЛОНАСС передается информация о точных координатах автомобиля и других параметрах;

- диспетчер системы, получив необходимую информацию и связавшись с водителем, организует выезд на место происшествия служб экстренного реагирования (МЧС, ГИБДД, Скорая помощь).

Российская система ЭРА-ГЛОНАСС предусматривает некоторые расширения для лучшей поддержки российской инфраструктуры. Например, получив информацию с бортового устройства на транспортном средстве, контролирующие органы имеют возможность определить государственный регистрационный номер, модель, марку и принадлежность транспортного средства, вид перевозимого груза, разрешенный маршрут движения. Также возможен контроль наличия специального разрешения для данного транспортного средства, вида груза и маршрута.

Несмотря на то, что система ЭРА-ГЛОНАСС разработана на основе «eCall», между системами есть ряд отличий. В «ЭРА-ГЛОНАСС» предусмотрена коррекция шумов и эха в голосовом сообщении водителя или пассажиров при использовании систем громкой связи в кабине транспортного средства. Кроме того, обеспечивается автоматическое управление усилением сигнала, компенсирующее низкий уровень звука для случаев, когда водитель не в состоянии говорить в направлении микрофона. В проекте «eCall» отсутствуют специальные требования, направленные на обеспечение качества громкой связи в кабине автомобиля [6].

Таким образом, система «eCall» и система «ЭРА-ГЛОНАСС» – это цифровые системы экстренного реагирования для автотранспорта, цель которых – сокращение времени передачи информации об аварии экстренным службам.

В Казахстане введено требование об оснащении всех выпускаемых и единично ввозимых из третьих стран транспортных средств устройствами экстренного вызова оперативных служб в соответствии с Техническим регламентом ЕАЭС (ТР ТС 018/2011) «О безопасности колесных транспортных средств». Система экстренного вызова при авариях и катастрофах (далее – «ЭВАК») является государственной автоматизированной информационной системой, которая функционирует с использованием сигналов навигационных спутниковых систем

GPS и ГЛОНАСС и обеспечивает экстренное предоставление в оперативные службы информации о дорожно-транспортных происшествиях на автомобильных дорогах Казахстана. Данная система является аналогом российской системы «ЭРА-ГЛОНАСС» и в 2019 году введена в эксплуатацию в Казахстане.

Установленный на транспортном средстве навигационно-связной терминал, в случае аварии в автоматическом режиме осуществляет экстренный вызов, который вне очереди обслуживается и передается в систему «ЭВАК». Также передается информация о точных координатах, времени и тяжести происшествия, а также параметры автомобиля, устанавливается голосовое соединение.

В Республике Беларусь в настоящее время ведется работа по созданию единой системы навигационно-временного обеспечения (далее – ЕС НВО). Система экстренного реагирования на дорожно-транспортные происшествия «ЭРА РБ» является составным элементом ЕС НВО, и создается по аналогии с российской системой «ЭРА-ГЛОНАСС». Создание ЕС НВО осуществляется в рамках соглашения о сотрудничестве белорусского и российского сетевых операторов в сфере спутниковой навигации и применения ГЛОНАСС-технологий на территории двух союзных государств. Соглашением предусматривается реализация таких значимых проектов как система экстренного реагирования, система тахографического контроля, система платности на автомобильных дорогах, систем мониторинга и контроля перемещения транспортных средств, предназначенных для перевозки опасных, тяжеловесных, крупногабаритных и иных специальных грузов, система, обеспечивающая автоматический контроль соблюдения правил дорожного движения. Соглашение также нацелено на достижение технической совместимости систем двух стран.

В США и развитых европейских странах происходит развитие телематических транспортных систем для перевозки опасных грузов. Данным системам уделяется внимание со стороны правительственных органов. Основой телематических систем являются централизованно разработанные архитектуры, которые охватывают широкий круг задач. Примером такой телематической транспортной системы является Национальная архитектура инженерных информационно-телематических систем США, ориентированная на реализацию 33-х пользовательских сервисов. Автоматизированная система экстренного реагирования на аварии автотранспортных средств входит в состав системы Next Generation 9-1-1 (NG9-1-1), предназначенной для вызова аварийных служб с использованием любых проводных и беспроводных коммуникационных устройств. Разработка системы финансируется Министерством транспорта США. Функциональная архитектура сервиса предусматривает полный контроль перевозки, мониторинг местоположения транспортного средства с опасным грузом, отклонения от запланированного маршрута, уведомление об аварии, передачу информации всем заинтересованным организациям. Система также обеспечивает выявление входа транспортного средства в чувствительные географические области (например, зоны, в которых перевозка опасных грузов запрещена), аутентификацию водителя с деактивацией транспортного средства при попытке управления транспортным средством неправомочным водителем [7].

Внедрение автоматизированных систем экстренного реагирования при автомобильных перевозках опасных грузов позволяет оптимизировать работу оперативных служб, сократить время поиска координат транспортного средства и места происшествия и сократить время ликвидации последствий аварий и инцидентов, особенно с участием опасных грузов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Перевозка опасных грузов: метод. указания / сост. : Н.В. Пеньшин, В.С. Горюшинский. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2010. – 64 с.

2. Одинцов, Л.Г. Особенности перевозки опасных грузов автомобильным транспортом / Л.Г. Одинцов, А.И. Запорожец, З.А. Хакиев // Технологии гражданской безопасности. – 2009. - №1-2. – С. 97-101.
3. Эффективность логистического управления: Учебник для вузов / Под общ. ред. д.т.н., проф. Л.Б. Миротина. – М.: Издательство «Экзамен», 2004. – 327с.
4. eCall (emergency call - экстренный вызов). [Электронный ресурс] / Государство. Бизнес. ИТ. – Режим доступа: <http://www.tadviser.ru>. – Дата доступа: 15.10.2019.
5. Intelligent transport systems - ESafety – Ecall high level application requirements (HLAP). Ref. No. prEN 16062: 2011
6. Алексеев, В.Н. Сравнительные характеристики систем экстренного реагирования «eCall» и «ЭРА-ГЛОНАСС» / В.Н. Алексеев // Беспроводные технологии. – 2015. - №4. – с. 16-22.
7. Архитектура и стандартизация телематических и интеллектуальных транспортных систем. Зарубежный опыт и отечественная практика / В.В.Комаров, С.А. Гараган. – М. : НТБ «Энергия», 2012. –5 352 с.
8. Технология передачи данных в системе экстренного реагирования «ЭРА-ГЛОНАСС» [Электронный ресурс] – режим доступа: <https://habr.com/ru/company/promwad/blog/180689/> - Дата доступа: 15.10.2019.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ТАМОЖЕННОЙ ДИПЛОМАТИИ В СТРАНАХ ЕАЭС

В. А. Сапрыка¹⁾, Л. Н. Шмигирилова²⁾, А. В. Пастюк³⁾

¹⁾ Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, 85, 308015, г. Белгород, Россия, sapryka@bsu.edu.ru

²⁾ Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, 85, 308015, г. Белгород, Россия, shmigirilova@bsu.edu.ru

³⁾ Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, 85, 308015, г. Белгород, Россия, pastyuk_a@bsu.edu.ru

Актуализирована необходимость поиска новых механизмов взаимодействия государственных структур в области международного сотрудничества. Представлена проблема развития таможенной дипломатии в странах ЕАЭС. Определено, что основной целью применения таможенной дипломатии является экономическое развитие государства путем налаживания взаимодействия и установления взаимопонимания между таможенными службами разных стран. Подчеркнуто, что особую значимость для евразийского интеграционного проекта таможенная дипломатия приобретает и в связи наднациональным статусом взаимодействия.

Ключевые слова: международное сотрудничество; публичная дипломатия; таможенная дипломатия; интеграционные процессы ЕАЭС.

TOPICAL ISSUES OF CUSTOMS DIPLOMACY DEVELOPMENT IN THE EURASIAN ECONOMIC UNION

V. A. Sapryka^{a)}, L. N. Shmigirilova^{b)}, A. V. Pastyuk^{c)}

^{a)}Belgorod State University, 85 Pobedy Street, Belgorod, the Belgorod region, 308015, Russia

^{b)}Belgorod State University, 85 Pobedy Street, Belgorod, the Belgorod region, 308015, Russia

*^{c)}Belgorod State University 85 Pobedy Street, Belgorod, the Belgorod region, 308015, Russia
Corresponding author: V. A. Sapryka (sapryka@bsu.edu.ru)*

The necessity of searching for new mechanisms of state structures interaction in the field of international cooperation is actualized. The problem of development of customs diplomacy in the EAEU countries is presented. It is determined that the main purpose of customs diplomacy is the economic development of the state by establishing cooperation and mutual understanding between the customs services of different countries. It was emphasized that customs diplomacy acquires

special importance for the Eurasian integration project due to the supranational status of cooperation.

Key words: international cooperation; public diplomacy; customs diplomacy; integration processes of the EAEU.

Интеграция мировой экономики, увеличение внешнеторгового оборота и рост миграции потоков обуславливают необходимость активизации деятельности в области международного сотрудничества и поиска новых инструментов взаимодействия государственных органов. Одним из актуальных направлений развития межгосударственных связей является применение современных инструментов дипломатии, отличных от ее классического понимания. Формирование новых видов дипломатии является ничем иным, как ответом на потребность в расширении форматов и механизмов взаимодействия, выходящих за пределы официального сотрудничества. Вслед за уже получившей определенное развитие общественной или публичной дипломатией постепенно формируется новый вид взаимодействия, где основным актором являются таможенные органы. Такой вид сотрудничества в российской практике определяется как таможенная дипломатия.

В общественной науке это понятие определяется как один из видов экономической дипломатии, сущность которого заключается в применении государствами дипломатических методов и экономических средств для содействия развитию своей экономики, обеспечения собственных внешнеэкономических интересов и достижения политических целей [1]. Кроме того, под таможенной дипломатией понимается система инструментов (совокупность практических мероприятий, приемов и методов, применяемых с учетом конкретных условий и характера решаемых задач) осуществления внешнеэкономической, а также внешнеторговой и таможенной политики государства с помощью мирных средств [2].

Как видно из представленных определений, основной целью применения таможенной дипломатии является экономическое развитие государства путем налаживания взаимодействия и установления взаимопонимания между таможенными службами разных стран. Вместе с тем, развитие сотрудничества между таможенными органами может способствовать не только развитию торгово-экономических отношений со странами-партнерами, но и укреплению международных связей, формированию позитивного имиджа государства в целом и таможенных органов в частности. Организация международных мероприятий и встреч, создание межгосударственных консультативных и совещательных органов, осуществление деятельности в информационно-коммуникационном пространстве позволяет создать позитивный образ таможенных органов, а также обеспечить освещение деятельности, что содействует лучшему пониманию особенностей и принципов деятельности государства в сфере таможенного дела.

Следует отметить, что таможенная дипломатия имеет особую ценность для развития сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза, поскольку данный инструмент одновременно объединяет в себе специфику международного таможенного сотрудничества и публичной дипломатии. К настоящему времени приоритеты евразийской интеграции заключаются в развитии внешней торговли, формировании общего рынка товаров, услуг, капитала и рабочей силы. В свою очередь укреплению социальных и культурных связей уделяется недостаточное внимание, не получает должного развития и такой эффективный инструмент налаживания международных связей как общественная дипломатия. В этих условиях развитие и повсеместное применение таможенной дипломатии может стать первым шагом на пути расширения механизмов и форм взаимодействия ЕАЭС, выходящих за пределы экономической интеграции.

Особую значимость для евразийского интеграционного проекта таможенная дипломатия приобретает и в связи наднациональным статусом взаимодействия. Публичная дипломатия уже активно используется национальными органами государств-членов ЕАЭС, однако до настоящего времени не определены цели, приоритеты и механизмы деятельности по реализации совместных проектов в данной сфере. Вместе с тем, применение механизмов публичной дипломатии на наднациональном уровне является одним из ведущих трендов развития межгосударственных интеграционных образований. Практика развития Европейского союза демонстрирует значимость применения инструментов публичной дипломатии по отношению к формированию позитивного образа всего интеграционного проекта, а не отдельных государств-участников. В этой связи, развитие таможенной дипломатии ЕАЭС позволит создать необходимые предпосылки для дальнейшей активизации сотрудничества на наднациональном уровне.

Основным вопросом внедрения в интеграционные процессы ЕАЭС таможенной дипломатии остается разработка и апробация эффективных методов и инструментов сотрудничества таможенных органов. Так, по мнению российских авторов, к настоящему времени деятельность в сфере таможенной дипломатии сводится к следующему:

1) обеспечение взаимодействия и сотрудничества с таможенными службами. Налаживание рабочих контактов с таможенной службой, налаживание официальных каналов передачи и получения информации в области таможенного дела (в том числе и оперативно значимой), участие в подготовке визитов и встреч экспертов и руководства таможенных служб, участие в совместных проектах, участие в разработке и проведении мероприятий по реализации межведомственных договоров;

2) сбор информации о состоянии таможенного дела. Сбор сведений о таможенном законодательстве и мониторинг изменений в нем, изучение опыта, а также передовых практик и технологий таможенной службы страны пребывания;

3) защита экономических интересов государства. Мониторинг ситуации по товарообороту с целью выявления и прогнозирования причин, препятствующих свободному прохождению товаров и транспортных средств. Участие в мероприятиях правоохранительной направленности;

4) обеспечение взаимодействия и сотрудничества с деловыми кругами. Оказание консультативной помощи участникам ВЭД [3].

По нашему мнению, реализация проектов в сфере таможенной дипломатии, помимо проведения совместных мероприятий и создания межгосударственных консультативных и совещательных органов, должна опираться также на формирование устойчивого кадрового потенциала таможенных органов и развитие сотрудничества в области подготовки специалистов в сфере таможенного дела. К настоящему времени в государствах-членах ЕАЭС подготовка кадров таможенного дела осуществляется разобщенно и зачастую опирается только на национальную практику таможенного регулирования. В этих условиях академическое сотрудничество с целью унификации подготовки специалистов таможенного дела будет способствовать лучшему пониманию функционирования таможенных органов государств-членов ЕАЭС и развитию таможенной дипломатии.

К настоящему времени международное таможенное сотрудничество в сфере образовательного взаимодействия уже частично реализуется на пространстве ЕАЭС. Целесообразно предложить расширить практику взаимодействия путем организации зарубежных стажировок и повышения квалификации сотрудников таможенных органов посредством обучения за границей.

В заключение следует отметить, что развитие современных и эффективных инструментов таможенного взаимодействия, в т.ч. и таких как таможенная дипломатия, должно стать одним из ключевых приоритетов дальнейшего развития ЕАЭС, поскольку нацеленность исключительно на проекты экономического сотрудничества не позволит в полной мере реализовать весь потенциал интеграционного объединения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Актуальные вопросы таможенной дипломатии: монография // Галушкин А. А., Дианова В. Ю., Дмитриева О. А. и др. М.: Прометей, 2018.
2. Мильков Д. Д., Полякова Н. В. Таможенная дипломатия // Intelligence Plus. 2017. №1 (2).
3. Мильков Д. Д., Полякова Н. В. Средства осуществления таможенной дипломатии // Теория и практика общественного развития в свете современного научного знания: материалы Международной научной конференции. Красково, Гуманитарно-социальный институт, 27 апреля 2017 г. – М.: Издательство «Перо»; Красково: Гуманитарно-социальный институт. – 405 с. – С. 259 – 263.
4. Коноваленко С. Таможенная дипломатия объединяет // Таможня. 2015. № 1-2.
5. Дурдыева А. А. Таможенная дипломатия объединяет // Вестник МГИМО университета. 2014. №4.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ ЗА АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ТАМОЖЕННЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ

Д. П. Семенюк

*Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь,
пр-т Машерова 6, 220005, г. Минск, Беларусь, info@atia.by*

Рассматриваются вопросы административной ответственности юридических лиц за административные таможенные правонарушения. Исследуются правовые основания освобождения юридического лица от административной ответственности за административные таможенные правонарушения, вопросы снижения размеров штрафов за совершенные правонарушения.

Ключевые слова: административная ответственность; административные таможенные правонарушения.

IMPROVEMENT OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY OF LEGAL ENTITIES FOR ADMINISTRATIVE CUSTOMS OFFENSES

D. P. Semianiuk

*Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Masherov Avenue 6,
220005, Minsk, Belarus*

The issues of administrative liability of legal entities for administrative customs offenses are considered. The legal grounds for exempting a legal entity from administrative responsibility for administrative customs offenses, issues of reducing the size of fines for committed offenses are investigated.

Key words: administrative responsibility; administrative customs offenses.

В последнее время в научной литературе и средствах массовой информации широко обсуждается комплекс мер, направленных на либерализацию уголовного, административного и иного законодательства. Данные меры призваны способствовать установлению баланса интересов государства и общества, эффективному развитию современных общественных отношений, созданию макси-

мально благоприятных условий для осуществления хозяйственной деятельности.

В полной мере это относится и к общественным отношениям в таможенной сфере, нарушение которых при определенных законодательством условиях влечет применение к виновным лицам мер административной ответственности.

Анализ правоприменительной практики позволяет установить проблему освобождения от административной ответственности юридических лиц за совершение незначительных правонарушений. Практика применения «двойной ответственности» (юридического лица и его должностного лица) за все без исключения правонарушения приводит к большим финансовым взысканиям, налагаемым на субъекты хозяйствования.

В соответствии с ч. 2 ст. 6.2 КоАП в отношении юридических лиц применяются такие основные административные взыскания как предупреждение и штраф, дополнительные взыскания конфискация и взыскание стоимости, а также лишение права заниматься определенной деятельностью, которое может применяться как в качестве основного и так дополнительного.

Анализ административной практики судов в 2014 г. показал, что самым распространенным видом административного взыскания являлся штраф, который районными (городскими) судами и экономическими судами областей и г. Минска назначался по 84% дел, рассмотренных с наложением административного взыскания. Предупреждение назначалось по 1% дел об административных правонарушениях [1, с. 11-22].

При этом минимальный размер штрафа, налагаемого на физическое лицо, не может быть менее одной десятой базовой величины. Минимальный же размер штрафа, налагаемого на юридическое лицо намного выше – не менее десяти базовых величин.

Максимальный же размер штрафа, налагаемого на физическое лицо, не может превышать пятидесяти базовых величин, за нарушение законодательства в области финансов, рынка ценных бумаг, банковской деятельности и предпринимательской деятельности, порядка налогообложения – двухсот базовых величин. Максимальный размер штрафа, исчисляемого в базовых величинах, налагаемого на юридическое лицо, не может превышать тысячи базовых величин.

Кроме того, штрафы, исчисляемые в процентном либо кратном отношении к стоимости предмета административного правонарушения, сумме ущерба, сделки либо доходу, полученному в результате сделки, могут быть намного больше.

Приведенный анализ законодательства и практики его применения свидетельствует о необходимости установления обстоятельств, исключающих вину юридического лица за незначительные правонарушения и влекущие большие штрафы, которые негативно отражаются на экономической деятельности субъекта, а также снижения минимальных и максимальных размеров санкций.

Новая редакция ст. 4.8 КоАП разграничивает административную ответственность юридических лиц и физических лиц, являющихся их работниками. Юридическое лицо несет административную ответственность, если это предусмотрено санкцией статьи Особенной части КоАП. При этом за совершение административного правонарушения в области финансов, рынка ценных бумаг и банковской деятельности, в области предпринимательской деятельности, против порядка налогообложения, порядка таможенного регулирования юридическое лицо несет административную ответственность при наличии хотя бы одного из следующих условий:

- 1) совершенным деянием причинен вред жизни или здоровью людей либо создана угроза причинения вреда жизни или здоровью людей;
- 2) совершенным деянием причинен имущественный вред охраняемым КоАП правам и интересам в размере свыше сорока базовых величин;

3) стоимость предмета административного правонарушения превышает сорок базовых величин;

4) сумма сделки, внешнеторговой операции либо дохода в совокупности превышает сорок базовых величин – в случаях, когда в санкции статьи (части статьи, когда статья состоит из нескольких частей) Особенной части КоАП предусмотрено определение штрафа в процентном либо кратном отношении к сумме сделки, внешнеторговой операции либо дохода;

5) сумма дохода превышает сорок базовых величин – в случаях, когда в санкции статьи (части статьи, когда статья состоит из нескольких частей) Особенной части КоАП предусмотрена конфискация дохода, полученного в результате противоправной деятельности;

б) в санкции статьи (части статьи, когда статья состоит из нескольких частей) Особенной части КоАП предусмотрена обязательная конфискация.

Кроме этого, отдельные основания освобождения от ответственности закреплены непосредственно в административно-деликтных нормах.

Так, Законом Республики Беларусь от 9 января 2019 г. № 171-3 примечание к статье 13.6 КоАП дополнено частью 5. В соответствии с данной нормой не являются административным правонарушением неуплата или неполная уплата в установленный срок таможенного платежа в том числе совершенные должностным лицом юридического лица, если такие деяния связаны с представлением действительного документа о происхождении товаров, выдаваемого уполномоченным органом иностранного государства и впоследствии не признанного таможенным органом Республики Беларусь.

Таким образом, правовые основания освобождения юридического лица от административной ответственности за административные таможенные правонарушения содержатся в ст. 4.8 КоАП и непосредственно в административно-деликтных нормах. Расширение перечня таких оснований позволит освободить субъекта хозяйствования от административной ответственности либо смягчить ответственность за незначительные правонарушения. Также требуют снижения размеры штрафов юридических лиц, которые не всегда соответствуют тяжести совершенного правонарушения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Практика применения судами норм Общей части КоАП при рассмотрении дел об административных правонарушениях (по материалам обзора) // Судовы веснік, 2014. – № 4. – С. 11-22.

СОВРЕМЕННЫЕ РЕФОРМЫ ТАМОЖНИ – ЧТО ЗА НИМИ СТОИТ?

И. В. Цыкунов

*Белорусский государственный экономический университет,
пр. Партизанский 43, 220070, г. Минск, Беларусь, diplom87@yandex.ru*

Современные реформы таможенных служб ЕАЭС явились итогом значительных изменений внешних и внутренних условий внешнеэкономической деятельности. Статья посвящена рассмотрению вопросов применения традиционных и перспективных таможенных технологий, таких как электронное декларирование, предварительное декларирование, удаленный выпуск товаров и предварительное информирование. Дана оценка причинам и последствиям таких преобразований и их влиянию на состояние таможенного регулирования и практику внешнеэкономической деятельности.

Ключевые слова: таможенное регулирование; удаленный выпуск; предварительное декларирование.

MODERN CUSTOMS REFORMS - WHAT DOES IT COST?

I. V. Tsykunov

Belarusian State Economic University, 43 Partizansky Ave, 220070, Minsk, Belarus

The modern reforms of the EEU customs services were the result of significant changes in the external and internal conditions of foreign economic activities. The article is devoted to the consideration of the application of traditional and perspective customs technologies, such as electronic declaration, preliminary declaration, remote release of goods and preliminary information. The reasons and consequences of such transformations and their impact on the state of customs regulation and the practice of foreign economic activities are assessed.

Keywords: customs regulation; remote release; preliminary declaration.

Решение Коллегии Федеральной таможенной службы Российской Федерации от 29 мая 2018 г. «О создании единой сети электронных таможен и центров электронного декларирования. Проблемы и пути их решения» явилось знаковым и ознаменовало совершенно новый этап развития таможенной службы России. Оно предполагает создание единой сети из 9 электронных таможен и 16 центров электронного декларирования (далее – ЦЭД) в период 2018 -2020 гг.

В целом структура таможенных органов России будет состоять из таможен трех видов: электронной, фактического контроля и полнофункциональной таможни.

Особенностью электронной таможни является то, что в нее входит только специфический таможенный пост – ЦЭД. Электронные таможни будут заняты исключительно совершением таможенных операций в отношении товаров, декларируемых в электронной форме. Работа центра основана на применении удаленного выпуска товаров – технологии таможенного декларирования, при которой декларация на товар подается во внутренний таможенный орган, а фактический контроль осуществляется на приграничной таможне. С помощью удаленного выпуска участники внешнеэкономической деятельности (далее – ВЭД) могут подавать декларацию в ЦЭД, а выпуск товаров будет осуществляться на границе. В основе технологии удаленного выпуска товаров лежит принцип разделения таможенного контроля на документальный и фактический, которые должны осуществлять разные таможенные органы. Сотрудник ЦЭД, куда подается декларация на товары, должен обработать документы и сведения, которые предоставлены в электронном виде. В это же время сотрудник приграничного таможенного органа непосредственно должен выполнить контроль транспортных средств, товаросопроводительных документов и, если потребуется, то и самих товаров. Особенности ЦЭД являются:

- в них отсутствуют склады временного хранения и зоны таможенного контроля;

- не осуществляется фактический таможенный контроль в форме рентгеновского обследования, таможенного осмотра и (или) досмотра товаров, отбора проб и образцов для таможенного исследования и т.д., а также контроль за товарами и транспортными средствами, перевозимыми в соответствии с процедурой таможенного транзита;

- как правило, товары будут помещаться под основные таможенные процедуры – выпуска для внутреннего потребления и экспорта;

- не оформляются декларации на товары по таможенным процедурам, по которым требуется осуществление фактического контроля или контроля после выпуска условно выпущенных товаров;

- информационное взаимодействие в процессе совершения таможенных операций и таможенного контроля осуществляется только в электронном виде.

Таможни фактического контроля будут осуществлять фактический контроль перемещения товаров, а также частичное декларирование отдельных категорий то-

варов (помещать товары под таможенные процедуры уничтожения, отказа в пользу государства и т.д.). Упрощение первичного контроля (что является следствием применения ЦЭД) повлечет необходимость усиления последующего контроля, что и станет основной задачей для таможен фактического контроля на местах.

Полнофункциональная таможня может проводить любые таможенные операции и призвана обслуживать регион с низкой активностью ВЭД и невысокой потребностью в таможенных услугах.

Что дают указанные преобразования? В целом планируется, что ЦЭД возьмут на себя обработку 95% всех товаров. При этом к концу 2020 года таможенные операции будут сконцентрированы в 16 ЦЭД, находящихся в наиболее активных с точки зрения ВЭД регионах России. Автоматическая регистрация деклараций должна быть доведена до 99%, а автоматический выпуск – до 80% деклараций участников ВЭД низкого уровня риска. Т.е. 2/3 всех деклараций будет выпускаться без участия инспектора. Важной особенностью ЦЭД является то, что они строятся на средства федерального бюджета, т.е. таможня России в своей основе перестанет опираться на инфраструктуру, предоставляемую участниками ВЭД. Режим работы будет непрерывным (смены по 12 часов), как на пунктах пропуска на границе.

Безусловно, это революционный прорыв, меняющий условия ведения ВЭД в России за счет принципиального изменения технологии взаимодействия таможенных органов и участников ВЭД. И вполне естественно, что такие значительные преобразования сталкиваются с неизбежными сложностями. В частности, остро встала кадровая проблема, ведь открытие одного ЦЭД требует концентрации в зоне его размещения несколько сотен (200 – 300 или более) квалифицированных сотрудников со специальной подготовкой к проведению таможенных операций посредством электронного декларирования.

Что позволило российской таможне перейти к столь значительным реформам? По нашему мнению, основным фактором стало снижение фискальной значимости таможенных платежей. Снижение средневзвешенной ставки ввозной таможенной пошлины в ЕАЭС практически до 5%, режим санкций и контрсанкций привел к значительному уменьшению доходов от ввоза товаров. При этом таможенная стоимость товаров, традиционно являвшаяся основным полем противостояния таможни и участников ВЭД утратила значение основного фискального фактора при взимании таможенных платежей. Именно это позволило таможне России отказаться от широкого применения документального и фактического контроля при ввозе товаров и в полной мере реализовать возможности электронного декларирования.

Также нельзя не оставить без рассмотрения возможное влияние указанных реформ на деятельность таможен и практику ВЭД в других странах ЕАЭС, в частности в Республике Беларусь. По нашему мнению, применением ЦЭД будут созданы условия для миграции ВЭД в Россию из других стран ЕАЭС. В частности, в настоящее время более 50% всех оформляемых белорусской таможней ввозимых товаров, вывозятся на территорию России. Это означает, что потенциально белорусская таможня может лишиться половины объемов оформляемых ввозимых товаров. Следует помнить, что этому дополнительно способствуют существующие сложности с уплатой НДС в отношении иностранных товаров (или произведенных в ЕАЭС с использованием иностранных компонентов) в ходе межстрановой торговли в ЕАЭС, а также планируемая на 2020 год отмена принципа резиденства в ЕАЭС. Это означает, что участник ВЭД сможет осуществлять выпуск товара в таможне любой страны ЕАЭС по своему выбору.

Безусловно, эти факторы будут иметь негативные последствия для ВЭД в Республике Беларусь и для белорусской таможни, начиная с потерь бюджета от

таможенных сборов до ослабления перспектив развития таможенной службы и ВЭД страны в целом, снижения значимости таможенной службы в системе государственного управления.

С учетом вышеизложенного значительный интерес представляет рассмотрение состояния применения современных таможенных технологий в белорусской таможне.

1. Удаленный выпуск товара. Используется крайне недостаточно в связи с тем, что в основном направлен на оптимизацию загруженности сотрудников различных пунктов таможенного оформления и различных таможен. Т.е. прежде всего в целях решения проблем таможни, а не предоставления участникам ВЭД каких-то новых возможностей.

2. Доставка товаров с границы на близлежащие пункты таможенного оформления без помещения товаров под процедуру транзита.

3. Выпуск товаров до подачи таможенной декларации. Такая возможность предоставлена уполномоченным экономическим операторам, которых в настоящее время насчитывается всего около 350. Технология распространяется на примерно 10% всех ввозимых товаров.

4. Автоматическая регистрация деклараций. Технология развивается, хотя и медленно.

5. Автоматический выпуск товаров. В настоящее время практически отсутствует, хотя на 2020 г. намечен охват данной технологией 20% ввозимых товаров. На наш взгляд, это одна из наиболее важных и сложных проблем современной белорусской таможни.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что, несмотря на кажущуюся полезность, указанные технологии не заняли должного места в практике таможенного регулирования. Т.е. практика таможенного обслуживания в Республике Беларусь характеризуется обилием применяемых современных технологий, каждой из которых отводится какое-то свое место. Это при том, что полная информатизация процесса таможенного обслуживания предполагает наличие одной основной, быстрой и простой технологии помещения товаров под таможенную процедуру, в рамках которой будет обрабатываться подавляющее большинство таможенных деклараций. Это наглядно говорит об отсутствии в нашей стране четкой концепции развития таможенного обслуживания, являющейся конкурентоспособной в рамках ЕАЭС и отвечающей современным реалиям ВЭД.

Обобщением проведенного рассмотрения сущности и практики применения в Республике Беларусь перспективных таможенных технологий, является вывод о том, что они принципиально не решают задач по ускорению и упрощению выпуска товаров. Соответственно, таможенные органы и участники ВЭД лишены возможности существенного ускорения и упрощения процесса перемещения товаров через таможенную границу.

Таким образом, можно сделать вывод, что возможности электронного декларирования как инструмента ускорения выпуска товаров на применяемом технологическом уровне практически исчерпаны. Чем в таком случае располагает белорусская таможня в рассматриваемом контексте? Практически ни чем конкурентоспособным.

Принципиальным решением этой непростой ситуации может быть только наличие в Республике Беларусь значительных конкурентных преимуществ в части таможенного обслуживания бизнеса. Одним из элементов системы таких преимуществ может быть предлагаемая технологическая схема выпуска товаров, основанная на совместном комплексном применении предварительного декларирования, удаленного выпуска товаров и элементов электронного предварительного информирования.

Предлагаемая технология выпуска ввозимых товаров состоит из следующих этапов:

1. Участник ВЭД получает из-за границы информацию о товарах, которая в настоящее время используется для электронного предварительного информирования (далее – ЭПИ). Но на ее основе формирует таможенную декларацию и осуществляет предварительное декларирование. Декларация подается во внутренний таможенный орган. Принципиально новым является то, что данная декларация должна быть подана декларантом и предварительно обработана таможеней в сроки, установленные для ЭПИ, т.е. в течение нескольких часов (до фактического ввоза товаров).

2. Таможня регистрирует декларацию и сообщает декларанту ее регистрационный номер, который передается водителю. В настоящее время технологическим аналогом является принятие таможеней ЭПИ и передача декларанту уникального идентификационного номера перевозки (далее – УИНП). После этого производится уплата таможенных платежей, если они не были уплачены ранее.

3. При размещении товара в зоне таможенного контроля пункта пропуска, таможенный орган уведомляется о ввозе товара по существующей технологии, с тем отличием, что вместо УИНП ему сообщается регистрационный номер таможенной декларации.

4. Дальнейшие таможенные операции предполагают реализацию удаленного выпуска товаров, с учетом того, что декларация подана во внутренний таможенный орган, а товар находится на границе, в пункте пропуска. Результатом этих операций в общем случае должен быть выпуск товаров.

5. При нахождении товара в пункте пропуска и невозможности проведения там необходимых таможенных операций или таможенного контроля, возможен переход к обычной технологии выпуска товаров. При этом имеющаяся предварительная декларация преобразуется в транзитную.

При реализации предлагаемой технологии товар не помещается под процедуру таможенного транзита. Также не требуется внесение обеспечения уплаты таможенных пошлин, налогов или применения дорогой процедуры МДП. Ресурсы таможни в пункте пропуска, затрачиваемые в настоящее время на помещение товаров под процедуру таможенного транзита, расходуются на выпуск товара. Внутренний таможенный орган также значительно экономит ресурсы за счет отсутствия необходимости принятия уведомления о доставке товара, закрытии процедуры таможенного транзита и других операций, совершаемых во внутренних пунктах таможенного оформления. Со своей стороны, соответствующие преимущества получает и участник ВЭД.

Предлагаемая технология выпуска товара может быть реализована в рамках действующего таможенного законодательства. Вся технологическая схема может быть реализована на уровне полномочий Государственного таможенного комитета Республики Беларусь.

Таким образом, с одной стороны, белорусская таможня обладает достаточно убедительным арсеналом современных таможенных технологий. Но основное отличие ситуации с внедрением новых технологий таможенного обслуживания в Беларуси и России заключается в том, что их внедрение ведется крайне медленно, в большей степени в порядке экспериментов или локально. Т.е. их применение не меняет принципиально сложившийся характер отношений между таможеней и участниками ВЭД, не дает им принципиально новых возможностей и в целом не переводит качество таможенного обслуживания на принципиально более высокий уровень.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СОДЕЙСТВИЯ КОНТРОЛИРУЮЩИХ ОРГАНОВ ТАМОЖЕННЫМ ОРГАНАМ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИМ ДОЗНАНИЕ ПО ТАМОЖЕННЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ

А. А. Чепик

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, ts_chepik12@mail.ru*

Рассмотрены и проанализированы с учетом новых положений таможенного законодательства, закрепленных в Таможенном кодексе Евразийского экономического союза, а также норм уголовно-процессуального законодательства Республики Беларусь, актуальные проблемы взаимодействия и сотрудничества таможенных органов, осуществляющих дознание по уголовным делам, отнесенным к компетенции таможенных органов с контролирующими органами, реализующими в своей деятельности специальные функции и методы. Освещены особенности реализации такой формы взаимодействия, как содействие сотрудников контролирующих органов (органов санитарно-эпидемиологического, ветеринарного, карантинного фитосанитарного, радиационного контроля (надзора) таможенным органам при осуществлении дознания по делам о преступлениях в таможенной сфере.

Ключевые слова: содействие; контролирующие органы; таможенные органы; дознание; взаимодействие.

LEGAL BASES OF ASSISTANCE OF CONTROLLING BODIES TO CUSTOMS AUTHORITIES CARRYING OUT INQUIRY ON CUSTOMS CRIMES

A. A. Chepik

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

Issues of interaction and cooperation of customs authorities, carrying out inquiry on criminal cases within the competence of customs authorities with regulatory agencies that implement the special functions and methods are reviewed and analyzed. The study is based on the new provisions of the customs legislation, enshrined in the Customs Code of the Eurasian Economic Union, as well as the norms of criminal-procedural legislation of the Republic of Belarus. Features of realization of such form of interaction as assistance of employees of controlling bodies (bodies of sanitary-epidemiological, veterinary, quarantine phytosanitary, radiation control (supervision)) to customs authorities in the implementation of inquiry on cases of crimes in the customs sphere are highlighted.

Keywords: assistance; regulatory authorities; customs authorities; inquiry; interaction.

Содействие сотрудников контролирующих органов (органов санитарно-эпидемиологического, ветеринарного, карантинного фитосанитарного, радиационного контроля (надзора)) таможенным органам при осуществлении дознания по делам о преступлениях в таможенной сфере является одной из важных форм взаимодействия таможенных органов, предусмотренных Договором о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года [1], Таможенным кодексом Евразийского экономического союза [2], а также национальным законодательством государств-членов Евразийского экономического союза (далее – Союз).

Ст. 354 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза определено, что таможенные органы являются органами дознания и (или) следствия по делам о преступлениях или уголовных правонарушениях, производство по которым отнесено к ведению таможенных органов в соответствии с законодательством государств-членов Союза.

В Республике Беларусь к преступлениям, отнесенным к компетенции таможенных органов относятся [3, с.285]: контрабанда (ст.228 Уголовного кодекса

Республики Беларусь); незаконное перемещение товаров через таможенную границу (ст. 228-1 Уголовного кодекса Республики Беларусь); незаконные экспорт или передача в целях экспорта объектов экспортного контроля (ст. 229 Уголовного кодекса Республики Беларусь); невозвращение на территорию Республики Беларусь историко-культурных ценностей (ст. 230 Уголовного кодекса Республики Беларусь); уклонение от уплаты таможенных платежей (ст. 231 Уголовного кодекса Республики Беларусь); незаконное перемещение через таможенную границу Евразийского экономического союза или Государственную границу Республики Беларусь наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров или аналогов (ст. 328-1 Уголовного кодекса Республики Беларусь); незаконное перемещение через таможенную границу Евразийского экономического союза или Государственную границу Республики Беларусь сильнодействующих, ядовитых, отравляющих веществ, радиоактивных материалов, огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств, оружия массового поражения или средств его доставки, а также иных видов вооружения и военной техники (ст. 333-1 Уголовного кодекса Республики Беларусь) [4].

Согласно ст. 368 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза, таможенные органы в целях выполнения возложенных на них задач и осуществления функций взаимодействуют между собой, а также с государственными органами, иными органами и организациями. В соответствии со ст. 318 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза в целях ускорения таможенный досмотр может проводиться с участием контролирующих органов. При этом таможенные органы обеспечивают общую координацию проведения контроля. Ст. 7 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза предусмотрено, что перемещение товаров через таможенную границу Союза осуществляется с соблюдением запретов и ограничений и обязательным участием органов санитарно-эпидемиологического, ветеринарного, карантинного, фитосанитарного, радиационного контроля (надзора), которые обязаны проверить и подтвердить соблюдение запретов и ограничений.

В нашей республике взаимоотношения таможенных органов с иными субъектами при осуществлении правоохранительной деятельности более подробно регулируются уголовно-процессуальным законодательством [5]. В соответствии с ч. 2 ст. 103 Уголовно-процессуального Кодекса Республики Беларусь орган уголовного преследования вправе вызывать любое лицо для проведения следственных и других процессуальных действий; требовать от предприятий, учреждений, организаций, объединений, государственных инспекций, должностных лиц и граждан представления предметов и документов, имеющих значение для дела; требовать производства ревизий и проверок от соответствующих органов и должностных лиц. В соответствии же с ч. 4 ст. 103 Уголовно-процессуального Кодекса Республики Беларусь любые юридические лица могут представлять доказательства. Согласно ч. 3 ст. 227 Уголовно-процессуального Кодекса Республики Беларусь, предусмотрено получение и использование следователем, органом дознания заключений ведомственных инспекций, актов ревизий, консультаций специалистов. Кроме того, уголовно-процессуальным законодательством предусмотрено право органов уголовного преследования давать поручения, требовать содействия, знакомиться с материалами, имеющими отношение к расследуемому делу. Соответствующие постановления дознавателя обязательны к исполнению всеми предприятиями, учреждениями, организациями, объединениями, государственными инспекциями, любыми должностными лицами и гражданами (ч. 4 ст. 39 Уголовно-процессуального Кодекса Республики Беларусь).

На практике такое содействие выражается в участии сотрудников контролирующих органов (органов санитарно-эпидемиологического, ветеринарного, ка-

рантинного фитосанитарного, радиационного контроля (надзора) и др.) в подготовке и проведении конкретных действий и мероприятий и заключается в непосредственной практической помощи тактического, организационно-технического и информационного характера, оказываемой таможенному органу, осуществляющему дознание. Содействие, как правило, обуславливается сложностью реализуемых мероприятий; большим количеством и многокомпонентностью исследуемых объектов; необходимостью использования специальных возможностей конкретных контролирующих органов.

Анализ законодательства и практической деятельности позволяет выделить следующие основные варианты содействия таможенным органам при осуществлении дознания:

содействие таможенным органам результатами производимых в процессе дознания проверочных и иных действий. В этом случае получаемые, например, органами санитарно-эпидемиологического, ветеринарного, карантинного фитосанитарного, радиационного контроля (надзора) данные подлежат обязательному согласованию с планом деятельности таможенных органов, учитываются ими. В подобных ситуациях результаты деятельности контролирующих органов являются одним из важных средств установления фактов, используемых в дальнейшем таможенными органами. При этом для контролирующих органов характерно систематическое выполнение функций [6], которые в какой-то степени сходны с функциями таможенных органов, осуществляющих дознание. Имея огромный опыт их реализации, контролирующие органы располагают для этого и специальными знаниями, которые при необходимости используются таможенными органами при осуществлении дознания;

содействие контролирующих органов таможенным органам при осуществлении дознания в таких случаях, когда их проверочные, ревизионные и иные действия, начатые до возбуждения уголовного дела, еще продолжаются. В этом случае возникает необходимость в согласовании деятельности по завершению проверочных, ревизионных и других действий. Перед взаимодействующими органами в такой ситуации может стоять одна и та же задача – необходимость выяснения одних и тех же факторов, криминогенных обстоятельств. На практике это приводит или к совместному осуществлению деятельности (привлечение к участию в проводимых проверках, к отбору документов и т.д.), или к согласованию действий, при помощи которых будут устанавливаться необходимые факты. Контролирующие органы проводят проверки, обследования, ревизии, создающие реальную возможность для выявления всех обстоятельств преступного события, для установления причин и условий, способствовавших его наступлению, а также выполняют и другие действия, результаты которых в полной мере используются таможенными органами при проведении дознания. Такое совместное исследование одних и тех же факторов, содействие в их познании и есть взаимодействие, которое предполагает согласование планов деятельности, учет действий каждого для решения общей задачи, получение и обмен информацией, более успешное проведение совместных действий и т.д.;

содействие в изучении, анализе документальных и иных материалов, послуживших основанием для возбуждения уголовного дела или содержащих информацию о криминогенных обстоятельствах, которые отражаются, например, в особенностях технологического процесса, в структуре деятельности предприятия и т.д. В такой ситуации возникает потребность в уяснении и разъяснении существующих особенностей, специфики исследуемых таможенными органами в процессе дознания явлений: по предложению таможенного органа, осуществляющего дознание, собираются дополнительные материалы; определяется точное местонахождение источников необходимой для успешного завершения до-

знания информации; выполняется работа по дополнительному исследованию тех или иных фактов.

Знание и эффективное использование указанных вариантов содействия контролирующих органов (органов санитарно-эпидемиологического, ветеринарного, карантинного фитосанитарного, радиационного контроля (надзора) и др.) таможенными органами при осуществлении дознания, более глубокая их разработка и непрерывное совершенствование, способно максимально активизировать и повысить эффективность работы по расследованию и профилактике преступлений в сфере таможенного дела.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Договор о Евразийском экономическом союзе (вместе с Приложениями 1–33) (ред. от 08.05.2015) [Электронный ресурс] : [подписан в г.Астане 29.05.2014] // Консультант-Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
2. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (Приложение №1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) [Электронный ресурс] : Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр»/КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
3. Чепик, А.А. Таможенное право : учеб. пособие / А.А. Чепик. – Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2018. – 350 с.
4. Чепик, А.А. Теоретические и правовые основы правоохранительной деятельности таможенных органов Республики Беларусь / А.А.Чепик. – Минск : БГУ, 2012. – 98 с.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З : в ред. Закона Республики Беларусь от 17.07.2018 № 131-З.) // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь. – Минск, 2019.
6. Чепик, А.А. Функции государственных инспекций, используемые таможенными органами для решения профилактических задач / А.А.Чепик. // Актуальные вопросы таможенного дела: научные труды кафедры таможенного дела. — Минск: Изд. центр БГУ, 2012. — Вып. 2. — С. 52—61.

ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЦИФРОВОГО ПРОСТРАНСТВА ЕАЭС: ТАМОЖЕННЫЙ АСПЕКТ

А. В. Шиманская

*Минская региональная таможня, ул.Могилевская 43, 220007, г. Минск, Беларусь,
nastusha2711@rambler.ru*

На базе реализуемых цифровых инициатив ЕАЭС рассмотрены перспективы создания цифрового пространства ЕАЭС. Определено значение реализации таких цифровых инициатив как интероперабельность, оборот данных, цифровая торговля, цифровая прослеживаемость и цифровые транспортные коридоры для таможенной сферы. Выделены направления для практической реализации указанных инициатив, в том числе некоторые проблемы, которые должны быть решены в ближайшее время, с целью избежать риска потери места стран ЕАЭС на мировой арене. Показана взаимосвязь и взаимодополняемость цифровых инициатив ЕАЭС. Для обеспечения мировой тенденции по реализации концепции бесшовной безбумажной торговли предложено создание цифровой торговой платформы ЕАЭС на основе перспективных результатов реализации цифровых инициатив.

Ключевые слова: цифровое пространство ЕАЭС; цифровая инициатива; интероперабельность; оборот данных; цифровая прослеживаемость; цифровые транспортные коридоры; цифровая торговая платформа.

PROSPECTS OF THE FORMING THE EEU DIGITAL SPACE: CUSTOMS ASPECT

A. V. Shimanskaya

Minsk regional Customs, Mogilyovskaya St. 43, 220007, Minsk, Belarus

Based on the implemented digital initiatives of EEU, the prospects of creating a digital space of EEU are considered. The importance of implementing digital initiatives such as interoperability, data traffic, digital commerce, digital traceability and digital transport corridors for the customs sector is determined. Directions for the practical implementation of these initiatives have been identified, including some problems that should be resolved in the near future in order to avoid the risk of losing the EEU countries position in the world arena. The interconnection and complementarity of the digital initiatives of the EEU is shown. To ensure the global trend for the implementation of the concept of seamless paperless trading, the creation of the EEU digital trading platform based on the promising results of the implementation of digital initiatives has been proposed.

Key words: EEU digital space; digital initiative; interoperability; data turnover; digital traceability; digital transport corridors; digital trading platform.

Мировая тенденция цифровой трансформации экономики охватывает с каждым годом все больше стран. Мир становится более инклюзивным, а связи в нем все более тесными. Как развивающееся интеграционное объединение ЕАЭС вступил в новую фазу, главную роль в которой играет информация. Несколько лет назад на высшем уровне была поставлена задача по созданию цифрового пространства ЕАЭС.

На сегодняшний день сформирована необходимая правовая основа для реализации поставленной задачи по формированию единого цифрового пространства ЕАЭС. Подписание Заявления о цифровой повестке ЕАЭС и Решения Высшего Евразийского экономического совета от 26 декабря 2016 г. № 21 «О формировании цифровой повестки Евразийского экономического союза» повлекли за собой утверждение Основных направлений реализации цифровой повестки ЕАЭС до 2025 года. Также установлен формат и структура предоставления информации об инициативе и порядок проработки инициатив в рамках реализации цифровой повестки ЕАЭС.

Тем не менее, очень важным шагом стало принятие на уровне ЕАЭС решения о необходимости реализации конкретных практических шагов по цифровой трансформации в различных областях и сферах. Речь идет о цифровых инициативах:

- интероперабельность,
- оборот данных,
- цифровая прослеживаемость,
- цифровые транспортные коридоры,
- цифровая промышленная кооперация,
- цифровая торговля,
- трансфер цифровых технологий,
- «регулятивные песочницы» [1].

Считаем целесообразным обратить внимание на тот факт, что многие инициативы в определенной степени касаются таможенной сферы. Именно общность вопросов таможенного регулирования стала основой для формирования таможенного союза, а впоследствии создания и экономического союза стран ЕАЭС.

Следует также отметить, что все указанные инициативы находятся в стадии реализации и проработки проектов в рамках каждой конкретной цифровой инициативы. Рассмотрим некоторые из них.

Интероперабельность предполагает наличие бесшовного цифрового пространства с упрощенными административными процедурами и обеспечением повторного использования данных. В то же время много внимания уделяется в ЕАЭС внедрению механизма «единого окна» во внешнеторговую деятельность стран-членов. При этом в глобальном потоке данных сегодня действительно важное значение придается системе «единого окна», позволяющей на базе единой платформы беспрепятственно обмениваться информацией и данными в области внешней торговли, как между государственными ведомствами, так и с участниками ВЭД, предоставляя необходимые данные в систему единожды. Тем не менее, в этом направлении отмечается множество проблем, т.к. ни в одной из стран-участниц механизм «единого окна» не функционирует в полном объеме. Есть проблемы с внедрением электронного документооборота, отсутствием заинтересованности государственных органов и бизнес-сообщества, отсутствием стандартизированных электронных форм некоторых внешнеторговых документов и др. При этом интероперабельность предполагает возможность объединения подобных механизмов. В условиях неполноценного внедрения национальных механизмов «единого окна» в странах-членах еще более остро стоит проблема интеграции систем «единого окна» стран-членов ЕАЭС в единую платформу.

Цифровая инициатива оборота данных предполагает накопление массива данных в различных сферах для получения дополнительной добавленной стоимости на основе анализа больших данных и, таким образом, ожидается повысить эффективность управления. На наш взгляд, это базовая цифровая инициатива, без реализации которой невозможно построить единое цифровое пространство ЕАЭС. В первую очередь, необходимо полностью перевести все процессы на электронный документооборот, что весьма сложно, учитывая отсутствие на сегодняшний день большого количества утвержденных электронных форматов документов из различных сфер. Важным элементом в реализации данной инициативы стало создание Евразийской открытой модели информационной интеграции – формализованного описания требований к информационному взаимодействию в электронной форме в ЕАЭС на основе унифицированных подходов. Это обеспечивает модельный стандартизированный подход к процедуре обмена данными и документами в рамках любого общего процесса ЕАЭС (процесса, который начинается на территории одного государства-члена ЕАЭС и (или) заканчивается (изменяется) на территории другого государства-члена ЕАЭС) [2]. В качестве базы для создания цифровой платформы используется Интегрированная информационная система ЕАЭС. Также наполняется функционалом Информационный портал ЕАЭС. На Портале общих информационных ресурсов и открытых данных открытые данные сгруппированы по основным направлениям деятельности ЕАЭС:

- общий рынок медицинских изделий,
- техническое регулирование,
- таможенно-тарифное и нетарифное регулирование,
- таможенное регулирование,
- санитарные меры,
- ветеринарно-санитарные меры,
- нормативно-справочная информация,
- общий рынок лекарственных средств [3].

Следует отметить, что анализируя имеющиеся информационные ресурсы, например, такие как реестр электронных данных и документов, утвержденные общие процессы и т.д., прослеживается ситуация, когда большинство из них отнесены к таможенной сфере. Безусловно, это та сфера, где страны ЕАЭС имеют

большее количество общих точек соприкосновения. Поэтому логично предположить, что необходима первоочередная цифровая трансформация таможенной сферы.

Хотелось бы выделить такие инициативы, как цифровая торговля, цифровая прослеживаемость товаров и цифровые транспортные коридоры. В настоящее время представляется уместным рассматривать вопрос о необходимости построения цифровых торговых платформ и организации бесшовной безбумажной торговли. Некоторые страны уже преуспели в данной области. Например, Сингапур на базе действующей системы Единого окна TradeNet и платформы информационного взаимодействия TradeXchange запустил Национальную торговую платформу, являющуюся уникальной безбумажной торговой средой. Подобные платформы действуют также в США (ACE), Южной Корее (совместное функционирование таможенной системы UniPass и системы Единого окна, обеспечивающие концепцию безбумажной бесшовной торговли).

В свою очередь, инициатива цифровой торговли предполагает создание электронных торговых площадок с возможностью беспрепятственного выхода на глобальные рынки и быстрого реагирования на изменения условий торговли, а также нацеленность на запросы конкретных потребителей. С экономической точки зрения данные условия положительно скажутся на увеличении объемов рынка ЕАЭС.

Считаем, что с данной инициативой очень тесно связана цифровая прослеживаемость товаров, которая позволит отследить жизненный цикл продукции от момента производства вплоть до момента доставки потребителю и послепродажного обслуживания. Современные системы и технологии позволяют получать, накапливать и предоставлять данные о товаре в любой момент его жизненного цикла. С точки зрения торговли это позволит вести эффективную борьбу с контрафактной продукцией, повышать сбор таможенных и налоговых платежей и, в целом, сократить издержки на получение и подтверждение документальных запросов о достоверности данных о товаре.

Значительную часть в процессе торговли, особенно когда речь идет о внешней торговле, занимает процесс транспортировки. Гарантированно безопасный транзит по территории ЕАЭС можно обеспечить путем реализации цифровой инициативы цифровые транспортные коридоры. Существующие спутниковые системы прослеживаемости за транспортными средствами способны передавать в режиме онлайн информацию о перевозке товаров конкретным транспортным средством и, в том числе, о состоянии товаров в процессе перевозки. Однако, несмотря на наличие технологии, предстоит значительная работа по созданию системы национальных операторов пломбирования в странах ЕАЭС, которые будут уполномочены на установку электронных пломб с системой отслеживания, и организации информационного обмена между ними. При этом важным условием является переход на полный электронный документооборот в области транспортных перевозок, как минимум касающихся транзитных перевозок между странами ЕАЭС. Так, уже сейчас в большинстве стран ЕАЭС осуществляется переход на электронную товарно-транспортную накладную (e-CMR).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что ближайшие перспективы формирования цифрового пространства ЕАЭС выражаются в реализации цифровых инициатив. Имея единую общую цель по созданию цифрового пространства стран ЕАЭС, цифровые инициативы взаимосвязаны между собой и в той или иной степени касаются таможенной сферы. Представляется, что реализация таких инициатив как интероперабельность, оборот данных, цифровая торговля, цифровая прослеживаемость, цифровые транспортные коридоры, позволят обес-

печатать реализацию концепции бесшовной безбумажной торговли в ЕАЭС и сформировать цифровую торговую платформу ЕАЭС.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Цифровая повестка ЕАЭС [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/SiteAssets/Цифровая%20повестка%20Стратегическое%20видение.pdf>. – Дата доступа: 05.09.2019.
2. Евразийская открытая модель информационной интеграции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eomi.eaeunion.org/ru/#/>. – Дата доступа: 15.07.2019.
3. Портал общих информационных ресурсов и открытых данных [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://portal.eaeunion.org/ru-ru/public/oir-od.aspx>. – Дата доступа: 15.07.2019.

ЗНАЧЕНИЕ ТРАНСПОРТНЫХ УСЛУГ ДЛЯ УГЛУБЛЕНИЯ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Т. А. Ястреб

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, yastreb@bsu.by*

В статье рассматривается проблематика формирования общего рынка транспортных услуг и единого транспортного пространства Евразийского экономического союза. Обосновывается значение транспорта и транспортных услуг для развития интеграционного объединения. Отмечены достижения Евразийского экономического союза по формированию общего рынка транспортных услуг, а также выявлены проблемные вопросы. Предложены перспективные направления дальнейшего развития рассматриваемого процесса в целях углубления евразийской интеграции.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз; единое транспортное пространство; интеграционное объединение; общий рынок транспортных услуг; транспорт.

THE SIGNIFICANCE OF TRANSPORT SERVICES FOR EURASIAN INTEGRATION DEEPENING

T. A. Yastreb

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article considers the problems of forming the Common transport services market and the Single transport space of the Eurasian Economic Union. The importance of transport and transport services for the development of an integration association is substantiated. The achievements of the Eurasian Economic Union in the formation of the Common transport services market were noted, as well as problematic issues were identified. Perspectives of the further development of the process under consideration in order to deepen Eurasian integration are proposed.

Key words: Eurasian Economic Union; Single transport space; integration association; Common market for transport services; transport.

В условиях нарастания глобальных вызовов и усиления глобальной конкуренции эффективным форматом межгосударственного взаимодействия является создание интеграционных объединений. Важное внимание в рамках развития данных процессов уделяется вопросам транспортной интеграции.

В разрезе экономики отдельной страны транспорт является стратегической отраслью и ключевым фактором развития. Его целью является не только полу-

чение прибыли вследствие предоставления услуг, но и обеспечение запаса национальной экономики в перемещении различных видов грузов и пассажиров. От эффективного функционирования транспортной отрасли зависит уровень и скорость развития иных отраслей экономики (промышленности, сельского хозяйства, строительства и т.д.). Транспорт является необходимым условием осуществления внешнеэкономической деятельности и международного разделения труда. В целом транспортная отрасль оказывает непосредственное влияние как на экономические, так и социальные процессы, происходящие в государстве.

Одновременно транспорт и транспортные услуги – основа создания и развития региональных экономических блоков. Функционирование любого интеграционного объединения объективно невозможно без создания единого транспортного пространства и общего рынка транспортных услуг. Это обусловлено тем, что в их рамках обеспечивается не только свободное движение товаров, но и повышается эффективность такого перемещения (в т.ч. за счет устранения таможенных формальностей, облегчения доступа на рынок, гармонизации или унификации требований), создаются новые производства и рабочие места, упрощается мобильность рабочей силы. Данный тезис подтверждается исследованиями российского ученого А.А. Леснякова, который считает, что «транспорт выступает одной из предпосылок к образованию интеграционного объединения, фактором его формирования и условием эффективного развития» [1, с. 49].

При этом в условиях отсутствия необходимой транспортной инфраструктуры развитие интеграционных объединений замедляется. Примером этому выступает опыт МЕРКОСУР, который практически не развивался после достижения определенного интеграционного уровня именно по данной причине [1, с. 13]. В то же время интеграционный успех ЕС, который признается самым развитым интеграционным блоком мира, достигнут в том числе и за счет продуманного, целенаправленного построения общего рынка транспортных услуг.

Отметим, что, как правило, в рамках интеграционных объединений, либерализация торговли услугами начинается гораздо позднее, чем либерализация торговли товарами. Так, например, либерализация транспортных услуг в ЕС началась только лишь в 80-е гг. XX в. [2]. Такая же ситуация характерна и для евразийского интеграционного проекта.

В науке термин «общий рынок транспортных услуг интеграционного объединения» изучен недостаточно. Поэтому обратимся к его определению, зафиксированному в Договоре о Евразийском экономическом союзе. Согласно п. 2 Протокола о скоординированной (согласованной) транспортной политике (приложение № 24 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года), «общий рынок транспортных услуг – форма экономических отношений, при которых создаются равные и паритетные условия оказания транспортных услуг, особенности функционирования рынка которых по видам транспорта определяются настоящим Протоколом, а также международными договорами в рамках Союза» [3].

В рамках формирования общего рынка транспортных услуг ЕАЭС введены в действие единые (унифицированные) железнодорожные страновые тарифы, установлены пределы изменений тарифов на железнодорожные грузоперевозки внутри ЕАЭС. Создано АО «Объединенная транспортно-логистическая компания Евразийский железнодорожный альянс», определены правила доступа перевозчиков государств-членов на сопредельные участки железнодорожной инфраструктуры других государств-членов Союза. Транспортный контроль перенесен на внешнюю границу ЕАЭС, отменена разрешительная система при осуществлении автомобильных перевозок между государствами-членами

Союза, принята программа поэтапной либерализации каботажных автоперевозок в ЕАЭС на 2016-2025 гг. [4]. Подписано Соглашения о судоходстве.

Несмотря на ряд достаточно конструктивных шагов, предпринятых для формирования общего рынка транспортных услуг и единого транспортного пространства ЕАЭС, отмечаются определенные сложности. Выделим некоторые из них. Так, решение о либерализации каботажных перевозок реализуется медленно и только отдельными странами ЕАЭС, что является определенным препятствием созданию рынка автомобильных перевозок Союза. На данном этапе правила каботажа в определенной степени можно рассматривать в качестве протекционистской меры, устранение которой будет способствовать углублению евразийской интеграции.

На безразрешительной основе осуществляются грузоперевозки внутри ЕАЭС, в т.ч. транзитные перевозки через территорию иных государств-членов. Однако в условиях сдержанного роста товарооборота между странами ЕАЭС, выгоды от безразрешительной системы ниже ожидаемых.

Также отмечаются различия в нормативной правовой базе государств-членов ЕАЭС в части технических требований, что обуславливает различные подходы к регулированию транспортной отрасли. Для снятия данной проблемы необходима скорейшая подготовка соответствующего международного договора. Развитию интеграционных процессов в сфере транспорта в ЕАЭС будет способствовать и унификация перевозочных документов.

Высокое качество транспортных услуг обуславливается рядом факторов, в т.ч. уровнем транспортной инфраструктуры. Необходимо отметить, что в ЕАЭС отмечаются диспропорции в развитии транспортной инфраструктуры, достаточно высокий износ транспортных средств, подвижного состава.

С учетом того, что от уровня транспортной инфраструктуры зависит конкурентоспособность страны (региона, интеграционного объединения), при формировании общего рынка транспортных услуг ЕАЭС особое внимание следует уделить не только ее развитию, улучшению технического состояния транспортных сетей, увеличению пропускной способности грузонапряженных участков и увеличению скорости доставки, но и согласованию подходов государств-членов ЕАЭС к формированию и развитию транспортной инфраструктуры, а также повышению инфраструктурной связанности государств-членов ЕАЭС. Принимая во внимание активизацию процесса внедрения инновационного транспорта (электрического, беспилотного и т.д.) актуальным представляется создание соответствующей инфраструктуры (в первую очередь в сфере железнодорожного транспорта).

Таким образом, при формировании общего рынка транспортных услуг интеграционного объединения, в т.ч. ЕАЭС, важно не только устранить барьеры и ограничения при перемещении товаров, услуг и рабочей силы, но и повысить конкуренцию, уменьшить транспортную составляющую в цене товаров за счет снижения тарифов, внедрить инновации. Наряду с этим необходимо выработать единую правовую и институциональную систему, обеспечивающую дальнейшее увеличение мобильности товаров, услуг, факторов производства и углубление интеграционных процессов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Лесняков, А. А., Совершенствование механизма формирования единого транспортного пространства на территории Евразийского экономического союза (на примере автомобильных грузовых перевозок): Диссертация на соискание ученой степени кандидата

юридических наук. Специальность 08.00.14 – Мировая экономика / А. А. Лесняков; Науч. рук. М.Ф. Ткаченко. - Люберцы, 2018. – 170 с.

2. Ястреб Т.А. Опыт функционирования рынка транспортных услуг ЕС / Л.И. Тарарышкина, Т.А. Ястреб // Актуальные проблемы теории и практики таможенного дела в условиях международной экономической интеграции: сб. материалов Международной научной конференции, 20 марта 2019 г., Минск, Беларусь / БГУ, Фак. международных отношений, Каф. таможенного дела ; [редкол.: В. Г. Шадурский и др.]. – Минск : БГУ, 2019. С.158 – 165.

3. Договор о Евразийском экономическом союзе: [подписан в г. Астане 29.05.2014 г.]: с изм. от 15.03.2018 г. // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс]/ ООО «ЮрСпектр». – М., 2018.

4. Ястреб Т. А. Общий рынок транспортных услуг ЕАЭС: проблемы и перспективы формирования // Международные отношения: история, теория, практика : материалы IX науч.-практ. конф. молодых ученых фак. междунар. отношений БГУ, 1 февр. 2019 г. / редкол.: В. Г. Шадурский [и др.]. – Минск: Изд. центр БГУ, 2019 (в печати).

СЕКЦИЯ 8

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ И ОРГАНИЗАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ СВЯЗЕЙ

БЕЛАРУСКІЯ ЛІТАРАТАРЫ АБ ПРАФЕСІІ ДЫПЛАМАТА

І.М. Аўласенка

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь, AvlasenkIM@bsu.by*

На аснове асабістых дакументаў, апублікаваных інтэрв'ю, а таксама ўспамінаў высветлены погляд на асаблівасці прафесіі дыпламата тых беларускіх пісьменнікаў, што прымалі асабісты ўдзел у рабоце Генеральнай Асамблеі ААН у складзе дэлегацыі Беларускай ССР. У рабоце прыведзеныя думкі І.П. Шамякіна, Р.І. Барадуліна, Г.М. Бураўкіна. Паказана разнастайнасць ацэнак літаратараў, зыходзячы з іх асабістага жыццёвага вопыту.

Ключавыя словы: пісьменнік; паэт; дыпламатыя; Беларуская ССР; Арганізацыя Аб'яднаных Нацый; Генеральная Асамблея; «халодная вайна».

BELARUSIAN WRITERS ABOUT THE PROFESSION OF THE DIPLOMAT

I.M. Aulasenka

Belarusian State University, Niezalieznasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The view on the features of the profession of diplomat from those Belarusian writers who was personally involved in the work of the UN General Assembly with a delegation of the Byelorussian SSR was clarified on the basis of their personal documents, published interviews and memories. The paper presents the views of I.P. Shamyakin, G.I. Borodulin, G.N. Buravkin. The variety of their evaluations, based on personal experience, was shown.

Key words: writer; poet; literature; diplomacy; Byelorussian SSR; Organization of the United Nations; General Assembly; Cold War.

За паўстагоддзя знешнепалітычнай актыўнасці БССР запрашэнне літаратараў у склад беларускай дэлегацыі на Генеральную Асамблею ААН атрымала характар ўстойлівай традыцыі. З 1945 г. па 1990 г. беларускія пісьменнікі і паэты прынялі ўдзел амаль ва ўсіх сесіях гэтага органа, з некалькімі невялікімі перапынкамі [10, с. 9–10]. Яны не толькі ўдзельнічалі ў рабоце асобных камітэтаў Генеральнай Асамблеі, але і выступалі на пленарных пасяджэннях. Той факт, што ў знешнепалітычнай дзейнасці БССР былі задзейнічаны не прафесійныя дыпламаты, а творчыя людзі – літаратары, прымушае звярнуцца да прыватнага аспекту гэтай праблемы. Як чалавеку спалучыць амплуа пісьменніка і дыпламата? Дзе знаходзіцца залатая сярэдзіна? Бо любы пісьменнік – гэта творца, які павінен быць незалежным у сваіх ацэнках, які выказвае найперш сваю асабістую пазіцыю. А дыпламат (які б красамоўным ён ні быў) – гэта перадусім чыноўнік, які служыць інтарэсам сваёй дзяржавы і даносіць не сваю ўласную, а афіцыйную пазіцыю. Як знасці кампраміс паміж гэтымі двума пачаткамі?

Праца дыпламата заўжды мае пэўную дваістасць. З аднаго боку, гэта майстэрства наладжваць кантакт, майстэрства пазіцыяніраваць сябе і сваю краіну. З іншага боку, у дыпламатычнай дзейнасці заўжды ёсць пэўны працэнт няшчы-

расці, штучнасці. Кампліменты, якія дыпламат выказвае на афіцыйных прыёмах, найчасцей з'яўляюцца не шчырым выказваннем асабістай пазіцыі, а фармальным элементам камунікацыі, адсутнасць якога можа прывесці да сур'ёзнага крызіса ў дыпламатычных адносінах. Больш за тое, тыя думкі, якія дыпламат выказвае, таксама найчасцей з'яўляюцца не яго асабістымі думкамі, а пазіцыяй дзяржавы, адступаць ад якой чыноўнік не мае права. Назіранне за такой раздвоенасцю людзей, адчужанасцю ад свайго асабістага «Я» таксама падштурхоўвала пісьменнікаў і паэтаў да роздуму, бо менавіта гэтыя з'явы супярэчылі галоўнаму імкненню творчага чалавека – быць самім сабой і выказаць тую думку, якую палічыш патрэбнай. Разважанні аб прафесіі дыпламата, яе сумяшчальнасці з творчай працай маюцца ў спадчыне некаторых беларусіх пісьменнікаў. У гэтай рабоце былі выкарыстаныя асабістыя дакументы пісьменнікаў, апублікаваныя інтэрв'ю, а таксама ўспаміны іх калег або родзічаў [1; 3; 7].

Як сведчаць крыніцы, літаратары па-рознаму ставіліся да выканання сваіх дыпламатычных абавязкаў. Большасць пісьменнікаў і паэтаў, што ўдзельнічалі ў сесіях Генеральнай Асамблеі, нягледзячы на пэўныя цяжкасці, з адказнасцю адносіліся да сваёй дыпламатычнай місіі. Добра характарызуюць іх падыход словы І.П. Шамякіна: «Я сапраўды трохі скептычна ставіўся да сваёй нечаканай дыпламатычнай дзейнасці. Які з мяне дыпламат! Але седзячы ў круглай зале пленарных пасяджэнняў, дзе сабраліся прадстаўнікі ўсіх народаў, белыя, жоўтыя, чорныя..., я адчуў, наколькі гэта адказна – прадстаўляць на сусветным форуме свой народ, сваю рэспубліку» [8, с. 122]. Вядомым вобразным адлюстраваннем дыпламатычнай місіі паэта сталі радкі П.Е. Панчанкі з кнігі «Нью-Ёрскія малюнкi»:

Я пабываў на форуме народаў,
Краіны роднай сціплы прадстаўнік...
ААН стаіць блакітнай глыбай лёду,
Саракавы паверх у хмарах знік [5, с. 30].

Але ёсць сведчанні пра асобныя выпадкі, калі празмерны знешні кантроль выклікаў адкрытае супраціўленне з боку некаторых пісьменнікаў-дэлегатаў. У прыватнасці, папярэдне ўзгадняць свае прамовы з кіраўніцтвам дэлегацыі і партыйнымі органамі адмаўляліся А.А. Куляшоў і А.Я. Макаёнак. Паводле успамінаў сына М. Танка, на пагрозу выключыць Макаёнка са складу дэлегацыі апошні адказаў: «Ну і чорт з ёй, з гэтай Амерыкай!» [3] У выніку драматург на Генеральную Асамблею ААН паехаў, але з прамовай не выступаў.

Праца чыноўніка мае сваю спецыфіку – арыентаванасць на выкананне правілаў бюракратычнай арганізацыі і дасягнення пастаўленых мэтаў у гэтай сістэме; у той час як спецыфіка работы літаратара неразрыўна звязана з творчай індывідуальнасцю і ініцыятывай, якую часам цяжка праяўляць у бюракратычнай сістэме. Ступень адаптацыі і ацэнкі ўласнай дыпламатычнай дзейнасці ў кожнага літаратара-дэлегата была свая. Яна залежала ад асабістага вопыту, ад канкрэтнага перыяду камандзіроўкі, а таксама ад псіхалагічных якасцей чалавека. Але шэраг прыватных дакументаў пісьменнікаў і паэтаў сведчаць пра тое, што ім даволі цяжка было звыкнуцца з роляй дыпламата – чыноўніка. Характэрным адлюстраваннем дылемы пісьменніка-дыпламата можа паслужыць дзённікавы запіс Р.І. Барадзіна за лістапад 1984 г., напрыканцы знаходжання ў Злучаных Штатах на 39й сесіі Генеральнай Асамблеі ААН: «Месяц застаўся да адлёту, і такі стан наступае, што ні да чаго рукі. Відаць, перыядычна трэба праходзіць праз такі чыснец, каб пасля болей цаніць магчымасць распараджацца сабой, рабіць, што хочаш, хадзіць, куды хочаш, апрацаваць, як хочаш. Гэтае невялікае і

дужа вялікае права пачынаеш цаніць, калі губляеш яго хоць на момант. Ніколі б з мяне не выйшаў вайсковец, які паступова ідзе ўгору па прыступках пагонаў, па паркету ці палозе прасветаў, дзе залатымі цвічкамі зоркі ўбітыя. І чым яны большыя, тым на душы святлее. Пра чыноўніка і казаць не даводзіцца» [1, с. 168–169].

У запісах Р.І. Барадуліна сустракаецца і роздум пра асаблівасці лёсу дыпламата, пра цяжкасці гэтай прафесіі, нягледзячы на прэстыж, і пра тыя ахвяры, на якія даводзіцца ісці людзям, што выбралі гэты жыццёвы шлях. «Самі наплылі пытанні, колькі сярэдні ўзрост жыцця дыпламатаў, у якіх 99% на самаз'яданне, самасачэнне, самаабслугоўванне, адным словам. Ды планаванне сям'і па разліку, каб падыходзіла, каб выяздная была жонка. І аднаго працэнта не застаецца на дзяржаўную, асноўную працу, для якой пасылаюцца, за якую дзяржава плоціць валюту... Сумна, але так» [1, с. 164] У асабістых дакументах М. Танка, П.Е. Панчанкі, І.П. Шамякіна канстатаваўся вельмі напружаны графік дэлегатаў Генеральнай Асамблеі, які ахопліваў і працу на сесіі, і ўдзел у дыпламатычных прыёмах, і выкананне бягучых тэхнічных заданняў (прагляд часопісаў, падтрыжку аналітычных справак і інш.) Многія літаратары падкрэслівалі немагчымасць выдаткоўнасць час на творчасць.

Тым не менш, нельга сказаць, што літаратары цалкам адмоўна адносіліся на працы на адміністрацыйных пасадах. Наадварот, многія з тых, хто прымаў удзел у рабоце сесіі Генеральнай Асамблеі ААН, займалі пасады ў кіраўніцтве Саюза пісьменнікаў БССР. Варта ўспомніць вопыт пісьменніка Э.М. Скобелева, які на працягу многіх гадоў сумяшчаў дыпламатычную працу і творчую актыўнасць. Цікавымі падаюцца думкі Г.М. Бураўкіна, які на працягу 4 гадоў (1990–1994 гг.) займаў пасаду пастаяннага прадстаўніка БССР (з 1991 г. – Рэспублікі Беларусь) пры Арганізацыі Аб'яднаных Нацый. Прычым досвед службовай дзейнасці ў паэта быў значна шырэйшым: у 1978–1990 г. ён ўзначальваў Дзяржаўны камітэт БССР па тэлебачанні і радыёвяшчанні. У 2011 г. пад час інтэрв'ю ў Бураўкіна З.К. Прыгодзіч спытаў: «Паэт і службовая кар'ера. Ці сумяшчальна гэта? Ці не прыводзіць гэта да нейкіх, перш за ўсё творчых страт, калі чалавек вымушаны займацца адміністрацыйнай работай?». Адказ паэта быў наступны: «Гэта цяжка сумяшчальна, але сумяшчальна. І, азіраючыся назад, я цяпер магу сказаць, што, канешне, мае службовыя абавязкі забралі ад мяне вельмі многа як ад аўтара вершаў. Я нават прыкінуў быў у свой час, што мая работа на Дзяржтелерадыё забрала ад мяне мінімум тры кніжкі. У мяне быў такі ўзрост, калі я спраўды мог зрабіць самае лепшае з таго, што хацеў, і не зрабіў. І ўжо не зраблю гэтага ніколі... Зноў жа не скажу, што вось гэтыя мае службовыя пасады, даволі высокія і значныя, што яны мне нічога не давалі. Яны мне давалі і давалі многа. У разуменні часу, у разуменні людзей, урэшце, у разуменні адносін чалавека і дзяржавы. І калі крытыкі адзначалі, што ў мяне, у маіх вершах, шырэй круггляд, то без майго службовага досведу гэтага хутчэй за ўсё не было б. Ну і не апошняе тое, што мае пасады давалі мне магчымасць выязджаць за мяжу. А гэта таксама спажыў і для творчасці» [7, с. 72].

Як правіла, літаратары (М.Ц. Лынькоў, Р.І. Барадулін, І.П. Шамякін, М. Танк) у сваіх нарысах, лістах, дзённіках адзначалі стомленасць ад удзелу ў сесіях, жаданне хутчэй паехаць дадому [4, с. 214–215]. Пабываўшы на палях Генеральнай Асамблеі ААН, П.Е. Панчанка «з цеплынёй» пачаў успамінаць марудныя пасяджэнні праўлення Саюза пісьменнікаў [6, с. 115]. Часам ацэнкі работы Генеральнай Асамблеі прымалі і камічныя формы, якія праявіліся ў апавяданнях М.Ц. Лынькова, вершах А.І. Вярцінскага і Р.І. Барадуліна [1, с. 170; 2, с. 311].

Чытаючы асабістыя ўражанні беларускіх літаратараў аб працы Генеральнай Асамблеі, можна пабачыць з іх боку шмат крытычных заўваг аб павольнасці

абмеркаванняў, замаруджанасці працэса прыняцця рашэнняў і неабавязковасці іх выканання. Характэрным прыкладам сталі разважанні І.П. Шамякіна з нарыса «Два месяцы ў Нью-Ёрку», у якім ён змясціў крытычны погляд на павольны працэс прыняцця рашэнняў у ААН: «Абвясчаюць: сем, семнаццаць, сорак дзве, шэсцьдзсят восем краін працуюць над праектам рэзалюцыі. Працуюць тыдзень, два. Тры і больш. І вось часам пасля такой «напружанай працы» выдаюць нагара «выкідыша» – адзін-два сказы, у лепшым выпадку два-тры абзацы, у якіх нічога канкрэтна не гаворыцца – адзначаецца, улічваецца. Рэкамендуецца. І пасля прыняцця такой рэзалюцыі пачынаюць выступаць і з усёй сур’ёзнасцю вітаць і віншаваць аўтараў, быццам яны гэтымі двума сказамі ашчаслівілі ўсё чалавецтва» [9, с. 128–129]. Але варта памятаць, што гэта погляд не прафесійнага дыпламата-чыноўніка, а чалавека творчага. Работа міжнародных арганізацый – вельмі складаны працэс, галоўнай мэтай якога з’яўляецца пошук кампрамісаў. І ён па сваім вызначэнні не можа быць хуткім. Задача дыпламата – максімальна эфектыўна знаходзіць кампрамісы ў гэтай сістэме балансу сіл. У сваю чаргу, задача пісьменніка – не даваць ацэнку самой працэдуры, а вызначаць каштоўнасці, прыцягваць увагу грамадства. Большасць літаратараў па вяртанні дадому апублікоўвалі вершы ці эсэ, прысвечаныя ўласным уражанням ад удзелу ў Генеральнай Асамблеі ААН і ад убачаных рэалій амерыканскага жыцця.

Такім чынам, беларускія літаратары ў сваіх асабістых дакументах па-свойму адлюстроўвалі як плюсы, так і мінусы прафесіі дыпламата. Тым не менш, яны падкрэслівалі значнасць і неабходнасць гэтай прафесіі, галоўнай задачай якой бачылі прадстаўленне Беларусі на міжнароднай арэне, пашырэнне вядомасці беларускай культуры, а таксама адстойванне нацыянальных інтарэсаў.

БІБЛІАГРАФІЧНЫ СПІС

1. Барадулін, Р.І. Дзённікі і запісы / Рыгор Барадулін. Вып. 4 : 1983–1988 / [заўвагі: Н. Давыдзенка, І. Сляповіч]. – 2017. – 377, [1] с., [4] л. іл.
2. Вярцінскі, А.І. Нью-Йоркская сірэна: публіцыст. нататкі / А.І. Вярцінскі. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1987. – 343 с.: іл.
3. Лашкевіч, К. Король преферанса, спикер парламента и поэт-классик. Максим Танк без глянца / К. Лашкевіч // TUT.by. – 17.09.2017. – Рэжым доступу: <https://news.tut.by/culture/560526.html>. – Дата доступу: 15.10.2019.
4. Лынькоў, М. Збор твораў / Міхась Лынькоў. – Мінск: Навука і тэхніка, 1981–1985. Т. 8: Лынькоў, М. Пісьмы, 1935–1975 / рэд. тома І.Я. Навуменка. – 1985. – 621, [1] с., [4] л. іл., партр.
5. Панчанка, П.Е. Нью-Йоркскія малюнкі / П.Е. Панчанка. – Мн.: Дзяржвыд БССР, 1960. – 77 с.
6. Панчанка, П.Е. Няспісанае сэрца (з запісных кніжак) / П.Е. Панчанка; уступнае слова С. Законнікава // Польша. – 2000. – №8. – С. 110–159.
7. Прыгодзіч, З.К. Постаці: гэткай шукаю цэлы век чэсці... / З.К. Прыгодзіч. – Выд. 2-е, дапоўненае і дапрацаванае. – Мінск : Дзелавы друк, 2017. – 335 с.
8. Шамякін, І.П. Два месяцы ў Нью-Ёрку / І.П. Шамякін // Польша. – 1964. – №3. – С. 121–139.
9. Шамякін, І.П. Два месяцы ў Нью-Ёрку / І.П. Шамякін // Польша. – 1964. – №4. – С. 112–133.
10. Aulassenka, I.M. Belarusian Writers at the Sessions of the United Nations General Assembly (1945–1990) / I.M. Aulassenka // БГУ. Международные отношения. – 2018. – №2. – С. 3–12.

ПОЛЬСКИЕ СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ О БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

М.М.Ботян

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, mbatsian@gmail.com*

Проанализированы несколько публикаций польских изданий «Газета wyborcza» (Gazeta Wyborcza), «Речь Посполита» (Rzeczpospolita), интернет-портала «Виртуальная Польша» (www.wp.pl), посвященных белорусско-российской интеграции. В них анализируются причины российской активности в углублении интеграции. Высказывается опасение в поглощении Беларуси Россией. Как альтернатива рассмотрена возможность получения Беларусью нефти из иных источников, что привело бы к уменьшению энергетической зависимости от России и избежанию возможного аншлюса.

Ключевые слова: белорусско-российская интеграция; публикация в «Коммерсанте»; нефть.

POLISH MEDIA ON BELARUSIAN-RUSSIAN INTEGRATION

M.M. Batsian

Belarusian State University, Niezalieźnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

Several publications of the Polish media “Gazeta Wyborcza”, “Rzeczpospolita”, internet po “Virtual Poland” (www.wp.pl), devoted to the Belarusian-Russian integration, were analyzed. They analyze the causes of Russian activity in deepening of the integration. Concern is expressed in the absorption of Belarus by Russia. As an alternative, Belarus considered the possibility of obtaining of oil sources, which would lead to a decrease in energy dependence on Russia and the avoidance of a possible 41 Anschluss.

Keywords: Belarusian-Russian integration, publication in the Kommersant, oil.

Польские средства массовой информации уделяют значительное внимание белорусской тематике. После российских СМИ по количеству и объему материалов о Беларуси следующими идут, пожалуй, польские медиа. Естественно, тема белорусско-российской интеграции, ставшая одним из ведущих нарративов последнего времени, не могла не занять значительного места на страницах польских газет, интернет-сайтах. Поляки очень ревностно относятся к интеграции Беларуси и России, они постоянно подчеркивают глубокую заинтересованность в существовании суверенного белорусского государства – самого большого соседа Польши на ее восточных границах. И их очень волнует возможное гипотетическое появление на этих границах Российской Федерации – государства, с которыми у Польши в силу в первую очередь исторического опыта весьма проблематичные отношения.

Самая многотиражная и авторитетная польская «Газета wyborcza» в одной из своих публикаций безапелляционно заявляет, что Президент Беларуси Александр Лукашенко «пожаловался... российским журналистам, что Россия хочет поглотить его страну. Действия Кремля подтверждают его опасения» [1]. Далее газета обращается к разговору в начале декабря минувшего года главы белорусского государства с Президентом России Владимиром Путиным на тему возможного снижения цен на российскую нефть, на что последний подчеркнул, что «могло бы быть и дешевле, но для этого «был бы нужен иной уровень интеграции обоих государств» [1].

По мнению издания, существуют три повода для «аппетита» Путина по отношению к Беларуси. Во-первых, «российско-белорусское «сожительство без брака стоит для России очень дорого» [1]. И приводит цифру 100 миллиардов долларов, которые стоило обеспечение Беларуси дешевым топливом в эпоху Пу-

тина. Это равнозначно половине суммы годовых затрат на содержание российской армии.

Во-вторых, у россиян уже уходит патриотическая горячка по поводу «Крым наш». А вместе с ней заоблачная популярность Путина. Поэтому, считает газета, возвращение этой популярности возможно в «малой победной войне», как это было с аннексией Крыма и агрессией в Грузии. Хотя войны может и не быть. «Хватило бы присоединить к империи новую провинцию «Минск наш» [1].

В качестве третьего повода для «аппетита» Путина газета называет расхожую точку зрения, что «белорусский вариант» помог бы Путину остаться хозяином Кремля и после 2024 года.

Наиболее развернутая публикация, посвященная белорусско-российской интеграции, появилась на интернет-портале «Виртуальная Польша» (www.wp.pl). Этот портал, пожалуй, ведущий на польском интернет-пространстве. Он отличается объективностью и всесторонностью своей информации. Публикация снабжена заголовком алармистского содержания «Россия поглотит Беларусь уже через три года. Парафирован план интеграции» [2]. Портал делает обширную ссылку на известную нашумевшую публикацию российской газеты «Коммерсант», которому, подчеркивается, удалось ознакомиться с неопубликованным документом, парафированным в начале сентября между Беларусью и Россией и предусматривающим «глубокую налоговую и энергетическую интеграцию обоих государств» [2]. И в случае вступления документа в жизнь уже через три года возникнет де-факто конфедерация Беларуси и России, «причем о равенстве обоих субъектов нечего даже и думать» [2].

Далее, ссылаясь на «Коммерсант», портал подробно излагает предусматриваемые в документе направления интеграции, которая окончательно должна завершиться в 2022 году:

- унификация налогового законодательства;
- образование общего рынка;
- создание общего Гражданского кодекса;
- унификация банковского надзора (при сохранении отдельных центральных банков);
- интеграция надзора за сельскохозяйственным рынком;
- объединение промышленной политики;
- создание общей таможенной политики (в том числе частичная интеграция таможенных служб и общая политика санкций);
- интеграция энергетических рынков.

Правда, в публикации указываются области, не предусматривающие интеграции, что, можно утверждать, противоречит алармистскому характеру заголовка. Это области:

- оборонной политики
- служб безопасности
- судопроизводства
- вопросов, находящиеся в компетенции министерств внутренних дел
- исполнительной власти.

В публикации «Виртуальной Польши» отмечается, что информация «Коммерсанта» вызвала в Беларуси скорее негативную реакцию. Особенно остро критически отреагировали на нее независимые интернет-порталы и интернавты. Приводится также официальная позиция властей. Портал цитирует высказывание пресс-секретаря Президента Беларуси Натальи Эйсмонт, которая отметила, что «интеграция с Россией носит исключительно экономический характер» [2].

В конце публикации портал задается вопросом: будет ли реализован план интеграции? Ответить на вопрос сложно, но «переговорная позиция Беларуси в переговорах с Россией в последнее время ослабла, чему способствовал, в частности, налоговый маневр» [2]. Много зависит от того, насколько сильным будет российский нажим на Минск. Судя по внутренней ситуации в самой России, он может быть значительным. «И это нехорошая информация для Польши» [2], - делает вывод портал, который можно назвать как бы квинтэссенцией позиции РП по отношению к белорусско-российской интеграции.

Во всех публикациях польских СМИ, посвященных белорусско-российской интеграции, прямо или косвенно подчеркивается, что камнем преткновения для Беларуси является российская нефть и цены на нее. А газета «Жечпосполита» (*Rzeczpospolita*) идет дальше и посвящает свою публикацию под заголовком «Нефть из Гданьска?» [3] возможным поставкам «черного золота» из Польши. В публикации отмечается, что «в конце сентября президент Беларуси заявил, что покупка российской нефти для Минска все менее выгодна» [3]. Из года в год нефть будет дорожать из-за изменений, введенных в налоговой системе с 1 января. Газета указывает, что польский управляющий PERN (*Предприятие по эксплуатации нефтепроводов*) не смог однозначно ответить газете, возможна ли технически поставка нефти из Гданьска в Беларусь по нефтепроводу «Дружба». Но, тем не менее, пресс-секретарь PERN Катажина Красиньска заметила; «С белорусской стороны мы в постоянном контакте, ибо каждый сигнал от клиента о перспективах более широкого сотрудничества для нас ценен» [3].

Однако, отмечает газета, Минск заверяет, что по белорусской стороне нефтепровод целиком подготовлен к импорту нефти из Польши. Теперь все зависит от того, «действительно ли Минск решится оторваться от российского сырья» [3]. А далее дается скептическое высказывание руководителя польского Института энергетических исследований Анджея Сикоры, что теоретически это возможно. «Но я однако не представляю себе, что кто-то по российской стороне согласится на то, чтобы допустить какую-либо иную нефть в Мозырь. Это примерно то, если бы рядом с Кремлем установили заправку ExxonMobil (*американская компания, одна из крупнейших нефтяных компаний в мире*)» [3].

Публикация «Жечипосполитой» под заголовком «Лукашенко плывет в Польшу» посвящена строительству порта и логистического центра в Гомельской области на границе с Украиной. Отмечается, что таким образом «Президент Беларуси Александр Лукашенко хочет получить доступ к Черному морю» [3].

Как заключение следует отметить, что польские СМИ озабочены углублением белорусско-российской интеграции, усматривая в этом определенную угрозу национальным интересам Польши. При этом надо подчеркнуть, что тональность публикаций весьма лояльна к Беларуси, чего не скажешь о характере материалов СМИ РП в последние годы.

НАУЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ КАК СТАБИЛИЗАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

В. Р. Габрильянц

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, viron8@mail.ru*

Целью данной статьи является выявление роли научной дипломатии: для развития национальной и общемировой науки, ее содействии в снижении уровня напряженности политического пространства, стабилизации горизонтальных связей. Объектом являются международные взаимодействия в научной сфере, т. к. научные сообщества могут не только

дифференцироваться по определенным направлениям, но и объединяться на базе реализации какого-то проекта, создавая многообразные форматы взаимодействия участников, обменивающихся, либо получающих новые знания в рамках данного проекта. Воздействие научных взаимодействий на международную среду, делает исследования, в данном направлении, актуальными. Выделение научной дипломатии, как самостоятельного феномена (отличного от мягкой силы, умной силы, культурной / публичной дипломатии), является новой перспективой для ее развития и углубления.

Ключевые слова: наука, научное сообщество, научная дипломатия, научная диаспора, глобализация, умная сила.

SCIENCE DIPLOMACY AS A MEANS FOR STABILIZING INTERNATIONAL INTERACTIONS

V. Gabrilyants

Belarusian State University, Niezalieznasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The purpose of this article is to identify the role of science diplomacy: for the development of national and global science, its assistance in reducing the level of tension in the political space, stabilizing horizontal ties. The object is international interaction in the scientific field, because scientific communities can not only differentiate in certain areas, but also unite on the basis of the implementation of a project, creating diverse formats for the interaction of participants exchanging or gaining new knowledge in the framework of this project. The impact of scientific interactions on the international environment makes research in this direction relevant. The identification of science diplomacy as a self-sufficient phenomenon (other than soft power, smart power, cultural / public diplomacy) is a new perspective for its development and deepening.

Key words: science, scientific community, science diplomacy, scientific diaspora, globalization, smart power.

Глобализация, затронувшая все сферы жизни человека (человечества), подразумевает сотрудничество представителей этих сфер. Особое значение в изучении, анализе, прогнозировании и видении перспектив политических, экономических, экологических и др. проблем, процессов, технологий – отводится представителям науки. Например, рост мировой экономики, наукоемкости производства товаров и услуг предполагают активацию взаимодействия в сфере международного научно-технического сотрудничества (МНТС) [1]. Как всякая международная деятельность, межгосударственное сотрудничество подвержено ряду рисков, при этом, научная дипломатия способна организовать взаимодействие между странами на уровне субъектов гражданского общества там, где, по каким-либо причинам, эти отношения затруднены. Основная цель научного сотрудничества – налаживание связей, выстраивание официальных отношений, обмен опытом, технологиями, знаниями. Научная дипломатия предполагает создание научного сотрудничества между государствами для решения общих (в том числе глобальных) проблем. Совместные усилия – организация конференций, семинаров, переговорных площадок, публикация докладов, результатов научных исследований, составление рекомендаций – организованные под эгидой международных организаций, международных межправительственных организаций, научными группами, сообществами, способствуют решению общемировых проблем. Во время конфликтов между национальными государствами, – сотрудничество между учеными разных стран может способствовать началу переговоров на политическом уровне [1; 2]. Использование возможностей и потенциала научной дипломатии для каждой отдельной страны отличается. Это зависит от целого ряда факторов: места и роли страны в международной системе, охвата внешнеполитических связей, устойчивости взаимодействия политической элиты и науки,

глубины поддержки научных, экспертных инициатив, финансирования научных исследований, как в естественнонаучной, так и в гуманитарной сферах, развитости научной культуры, эффективности научной деятельности.

Так сложилось, что научная дипломатия, часто, рассматривается как продолжение культурной дипломатии, и, соответственно является ресурсом мягкой силы. Многие под научной дипломатией подразумевают умную силу, применяемую странами для достижения внутри и внешне государственных целей. Но, научная дипломатия, скорее является одним из инструментов умной силы. А, в качестве самостоятельного феномена включает более широкие задачи, чем формирование политической власти, как системы нормативно закреплённых социальных отношений, сложившихся на основе реального доминирования той или иной группы [3]. Умная сила – это стратегия, которая сочетает в себе мягкую силу притяжения с жесткой силой принуждения, она должна отвечать за разработку и управление стратегическими рамками для планирования политики и распределения ресурсов [4; 5]. Наука же, – как инструмент достижения внешнеполитических целей и средство обеспечения национальной безопасности – используется национальными государствами и наднациональными союзами (например, ЕС) часто, но как таковая имеет ряд отличий, как от обычных научных взаимодействий, так и от задач, традиционной дипломатии [6; 7; 8]. Прежде всего, – это область, где взаимодействуют профессионалы в конкретных сферах по поводу научных изысканий, предполагающих поиск, выработку и систематизацию объективных знаний об объективной действительности. В том числе и в политике, как сфере деятельности и поведения, связанных с властью, организацией, управлением в рамках государственно-организованных сообществ [2]. Но, при этом, должна быть независима от политики, как таковой, предполагать свободный обмен идеями, информацией, результатами исследования и др.. Конечно, полная беспристрастность сложно достижима, т. к. ученые, являются выходцами из определенных стран, их становление происходит в конкретной научной среде. Более того, этот факт (принадлежность ученого к научной культуре национального государства) используется в качестве ценного ресурса. Достаточное внимание многими странами уделяется такому явлению, как научная диаспора. Процесс миграции квалифицированных кадров может происходить по разным причинам, изучение которых не является приоритетным в данной работе, – а, имеет значение, как ценный источник передовых знаний, продуктивного научного сотрудничества, партнеров по развитию [9]. Такие страны, как Австрия, Германия, США, имеют государственные программы, направленные на поддержание контактов с представителями научной диаспоры. Эти программы реализуются посредством дипломатических представительств (поддержка выпускников университетов проведение конференций, круглых столов, предоставление грантов и доступа к научным изданиям и др.). Так, под руководством отдела по науке и технологиям посольства Австрии в США создана Австрийская ассоциация ученых в Северной Америке [9]. Кроме создания конструктивных международных партнерских отношений, свойственных сфере науки, – научная дипломатия предлагает налаживание конструктивных межгосударственных связей. С этой целью, например в Российской Федерации – создан Центр по научной дипломатии (2008 г.) [2]. Активно задействованы в научной дипломатии национальные научные фонды и различные объединения, такие как: Российская ассоциация содействия науке (РАСН), Американская ассоциация содействия развитию науки (AAAS), Лондонское королевское общество по развитию знаний о природе или Королевское Общество, Национальный центр научных исследований Франции (CNRS), Европейский центр ядерных исследований (CERN), геоинформационная система

(ГИС), лазерно-интерферометрическая гравитационно-волновая обсерватория (LIGO), Пагуошское движение ученых и многие другие.

Российские ученые В. Панченко и А. Торкунов описывают научную дипломатию как сотрудничество ученых, которое оказывает не прямое, а референтное воздействие на процесс принятия политических решений [2]. В сфере научной дипломатии, особую роль, ученые отводят официальным экспертам, которые принимают участие в разработке новых проектов и выработки решений по глобальным проблемам. В июне 2009 г., состоялась конференция «Новые горизонты научной дипломатии», организованная Королевским научным обществом и Американской ассоциацией содействия развитию науки. В процессе которой, искали место научной дипломатии в современном мире и, в итоге, сформулировали три направления (области) научной дипломатии: а) научная информационная поддержка (или научная экспертиза) внешней политики (наука в дипломатии); б) содействие международному научному сотрудничеству (дипломатия для науки); в) использование научного сотрудничества для улучшения отношений между странами (наука для дипломатии) [2].

Высказывание Х. Булла, относящееся к сообществу государств, о том, что для образования этого сообщества, необходимо осознавать общность интересов и ценностей, с общей системой правил, – относится и к любому сообществу, в том числе научному [10].

Существующий уровень и формат взаимодействия научного сообщества в Республике Беларусь, можно определить как развивающийся. Налаживание постоянного научного диалога на уровне специалистов, экспертов, коллективов, ассоциаций, объединений укрепляет международное сообщество и устраняет значительную долю непонимания. Отечественная публичная сфера начинает осознавать важность научного сотрудничества на международной общественной, общественно-политической, научной основах. [11 – 15]. Для реализации целей устойчивого развития запланировано взаимодействие с различными общественными и международными организациями и научными, экспертными сообществами [13; 15]. Общими интересами и ценностями для государств, побуждающими к сотрудничеству могут являться цели устойчивого развития, глобальные проблемы, гуманитарные ценности, перспективные научные разработки в области технологий и инноваций, помогающие решить эти вопросы. В феврале 2019 г. состоялась встреча Госсекретаря союзного государства Г. Рапоты с представителями белорусского экспертного сообщества. Тема дискуссии: «Будущее союзного государства Беларуси и России: экономика безопасность, гуманитарная сфера». Постоянный Комитет Союзного государства продолжает реализацию создания экспертного сообщества. Одним из важнейших вопросов, поставленных в процессе обсуждения являлся путь приобретения Постоянным Комитетом и его институтами международной правосубъектности [12].

Научные связи помогают межгосударственному сотрудничеству на региональном и глобальном уровнях. Будущее научной дипломатии во многом зависит от уровня научной культуры, государства, финансирования научных разработок в технической, естественнонаучной, гуманитарной и др. сферах на национальном и международном уровнях, способности прийти к общему (национальному / наднациональному) подходу по различным вопросам. Разработка площадок сотрудничества научных сообществ (зависимости от целевой группы, проблемы, аудитории), представляет перспективный ресурс для выработки общих программ, форматов и механизмов взаимодействия. Осознается потребность в более частых, стабильных формах взаимодействия. Государственные органы могут стимулировать создание национальных и международных научных сообществ, платформ для сотрудничества, институтов, в полной мере соответствующих

щих научному потенциалу в нашем регионе и мире. Наука может внести свой вклад путем формирования исследовательской базы и анализа ситуаций, которые происходили и происходят в настоящее время на локальном и интернациональном уровнях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Киселев, В. Н. Международное научно-техническое сотрудничество Российской Федерации: краткий обзор и вопросы развития [Электронный ресурс] / В. Н. Киселев // Российский совет по междунар. делам (РСМД). – М., 2014. – Режим доступа: <http://old.russiancouncil.ru/common/upload/RIAC_Report_Russia_ISTC.pdf>. – Дата доступа: 17.10.2019.

2. Киселев, В. Н., Нечаева, Е. К. Новое измерение научной дипломатии [Электронный ресурс] / В. Н. Киселев, Е. К. Нечаева // Российский совет по междунар. делам (РСМД). – М., 2017. – Режим доступа: <<https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novoe-izmerenie-nauchnoy-diplomatii/>>. – Дата доступа: 17.10.2019.

3. Политология: учебник / С. В. Решетников [и др.]; под ред. С. В. Решетникова. – 7-е изд. [испр.] – Минск: ТетраСистемс, 2011. – 528 с.

4. Armitage, R. L., Nye, J. S., Implementing smart power: setting an addenda for national security reform / R. L. Armitage, J. S. Nye, [Electronic resource] // Center for Strategic and International Studies. – 2008. – Mode of access: <<https://www.csis.org/analysis/implementing-smart-power-setting-agenda-national-security-reform>>. – Date of access: 18.10.2019.

5. Nye, J. S. Security and Smart Power / J. S. Nye [Electronic resource] // American Behavioral Scientist. – 2008. – Mode of access: <<http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.954.6526&rep=rep1&type=pdf>>. – Date of access: 18.10.2019.

7. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Указ Президента Респ. Беларусь, 9 ноября 2010 г., № 575 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <<http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P31000575>>. – Дата доступа: 19.10.2019.

7. Об основах государственной научно-технической политики [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь, 19 января 1993 г. № 2105-ХП // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <<http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=v19302105>>. – Дата доступа: 18.10.2019.

8. О Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы [Электронный ресурс]: Указ Президента Респ. Беларусь, 31 января 2017 г. № 31 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <<http://www.pravo.by/document/?guid=12551&p0=P31700031>>. – Дата доступа: 19.10.2019.

9. Капто, А.С. Научный статус дипломатии и её виды [Электронный ресурс] / А.С. Капто // Безопасность Евразии. – 2004. – № 3 – Режим доступа: <<https://elibrary.ru/item.asp?id=20259908>>. – Дата доступа: 10.10.2019.

10. Hoffman, S. Hedley Bull and His Contribution to International Relations / S. Hoffman [Electronic resource] // Wiley on behalf of the Royal Institute of International Affairs. – 1986. – Mode of access: <<http://www.guillaumenicaise.com/wp-content/uploads/2013/10/hedley-bull-by-hoffman.pdf>>. – Date of access: 10.10.2019.

11. Умпирович, Д. Е. Лукашенко: научная деятельность Академии управления при Президенте должна быть направлена на решение государственных задач [Электронный ресурс] / Д. Е. Умпирович // Беларусь сегодня. – Режим доступа: <<https://www.sb.by/articles/lukashenko-nauchnaya-deyatelnost-akademii-upravleniya-pri-prezidente-dolzha-byt-napravlena-na-reshe.html>>. – Дата доступа: 19.10.2019.

12. Бушев, А. Григорий Рапота встретился с ведущими белорусскими аналитиками [Электронный ресурс] А. Бушев // Беларусь сегодня. – Режим доступа: <<https://www.sb.by/articles/uchenykh-pozvali-v-arktiku.html>>. – Дата доступа: 19.10.2019.

13. Об основах государственной научно-технической политики [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь, 19 января 1993 г. № 2105-ХП // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <<http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=v19302105>>. – Дата доступа: 18.10.2019.

14. Ганчаренок, Наука для дипломатии и дипломатия для науки [Электронный ресурс] И. И. / Ганчаренок // Беларусь сегодня. – Режим доступа: <<https://www.sb.by/articles/nauka-dlya-diplomatii-i-diplomatiya-dlya-nauki.html>>. – Дата доступа: 15.10.2019.

15. Стартовые позиции Беларуси по достижению Целей устойчивого развития [Электронный ресурс] // Интернет-портал МИД Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://mfa.gov.by/upload/GUMDI/SDG_start.pdf>. – Дата доступа: 18.10.2019.

ЦАРСТВО ПОЛЬСКОЕ В ПОЛИТИКЕ РОССИИ В ПЕРИОД И ПОСЛЕ ВЕНСКОГО КОНГРЕССА

А.В. Гуринович¹⁾, В.Г. Шадурский²⁾

¹⁾ *Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, alexgur33@gmail.com*

²⁾ *Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, shadursky@bsu.by*

В статье рассматриваются решения Венского конгресса по созданию Царства Польского и их последствия. Особый акцент сделан освещении подходов великих держав, а также самих поляков к реализации данного геополитического проекта. Представленная публикация анализирует противоречия, возникшие при обсуждении польского вопроса, объясняет причины последующего усиления конфронтации между Российской империей и Царством Польским.

Ключевые слова: Венский конгресс; польский вопрос; Царство Польское; Российская империя; Конституция Царства Польского; Наполеон; Александр I.

THE KINGDOM OF POLAND IN THE POLICY OF RUSSIA DURING AND AFTER THE VIENNA CONGRESS

A.V. Gurinovich^a, V.G. Shadursky^b

^a*Belarusian State University, Independence Ave., 4, 220030, Minsk, Belarus*

^b*Belarusian State University, Independence Ave., 4, 220030, Minsk, Belarus*

The article discusses the decisions of the Vienna Congress on the creation of the Kingdom of Poland and their consequences. Particular emphasis is placed on highlighting the approaches of the great powers, as well as the Poles themselves, to the implementation of this geopolitical project. The presented publication analyzes the contradictions that arose during the discussion of the Polish question, explains the reasons for the subsequent intensification of the confrontation between the Russian Empire and the Kingdom of Poland.

Keywords: Vienna Congress; Polish question; Kingdom of Poland Russian empire; Constitution of the Kingdom of Poland; Napoleon Alexander I.

В 1814 г. начал работу Венский конгресс. Наполеон существенно перестроил политическую карту Европы: была ликвидирована Священная Римская империя германской нации, государственные границы подверглись изменениям, во многих странах были свергнуты старые королевские династии и установлены новые, было восстановлена польская государственность в форме Варшавского герцогства.

Ликвидация «французских преобразований» обсуждалась ведущими европейскими монархами и политиками в столице Австрийской империи в 1814–1815 гг. Особенно остро стоял польский вопрос. Австрия и Пруссия изначально желали восстановления границ 1795 г., но вынуждены были учитывать изменения международной ситуации. Если в конце XVIII в. Россия, являясь лишь одной из великих держав, вынуждена была учитывать интересы Пруссии и Австрии, то после победы над Наполеоном Российская империя была ведущим государством Европы и желала укрепления своего могущества на международной арене.

Еще в ходе войны Шестой коалиции против Франции и ее союзников 27 июня 1813 г. в городе Рейхенбахе (Силезия) была подписана секретная русско-

пруско-австрийская конвенция, согласно которой Герцогство Варшавское подлежало разделу между Россией, Пруссией и Австрией. Вместе с пакетом других секретных Рейхенбахских соглашений эту конвенцию австрийские дипломаты, игравшие роль посредников, предложили Наполеону. Как известно, император отказался и война продолжилась [1].

На Венском конгрессе разразилась жёсткая дискуссия по поводу передела границ Европы. Все страны-победительницы Наполеона желали расширения своих территорий. В особенности этого хотела Россия, которая претендовала на все земли Варшавского герцогства. Первоначально и Пруссия планировала возвращение к границам 1795 года, но согласилась уступить Российской империи часть своих бывших польских территорий в обмен на поддержку Пруссии в полной аннексии Саксонии (союзницы Наполеона). Против этих планов решительно выступили Великобритания, Австрия и Франция, которые заключили ряд секретных договоров в поддержку друг друга. Приготовления к новой европейской войне за Саксонию и Польшу предотвратила весть о высадке Наполеона во Франции.

Новая опасность вынудила монархов к компромиссу, в 1815 г. они решили разделить польские земли на шесть частей: 1) Россия удержала за собой свои приобретения по всем трём разделам и Белостокский округ, отторгнутый от Пруссии в 1807 г.; 2) за Австрией признавались королевства Галиции и Лодомерии вместе с бывшим до 1809 г. в её владении Тарнопольским краем, а также с территорией около Кракова и копиями Велички; 3) Пруссия осталась при своих владениях, закрепленных по Тильзитскому трактату, к которым был присоединён Гданьск (Данциг) с округом; 4) из двух департаментов княжества Варшавского (Познаньского и Быдгощского) было образовано Великое княжество Познаньское, отданное прусскому королю; 5) Краков с округом, включавшим 23,5 кв. мили, признан вольным городом, т.е. самостоятельной республикой под покровительством России, Австрии и Пруссии; 6) из остального пространства Варшавского княжества было создано Царство Польское, соединённое с Российской империей. Европа, утверждая повторный раздел Речи Посполитой, была проявляла большую благосклонность к польскому народу, чем Наполеон. Она ввела в политическую систему название Польша, в котором Наполеон отказал народу, пролившему много крови за Францию [2].

Страх значительной части польской элиты перед новым лишением государственности был в тот момент столь велик, что подобное разрешение вопроса воспринималось как благо. Александр I на какое-то время сделался в Польше почти героем, хотя отношение к нему никак не могло сравниться с тем восторженным обожанием, которым пользовался здесь Наполеон.

В 1815 г. в Варшаве Александр подписал польскую конституцию, согласно которой Польша оказалась формально связанной с Россией лишь династической унией, предусматривавшей общность правящего дома и единство внешней политики. М. С. Лунин писал о позиции Александра I по поводу образования царства Польского: «Желая загладить прежние несправедливости, доказать великодушие к побеждённым и послужить столь выгодному ему делу свободных народов, он [Александр] возымел мысль воскресить имя Польши и предложил восстановить государство на развалинах трёх последовательных разделов» [3].

Царство Польское имело все атрибуты государственности — армия, правительство, закреплённое конституцией положение об использовании польского языка в сейме, делопроизводстве, суде, школе и т.д. Все государственные должности в Царстве могли занимать только поляки. Конституция содержала гарантии всех основных гражданских прав и свобод — равенство всех перед законом, свобода слова, печати и вероисповедания. Конституционная хартия включала положение об ответственности министров перед сеймом, вводила гласность сей-

мовых заседаний, распространяла избирательное право на самый широкий в Европе корпус избирателей. Законодательная власть должна была осуществляться королём совместно с двухпалатным сеймом. Сейм получал право принимать или отвергать законы, перелагаемые правительством. Разработка законов предоставлялась польскому Государственному совету. Исполнительную власть осуществляли назначаемый королём наместник и правительство — Административный совет. Вопреки всеобщим ожиданиям наместником стал не главный двигатель польской политики Александра I Адам Ежи Чарторыйский, а послушный воле России генерал Юзеф Зайончек. После его смерти в 1826 г. король — тогда уже Николай I — не назначил нового наместника). Текущее управление осуществляли пять комиссий-министерств: юстиции, военная, внутренних дел и полиции, финансов, вероисповеданий и народного просвещения. Господствующей религией на территории страны объявлялось католичество при широкой терпимости к другим конфессиям. В Варшаве был создан университет. Была организована собственная армия. Она была поручена брату «короля» великому князю Константину Павловичу [3].

В Российской империи возникла беспрецедентная ситуация. Польша получила, можно сказать, самую либеральную на тот момент конституцию в Европе. Одновременно в Российской империи конституции не было и господствовала абсолютная монархия. Александр I оказался одновременно и конституционным монархом в Польше, и абсолютно неограниченным монархом России. Уже тогда было понятно, что такая ситуация не сможет долго существовать без изменений. Но польский народ был слишком обрадован сохранением польской государственности и появлением новой конституции, чтобы понимать весь парадокс случившегося. Долгое время поляки видели в русских гарантов сохранения польской нации и были сторонниками идей панславизма. Главной же угрозой они считали Пруссию, где интенсивно шёл процесс германизации населения [4].

Но эйфория продолжалась недолго. Уже с первых лет существования Царства Польского император начал грубо нарушать положения Конституции. В стране была введена цензура, и на сейм оказывалось всестороннее давление. В результате в Польше начала расширяться деятельность разного рода политических кружков, целью которых было обретение Польшей независимости [1]. В этих условиях поляки старались координировать свою деятельность с русскими революционными кружками, т.к. в любом случае видели будущее Польши в союзе с Россией против Пруссии и Австрии, которым по условиям Венского конгресса принадлежали польские территории.

Таким образом, предпосылки кризиса и восстания 1830–1831 гг. были заложены еще во время Венского конгресса 1814–1815 годов и появления Царства Польского. Поляки не без оснований переживали, что поддержка Наполеона будет дорого им стоить при обсуждении польского вопроса на Венском конгрессе. Вместе с тем европейские политики той эпохи проявили серьезную мудрость. Они понимали, что если подвергнут жёсткому наказанию и унижению побеждённую Францию, то этим настроят против себя самих французов, породив в них обиду и желание реванша. Европейские политики также понимали, что повторное разделение польского народа между тремя государствами без предоставления им каких-либо прав и автономии, создаст очередной фундамент для беспокойств в Восточной Европе, т.к. действия поляков во время наполеоновских войн отчетливо всем показали, что польский народ не готов мириться со сложившейся ситуацией и будет бороться за возрождение своего государства.

Александр I был инициатором создания Царства Польского и предоставления ему конституции. Можно долго анализировать причины такого поведения монарха. С юных лет Александр I, любимец Екатерины II, воспитывался доста-

точно прогрессивными умами, которые и сделали из наследника престола потенциального реформатора. Не стоит забывать, что близким другом Александра был патриот Польши Адам Чарторыйский, который в 1804–1806 гг. был министром иностранных дел при русском императоре. Все эти факты приводят нас к выводу, что Александр I руководствовался не только сугубо прагматичными целями, но и искренними намерениями по отношению к полякам, желая восстановить Польшу и предоставить ей либеральную Конституцию. И в этом просматривается глубокое противоречие между оценкой ситуации поляками и русскими. Россияне были искренне уверены в том, что поляки будут благодарны Российской империи за проявленное великодушие. Поляки первое время действительно испытывали чувство благодарности по отношению к русским, но они не понимали, что, будучи частью империи, где веками господствовала абсолютная монархия, а власть императора была ничем не ограничена, в одной лишь её части, в Польше, не могла действовать самая либеральная конституция в Европе. Уже с первых лет существования Царства Польского российские власти нарушали конституцию, не видя в этом ничего зазорного, ведь они же сами и предоставили эту конституцию полякам, которые им многим обязаны. Полякам не нравилось такое положение дел, они протестовали против ущемления своих прав, предоставленных им по конституции, чем вызывали гнев и раздражение российских властей, которые видели в этом проявление глубокой неблагодарности.

Один из авторов Венской системы международных отношений канцлер Австрии Клеменс фон Меттерних называл Польшу пороховой бочкой, которая в любой момент может взорваться. А канцлер Пруссии Карл Гарденберг говорил, что Польша принесёт ещё немало проблем Российской империи. И они не ошиблись [2]. Поляки не смогли примириться с тем, что они стали одной из провинций Российской империи с формальными правами и автономией, которые имперские власти не считали нужным всегда соблюдать. С первых лет существования Царства Польского поляки начали готовиться к вооружённому восстанию. В этом вопросе они рассчитывали на поддержку других стран Европы, которые в нужный момент должны были встать на защиту польских повстанцев и не дать России подавить восстание. Готовясь к нему, поляки лишь ожидали благоприятного момента для вооружённого выступления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Тарас, А. Е. Анатомия ненависти (Русско-польские конфликты в 18-20 вв.). / А. Е. Тарас. — Минск : Харвест, 2012. — 832 с.
2. Грабеньский, Вл. История польского народа / Вл. Грабеньский. — Изд. 2-е. — Минск : Полиграфкомбинат им. Я. Коласа, 2014. — 800 с.
3. Война женскими глазами: Русская и польская аристократия о польском восстании 1830—1831 годов / Сост., вступ. статья В. М. Боковой, Н. М. Филатовой. — М. : Новое литературное обозрение, 2005. — 352 с.
4. Россия, Польша и Германия в европейской и мировой политике 16-20 вв. — М.: “Индрик”, 2002. — 424 с.

ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Е.В. Красимова

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, ketty_wart@tut.by*

В статье проанализированы отдельные вызовы евразийской интеграции: унификации, цифровизации экономики, единого логистического пространства, единой информационной

политики, институционализации, расширения сотрудничества, выработки подходов партнерства с Европейским союзом. Безусловно, данный перечень не является исчерпывающим. Тем не менее, сквозь призму этих вызов автор рассматривает перспективные направления развития евразийской интеграции с точки зрения национальных интересов государств – членов Евразийского экономического союза в целом и Республики Беларусь в частности.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз; вызовы; перспективы; евразийская интеграция.

EURASIAN ECONOMIC UNION: CHALLENGES AND PROSPECTS

E.V. Krasimova

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article analyzes some challenges of Eurasian integration: unification, economy digitalization, a single logistics space, a single information policy, institutionalization, cooperation enlargement, and development partnership approaches with the European Union. This list is clearly not exhaustive. Nevertheless, the author considers perspective directions of the Eurasian integration development through the prism of these challenges from the point of view of the national interests of the EEU member states in general and the Republic of Belarus in particular.

Key words: Eurasian Economic Union; challenges; prospects; Eurasian integration.

Мировые экономические и политические трансформации неизбежно оказывают влияние на выбор траектории развития не только отдельных государств, но и региональных интеграционных блоков. В этих условиях важным представляется охарактеризовать основные вызовы и перспективы, которые открываются перед интеграционным объединением в быстро изменяющемся мире.

В наши дни Евразийский экономический союз является наиболее перспективным интеграционным проектом на постсоветском пространстве. Созданный в 2015 г., он призван обеспечить условия для развития национальных экономик государств – членов и повышения их конкурентоспособности на мировом и региональном рынках.

За относительно небольшой отрезок времени функционирования Союза удалось достичь определенных экономических и политических результатов. Тем не менее, на сегодняшний день евразийскую интеграцию едва ли можно назвать окончательно сформировавшейся. Помимо экономических факторов, сдерживающих развитие потенциала ЕАЭС, перед Союзом стоит ряд значимых вызовов его развитию. По нашему мнению, стоит проанализировать отдельные вызовы интеграции.

Во-первых, вызов унификации. Различия в экономической политике, скорости и глубине структурных реформ, проводимых в государствах – членах ЕАЭС становятся причиной возникновения барьеров и препятствий на общем евразийском рынке. Поэтому фундаментальное значение приобретает единообразное применение норм и правил на едином рынке.

Во-вторых, вызов цифровизации экономики. В наши дни инновационная экономика невозможна без цифровой трансформации рынков, инфраструктуры и системы принятия решений. В данном контексте особую значимость приобретает проведение согласованной политики в цифровой сфере. В настоящее время разрабатываются модели применения и взаимного признания электронных сопроводительных документов в Союзе, «дорожная карта» по развитию цифровой торговли, проект цифровой промышленной кооперации, модели формирования цифровых транспортных коридоров [1].

В-третьих, вызов единого логистического пространства. Расширение и углубление интеграции в ЕАЭС предполагает выработку стратегии развития транспортно-логистической инфраструктуры в соответствии со своими целями и стандартами. Это будет способствовать увеличению объема транзитных перевозок между Европой и Азией, Севером и Югом, а также созданию новых производств, мобильности трудовых ресурсов.

В-четвертых, вызов единой информационной политики. В целях повышения осведомленности граждан государств – членов ЕАЭС о ценностях и преимуществах евразийской интеграции принципиально важным представляется создание общих евразийских СМИ, обеспечение доступа к распространяемой информации, повышение качества контента. Тем самым, будет создано единое информационное пространство.

В-пятых, вызов институционализации. Подразумевается перераспределение функций между национальным и наднациональным уровнями, т.е. расширение полномочий Евразийской экономической комиссии. Это позволит ЕЭК реагировать должным образом в случае нарушения правил функционирования общего рынка, повысив при этом ответственность за свою работу.

Так, если государство – член не исполняет решения или нормы Договора о Союзе, предполагается, что ЕЭК сможет обращаться в Суд ЕАЭС. В настоящее время она имеет право уведомить правительство государства – члена о необходимости их исполнения, а ее функции контроля за общим рынком ограничены мониторингом [2].

В-шестых, вызов расширения взаимодействия. Достижение достаточно глубокого уровня интеграции между государствами – членами ЕАЭС актуализировало вопрос о расширении Союза за пределы постсоветского пространства. Выстраивание отношений с внешними партнерами реализуется путем заключения соглашений о зоне свободной торговли.

Так, с 2015 г. функционирует ЗСТ между ЕАЭС и Вьетнамом. Сотрудничество в данном формате характеризуется ежегодным увеличением товарооборота – с 4 млрд. долларов США в 2016 г. до 6,7 млрд. в 2018 г. [3].

В октябре 2019 г. подписано соглашение о ЗСТ между ЕАЭС и Сингапуром. Оно представляет собой не просто классическое соглашение о ЗСТ, предусматривающее устранение тарифных ограничений, а серию соглашений, затрагивающих сферу торговли не только товарами, но и услуг и инвестиционного сотрудничества. Подписанный договор стал первым из серии соглашений [4].

С 27 октября 2019 г. начнет функционирование ЗСТ с Ираном. 25 октября планируется подписание соглашения о ЗСТ между ЕАЭС и Сербией.

Что касается взаимодействия ЕАЭС с Китаем в контексте инициативы «Экономического пояса Шелкового пути», то, несмотря на опасения серьезной конкуренции для национальных отраслей государств – членов ЕАЭС в случае создания региональной ЗСТ с Китаем, существует ряд экономических предпосылок в виде увеличивающейся взаимной зависимости и дополняемости экономик государств – членов ЕАЭС и Китая [5]. Это подталкивает участников ЕАЭС к выработке подходящего подхода к участию в данной инициативе. Так, в 2018 г. важным шагом в рамках реализации концепции стало заключение Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и Китаем. Оно обеспечило необходимую международно-правовую базу для упрощения взаимной торговли и устранения нетарифных барьеров.

По мнению экспертов ЕЭК, сторонам следует активно развивать новые форматы взаимодействия в конкретных отраслях экономики с перспективой реализации совместных инвестиционных проектов и гармонизации регулирования соответствующих правоотношений [6].

В-седьмых, вызов выработки подходов партнерства с Европейским союзом. Государства – члены ЕАЭС, являясь заинтересованными в энергетическом, инвестиционном, научно-технологическом взаимодействии, поддерживают концепцию «интеграции интеграций» ЕС и ЕАЭС. Однако, политический конфликт между ЕС и Россией, их взаимная санкционная политика, являющиеся следствием украинского кризиса, не позволили идее быть реализованной, несмотря на ее актуальность для развития отношений двух интеграционных объединений.

Тем не менее, между Европейской и Евразийской экономической комиссиями налаживается технический диалог в контексте выработки единых подходов по техническим стандартам, техническому регулированию, по цифровой повестке, инфраструктурным проектам.

По мнению экспертов Евразийского банка развития, ЕС и ЕАЭС к 2025 г. вполне смогут выйти на обсуждение комплексной повестки дня, включающей такие аспекты взаимодействия, как снижение нетарифных барьеров в торговле, доступ к рынкам финансов, регулирование защиты прав интеллектуальной собственности, визовая либерализация, партнерство в энергетической сфере, развитие международных транспортных коридоров и т.д. [7]. В качестве предпосылок для развития партнерства с ЕС необходимы две составляющие: благоприятные политические основания и привлекательный экономический базис [8].

В заключение отметим, что для Республики Беларусь особую ценность представляют планы по формированию Большого Евразийского партнерства в контексте сопряжения интеграционных проектов ЕАЭС и китайской инициативы «Экономического пояса Шелкового пути». Возможность синтезирования двух инициатив посредством взаимной увязки инвестиций, инфраструктурных проектов и создания совместных производств позволит белорусской стороне обеспечить получение максимального эффекта от взаимодействия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Интервью Председателя Коллегии ЕЭК Тиграна Саркисяна газете «Республика» [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия : [сайт]. [2019]. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/06-06-2019-1.aspx>
2. Главный вызов для ЕАЭС: скорость изменений во всех сферах деятельности [Электронный ресурс] // Евразийские Исследования : [сайт]. [2017]. URL: <http://eurasian-studies.org/archives/5545>.
3. Соглашения о ЗСТ с третьими странами делают ЕАЭС-проект более жизнеспособным [Электронный ресурс] // Ритм Евразии : [сайт]. [2019]. URL: <https://www.ritmeurasia.org/news--2019-10-09--soglasheniya-o-zst-s-tretimi-stranami-delajut-eaes-proekt-bolee-zhiznesposobnym-45322>.
4. Сингапур подписал соглашение о свободной торговле с Россией и ЕАЭС [Электронный ресурс] // Новые Известия : [сайт]. [2019]. URL: <https://newizv.ru/news/economy/01-10-2019/singapur-podpisal-soglashenie-o-svobodnoy-torgovle-s-rossiey-i-eaes/rrr?ind=794>.
5. ЕАЭС-Китай: предстоит большая совместная работа [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия : [сайт]. [2019]. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/08-08-2019-2.aspx>.
6. Страны ЕАЭС и Китай формируют оптимальные условия для взаимодействия [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия : [сайт]. [2019]. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/30-05-2019-1.aspx>.
7. Европейский Союз и Евразийский экономический союз : долгосрочный диалог и перспективы соглашения [Электронный ресурс] // Евразийский банк развития : [сайт]. [2016]. URL: https://eabr.org/upload/iblock/f28/edb_centre_2016_report_38_eu_eaeu_rus.pdf.
8. Девятков А. В. Международные связи ЕАЭС к 2025 г. [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам : [сайт]. [2019]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytiks-and-comments/analytiks/mezhdunarodnye-svyazi-eaes-k-2025-g/>.

РОЛЬ ПЛЕМЕН В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОЙ ЛИВИИ

Д.В. Краснопрошин

*Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская, 20, 220030, г. Минск, Беларусь, vtx26@live.ru*

В статье выявлено место основных племен и племенных союзов в современном ливийском обществе, раскрыта роль родоплеменного фактора в функционировании ливийского государства середины XX – начала XXI веков, указаны объективные и субъективные причины усиления межплеменных противоречий и сепаратизма некоторых племен после свержения М. Каддафи и развала Джамахирии как общественно-политического устройства Ливии, подчеркнута потенциальная угроза трайбалистского фактора при целенаправленном его использовании внешними силами.

Ключевые слова: Ливия; Каддафи; Джамахирия; Идрис; Арабский Магриб; «арабская весна»; племена; трайбализм.

ROLE OF TRIBES IN THE POLITICAL SYSTEM OF MODERN LIBYA

D. Krasnoproshin

Belarusian State University, 20 Leningradskaya str., 220030, Minsk city, Belarus

The article reveals the place of the main tribes and tribal unions in modern Libyan society, the role of the tribal factor in the functioning of the Libyan state in the mid-twentieth and early twenty-first centuries, and the objective and subjective reasons for the strengthening of intertribal contradictions and separatism of some tribes after the overthrow of M. Gaddafi and the collapse of the Jamahiriya as social and political structure of Libya, as well as it underlines the potential threat of the tribal factor in the purposeful use of its external forces.

Keywords: Libya, Gaddafi, Jamahiriya, Idris, Arab Maghreb, “Arab spring”, tribes, tribalism.

В большинстве стран Ближнего Востока и Северной Африки государство стремится быть главным авторитетом как для общества в целом, так и для отдельных составляющих его социальных, конфессиональных, этнических и племенных групп. Однако, там где государственные институты недостаточно сильны, родовые и племенные идеологии могут подрывать или замещать государственную идеологию, идти в разрез с деятельностью государственных институтов. Тем не менее, в большинстве современных ближневосточных обществ племенная лояльность не рассматривается ни государственными, ни племенными элитами как законная альтернатива бюрократическому государству при решении политических и экономических конфликтов.

Однако есть и исключения из правил. Таким исключением является постколониальная Ливия (времена правления короля Идриса и Муаммара Каддафи). Так Каддафи стремился создать свою уникальную нацию- государство, отличную от, например, европейской, в связи с чем традиционные государственные институты просто не вписывались в их систему власти. Каддафи создал Джамахирию – уникальную систему народовластия (синтез социалистических идей и мусульманского вероучения), при которой все население Ливии должно было принимать непосредственное активное участие в политической жизни страны.

Обычно племенные связи размываются государственными институтами, но в Ливии они оставались крепки. Более того, эти связи бросали вызов государству, так как являлись главным механизмом экономического перераспределения ресурсов и разрешения внутригосударственных конфликтов. Связано это с тем, что оба правителя для поддержки собственной власти и авторитета обращались к помощи племен.

Целью статьи является выявление места племен и племенных союзов в современном ливийском обществе и раскрытие их роли в функционировании ливийского государства. Несмотря на активный научный интерес к данной проблеме и значительное количество публикаций, тема не утратила своей актуальности, напротив – ее значимость возросла в связи с продолжением после свержения в 2011 году режима Каддафи внутреннего ливийского противостояния и клановой борьбы за контроль над политическими, военными и экономическими ресурсами страны, а также отсутствием полноценных достоверных источников информации о событиях в стране. Причины столь затяжного внутриливийского конфликта невозможно понять без знания родоплеменной и этнорелигиозной структуры Ливии, на основе которой развивалась и существовала ливийская государственность после получения независимости от Италии.

В Государстве Ливия проживает около 140 племен, 30 из которых обладают значительным влиянием в стране. Для упрощения классификации ливийские племена традиционно делят на племена, проживающие вдоль средиземноморского побережья и племена, базирующиеся внутри Ливии (пустынная область Феццан) [1].

Среди наиболее значимых и влиятельных племен можно выделить следующие:

Варфалла: Во времена правления М. Каддафи члены племени занимали высокие посты, т.к. поддерживали действующий режим. Связано это было и с тем, что Каддафа, родное племя полковника, находилось под покровительством Варфалла. Члены племени были представлены в органах разведки и безопасности, возглавляли революционные комитеты и другие органы власти [2].

Магарха: это племя базируется в Вади аш-Шаты на западе Ливии, его уроженцы также пополняли ряды элитных спецподразделений, преданных Каддафи [2].

Зувайя: эта арабская конфедерация племен по своей величине и влиянию практически приравнивается к племенному союзу Варфалла. Племя базируется вдоль всего побережья Киренаики, охватывает территорию залива Сидр с его нефтяными месторождениями. После свержения короля Идриса и прихода к власти Каддафи племена Зувайя потеряли свое былое политическое влияние, в связи с чем, они выступили на стороне повстанцев во время Арабской весны в 2011 году [2].

Туареги: берберское племя, населяющие пустынные территории Сахары (как на территории Ливии, так в сопредельных государствах) [2]. Туареги на основе родственных связей, совершенно свободно осуществляли обмен товарами, оружием и людьми между Буркина Фасо, Алжиром, Нигером, Мали и Ливией. В семидесятых годах прошлого века полковник Каддафи создал особое военное подразделение, состоявшее целиком из туарегов, и выполнявшее особые поручения руководства Ливии в Чаде, Судане и Ливане. Отряд был упразднен в конце восьмидесятых, а его членыполнили ряды элитных ливийских вооруженных сил. Лидер Джамахирии оказывал южанам помощь во время засухи, наделил их привилегиями для торговли с соседними африканскими странами и всячески поощрял товарно-денежный обмен между этими южными берберскими племенами и их родственниками из Мали, Чада и т.д.

Как было упомянуто выше, племена считаются основной составляющей ливийского общества, а также опорой любого режима, будь то режим покойного полковника Каддафи или режимы его предшественников, которые опирались на коалиции различных ливийских племен, а не на какие-либо политические союзы. Понимание этого феномена позволило заинтересованным в дестабилизации Ливии силам в Западной Европе, США и их союзникам на Ближнем Востоке прийти к выводу, что отречение племенной знати от правящей ливийской верхушки даёт возможность серьёзно пошатнуть правящий режим, а то и покончить с ним при необходимости.

Семья и племя выступали в качестве главных каналов рекрутирования политических элит при режиме Муаммара Каддафи. Критерии набора политических кадров в государственные структуры были заимствованы у племенных структур (наличие глубоких и знатных корней, авторитет среди соплеменников, способность защищать интересы племени и удовлетворять потребности его членов, строгое соблюдение норм Ислама). Но вместе с тем лидер Джамахирии хорошо осознавал угрозу, возникающую при доминировании общественных структур над политическими. Он отмечал, что национальное государство «может существовать вечно», если не станет объектом посягательства со стороны племен, кланов и семей. Если политическая структура (государство) попадает под влияние общественной – племенной, клановой, общинной – она разлагается [3, с. 112–113].

И все же, кровное родство и общность судьбы он считал самыми важными факторами формирования нации [3, с. 111]. Нация, политически оформленная в государство, рассматривалась им в качестве разросшегося племени, всем знакомого и заботливого, а племя – эта та же большая семья [3, с. 105].

Каддафи видел решение противоречий, существовавшего между племенем и государством, в эгалитаризме и здоровом национализме, а гражданское равенство в его понимании должно основываться на природном законе и доктрине социализма.

Система государственного управления Каддафи, основанная на приверженность племенным ценностям и одновременном понимании их ограниченности имела мало шансов выжить в долгосрочной перспективе. Своей временной устойчивостью система Джамахирии была обязана эгалитаризму и национализму, на которые она в значительной степени, опиралась, а также личным усилиям Каддафи по поддержанию баланса сил и интересов между племенами.

В общественно-политическом устройстве Ливии как в период правления короля Идриса, так и в период М. Каддафи присутствовали реакционные, регрессивные и застойные элементы (нежелание развивать государственные институты, использование обычая на основе принуждения в качестве закона, стремление сохранить порядок набора политической элиты из числа родственников и соплеменников без учета их пригодности (непригодности) к государственной службе). После введения против Ливии экономических санкций Запада в 1992 году и падения цены на нефть, снижение уровня жизни населения при глубоко укоренившихся иждивенческих настроениях, фактическое перерастание системы народо-властия в авторитарный режим вызывали среди ливийцев не только беспокойство, но и возмущение, которые, в конце концов, подтолкнули народ к антиправительственным выступлениям, при вмешательстве внешних сил переросшим в 2011 году в «цветную революцию» и гражданскую войну.

Таким образом, пережитки кровно-родственных отношений по-прежнему остаются сдерживающим фактором формирования общенациональной ливийской идентичности. Ливийские режимы и их лидеры пытались соединить государство и племена воедино посредством единого общегосударственного проекта – Идрис с помощью доктрины сенуссизма, Каддафи – опираясь на модель Джамахирии и нефтяные доходы. Но в преодолении трайбалистских тенденций и сепаратизма местных кланов власть потерпела неудачу – мятеж племен Киренаики против гегемонии центра в 2011 году привел к цепи трагических событий, чем воспользовались внешние силы для свержения раздражавшего их ливийского режима. В результате событий «арабской весны» сегодня на севере Ливии существуют три политических центра – Триполи, Тобрук, Бенгази, а война за власть и экономические ресурсы все еще продолжается. При этом жители Киренаики, в связи с наличием на их территории большинства нефтяных запасов страны, выступают за отделение или крайне широкую автономию. Более того, на всей остальной террито-

рии Ливии идет противоборство арабских и берберских кочевых племен, причем существует риск роста сепаратистских настроений среди туарегов и тубу. По-прежнему страна является одним из центров террористической и религиозно-экстремистской активности. Для преодоления этих вызовов Ливии придется создавать новый общенациональный проект, способный вновь объединить страну и вывести ее на путь политической стабильности и экономического роста.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Libyan Tribal Map : Network of loyalties that will determine Gaddafi's fate [Electronic resource] // Informational and analytical Agency «Cetri». – Mode of access: <http://www.cetri.be/Libyan-Tribal-Map-Network-of?lang=fr>. – Date of access: 21.03.2018.

2. القبائل الليبية [Аль Кабаиль Ал-Либийя] (Ливийские племена) // Катарский новостной портал Аль-Джазира [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.aljazeera.net/news/arabic/2011/2/24/%D8%A7%D9%84%D9%82%D8%A8%D8%A7%D8%A6%D9%84-%D8%A7%D9%84%D9%84%D9%8A%D8%A8%D9%8A%D8%A9> – Дата доступа: 21.03.2018.

3. Каддафи, М. Зелёная Книга : пер. с арабского / М. Каддафи. – Киев : Феникс, 2006. – 160 с.

НАРОДНАЯ ДИПЛОМАТИЯ В РЕШЕНИИ СЛОЖНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

И.Н.Кузнецов

*Белорусский государственный университет,
пр.Независимости,4, 220030,г.Минск,Беларусь, ink1430@mail.ru*

Рассматривается международная деятельность общественных организаций, учреждений науки, образования, культуры, местного самоуправления, а также частных лиц, направленных на развитие и укрепление дружественных отношений, научных, культурных и исторических связей между общественностью различных государств. Анализируются методы и формы народной дипломатии с помощью которых в не всегда благоприятных обстоятельствах создаются первичные условия обеспечивающие надлежащий морально-политический климат для формирования дипломатии официальной и снижению конфликтного потенциала межгосударственных отношений. Определяется специфика механизмов народной дипломатии позволяющая использовать при необходимости ее ресурс в качестве превентивного средства во внешней политике. Даются рекомендации по дальнейшему совершенствованию белорусско-польского сотрудничества в решении политических и культурных проблем.

Ключевые слова: дипломатия; общественные отношения; народная дипломатия; государственные органы; диаспора; белорусско-польские отношения.

PEOPLE'S DIPLOMACY IN SOLVING COMPLEX POLITICAL PROBLEMS

I.N.Kuznetsov

Belarusian State University, Independence Ave., 4, 220030, Minsk, Belarus

The international activity of public organizations, institutions of science, education, culture, local government, as well as individuals aimed at developing and strengthening friendly relations, scientific, cultural and historical relations between the public of various states is considered. The methods and forms of public diplomacy, which help to provide the proper moral and political climate for official diplomacy establishment and to reduce the interstate relations' conflict potential sometimes under unfavorable conditions are being analyzed. The specific nature of the public diplomacy mechanisms is determined, which makes it possible to use its resources as a preventive

tool of foreign policy, if necessary. Recommendations are given on further improvement of the Belarusian-Polish cooperation in solving political and cultural problems.

Key words: diplomacy; public relations; public diplomacy; government bodies; diaspora; belarusian-polish relations.

Сегодня на мировой арене все более очевидна тенденция стремительного роста числа участников международных отношений. Помимо профессиональных дипломатов, в эту сферу активно включаются новые акторы – чиновники муниципальных органов, представители культуры, спорта, образования, бизнеса, служители церкви, деятели общественных организаций и др. Они формируют собственную сеть контактов с партнерами за рубежом.

Неизмеримо возросло число неправительственных международных организаций, существенно усложнивших систему многосторонней дипломатии, но при этом и обогативших практику многостороннего диалога. Таким образом, в условиях глобализации дипломатия лишается своей традиционной закрытости.

Подавляющее большинство событий в сфере международных отношений происходит в сфере общественных отношений. Образно говоря, дипломаты теряют монополию на дипломатию, что находит отражение и в терминологическом разнообразии, определяющем данную тенденцию: «публичная дипломатия», «гражданская дипломатия», «общественная дипломатия», «неправительственная дипломатия», «народная дипломатия» – перечень можно продолжить [1, с. 79].

Различия в названиях не заслоняют общей сути данного явления – естественного устремления людей, народов к общению, к взаимному доверию и сотрудничеству. Отметим также, что на общественном уровне многие вопросы и проблемы можно обсуждать в гораздо более широком и открытом формате, чем это позволяют рамки официальных контактов. Международные отношения настолько важны, что их нельзя отдавать в ведение только государственным органам.

Здесь не стоит искать противопоставление народной дипломатии официальной внешней политике государства. Хотя мировая общественность сегодня часто выражает обеспокоенность в связи с наращиванием конфликтного потенциала межгосударственных отношений и неэффективностью традиционной дипломатии.

Как следствие – в мировой политологии достаточно популярна концепция «правительства против народов, народы против правительств», поскольку, по существу, трудно назвать страну, в которой политика правительства не противоречила бы в той или иной мере интересам народа.

Сказанное не отменяет стратегической цели народной дипломатии – создания благоприятного морально-политического климата в отношениях между государствами как неперемennого условия формирования дипломатии официальной.

Как подтверждение сказанному, американские исследователи, к примеру, публичную дипломатию традиционно называют независимой от государства, но неотъемлемой частью внешнеполитического арсенала США [2, с.28].

На постсоветском пространстве развитие дружеских связей между странами и народами посредством институтов народной дипломатии опирается на сложившуюся многолетнюю традицию и имеет огромный потенциал роста, наполнения новым содержанием.

Существует, правда, мнение, что эффективность народной дипломатии ее приверженцами сознательно преувеличивается, поскольку тон в диалоге стран задают прежде всего правящие элиты. Действительно, приходится соглашаться, что недружественные интонации в высших эшелонах власти обычно проникают в сознание и лексику простых обывателей.

Международные отношения настолько значительны, что их нельзя отдавать исключительно государственным учреждениям. Подтверждением этого являются

ся, например, как досадные недоразумения в межгосударственных белорусско-польских отношениях последнего времени, так и плодотворные результаты многолетних усилий белорусского и польского гражданского сообществ в пользу обоих народов, так как они отражают естественное стремление большинства людей к взаимному доверию и сотрудничеству.

Отмеченное касается не только наших государств. Сегодня в мировой политологии набирает популярной концепция «правительства против народов, народы против правительств», так как, по сути, трудно назвать такую страну, в которой политика правительства в той или иной степени не противоречило бы интересам народа этой страны.

Существует мнение, что эффективность народной дипломатии ее сторонниками преувеличивается, мол, тон в диалоге стран задают правящие элиты. И действительно, приходится констатировать, что недружелюбны интонации в высших эшелонах власти обычно проникают в сознание и лексику простого обывателя. Это подтверждают и проведенные многочисленные социологические исследования как в Польше, так и в Беларуси.

Тем не менее, можно утверждать, что именно наши народы сдерживают реально негативный сценарий, берегут фундамент добрососедства через регулярное общение со своими родными, близкими, через сотрудничество со многими коллегами. Такой жизненный опыт является особенно весомым по той причине, что обе страны не только многонациональные, но и каждая имеет довольно значительное количество жителей, представляющих коренную национальность государства-соседа. Политики вынуждены учитывать эту реальность, чтобы однажды не переступить некую фигурально говоря «красную черту».

О белорусско-польских политических недоразумениях в последнее время неоднократно громко заявлено на официальном уровне, еще больше написано журналистами, разного рода аналитиками.

Так, например, известный польский исследователь Б. Хмелинский на основании материалов социологических исследований выявляет прямую сопрягаемость роста антибелорусских настроений в сознании польской общественности с ухудшением в последние годы официальных белорусско-польских отношений, сопровождаемым недружелюбной риторикой в средствах массовой информации обоих государств [3, с.112].

По прежнему разные подходы официальных властей к существованию в Беларуси двух союзов поляков, проблеме поиска и установления имен польских граждан расстрелянных на территории БССР в 1940-м году (“белорусский катынский список”) негативно влияет на дальнейшее развитие польско-белорусских отношений.

Тем не менее, не будет преувеличением, на наш взгляд, утверждение, что именно белорусский и польский народы сдерживают радикально негативный сценарий развития двусторонних отношений, берегут фундамент добрососедства через регулярное общение со своими родными, близкими, коллегами по обе стороны границы, через дипломатию отдельных городов, трудовых коллективов, через сотрудничество в рамках различных общественных организаций. Принимающие решения политики вынуждены учитывать данную реальность.

Политологи все больше сходятся во мнении, что в международных отношениях сейчас настало время сетевых структур. Для того, чтобы влиять на мир надо максимально задействовать все имеющиеся возможности. Что касается внешней политики конкретных государств, то данная тенденция формулируется, прежде всего, как трансформация ее из политики государств (а еще чаще – министерств и ведомств) во внешнюю политику всей страны, как преодоление у граждан чувства отчуждения от политики и, в частности, от политики внешней.

Народная дипломатия является частью демократического механизма в стране, показателем демократизма политической системы общества в целом.

Специфика механизмов народной дипломатии позволяет использовать при необходимости ее ресурс в качестве превентивного средства во внешней политике. Повторимся, в отличие от официальной дипломатии адресатами народной дипломатии являются не только (и не столько) правительства зарубежных государств, но широкие круги общественности – представители бизнеса, культуры, науки, образования, СМИ и т. д.

Тем самым формируется более широкий формат взаимодействия с зарубежной аудиторией, а стало быть ведется работа на перспективу, подготавливается почва для последующих действий государства. При этом очень важно, чтобы субъекты народной дипломатии при всем их многообразии и плюрализме мнений, работали на страну, а не против нее. Данное пожелание в первую очередь может быть адресовано международной деятельности различного рода общественно-политических структур.

Не секрет, что некоторые из них при отсутствии достаточного финансирования являются получателями зарубежных грантов, исполнителями по ним зарубежных программ и проектов, выступают осознанно или неосознанно проводниками чужой политической воли.

Важным потенциалом использования народной дипломатии является диаспора. Национальная диаспора может быть наиболее последовательным и энергичным лобби в другой стране, т.е. успешно дополнять функции официальной дипломатии. Нельзя не согласиться с мнением профессора Л.В.Лойко о том, чтобы « диаспора существовала, была многочисленной, активной, богатой и чтобы с ней умело работали дипломатические и другие государственные ведомства, представляющие родину данной диаспоры» [4, с.195].

Представители народной дипломатии должны видеть в профессиональных дипломатах партнеров, а не оппонентов, их стратегические задачи по существу едины – создание максимально благоприятных предпосылок для продвижения национальных интересов, формирования позитивного имиджа страны за рубежом.

Общеизвестно, что народная дипломатия в не всегда благоприятных обстоятельствах создает первичные условия, так сказать, надлежащее морально-политический климат для формирования дипломатии официальной, снижает конфликтный потенциал межгосударственных отношений.

Остается надеяться, что народная дипломатия, за которой прочно закрепились определяющее место в наполнении реальным содержанием общечеловеческого измерения внешней политики, в конце концов подтолкнет к более активному диалогу и сотрудничеству и властные институты государств.

Сказанное выше полностью относится и к отечественным реалиям. Придание максимального общественного измерения большому количеству двусторонних дипломатических отношений суверенного белорусского государства будет только на пользу внешнеполитическим интересам Республики Беларусь.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Алексеев И.С. Искусство дипломатии: не победить, а убедить. Москва: Дашков и К, 2018.
2. Фельтхэм Р. Дж. Настольная книга дипломата. Минск: Новое знание, 2012.
3. Хмяліньскі, Б. Таварыства Польшча-Беларусь: за добрасуседства абодвух народаў . Мінск: ТДА “Трыалета”, 2006.
4. Лойко Л.В. Основы дипломатии. Дипломатическая служба : учеб. пособие. Минск: БГУ, 2008.

МОНГОЛИЯ В АЗИАТСКОЙ ОДИССЕЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

О.И. Лазоркина

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, lazorkina@tut.by*

В статье представлен анализ взаимоотношений Республики Беларусь и Монголии преимущественно в рамках двустороннего формата. Автором представлены ключевые направления сотрудничества, выявлены проблемы и перспективы. Особое внимание уделяется изучению роли Монголии в регионе на современном этапе, определению круга акторов, которые являются конкурентами Беларуси на монгольском рынке. По мнению автора, Монголия в ближайшей перспективе не перейдет в разряд стратегических партнеров Беларуси. Вместе с тем, сотрудничество с Монголией позволило Республике Беларуси получить ценный опыт политического выживания средних государств в Азии, навыков работы на рынках иностранных государств в условиях жесткой конкуренции со стороны крупных игроков.

Ключевые слова: Республика Беларусь, Монголия, двусторонние отношения, многосторонний формат, ШОС, АСЕАН, ЕАЭС

MONGOLIA IN THE ASIAN ODYSSEY OF THE REPUBLIC OF BELARUS

O. Lazorkina

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article presents an analysis of relations between the Republic of Belarus and Mongolia mainly in the framework of a bilateral format. The author explores key areas of cooperation, identifies problems and prospects. Particular attention is paid to the study of the role of Mongolia in the region at the current stage, to define the circle of actors who are competitors to Belarus on the Mongolian market. According to the author, Mongolia in the near future will not go into the category of strategic partners of Belarus. At the same time, cooperation with Mongolia allowed the Republic of Belarus to gain valuable experience in the political survival of medium-sized states in Asia, as well as skills in operating in a highly competitive environment within major players.

Key words: Republic of Belarus, Mongolia, bilateral cooperation, multilateral format, SCO, ASEAN, EEU

Азиатский вектор во внешней политике Республики Беларусь не только сохраняет свою актуальность, но и вполне очевидно станет одним из основных. Беларусь последовательно выстраивает диалог с государствами региона в рамках двустороннего формата. Кроме того, Республика Беларусь стремится играть более значимую роль в международных делах, опираясь на свой значительный в отличие от других постсоветских стран, опыт работы в универсальных и региональных организациях. Такие региональные организации как АСЕАН, ШОС, ЕАЭС, во взаимодействии с которыми заинтересована Беларусь, не являются закрытыми альянсами крупных держав. Одним из ключевых принципов в их деятельности является сохранение государственного суверенитета, который отвечает принципам внутренней и внешней политики Беларуси.

Экспортноориентированная экономика страны нацеливает на постоянных поиск новых рынков сбыта продукции и услуг. Именно в Азии малые и средние государства из других регионов имеют сейчас возможность заявить о себе. Азиатский рынок предоставляет практически неограниченные возможности, но с условием наличия не только востребованной продукции, но и навыков работы в рамках жесткой конкуренции.

Многие годы ключевым партнером на азиатском направлении для Беларуси был Китай. Самые масштабные экономические проекты и кредитно-инвестиционное сотрудничество ограничивались Китаем. Вместе с тем, в регионе с начала 2000-х гг. появился ряд других государств, которые уже занимают более чем достойные позиции в экономике, как в региональном, так и в мировом масштабах. Кроме того, их политические амбиции также заслуживают внимания, как пример для определения своего места в мире для государств, которые в силу своего географического положения вынуждены выстраивать свою внешнюю политику исходя из окружения.

Одной из таких стран является Монголия. В политической судьбе современных Беларуси и Монголии много общего. Монголия, как и Беларусь, окружена влиятельными соседями. Россия и Китай не только ключевые экспортеры продукции, но и владельцы акций стратегически важных для экономики Монголии месторождений и железных дорог (Российская Федерация). Китай — это источник необходимых для населения и промышленности продукции, и конечно же, крупнейший инвестор. Специалисты называют Китай «спасательным кругом» монгольской экономики [1]. Такие же параллели можно провести и для Беларуси, только заменив Китай на Российскую Федерацию.

Монголия прошла этап давления со стороны соседей. Визит Далай-ламы в 2016 г. в Улан-Батор привел к закрытию границы и введению пошлин на продукцию со стороны Китая. В этих условиях Монголия поступила также как и Беларусь — стала расширять географию политического и экономического сотрудничества. Кардинальным отличием Монголии от Беларуси является наличие природных ресурсов, таких как уран, уголь, сырая нефть, медь, золото и др.

Дипломатические отношения между Республикой Беларусь и Монголией были установлены в 1992 г. Однако обмен посольствами затянулся до 2014 г. На сегодняшний день только Беларусь открыла свое дипломатическое представительство в Монголии [2]. В Беларуси действует лишь консульство Монголии. Политические отношения на фоне диалога с другими государствами региона могут быть охарактеризованы как стабильные, но недостаточно продуктивные для углубления сотрудничества. Визиты на высшем уровне, которые для Беларуси являются двигателем развития отношений, пока так и не состоялись. Однако главы государства имели возможность обсудить вопросы двусторонних отношений на полях саммитов ШОС (2015 и 2018 гг.) и БРИКС (2015 г.). В ходе встречи в 2018 г. Президент Республики Беларусь отметил, что «Беларусь и Монголия располагаются между крупными государствами или блоками, поэтому важно суметь воспользоваться этим положением и найти преимущества с точки зрения экономики» [3]. Президент Монголии в свою очередь выразил готовность развивать экономическое сотрудничество с Беларусью, отметив заметные достижения в сфере сельского хозяйства, которые были бы полезны для Монголии.

Необходимо отметить еще одно достаточно важное для Беларуси направление сотрудничества — межпарламентское. По инициативе белорусской стороны и при поддержке министра иностранных дел Монголии была создана Монголо-Белорусская парламентская группа в Великом Государственном Хурале. Примечательно, что ее возглавляет сам министр иностранных дел. В ходе визита в Беларусь в 2018 г. глава МИД и белорусские парламентарии обсудили важные вопросы двустороннего сотрудничества. Стороны договорились способствовать развитию отношений в экономической, культурной и образовательной сферах. Кроме того, были выделены ключевые площадки для взаимодействия в рамках многостороннего формата. В первую очередь в Парламентской Ассамблее ОБСЕ [4].

Наиболее динамично развивающейся является сфера экономического сотрудничества. Основой для взаимодействия является межправительственное соглаше-

ние о торгово-экономическом сотрудничестве, которое было подписано еще в 1992 г. Однако заметные сдвиги в товарообороте между странами произошли только в 2000-е гг. Так с 2013 г. стала функционировать Совместная Белорусско-Монгольская комиссия по торгово-экономическому сотрудничеству [5]. Всего состоялось четыре заседания. В 2015 г. были созданы Совместная Белорусско-Монгольская комиссия по сотрудничеству в области науки и технологий, а также межведомственная Рабочая группа по сотрудничеству в сфере сельского хозяйства [6]. В целом можно говорить о поступательном развитии сотрудничества в областях, которые представляют значимый интерес для обеих сторон. Вместе с тем данные товарооборота впечатляющими не выглядели. Только в 2012 и 2013 гг. товарооборот превышал 100 млн. долл. Однако уже в 2014 и 2015 гг. взаимная торговля исчислялась показателями в 22,4 и 23,2 млн. долл. соответственно. В 2016 г. продолжалось резкое падение товарооборота до 9,6 млн. долл. Приблизиться к показателям 2014 г. удалось только в 2018 г. Они составили 19,5 млн. долл. Несмотря на достаточно скромные цифры, положительным для Беларуси является превалирование экспорта и минимум импорта из Монголии.

По оценкам белорусских экспертов наиболее продуктивным для белорусской экономики было бы сотрудничество по поставкам карьерной техники. Как известно горнодобывающая отрасль является одной из основных в Монголии [7]. Посол Республики Беларусь в Монголии С. Чепурный отметил наличие ряда других сфер взаимодействия. Так, Монголия проявляет заметный интерес к сотрудничеству в сфере сельского хозяйства. В этой области Беларусь может предложить не только технику, но и технологии. Среди товарных позиций, которые поставляются на рынки Монголии лидирующие позиции занимает молоко и сливки сгущенные и сухие. Кроме того, сливочное масло, хлеб и мучные кондитерские изделия, которые уже являются брендом Беларуси. В качестве важного направления двустороннего взаимодействия называется научно-техническое сотрудничество. На сегодняшний день реализовано свыше 10 совместных проектов. Таким образом, монгольский рынок является довольно перспективным для белорусских товаров.

Говоря о перспективах развития двустороннего партнерства необходимо пристальнее взглянуть на то, какое место занимает сегодня Монголия в регионе. В 2019 г. Монголия стала объектом внимания, благодаря публикации адъюнкт-профессора Джорджтаунского университета под громким названием «Сможет ли Монголия изменить мир еще раз?». Примечательно, что ответ был дан сразу же в следующей строчке — благодаря партнерству с США, Монголия может внести существенный вклад в развитие региона. Отмечая высокий вклад Чингисхана в объединении разрозненного мира, профессор Элмонд утверждает, что Монголия, несмотря на все трудности, готова вновь изменить современный мир [8]. Сотрудничество США и Монголии действительно развивается довольно динамично. Ключевой сферой интересов США является, конечно же, добыча полезных ископаемых. Кроме того, стороны ведут переговоры о масштабном инвестиционном сотрудничестве. Монголия со своей стороны подтверждает интерес к предложениям США сдержанным отношением к сотрудничеству с ШОС и китайской инициативе «Пояс и путь».

Еще одним знаменательным событием в политической жизни Монголии стал визит на высшем уровне Президента Российской Федерации В.В. Путина. Некоторые российские издания назвали его прорывным. В ходе встречи главы государств договорились о подписании нового Договора о дружественных отношениях и всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Россией и Монголией [9]. Кроме того, было анонсировано создание Российско-монгольского фонда инвестиционного сотрудничества, подписаны соглашения в развитии сотрудни-

честв в сферах разведки полезных ископаемых, научно-технической, инфраструктуры.

Каковы же шансы Беларуси в этих новых условиях? Есть серьезные основания полагать, что Беларусь ожидает жесткая конкуренция на рынках Монголии, причем с партнерами, которые имеют серьезный опыт в данной области. Участие Беларуси в проектах по добыче полезных ископаемых представляется маловероятным. Кроме того, борьба за тендеры на поставки техники также может усилиться.

Довольно расплывчатыми выглядят планы сотрудничества в рамках многостороннего формата. В 2018 г. министр иностранных дел Монголии заявил, что в стране неоднозначно относятся к вопросу вступления в ШОС. Есть много аргументов «за» и «против» [10]. Беларусь, также как и Монголия имеет статус страны-наблюдателя, а значит и ограниченный формат участия. В 2015 г. Монголия подписала Меморандум о сотрудничестве с Евразийской экономической комиссией. В целом показатели товарооборота между странами-членами ЕАЭС и Монголии выросли. Однако насколько в них были задействованы механизмы именно ЕАЭС, а не двусторонние соглашения? Кроме того, в ЕАЭС конкуренцию за рынки сбыта никто не отменял. Очевидно, поэтому Беларусь заявляет об углублении именно двухстороннего формата сотрудничества, не акцентируя внимания на дополнительных возможностях в рамках ЕАЭС.

Таким образом, Монголия продолжает оставаться одним из малоизученных островов в одиссее Беларуси в Азии. Вместе с тем, в Монголии республика смогла получить опыт политического выживания и экономического маневрирования. И в очередной раз понимание того, что соприкосновение со странами Азии медленно, но верно ведет к коренным изменениям в экономике страны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Перекроит ли Монголия мир еще раз? // CA-News [Electronic resource]. — Режим доступа: <https://ca-news.org/news:1556908>. — Дата доступа:
2. Посольство Республики Беларусь в Монголии [Официальный сайт]. — Режим доступа: <http://mongolia.mfa.gov.by/ru/>. — Дата доступа:
3. Переговоры с Президентом Монголии Халтмагийн Баттулгой // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/vstrecha-s-prezidentom-mongolii-xaltmagijn-battulgoj-18894/. — Дата доступа:
4. Палата представителей Национального собрания Республики Беларусь [Официальный сайт]. — Режим доступа: <http://www.house.gov.by/ru/news-ru/view/ayputsvayu-57458-2018/>. — Дата доступа:
5. О торгово-экономическом сотрудничестве // Посольство Республики Беларусь в Монголии [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://mongolia.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/trade_economic/cd6a36270ff92747.html. — Дата доступа:
6. Монголия // EXPORT.BY [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://export.by/mongolia>. — Дата доступа:
7. Интервью Чрезвычайного и Полномочного Посла Республики Беларусь в Монголии С. Чепурного газете «Новости Монголии» // Министерство иностранных дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://mfa.gov.by/press/smi/a5f4cd50e0349768.html>. — Дата доступа:
8. Can Mongolia Shape the Modern World Once Again? // The Diplomat [Electronic resource]. — Mode of access: <https://thediplomat.com/2019/07/can-mongolia-shape-the-modern-world-once-again/>. — Date of access:
9. «Союзничество фактическое». О чем свидетельствует визит Путина в Монголию // РИТМ ЕВРАЗИИ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.ritmeurasia.org/news--2019-09-06--sojuznichestvo-fakticheskoe-.o-chem-svidetelstvuet-vizit-putina-v-mongoliju-44711>. — Дата доступа:

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

Г.В. Малишевская

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, malishevskaya@bsu.by*

В статье определяется роль социальных сетей как среды массовых коммуникаций, оказывающей в условиях глобализации и роста мобильного медиа потребление ключевое влияние на формирование смыслов и ценностей. На основе цифровых метрик производится анализ кейсов, реализованных через официальные аккаунты дипломатических ведомств и миссий в социальных сетях, таких как Twitter, Facebook, YouTube. В рамках компаративного анализа выявлены практики, представляющие базовый набор цифровых методов работы в социальных сетях как в плоскости информирования, так и для эффективной реализации антикризисных коммуникаций.

Ключевые слова: цифровая дипломатия; социальные платформы; социальная вовлеченность; персонализация; виральность.

ROLE OF SOCIAL MEDIA IN DIPLOMATIC PRACTICE

G.V. Malishevskaya

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article defines the role of social media as a medium of mass communications, which, in the context of globalization and the growth of mobile media consumption, has a key influence on the formation of meanings and values. The analysis based on digital metrics and cases implemented through official accounts of diplomatic departments and missions on social networks such as Twitter, Facebook, and YouTube was carried out. As part of comparative analysis, best practices are identified and represent the basic set of digital methods in social networks both in the plane of information and for the effective implementation of anti-crisis communications.

Keywords: digital diplomacy; social media; social inclusion; personalization; virality.

В наш век информационного изобилия и мобильности, коммуникативные атрибуты, такие как прозрачность, подлинность, эксклюзивность информации и удобство пользователя, поставлены во главу угла. Вооруженные цифровыми технологиями, пользователи часто оказываются на месте водителя, а не пассажира и сами определяют правила движения в информационном пространстве. Этот пример наглядно иллюстрирует переход власти в информационной сфере от производителей к пользователям; зрители и слушатели сейчас одновременно являются полноценными участниками коммуникаций и заказчиками информационной повестки.

Согласно данным Digital 2019 Report на начало 2019 года 4,3 млрд человек (или 57% населения мира) пользуются интернетом; 45% пользуются социальными сетями, причем 42% делают это с использованием мобильных устройств [1]. В Беларуси социальными сетями каждый день пользуются 44,6% населения, а мессенджерами (Viber, Skype, WhatsApp и др.) -- почти половина [2]. Информационные потоки благодаря социальным сетям свободно перемещаются по цифровому миру. В среднем пользователь сегодня имеет 8, 5 аккаунтов в различных социальных сетях и ежедневно тратит на них более двух часов своего времени [3]. Люди все чаще получают новостные сообщения из социальных сетей, где они персонализированы, эмоционально окрашены и подаются в определенной

тональности. Как говорится, сегодня войны выигрывают не пушки, а хорошо рассказанные истории.

Согласно исследованиям Diplimacy.Live лидирующей социальной сетью для министерств иностранных дел является Твиттер. 83% ведомств ведут официальные аккаунты в этой сети [4]. С Твиттером по степени значимости может конкурировать только Фейсбук – сеть позволяет вести несколько официальных аккаунтов на разных языках и активно работать с сообществами как внутри своей страны, так и за границей через группы и официальные страницы.

В 2018 году социальная сеть Фейсбук выпустила методическое руководство «Digital Diplomacy on Facebook. Best Practice Guide. 2018», в котором позиционирует себя как эффективный инструмент «цифровой дипломатии». В преамбуле документа ситуация в мире характеризуется следующим образом: «Мы живем в мире, где отношения между странами больше не ориентированы на государство, а состоят из множества действующих лиц: власть перешла от государств к сетям. Дипломатическая работа больше не ограничивается культурными, финансовыми, социальными, общественными, экономическими или политическими вертикалями. Существует совершенно новый вид дипломатии, охватывающий все из них, который практикующие должны адекватно воспринимать и понимать, чтобы добиться успеха: цифровая дипломатия». Авторы позиционируют себя как «окно в министерства иностранных дел, посольства и дипломатический мир», которого раньше не было. И отмечают, что сеть является идеальным местом «для использования ресурсов мягкой силы». Документ содержит перечень инструментов (в том числе рекламных), форматов и инструкций по ведению аккаунта дипломатического представительства [5, р.4].

Между тем, дипломатическим службам приходится постоянно адаптировать инструменты «мягкой силы» к новым технологическим вызовам цифровой среды. Наиболее точно тренды данной темы отражены в «Стратегических планах Госдепартамента США по информационным технологиям». Так, согласно «Стратегическому плану Госдепартамента США по информационным технологиям за 2011–2013 годы», суть цифровой дипломатии заключается в возможности «расширения сотрудничества и обмена информацией между внутренними и внешними заинтересованными сторонами, благодаря применению современных инструментов, доступных в области социальных сетей, а также информационным ресурсам с расширенными функциональными возможностями Facebook, Diplopedia, Twitter, LinkedIn, Communities@State, инструментам обмена информацией и системам управления данными» [6, с.124]. То есть, в указанный период заявленные в Стратегии цели США лежат преимущественно в плоскости коммуникаций, а практика «цифровой дипломатии» строится на использовании социальных сетей и интернет-технологий, с применением не только английского, но и других иностранных языков, и опираясь на культурные традиции.

В «Стратегии» на 2019-2022 годы акцент сделан на том, как наиболее эффективно и безопасно технически и технологически обеспечивать цифровое взаимодействие. В «Стратегическом плане Госдепартамента по информационным технологиям на 2019-2022 годы» в качестве первого целевого показателя выделены данные как стратегический ресурс [7, р.5]. Действительно, цифровые данные сегодня являются стратегическим активом. Систематизация и анализ данных позволяет глубже понимать потребности и актуальные задачи сообществ и групп, оценивать происходящие процессы в динамике. Поэтому повышение эффективности работы пользователей и самих дипломатических миссий с данными определены в качестве второй цели «Стратегии». Для дипломатических миссий предполагается разработать специализированные инструменты, которые обеспечат доступ к данным, возможность вычленять необходимую информацию из больших массивов и

использовать ее для анализа. В числе приоритетов также мобильность и безопасность. В «Стратегии» отмечается: «Мы ожидаем, что спрос на мобильную функциональность будет продолжать расти, и Департамент стремится развивать ИТ услуги, которые позволяют сотрудникам общаться вне ведомственных и физических границ... Дипломатам нужны мобильные средства коммуникации и доступ к информации, когда они нуждаются в ней... Системы и приложения для мобильных платформ с интегрированной безопасностью станут стандартом. Как результат трудовые ресурсы станут мобильными, будут оснащенными знаниями и ресурсами, необходимыми для осуществления современной дипломатии» [7, р.7].

Схожие подходы нашли свое выражение в специальном индексе «мягкой силы», впервые подготовленном проектом Portland в 2016 году. Первым лидером рейтинга стали США, которые затем уступили позиции Великобритании, Франции (лидер 2019 года), Германии и Швеции. Как отмечает Дж. Най-мл. лозунг Д. Трампа «America First» (Америка в первую очередь) может удачно апеллировать к некоторым американцам, но для зарубежных сообществ он звучит как понижение их статуса: «твиты Трампа помогли ему определить глобальную повестку дня, но они не производят мягкой силы, если они не привлекательны для других [8, р.50]. Персональный стиль Д. Трампа сделал его самым популярным политиком в Твиттере. Если в 2018 году у Д. Трампа было более 55 млн. подписчиков, то в октябре 2019 года их количество увеличилось до 66,5 миллионов. Однако, продвижению национальных интересов методами «цифровой дипломатии» это не поспособствовало.

Свою роль, безусловно, сыграли и агрессивные личные нападки президента США на лидеров других стран, что не могло не иметь общественного резонанса. Например, в ноябре 2018 года Д. Трамп разместил в своем Твиттере несколько оскорбительных сообщений в адрес президента Франции и предложил «Сделать Францию великой опять!» В ответ Э. Макрон заявил, что он не занимается твиттер-дипломатией.

Важно отметить, что в тот момент, когда профессиональное сообщество впервые определило глобальных «цифровых» лидеров, мир реальной политики сотрясали политические скандалы, связанные с манипулятивными практиками в социальных сетях. Так, выборы президента США 2016 года были отмечены беспрецедентными претензиями в связи с возможным российским вмешательством в пользу Д. Трампа. Речь шла в том числе об утечке личных данных пользователей социальной сети Фейсбук и их использовании с целью повлиять на отношение избирателей к демократическому кандидату Х. Клинтон.

Основатель социальной сети М. Цукерберг был вынужден дважды пройти процедуру дачи показаний в Конгрессе США, отвечал на вопросы европейских парламентариев о технических решениях для предотвращения политической дезинформации. На слушаниях 24 октября 2019 года в Вашингтоне основателя социальной сети вновь укоряли за неспособность Фейсбук остановить распространение политической дезинформации накануне президентских выборов в США в 2020 году. А также упрекали в том, что сеть и сегодня способствует распространению радикальных взглядов и разжиганию ненависти [9].

И, тем не менее, упомянутый выше проект Portland, который производит расчет индекса «мягкой силы» государств, включает в качестве одного из шести объективно измеряемых субиндексов цифровизацию (Digital). И часть метрик основаны именно на аудиторных данных социальной сети Фейсбук:

Digital

Facebook followers for heads of state or government (outside of country)	Facebook
Facebook engagement score for heads of state or government (outside of country)	Facebook
Facebook followers for ministry of foreign affairs (outside of country)	Facebook
Facebook engagement score for ministry of foreign affairs (outside of country)	Facebook
Number of internet users per 100 inhabitants	World Bank
Secure internet servers per 1 million people	World Bank
Internet bandwidth (thousands Mbps)	International Telecommunication Union
Government Online Services Index	United Nations E-Government Knowledgebase
E-participation Index	United Nations E-Government Knowledgebase
Fixed broadband subscriptions per 100 people	World Bank

Чем объясняется такое внимание к количественным показателям именно Фейсбука? Как отмечают авторы индекса, мы часто забываем, в чем именно заключается значимость сетей. Эмоции являются ключом к этой возрастающей цифровизации публичной дипломатии: «мы не можем полностью понять цифровую дипломатию без учета власти эмоций в культивировании идентичности. А именно идентичность лежит в основе публичной дипломатии» [10, р.91]. Эмоции, импульсивность и любопытство подталкивают пользователей к противоречивым и неожиданным для исследователей действиям. Так, в декабре 2017 года Фейсбук заявил об отмене специальной кнопки Disapproved Flags, внедренной год назад и говорящей о том, что новость, возможно, является сомнительной. В Фейсбук пришли к выводу, что такая отметка не убеждает пользователей в том, что они просматривают сомнительный контент, а, как ни парадоксально, увеличивает интерес к нему, что отображается в увеличении количества взаимодействий: лайков и репостов, что способствует более широкому распространению такого контента, делает его виральным [11].

Что же могут предложить сообществам в социальных сетях дипломатические службы? В первую очередь – системную работу, направленную на проактивное информационное сопровождение деятельности дипломатического ведомства. Регулярное участие в значимых для страны социальных проектах, а также управление антикризисными коммуникациями и оперативное реагирование на острые информационные вызовы. Это позволит выстроить доверительные отношения к внешнеполитическому ведомству страны. Что как минимум будет способствовать укреплению национальной идентичности. А использование таких цифровых инструментов анализа как www.buzzsumo позволяют определить наиболее успешные практики и форматы дипломатических миссий, работающих на данной территории. Изучение цифровых данных позволит сделать комплексную работу в социальных сетях более эффективной.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Digital 2019 Report [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://datareportal.com/reports/digital-2019-global-digital-overview>).

2. Подвальская. В. Контакте стал самой популярной соцсетью в Беларуси – социолог // Евразия эксперт [Электронный ресурс]. 7 августа 2019. – Режим доступа: <https://eurasia.expert/vkontakte-stal-samoy-populyarnoy-sotssetyu-v-belarusi>.
3. GlobalWebIndex's flagship report on the latest trends in social media // GlobalWebIndex [Электронный ресурс]. 2018. – Режим доступа: <https://www.globalwebindex.com/hubfs/Downloads/Social-H2-2018-report.pdf>.
4. Manning A. The Countries Leading The Way In Digital Diplomacy. Vocativ. [Электронный ресурс]. 11.06.2016. – Режим доступа: <https://www.vocativ.com/338889/how-the-best-country-at-digital-diplomacy-failed-irl/index.html>.
5. Digital Diplomacy on Facebook [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.facebook.com/gpa/connect-with-your-audience>.
6. Цит. по: Барышников Д.Н., Туленков А.Н. «Цифровая дипломатия» и государственный суверенитет в эпоху глобализации. Вестник СПбГУ. Серия 6, 2021. Выпуск 4. С.121 -128.
7. Information Technology Strategic Plan. Fiscal Years 2019-2022 // U.S. Department of State. – Режим доступа: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/04/FY-2019-2022-ITSP_FINAL-508._with-Signature.pdf.
8. Nye J.-Jr. American Soft Power after Trump// The Soft Power 30. <https://softpower30.com>.
9. Основателя Facebook Марка Цукерберга снова допросили в конгрессе. С пристрастием // BBC. Русская служба. 24 октября 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/features-50170077>; Скандал с Cambridge Analytica: Марк Цукерберг признал, что "не оправдал доверия" // BBC. Русская служба. 22 марта 2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/news-43496042>; Глава Facebook Марк Цукерберг отверг обвинения Трампа в сговоре против него // BBC. Русская служба. 28 сентября 2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/news-41423522>.
10. Duncombe C. Feeling digital diplomacy: Soft power, emotion, and the future of public diplomacy //The Soft Power 30. The Global Ranking of Power. 2019. – Режим доступа:<https://softpower30.com>.
11. Smith J. Designing Against Misinformation// Medium [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://medium.com/facebook-design/designing-against-misinformation-e5846b3aa1e2>.

МНОГОСТОРОННЯЯ ДИПЛОМАТИЯ ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ (НА ПРИМЕРЕ ЗАСЕДАНИЯ СОВЕТА ГЛАВ ГОСУДАРСТВ В ОКТЯБРЕ 2019 Г.)

А.В. Русакович

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, andrei.rusakovich12@gmail.com*

В статье на примере заседания Совет глав государств рассматриваются основные направления, механизмы и особенности многосторонней дипломатии в СНГ. Автор отмечает, что многосторонняя дипломатия в рамках СНГ позволяет с учетом национально-государственных интересов государств-участников формировать необходимый для региона уровень взаимодействия в рамках данной организации.

Ключевые слова: многосторонняя дипломатия; политическое сотрудничество; Совет глав государств; экономическое взаимодействие.

MULTILATERAL DIPLOMACY OF THE MEMBER STATES OF THE COMMONWEALTH OF INDEPENDENT STATES (EXAMPLE OF THE MEETING OF THE COUNCIL OF HEADS OF STATES IN OCTOBER 2019)

A.Rusakovich

*Belarusian State University, Niezalieznasci Avenue, 4, 220030,
Minsk, Republic of Belarus, andrei.rusakovich12@gmail.com*

The article discusses the main directions, mechanisms and features of multilateral diplomacy in the CIS. The author notes that multilateral diplomacy within the CIS allows taking into account the national-state interests of the participating states to form the level of interaction necessary for the region within the framework of this organization

Key words: multilateral diplomacy; political cooperation; Council of Heads of State; economic cooperation.

Содружество Независимых Государств представляет собой региональную международную организацию и является формой сотрудничества постсоветских государств. Отличительными особенностями СНГ являются организация взаимодействия практически во всех сферах межгосударственного общения, гибкость механизмов и форматов сотрудничества. Механизм межгосударственного сотрудничества позволяет учитывать разный уровень готовности стран к реализации совместных проектов и предоставляет возможность участия в интеграционных процессах в той мере и в тех сферах, которые отвечают их национальным интересам. Например, среди государств-участников лидерами по реализации принятых в рамках СНГ решений являются Беларусь, Россия, Кыргызстан, Таджикистан, Казахстан. С учетом своих национально-государственных интересов ряд стран минимизировали свое участие в организации, например, Туркменистан является ассоциированным членом СНГ, не проявляют активности в разработке и реализации принятых решений Узбекистан, Азербайджан. Украина в феврале 2019 г. заявила о завершении процесса выхода из координационных органов СНГ и постепенном прекращении своего участия в других договорах в рамках содружества.

В СНГ государства-участники осуществляют различные направления сотрудничества, разработка и реализация которых обеспечивается координирующими институтами и национальными правительствами на основе принятых правовых актов.

Многосторонняя дипломатия в СНГ осуществляется путем функционирования системы органов и институтов, которые принимают решения, направленные на реализацию целей и задач Содружества. В соответствии с уставом, органами СНГ являются: Совет глав государств, Совет глав правительств, Совет министров иностранных дел, Совет министров обороны, Совет командующих пограничными войсками, Экономический суд, органы отраслевого сотрудничества (советы, комитеты). Межпарламентская ассамблея представляет собой механизм сотрудничества парламентов государств-участников. Институциональная система СНГ позволяет согласовывать и реализовывать решения государств-участников по широкому спектру взаимодействия [1; 2, с. 36–54].

Политическое сотрудничество в СНГ направлено на выработку согласованных подходов к решению актуальных вопросов региональной и мировой политики, представляющих взаимный интерес. Важнейшие направления взаимодействия в этой области – сохранение региональной и глобальной безопасности, противодействие новым вызовам и угрозам, развитие и продвижение общепризнанных демократических норм и принципов.

В экономической сфере создана международно-правовая база развития торгово-экономических отношений, функционируют различные органы отраслевого сотрудничества. Одной из первоочередных задач является проблема реализации потенциала экономического сотрудничества СНГ в комплексном решении социально-экономических и других вопросов. К наиболее перспективным направлениям для развития взаимодействия в этом отношении относятся создание международных транспортно-коммуникационных коридоров, развитие энергетического и научно-технического партнерства, наращивание экспортных возможностей и стимулирование инвестиционной деятельности. В СНГ пройден путь от единого народнохозяйственного комплекса СССР к совокупности взаимосвязанных экономик государств региона. Стратегия экономического развития Содружества Независимых Государств на период до 2020 г., предусматривает формирование и развитие системообразующих аспектов экономического сотрудничества – межгосударственного инновационного пространства, торгово-экономического сотрудничества на основе эффективного функционирования зоны свободной торговли, рынков труда и услуг, социально-экономической и валютно-финансовой сферы, повышение эффективности использования материальных и природных ресурсов, охрану окружающей среды [1]. В настоящее время разработан и обсуждается проект Стратегии экономического развития СНГ на период до 2030 г.

В 2016 г. был согласован Протокол между государствами-участниками Договора о зоне свободной торговли от 18 октября 2011 г. о правилах и процедурах регулирования государственных закупок. В последние годы в Содружестве был проделан значительный объем работы по улучшению инвестиционного климата. Это нашло отражение в рейтингах международных организаций и увеличении объемов иностранных инвестиций. В СНГ принята и реализуется Межгосударственная программа инновационного сотрудничества государств–участников на период до 2020 г. Основные направления Концепции формирования и развития рынка интеллектуальной собственности государств–участников направлены на совершенствование механизмов управления интеллектуальной собственностью, развитие инновационного предпринимательства, повышение конкурентоспособности товаропроизводителей. Стратегия сотрудничества государств–участников СНГ в построении и развитии информационного общества на период до 2025 г. определяет цели, задачи, принципы и основные направления сотрудничества в области использования информационно-коммуникационных технологий для продвижения по пути построения и развития информационного общества.

В последние годы предусмотрена реализация мер, направленных на совершенствование деятельности Экономического Суда Содружества Независимых Государств и перевод его на новый формат работы.

Важной сферой взаимодействия государств СНГ является сотрудничество в сфере безопасности, противодействию организованной преступности. В Содружестве Независимых Государств создана, функционирует и совершенствуется комплексная правовая и организационная система противодействия терроризму.

Одно из приоритетных мест в интеграционных процессах на пространстве СНГ занимает гуманитарное сотрудничество. Это обусловлено исторически сложившимися связями, тяготением народов к взаимному духовному обогащению, образовательному, культурному и научному обмену. Эффективной формой реализации согласованной совместной деятельности, новых проектов и программ являются форумы творческой и научной интеллигенции государств СНГ, проведение ежегодных годов по гуманитарной тематике. Так, 2017 г. был объявлен в СНГ Годом семьи, 2018 г. – Годом культуры, 2019 г. – Годом книги. В Содружестве действуют отраслевые советы в области образования, науки, культуры, здравоохранения, туризма, по делам молодежи, реализуются концепции со-

трудничества в сфере культуры и развития образования в сфере культуры и искусства государств-участников СНГ.

Совет глав государств СНГ является признанным и эффективным механизмом многосторонней дипломатии в рамках СНГ. В октябре 2019 г. на заседании Совета глав государств СНГ в Ашхабаде была принята Декларация о стратегическом экономическом сотрудничестве государств – участников СНГ [3]. Президент Беларуси А. Лукашенко подчеркнул важность и актуальность принятого документа: «События в мире показывают, что назрела объективная необходимость укрепления нашего Содружества как самодостаточного и эффективного объединения. А экономика была и остается фундаментом нашего взаимодействия. И очень важно, что этот документ еще раз подтвердил стремление к консолидации экономических потенциалов стран Содружества, к углублению производственно-кооперационных и торговых связей» [4]. По мнению белорусской стороны, важнейшей задачей экономической повестки дня остается формирование полноценной зоны свободной торговли, а также завершение работы над проектом Соглашения о свободной торговле услугами.

Совет глав государств СНГ на заседании в Ашхабаде одобрил Программу сотрудничества государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма на 2020–2022 гг. [3]. Этот документ развивает положения межгосударственной программы совместных мер борьбы с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма на 2017–2019 гг., в которой было предусмотрено расширение спектра задач по борьбе с терроризмом и экстремизмом, а также состава исполнителей, задействованных в реализации практических мероприятий. В своем выступлении на заседании Совета Президент Беларуси констатировал, что угрозы безопасности доминируют в списке современных вызовов человечеству и их количество быстро растет и обратился с просьбой к участникам саммита поддержать белорусскую инициативу о формировании пояса цифрового добрососедства, в качестве механизма реализации которой предполагается заключение соглашений об обеспечении информационной безопасности [4].

На заседании Совет глав государств СНГ в Ашхабаде было принято Обращение глав государств – участников СНГ к народам стран Содружества и мировой общественности в связи с 75-летием Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Как подчеркнул Президент Беларуси, «Победу в этой войне подарил нам великий советский народ. Умирая в осажденной Брестской крепости и блокадном Ленинграде, сражаясь под Сталинградом и Курском, освобождая Европу и штурмуя Берлин, русские, белорусы, украинцы, казахи, армяне, азербайджанцы, молдаване, грузины, кыргызы, таджики, туркмены и узбеки, другие народы не думали о своей национальной принадлежности. Они были едины, водружая Знамя Победы над Рейхстагом. Значит, и наша Победа должна быть единой и неделимой!» [4].

Совет глав государств СНГ в Ашхабаде также принял решение о Председателе Исполнительного комитета – Исполнительном секретаре Содружества Независимых Государств и одобрил кандидатуру С. Лебедева для продолжения работы в этой должности. Также была принята Конвенция государств – участников Содружества Независимых Государств о передаче исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, а также ряд протокольных решений. В частности, Президент Узбекистана Ш. Мирзиёев изложил краткую концепцию предстоящего председательства в СНГ и подтвердил преемственность интеграционной работы в рамках СНГ. По единогласному решению Совета сопредседателями будут Туркменистан как страна, делегирующая миссию председательства, и Беларусь как страна, претендующая на председительство в 2021 г. [5].

Саммит СНГ традиционно выступил и в качестве площадки для двусторонних встреч глав делегаций.

Таким образом, многосторонняя дипломатия в рамках СНГ позволяет с учетом национально-государственных интересов государств-участников формировать необходимый для региона уровень взаимодействия в рамках данной организации: в политической сфере – сохранение постсоветской геополитической реальности, укрепление региональной безопасности, поддержка государственности; в экономической сфере – реализация принципов зоны свободной торговли; развитие сотрудничества в культурной, образовательной, научной и других областях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. О Содружестве Независимых Государств // Исполнительный комитет СНГ: сайт. Минск, 2019. URL: <http://www.cis.minsk.by/page.php?id=174> (дата обращения: 19.10.2019).
2. Русакович, А. В. Интеграционные процессы на постсоветском пространстве. Минск: РИВШ, 2019.
3. Перечень документов, принятых на заседании Совета глав государств Содружества Независимых Государств 11 октября 2019 года, город Ашхабад // Исполнительный комитет СНГ: сайт. Минск, 2019. URL: <http://cis.minsk.by/news.php?id=12223> (дата обращения: 19.10.2019).
4. Участие в заседании Совета глав государств СНГ 11 октября 2019 года // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь: сайт. Минск, 2019. URL: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/rabochij-vizit-v-turkmenistan-22184/ (дата обращения: 18.10.2019).
5. Об итогах заседания Совета глав государств Содружества Независимых Государств // Исполнительный комитет СНГ: сайт. Минск, 2019. URL: <http://cis.minsk.by/news.php?id=12223> (дата обращения: 19.10.2019).

БЕЛОРУССКО-ЛИТОВСКОЕ КУЛЬТУРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В 2016-2018 гг.

Л.В. Слуцкая

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, slutskayalv@bsu.by*

Рассматриваются основные направления белорусско-литовского культурного сотрудничества, реализованные в рамках Программы сотрудничества между Республикой Беларусь и Литовской Республикой в области культуры на 2016-2018 гг. Раскрыто значение культурных мероприятий, проходивших в рассматриваемый период. Белорусско-литовский диалог культур способствует взаимовлиянию, стабильности и непрерывности межгосударственных отношений, создает благоприятную платформу для их развития.

Ключевые слова: Беларусь, Литва, культура, сотрудничество, историческое наследие, культурная дипломатия

BELARUSIAN-LITHUANIAN CULTURAL COOPERATION IN 2016-2018

L.V. Slutskaya

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus
Corresponding author: L.V. Slutskaya (slutskayalv@bsu.by)*

The main directions of the Belarusian-Lithuanian cultural cooperation, implemented in the framework of the Program of cooperation between the Republic of Belarus and the Republic of Lithuania in the field of culture for 2016-2018, are considered. The significance of cultural events held during the period under review is disclosed. The Belarusian-Lithuanian dialogue of cultures promotes stability and continuity of interstate relations, creates a favorable platform for their development.

Key words: Belarus; Lithuania; culture; cooperation; historical heritage; cultural diplomacy.

Белорусско-литовские политические отношения последние годы омрачены проблемой строительства Белорусской АЭС в непосредственной близости от литовской столицы. Политическая напряженность между двумя странами отодвинула вопросы культурного сотрудничества на второй план. Тем не менее, политические разногласия не смогли существенно повлиять на развитие отношений в культурной сфере. Культурное взаимодействие по-прежнему остается приоритетным направлением двусторонних отношений, поскольку культура наиболее естественный процесс, который напрямую формирует образ страны и позволяет проникнуть в суть национального характера. В случае Беларуси и Литвы этому способствуют общие исторические и культурные традиции.

Правовая основа межгосударственного взаимодействия двух стран в области культуры была заложена в Договоре о сотрудничестве в сфере культуры от 22 ноября 2001 г., Соглашении между министерствами культуры Беларуси и Литвы о сотрудничестве в области охраны исторического и культурного наследия от 2 февраля 2009 г., а также, разрабатываемой на двухгодичный период, Программе сотрудничества в области культуры между Министерством культуры Республики Беларусь и Министерством культуры Литовской Республики на 2016-2018 годы от 29 апреля 2016 г. Кроме того, активно осуществляется межведомственное сотрудничество, которое обеспечено двусторонними соглашениями «между музейными учреждениями, в том числе между Национальным художественным музеем Республики Беларусь и Художественным музеем Литвы, Национальным историческим музеем Республики Беларусь, учреждением «Музей Замковый комплекс “Мир”», Несвижским дворцово-парковым комплексом и Национальным музеем «Дворец великих князей литовских», Государственным литературно-мемориальным музеем Якуба Коласа и Литературным музеем А.С. Пушкина (Вильнюс), Государственным музеем истории театральной и музыкальной культуры Республики Беларусь и Государственным музеем театра, музыки и кино Литовской Республики» [1].

Одним из приоритетных направлений белорусско-литовского культурного сотрудничества является популяризация культурного и исторического наследия двух стран. За период реализации Программы в области культуры 2016-2018 гг. можно выделить ряд знаковых событий, среди которых наиболее значимыми стали мероприятия, приуроченные к 500-летию белорусского книгопечатания. Данный юбилей был внесен в Календарь памятных дат ЮНЕСКО. С 4 мая по 4 июня 2017 г. в Национальном музее «Дворец великих князей литовских» проходила международная выставка-проект «Дорогами Скорины с Белгазпромбанком», на которой был представлен оригинал «Малой дорожной книжки», напечатанной Ф. Скориной в 1522 году в Вильнюсе, а также «Книга Иова» из собрания Национальной библиотеки Беларуси. Для проекта был специально снят документальный фильм о жизни и деятельности Ф. Скорины. Реализация такого проекта затронула не только белорусско-литовские отношения, но и способствовала продвижению национальных интересов на европейском пространстве: «Нам бы хотелось представить выставку во всех городах, где Франциск Скорина оставил свой след, — сказал председатель правления Белгазпромбанка В. Бабарико. — Это Полоцк, Вильнюс, Краков, Прага, Падуя и, возможно, Калининград. Мы начнем турне с Вильнюса, а завершим осенью в Минске. Так спустя 500 лет мы вместе с Национальной библиотекой будем представлять Скорину в Европе» [2]. Пожалуй самым ярким событием, посвященным юбилею книгопечатания, стала презентация факсимильного издания первого в мире «Букваря славянского языка» карманного формата, изданного в Вильнюсе в 1618 г. типографией право-

славного братства Святого Духа. Мероприятие состоялось 28 ноября 2018 г. в Литовской национальной библиотеке им. М. Мажвидаса: «Нам особенно приятно представлять сегодня факсимильное издание первого “Букваря” в Вильнюсе, поскольку это родина его издательства», – заявил заместитель директора Национальной библиотеки Беларуси А. Суша [3]. Данный юбилей наглядно продемонстрировал, что белорусская культура оставила яркий след в истории Вильнюса. Мероприятия, посвященные 500-летию белорусского книгопечатания, еще раз подтвердили общее историческое прошлое двух народов и способствовали укреплению межкультурного диалога.

Последовательно осуществляется взаимодействие между Беларусью и Литвой в восстановлении культурного и исторического наследия двух стран. Так, в период с 2016-2017 гг. в рамках совместного белорусско-литовского проекта «Исследования и концепция приспособления к посещению усыпальницы княжеского рода Радзивиллов в крипте Несвижского костела» проходило изучение захоронений семьи Радзивиллов. По словам директора департамента культурного наследия Министерства культуры Литвы Д. Варнайте, «Гробница с захоронениями Радзивиллов в Несвиже является уникальным объектом культурного наследия – одним из крупнейших мавзолеев одного рода во всей Европе. Это важное наследие времен Великого Княжества Литовского является свидетельством жизни и захоронения католической ветви рода Радзивиллов» [4]. За время проведения исследований, в гробницах были обнаружены уникальные вещи: одежда, награды, оружие, предметы религиозного культа. По словам директора Национального историко-культурного музея-заповедника «Несвиж» С. Климова, «наиболее значимые решили извлечь из саркофагов и оставить на хранение в фондах музея-заповедника “Несвиж” для дальнейшей реставрации и экспонирования. Такая практика... позволяет сохранить артефакты и сделать их доступными для изучения специалистами. Для Беларуси, где было уничтожено немало историко-культурных ценностей, этот вопрос приобретает особую актуальность» [5].

Отдельным направлением межкультурного взаимодействия Беларуси и Литвы стали встречи деятелей искусств, культурные обмены и гастроли театральных и творческих коллективов, проведение выставок художников и фотографов, увековечивание имен выдающихся деятелей культуры. Традиционно белорусские музыкальные коллективы принимают участие в Международном фестивале классической музыки имени Михаила Огинского в г. Плунге, Международном фестивале русской духовной музыки в Литве, а представители Литвы участвуют в Минском международном кинофестивале «Лістапад» и Международном фестивале искусств «Славянский базар в Витебске». Наглядным примером взаимопроникновения и взаимовлияния культур является ежегодный фестиваль «Свята беларускай песні», который проходит при поддержке Департамента по делам национальных меньшинств Литвы, Посольства Беларуси и самоуправления города Шальчининкай. Несмотря на отсутствие новой программы культурного сотрудничества на 2019-2021 гг., 28 сентября 2019 г. в Шальчининкае состоялся очередной XXIII фестиваль белорусской песни. Более того, в нынешнем году формат фестиваля был расширен, в нем участвовали не только творческие коллективы, но и выступали дуэты и солисты. Благодаря фестивалю происходит непосредственное соприкосновение с самобытной культурой Беларуси, обмен опытом и расширение творческих связей двух государств.

Важное значение имеет возвращение в белорусско-литовское пространство имен и наследия известных уроженцев Беларуси. Например, в 2016 г. был реализован выставочный проект «Время и творчество Льва Бакста», в 2017 г. к 135-летию со дня рождения Я. Коласа в Вильнюсе была открыта мемориальная доска, а в 2018 г. была открыта постоянная экспозиция, посвященная белорусскому по-

эту в музее А.С. Пушкина. Особое место в белорусско-литовском диалоге занимают достижения современных белорусских художников. Так, в 2017 г. в Вильнюсе в рамках арт-проекта «Осенний салон с Белгазпромбанком» проходила выставка «Сегодня и завтра. Молодые художники из Беларуси», где были представлены работы белорусских художников разных направлений: живопись, графика, фотография, объекты. Текущий год также ознаменовался рядом художественных выставок: «Доброта мира глазами белорусских художников», «Скарбы роднага краю», проходившие в Вильнюсе и «Беларускі шлях» - в Клайпеде.

Таким образом, культурное сотрудничество между Республикой Беларусь и Литовской Республикой продолжает активно развиваться независимо от политического контекста. Белорусско-литовское культурное взаимодействие, осуществляемое в рамках Программы 2016-2018 гг., было направлено на сохранение общих исторических ценностей, создание благоприятных условий для развития творческой активности и реализации разноплановых инициатив в области культуры, искусства, библиотечного и музейного дела, развития национальных культур. Интенсивность белорусско-литовских культурных контактов свидетельствует о неразрывной связи двух стран, их общем стремлении укреплять не только культурные связи, но и расширять взаимодействие в решении общих проблем. Белорусско-литовское сотрудничество в области культуры выступает в качестве действенного инструмента культурной дипломатии между Беларусью и Литвой, содействует духовному взаимовлиянию двух народов, пытаясь смягчить тональность межгосударственных отношений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Сотрудничество в области культуры, образования, науки, здравоохранения, туризма, физической культуры и спорта / Официальный сайт Посольства Республики Беларусь в Литовской Республике. – Электронный ресурс. – Режим доступа: http://lithuania.mfa.gov.by/print/ru/bilateral_relations/cultural/. – Дата доступа: 17.10.2019.

2. Литовская столица стала первой остановкой в путешествии «Дорогами Скорины с Белгазпромбанком». – Электронный ресурс. – Режим доступа: <https://artbelarus.by/ru/news/354.html>. – Дата доступа: 18.10.2019.

3. Прилепко, А. В Литве представили первый в мире славянский «Букварь». – Электронный ресурс. – Режим доступа: <https://ru.delfi.lt/news/live/v-litve-predstavili-pervyj-v-mire-slavyanskij-bukvar.d?id=79735117>. – Дата доступа: 18.10.2019.

4. Литва и Беларусь продолжают исследовать захоронения Радзивиллов в Несвиже – Электронный ресурс. – Режим доступа: <https://m.ru.delfi.lt/misc/article.php?id=72419666>. – Дата доступа: 17.10.2019.

5. Олейник, Е. Личные вещи князей из усыпальницы Радзивиллов выставят в Несвижском замке – Электронный ресурс. – Режим доступа: mlyn.by/2019/05/lichnye-veshhi-knyazej-iz-usypalnitsy-roda-radzivillov-vystavyat-v-nesvizhskom-zamke/. – Дата доступа: 17.10.2019.

ПРОТИВОРЕЧИЯ ШВЕДСКОГО НЕЙТРАЛИТЕТА В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В.В. Трошко¹⁾, В.Г. Шадурский²⁾

*¹⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, vtroshkoff@gmail.com*

*²⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, shadursky@bsu.by*

В статье рассматриваются основные противоречия шведского нейтралитета в годы войны. Особый акцент сделан на двойственности внешней политики Швеции в данный период. В публикации анализируются основные сферы сотрудничества Швеции и нацистской

Германии, выявляются причины поведения шведского правительства в условиях военной угрозы. Отмечается, что шведы предпочитали не идеализировать свой политический курс и называют его «фактически постоянным» нейтралитетом. Авторы приходят к выводу, что Швеция была скорее невоюющей страной, чем нейтральной.

Ключевые слова: государственный нейтралитет; Швеция; Германия; СССР; внешняя политика; Вторая мировая война.

CONTRADICTIONS OF SWEDISH NEUTRALITY IN THE YEARS OF THE SECOND WORLD WAR

V.V. Troshko, V.G. Shadursky

a) Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

b) Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

Corresponding author: V.V. Troshko (vvtroshkoff@gmail.com)

The article discusses the main contradictions of Swedish neutrality. Particular emphasis is placed on the duality of Sweden's foreign policy in this period. This work describes the main areas of cooperation between Sweden and Nazi Germany and explains the origins of the behavior of the Swedish government in difficult conditions of military threat. It is important that the Swedes prefer not to idealize their political course and call it “virtually permanent” neutrality. The basis of the research methodology is the principle of scientific objectivity when working with both Russian and foreign sources. The authors conclude that Sweden was more of a non-belligerent country than a neutral one.

Keywords: *state neutrality; Sweden; Germany; foreign policy; Second world war; USSR.*

Характерные для современного мира процессы глобализации, интеграции, регионализации заметно меняют отношения между государствами и их внутреннюю политику. Изменение отношения к нейтралитету в целом и нейтралитету Швеции в частности не является исключением. Понимание нейтралитета трансформируется вместе с мировым устройством. Так, с увеличением числа региональных конфликтов нейтралитет все чаще представляется как форма разрешения конфликтов, расширения диалога.

Нейтральный статус – понятие, которое ранее рассматривалось как состояние, начинавшееся с наступлением юридического состояния войны. Однако сейчас, такие государства, как Австрия, Ватикан, Камбоджа, Мальта, Республика Сан-Марино, Туркменистан, Швейцария признаны нейтральными и в мирных условиях. Это значит, что они отказываются вступать в какие-либо военные блоки, склонять другие государства к войне и др. [1].

Республика Беларусь в своей внешней политике также стремится к нейтралитету, который упоминается в ст. 18 конституции страны. Стремление к нейтралитету подтверждается тем, что Беларусь является площадкой для проведения переговоров по урегулированию украинского кризиса. Ценность этого признается мировым сообществом [2].

В ходе исторического процесса внезапные военные действия во многих случаях «сметали» нейтралитет государства. В качестве примера, можно привести Бельгию, нейтралитет которой игнорировался дважды – во время Первой и Второй мировых войн. Во время «холодной войны», когда нейтралитет сам по себе имел довольно важное значение в международных отношениях, исследователи начали уделять более пристальное внимание вопросам нейтралитета [3].

Шведский нейтралитет, признающийся наиболее известным и продолжительным, даже в наше время является и наиболее противоречивым, так как он

нигде не зафиксирован. Нейтральность Швеции основана лишь на одностороннем заявлении, она не прописана ни в шведской Конституции, ни в каких-либо других нормативных документах. Шведы называют его «фактически постоянным» и не стремятся идеализировать свою внешнюю политику. Если говорить о периоде Второй мировой войны, то нейтралитет вполне можно рассматривать как средство, которое дало Швеции возможность не принимать участия в войне. Еще одной отличительной чертой шведского нейтралитета можно считать сильную хорошо вооруженную армию и флот, которые были способны защищать страну не только от Германии, но и от других европейских государств. Однако, нейтралитет скорее носил формальный характер, поскольку Швеция снабжала Германию стратегическими продуктами, которые способствовали успехам немцев. Правильнее сказать, что Швеция являлась скорее невоюющим государством, чем просто нейтральным. Нейтральное государство по сути должно проводить политику, основанную на неучастии в военных действиях между другими державами и отказываться от помощи воюющим государствам, а в мирное время – не входить в какие-либо военные блоки [4].

Во время войны главным образом именно торговая политика Швеции являлась главным противоречием, ставившим под сомнение ее нейтральный статус. Шведская железная руда была важным экономическим фактором военных действий Второй мировой войны. В 1933–1935 гг. Германия обеспечивала себя железной рудой самостоятельно, потребление ее составляло 40%, Швеция на тот момент экспортировала лишь 28% руды в Германию. К 1940 г. цифры меняются в пользу Швеции. К началу войны Гитлер внезапно исключил Швецию из списка стран, на которые Германия планировала напасть в рамках операции «Везерюбюнг». А шведы, в свою очередь, дали разрешение на транзит немецких войск по своей территории в Финляндию. Международное сообщество реагировало на такое поведение шведов с недоверием. Союзники полагали, что без шведской железной руды немецкие военные возможности потерпят крах, потому что экспорт руды не только велся в больших количествах, но и сырье было очень высокого качества, что делало производство стали в Германии чрезвычайно эффективным [5].

Для Советского Союза такое поведение Швеции оценивалось как уклон в сторону Германии. В январе 1942 г. у советского посла А. Коллонтай запросили доклад, в котором требовался ответ на вопрос, собирается ли Швеция закрепить после войны роль гегемона в Северной Европе. Весной обзор внешней политики был составлен, однако в нем ответа на этот вопрос не содержалось. Суть доклада сводилась к тому, что Швеция повторным провозглашением нейтралитета (но на самом деле политикой уступок и компромиссов по отношению к Германии) пытается не быть втянутой в войну и избежать оккупации Германией. Однако то, как развивалась ситуация на советско-германском фронте, а также позиция Лондона и Вашингтона вынудили Стокгольм предпринимать попытки восстановления нарушенного баланса в нейтралитете [6].

В течение всего 1942 г. недовольство СССР по поводу транзита германских грузов через территорию Швеции возрастало. Москва утверждала, что южные порты Швеции трансформированы в германские промежуточные базы, по шведским дорогам перевозят немецкие пушки и семитысячные немецкие войска на службу к финнам. Однако несмотря на эти противоречия, СССР пользовался посредническими услугами, которые предлагал Стокгольм. Например, шведы содействовали в зондаже позиции правительства Финляндии об условиях выхода из войны и в передаче ноты «об условиях эвентуального обмена между СССР и Германией имущества не-экстерриториальных граждан обеих стран». Посреднические услуги со стороны Швеции осуществлялись для обоих противников. [7]

За сотрудничество с Германией Швеция неоднократно подвергалась критике и со стороны западных стран. Например, 4 июля 1941 г. в «The Spectator» вышла статья «Шведская услужливость», обвинявшая шведское правительство в потакании немецким интересам. Однако, если британское правительство на начальном этапе войны высказывало свое неодобрение по поводу политики, проводимой риксдагом, пытаясь уличить в пособничестве Германии, то Соединенные Штаты до вступления в войну высказывали иное мнение по отношению к Швеции, озвученное Рузвельтом в 1941 г. : « Я объяснил, что Швеция находится под принуждением – это слово я использовал изначально; принуждение действительно является фактом – оно выражается в отправках железа, стали в Германию каждый день. Это абсолютная правда, это была форма принуждения».

Одновременно в шведской политике существовали и яркие антигитлеровские проявления. Самый известный пример – это действия Рауля Валленберга, который в июле 1944 г. был направлен правительством в шведскую лигу в Будапеште совместно с Советом по делам американских военных беженцев и Всемирным еврейским конгрессом. Оценки числа евреев, которых он смог спасти нетрадиционными методами, варьируются. Наиболее точной представляется цифра в 30 тысяч. Другой пример – граф Фольке Бернадот, которому в первые месяцы 1945 г. удалось вывезти около 20 тыс. мужчин, женщин и детей, многие из которых были евреями из нацистских концентрационных лагерей. Стоит так же упомянуть, что почти всей еврейской общине в Дании удалось бежать в Швецию в 1944 г. за несколько дней до того, как они были окружены нацистами [8].

В научной среде продолжают споры на тему «Почему же нацистская Германия так и не напала на Швецию?» На наш взгляд, существуют несколько причин. Во-первых, из-за отсутствия стратегической ценности шведской территории, поскольку Германия уже контролировала Данию, Норвегию, Польшу, страны Балтии, «симпатизировала» Финляндии. Все эти страны окружали Швецию. Не было никакой причины использовать огромные ресурсы для завоевания нации, которая не представляла непосредственной угрозы для Германии. Шведское правительство создало имидж Швеции как переговорной площадки, на которой дипломаты обеих блоков могут встречаться подобно тому, какой была в то время и Швейцарии. Во-вторых, Швецию сложно было оккупировать с военной точки зрения. Хотя Швеция имела небольшие и не имеющие оснащения, подобного немецкому, вооруженные силы, местность Швеции делала их эффективными для ведения партизанской войны. Северная и западная части Швеции состоят из обширных гор и лесов, которые идеально подходят для партизанских отрядов и проведения набегов на немецкие базы. В-третьих, Швеция была жизненно важным торговым партнером для Германии. Одна Швеция была способна производить в три раза больше железной руды, чем иностранные поставщики Германии вместе, что делало ее критически важной для немецкой промышленности. В-четвертых, нацисты имели некоторые симпатии в шведском высшем обществе. Этот фактор не так важен, как остальные, однако существенен. Король Густав V часто сталкивался со шведским национал-демократическим правительством по вопросу о выполнении требований Германии. Король знал о рисках, которые несет в себе гнев Гитлера даже угрожал отречься от престола, если правительство откажет немецким войскам в беспрепятственном проходе через Швецию [9].

В годы Второй мировой войны политика Швеции эволюционировала от пронемецкой в 1940–1943 гг. (экспорт ресурсов, промышленных товаров, военный транзит) до кооперации со странами антигитлеровской коалиции в 1944–1945 гг. Небольшая страна оказалась способной выстроить отношения с великими державами, используя стратегию политического лавирования. Шведская по-

литика нейтралитета имела двойные стандарты. Швеция ориентировалась на страны Западной Европы, однако отказывалась от участия в военных действиях на любой из сторон и в то же время пыталась избегать сложностей в отношениях с СССР. Нейтралитет строился на истории, географии и сплетении интересов Швеции и великих держав. Однако существовали и видимые противоречия, поскольку для шведского правительства первостепенным было стремление найти средства, которые могли бы позволить шведам занимать хорошее стратегическое и экономическое положение в балтийском регионе, находиться на вершине списка благополучных стран и, самое главное, не быть втянутыми в войну, для чего они активно использовали Лигу Наций [10].

Таким образом, можно прийти к общему выводу: в годы Второй мировой войны Швеция являлась скорее невоюющим государством, чем нейтральным, поскольку нейтралитет в данный период предполагал определенные ограничивающие обязательства во взаимодействии со всеми воюющими сторонами. Страна, придерживавшаяся политики нейтралитета, должна была кроме отказа от вступления в войну отказаться от любой помощи её участникам. Можно ли назвать Швецию таким государством? Исторические факты говорят об обратном.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Корунова, Е. В. Проблема нейтралитета во внешней политике Швеции в 1933-1939 гг. ... канд. ист. наук : 07. 00. 03 / Е. В. Корунова ; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. – М., 2007. – 25 с.
2. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Код доступа: <http://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/>. - Дата доступа: 18.10.2019.
3. Махер, М. Нейтралитет в системе коллективной безопасности ... канд. юрид. наук : 12. 00. 10 / М. Махер ; Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова. – СПб., 1972. – 10 с.
4. Хрулева, Т. В. Принцип нейтралитета в современной мировой политике (на примере Австрийской Республики) / Т. В. Хрулева // Вестник СПбГУ. – СПб., 2008. – № 2. – С. 100-109.
5. Мелин, Я. История Швеции / Я. Мелин, А. В. Юханссон, С. Хеденборг. – М. : Весь мир, 2002. – 400 с.
6. Черышева, О. В. Швеция в годы Второй мировой войны. Экономика, политика, рабочее движение. / О. В. Черышева. – М., Наука, 1980. – 386 с.
7. Anderson, I. Sveriges historia / I. Anderson. – Stockholm : Natur och Kultur, 1982. – 492 s.
8. Rudberg, P. Sweden and Jewish Refugees from Nazi Germany, 1933-1939 / P. Rudberg // Bystanders, Rescuers and Perpetrators. – 2016. – Vol. 2. – pp. 65-77.
9. Sweden In World War 2 – across borders [Electronic resource]. – Mode of Access: <http://www.konditori100.se/SiWW2/sww2gwps.htm>. – Date of access: 28.03.2019.
10. Wahlbäck K. Neutrality and Morality: The Swedish Experience / K. Wahlbäck // American University International Law Review. – 1998. – No. 2. – pp. 103-121.

ПОТЕНЦИАЛ БЕЛОРУССКИХ МИРНЫХ ИНИЦИАТИВ В КОНТЕКСТЕ РАЗРУШЕНИЯ ДОГОВОРА О РСМД

Р. И. Франтищик

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, frantishchik@mail.ru*

В данной публикации рассматриваются причины и хронология прекращения действия Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД) между Россией и США в 2019 году. Отмечаются перспективы белорусских мирных инициатив в условиях сложившейся угрозы для глобальной архитектуры безопасности. Автор подчеркивает

необходимость разработки нового многостороннего договора в области глобального запрета на ракеты средней и меньшей дальности, а также позитивно оценивает предпринимаемые Республикой Беларусь шаги по проведению международной конференции для разрядки напряженности между Западом и Востоком. Практическое значение полученных результатов определяется научной новизной исследуемой проблематики в белорусской политологии и заключается в возможности их применения в научно-исследовательских, учебных и прикладных целях.

Ключевые слова: белорусские мирные инициативы; ДРСМД; инициатива «Хельсинки-2»; контроль над вооружениями; Республика Беларусь; Российская Федерация; США.

POTENTIAL OF BELARUSIAN PEACE INITIATIVES IN THE CONTEXT OF DESTRUCTION OF THE INF TREATY

R. Frantishchik

*Belarusian State University, Niezalieznasci Avenue, 4, 220030,
Minsk, Republic of Belarus, frantishchik@mail.ru*

This publication discusses the causes and chronology of the termination of the Treaty on the Elimination of Intermediate-Range and Shorter-Range Missiles (INF Treaty) between Russia and the United States in 2019. The prospects of Belarusian peace initiatives in the context of the prevailing threat to global security architecture are noted. The author emphasizes the need to develop a new multilateral treaty in the field of a global ban on intermediate and shorter-range missiles, and also positively assesses the steps taken by the Republic of Belarus to hold an international conference to defuse tensions between the West and the East. The practical significance of the results is determined by the research novelty of the studied problems in Belarusian political science and lies in the possibility of their application for research, educational and applied purposes.

Key words: Belarusian peace initiatives; INF Treaty; Helsinki-2 Initiative; arms control; Republic of Belarus; the Russian Federation; USA.

21 ноября 2016 года в Минске на встрече с делегацией Комитета по политике и безопасности Совета Европейского союза Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко заявил о необходимости обновления Хельсинкского процесса для разрядки в отношениях между Западом и Востоком и запуске «минского процесса» [1]. Значительный потенциал эта мирная инициатива приобретает в условиях разрушения Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД).

Указанный договор был подписан Президентом США Р. Рейганом и руководителем СССР, Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым 8 декабря 1987 года и вступил в силу 1 июня 1988 года. Договор запрещал ракетные пусковые установки, баллистические и крылатые ракеты наземного базирования двух стран с дальностью действия 500–1000 км (меньшей дальности) и 1000–5500 км (средней дальности), но не распространялся на ракеты воздушного или морского базирования. К маю 1991 года страны уничтожили 2692 ракеты, после чего десять лет проводились верификационные инспекции на местах [2, р. 1]. Это был первый подобный договор о контроле над вооружениями, устранявший целый класс вооружений. Кроме того, два протокола к договору устанавливали беспрецедентные процедуры для наблюдателей от обеих стран, чтобы непосредственно проверить уничтожение ракет другой стороной.

Президент США Д. Трамп объявил о своем намерении выйти из договора 20 октября 2018 года, назвав в качестве причины выхода из соглашения систематические нарушения Россией его условий [3]. В свою очередь, Российская Федерация ранее неоднократно заявляла о нарушении положений договора американской стороной.

Ещё одной причиной выхода США из договора следует считать тот факт, что данным соглашением не был связан Китай. МИД КНР отрицательно отреагировал на заявления Д. Трампа, отметив, что односторонний выход США из ДРСМД окажет негативное влияние, и призвал американскую сторону «трижды подумать, прежде чем действовать». В то же время наращивание Китаем вооружений в Тихом океане, в том числе в Южно-Китайском море, в особенности развертывание с 2016 года ракетной системы DF-26 с дальностью действия в 4000 км, несет прямую угрозу американским вооруженным силам, дислоцирующимся вплоть до Гуама [4]. Поэтому для обеспечения национальных интересов США американским властям было важно либо найти способы вовлечь Китай в договор, либо разработать новое американское оружие для противодействия ему, либо начать ведение переговоров по новому договору с этой страной. Советник Президента США по национальной безопасности Дж. Болтон, который провел встречу с министром обороны России С. К. Шойгу в Москве 23 октября 2018 года, заявил в интервью российской газете «Коммерсантъ», что расширить действие договора на Китай, Иран, Северную Корею и сделать его универсальным сегодня просто нереалистично [5].

26 октября 2018 года Российская Федерация попыталась спасти ДРСМД, предложив для рассмотрения на Генеральной Ассамблее ООН проект резолюции, направленный на сохранение и укрепление договора. Однако по проекту российской резолюции в Первом комитете Генассамблеи ООН по вопросам разоружения было проведено лишь процедурное голосование относительно того, следует ли разрешить комитету рассмотреть проект, так как Россия пропустила крайний срок подачи заявок 18 октября. В итоге за рассмотрение проекта резолюции по ДРСМД проголосовала «за» лишь 31 страна, в том числе и Республика Беларусь, в то же время 55 стран проголосовали против, 53 – воздержались [6]. Четыре дня спустя Генеральный секретарь НАТО Й. Столтенберг призвал Россию к соблюдению договора на пресс-конференции в Норвегии, заявив, что «проблема заключается в развертывании новых российских ракет» [7].

4 декабря 2018 года США выдвинули России ультиматум, предоставив ей 60 дней на выполнение договора. Российская Федерация, отвергнув обвинения США, предприняла новую попытку задействовать ООН для сохранения ДРСМД, однако 21 декабря 2018 года инициированная Россией резолюция по данному вопросу, нашедшая поддержку лишь 43 стран, была отклонена Генеральной Ассамблеей ООН [8].

Большие опасения США вызывала разработанная Россией крылатая ракета 9М729 (SSC-8). Надеясь убедить Вашингтон остаться стороной договора, российские власти представили ее технические параметры иностранным военным атташе на военном брифинге 23 января 2019 года, который должен был стать упражнением в транспарентности со стороны России. Министерство обороны Российской Федерации заявило, что для участия в статическом показе ракеты были приглашены дипломаты из США, Великобритании, Франции и Германии, но они отказались присутствовать. По мнению американских дипломатов, такая демонстрация не позволяет проверить реальные возможности боеголовок [9].

США приостановили участие в Договоре о РСМД 2 февраля 2019 года после объявления Госсекретаря США М. Помпео днем ранее. При этом для полного прекращения действия Договора о РСМД был установлен шестимесячный период. В тот же день Президент Российской Федерации В. В. Путин объявил, что Россия также приостанавливает действие ДРСМД как зеркальный ответ на аналогичное решение Президента США Д. Трампа [10]. Москва также приступила к работе над новыми гиперзвуковыми ракетами средней дальности и наземными

ракетными комплексами «Калибр» в ответ на заявление Вашингтона о начале исследований и разработки оружия, запрещенного в соответствии с ДРСМД.

Получив официальное уведомление США о выходе из ДРСМД, в белорусском МИДе заявили, что «сегодня по обе стороны Атлантики как никогда важно предпринять все усилия по возобновлению и укреплению мер доверия для того, чтобы не допустить размещения ракет средней и меньшей дальности в европейском регионе» [11].

6 февраля 2019 года в Бресте Чрезвычайный и полномочный Российской Федерации в Республике Беларусь М. В. Бабич заявил, что Россия не планирует размещать ракеты на территории Беларуси в связи с выходом США из ДРСМД [12]. На следующий день Министр обороны Республики Беларусь А. А. Равков отметил, что в сложившихся условиях важным является укрепление союза с Российской Федерацией [13].

После шестимесячного периода отстранения от ДРСМД 2 августа 2019 года власти США официально объявили, что выходят из соглашения. По словам государственного секретаря США М. Помпео, Россия несет полную ответственность за прекращение действия договора [14].

Заместитель министра иностранных дел Российской Федерации С. А. Рябков выступил с предложением к США и НАТО ввести такой же мораторий на размещение ракет средней и меньшей дальности, как и мораторий, озвученный российским президентом, согласно которому Россия «не будет размещать оружие средней и меньшей дальности до тех пор, пока в соответствующих регионах мира не появится подобное оружие американского производства» [15]. Генеральный секретарь НАТО Й. Столтенберг заявил, что эта инициатива не заслуживает доверия, поскольку Москва уже развернула такие боеголовки [16].

В оценке сложившейся ситуации американское экспертное сообщество разделилось. По мнению ряда экспертов, вместо выхода США из ДРСМД следовало бы разработать механизм по привлечению Москвы к ответственности и оказанию давления на нее. Другие же отметили, что сделанный шаг позволит стране эффективнее противостоять России.

Белорусские эксперты ещё до разрушения ДРСМД указывали на опасность данного шага для глобальной и региональной безопасности. При этом, по мнению политолога Д. Мельянцова, исходя из нестабильной международной обстановки и возникают все мирные инициативы Минска, идеи минского процесса и новой большой конференции [17].

Следует позитивно оценить заявление Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко, сделанное им 8 октября 2019 года на международной конференции «Европейская безопасность: отойти от края пропасти», касательно того, что Беларусь готова подготовить многостороннюю декларацию о неразмещении ракет средней и меньшей дальности, которая придет на смену ДРСМД [18]. В отсутствие преемника рассматриваемого договора мир столкнулся с опасностью начала новой гонки ядерных вооружений, порождающую международную напряженность.

Автор полагает, что в определенном смысле ДРСМД устарел: в частности, рост ядерного арсенала Китая продемонстрировал ограничения двустороннего договора, основанного на противостоянии сверхдержав времен холодной войны в рамках биполярной системы международных отношений, которой больше не существует. В идеале сторонами нового соглашения в обязательном порядке должны стать не только Россия, США и КНР, но и такие заметные игроки на международной арене, как Индия, Пакистан, Иран, КНДР и ряд других стран.

Безусловно, вопрос о реалистичности подобного международного договора остается открытым. В 2007 году официальные лица США и России выступали с

предложениями в рамках Генеральной Ассамблеи ООН по поводу того, чтобы сделать Договор о РСМД многосторонним, по сути превратив его в глобальный запрет на ракеты средней дальности, но никаких дальнейших шагов для достижения этой цели предпринято не было.

С нашей точки зрения, для разрядки международной напряженности необходимо более активное продвижение мирных инициатив Президента Беларуси (в частности, «Хельсинки-2»), направленных на поиск путей преодоления кризиса безопасности в мире. Совершенно очевидно, что лишь диалог между Западом и Востоком, уход от конфронтационной риторики и заинтересованность мировых игроков в переговорном процессе могут стать отправной точкой к разрешению возникших противоречий. Этому бы способствовала организация соответствующих конференций и специализированных форумов по проблемам глобальной и региональной безопасности с участием западных партнеров. Исключительно важное значение в текущей ситуации приобретает также информационно-разъяснительная работа по вопросам разоружения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Лукашенко предложил идею «минского процесса» для Запада и России // Sputnik Беларусь [Электронный ресурс]. 2016. URL : <https://sptnkne.ws/4xHw> (дата обращения : 10.03.2019).
2. Bohlen A., Burns W., Pifer, S., Woodworth J. The Treaty on Intermediate-Range Nuclear Forces: History and Lessons Learned. Washington, D. C. : Brookings Inst. 2012.
3. Трамп заявил о выходе из договора о РСМД // РИА Новости [Электронный ресурс]. 2018. URL : <https://ria.ru/20181020/1531120537.html> (дата обращения : 10.03.2019).
4. Stewart P. Trump's missile treaty pullout could escalate tension with China // Reuters [Electronic resource]. 2018. URL : <https://www.reuters.com/article/us-usa-nuclear-china/trumps-missile-treaty-pullout-could-escalate-tension-with-china-idUSKCN1MX0E7> (accessed : 10.03.2019).
5. Черненко Е. «Только две страны в мире связаны Договором о РСМД, и одна нарушает его» // Коммерсантъ [Электронный ресурс]. 2018. URL : <https://www.kommersant.ru/doc/3778456> (дата обращения : 10.03.2019).
6. В ООН не стали рассматривать российскую резолюцию в поддержку Договора о ракетах средней и меньшей дальности // Новости ООН [Электронный ресурс]. 2018. URL : <https://news.un.org/ru/story/2018/10/1341502> (дата обращения : 10.03.2019).
7. NATO's Stoltenberg calls on Russia to comply with INF nuclear treaty // Reuters [Electronic resource]. 2018. URL : <https://www.reuters.com/article/us-usa-nuclear-russia-nato/natos-stoltenberg-calls-on-russia-to-comply-with-inf-nuclear-treaty-idUSKCN1N41AN> (accessed : 10.03.2019).
8. Генассамблея ООН отклонила предложенную Россией резолюцию в поддержку ДРСМД // ТАСС [Электронный ресурс]. 2018. URL : <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5942456> (дата обращения : 10.03.2019).
9. Balmforth T., Osborn A. Russia takes wraps off new missile to try to save U.S. nuclear pact // Reuters [Electronic resource]. 2019. URL : <https://www.reuters.com/article/us-usa-nuclear-russia/russia-takes-wraps-off-new-missile-to-try-to-save-u-s-nuclear-pact-idUSKCN1PH15A> (accessed : 10.03.2019).
10. Путин объявил о приостановке участия в ДРСМД и начале создания новых видов ракет // Интерфакс [Электронный ресурс]. 2019. URL : <https://www.interfax.ru/russia/648868> (дата обращения : 10.03.2019).
11. Ответ заместителя начальника управления информации и цифровой дипломатии МИД Беларуси А. Шупляка на вопрос РИА Новости // Мин-во иностранных дел Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. 2019. URL : http://mfa.gov.by/press/news_mfa/d43da8d5758a18ae.html (дата обращения : 10.03.2019).
12. Россия не планирует размещать ракеты в Беларуси из-за выхода США из ДРСМД // Sputnik Беларусь [Электронный ресурс]. 2019. URL : <https://sptnkne.ws/kEeH> (дата обращения : 10.03.2019).
13. Министр обороны Беларуси считает важным укрепление союза с Россией в условиях выхода США из ДРСМД // Интерфакс-Запад [Электронный ресурс]. 2019. URL : <https://interfax.by/news/policy/raznoe/1254214/> (дата обращения : 10.03.2019).

14. Herman S. US Leaves INF Treaty, Says Russia 'Solely Responsible' // VOA [Electronic resource]. 2019. URL: <https://www.voanews.com/usa/us-leaves-inf-treaty-says-russia-solely-responsible> (accessed : 10.03.2019).

15. Рябков: Россия предложила США и НАТО объявить мораторий на размещение РСМД // ТАСС [Электронный ресурс]. 2019. URL : <https://tass.ru/politika/6725346> (дата обращения : 10.03.2019).

16. Russian request for missile freeze has 'zero credibility': Stoltenberg // Reuters [Electronic resource]. 2019. URL : <https://www.reuters.com/article/us-usa-russia-inf-moratorium/russian-request-for-missile-freeze-has-zero-credibility-stoltenberg-idUSKCN1US18Y> (accessed : 10.03.2019).

17. Коровенкова Т. Россия и США точат зубы. Получится ли у Минска отсидеться в сторонке? // Naviny.by – Белорусские новости [Электронный ресурс]. 2018. URL : <https://naviny.by/article/20181031/1540961133-rossiya-i-ssha-tochat-zuby-poluchitsya-li-u-minska-otsidetsya-v-storonke> (дата обращения : 10.03.2019).

18. Беларусь инициирует разработку декларации о нераспространении РСМД в Европе // БелТА [Электронный ресурс]. 2019. URL : <https://www.belta.by/president/view/belarus-initsiiuret-razrabotku-deklaratsii-o-nerasprostranении-rsmd-v-evrope-364899-2019/> (дата обращения : 10.03.2019).

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА И СИСТЕМА ПОДГОТОВКИ ДИПЛОМАТОВ В США В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ ДЛЯ БЕЛОРУССКОЙ И УКРАИНСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

В.Г. Циватый

*Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко,
ул. Владимирская, 60, офис 349-А, 01601, г. Киев, Украина, tsivatyi@gmail.com*

Анализируются основные требования к подготовке дипломатов ведущих зарубежных государств, раскрываются схемы подготовки дипломатического корпуса США. Внимание акцентируется на специфических особенностях внедрения схем и технологий обучения, передачи знаний и информации, особенностей формирования профессиональных компетенций, требований к подбору преподавательского состава и определения необходимых к освоению учебных дисциплин. Статья посвящена институционально-кадровым вопросам и этапам становления дипломатической службы США, в частности актуальным вопросам модели ротации дипломатов США и повышению их профессионального мастерства. Именно опыт дипломатической школы США во многом является ценным и полезным для государств постсоветского пространства (Беларусь, Украина, Казахстан, Грузия и др.) в контексте использования их практического опыта, поскольку она имеет устоявшиеся традиции и оперативно и адекватно реагирует на новые вызовы и угрозы глобализирующегося полицентричного мира XXI века.

Ключевые слова: система подготовки дипломатов; школа дипломатии США; внешняя политика; дипломатия; институты дипломатии; институционализация; Украина; Беларусь.

DIPLOMATIC PRACTICE AND THE SYSTEM OF TRAINING OF DIPLOMAS IN THE UNITED STATES OF GLOBALIZATION CHANGE: INSTITUTIONAL EXPERIENCE FOR BELARUSIAN AND UKRAINIAN

V.G. Tsivatyi

*Taras Shevchenko National University of Kyiv,
60, Volodymyrska str., of. 349-A, 01601, Kyiv, Ukraine, tsivatyi@gmail.com*

The article deals with schemes for studying the diplomacy in the world leadership countries the United States. The methods of determination of educational disciplines for mastering the principles of diplomatic work are explored. The article is dedicated to institutional and human resource issues and stages of becoming the Diplomatic Service of the USA, including current issues rotation model the US diplomats and improve their professional skills. The need for radical changes in the system of the foreign policy institutions and the advisability of reforming the diplomatic service of the United States were a conscious of the American political and academic elite in the mid-1990s. The events of September 11, 2001 served as a catalyst for renewal model preparation and training of diplomats and personnel management model in the US foreign policy and actualized disturbed in a study the subject. It is the experience of the United States in many ways is a valuable and useful for the post-Soviet states in the context of the use of the United States experience, having established traditions and promptly and adequately respond to new threats and challenges of the globalized world of the XXI century in the context of the reform of the diplomatic service, which began in Ukraine and Belarus.

Keywords: the systems of diplomacy; methods of studding; professionalism; diplomatic service; models, systems and methods of diplomacy USA; foreign policy; diplomacy; institutions of diplomacy; Ukraine; Belarus.

Актуальность данной темы обосновывается новыми вызовами и угрозами глобального полицентричного мира XXI века. В этих условиях дипломатические службы государств должны адаптироваться к новым условиям и усилить свой кадровый потенциал. Как показывает сегодняшняя дипломатическая практика, именно дипломатическая школа Соединенных Штатов Америки наиболее эффективно адаптировалась к глобализационным реалиям современного полицентричного мироустройства. Этот опыт требует своего детального анализа и внедрения его наиболее приемлемых подходов и элементов кадровой политики, в том числе в Украине и Беларуси.

Глобальные изменения в общественно-политической жизни США и Европы, которые произошли после пресловутых событий 11 сентября 2001 года, побудили политическое руководство США, Великобритании, других ведущих государств Европы к поиску новых путей обеспечения национальной безопасности в современном мире и, соответственно – к кардинальному пересмотру историко-традиционных подходов к обеспечению кадровой политики в сфере международных отношений и национальной безопасности и обороны, а именно: перехода от традиционной модели к инновационной модели подготовки кадров и эффективного кадрового менеджмента в дипломатической службе и оборонной сфере своих государств [1, p. 196-209].

Особое внимание США в современных условиях уделяют инновационным подходам относительно порядка осуществления кадровой ротации в Госдепартаменте США и системы повышения квалификации дипломатов (их профессионального мастерства и профессиональных компетентностей), как ответы на новые вызовы и угрозы XXI века.

Необходимость кардинальных изменений в системе внешнеполитических институтов и целесообразность реформирования дипломатической службы США были осознаны американской политической и академической элитой еще в середине 1990-х годов.

События 11 сентября 2001 года послужили катализатором обновления модели подготовки и повышения квалификации дипломатов и модели кадрового менеджмента во внешнеполитической сфере США. В XXI веке особый интерес для государств постсоветского пространства (Беларусь, Украина, Казахстан, Грузия и др.), в контексте использования практического опыта, представляет именно опыт США с учетом тех реформ государственной службы, которые начались и в Украине, и в Беларуси, и в других государствах постсоветского пространства в условиях интеграционных процессов и глобализации. Ведь США имеют устояв-

шиеся исторические традиции кадровой политики, оперативно и адекватно реагируют на новые вызовы и угрозы современного глобализированного мира.

Данная статья продолжает предыдущие исследования автора [2, с. 182-186].

Дипломатическая служба Соединенных Штатов Америки – традиционно является относительно небольшой по своей численности, но одновременно наиболее компетентной, квалифицированной и эффективной частью внешнеполитического механизма Соединенных Штатов Америки. Цель статьи – проанализировать и использовать в практической деятельности украинской и белорусской дипломатии накопленный передовой опыт дипломатической школы США в условиях глобализационных воздействий XXI века.

Для анализа системы подготовки зарубежных дипломатов рассмотрено американскую образовательную модель. Подготовку американских дипломатов осуществляет Институт заграничной/зарубежной службы – Foreign Service Institute (далее – FSI) Государственного департамента США (Вашингтон, США) – учреждение федерального правительства Соединенных Штатов. FSI обеспечивает свыше 800 учебных курсов, в т.ч. обучение почти 70 иностранным языкам, обучая за год свыше 170 тысяч абитуриентов для Государственного департамента и слушателей из более 50 других государственных учреждений и отделений военной службы. Это впечатляющие цифры даже для такой страны, как Соединенные Штаты, поскольку вне официальной школы дипломатии в этой сфере активно работает значительное количество частных высших школ, колледжей, всевозможных центров, других различных структур.

Однако, основная задача по подготовке дипломатов возложена именно на учреждение FSI [3, р. 26-36]. Программы Института включают подготовку специалистов федеральных агентств иностранных дел Соединенных Штатов по вопросам внешней службы и государственной службы, а также тренинги для иностранных граждан, работающих в дипломатических учреждениях США. Обучение на различных курсах длится от нескольких дней до двух лет и призвано не только подготовить работников для успешного выполнения профессиональных задач с целью усиления лидерских позиций США за рубежом, а также для адаптации зарубежного персонала в других странах, международно-политических регионах и культурах.

Обучение помогает также членам семей дипломатов подготовиться к особенностям проживания за границей, подготовить работников и их родственников к условиям работы в опасных, кризисных ситуациях, учит поведению в условиях различных катаклизмов, войн, а также обучает правильному восприятию информации и специфике кибербезопасности.

Институт заграничной/зарубежной службы – FSI – называют «премьер-министром внешнеполитического ведомства» правительства США, который призван обеспечивать профессиональные возможности обучения, необходимые для успешного решения задач на международной арене. FSI способствует приобретению содержательного, регионального и лингвистического опыта, совершенствованию лидерства, личной стойкости и новаторскому решению проблем. Итак, на FSI возложено стратегическое обеспечение дипломатического опыта Государственного департамента США и всех правительственных структур в сфере внешней политики и дипломатии [4].

В системе FSI действуют четыре института: Лидерство и менеджмент, Языковые курсы, Профессиональное и региональное обучение, Овладение информационными технологиями, что в своем составе имеет Транзитный центр и Офис административных функций.

Школа языковых студий (The School of Language Studies, SLS) предлагает овладение 70 языками и проводит тестирование более чем 100 языкам. Занятия

могут составлять от 8 до 44 недель, в зависимости от сложности языка и целей обучения. Школа языковых студий Института также поддерживает сеть школ по изучению языка в Тайбэе, Иокогаме, Сеуле, и принимает участие в других региональных программах на Ближнем Востоке, в Северной Африке и Азии, где предлагаются дополнительные 44 недели обучения за рубежом в случае овладения китайским, японским, корейским и арабским языками.

Программы и курсы содержат самостоятельное обучение, занятия для молодых дипломатов и курсы дистанционного обучения. FSI является соразработчиком шкалы оценки уровня владения языком, который используется правительством США. Школа активно сотрудничает с межведомственным сообществом языковых тренеров правительства США и часто проводит тестирование совместно с иностранными агентствами по языковой подготовке.

Школа профессиональных и региональных исследований (The School of Professional and Area Studies, SPAS) предлагает обучение по таким специализациям, как консульская служба, управление торговыми связями, политические и экономические дела, публичная дипломатия, обучение и развитие персонала, управление офисом и программы ориентации. Курсы также включают темы по изучению социально-культурных моделей, политики, экономики, техники ведения переговоров и международных отношений, регионов мира и отдельных стран. SPAS обеспечивает специальные программы в консульском праве, экономической и коммерческой, управленческой, политической и публичной дипломатии, а также программы, ориентированные на подготовку новых кадров для зарубежной специфики.

В SPAS также расположен Центр обучения дипломатии (CSCD), где слушатели овладевают современным дипломатическим опытом, привлекая наилучших практиков и лекторов. CSCD проводит компаративный (сравнительный) анализ, который учитывается в обучении FSI и используется для подготовки специалистов по международным делам во всех подразделениях дипломатической службы: переговоры, протокол и этикет, межкультурная коммуникация, дипломатическая практика и т. п.

Составляющая TC – Центр повышения квалификации в сфере международных отношений (TC's Center of Excellence in Foreign Affairs Resilience CEFAR) предоставляет консультации и проводит тренинги, направленные на помощь лицам, членам семей и коллективам, работающим в среде с высоким уровнем риска и высоким уровнем угроз.

Институт заграничной/зарубежной службы призван не только оперативно реагировать на запросы американской практической дипломатии, соответственно корректируя свои учебные планы и программы, но и разрабатывать прогнозные сценарии на перспективу. Значительное внимание уделяется анализу воздействия внутривнутриполитических факторов на формирование внешнеполитического курса страны, процесса принятия политических решений, проблемам управления в сфере внешней политики и дипломатии.

Преподавательский коллектив Института составляют ведущие ученые соответствующих направлений университетских и научно-исследовательских центров США.

Одним из популярных семинаров в указанной системе подготовки есть специальный тренинг-семинар (около 30 человек) для руководящего состава других внешнеполитических министерств и ведомств, состоящий из нескольких десятков спецкурсов по вопросам внутренней и внешней политики США, практической дипломатии, военной безопасности и разведки.

Возвращаясь к учебным программам, отметим, что они охватывают следующую тематику: история дипломатии (Diplomatic History), основы дипломатической

службы, функции дипломатической службы (Discover Diplomacy); ряд учебных программ и тренингов Центра Фулбрайта (Fulbright Program) и Центра подготовки дипломатов (U. S. Diplomacy Center).

Привлекает внимание уважительное отношение американцев к своей истории – истории дипломатии. На официальном сайте Института размещено более 1700 интервью с ведущими американскими дипломатами (середина XX – начало XXI вв.). Для облегчения овладения информацией подается специально разработан с этой целью Дипломатический словарь.

Все граждане США могут воспользоваться предложениями по повышению квалификации или овладению начальными знаниями, которые предлагаются всем желающим гражданам США, по программам: Global Youth Issues, Office of Overseas Schools, Youth Exchange Programs [4].

Институт заграничной/зарубежной службы на нынешнем этапе разработал новые программы для повышения профессиональной квалификации, но не имеет ресурсов для необходимых изменений [5, с. 117-121; 6]. Среди предложенных схем – дистанционное образование на высшем уровне, которая начинается со вступления на должность и продолжается во время продвижения по службе до высоких должностей [7; 8; 9].

Таким образом, говоря о профессии дипломата и перспективах развития дипломатического образования, мы неизбежно приходим к выводу относительно необходимости усовершенствования существующих институциональных моделей подготовки и повышения квалификации дипломатов. Высокий профессионализм и компетентности дипломата в современном мире – важнейшее условие реализации национальных интересов государства в полицентричном мире.

На выполнение первоочередных задач, нацеленных на усовершенствование моделей дипломатии государств, необходимо учесть следующее из опыта США:

1. Разработать научнообоснованные базовые принципы глобальной реструктуризации зарубежного и внутреннего аппарата МИД и основные принципы его реформирования.

2. Каждый дипломат должен знать своё место работы после ротации и готовиться к нему через систему подготовки и повышения квалификации работников дипломатической службы в соответствующих образовательных учреждениях (совершенствовать знание языка страны будущего пребывания; углублять знания по истории, теории и практике дипломатии, регионалистике, страноведению, политике и экономике соответствующей сферы).

3. Дипломаты должны обязательно регулярно посещать страны и регионы, за которые отвечают, а тем самым непосредственно использовать свои аналитические способности и опыт за рубежом более эффективно.

4. Необходимо внедрить в специализированных образовательных учреждениях специальный тренинг для дипломатов: «Новые навыки в решении новых вызовов».

5. С целью карьерного роста и соответствующего продвижения на высшие должности дипломаты должны иметь возможность на систематической основе проходить повышение квалификации и быть экспертами по крайней мере по двум регионам и владеть не менее, чем двумя (тремя) иностранными языками.

6. Дипломаты должны иметь соответствующую профессиональную подготовку и возможность эффективно работать на критических пересечениях дипломатических вопросов, экономических реконструкций и военных операций.

Подводя итоги вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что к началу XXI века актуализировалась проблема создания инновационной, эффективной системы обеспечения качественного роста кадрового потенциала дипломатической службы Украины и дипломатической службы Беларуси, с учетом традиций

и тенденций цивилизационного развития, стратегических направлений развития государства и мирового образовательного опыта.

Вполне заслуживает на дальнейшие исследования поставленный вопрос об эффективности подготовки кадров и совершенствование дипломатических систем, моделей дипломатии Украины и Беларуси в условиях глобализации: через призму современности к историческим истокам институциональной дипломатии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Tsivatyi V. G. National Security as a Component of Global Security: Lessons from Ukraine's Crises // *Eastern Europe Regional Studies*. 2017. № 2 (4). P. 196-209.
2. Chekalenko Liudmyla, Tsivatyi Viacheslav. The History of Memory or Memory of History: The Question of Studying // *Evropský politický a právní diskurz (European political and law discourse)*. 2018. Svazek 5. 6 Vydání. P. 182-186.
3. *International Relations*. Edited by Stephen McGlinchey. Bristol, England, 2017. Part I: Diplomacy. P. 26-36.
4. Education & Exchanges. Див.: <https://eca.state.gov/programs-initiatives/youth-programs>; «Support for American Jobs Parts I & II». <http://www.uscib.org/uscib-content/uploads/2017/07/Support-For-American-Jobs-II.pdf>
5. Циватий В. Г. Сучасна дипломатична служба США: традиції, інновації та інституції // *Сполучені Штати Америки у сучасному світі: політика, економіка, право: Зб. матеріалів Міжнародної науково-практичної конференції*. Львів: ДРІ, 2014. С. 117-121.
6. Сайт Державного Департаменту США. [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://careers.state.gov/officer/index.html> – 19.09.2019
7. Pigman G. A. *Contemporary Diplomacy*. Washington, 2010.
8. *Reshaping Defence Diplomacy*. Taylor&Francis, 2005.
9. Chekalenko L.D. *Foreign Policy of Ukraine: monograph / Based on the scientific concept of Professor Lyudmyla D. Chekalenko / Scientific editor Rector of the Diplomatic Academy of Ukraine under the Ministry of Foreign Affairs of Ukraine V.G. Tsivatyi*. К.: «LAT&K», 2016.

СЕКЦИЯ 9 ВОПРОСЫ МИГРАЦИИ, БЕЖЕНЦЕВ И ТОЛЕРАНТНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

И. М. Вашко

*Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
17, ул. Московская, Минск, 220007, Беларусь, irinavashko@mail.ru*

В статье рассматриваются проблемные вопросы миграции и ключевые направления миграционной политики, регулируемые в рамках мирового сообщества. Анализируются подходы к разработке миграционной политики Беларуси в условиях глобализации. Определены основные аспекты проблемного поля миграционной политики.

Ключевые слова: проблемное поле миграционной политики; регулирование миграции; миграционная политика Беларуси.

PROBLEM FIELD OF MIGRATION POLICY

I. M. Vashko

*The Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic,
17, Moskovskaya str., Minsk, 220007, Belarus*

The article discusses the problematic issues of migration and key areas of migration policy, regulated within the international community. The approaches to the development of Belorussian migration policy in the context of globalization are analysed. The main aspects of the problem field of migration policy are identified.

Keywords: problem field of migration policy; migration regulation; migration policy of Belarus.

Определение проблемного поля миграционной политики для стран с транзитивной экономикой является весьма значимым в связи с возрастанием роли миграции в мобильности рабочей силы, формировании трудовых ресурсов в национальных экономиках. При определении ключевых направлений миграционной политики, обусловленных необходимостью регулирования потоков миграции, необходимо учитывать современные тенденции миграционных процессов и проблемное поле миграционной политики.

Можно отметить, что в современных условиях повышается активность миграционных потоков в глобальном масштабе, и это оказывает воздействие на социально-экономические процессы, и, в частности, на спрос и предложение на рынках труда в ряде стран. Геополитическое положение Беларуси и сложившаяся экономическая ситуация влияют на развитие миграционных процессов в стране. Возрастает отток трудовых мигрантов в соседние страны, обусловленный воздействием экономических факторов, таких как различия в уровне ВВП на душу населения и уровне оплаты труда и др. В то же время, в страну прибывают мигранты и беженцы из других стран. Глобализация, военные конфликты, политические, экономические и экологические факторы продолжают оказывать воздействие и вызывают активизацию миграционных потоков. Формирование проблемного поля миграции в глобальном масштабе, учет его специфики необходимо учитывать при разработке миграционной политики Беларуси.

В современных условиях многие государства уделяют вопросам миграции большое значение и включают их в свои стратегии развития. При разработке национальных миграционных политик учитывается необходимость гармониза-

ции с методологическими подходами, разработанными международными организациями, в решении глобальных проблем миграции.

В условиях глобализации важным является идентификация проблемного поля миграции как базиса для разработки национальных миграционных политик. В этом процессе весьма значимой является позиция ООН, под эгидой которой действует Глобальный форум по вопросам международной миграции и развития, созданный в 2007 г. (*Global Forum on Migration and Development*) и направленный в своей деятельности на выявление проблем в области миграции и развития, определение возможных путей их решения в рамках глобальных дискуссий [1]. Глобальный форум по миграции и развитию рассматривается как неформальный процесс, обеспечивающий участие многих государств и заинтересованных сторон, в ходе развития которого правительства стран могут обсуждать различные аспекты миграции, предлагать новые решения проблем, обмениваться опытом в данной области. На 11-й межправительственной конференции ООН на высшем уровне в рамках глобального форума (*Eleventh GFMD Summit meeting*, Марракеш, Марокко, 2018 г.) был принят Глобальный договор безопасной, упорядоченной и легальной миграции (*The Global Compact for Safe, Orderly and Regular Migration*). Ведется подготовка к 12-й межправительственной конференции в рамках Глобального форума по миграции и развитию 20—24 января 2020 г. в г. Кито, Эквадор. Исходя из возрастающей значимости для мирового сообщества увеличения потоков мигрантов/беженцев и необходимости решения возникающих в связи с этим проблем планируется проведение первого глобального форума по беженцам (орг. *Global Refugee Forum*) в декабре 2019 г. в г. Женева, Швейцария.

Значимыми вехами в развитии методологических подходов к решению проблем миграции являются проблемные аспекты, освещенные в докладах Генерального секретаря ООН «Международная миграция и развитие» 25 июля 2013 г. на шестьдесят восьмой сессии и 4 августа 2016 г. на семьдесят первой сессии Генеральной Ассамблеи, принятие Нью-Йоркской декларации о беженцах и мигрантах (2016 г.), Глобального договора о беженцах (2018 г.), имеющего рекомендательный характер [2; 3].

Привлечение внимания к актуальным и проблемным вопросам миграции позволило обозначить их роль в достижении целей, определенных в Декларации тысячелетия. Анализируя проблемное поле миграции, можно отметить, что на протяжении ряда лет акцентируется внимание на развитии системы международной миграции, обеспечении безопасности, прозрачности ее функционирования и соответствии экономическим интересам ее участников, имплементации правовых норм, включая защиту прав мигрантов, их социокультурную и экономическую интеграцию. Ракурс пристального внимания в течение ряда лет сосредоточен на воздействии мирового экономического кризиса на развитие потоков экономических мигрантов. Детерминирует аспект регулирования потоков трудовой миграции с учетом экономических приоритетов в развитии национальных экономик и необходимости их выхода из посткризисных ситуаций. В частности, важным является обеспечение развитыми странами потребностей рынков труда, перераспределение предложения трудовых ресурсов на рынках труда на основе трудовой мобильности и использования легальных каналов миграции, углубление интеграции мигрантов в принимающие сообщества.

Учитывая возрастающее значение миграции в глобальном масштабе, все более важным аспектом в сфере регулирования миграции является разработка национальных миграционных политик, их включение в национальные стратегии развития. Повышение эффективности трудовой мобильности в значительной степени базируется на взаимном признании странами квалификационных харак-

теристик трудовых мигрантов. В данной области перспективным является сотрудничество между странами исхода трудовых мигрантов и странами, принимающими мигрантов, на основе совершенствования консультативных процессов, развития нормативной правовой базы и механизма регулирования миграции на межстрановом и региональном уровнях, разработки совместных образовательных программ, защиты гражданских, экономических, социальных, культурных прав мигрантов, развития процессов их интеграции. Также актуально совершенствование организационно-правового обслуживания финансовых переводов мигрантов в страны их исхода. Проводится дальнейшая работа по гармонизации целей в регулировании миграции, совершенствованию системы показателей для контроля и мониторинга результативности мер, направленных на решение проблем международной миграции, и применение новых методологических подходов в данной области.

С 2016 г. можно отметить изменение проблемного поля миграции, в котором выделены модели глобальной миграции. Проблемные вопросы миграции включены в Повестку дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. В данном документе отмечается позитивный вклад миграции в устойчивое развитие. Из 17 декларируемых целей в области устойчивого развития одиннадцать направлены на решение задач, которые применимы к миграции и трудовой мобильности, а также содержат индикаторы для оценки развития процессов. Признано, что в развитых регионах миграционные потоки будут детерминирующим фактором, обуславливающим рост численности населения в ближайшие десятилетия. Сосредоточение внимания на кризисах, связанных с крупными передвижениями беженцев и мигрантов в последние годы, стало одним из главных приоритетов для ООН. Продолжает уделяться внимание соблюдению прав беженцев, включая менее защищенные их группы, содействию упорядоченной, безопасной, легальной, ответственной миграции и мобильности. Совместная программа по трудовой миграции Экономической комиссии для Африки (ЭКА), Комиссии Африканского союза, МОТ и МОМ направлена на разработку, принятие и реализацию согласованной политики в области трудовой миграции в Африке. Управление по наркотикам и преступности ООН (УНПООН) осуществляет содействие трансграничному сотрудничеству и координации действий посредством законодательной поддержки и технической помощи. УВКБ ООН выступила за расширение программ приема беженцев и лиц, ищущих убежища, в третьих странах. ПРООН в сотрудничестве с партнерами реализует Совместную инициативу в области миграции и развития Европейской комиссии и Организации Объединенных Наций, направленную на усиление роли местных органов управления, мигрантов и других субъектов в разработке политики в области миграции и развития как составной части процесса планирования развития на местном уровне. В ракурсе проблемного поля миграции рассматривается совершенствование информационного обеспечения и исследований по вопросам миграции, укрепление сотрудничества и партнерства.

В Глобальном договоре безопасной, упорядоченной и легальной миграции (2018 г.), имеющем рекомендательный характер, определены 23 цели в области миграции, на достижение которых направлено международное сообщество. Спектр целей охватывает ряд аспектов, которые являются значимыми в регулировании миграционных процессов, и рассматриваются как базис для разработки национальных миграционных политик. По содержанию их можно сгруппировать в несколько групп, направленных на:

- совершенствование контроля и мониторинга миграционных процессов;
- минимизацию воздействия структурных факторов, вызывающих активизацию миграционных процессов;

- совершенствование правового регулирования миграционных процессов и соблюдение правовых норм;
- оказание помощи при спасении мигрантов;
- повышение эффективности транснациональных мер по противодействию нелегальной миграции;
- совершенствование интегрированного управления границами, направленного на регулирование и контроль потоков мигрантов;
- создание благоприятных условий, способствующих достижению целей устойчивого развития, эффективной интеграции мигрантов и их диаспор, недопущению дискриминации;
- совершенствование системы признания квалификаций и компетенций мигрантов, инвестиции в их профессиональное обучение и профессиональную адаптацию;
- развитие сотрудничества в области реадмиссии и реинтеграции мигрантов;
- создание механизмов перевода приобретенных материальных благ и социальных льгот мигрантов, а также перевода финансовых средств и финансовой интеграции.

Наряду с трудовыми мигрантами на активность и структуру миграционных потоков оказывают влияние экономические беженцы, беженцы, мигрирующие вследствие военных конфликтов, религиозных, политических или этнических преследований, климатические беженцы, что обуславливает необходимость разработки широкого спектра мер национальных миграционных политик. Указанные проблемы характерны и для стран с транзитивной экономикой, что определяет необходимость использования результатов исследования проблемного поля миграции в глобальном масштабе с целью выявления возможностей учета международного опыта при разработке мер национальных миграционных политик, разработки превентивных мер в проблемных вопросах.

На основе проведенного анализа проблемного поля миграции можно сделать следующие выводы.

1. Анализ проблемного поля миграционной политики, применяемые методы и инструменты реализации государственной миграционной политики позволяют сделать вывод о широком спектре применяемых подходов, направленных на повышение эффективности управления миграцией для поддержания экономического роста в национальных экономиках, привлечения инвестиций и обеспечения эффективной политики социальной интеграции мигрантов. Указанные приоритеты можно определить как ведущие в стратегической перспективе и для Республики Беларусь.

2. Для Беларуси, как и для многих стран, актуальным является обеспечение баланса между притоком и оттоком трудовых мигрантов и спросом на трудовые ресурсы. Возрастает значимость разработки эффективной стратегии миграционной политики и ее совершенствования. При разработке миграционной политики необходимо принимать во внимание глобальные тенденции в формировании миграционных потоков, что позволит учитывать детерминанты, определяющие направленность миграционных процессов и использовать разработанные в мировой практике критерии для их оценки. Применение методологических подходов, определяемых на базисе анализа проблемного поля миграционной политики, позволяет повысить эффективность регулирования миграционных процессов.

3. Проблемным вопросом является активизация потоков трудовых мигрантов, выезжающих из Беларуси, при этом воспроизводство трудовых ресурсов имеет отрицательную динамику в последние годы. При разработке государственной миграционной политики должно быть предусмотрено укрепление свя-

зей между трудовыми мигрантами и страной происхождения, снижение стоимости денежных переводов, устранение препятствий для возвращения, разделение расходов на обучение между странами.

4. Приток мигрантов из третьих стран не достаточен для обеспечения потребностей в соответствии с формирующимся спросом на рынке труда. Совершенствование управления трудовой миграцией базируется на разработке и внедрении эффективного механизма регулирования потоков трудовой миграции, включающего возможность привлечения трудовых мигрантов нанимателями, обеспечения возможности проверки правового статуса мигрантов и профессиональных компетенций, экономической и социокультурной интеграции мигрантов.

5. При разработке национальной миграционной политики, кроме учета глобальных тенденций в области миграции, отражающих рост военных, экологических и экономических беженцев в мировом сообществе, необходимо учитывать глобальные и страновые прогнозы в области развития миграционных процессов. Вопросы вынужденного перемещения мигрантов, безгражданства и др. должны находить отражение при разработке миграционной политики.

6. Важно принимать во внимание особенности миграционных политик стран-соседей, их воздействие на миграционные потоки, необходимость согласования методологических подходов в решении проблемных вопросов, принятии совместных решений в области регулирования миграции. Контроль и мониторинг миграционных процессов и их последствий предполагает развитие международного и регионального сотрудничества в данной области.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Global Forum on Migration and Development [Electronic resource]. — Mode of access: <<https://www.gfmd.org/>>. — Date of access: 12.10.2019.

2. Международная миграция и развитие: доклад Генерального секретаря ООН: док. ООН A/68/190 [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <<https://undocs.org/tu/A/68/190>>. — Дата доступа: 12.10.2019.

3. Международная миграция и развитие: доклад Генерального секретаря ООН: док. ООН A/71/296 [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/generalassembly/docs/A_71_296_R.pdf>. — Дата доступа: 12.10.2019.

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ: ЕВРАЗИЙСКИЙ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Т. А. Горупа

*Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина
21, бульвар Космонавтов, Брест, 224016, Беларусь, taharupa21@gmail.com*

В данной статье автор исследует правовое положение трудовых мигрантов ЕАЭС в Республике Беларусь, определяет их права, которыми они обладают в отличие от других трудовых мигрантов. Однако трудовые мигранты ЕАЭС не могут реализовать право на пенсию, право на занятие должностей в сфере транспорта и других. Кроме того, отсутствует признание научных степеней и научных званий в ЕАЭС. Автор делает ряд теоретических выводов о перспективах гармонизации законодательства государств-членов; ряд практических выводов по дополнению евразийского законодательства и национального законодательства Республики Беларусь.

Ключевые слова: трудовой мигрант; ЕАЭС; свобода передвижения работников.

LEGAL STATUS OF LABOR MIGRANTS: EURASIAN AND NATIONAL ASPECTS

T. A. Gorupa

Brest State University named after A. S. Pushkin

21, Kosmonavtov boulevard, Brest, 224016 Belarus taharupa21@gmail.com

In this article the author explores the legal status of the EAEU labor migrants in the Republic of Belarus, determines their rights, which they possess, unlike other labor migrants. However labor migrants cannot exercise their right to pension, the right to take up positions in the transport sector and others. In addition, there is no recognition of scientific degrees and academic ranks in the EAEU. The author makes a number of theoretical conclusions about the prospects for harmonization of the legislation of the Member States; a number of practical conclusions on supplementing the Eurasian legislation and the national legislation of the Republic of Belarus.

Keywords: labor migrant; EAEU; freedom of movement of workers.

Демографические проблемы, стоящие перед многими странами, в том числе и Республикой Беларусь (старение населения, низкая рождаемость и т. д.), вынуждают использовать в экономике страны труд мигрантов. Но не только демографические проблемы на постсоветском пространстве, но и формирование общего (единого, внутреннего) рынка в ЕАЭС предполагает необходимость правового обеспечения прав трудящихся-мигрантов, так как свобода передвижения работников — один из краеугольных вопросов евразийской интеграции.

По официальным данным, имеющимся на сайте МВД Республики Беларусь, в 2018 г. выдано и продлено 12 439 (из них выдано 10 625) специальных разрешений на право занятия трудовой деятельностью в Республике Беларусь. В том числе из государств — членов ЕАЭС в 2018 г. в Республику Беларусь прибыло всего 5012 человек (3223 — в 2017 г.; 2947 — в 2016 г.), в т. ч. из Республики Армения — 432 (400 — в 2017 г.); Республики Казахстан — 381 (313 — в 2017 г.); Кыргызской Республики — 73 (57 — в 2017 г.); Российской Федерации — 4126 (2453 — в 2017 г.) [1]. Приведенные данные свидетельствуют о росте числа трудящихся-мигрантов в Республике Беларусь из государств-членов ЕАЭС, что требует проведения научного анализа вопросов правового положения трудящихся-мигрантов из ЕАЭС в Республике Беларусь, внесения предложений по изменению и дополнению действующего национального и евразийского законодательства.

Свобода передвижения рабочей силы основывается на актах первичного права Союза, прежде всего это Раздел XXVI «Трудовая миграция» Договора о ЕАЭС и Протокола «Об оказании медицинской помощи трудящимся государств-членов и членам семей» (Приложение № 30 к Договору ЕАЭС) [2].

Основное преимущество трудовых мигрантов в Республике Беларусь из других государств — членов ЕАЭС — это безвизовый въезд и возможность трудоустройства без необходимости получения специального разрешения на осуществление трудовой деятельности на территории Республики Беларусь (п. 1 ст. 97 Договора о ЕАЭС); граждане государства-члена, прибывшие в целях осуществления трудовой деятельности или трудоустройства на территорию другого государства-члена, и члены семей освобождаются от обязанности регистрации (постановки на учет) в течение 30 суток с даты въезда (п. 7 ст. 96 Договора о ЕАЭС); в случае досрочного расторжения трудового или гражданско-правового договора после истечения 90 суток с даты въезда на территорию Республики Беларусь трудящиеся имеют право без выезда с территории государства трудоустройства в течение 15 дней заключить новый трудовой или гражданско-правовой договор (п. 9 ст. 97); по требованию трудящегося (в том числе бывшего

работника) работодатель (заказчик работ (услуг)) обязан на безвозмездной основе выдать ему справку с указанием профессии (специальности, квалификации и должности), периода работы и размера заработной платы в сроки, установленные законодательством государства трудоустройства (п. 7 ст. 98).

Основной проблемой в правовом обеспечении свободы перемещения рабочей силы в интеграционных образованиях является дискриминация по национальному признаку.

Договор о ЕАЭС в свою очередь в пункте 2 статьи 57 закрепляет, что государства-члены не устанавливают и не применяют ограничения, установленные их законодательством в целях защиты национального рынка труда, за исключением ограничений, установленных настоящим Договором и законодательством государств-членов в целях обеспечения национальной безопасности (в том числе в отраслях экономики, имеющих стратегическое значение) и общественного порядка, в отношении осуществляемой трудящимися государств-членов трудовой деятельности, рода занятий и территории пребывания.

Однако достаточно проблематичными, на наш взгляд, являются отдельные требования, содержащиеся в национальном транспортном законодательстве Республики Беларусь относительно гражданства членов экипажей воздушных, внутренних водных гражданских судов. Так, часть 4 статьи 39 Воздушного кодекса Республики Беларусь определяет, что летный экипаж воздушного судна, как правило, состоит из граждан Республики Беларусь. Включение в летный экипаж гражданского воздушного судна иностранных граждан и лиц без гражданства осуществляется в порядке, установленном специально уполномоченным органом в области гражданской авиации.

Таким образом, национальное законодательство содержит явное ограничение свободы передвижения трудящихся в ЕАЭС. Возможно ли аргументировать наличие такого ограничения требованиями исключительно национальной безопасности или общественного порядка? Однозначно ответить на такой вопрос весьма сложно, так как он требует отдельного исследования в виду специфики перевозок пассажиров, обеспечения их безопасности. Но однозначно и другое — принятие решения о включении либо об отказе включения граждан государств-членов в состав воздушных, водных судов должно осуществляться с учетом принципа пропорциональности, предполагающего четкое соответствие между целями (гарантирование национальной безопасности и общественного порядка) и предпринимаемыми мерами (ограничение трудовых прав иностранных граждан), которые не могут быть явно чрезмерными и непропорциональными для достижения поставленной цели.

Одним из препятствий в реализации политики трудовой миграции в ЕАЭС является отсутствие равных условий предоставления пенсионных гарантий для граждан государств-членов на территории государств-членов. В настоящее время такой договор уже разрабатывается [3]. Бесспорно, все государства-члены имеют свое национальное законодательство, устанавливающее особенности собственного пенсионного возраста, собственного пенсионного стажа, но основная задача ЕАЭС — это гарантировать всем трудящимся государств-членов ЕАЭС право на получение пенсии, независимо от того, в каком государстве-члене работает человек.

Стоит отметить и еще одну проблему, сдерживающую свободу передвижения работников в ЕАЭС, наличие процедуры признания документов об ученых степенях и ученых званиях, выданных уполномоченными органами государств-членов, признаются в соответствии с законодательством государства трудоустройства.

Думается, что в перспективе в Республике Беларусь представляется возможным положительное рассмотрение вопроса о их взаимном признании, в виду

ориентировки всех стран на привлечение именно высококвалифицированных кадров, имеющих ученые степени и звания.

В настоящее время согласно Положению о присуждении ученых степеней и присвоении ученых званий в Республике Беларусь подлежат нострификации (приравниванию) в ВАК документы о присуждении ученых степеней и присвоении ученых званий, выданные аттестационными органами государств, с которыми Республикой Беларусь заключены договоры о признании и эквивалентности, и подлежат переаттестации обладатели документов, полученных в государствах, с которыми Республика Беларусь не имеет договоров [4]. Соответствен целесообразным было бы заключение международного Договора в рамках ЕАЭС о взаимном признании документов об образовании, научных степенях и научных званиях, который имел бы прямое действие для всех государств-членов.

Первостепенными мерами по реализации миграционной политики в рамках ЕАЭС должно стать формирование общей информационной базы о состоянии трудовых ресурсов в каждом государстве-члене, их нехватке либо избытке в той либо иной стране, правонарушителях-мигрантах и т. д. Г. Е. Нургазина, с которой мы полностью солидарны, отмечает, что «создание общей детализированной информационной базы выделяется экспертами в области миграционной политики в качестве важнейшего условия формирования общего рынка рабочей силы на евразийском пространстве» [5, с. 72]. Формирование информационной базы позволит цивилизованно развивать общий рынок трудовых ресурсов ЕАЭС, способствовать организованному и контролируемому набору трудящихся-мигрантов на территории государств-членов.

В итоге нашего исследования можно констатировать, что миграционные процессы на евразийском пространстве требуют проведения углубленных научных исследований в виду прогнозируемого увеличения трудовых мигрантов, необходимости правового обеспечения свободы передвижения работников. И краткий анализ евразийского и национального законодательства Республики Беларусь подтверждает необходимость их совершенствования как по вопросам пенсионного обеспечения, так и по вопросам правомерности ограничения мигрантов к занятию отдельных профессий, условий взаимного признания ученых степеней и ученых званий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Учет трудящихся-эмигрантов и трудящихся-иммигрантов [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Республики Беларусь. — Режим доступа: <<https://mvd.gov.by/ru/page/uchet-trudyashihsya-emigrantov-i-trudyashihsya-immigrantov>>. — Дата доступа: 25.09.2019.

2. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2019.

3. ЕЭК развивает сотрудничество в сфере трудовой миграции и социальной защиты трудящихся государств — членов ЕАЭС [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. — 02.10.2017. — Режим доступа: <<http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/2-10-2017-3.aspx>>. — Дата доступа: 19.09.2019.

4. Об утверждении положения о присуждении ученых степеней и присвоении ученых званий в Республике Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь от 17 нояб. 2004 г. № 560 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2019.

5. Нургазина, Г. Е. ЕАЭС: перемещение рабочей силы на ее территории / Г. Е. Нургазина // Вестник МГЭИ. — 2018. — № 4. — С. 71—76.

МОДЕЛИ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУРНЫХ ПОЛИТИК В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Е. А. Криштаносова

*Белорусский государственный университет культуры и искусств,
17, ул. Рабкоровская, Минск, 220007, Беларусь, spirinaelena@tut.by*

В статье рассматривается специфика и сущность современных культурных политик, выделяются отрицательные и положительные моменты их реализации в контексте взаимодействия этнокультурных групп и титульного этноса. Автором выявляются типы этнокультурных групп (группа-толеранты, группа-изоляты), на которые ориентируется правящая элита в рамках осуществления определенной модели национальной культурной политики, а также выявляются характерные особенности данных групп при пребывании на инородной территории. Делается акцент на особенностях конфликтных взаимодействий данных групп с титульным этносом при реализации определенной модели культурной политики. В заключении делается вывод о несостоятельности рассмотренных моделях национальных культурных политик в условиях глобализации.

Ключевые слова: культурная политика; миграция; глобализация; этнокультурная группа; титульный этнос.

MODELS OF NATIONAL CULTURAL POLICIES IN THE CONDITIONS OF GLOBALIZATION

E. A. Krishtanosova

*The Belarusian State University of Culture and Arts,
17, Rabkorovskaya str., Minsk, 220007, Belarus, spirinaelena@tut.by*

In the article the author considers the specifics and essence of modern cultural policies, highlights the negative and positive aspects of their implementation in the context of the interaction of ethnocultural groups and the dominant ethnicities. The author identifies the types of ethnocultural groups (tolerant group, isolate group), which the ruling elite is guided by in the framework of implementing a certain model of national cultural policy, and also identifies the characteristic features of these groups when they are in a foreign territory. The article focuses on the features of conflict interactions of these groups with the dominant ethnicities in the implementation of a certain model of cultural policy. It is concluded that the considered models of national cultural policies in the context of globalisation are insolvent.

Keywords: cultural policy; migration; globalisation; ethnocultural group; dominant ethnicity.

Современным процессам глобализации сопутствует расширение миграционных потоков. Так, ежегодно в страны ЕС через различные нелегальные каналы въезжает около полумиллиона мигрантов, не считая еще 400 000 человек в год, которые официально ищут убежища на европейском континенте [1, с. 44]. Долгое время основной проблемой, порождаемой миграционными процессами, считалась культурная неоднородность общества. Список гомогенных в этнокультурном отношении государств мира, составленный К. Янгом, включает всего 11 стран: Барбадос, Бахрейн, Ботсвана, Катар, обе Кореи, Коста-Рика, Лесото, Тунис, Уругвай и Япония [2, с. 184]. Поэтому проблема поиска единых оснований жизнедеятельности и самореализации для всех населяющих страну этнокультурных групп считается одной из ключевых в деле становления и развития современного общества. На наш взгляд, эта проблема является одной из приоритетных и в Республике Беларусь, которая на данный момент насчитывает более 144 этнокультурных групп. Ключевой статус этой проблемы в современных государ-

ствах связан с настоящей неизбежностью процесса объединения групп внутри конкретной страны и соответствующей ей национальной культуры. Однако это вызывает ряд проблем.

Во-первых, любая группа представляет собой совокупность людей, которым свойственно определенное мировоззрение (картина мира), на котором во многом строится процесс не только групповой, но и личностной идентификации. Представитель группы ограничен в возможностях замены ее основных компонентов, поскольку ценностно-смысловые установки, порожденные процессами социализации и инкультурации, не могут быть вытеснены из его сознания. Группа может оставаться самоценной целостностью до тех пор, пока обладает определенной культурной идентичностью, задающей векторы дальнейшего развития. Потому попытки унификации групп вызывают протест, даже если причины его не всегда полностью осознаны. Во-вторых, механическое объединение этноса и этнокультурных групп имело бы, несомненно, последствия и для титульной культуры — и, возможно, негативные. Как известно из истории, ценности народов, входящих в царства и империи прошлого (Египет, Греция, Рим и т. д.), серьезно отразились на основном ценностном каркасе доминирующей культуры (синтетические культы, противоположные культурному «мейнстриму» установки и т. д.) и способствовали ее упадку. В рассматриваемой нами современной ситуации их включение в дискурс господствующей культуры тоже не могло бы пройти безболезненно, в том числе и для национальной идеи, что всегда связано с реальной опасностью разрушения государства изнутри.

В современном мире тенденции **культурной универсализации**, порожденные процессами глобализации, приобретают особую актуальность. Это связано с тем, что глобализация не только интенсивно изменяет экономический и политический ландшафт планеты, но и воздействует на картину межкультурных связей. Этот процесс заключается:

— в формировании единого всемирного рынка, всемирной информационной открытости, в появлении новых информационных технологий, (примером, является сеть Интернет, которая делает возможной свободную коммуникацию людей различной этнической принадлежности, верований и убеждений);

— в расширении и углублении глобальной культурной связи между людьми и народами. Это дает возможность населению самых отдаленных уголков планеты приобщиться не только к общепризнанным культурным достижениям человечества, но и ознакомиться с различными локальными культурами;

— в попытках создания общепланетарного экономического пространства и единого мирового правопорядка;

— в расширении могущества мирового рынка;

— в объединении стран для совместного решения глобальных проблем современности (преодоление экологического кризиса, связанного с разрушительным вмешательством человека в природу; предотвращение войн с применением оружия массового поражения и создание безъядерного мира и др.).

Таким образом, глобализация ставит человечество перед необходимостью единства. Иными словами, основная идея культурной универсализации в современном контексте — это создание «мирового сообщества» для совместного решения экономических, политических и культурных проблем. При этом основной упор делается на этнокультурные группы, которые, по представлению современных универсалистов, готовы безропотно «раствориться» в доминантной культуре, т. е. на группы-толеранты. Поэтому, несмотря на все позитивные тенденции и необходимость всечеловеческого сотрудничества, процесс глобализации способствует унификации локальных культур.

Здесь мы имеем дело с глубинным противоречием современной межкультурной коммуникации. С одной стороны, именно глобализация побуждает к поиску и попыткам выработки универсальных человеческих ценностей, и это возможно хотя бы потому, что истина, добро, свобода и справедливость являются базовыми для универсальной картины мира любой этнокультурной группы, проявляясь в конкретных условиях в виде локальных модификаций.

Однако с другой стороны, и сами эти ценности, и питающие их культурные смыслы, и возникающие на их основе культурные тексты тяготеют к одному центру — к западной цивилизации. Этот принцип «однополярности мира» не нов: исторически сложилось так, что несколько наиболее развитых (преимущественно европейских) культур выступали в качестве семиотических центров, и на их фоне все остальные культуры находились на правах периферии. В силу подражания «центрам» (причины которого очевидны: это статусность, престиж, высокая мера цивилизации и др.) периферия неизбежно унифицировалась. Тем самым она — отчасти вынужденно, а отчасти и добровольно — утрачивала свои культурные корни, традиции, нормы и т. д., что всегда предшествует утрате идентичности этносов и групп. Этот процесс не нов, в определенной мере он существовал всегда — с тех пор, как народы стали контактировать между собой. Но никогда ранее идентичность не была такой ценностью, как перед угрозой растворения в «теле» единой мировой культуры. Именно поэтому в современном сообществе начал активно проявляться феномен «всплеска этнической идентичности» или «этнический бум». Причина этому — активное навязывание культурных образцов (стандартов), «центрами» и, как следствие, ощущение распада групповых идеалов и ценностей, лежавших в основе ранее самостоятельной культуры. В свою очередь, «всплеск этнической (групповой) идентичности» неизбежно сопровождается агрессивными реакциями (нередко перерастающими в открытые конфликты) в отношении группы, взявшей на себя функции экспортера ценностей (или, так называемой, культуры-донора). Основой конфликтных отношений становится столкновение ценностно-смысловых установок этнокультурных групп, направленных на сохранение и защиту основных составляющих групповой картины мира (ценностей, норм, традиций и т. д.), которые неудержимо трансформируются вследствие культурной диффузии, происходящей сейчас далеко не всегда добровольно и в глобальном масштабе.

Поэтому в целях создания искусственной гомогенизации внутри государства, политические и культурные элиты (приверженцы универсализма) долгие годы, как правило, делали акцент на ассимиляцию (например, Франция, США и др.). Основные идеи этой модели культурной политики — уподобление большинству, превращение иммигранта в рядового гражданина страны, универсализация экономических, политических и религиозных предпочтений. При этом основной упор делается на этнокультурные группы, которые, по представлению современных универсалистов, готовы «раствориться» в доминантной культуре, т. е. на группы-толеранты. Поэтому, несмотря на все позитивные тенденции и необходимость всечеловеческого сотрудничества, процесс глобализации способствует унификации локальных культур. Именно поэтому ассимиляция, как стратегия по отношению к иммигрантским культурам, использовавшаяся на протяжении прошлого века многими европейскими странами, в большинстве случаев себя не оправдала. Ксенофобия, фанатизм, фундаментализм, радикализм, экстремизм, терроризм — вот лишь некоторые побочные результаты попыток проводить подобную стратегию в поликультурной среде. Во многом это связано с тем, что искусственная гомогенизация сопутствует «ломке» картин мира этнокультурных групп и «размыванию» идентичностей, что свою очередь порождает негативные ответные действия, объяснимые, в первую очередь, психокультурно.

Как мы уже отмечали выше, каждая группа и каждый человек обладает набором стандартов, усвоенных с картиной мира. При попадании в инородную среду он ощущает дискомфорт, так как усвоенная картина мира побуждает его следовать принятым моделям самосознания и поведения, а принимающая сторона заставляет его отречься от этих моделей. Одно из следствий такого негибкого подхода элит титульной культуры — деструктивные попытки сохранения своего культурного «Я» в массовых действиях криминогенного характера. Например, тенденция французских элит ассимилировать мусульманское население своей страны резко противоречило стремлению последних жить по своим религиозным установлениям и придерживаться отличных от установок титульной культуры убеждениям. Это стало причиной массовых демонстраций, крушения зданий, поджога автомобилей и стычек с местным населением. Итак, получается, что современный универсализм, пытаясь объединить человечество на основе общих ценностно-смысловых установках и космополитической идентификации, не только не решает проблемы сохранения самобытности этнокультурных групп, а напротив — направлен на удовлетворение интересов незначительной части населения. Как подчеркивает А. С. Панарин, «глобальные ресурсы для узкоэгоистических интересов меньшинства — вот настоящее кредо глобализма» [3, с. 15].

В ответ на это представители **партикуляризма** делают акцент на сохранении особенностей этнокультурных групп путем их изоляции и самоизоляции. Иными словами, основной акцент ставится на группах-изолятах как на единственно возможном пути в борьбе против насильственной унификации — «самогеттоизация» этнокультурных групп, благодаря которой якобы возможно осуществление бесконфликтных межгрупповых интеракции «на расстоянии».

При этом и сторонники партикуляризма не отказываются от идей диффузионизма как возможности взаимного обмена культурными продуктами в целях символического обогащения.

В соответствии с этим была выдвинута модель культурной политики, позволяющая контролировать этнокультурные группы: модель «сепарации/ сегрегации» (например, Германия, Австрия, Великобритания). При таком подходе иммигрант находится в ситуации «гетто», т. е. изолирован от большинства населения. Ему предоставляется рабочее место, но количество его культурных контактов с представителями титульного этноса ограничено. Неудивительно, что эта модель также не оправдала себя, что выразилось, например, в создании миграционных кварталов и даже попыток отдельного их саморегулирования. Например, кварталы выходцев из Пакистана и Бангладеш в Великобритании, представители которых считали не нужным подчиняться местным властям по причине создания собственного самоуправления. Это привело к росту неприязненных отношений со стороны титульной группы, к убийству иммигранта и бездействию полиции. Конфронтация между группами достигла своей точки кипения, когда представители азиатских кварталов после очередных вооруженных нападений со стороны негативно настроенных групп атаковали полицейские участки и некоторые офисы и пабы Олдхэма [4, с. 338]. Таким образом, как мы видим, не оправдалась и изоляционистская (партикуляристская) стратегия культурной политики.

Можно констатировать, что партикуляризм как стратегия взаимоотношений культур в тех целях, в каких мыслят его апологеты, несостоятелен, поскольку является излишним. Каждая культура (об этом писал еще Н. Г. Данилевский) органически приемлет заимствования лишь в том виде, в котором они соотносятся с выработанными и утвердившимися в ней ценностями и обычаями. Можно предположить, что культура как таковая, вероятно, имеет встроенные в нее механизмы притяжения и отталкивания чужеродных новшеств, а намеренно возведенные препятствия могут лишь усугубить межкультурные конфликты. Подводя итог,

можно сказать, что на наш взгляд, партикуляризм настаивает не на «равенстве в своеобразии», а на усугублении различий, на «различиях ради различий».

Краткий анализ моделей культурных политик демонстрирует, что в свете дилеммы «универсализм — партикуляризм» культурная ситуация XX—XXI в. одновременно центростремительна и центробежна: с одной стороны, этнокультурные группы пытаются прийти к согласию и к созданию единого сообщества, а с другой, стремятся локализоваться. Ни один из этих выходов не представляется нам полностью безупречным по причинам, приведенным выше. Поэтому сегодня в этом отношении на первый план выдвигаются две основные проблемы:

— как этнокультурной группе сохранить свои ценностно-смысловые установки, а следовательно, свою идентичность на инородной территории;

— как титульному этносу не потерять способность к сохранению собственной идентичности и не стать лишь одной из разнородных групп в мультикультурном сообществе.

Именно несовпадение разновекторных ценностно-смысловых установок и нежелание найти консенсус порождает конфликтные взаимодействия этнокультурных групп с одной стороны, и титульного этноса, с другой.

При этом, субъектом межэтнического конфликта может быть как этнокультурная группа, так и титульный этнос. Поэтому, возвращаясь к рассматриваемым ранее моделям культурных политик, мы считаем их бесперспективными, так как при ассимиляции субъектом конфликта будет выступать этнокультурная группа, прибывшая на территорию страны, а при сегрегации — титульный этнос.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Giddens, A. Immigration and European Integration: Towards Fortress Europe? / A. Giddens. — Manchester: Manchester Univ. Press, 2017. — 144 p.
2. Янг, К. Категории культурного многообразия / К. Янг // Этнос и политика: хрестоматия / авт.-сост. А. А. Прусаускас. — М.: Изд-во УРАО, 2008. — С. 184—189.
3. Панарин, А. С. Искушение глобализмом / А.С. Панарин. — М.: Академ. Проект, 2000. — 289 с.
4. Jovanovic, M. N. European Economic Integration. Limits and Prospects / M. N. Jovanovic. — London; New York: Routledge, 2018. — 356 p.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В ОТНОШЕНИИ РАЗЛИЧНЫХ ВИДОВ МИГРАЦИИ

Т. Я. Павлова

Белорусский государственный университет

4, пр. Независимости, Минск, 220030, Беларусь, tanetchkarav@mail.ru

Отсутствие системного документа регулирующего вынужденную миграцию в ЕС побуждает страны Евросоюза искать пути решения миграционного вопроса путем создания двусторонних соглашений с третьими странами по вопросам легальной миграции, борьбы с контрабандой и реадмиссии; усиливать и укреплять Европейскую службу пограничной и береговой охраны; вести поэтапный диалог внутри евроблока для совместного управления миграционными потоками, координации усилий по выработке единого комплексного подхода, в основе которого лежат солидарность и ответственность. В статье анализируется миграционное законодательство 2018—2019 гг. как Европейского союза в целом, так и отдельных стран ЕС, выделяются проблемы правового регулирования миграции.

Ключевые слова: Европейский союз; мигранты; механизм солидарности; Еврокомиссия; реадмиссия.

IMPROVEMENT OF THE LEGAL POLICY OF THE EUROPEAN UNION REGARDING DIFFERENT TYPES OF MIGRATION

T. Y. Pavlova

Belarusian State University

4, Nezavisimosti Ave., Minsk, 220030, Belarus, tanechkapav@mail.ru

The absence of a systematic document regulating forced migration to the EU encourages EU countries to seek solutions to the migration issue by creating bilateral agreements with third countries on legal migration, combating smuggling and readmission; strengthen and strengthen the European border and coast guard service; conduct a phased dialogue within the Euroblock for joint management of migration flows, coordination of efforts to develop a single integrated approach based on solidarity and responsibility. The article analyzes the migration legislation of 2018—2019 of both the European Union as a whole and individual EU countries, highlights acute problems of legal regulation of migration.

Keywords: European Union; migrants; solidarity mechanism; European Commission; re-admission.

Нынешняя система предоставления убежища в Европе, не была предназначена для распределения ходатайств о предоставлении убежища между государствами-членами. Сохраняющийся поток беженцев в районе центрального Средиземноморья, в частности Италии и Греции показывает, что государства, ответственные за первоначальный прием, продолжают нести непропорциональную долю ответственности за прибывающих мигрантов, что, в свою очередь, оказывает серьезное давление на местные административные структуры и способствует формированию определенного общественного мнения относительно мигрантов [1].

В 2018 г. в ЕС было зарегистрировано около 1,3 млн мигрантов. Согласно докладу Международной организации по миграции (МОМ), по состоянию на конец сентября 2019 г. в Европу по морю прибыли 68 113 мигрантов и беженцев, что примерно на 16 % меньше, чем за тот же период прошлого года. При этом 970 из них погибли во время путешествия [2]. По данным Евростата в 2018 г. 478 155 лицам, незаконно пребывающим на территории ЕС, было предписано покинуть страну, а 170 380 человек были фактически возвращены в третью страну [3]. Стоит отметить, что в ряде государств ЕС доступ к процедурам предоставления убежища становится все более ограниченным, как из-за трудностей в выявлении и регистрации лиц, ищущих убежища, так и из-за отсутствия своевременной правовой помощи и информации о данных процедурах [4].

Сохраняющиеся сложности в обеспечении безопасности морских границ ЕС и непрекращающийся поток мигрантов, высаживающихся в Италии, Греции, Испании и Болгарии определили направления урегулирования данной части проблемы. В марте 2019 г. (вступление в силу декабрь 2019 г.) Совет ЕС принял новый регламент по усилению и укреплению технической базы Европейской службы пограничной и береговой охраны (подразделение *Frontex* созданное в 2016 г.). Среди ключевых элементов соглашения — увеличение к 2027 г. постоянного корпуса оперативных сотрудников до 10 000 человек и создание собственного резерва оборудования данной службы [5]. Еврокомиссия провела переговоры о заключении специальных соглашений с пятью балканскими странами для развертывания на их территориях подразделений *Frontex* с целью обеспечения защиты европейских границ от нелегального проникновения. В мае 2019 г.

вступило в силу соглашение с Албанией. Соглашение с Черногорией было подписано 7 октября 2019 г. и подлежит согласованию с Европейским парламентом. Были также подготовлены соглашения с Македонией (июль 2018 г.), Сербией (сентябрь 2018 г.) и Боснией и Герцеговиной (январь 2019 г.), документы находятся в стадии согласования [6].

Стоит отметить, что в период с 2015 г. ЕС разработал ряд норм и механизмов для управления легальными миграционными потоками: для лиц, ищущих убежище или воссоединения семей; для высококвалифицированных работников, студентов, научных исследователей, сезонных работников. Среди европейских стран самой крупной страной назначения для мигрантов продолжает оставаться Германия, где число ходатайств о предоставлении убежища в 2018 г. составило 184 180, что по сравнению с 2017 г. меньше на 17 % (222 560) и намного ниже пика 2016 г. (745 155 заявлений) [7]. Основными странами происхождения лиц, ищущих убежища, были Сирия, Ирак и Иран, которые составили около 45 % всех заявлений. Такая же ситуация имела место в Греции, где заявители из данных стран составили более половины всех заявок (65 000) в 2018 г. [8].

В июне 2018 г. на саммите ЕС европейские страны предприняли очередную попытку решить миграционный вопрос. Лидеры стран-участниц договорились установить новые правила приема мигрантов, спасенных в Средиземном море, организовать центры высадки нелегальных мигрантов вне ЕС и пересмотреть Дублинские соглашения, особенно в части распределения мигрантов по странам ЕС. Одним из новшеств стало решение о создании общеевропейских («якорных») центров приема мигрантов. Соглашение допускает в отдельных случаях предоставление подобным центрам экстерриториального статуса. ЕС продемонстрировал поддержку государствам-членам, находящимся под наибольшим давлением — Италии, Греции, Испании. В настоящее время контролируемые миграционные центры созданы в Греции (5), в Италии (4), Германии. Почти 35 000 человек были перемещены внутри ЕС из Италии и Греции. Кроме того, с лета 2018 г. в рамках добровольного переселения было перераспределено порядка 1103 человек [3, р. 1].

Также участники ЕС обязались финансировать фонд помощи африканским странам, откуда прибывает значительное количество мигрантов. Соглашение содержит положения о квотах приема. Это не первая попытка европейских стран установить правила переселения беженцев. В 2015 г. план введения квот на беженцев для всех государств ЕС был отвергнут Вышеградской группой, включающей Чехию, Словакию, Венгрию и Польшу [9, с. 20; 10]. Восточный блок ясно показал, что рассматривает миграцию в контексте вопроса об идентичности и суверенитете. В итоговом документе саммита (29.06.2018 г.) говорится о комплексе мер, направленных на ограничение въезда на территорию Евросоюза нелегальных мигрантов, продолжении усилий по борьбе с преступным трафиком мигрантов. Однако приемлемые для всех системные механизмы действий при высадке и распределении спасенных лиц так и не были согласованы.

В 2019 г. 14 стран — членов Европейского союза согласились на новый «механизм солидарности», предложенный Германией и Францией для распределения мигрантов по всему европейскому блоку. 8 из 14 стран взяли на себя обязательства активно внедрять механизм, однако другие страны, например, Венгрия, отвергли подобную схему. Ряд государств ЕС заняли сдержанную позицию в отношении предложенной системы, несмотря на то, что Верховный комиссар ООН по делам беженцев Филиппо Гранди подчеркнул, что речь, прежде всего, идет о людях, спасенных в Средиземном море [11]. Примером действия «механизма солидарности» стало подписание в сентябре 2019 г. совместной декларации о создании «временного механизма» для высадки на берег лиц, пребывающих в Ев-

ропу средиземноморским путем. Акт подписали Франция, Италия, Германия, Финляндия и Мальта. Документ можно считать позитивным сдвигом в преодолении проблемы спасения людей, оказавшихся в критическом положении. Данный шаг демонстрирует приверженность стран, подписавших декларацию единым ценностям, международным обязательствам и готовности к совместной работе, а также является ориентиром для остальных членов ЕС [12]. Солидарная позиция приобретает особое значение, поскольку, многие уязвимые ищущие убежища лица, включая детей, вынуждены проводить в море с высоким риском для жизни и при отсутствии элементарных условий по несколько недель.

Системность и сложность урегулирования проблемы беженцев предполагает длительный процесс поиска согласия между странами Евросоюза. Тем не менее, прилагаются постоянные усилия для решения отдельных частей проблемы, например, в отношении корректировки программ трудовой миграции. Доступ к занятости по-прежнему затруднен для конкретных групп мигрантов, включая молодежь и лиц, имеющих низкий уровень образования. В ЕС в 2018 г. более 18 % мигрантов в возрасте 15—24 лет не имели работы из-за отсутствия образования или профессиональной подготовки (*NEET*) [13]. Изменения в отношении трудовой миграции в 2018—2019 гг. были направлены на создание условий для поддержки конкретных категорий мигрантов, в первую очередь высококвалифицированных работников, студентов, исследователей. В 2019 г. во Франции вступили в силу законы, которые можно считать продолжением реформы 2014 г. Акты содержат положения об упрощенном получении вида на жительство на срок от двух до четырех лет для лиц, проживших во Франции не менее 12 месяцев. Законы увеличивают объем помощи для несовершеннолетних лиц и медицинской помощи для беженцев. Ключевые изменения законодательства включают внедрение положений по ИКТ, способствующих поддержке участников инновационных программ, программ мобильности студентов и научных сотрудников. Была расширена программа «паспорт таланта»: документ могут получать как выпускники иностранных, так и французских вузов [13; 14, p. 13—14].

В июне 2019 г. в ФРГ принят закон, смягчающий существующие правила миграции для квалифицированной рабочей силы. Специалисты с трудовым договором и подтвержденной квалификацией, могут осуществлять профессиональную деятельность без квалификационного тестирования [13, Vox 1.1; 15]. Также расширена возможность получения долгосрочной визы с целью поиска работы лицам с высшим образованием или профессиональной подготовкой. Лица в возрасте до 25 лет, имеющие дипломы, получили возможность приехать в ФРГ на срок 6—9 месяцев для поиска возможностей получения образования или стажировки.

В конце 2018 г. трудовое миграционное законодательство было обновлено в Бельгии. Новая фламандская модель включает три категории иностранцев: высококвалифицированные специалисты; квалифицированные дефицитные профессии; проверенные работники, для которых особые экономические или социальные причины оправдывают их прием на работу. Разрешения первой категории могут выдаваться на срок до трех лет, а не ежегодно, как это требовалось ранее. В рамках реновации миграционного законодательства Австрии в начале 2019 г. была изменена система очков профессионального рейтинга (*RWR*). Больше баллов начисляется за опыт работы и языковые навыки, общее количество баллов для присвоения профессиональной квалификации увеличилось. Порог минимальной заработной платы для категории ключевых сотрудников был снижен на 500 евро [13]. Изменения фактически во всех странах ставят в приоритетное положение квалифицированных специалистов с профессиональным опытом и высоким уровнем языковых знаний.

Миграционная проблема продолжает оставаться в списке приоритетных в Европейском союзе, а также в отношении со странами-партнерами блока. Политика ЕС в отношении вынужденной миграции направлена на создание долгосрочных отношений с третьими странами (к подобным можно отнести соглашение ЕС—Турция 2016 г.), и включает такие области, как легальная миграция, борьба с контрабандой и реадмиссия. ЕС стремится не только управлять миграционными потоками, сокращать число прибывающих и проводить спасательные операции, но прилагать усилия по созданию новых инструментов решения проблемы, демонстрирует готовность проявлять солидарность и ответственность. Предпринятые шаги являются лишь частью работы по созданию долгосрочной системы, которая, с одной стороны, позволит ослабить давление на отдельные государства-члены, с другой, гарантирует соблюдение прав человека для всех мигрантов. Среди наиболее актуальных остаются вопросы выработки адекватного правового механизма и налаживание процесса интеграции мигрантов в европейское общество. Касательно правового механизма корректировки требует ряд ныне действующих регламентов — о деятельности агентства ЕС по вопросам убежища; процедура предоставления убежища; директива об условиях приема; рамочное Положение о переселении. Однако наиболее существенным представляется выработка нового общего соглашения, как ключевого условия достижения прорыва во всем комплексе мер.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Revision of Dublin Regulation: Why EU is once again on the brink of crisis [Electronic resource] // 112.ua Agency. — 27.06.2018. — Mode of access: <<https://112.international/article/revision-of-dublin-regulation-why-eu-is-once-again-on-the-brink-of-crisis-29743.html>>. — Date of access: 05.10.2019.
2. С начала года в Европу по Средиземному морю прибыло 68113 мигрантов и беженцев [Электронный ресурс] // NEWSru.com. — 27.09.2019. — Режим доступа: <<https://www.newsru.com/world/27sep2019/eumedtrnmigrants.html>>. — Дата доступа: 09.10.2019.
3. Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council and the Council: Progress report on the Implementation of the European Agenda on Migration. Return and Readmission: Doc. COM(2019) 481 final. Brussels, 16.10.2019 [Electronic resource] // European Commission. — Mode of access: <https://ec.europa.eu/home-affairs/sites/homeaffairs/files/what-we-do/policies/european-agenda-migration/20191016_com-2019-481-report_en.pdf>. — Date of access: 20.10.2019.
4. Guyot, C. Migrant rights increasingly flouted in Europe / C. Guyot [Electronic resource] // Euractiv. — 20.03.2018. — Mode of access: <<https://www.euractiv.com/section/justice-home-affairs/news/migrant-rights-increasingly-flouted-in-europe-report-says/>>. — Date of access: 12.10.2019.
5. European Border and Coast Guard: The Commission welcomes agreement on a standing corps of 10,000 border guards by 2027: Press release [Electronic resource] // European Union. — 01.04.2019. — Mode of access: <https://europa.eu/rapid/press-release_IP-19-1929_en.htm>. — Date of access: 14.10.2019.
6. Border management: EU signs agreement with Montenegro on European Border and Coast Guard cooperation [Electronic resource] // European Union. — 07.10.2019. — Mode of access: <https://europa.eu/rapid/press-release_IP-19-6008_en.htm>. — Date of access: 04.10.2019.
7. A welcoming Europe? Evolution of the number of asylum seekers and refugees in the EU. Infographics [Electronic resource] // European Parliament. — 2018. — Mode of access: <https://www.europarl.europa.eu/infographic/welcoming-europe/index_en.html#filter=2018-de>. — Date of access: 17.10.2019.
8. Asylum statistics. Eurostat. Main countries of destination: Germany, France and Greece [Electronic resource] // European Commission. — Mode of access: <<https://ec.europa.eu/eurostat/statistics->

explained/index.php/Asylum%20statistics#Citizenship_of_first-time_applicants:_largest_shares_from_Syria.2C_Afghanistan_and_Iraq>. — Date of access: 29.09.2019.

9. Большова, Н. Н. Ответ ЕС на «кризис с беженцами» 2015 г. и перспективы общей миграционной политики ЕС / Н. Н. Большова // Ежегодник ИМИ. — Выпуск 1 (15). — 2016. — С. 19—33.

10. Трухачев, В. ЕС наказывает «Вышеградскую группу» беженцами / В. Трухачев [Электронный ресурс] // EurAsia Daily. — 14.09.2017. — Режим доступа: <<https://eadaily.com/ru/news/2017/09/14/es-nakazyvaet-vyshegradskuyu-gruppu-bezhencami>>. — Дата доступа: 25.09.2019.

11. Васильева, М. 14 стран ЕС согласовали «механизм солидарности» / М. Васильева // [Электронный ресурс] / euronews. — 22.07.2019.. — Режим доступа: <<https://ru.euronews.com/2019/07/22/forteen-countries-agreed-on-migrants-distribution>>. — Дата доступа: 09.10.2019.

12. Ministers agree to temporary deal to distribute migrants arriving in Italy and Malta [Electronic resource] // France24. — 24.09.2019. — Mode of access: <<https://www.france24.com/en/20190924-malta-italy-migrants-ocean-viking-deal-distribution-dublin-regulation>>. — Date of access: 12.10.2019.

13. International Migration Outlook 2019. 43rd report of the OECD's. Chapter 1. Recent policy developments. Economic migration. Programmes for economic migrants adjusted [Electronic resource] // OECD Library. — Mode of access: <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/c3e35eec-en/1/2/1/index.html?itemId=/content/publication/c3e35eec-en&csp_=5484c834d3b947b42e43a8aee995b48b&itemIGO=oecd&itemContentType=book>. — Date of access: 04.10.2019.

14. Annual Report 2018 on Migration and Asylum Policies in France (April 2019) 3.2. Economic Migration [Electronic resource] // European Commission. — 2018. — Mode of access: <https://ec.europa.eu/home-affairs/sites/homeaffairs/files/10a_france_arm_2018_part2_en.pdf>. — Date of access: 19.10.2019.

15. Петрова, М. Какие возможности дает новый закон ФРГ о трудовой миграции / М. Петрова [Электронный ресурс] // Спектр.Пресс. — 19.07.2019. — Режим доступа: <<https://spektr.press/germaniya-dlya-vseh-kakie-vozmozhnosti-daet-novyy-zakon-o-trudovoj-migracii/>>. — Дата доступа: 19.10.2019.

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ СИСТЕМЫ ЗАЩИТЫ БЕЖЕНЦЕВ

А. В. Селиванов

*Белорусский государственный университет,
4, пр. Независимости, Минск, 220030, Беларусь, selivanuch@bsu.by*

Автор рассказывает об эволюции международной системы защиты беженцев. Он выделяет четыре этапа: 1919 — август 1939 гг., сентябрь 1939 — конец 1980-х гг., 1990—2010 гг. Новый этап начался в 2011 г. и характеризуется увеличением потоков лиц, нуждающихся в международной защите. Делается вывод, что международному сообществу нужно искать пути решения конфликтов до их начала. Тогда мы будем не получать потоки беженцев и внутренних переселенцев.

Ключевые слова: беженцы; внутренне перемещенные лица; миграция; УВКБ ООН, международная система защиты беженцев.

TRANSFORMATION OF INTERNATIONAL REFUGEE PROTECTION SYSTEM

A. V. Selivanov

*Belarusian State University,
4, Nezavisimosti Ave., Minsk, 220030, Belarus, selivanov@bsu.by*

The author discusses the evolution of international refugee protection system. Four stages have been identified: 1919 – August 1939, September 1939 – the end of the 1980s, 1990 – 2010. A new stage began in 2011 and is characterised by the increase of flows of people who need international protection. It is concluded that the international community should look for the ways to settle the conflicts in advance. Thus, we will not receive flows of refugees and internally displaced persons.

Keywords: refugees; internally displaced persons; migration; UNHCR; international refugee protection system.

Вызовы и угрозы XXI в. являются хорошей возможностью переосмыслить и рассмотреть историческую ретроспективу, подумать о новых вызовах и угрозах для международной системы защиты беженцев.

По состоянию на конец 2008 г. число лиц, подпадающих под мандат Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН), составляло 34,4 млн человек, в т. ч. 10,5 млн беженцев, 6,6 млн лиц без гражданства. 14,4 млн внутренне перемещенных лиц пользовались защитой УВКБ ООН [1, с. 2]. Через 10 лет, к концу 2018 г., цифры выглядели устрашающе: доклад Верховного комиссара ООН по делам беженцев сигнализирует о примерно 70,8 млн человек, которые были вынуждены покинуть свои дома из-за преследований, конфликтов и насилия, среди которых насчитывалось 25,9 млн беженцев и 41,3 млн внутренне перемещенных лиц [2, с. 1]. В данной ситуации имеет смысл рассмотреть эволюцию международной системы защиты беженцев.

Как известно, в XX в. проблема беженцев приобрела новое звучание и значение. Уверенность в том, что именно международное сообщество, а не отдельные правительства или благотворительные организации обязано обеспечивать защиту беженцев и находить решения их проблем, окрепла с созданием Лиги Наций.

Одной из основных проблем, с которой в начале XX в. сталкивались беженцы, являлось отсутствие международно признанных удостоверений личности. Для ее решения был введен так называемый «паспорт Нансена», который стал прообразом современных проездных документов, выдаваемых беженцам в соответствии с Конвенцией 1951 г. о статусе беженцев. Введение этого документа позволило тысячам людей вернуться на родину или поселиться в других странах [см.: 3].

В последующие годы Лига Наций учредила ряд организаций и разработала серию соглашений в целях урегулирования возникающих новых проблем. Наиболее важным является то, что Лига дала определение понятия «беженец», применявшегося к конкретным группам населения, которые могли подвергнуться риску в случае возвращения на родину. Необходимо отметить, что определение понятия «беженец», данное в документах Лиги Наций, несмотря на некоторую его ограниченность, стало первым подобным определением в международном праве [см.: 3].

Начавшись с разработки удостоверений личности и проездных документов, мероприятия по защите беженцев постепенно становились все более масштабными и стали охватывать широкий круг вопросов, например, упорядочение лич-

ного статуса беженцев, обеспечение их доступа к работе и защита от изгнания из страны.

Начало Второй мировой войны стало рубежом нового этапа международной системы защиты беженцев. Образованная в 1945 г., Организация Объединенных Наций признала, что задача оказания помощи беженцам представляет собой международную проблему и сообщество государств должно взять на себя коллективную ответственность за тех людей, которые спасаются от преследования. В 1946 г. на своей первой сессии Генеральная Ассамблея приняла резолюцию, которая заложила основу деятельности ООН по защите беженцев. В ней было подчеркнуто, что ни один беженец или перемещенное лицо, в силу обоснованных опасений не желающее вернуться в страну своей гражданской принадлежности, не может быть к этому принуждено. Осенью 1948 г. к практическим операциям по решению проблем беженцев и перемещенных лиц приступила специально созданная Международная организация по делам беженцев (МОБ). Генеральная Ассамблея ООН в 1949 г. определила основные принципы действий относительно беженцев: проблема беженцев является международной по своему объему и характеру; окончательное разрешение проблемы беженцев может быть достигнуто только добровольной репатриацией или ассимиляцией в новых странах; будущее таких беженцев и перемещенных лиц должно стать объектом деятельности международного органа, который необходимо было создать [см.: 3].

Позднее МОБ фактически была заменена Управлением Верховного комиссара ООН по делам беженцев. Созданное 14 декабря 1950 г. резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН в качестве вспомогательного неполитического и гуманитарного органа системы ООН, Управление получило полномочия на обеспечение международной защиты беженцев и оказание помощи правительствам в поиске долгосрочных решений этой проблемы.

В компетенцию УВКБ ООН вошло оказание помощи любым лицам, которые «в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства или политических убеждений находятся вне страны своей гражданской принадлежности и не могут пользоваться защитой правительства этой страны или не желают пользоваться такой защитой либо вследствие таких опасений, либо по причинам, не связанным с соображениями личного удобства» [4].

При этом, в кризисных ситуациях УВКБ ООН предоставляет защиту и помощь группам беженцев, которые являются одновременно жертвами преследований, конфликтов и массовых нарушений прав человека. В случае возникновения подобных обстоятельств УВКБ ООН, как правило, обосновывает свое вмешательство на основании общей оценки условий в стране, из которой прибыли беженцы, а не рассмотрении заявлений отдельных лиц о предоставлении им статуса беженцев.

При этом в начале 1950-х гг. международное сообщество предполагало, что острая для послевоенной Европы проблема беженцев разрешится в ближайшем будущем. Это подтверждало временное действие Устава УВКБ ООН, существование которого предусматривалось только в течение трех лет [5]. Однако мандат УВКБ ООН впоследствии продлевался каждые 5 лет Генеральной Ассамблеей ООН. В декабре 2003 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла решение о снятии временных ограничений на мандат УВКБ ООН до тех пор, пока не будет решена проблема беженцев [6].

Первоначально мандат УВКБ ООН был ограничен только оказанием помощи лицам, находящимся вне страны своего происхождения. Со временем для того, чтобы программы по осуществлению добровольной репатриации носили устой-

чивый характер, УВКБ ООН стало принимать участие в оказании помощи и предоставлении защиты лицам, возвращающимся в свои страны.

Таким образом, 1950-е гг. можно считать первыми годами формирования современной международной системы защиты беженцев. Центральной структурой этой системы стало УВКБ ООН. Основу международной системы защиты беженцев составляют права и обязательства, изложенные в принятой в 1951 г. Конвенции о статусе беженцев. Отражая специфику положения беженцев в 1951 г., Конвенция непосредственно распространялась на беженцев в Европе, которые спасались от событий, происшедших до 1951 г. Это подтверждает текст статьи 1 Конвенции 1951 г. (ссылка на события, произошедшие до 1 января 1951 г., а также географическое ограничение сферы действия Конвенции) [4].

Вместе с тем, проблема беженцев не ограничивалась проблемами лиц, перемещенных в Европе в результате Второй мировой войны. В конце 1950-х — 1960-е гг. акцент в деятельности УВКБ ООН сместился с Европы на страны Азии, Африки и Латинской Америки. Это было вызвано появлением беженцев в результате деколонизации. В течение этого периода Генеральная Ассамблея поручала Верховному комиссару оказывать посильную помощь в поиске решений проблем конкретных групп населения. В большинстве случаев в них входили люди, оказывавшиеся в ситуациях, схожих с теми, в которых находятся беженцы, однако по тем или иным причинам не подпадавшие под мандат Верховного комиссара. Потребности этих групп населения в целом носили временный характер, и добровольная репатриация зачастую являлась приемлемым решением.

В конце 1960-х — начале 1970-х гг. эта тенденция изменилась. По мере замедления процесса деколонизации стали возникать новые виды конфликтов, зачастую регионального характера, приводившие к крупномасштабным перемещениям беженцев. В связи с возникновением подобных ситуаций появилась необходимость в расширении применимости положений Конвенции к новым беженцам. Был разработан Протокол, касающийся статуса беженцев [7]. После рассмотрения Генеральной Ассамблеей ООН он был открыт для присоединения 31 января 1967 г. и вступил в силу 4 октября 1967 г. Присоединяясь к Протоколу, государства берут на себя обязательство применять основные положения Конвенции в соответствии с приведенным в ней определением беженца без временных и территориальных ограничений Конвенции 1951 г.

В 1972 г. еще одной категорией лиц, которые находятся в ведении УВКБ ООН стали внутренне перемещенные лица [8]. С 1974 г. Управление занимается и лицами без гражданства [9].

Отметим, что в годы противостояния двух систем на мировой арене Советский Союз относился к УВКБ ООН и международной системе защиты беженцев с подозрением, считая их инструментом «холодной войны». Однако во второй половине 1980-х гг., после начала внутривосточных изменений в стране, отношение СССР к этой структуре системы ООН начало меняться. Появление большого количества беженцев способствовало налаживанию контактов советского государства с УВКБ ООН.

Необходимо обратить внимание, что проблемы беженцев в 1980-х — начале 1990-х гг. значительно отличаются от проблем периода, непосредственно после принятия Устава УВКБ ООН. Трудности зачастую усложнялись тем, что существовала вероятность упустить из виду скрытые конфликты, что не позволило бы найти окончательное решение вопросов беженцев.

Советский Союз к развитию сотрудничества с УВКБ ООН подтолкнули внешнеполитические интересы. Хотя не менее важными факторами стали появившиеся внутренние проблемы, связанные с вынужденным перемещением населения. Страна оказалась не в состоянии справиться ни с масштабным пере-

мещением людей, вызванным этническими конфликтами на ее территории, ни с появлением все большего числа иностранцев, ищущих убежища.

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. продолжающийся экономический спад и сепаратистские тенденции в Советском Союзе вызвали опасения в европейских странах, что поток различных категорий мигрантов с 1/6 части суши может хлынуть на запад, где система предоставления убежища уже функционировала с перенапряжением. Отметим, что в центрально-европейских государствах, вышедших из советской сферы влияния, система предоставления убежища только начинала создаваться. УВКБ ООН постепенно устанавливало там свое присутствие и ясно видело необходимость оказывать поддержку создаваемым механизмам защиты беженцев и тем самым укреплять расширяющуюся европейскую систему в целом.

Очередным ключевым событием, вызвавшим массовые перемещения людей, стала арабская весна. Основным событием в данном контексте стала дестабилизация ситуации в Сирии. Затем случился украинский кризис, потоки венесуэльских граждан в соседние страны. Период после 2011 г. требует дополнительного изучения и анализа. При этом отметим, что Организация Объединенных Наций стала обращать более пристальное внимание на эту проблему. В качестве примеров: доклад Генерального секретаря ООН «Международная миграция и развитие» (2013 г.), «В условиях безопасности и достоинства: решение проблемы перемещений больших групп беженцев и мигрантов» (2016 г.), Нью-Йоркская декларация о беженцах и мигрантах (2016 г.), Глобальный договор о беженцах (2018 г.), Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и регулируемой миграции [см.: 10].

Таким образом, на первом этапе (1919 — август 1939 гг.) были разработаны первые международно-правовые документы по защите беженцев, дано определение понятия «беженец», впервые в истории введены удостоверения личности и проездные документы («паспорт Нансена»), а сами мероприятия по защите этой категории лиц приобрели большую системность и масштабность.

Вместе с тем, создание комплексной системы защиты беженцев существенно затруднялось разделением мира на два идеологически враждебных лагеря. В то же время, несмотря на определенные препятствия и взаимное непонимание двух противоборствующих блоков, на втором этапе (сентябрь 1939 — конец 1980-х гг.) была создана целостная сбалансированная структура современной международной системы защиты беженцев, центральным компонентом которой стало УВКБ ООН.

Дезинтеграционные процессы на территории Советского Союза и стран Центральной и Восточной Европы, увеличение числа конфликтов различной интенсивности потребовали адекватного реагирования, изменения форм и методов участия международного сообщества в регулировании вопросов миграции, усиления его взаимодействия с молодыми независимыми государствами в части предупреждения неблагоприятного развития ситуации, формирования и включения национальных систем в международную систему защиты беженцев. Это стало основным содержанием третьего этапа (с 1990 г. по 2010 гг.) эволюции международной системы защиты беженцев.

События арабской весны и последующих конфликтов значительно увеличили потоки беженцев, и международное сообщество в лице Организации Объединенных Наций стало на него активно реагировать. Можно считать 2011 г. началом нового периода трансформации международной системы защиты беженцев. При этом вывод, который можно сделать, продолжает оставаться актуальным на протяжении очень длительного промежутка времени: международному сообществу

ству нужно искать пути решения конфликтов до их начала. Тогда мы будем не получать потоки беженцев и внутренних переселенцев.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Доклад Верховного комиссара ООН по делам беженцев: док. ООН А/64/12. — Нью-Йорк: ООН, 2009. — 37 с.
2. Доклад Верховного комиссара ООН по делам беженцев: док. ООН А/74/12. — Нью-Йорк: ООН, 2019. — 34 с.
3. Селиванов, А. В. УВКБ ООН и формирование системы защиты беженцев в Республике Беларусь / А. В. Селиванов. — Минск: Тесей, 2006. — 160 с.
4. Конвенция о статусе беженцев [Электронный ресурс] // Международное общественное объединение по научно-исследовательским и информационно-образовательным программам «Развитие». — Режим доступа: <<http://www.evolutio.info/ru/docs-un/category-128>>. — Дата доступа: 23.10.2019.
5. Устав Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев [Электронный ресурс] // Международное общественное объединение по научно-исследовательским и информационно-образовательным программам «Развитие». — Режим доступа: <<http://www.evolutio.info/ru/docs-un/2000-5-ustav>>. — Дата доступа: 23.10.2019.
6. Осуществление мер, предложенных Верховным комиссаром Организации Объединенных Наций по делам беженцев в целях повышения возможностей его Управления выполнять его мандат: док. ООН А/RES/58/153 от 22.12.2003 г. — Нью-Йорк: ООН, 2014. — 3 с.
7. Конвенция о статусе беженцев [Электронный ресурс] // Международное общественное объединение по научно-исследовательским и информационно-образовательным программам «Развитие». — Режим доступа: <<http://www.evolutio.info/ru/docs-un/category-128>>. — Дата доступа: 23.10.2019.
8. Доклад Верховного комиссара ООН по делам беженцев: док. ООН А/RES/3956(XXVII) [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <<https://documents.un.org/>>. — Дата доступа: 23.10.2019.
9. Вопрос о создании в соответствии с Конвенцией о сокращении безгражданства, органа, в который могли бы обращаться лица, требующие каких-либо преимуществ на основании этой Конвенции: док. ООН А/RES/3274(XXIX) [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <<https://documents.un.org/>>. — Дата доступа: 23.10.2019.
10. Беженцы и мигранты [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <<https://refugeesmigrants.un.org/>>. — Дата доступа: 23.10.2019.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И НАПРАВЛЕНИЯ ЕЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ С УЧЕТОМ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРИОРИТЕТОВ³

Л.В. Фокеева¹⁾, Е.В. Масленкова²⁾

*¹⁾ Белорусский государственный университет,
4, пр. Независимости, Минск, 220030, Беларусь, fokeeva@bsu.by*

*²⁾ Белорусский государственный экономический университет,
Партизанский просп., 26, 220070, г. Минск, Беларусь, maslenkoff@mail.ru*

Рассмотрены основные факторы притягивания и выталкивания в миграционных процессах с образовательными целями в Республике Беларусь. Систематизированы эффекты

³ Исследование выполнено при финансовой поддержке БРФФИ в рамках НИР «Учебная миграция в Республике Беларусь: масштабы и структура потоков, приоритеты развития» (№ ГР 20171117)

образовательной миграции для Республики Беларусь. Изучены особенности миграционной политики Республики Беларусь в сфере образовательной миграции.

Ключевые слова: образовательная миграция; учебная миграция; экспорт образовательных услуг; миграционная политика, факторы миграции.

EDUCATIONAL MIGRATION IN THE REPUBLIC OF BELARUS AND ITS REGULATION IN ACCORDANCE WITH NATIONAL PRIORITIES

*L.V. Fakeyeva*¹⁾, *E.V. Maslenkova*²⁾

¹⁾ *Belarusian State University,*

4, Nezavisimosti Ave., Minsk, 220030, Belarus, fokeeva@bsu.by

²⁾ *Belarus State Economic University,*

Partizansky Av., 26, 220070, Minsk, Belarus, maslenkoff@mail.ru

The main pull-push factors of educational migration in the Republic of Belarus are considered. The educational migration effects for the Republic of Belarus are systematized. The features of the migration policy of the Republic of Belarus in the field of educational migration are studied.

Keywords: educational migration; export of educational services; migration policy, migration factors.

Важность изучения социально-экономических аспектов образовательной миграции обусловлена возрастающей значимостью и ценностью образования, с одной стороны, и необходимостью эффективного использования человеческого капитала, с другой. Существует ряд причин для конкуренции стран во всем мире за привлечение международных студентов: студенты в целом рассматриваются как источник квалифицированных и хорошо интегрированных в принимающее общество иностранных граждан, потенциально представляющих собой важный ресурс на рынке труда, как во время учебы, так и по ее окончании.

В Республике Беларусь за последнее десятилетие сложились два разнонаправленных потока образовательной миграции — въездной и выездной. Каждый из них характеризуется своими особенностями, структурой, выталкивающими и притягивающими факторами.

С 2006 г. в Республике Беларусь наблюдается устойчивый поступательный рост численности иностранных студентов (входящий поток). По данным ЮНЕСКО численность иностранных студентов в Беларуси в 2017 г. составила 17 570 чел. [1]. По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь в 2010/2011 уч. г. численность иностранных студентов в белорусских учебных заведениях составляла 9357 студентов, а в 2018/2019 уч. г. она почти удвоилась и составила уже 15 506 студентов [2]. Доля иностранных студентов в общей численности студентов в вузах Беларуси значительно возросла с 1,3 % в 2007/2008 уч. г. до 4,8 % в 2016/2017 уч. г. [3]. Основными поставщиками учебных мигрантов в Беларусь являются Туркменистан и Российская Федерация.

В качестве основных преимуществ белорусского образовательного продукта выступают такие, как широкий выбор специальностей, активное внедрение новых специальностей на базе IT-технологий, классическое образование, наличие англоязычной магистратуры. Одновременно ключевыми сдерживающими факторами при выборе иностранными студентами белорусских вузов являются высокая стоимость обучения и проживания в Беларуси по сравнению с соседними странами (Россия, Польша), невысокие позиции белорусских вузов в международных рейтингах, медленное внедрение современных специальностей, востре-

бованных на международном рынке труда, слабо развитый маркетинг белорусских учреждений высшего образования.

Выездной поток характеризуется сокращением объемов в последние годы, однако по-прежнему превышает въездной. По данным ЮНЕСКО в 2017 г. 25 836 студентов Беларуси обучались за рубежом [1]. Выездной поток направлен в страны-соседи, в первую очередь в Российскую Федерацию, Литву, Польшу. Рассматривая образовательную миграцию в рамках концепции факторов притягивания-выталкивания, отметим, что притягивающими факторами выездного потока образовательной миграции выступают:

1) создание Европейского пространства высшего образования (ЕПВО), цель которого — обеспечение более сопоставимых, совместимых и согласованных систем высшего образования в Европе;

2) развитие Европейских программ с международной перспективой (например, *CEEPUS* (Центрально-европейская программа обмена для обучения в университете), Эразмус Мундус, в том числе компонент по кредитной мобильности программы Эразмус+);

3) появление новых образовательных курсов, соответствующих современным потребностям международного рынка труда, а также рынкам труда принимающих стран.

Выталкивающие факторы связаны скорее не с качеством образовательной системы Беларуси, а спецификой самого миграционного процесса, участниками которого является молодежь. По результатам проведенных авторами опросов, в качестве показателя мотивации, почему белорусы предпочли обучение за границей, то самыми популярными ответами стали: «возможность проживания в другой стране» (58,1 %), на втором месте — «наличие диплома европейского образца» (41,9 %), третье место разделяют такие ответы как «качество обучения» и «возможность последующего трудоустройства за границей» (38,7 %). Весомую роль также играет уровень социально-экономического развития страны обучения — как значимый фактор его указали 81 % респондентов. Примечательно, что около 12,5 % из числа опрошенных, выбрали обучение за рубежом в связи с тем, что данной специальности нет в Беларуси [4].

В связи с ростом масштабов и расширением географии образовательной миграции, данные процессы усиливают свое влияние на социально-экономическое развитие как отдающих, так и принимающих обществ. Возможные экономические, социальные, демографические эффекты от образовательной миграции населения для Республики Беларусь рассмотрены в табл. 1.

Учитывая многочисленные положительные и отрицательные эффекты въездного и выездного миграционного потока с образовательными целями, а также социально-экономическую значимость роста масштабов въездной учебной миграции в Республике Беларусь и экспорта образовательных услуг, в последние годы был разработан ряд нормативно-правовых документов, направленных на оптимизацию миграционных потоков с образовательными целями (см. таблицу 1).

Таблица 1

Эффекты образовательной миграции для Республики Беларусь

Эффекты для Беларуси как страны выезда	Эффекты для Беларуси как страны въезда
положительные	
1. Получение дипломированного специалиста с новыми компетенциями и квалификациями, которые были сформированы в рамках зарубежного образова-	1. Улучшение платежного баланса за счет экспорта образовательных услуг

Эффекты для Беларуси как страны выезда	Эффекты для Беларуси как страны въезда
тельного процесса (при условии возврата мигранта)	
2. Развитие человеческого капитала, повышение качества и конкурентоспособности рабочей силы (при условии возврата мигранта)	2. Эффект от сопутствующего потребления — получение дополнительных доходов за счет трат студентов в стране пребывания
3. Внедрение в экономику нового опыта, знаний и технологий, полученных в процессе обучения за рубежом (при условии возврата мигранта)	3. Вероятность перехода образовательной миграции в иммиграцию, прирост населения
	4. Получение новых граждан, входящих в гражданство наилучшим способом — через систему образования, учитывая, что уже в процессе учебы они интегрированы в принимающий социум.
	5. Улучшение возрастной структуры населения за счет привлеченной в страну молодежи репродуктивного возраста
Эффекты для Беларуси как страны выезда	Эффекты для Беларуси как страны въезда
	6. Геополитические выгоды за счет продвижения национальной культуры и технологий на международном рынке, приобретение экономических, политических и культурных агентов влияния в стране выхода мигранта
отрицательные	
1. Ухудшение демографических процессов при переходе образовательной миграции в эмиграцию	1. Расходы на социальные, языковые, обучающие адаптационные программы для мигрантов с образовательными целями
2. Отток денежных средств из страны, направляемых мигрантами на получение образования и пребывание за рубежом	2. Риск возникновения иммигрантских гетто, сформированных иностранными студентами

[сост. авторами по: 4—10]

Так, в Дорожной карте мероприятий по реализации программы «Экспорт Беларуси» на 2016—2020 годы, детализируется приоритет № 3, закрепленный в Национальной программе поддержки и развития экспорта Республики Беларусь на 2016—2020 годы «Увеличение экспортного потенциала в сфере услуг», где упор сделан на принятие мер по заключению международных соглашений по вопросам сотрудничества в сфере образования, а также расширение информационной поддержки национальной системы образования за рубежом [11]. Данные меры будут способствовать росту интернационализации белорусских вузов и повышению их конкурентоспособности на мировом рынке образовательных услуг.

В Концептуальных подходах к развитию системы образования Республики Беларусь до 2020 года и на перспективу до 2030 года определены основные задачи Республики Беларусь в области образования. Так, основными задачами развития международного сотрудничества в сфере образования являются:

- повышение престижа национальной системы образования на международном рынке, продвижение отечественных услуг образования;
- формирование комплексной национальной системы поддержки экспорта услуг образования;
- совершенствование нормативной правовой базы, регламентирующей международное сотрудничество в сфере образования [12].

Также закреплен механизм реализации поставленных задач до 2020 года, основными пунктами которого являются:

— расширение нормативно-правовой базы двустороннего и многостороннего сотрудничества в сфере образования со странами, представляющими интерес с точки зрения развития экспорта образовательных услуг;

— расширение информационной поддержки национальной системы образования за рубежом через интернет, продвижение бренда «Образование в Беларуси»;

— создание образовательных структур белорусских учреждений образования за рубежом;

— расширение правового поля оказания консалтинговых услуг белорусскими и иностранными организациями по привлечению на обучение в Республику Беларусь иностранных граждан и лиц без гражданства;

— диверсификация экспорта услуг образования (расширение перечня специальностей обучения на английском языке, организация обучения в дистанционной форме, реализация совместных образовательных программ и проектов, расширение участия в международных проектах учреждений среднего специального и профессионально-технического образования, развитие образовательного туризма и др.);

— создание комфортных условий в учреждениях образования для пребывания иностранных граждан и повышения спроса на обучение в Республике Беларусь [12].

Концепция развития экспорта услуг в области образования на 2018—2020 годы направлена на развитие бренда «Образование в Беларуси». Одними из наиболее важных направлений в концепции выделяются:

— увеличение доли иностранных граждан в общей численности обучающихся;

— повышение уровня развития академической мобильности;

— рост количества реализуемых договоров о сотрудничестве с зарубежными партнерами [13].

Таким образом, в Республике Беларусь создана прочная база нормативно-правового регулирования учебной миграции, которая определяет правовое положение иностранных учащихся, их основные права и обязанности, порядок их пребывания, процесс обучения и т. д. Часть документов нормативно-правового регулирования направлены на повышение экспорта образовательных услуг, что является одним из приоритетов национальной политики Республики Беларусь, которая направлена на расширение масштабов учебной миграции и привлечение иностранных учащихся, что еще раз подтверждает важность данных процессов в современном глобализирующемся обществе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Институт статистики ЮНЕСКО [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <<http://data.uis.unesco.org/>>. — Дата доступа: 22.10.2019.

2. Статистический бюллетень «Образование в Республике Беларусь (2018/2019 учебный год)». — Минск: Нац. стат/ комитет Республики Беларусь, 2018. — 46 с.

3. Образование в Республике Беларусь: Статистический сборник. — Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, Минск, 2017. — 219 с.

4. Фокеева, Л. В. Учебная миграция в Республике Беларусь: масштабы и структура потоков, приоритеты развития: отчет о НИР / Л. В. Фокеева [и др.]. — Минск: БГУ, 2019. — 104 с.

5. Тихонова, Л.Е., Фокеева Л.В. Рытов А.В. Тенденции учебной иммиграции в Республике Беларусь / Л. Е. Тихонова, Л. В. Фокеева, А. В. Рытов // Миграционные мосты в Евразии; модели эффективного управления миграцией в условиях развития евразийского интеграционного проекта, Москва, 28—29 ноября 2018 г.: материалы девятого междунар. науч.-практ. форума. Т. 2. — М.: Экономическое образование, 2018. — С. 15—21.

6. Тихонова, Л. Е. Образовательная миграция в Беларуси: тенденции развития и география потоков / Л. Е. Тихонова, Л. В. Фокеева, Н. А. Кормильчик // Миграция и демо-

графическое развитие Республики Беларусь и сопредельных стран: Сборник статей. Серия «Демография. Социология. Экономика». Т. 3, № 2. — Москва; Минск: АЛЬТИОРА ФОРТЕ, 2017. — С. 89—98.

7. Тихонова, Л. Е. Экспорт образовательных услуг Беларуси: тенденции развития и география потоков / Л. Е. Тихонова, Л. В. Фокеева, Н. А. Кормильчик // Вестник РУДН. Серия: Экономика. — 2017. — Т. 25. № 1. — С. 54—62.

8. Рытов, А. В. Учебная миграция в Республике Беларусь и экспорт образовательных услуг // А. В. Рытов, Л. В. Фокеева // Беларусь в современном мире: материалы XVII Междунар. науч. конф., посвящ. 97-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 26 окт. 2018 г. — Минск: БГУ, 2018. — С. 370—372.

9. Рытов, А. В. Факторы учебной миграции в Республике Беларусь: результаты социологического опроса / А. В. Рытов, Л. В. Фокеева // Беларусь в современном мире: материалы XVII Междунар. науч. конф., посвящ. 97-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 26 окт. 2018 г. — Минск: БГУ, 2018. — С. 372—374.

10. Масленкова, Е. В. Перспективы образовательной миграции в Республике Беларусь: результаты экспертного опроса // Беларусь в современном мире: материалы XVII Междунар. науч. конф., посвящ. 97-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 26 окт. 2018 г. — Минск: БГУ, 2018. — С. 366—368.

11. Дорожная карта мероприятий по реализации программы «Экспорт Беларуси» на 2016—2020 годы: утв. постановлением Правительства Респ. Беларусь, 21 марта 2016 г. [Электронный ресурс] // Республиканская конфедерация предпринимательства. — Режим доступа: <http://rce.by/images/Дорожная_карта-21-03-16ч.doc>. — Дата доступа: 20.05.2018.

12. Концептуальные подходы к развитию системы образования Республики Беларусь до 2020 года и на перспективу до 2030 года; проект № 742 от 29 нояб. 2017 г. / Мин-во образ. Респ. Беларусь. — Минск, 2017. — 16 с.

13. Концепция развития экспорта образовательных услуг в рамках сотрудничества Республики Беларусь с иностранными государствами в 2018—2020 годы [Электронный ресурс] // БелТА. — 01.02.2018. — Режим доступа: <<http://www.belta.by/society/view/v-belarusi-razrabotana-kontseptsija-razvitija-eksporta-uslug-v-oblasti-obrazovaniya-na-2018-2020-godu-287523-2018/>> — Дата доступа: 22.10.2019.

POLITICAL CULTURE IN THE BALTIC STATES

Joakim Ekman

Södertörn University,

Alfred Nobels allé 7, 141 89 Huddinge, Stockholm, Sweden, joakim.ekman@sh.se

Drawing on an original 2014 public opinion survey, this paper offers a brief overview of contemporary political orientations in Estonia, Latvia and Lithuania. Looking specifically at performance-related system support and attitudes towards democracy, the paper demonstrates significant cross-national as well as ethnic attitudinal differences in the region. Support for democracy does not seem to be overly strong in the Baltic states, but the key finding is that public support for democracy is still comparatively stronger than support for authoritarian rule. This is tentatively good news: as long as support for non-democratic regime alternatives does not exceed support for a democratic polity, democracy may be deemed to have sufficient legitimacy among citizens, and the risk of a democratic breakdown in the Baltic states must be regarded as insignificant.

Key words: public opinion, Baltic states, ethnic minority, political culture, democracy.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В ПРИБАЛТИЙСКИХ СТРАНАХ

Йоаким Экман

Сёдерторнский университет,

7, пр. Альфреда Нобеля 141 89 Худинге, Стокгольм, Швеция, joakim.ekman@sh.se

В статье предлагается обзор существующих политических тенденций в Эстонии, Латвии и Литве на основе проведенного в 2014 г. опроса общественного мнения. В частности,

проанализирована поддержка обществом системы осуществления власти и отношение общества к демократии. Сделан вывод о том, что настроения населения региона имеют значительные кросс-национальные и этнические различия. Поддержка демократии не является исключительной характеристикой Прибалтики, однако отмечается динамика в росте поддержки обществом именно демократического стиля управления по сравнению с авторитарным. И это положительная тенденция: если настроения на поддержку альтернатив недемократического режима слабее поддержки основ демократии, то такая демократия может считаться легитимной среди граждан, что обеспечивает устойчивость Прибалтики.

Ключевые слова: общественное мнение, Прибалтийские государства, этническое меньшинство, политическая культура, демократия.

Introduction. Drawing on public opinion surveys is a straightforward way for political and social scientists to make assessments of the political culture in different countries, that is, citizens' values, attitudes and orientations related to the political system. How do ordinary people perceive the general development of their own country? How much trust is there in the government, in the parliament, and other political and societal institutions? This brief overview provides a snapshot of contemporary political orientations in the Baltic region.

Previous studies have demonstrated significant differences in political orientations between the titular populations and the Russian-speaking minorities in the region. Duvold (2006) for example, has shown that the different ethnic communities differ in their views on democracy and support for democratic institutions (Rose 2005; Ehin 2007; Lühiste 2013; 2008). We are thus well advised not to neglect attitudinal differences between the different ethnic groups in the present analysis.

The opinion data used in this paper was collected as part of a research project at Södertörn University, Sweden, funded by the Foundation for Baltic and East European Studies, Stockholm: *European Values under attack? Democracy, Disatisfaction and Minority Rights in the Baltic States*. In the spring of 2014, a series of polls were conducted among the majority populations and the ethnic minorities in Estonia, Latvia and Lithuania. In each country, around 1,000 people from the majority populations were included, alongside about 500 people from the different ethnic minority groups (here referred to as 'Russian-speakers').

Political dissatisfaction and ethnic divides. More than 30 years have passed since the days of the Singing revolution and the Baltic Way — the spectacular massive civil resistance campaigns that eventually led to the restoration of national independence for the three Baltic states, formally in 1991. The 'post-Soviet' status, however, did not stop the countries from standing out early on as the most developed of the former USSR republics. Especially the period from 2000 up until 2007 — with substantial economic reforms, foreign investments, and fast growth of GDP — earned the countries a new label: the 'Baltic Tigers'. Estonia in particular stood out as the most successful of the three countries. According to conventional wisdom (Almond and Verba 1980; Norris 1999), we should expect public assessments of economic as well as political performance to reflect the actual socioeconomic development, across time and across countries. We will start our overview by looking at the cross-national pattern of generalised system support.

Table 1 maps out the respondents' evaluation of the present state of affairs in the country in which they live, compared to previous historical eras. The respondents were asked: 'Thinking about the modern history of (this country) — in the 20th and 21st centuries — when would you say (this country) has been best off?' The response options were: in the interwar era; during the Soviet era (1940—1991); from the restoration of independence up until EU-membership (1991—2004); and today/present time (since 2004 and onwards).

Table 1. When was this country best off? (%)

Period	Estonia		Latvia		Lithuania		Mean
	Maj ority	Min ority	Maj ority	Min ority	Maj ority	Min ority	
Interwar era	20	2	31	14	7	3	13
Soviet era	11	56	27	66	35	59	42
1991 to 2004	31	20	22	13	25	18	22
Present time	38	21	19	7	33	20	23

Source: Baltic Barometer (2014). The most common response option has been highlighted in each column. N = 1500 in each country.

Table 1 basically documents a relative lack of confidence in the contemporary (democratic) era throughout the region. Starting with the majority populations, it is only in Estonia where a relative majority (38 per cent) opts for the present situation as the best time for the own country. In Lithuania, we find almost as many who feel that the present situation is preferable (33 per cent) as those who feel that the Soviet era was the best time (35 per cent). In Latvia, only 19 per cent agree that the present time is the best period in the modern history of the country; rather, the most common response option is actually the interwar era (31 per cent), possibly reflecting a widespread notion of the interwar era as a time of state-building and strong leaders (Gerner and Hedlund 1993: 57-58). Another 27 per cent of ethnic Latvians opt for the Soviet era as the best time.

Looking at the attitudinal differences between the groups in Table 1, a clear ethnic divide may be observed. In all three countries, the decidedly most popular response among the Russian-speaking minorities is the Soviet era. Differences are significant: where about 60 per cent of the minorities in the region think that the Soviet era was the best time, only 11 per cent of ethnic Estonians agree, alongside 27 per cent of ethnic Latvians and 35 per cent of ethnic Lithuanians. Thus, the minority groups seem to be consistently more dissatisfied than the majority groups with the situation in their own country after independence from the Soviet Union.

The patterns documented in in Table 1 may be partly be explained with reference to post-EU accession socioeconomic developments in the region. In 2008—2009, the global financial crisis that swept over Europe hit the Baltic states particularly hard. In Estonia, the economy shrunk by some 20 per cent from early 2008 to late 2009, and unemployment rose from 4.1 per cent (2007) to almost 20 per cent (2010). However, Estonia eventually recovered and was able to join the Euro-zone in 1 January 2011, successfully meeting all the criteria of the European Stability and Growth Pact.

Lithuania and, in particular, Latvia found themselves in a more difficult position. In Latvia, GDP contracted by 4.2 per cent in 2008, and shrank by a further 18.0 per cent in 2009. Needless to say, the economic crisis hit society hard, and the country had to rely on the International Monetary Fund (IMF) to reduce the budget deficit (Klein, Ozolina and Rostoks 2011: 34). The economic crisis was less severe in Lithuania, but it made an impact here as well: increasing emigration, swelling public debt and increasing energy prices remained high on the political agenda in Lithuania in the wake of the financial crisis (Jurkynas 2011). The political elites accepted the social costs and chose to cut back sharply on government spending. In practice, the households thus paid the bill, in the form of significantly reduced wages, increased unemployment and deteriorating pensions. Health care was put on a diet. The idea was that the cuts would reduce production costs and that the countries would consequently attract for-

eign investment and increase exports, and thus bring about a recovery of the economy. The policy worked, in the sense that already in 2010 one could see a recovery and economic growth. Unemployment fell again, and the growth of GDP continued (cf. Duvold et al. 2019). In Estonia and Lithuania, the unemployment rate of the total population stood in 2019 at about 4—6 per cent respectively. In Latvia, the situation was slightly worse, especially among young people: youth employment in Latvia in 2017 was estimated to be as high as 17 per cent (*World Migration Report 2018*).

Political dissatisfaction in the Baltic region may also be gauged from demographic statistics. All three countries have experienced negative population growth in recent decades. Particularly since the countries joined the EU in 2004, people have at an alarming rate been emigrating to seek their fortune elsewhere, not the least in the UK, Ireland, Norway and Germany. The negative population growth has been most noticeable in Latvia and Lithuania. In 2000, Latvia’s population stood at 2.38 million. Two decades later, it had dropped by some 18 per cent. In Lithuania, the corresponding figure is 17.5 per cent. The situation was less severe in Estonia, which presently has a population of some 1.3 million (in 2019). Many Estonians work in Finland without fully emigrating. By 2017 some 200,00 Estonians, 375,000 Latvians and 600,000 Lithuanians were estimated to be emigrants (*World Migration Report 2018*).

Democratic orientations. Here, we have highlighted popular discontent and potential ethnic conflicts in the Baltic states (Table 1). What then are the implications for democratic stability in the Baltic region? The theoretical approach in the present paper draws on post-war research on political culture (Almond and Verba 1980), which is based on the assumption that a stable political system requires citizens who support the fundamental values and institutions that form the core of the political system (Easton 1965; Linz and Stepan 1996; Diamond, 1999; Rose et al. 1998). The underlying assumption is that a political system that lacks public support will not work properly, or at worst, completely collapse. The collapse of the GDR in the autumn of 1989 and the Soviet Union in 1991 could be said to be examples of such system breakdowns.

In the light of the empirical findings above (Table 1), one may ask if the Baltic democracies enjoy the kind of support from their citizens (and non-citizens, for that matter) that they need. Can democracy be taken for granted, in the years to come? In the public opinion data we utilize in this overview, we have one measure specifically designed to tap support for democracy as a principle or an ideal, i.e. as the most appropriate form of government (Table 2). Respondents are confronted with three statements, and are asked to pick the one they agree with the most: ‘Democracy is preferable to any other kind of government’; ‘Under some circumstances, an authoritarian government can be preferable to a democratic one’; or ‘For people like me, it does not matter whether we have a democratic or a non-democratic regime’.

Table 2.

Attitudes towards democracy and non-democracy (%)

	Estonia		Latvia		Lithuania	
	Majority	Minority	Majority	Minority	Majority	Minority
Democracy is always preferable	53	41	43	38	48	36
Authoritarian rule may be accepted	18	24	35	35	19	23
Indifferent to someone like me	25	32	21	24	17	25

Don't know or no answer	4	4	1	3	16	16
-------------------------	---	---	---	---	----	----

Source: Baltic Barometer (2014). N = 1500 in each country.

The strongest support for democracy is found among the majority populations in Estonia and Lithuania, where an average of 51 per cent agree with the statement that democracy is always preferable (Table 2). In Latvia, public support for democracy is lower, with around 43 per cent among the majority population and 38 per cent among the Russian-speaking minority. In all three countries, the pattern is basically the same: the minority groups are slightly less likely to express support for democracy, and slightly more likely than the majority groups to express support for a non-democratic regime alternative. In Latvia, such (conditional) support for authoritarian governance is particularly high: around 35 per cent among the majority population and the Russian-speaking minority alike.

Table 2 also demonstrates that quite a few of the respondents feel that it simply does not matter if you have a democratic or a non-democratic government. Again, it is the minority respondents who are the most likely to agree with such an assertion, in all three countries (32 per in Estonia, 24 per cent in Latvia, and 25 per cent in Lithuania). In Lithuania, as many as 16 per cent of all respondents failed to provide an answer to the question about regime preferences.

Conclusions. Overall, Table 2 does not depict a region characterized by a strong democratic culture, quite the contrary. However, this does not necessarily mean that people in general will abandon democracy in the years to come, not even in the face of widespread political dissatisfaction. Support for democracy does not seem to be overly strong in the Baltic states, but the key finding here is that public support for democracy is still comparatively stronger than support for authoritarian rule (cf. Rose et al. 1998; Mattes and Bratton 2007). In fact, among *all* the population groups under review in Table 2, a relative majority of the respondents prefer democracy to authoritarian rule. This is tentatively good news, then: as long as support for non-democratic regime alternatives does not exceed support for a democratic polity, democracy may be deemed to have sufficient legitimacy among citizens, and the risk of a democratic breakdown must be regarded as small. At the same time, there is an obvious link between (perceptions of) poor performance and public support for democracy. In Estonia, we admittedly find quite a few disillusioned and indifferent respondents (Table 1); but also, the strongest democratic culture in the region (Table 2), a fact that may be explained with reference to successful political and economic performance. In Lithuania, and in particular in Latvia, political dissatisfaction is more common, and one could even question if democracy is indeed 'the only game in town' (Linz and Stepan 1996), when it comes to the Latvian respondents.

LITERATURE

- Almond, Gabriel and Verba, Sidney, eds. (1980) *The Civic Culture Revisited: An Analytical Study*. Boston & Toronto: Little, Brown & Company.
- Baltic Barometer* (2014) Södertörn University, Stockholm.
- Diamond, Larry (1999) *Developing Democracy: Towards Consolidation*. Baltimore: John Hopkins University Press.
- Duvold, Kjetil (2006) *Making Sense of Baltic Democracy*. Örebro University: Örebro Studies in Political Science.
- Duvold, Kjetil, Sten Berglund and Joakim Ekman (2019) *Political Culture in the Baltic States: Between National and European Integration*. Basingstoke and New York: Palgrave Macmillan.

Easton, David (1965) *A Systems Analysis of Political Life*. New York, London and Sydney: John Wiley and Sons Inc.

Ehin, Piret (2007) 'Political Support in the Baltic States, 1993—2004'. *Journal of Baltic Studies* 38 (1), pp. 1—20.

Gerner, Kristian and Stefan Hedlund (1993) *The Baltic States and the End of the Soviet Empire*. London & New York: Routledge.

Jurkynas, Mindaugas (2011) 'Lithuania' in *Political State of the Region Report*. Copenhagen: Baltic Development Forum.

Klein, Andreas, Ozolina, Zaneta and Rostoks, Tom (2011) 'Latvia' in *Political State of the Region Report*. Copenhagen: Baltic Development Forum.

Linz, Juan and Alfred Stepan (1996) *Problems of Democratic Transition and Consolidation*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press.

Lühiste, Kadri (2008) 'Support for Strongman Rule in Ethnically Divided Societies: Evidence from Estonia and Latvia.' *Democratization* 15 (2): 297-320.

Lühiste, Kadri (2013) *Regime Support in European Democracies*. Tartu: University of Tartu.

Mattes, Robert and Bratton, Michael (2007) 'Learning about Democracy in Africa: Awareness, Performance, and Experience.' *American Journal of Political Science*, 51, pp. 191—217.

Norris, Pippa (1999) *Critical Citizens Global Support for Democratic Governance*. Oxford: Oxford University Press.

Rose, Richard, William Mishler and Christian Haerpfer (1998) *Democracy and its Alternatives: Understanding Post-Communist Societies*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.

Rose, Richard (2005) *Insiders and Outsiders: New Europe Barometer 2004*. Studies in Public Policy 404, University of Strathclyde, Glasgow: Centre for the Study of Public Policy.

World Migration Report (2018). Website: www.iom.int.

ДИСКУРСИВНЫЙ КОНСТРУКТ «ГИБРИДНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ТУРЕЦКИХ МИГРАНТОВ В ГЕРМАНИИ»: РЕКОНСТРУКЦИЯ И ОПИСАНИЕ

Е. И. Ядченко

*Белорусский государственный университет,
4, пр. Независимости, Минск, 220030, Беларусь, jadtschenko@mail.ru*

В своем материале автор обращается к проблеме изучения гибридной идентичности турецких мигрантов. Проведенное исследование выполнено в русле лингвистики дискурса и базируется на материале глубинных интервью с турецкими мигрантами, проживающими в Германии, а также скриптов телевизионных передач, ток шоу, включающих элементы интервью с турецкими мигрантами. Автор рассматривает идентичность мигранта как дискурсивный конструкт, репрезентирующий совокупность вербализованных в речи социокультурных характеристик, и предлагает возможности ее реконструкции лингвистическими методами.

Ключевые слова: дискурс мигрантов; дискурс-анализ; дискурс-категория; оценочность; значение; дискурсивное событие; коммуникативная стратегия.

DISCOURSE CONSTRUCTION «HYBRID IDENTITY OF TURKISH MIGRANTS IN GERMANY»: RECONSTRUCTION AND DESCRIPTION

E. I. Yadchenko

*Belarusian State University,
4, Nezavisimosti Ave., Minsk, 220030, Belarus, jadtschenko@mail.ru*

In this article, the author addresses the problem of studying the hybrid identity of Turkish migrants. The study was carried out as part of the discourse linguistics and is based on in-depth interviews with Turkish migrants living in Germany, as well as scripts of television programs, talk shows, including elements of interviews with Turkish migrants. The author considers the identity

of the migrant as a discursive construct representing a set of socio-cultural characteristics verbalized in speech, and offers the possibility of its reconstruction by linguistic methods.

Key words: migrant discourse, discourse analysis, discourse category, meaning, value, discursive event, communication strategy.

Философской предпосылкой зарождению дискурс-анализа как методологии социальных исследований послужила смена научных парадигм в гуманитарной области научного знания. Пришедший на смену культуру-центричному научному подходу конструктивизм рассматривает реальность как временное дискурсивное образование, формируемое в определенных социокультурных условиях в некий фиксированный период времени [1, s. 15; 2, s. 27]. В рамках такого понимания дискурс выступает как материя, фиксирующая объективное социальное знание, но в большей мере субъективное знание — коллективное мнение, суждение, оценку определенного сообщества [3, s. 38]. Иначе, социальное знание может быть получено при условии его вербальной (языковой) фиксации в виде текстов. А основным методом его изучения становится *реконструкция* с учетом как лингвистических, так и экстралингвистических, прагматических, социокультурных, психологических и других параметров [4, s. 47]. При этом, метод реконструкции в целом можно представить как восстановление объективной реальности на основе изучения текстов, то есть выявление того, что существовало до текста и что получило в нем отражение.

Объектом нашего исследования выступает *дискурс мигрантов*. Под ним мы понимаем совокупность дискурсов индивидов, получивших опыт социализации в нескольких культурах вследствие миграции и объединенных общей коммуникативной целью. Специфика данного дискурса заключается в его адресаториентированной природе. Иначе, дискурс мигрантов создается не сам по себе, а изначально нацелен на некоего совокупного адресата, моделируемого в сознании всех индивидов, объединенными общими социокультурными характеристиками.

На сегодняшний день турецкие мигранты представляет собой самое многочисленное национально-культурное сообщество мигрантов в Германии. На территории Германии проживает пятое поколение турецких мигрантов. В общественном дискурсе Германии о турецких мигрантах долгое время присутствовало значение «не интегрируются», «не хотят учить немецкий язык», «не владеют немецким языком», «не принимают ценности немецкого общества», «плохо образованные», «представители низкоквалифицированных профессий» и пр. [5]

В последние годы в рамках дискурса миграции активно формируется дискурс турецких мигрантов в Германии. Предпосылкой этому послужило несколько дискурсивных событий: выборы в Турции и события, связанные с запретом открытых выступлений президента Реджепа Тайипа Эрдогана перед турецким сообществом в Германии в 2018 году [6], общественный скандал, связанный с появлением в СМИ Месута Озила с Р. Т. Эрдоганом [7], а также с принятием закона о необходимости выбора турецкими мигрантами одного паспорта — ФРГ либо Турции [8]. Начинаются волнения в турецком сообществе. Немецкие СМИ быстро реагируют на данные события — проводятся многочисленные опросы турецкого населения, появляются ток-шоу, программы, в которых широко обсуждаются действия и высказывания турецких граждан, производятся попытки глубинного анализа мотивов этих действий и высказываний. На передний план выходит понятие «национально-культурной идентичности турецких граждан Германии» [9; 10]. Впервые дискурс турецких мигрантов получает такую широкую экспликацию в фиксированных письменных и устных текстах. В целом, явление и специфику дискурса турецких мигрантов можно представить в виде следующей схемы:

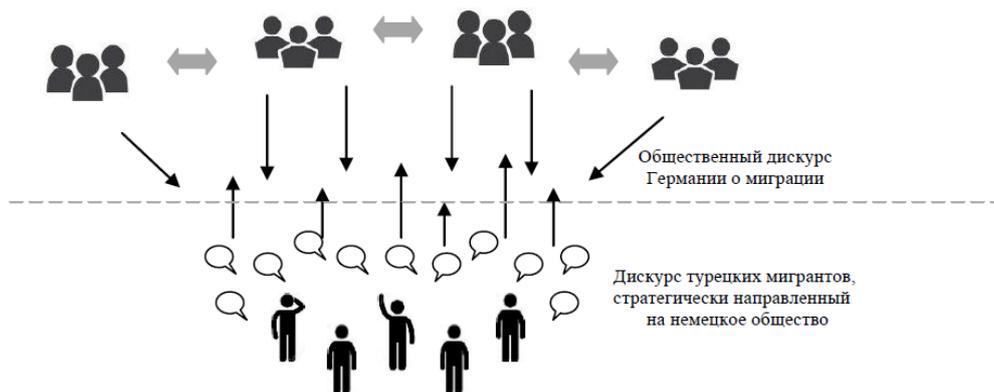

Схема 1. Механизм формирования дискурса турецких мигрантов

Источник: собственная разработка.

Материалом нашего исследования послужили интервью с турецкими мигрантами, проведенные автором в 2012, 2013, 2018 гг., а также скрипты телевизионных передач, интервью, ток шоу, появившихся на экране в период с июня 2018 г. по апрель 2019 г., комментарии в социальных сетях, направленные на обсуждение актуальных тем в СМИ [5—10].

В результате категоризации, анализа и описания собранного материала мы смогли реконструировать несколько ключевых дискурсивных мета-категорий: «Самоидентификация», «Эмоциональное позиционирование/дистанцирование», «Стратегии, направленные на немецкое общество». Данные глобальные мета-категории в совокупности позволяют описать гибридную идентичность турецких мигрантов в Германии как дискурсивный конструкт. Каждая из них демонстрирует дискурсивное позиционирование турецких мигрантов в рамках обоих дискурсивных пространств — как немецкого, так и своего национально-культурного (турецкого).

1. «**Самоидентификация**». В рамках данной дискурсивной мета-категории турецкая национально-культурная идентичность реализуется посредством дискурсивных структур «мы — турецкая семья», «я — турок по рождению», «турецкий язык — это часть меня». Турецкая национально-культурная идентичность сопряжена с чувствами, эмоциями и локализована у респондентов в области сердца (*Im Herzen fühle ich mich mehr türkisch*). Турецкая идентичность эксплицируется метафорически в образе лошади, которая «останется лошастью, даже если перейдет в стойло к коровам» (*wenn ein Pferd zu einem Kuhstall zur Weile kommt, dann ist er trotzdem ein Pferd*). Немецкая национально-культурная идентичность сопряжена с такими характеристиками как «принадлежность к Германии ввиду физического пребывания в ней из-за работы, проживания», «восприятие себя как немца родственниками в Турции», «развитие в себе европейских качеств» (*Ich bin manchmal deutscher als die Deutschen selbst*).

Вместе с тем, более широкую реализацию в дискурсе получает дискурсивная подкатегория «Синкретичная идентичность», которая проявляется в одновременном позиционировании себя обоих дискурсивных пространствах как необходимых для жизни (*Ich bekenne mich zu Deutschland, aber auch zur Türkei*). При этом турецкая идентичность эксплицируется как неотъемлемая, данная по рождению, а немецкая сопряжена с социализацией в немецком обществе как его гражданина, внесшего свой вклад в развитие экономики страны (*Auch wenn ich Türke bin, bin ich Teil dieser Gesellschaft // Ich bin ein Türke, der hier in Deutschland lebt*). Синкретичная идентичность не всегда реализуется как положительное явление, но также выступает причиной психологического дискомфорта, эксплици-

руется как необходимость «сидеть на двух стульях» (*Zwischen den Stühlen bin ich schon mein ganzes Leben*).

Однако, пожалуй, наибольший интерес в контексте межкультурных исследований постмодерна представляет дискурсивный конструкт «трансформация идентичности турецких мигрантов». Данный конструкт также реализуется при помощи нескольких дискурсивных структур. Так, структура «формирование самосознания у женщин» сопряжена с самоутверждением в профессиональном мире на руководящих позициях, формированием профессиональных амбиций (*wir sind mehr als nur Migrationskinder oder Gastarbeiterkinder*), нежеланием терпеть дискриминацию.

2. «**Эмоциональное позиционирование/дистанцирование**». Эмоциональное вписывание себя в турецкое национально-культурное пространство основывается на таких дискурсивных признаках, как национально-культурные качества — гостеприимство, равнодушие людей друг к другу внутри сообщества. Процесс эмоционального позиционирования в рамках турецкого национально-культурного пространства осуществляется посредством широкого спектра эмоционально оценочной лексики. Так, Турция определяется как «родина, которую чувствуешь» (*gefühlte Heimat*), «единственная настоящая родина» (*in der Türkei ist es einfach was anderes, weil es Heimat ist*), «место, в котором находится сердце мигранта» (*das Herz ist meist «in der Türkei»*). Турция эксплицируется как страна, где в профессиональной сфере люди человечнее по отношению друг к другу (*Die Leute sind freundschaftlicher, lebendiger // Man kümmert sich um die Leute*). Но также как страна, в которой больше шансов лучше профессионально реализовать, потому что здесь ценятся европейские профессиональные качества. Взаимоотношения респондентов с Турцией основаны на основе признака «близость, эмоциональная связь». Эмоциональное дистанцирование от турецкого пространства осуществляется на основании признаков «консервативный образ жизни» (*Wenn ich mit Türken zu tun habe, dann geht es immer ums Heiraten*), «отсутствие демократических свобод» (*weil es ganz viele Menschen in der Türkei gibt, die diese Fehlentwicklung in Sachen Demokratie genauso kritisieren*).

Эмоциональное позиционирование внутри немецкого национально-культурного пространства осуществляется посредством дискурсивных структур «Германия — моя (вторая) родина» (*meine Heimat*), «Германия — надежная страна для жизни» (*In der Türkei, zum Beispiel, habe ich mehr Angst, hier fühle ich mich wohl*), «Германия — демократическая и свободная страна» (*das sind unsere Rechte — die Meinungsfreiheit, die Demokratie*).

Транскультурное эмоциональное позиционирование реализуется в дискурсе турецких мигрантов как процесс эмоциональной привязки себя к обоим культурным пространствам — Германии и Турции (*Ich fühle mich überall wohl und ich habe nirgendwo Probleme erlebt, weil ich ein offener Mensch bin*). При этом Турция определяется как «первая» родина, а Германия как «вторая» (*die Türkei meine erste Heimat und Deutschland dann die zweite Heimat*). Однако обе идентичности не противоречат друг другу, поскольку фиксируются в разных пространствах функционально (*Auch wenn ich Türke bin, bin ich Teil dieser Gesellschaft*).

3. «**Стратегии, направленные на немецкое общество**». Данная дискурсивная категория реализуется в дискурсе турецких мигрантов как ответ на мнение и оценку о турецких мигрантах, присутствующие в общественном дискурсе о миграции в Германии. Она формируется набором коммуникативных стратегий, эксплицирующих ответ немецкому обществу.

Так, стратегия «демонстрация желания интегрироваться» реализуется в дискурсе посредством дискурсивных структур «желание получать образование», «желание работать, иметь занятость» (*selbstverständlich arbeiten und sich integri-*

eren), «желание добиться большего, чем родители» (*Klar, haben unsere Eltern gesagt, werdet nicht so wie wir.*), «желание иметь собственный бизнес» (*der Wunsch, etwas selbständig zu machen, selbständig zu arbeiten*).

Стратегия «самооправдание из-за неудачной интеграции» реализуется в дискурсе посредством ряда лексико-грамматических структур, демонстрирующих само явление успешной интеграции в немецком обществе как относительное: «если бы наши родители тогда знали» (*wenn sie sich informiert hätten*), «они же работали на фабриках среди таких же как сами» (в ответ на сохранение консервативного мышления после многих лет жизни в Германии), «нам приходится оправдываться за нашу культуру» (*Deutsch-Türken glauben, sie müssen sich dafür rechtfertigen*).

Широкую реализацию в дискурсе получает стратегия «фрустрация от непринятия в обществе как своих». На лексическом уровне данное значение эксплицируется при помощи эмоционально-оценочной лексики «люди второго сорта», «низший слой общества», «чувствовать ветер в лицо» (об ощущениях в процессе трудоустройства). Данное значение усиливается при помощи компонента значения «что бы мы ни делали» и «несмотря на пятое поколение турков в Германии». Данная стратегия находит свое логическое продолжение в коммуникативной стратегии «отчуждение от Германии». В дискурсе эксплицируется упрек немецкому обществу в незаинтересованности и равнодушии к гражданам турецкого происхождения, например, отсутствие каких-либо действий со стороны органов городского управления по украшению турецкого района к Рождеству (*Es wird hier auch zu Weihnachten nicht geschmückt, gar nichts*). Это вызывает у респондентов негативные чувства — раздражение (*mich nervt das alles*), стремление изолироваться от немецкого общества (*ich sehe meinen Platz nicht mehr hier*) и формирует желание вернуться на свою историческую родину — Турцию (*Wenn es einmal voll ist, dann sage ich auch Tschüß, ich mache es nicht mehr mit*). При этом данное желание сопряжено в дискурсе с чувством гордости за Турцию как страну, которая принимает респондентов с их национально-культурными особенностями (*Ich bin Moslem und mein Land vertritt das auch, also, meine Regierung kann mich präsentieren — so, wie ich bin*). А по отношению к немецкому обществу и к немецким политикам стратегически эксплицируется отпор принуждению к выбору одной идентичности (*Das können die Deutschen bitte von uns nicht erwarten. Auch die Politiker nicht*). Данная стратегия также вербализуется посредством эмоционально-образных средств. Так, гибридная идентичность представляется как «целое яблоко, половина которого принадлежит Германии, а вторая Турции» (*Nehmen wir einen Apfel, die Hälfte gehört hierher, die andere Hälfte gehört der Türkei*).

Принуждение к отказу от турецкого паспорта и принятию немецкого паспорта как единственного возможного вербализуется в дискурсе в образе «сердца, которое вырвали из груди, а вместо него вставили искусственное сердце» (*Das ist dann so wie «Gut, wir reißen jetzt dein Herz raus, kannst du ja gerne Ersatzherz haben, dann bist du Deutscher, bitte schön»*). В дискурсе эксплицируется призыв к немецким политикам, встать на сторону своих граждан, которыми они являются, и принимать гуманные законы (*Also, die deutsche Politik muss einfach zu den Menschen stehen, die hier leben und hier ihren Beitrag leisten*).

Таким образом, как показало наше исследование, идентичность турецких мигрантов, проживающих в Германии является гибридной, поскольку она формируется посредством двух дискурсов — как национального турецкого дискурса, так и немецкого общественного дискурса. Эмоциональное вписывание в турецкий национальный контекст осуществляется на основании признаков «эмоциональная привязка», «традиции», «культура», «принятие нас как мусульман».

Эмоциональное дистанцирование от турецкого национально-культурного пространства осуществляется на основании критериев «низкий уровень жизни», «отсутствие перспектив», «консерватизм мышления». Эмоциональное вписывание в немецкий национальный контекст осуществляется на основании критериев «пространство для жизни», «деятельность», «формирование самосознания у женщин», «формирование европейских профессиональных качеств». Эмоциональное дистанцирование от немецкого национально-культурного пространства осуществляется на основании признаков «непринятие нас как турков», «сложности карьерного роста», «граждане второго сорта». В дискурсе турецких мигрантов реализуются стратегические коммуникативные стратегии самооправдания за проблемы в интеграции в немецкое общество, демонстрация желаний интегрироваться, фрустрация от непризнания турков обществом как своих, упрек в ксенофобии и дискриминации, отпор к принуждению к выбору одной идентичности, демонстрация национальной гордости Турцией как государства, которое принимает турков такими, какие они есть.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Foucault, Michel. Archäologie des Wissens. — Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2002. — 312 с.
2. Jäger, Siegfried. Kritische Diskursanalyse: Eine Einführung. — Duisburg: DISS Studien, 2001. — 258 с.
3. Методология исследования политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов / И. Ф. Ухванова-Шмыгова, А. А. Маркович, В. Н. Ухванов; под общ. ред. И.Ф. Ухвановой-Шмыговой. — Минск: Технопринт, 2002. — Вып. 3. — 360 с.
4. Çelik, S. Grenzen und Grenzengänger. Diskursive Positionierungen im Kontext türkischer Einwanderung / S. Çelik. — Münster: Unrast, 2006. — 282 S.
5. Türken in Deutschland: Immer noch Bürger 2. Klasse? [Electronic resource] // YouTube. — Mode of access: <<https://www.youtube.com/watch?v=jIFPjS0SeRU>>. — Mode of access: 10.09.2019.
6. Sind Türken in Deutschland ein Problem? [Electronic resource] // YouTube. — Mode of access: <<https://www.youtube.com/watch?v=hra1MNOy7Iw&t=5s>>. — Mode of access: 10.09.2019.
7. Hitzige Debatte: Doppelpass diskutiert über Özil-Verhalten [Electronic resource] // YouTube. — Mode of access: <<https://www.youtube.com/watch?v=E-ah7I46Gd0>>. — Mode of access: 10.09.2019.
8. Einmal Türke immer Türke? Woran Integration scheitert [Electronic resource] // YouTube. — Mode of access: <<https://www.youtube.com/watch?v=uqoIpZQIX7k>>. — Mode of access: 10.09.2019.
9. Deutschtürken: Fremd in der Heimat [Electronic resource] // YouTube. — Mode of access: <https://www.youtube.com/watch?v=EjIVW-hSs_c>. — Mode of access: 10.09.2019.
10. Warum Deutschtürk*innen in die Türkei auswandern [Electronic resource] // YouTube. — Mode of access: <<https://www.youtube.com/watch?v=mpn-9kpTN-w>>. — Mode of access: 10.09.2019.

СЕКЦИЯ 10

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

РЕЗУЛЬТАТЫ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ОБЪЕКТЫ КОММЕРЦИАЛИЗАЦИИ

Е. А. Боровская

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4 Минск, Республика Беларусь, 220030, e.borovskaya@tut.by*

В статье анализируется экономико-правовой механизм распределения имущественных прав на результаты научно-технической деятельности (НТД), нацеленный на стимулирование освоения полученных результатов в практической деятельности. Задачей исследования является необходимость рассмотреть процесс коммерциализации результатов НТД, исходя из основных концептуальных положений экономики права и теории прав собственности. Выявлены проблемы действующего механизма коммерциализации, которые не позволяют ему выполнять стимулирующую функцию. Определены меры, принятие которых будет способствовать усилению заинтересованности исполнителей научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ в практическом освоении полученных результатов.

Ключевые слова: результаты научно-технической деятельности, объекты интеллектуальной собственности; коммерциализация результатов научно-технической деятельности; экономико-правовой механизм; безвозмездная передача результатов.

RESULTS OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL ACTIVITIES AS OBJECTS OF COMMERCIALIZATION

E. A. Borovskaya

*Belarusian State University,
Independence Ave., 4 Minsk, Republic of Belarus, 220030, e.borovskaya@tut.by*

The article analyses the economic and legal mechanism for the distribution of property rights to the results of scientific and technical activities (STA) aimed at stimulating the development of the results in practice. The goal of the study is to consider the process of commercialisation of the STA results, based on the basic conceptual provisions of the economics of law and the theory of property rights. The problems of the current mechanism of commercialization that do not allow it to perform a stimulating function have been found out. The measures, the adoption of which will enhance the interest of performers of scientific, design and technological research in the practical development of the results, are defined.

Key words: results of scientific and technical activities, objects of intellectual property, commercialisation of the results of scientific and technical activities, economic and legal mechanism, gratuitous transfer of results of scientific and technical activity.

В настоящее время государственная научно-техническая политика главным требованием выполнения научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ выдвигает практическое использование получаемых результатов. Данное требование не затрагивает теоретических научных исследований, которые выполняются в рамках программ фундаментальных исследований.

Сама по себе установка на получение практического результата понятна и справедлива. Однако в системе мер, направленных на реализацию данной политической установки, присутствуют недоработки, начиная с применяемой терми-

нологии и заканчивая экономико-правовым механизмом, носящим антистимулирующий характер. Очевидно, что авторы концепции, провозглашенной Указом Президента Республики Беларусь от 4 февраля 2013 г. № 59 «О коммерциализации результатов научной и научно-технической деятельности, созданных за счет государственных средств» [1], не добрались до сути регулируемых ими явлений, а остановились на традиционной установке «не можете дать результат, верните деньги», что уже не ново и, как показала все та же самая практика, не приводит к развитию науки. В итоге после почти десятилетнего марша по научно-технической сфере Беларуси данная политика по-прежнему «пробуксовывает» и не приносит желаемых результатов.

Назрела необходимость изменения некоторых подходов в формировании экономико-правового механизма регулирования отношений в сфере науки и научно-технической деятельности. Чтобы понять, как именно нужно изменить подходы к формированию данной политики, необходимо раскрыть содержание применяемых терминов, специфику их трактовки в разных условиях использования, раскрыть сущность механизмов, которые могут привести к стимулированию, определить их ключевые элементы и принципы их работы. И тогда, возможно, станет понятно, как именно необходимо изменить нормы одного из основополагающих для научной сферы документа.

Объектом настоящего исследования является экономико-правовой механизм использования результатов научно-технической деятельности (далее – НТД), полученных при выполнении научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ, полностью или частично финансируемых за счет государственных средств.

Обобщающей теоретической платформой исследования являются экономика права и теория прав собственности, существующие в рамках неинституциональной экономической теории.

Экономика права акцентирует внимание на установлении взаимосвязи между правовыми нормами и экономическими процессами, которые эти нормы регулируют; выявляет степень влияния обеих сторон процесса друг на друга с позиции рационального поведения и рационального использования ограниченных ресурсов, предоставленных в распоряжение участникам рассматриваемого процесса. В условиях настоящего исследования участниками процесса коммерциализации результатов НТД являются государство в лице государственных органов управления – заказчиков работ и организации-исполнители, а также организации, способные освоить новые технологии и наладить выпуск новой продукции, организацию новых услуг.

Рациональное использование ресурсов предполагает не столько безоговорочное получение результатов, приносящих прибыль, сколько предоставление ресурсов (в том числе и финансовых ресурсов) тем организациям, которые способны за счет выделенных им средств добиться наибольшего результата. Рациональное поведение предполагает не установление жестких мер, после применения которых мысль ученых перестает работать, а разработку такой политики, которая придаст ученым желание работать над еще более сложными проблемами. Административное и психологическое напряжение и рационализм поведения приводят к противоположным последствиям.

Теория прав собственности изучает поведенческие отношения между субъектами процесса создания и использования различных благ, в том числе и материальных, к которым относятся результаты НТД. Отношения регулируются правовыми нормами, которые устанавливают правила поведения субъектов этих отношений. Если право собственности на материальные блага можно охарактеризовать триадой прав, которая закреплена юридически: права владения, пользо-

вания и распоряжения, и можно однозначно установить правообладателя, то в отношении интеллектуального продукта права собственности определены не так однозначно, поскольку в силу разной сущностной и правовой природы объектов, объединенных под общим названием «результаты интеллектуальной деятельности», существуют разные режимы правовой охраны и, следовательно, разные способы функционирования объектов в экономическом обороте.

Грамотное применение механизма распределения прав между участниками научно-технического процесса, стимулирующее наиболее эффективное использование получаемых результатов – задача нормотворческой деятельности, которую необходимо реализовать в программном документе, каким является указанный выше Указ Президента Республики Беларусь.

Экономико-правовой механизм распределения прав на результаты НТД, которые относятся к ОИС, включает:

- определение правообладателя, то есть той стороны отношений, которая будет принимать решения о возможных способах использования результатов и о возможности (необходимости) заключения сделок с объектами интеллектуальной собственности (далее – ОИС);
- определение содержания распределяемых (передаваемых) прав при наличии нескольких правообладателей, а также определение условий, при которых возможно наличие нескольких правообладателей;
- определение стоимости передаваемых прав на ОИС при совершении сделок;
- обеспечение контроля за соблюдением прав получающей стороной;
- определение направлений использования средств, получаемых от реализации прав на ОИС.

Механизм направлен на стимулирование процессов привлечения внебюджетных средств для финансирования научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ путем распределения прав на результаты НТД между различными организациями, а также на распространение получаемых результатов посредством предоставления лицензий.

Для того, чтобы механизм выполнял свою стимулирующую функцию, необходимо, чтобы все организации, участвующие в процессе выполнения работ и/или освоения полученных результатов, имели возможность приобрести права на долю вложенных средств, независимо от того, являются эти средства финансовыми, материальными или интеллектуальными. Данная норма присутствует в «Положении о коммерциализации результатов научной и научно-технической деятельности, созданных за счет государственных средств» (п.10): «Обладателем (обладателями) имущественных прав на результаты НТД в договорах на выполнение НИОКТР определяются:

- государственный заказчик и (или) исполнитель (головная организация-исполнитель), являющийся подчиненной государственному заказчику (входящей в его состав, систему) организацией, на результаты НТД, связанные с интересами национальной безопасности Республики Беларусь, если иное не установлено законодательными актами;
- государственный заказчик или исполнитель (головная организация-исполнитель) совместно с лицом, затратившим собственные средства на создание результатов НТД, на результаты НТД, финансирование которых предусматривалось частично за счет средств, не являющихся государственными.

Лицо, затратившее собственные средства на создание результатов НТД, имеет преимущественное право на возмездное приобретение части имущественных прав на данные результаты НТД, обладателем которых является государственный заказчик или исполнитель (головная организация-исполнитель)» [2].

Можно констатировать, что на начальном этапе процесса коммерциализации выдерживается принцип стимулирования участников в части распределения имущественных прав на результаты, подлежащие коммерциализации: заинтересованы исполнители работ, поскольку приобретают возможность использовать в дальнейшем то, что сами создали; заинтересованы предприятия, вкладывающие собственные средства в разработку и освоение результатов, поскольку им предоставляются права на сумму вложенных средств; заинтересовано государство в лице государственных заказчиков, поскольку передает ответственность за коммерциализацию тем организациям, которые заинтересованы в их эффективном использовании.

Следующим шагом на пути стимулирования процесса коммерциализации является возможность безвозмездной передачи прав на результаты работ для дальнейшего распространения в целях их использования (п.16): «Государственный заказчик - обладатель имущественных прав на результаты НТД может безвозмездно передавать имущественные права на данные результаты или предоставлять право на их использование резидентам Республики Беларусь при условии последующей коммерциализации подлежащих обязательной коммерциализации результатов НТД в установленный государственным заказчиком срок.

Безвозмездная передача имущественных прав на результаты НТД резидентам Республики Беларусь, не являющимся государственными организациями, осуществляется государственным заказчиком - обладателем имущественных прав на результаты НТД по согласованию с Комитетом государственной безопасности» [2].

Продолжением данного механизма является возможность дальнейшей безвозмездной передачи прав другим лицам (п.19): «Исполнители (головные организации-исполнители) – обладатели имущественных прав на результаты НТД согласно договорам на выполнение НИОКТР могут безвозмездно предоставлять право на их использование (передавать документированную научно-техническую информацию):

- лицам, выступающим соисполнителями по указанным договорам (предусматривать такое право соисполнителей в договорах на выполнение НИОКТР между исполнителем и соисполнителем);

- резидентам Республики Беларусь по согласованию с государственным заказчиком при условии коммерциализации подлежащих обязательной коммерциализации результатов НТД» [2].

Выкупить такие дорогие объекты белорусские научные организации не могут, поэтому предоставляется возможность получить их бесплатно. Правда, с условием коммерциализации переданных результатов. Содержание процесса коммерциализации говорит о том, что от передачи результатов НТД государство ждет получения реальных доходов: либо выручку от реализации продукции, либо лицензионные платежи, либо платежи за передачу сведений, составляющих секреты производства, либо выручку от продажи документированной научно-технической информации.

Безусловно, безвозмездное распространение результатов НТД способствует активизации процесса освоения научных достижений в производстве и тем самым выполняет социальную функцию повышения общего технического уровня товаров и услуг. Учитывая, что сфера научно-технической деятельности относится к одной из самых затратных и высоко рискованных сфер человеческой деятельности, такой подход, безусловно, оправдан и должен принести свои положительные результаты в виде активизации деятельности. Однако пока этот процесс протекает не очень активно. Отчасти это объясняется тем, что научно-техническая деятельность инертна, на ее развитие нужны не то, что годы – деся-

тилетия; отчасти тем, что принятый механизм коммерциализации имеет две противоположные направленности: одну – стимулирующую, а другую – сдерживающую.

Разрешив организациям-исполнителям, соисполнителям, любым резидентам Республики Беларусь безвозмездно получать права на результаты НТД с условием их дальнейшей коммерциализации, государство тем самым способствует ускорению процесса освоения результатов в производстве.

Однако освоение результатов НТД участниками процесса коммерциализации посредством налаживания нового производства – не самый простой способ распространения полученных результатов. Уже давно человечество выработало механизм быстрого, эффективного и доходного способа донесения результатов науки до пользователей – систему передачи права использования ОИС (то есть систему лицензионного распространения интеллектуального продукта). Однако на пути этого весьма цивилизованного механизма поставлен заслон (п.21): «Денежные средства, полученные резидентами Республики Беларусь – обладателями имущественных прав на результаты НТД в соответствии с пунктами 16 и 17 настоящего Положения от возмездной передачи имущественных прав (предоставления права на использование) на данные результаты, подлежат в месячный срок перечислению в доходы соответствующих бюджетов (фондов) в размере государственных средств, затраченных на их создание, пропорционально доле полученных прав» [2].

Когда речь идет о возврате средств в бюджет госорганами, которые являются государственными заказчиками работ, то логика понятна – госорганы не должны выступать предпринимателями и зарабатывать деньги, они являются лишь посредниками между государством и предпринимательским сектором, использующим результаты науки. Однако среди государственных заказчиков есть концерны, объединения, НАН Беларуси, которые имеют возможность и обязанность осуществлять коммерческие операции, зачем же их ограничивать в возможностях? Более того, сами госзаказчики коммерциализацией не занимаются, они передают эту почетную миссию исполнителям, поэтому данная норма практически не действует.

Итак, изложенный механизм выглядит следующим образом: госзаказчики передают права на результаты исполнителям безвозмездно, разрешая при этом дальнейшее возмездное распространение результатов НТД при условии, что часть доходов от реализации прав (уступка или передача права использования) в размере вложенных бюджетных средств будет возвращена в бюджет. Возникает вопрос: если это экономический механизм, то продвижению чего он способствует?

Логика такая: стимулируется использование результатов через организацию производства новых товаров и услуг, а продвижение ограничивается. То есть государство не заинтересовано в том, чтобы результаты белорусской науки распространялись в мире? Но финансируя науку, государство обеспечивает появление новых знаний и развитие производства на основе их использования. При этом доходы, полученные от передачи прав на результаты НТД, возвращаются в бюджет.

Как объясняют свою позицию разработчики данного механизма, государство должно что-то получить от вложения средств. И чем больше оно получит, тем лучше. Так для чего был предложен механизм: стимулирования процесса использования результатов НТД или наращивания бюджетных средств за счет вложения их в науку?

Чтобы Беларусь стала страной науки мирового масштаба, разрабатываемые ее учеными технологии, должны появиться на всех континентах. А это можно

сделать, стимулируя, а, не останавливая лицензионное распространение результатов НТД.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. О коммерциализации результатов научной и научно-технической деятельности, созданных за счет государственных средств: Указ Президента Республики Беларусь от 4 февраля 2013 г. № 59 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь, 06.02.2013. – 1/14056.

2. Положение о коммерциализации результатов научной и научно-технической деятельности, созданных за счет государственных средств (в ред. Указа Президента Республики Беларусь от 28.11.2016 N 431), утвержденное Указом Президента Республики Беларусь от 4 февраля 2013 г. № 59.

СИСТЕМА ПРОСЛЕЖИВАЕМОСТИ ТОВАРОВ КАК ЭЛЕМЕНТ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Г. М. Власова

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь, GMVlasova97@mail.ru*

В статье рассмотрены организационно-правовые аспекты прослеживаемости товаров, ввезенных на таможенную территорию Евразийского экономического союза. Отмечены принципы механизма прослеживаемости, основанного на использовании сопроводительных документов в виде электронных документов.

Ключевые слова: прослеживаемость; цифровая экономика; товары; таможня.

SYSTEM OF THE TRACKABILITY OF GOODS AS AN ELEMENT OF DIGITAL ECONOMIC TRANSFORMATION

G.M. Vlasova

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus,
GMVlasova97@mail.ru*

The article considers the legal aspects of the traceability of goods imported into the customs territory of the Eurasian Economic Union. The principles of a traceability mechanism based on the use of supporting documents in the form of electronic documents has been revealed.

Key words: traceability; digital economy; goods; customs.

Современный «гибридный мир» является результатом слияния миров реального и виртуального и создает возможность совершения всех жизненно важных процессов в реальном мире через виртуальный. Важными условиями для этого процесса являются высокая эффективность и низкая стоимость информационно-коммуникационных технологий и доступность цифровой инфраструктуры. Экономика, существующая в условиях гибридного мира, определена как «цифровая экономика».

Международное признание понятие «цифровая экономика» получило в 2016 году, после выхода доклада Всемирного банка «Цифровые дивиденды». До этого для обозначения экономических отношений, возникающих благодаря и вокруг использования новых информационно-коммуникационных технологий, применялись другие термины, в том числе «информационная экономика», «электрон-

ная экономика», «веб-экономика», интернет-экономика» и т.д. В настоящее время идеи цифровой экономики не ограничиваются бизнесом электронной торговли и сервисов, а затрагивают каждый аспект жизни: государственное управление, здравоохранение, образование, интернет-банкинг и др.; разрабатываются и осуществляются национальные цифровые стратегии.

Основная цель цифровизации всех сфер деятельности — изменить облик экономики, модели и методы работы с данными, сами товары и услуги, а также функции государства и форматы его взаимодействия с обществом. Бизнес-сообщество заинтересовано в создании таких цифровых экосистем, где государство не только собирает информацию с минимальными издержками для предприятий и граждан, но и предлагает эффективные сервисы, стимулирующие развитие всех значимых для будущего сфер деятельности, а также снимает барьеры, существующие в традиционных моделях взаимодействия. Потребителям сегодня нужна информация не только о составе, но и месте, условиях производства товаров. Государство рассчитывает, что бизнес будет соответствовать задаваемым стандартам, соблюдать правила налогового и таможенного законодательства, требования технических регламентов, ветеринарного и фитосанитарного контроля.

Глобальные вызовы национальным экономикам, обусловленные переходом к цифровой экономике, диктуют необходимость интеграции усилий государств-членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС) для разработки проектов и мероприятий по цифровой трансформации отраслей экономики, разработке и применению новых цифровых бизнес-процессов и цифровых моделей.

Высшим Евразийским экономическим советом разработаны и утверждены Решением № 12 от 11 октября 2017 года «Основные направления реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года», к которым в том числе отнесены цифровая трансформация рынков товаров, услуг, капитала и рабочей силы и цифровая трансформация процессов управления интеграционными процессами. В перспективе цифровая трансформация рынков ЕАЭС, как сказано в Основных направлениях, приведет к развитию цифрового рынка, в рамках функционирования которого необходимо обеспечить свободное движение товаров, услуг, капитала и рабочей силы, упрощению торговых процедур путем перехода в цифровую форму, активному использованию электронной торговли.

Одной из первостепенных масштабных задач, решение которой необходимо для реализации цифровой повестки, является создание в рамках ЕАЭС системы прослеживаемости товаров [1].

Суть данной системы состоит в том, что если товар из третьей страны попадает на общий рынок ЕАЭС, то все участники Союза должны иметь о нем объективную информацию — об основных характеристиках товара, месте его приобретения и доставки в ЕАЭС, собственниках товара, основных маршрутах перемещения в пределах Союза. Созданная информационная база позволит бороться с серым рынком и поставками контрафактной продукции. Кроме того, система прослеживаемости позволит обеспечить контроль за товарами, ввозимыми на особых условиях, с учетом изъятий, которые есть у стран Союза в связи с международными обязательствами, членством в ВТО.

Для успешного функционирования должна быть создана единая система прослеживаемости для всего Союза, на общих стандартах и единой технологической платформе, используя наиболее современные разработки. Кроме того, открытый обмен информацией между таможенными органами и надзорными структурами, участие в работе системы бизнеса должен повысить общий уровень доверия друг к другу. А значит, будет меньше спорных ситуаций, которые зачастую возникают именно из-за отсутствия информации, полученной по единой методике.

Прослеживаемость неразрывно связана с маркировкой, которая обеспечивает её эффективность. Товары и грузы должны сопровождаться специальным кодом, считывание которых позволит узнать информацию о товаре: например, кто, когда и где выловил рыбу, какой обработке эта рыба подвергалась, когда поступила в продажу. Потребитель должен получать максимум дополнительных сервисных данных, вплоть до автоматического подбора рецептов, по которым эту рыбу можно будет приготовить. Такие решения уже есть на рынке.

В ЕАЭС в 2015 г. начался эксперимент по введению маркировки меховых изделий специальными идентификационными знаками. В сентябре 2015 года в городе Гродно было заключено Соглашение о реализации в 2015-2016 годах пилотного проекта по введению маркировки товаров контрольными (идентификационными) знаками по товарной позиции «Предметы одежды, принадлежности к одежде и прочие изделия, из натурального меха» [2,3].

Перечень товаров, подлежащих маркировке контрольными знаками, должен утверждаться Советом Евразийской экономической комиссии. Совет ЕЭК уполномочен также утверждать:

- характеристики контрольного (идентификационного) знака, порядок его нанесения и требования к структуре и формату информации, содержащейся на контрольных знаках;

- требования к структуре и формату информации, передаваемой организациями, осуществляющими изготовление и реализацию предпринимателям государств-членов контрольных (идентификационных) знаков, в компетентные органы своих государств-членов, а также сроки ее передачи;

- требования к структуре и формату информации, передаваемой предпринимателями, о маркировке в компетентные (уполномоченные) органы своих государств-членов, а также сроки передачи такой информации.

Согласно пилотному проекту, контрольными знаками маркируются товары, включенные в Перечень, ввозимые (ввезенные) на таможенную территорию ЕАЭС и (или) произведенные на территориях государств - членов за исключением установленных случаев. Реализация данного проекта показала его успешность в решении ряда задач — значительно уменьшилось количество контрафактных товаров, увеличились налоговые и таможенные платежи, была обеспечена защита прав потребителей.

На заседании Высшего Евразийского экономического совета, состоявшегося 29 мая 2019 г. в г. Нур-Султан (Республика Казахстан), главами государств – членов ЕАЭС было подписано Соглашение «О механизме прослеживаемости товаров, ввезенных на таможенную территорию Евразийского экономического союза». Таким образом был законодательно установлен механизм прослеживаемости товаров в ЕАЭС, основанный на использовании сопроводительных документов в виде электронных документов.

Создание механизма прослеживаемости направлено на:

- создание условий, исключающих использование различных схем уклонения от уплаты таможенных и налоговых платежей;

- подтверждение законности оборота товаров при их перемещении с территории одного государства – члена ЕАЭС на территорию другого государства – члена ЕАЭС;

- обеспечение контроля за операциями, связанными с оборотом прослеживаемых товаров.

Соглашением предусмотрено создание и обеспечение функционирования национальных систем прослеживаемости, в которые включаются сведения о товарах, подлежащих прослеживаемости, и операциях, связанных с оборотом таких товаров. Соглашение носит рамочный характер и может распространяться на

широкую группу товаров, перечень которых будет утверждаться Советом Евразийской экономической комиссии [4].

В Соглашении заложены принципы, учитывающие национальные интересы Республики Беларусь:

- создание национальных систем прослеживаемости, где будет аккумулироваться информация о прослеживаемых товарах;
- предоставление информации о прослеживаемых товарах другим государствам – членам ЕАЭС на условиях взаимности (тем государствам – членам ЕАЭС, где созданы системы прослеживаемости, и которые обеспечивают обмен информацией в соответствии с Соглашением);
- прослеживаемости подлежат товары, ввозимые на таможенную территорию государств – членов ЕАЭС и выпущенные для внутреннего потребления.

Внедрение системы прослеживаемости на всем пространстве ЕАЭС позволит не только контролировать законность оборота товаров на территории государств-членов, а также перемещение продукции, оборот которой ограничен в одной из стран Союза, но и при правильной разработке системы прослеживаемости существенно снизить нагрузку на бизнес – сократить объем отчетности, упростить механизмы надзора путем применения так называемых механизмов smart-soft надзора.

В Республике Беларусь система прослеживаемости будет создаваться на базе товарно-транспортных и товарных накладных в виде электронных документов (далее – электронные накладные), так как сбор необходимых для прослеживания сведений может осуществляться в рамках обычной хозяйственной деятельности субъекта, на основе первичного учетного документа, подтверждающего факт совершения хозяйственной операции и имеющего юридическую значимость.

При этом особо следует отметить, что особенностью составления электронных накладных является то, что данный документ интегрирован в бизнес-среду и является одним из действующих элементов электронного взаимодействия покупателя (получателя) и продавца (поставщика). Субъекты хозяйствования могут формировать и передавать через EDI-систему оператора любые иные юридически значимые документы и документы свободной формы (договоры, акты сверки, электронные прайс-листы, протоколы согласования цены и др.), что в перспективе может способствовать развитию межгосударственной электронной торговли и межгосударственному взаимодействию в ЕАЭС.

Ряд систем, обеспечивающие прослеживаемость товаров и услуг, уже внедрены в странах ЕАЭС. Среди них: мониторинг и контроль оборота алкогольсодержащей и табачной продукции на территории Армении, Беларуси, Казахстана, России (ЕГАИС); идентификация и прослеживаемость животных и продукции животного происхождения в Беларуси, Казахстане, отдельных регионах России; транспортный мониторинг и сбор платы за проезд в Беларуси (BelToll), России (ПЛАТОН) и т.д.

В заключение следует отметить, что по мнению экспертного сообщества, мир стоит на пороге перехода к гиперсвязанным бизнес-системам, в которых будут взаимодействовать многочисленные корпоративные, ведомственные, страновые и наднациональные цифровые сообщества и экосистемы. Создание эффективного регуляторного механизма для новых форматов взаимодействия невозможно без упреждающего моделирования, которое должно осуществляться совместно с бизнесом и гражданским обществом.

Тем не менее, предпринимательское сообщество заинтересовано в создании цифровых экосистем, в которых государство играет важную регулирующую роль. В таких системах органы власти не тотально контролируют ситуацию, а формируют векторы стимулирующего таргет-контроля, осуществляют глубокий

анализ данных с помощью big-data systems и предлагают гражданам, предпринимательскому сообществу и иным заинтересованным сторонам дополнительные сервисные функции.

Одной из ключевых проблем сегодня является взаимодействие с множеством разрозненных информационных систем, которые введены в действие различными органами власти и зачастую дублируют друг друга. Это увеличивает издержки бизнеса, а государство получает избыточный объем неконсолидированной информации, которая не используется для развития экономики и поддержки перспективных отраслей.

По мнению ряда экспертов, сегодня оцифровка традиционных аналоговых стандартов и технологий приведет к потере вложенных средств. Развивая цифровую повестку и создавая систему прослеживаемости, следует ориентироваться на новые тренды, в том числе блокчейн-технологии, квантовые вычисления, смарт-контракты, облачные вычисления и т.п. В связи с этим меняется и роль государства: от прямого регулирования к стимулированию инвестиций в инновационные разработки, формированию тестовых площадок – так называемых «песочниц» – для тестирования и отладки внедряемых технологий и инструментов управления ими.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Решение Совета Евразийской экономической комиссии № 12 от 11 октября 2017 года «Основные направления реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года». <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/catr/events>.

2. Соглашение о реализации в 2015-2016 годах пилотного проекта по введению маркировки товаров контрольными (идентификационными) знаками по товарной позиции «Предметы одежды, принадлежности к одежде и прочие изделия, из натурального меха» от 8 сентября 2015 г. <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/catr/events>.

3. Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 23 ноября 2015 г. № 70 «Об утверждении отдельных документов, предусмотренных Соглашением о реализации в 2015 – 2016 годах пилотного проекта по введению маркировки товаров контрольными (идентификационными) знаками по товарной позиции «Предметы одежды, принадлежности к одежде и прочие изделия, из натурального меха» от 8 сентября 2015 года» <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/catr/events>

4. Соглашение ЕАЭС от 29 мая 2019 года «О механизме прослеживаемости товаров, ввезенных на таможенную территорию Евразийского экономического союза». <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/catr/events>

ФОРМИРОВАНИЕ ОТВЕТСТВЕННОГО ПОТРЕБИТЕЛЯ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В.И. Дынич, Н.А. Калита

*Ассоциация защиты интеллектуальной собственности «БелБренд»,
пр-т Победителей, 23/1. офис 330, 20004, г. Минск, Республика Беларусь, info@belbrand.by*

В работе рассматривается зависимость экономической безопасности и такой проблемы, как распространение контрафактной продукции от поведенческих установок современных потребителей, их ответственного отношения. Используются результаты социологических исследований, проводившихся в Республике Беларусь Ассоциацией «БелБренд» совместно с Молодежной лабораторией социологических исследований. Данные исследования свидетельствуют о необходимости целенаправленной работы по информированию и просвещению молодежи, снижению уровня толерантного отношения к нелегальной торговле, распространению и использованию контрафактной продукции как белорусских, так и общемировых брендов. В качестве аргументов актуальности приводятся данные о роли немате-

риальных активов в формировании бренда, объемах ущерба государству, бизнесу и обществу от оборота продукции с нарушением прав интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: Экономическая безопасность, ответственный потребитель, контрафактная продукция; нелегальная торговля; социологическое исследование; молодежный бренд, нематериальные активы.

THE FORMATION OF A RESPONSIBLE CONSUMER IN THE CONTEXT OF THE ECONOMIC SECURITY ENSURING

V.I. Dynich, N.A. Kalita

*«BelBrand» Association for intellectual property protection,
Pobeditelei av., 23/1, Office 330, Minsk, Republic of Belarus, info@belbrand.by*

The work considers the dependence of the economic security and such an issue as the distribution of counterfeit products from the modern consumers' behavioural attitudes and their responsible attitude. The work drew on the sociological studies results, conducted in the Republic of Belarus by the "BelBrand" Association in cooperation with the Youth Sociological Studies Laboratory. These studies indicate the necessity of focused work on youth awareness and education, reducing the tolerance towards illegal trade, distribution and use of counterfeit products of both Belarusian and worldwide brands. Data on the role of intangible assets in brand formation, the extent of the damage to the state, business and society from turnover of products in violation of intellectual property rights are given as arguments of relevance.

Key words: economic security; responsible consumer; counterfeit products; illegal trade; sociological study; youth brand; intangible assets.

Говоря сегодня об ответственном потребителе, в различных источниках в средствах массовой информации и телекоммуникации чаще всего затрагиваются только вопросы экологии и ответственного отношения к источникам энергии. Однако, в условиях развития современной экономики можно рассматривать это понятие гораздо шире.

Согласно ст. 1 Закона Республики Беларусь «О защите прав потребителей» потребитель – это физическое лицо, имеющее намерение заказать или приобрести либо заказывающее, приобретающее товар (работу, услугу) или использующее товар (результат работы, услугу) исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности.

В последнее время прослеживается тенденция расширения видов приобретаемой продукции, содержащей объекты интеллектуальной собственности, права на которые каким-либо образом нарушаются. Такие нарушения прослеживаются от предметов роскоши, одежды, часов, ювелирных изделий, до обычных предметов, которые оказывают непосредственное влияние на жизнь и здоровье человека: продовольственные товары, лекарственные препараты, алкогольная продукция, бытовая химия, игрушки и др. Контрафактную продукцию практически в каждой стране можно обнаружить и среди отраслей более высоких технологий, как автомобильная, авиационная и даже космическая.

Доля стоимости интеллектуальной собственности, то есть объем так называемых нематериальных активов среди известных мировых брендов достаточно высок. Интеллектуальный капитал в высокоразвитых странах обеспечивает до 60-85% роста ВВП. В общем объеме активов компаний это подтверждается высокой долей нематериальных активов (включая финансовые). Например, в мировой фармацевтической промышленности они составляют около 60%, в автомо-

бильной – около 50%. Примерное соотношение таких активов: в BritishPetroleum – 80/20, в компании Coca-Cola – 70/30. Apple и Google в 2019 году сохранили лидирующие позиции в рейтинге 100 самых дорогих брендов в мире. Доля нематериальных активов этих компаний составляет около 80 %.

В Беларуси продолжает расти плата за использование интеллектуальной собственности при экспорте и импорте услуг. По данным Справочника Национального статистического комитета Республики Беларусь в 2015 году при экспорте услуг плата за использование интеллектуальной собственности (по методологии платежного баланса) составила 22,3 млн долл. США, а в 2018 году цифра уже гораздо выше – 65,7 млн долл. США. При импорте: в 2015 году – 132,7 млн долл. США, в 2018 – 177,3 млн долл. США.

Конечно, потенциал нематериальных активов в нашей стране еще далеко не раскрыт. Поэтому в условиях экономической интеграции со странами Евразийского экономического союза и торгово-экономическом взаимодействии с другими государствами актуально уделять все больше внимания защите интеллектуального продукта и противодействию распространению контрафакта.

Распространение контрафактной продукции в разной степени причиняет вред потребителям и наносит неоспоримый ущерб производителю/правообладателю. По данным Международной Ассоциации «Антиконтрафакт» ежегодный ущерб от нелегального оборота контрафактных и фальсифицированных продуктов в России составляет около 3 млрд долл. США, в Беларуси, Казахстане – от 0,5 до 1,4 млрд долл. США. Но сама специфика рынка контрафакта в том, что выявить все факты нарушений и подсчитать точно объем подделок и убытков точно невозможно. В итоге государство недополучает в бюджет налоги, в то время как расходы на борьбу с контрафактом требуют все больше финансовых вливаний, а добросовестные производители несут убытки и рискуют своей репутацией. Предприниматели же, торгующие контрафактом и фальсификатом, скрывают свою противозаконную деятельность и не платят налоги.

При ухудшении экономической ситуации и возрастающем стремлении конечных потребителей к экономии временно снижается их требовательность к качеству и происхождению товаров. Это создает дополнительные риски оживления недобросовестной конкуренции на потребительских рынках, связанной с уклонением от уплаты налогов и таможенных платежей, нарушениями прав интеллектуальной собственности, приводящей к повышению масштабов прямого и косвенного ущерба для государства и бизнеса.

Но из-за толерантности общества к контрафакту, а также сознательной покупки подделок по причине более низкой стоимости или недоступности фирменных товаров растет бизнес производителей подделок и поставщиков контрафакта. Многие потребители просто недостаточно осведомлены о возможных последствиях применения подделок для жизни и здоровья, а также ущербе, наносимом от объемов распространения контрафактной продукции. Отсутствие активной гражданской позиции по вопросу контрафакта является причиной того, что пока не сформирован эффективный общественный контроль над происхождением товаров в розничной торговле наряду с деятельностью правоохранительных и таможенных органов.

Поэтому для оказания влияния на негативную тенденцию роста рынка контрафактных товаров прежде всего необходимо воздействовать на общественное сознание. Ассоциация защиты интеллектуальной собственности «БелБренд» в этом вопросе активно работает с молодежью как наиболее перспективной группой населения с точки зрения противостояния нелегальной торговле и распространению контрафакта в ближайшем будущем.

Для применения конкретных мер воздействия необходимо детальное изучение общественного мнения и поведенческих установок. С этой целью Ассоциация совместно с Молодежной лабораторией социологических исследований Белорусского республиканского союза молодежи проводит республиканское социологическое исследование «Молодежный бренд». Предметом исследования выступает отношение молодежи к различным брендам, производителям, а также к контрафактной продукции основных групп товаров.

Численность выборки исследования, проведенного в 2018 году, составила 1221 респондент. Выборка была построена с соблюдением доверительной вероятности в 95% - это значит, что на 95% точности полученные результаты отображают реальные значения по генеральной совокупности.

В целом можно отметить, что по основным группам товаров респонденты предпочитают оригинал контрафактному товару. Участники опроса готовы переплатить 10-20% от стоимости товара, если это гарантирует им оригинальность по категориям «продовольственные товары», «лекарственные средства» и «биологически активные добавки». Также больше половины готовы переплатить 10-20% за оригинальность компьютеров, ноутбуков и мобильных телефонов. Меньше всего молодежь готова переплачивать за одежду, обувь и автомобильные запчасти.

Опыт ОАО «БелАЗ» по борьбе с распространением контрафактных автозапчастей показывает, что активная работа по выявлению площадок торговли контрафактной продукцией и пресечение их деятельности, а также активное распространение информации по данной проблеме, и детальная работа с потребителями на местах приводит к существенному росту реализации именно оригинальных запчастей.

Очевидно, что результативность защиты интеллектуальной собственности зависит от сформировавшихся в обществе поведенческих установок по отношению к защите/нарушениям прав собственника.

Основным мотивом приобретения контрафактной продукции молодежь называет «более низкую цену по сравнению с оригиналом» (96%). Также для значительной доли респондентов (68%) мотивом выступает «приемлемый уровень качества» у контрафактной продукции.

Самым распространенным мотивом отказа от приобретения контрафактной продукции участники опроса назвали «низкое качество контрафакта по сравнению с оригинальной продукцией» (78%). Также на данную установку влияет предшествующий негативный опыт покупки и использования контрафактной продукции респондентами (41%).

По мнению опрошенных респондентов, контрафактная продукция оказывает определенный вред на различных участников рынка. Чаще всего участники опроса указывают, что контрафактная продукция вредит производителю оригинальной продукции (47%). Также значительная доля респондентов считает, что производство контрафакта вредит всем участникам рынка (27%). Около 15% респондентов полагают, что производство контрафакта не вредит никому из участников рынка.

В качестве мер по предотвращению появления и распространения контрафактной продукции каждый пятый респондент предлагает усилить контроль за входящей продукцией на границе (таможне). Также 16% респондентов предлагают ужесточить законы в отношении контрафактов, а 12% респондентов – установить запрет на ввоз контрафактной продукции в страну.

Основываясь на данных социологического исследования Ассоциация защиты интеллектуальной собственности «БелБренд» проводит активную образовательную и просветительскую деятельность для повышения образовательного уровня

в сфере защиты интеллектуальной собственности и противодействия распространению контрафактной продукции: заседания дискуссионного клуба, летние школы, семинары и конференции, информирование посредством сети Интернет.

В 2019 году Ассоциация «БелБренд» запустила новый проект по формированию ответственного потребителя – «БелБрендАудит». Согласно философии проекта ответственный потребитель сегодня – это потребитель, который с уважением относится к интеллектуальной собственности, понимает экономические и социальные последствия нелегальной торговли и распространения контрафактной продукции, способен рационально оценивать достоинства продукции национальных брендов.

Одной из основных задач проекта является содействие отечественным предприятиям в донесении до потребителя информации о преимуществах производимой в стране продукции путем сравнительного анализа товаров, поступающих на белорусский рынок из разных стран различными путями. Проект также направлен на обнародование информации о контрафактной продукции в Беларуси и о распространении подделок белорусских товаров за рубежом, в частности в странах Евразийского экономического союза.

В рамках проекта «БелБрендАудит» Ассоциация «БелБренд» готовит серию репортажей для средств массовой информации, включая национальное телевидение и интернет-ресурсы. Материалы содержат экспертное заключение высококвалифицированных специалистов разных сфер деятельности в отношении различных категорий товаров.

К настоящему моменту уже анализировались косметические товары, игрушки, бытовая химия, обувь (опубликовано в газете «Республика», на интернет-портале «СБ. Беларусь Сегодня», на Интернет-ресурсах Ассоциации «БелБренд», на видеохостинге «youtube»).

Невнимание к фактам подделки товара правообладателями, пассивность потребителя, равнодушие государственных органов могут привести к серьезным последствиям не только для бизнеса, но и для экономики страны в целом, а самое главное ставит под удар безопасность населения.

Но одним из существенных условий распространения контрафактной продукции и нелегальной торговли пока остается готовность конечных потребителей приобретать незаконно выпущенную в оборот продукцию. Это происходит в силу неведения (то есть прямого обмана со стороны продавца), либо в результате осознанного выбора и толерантного отношения к такой продукции.

Поэтому для искоренения моды на контрафактный товар, для того, чтобы поведение современного потребителя было ответственным, прежде всего, необходимо взаимодействовать с обществом и всевозможными мерами воздействовать на общественное мнение.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. О защите прав потребителей: Закон Республики Беларусь, 9 января 2002 г. № 90-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 22.06.2018, 2/2549.
2. Роль интеллектуальной собственности в развитии Евразийской интеграции: пособие Евразийской экономической комиссии под редакцией С.Б. Алиева, академика РАЕН, докт. техн. наук, профессора ЕЭК - Москва, 2016.
3. Республиканское социологическое исследование «Молодежный бренд» - 2017: Отчет по итогам социологического исследования (части 1, 2) – Минск, 2018.
4. Датов А., Контрафакт: бизнес на обмане. – Москва: Авента-Инфо, 2018. – 150 с.
5. Экономические аспекты интеллектуальной собственности для стран с переходной экономикой / Подготовлено Департаментом стран с переходной и рыночной экономикой, Всемирная организация интеллектуальной собственности: Карпова Н.Н. – 2012.

6. Основные формы незаконного оборота продукции на потребительских рынках России и меры противодействия: исследовательский проект / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Выполнен по заказу Содружества производителей фирменных торговых марок «Русбренд». – Москва, 2016.

7. Беларусь в цифрах: Справочник Национального статистического комитета Республики Беларусь, 2019.

8. Михайлова-Станюта И.М. Объекты интеллектуальной собственности и инновационные преобразования / И.М. Михайлова-Станюта // Банковский вестник, №4(657). – 2018. С.60-63.

9. Apple и Google 7 лет остаются самыми дорогими брендами мира [Электронный ресурс]/ВестиЭкономика, 17.10.2019. – Режим доступа: <https://www.vestifinance.ru/articles/126762>. Дата доступа: 20.10.2019.

10. Работа по борьбе с контрафактом приносит конкретные результаты // Официальный сайт ОАО «БЕЛАЗ» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.belaz.by>.

СТРАТЕГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ СОЗДАНИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ БРЕНДОВ

Е. Б. Леанович

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, leanovich@bsu.by*

Дана характеристика основным рискам при создании национальных брендов. Показаны объекты интеллектуальной собственности, которые могут выступать национальными брендами. Приведены примеры зарубежной практики.

Ключевые слова: национальный бренд; интеллектуальная собственность; товарный знак; географическое указание; изобретение; промышленный образец; компьютерные программы; глобальные цепочки стоимости; охрана интеллектуальной собственности; нарушение прав интеллектуальной собственности; WTO; ЕАЭС.

SAFETY STRATEGY AT CREATION OF NATIONAL BRANDS

Е. В. Leanovich

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The main risks connected with the process of national brands creation are described. The intellectual property objects as national brands are shown. Examples of foreign practice are given.

Keywords: national brand; intellectual property; trademark; geographical indication; invention; industrial design; computer programs; global value chains; intellectual property protection; violation of intellectual property rights; WTO; EAEU.

Национальный бренд является многоплановым понятием, которое может быть рассмотрено в различных областях жизнедеятельности общества, включая политику, науку и культуру. С экономической точки зрения бренд представляет собой образ товара (услуги), содействующий его продвижению на рынке. В сознании потребителей бренд, как визуальный образ, название, набор символов, вызывает ассоциативную связь с качественными характеристиками товара и его производителя.

Национальные бренды указывают на связь товара и производителя с определенной страной (территорией). В основе возникновения национальных брендов лежат две основные причины. Во-первых, в мероприятиях по продвижению то-

варов часто используется указание на страну происхождения. Обычно такая практика распространена в отношении товаров высокого качества с устойчивой положительной репутацией производителя. Не все известные бренды имеют страновую ассоциацию. В таком качестве, как правило, выступают флагманы отечественной экономики. Но даже многие глобальные бренды имеют ярко выраженную национальную идентичность [1]. Например, высокотехнологичные компании (*Samsung*), выразители национального стиля и образа жизни (*Ikea*).

Во-вторых, национальные бренды могут быть обусловлены имманентной связью товара со специфическими характеристиками страны происхождения. Каждая страна уникальна по климатическим, природо-ресурсным, историческим, культурным факторам. Они могут обеспечить прочную основу для специализации национальных производителей на мировом рынке. Широко распространена практика ассоциативной оценки качества пищевых продуктов и товаров сельскохозяйственного производства по страновому принципу (*хамон, проиуто, камамбер, шерсть австралийских мериносов, басмати, дарджеллинг*).

В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь» экономическая безопасность означает состояние экономики, при котором гарантированно обеспечивается защищенность национальных интересов Республики Беларусь от внутренних и внешних угроз [2]. Экономико-правовая оценка конкурентоспособности национальных производителей в современных условиях мирового рынка требует принять во внимание следующие факторы:

1. Обострение конкуренции на мировом рынке, вызванное либерализацией торговли в рамках ВТО и региональных интеграционных объединений (ЕАЭС), заставляет все страны, как развитые, так и развивающиеся, предпринимать меры государственной поддержки, а иногда и целенаправленного создания национальных брендов. Легенды происхождения известных брендов развитых стран уходят в глубь веков. Однако их формирование (описание и закрепление качественных характеристик), а также присвоение прав (оформление правовой охраны объектов интеллектуальной собственности) произошло не так уж давно и относится к периоду формирования мирового капиталистического рынка. Эти процессы, в том числе и осознание необходимости принятия специального законодательства по охране интеллектуальной собственности (товарных знаков, географических указаний), происходили на уровне частных лиц. В современных условиях времени для естественного формирования и развития национальных брендов нет. В практике стран всех уровней развития есть примеры активного участия правительственных учреждений и местных администраций в выявлении местных предпосылок для развития национальных брендов: *Yogyakarta* (Индонезия), *Haydnland* (Австрия).

В такой ситуации Республика Беларусь стоит перед риском упустить свои конкурентные преимущества на мировом рынке. Современный потребитель нацелен на выбор товаров с определенной историей и образом. Если практика белорусских производителей имитировать иностранные бренды (в частности в сыродельной отрасли) останется прежней, то национальная экономическая безопасность будет подорвана не только продвижением чужих страновых брендов и соответственно неполучением собственных выгод и прибылей, обусловленных национальной спецификой. Более серьезная угроза связана с неизбежным развитием международно-правового регулирования в отношении географических указаний. Вопрос об усилении правовой охраны этого объекта вызывает все больший интерес в ВТО. У Республики Беларусь могут возникнуть обязательства в результате которых, она будет нести существенные потери от попустительства практики брендинга имитаций.

2. Продвижение национальных брендов обеспечивается тщательно продуманной стратегией выявления, создания и менеджмента объектов интеллектуальной собственности. Данная стратегия включает ряд последовательных шагов, причем оформление прав интеллектуальной собственности стоит далеко не на первом месте. Создание национальных брендов начинается с выявления товара с потенциалом и превращения его в бренд на основе объектов интеллектуальной собственности. В первую очередь необходимо определить адресные группы правообладателей и пользователей применительно к таким объектам интеллектуальной собственности на мировом рынке соответствующих товаров. Возьмем инновационные отрасли производства и ИТ-сферу. Важно не просто создать объекты интеллектуальной собственности под национальный бренд. Необходимо обеспечить: высокие качественные характеристики этих объектов, т.е. ориентироваться не только на условия охраноспособности по национальному законодательству, а исходить из показателей и конъюнктуры мирового рынка в вышеуказанных позициях. В зоне инноваций и ИТ конкуренция очень высока и бросает вызов к качеству объектов интеллектуальной собственности, поддерживающих национальный бренд. На первый план выходят активы знаний – объекты интеллектуальной собственности, которые относятся к результатам интеллектуальной деятельности (изобретения, промышленные образцы, компьютерные программы). Основные риски состоят в том, что для национального бренда необходимы одновременно: а) качество, которое сложно или невозможно обеспечить без заимствования иностранной интеллектуальной собственности; б) устойчивость, т.е. постоянная модернизация и сохранение качества в условиях научно-технического прогресса, иначе национальный бренд принесет не выгоды и преимущества, а создаст угрозу национальной экономической безопасности.

Управление данными рисками осуществляется через целенаправленное решение проблемы передачи технологий. В условиях развитой правовой базы международной охраны интеллектуальной собственности и эффективных механизмов противодействия международной практике нарушения прав интеллектуальной собственности (в том числе в рамках ВТО) национальный бренд не может быть построен на зыбкой основе *bad faith*. Вместе с тем, необходимо четко обозначить поворотную точку в процессе передачи технологий, когда национальные производители, приобретая необходимые навыки создания объектов интеллектуальной собственности с высокими качественными характеристиками (включая налаживание необходимой производственной базы, инфраструктуры, трудовых ресурсов), смогут преодолеть зависимость от иностранной интеллектуальной собственности. Договорные и организационно-правовые формы передачи технологий (лицензионные соглашения, франчайзинг, совместный венчурный капитал и т.д.) должны учитывать эти моменты. Задачей, пусть и отдаленной временной перспективы, должно стать придание материальным вещам, товарам отечественного производства, имиджевой оболочки национальных объектов интеллектуальной собственности. Крайне опасно закладывать в основу национального бренда поставку ключевых деталей и комплектующих иностранного производства (*Sukhoi Superjet 100*).

Зависимость от объектов интеллектуальной собственности, которые относятся к средствам индивидуализации (товарные знаки, географические указания), также опасна. Доктрина национальной продовольственной безопасности предусматривает, что привлечение в экономику страны ноу-хау, инновационных технологий, инвестиций осуществляется в целях достижения мировых стандартов производства продукции, привлечение прямых иностранных инвестиций для развития высокотехнологичных производств [3]. По достижению данной цели и налаживания национального производства необязательно выпускать продукцию

иностранных брендов. Даже для сырьевых товаров, как показано в публикации ВОИС на примере кофе, получение преимуществ от участия в глобальных цепочках стоимости связано с национальным брендингом [4, р. 43-65].

Национальные бренды вносят значительный вклад в развитие государства. Соответственно государство в лице различных органов может быть заинтересовано по многим причинам (от роста ВВП до укрепления имиджа страны на мировой арене) в осуществлении целенаправленной политики по их созданию (например, освобождение от налогов, создание коллективных объектов интеллектуальной собственности – товарных знаков, упрощенный порядок регистрации объектов промышленной собственности). Вместе с тем, использование стратегии национальной идентичности несет в себе мощное стимулирующее воздействие на развитие местных производителей, особенно представителей малого и среднего бизнеса. Следовательно, создание и развитие национальных брендов может быть и делом сугубо частной инициативы. Однако для этого необходимо повышение правовой культуры, развитие правосознания и правовой активности в области интеллектуальной собственности. Законы об интеллектуальной собственности не исключают совместных действий, но требуют скоординированных действий, включая заключение договоров и создание специальных организационно-правовых форм. Кроме того, необходимо комплексное понимание специфики нематериальных активов, подпадающих под действие различных систем охраны. Так, особо чувствительной областью стратегии создания национальных брендов могут выступать историко-культурные факторы (см. например ст. 5.5.2, 5.5.4 Закона Республики Беларусь от 5 февраля 1993 г. № 2181-ХІІ «О товарных знаках и знаках обслуживания»)

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Best Global Brands Rankings 2019 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.interbrand.com/best-brands/best-global-brands/2019/ranking/>. – Date of access: 19.10.2019.
2. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь : Указ Президента Республики Беларусь, 9 ноября 2010 г., № 575 // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2019.
3. О Доктрине национальной продовольственной безопасности Республики Беларусь до 2030 года : постановление Совета Министров Республики Беларусь, 15 декабря 2017 г., № 962 // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2019.
4. World Intellectual Property Report 2017 – Intangible Capital in Global Value Chains. – Geneva : WIPO, 2017. – 137.

ИНТЕГРАЦИЯ КАК ФАКТОР ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЭЛЕМЕНТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ЕАЭС

Ю. В. Тарарышкин¹⁾, В. И. Тарасов²⁾

*¹⁾ Белорусский государственный университет,
ул.К.Маркса, 31, 220030, г. Минск, Беларусь, yura.tararyshkin@gmail.com*

*²⁾ Белорусский государственный университет,
ул.К.Маркса, 31, 220030, г. Минск, Беларусь, proftar@yandex.ru*

В статье исследуются вопросы влияния интеграции на развитие внешнеэкономической деятельности на таможенной территории ЕАЭС. Раскрывается суть экономической безопасности страны. Отмечена роль внешнеэкономической деятельности в модернизации эко-

номики государств-членов ЕАЭС. Проведены расчеты внешнеторговой квоты Республики Беларусь. Проводится анализ статистических данных об объемах внешней торговли Республики Беларусь товарами, услугами в условиях таможенной территории ЕАЭС. По результатам проведенного анализа сделаны выводы, что интеграционный фактор является неотъемлемой чертой внешнеэкономической деятельности и элементом экономической безопасности в ЕАЭС.

Ключевые слова: интеграция; экономическая безопасность; ЕАЭС, внешнеэкономическая деятельность; внешнеторговая квота.

INTEGRATION AS A CRUCIAL FACTOR OF FOREIGN ECONOMIC ACTIVITY AND A MEANS OF ECONOMIC SECURITY WITHIN THE EAEU

*Y. V. Tararyshkin*¹⁾, *V. I. Tarasov*²⁾

¹⁾ *Belarusian State University,*

K. Marx str., 31, 220030, Minsk, Belarus, yura.tararyshkin@gmail.com

²⁾ *Belarusian State University,*

K. Marx str., 31, 220030, Minsk, Belarus, proftar@yandex.ru

Corresponding author: Y.V. Tararyshkin (yura.tararyshkin@gmail.com)

The present article deals with the aspects of integration influence on the development of foreign economic activity within the customs territory of the EAEU. The essence of economic security of a country is revealed. The role of foreign economic activity in the process of the modernization of the EAEU economy of the member-states is highlighted. The estimations of the foreign trade quota of the Republic of Belarus are made. The analysis of the statistical data on the volume of the Republic of Belarus goods and services foreign trade within the customs territory of the EAEU is presented. On the basis of the analysis it has been established that the integration factor is an essential part of the foreign economic activity and economic security of the EAEU.

Key words: integration; economic security; EAEU; foreign economic activity; foreign trade quota.

В современных условиях обеспечение национальной экономической безопасности страны выступает одной из важнейших государственных функций. Впервые понятие национальной безопасности было употреблено в 1904 г. в послании президента США Т.Рузвельта Конгрессу США об аргументации военной акции присоединения зоны Панамского канала исходя из интересов национальной безопасности. Другой американский президент Ф.Рузвельт использовал понятие экономической, а не национальной безопасности [1].

Анализ состояния экономической безопасности в Союзе Советских Социалистических Республик (далее – СССР), проведенный на основе разработанного японскими учеными индекса «комплексной национальной силы» государства, включающего показатели «способность вносить вклад в международное сообщество» и «способность к выживанию», а также оценку потенциала «возможного силового давления» свидетельствуют о следующем. Лидирующими странами, имевшими высший индекс «комплексной национальной силы» были США (индекс 96) и СССР (индекс 78). Япония, Англия, ФРГ и Франция обладали индексом «комплексной национальной силы» соответственно в виде индикаторов 45, 43, 43, 46. Однако отсутствие целостной научно обоснованной концепции развития общества и теоретико-методологических основ функционирования системы национальной безопасности привели к развалу СССР [2].

Основой объединения национальных хозяйств в целях решения важнейших задач экономики является формирование единой таможенной территории, на ко-

торой отменяются таможенные пошлины (ввозные и вывозные), являющиеся с одной стороны налогом, с другой – регулятором внешнеторговых операций. В таможенном союзе создаются благоприятные условия для развития торговли (взаимной и с третьими странами), производства, укрепления экономических и политических связей государств-участников, выстраивающих общие экономические интересы. Функционирование таможенной территории Таможенного союза Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации с 1 июля 2010 г., таможенной территории государств-членов Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) с 1 января 2015 г. служит подтверждением тому [3].

В условиях развития евразийских интеграционных процессов экономическая безопасность страны приобретает особое значение и обусловлена результативностью развития внешнеэкономической деятельности государств-членов ЕАЭС. Это свидетельствует о важной роли внешнеэкономической деятельности в модернизации экономики государств-членов ЕАЭС посредством использования возможностей от участия в региональной экономической интеграции.

Обусловлено это тем, что при продвижении товаров на внешние рынки могут использоваться различные инструменты повышения или снижения их конкурентоспособности, противостоять которым в одиночку государствам сложно. Развитие же региональной экономической интеграции усиливает вероятность продвижения на внешние рынки товаров, работ, услуг государств-членов ЕАЭС.

Внешеэкономическая деятельность является важной составляющей экономики Республики Беларусь, формирующей структуру, динамику, устойчивость национальной экономики и обеспечивающей экономическую безопасность государства. Функционирование отраслей народного хозяйства (машиностроение, химическая и легкая промышленность, сельское хозяйство, нефтяной комплекс и др.) зависит от импорта сырья и материалов, комплектующих и запасных частей. Для переоборудования производства и организации выпуска конкурентоспособной продукции белорусским организациям (предприятиям) требуются современные технологии и оборудование, поставляемые из-за рубежа.

Важная роль внешней торговли, определенной в качестве одного из основных приоритетов развития Беларуси, отводится Правительством Республики Беларусь в Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016 - 2020 годы: «Рост экспорта и конкурентоспособности продукции на внешнем рынке является основой для устойчивого развития экономики, стабильности внутреннего валютного рынка и обеспечения сбалансированности бюджета» [4].

Главными проводниками внешнеэкономической деятельности являются организации (предприятия), роль которых в обеспечении экономической безопасности Республики Беларусь постоянно повышается. Посредством внешнеэкономических связей и проведения внешнеторговых операций увеличивается товарооборот и объем работ (услуг), растет число рабочих мест, улучшается профессиональный уровень персонала.

Подтверждением взаимозависимости внешнеэкономической деятельности и развивающейся интеграции являются внешнеторговая квота и статистические данные об объемах внешней торговли Республики Беларусь товарами, услугами за 2014-2018 гг. в млн долл. США [5]. По результатам проведенных нами расчетов внешнеторговая квота Республики Беларусь в 2014-2018 г.г. приведена в таблице.

Внешнеторговая квота Республики Беларусь в 2014-2018 гг.

5	2014	2015	2016	2017	2018
Объем внешней торговли товаров, услуг (в млн долл.США)	87500,0	65600,0	59566,0	72976,1	83246,0
Валовый внутренний продукт (в млн долл.США)	75921,9	54944,1	48126,0	48126,0	59607,8
Внешнеторговая квота (в %)	115,3	119,4	124,0	151,6	139,7
Экспорт товаров, услуг (в млн долл.США)	43600,0	32900,0	29758,0	36529,5	41970,2
Экспортная внешнеторговая квота (в %)	57,4	59,9	62,0	75,9	70,4
Импорт товаров, услуг (в млн долл.США)	43950,0	32700,0	29808,0	36446,6	41275,8
Импортная внешнеторговая квота (в %)	57,9	49,9	62,0	75,7	69,3

Источник: по материалам [5].

Как видно из таблицы, в условиях таможенной территории ЕАЭС объем внешней торговли товаров, услуг в республике увеличился с 65600,0 млн долл.США в 2015 г. до 83246,0 млн долл.США в 2018 г., экспорт товаров, услуг с 32900,0 млн долл.США в 2015 г. до 41970,2 млн долл.США в 2018 г., импорт с 32700,0 млн долл.США в 2015 г. до 41275,8 млн долл.США в 2018 г.

Внешнеторговая квота Республики Беларусь превышает 100 % и имеет тенденцию к повышению (с 119,4 % в 2015 г. до 139,7 % в 2018 г.), что является подтверждением результативного участия страны в мирохозяйственных связях в условиях ЕАЭС. Приближаясь к 100 % повышаются экспортная и импортная квоты в следующих размерах: экспортная квота – с 59,9 % в 2015 г. до 70,4 % в 2018 г., импортная – с 49,9 % в 2014 г. до 69,3 % в 2018 г.

Таким образом, международная экономическая интеграция выступает основной характеристикой современной мировой экономики, а интеграционный фактор становится неотъемлемой чертой внешнеэкономической деятельности и элементом экономической безопасности в ЕАЭС.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Национальная безопасность и национальная сила государства [Электронный ресурс]: – Режим доступа: <https://scicenter.online/ekonomicheskaya-teoriya-scicenter/natsional-naya-bezopasnost-natsionalnaya-sila-145398.html>. – Дата доступа: 15.10.2019.

2. Японская экономика в преддверии XXI века: становление конкурентного корпоративно-государственного капитализма/ С.В.Брагинский, В.К.Зайцев, Я.А.Певзнер, В.Б.Рамзес [Электронный ресурс]/ Монография// М., Наука, 1991. – 405 с. – Режим доступа: https://books.google.ru/books/about/Японская_экономика_в.html?hl=ru&id=fE8tAAAAIAAJ/. – Дата доступа: 15.10.2019.

3. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс]: [подписан в г.Астане 29.05.2014] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. реестр правовых актов Республики Беларусь. – Минск, 2019.

4. Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы [Электронный ресурс]: Указ Президента Республики Беларусь от 15 декабря 2016 г. № 466/ – Режим доступа: <http://www.economy.gov.by/uploads/files/Programma-2020.pdf>. – Дата доступа: 15.10.2019.

5. Внешняя торговля [Электронный ресурс]// Национальный статистический комитет Республики Беларусь/. – Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/vneshnyaya-torgovlya/>. – Дата доступа: 17.10.2019.

ПРОСЛЕЖИВАЕМОСТЬ ТОВАРОВ КАК ИНСТРУМЕНТ ЛЕГАЛЬНОЙ ТОРГОВЛИ НА ТАМОЖЕННОЙ ТЕРРИТОРИИ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Л. И. Тарарышкина

*Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская, 20, 220006, г. Минск, Беларусь, tararyshkina@rambler.ru*

В статье исследуются вопросы прослеживаемости товаров в Евразийском экономическом союзе. Проводится анализ состояния идентификации товаров в государствах-членах Евразийского экономического союза. Обосновывается необходимость использования механизма прослеживаемости товаров на таможенной территории Евразийского экономического союза, выступающего в качестве инструмента легальной торговли. Раскрываются новые подходы к прослеживаемости товаров, устанавливаемые на наднациональном уровне государств-членов Евразийского экономического союза. Показаны преимущества использования сопроводительных электронных документов на таможенной территории Евразийского экономического союза. Сделаны выводы о результативности влияния цифровой маркировки товаров на экономическую безопасность государств-членов Евразийского экономического союза.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз; прослеживаемость товаров; идентификация товаров; цифровая экономика; электронные документы.

GOODS TRACEABILITY AS A MEANS OF LEGAL TRADE WITHIN THE CUSTOMS TERRITORY OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

L. I. Tararyshkina

*Belarusian State University,
Leningradskaya str., 20, 220006, Minsk, Belarus, tararyshkina@rambler.ru*

The present article deals with the theme of goods traceability within the Eurasian economic union. The state of goods identification in member-states of the Eurasian economic union is analyzed. The necessity of goods traceability mechanism usage, being a means of legal trade instrument, within the customs territory of the Eurasian economic union is justified. New approaches to goods traceability, imposed by the supranational legislation of the member-states of the Eurasian economic union, are described. The advantages of the usage of supporting electronic documents within the customs territory of the Eurasian economic union are highlighted. It was concluded that the numerical tagging of goods influence the economic security of the member-states of the Eurasian economic union.

Key words: Eurasian economic union; goods traceability; goods identification; IT economy; electronic documents.

С 1 января 2015 г. с момента запуска ЕАЭС больше пяти лет как функционирует таможенная территория ЕАЭС. Срок небольшой, но очень значимый и важ-

ный, свидетельствующий, что механизмы реализации положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (далее – Договор о ЕАЭС) работают на практике [1]. Подтверждением тому являются единое таможенное регулирование на таможенной территории Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС, Союз), механизм зачисления и распределения ввозных таможенных пошлин, а также антидемпинговых, компенсационных и специальных пошлин, механизм косвенного налогообложения, формирование единого рынка фармацевтической и медицинской продукции и т.д.

Но в условиях глобализации и развития региональных интеграционных объединений во всем мире происходит передел рынков, перераспределение финансовых потоков и производительных сил, обострение конкуренции. Формируются новые центры экономического лидерства и появляются угрозы конкуренции. Технологическая эволюция становится источником принципиально новых угроз, негативно влияющих на личность, общество и государство. Одной из таких угроз является незаконный оборот промышленной продукции, выступающий в качестве актуальной мировой проблемы и наносящий ущерб финансово-экономическому состоянию организаций (предприятий), отраслевой экономике и здоровью человека. По данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) незаконный оборот промышленной продукции составляет в мире около 500 млрд долл. США в год.

Качество и цена товара выступают главными факторами в обороте промышленной продукции. Именно этими характеристиками необходимо руководствоваться при производстве, импорте и потреблении товаров. При этом в условиях конкурентной политики качество товара должно быть определяющим. Однако, к сожалению, сегодня существуют факторы, которые игнорируют эти характеристики товаров и способствуют росту нелегального оборота промышленных товаров. Их нельзя не учитывать, среди них: недостаточный уровень денежных доходов населения; отсутствие необходимых знаний о контрафактной продукции; низкая информированность населения о потенциальной опасности контрафактной продукции; невысокий уровень предпринимательской этики; недостаточный государственный контроль в отношении контрафактной продукции; отсутствие контроля в формировании общественного мнения о необходимости противодействия контрафактным товарам и т.д.

Безусловно, открытость таможенных границ государств-участников интеграционных блоков увеличивает различного рода риски, приводящие и к потерям доходов бюджета и снижению финансовой устойчивости организаций (предприятий) при проведении импортно-экспортных операций, а также при производстве промышленных товаров. Поэтому в соответствии со статьей 89 Договора о ЕАЭС «государства-члены ЕАЭС осуществляют сотрудничество в сфере охраны и защиты прав на объекты интеллектуальной собственности и обеспечивают на своей территории охрану и защиту прав на них в соответствии с нормами международного права, международными договорами и актами, составляющими право Союза, и законодательством государств-членов ЕАЭС» [1].

Основные задачи такого сотрудничества включают: «гармонизацию законодательства государств-членов ЕАЭС в сфере охраны и защиты прав на объекты интеллектуальной собственности и защиту интересов обладателей прав на объекты интеллектуальной собственности государств-членов Союза, осуществление скоординированных мер, направленных на предотвращение и пресечение оборота контрафактной продукции» [1].

Решением Евразийского Межправительственного совета от 8 сентября 2015 г. № 9 «Об Основных направлениях промышленного сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза» определены пути промышленного со-

трудничества государств-членов ЕАЭС на среднесрочную перспективу, результаты которого должны выступать надежным заслоном от контрафактной продукции [2]. В отношении импортных товаров таможенными органами отводится главная роль в борьбе с контрафактными товарами. По данным таможенной статистики за период с 2016 г. по 2017 г. таможенными органами государств-членов Союза было выявлено более 50 млн единиц контрафактных товаров.

Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 22 августа 2017 г. №46 «Об утверждении Положения о Международном форуме «Антиконтрафакт» служит инструментом проведения добросовестной конкурентной политики на единой таможенной территории ЕАЭС и гарантом экономической безопасности государств-членов ЕАЭС в противодействии недобросовестным иностранным торговым партнерам [3]. В целях борьбы с контрафактом и контроля за легальностью перемещения товаров на таможенной территории ЕАЭС внедряются механизмы прослеживаемости посредством идентификации товаров с современными чертами цифровой экономики.

Следует отметить, если идентификация товаров ранее осуществлялась в виде акцизных марок и контрольных бумажных знаков, то сегодня – на основе использования сопроводительных электронных документов: электронных пломб и документов. В связи с чем, в условиях формирования цифровой экономики весьма своевременным является подписание на заседании Высшего Евразийского экономического совета 29 мая 2019 г. в г. Нур-Султан (Республика Казахстан) главами государств-членов ЕАЭС Соглашения о механизме прослеживаемости товаров, ввезенных на таможенную территорию Евразийского экономического союза (далее – Соглашение) [4].

Основная цель Соглашения заключается в унификации процессов маркировки товаров машиночитаемыми и взаимочитаемыми знаками на таможенной территории ЕАЭС. Для введения маркировки на своей территории государство-член ЕАЭС должно внести соответствующее предложение на рассмотрение всех государств-членов ЕАЭС. Евразийская экономическая комиссия рассматривает предложение и принимает решение, а также определяет технические и процедурные этапы введения маркировки нового товара. В случае, если решение не принимается консенсусом, то два и более государства-члены ЕАЭС имеют возможность ввести маркировку на своих территориях в соответствии со своим национальным законодательством исходя из принципов, заложенных в Соглашении. Остальные же государства-члены ЕАЭС могут присоединиться к ним по мере готовности. Согласно Соглашению перечень прослеживаемых товаров утверждается Советом Евразийской экономической комиссии.

Задачами механизма прослеживаемости товаров выступают:

- «создание условий, исключающих использование различных схем уклонения от уплаты таможенных и налоговых платежей;
- подтверждение законности оборота товаров при их перемещении с территории одного государства-члена ЕАЭС на территорию другого государства-члена ЕАЭС;
- обеспечение контроля за операциями, связанными с оборотом прослеживаемых товаров».

В соответствии с Соглашением установлено создание и обеспечение функционирования национальных систем прослеживаемости, в которые включаются сведения о товарах, подлежащих прослеживаемости, и операциях, связанных с оборотом таких товаров.

Заложенные принципы в Соглашении учитывают национальные интересы государств-членов ЕАЭС и включают:

- «создание национальных систем прослеживаемости, где будет аккумулироваться информация о прослеживаемых товарах;
- предоставление информации о прослеживаемых товарах другим государствам-членам ЕАЭС на условиях взаимности (тем государствам-членам ЕАЭС, где созданы системы прослеживаемости, и которые обеспечивают обмен информацией в соответствии с Соглашением);
- прослеживаемости подлежат товары, ввозимые на таможенную территорию государств-членов ЕАЭС и выпущенные для внутреннего потребления» [4].

Следует отметить, что на территории Республики Беларусь в числе первых стран на постсоветском пространстве национальным законодательством введена в 1995 г. маркировка подакцизных товаров акцизными марками и идентификация товаров контрольными знаками в 2004 г., что в условиях перестроечных процессов позволило обеспечить высокий уровень легального ввоза товаров.

В настоящее время в перечень идентификационных товаров включены: масло растительное, разлитое в тару; икра осетровых, консервы рыбные; чай; кофе; мобильные телефоны; вычислительные машины; телевизоры и т.д. [5]. На примере Республики Беларусь маркировка товаров акцизными марками и идентификация товаров контрольными знаками была введена в Армении, Казахстане и других странах Содружества Независимых Государств [6-9]. Введение же в 2016 г. в России системы обязательной маркировки меховых изделий позволило вывести из незаконного оборота значительную часть рынка меховых изделий (количество меховых изделий выросло в 13 раз, реализация в розницу – в семь раз). В 2019 г. Россией введена маркировка сигарет, планируется маркировка духов и туалетной воды, шин, белья, фотокамер, одежды, а к 2024 г. – всех товарных групп [10].

В целях реализации Соглашения в Беларуси механизм прослеживаемости товаров создается на базе товарно-транспортных и товарных накладных в виде электронных документов. Это позволит осуществлять сбор необходимых для прослеживания сведений в рамках обычной хозяйственной деятельности субъекта, на основе первичного учетного документа, подтверждающего факт совершения хозяйственной операции и имеющего юридическую значимость. Особенностью составления электронных товарно-транспортных и товарных накладных является то, что данный документ интегрирован в бизнес-среду и выступает одним из действующих элементов электронного взаимодействия покупателя и продавца товаров. Участники хозяйственных сделок могут создавать и передавать через EDI-систему оператора любые другие документы (контракты, акты сверки, электронные прайс-листы, протоколы согласования цен и др.). Это будет способствовать развитию межгосударственной электронной торговли и межгосударственному взаимодействию в ЕАЭС. В Республике Беларусь EDI-провайдерами по состоянию на 31 мая 2019 г. определены: ООО «Современные технологии торговли», ООО «Электронные документы и накладные», ООО «Информационные производственные архитектуры», РУП «Издательство «Белбланкавыд», РУП «Производственное объединение «Белоруснефть».

С учетом имеющего опыта в отслеживании легальности ввоза товаров нашей республикой предложено внедрить на таможенной территории ЕАЭС совместный пилотный проект по маркировке обувных изделий с унифицированными требованиями к средствам идентификации и механизмом обмена сведениями о маркированном товаре [11]. Введение цифровой маркировки товаров направлено на обеспечение экономической безопасности в ЕАЭС за счет:

- прослеживания промаркированного товара не только при его перемещении, но и на всем жизненном цикле товара;
- повышения конкурентоспособности добросовестных предпринимателей;

- снижения рисков заключения сделок с недобросовестными субъектами рынка;
- усиления взаимодействия бизнеса и государства;
- создания прозрачных инструментов учета и контроля оборота товаров;
- роста поступлений налогов, пошлин, сборов в бюджеты государств-членов ЕАЭС и т.д.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс]: [подписан в г.Астане 29.05.2014] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. реестр правовых актов Республики Беларусь. – Минск, 2019.
2. Об основных направлениях промышленного сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] : Решение Евразийского Межправительственного совета от 8 сентября 2015 года № 9//Электронный фонд правовой и научно-технической информации/. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/420301148/>. – Дата доступа: 15.10.2019.
3. Об утверждении Положения о Международном форуме «Антиконтрафакт» [Электронный ресурс] : Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 22 августа 2017 года №46//Нац.Интернет-портал Республики Беларусь/. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=F91700244>. – Дата доступа: 15.10.2019.
4. Соглашение о механизме прослеживаемости товаров от 29.05.2019 [Электронный ресурс]/.– Режим доступа://<https://www.alta.ru/tamdoc/19bn0037/>.– Дата доступа: 15.10.2019.
5. О некоторых мерах по реализации Указа Президента Республики Беларусь от 10 июня 2011 г. №243: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 29.07.2011 №1030 (в ред. от 30.01.2014 №87, 11.02.2016 №115, 10.03.2017 №192, 15.03.2019 №161) [Электронный ресурс]// КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. реестр правовых актов Республики Беларусь. – Минск, 2019.
6. О введении маркировки ввозимых в Республику Беларусь алкогольных и табачных изделий: Указ Президента Республики Беларусь от 20 марта 1995 г. № 116 [Электронный ресурс]// КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. реестр правовых актов Республики Беларусь. – Минск, 2019.
7. О маркировке товаров контрольными (идентификационными) знаками: Указ Президента Республики Беларусь от 10 июня 2011 г.№243 (в ред. от 28.07.2014 №380, 17.11.2015 №462, 03.06.2016 №188, 31.01.2017 №30, 06.06.2017, №204) [Электронный ресурс]// КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. реестр правовых актов Республики Беларусь. – Минск, 2019.
8. О техническом регулировании: Закон Республики Казахстан от 9 ноября 2004 г. № 603-ІІ (с изм. и доп. на 16.04.2019 г.) [Электронный ресурс]/. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1051485/. – Дата доступа: 10.10.2019.
9. О торговле и услугах: Закон Республики Армения от 21 декабря 2004 г. №3Р-134 [Электронный ресурс]/. – Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=76454/. – Дата доступа: 15.10.2019.
10. Об утверждении Концепции создания и функционирования в Российской Федерации системы маркировки товаров средствами идентификации и прослеживаемости движения товаров: Распоряжение Правительства РФ от 28 дек. 2018 г. № 2963-р [Электронный ресурс]// КонсультантПлюс. Беларусь/ ООО «ЮрСпектр», Нац. реестр правовых актов Республики Беларусь. – Минск, 2019.
11. Беларусь предложила реализовать в ЕАЭС пилотный проект по маркировке обуви [Электронный ресурс]/.– Режим доступа:// www.belta.by/economics/view/belarus-predlozhila-realizovat-v-eaes-pilotnyj-proekt-po-markirovke-obuvi-343334-2019/. –Дата доступа: 17.10.2019.

ВОПРОСЫ МЕР АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ЕАЭС

Л. И. Тарарышкина¹⁾, В. Д. Зайцева²⁾

*1). Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская 20, Минск, Беларусь, tararyshkina@rambler.ru*

*2). Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская 20, Минск, Беларусь, vikysya19091997@gmail.com*

В статье рассмотрены вопросы применения мер административной ответственности за нарушения прав на объекты интеллектуальной собственности на таможенной территории Евразийского экономического союза. В рамках статьи было проанализировано административное законодательство государств-участников ЕАЭС.

Ключевые слова: объекты интеллектуальной собственности; административная ответственность; законодательство; авторское право; промышленные образцы.

ISSUES OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY MEASURES FOR VIOLATION OF IP LAW IN THE EAEU MEMBER STATES

L. I. Tararyshkina¹⁾, V.D. Zaitseva²⁾

*1). Belarusian State University,
st. Leningradskaya 20, Minsk, Belarus, tararyshkina@rambler.ru*

*2). Belarusian State University,
st. Leningradskaya 20, Minsk, Belarus, vikysya19091997@gmail.com
Corresponding author: V.D. Zaitseva (vikysya19091997@gmail.com)*

The article is devoted to the application of measures of administrative responsibility against the violations of intellectual property rights at the customs territory of the Eurasian Economic Union. The article analyzes the administrative legislation of the EAEU member states.

Key words: intellectual property objects; administrative responsibility; legislation; Copyright; industrial designs.

Проблема противодействия незаконному обороту продукции, содержащей объекты интеллектуальной собственности (далее – ОИС), особенно остро видна в тех случаях, когда она тесно связана с проблемой обеспечения национальной безопасности страны, защиты жизни и здоровья населения, внутреннего рынка от проникновения незаконно произведенной продукции. Товары, ввозимые с нарушением прав на ОИС, декларируются по заниженной таможенной стоимости по отношению к стоимости продукции, ввозимой правообладателями или их представителями, что оказывает сильное негативное влияние на развитие национальных экономик.

Закон Республики Беларусь «О таможенном регулировании в Республике Беларусь» № 129-З от 10.01.2014 г. к объектам интеллектуальной собственности относит: товары, содержащие объекты авторского и смежных прав; товарные знаки; знаки обслуживания; наименования мест происхождения товара [1]. Аналогичный перечень ОИС содержится и в Таможенном кодексе ЕАЭС.

Нормативная правовая база, регулирующая действия контролирующих органов в области борьбы с нарушениями прав на ОИС и незаконным оборотом продукции на таможенной территории ЕАЭС менее развита, чем в других странах и интеграционных объединениях. Однако в настоящее время государства-члены

ЕАЭС существенно активизировали совместные усилия по созданию законодательства в области ОИС.

Особенно остро на данный момент стоит проблема противодействия незаконному перемещению товаров, содержащих ОИС. Вопросы мер ответственности в государствах-членах ЕАЭС за нарушение законодательства об ИС разнятся.

Так, к примеру, кроме норм гражданского, административного и уголовного законодательства в области защиты прав на ОИС, в Республике Беларусь такая защита осуществляется в соответствии со следующими правовыми актами – Законом Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах», ПИКоАП, Указом Президента Республики Беларусь от 22 декабря 2018 года №490 «О таможенном регулировании».

В Российской Федерации за совершенное правонарушение в авторско-правовой сфере и интеллектуальной собственности в отношении нарушителя может наступать ответственность трех видов, согласно действующему законодательству: гражданско-правовая, административная, уголовная ответственность. Авторское право в России в настоящее время закреплено в части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (Закон Российской Федерации «Об авторском праве и смежных правах» в последней редакции утратил силу).

Авторское право в Казахстане и Кыргызии регулируется законом Республики Казахстан и Кыргызской Республики «Об авторском праве и смежных правах» соответственно. Административная ответственность за нарушение авторских прав в Кыргызии не предусмотрена КоАП. В Казахстане действует гражданское, административное и уголовное законодательство в области защиты прав на ОИС.

В 2018 году Агентство интеллектуальной собственности Армении разработало новые законопроекты «Об авторском праве и смежных правах», «О патентах», а также «О Промышленном дизайне». Указанные законопроекты представлены заинтересованным органам, а также для опроса мнений проведены общественные обсуждения с соответствующими бенефициарами. Проекты с внесенными поправками в установленные сроки были представлены Правительству Республики Армения. Внесены изменения и дополнения в Закон Республики Армения «О товарных знаках» и в Закон Республики Армения «О государственной пошлине». Соглашение ЕАЭС «По коллективному управлению авторским правом и смежными правами», подписанное в ноябре 2017 года в г.Москве, прошло внутригосударственные процедуры, необходимые для ратификации в Армении в 2018 году, и передано в Национальное собрание Республики Армения. 5 декабря 2018 года в г.Москве был подписан договор ЕАЭС «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров» [2].

Анализ КоАП Армении представляется затруднительным ввиду того, что законодательные акты Армении издаются на государственном армянском языке и отсутствуют в полной бесплатной версии.

Рассмотрим подробнее диспозиции и санкции доступных КоАП в части ответственности за нарушения на ОИС.

Так, статья 9.21 КоАП РБ «Нарушение авторского права, смежных прав и права промышленной собственности» предусматривает следующие виды и размеры ответственности. За присвоение авторства либо принуждение к соавторству, а равно разглашение без согласия автора или заявителя сущности изобретения, полезной модели, промышленного образца или иного объекта права промышленной собственности до официальной публикации сведений о них – предусмотрен штраф в размере от десяти (255 бел руб) до тридцати (765 бел руб) базовых величин, на индивидуального предпринимателя – от двадцати (510 бел

руб) до пятидесяти (1275 бел руб) базовых величин, а на юридическое лицо – от тридцати (765 бел руб) до ста (2550 бел руб) базовых величин.

За хранение с целью распространения контрафактных экземпляров произведений, записанных исполнений, фонограмм, передач организаций эфирного и кабельного вещания – штраф в размере от двадцати (510 бел руб) до сорока (1020 бел руб) базовых величин с конфискацией предмета административного правонарушения независимо от того, в чьей собственности он находится, или без конфискации, на индивидуального предпринимателя – от тридцати (765 бел руб) до семидесяти (1785 бел руб) базовых величин с конфискацией или без конфискации, а на юридическое лицо – от пятидесяти (1275 бел руб) до двухсот (5100 бел руб) базовых величин с конфискацией или без конфискации.

За незаконное распространение или иное незаконное использование объектов авторского права, смежных прав или объектов права промышленной собственности – штраф в размере от тридцати (765 бел руб) до пятидесяти (1275 бел руб) базовых величин с конфискацией или без конфискации, на индивидуального предпринимателя – от пятидесяти (1275 бел руб) до ста (2550 бел руб) базовых величин с конфискацией или без конфискации, а на юридическое лицо – от ста (2550 бел руб) до трехсот (7650 бел руб) базовых величин с конфискацией или без конфискации [7].

Статья 7.12 КоАП Российской Федерации «Нарушение авторских и смежных прав, изобретательских и патентных прав» предусматривает ответственность за ввоз, продажу, сдачу в прокат или иное незаконное использование экземпляров произведений или фонограмм в целях извлечения дохода в случаях, если экземпляры произведений или фонограмм являются контрафактными в соответствии с законодательством Российской Федерации об авторском праве и смежных правах либо на экземплярах произведений или фонограмм указана ложная информация об их изготовителях, о местах их производства, а также об обладателях авторских и смежных прав, а равно иное нарушение авторских и смежных прав в целях извлечения дохода – в виде наложения административного штрафа на граждан в размере от одной тысячи пятисот до двух тысяч рублей (47,76 до 79,61 бел руб) с конфискацией контрафактных экземпляров произведений и фонограмм, а также материалов и оборудования, используемых для их воспроизведения, и иных орудий совершения административного правонарушения; на должностных лиц – от десяти тысяч до двадцати тысяч рублей (318,42 до 636,84 бел руб) с конфискацией; на юридических лиц – от тридцати тысяч до сорока тысяч рублей (955,26 до 1273,68 бел руб) с конфискацией.

Незаконное использование изобретения, полезной модели либо промышленного образца, разглашение без согласия автора или заявителя сущности изобретения, полезной модели либо промышленного образца до официального опубликования сведений о них, присвоение авторства или принуждение к соавторству – влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от одной тысячи пятисот до двух тысяч рублей (47,76 до 63,68 бел руб); на должностных лиц – от десяти тысяч до двадцати тысяч рублей (318,42 до 636,84 бел руб); на юридических лиц – от тридцати тысяч до сорока тысяч рублей (955,26 до 1273,68 бел руб) [4].

КоАП Казахстана предусматривает ответственность по статье 158 «Незаконное использование чужого товарного знака, знака обслуживания, наименования места происхождения товара или фирменного наименования».

Незаконное использование чужого товарного знака, знака обслуживания или наименования места происхождения товара или сходных с ними до степени смешения обозначений для однородных товаров или услуг, а также незаконное использование чужого фирменного наименования, за исключением случаев, свя-

занных с исчерпанием исключительного права на товарный знак, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния, – влекут штраф на физических лиц в размере двадцати (265,2 бел руб), на субъектов малого предпринимательства или некоммерческие организации – в размере тридцати (397,8 бел руб), на субъектов среднего предпринимательства – в размере сорока (530,4 бел руб), на субъектов крупного предпринимательства – в размере восьмидесяти (1 060,8 бел руб) месячных расчетных показателей, с конфискацией товаров, содержащих незаконное изображение товарного знака, знака обслуживания, наименование места происхождения товара или сходных с ними до степени смешения обозначений для однородных товаров или услуг [5].

КоАП Казахстана содержит также весомое примечание, которое заключается в том, что конфискованные контрафактные товары подлежат уничтожению, за исключением случаев, когда введение в оборот таких товаров необходимо в общественных интересах и не нарушает требований законодательства Республики Казахстан о защите прав потребителей (при условии удаления с товара и его упаковки незаконно используемого товарного знака или сходного с ним до степени смешения обозначения).

Таким образом, производя анализ вышеуказанной информации, можно сделать вывод, что субъекты административной ответственности несколько разнятся. В Беларуси наблюдается разделение субъектов на граждан, индивидуальных предпринимателей и юридических лиц. В России добавляется ответственность для должностных лиц. В Казахстане наблюдается разделение юридических лиц на субъектов малого, среднего и крупного предпринимательства, а также на некоммерческие организации. В Республике Беларусь не все части указанной статьи предусматривают конфискацию. Как и в Российской Федерации, в Беларуси конфискация не предусмотрена в отношении незаконного использования изобретений, полезных моделей либо промышленных образцов. КоАП Казахстана предусматривает конфискацию в отношении всех ОИС, указанных в соответствующей статье. При этом сами ОИС в государствах-членах ЕАЭС несколько отличаются. В КоАП Казахстана не содержится упоминания полезных моделей либо промышленных образцов и ответственности за их незаконное использование. КоАП России и Беларуси в качестве объектов включают также экземпляры произведений или фонограмм, в отличие от КоАП Казахстана.

Наибольшая ответственность для граждан предусмотрена в Беларуси и составляет 1275 бел руб., наименьшая – в России 47,76 бел руб. Для юридических лиц – наибольшая ответственность также в Беларуси 7650 бел руб, наименьшая – в Казахстане 397,8 бел руб в эквиваленте. Данный факт связан с разделением субъектов предпринимательства на три категории, описанные выше.

Как показывает анализ вышеприведенных данных, наиболее оперативное и действенное пресечение нарушений интеллектуальной собственности, не нанесших значительного ущерба правообладателю, достигается путем привлечения нарушителей к административной ответственности. Вместе с тем, административная ответственность за нарушение прав на объекты интеллектуальной собственности не предусмотрена в законодательстве Республики Армения и (за исключением незаконного использования средств индивидуализации) и в Республике Кыргызия.

Таким образом, преимущества применения административных санкций заключаются в простоте и скорости их реализации. Данный факт позволяет оперативно реагировать на нарушения в целях пресечения торговли контрафактной продукцией.

Вследствие наличия в законодательствах государств-членов ЕАЭС различий в административных санкциях в отношении нарушений в сфере интеллектуаль-

ной собственности, которые варьируются в зависимости от вида объектов интеллектуальной собственности, эффективность работы правоохранительных и административных органов государств-членов ЕАЭС, а также состояние законности требует улучшения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. О таможенном регулировании в Республике Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 10.01.2014, №129-3 [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11400129&p1=1>. – Дата доступа: 14.04.2019.

2. Министерство экономики Республики Армения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.aira.am/ru/control-marks/>. – Дата доступа: 16.10.2019.

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: 21.04.2003 г. №194-.: в ред. Закона Республики Беларусь от 17.07.2019 г. // Право.бай. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk0300194>. – Дата доступа: 15.10.2019.

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: 30.12.2001 г. № 195-ФЗ.: в ред. Закона Российской Федерации от 01.05.2019 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2019. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/38ae39c9c4f9501e2c080d13ff20587d2b8f5837/ – Дата доступа: 15.10.2019.

5. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: 5 июля 2014 г. № 235-V.: в ред. Закона Респ. Казахстан от 15 мая 2019 г. // Законодательство Республики Казахстан. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31577399&doc_id2=31577399#pos=211;-152&pos2=2534;-134. – Дата доступа: 17.10.2019.

6. Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 8 мая 2015 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/. – Дата доступа: 10.04.2019.

7. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза. – Москва: проспект, 2018. – 512 с.

СЕКЦИЯ 11

АРАБСКИЙ МИР

К ВОПРОСУ О ТЕРМИНЕ «БОЛЬШОЙ БЛИЖНИЙ ВОСТОК»

Саллум Ферас Садык

В статье поднимаются вопросы терминологии и дефиниции. Рассматривается такое понятие, как «Большой Ближний Восток», дается его анализ.

Ключевые слова: терминология; Ближний Восток; США.

Терминология, предложенная Америкой в начале XXI века для таких проектов как «Большой Ближний Восток» в 2003 году, вызвала множество противоречивых мнений. С одной стороны, Администрация США заявила, что целью данного проекта «Большой Ближний Восток» является модернизация политических систем и обществ региона, а также сдерживание зла радикальных исламистов. С другой - в арабских источниках подавляющее большинство исследователей критиковали эти проекты, с их точки зрения они стремятся реструктурировать систему на Ближнем Востоке во всех ее политических, экономических, социальных, культурных и образовательных компонентах для достижения целей Запада в целом, и интересов Израиля в частности.

Писатель А. Мохадми считает, что продвижение нового ближневосточного проекта позволяет:

- реструктуризировать арабскую региональную систему, чтобы обеспечить вступление Израиля в новую систему;
- аннулировать национальную идентичность региональной системы;
- обеспечить жизненно важное пространство для израильской экономики, открыв арабский рынок для израильского экспорта и создавая связи с экономическими ресурсами в арабских странах посредством совместных проектов, которые гарантировали бы рост израильской экономики [1, с. 31].

После событий 11 сентября, с точки зрения арабских писателей, круги крайне правых американцев воспользовались этими атаками. Администрация Буша использовала свои аргументы для оправдания агрессии против Ирака обвиняя Саддама Хусейна в том, что он был сообщником Усамы бен Ладена и владел оружием массового уничтожения. В дополнение к этому американский Президент рассматривал Ближний Восток как регион огромных потрясений в мире и источник проблем, которые угрожали в том числе национальной безопасности США.

Америка готовилась свергнуть Саддама Хусейна и обещала превратить Ирак в образец для подражания демократии на Ближнем Востоке. Это отразилось в декабре 2002 года, когда Колин Пауэлл объявил об инициативе партнерства на Ближнем Востоке с целью создания долгосрочных перспектив для реформ [4]. В том же году Элизабет Чейни была назначена заместителем помощника госсекретаря по делам Ближнего Востока, и ей было поручено наблюдать за инициативой партнерства на Ближнем Востоке [4].

Эта инициатива, которая проложила бы путь к реализации проекта «Большой Ближний Восток» от Западной Сахары до Балийской провинции Пакистана, основана на экономических задачах, направленных на повышение качества, стимулирование инвестиций и создание институтов. Кроме того, в ней основное внимание уделялось политическим целям, которые будут способствовать развитию гражданского общества, укреплению верховенства закона, плюрализму

средств массовой информации, также образовательным целям для обеспечения образования всем, включая женщин, улучшению школьных программ, подготовке кадров для торговых и рыночных функций [4].

В ноябре 2003 г., чтобы придать импульс проекту, Буш выступил с речью в Национальном комитете по демократии, подчеркнув необходимость распространения демократии в арабском мире для проведения реформ. С целью реализации этого проекта были выделены средства на создание региональных отделений в Америке для поддержки реформ во всех областях, например, в 2003 году было выделено 129 млн. долларов США, а затем в 2004 году - 100 млн. долларов США [5].

Вслед за Бушем, относительно необходимости реформ в арабском мире, выступил вице-президент США Дик Чейни с проектом реформы на Ближнем Востоке на форуме в Давосе в феврале 2004 года. Содержание проекта, которое было основано на докладах Организации Объединенных Наций о развитии человека в арабских странах за 2002-2003 г. В них выявлены основные недостатки, от которых пострадали арабские страны. По докладом отсутствие свободы, знаний, и расширение прав и возможностей женщин являются основными причинами размножения экстремизма и терроризма [6; 7].

После распространения американского проекта реакция арабов была неоднозначна - возникло два мнения. Первое мнение поддерживали Египет, Судан, Саудовская Аравия и Сирия, которые не одобряли данный проект и заявляли, что не позволят ни одной стране вмешиваться в дела региона. Эти государства считали, что американский проект игнорировал некоторые пункты докладов Организации Объединенных Наций о развитии человека в арабских странах, а именно то, что арабо-израильский конфликт и существование Израиля являются препятствием и главной причиной неудач большинства реформ и усилий в области развития. В то время как инициатива США предусматривала, что примирение с Израилем и установление нормальных отношений с ним в рамках так называемого проекта «Большой Ближний Восток» приведет к реформе на Ближнем Востоке [2, с. 115]. Что касается второго мнения, то некоторые другие арабские страны, в том числе ОАЭ, Бахрейн и Катар призвали внимательно изучить эту инициативу и прочитать ее подробно, чтобы выяснить ее преимущества, прежде чем отклонить ее [2, с. 115].

Что касается позиции европейских стран, то Франция раскритиковала инициативу США за непризнание сути арабо-израильского конфликта, игнорирование особенностей и различий между народами региона и за несогласованность действий с арабскими правительствами [2, с. 118].

Так в марте 2004 г., Франция и Германия запустили проект реформы, дополняющий американский проект, сосредоточив внимание на диалоге и консультациях с правительствами и организациями гражданского общества региона с учетом национальных чувств, идентичности и особенности каждой страны. Кроме того, было объявлено, что урегулирование арабо-израильского конфликта является стратегическим приоритетом для европейских стран с акцентом на то, что конфликты не должны быть препятствием для реформы [2, с. 120].

В июне 2004 года в американском штате Джорджия открылся саммит G8, в ходе которого текст ближневосточного проекта был представлен как видение будущего региона. Проект «Большой Ближний Восток» состоял из введения и трех глав. В него вошли статистические данные о современной арабской реальности. Наиболее важными из них являются:

- общий ВВП всех стран Лиги арабских государств ниже, чем в Испании;
- 40% арабов неграмотны, и женщины составляют треть этого числа;
- ожидается, что в регионе будет около 25 миллионов безработных к 2010 году;
- треть арабов живет менее чем на 2 доллара в день;

- 1,6% населения региона пользуются Интернетом;
- только 3,5% арабских парламентских мест занимают женщины;
- 15% молодых людей выразили желание эмигрировать;
- общее количество произведенных арабами книг составляет 1,1% от общего мирового производства, в то время как религиозные книги составляют 15% [3].

Упомянув о недостатках в докладах ООН о человеческом развитии за 2002-2003 гг., были поставлены три задачи для решения этих проблем. Первым было продвижение демократии с помощью борьбы с коррупцией, продвижения свободы и прозрачности, создания институтов по обучению женщин участию в политической и гражданской жизни, и проведения внутренней реформы через организации гражданского общества, в том числе правозащитные НПО (неправительственные организации).

Для реализации второй задачи требовалось создание знающего общества, которое основано на трех инициативах: базовое образование, онлайн-образование и бизнес-образование.

Третья задача заключалась в расширении экономических возможностей путем укрепления частного сектора, создания Банка развития на Ближнем Востоке и поощрения арабских стран к вступлению в ВТО [3].

С некоторыми поправками европейских стран, таких как: реформы должны проводиться изнутри и не могут быть навязаны извне, подчеркивание необходимости решения арабо-израильского конфликта и других региональных проблем, был принят проект США по реформированию Ближнего Востока под названием «Партнерство во имя прогресса и общее будущее с расширенным Ближним Востоком и Северной Африкой».

В заключение нельзя не согласиться с докладами Организации Объединенных Наций за 2002 и 2003 годы, в которых освещаются основные проблемы и отсутствие прогресса в регионе, за исключением Израиля. Тем не менее, автор сомневается в том, что Соединенные Штаты Америки намерены добиваться мира и развития в регионе, т.к. целью США никогда не было и не будет создание процветающего и единого Ближнего Востока.

Список литературы

1. Мохадми, А. Машруа аль-шарек аль-аусат аль-кабир (Проект «Большой Ближний Восток») / А. Мохадми. - Алжир: Арабский Дом Науки, 2005. - 241 с.
2. Хуссейн, Г. Аль-шарек аль-аусат аль-кабир (Большой Ближний Восток) / Г. Хусейн. - Дамаск: Союз арабских писателей, 2005. - 173 с.
3. Greater Middle East Partnership // al-bab.com [Electronic resource]. – Mode of access: <https://al-bab.com/documents-section/greater-middle-east-partnership>. - Date of access: 01. 09. 2019.
4. Middle East Partnership Initiative // Wikipedia [Electronic resource]. – Mode of access: https://en.wikipedia.org/wiki/Middle_East_Partnership_Initiative. - Date of access: 01.10. 2019.
5. Remarks by President George W. Bush at the 20th anniversary of the national endowment for democracy // national endowment for democracy // [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.ned.org/remarks-by-president-george-w-bush-at-the-20th-anniversary/>. - Date of access: 02. 10. 2019.
6. The Human Development Report 2002 // United Nations Organization [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.un.org/ar/esa/ahdr/pdf/ahdr02/AHDR_2002_Complete.pdf. - Date of access: 30-08-2019.
7. The Human Development Report 2003 // United Nations Organization [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.un.org/ar/esa/hdr/pdf/hdr03/HDR_2003_Complete.pdf. - Date of access: 01. 09. 2019.

КОНКУРЕНТНЫЕ ПОЗИЦИИ АРАБСКИХ СТРАН НА МИРОВОМ РЫНКЕ ТУРИЗМА

П.О. Сороко

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4 Минск, Республика Беларусь, 220030
soroko.p.o@mail.ru*

В статье рассмотрены вопросы развития международного туризма в Арабском регионе, включающем 14 стран Ближнего Востока и 4 страны Северной Африки. На основании индекса конкурентоспособности стран для путешествий и туризма (ТТСИ) проанализированы конкурентные позиции арабских стран на международном рынке туризма. Выявлены сильные и слабые стороны Египта, Объединенных Арабских Эмиратов и Саудовской Аравии, как туристических дестинаций. Представлены направления для усиления конкурентных позиций региона и возвращения доверия к нему со стороны мирового туристического рынка.

Ключевые слова: арабские страны; Арабский регион; туризм; конкурентные преимущества; индекс конкурентоспособности.

COMPETITIVE POSITIONS OF ARAB COUNTRIES IN THE WORLD TOURISM MARKET

P.O. Soroko

Belarusian state University, Independence Ave., 4 Minsk, Belarus, 220030

The article deals with the development of international tourism in the Arab region, which includes 14 countries of the Middle East and 4 countries of North Africa. Based on the travel and tourism competitiveness index (TTCI), the competitive positions of Arab countries in the international tourism market are analyzed. The strengths and weaknesses of Egypt, the United Arab Emirates and Saudi Arabia as tourist destinations are revealed. The directions for strengthening of competitive positions of the region and return of trust to it from the world tourist market are presented.

Keywords: Arab countries; Arab region; tourism; competitive advantages; competitiveness index.

В состав Арабского региона входит 18 государств Ближнего Востока и Северной Африки с населением около 400 млн человек и совокупным внутренним валовым продуктом (ВВП) 2,4 трлн долл. США (2017 г.), что составляет 3 % от общемирового объема ВВП [1].

Международный въездной туризм рассматривается большинством правительств стран Арабского региона как одно из наиболее перспективных направлений экономического развития. Многоотраслевая сфера туристических услуг вносит существенный вклад в наполнение ВВП арабских стран, в решение актуальной проблемы обеспечения занятости населения, способствует более устойчивому развитию экономики. В 2018 г. удельный вес сектора туризма арабских стран в их совокупном ВВП составил 3,9 %, а доля работников индустрии туризма в общей численности занятых в экономике региона была равна 4 % [1].

Для многих стран региона доходы от международного туризма являются важным источником иностранной валюты, жизненно необходимой для сокращения отрицательных сальдо внешнеторговых оборотов. В нефтедобывающих странах Персидского залива индустрия туризма выступает в качестве одного из важнейших средств диверсификации экономики.

Очевидными конкурентными преимуществами стран Арабского региона на международном рынке туризма являются, прежде всего, следующие факторы:

- центральное положение на стыке трех частей света: Азии, Африки и Европы;
- географическая близость к Европейскому туристическому региону, генерирующему значительную долю туристов для многих арабских стран;
- выход всех без исключения стран к теплым морям: расположенному в субтропиках Средиземному морю, в тропических широтах – Красному морю, Персидскому заливу, а также тропическим побережьям Атлантики и Индийского океана;
- теплый и сухой климат, обуславливающий продолжительный купальный сезон, составляет от 5-ти до 12-ти месяцев в году;
- богатое историко-культурное наследие финикийцев, шумеров, ассирийцев, Древнего Египта, Вавилона, Арабского Халифата и других цивилизаций;
- сравнительно невысокая стоимость отдыха на курортах и путешествия по странам региона;

В соответствии с данными Всемирной туристической организации в странах Ближнего Востока и Северной Африки в 2018 г. было зарегистрировано 87 млн прибытий иностранных туристов, что составило 6 % от соответствующего показателя международных поездок в мире. Общий доход региона от международного туризма в 2017 г. был равен 77 млрд долл. США и составлял около 6 % общемирового показателя [1].

Между странами региона имеют место существенные отличия, как в уровне развития туристической индустрии, так и в объемах потоков прибывающих иностранных туристов. Лидерами регионального туризма по числу иностранных гостей являются Египет, Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты, Тунис и Марокко.

Основу туристического предложения (продукта) Арабского региона на международном рынке обеспечивают приморский, культурно-познавательный, религиозный и деловой туризм. В качестве перспективных направлений в регионе рассматриваются спортивный событийный, медицинский, образовательный и круизный виды туризма, а также сафари-туры по пустыням.

На фоне других туристических регионов мира Арабский регион в 2010-ые гг. отличается как наибольшими амплитудами колебаний потока иностранных туристов, так и самыми низкими темпами его прироста. Так, в период 2010-2017 гг. среднегодовой прирост прибытий зарубежных гостей в арабские страны составил всего 0,8 % и был в шесть раз ниже среднего мирового показателя. Это свидетельствует о серьезном ослаблении их конкурентных позиций на мировом рынке. В то же время в последние два года наметилась тенденция ускоренного роста международного туризма в Арабском регионе, о чем свидетельствует увеличение числа прибытий иностранных гостей на 7 % в 2017 г. и на 10 % в 2018 г. [1].

Главным фактором, значительно снижающим привлекательность арабских стран и удерживающим потенциальных туристов от посещения арабских стран, является политическая нестабильность. Массовые политические акции последнего десятилетия, гражданские войны и атаки террористов в туристических центрах значительно повлияли на имидж региона в целом, снизили его привлекательность на международном рынке и существенно снизили приток туристов из-за рубежа. Кроме этого многих потенциальных туристов сдерживают от посещения более консервативных стран региона существующие здесь ограничения, включая, прежде всего, запреты на употребление алкогольных напитков, фото-

графирование ряда объектов, посещение мечетей, а также соблюдение соответствующего дресс-кода.

В рейтинге (индексе) конкурентоспособности в сфере путешествий и туризма (ТТСИ), ежегодно составляемым Всемирным экономическим форумом и включающем около 140 государств мира, арабские страны в 2018 г. занимали места с 33-го по 140-е. В нем не оказалось политически нестабильных Сирии, Ливии и Ирака, а охваченный военными конфликтами Йемен занял в нем последнее 140-е место [2]. Сравнительный анализ данных Всемирного экономического форума за последние десять лет показывает, что за этот период улучшили свое положение в рейтинге конкурентоспособности лишь Объединенные Арабские Эмираты, Саудовская Аравия и Оман. В то же время большинство стран региона, включая Бахрейн, Катар, Кувейт, Иорданию, Тунис и Алжир, значительно ухудшили свои конкурентные позиции.

Наиболее высокие баллы в индексе ТТСИ арабские страны, кроме государств Персидского залива, получили по критериям ценовой конкурентоспособности и поддержки туристического сектора со стороны правительства. Низкие баллами оценена привлекательность их природных ресурсов, безопасность ведения бизнеса, международная открытость и качество трудовых ресурсов.

На лидирующей позиции в рейтинге ТТСИ среди стран региона оказались Объединенные Арабские Эмираты. В 2018 г. ОАЭ заняли первое место по следующим критериям: эффективность туристического маркетинга и брендинга, устойчивость и качество туристической индустрии, а также состояние автомобильных дорог. Страна оказалась среди мировых лидеров по критерию, безопасности (2-ое место), состоянию инфраструктуры воздушного транспорта (3-е место), привлекательности среды для ведения бизнеса (5-ое место) и уровню развития информационно-коммуникационных технологий (7-ое место). В то же время она значительно уступала большинству стран мира по критерию участия женщин в общественном производстве (121-е место), стоимости проживания в отелях (88-е место) и природным ресурсам (91-е место) [3].

За последние два десятилетия туризм в Объединенных Арабских Эмиратах достиг больших успехов. Общий вклад сектора туризма и путешествий в формирование ВВП в 2016 г. составил 12,1 %, в сферу занятости – 10,4 % [4]. В 2018 году ОАЭ, посетили 15,3 млн иностранных туристов, а доходы от них составили 21 млрд долл. [1].

На фоне семи эмиратов ОАЭ мощной туристкой инфраструктурой и большим числом туристов выделяются Дубай и Абу-Даби. В 2018 г. Дубай занял 4-е место среди наиболее посещаемых городов мира вслед за Бангкоком, Парижем и Лондоном, приняв 15,9 млн иностранных гостей [5]. Крупные аэропорты Дубая и Абу-Даби обслуживают десятки миллионов транзитных туристов, путешествующих между Европой, Азией, Австралией и Африкой. Иностранные гости прибывают в Эмираты главным образом в целях бизнеса, шопинга, отдыха и развлечений.

В группу стран, занявших в рейтинге конкурентоспособности в сфере путешествий и туризма в 2019 г. места с 51-го по 66-е, вошли Катар, Оман, Египет, Бахрейн, Саудовская Аравия и Марокко. Египет занял в рейтинге в нем 65-е место, улучшив свое положение по сравнению с предыдущим годом на девять позиций. Это свидетельствует о том, что страна находится на пути к восстановлению утраченных в результате политической нестабильности позиций на мировом рынке. Сильными сторонами Египта, как привлекательной туристической дестинации являются, прежде всего, его ценовая конкурентоспособность, богатый и уникальный историко-культурный потенциал и поддержка туристического сектора со стороны правительства.

В 2010 году Египет посетили 14 млн иностранных туристов, обеспечивших сумму поступлений в размере 13 млрд долл. США. Катастрофа российского самолета над Синайским полуостровом в результате террористического акта в 2015 г., привела к приостановке авиарейсов на египетские курорты из ключевых зарубежных аэропортов. В результате в 2016 г. число международных прибытий в стране сократилось до 9,1 млн, а объем валютных поступления упал до 2,8 млрд долл. В последние годы наметилась тенденция роста потока иностранных гостей в стране. Так, в 2018 г. Египет принял 11,3 млн иностранных туристов, которые принесли ему доход в 11,6 млрд долл. [1].

Примерно половину туристского потока из-за рубежа в Египет обеспечивают три страны: Россия, Германия и Великобритания. Главной причиной посещения страны большинством европейских туристов является отдых на курортах Красного моря, которое является уникальным тропическим водоемом и располагает рядом неоспоримых преимуществ на рынке международного туризма перед другими морями, включая

- расположение его на сравнительно небольшом удалении от европейских стран;

- комфортная для купания температура воды в течение всего года;

- большая прозрачность, чистота и соленость воды;

- богатый подводный мир рыб и кораллов;

В качестве привлекательного туристического продукта, дополняющего отдых на приморских курортах Египта, выступают экскурсии в Каир, Гизу, Луксор, Абу-Симбел и другие центры культурного туризма.

В своем стремлении повысить привлекательность страны на международном рынке и увеличить поток иностранных гостей, правительство Египта постепенно включает в орбиту туризма все новые объекты, виды туризма и новые территории.

На 69-ой позиции в индексе ТТСИ находится Саудовская Аравия. Наиболее высокие баллы в рейтинге эта страна получила за привлекательность среды для ведения бизнеса, высокий уровень развития информационно-коммуникационных технологий и инфраструктуры воздушного транспорта, а также за ценовую конкурентоспособность. Слабыми сторонами королевства, как туристической дестинации, являются такие факторы, как доступность для иностранных туристов, экологическая устойчивость и природное разнообразие.

В 2018 г. Саудовская Аравия приняла 20 млн иностранных гостей, увеличив их число за один год на 5 млн и заняв первое место в рейтинге наиболее посещаемых арабских стран [1]. В качестве основных генераторов туристов для королевства являются страны Ближнего Востока и Северной Африки с преимущественно мусульманским населением. В качестве главных мотивов для посещения Королевства выступают паломничество, бизнес, а также посещение родственников и друзей. Ежегодно около 20 млн паломников из Саудовской Аравии и зарубежных стран посещают мусульманские святыни в Мекке и Медине.

С целью диверсификации экономики страны и снижения ее зависимости от экспорта нефти власти Королевства планируют развивать приморский туризм и с этой целью создать крупную курортную зону для состоятельных международных туристов на берегу Красного моря.

Проведенное исследование позволяет сделать выводы о том, что индустрия туризма выступает в качестве важного сектора экономики для одних стран Арабского региона и перспективного направления для других. Основными конкурентными преимуществами региона на мировом рынке туризма являются его географическое положение, теплый и сухой климат, богатый историко-

культурный потенциал, сравнительно невысокая стоимость туристического продукта, а также поддержка туристического сектора со стороны властей.

Для восстановления прежних более высоких конкурентных позиций на мировом рынке туризма странам Арабского региона необходимо, прежде всего, значительно укрепить его имидж и вернуть доверие иностранных туристов.

Усилению конкурентных позиции арабских стран на мировом рынке туризма призваны способствовать следующие мероприятия:

- достижение политической стабильности;
- обеспечение соответствующего уровня безопасности для иностранных гостей;
- значительная либерализация визовой политики;
- ослабление или снятие ряда ограничений для путешествующих по арабским странам иностранных туристов;
- диверсификация туристического продукта;
- использование в индустрии туризма современных технологий;
- повышение эффективности менеджмента и квалификации обслуживающего персонала;
- ускоренное развитие гостиничного сектора;
- разработка и реализация долговременных стратегий по продвижению стран региона на ключевых целевых рынках.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Tourism in the MENA region. March 2019 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.e-unwto.org/doi/pdf/10.18111/9789284420896>

2. The Travel & Tourism Competitiveness Report 2019. Travel and Tourism at a Tipping Point [Electronic resource]. – Mode of access: http://www3.weforum.org/docs/WEF_TTCR_2019.pdf

3. The Travel & Tourism Competitiveness Report 2017 Paving the way for a more sustainable and inclusive future [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.sela.org/media/2756841/the-travel-and-tourism-competitiveness-report-2017.pdf>

4. Tourism key for economic growth and diversification in the MENA region [Electronic resource]. – Mode of access: <https://media.unwto.org/press-release/2017-04-25/tourism-key-economic-growth-and-diversification-mena-region>

5. Bangkok is the most visited city in the world...again [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.forbes.com/sites/alexandratalty/2019/09/04/bangkok-is-the-most-visited-city-in-the-world-again/#d6a01295f1bb>

Круглый стол

Люблинская уния

РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ В БЕЛОРУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 1920 – 30-х гг.

А. Н. Вабищевич

*Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина,
бульвар Космонавтов, 21, 224016, г. Брест, Беларусь, vabischev@rambler.ru*

В статье выявлены главные концептуальные положения белорусской исторической мысли периода между Первой и Второй мировыми войнами, которые касаются истории Речи Посполитой. По своему характеру белорусская историография тогда была национально-демократической и национально-романтической. Позиция белорусских историков, писателей, общественных деятелей была изложена в научно-популярной, учебной, публицистической литературе в советской Беларуси (до конца 1920-х годов), Западной Беларуси в составе Польши, в среде белорусской эмиграции в Литве, Чехословакии и других странах. Великое княжество Литовское признавалось полиэтническим (белорусско-литовским) государством, только часть радикальных белорусских авторов считала ВКЛ исключительно белорусским государством. XVI столетие пропагандировалось как «золотой век» в истории Беларуси. Люблинская уния 1569 г. и Брестская церковная уния 1596 г. оценивались негативно, т.к. они способствовали упадку государственности ВКЛ. Отрицательно были оценены и разделы Речи Посполитой в конце XVIII в. С конца 1920-х годов в советской Беларуси произошли кардинальные изменения в исторической науке. Речь Посполитая рассматривалась как государство, которое было чужим и враждебным для белорусского народа.

Ключевые слова: Речь Посполитая, Великое княжество Литовское, история белорусской государственности, колонизация.

RZECZPOSPOLITA IN BELARUSIAN HISTORIOGRAPHY 1920 – 30-ies

Vabishchevich A.N.

Brest State A.S. Pushkin University" 21, Kosmonavtov Boulevard, 224016 Brest, Belarus

The article identifies the main conceptual provisions of the Belarusian historical thought of the period between the First and Second World Wars, which relate to the history of Rzeczpospolita. By its nature, Belarusian historiography was then national democratic and national romantic. The position of Belarusian historians, writers, public figures was set forth in popular science, educational, journalistic literature in Soviet Belarus (until the end of the 1920s), Western Belarus as part of Poland, among Belarusian emigrants in Lithuania, Czechoslovakia and other countries. The Grand Duchy of Lithuania was recognized as a multi-ethnic (Belarusian-Lithuanian) state, only a part of the radical Belarusian authors considered the GDL to be exclusively a Belarusian state. The 16th century was promoted as the “golden age” in the history of Belarus. The Union of Lublin in 1569 and the Church of Brest Union in 1596 were evaluated negatively, as they contributed to the decline of statehood on. Divide of Rzeczpospolita at the end of the 18th century were also negatively evaluated. Since the end of the 1920s, Soviet Belarus underwent dramatic changes in historical science. Rzeczpospolita was regarded as a state that was alien and hostile to the Belarusian people.

Keywords: Rzeczpospolita, Grand Duchy of Lithuania, history of Belarusian statehood, colonization.

Самостоятельная белорусская историческая мысль начала формироваться на рубеже XIX и XX вв. В «Краткой истории Беларуси» (Вильно, 1910) В. Ластовский концептуально обобщил имеющийся фактологический материал о прошлом

белорусского народа уже с позиции национальной историографии. ВКЛ называл литовско-русинским государством. По словам В. Ластовского, со времени правления Казимира Ягеллончика «отдельная история Беларуси прекращается, эти земли начинают жить совместно, прежде всего Литва и Русь, а с 1569 г. и Польша» [1, с. 30]. Как и в русской историографии XIX и начала XX вв., у него Люблинская уния 1569 г. получила отрицательную оценку: ВКЛ «умирает политически». И это несмотря на то, что в соответствии с положениями Статута ВКЛ 1588 г. польские магнаты, шляхта не имели права приобрести землю и получить должности в ВКЛ. В. Ластовский считал Брестскую церковную унию 1596 г. «большой ошибкой», она разделила духовенство на враждующие стороны. «Оскорбление национальных чувств ... привело к набегам казаков, а с ними медленно и к развалу Речи Посполитой» [1, с. 70–71]. К концу XVIII в. образование полностью перешло в руки духовенства, находилось на низком уровне и упор делался на религию. «В таких условиях развитие людей ... пришло в упадок, как поляков, так и белорусов» [1, с. 87–88].

Тогда с национальной позиции рассматривали историю и классики белорусской литературы. Я. Купала отмечал, что «Беларусь жила своей независимой жизнью, имела своих князей, свои вече» [2, с. 36]. Позже Беларусь попала под власть Литвы, но при этом белорусский язык стал языком «литовских законов». Согласно народному поэту, белорусский народ не потерял своей государственности. Он назвал ВКЛ «Литовско-Белорусским княжеством». Упадок белорусских земель связывал с униями ВКЛ и Польши, когда аристократия «ради благосклонности польского правительства» принимала польский язык и культуру [2, с. 37].

В. Игнатовский в своей работе «Краткий очерк истории Беларуси» (Минск 1919), которая стала фактически настольной книгой в советской Беларуси в 1920-е гг., также признавал ВКЛ «Литовско-белорусским государством». Предполагал, что это государство создавалось не столько в ходе военных походов, сколько в результате договоренностей и соглашений. Среди 5-ти выделенных им периодов в истории Беларуси были литовско-белорусский (XIII – первая половина XVI в.), в составе ВКЛ, и польский (вторая половина XVI – XVIII вв.), в Речи Посполитой. В. Игнатовский указывал на политику веротерпимости в ВКЛ, хотя православные там имели меньшую правовую защиту по сравнению с католиками.

В работе В. Игнатовского Люблинская уния 1569 г. также оценивалась негативно, поскольку Литва и Беларусь были включены в состав Польши и утратили политическую и культурную независимость. Польский язык, культура, общественно-политическая система и католическая вера получили доминирующее положение в Речи Посполитой. Согласно В. Игнатовскому, Речь Посполитая была не федеративным, а фактически унитарным государством. «После Люблинской унии Литва и Беларусь сливаются с Польшей в одно целое, в один государственный организм» [3, с. 114]. Политическое и общественное устройство Речи Посполитой он оценивал следующим образом. «Несмотря на существование монархии, Польша была республикой, а не монархическим королевством. ... Низшие слои государства не имели никаких политических прав ... Речь Посполитая была шляхетской республикой без каких либо признаков демократии» [3, с. 129].

По словам В. Игнатовского, Люблинская уния 1569 г. открыла путь для польского влияния. «Теперь в этом деле не было никаких препятствий». Польша упразднила первоначальную политическую систему ВКЛ и стремилась уничтожить культуру и национальное достоинство. Утверждал, что с конца XVII в. в Беларуси и Литве началось господство польского языка как

государственного, а вместе с ним и польской культуры, общественно-политической системы, католичества. И это признавал за серьезный недостаток Люблинской унии, что отразилось на последующем сосуществовании Польской Короны и ВКЛ [3, с. 115].

Брестскую церковную унию В. Игнатовский называл продолжением Люблинской унии. Считал, что она не привела к согласию и повлекла за собой религиозные конфликты, борьбу. Эти унии он рассматривал в качестве актов по включению Беларуси в польское государство. При этом отмечал, что ещё долгое время сохранялась независимость ВКЛ, к чему был приспособлен его Статут 1588 г. [3, с. 135].

В. Игнатовским дана оценка и положению различных сословий в ВКЛ и Речи Посполитой. «Шляхта чувствовала себя очень хорошо в Польше ... Наряду с ограничением политической независимости после Люблинской унии ускорилось развитие привилегий для шляхты» [3, с. 131, 136]. Польские обычаи и язык стали идеальными для белорусской шляхты. Положение крестьянина «стало хуже», потому что «резко усилилось социальное угнетение крестьян со стороны шляхты» [3, с. 136]. «Полная зависимость от пана, безнадежная нищета и несчастье угнетаемого крестьянина сделали его врагом общественного порядка ... Как и в Польше, крестьянин не мог найти никакой защиты от помещика» [3, с. 137].

Согласно В. Игнатовскому, в середине XVIII в. Речь Посполитая находилась в состоянии полного упадка [3, с. 159]. При этом считал положительным историческим событием Конституцию 3 мая 1791 г., что была создана под влиянием Великой французской буржуазной революции. Руководителей восстания 1794 г. называл патриотами, в т.ч. Т. Костюшко, «сына мелкого шляхтича в Беларуси» [3, с. 162–163].

Подводя итог нахождения белорусских земель в составе Речи Посполитой, В. Игнатовский отмечал, что в общественной жизни от Польши заимствовано влияние «панов», в религии – католическое влияние. Культурные и религиозные влияния распространялись только на высшие слои общества. «Низшие слои (крестьяне) получили от Польши неволю, но сохранили свой белорусский язык и народность. Пан, католик и поляк – с одной стороны, крестьянин – с другой, стали синонимами в его голове» [3, с. 140–141].

В. Пичета в своей работе «История Литовского государства до Люблинской унии» (Вильно, 1921) ВКЛ называл «Литовско-русским государством». Однозначно утверждал, что «уния имела больше негативных последствий, это было начало упадка Речи Посполитой» [4, с. 180]. Из-за притеснений в Речи Посполитой произошел ряд восстаний, которые имели характер социального протеста.

В другой работе – «История белорусского народа» (М., 1918–1920) – В. Пичета также негативно оценивал и Люблинскую, и Брестскую унии. «До Люблинской унии 1569 г. католическая церковь не была особенно агрессивной к православию» [4, с. 59]. Шляхта ВКЛ, в большинстве случаев ополченная, энергично поддерживало католическую и униатскую церкви. Противниками унии выступали только мелкая шляхта, православное духовенство и мещанство. Среди различных проблем из истории Речи Посполитой был поднят вопрос о тяжелом положении крестьянства.

М. Довнар-Запольский рассматривал Люблинскую и Брестскую унии как негативные факторы в белорусской истории, которые способствовали религиозной нетерпимости. Также он негативно высказывался о включении белорусских земель в состав Российской империи после разделов Речи Посполитой. По его мнению, российская «боярская олигархия» и «аристократическая шляхетская республика» были «злом» в истории Беларуси и отрицательно по-

вливали на белорусов [5, с. 320].

В целом, с конца 1920-х гг. в БССР исследования в контексте белорусской исторической концепции прекратились на несколько десятилетий. В качестве основной была взята марксистско-сталинская методология.

Однако исторические исследования в межвоенное время проводили также за пределами советской Беларуси. В. Ластовский в своих статьях в журнале «Кривич» (Каунас, 1923–1927) развивал свою «кривичскую» теорию. Брестская уния 1596 г. представлена им в истории ВКЛ как национально-культурный феномен.

В Западной Беларуси среди прочих общественно-культурных объединений изучением и популяризацией исторических знаний занималось Белорусское научное товарищество (БНТ). На VI Общепольском съезде историков в Вильно (1935 г.) среди выступающих был В. Гришкевич, который представил реферат «Роль белорусских земель в польско-литовских униях», где предпринял попытку анализа формирования ВКЛ как полиэтнического государства. Он считал, что этот процесс происходил в тяжелой борьбе литовской и белорусско-украинской (восточнославянской) аристократии. Среди причин упадка указывал полонизацию и окатоличивание «верхов», что стремились к новым привилегиям и свободе [6, л. 9].

На страницах «Записок БНТ» (Вильно, 1938) Н. Шкелёнок предложил иную, чем у В. Игнатовского, периодизацию истории Беларуси. Он заявлял, что «надо брать переломные пункты в жизни белорусского народа». При этом чрезмерно абсолютизировал традиции белорусской государственности. Согласно заключению Н. Шкелёнка, были 2 периода независимого существования Беларуси: первый – отдельных княжеств (IX – середина XIII в.); второй – продолжительной государственности (середина XIII – конец XVII в.). Негативно оценивалась как Люблинская, так и Брестская унии. ВКЛ признавал однозначно белорусским государством, т.е. игнорировал его полиэтничный и поликонфессиональный характер. XVI в. называл «золотым веком» древней белорусской культуры. Третий период (упадка государственности белорусов) начинал с конца XVII в. Оценивал ситуацию в Речи Посполитой в середине XVIII в. «Культурная ассимиляция разрушала основы белорусской государственности. Польское влияние охватило все сферы жизни в высших слоях общества. ... В конце второго периода приверженность к белорусской культуре сохраняли только крестьяне, мещане и мелкая шляхта» [7, с. 59–60]. В целом, предложенная Н. Шкелёнком периодизация была противоречивой и слабо обоснованной.

А. Станкевич также начинал традицию государственности с Полоцкого, Туровско-Пинского княжеств, ВКЛ. «После падения династии Рогволодовичей в XIV в. началось объединение белорусских княжеств с Литвой, которая попала под культурное влияние белорусского народа» [8, с. 110]. А. Станкевич отверг тезис о захвате западнобелорусских земель и их насильственном присоединении к Литовскому государству во время образования ВКЛ. Считается, что тезис о литовском завоевании был закреплен в советской исторической науке в конце 1930-х гг., чтобы оправдать тогдашнюю внешнюю политику руководства СССР. А. Станкевич высоко оценивал гуманистическую, демократическую деятельность знаменитого белорусского и восточнославянского первопечатника Ф. Скорины.

В книге А. Станкевича «Христианство и белорусский народ: попытки синтеза» (Вильно, 1940) проанализированы основные этапы развития христианства в Беларуси, определено место его различных течений в истории и культуре. Утверждалось, что «белорусской верой» было униатство, которое внесло большой вклад в сохранение национально-культурной идентичности. По

словам А. Станкевича, греко-католицизм не стал национальной религией, потому что главными проводниками были иезуиты, «которым православные люди не верили». Однако в работе «Белорусское христианское движение» (Вильно, 1939) А. Станкевич утверждал, что униатская церковь на территории Беларуси в XVII–XVIII вв. была национальной [9, с. 454]. Православные братства и казаки были против польского национально-культурного, религиозного и социального влияния. Также период Речи Посполитой называл временем упадка Беларуси [9, с. 363].

В целом, белорусская историческая мысль межвоенного времени (в БССР – до конца 1920-х гг.) имела национально-демократический и национально-романтический характер. Несмотря на отсутствие условий для фундаментальных исследований по истории ВКЛ и Речи Посполитой, преимущественно в научно-популярной, учебной, публицистической литературе белорусскими авторами были изложены основные концептуальные положения. Они заключались в следующем. 1. ВКЛ признавалось полиэтническим (белорусско-литовским) государством, только радикальная часть белорусских деятелей считала его исключительно белорусским государством. 2. Считался выше общекультурный уровень восточнославянских (белорусских) жителей ВКЛ. 3. Распространялся постулат о «золотом веке» (XVI в.) древней белорусской культуры. 4. Люблинская уния 1569 г. и Брестская церковная уния 1596 г. оценивались негативно: способствовали упадку государственности ВКЛ. 5. Политический строй Речи Посполитой назывался «аристократической шляхетской республикой», которая была «злом» в истории Беларуси и отрицательно влияла на население, потому что низшие слои не имели никаких политических прав и безмолвствовали. 6. Шляхта получила господство и преимущество в экономике: подчинила крестьянство путем крепостничества, подвергала его сильному угнетению. 7. Низшие слои общества (крестьянство, мещанство) оказались в неволе в Речи Посполитой, положение крестьян было очень тяжелым, из-за притеснений произошел ряд восстаний. 8. Среди высших слоев общества ВКЛ происходила быстрая полонизация, которая проявилась в распространении польского языка, культуры и традиций, католичества; ополяченная шляхта активно поддерживала католическую и униатскую церкви; против Брестской церковной унии 1596 г. были мелкая шляхта, православное духовенство и мещанство. 9. Отрицательно оценивались разделы Речи Посполитой конца XVIII в.

В межвоенной белорусской историографии неизбежной была определенная историческая мифологизация национальной истории. Схожих взглядов на историю ВКЛ и Речи Посполитой в 1920-е гг. придерживались в БССР (В. Игнатюк и др.), однако с установлением административно-командной системы с конца 1920-х гг. произошли изменения в белорусской советской историографии по образцу дореволюционной российской историографии. Речь Посполитая была четко определена как государство, чужое и враждебное интересам белорусского народа.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ:

1. Ластоўскі В. Кароткая гісторыя Беларусі. Мінск : Універсітэцкае, 1992.
2. Купала Я. Поўны збор твораў : у 9 т. Т. 8. Артыкулы, нататкі, выступленні. Калектыўныя творы. Мінск : Мастацкая літаратура, 2002.
3. Ігнатоўскі У. Кароткі нарыс гісторыі Беларусі. 5-е выд. Мінск : Беларусь, 1991.
4. Пичета В.И. История белорусского народа. Минск : Издательский центр БГУ, 2003.
5. Доўнар-Запольскі М. Гісторыя Беларусі. Мінск : Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 1994.

6. Беларуский государственный архив-музей литературы и искусства. Фонд 3. Оп. 1. Д. 13.
7. Шкялёнак М. Беларусь і суседзі : гістарычныя нарысы. Беласток : Беларускае гістарычнае таварыства, 2003.
8. Станкевіч А. Беларусы як нацыянальная меншасць у Польшчы // Беларускі гістарычны часопіс. 1995. № 2. С. 107–119.
9. Станкевіч А. З Богам да Беларусі : збор твораў. Вільнюс : Інстытут беларусістыкі, 2008.

ЛЮБЛІНСКІ СОЙМ 1569 Г. З ПЕРСПЕКТЫВЫ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА

У.А. Падалінскі

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь, ul-padalinski1978@gmail.com

У артыкуле разглядаецца дзейнасць дэлегацыі Вялікага Княства Літоўскага на заключным этапе Люблінскага сойма 1569 г. Аналізуецца палітычная пазіцыя прадстаўніцтва ВКЛ па розных праблемах агульнадзяржаўнага і лакальнага значэння. Аўтар прыходзіць да высновы аб існаванні ў Вялікім Княстве Літоўскім у 1560-я гады самастойнага шляхецкага руху.

Ключавыя словы: Люблінская унія, вальны сойм, шляхта, Вялікае Княства Літоўскае, Рэч Паспалітая.

THE LUBLIN DIET OF 1569 FROM THE PERSPECTIVE OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA

U.A. Padalinski

Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article explores the activities of the Grand Duchy of Lithuania's delegation in the final stage of the Lublin Diet of 1569. It analyzes the political position of the GDL representation on various issues of state and local importance. The author comes to the conclusion about the existence of an independent nobility movement in the Grand Duchy of Lithuania in the 1560s.

Key words: the Union of Lublin; the General Diet; nobility; the Grand Duchy of Lithuania; the (Polish-Lithuanian) Commonwealth.

Люблінскі сойм 1569 г. стаў этапнай з'явай у гісторыі Вялікага Княства Літоўскага і Каралеўства Польскага. Пад час яго пасяджэнняў вызначаліся далейшыя шляхі гістарычнага развіцця супольнай Рэчы Паспалітай і тых народаў, якія былі аб'яднаны ў яе складзе. Аналіз дзейнасці прадстаўніцтва ВКЛ на сойме ў Любліне дазваляе адлюстраваць найбольш актуальныя сацыяльна-палітычныя праблемы, якія стаялі перад шляхтай беларускіх і літоўскіх зямель у трэцяй чвэрці XVI ст.

Нагадаем, што першы склад велікакняжацкай дэлегацыі працаваў на сумесным сойме ў студзені–лютым 1569 г. Аднак у ноч на 1 сакавіка прадстаўнікі ВКЛ пакінулі Люблін у знак пратэсту супраць жорсткай пазіцыі манарха і кароннага боку ў пытанні заключэння уніі [1, с. 461–464]. Гэты крок меў катастрафічныя наступствы для Вялікага Княства Літоўскага. Кароль польскі і вялікі князь літоўскі Жыгімонт Аўгуст увесну 1569 г. без усякага сур'эзнага прававога абгрунтавання далучыў да Польшчы частку ўкраінскіх зямель і Падляшша [2, с. 26–27]. Апынуўшыся ў такой крытычнай сітуацыі кіроўныя колы ВКЛ вымушаны былі пагадзіцца на сваё вяртанне ў Люблін. Велікакняжацкія радныя паны на чале з жамойцкім старостам, земскім

маршалкам ВКЛ Янам Хадкевічам і земскія паслы, абраныя на павятовых соймаках у маі 1569 г., прыбылі на пасяджэнні сойма ў пачатку чэрвеня. Менавіта гэты склад дэлегацыі Вялікага Княства Літоўскага зацвердзіў акт уніі з Каралеўствам Польскім [3, с. 348–356]. Паўсталая 1 ліпеня 1569 г. Рэч Паспалітая ўтваралася на федэратыўнай аснове. Дзяржава павінна была мець адзінага манарха, а таксама сумесны парламент (вальны сойм) і агульную знешнюю палітыку. Аднак ВКЛ захоўвала асобныя ўрады, судовую і прававую сістэму, канцылярыю, скарб, войска, тытул, дзяржаўныя сімвалы, афіцыйную старабеларускую мову (да 1697 г.) і тэрытарыяльную адасобленасць. Такім чынам, пасля 1569 г. Вялікае Княства Літоўскае захавала частковы суверэнітэт, а яго дзяржаўнасць не была ліквідавана [4, с. 23–28]. Пасля заключэння уніі велікакняжацкая дэлегацыя працавала на сойме ў Любліне да яго заканчэння 12 жніўня 1569 г.

Можна вылучыць тры асноўныя накірункі дзейнасці прадстаўніцтва Вялікага Княства Літоўскага на Люблінскім сойме ўлетку 1569 г.: вызначэнне дзяржаўна-прававога статусу ВКЛ у складзе Рэчы Паспалітай, забеспячэнне сумеснай абароны ад Маскоўскай дзяржавы ва ўмовах Інфлянцкай вайны і вырашэнне мясцовых і персанальных спраў [5, с. 19–124].

Прыярытэтнай для велікакняжацкай дэлегацыі была праблема вызначэння кампетэнцыі цэнтральных (земскіх) і прыдворных (дворных) урадаў Вялікага Княства і Каралеўства, у чым адлюстравалася жаданне забяспечыць раўнапраўны статус абодвух суб'ектаў новай дзяржавы. Жыгімонт Аўгуст 19 ліпеня 1569 г. выдаў прывілей, які часова рэгуляваў паўнамоцтвы земскіх і дворных маршалкаў ВКЛ і Польшчы і гарантаваў іх раўнапраўе [2, с. 47–51; 3, с. 376–378]. А ўжо 29 ліпеня кароль і вялікі князь выдаў яшчэ адзін прывілей, у якім абяцаў не абмяжоўваць вольнасцей Вялікага Княства Літоўскага [2, с. 42; 3, с. 378–380]. Абодва каралеўскія прывілеі, прынятыя пад непасрэдным уплывам сенатараў і паслоў ВКЛ, фактычна забяспечылі захаванне ўсіх правоў і свабод Вялікага Княства Літоўскага ў складзе Рэчы Паспалітай.

Разгляд шэрагу прынцыпова важных пытанняў, такіх як парадак выбару новага караля і вялікага князя, рэфармаванне судаводства альбо стварэнне адзінай манетнай сістэмы, быў адкладзены на пазнейшы час. На сойме абмяркоўвалася збліжэнне сістэм заканадаўства ВКЛ і Польшчы. У выніку, была створана спецыяльная камісія для перапрацоўкі Статута 1566 г. [6, с. 254–255]. Аднак складзеная выключна з велікакняжацкіх прадстаўнікоў яна скіравала працу па рэдагаванні Статута па шляху захавання асобнай прававой сістэмы ВКЛ. У некаторых справах дэлегацыя Вялікага Княства пацярпела паражэнне: частка радных паноў не ўвайшла ў склад сумеснага сената Рэчы Паспалітай, не атрымалася далучыць усе Інфлянты толькі да ВКЛ, не было перагледжана каралеўскае рашэнне аб уключэнні зямель Украіны і Падляшша ў склад Польшчы. Тым не менш, на сойме Мазырскі павет быў юрыдычна замацаваны за Менскім ваяводствам Вялікага Княства Літоўскага [6, с. 255].

Адно з цэнтральных месцаў у дзейнасці дэлегацыі ВКЛ на Люблінскім сойме 1569 г. займала вырашэнне цэлага комплексу пытанняў, якія тычыліся арганізацыі абароны краіны. Аднак надзеі на тое, што заключэнне уніі адразу прывядзе да кардынальных змен у забеспячэнні абароны Вялікага Княства Літоўскага ад Маскоўскай дзяржавы, не апраўдаліся. Соймавая дыскусія на конт арганізацыі сумеснай з Польшчай абароны паказала, што ў той час ні манарх, ні каронная ці велікакняжацкая шляхта не былі гатовы да новых і рашучых крокаў, каб пераламіць ход Інфлянцкай вайны. Прапанова склікання агульнага паспалітага рушэння не была падтрымана Жыгімонтам Аўгустам і сенатам, а ідэя стварэння агульнага скарба, са сродкаў якога можна было б утрымліваць

пастаянную армію, фактычна ў Любліне не абмяркоўвалася [7, с. 492–499, 593, 603–604, 608–612].

Хіба адзіным рэальным на той час варыянтам павялічыць абароназдольнасць ВКЛ быў прапанаваны часткай велікакняжацкіх паслоў праект увядзення кварты, г.зн. выплаты на патрэбы абароны 1/4 часткі даходаў з даменіяльных уладанняў. Для гэтага неабходна было прызначыць спецыяльны падатак на выкуп такіх маёнткаў, паколькі большасць з іх была закладзена на ваенныя патрэбы. Аднак значная частка шляхты не хацела плаціць дадатковых грошай са сваіх і так ужо знішчаных вайной уладанняў. Супраць была і велікакняжацкая магнатэрыя, якая, як правіла, і трымала гаспадарскія маёнткі ды карысталася ўсімі іх даходамі. У выніку, праект увядзення ў ВКЛ кварты не быў рэалізаваны [7, с. 609, 617–619]. Велікакняжацкая дэлегацыя на сойме засяродзіла сваю ўвагу на кантролі за аптымальным зборам папярэдніх пабораў і пагадзілася ўхваліць новыя падаткі на патрэбы абароны, хаця і па адносна нізкіх стаўках [6, с. 256–263]. Пры гэтым, варта памятаць, што на пазіцыю прадстаўнікоў ВКЛ у пытанні фінансавання вайны ў значнай ступені ўплываў сур’ёзны гаспадарчы крызіс, які ахапіў краіну ў канцы 1560-х гг. [2, с. 33; 8, с. 118–194, 211–270].

З Люблінскага сойма 1569 г. у Маскоўскую дзяржаву было накіравана першае “вялікае” пасольства Рэчы Паспалітай, у склад якога ўвайшлі прадстаўнікі як Каралеўства Польскага, так і Вялікага Княства Літоўскага [5, с. 77–79]. Адпраўка гэтай дыпламатычнай місіі ў Маскву можа разглядацца як спроба атрымаць часовую перадышку ў Інфлянцкай вайне для аднаўлення ваенна-эканамічнага патэнцыялу дзяржавы і назапашвання сіл для новага этапу баявых дзеянняў. У цэлым матэрыялы працы сойма адлюстроўваюць наяўнасць у шляхты ВКЛ даволі рашучых намераў адносна працягу вайны з Маскоўскай дзяржавай, але вайны не абарончай, а менавіта наступальнай [7, с. 496, 499, 608–609].

Прадстаўніцтва Вялікага Княства Літоўскага на пасяджэннях сойма ў Любліне разглядала шырокі спектр праблем мясцовага жыцця лакальных шляхецкіх карпарацый. Закранутыя пытанні былі ў асноўным звязаны з сацыяльнымі і эканамічнымі справамі, арганізацыяй мясцовага судаводства, размежаваннем розных рэгіёнаў. Часта яны адлюстроўвалі індывідуальныя лёсы асобных шляхцічаў. Асаблівае месца ў рэгіянальных петыцыях займалі пытанні з паўсядзённага жыцця шляхты і іх падданых ва ўмовах вайны (напрыклад, канфлікты з ротмістрамі і жаўнерамі). Уздымаліся таксама пытанні самавольства мясцовай адміністрацыі [9, с. 497–502]. Зразумела, разгляд большасці мясцовых праблем быў ініцыяваны земскімі пасламі. На пасяджэннях сойма яны маглі паспяхова вырашаць і свае асабістыя справы. І гэтая магчымасць яшчэ больш узмацняла павагу шляхты ВКЛ да інстытута сойма, які станавіўся не толькі месцам вырашэння дзяржаўных альбо мясцовых праблем, але і месцам абароны прыватных правоў. Варта таксама адзначыць салідарную пазіцыю ўсяго прадстаўніцтва ВКЛ і Польшчы па матэрыяльнай падтрымцы шляхты Полацкага ваяводства, якая, напэўна, найбольш пацярпела ад Інфлянцкай вайны [5, с. 120–122; 8, с. 316–332].

Аналіз працы сойма ў Любліне прыводзіць да высновы, што ў 1560-я гг. у Вялікім Княстве Літоўскім нараджаўся самастойны палітычны рух, які актыўна карыстаўся лозунгамі і ідэямі “шляхецкай дэмакратыі”. Сацыяльнай базай гэтага руху была дробная і сярэдняя шляхта. У яе інтарэсах некаторыя соймавыя паслы заклікалі забяспечыць роўнасць асобных слаёў шляхты, абараніць маёмасныя і сацыяльныя правы найбяднейшага шляхецтва, павысіць эфектыўнасць мясцовага апарату ўлады, рэфармаваць скарбовую сістэму і ўвесці кантроль за ёй з боку шляхты. Былі пастаўлены пытанні аб ператварэнні залежных баяраў-шляхты ў паўнаважных прадстаўнікоў шляхецтва, спыненні злоўжыванняў з боку ўлады

ў час правядзення аграрнай рэформы, забароне адной асобе адначасова трымаць некалькі павятовых урадаў, увядзення ў ВКЛ кварталы, адмене некаторых павіннасцей і падаткаў [5, с. 123–124]. Заўважым, аднак, што многія з гэтых пастулатаў былі запазычаны непасрэдна ў экзекуцыйнага руху кароннай шляхты. Можна таксама назваць палітычных лідараў, якія не толькі выступалі пад шляхецкімі лозунгамі, але і спрабавалі рэалізаваць іх на практыцы. Такімі лідарамі з’яўляліся пасол Новагародскага павета Мальхер Сноўскі і пасол Жамойцкага староства Мікалай Станкевіч-Білевіч. Шэраг шляхецкіх пастулатаў быў аформлены ў соймавых канстытуцыях [6, с. 255], частка так і не была рэалізавана. Такія абмежаваныя дасягненні “шляхецкіх дэмакратаў” на Люблінскім сойме 1569 г. сведчаць аб іх адносна слабой грамадскай падтрымцы ў маштабах ўсяго ВКЛ (хаця ў розных рэгіёнах узровень такой падтрымкі мог быць розным). Гэта было выклікана амаль поўнай перавагай магнатаў у сацыяльна-палітычным і эканамічным жыцці Вялікага Княства і адсутнасцю значнай колькасці незалежнай у маёмасным плане сярэдняй шляхты. Такім чынам, лідары шляхецкага руху ў ВКЛ маглі разлічваць на рэалізацыю сваіх задач толькі ў тым выпадку, калі б мелі падтрымку альбо з боку манарха, альбо з боку тых магнатаў, якія карысталіся лозунгамі шляхецкай дэмакратыі.

Нарэшце падкрэслім, што пад час сумеснай соймавай працы ў Любліне дэлегацыя Вялікага Княства Літоўскага захоўвала пэўную адасобленасць ад дэлегацыі Польшчы. Велікакняжацкія прадстаўнікі самастойна афармлялі і перадавалі каралю, сенату і пасольскай ізбе свае просьбы ды артыкулы як па агульнадзяржаўных, так і мясцовых пытаннях (і нават атрымлівалі на іх асобныя каралеўскія адказы), праводзілі ўласныя нарады і не ўдзельнічалі ў дыскусіях, якія тычыліся выключна каронных пытанняў [5, с. 124]. На наш погляд, гэта яшчэ адзін доказ таго, што дзяржаўныя арганізмы ВКЛ і Польшчы ўсё яшчэ захоўвалі істотныя адрозненні паміж сабой у складзе супольнай Рэчы Паспалітай.

Такім чынам, летам 1569 г. дэлегацыя Вялікага Княства Літоўскага вярнулася на Люблінскі сойм, каб заключыць унію з Каралеўствам Польскім і арганізаваць сумесную абарону. Аднак найважнейшай мэтай, якая стаяла перад раднымі панамі і земскімі пасламі, было максімальнае захаванне правоў і свабод ВКЛ, забеспячэнне роўнага статусу з Польшчай у межах новага дзяржаўнага аб’яднання. Менавіта гэтая мэта, на наш погляд, вызначыла асноўныя накірункі дзейнасці велікакняжацкага прадстаўніцтва на сойме ў Любліне. Шэраг рашэнняў, прынятых ужо пасля падпісання уніі, паказваюць, што прынамсі фармальна раўнапраўны статус Вялікага Княства Літоўскага і Каралеўства Польскага ў складзе Рэчы Паспалітай быў забяспечаны. У той жа час значныя тэрытарыяльныя страты, перанос цэнтра палітычнага жыцця ў Польшчу, страта асобнага вальнага сойма не дазваляюць назваць дзейнасць прадстаўнікоў ВКЛ летам 1569 г. у Любліне цалкам паспяховай. Тым не менш, сойм не вырашыў усіх ключавых праблем для далейшага развіцця новаўтворанай дзяржавы. Гэтая акалічнасць адкрывала далейшы шлях альбо да поўнага аб’яднання Каралеўства і Вялікага Княства ў *“адзінае непадзельнае і неадрознае цела”*, альбо да захавання частковага суверэнітэту Вялікага Княства Літоўскага ў межах Рэчы Паспалітай.

БІБЛІАГРАФІЧНЫЯ СПАСЫЛКІ

1. Гісторыя Беларусі: У 6 т. Т. 2: Беларусь у перыяд Вялікага Княства Літоўскага / Ю. Бохан [і інш.]; рэд. кал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск: Экоперспектива, 2008.
2. Lulewicz H. Gniewów o unię ciąg dalszy (Stosunki polsko-litewskie w latach 1569–1588). Warszawa: Neriton, 2002.
3. Akta unii Polski z Litwą 1385–1791 / Wyd. S. Kutrzeba i W. Semkowicz. Kraków: Nakł. Polskiej Akademii Umiejętności i Towarzystwa Naukowego Warszawskiego, 1932.

4. Падалінскі У. Барацьба шляхты за суверэнітэт ВКЛ пасля Люблінскай уніі 1569 г. // Беларускі Гістарычны Часопіс. 2016. №7. С. 23–28.
5. Падалінскі У.А. Прадстаўніцтва Вялікага Княства Літоўскага на Люблінскім сойме 1569 года: удзел у працы першага вальнага сойма Рэчы Паспалітай / навук. рэд. А.А. Радаман. Мінск: А.М. Янушкевіч, 2017.
6. Volumina Constitutionum. T. II (1550–1609), vol. 1 (1550–1585) / Do druku przygotowali S. Grodziski, I. Dwornicka i W. Uruszczak. Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe, 2005.
7. Дневник Люблинского сейма 1569 года: Соединение Великого Княжества Литовского с Королевством Польским / Изд. М. Коялович. СПб.: Печатня В. Головина, 1869.
8. Янушкевіч А.М. Вялікае Княства Літоўскае і Інфлянцкая вайна 1558–1570 гг. Мінск: Медисонт, 2007.
9. Документы Московского архива Министерства юстиции. М.: Тов-во типогр. А. Мамонтова, 1897.

ВАЖНЕЙШИЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ПОЛЬСКО-БЕЛОРУССКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПЕРИОД РАСПАДА СССР

Ян Петручук

*Варшавский университет, ул. Краковское предместье, 26/28, 00-927,
г. Варшава, Польша, jan.pietruczuk1922@gmail.com*

Целью статьи является рассмотрение развития польско-белорусских отношений до и после распада СССР. Польша и ставшая независимой Беларусь начали активно строить двусторонние связи. Подтверждением такого развития отношений являются высказывания польских и белорусских политиков, активно принимающих участие в процессе их налаживания. Сделан анализ избранных двусторонних деклараций и договоров, положивших основу польско-белорусских связей. Сделан вывод о том, что Польша и Беларусь в период после распада СССР, несмотря на существующие между ними проблемы, смогли в короткое время построить надёжную базу для дальнейшего развития дружеских отношений, возможность развития которых обе стороны пока что не использовали в полной степени.

Ключевые слова: польско-белорусские отношения; международное право; распад СССР.

THE MOST IMPORTANT STAGES IN THE DEVELOPMENT OF POLISH-BELARUSIAN RELATIONS DURING THE COLLAPSE OF THE USSR

Jan Petruczuk

*University of Warsaw, ul. Krakowskie Przedmieście 26/28, 00-927,
Warsaw, Poland, jan.pietruczuk1922@gmail.com*

The purpose of the article is to indicate how the Polish-Belarusian relations developed before and after the collapse of the USSR. Poland and Belarus, which became independent, began actively building bilateral ties. The statements of Polish and Belarusian politicians, who were actively involved in the process of their establishment, confirm this development of relations. The analysis of selected bilateral declarations and treaties that laid the Foundation of Polish-Belarusian relations is made. It is concluded that Poland and Belarus in the period after the collapse of the USSR, despite the existing problems between them, were able in a short time to build a reliable basis for the further development of friendly relations, the possibility of which both sides have not yet used to the full extent.

Key words: Polish-Belarusian relations; international law; collapse of the USSR.

Польша и Беларусь тесно связаны друг с другом с точки зрения совместной истории и культуры. О польско-белорусских связях можно говорить относясь к XVI-вековой Речи Посполитой и даже к более ранним временам. Многие из польских писателей и других деятелей культуры, а также польских патриотов и политиков, родилось на территории Беларуси. Наши предки плечо к плечу воевали в восстаниях и войнах, в том числе и мировых. Однако, официальные, государственные отношения между Польшей и Беларусей довольно короткие и можно о них говорить начиная лишь толко с 1989-1990 гг.

Развитие польско-белорусских государственных отношений было возможным только потому, что начался распад коммунистической системы в Европе. Его результатом стало основание новых независимых государств вместо одного большого Союза Советских Социалистических Республик.

Особенно важным периодом являлся конец 80-х годов XX в., когда власти СССР не смогли удержать сепаратистских движений и внутренней ситуации в стране, а также выхода других стран, в том числе и Польши, из коммунистического блока.

Это привело к основанию нового порядка в Центрально-Восточной и Восточной Европе. Открыло, так и для существующих, как и новых государств, большие возможности в развитии международных отношений.

В Польше, в результате выборов 4 июня 1989 г. был избран Сейм и Сенат, начался новый этап в политической жизни страны, этап перемен. Несмотря на то, что эти выборы не были полностью демократическими, власти приняли новый курс во внешней политике. Как говорил 18 января 1990 г. премьер-министр Польши Тадеуш Мазовецкий в одном из своих выступлений перед Сеймом: «В польско-советских отношениях мы открыли новый этап. Они не обусловлены идеологией и связями между коммунистическими партиями. Они стали нормальными отношениями стран и их правительств, направленными на благополучие народов и сохранение национальных интересов.» [1, с. 385].

В связи с тем польская внешняя политика в отношении СССР характеризовалась двойным подходом – польские власти одномерно относились к СССР, как всей стране, а также к каждому его республикам [1, с. 386]. Польша была заинтересована в продвижении отношений со всеми субъектами международного права существующими на территории СССР.

В то время, в Беларуси, 27 июля 1990 г. была принята Декларация о государственном суверенитете Белорусской ССР. На этот факт позитивно отреагировал польский Сенат. 3 августа 1990 г. по этому поводу принял резолюцию, в которой говорилось: «Находясь на почве права народов на самоопределение, с радостью встречаем объявленную 27 июля 1990 г. декларацию о государственном суверенитете Беларуси – подтверждение стремления белорусского народа к свободе. Поляки, для которых свобода и независимость отчизны являются важнейшими ценностями, полностью понимают этот значимый момент в истории Беларуси – соседа, с которым хотим жить, как равные и близкие друг другу народы.» [1, с. 386].

Первая попытка расширения польско-белорусских связей была предпринята в октябре 1990 г., во время визита Министра иностранных дел Польши Кшиштофа Скубишевского в Минске. Польская сторона подготовила тогда декларацию о взаимных отношениях, которую обе стороны, так и не подписали. Препятствием в подписании декларации стала проблема Белосточины. Белорусская сторона во главе с министром иностранных дел Беларуси П. К. Кравченко, предъявила, чтобы в декларации нашлась заметка о том, что Белосточина это этнически белорусская земля. Беларусы поставили под сомнение договор от 16 ав-

густа 1945 г. о советско-польской государственной границе, говоря о том, что в этом договоре не были включены интересы Беларуси [1, с. 389]. В итоге октябрьский визит закончился фиаском.

Новые возможности для развития отношений между Польшей и Беларусей появились в результате большого внутреннего кризиса в СССР и путча в августе 1991 г. Уже 25 августа 1991 г. Верховный Совет БССР принял декларацию независимости, а 19 сентября 1991 г. Беларусь обрела своё нынешнее название. Это способствовало подписанию новых деклараций и договоров.

10 октября 1991 г. в Варшаву прибыл с визитом премьер-министр Беларуси В. Ф. Кебич. В рамках визита премьер-министр Беларуси встретился с премьер-министром Польши Яном Кшиштофом Белецким и Президентом Польши Лехом Валенса. По мнению В. Ф. Кебича налаживание отношений с поляками: «было намного сложнее, чем со странами расположенными далеко от Беларуси. Можно считать, что вместе с поляками мы должны понимать друг друга отлично – ведь мы жили в одном государстве – Речи Посполитой (...) В межчеловеческих отношениях на базовом уровне белорусам и полякам не нужен переводчик. Однако, отношения между нашими странами никогда не были безоблачными.» [1, с. 392].

В тот самый день В. Ф. Кебич и Ян Кшиштоф Белецкий подписали декларацию о добрососедстве, взаимном понимании и сотрудничестве. Это был первый польско-белорусский документ, который регулировал двусторонние отношения. Согласно декларации они: «опираются на принципах международного права, равенства, уважения к суверенитету и территориальной целостности обеих стран, невмешательства во внутренние дела, свободы определения общественно-политической системы, добрососедства, взаимного понимания и взаимного сотрудничества.» [2].

В декларации говорилось также о том, что Польша и Беларусь не имеют друг к другу никаких территориальных претензий и не будут иметь таких претензий в будущем. Стороны согласились, что польско-белорусская граница основана договором от 16 августа 1945 г. о советско-польской государственной границе: «не может быть изменена сейчас и в будущем» [2].

В декларации был также принят ряд решений на будущее. Польша и Беларусь обязались развивать взаимные отношения в разных областях, в том числе и экономическо-политических.

После событий в Беловежской пуще и подписания договора о создании Содружества независимых государств, 11 декабря 1991 г. Верховный Совет Беларуси отказался от союзного договора, что привело к фактическому выходу Беларуси из СССР. 27 декабря 1991 г. положением Совета Министров, Польша официально признала Беларусь, как независимое государство.

Особенно важным для польско-белорусских отношений являлся 1992 г. В марте 1992 г. в Польшу приехал министр иностранных дел Беларуси П. К. Кравченко. Во время визита был подписан договор об оформлении дипломатических отношений. Министр иностранных дел Польши вручил тогда своему белорусскому коллеге проект договора о добрососедстве и дружеском сотрудничестве между Польшей и Беларусей.

В апреле 1992 г. с рабочим визитом приехал в Польшу премьер-министр Беларуси В. Ф. Кебич вместе с делегацией. Подписано тогда ряд договоров – о правилах трансграничного сотрудничества, о защите и продвижению инвестиций, о пунктах пропуска через государственную границу и др.

В мае 1992 г. в Минске было открыто польское посольство. Чрезвычайным и уполномоченным послом Польши в Беларуси стала Элжбета Смулковска.

Чрезвычайным и уполномоченным послом Беларуси в Польше был назначен В. Л. Сенько. Свою работу начал в июле 1992 г [1, с. 398].

Историческим моментом в польско-белорусских дипломатических отношениях стало подписание 23 июня 1992 г. договора о добрососедстве и дружеском сотрудничестве. Документ подписали Председатель Верховного Совета Республики Беларусь С. С. Шушкевич и Президент Польши Лех Валенса.

Договор был основой для польско-белорусских отношений. Подтверждал он все решения приняты в декларации от 10 октября 1991 г. и развивал их в сторону дружеского сотрудничества.

Принятие договора являлось завершением стремлений Польши и Беларуси к созданию надёжного и дружеского сотрудничества. Новая международная ситуация, распад сверхдержавы – СССР, позволило это. В первые годы после распада СССР Польша была для Беларуси одним из главных – после России и Украины – партнёров, так политическим, как и экономическим.

Однако, это ситуация скоро менялась вместе с приходом к власти в Беларуси новой команды, которая приняла курс в сторону России и интеграции своей страны с ней.

Польско-белорусские отношения после 1994 г. намного ухудшились, что привело к ограничению совместных инициатив и взаимному недопониманию.

Надо заметить, что несмотря на это, Польша и Беларусь граничат друг с другом. Это всё-таки способствует в обмене опытом, если не на официальном, государственном уровне, то среди простых граждан, бизнесменов, или людей науки. В последнее время, тем не менее, можно было увидеть, что польско-белорусские государственные отношения, медленно, но начали развиваться к лучшему. Несомненно, решение сложившихся проблем в разных областях принесёт пользу обеим сторонам и поэтому ко всем попыткам их решения надо относиться положительно.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. H. Głogowska, Stosunki polsko-białoruskie w XX wieku. Od Imperium Rosyjskiego do Unii Europejskiej. Białystok, 2012.

2. Deklaracja o dobrym sąsiedztwie, wzajemnym zrozumieniu i współpracy między Rzeczpospolitą Polską i Republiką Białoruś, Warszawa, 10 października 1991 r. Zbiór Dokumentów. Warszawa, 2/1992. s. 18-22.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЛЮБЛИНСКОГО СОЮЗА В БЕЛОРУСКО-ПОЛЬСКОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ 1919–1920 гг.

Т.Я. Павлова

Белорусский государственный университет, факультет международных отношений, Минск, Ленинградская 20, tanechkarav@mail.ru

В 1918-1920 гг. «белорусский вопрос» фактически впервые поставлен в качестве международной проблемы. Возрождение белорусской государственности в 1918-1920 гг. было непосредственно связано с провозглашением и деятельностью органов БНР. Белорусские территории становятся объектом активных политических интересов соседних стран – Польши и РСФСР. В статье анализируются взгляды польской политической элиты на взаимоотношения с Беларусью, взгляды представителей белорусского движения на союз с Польшей, а также деятельность органов БНР по предотвращению раздела белорусских территорий в данный период.

Ключевые слова: БНР, независимость, федерация, раздел территорий, союз, белорусское национальное движение, польская оккупация.

INTERPRETATION OF THE LUBLIN UNION IN THE BELARUS-POLISH INTERACTION 1919–1920

T. Y. Pavlova

Belarusian state University, 2200306 Minsk, Leningradskaya 20

In the years 1918-1920. The “Belarusian question” was actually posed for the first time as an international problem. The revival of Belarusian statehood in 1918-1920. It was directly related to the proclamation and activities of the BNR authorities. Belarusian territories are becoming the object of the active political interests of neighboring countries - Poland and the RSFSR. The article analyzes the views of the Polish political elite on relations with Belarus, the views of representatives of the Belarusian movement on an alliance with Poland, as well as the activities of the BNR bodies to prevent the division of Belarusian territories in this period.

Keywords: BNR, independence, federation, division of territories, union, Belarusian national movement, Polish occupation.

Период Первой мировой войны, последующее оформление системы послевоенных отношений в Восточной Европе стал временем, когда «белорусский вопрос» фактически впервые был поставлен в качестве международной проблемы. Возрождение белорусской государственности в данный период было непосредственно связано с провозглашением и деятельностью органов БНР. Первая мировая война способствовала ускоренному развитию белорусского национального движения, в Западной Беларуси стала интенсивно развиваться национальная идея. Политическим идеалом провозглашалось “выдзяленне Краю з агульнарасейскага арганізму і здабыццё утрачанай незалежнасці” [1, с. 6]. Еще в 1916 г. А.И. Луцкевич видел будущее Беларуси как свободной демократической республики в федерации с соседними государствами [1, с. 7].

Известно, что политическая польская элита в 1919-1920 гг. имела два основных подхода к определению взаимоотношений с соседними народами: федеративный и инкорпорационный. Сторонниками инкорпорации являлись представители Национально-демократической партии Польши, придерживавшиеся мнения, что бывшие исторические союзники в лице народов Литвы, Украины и Беларуси не обладают собственным государственным инстинктом, соответственно эти территории стоит рассматривать не как будущие субъекты международных отношений, а как объект внешнеполитических интересов сильных соседних государств [2, С. 129].

С польской стороны с позиций федерализма выступали деятели Польской социалистической партии (ППС) и Польской крестьянской партии. Летом 1919 г. в документах ППС отмечалось право литовского и белорусского народа на независимость, а также, что будущее земель ВКЛ возможно определить только путем свободного волеизъявления всех граждан, проживающих на указанных территориях. Общим в позициях сторонников федеративного и инкорпорационного пути восстановления существовавших до 1772 г. границ Речи Посполитой, в которой Варшава должна была сохранить доминирующее влияние. Отсутствие единых взглядов на внешнюю политику в отношении восточных и южных соседей предсказуемо выразилось в проведении непоследовательной политики на территории белорусских и литовских земель. Тем не менее, для реализации федералистской концепции полякам необходим был поиск союзников со стороны

представителей Беларуси, Литвы и Украины. В указанный период ни в одной из бывших стран ВКЛ не было политических сил однозначно ориентированных на Польшу, более того среди населения господствовали сильные антипольские настроения.

Учитывая слабость белорусского национального движения и ту сложную обстановку, в которой оно оказалось в 1919 г., Ю.Пилсудский полагал, что в такой ситуации представители белорусского движения окажутся наиболее легким объектом политического воздействия. В начале 1919 г. Ю.Пилсудский подписывает декрет о создании Генерального комиссариата восточных земель, возглавляемый Ю.Осмоловским. В апреле 1919 г. литовско-белорусский департамент министерства иностранных дел Польши преобразуется в департамент по делам восточных земель [2, С. 131]. В обращении Ю.Пилсудского к жителям бывшего Княжества Литовского, опубликованном в Вильно, глава Польши заверял, что цель польских войск на белорусских территориях состоит в их освобождении от большевизма и в дальнейшем жители получают возможность без какого-либо давления с польской стороны самостоятельно решать национальные и религиозные вопросы. В обращении оговаривалась возможность создания белорусских органов управления. Ю.Пилсудский, представлявший сторонником федерального направления, высказывался о возможности федерации Польши Литвы и Беларуси и даже создании коалиционного правительства, включающего представителей Литвы и Беларуси [3, с. 55]. Ю. Пилсудский дал согласие на формирование белорусского войска, а во время своего визита в Минск осенью 1919 г. заявил, что отношения Польши и Беларуси будут основываться на союзе равных [4, с. 81]. Глава польского правительства И. Подеревский также высказывался в поддержку белорусского вопроса и готовности польского правительства оказать белорусам поддержку в этом направлении.

Заявления о желании Польши возродить исторический союз с соседними народами прозвучал при праздновании годовщины Люблинской унии в июле 1919 г., ставшей удобным моментом высказаться о крепких корнях, лежавших в основе. Месяцем позже (в августе 1919 г.) Сейм проголосовал за проведение парламентских выборов на подконтрольных восточных территориях, что также должно было стать свидетельством добрых намерений Польши в отношении соседних народов [3, с.65-66].

Изначально общественно-политическая среда Беларуси очень неоднозначно отнеслась к польской оккупации. В начале 1919 г. представители Виленской белорусской рады и Центральной белорусской рады Гродненщины приветствовали Ю.Пилсудского в качестве освободителя белорусских территорий от большевиков во время его приезда в Вильно (апрель 1919 г.) и Гродно (июль 1919 г.). Виленская рада выразила надежду, что Пилсудский будет способствовать восстановлению единства белорусских территорий и создания на них независимого государства [2, с. 144].

Весной 1919 г. деятели БНР направили польскому правительству меморандум, в котором говорилось о крепкой связи и симпатии между польским и белорусским народами, что дает основания для установления уважительных и дружественных отношений со стороны польского правительства по отношению к белорусскому народу [5, с. 344]. Вместе с тем в ноте протеста правительства БНР Председателю Парижской мирной конференции от 8 мая 1919 г. указывалось, что “поляки, не входя ни в какие сношения с местными органами белорусской государственной власти, силою штыков заводят в оккупированных белорусских землях польское гражданское управление...” [6, с. 117]. Сообщество польских землевладельцев направило весной 1919 г. И. Падеревскому меморан-

дум, в котором говорилось о необходимости воссоздать ВКЛ в границах 1772 г. В документе указывалось, что обновленное государственное образование должно обладать рядом общих государственно-административных структур, иметь единые военные силы, финансовую систему и таможенное пространство [2, с. 143]. Учитывая непростые отношения между белорусским национальным движением и Литвой в тот период, документ оговаривал возможность создания независимого литовского государства, в таком случае предполагалось создание союза между Польшей и белорусскими частями бывшего княжества, включая Вильно. Польские рады направили собственную делегацию на Парижскую конференцию (С.Гутновский, В.Василевский, В. Завадский), с целью выступить территориальными представителями в поддержку союза Польши и бывших земель ВКЛ, при этом вопрос о форме государственного устройства территорий бывшего ВКЛ поднимать не предполагалось [7, с. 217].

Однако, учитывая фактическое состояние дел, реальную политику Польши в 1919-1920 гг. на белорусских территориях можно говорить о том, что заявления польской политической элиты о возможной федерации носили декларативный характер. Только возродившееся польское государство было не заинтересовано ни в независимости БНР, ни в реальной федерации с Беларусью. Установившийся в 1919 г. польский оккупационный режим на белорусских территориях свидетельствовал об иных намерениях польского правительства, рассматривавших подконтрольные польским войскам белорусские территории исключительно в качестве источника ресурсов. Курс на инкорпорацию и полонизацию подконтрольных территорий проводился жестко. Насилие, реквизиции, фактический террор, установленный на ряде территорий, вызывали яростный протест местного населения, изначально отнесшегося к приходу поляков достаточно равнодушно, а местами вполне лояльно. Весной 1919 г. в ряде областей начинают создаваться крестьянские отряды сопротивления польской оккупации. Белорусская интеллигенция столкнулась с почти полным запретом на любое проявление национально-культурной жизни: закрывались белорусские школы, их учителя попали в крайне тяжелое положение, реквизициям и судам подвергались белорусские издания, запрещались театральные постановки белорусских авторов [8, с. 42]. Шовинизм поляков в национальной политике, жестокость польских легионеров, их бесчинства на белорусских землях, отсутствие конкретных официальных заявлений Польши о том, что она признает право Беларуси на независимость вызывали протест значительной части деятелей белорусского национального движения против ориентации руководства БНР на Польшу. Чем сильнее становился оккупационный пресс, тем тверже ряд деятелей белорусского движения утверждались в позиции независимой и неделимой Беларуси в форме БНР. Весной 1919 г. польские власти дали разрешение на проведение белорусского съезда Виленщины и Гродненщины с целью создания национального представительства, среди других вопросов делегатам предлагалось рассмотреть назначение Ю.Пилсудского великим князем ВКЛ [9, с. 118]. Съезд прошел в июне 1919 г. и высказался за независимость Беларуси. Делегаты проголосовали не за союз с Польшей, а за союз Беларуси со странами Балтии. Конференция партии белорусских эсеров, выражавших интересы крестьянства, выступила против союза с Польшей и в ноябре 1919 г. высказалась за открытую борьбу против как против польских оккупантов, так и против большевиков.

Отношение деятелей белорусского национального движения к возможному союзу с Польшей претерпело значительные изменения на протяжении 1919 г. Уполномоченный БНР по делам военнопленных в Чехословакии Н. Вершинин 24 сентября 1919 г. в письме А.И. Луцкевичу сообщал, что самым выгодным для Беларуси положением была бы полная самостоятельность, но учитывая тяжелое

положение Беларуси, необходимо выбирать одно из двух зол — опереться либо на Польшу, либо на Россию. По мнению Н. Вершинина БНР выгодно было в тот момент соединить свою судьбу с Россией [5, с. 441-442].

Если в начале 1919 г. среди общественно-политических организаций имелись сторонники союза с Польшей, то к концу года ситуация кардинальным образом изменилась. Деятели БНР неоднократно предпринимали попытки вступить в переговоры с представителями польской политической элиты для решения белорусского вопроса. В мае 1919 г. представитель БНР А.Смолич посетил Варшаву, где встретился с рядом польских государственных деятелей. При встречах обсуждалась поддержка польского правительства при создании белорусского или белорусско-литовского правительства, также местных национальных органов управления и белорусской армии. Конкретных результатов А.Смоличу добиться не удалось. Фактически в это же время представители гродненской рады П.Алексюк и Т.Верниковский встретились в Варшаве с рядом польских политиков, включая генерального комиссара по восточным землям Ю.Осмаловского. Основной целью данных встреч так же было продвижение вопроса о признании БНР. Вопрос об открытии консульства БНР в Варшаве не получил своего развития из-за явного неодобрительного отношения польского правительства.

Оживление контактов представителей белорусского движения с польской стороной пришлось на вторую половину 1919 г. А. Луцкевич полагал, что в сложившейся в этом периоде ситуации, для деятелей БНР союз с Польшей является меньшим злом, чем союз с Советской Россией [4, с. 81-82]. Во время пребывания в Париже А.Луцкевич встретился с И.Подеревским, затем в осенью 1919 г. с Ю.Пилсудским в Варшаве. Оба польских политика заверили А.Луцкевича в своем благожелательном отношении к Беларуси, И.Подеревский также затронул тему возможной федерации Беларуси и Польши. Предположительно во время встречи А.Луцкевича с Ю.Пилсудским прозвучала идея культурной автономии Беларуси в составе Польского государства [9, с. 143]. Однако развития указанные обсуждения не получили.

В Декларации, направленной Парижской мирной конференции 25 февраля 1920 г. обстоятельно освещалось положение белорусского народа и белорусских территорий, а так же сообщалось, что накануне мирных переговоров с РСФСР Польша резко изменила свою политику в отношении Беларуси предприняв ряд недружественных шагов в том числе, неосновательно интернировала в Варшаве А.И. Луцкевича [5, с. 679-683]. В ноте, представленной совещанию послон на Парижской мирной конференции 10 апреля 1920 г., Польша сообщала, что она отвергает участие представителей правительства БНР в мирных переговорах между Советской Россией и Польшей, поскольку оно считало несправедливыми претензии Польши на границы 1772 г., понимаемые ею как включение в эти границы всей Беларуси, части Украины, Литвы, Латвии. В ответ Рада БНР от имени белорусского народа заявила, что белорусский народ не потерпит аннексий своих, кровью политых земель, ни с чьей стороны, копия ноты Президиума Рады БНР была направлена министру иностранных дел РСФСР Г. Чичерину [5, с. 716].

В мае 1920 г. Наивысшая Рада БНР вновь обратилась к идее федерации и предложила польскому правительству заключить договор о восстановлении исторического союза между Польшей и Беларусью на федеративной основе. Предложение было проигнорировано польским правительством. Новое правительство В.Ю. Ластовского вступило в 1920 г. с совершенно иной политикой. Ее суть сформулировал П.А. Кричевский: политическое положение Беларуси обязывает руководство БНР обратить больше внимания на международную политику Парижа, Берлина, Лондона и Прибалтики и ни в коем случае нельзя склоняться в сторону Польши «ад якој мы згінем» [5, с. 719].

В свою очередь польское руководство в основу переговоров с Советской Россией положило требование о восстановлении границ Речи Посполитой до 1772 г. Эта идея получила воплощение в проекте мирного договора между Польшей и Советской Россией, разработанного весной 1920 г. Понимая, что требование восстановить границу 1772 г. является максимальным, на секретном правительственном совещании 8 марта 1920 г. было принято решение, что в случае если его не удастся отстоять, польская делегация на переговорах должна выдвинуть новый вариант границы. В данном варианте этнический принцип также не учитывался: Польша требовала, чтобы к ней отошли белорусские территории, находящиеся восточнее Днепра. На том же заседании польского правительства было решено отказаться от идеи создания белорусского государства союзного с Польшей: территории Гродненской и Виленской губерний должны войти в состав Польши [10, с. 456]. Только на территории Минской губернии предполагалось пойти на определенные уступки белорусским национальным организациям в сфере самоуправления и культуры. В ответ на действия Польши в отношении белорусских земель Наивысшая Рада в июне 1920 г. направила польскому правительству заявление с требованием признать независимость БНР и до созыва Учредительного сейма отдать Беларусь под протекторат Лиги Наций. Это заявление поддержал А.И. Луцкевич.

В Минске 17 августа 1920 г. начались российско-польско-украинские мирные переговоры, которые завершились подписанием 12 октября 1920 г. в Риге прелиминарного мирного договора. Руководство БНР предприняло ряд шагов, направило соответствующие ноты, как представителям РСФСР, так и Польши с целью допуска представителей Беларуси в лице делегации БНР на переговоры. Требования руководства БНР были проигнорированы как РСФСР, так и Польшей. Протест против действий советского и польского правительств, а также призыв не допустить раздела белорусских территорий был выражен в меморандуме, направленном послам союзным государств в Париже в августе 1920 г. [5, с. 841-843]. Хотя мирный договор был подписан в Риге в марте 1921 г., положения о разделе белорусских территорий были согласованы уже к 5 октября 1920 г., записаны в первой статье прелиминарного договора и изменению не подвергались.

В 1919 г. после неудачи на Парижской мирной конференции, представители части белорусского национального движения, пытаясь найти поддержку в продвижении белорусского вопроса, предпринимали попытки найти союзника в лице польского государства. Однако усилия белорусского движения установить надежные и равноправные отношения с Польшей потерпели неудачу. Можно говорить о том, что с польской стороны имело место, так называемое *reservatio mentalis*, когда сторона, декларируя одни заявления, на деле преследовала иные цели. Представители белорусского движения не были согласны на роль белорусского Пьемонта: в лучшем случае культурной автономии в составе польского государства. Политика польского правительства, использовавшего представителей белорусского национального движения в своих целях, и жестокий оккупационный режим, установленный польским военным командованием на белорусских территориях, стали существенными факторами, повлиявшими на раскол белорусского национального движения. На заседании Рады БНР, проходившем 12-13.12.1919 г. в Минске был поддержан курс на независимость БНР. Впоследствии указанная политика польского правительства в период 1919-1920 гг. отразилась на исторических и публицистических работах деятелей белорусского движения, в которых польское историко-культурное влияние оценивалось негативно, интерпретировалось как фактор раскола белорусского народа и эксплуатации польскими землевладельцами белорусского крестьянства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Луцкевич, А. За дваццаць пяць гадоў (1903-1928). Успаміны аб працы першых беларускіх арганізацыяў: Беларускае рэвалюцыйнае грамада, Беларускае сацыялістычнае грамада / Луцкевич, А. — Вільня.: Беларускае Выдавецкае Таварыства, 1928. — 50 с.
2. Ціхаміраў, А.В. Беларусь у сістэме міжнародных адносін перыяду пасляваеннага ўладкавання Еўропы і польска-савецкай вайны (1918-1920 гг.) / А.В. Ціхаміраў.- Минск: Экаперспектыва, 2003. — 399 с.
3. Gomolka, K. Polskie ugrupowania polityczne wobec kwestii białoruskiej. 1919-1922. / K. Gomolka. — Warszawa, 1989. — 267 s.
4. Гамулка, К. Паміж Польшчай і Расіяй / К. Гамулка. Вільнюс, 2008. — 256 с.
5. Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі / Уклад., падрыхт. тэксту, уступ. арт., камент., пер., паказ. С. Шупы. — Вільня, Нью-Ёрк, Мінск, Прага: Бел. ін-т навукі і мастацтва; Т-ва бел. пісьменства “Наша ніва”, 1998. — Т. 1: Фонд № 582 Дзяржаўнага архіва Літвы (“Рада Міністраў Беларускай Народнай Рэспублікі”). Кн.1. — 866 с.
6. Знешняя палітыка Беларусі. Зборнік дакументаў і матэрыялаў. Т. 1 (1917-1922гг.). — Мн., 1997. — 398 с.
7. Документы и материалы по истории советско-польских отношений / [Академия наук СССР, Институт славяноведения, Польская академия наук, Сектор истории польско-советских отношений]. Т. 2 : Ноябрь 1918 г. — апрель 1920 г. / Подгот. С. Вронский [и др.]. — 1964. — 717, [2] с.
8. Мірановіч, Я. Навейшая гісторыя Беларусі / Я. Мірановіч. — Беласток, 1999. — 270 с.
9. Чернякевич, А. БНР. Триумф побежденных / А. Чернякевич. — Минск: А. Н. Янушкевич, 2018. — 301 с.
10. Грицкевич, Анатолий. Западный фронт РСФСР. 1918—1920. Борьба между Россией и Польшей за Белоруссию / Анатолий Грицкевич. - Минск : Харвест, печ. 2009 (макет 2010). - 494, [1]
- 11.
12. с.

ТРАДЫЦЫІ ЛЮБЛІНСКАЙ УНІЎ БЕЛАРУСКА-ПОЛЬСКІХ АДНОСІНАХ (1990-я – 2010-я гг.)

М.Э. Часноўскі

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт
вул. Ленінградская, 20, 220030, г. Мінск, Беларусь, Mchasn@bsu.by*

Рэч Паспалітая – трэцяя гістарычная форма дзяржаўнасці на беларускіх землях, услед за першай – Полацкім і Тураўскім княствамі, і другой – Вялікім княствам Літоўскім, Рускім і Жамойцкім (ВКЛ). Палітычныя рэаліі вымусілі ВКЛ, баронячыся ад агрэсіі суседзяў, стварыць праз Люблінскую ўнію ў 1569 г. федэратыўнае аб’яднанне з Польшчай. Унія аказалася рызыкаўным саюзам, бо ў ім ВКЛ уступала па сваёй геапалітычнай моцы Кароне Польскай. У далейшым стан на сумежжы заходняга і ўсходняга арэалаў еўрапейскай цывілізацыі ператвараў ВКЛ у перманентнае поле саперніцтва між моцнымі суседзямі, пазбаўляў здзяйснення ідэі суверэннай беларускай дзяржаўнасці. Постлюблінская гісторыя Беларусі не замацавала суверэнную роўнасць беларусаў сярод сваіх суседзяў. Аднак у 1990-х гг. і пазней назапашаны ўнікальны вопыт міждзяржаўнага, грамадскага, дзелавага, міжчалавечага ўзаемадзеяння беларусаў і палякаў. Складанасці ў двухбаковых адносінах дапамагае пераадоляваць, між іншым, феномен Люблінскай уніі.

Ключавыя словы: Люблінская ўнія; ВКЛ; Карона Польская; постлюблінская нераўнавага; сучасныя набыткі ўзаемаўплыву.

TRADITIONS OF LUBLIN UNION IN BELARUS POLAND RELATIONS (1990-Я – 2010-Я ГГ.)

M.E. Chasnouski

Belarusian state University, 2200306 Minsk, Leningradskaya 20

The Polish-Lithuanian Commonwealth is the third historical form of sovereignty on Belarusian lands, followed by the first by the Polotsk and Turov principalities, and the second by the Grand Duchy of Lithuania, Russia and Zhemoytsky (GDL). Political realities forced the Grand Duchy of Lithuania, defending itself against the aggression of its neighbors, to create a federal union with Poland through the Union of Lublin in 1569. The union turned out to be a risky union, since in it the GDL was inferior in its geopolitical power to the Crown of Poland. Subsequently, the state at the junction of the western and eastern areas of European civilization turned the GDL into a permanent rivalry between strong neighbors, deprived the idea of sovereign Belarusian statehood. The post-Lyublinsky history of Belarus did not consolidate the sovereign equality of Belarusians among its neighbors. However, in the 1990s. and later a unique experience was accumulated of interstate, public, business, interhuman interaction between Belarusians and Poles. By the way, the phenomenon of the Union of Lublin helps to overcome difficulties in bilateral relations.

У канцы XX ст. гісторыя дала Беларусі і беларусам новую магчымасць і рэальную перспектыву стаць гаспадарамі свайго лёсу. З часу ўтварэння суверэннай Рэспублікі Беларусь вызначальнымі напрамкамі грамадскага развіцця сталі арыентацыя на каштоўнасці агульначалавечай вартасці, пераадоленне ідэалагічнага і эканамічнага ізаляцыянізму, сцвярджэнне прынцыпаў дэмакратызму, стварэнне прававой дзяржавы і сацыяльна арыентаванай эканомікі. Для ўвасаблення згаданай арыентацыі патрабавалася канчаткова выйсці са стану нацыянальнага анабіёзу і стаць нацыяй, якой у поўнай ступені ўласціва ўсведамленне ўласнай годнасці і самастойнага прызначэння. Дзеля гэтага наспела неабходнасць больш поўнага і глыбокага асваення пластоў свайго мінулага, гістарычнага падмурка – ва ўсіх галінах, асабліва духоўнай і знешнепалітычнай.

Папярэдні культурна-гістарычны і грамадска-палітычны шлях Беларусі аб'ектыўна сведчыць пра яго арганічную ўключанасць у рэчышча найважнейшых працэсаў, уласцівых еўрапейскай супольнасці народаў. Аднак у нашай частцы Еўропы згаданыя працэсы былі заўсёды кампраміснымі, недастаткова выразнымі, стрымліваліся абсалютысцкай уладай, укаранёнасцю феадальна-патрыярхальных асноў, варожых фарміраванню асобы і развіццю падначаленых народаў.

Шлях цывілізацыйнага і дзяржаўнага станаўлення Беларусі і беларусаў – яскравае пацвярджэнне названых працэсаў. Драматычныя абставіны гістарычнага лёсу і само геапалітычнае становішча Беларусі на сумежжы заходняга і ўсходняга арэалаў еўрапейскай цывілізацыі, ператварэнне яе этнічна-прыроднай прасторы ў поле пастаяннага змагання паміж моцнымі суседнімі дзяржавамі не давалі магчымасці здзейсніць ідэю суверэннай дзяржаўнасці, нягледзячы на існаванне ў XIII–XVII стст. беларуска-літоўскай дзяржавы.

Дзеля яе замацавання беларусы шукалі розныя спосабы. Мяркуецца, што Люблінская ўнія – адзін з іх.

Складаныя абставіны палітычнага становішча вымусілі ВКЛ, баронячыся ад агрэсіі суседзяў, пайсці ў 1569 г. на федэратыўнае аб'яднанне з Польшчай. Люблінская ўнія як саюз дзяржаў, выступала актуальным аднак рызыкаўным сродкам захаваць галоўнае праз дапушчэнне страты другараднага. Менавіта, у ахвяру перадавалася частка нацыянальнай незалежнасці дзеля захавання

дзяржаўнага суверэнітэту, прычым, гэта датычылася абодвух дамоўных бакоў: беларускага і польскага. Рэч Паспалітая стала трэцяй гістарычнай формай дзяржаўнасці на беларускіх землях, услед за першай формай – утворанымі землях беларусаў Полацкім і Тураўскім княствамі, і другой формай – Вялікім княствам Літоўскім, Рускім і Жамойцкім.

Уладкаваўшыся на сутыку Усходняй, Цэнтральнай і Заходняй Еўропы, Рэч Паспалітая пастаянна кантактавала з Італіяй, Францыяй, Германіяй, Швецыяй, Масковіяй, Венгрыяй, Румыніяй і Асманскай імперыяй. За два з паловай стагоддзі федэрацыя набыла шматлікія разнародныя рысы, што ўвасобілася ў яе палітычным уладкаванні, ідэалогіі і паўсядзённым жыцці.

Здзяйсненне акта федэрацыі было “шлюбам” роўных, а не далучэннем беларускай ускраіны да больш развітай польскай прасторы, як сцвярджаюць асобныя аўтары. Сапраўды, яшчэ ў 1528 г. – больш за 100 год да люблінскага аб’яднання – адбыўся першы ў гісторыі ВКЛ перапіс насельніцтва (чаго не рабілі да тых часоў большасць еўрапейскіх краін). Былі сабраны звесткі аб баярах-шляхце, путных слугах, цяглых сялянах; зроблены перапіс войска ВКЛ з указаннем працягласці службы кожнага ваеннабавязанага. Былі абмераны не заселеныя землі краіны. Паралельна ўкаранялася пісьмовая дакументацыя, якая адмяніла традыцыю “старыны” і ўввела прававы акт, што дапамагло здзейсніць пэўную рэвалюцыю ў сістэме дзяржаўнага кіравання. Ужо з XIV ст. беларусы пачалі вывучаць светабудову на падставе навуковай астраноміі, выцясняючы адпаведную рэлігійную канцэпцыю і пакідаючы ёй толькі маргінальную прастору. Таму адметнай рысай маладой федэрацыі стаў феномен не паглынання, а ўзаемаўплыву.

Гісторыя Рэчы Паспалітай насычана шэрагам рэзанансных падзей, якія нельга выкінуць з гістарычнай памяці беларусаў і палякаў. Для прыкладу нагадаем, што пасля паўстання 1863–1864 гг. каля 20 тыс. урадзэнцаў Беларусі і яшчэ больш унушальны лік палякаў у судовым, а часцей у адміністрацыйным парадку апынуліся ў сібірскай ссылцы. Іх нашчадкі, нашы сучаснікі, дбайна захоўваюць памяць аб сваіх продках: салідарную беларуска-польскую памяць. Само ж паўстанне беларуская гістарыяграфія трактуе кантраверсійна: адны гісторыкі сцвярджаюць, што гэта быў уласна беларускі нацыянальна-вызваленчы рух, другія называюць гэта рухам за адраджэнне Рэчы Паспалітай. Спадарожна зазначым, што імкненне часткі беларусаў адрадзіць Рэч Паспалітую было цалкам верагодным, паколькі ў час паўстання яшчэ заставалася пакаленне – носьбіт той дзяржаўнасці.

На жаль, беларуска-польская садружнасць не аказалася галоўнай кампанентай федэрацыі. У складзе Рэчы Паспалітай неўзабаве праявіліся спадарожныя абставіны, абцяжарваючыя стан нацыянальнай тоеснасці беларусаў. Гаворка пра ідэалагічныя супярэчнасці, узнікшыя з пашырэннем каталіцызму на беларускіх землях, разгортваннем антырэфармацыйнага руху, а потым і заключэннем Брэсцкай царкоўнай уніі 1596 г. Адметнай рысай беларуска-польскіх дачыненняў становіўся не толькі ўзаемадавер, але і падазронасць. На гэтым тле шматразова ўзнікала трэшчына ў дзяржаўна-палітычных адносінах.

Відаць, аказаліся цалкам прарочымі словы Льва Сапегі, сказаныя ў 1588 г., яшчэ ў далюблінскі перыяд, у звароце да ўсіх саслоўяў краіны з нагоды выдання Статута Вялікага княства Літоўскага. Вось што тады прагучала: “Мудрацы розных часоў лічылі, што ў кожнай дзяржаве прыстойнаму чалавеку даражэй за ўсё на свеце яго свабода. Няволя ж настолькі агідная, што ад яе трэба пазбаўляцца ўсімі сродкамі. Таму людзі, якія паважаюць сябе, не павінны шкадаваць ні маёмасці, ні нават свайго жыцця, каб не трапіць пад жорсткую

ўладу няволі. А тыя, хто зрабіўся паднявольным, але мае свабодалюбівы незалежны характар, таксама не павінны цярпець над сабой непрыяцеля. І не толькі нейкага чужаземца, да якога трапілі ў палон, але і свайго тутэйшага”.

Рэчаіснасць абумовіла незвычайную актуальнасць геапалітычнага бачання Льва Сапегі. Постлюблінская гісторыя Беларусі не замацавала суверэнную роўнасць беларусаў сярод суседзяў. Яе светаасэнсаванне дазваляе сцвярджаць, што праз стагоддзі ад моманту заключэння ўніі і па сёння ў беларускім грамадскім асяроддзі не знікае трывога за лёс нацыянальнай дзяржаўнасці.

Люблінская ўнія даўно перастала існаваць як механізм геапалітыкі і дзяржаватворчасці, стаўшы аб’ектам гістарычнай палітыкі. Прагматычнае разуменне яе мэт – падстава для добрасуседскіх узаемаадносін і пошуку міжкультурнага падабенства.

Прадвызначанае Уніяй суседства двух народаў набыло перманентны характар узаемадачынненняў. Аднак можна сцвярджаць, што ў мінулым яно не мела аналагаў сучасным маштабам, магчымасцям і запатрабаванням беларуска-польскага супрацоўніцтва як на міждзяржаўным, так і на грамадскім, дзелавым і асобасным узроўнях. За перыяд з 1990-х гг. і ў першыя 10-годдзі XXI ст. назапашаны шмат у чым унікальны вопыт, адкрыты новыя напрамкі і формы ўзаемадзеяння, у непасрэдных кантактах між сабой уступілі сотні дзяржаўных устаноў, грамадскіх арганізацый, тысячы прадпрыемстваў і фірм, сотні тысяч (калі не мільёны) грамадзян – беларусаў і палякаў.

У даследаванні перыяд практычна не існавала такой галіны і сферы, дзе б Беларусь і Польшча не падтрымлівалі дыялог: ад гандлёвага супрацоўніцтва, энергетыкі, сувязі, транспарту, сельскай гаспадаркі, будаўніцтва, культуры, навукі, адукацыі да кансалідаванага супрацьстаяння надзвычайным сітуацыям, наркатрафіку, трансгранічнай злачыннасці, нелегальнай міграцыі, да мераў даверу ў ваеннай сферы. У аснове ўзаемадзеяння ляжаць такія базавыя фактары, як агульная мяжа, добрасуседства, трансгранічныя кантакты, наяўнасць нацыянальных меншасцяў.

Адначасова ўзніклі новыя, неўласцівыя папярэдняй эпосе праблемы, складанасці і супярэчнасці ў беларуска-польскіх дачыненнях, якія часам перашкаджаюць супрацоўніцтву і якія безумоўна належыць пераадолюваць. Аб’ектыўныя навуковыя ацэнкі і высновы павінны дапамагчы акрэсліць той вектар узаемаадносін, які забяспечыць новым пакаленням народаў-суседзяў магчымасць кансалідаваць высілкі дзеля вырашэння надзённых пытанняў і паскарэння цывілізацыйнага прагрэсу у абедзвюх краінах.

Неабходным мінімумам, які гарантуе ўзаемаразуменне між сумежнымі краінамі, застаецца беларуска-польскі міждзяржаўны дыялог. Кіраўнічыя бакі перманентна падкрэсліваюць карыснасць паглыблення палітычных і эканамічных адносін яе феномена двухбаковых дачыненняў, фактара суседскай згоды і рэгіянальнай стабільнасці, істотнай часткі агульнаеўрапейскай інтэграцыі. Згаданы дыялог пастаянна ўраўнаважваецца ўсведамленнем значнасці геаграфічнага ўладкавання Беларусі як транзітнай краіны і яе цесных сувязяў з Расіяй. 3 мая 2004 г. узнік яшчэ адзін уплывовы акцэнт на лініі Беларусь–Еўропа: Польшча стала членам Еўрапейскага саюза. Паміж дзвюма дзяржавамі дэ-юрэ распачаўся новы этап узаемаадносін.

У пэўным сэнсе нашчадкамі люблінскага гістарычнага саюзніцтва варта лічыць партнёрскія сувязі паміж гарадамі і рэгіёнамі Беларусі і Польшчы. Актыўна супрацоўнічаюць Гродна і Беласток, Брэст і Люблін, Брэст і Бяла-Падляска, Магілёў і Влацлавэк, Камянецкі раён і павет Гайнаўка. У 2003 г. падпісалі пагадненні аб супрацоўніцтве Гродна і Вроцлаў, Смалявічы і Вжэсьня, Карэліцкі раён і гміна Пабядзіска, Гродзенскі раён і гміна Сулецін.

Супрацоўніцтва гарадоў і рэгіёнаў, акрамя абменаў афіцыйнымі дэлегацыямі, вопытам працы органаў мясцовага самакіравання, удзелу ў розных мерапрыемствах, гандлёва-эканамічных кантактаў, прадугледжвае развіццё культурных, навукова-адукацыйных сувязяў, моладзевага і турыстычнага абмену.

Люблінская ўнія мела мэтай аб'яднацца, каб даць адпор знешнім сілам. Ацэньваючы рэальную сітуацыю ў рэгіёне Цэнтральнай і Усходняй Еўропы 1990-х – 2010-х гг., можна сцвярджаць: падобны міждзяржаўны саюз сёння не адродзіцца і адпаведны сумарны геапалітычны патэнцыял не складзецца. Да гэтага з улікам існуючых актуальных абставін і няварта імкнуцца. А вось унікальную магчымасць *умацаваць добрасуседства*, каб адвабіць любыя спакусы Захаду і Усходу вырашаць свае праблемы і амбіцыі коштам ператварэння Беларусі і Польшчы ў прастору канфрантацыі – гэтую магчымасць, несумненна, трэба выкарыстаць.

Абодвум бакам, беларускаму і польскаму, карысна адшукаць у феномене Люблінскай уніі тыя гісторыка-палітычныя традыцыі, якія пасадзейнічаюць знітанню намаганняў дзеля захавання стабільнасці ў сваім рэгіёне. Як уяўляецца, беларуская ідэя стварэння пояса добрасуседства – гэта, па вялікім рахунку, спадчына Люблінскай уніі. Такая дактрына не магла нарадзіцца між народамі, якія ў мінулым адно варагавалі паміж сабой і не мелі аб'яднаўчай ідэі.

Аднак калі ацэньваць пояс добрасуседства непрадузята і па факце яго эфектыўнасці, то варта пагадзіцца: сёння ён – хутчэй феціш, у лепшым выпадку, “вудачка”, якой належыць злавіць “рыбу”. Механізмы ўвасаблення ў жыццё пояса добрасуседства рэальна абвешчаны, але фактычна бяздзейнічаюць. Як іх скрануць з месца і запусціць?

У пэўнай меры тут дапамогуць традыцыі Люблінскай уніі. І акцэнт варта нацэліць перад усім на гуманітарную сферу – навуку, адукацыю, культуру, міжчалавечыя кантакты. Ніколькі не ігнаруючы важнасць міждзяржаўных адносін, гандлёва-эканамічных стасункаў, усё ж рэзонна вызначыць, што менавіта ўзаемадзеянне ў гуманітарнай сферы надало беларуска-польскім сувязям змест *грамадскага руху за добрасуседства* дзвюх сумежных краін. Згаданы рух узнік на пачатку 1990-х гг., затым набываючы пэўную моц. Суб'ектамі руху выступалі гуманітарныя арганізацыі, грамадскія аб'яднанні, навуковыя, адукацыйныя і культурныя ўстановы і арганізацыі, адміністрацыі тэрытарыяльнага кіравання (асабліва – памежныя), гарады-партнёры, асобныя прадпрыемствы, камерцыйныя фірмы і бізнесмены.

На польска-беларускім напрамку разгарнулі грамадскую дзейнасць Беларускае грамадска-культурнае таварыства, Польскае беларусістычнае таварыства, Беларускае аб'яднанне студэнтаў, Таварыства супрацоўніцтва Польшча–Усход, Таварыства Польшча–Беларусь, Цэнтр славянскай культуры, Таварыства польска-беларускага пагаднення, Польска-беларуская гандлёва-прамысловая палата, Фонд “Інстытут усходніх даследаванняў”, Фонд добрасуседства.

На беларуска-польскім напрамку плённа працавалі Беларускае таварыства дружбы і культурнай сувязі з замежнымі краінамі, Таварыства Беларусь–Польшча, Саюз палякаў на Беларусі, Беларуска-польская гандлёва-прамысловая палата. Дзесяткі іншых грамадскіх фарміраванняў у абедзвюх дзяржавах звярталіся да суседскай праблематыкі перыядычна. Сотні тысяч беларусаў і палякаў прыхільна ставіліся да іх дзейнасці, удзельнічалі ў мерапрыемствах, прысвечаных суседняй краіне альбо двухбаковым дачыненням.

Дэструктыўныя сілы, прадстаўленыя ў абедзвюх краінах асобнымі грамадскімі аб'яднаннямі, якія імкнуліся ладзіць беларуска-польскія дачыненні

на аснове насаджэння ўласных палітычных стэрэатыпаў, як правіла, не вызначаліся ўплывам, хоць і аказалі пэўнае ўздзеянне на стан добрасуседства.

У разглядаемы перыяд выкрышталізаваліся дзве плыні ў грамадска-палітычным жыцці Польшчы адносна стасункаў з Беларуссю. Яны пачалі фарміравацца ўжо на пачатку 1990-х гг. і набылі больш выразны выгляд і змест у кантэксце польскага збліжэння з Захадам. Плынь так званай трансатлантычнай салідарнасці патрабавала міжнароднай ізаляцыі Рэспублікі Беларусь, маральна-палітычнага і дыпламатычнага ціску на яе кіраўніцтва. Аўтары і лідэры такой палітыкі разлічвалі на тое, што яе вынікамі будуць больш апраўданая інтэграцыя Польшчы ў заходнееўрапейскую супольнасць і нават нейкія прывілеі за заслугі па “дэмакратызацыі” ўсходняга суседа.

Выразна акцэнтаваную праціглую арыентацыю прапанаваў грамадскі рух за добрасуседства з Беларуссю. Аргументацыя ўдзельнікаў руху абапіралася на нацыянальна-прагматычны падыход да беларускіх спраў і, разам з тым, улічвала гістарычную і культурную набліжанасць, пазітыўна-эмацыянальнае стаўленне вялікай часткі польскага грамадства да Беларусі і беларускага народа. На жаль, апошнімі гадамі праявілася пэўная дэзінтэграцыя стваральных сіл гэтага руху; ён так і не набыў арганізацыйнага завяршэння. А між іншым, рух праяўляў здольнасць стаць фактарам грамадска-палітычнага жыцця абедзвюх краін, выступіць уплывовым амартызатарам не толькі тых негатыўных з’яў, што раней развіваліся ў польска-савецкіх адносінах, але і рухавіком супрацоўніцтва на этапе суверэннага развіцця Рэспублікі Беларусь і Рэспублікі Польшча.

Вяртаючыся да патэнцыялу пояса добрасуседства, выкажам надзею, што яго трывай і даўгавечнай матэрыяй павінна стаць *памежнае супрацоўніцтва* Беларусі са сваёй заходняй суседкай, накіраванае на замацаванне сувязей рэгіянальных уладаў сумежных тэрыторый у разнастайных абласцях: палітычнай, эканамічнай, гуманітарнай. Залішне нагадваць, што гармонія памежжа шмат у чым залежыць ад апоры на гістарычны вопыт і традыцыі супрацоўніцтва.

Заўважым, што паняцце беларуска-польскае “памежжа” нельга трактаваць як толькі тэрыторыю ўзаемадзеяння і ўзаемаўплыву розных палітычных, ідэалагічных, эканамічных інстытутаў. Наше памежжа – гэта пэўны феномен і сацыяльная з’ява, яно сфарміравалася як памежжа культур, моў, рэлігій, светапоглядаў. Гэта значыць, з’яў, якія не маюць фізічнага выяўлення і асэнсуюцца як мяжа сімвалічная, а не мяжа-маркер. Такая мяжа кансалідуе або падзяляе ідэі і каштоўнасці. Менавіта, у такім разрэзе належыць разумець уплыў Люблінскай уніі на беларуска-польскае памежжа – як патэнцыяльную здольнасць кансалідаваць узаемаразуменне і нейтралізаваць адчужанасць. Таму належыць асцерагацца міфалагізацыі Люблінскай уніі, як і яе апалагетызацыі – варта ўвагі толькі яе прагматызацыя, здольная выявіць і паставіць у парадак дня ўзважаны гістарычны падыход як адзін з механізмаў замацавання добрасуседства.

Заклучаючы ацэнку традыцый Люблінскай уніі ў кантэксце сучаснасці, рэзонна сцвердзіць, што яны дазваляюць выяўляць механізмы ўзаемадзеяння, найбольш прыдатныя пры наладжванні добрасуседства, заснаваныя не на дэкларацыях, а на канструктыўным дыялозе і прагматычным узаемадзеянні ва ўсемагчымых формах, вызначаць эфектыўныя рашэнні для міждзяржаўных адносін і добрасуседства, выбудоўваць доўгатэрміновыя перспектывы яго развіцця. Значыць, гістарычная памяць і вопыт здольныя стаць сапраўдным апірышчам цяперашняга практычнага супрацоўніцтва.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ЭПОХИ ЯГЕЛЛОНОВ В ОЦЕНКАХ ПОЛЬСКОЙ И СОВЕТСКОЙ МЕЖВОЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Н. Н. Мезга

*Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины
ул. Советская, 104, 246019, г. Гомель, Беларусь, nmezga@gsu.by*

После восстановления независимости Польши в 1918 г. часть ее политической элиты обратилась к ягеллонскому историческому наследию. Эти идеи оказали существенное влияние на восточную политику Польши в период польско-советской войны 1919–1920 гг. и стали предметом изучения как польской, так советской историографии. В польской историографии в оценке влияния исторического наследия Ягеллонов на политику страны сложилось два, во многом противоположных, направления, оценки которых базировались прежде всего на политических симпатиях и антипатиях. В советской историографии возвращение части политиков Польши к ягеллонской идее однозначно трактовалось как стремление обосновать экспансию своей страны на восток.

Ключевые слова: польская историография; советская историография; наследие Ягеллонов; Польша; Советская Россия; восточная граница Польши; федералистская концепция.

THE POLITICAL HERITAGE OF THE JAGIELLONIAN ERA IN POLISH AND SOVIET INTERWAR HISTORIOGRAPHY ESTIMATES

N. N. Miazga

Francisk Skorina Gomel state University, Sovetskaya str., 104, 246019, Gomel, Belarus

After the restoration of Poland's independence in 1918, part of its political elite turned to the Jagiellonian historical heritage. These ideas had a significant impact on the Eastern policy of Poland during the Polish-Soviet war of 1919-1920 and became the subject of study of both Polish and Soviet historiography. In Polish historiography in an estimation of Jagiellons historical heritage influence on a policy of the country there were two, in many respects opposite, directions which estimations were based first of all on political sympathies and antipathies. In Soviet historiography, the return of some Polish politicians to the Jagiellonian idea was unambiguously interpreted as a desire to justify the expansion of their country to the East.

Key words: Polish historiography; Soviet historiography; Jagiellonian heritage; Poland; Soviet Russia; Eastern border of Poland; federalist concept.

После восстановления независимости Польши формирование ее внешнеполитической доктрины ощутило на себе влияние и исторической традиции, связанной с польско-литовскими униями, правлением Ягеллонов. Во многом под влиянием указанной традиции шло формирование взглядов польской политической элиты на формирования границ возрожденного польского государства. Этот вопрос стал той научной проблемой, которая в решающей степени определила направления, восточное и западное, в польской межвоенной историографии советско-польских отношений. В условиях парламентской республики политическим преобладанием пользовались польские правые партии, и более влиятельным было западное направление историографии, отражавшее их политические позиции. Такие авторы как В. Собеский, В. Конопчинский, К. Тыменецкий, З. Войцеховский стремились в своих исследованиях отстоять политические позиции эндеции и главную угрозу для Польши видели с запада, со стороны Германии. Они считали, что возродившаяся Польша должна опираться на политические традиции Пястов, указывали на славянский характер территорий Силезии и Поморья, которые после Первой мировой войны остались под германским господством. После майского переворота быстро укрепляло свои позиции восточное

направление польской историографии, отражавшее политические позиции пилсудчиков. На VI Общепольском съезде историков в 1935 г. большой популярностью пользовалась «ягеллонская идея» как обоснование претензий Польши на литовские и белорусские земли, что можно связать с обострением польско-советских отношений в то время [1, с. 432–435]. В качестве главной темы исследования была определена история Литвы и Кривской унии. Еще в 1930 г. был создан специальный научный институт исследования Восточной Европы, руководителем которого стал О. Гурка [2, с. 54, 58].

Представители восточного направления в польской историографии О. Халецкий, В. Каменецкий подчеркивали величие Польши в эпоху Ягеллонов, что рассматривалось как важный аргумент в поддержку федералистской концепции. В ягеллонской идее они искали традиции, которые должны были обосновать великодержавные амбиции возродившегося польского государства на востоке, указывали на добровольный характер польско-литовской унии, видели в ней реализацию цивилизаторской миссии Польши [3, с. 90–91]. Чтобы обосновать концепцию федерации, польская историческая наука обращалась к эпохе польско-литовских уний. Л. Коланковский проводил в своем исследовании идею, что именно объединение Польши с Литвой делает Польшу великой державой [4, с. 97]. Необходимость создания федерации как средства обеспечить великодержавный статус Польши доказывал О. Бальзер, издавший в 1919 г. работу, посвященную истории польско-литовской унии. Он отмечал, что в польских политических кругах в тот момент сложилось два подхода в политике относительно Литвы. При этом под Литвой данный автор подразумевал все земли бывшего ВКЛ. Первый подход предполагал предоставление Литве определенной государственной самостоятельности. В этом случае намечалось объединение Польши и Литвы «на основе дуалистического устройства». Второй вариант стремился к «тесному органическому объединению двух государств в единое целостное государство». Сделав исторический экскурс в период существования польско-литовской унии, указанный автор приходит к выводу, что и в момент восстановления независимости Польши уния должна быть положена в основу ее отношений с Литвой [5, с. 1, 24]. С. Козицкий так изложил цели польской политики на востоке: образование этнографической Литвы в государственной унии с Польшей; передача Польше западной части Беларуси, преимущественно католической, со значительной долей польского населения, такого разграничения на Украине, которое дало бы Польше Западную Волынь и два уезда Подолья [6, с. 131].

Авторы вышедшего в 1935 г. официального издания указывали, что целью федералистской политики маршала было отодвинуть как можно дальше от польских границ российский большевизм, который угрожал революционной войной. Для этого он хотел собрать «в границах Речи Посполитой три братских народа: поляков, русинов и литвинов, восстановить и укрепить старую и светлую традицию Люблинской унии». Реализация этого плана позволяла возродить Речь Посполитую в границах накануне разделов [7, с. 107]. По мнению С. Кутшебы, идея федерации основывалась на том, что этнические литовские и белорусские земли были пропитаны польской культурой, насыщены польской традицией и потому тяготели к Польше. Народы, проживающие на этих землях, могли образовать свое государство в границах ВКЛ, которое должно было вступить в унию с Польшей. Тем самым, как полагал С. Кутшеба, Польша была бы отделена от России сильным государством. Наиболее слабой стороной этой концепции он считал то, что литовцы про федерацию и слышать ничего ни хотели. Против идеи унии выступало польское население в Литве, особенно в Вильно, желавшее непосредственного присоединения к Польше. [8, с. 164–165]. А. Пшибыльский отмечал, что Польша не могла равнодушно относиться к судьбе территорий к

востоку от Буга, так как это было «равносильно отказу от всяких широких претензий в области развития Польши и угрожало бы самому ее существованию». Россию необходимо было отбросить как можно дальше на восток, чтобы обеспечить безопасность Польши [9, с. 100].

Еще один аргумент, который приводят польские исследователи для обоснования продвижения на белорусские, литовские и украинские земли, – тезис об освободительной и цивилизаторской миссии Польши. К. Олендский, например, говорит в своих работах о стремлении Польши принести на «восточные креслы» политические и гражданские свободы, избавить их население от голода. Преимущество выбора соседей в пользу объединения с Польшей, по его мнению, заключается в том, что «лучше идти с просвещенным Западом, чем варварским востоком, который ... с идеей коммунизма учинил смесь крови, позора и угнетения» [10, s. 10, 8]. В одном из официальных польских изданий, вышедших в 1935 г., в этой связи было сказано: «Польша заслонила Европу перед нашествием восточного варварства..., гений вождя и мужество польского солдата выполнили вековую историческую миссию, которой на протяжении веков Польша была верна» [7, s. 108]. Включение этнически непольских территорий в состав польского государства С. Козицкий обосновывал обязанностью Польши выполнить на этих землях цивилизаторскую миссию [6, s. 120].

Среди польских исследователей существовала точка зрения, что политика Польши по отношению к белорусским и украинским землям после подписания Рижского мира определялась, кроме прочего, и «ягеллонской идеей» [11, s. 54–55]. Так, Т. Голувко считал создание независимых Беларуси и Украины лучшим способом обеспечить безопасность Польши со стороны СССР. При этом имелось в виду, что они будут созданы за счет БССР и УССР, а Западная Беларусь и Западная Украина останутся в составе Польши. Задачу польского государства он видел в том, чтобы завоевать симпатии населения данных территорий. Для этого он предлагал проводить обучающие семинары для украинцев и белорусов, чтобы знакомить их с языком и культурой Польши, ввести национальные языки для польских школ в восточных воеводствах. Он утверждал, что среди белорусов заметно движение по пути национальной ассимиляции. Но он считал такую политику ошибочной и ратовал за государственную ассимиляцию [12, 164]. А. Бохеньский в свою очередь говорил о возможности решения проблемы Западной Беларуси и Западной Украины через образование независимых белорусского и украинского государств. По его мнению, такой вариант развития событий являлся благоприятным для развития польско-советских отношений, так как в этом случае исчезнет общая граница между Польшей и СССР, и исчезнет основная причина конфликтов между этими странами [13, s. 71]. По мнению польских авторов, важнейшим пунктом на пути реализации ягеллонской идеи следует считать киевский поход Ю. Пилсудского. Несмотря на его неудачу, ягеллонская идея продолжала присутствовать в польской политике. Важность реализации этой идеи для Польши заключалась в том, что деление России на национальные государства есть лучший способ обороны против нее [14, s. 7, 12].

В советской исторической науке изучение ягеллонского наследия в политике Польши после восстановления независимости опиралось на положения, изложенные В. И. Лениным. Польскую экспансию в сторону Литвы, Беларуси и Украины, по его словам, толкала «старая вековая борьба Польши, которая в свое время была великим государством, и которая теперь противостоит великому государству – России» [15, с.18, 19]. С середины 1920-х годов, наряду с классовым аспектом, советская историография при определении причин территориальной экспансии Польши оправданно начинает большее внимание уделять проблеме польско-русской борьбы за господство в Восточной Европе. Н. Е. Ка-

курин и В. А. Мельников в своей работе на первый план ставят стремление Ю. Пилсудского ослабить Россию, не важно, советскую, или несоветскую, которая стояла на пути создания могущественной Польши. Для этого следовало оторвать от России ее западные окраины и образовать с ними федерацию, в которой военным гегемоном являлась бы Польша [16, с. 6–8].

Советская историография, стремясь обосновать включение Западной Беларуси и Западной Украины в состав СССР, приводила контраргументы, которые должны были разрушить ягеллонскую концепцию польской историографии. В. И. Пичета писал в связи с этим, что «Западная Украина... и Западная Белоруссия... – это исконно русские земли, входившие в «империю Рюриковичей». В этническом отношении их население составляло единое целое с прочими восточнославянскими племенами». Он считал, что 70 % населения Западной Украины – украинцы, а в Западной Беларуси поляков насчитывается только 2,5–5 % [17, с. 3, 126]. В другой статье В. И. Пичета сначала делал исторический экскурс, начиная с эпохи Галицко-Волынского княжества и Великого княжества Литовского, и показывал, что на протяжении всей своей истории украинский и белорусский народы боролись против «экспансии польских панов». После окончания Первой мировой войны «англо-французские империалисты создали панскую Польшу как форпост борьбы против молодой Советской России», и в результате предпринятого «польскими панами» при поддержке Антанты похода против Советской России им удалось захватить Западную Беларусь и Западную Украину. Далее автор подвергал резкой критике политику Польши на западнобелорусских и западноукраинских землях, которые «для польских панов ... были не чем иным, как колониями» [18, с. 94, 95]. Д. Мин стремится доказать в своей работе, что Западная Украина – это «исконно русская земля», которая со времен Киевской Руси вела борьбу против польской агрессии [19, с. 4–5]. При исследовании этого процесса советская историография, как справедливо отмечает в своих работах Л. О. Зашкильняк, исходила из утвердившейся в конце 1930-х годов сталинской концепции истории СССР как собирания земель вокруг исторической России [2, с. 103].

В исследованиях советских авторов межвоенного времени широкое распространение получила концепция о стремлении Польши восстановить границы, которые Речь Посполитая имела накануне разделов, т. е. вернуться к границам, полученным в результате Люблинской унии. М. П. Павлович писал о желании Польши захватить украинские и белорусские территории, и навязать Советской России и Советской Украине границы 1772 г. [20, с. 4, 5]. В 1930-е годы в советской историографии продолжает развиваться концепция о стремлении Польши вернуться к границам 1772 г. Я. Иоффе в своих исследованиях говорил о желании «польской буржуазии» создать «великую Польшу от моря до моря» с включением в ее состав «Литвы, Белоруссии и всей Правобережной Украины» [21, с. 146, 152]. А. Врублевский увидел в политике современной ему Польши попытку реализовать ягеллонскую идею на новом этапе. Он писал, что в основе польской восточной политики лежало стремление Пилсудского к воссозданию Ягеллонской Польши, с чем связан захват Виленщины и поход на Киев [22, с. 200–201].

Таким образом, польская и советская историографии, обратившись к изучению восточной политики Польши после восстановления ее независимости в 1918 г., сделали обоснованный вывод о том, что на нее оказала влияние ягеллонская историческая традиция, наследие уний между Польшей и ВКЛ. Обращение к этой проблематике было вызвано политическими причинами. Они же в решающей степени определили и содержание положений, разработанных историками Польши и советского государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Шустер, А.В. Германо-фашистские тенденции в современной польской историографии / А.В. Шустер, М.В. Джервис // Против фашистской фальсификации истории : сб. статей / Ред. коллегия Е.В. Тарле [и др.]. – М. : Издательство ЦК МОРП, 1939. – С. 410–445.
2. Зашкильняк, Л.А. Формирование и развитие исторической науки в Польше / Л.А. Зашкильняк. – Львов : ЛГУ, 1986. – 82 с.
3. Мезга, Н.Н. Между наукой и политикой: советско-польские отношения в историографии России и Польши 1918–1941 годов / Н. Н. Мезга. – Гомель : УО «ГГУ им. Ф. Скорины», 2014. – 236 с.
4. Kolankowski, L. Historia i polityka / L. Kolankowski. – Lwów : Gubrynowicz i syn, 1936. – 374 s.
5. Balzer, O. Tradycja dziejowa unii polsko-litewskiej / O. Balzer. – Lwów – Warszawa : Nakładem księgarni Gubrunowicza i syna, 1919 – 24 s.
6. Kozicki, S. Sprawa granic Polski na konferencji pokojowej w Paryżu / S. Kozicki. – Warszawa : Przyński, Niklewicz i Spółka, 1921. – 176 s.
7. Józef Piłsudski, 1867–1935. – Warszawa : «Spółka wydawnicza Kurjer S. A.», 1934. – 188 s.
8. Kutrzeba, S. Polska odrodzona 1914–1921 / S. Kutrzeba. – Kraków : Gebethner i Wolff, 1921. – 230 s.
9. Пшибыльский, А. Войны польского империализма 1918–1921 / А. Пшибыльский. – М. : Государственное военное издание, 1931. – 255 с.
10. Olędzki, K. Kresy wschodnie a Polska / K. Olędzki. – Warszawa : Druk. Z. Świętónskiego, 1919. – 16 s.
11. Gawroński, J. Zagadnienie czarnomorski / J. Gawroński. – Warszawa : Główna drukarnia wojskowa, 1931. – 57 s.
12. Chojnovski, A. Koncepcje polityki narodowościowej rządów polskich w latach 1921–1939 / A. Chojnovski. – Wrocław – Warszawa – Gdańsk : Wyd. Polskiej Akademii Nauk, 1979. – 262 s., s. 82–83.
13. Bocheński, A. Między Niemcami a Rosja / A. Bocheński. – Warszawa : Księgarnia F. Hoeseik, 1937. – 185 s.
14. Wączkowski, W. Prometeizm Polski / W. Wączkowski. – Warszawa : Biblioteka polska, 1937. – 18 s.
15. Ленин, В.И. Наше внешнее и внутреннее положение и задачи партии. Речь на Московской губернской конференции РКП(б) 21 ноября 1920 года / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. : в 55 т. – М. : Издат. полит. литерат., 1981. – Т. 42. – С. 17–38.
16. Какурин, Н.Е. Война с белополяками 1920 г. / Н.Е. Какурин, В.А. Мельников. – М. : Государственное военное издательство, 1925. – 520 с.
17. Пичета, В. Основные моменты развития Западной Украины и Западной Белоруссии / В. Пичета. – М. – Л. : Гос. соц.-эконом. издат., 1940. – 136 с.
18. Пичета, В. Основные моменты в исторических судьбах народов Западной Украины и Западной Беларуси / В. Пичета // Историк-марксист. – 1939. – № 5–6 (75–76). – С. 67–98.
19. Мин, Д. Западная Украина / Д. Мин. – М. : Госполитиздат., 1939. – 48 с.
20. Павлович, М. Война с польскими панями (Польско-шляхетская авантюра) / М. Павлович. – М. : Типография III Интернационала, 1920. – 32 с.
21. Иоффе, Я. Организация интервенции и блокады советской республики 1918–1920. Очерк / Я. Иоффе. – М. – Л. : Гос. издат. Отдел воен. лит., 1930. – 167 с.
22. Врублевский, А. Польша / А. Врублевский. – М. : Гос. социально-экономическое издательство, 1936. – 212 с.

Научное издание

**БЕЛАРУСЬ
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**

**БЕЛАРУСЬ
У СУЧАСНЫМ СВЕЦЕ**

**Материалы XVIII Международной научной конференции,
посвященной 98-летию образования
Белорусского государственного университета**

Минск, 30 октября 2019 г.

На русском и белорусском языках

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *И. А. Ситник*

Подписано в печать 23.12.2018. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 42,83. Уч.-изд. л. 46,50.
Тираж экз. Заказ

Белорусский государственный университет.
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/270 от 03.04.2014.
Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.